

Вступление

Где-то далеко была планета, на поверхности которой билось настоящее Сердце. Вокруг него рождалось множество существ, красивых и свободных, игравших на лугах и танцевавших в лесах. Сердце творило чудеса, и никто ни в чем не нуждался. И вот, среди этих существ появились люди. Сначала они жили беззаботно и счастливо, но потом испугались, что с Сердцем может что-то случиться и построили вокруг него забор. Потом повыше, потом еще выше, и в итоге возвели вокруг Сердца огромную стену и город.

Шло время, город рос, а люди стали бороться за друг с другом, за право лучше защищать Сердце. Одна власть сменяла другую, затем третью, люди воевали, строили себе в помощь кукол, которые оживали и помогали укреплять город, а вместе с ними все более сложные механизмы. И вот настал тот день, когда чудеса перестали происходить. Куклы и механизмы больше не оживали сами, и люди стали откалывать куски Сердца, чтобы оживлять их. Город продолжил расти.

Время продолжило свой ход, а Сердце стало увядать. Его осколков уже не хватало, чтобы оживлять существ, крупных осталось всего несколько штук. Город стал невероятной громадой посреди пустыни, в которую превратились когда-то цветущие равнины. Сердце теперь могло лишь качать черный дым, наполняя его своим дыханием. Этим дымом заправлялись темные создания, чьиими руками, люди вели войну. Ведь они все еще воевали друг с другом за право называться лучшим охранником Сердца. Тут и начинается наша история.

Глава 1

Кисть цвета апельсиновой корки окрасила южные вершины дворца Узурпатора и, торопясь, побежала вниз, в жилые кварталы, где на шпилях ещё покоилась исчезающая прохлада ночного тумана. Отражаясь в открытых окнах и заполняя арочные своды, она перепрыгивала с вывесок на жестяные трубы и флаги большого рынка. Будто пробуя на вкус другие цвета и оттенки, она преломилась в мозаиках Старого Квартала и наконец добралась до задних дворов нижнего яруса, редкими каплями упав на лежавший в переулке Слепых труп.

— Почему именно мы должны убирать мертвецов? — нахмурился толстый стражник. — Сегодня же не наша очередь.

Его высокий и худощавый коллега не подал виду, что услышал товарища. Он продолжал изучать листок из рук мертвеца и пробормотал себе под нос:

— Это же страница из запрещённой книги...

— Из книги? — удивлённо произнёс толстяк, поднимаясь на носках, чтобы заглянуть в руки своего длинного коллеги.

— Зелье обращения воли, — прочитал длинный стражник.

— Да здесь же написано непонятными еретическими закорючками.

— Болван, тут перевод карандашом на полях.

— Ой не нравится мне это, Ручи, — закрыл глаза толстяк, — не приведи Сердце кто-то узнает, что ты эту дрянь в руках держал.

— Поэтому и надо от него скорее избавиться, — кивнул длинный, — бери за ноги, Блоп, понесли к каналу.

Опережая стражников, редкие капли света добрались до когда-то красной двери на углу канала и переулка Слепых и упали в комнату, больше напоминающую склад механика. Луч окрасил парящие над старой деревянной кроватью пылинки, отпрыгнул от медной трубы и приземлился в забрало куклы, висевшей на старом крюке у двери. Мерцанием пробежался по вешалкам и пряжкам рабочих поясов, окрасив стальные пружины. Ненадолго заблудился в нескольких стеклянных колбах и оказался прямо в глазу магистра — младшего техника Вульфи.

Галахад Вульфи, слывший легендой среди всего магистрата, сел на кровати. Широко зевнув беззубым ртом, он провёл рукой по лысине, протянувшейся от большого морщинистого лба к макушке, обрамлённой седым частоколом волос. Полуприкрытые тяжёлыми веками глаза окинули комнату и поймали своё отражение в пузатой колбе, разбухшей на столе. Магистр тут же скорчил себе рожу.

— Допфое утфо! — прошамкал он и бросил взгляд на куклу, висящую на стене, но она ничего не ответила.

Галахад решительно стряхнул вновь накотившую дрёму, разогнав застывшую было пыль, крикнул и соскочил с кровати на дощатый пол. Потом несколько раз присел и потянул мышцы рук и ног, протяжно зевнув.

За окном зашумело, зашелестело и пахнуло специями, а Вульфи уже хлопнул дверью и скрипел ступенями, спускаясь на первый этаж по хилой деревянной лестнице, прогибавшейся даже под его стариковским весом. В маленькой ванной застучала о металлическое корыто вода. «Хмм. Скажи мне, дорогой магистр Вульфи, сколько-сколько голов отрубил Самариус?» — спросил он ехидным голосом, поправляя с трудом вставленную челюсть и направляясь на кухню. «Две тысячи сорок две... Я ещё раз могу тебе повторить. Две тысячи сорок две», — мрачно ответил он себе печальным тоном, ставя на плиту вчерашнюю кашу. «Напомни, сколько там среди них было младших техников?» — снова уточнил ехидный голос, включая газовую грелку, мгновенно раскалившую чугунную кастрюлю. «Ни одного», — грустно констатировал печальный, зачерпывая кашу и наливая её в тарелку. «А старших техников?» — «Пять». — «А управляющих?» — «Двенадцать». — «А мастеров?»

— Хочу спать, — вставил магистр неожиданно, усаживаясь за металлический стол.

«Не перебивай!» — разозлился ехидный, зачерпывая кашу. «Семьдесят один», — продолжил грустный, дуя на ложку. «Да у вас, дорогой Галахад, врождённые способности к счёту и отличная память на мертвецов!» — рассмеялся магистр и засунул ложку в рот.

Почувствовав приступ тошноты, он зажмурился, сделал над собой усилие и заставил себя проглотить кашу. Вынув ложку изо рта, он поморщился, положил её на край тарелки и продолжил спор.

«Да, мне хорошо и так. Врождённые способности, хорошее положение, уважение, почёт». — «Как и у Альфи». — «Альфи бы никогда не позволил себе гнить в этой дыре». — «Вот Альфи-то как раз и не повезло, а тебе повезло». — «Он жив, а ты нет». — «Нет, это ты жив, а он нет». — «А это жизнь?» — «А что, по-твоему, жизнь?»

— А не пора бы вам всем заткнуться! — рассерженно стукнул ложкой магистр и опустил глаза на треснувшую тарелку.

Редкий в этих краях утренний свет уже безвозвратно удалился по своим делам, и на маленьких набережных канала снова сгущался сумрак; только где-то наверху сушился вместе с бельём на раскинутых паутиной верёвках и электрических проводах далёкий отсвет палящего на верхних ярусах солнца. Влекомые безнаказанностью полутьмы, из узкого переулочка Слепых показались двое городских стражников и потащили мимо соревнующихся в незаметности

дверей безжизненное тело. Они остановились возле груды мусора, перевели дух — и неуклюже спихнули в воду свою ношу, перевалив её через маленькую ступеньку, отделявшую каменную мостовую от бегущего потока.

Тот, что повыше, присел на корточки, опёрся на ружье, выругался и, обращаясь к тёмной воде, произнёс:

— Тяжёлый, зараза.

— Иногда мне кажется, что мы с тобой жуки, ну те, что... дерьмо собирают, — ответил тот, что потолще, разглядывая верхние этажи, обнажившие свои канализационные трубы, которые, нависая и пытаясь вентилими, грозились придавить собой набережную. Высокий сплюнул в тёмную воду.

— Дурак, они строят из него дом, а наше дело — избавляться.

— Одни луны знают, чем кончается этот сток, поэтому мы вполне может укреплять своими действиями фундамент рынка, — парировал довольный собой толстяк.

— Ты идиот, Блоп.

— Нет, дорогой Ручи, я романтик, — он разглядывал свою каску, надетую на руку, и, надув пухлые губы, вдохновенно продолжал. — Мне хочется всю нашу... обыденную жизнь... хоть немного превратить в праздник. Что я и делаю по мере сил.

С противоположной стороны мусорной кучи, в опилках у дома резчика, раздался булькающий звук и стук удаляющихся деревянных башмаков. Высокий стражник, повинувшись инстинкту, резко встал и пригляделся. Толстяк выглянул из-за его спины:

— Живой?

— Да нет, — раздражённо дёрнул плечом высокий, — это рыбак. Только пятки сверкают. Я знаю его жену, она торгует здесь на базаре всяким скарбом с верхних ярусов.

— «Улов с верхов»... Теперь понятно, откуда она его берёт.

Он подошёл к старому холщовому мешку на другой стороне кучи и приподнял его.

— Смотри.

Под ним был мятый серебряный кувшин.

— Довольно старый, — глаза тут же возникшего рядом толстяка заблестели.

— Да, но, если не отнесём кузнецу, дадут только на вес, — отрешённо ответил высокий, всё ещё вглядываясь в переулочек, где исчезла тень рыбака, и после паузы подытожил: — Надо бы потолковать с этим малым.

— Зачем? — удивился Блоп.

Ручи посмотрел на толстяка с презрением и жалостью.

— Как ты там назвал себя? Романтик? Нет, Блоп, ты просто дурак.

И с этими словами высокий подцепил на ствол ружья тонкую ручку кувшина и двинулся в переулочек.

— Почему же дурак? Руч, я тебя не понимаю. Постой!

Толстый поспешил за ним, и долго ещё было слышно эхо их спора, потонувшего в шуме рынка и завывании труб. К нему чутко прислушивалась, подрагивая усиками, с трудом выползшая на мостовую мышь, скрывавшаяся всё это время в дырявом сапоге рядом с мусорной кучей.

Мимо проплыли заблудившиеся складки тумана и прятанный в них кораблик, сложенный из долговых обязательств матери двоих детей, чей дом был выше по течению.

Тогда-то красная дверь на углу набережной и переулочка Слепых отворилась и закричала, заспорив с завываниями протяжного мужского баритона, забредшего сюда откуда-то с верхних этажей общежития магистрата, поднимавшихся до самых верхних ярусов. И мало кто в магистрате помнил, что его питавшиеся влагой корни были здесь, в полусонной тьме канала.

Крякнула редкая в этих краях птица, и магистр младший техник Галахад Вульфи, в длинном сером дождевом плаще с капюшоном и с холщовым рюкзаком за спиной, с трудом вылез из забитого запчастями помещения, где он проживал, и аккуратно прикрыл за собой

дверь. «Темно, сыро и противно, и ты забыл мазь для коленок», – забурчал он себе под нос. «Отстань, лучше найди мне ключ от замка», — устало попросил ехидный голос в его голове.

Похлопав, словно расправляющая широкие крылья птица, себя по карманам, он принялся снимать рюкзак. Оступившись на маленькой лестнице, он ударил о дверь торчавшей из рюкзака деревянной головой куклы с металлическим забралом. Добравшись до бокового кармана, он извлёк крепкий, с секретом, замок и повесил его на дверь.

Из-за угла, закружив и напугав старика, с трескотнёй, шелестом и скрипом вечно несмазанных пропеллеров пронеслись посыльные со свежей выпечкой, весело перелетели через деревянный мостик, перекинутый на противоположную сторону набережной, и исчезли за поворотом канала.

Вульфи выдохнул, проводив их полным сочувствия и раздражения взглядом.

— И какой идиот пускает их через канал...

Очередной пассаж скрипучего внутреннего голоса прервала капля, упавшая магистру на кончик носа, еле-еле торчащий из-под капюшона. Магистр посмотрел на сырые трубы второго этажа, свисавшие над головой, — от них пахло болотом и мхом. Вульфи утёр нос рукавом, мысленно пожелав крепкого здоровья канализационной службе магистрата. От трубы отделилась другая капля воды и упала в тёмную лужу, куда тут же наступила нога Галахада: он заспешил мимо мусорной кучи по набережной в сторону сектора погрузки, в такт баритону продолжавшему томно выть где-то в вышине.

Галахад был в том преклонном возрасте, когда живость тела ещё не покинула его, но уже заставляла предельно аккуратно относиться к нагрузкам. Гладкие камни брусчатки, будто выловленные на берегу моря, всё так же звонко пели свои простые ритмы под деревянными подошвами магистра Вульфи, как и много лет назад. Однако он всё же подобрал длинную палку у дома резчика, пусть это и напоминало ему о возрасте. С ней Галахад без труда, как нежно шептал его внутренний голос, даже с закрытыми глазами и ни разу не поскользнувшись, мог пройти набережную туда и обратно.

Скользя под мостами и арками, Вульфи прислушивался к шуму рынка. Посторонний бы и не заметил, но что-то отличалось в привычном хрустящем кипятке человеческих голосов, наперебой ругающихся из-за тысяч наиважнейших мелочей. К привычной какофонии добавился какой-то звенящий привкус, почти неразличимый в этой монструозной опере, лишь отзвуками добиравшейся до задворков канала. Нырнув под Паровой мост, Галахад увидел группу стражников, поднимавшихся по грязной от копоты лестнице со стороны пешеходной зоны, где и застыл магистр. «Проклятые культы, почему мы должны делать за них всю грязную работу? А, капитан? Я не подписывался на это», — зашипел чей-то ломающийся визгливый голос. «Молчи, сопляк, и следи за своим языком, усёк?» — ответил ему грубый бас.

Каждое утро в канал выкидывали трупы тех, кто не пережил эту ночь. Но обычно этим занимались сами жители. Магистр смекнул, что за напряжение стояло в воздухе: шла подготовка к очередному празднику. Свист и грохот паровоза заглушил голоса стражников, и Вульфи, осторожно выглянув и убедившись, что они ушли, поспешил дальше по каналу к уже видневшейся за шлюзом цели.

В лучах тусклого света, проникавших сюда из Старого квартала, многократно переотражённых в витражах и мозаиках и приобретших все возможные оттенки от изумрудного до пурпурного, игрались две маленькие птицы. Вульфи распознал в них совок — городских приживал, во множестве ютившихся в городе. Они перекидывали друг другу кусок хлеба, выполняя какой-то свой птичий обряд, потому что одна вдруг начинала гоняться за другой, но потом вторая с лёгкостью отдавала ей добычу и, наоборот, сама гонялась за первой. Они кружили между полуразрушенных металлических свай Верхних врат — так назывались тянувшиеся вверх лестничные пролёты вокруг шахты лифта, что вела от канала на верхний ярус.

Лифт был построен ещё в эпоху второго ренессанса, в самом конце набережной, где канал уходил под здания, низвергаясь в гигантскую ржавую трубу, вросшую глубоко в Большую

стену. Цветные лучи освещали всё грандиозное величие этого памятника человеческой мысли вместе с очевидным бессилием его сохранить; они смешивались друг с другом, переливались и давали воде и металлу в последний раз насладиться светом, прежде чем навсегда исчезнуть в неумолимой тьме трубы.

Птицы и лучи так увлекли магистра, что он чуть не угодил в лифтовую шахту. Вульфи успел схватиться за край проёма, но палка улетела вниз, застучав по невидимым препятствиям в темноте.

— Вот так, старый дурак с закрытыми глазами... — сказал он вслух притихшему внутреннему голосу.

Шахта опускалась до технических этажей и поднималась до площадки Сектора 77, где находилась малая обсерватория университета Амун. Её обнимала прогнившая и грустно свисавшая, словно лапша, металлическая лестница. При известном желании, ею можно было воспользоваться, но не здесь, внизу, где ступени давно поддались времени. Когда-то сюда ходил настоящий электрический лифт, но он, как и всё почти, что было сделано во времена второго ренессанса, вышел из строя и его быстро растащили на металлолом. Остались только цепи, давно проржавевшие и ненадёжные, но всё ещё годившиеся, чтобы перенести одного старого магистра.

Вульфи знал, что двигатель наверху всё ещё работает. Он подёргал большую цепь, она отозвалась звенящим эхо. Старик поставил ногу в одно из звеньев, просунул руку по локоть в другое звено, а свободной рукой нащупал маленькую цепочку рядом и дёрнул за неё. Далеко вверх что-то грохнуло, и встревоженные совки, прекратившие свою игру, захлопали крыльями и запищали. Затем грохнуло внизу, подняв скопившуюся вокруг сердечную пыль, и одна из птиц рванулась к свету, в Старый квартал, а большая цепь дёрнулась и поползла вверх, унося с собой магистра. Краем глаза он увидел в темноте большой трубы какое-то движение, в следующую секунду от неё отделилась тень, и замешкавшаяся птица исчезла в поглотившей её темноте. По спине магистра прошёл холодок. Сердце заколотилось:

— Это старость. Старость. Тебе показалось.

«Да не показалось вовсе, — заверещали наперебой голоса в голове магистра. — Не надо думать об этом. В конце концов труба тоже должна что-то есть».

Полный неразборчивой тревоги, он крепче обхватил цепь, медленно поднимавшую его этаж за этажом. «На что только не приходится идти! И они хотят, чтобы ты пёрся 52 пролета на этих древних ногах?» — сменил тему беспокойства голос. «Могли бы хоть поселить тебя в пустующей обсерватории, подальше от этих ужасов», — поддакивал другой. «Тогда будет слишком близко к месту, где работал Альфред, дурной знак». «Ботинки скоро развалятся, и не в чем будет ходить», — ворчал третий. «Ты разобьёшься», — вновь поднимал голову мрачный.

Но все они вмиг замолчали, когда показались первые крыши домов и за ними стал проглядываться сверкающий, почти белый в ещё не привыкших к свету глазах город. Флаги и статуи, сверкающие дворцы и храмы, кружащая голову архитектура избытка, тонкое искусство лучших мастеров, призванное поражать воображение. Снующие между колонн, мостов и зданий летающие корабли на сердечной тяге, воздушные шары и дирижабли с хвостами разноцветных лент. С каждым этажом панорама открывалась всё шире, и Вульфи уже не мог оторвать глаз, словно впервые видел перед собой эту картину.

Шахта поднималась на средний ярус, где жил цвет города — зажиточные торговцы, аристократия и дальние родственники правящих домов. Дети вечного солнца, не знавшие темноты нижнего яруса. Цепь поднимала его мимо плывущих в воздухе гондол и прогулочных кораблей, между которых парили стайки аэроскутеров. На огромных баржах перемещались увеселительные заведения, а порой и небольшие здания на подушках гравитационного захвата. Вместе с крышами Старого квартала и раскинувшимися на них диковинными садами они образовывали целый район, окружавший нижние западные ворота дворца Узурпатора. По нему гуляли люди, одетые по последней моде, такие счастливые, смеющиеся, красивые, всё в этой жизни познавшие и не имеющие, не ищущие проблем. Такие... другие.

В воздухе стояли сводящие с ума запахи цветов, а слух ласкало пение птиц всех мастей и расцветок. Магистр даже перестал замечать грубые металлические конструкции старой шахты лифта, отделявшие его от этого удивительного мира.

На сады и мосты, по которым неторопливо прогуливались люди, напозла тень. Вульфи вскинул голову так, что капюшон сполз назад, и под раздавшиися возгласы увидел, как в сторону дворца пролетел огромный дымящийся чёрный дракон — весь в вентелях, трубах и броне из окрашенного в чёрный цвет металла. Он сделал большой круг над застывшими в испуге и изумлении прохожими и, закрипев когтями о каменные плиты, приземлился на большую площадку на крыше бывшего здания парламента. Поймав равновесие, это удивительное и пугающее творение инженерной мысли застыло, изучая замершую толпу. Затем из труб повалил дым, глаза чудовища зажглись красным, осветив уплывающие во все стороны чёрные клубы, и существо выпрямилось, выставив вперёд грудь, откуда выехала вперёд и опустилась на каменную крышу раскладная металлическая лестница искусной работы. Люди вокруг приклонили колено.

В наступившей тишине из глубины дракона показалась фигура в тёмной броне. Шлема на голове Узурпатора не было, его каштановые локоны струились по плечам. Он спустился с лестницы, опираясь одной рукой на свой знаменитый меч, поднимавший полу его плаща из такой же, как броня, тёмной ткани, расшитой золотом. Он поднял руку в приветствии — и народ ахнул, а кто-то из особо впечатлительных пал ниц. Узурпатор опустил руку и направился к столику тонувшего в плюще кафе, располагавшегося на краю крыши. Говорят, он был красив, но Вульфи не мог достойно оценить правителя с такого расстояния, а ближе ему не доводилось его видеть.

Грохнули трубы, это поспел наконец корабль сопровождения, и из гондолы, вынырнувшей откуда-то из-за головы магистра, раздался голос тарабарщика, в рупор начавшего зачитывать все звания, титулы, заслуги правителя. Узурпатор снова поднял руку и тарабарщик, закашлявшись, замолчал. «Удивительное утро», — произнёс голос в голове. И Вульфи с ним согласился.

Когда наконец цепь подняла его на площадку Сектора 77, там уже пылало второе солнце, и Вульфи от неожиданности прикрыл глаза, попав в обнажающий свет обоих светил. Почувствовав, как тепло согревает его кости, он улыбнулся и нацепил солнцезащитные очки, всё это время болтавшиеся на шее. Цепь спешила выше, к лебёдке, и под Галахадом уже ползла вниз обзорная площадка. Магистр помедлил, но не стал прыгать, а быстрыми и привычными движениями спустился по цепи вниз и сошёл на выжженный до блеска металл, застучав по нему деревянной подошвой.

На площадке, окружавшей трехэтажное здание малой обсерватории с торчащим в никуда телескопом, было пусто. С неё открывался вид на весь город, и она служила перекрестком для мостов, соединявших вершины зданий среднего яруса и замки верхнего — они возвышались над городом, словно острова. Каждый из них был своеобразным архитектурным шедевром, принадлежавшим одному из великих домов, на протяжении многих веков соревновавшихся друг с другом в изяществе. Исполненные тончайшего искусства, они совершенно завораживали бывавших на такой высоте людей, невольно превращая их в знатоков и ценителей истинного великолепия. Здесь речь уже не шла об излишестве как таковом, это богатство стиля заходило за какую-то грань, перед которой хотелось преклоняться, и трудно было поверить, что всё это — творения человека. По крайней мере, это касалось тех четырёх замков, что можно было без труда рассмотреть с площадки. На севере — Ят, чуть ближе — Амун, на востоке — Бомбарда, а дальше на юг — Леватургоста. В центре города возвышался дворец Узурпатора, выглядевший старшим братом-гигантом на фоне всех этих замков. Большой каменный мост, возведённый между шпилями самых высоких зданий среднего яруса, вёл с площадки к замку Амун, где, помимо прочего, располагался университет, а также башня с часами Гильда — цель путешествия магистра Вульфи.

Блики обоих светил искрились на отполированном ветрами рисунке изгороди, окружавшем площадку по периметру. Рисунок повествовал классическую летопись города. Персонажи древности режущим светом мелькали в глазах редкого в этих краях зрителя, предостерегая его от падения в бескрайнее море черепичных и каменных крыш, в каньоны кварталов, спускавшихся всё ниже к невидимой земле — словно склоны гор, разделявших замки, бывшие их пиками. А засмотреться и ослепнуть от всей этой красоты было проще простого, поэтому магистр не сразу заметил долговязого мужчину в лёгком пальто и высоком кожаном цилиндре, напряжённо что-то высматривавшего в голубого цвета прибор городского обозрения.

— Мастер Перлеглоз. Не ожидал встретить вас здесь, — произнёс Вульфи, встав по правую руку от наблюдателя. От его слов Великий Мастер Магистрата Перлеглоз, глава дома Трокийя, подскочил и цилиндр на его голове зашатался, отчего ему пришлось схватить его обеими руками, чтобы тот не упал.

— Ох! Боже мой! Вулф! Вулф! Ты... луны тебя подери, мастер подкрасться! — пытаюсь придать цилиндру потерянное равновесие, прокряхтел мужчина, поворачиваясь к Вульфи всей своей белой задёргавшейся во все стороны бородой.

— Прошу прощения, Верховный Мастер, — склонил голову Галахад.

— Смотри у меня, шутник, — процедил Перлеглоз, разглаживая бороду. — Ты чего удумал мне кланяться? Ты видел, что творится со второй платформой? Ещё немного, и весь этот тысячелетний памятник, что б его, рухнет на твой дом под тяжестью этого безумного проекта Тайграда.

Он принялся расхаживать взад и вперед, не унимаясь:

— О луны! Я не понимаю, кого теперь слушают во дворце («Интересно, сколько ему лет?» — поинтересовался внутренний голос. «Наверное, помладше...» — предположил другой. «Но не сильно», — отозвался третий. «Как же он пережил “ночь”?» — заскрипел их мрачный коллега) и пусть они все лучше провалятся под землю, если архитектурное бюро выдаст разрешение на этот самоубийственный бред! — закончил Великий Мастер и указал на старый квартал.

Вульфи, быстро опомнившись, посмотрел в ту сторону, куда были направлены палец мастера и обзорный прибор. Вдали над крышами Старого квартала, поднимавшегося над рынком и его, Вулфи, каналом, виднелись строительные леса и корабли магистрата, подвозившие материалы на припаркованные возле лесов баржи. Но взволновал его странный дымок, тянувшийся спиральными завитками от большого рынка — на площади перед Колизеем возвели «позорище», и пришло время публичной порки перед праздником.

— Они собираются построить новый район на этой рухляди, — хмыкнул Верховный Мастер. — Знаешь, что он предложил, знаешь? Залить всё бетоном до основания! Ха! Ха!

Его борода, только что приведенная им в порядок, вновь взорвалась.

— Нет, ну что за безмозглые необразованные ублюдки! — возмущался Перлеглоз.

— Мне трудно давать оценку действиям высшего магистрата, это опасно для здоровья. Тем более, на это есть вы и ваша мудрость, — своевременно среагировал Вульфи, вновь склонив голову.

— Остришь, Вулф? — сощурил глаза Трокийя. — Опять вздумал мне кланяться. От твоего ехидства и этих формальных словечек меня передёргивает. Единственный! Единственный достойный человек отшучивается и прячется за казённым языком («Единственный достойный», — елеинно повторил голос). Смотри, вот повышу тебя до старшего, а того и гляди до мастера сектора, м? Куда ты денешься? Придётся отвечать своей головой, — Верховный Мастер склонил к нему сощуренные глаза: — Знаю. Мстишь мне за то, что я держу тебя в этом болоте?

— («Да!» — зло проговорил внутренний голос) Вы же знаете, что я... — начал было Вульфи, но Перлеглоз перебил его:

— Да знаю я, что ты скажешь. И будешь прав. Я похлопочу, похлопочу, обещаю, тебя переселят. Тем более скоро и хлопотать будет не надо, если эти умалишённые дети получат окончательный зелёный свет в сенате. Великое переселение народов случится само собой.

— Благодарю, — Вульфи ещё раз поклонился («Скорее всех сожгут», — хмыкнул в его голове ехидный голос).

— Не надо, не надо этого, — закатил глаза верховный мастер. — Сдались мне твои поклоны. Культистам кланяйся. Ты знаешь, что их до сих пор останавливает? Только то, что там находится старая храмовая библиотека этих фанатиков с их песнопениями, что до сих пор входят в свод чудес (Перлеглоз снова закатил глаза). А то, что весь этот район — сплошной памятник архитектуры? А то, что он ветхий, как мои ноги? («А то, что мне, кажется, припекло голову, — бормотал голос). Это их не останавливает? Или им плевать на историю, не выгодную им самим? Нет, я понимаю, что они хотят снести всё, что когда-то носило в этом городе имя «парламент». Ведь они не дураки, они же видят, какой оттенок... — Перлеглоз уже тяжело дышал и одной рукой схватился на бок («Печень», — констатировал голос в голове Галахада), а другой оперся на раскалённую перекладину, но тут же отдёргнул.

— Фух. Ладно. Красная луна им в глотку. Идешь чинить Амун? — спросил Трокийя, чуть отдышавшись и тряся рукой.

— Да... давненько я не забирался на неё, — поднял голову на замок магистр Вульфи.

— Чудесная конструкция, — вздохнул Великий Мастер, — жаль будет потерять их.

— Ну, с моей помощью они прослужат ещё долго, — хмыкнул Вульфи.

Борода Верховного Мастера тем временем взвилась на ветру, и тот ловил её и заправлял частями за пояс.

— Ну что же, ты меня успокоил.

— Рад, ваша светлость.

— Ага... ага... Ну, удачи, удачи. Ты наша надежда, Вулф.

— Благодарю, ваша светлость! — вновь поклонился магистр.

— О Сердце! Ну вот опять! Иди, иди уже, — буркнул Перлеглоз, хлопнул Вульфи по плечу и, повернувшись к обзорному прибору, продолжил разглядывать строительство.

Вульфи поклонился спине Великого Мастера и шагнул на широкую спину моста, покрытого чешуёй каменной кладки, замысловатым рисунком прораставшей от малой обсерватории к замку Амун. Между пролётами грелись на солнца статуи, так замёрзшие за ночь, что их тени до сих пор хранили утреннюю прохладу. Мост как бы вырастал крестовыми сводами из верхушек зданий второго яруса, а статуи, словно зубцы короны венчали их вершины. Двойные тени от его бортов, проделавшие путь до самой середины моста, образовывали уходящий в иное измерение рисунок, отчего глаз магистра вдруг потерял ориентир, и ему показалось, что мост уплывает из-под ног. «Проклятая старость», — прошипел он сквозь зубы, встряхнул головой, но дополнительное измерение лишь перекинулось с теней на весь остальной мост. Галахад шёл по повторяющемуся в самом себе тоннелю, где за углом каждой формы был такой же тоннель, а вершины углов этой фигуры содержали в себе всю фигуру целиком.

«Припекло», — констатировал голос. Вульфи нахмурился и двинулся в тень. Его мутило, и вновь появилась тяжесть в голове, так удачно изгнанная утренним душем. Пришлось остановиться и снять рюкзак, где за куклой, в самом низу, лежала деревянная табакерка. Он извлёк её на свет и, проведя пальцем по вырезанной букве А, открыл. Там лежали кое-какие травы, и он, приподняв верхний слой, достал ту, что имела синий оттенок, понюхал, положил в рот и начал жевать. Она пахла свежестью и периодически застревала во вставной челюсти, отчего ему приходилось поправлять её языком. Жуя, он упаковал табакерку и вскинул рюкзак на плечи. Мост в некоторой степени приобрёл свои старые очертания, и магистр, стараясь держаться в тени статуй, побрёл к замку, вглядываясь в башни университета. «Ты жив, а он нет. И что толку? Ты живое ничтожество, а он мёртвая легенда».

— Заткнись!

Но голос не унимался: «А что мне твоё заткнись? Тебе полегчает, если я замолчу?» Тогда магистр ущипнул себя за бедро, да так больно, что вскрикнул, отчего пара маленьких птичек, голубых совок, от испуга взлетели и понеслись в глубину его многомерного лабиринта и исчезли в темноте, непонятно откуда возникшей в переотражениях. Магистр вздрогнул, знакомый холодок пробежал по спине Галахада.

Темнота стала приобретать очертания, и скоро Вульфи различил приближающийся патруль. Четыре закованных в броню всадника с поднятыми пиками на механических лошадях в чёрной как смоль броне, а с ними такие же чёрные гончие двигались в сторону магистра, оставляя тянущийся за процессией шлейф тёмного дыма. Скрипящие пружины и вращающиеся компенсаторы давления придавали ореол inferнальности этим созданиям. А уж как пахло жарой, когда они подошли ближе! Вульфи почувствовал, что покрылся потом с ног до головы. Голова закружилась пуще прежнего, но магистр собрал все остатки воли и не позволил себе окончательно потеряться в настигшей его темноте. Поравнявшись с магистром, ближний всадник остановился, выпустив целый каскад пара и дыма. Магистр закашлялся. Остальные продолжили путь, словно его не существовало. Вульфи, смиренно склонив голову, полез во внутренний карман плаща, извлёк из-под него трясущейся рукой бумагу с печатью магистрата. Время застыло.

Пока пот скапливался на кончике его носа в крупную каплю, Вульфи смотрел в каменную поверхность моста и слушал удаляющийся скрип и скрежет процессии. Всадник, напротив, не двигался. Магистр почувствовал, как зубы предательски скачут, словно вставная челюсть была заводной игрушкой и кто-то начал прокручивать ключ. Капля упала. Но тут на его вытянутую руку легла чужая рука и плавно опустила её:

— Это со мной! В Амун. Занимайтесь своими делами.

Неожиданно возникший в этом напряжении голос Перлеглоза словно сыграл на какой-то натянутой в Вульфи струне. И звук, изданный этой струной, разошёлся по его телу приятным, так сильно ожидаемым расслаблением, отчего он даже припал на одно колено. Что-то заскрежетало в груди у коня, и всадник бодрой рысью с грохотом сорвался с места, догоняя своих дымящихся собратьев.

— Боже мой, Вулф, ты мокрый, как мышь. Вставай, хватит, пойдём. На входе в Амун новые часовые. Боюсь, без меня у тебя опять возникнут проблемы. Сегодня значительное усиление по всему городу, — бросил в пол-оборота Трокийя, уже шагая в сторону замка. Вульфи посмотрел вслед чёрному всаднику, уже догнавшему процессию.

«Конечно, вам легко не унижаться», — проскрежетал мрачный голос в голове Галахада. Магистр свернул бумагу и стал засовывать её во внутренний карман плаща, но понял, что Перлеглоз был прав, и плащ страшно промок. Поэтому он снова снял рюкзак и, сложив бумагу втрое, упаковал за куку. Затягивая верёвки на рюкзаке, он ещё раз огляделся. Дополнительное измерение в предметах исчезло, путь был свободен, и он заспешил за Верховным Мастером.

На пропускном пункте в конце моста Трокийя вновь произнёс свои магические слова, и им дали пройти без проверки. Однако два охранника дома Амун в золотых кирасах и касках с зелёными перьями не произвели на Вульфи столь устрашающего впечатления, как рыцари из дворца. Ему даже показалось, что охрана спала, когда он, запыхавшись, догнал остановившегося перед ними Перлеглоза в выжидающей позе. Покрашенный косой зеброй шлагбаум открылся сам собой, и они оказались на брусчатой площади у ворот из нефритового камня, покрытых тонкой паутиной ромбов с облупившейся местами позолотой. Громаду замка, нависшую над ними, окружала высокая стена, распухавшая тут и там башнями, уходившими в небо. На площади ожидала взлета крытая гондола, а рядом толпились студенты. «Экскурсия первокурсников», — пояснил Перлеглоз, проходя вместе с Вульфи мимо гондолы. Пытаясь угнаться за Перлеглозом, магистр с трудом успел рассмотреть детей в фиолетовых мантиях с белыми воротничками и их учителя в такой же мантии, но жёлтой с замысловатым париком в форме замка Амун.

Подойдя к маленькой двери в воротах, Перлеглоз дёрнул за звонок. Пока они ждали, капитан гондолы попытался запустить двигатель, но что-то пошло не так и тот лишь засвистел, а лодку качнуло к краю площади. Внутри закричали.

— Несчастные. Смотри Вулф, как печально наше положение, — Перлеглоз покачал головой.

В этот момент дверь открылась, и Великий Мастер вошёл внутрь. Вульфи последовал за ним. Когда дверь захлопнулась, сзади вновь раздался свист, крики, а затем глухой удар пришёлся по центру ворот. Вибрация пошла по стенам и с обзорной стены над ними во внутренний двор замка упала статуя какого-то древнего существа из мифов, разбившись вдребезги так, что осколки докатились до ног Великого Мастера и магистра Вульфи. Трокийя закрыл глаза рукой. Через двор к ним бежал полноватый молодой человек в мантии магистрата. Мантия приходилась молодому человеку чуть длиннее, чем нужно, и он приподнимал её полы при беге. Он с опаской смотрел наверх, боясь, видимо, очередного падения древности. Его лицо менялось каждую секунду, но чаще всего оно выражало искренний стыд.

— Ваша светлость, ваша светлость! Я всё исправлю, ваша светлость! — закричал он, пробегая мимо Вульфи и Перлеглоза, который поймал его за шкурку и поставил перед собой. Казалось, толстый магистр сейчас потеряет сознание.

— Я запрещаю, слышишь, запрещаю куда-то возить на “этом” детей. До того момента, пока ты сам не сделаешь на ней... двадцать, нет, пятьдесят тестовых вылетов. И если я ещё раз, ещё только раз узнаю или услышу... Ох, когда-нибудь ты заплатишься жизнью за свою глупость... — громогласным голосом принялся отчитывать молодого человека Великий Мастер, но тот залепетал:

— Конечно! Ни в коем! Я обязуюсь!

— А теперь быстро останови их! Слышишь! Немедленно! — крикнул Трокийя, схватил магистра и толкнул его в дверь. Тот замешкался с замком, но наконец открыл его и с криками исчез на площади.

Когда дверь закрылась, Великий Мастер тяжело выдохнул и как-то сразу постарел. Повернувшись к Вульфи печальными глазами, он произнёс: «Это бесполезно, Вулф. Они идиоты». Галахад растерянно смотрел в полные отчаяния глаза Перлеглоза.

— Я уже даже и не помню, двоюродный племянник дяди... Ты уйдёшь, я уйду. Есть ещё несколько толковых человек, но... Ладно. Что толку. Иди, делай своё дело, а я пойду делать своё.

Вульфи поклонился.

— Ещё раз так сделаешь, запишу тебя в идиоты, — бросил через плечо удаляющийся Великий Мастер. «А я он и есть, ваша светлость», — печально произнёс голос в голове Галахада. Вулфи проследил, как Трокийя исчез в маленькой двери за колоннадой, окружавшей парадную лестницу, ведущую к университету, и стал искать глазами часовую башню.

Когда магистр стал прикидывать, куда ему нужно забраться, сзади раздался голос того самого молодого человека:

— Магистр младший техник! Как хорошо, что вы наконец нашли на нас время!

Вульфи обернулся.

— Доброе утро, Магистр старший техник. Простите, что не успел поприветствовать вас сразу. Я выдвинулся к вам, как только закончил работу на “двенадцатой”.

Толстяк, утирая пот и улыбаясь, подошёл к Вульфи:

— Ну что вы, что вы, когда их высочества сердятся, тут уж не до формальностей. Как ваше здоровье? Смотрю вы спозаранку.

— Спасибо, чувствую себя хорошо, надеюсь, и вы не хвораете.

— Куда уж нам захворать. Столько дел. Вы и не представляете, — произнёс он, глуповато хихикая, но тут же переключился: — Вас проводить к башне? Вы же пришли чинить наши часики.

— Всё верно. Пойдёмте, — и толстяк, показав рукой в сторону лестницы в стене замка, спиралью огибающей весь двор, повёл Вульфи к ней, продолжив: — Мы уже 4 третьих луны стоим. И герцогиня Ки успела заметить, что, будучи на веранде, ей нужно посылать гонца, чтобы уточнить время, а настенных, а уж тем более карманных часов, вы сами знаете, сейчас не найти даже высочествам.

— Понимаю вас, магистр Астолок, — произнёс Вульфи мягкой спине, поднимавшейся по ступеням перед ним.

— Вот мой дед, он тоже был настоящий часовой мастер, он был очень похож на вас, всё время занят делом. Такой же сухой, поджарый. Никогда не уставал и никогда не болел. Вы тоже не болеете?

В этот момент из здания университета на лестницу выбежала толпа детей разных возрастов. И тут же шум и шарканье наполнили колодец внутреннего двора. Их мантии шелестели множеством оттенков, калейдоскопом звука и цвета. «Интересно, чему их теперь учат?» — размышлял голос в голове Вульфи.

— Вы не болеете? — раздалось рядом с его лицом. Магистр Астолок повернулся и остановился, так что Вульфи, задумавшись, чуть не врезался в его тучную спину.

— Нет...Нет, Магистр Старший Техник, не болею, спасибо.

Астолок улыбнулся какой-то своей мысли, поклонился и пошёл дальше.

— Это хорошо, хорошо. А я вот часто болею. Желудок, знаете ли, ноги скрипят от этих вечных лестниц, и то холод, то жара, о луны, знали бы вы, как я устал от этой жары. А ещё барахлит водоснабжение. Раньше я мылся почти четыре раза в день, а теперь, дай бог подмыться с утра, простите за подробности, — хихикнул старший техник.

Вульфи вновь перестал его слушать и засмотрелся на девочку в алой мантии, споткнувшуюся о кусок упавшей статуи и упавшую на выложенный плиткой рисунок рыцаря. Сердце больно кольнуло, он узнал герб своего факультета. В этот момент лестница кончилась, и Вульфи вместе с магистром Астолоком оказались на стене.

Старший техник подошёл к краю и, прикрыв рукой глаза, смотрел на дворец.

— Представляете, в простолюдинку! Ха! Я прямо слышу, как беснуется герцогиня. Вот это новость! Я жду — не дождусь, когда в «Вечернем ветре» опубликуют её портрет. Мой знакомый с факультета журналистики обещал притащить номерок, — он повернулся к Вульфи. — Вы же надолго к нам? Хотите, занесу взглянуть?

Вульфи, опять потерявший нить разговора, тут же поспешил согласиться:

— Конечно, занosite.

— Пойдемте, нам туда, — указал на ближайшую башню Астолок и, весело улыбнувшись, поспешил к ней. Вульфи последовал за ним, нахмурившись от безмятежности старшего техника.

Младшая звезда подбиралась к зениту, освещая взошедшие луны, сверкавшие в небе, словно световая дорожка на воде. Отсюда со стены казалось, что они выстроились в продолжение лестницы, по которой поднимались Вульфи и Астолок, и по ним можно как по ступеням забраться выше. Здесь, наверху, проблемы были такими далекими, что ни тревожного холода в груди, ни чёрных рыцарей, ни огромной ржавой трубы с её тенью попросту не существовало. Даже голоса в голове притихли. Смеялись дети, несколько совок пели своими тонкими голосками, а крыши, словно волны, накатывали друг на друга, мерно покачиваясь в солнечном мареве.

Астолок остановился у незаметной двери, ведущей в часовую башню. Она спряталась за скульптурной композицией из сражающихся с гигантским парящим осьминогом людей. Чувствовалось, что скульптор пытался изобразить осьминога особенно устрашающим, но получился он скорее печальным, а люди в костюмах городской стражи, наоборот, выглядели кровожадными и пугающими. Подтянув связку ключей на пояс к лицу, Астолок уже заметно вспотел, пытаясь отыскать подходящий. По его сморщенному лбу с поднятыми густыми

бровями текли и попадали в широкие детские глаза капельки пота, отчего магистру приходилось останавливаться и утираться рукавом.

— Вот, нашёл!

Он звякнул связкой и потянул свой живот к замочной скважине. Повозившись немного, он отпер дверь, и на магистров пахнуло прохладой и сыростью.

— Похоже сюда давно не заходили, — произнес Вульфи, ступая внутрь.

— Думаю, с тех пор, как культ повелел поменять замки. Видите ли, это было излюбленное место для уединений, — произнёс Астолок, заходя следом и смутившись эха собственного голоса. — По факультетам бродили копии ключей, поэтому пришлось провести, так сказать, операцию.

Он засмеялся, и его щёки надулись в улыбке.

— Как жаль, — задумчиво произнёс Вульфи, оглядывая помещение в поисках выключателя.

— Да, жаль, потому что теперь несчастным пташкам совершенно некуда деться, целыми днями слушать лекции этих астолопов — то ещё удовольствие! — Астолок хохотнул громче, так что в баше зазвенело от его голоса. — И если вы ищете выключатель, то лучше я схожу за факелом, потому что проводку повредили ещё в прошлом году.

Старший техник тут же исчез в дверном проёме, не дав Вульфи время на вопросы. «Ну и бардак», — заметил голос.

— Не бардак, а разруха, — произнёс вслух Вульфи, вглядываясь и принюхиваясь к темноте.

Он протянул руку и нащупал стеклянную бутылку на ветхой полке. Магистр схватил её и, позвякивая, выудил из плотного ряда собратьев, потом, прислушиваясь, поболтал ею в воздухе, схватился большим и указательным пальцем за пробку и потянул. Пробка долго не поддавалась, но затем неожиданно, с хлопающим звуком, открылась, и Вульфи поднёс горлышко к носу.

— Тьфу ты, уксус, — расстроено пробормотал он. — И зачем им здесь уксус?

Голос, в свою очередь подсказал: «Когда-то это было чем-то иным».

— И то правда, — пробормотал в ответ Вульфи, вглядываясь в ряды бутылок. Его глаза уже привыкли к полутьме, и на полу он обнаружил большую стеклянную бутылку, привлёкшую его внимание. Применит всю оставшуюся в нём силу, он вытащил окаменевшую пробку и, опустив к бутылке нос, радостно воскликнул: «Ах-ха!» — и чуть не обронил какие-то склянки со стола, вылезая из ряда таких же бутылей, незамеченных им в темноте. Потом нашёл доску, сломал вдоль, обмотал её первой попавшейся тряпкой и вернулся к бутылке. Аккуратно наклонив её, он смочил намотанную тряпку и, достав кремневую зажигалку с выгравированной буквой А, поджог свой импровизированный факел.

Пространство сразу преобразилось. Валы часов нависли над магистром, уходя вверх, за пляшущие тени. Ощетинившись шестернями и колесами, сверкая громадой маятника, механизм часов, забытый и брошенный, смотрел на Вульфи укором своих ржавых цепей и сгнивших веревок.

— Да, да, малыш, я здесь, — горько произнёс Вульфи. — Я виноват перед тобой. Виноват. Видят луны, я этого не хотел, малыш.

Он прошёлся, стряхивая рукавом пыль на рычагах электронного управления, которые занимали весь первый этаж и, приговаривая: «Сейчас, сейчас я всё сделаю. Потерпи немного», Галахад отыскал на стене крепление для факела, но, чтобы вставить в него доску, ему пришлось немного поработать тупым топором, обнаруженным им тут же на полу. Плащ и рюкзак он скинул прямо на пол, чтобы не сжечь, и остался в одном рабочем комбинезоне, опалив лишь седые волосы на руке. Скоро факел оказался на стене. Затем Вульфи извлёк из рюкзака куклу и аккуратно положил на пол. Нависнув над ней, он прочистил горло и произнёс: «Вставай!» Кукла не двинулась, но что-то в ней щёлкнуло и спустя мгновение внутри заработал

активационный механизм. Дёрнулась нога, затем рука, и кукла привстала на руках, взглянув нарисованными над забралом глазами на магистра. Вульфи поднял брови:

— Ну что, поработаем?

Кукла покорно кивнула.

— Видишь факел?

Кукла повернула голову к источнику света.

— Масло возле рабочего стола. Тряпок и досок полно, мне нужно, чтобы свет был везде, но ничего не спалил, поэтому, либо вынеси всё дерево отсюда, либо сложи так, чтобы огонь до него не добрался.

Кукла кивнула, подтянула к себе ноги, резко встала, пошатнулась, но быстро поймала равновесие. А Вульфи уже лез в рюкзак за амперметром.

Отколов топором горлышко пустой бутылки, он налил в неё масло и поджёг. С этой импровизированной свечей в металлических щипцах, найденных им тут же в сваленном у стола хламе, он излазил приборы всего первого этажа. прежде чем заметил, что везде уже светло, а колышущийся силуэт куклы мерцает где-то на самом верху у лунного циферблата.

— Удивительно, — пробормотал он себе под нос. «Не было бы ничего удивительного, если бы у тебя были мозги твоего брата...» — расстроился очередной голос. Но его тут же отвлекли мысли о проводке. Видимо, в башне всё было в порядке, Галахад не мог обнаружить проблем, что делало задачу сложнее. Вытирая руки, он прошёлся вдоль приборов и увидел в хламе, сваленном куклой у двери, ржавую бочку. Откупорив крышку, Вульфи поднял брови:

— Бензин! Надо бы сюда мой генератор.

Кукла спустилась по винтовой лестнице и подошла к нему.

— Ты где это достал? — спросил Вульфи, указывая на бочку.

Кукла показала рукой наверх.

— Да... кхм. Вот что, найди лебёдку и посмотри, работает ли она.

Кукла кивнула и удалилась.

Вульфи достал из сложенного на столе рюкзака свой блокнот и отправился по винтовой лестнице вслед за куклой к одному из четырёх лунных циферблатов. Кукла свернула на один из ярусов возле механизма боя, а Галахад поднялся на самый верх и навалился на ручку двери в мутном стекле большого циферблата. Дверь легко поддавалась, но тут же на него с размаху налетел жаркий ветер и свет, а дверь перед ним захлопнулась, затрещав и зазвенев стеклом по всему колодцу огромной башни. Магистр вскрикнул от неожиданности и, аккуратно нажав на ручку, выглянул наружу. Ветер завыл в щёлку двери и навалился с противоположной стороны. Магистр еле-еле протиснулся, борясь с стихией и вышел на крохотный металлический балкончик, колыхавшийся на ветру, как тряпка.

Солнца ослепляли пуще прежнего, и Вульфи вновь нацепил солнцезащитные очки, болтавшиеся на шее. Приложив недюжее усилие, он открыл дверь и закрепил её на внешней стороне циферблата цепочкой. Ветер, протяжно воя и гася факелы, встретившиеся по пути, задул в башню. На циферблате клоками висела грязь, а на кольцах с металлическими лунами покоилось гнездо большого выводка совок, весело запищавших, радуясь порывам ветра. Вульфи сделал шаг по балкончику, который предательски прогнулся под его весом.

— Красная луна, — произнёс он.

Ветер подхватил его слова и понёс куда-то далеко наверх, к открытой террасе, где их слышала остроухая собака, перекинувшая морду через перила на вершине купола самого необычного здания между университетом и покоями дома Амун. Оно венчало искусный архитектурный ансамбль и, не будучи в нём самым высоким, по задумке неизвестного архитектора оставалось скрытым от посторонних глаз. Ни один студент, ни одна служанка не смогли бы увидеть его, только если по воле случая не оказывались в нём самом — но такой случай никому из них не предоставлялся. И только с часовой башни можно было заметить угол террасы, где повела ухом собака, отгоняя неприятное слово.

Что-то почувствовав, она повернулась и побежала через сад, благоухавший сладким запахом не по сезону распустившихся цветов. Аккуратные каменные дорожки ветвились среди экзотических растений, цветущих круглый год, и даже небольших деревьев, создававших на крыше столь необходимую во второй полдень тень. Собака вжала когти внутрь, чтобы производить меньше шума на каменной плитке, и прошелестела о листья мимо открытого пространства, где в центре стояла наполненная пеной ванная на тонких, как лапы животного, ножках.

— Асоль! — окликнул собаку голос.

Та тут же замерла и повернула морду в сторону женской головы с высокой пышной прической, венчающей композицию пенных гор. Лицо женщины повернулось к собаке, изысканное и утончённое, словно ожившая фарфоровая скульптура.

— Трубу, Асоль! — спокойно и настойчиво произнесли тонкие красные губы, словно нарочно контрастировавшие с болезненной белизной кожи. Собака немедленно исчезла в листве, а к голове из пены высунулась рука с ногтями в тон губам и почесала нос.

— Будет прыщ, — произнесли губы, а глаза приняли то отчаянное выражение, когда внутри так и тянет всплакнуть, но от неизбежного расстройства женщину остановили то ли нелепость этого действия, то ли отсутствие свидетелей.

В этот момент собака через край ванной перекинула морду и нежно опустила в руку женщины конец золотой подозрительной трубы, чей противоположный конец уходил далеко в заросли. Точнее было бы сказать — сложного сборного механизма, служившего обзорной трубой, но в этих обстоятельствах все друг друга поняли хорошо.

— Благодарю, Асоль, — нежно произнесла женщина. Собака посмотрела в ответ преданными глазами и исчезла. Из пены появилась вторая рука с чёрным лаком, покрывающим ногти, и стала помогать руке с красным лаком повернуть звенья трубы так, чтобы обрамлённый пышными ресницами глаз смог в неё посмотреть. После некоторой борьбы, где победу одержали руки, женщина приложила левый глаз к трубе. Затем ещё покрутила ребристые кольца, прищурила правый глаз и застыла, разглядывая увиденное.

Совсем скоро ресницы её качнулись от удивления, а губы прошептали:

— Наконец-то они зашевелились.

Затем руки покрутили кольца побольше, и в саду что-то зашкрипело.

— О луны, сколько этих чёрных болванок!..

Руки вновь покрутили кольца, а рот скривился в ухмылке:

— Вижу, вижу вас, месье Шеворс, печатный станок не дремлет.

Довольная, она аккуратно перенесла, повернула и неуклюже, раскачав воду в ванной, положила конец трубы на маленький стеклянный столик, накренившийся от тяжести. Но она не успела придумать лучшей опоры, как услышала учтивый лай из глубины сада.

— Кто там, Асоль? — произнесла она чуть громче и взволнованней, чем хотела.

— Простите за вторжение. Это я, ваша светлость, Верховный Мастер, — раздался издали голос Перлиглоза.

— Ах, дорогой Трокийя, это вы. Собогазоволите дать мне одеться? Тогда мы могли бы поговорить лицом к лицу.

— Не смею, герцогиня, ваша красота слишком ослепительна для моих старых глаз. Я не займу много времени, — произнёс Перлеглоз из глубины сада.

— Ах, старый льстец, — рассмеялась герцогиня, и пена маленькими облачками разлетелась вокруг её лица.

— Нисколько. Перейду сразу к делу. Я ищу вашей поддержки.

— Да? И чем же я, прозябательница жизни, могу помочь вам, светлому уму и последней надежде здравого смысла в этом городе?, — герцогиня улыбнулась своей возможности удачно парировать, но Перлеглоз не поддавался на провокацию:

— Проект наследного Тайграда, ваша светлость.

— Ах это, — женщина погрузилась. — Боюсь, мой дорогой, я вас никак не поддержу, мои руки связаны. Вы же знаете, я против решений сената...

— Я не прошу вас снимать ваши золотые оковы. Я прошу лишь промолчать, — заговорщически произнёс Верховный Мастер.

— Промолчать? — удивилась герцогиня.

— Ки, я не прошу вас высказываться ни за, ни против проекта, я прошу вас постараться максимально долго не давать своего ответа, — подытожил Трокийя.

Герцогиня Ки задумалась. Её внимание привлекла синекрылая бабочка, севшая на один из раскрывшихся белых бутонов, привезённых, как говорили, с океанического побережья, лежавшего далеко за Вечной пустыней.

— Я вижу, что башней наконец занялись, — задумчиво произнесла Ки после паузы.

— Да, я сам встретил магистра Вульфи сегодня утром перед входом в Университет прежде чем поднялся к вам, — нетерпеливо ответил Перлеглоз.

— Я что-то слышала о нём, — удивилась герцогиня, провожая глазами бабочку.

— О нём трудно не услышать, ведь только благодаря ему мы ещё знаем, сколько времени, — усмехнулся Верховный Мастер и встретился взглядом с удивлёнными глазами собаки, сидевшей перед ним на дорожке.

— Как же хрупок наш мир, если всё время в нём зависит от одного человека, — не ожидавшая от самой себя столь глубокого философского изречения, Ки улыбнулась и положила руки на края ванной. — Хорошо. Я выполню вашу просьбу. Но если вдруг вы встретите Асоль вне моего дома, знайте, наш уговор больше не может иметь силы. Я продержусь сколько смогу. Договорились?

— Договорились, — с облегчением выдохнул Перлеглоз, а собака, поняв, что продолжения не будет, со скукой легла на тёплые камни.

Перлеглоз развернулся и исчез в зарослях, крикнув на прощание:

— Я ваш должник, герцогиня!

— Не стоит, Трокийя.

Асоль тихонько заворчала, и Ки поняла, что Верховный Мастер удалился. Рука герцогини вновь взяла трубу со стеклянного столика, готового вот-вот упасть. Если бы столик мог, то теперь непременно выдохнул бы с облегчением. Герцогиня поднесла визир к глазам, вновь завертев ребристыми кольцами. В застывшем на мгновение шелесте листвы она произнесла:

— Магистр Вульфи...

Вульфи и кукла тем временем уже укрепили найденными в башне канатами и балками балкон. И пока кукла, избавившись от сорняков, облепивших луны на циферблате, налаживала качели и люльку, чтобы окончательно отмыть его, Вульфи, свесив ноги с балкона, дописывал в колышущуюся на ветру страницу блокнота необходимые запчасти, что нужно было как-то доставить в башню из его коморки. Он даже успел “прозвонить” весь электронный дублёр. Тот, на его взгляд, должен был работать, однако без генератора магистр не мог проверить свою догадку. Бытовое электричество несколько столетий назад успели протянуть только в Амун, Ройю и Трокийю, затем, как и в любой научный ренессанс, дело кончилось войной, но часовые башни успели оборудовать дублирующей всю механику инновационной электронной системой. На Трокийе он был около года назад, и там вся проводка либо сгнила, либо была съедена местными грызунами, почему-то испытывавшими особую тягу к медным проводам, и заменить её было нечем. А здесь с проводами всё было в порядке, и, если бы удалось восстановить подключение к общей сети, он мог бы сразу вернуть часы в строй, а после уже без спешки восстанавливать механическую конструкцию.

Вульфи повернул голову и посмотрел, как ладно и безошибочно плела кукла узлы, налаживая страховку для люльки. Её резные деревянные пальцы танцевали в канатах так, словно они делали это всю жизнь. «Хотел бы я так уметь», — сказал голос. «И не мечтай, у вас

с этим зданием есть что-то похожее, такая же рухлядь», — ответил его «ехидный» коллега. Но Вульфи, увлеченный мастерством своего молчаливого спутника, не обращал на них внимания.

Из дверного проёма высунулась довольная голова магистра Астолака.

— Хо-хо! Вот вы куда забрались. А я-то что принёс!

— Что?

— «Вечерний ветер», фотография! Помните, вы хотели взглянуть? — торжествующе воскликнул старший техник.

— Фотография? — Вульфи скривил рот и поднял брови, совершенно не зная, что ответить.

Астолак закрыл глаза и покачал головой, а затем исчез в проёме. Вульфи убрал в нагрудный карман карандаш и блокнот, и увидел фотографию на развороте толстого журнала из газетной бумаги — на него смотрела милая испуганная девушка, в чьих глазах отразилась вспышка. Что-то в её чертах показалось магистру знакомым, но он не понял, что. Девушка была скромно, но хорошо одета. Таких Вульфи встречал где-то недалеко от рынка, в Старом квартале, тихих и скромных, совершенно в обычной ситуации незаметных для фотографического глаза.

— Ну как вам? Вот это номер! Такая дурнушка. О луны! Сейчас, уверен, номер уже у герцогини и беды не миновать! — запищал от удовольствия Астолак и поднял голову на купол центрального здания замка. Вульфи тоже поднял голову, и на мгновение, он мог поклясться, увидел, как на крыше купола что-то мерцает, отражая солнечный свет.

— Да... — протирая глаза, протянул он, не зная, как выпутаться из ситуации.

— Да, тут ничего и не скажешь. Весь город уже судачит, а сказать толком ничего не может, — подхватил Астолак, довольный произведённым эффектом. — О ней ничего, совершенно ничего не известно. Женщина-загадка. Я побегу, побегу дальше, пока новость свежая!

И он тут же исчез. Какое-то время ещё можно было слышать его тяжёлые прыжки по лестнице. И тут Вульфи спохватился, кряхтя поднялся на ноги и заглянул внутрь башни, схватившись за дверной косяк.

— Магистр старший техник! Запчасти! Доставка! — крикнул он, сложив ладонь у рта.

— Досадно! Безусловно, досадно! — раздалось вдали, и Вульфи услышал, как хлопнула входная дверь. «Старый дурак», — рассердился он на себя, топнул ногой, а потом, повернувшись, опёрся затылком о косяк и посмотрел на купол, снова мигнувший ему светящейся точкой. Вульфи для верности ещё раз протёр глаза. «Ну что ты мигаешь? — произнёс недовольный голос в голове. — Как мне это теперь поможет?» «Надо было быть смелее», — забубнил другой. «Надо было быть умнее и не идти в магистрат», — подхватил третий. «Надо, надо... Скоро помирать уже надо», — глухо вторил им «ехидный». «А, может, они и вправду дадут тебе новое жильё, поближе к солнцу?» — мечтательно проговорил третий. Кукла к этому времени уже закончила с креплениями и потеснила Вульфи из прохода, протянув канат через цилиндрическую деталь и закрепив его за гирю заводного механизма. Затем она подошла к нему и кивнула. Можно было мыть.

Наступил первый закат, и поползло по крышам вместе с лоскутной тенью облаков то бархатное настроение, от которого наполняется лёгкостью голова. Из замков повыплывали прогулочные корабли великих домов. Откуда-то пахнуло свежестью не ясно как оказавшихся здесь цветов, а вторая тень (от повисшей над лунным циферблатом люльки) стала темнее и глубже. Вульфи прищурил глаза и посмотрел на красный диск светила, лениво закатывающийся куда-то в пенящиеся крыши Квартала мистиков. Их черепичные крыши и стеклянные мансарды сверкали на солнце, слепя его уставшие глаза. Вульфи повернул голову на купол замка напротив, но светящийся зайчик пропал и больше не донимал его. Магистр вздохнул, подхватил швабру, подвешенную на верёвке рядом с ним, и окунул в висящее там же ведро. Швабра тут же вспенила мыльными пузырями поверхность воды, лихо пролившейся

вниз. Вульфи не удержался и краем глаза проследил за ней, канувшей в бездну города. Его голова закружилась. Он выпустил швабру и схватился за стропы люльки.

— Ох... — произнёс он вслух и поднял голову наверх. Кукла из своей люльки смотрела на него немигающим взглядом. — Иногда мне кажется, что ты за меня беспокоишься, — крикнул Вульфи.

Кукла отвернулась и начала драить пятую луну. Голова перестала кружиться, магистр встряхнул ею и поймал рукой качающуюся швабру. Снова окунул её в ведро и принялся с усилием драить поверхность перед собой. «Старый баран», — бубнил голос. «Сам старый баран», — бубнил в ответ другой. «О! трещинка», — удивился третий. И Вульфи прищурился, разглядывая поверхность большой стеклянной мозаики. Похоже было, что стекло действительно треснуло и готово было вот-вот развалиться. Вульфи поднял голову, чтобы крикнуть кукле про сумку с инструментами, но тут раздался хлопок и фиолетовый дым, поваливший из здания университета. От него отделились два сверкающих зайчика и стали двигаться в их сторону. Вульфи открыл рот и машинально поднёс руки к глазам. Зайчики не двигались, но увеличивались. «Что за проделки красной луны? — удивился голос. — Не это ли его старая лаборатория? Как высоко. Вот бы мне там жить». Вульфи протёр глаза, но зайцы не исчезли.

— Эй! — крикнул Вульфи, привлекая внимание куклы. Та посмотрела на него, а он поднял палец вверх, указывая на светящиеся точки, уже превратившиеся в фюзеляжи летающих мотоциклов со спиральным хвостом аэродинамического следа, вот-вот готовых врезаться в часовую башню.

Время застыло, как все четыре лунных циферблата на башне замка Амун. Вульфи разглядывал блики, ползущие по размытому отражению выступающих по краям переднего сопла подкрылок ближнего мотоцикла. Кукла поворачивала голову наверх со своим уже до невозможности надоевшим магистру отсутствующим взглядом. Запах цветов, вечерний бриз, огонёк на куполе, замок в двери, оставленный им незапертым. «О Сердце, замок», — произнёс испуганный голос, и время вновь полетело вперёд. Кукла повернула голову наверх ровно в тот момент, когда один из мотоциклов с грохотом ударился в балкон, пробив его, протаранил люльку с куклой и продолжил падение. Второй пронёсся недалеко от Вульфи (отчего тот мгновенно оглох), зазвенел, как колокол, раскачался и потерял ориентацию в пространстве, запутавшись в стропях. Повиснув вниз головой, он почувствовал, как мимо пронеслись ещё несколько летающих судёнышек, обдав его жаром двигателей, но Вульфи уже не различал их, а только слышал, борясь с головокружением и страхом. Темнота настигла его.

Глава 2

— Держи!

— Что?

— Руль!

— Что?

— Держи! О луны!

Крепко сложенный мужчина, с ног до головы перемотанный изолентой, отпустил руль, и ускорение тут же откинуло его назад, треснув головой о заднее сидение. Но ремни безопасности, крепко удерживавшие его ноги в педалях, не давали инерции вырвать его из

кресла. Аэроцикл продолжил падение между мостками и трубами, минуя оживлённые кварталы среднего яруса и стремительно погружаясь во мглу соляного завода.

Пикируя, машина билась о висящие то тут, то там бочки, указатели и вёдра с солью, рискуя вот-вот развалиться в воздухе, сорвала загоревшуюся парусиновую растяжку и, словно комета, пронеслась между товарным составом и испуганными лицами машинистов. Руль перехватил синего цвета осьминог в лётных очках, в последний момент успевший дернуть его на себя и свернуть от каменной кладки складской стены — и аэроцикл нырнул в проулок между заводскими трубами, сбив вывеску, цитировавшую последнего поэта: «Не рассыпьте Соль! В этом ваша роль!»

— Чтоб тебя! Аккуратнее! — завопил здоровяк, попытавшийся в своём необычном положении вытащить из второго мотора застрявшую в нём куклу. Его пальцы постоянно соскальзывали с гладкой поверхности лопастей, а изолента под напором ветра слезала с его тела, закрывая глаза и мешая обзору. Аэроцикл пробил очередную трубу и подскочил, отчего мужчина завопил:

— У меня ЕСТЬ позвоночник, помни об этом!

— Я помню больше, чем хочу! — закричал в ответ осьминог потоком лопающихся пузырей, незамедлительно попавших в нос здоровяка. Он тут же чихнул, что придало дополнительную вибрацию аэроциклу, и осьминог крепче вцепился в трясущийся руль, стараясь всеми щупальцами удержать направление. Здоровяк весь выгнулся, неудобно вцепившись в щель, где конечности куклы застряли в крутящем механизме мотора, и крикнул:

— Мне неудобно делать это вниз головой!

Осьминог дёрнул что-то под рулём и аэроцикл перевернулся на 180 градусов, так что мужчине пришлось схватиться руками за двигатель, чтобы не упасть:

— Рауд! Ты! Ашкарашана! Верни! А-а-а-а! Идиот!

— Кто идиот?

— Что?

— Ничего!

— Переворачивай назад!

— Что?

Рауд рванул руль вверх, и летающий мотоцикл, совершив мёртвую петлю, в последнее мгновение успел увернуться от шедшего наперерез полицейского лётного катера. Голова здоровяка, набирая разгон в неожиданной фигуре пилотажа, словно маятник часов, совершила предательский разгон, а затем ударила и расколола шлем полицейскому, неудачно высунувшемуся за борт катера. Перед этим здоровяк всё же успел что-то дёрнуть в двигателе — кукла вылетела из него, с громким звоном ударившись металлической грудиной о выхлопную трубу, и исчезла во вращающейся воронке пространства. Здоровяк, потирая звенящий лоб, подтянулся к рулю и отодвинул осьминога:

— Иди за пулемёт.

Осьминог сощурил глаза, разглядывая кровь, залившую лицо мужчины, но двинулся на заднюю часть мотоцикла, а здоровяк, лавируя между зданиями, пустил мотоцикл ещё ниже — в паровой сектор, на ярусы, куда не проникал солнечный свет.

Фары заскользили по паутине труб, словно по изрытой ручьями пещере, застав врасплох верёвки, цепи, вентили и древние, богом забытые паукообразные механизмы, следившие за состоянием этого тёмного царства. Пугаясь, они прятались и разбегались, попав в дрожащий конус света, роняя свои инструменты, так и норовившие попасть по голове беглецам. От копоти и гари, поднимавшейся от печей, было нечем дышать, но хуже всего был пар — он неожиданно поднимался горячей струёй то с одной, то с другой стороны, обжигал и почти ослеплял здоровяка. Кровь заливала мужчине глаза, и звон в голове, становился всё сильнее. Аэроцикл медленно полз по лабиринту, где в глубине был слышен inferнальный звук парового котла.

Гул сдвоенных моторов насторожил осьминога, и он, включив прожектор, устроился сзади, за пулеметом. Но в перекрестье его прицела появился не полицейский катер, а другой летающий мотоцикл, за рулём которого была маленькая деревянная обезьянка в тряпичной матросской шапочке с розовым помпоном и торчащими из-под неё ушами. Она тревожно вглядывалась в свет перед собой, щурясь и закрывая лапкой нарисованное лицо. На её полностью деревянном теле неизвестный художник нарисовал большие глаза и рот, большой пупок и ярко розовые штаны. Веревоочным хвостом она крепко держалась за седло аэроцикла. «Притормози!» — обернулся осьминог к здоровяку, как раз увернувшемуся от очередного выброса пара. Мужчина дал по тормозам, и обезьянка поравнялась с ними. В пулемётном кресле, наспех закреплённая ремнём безопасности, сидела та самая кукла, выкинутая здоровяком.

— Лиля, зачем она тебе? Эта бесполезная болванка чуть не убила нас! — крикнул он, вытирая кровь, заливающую глаза.

— Его починит отец! — закричала в ответ обезьянка нарисованным ртом, уворачиваясь от очередного испугавшегося «паука».

— Ты рехнулась! — закричал мужчина. — Руна с тобой?

— Да!

— Разделимся. Я уведу их к восточной стене! А ты давай через каналы!

Обезьянка кивнула, и в этот момент над её головой просвистела очередь траассирующих пуль, рикошетом отскочивших от трубы за её спиной. «Мамочка моя», — закричал Осьминог и вцепился в пулемёт, дав ответную очередь в темноту. Здоровяк пропустил аэроцикл с обезьянкой вперёд, давая осьминогу время на залп — и вслед за ней вылетел из парового сектора в сточный колодец соляного завода.

Это была огромная каменная труба, по которой отработанная на заводе вода множеством водопадов из торчащих в стенах труб попадала в нижний сток городского канала. Бросив на обезьянку тревожный взгляд, мужчина крепко сжал скрипучую резину на руле и, вдавив педаль, рванул аэроцикл вверх к небу, белой точкой сверкавшему на вершине колодца. Лилля дёрнула руль вниз и влетела в основную сточную трубу, куда скапливалась вся вода. Через мгновение из паутины парового сектора появился целый рой полицейских аэроскутеров. А за ними и два больших катера. Большой группой судна по спирали полетели вверх, где их тут же встретил пулемётный огонь Рауда. Однако мерцающая соплами моторов,

несколько преследователей юркнуло в трубу, где исчезла Лиля. И только третий катер, со свесившимся с борта полицейским в разбитом шлеме, остался дежурить в колодце.

В трубе от двигателей стоял невероятный грохот и треск. Лила еле-еле могла разбирать мелькающие в свете пляшущих фар повороты. Труба всё больше сужалась и то ныряла, то уходила резко вверх, загибалась то влево, то вправо. Аэроцикл бился моторами о края и обещал вот-вот не выдержать. Но наконец вдали показался свет, а пространство расширилось. Обезьянка обрадовалась мелькнувшей надежде и дала газу. Летящий мотоцикл рванул вперёд, но на его пути возникла торчавшая из стены балка. Правый двигатель налетел на неё и оторвался, так что аэроцикл закрутило и ударило сначала об одну стену, потом о другую. Кувыркаясь и скрипя о металл ярким снопом искр, он проскрежетал по трубе почти до самого выхода и остановился у толстого каменного обода, напоминавшего раскрытый рот, откуда вода срывалась и падала в темноту канала.

Лила пришла в себя от гула приближающихся моторов. В глазах всё плыло. Она резко подняла голову, оглянулась на тусклый свет, дёрнулась к нему, но не смогла встать — её деревянные ноги застряли в раскуроченной обшивке. С бессильным стоном она сделала попытку отбросить от себя аэроцикл, но ничего не вышло, он был слишком тяжёлый. Груда железа попросту зажала её своими обломками. Гул приближался. Она потянулась к висящей на руле сумке, её маленькие деревянные лапки с трудом сумели открыть застёжку, и в сточный ручеёк упал яркий, светящийся красным цветом осколок. Будто живой, он переливался розовым и фиолетовым свечением.

Вода, куда он упал, окрасилась алым и голубым, а от её поверхности стали подниматься искры лазурных светлячков, что кружились и танцевали, не ведая о надвигающейся опасности. Лила напряжённо смотрела на него, не понимая, что делать. Потом огляделась по сторонам и увидела ту самую куклу, которую беглецы зацепили во время падения со здания университета. Она схватила осколок и подползла к кукле, насколько могла. У той был металлический каркас, закрывавший грудь и живот, словно рыцарский доспех. От падения он раскрылся, обнажив хранилище сердечной пылинки в маленьком стеклянном шаре, окружённом сложной механикой шестерёнок. Обезьянка выдернула шар и, повернувшись, выкинула его из трубы. Затем схватила осколок и стала запихивать его внутрь куклы. Шестерёнки и колёса хрустели, как печенье, а из глубины с вибрирующим звуком выскакивали пружины, но Лиле удалось пропихнуть осколок внутрь.

Когда рёв аэроскутеров был совсем уже близко, Лила захлопнула грудь куклы и без сил, тяжело дыша всем своим деревянным телом, упала в грязный ручей.

В то же мгновение полицейский аэроскутер, не глуша мотор, завис прямо над ней, так что сияющие красным сопла почти ослепили её. Из-за них, отделившись от темноты заднего сидения, на обезьянку спрыгнуло напоминающее пса существо. Оно всё было покрыто чешуей металлического панциря с кое-где торчащими вентелями, окрашенными чёрной матовой краской. Как показалось Лиле, оно напоминало смесь носорога и гончего пса, собранного на танковом заводе. Существо вжало Лилу в трубу тяжёлыми механическими лапами с острыми когтями, вошедшими глубоко в деревянную грудь обезьянки, так что грязный ручей почти накрыл её лицо, а глаза её оказались под водой. Через мутную воду из ноздрей существа на Лилу повалил чёрный дым, а в глубине черепа засветились красные огоньки глаз.

Плавающими движениями постовой полицейский в грязной и растрёпанной от погони синей форме городского спрыгнул с аэроскутера и принялся дергать ноги Лилы из обломков

летающего мотоцикла. Та издала крик, поднявшийся нарисованными пузырями на поверхность ручейка. Но существо над ней зарычало своим механическим нутром и пустило ещё больше дыма из ноздрей, отчего у Лилы прошла даже её воображаемая боль.

Дальше было темно, трясло и голова билась о крышку багажника. Сознание обезьянки сжалось в точку. Как-то особенно дико свистел ветер, скребя об обшивку летательного аппарата. Тревога сменяла печаль, а печаль — тревогу. Лила, не переставая, мысленно ругала себя. Она вспомнила своих сестер и старый дом, глаза девочки, у которой она жила, и почувствовала, как из её нарисованных глаз потекли маленькие нарисованные слезы. Обезьянка чувствовала, что кукла рядом. Та тоже билась во время маневров о крышку, но не подавала признаков жизни. Надежда, конечно, была, но её совершенно невозможно было рассмотреть во всей этой неразберихе. Вновь и вновь обезьянка закрывала лапками глаза и злилась на себя. Через какое-то время вибрации скутера стали плавнее. Лила подумала, что, наверное, он набрал высоту и теперь шёл по размеченной трассе где-то на втором ярусе.

От равномерной вибрации её глаза закрылись, и голова стала тяжёлой. Было темно, но потом её внутренний взор стал различать мерцающие радугой очертания — они приобрели вид высоких толстых колонн, рядами уходящих в темноту. Она не сразу разобрала, откуда идёт свет. Оказалось, от неё самой. В ушах стоял гул, словно в голове работал реактивный двигатель. Плитка на каменном полу чередовала свой рисунок, стоило только отвести взгляд, представляясь то клеткой, то волной, то в форме дротиков и змеек. За ажурной лепниной вокруг оснований колонн то тут, то там виднелись лужи. Лила подошла и осторожно посмотрела в одну из них на своё отражение. С пола на неё смотрела деревянная обезьянка, только вместо глаз у отражения чернела пустота. В испуге она сделала шаг назад и, упав, громко вскрикнула неправдоподобно глухим, многократно отразившимся эхо. Тяжело дыша, она схватилась за капитальное основание колонны и привстала с пола. Навстречу ей, из-за другой колонны, казавшейся тоньше остальных, выбежал знакомый старик в рабочем комбинезоне. Он остановился и растерянно посмотрел на Лилу, удивлённо подняв брови.

Проснувшись Лила от того, что её ударило и прижало к крышке багажника. Шум в ушах превратился в шум мотора скутера и, придя в себя, она поняла, что скутер снижается. Летательный аппарат тряхнуло ещё несколько раз и закружило. Обезьянка вскрикнула, ударилась о куклу и вновь потеряла сознание. На этот раз сна не было, и она пришла в себя от того, что её голова тряслась по решетчатой металлической поверхности. Периодически попадались заклёпки — и одна из них разбудила Лилу.

Глухо хлопали чьи-то шаги, над её глазами полз металлический потолок с крестовым арочным сводом, чьи края светились от масляных светильников, пылавших жёлтым и красным огнём. Вокруг было сыро, с потолка на лицо обезьянки падали капли, а запах, пробивавшийся к её естеству через нарисованные дырочки носа, отдавал сыростью и плесенью. Медленно возвращался слух, и всё яснее слышались стоны и причитания, бормотания и смех лишившихся разума. Стен и дверей не было видно, но, без сомнения, это был плач заключённых.

Где-то внизу раздался отрывистый крик. Лила вздрогнула, отчего её шапка зацепилась помпоном об обломок деревянной доски и слезла, обнажив макушку головы с большой копной наструганных завитушек. Лила завертела головой и увидела, что куклу тащат рядом, держа за ноги здоровенной мясистой рукой в чёрном рукаве. Посмотрев вверх, обезьянка обнаружила другую такую руку, державшую её саму за остатки деревянных ног. Владелец рук была огромная сгорбленная чёрная спина, чьи одеяния доходили до пола. А колышущаяся от тяжёлых шагов материя лишь намекала на размер ног.

Еле заметная голова её нового транспортного средства, была обмотана сальной тряпкой, грозившей с каждым шагом упасть, но каждый раз, вопреки здравому смыслу сохранявшей своё положение. Нарисованный нос Лилы потёк от влаги, но она слышала, как от одежды пахло чем-то палёным, то тут то там были видны прожжённые искрами дырки. Гигант повернул за угол (стало заметно теплее) и стал подниматься по большой винтовой лестнице. Лила перестала разглядывать носильщика, сосредоточившись на ударах головой о ступени, и к концу спуска снова потеряла сознание.

Лила животом чувствовала что-то мокрое. Попробовала пошевелить рукой — получилось. Другой. Приподнялась, но встать не смогла. Не было сил. Она опустилась на мокрую поверхность полежала немного, но затем собралась и попробовала ползти. Движение, за ним другое. Ползти было очень тяжело, не поддавались руки, делая фальшивые, ни к чему не приводившие движения. Лила разозлилась на себя и открыла глаза.

Она лежала посреди камеры, углом выходившей в широкий, загибающийся коридор. Стены из толстых решёток, одна из них — с маленькой дверцей. По обоим углам на противоположной стороне коридора были крепкие деревянные двери с кованым рисунком, в проёмах под ними явно пылал огонь. Было жарко и стоял туман, сильно пахло гарью.

Окончательно вернулся слух. В соседней камере кто-то тихо стонал. В груди у Лилы задёргалась какая-то особенно волнующая струна. Кукла сидела в углу, не подавая признаков жизни. Обезьянка взглянула на свои ноги. Всё, что было ниже коленных шарниров, было изуродовано. Подышав немного и приняв эту мысль, обезьянка опустилась на живот и поползла к кукле. Она была на голову выше неё. Лицо и то место, где были нарисованы глаза, у куклы было сделано из дерева, но, имитируя доспех, нижняя часть лица от носа до подбородка была закрыта металлом с похожим рисунком, что и на груди. Под шлемом из металла торчала повязка. Механические плечи с шестернями заканчивались руками, изысканно вырезанными из лакированного дерева. Грудь и живот закрывал кованый панцирь, где теперь хранился осколок. Металлические ноги со звездообразным механизмом таза заканчивались деревянными ступнями. её явно собирали из разных частей, но дело своё знали. Хотя и было видно, что детали много раз меняли, кукла выглядела цельной и искусно сконструированной. Оказавшись рядом, обезьянка запустила лапки под панцирь и попыталась открыть створки на себя, но они не поддались. Лила опустила голову и замерла.

Где-то вдали заскрипели трубы, и невидимый страдалец в соседней камере заметался во сне. С выдохом своих несуществующих лёгких обезьянка начала искать секретный рычаг или кнопку во внешних механизмах, но ничего подобного найти не смогла. Она попробовала дернуть ещё раз, грудина не поддавалась. Вместе с нарастающим волнением в голову лезли неприятные мысли, что она повредила механизм дверцы, когда второпях запихивала осколок. Раз за разом Лила терпела неудачу. Полная отчаяния, она стала колотить по панцирю, но скоро упала без сил рядом с куклой, тяжело дыша. «А-а-а-а!» — закричала Лила, ударив головой об пол: «Всё из-за тебя! Если бы не ты, я бы успела, я бы не разбилась, она бы была уже у Барона! Чёртова, бездушная кукла! Ненавижу, ненавижу тебя!» Лила расплакалась. Нарисованные слёзы падали каплями краски на пол, расплываясь по тёмному камню. «Я никчемная, бесполезная, глупая...» её глаза закрылись. Она накрыла голову лапками и какое-то время просто лежала. Потом её дыхание успокоилось. Казалось, Лила уснула, но сна снова не было.

Очередное её пробуждение было ознменовано появлением какого-то маленького человека в сером плаще. Шаркающей походкой он возник возле камер; лицо его закрывал капюшон. Человек постучал в дверь на противоположной стороне коридора, стоявшую ровно

напротив того места, где лежали Лила с куклой. Одной рукой он сжимал пергамент, а другой теребил карман плаща. Неожиданно он повернулся и посмотрел прямо на Лилу — та прикинулась «дуболомом» и направила взгляд в никуда. Незнакомец же пристально смотрел в её сторону.

Дверь отворилась, из неё пахнуло жаром. Весь её проём заполнил тот самый мясистый гигант в чёрной хламиде. По крайней мере, одежда говорила, что это он. Тряпки на его голове не было, и Лила впервые увидела его лицо. Оно было покрыто тяжёлыми, стекающими вниз овалами. Вся форма их будто хотела поскорее покинуть его, еле удерживаясь на черепе. Нижние веки и щеки так опустились, что обнажали глазные яблоки. А брови и верхние веки, наоборот, почти закрывали глаза сверху. Рот был погребён под съехавшим вниз носом, а подбородок потерялся где-то в шее. Басом, так что от грохота завибрировали металлические прутья решетки, гигант спросил:

— Что?

Маленький человек хоть и завибрировал вместе с ними, но не растерялся и протянул гиганту пергамент. Гигант удивлённо посмотрел на него. Ему даже пришлось приподнять левое верхнее веко, когда он попытался прочитать написанное. Затем он оглянулся назад в глубь комнаты, куда вела дверь и крикнул:

— Харк!

Раздался грохот. Дверь открылась чуть больше и первого потеснил второй такой же гигант. Если бы не шрам через всё лицо, наверное, их невозможно было бы различить. Харк выхватил из рук человека пергамент и поднёс его к лицу, роясь в нагрудном кармане хламиды. Из него он выудил маленькое пенсне, приложил его к правый глаз так, что оно стало придерживать верхнее веко, и склонил голову к тексту. Прочитав несколько раз, он с раздумьем посмотрел на товарища:

— Хурк, придётся отпустить куклу.

— Как отпустить, Харк? Обезьяна нам известна, — удивился Хурк.

— Нет, Хурк, ты не понял, куклу, не обезьяну, — снимая пенсне, прогремел Харк.

— А-а-а-а, — протянул Хурк и посмотрел в камеру.

Лила поняла, что он смотрит ей прямо в глаза, но не смогла даже пошевелиться. Харк исчез в двери и, пока Лила не могла оторвать взгляд от глаз Хурка, грохотал ящиками в комнате. Даже при такой жаре Лила вся похолодела, её спасло, только то, что Харк отодвинул Хурка, выходя из двери, и их взгляды разъединились.

Харк подошёл к маленькой дверце и вставил ключ в замок своими толстыми пальцами. Повернув несколько раз, он убрал ключ в нагрудный карман, открыл дверцу и прогремел:

— Заходи, бери.

Маленький человек помялся и с опаской, нагнувшись, вошёл в камеру. Лила смотрела на него, пока он приближался, и под капюшоном разглядела, что он тоже смотрит на неё. Удивлённый и испуганный взгляд его следил за её взглядом, пока он тихо ступал по полу камеры.

— Поторопись! — раздался позади голос Хурка, и посетитель поспешил к кукле, достал из-под плаща рюкзак и быстрыми знакомыми движениями поместил её внутрь. Лила удивилась не меньше него самого, ведь его лицо, казавшееся одновременно знакомым и чужим, она только что видела в своём странном сне.

Поспешно запаковав её соседа, старик взглянул последний раз на Лилу, закинул рюкзак на спину и вышел. В коридоре незнакомец поклонился Хурку и Харку и тут же исчез из поля зрения Лилы. Она не сразу поняла, что произошло, потому что её взгляд остановился на кресле в глубине комнаты напротив. Специальное кресло с завязками ровно напротив печи, где стояли раскалённые до бела чугунные стержни. Харк увидел взгляд Лилы и улыбнулся:

— Да, да, милая, это всё для тебя.

Хурк расхохотался, подрагивая под хламидой своим огромным животом. А рука Харка уже тянулась к ней через всю камеру. Лила стала отползать в угол. Гигант насупился и просунул в камеру голову и плечо, так что он смог дотянуться до противоположного угла, куда забились Лида. Его толстые пальцы несколько раз поймали воздух, но затем схватили её, и он, крича, вылез. Лида извернулась в его руке и крикнула в сторону, куда ушёл маленький человек: «Помогите!» Когда эхо её голоса затихло, Харк рассмеялся погребённым в складках носа ртом и внёс её в комнату. Хурк захлопнул дверь.

Магистр Вульфи вздрогнул от крика, а утробный хохот Харка и хлопнувшая дверь заставили его прижаться к стене. Сердце бешено колотилось. Глаза не могли сфокусироваться. Он медленно сполз по ступеням, а его губы сами собой зашептали молитвы, заученные ещё в детстве. Он выдал хвалу всем подряд лунам, помянул святых и в конце отдельно Сердце, умоляя о защите и справедливости. Он не смог бы ответить, сколько он вот так просидел, боясь шелохнуться, на грубой каменной лестнице, большой спиралью уходившей вверх. Когда он открыл глаза, то долго изучал, как на стене горели лампы из сердечной пыли, алыми огнями освещая каменную кладку с пляшущими на ней тенями. Казалось, что от самих стен поднимался пар и полз наверх, как и узники этого ужасного места, всеми силами пытались спастись от неизбежной гибели.

Галахад вспотел. Сидеть стало противно. Он встал, запутавшись в плаще. Долго тряс его, пытаясь стряхнуть влагу и, поняв, что это бесполезно, поднял с пола рюкзак и двинулся наверх. Когда он оказался на первом этаже, в глубине здания завыла сирена и по периметру коридора, ведущего к воротам, зажглись сигнальные лампы. Вульфи, не совсем понимая, что происходит, бросился сначала в сторону противоположного конца нэфа, но потом, спохватившись, побежал по решётчатому полу к выходу. Его колени кричали от боли, а он только прибавлял шаг и, запыхавшись, ударился о толстую прорезиненную дверь в воротах, откуда показалась голова полицейского, собравшегося войти внутрь.

Магистр от неожиданности снова стал рыться в плаще в поисках бумаги из Управления Закона, но охранник, схватил его за шкурку и вытащил на улицу. Сам же при этом шагнул внутрь, плотно закрыл дверь и стал закручивать засов вращающимся механизмом. Всё огромное здание затрепетало. Вульфи вскочил и, мотаясь из стороны в сторону, побежал со всех ног по причалу, не очень понимая, что делает. Волны с обеих сторон накатили на колышущиеся платформы, и магистра не один раз накрыло с ног до головы, пока он добрался до полицейской лодки, прыгавшей на волнах. Он поскользнулся на собственном плаще и упал на бетонную плиту, больно стукнувшись локтем. Гигантское здание центральной тюрьмы погружалось под воду, создавая в искусственном озере устрашающий водоворот. Ближние к

зданию платформы ходили ходуном, да так, что казалось, что они сейчас оторвутся от причала и сгинут в пучине.

Галахад долго не мог отдышаться и сидел, глупо таращась перед собой и провожая последние башенки, скрывающиеся в толще воды. Поверхность пенилась и не могла успокоиться. И только когда в небе выглянула из-за громады дворца девятая луна, своим широким диском осветив чёрную воду, заблестевшую и затрепетавшую в её свете, Вульфи встал.

— Буль-буль-буль, прячется тюрьма, буль-буль-буль, на дворе зима, — пропел он себе под нос, выжимая рукава. Затем снял плащ и бросил в лодку, с испугом оглядываясь по сторонам, не услышал ли его кто. Туда же он положил рюкзак с куклой и, ещё раз окинув взглядом водоём, окружённый каменной стеной, прыгнул в лодку сам.

Домой он возвращался долго, почти не разбирая дороги. В районе ремонтных доков он увидел маленького деревянного оживлённого без руки и ноги, которого пинали дети с криками:

— Осознала, оживляшка, осознала!

Тот посмотрел на магистра жалобным взглядом, но Вульфи сделал вид, что не заметил бедолагу и лишь ускорил шаг. Старик долго плутал в казармах, не помня, как пройти в район нового вокзала. Проходя мимо какого-то кабака возле Сердечной площади, он чуть не попал под горячую руку напившихся забывай-воды рабочих с угольной фабрики. Они были черны, как ночь, и только обезумевшие глаза и оскаленные белые улыбки выдавали в них людей.

Где-то в районе Старого квартала, спускавшегося и сюда, на нижний ярус, ему пришлось дать большой крюк, потому что всё было перекрыто. Стояла охрана культа, стража с полицией и устрашающие громады чёрных рыцарей — от них держалась подальше даже толпа любопытных. За их спинами пылали здания и в рупор раздавался уверенный голос, читавший строки из стихотворения последнего поэта, пытаясь перекричать забравшуюся на крышу женщину в чёрном, вопившую истошным голосом:

— Из-за вас, это всё из-за вас! Оно умирает! Сердце! Оно умирает! Слушайте меня, услышьте! Вас всех обманывают! Вас всех...

Но тут на крыше появились полицейские и женщина, оглянувшись, оступилась и упала вниз, в пламя. Толпа охнула, раздался чей-то плач.

— Еретики, — прошипела тучная женщина и пошла прочь.

Вульфи почувствовал, что хватит уже потрясений за этот день, и он пошёл вслед за женщиной к большому рынку, устало потащив ноги по площади, где остались лишь мусорные телеги да нищие, спавшие под «позорищем» — подиумами с запекшейся кровью после предпраздничного наказания плетью «провинившихся перед Сердцем».

В центре рынка стоял полуразрушенный каменный Колизей, оставшийся с древних времён. Бои и представления уже закончились, и гладиаторы вместе с актерами ужинали на расставленных перед зданием широких столах. Вокруг их объедков суетилась вся городская живность. За одним таким столом, сгорбившись над похлёбкой, сидел высокий стражник Ручи. А напротив него толстяк Блоп крепко обнимал рыбака. Он поймал взгляд Вульфи, проходившего достаточно близко, чтобы узнать соседа, и испугался.

— Ну что, ты, кажется, всё понял? — спросил Ручи, допив из плошки остатки жидкости.

— Да, мы же теперь друзья, так? — ласково протянул толстяк и заглянул рыбаку в лицо.
— Никто-никто не узнает о нашем маленьком деле?

Рыбак отвёл взгляд от Вульфи и робко кивнул. Ручи нахмурился и повернул голову туда, куда секунду назад смотрел его собеседник, но в свете факела только тени плясали в поднявшейся с земли сердечной пыли.

Вульфи вынырнул из-за бочек и исчез за шатрами старьевщиков. Пробежав вдоль стены, он оказался в переулке Слепых, но и там он не сбавил темпа. Виляя между бочек и ящиков, перепрыгивая через поваленные мешки с мусором, он добежал до канала. И только возле своей двери он остановился и перевёл дух. Присел на ступеньки, снял рюкзак и стал рыться в нём в поисках ключа. Но, вспомнив, он в ужасе повернулся к двери. Замка на ней не было.

— Что-то потеряли? — раздался над его головой тяжело дышащий хруст уже знакомого голоса.

Вульфи поднял испуганные глаза и увидел склонившееся над ним красное, вытянутое лицо Ручи.

— Я э...замок... — невпопад, хлопая глазами и как-то резко жестикулируя, залепетал Галахад.

— Вот этот? — указал рукой стражник на валяющийся рядом со ступенями замок.

— Да...

Ручи поднял его и осмотрел.

— Хмм... Вроде не срезан.

Из темноты к ним подошёл запыхавшийся толстяк.

— Ну вы и спринтер... Ух! — произнёс он, радостно утирая лицо. — Насилу догнали!

— Да-а-а... а что это вы от нас бегаєте? — протянул Ручи, поднимаясь к двери и открывая её. — Неужто грабеж? А, может, сразу с отягчающими?

— Я... да что... да я здесь живу, — пролепетал Вульфи, — там мои инструменты...

— Так уж и живёте? — так же радостно удивился Блоп. — А чего тогда замки выбрасываете?

— Я забыл... — всё ещё не мог совладать с собой Галахад.

— Что забыли? — голос Ручи раздался из глубины прихожей.

— Забыл закрыть замок, — выпалил магистр. — С утра. Уходил и...

— О-хо-хо-х-хо, — по-прежнему из прихожей звенел голос Ручи. — Да, действительно похоже на грабёж! Нам повезло, Блоп! Крути этого типа!

Блоп тут же схватил Вульфи и заломил ему руки за спину. Старик с криком упал на мостовую рядом с рюкзаком. И, пока Блоп надевал кандалы на руки магистра, из рюкзака на

Вульфи смотрели грустные глаза куклы. И в этой суете, он мог поклясться, он увидел сочувствие и интерес в нарисованных глазах.

Блоп поднял Галахада на ноги и грозно спросил:

— Ну что, сознаёшься?

Не до конца понимающий, что происходит, Вульфи кивнул.

— Хо-хо! — радостно запищал Блоп. — Он сознаётся! Ручи, слышишь? Мы так и повышение заработаем!

Из дома вышел Ручи и с издёвкой произнёс:

— Сознаётся? Браво! Это самый короткий допрос в истории стражи, Блоп.

— Ручи, я так рад! Я так рад! Уииии!

— Блоп! Ты болван, Блоп! Слышишь? Болван! — захохотал Ручи и, схватив за грудки, затряс толстяка.

— О чём ты, Ручи? — удивился толстяк и от неожиданности отпустил магистра, упавшего на мостовую.

— Это его дом. Там пусто. Его ограбили, — грустно усмехнулся высокий стражник, — я нашёл на стене его дагерротип и должность. Он мелкая сошка, младший техник магистра.

— Как же так... — печально опустил голову толстяк, — повышение было так близко.

Он сплюнул под ноги Вульфи и печально пошёл прочь по переулку Слепых. Ручи двинулся вслед за ним.

— Эй! — вскрикнул ошарашенный Вульфи. — Ограбили? Как — пусто? Подождите!

Он с трудом поднялся на ноги.

— Эй! Вы забыли снять кандалы!

Ручи нехотя остановился и вернулся к магистру. Вульфи рвался скорее попасть в дом, пока стражник снимал кандалы, и продолжал говорить:

— Вы же должны помочь, помочь. Вы говорите, что меня ограбили! Вы же стража!

— Да кому ты нужен, — лениво и неохотно прошипел Ручи. — Не дергайся, вот... вот и всё.

Он освободил магистра от оков, и тот, сорвавшись с места, бросился в прихожую, заглянул на кухню, в два прыжка взлетел по лестнице наверх — везде было пусто.

Ничего.

Пусто.

Он схватился за грудь, затем за голову и, с трудом дыша, сел на ступеньки. Глаза его были широко раскрыты. В горле пересохло. Колоколом било сердце. «Что! Как! Запчасти, часы, луны... Как я теперь верну долг Герцогине?» — лепетал голос. «Что теперь делать?» — лепетал другой. «Рюкзак», — напомнил третий. «Нет, нет, нет, нет», — тараторил второй. «Я подвел её!»

– кричал первый. «Запчасти! Все запчасти!» – сокрушался двадцать пятый. «Рюкзак», – вновь напомнил третий.

Магистр встал и, пошатываясь, прошёл через первый этаж к двери. Голова кружилась, давая такой широкий круг, что Галахад, словно пьяный, припадал то к одной стене, то к другой. Он выпал из входной двери на ступеньки, и дверь больно ударила его в бок. Он вскрикнул и повалился на живот. Когда утих скрип петель, во мраке пустой мостовой остался лишь стук канализационной капли да мерное журчание вод канала.

Рюкзака не было.

Глава 3

Герцогиня Ки в белом вечернем платье с алым атласным поясом стояла в приёмном покое замка Амун перед большими рядами витражных окон, растянувшихся во всю стену. В их широкие арки контурами мозаики были вписаны портреты её предков. Через их лица сиял мягкими огнями ночной город. В зале горел камин, зажжённый скорее ради уюта. Специально или нет, но в эту ночь герцогиня выбрала арку с лицом своего отца.

— Вы говорите, что сразу же дали сигнал и...? – раздался на весь зал звенящий и требовательный голос.

Герцогиня вздохнула и спокойно повторила:

— Да, вы уже спрашивали меня, служитель Септ, а я вам отвечала, что мы тут же изолировали доступ к музею и тем более к центральной башне. Ни одна душа не проникла туда...

— Кроме тех, кто уже проник, — ехидно отрезал мужчина в тёмно-бордовой мантии. Острые черты лица делали его похожим на птицу, а благодаря своему сверлящему взгляду и во дворце, и на улице он получил прозвище «Сверло».

Герцогиня проглотила укол и невозмутимо продолжила:

— Башню охраняли согласно регламенту, в том числе, и служители культа.

— Всё бы было в порядке, если бы вы не противились передаче реликвии в храм, где ей и место, — заскрежетал зубами Сверло.

— Это была реликвия моего дома, и мы гордились тем, что университет был благословлён присутствием такого артефакта, — сдержанно ответила Ки. — В прежние времена много внимания уделялось изучению рун...

— Прежние времена давно закончились, и вам это известно не хуже, чем мне, — холодно ответил Септ. — Давайте пройдемся ещё раз. Сразу после взрыва, вы, кхм, оделись и пошли в университет, где уже...

— Где уже был введён карантин, и все студенты находились в своих комнатах, согласно инструкциям ваших... — продолжила за него герцогиня.

— ...согласно инструкциям В322 акта Иофа третьего, — напомнил ей культист. — Далее все входы и выходы были опечатаны, охрана расставлена на этажах и лестничных пролетах, запущены аэростаты с патрулями (Сверло зачитывал записи из своего блокнота, прохаживаясь по залу). А затем вы пошли к часовой башне, — служитель остановился: — Зачем?

— Мне поступило донесение, что там произошёл инцидент с младшим техником магистрата, — ответила Ки.

— Младшим техником? Вы серьёзно? Ваша светлость лично проверяет работу магистров? — усмехнулся Септ.

— Это особый случай, я знала... косвенно знала этого человека, — ответила герцогиня, почувствовав острое нежелание рассказывать служителю что-то большее.

— Ну же, не стесняйтесь! — настойчиво произнёс Септ.

— Он был родственником моей служанки, она просила за него, — голос Ки не дрогнул, и она мысленно вознесла хвалу Сердцу.

— Хорошо, пусть так, и этого для вас было достаточно, чтобы просить начальника полиции лично писать бумагу об освобождении подозреваемого?

— Это его кукла, он стар и без неё не может продолжить ремонт часов нашего замка, при чём тут ваши подозреваемые? — герцогиня позволила себе немного рассердиться.

— Это не вам решать, ваша светлость. Вы понимаете, что я могу забрать вас прямо сейчас за противодействие следствию и пособничество терроризму?

— Что вы себе позволяете, Септ! — воскликнула Ки, повернувшись к служителю и уже по-настоящему не сдержав себя.

— Свою работу, герцогиня, свою работу, — отрезал Сверло и продолжил мерить шагами зал. — Давайте ещё раз. Ваша служанка просила за этого человека. Какая служанка? — гнул свою линию культист.

— Это так важно? — сыграла в дурочку герцогиня.

— Безусловно, важно. Потеря руны грозит опасностью всему городу и самому Сердцу. Миру, порядку, закону в конце концов.

Лицо герцогини пошло пятнами, особенно заметными на её белом лице, она отвернулась к окну, прошептав сквозь зубы:

— А также лжи и лицемерию.

— Что вы сказали? — удивлённо спросил Септ и подошёл к ней сзади. — Вы знаете, Ки, у меня отличный слух. Уже одной этой фразы достаточно, чтобы упрятать вас за решётку до самой смерти. Если бы...

В окне промелькнула чёрная тень, и на террасе приёмного покоя послышался грохот.

— Если бы что? — зло спросила герцогиня.

Септ посмотрел на дверь, затем на неё:

— Как только вы перестанете быть фавориткой, ваша светлость...

Ки, тяжело дыша, смотрела прямо в глаза Сверлу. Внутри неё всё дрожало, и она чувствовала, что вот-вот отведёт взгляд от этих пронизывающих холодных глаз. Но двери приёмного покоя распахнулись, и они оба вынуждены были обратить свои взоры на фигуру, стоящую в проходе.

Тэмен Йомера был одет так же, как и утром: в тяжёлую броню и плащ. Его вьющиеся волосы так же ниспадали на плечи, а меч поднимал край плаща. Только теперь можно было рассмотреть его мужественное лицо, действительно красивое. Вот только красота эта была лишь внешней, её не озарял внутренний свет, как это было утром. Он устало подошёл к Септу, упавшему на колени и поклонился герцогине, застывшей в книксене.

— Встаньте, — тихо сказал Тэмен.

Оба поднялись. Служитель открыл было рот, но Узурпатор не дал ему вымолвить слово:

— Отпустите даму, Септ. Уже поздно. Продолжите потом.

— Да я уже закончил, ваше величество, — поклонился начальник отдела особых поручений культа. — Я уверен, руна найдётся, город не пустыня...

— Я жду от вас результатов, а не уверенности. Но, я думаю, вы это прекрасно знаете и без меня, — отрезал Узурпатор.

— Невозможно выразиться точнее, ваше величество, — склонил голову Сверло, украдкой бросив взгляд на герцогиню. Она поймала его и по лицу её пробежала волна неприязни, отчего Септ криво улыбнулся.

— Не смею вас больше беспокоить, — всё так же склонив голову, произнёс служитель и двинулся к двери на террасу.

Когда его шаги стихли, Тэмен поднял голову на портрет в витраже и многозначительно произнёс:

— Ищете у отца защиты от козней моих ищек?

Ки вздрогнула и тоже взглянула на портрет.

— Я не заметила, ваше величество... это чистая случайность... — зашелестела она извиняющимся голосом.

— Не стоит извиняться. Вас не в чем винить, — сказал Узурпатор устало. — Мы можем пройти к вам, я так бесконечно устал.

— Конечно, ваше величество.

Йомера по-военному повернулся на месте и направился к аркам, за которыми тянулись коридоры замка. Ки поспешила за ним, уставившись на золотой рисунок на его плаще. Её вновь наполняло чувство стеснения, тревоги и интереса, так знакомое ей по визитам Узурпатора. Как он спешил в её покои, как нервно теребил железной перчаткой гарду своего меча, пока старый паровой лифт поднимал их на террасу. Как часто и тяжело вздыхал, стараясь при этом не показывать этого. Ничто не ускользало от внимательных глаз и чувств герцогини.

Как только Тэмен раскрыл скрипучие металлические решетки лифта, Ки парой мягких фраз отпустила оставшуюся прислугу, а сама пошла в гардероб, представлявший из себя

несколько комнат с бесконечными рядами одежды в деревянных резных шкафах с инкрустациями драгоценных камней, позволявших подбирать украшения к одежде. Там она несколько взволнованно собрала в охапку вечерний мужской костюм, не позволив себе тратить много времени на выбор, и прошла через этот маленький лабиринт в свой кабинет.

В кабинете, обставленном с каким-то особенным уютом, напоминавшем ей одновременно детство и образ родительской заботы, Узурпатор уже скинул с себя тяжёлое облачение и несколько виновато улыбнулся герцогине, когда она передала ему его вечерний туалет. Ки поклонилась правителю, улыбнувшись подрагивающими губами и вышла на террасу. Там в зарослях, она плутала по дорожкам, пока не вышла к балкону, возвышавшемуся над бесконечными созвездиями городских огней. Она положила руки на холодные мраморные перила и выдохнула. «Этот странный и страшный человек в моих покоях. Его ищейки, сующие нос в каждую щель. Сплетни о какой-то простолюдинке, подхваченные всем городом. И его дракон, прогуливающийся по стене МОЕГО замка».

Металлический зверь скрипел и грохотал своими огромными лапами, медленно огибая часовую башню, будто что-то вынюхивая в ней. «Мерзкая тварь». Дракон будто бы услышал её слова и поднял голову на край террасы, где стояла герцогиня. Ки отпрянула и отошла от балкона. Сердце подпрыгнуло до самой шеи и ей пришлось присесть, чтобы прийти в себя. Она в испуге оглянулась, не видит ли её сейчас правитель, но нигде поблизости его не было видно. Герцогиня встала, вздохнула и направилась обратно в свои покои.

Она обнаружила Тэмена в большом кресле её отца с книгой в руке и Асоль, положившую голову ему на колени, продавшуюся за ласку его крепкой и нежной руки. Подавив возмущение, герцогиня двинулась через кабинет к зеркалу.

— Предательница! — игриво произнесла Ки, поправляя в зеркале свою подрастрепавшуюся за вечер причёску. Асоль лишь мельком и как-то заговорщически посмотрела в отражение её глаз, но даже не пошевелилась.

— Простите, я вновь и вновь отбираю у вас всё, что вам дорого, — с неизменной долей раскаянья, так раздражавшей Ки, произнёс Узурпатор.

— Зачем вы всё время напоминаете мне об этом? — с небольшой ноткой удивления и сарказма, не требовавшей ответа, произнесла герцогиня, присев за столик и принявшись поправлять макияж.

— Потому что чувствую то, что не должен бы чувствовать, по мнению любого человека во дворце, — задумчиво произнёс правитель, захлопнув книгу.

— И что вы собираетесь делать с этим чувством? — вновь не постеснялась уточнить герцогиня, увлечённая своим правым глазом.

— Вы знаете, для моего самого дорогого заложника вы задаёте слишком много вопросов, — улыбнулся Узурпатор.

— Простите, я сосредоточилась на ресницах и не подумала, о чём спрашиваю, — невинно произнесла Ки и занялась левым глазом, но затем положила руки на столик и посмотрела в отражение на Тэмена: — Да, кстати, ваше величество, тут весь город судачит о вашем романе с простолюдинкой (она повернулась на стуле к Узурпатору и усмехнулась). Вы не подумайте, если здесь и есть место ревности, то лишь для моего реноме. Но это может полностью уничтожить всю нашу легенду.

Тэмен заёрзал в кресле и встал.

Асоль, почувствовав волнение мужчины, поднялась и подошла к Ки, словно извиняясь, и положила голову на колени герцогине. Та вновь повернулась к столику и достала номер «Вечернего ветра» с закладкой, раскрыла его и передала Узурпатору разворот с фотографией испуганной девушки. Тэмен долго смотрел на разворот, потом перевернул страницу и прочитал несколько строк то тут, то там.

— Прелюбопытно... — произнёс он и стал прохаживаться по комнате, разглядывая рисунок ковра на полу.

— Хмм. И это всё? — удивилась герцогиня.

Узурпатор подошёл к металлической шкатулке в углу массивного стола, заваленного бумагами. Открыв крышку, заигравшую в свете ламп золотым узором, он уставился на инструмент, покоившийся на бархатной ткани.

— Вы когда-нибудь любили, Ки? — произнёс он после некоторой паузы.

— Влюблялась, было. Но чтобы всерьёз и глубоко... Нет, не думаю.

— Я тоже, — задумчиво сказал Узурпатор, достал лакированную флейту из шкатулки и, повернувшись к герцогине, спросил: — Играете?

— Нет, это отца, — сдержанно ответила Ки. По лицу Узурпатора пробежала нота смятения, и он поспешно убрал флейту в шкатулку.

— Я тоже не любил, — он сделал паузу, словно сверяясь с неким внутренним компасом, и с чувством заговорил: — И долго не мог понять, как это так, все эти люди, которых я вижу, женятся ради титулов и положения, денег, выгоды, политических интриг. Каким образом им удаётся так себя обмануть, чтобы называть это любовью?

— Как это собирались сделать мы? — подняла брови герцогиня.

Узурпатор с укором взглянул на неё.

— Я не знаю, ваше величество. Говорят, что Сердце создало нас всех из искренней любви. Но я ни разу не встречала в нашем кругу человека, способного без задней мысли любить другого, — печально и задумчиво произнесла она. — Одни люди заводят детей из расчёта на то, какие титулы и звания объединят их потомки и как это упрочит положение их семьи в обществе. Другие же заводят кого-то, чтобы чувствовать, что они просто нужны. Ох, ваше величество, это такая печальная тема... Даже Асоль любит того, кто её гладит, правда, милая? — сказала Ки и опустила свою голову на голову собаки.

— Такие слова да в уста наших первосвященников, — тихо произнёс Узурпатор.

— И что бы случилось? Весь город бы развалился. Вся ваша власть, Тэмен, держится на этом самообмане, — печально констатировала герцогиня, теребя Асоль за острые уши.

— Не только моя, но и ваша, моя милая, — парировал Узурпатор, облокотившись спиной на косяк двери, ведущей на террасу. Ки промолчала, глядя в чёрные глаза собаки.

— Так вот, это не она, — улыбнулся Тэмен.

— Кто? — удивлённо подняла голову Ки.

— Девушка на фотографии, — спокойно ответил правитель. — Это не её лицо.

Тем временем девушка с фотографии с лицом, закрытым вуалью, прикрепленной к широкой кое-где выцветшей шляпе, пробиралась через плотную толпу нетрезвых посетителей кабака «13-я луна» на Сердечной площади. Она морщилась и выдёргивала края своего платья, попавшие в лапы немых грузчиков, машинистов и строителей, не менявших свою одежду ни днём ни ночью. В тусклом свете газовых светильников в её глаза лезли сердечные пылинки, копоть и пот, а грудь не могла свободно вдохнуть от духоты.

Девушку схватил за руку толстый стражник с пухлыми губами и покрасневшимся лицом, но тут же получил в глаз тяжёлой сумкой и упал в толпу, прогнувшись под ним, как батут, и вытолкнув его обратно. Он пролетел мимо девушки и упал на стол между двух совершенно забывшихся горняков с соляного озера.

— Кафёл! — кинула девушка наглецу, удаляясь. Её хмурый взгляд обеспечил ей дальнейший путь среди посетителей, и она оказалась возле грубой деревянной двери за стойкой. Бармен, здоровый лысый детина в куртке, грозно взглянул на неё, но она ответила взглядом, от которого тот поспешил поскорее вернуться к своим стаканам и ближайшему посетителю. Девушка юркнула в дверь и оказалась в спасительной темноте. Смерд заведения почти не проникал сюда. Она нащупала на стене светильник из сердечной пыли, зажгла его, потянув за металлический тросик, и в алом сиянии сердечных частиц стала спускаться по ступеням вниз, в погреб.

В погребе, заставленном бочками с каким-то особенно мерзким, с резким запахом пойлом, уже горел свет другой сердечной лампы, и в его красноватом мареве, за старым деревянным столом, сложив руки перед собой и опустив на них голову, спала другая девушка.

— Фь-фь-фь. Эй! — просвистела вошедшая, вешая лампу на чугунный крюк, вбитый в каменную колонну.

— Фь-фь-фь, Майло, — девушка подошла и похлопала спящую по плечу. — Это я, Фафа.

— А, За-а-ара-а, это ты что ли, — протирая глаза, протянула проснувшаяся. — Прости, я заснула, пока ждала тебя. Всё хорошо?

— Фь-фь-фь. Нефь, не хофофо, — рассерженно произнесла Зара, присаживаясь напротив, — Им уфалось сфофокфафифофать меня.

— Что-о-о-о? — зевая, удивилась Майло.

— Сфо-фо-кфа-фи-фо-фать, — по слогам, грустно констатировала Зара. — На фофоаппафаф. Фёлк. Пых! И сфафу в фафефу.

— Подожди, подожди, — подняла руки вверх проснувшаяся, — давай ещё раз. То есть тебя кто-то сфотографировал?

— Фа, — кивнула Зара.

— И что же? Это уже во всех газетах? — Майло с ужасом прикрыла рот рукой.

— Фа, неф, не фо фсех, — кивнула, а потом замотала головой Зара, — но они фсе написали, что я, понимаеф, я — любофница Уфуфпафофа. Неф, я-фо, конефно, не пфофив. Мне фффит, ффо фя...

— Погоди, не волнуйся, — остановила её вторая, — я уже перестала тебя понимать.

Зара выдохнула и, восстановив дыхание, продолжила:

— А ффо фуф понимафь. Они написали, фто я, фо ефь фы, ефо любофница.

— Где такое написали? В «Вестнике» что ли?» — встревоженно спросила Майло.

— Неф, — отмахнулась вошедшая, — Ф «Фечефнем фетфе».

— Ну, тогда это не так уж страшно, — выдохнула проснувшаяся. — А что в «Вестнике»?

— Ф «Фестнике» написали фто Уфуфпафоф фепефь зафтфакаеф на фтофом яфусе. И ффо фепефь эфо нофая мофа, — важно процитировала наизусть Зара.

— Ну что ты тогда меня пугаешь, — рассердилась Майло, — пусть эта жёлтая газетёнка пишет себе, что вздумается. Всё равно её читают только на верхних ярусах, а на работу я не вернусь, да и тебе не советую.

— Сефюфня офна, фаффа дфуфая, — подняла брови Зара и сняла шляпу, положив её на отполированный стол. — Фто фы собифаефся фелафь?

— Не знаю, — зевнула Майло. — Домой дорога закрыта, двое попрошаек следили за мной и дежурят там с самого утра, здесь же оставаться тоже небезопасно.

Обе девушки посмотрели друг на друга. Они были даже чем-то похожи. Обе милые, молодые, стройные, с тонкими и мягкими чертами лица и пучками волос, собранными на макушке. Разве что у Зары от постоянного свиста губы были чуть более припухшими, а взгляд такой же тяжёлый, как пудовые гири. Обе были одеты в простые зелёные платья, сшитые, видимо, у одной портнихи, только на Заре была дождевая накидка. Сняв и положив её на скамью, она повернула к Майло своё уставшее лицо.

— Разве что... — задумчиво протянула Майло.

— Ффо? — сощурила глаза Зара.

— Ну, это из разряда фантастики. Помнишь, отец, когда умирал, позвал меня к себе, а остальных попросил выйти, — медленно заговорила Майло.

— Фа. Помню, — кивнула Зара.

— Прости, что не говорила тебе, но он дал мне адрес и сказал выучить наизусть. Угол Соляного канала и переулк Слепых, красная дверь. Сказал, что, если мне будет некуда пойти, идти туда.

— Хмм... Фафачно. Опафно. Но, нафефное, сфоиф хофя бы уфнафь, ффо фам. И эфо... Как Он тебя найфёт? — Зара вопросительно подняла брови.

— Найдёт, — опустила голову на руку Майло.

— Ну тоффа чефо мы ффём? Пофли! — глаза Зары загорелись и, поднявшись, она вновь набросила на плечи накидку, у которой оказался капюшон, а шляпу с вуалью она протянула удивлённо глядящей на неё Майло.

— Сейчас что ли? Но уже, наверное... Сколько время-то? Да и опасно это! — оторопела та.

— Сейчас, — бескомпромиссно кивнула Зара и нахлобучила шляпу сестре на голову.

Когда девушки, прижимаясь к краю улицы, проходили мимо Колизея, моросил мелкий дождь, прибавивший к земле непослушную сердечную пыль, окрасившую потоки воды в красный — словно это кровь теперь текла по венам сточных каналов. Столы были убраны и даже мусор исчез из-под ног. Зара напряжённо вглядывалась в темноту, предчувствуя её недобрые намеренья, но темнота к тому времени насытилась на неделю вперёд и ей хватало сил лишь на то, чтобы пугать случайных путников своей пустотой. Девушки спокойно добрались до переулка Слепых, вздрогнув на повороте лишь от замершей фигуры чёрного металлического рыцаря. Но, приглядевшись, поняли, что тот был на зарядке. И, обойдя облако чёрного дыма, струившегося вокруг сосущего скрежета, издаваемого трубой, прикрученной к груди рыцаря, добрались до канала.

В свете тусклых бликов, каким-то чудом спустившихся к воде, девушки далеко не сразу сумели различить потерявшую яркость красную дверь. Когда же Зара сделала шаг, чтобы постучать, Майло положила руку ей на плечо и указала на замок, валявшийся на ступеньках. Зара посмотрела на сестру и нахмурилась. Та пожала плечами, вздохнула, положила руку на дверную ручку и потянула её на себя. Тонкий скрип был таким выразительным, что обе девушки инстинктивно сжались. Однако дверь открылась, и ничего не произошло. Они тут же, как по команде, исчезли в дверном проёме.

Внутри было темно. Майло стянула шляпу и повесила её на крючок, где уже висел чей-то плащ. Зара закрыла дверь, вновь скрипнув (на этот раз тише), и они обе медленными шагами, стараясь ступать на носки, стали двигаться внутрь прихожей. В помещении было совершенно пусто, словно тут никто никогда не жил. Отсутствовали даже какие-либо осветительные приборы. Зара подошла к сестре и удивлённо посмотрела ей в глаза. Та опять пожала плечами и указала на небольшую лестницу, поднимавшуюся на второй этаж. Зара кивнула, сделала шаг в её сторону — и замерла. Майло тоже услышала неясный звук и застыла рядом. Звук тут же повторился. На втором этаже раздавался чей-то плач. Зара обернулась и совершенно округлившимися глазами посмотрела на сестру. Но та лишь кивнула в сторону лестницы, и они обе поспешили подняться вверх.

Там, посередине небольшой комнаты, на полу лежал старик, он не обратил на вошедших никакого внимания. Майло присела к нему:

— Дорогой, господин, что с вами? Вам как-то помочь?

Но старик лишь хватался крепче за голову и заливался безудержными слезами.

— Господин, о луны. Зара, что делать-то? — взволнованно произнесла девушка.

Зара присела рядом и покачала головой:

— Ему нуфно фать фыплакафсь, — просвистела она и огляделась.

В комнате тоже было совершенно пусто.

— Нищий фто ли? — предположила девушка.

— Может, у него что-то случилось? — отозвалась Майло.

— Сфился, хофя забыфай-фофой не несёф... сффанно, — задумчиво пробормотала Зара, встала и подошла к стене с пустыми крюками.

Майло повернула лицо к старику, вздохнула и решилась:

— Меня просили передать, что я дочь Альфреда.

Сестра посмотрела на неё с удивлением, а старик, только что безутешно рыдавший, затих. В наступившей тишине только каблук Зары поскрипывал доской, пока та в напряжённом ожидании переносила вес с одной ноги на другую. Затем из уст старика дрожащим голосом проскрежетало:

— Как-как вы сказали?

Майло вновь взглянула на Зару, ища поддержки. Но та стояла озадаченная и смотрела на сестру, подняв брови.

— Это очень долгая история, — начала Майло, — я же выросла в приёмной семье, это моя приёмная сестра Зара. И отец, ну, мой приёмный отец, перед смертью сказал мне, что я могу прийти сюда, когда мне понадобится помощь, — залепетала Майло. — И сказать... сказать, что я дочь Альфреда. Это всё, что я знаю (она тяжело вздохнула). Но я же вижу сейчас, что помощь нужна не мне, а вам. Скажите же, что случилось и как мы можем помочь?

Старик, приподнялся на локте и удивлёнными заплаканными глазами посмотрел на Майло. Повернув голову, он увидел Зару. Он никак не мог понять, откуда знает её лицо, более того, обе девушки казались ему чрезвычайно знакомыми.

— Так, так, так, — схватил он себя за голову, приподнявшись. — Давайте ещё раз. Простите, у меня такой денёк был. Не очень соображаю. Вы? — указал он на Майло.

— Я Майло Самора, а это моя сестра Зара Самора, — сказала Майло, повернув голову на Зару. — Но мы не родные. Скорее всего, мы очень дальние родственницы, как говорил наш, то есть её, то есть мой приёмный отец, — запуталась девушка.

— Самора, Самора, что-то не припомню, — кряхтя произнёс старик, садясь на пол, и посмотрел на Зару. — Но почему, почему я так отчетливо помню ваше лицо, будто видел его сегодня?

— Фафефа, — хмыкнула в ответ Зара.

— Простите? — переспросил старик.

— Вы, наверное, видели её фотографию в газете, — уточнила Майло.

— Точно! — воскликнул старик, хлопнув себя ладонью по голове. — «Вечерний... как его... ветер». Мне всё совал его под нос этот Астолоп, старший техник.

— Да, именно поэтому же мы к вам и пришли, — удивилась Майло.

Все ненадолго замолчали.

— Так, постойте. Вы сказали, что вы дочь Альфреда. Я не ослышался? Какого Альфреда?
— старик пристально взглянул на неё, вытирая слёзы.

— Я... Я не знаю. Я знаю только имя. У меня не сохранилось никаких детских воспоминаний об этом, — глаза Майло заблестели.

— Так, постойте, на вид вам, — старик протёр глаза, — лет двадцать.

— Двадцать один, — уточнила девушка, вытирая рукавом слезу со щеки.

— Двадцать один, — хмуро повторил старик и задумался.

Затем он тяжело вздохнул, поскрёб пальцем о тёмный край доски на полу и начал говорить:

— Понимаете, в чём дело... Мой брат Альфред Вульфи погиб тридцать лет назад. Он был выдающимся умом. Лучшим в своём, кхм, в нашем поколении. Он много чем занимался, его мозги... ох... Он готовил открытие, оно должно было перевернуть нашу жизнь, новый ренессанс. Но в ту ночь... Ему просто не повезло. Когда казнили заговорщиков. Ну, вы понимаете...

Старик замолчал, погладил подушечкой пальца расцарапанную поверхность доски, вздохнул и продолжил:

— Мой брат, он... занимал одну из кафедр университета. Великий мейстер дома Амун и он... Они были дружны. Всё ближайшее окружение его светлости было уничтожено вместе с ними в ту ночь.

Старик вновь заплакал.

— А я, кто я такой... лучше бы меня казнили, а не его.

Майло сидела, закрыв глаза ладонями, и тоже тихонько всхлипывала. Затем подвинулась к старику и обняла его. Он сначала отстранился, но потом сам упал в её объятия. В открытую форточку залетел ночной ветерок и всколыхнул волосы на голове магистра и ворот на платье Майло. Над ними, переминаясь с ноги на ногу, стояла Зара, задумчиво смотря то на обнявшихся, то в окно на непроглядную темноту канала.

Когда взошло первое солнце и его игривая кисть окрасила комнату на втором этаже общежития Магистрата в доме младшего техника, девушки уже сходили на рынок и на маленькой масляной горелке в помещении бывшей кухни готовили завтрак. Вульфи вместе с Зарой затаскивали матрасы на второй этаж, а Майло, казалось, навеки выгоняла остатки пыли из жилища магистра.

— Простите, что спрашиваю, — поинтересовался Галахад у Зары, когда они присели на матрасы перевести дух. — С детства? Почему не вылечила?

— Фто? Фь-фь-фь? — засвистела она в ответ. — Фа, с фефсфа. Какое лечение. Фы ффо. Мы еле сфофили концы с концами. Офец фабофал фа чеффефых. Оффофо и умеф. Моя мама умефла ещё фаньфе. Некому было фанимафся.

— Фе-фе-фе, — передразнил Вульфи. — Говори медленней.

Зара нахмурилась и резко провела большим пальцем у горла, а затем опустила ладонь на уровень колена.

— А, умерла, когда ты маленькой была, — хлопнул себя по коленке Галахад. — Так бы и сказала. А то, ну, ты понимаешь, тебя трудно понять.

— Ничефо я пфифыкла, — криво улыбнулась Зара.

— Трудно отцу двух девок растить, да, — грустно сказал старик.

— Ничефо, фафо эфо сфелало меня сильной, — Зара показала мускулы на руках и по-детски засмеялась.

Вульфи печально улыбнулся, но быстро стряхнул налет скорби и продолжил:

— Ты знаешь, я в бытность свою в учебном центре магистрата жил в общежитии с одним врачом. У него была небольшая практика, он исправлял людям речь. Как детям, так и взрослым, — магистр отвернул голову и сложил руки на груди. — Ну и, как это часто бывает перед экзаменами, любая информация запоминается лучше, чем то, что нужно выучить тебе. В общем, я помню, как он это делал. Негоже такой красивой девушке... Кхм. Ну. Я бы мог позаниматься с вами.

Он замолчал и краем глаз посмотрел на удивлённую Зару, смотревшую на него сверху вниз.

— Я не обещаю, что это будет быстро. У взрослых это очень трудно. Рефлексы выработаны. Но слушать я это искренне не могу, — скривил губы Вульфи. — И я не привык оставаться в долгу ни перед кем.

— Не сфоиф. Не сфоиф. Фы тофе помофаефе нам. Майло буфед ф бефопасносфи ффесь.

— Да, кстати, я так и не спросил, от какой беды она... — повернулся к девушке Вульфи.

— Эээм... — замялась в ответ Зара, — спфосифе луффе у неё самой. Я фуф фам мофу фь-фь-фь, насфисфедь факофо, — засмеялась она. — А по пофофу вафефо пфефлофения. Я софласна. Хофь я уфе фафно пфифыкла к сфоему сфисфу, но почему бы и неф.

— Вы приводите в порядок мой дом, а я приючу твою сводную сестру и вылечу тебя от твоего фь-фь-фь. По рукам? — магистр протянул Заре руку. Та вновь рассмеялась и ответила ему крепким рукопожатием.

Когда они спустились вниз, Майло уже разливала похлебку по глубоким жестяным тарелкам, прихваченным из кабака Зарой.

— Как хорошо, что мы успели сходить до начала торжеств. Весь рынок сегодня перекроют.

— Торжеств? — переспросил Вульфи, с увлечением уплетавший суп.

— Кажется, правильно это называется «День защитника Сердца», но мы, простые люди, называем его просто Днём Сердца, «...когда мы должны вспомнить наше предназначение в этом мире...» — процитировала она слова Последнего Поэта голосом культиста из их маленькой церкви.

— А, этот дурацкий парад, — произнёс магистр, заглатывая остатки пищи.

— Не спешите, не спешите, — улыбнулась Майло. Но Вульфи уже допил жидкость, поставил тарелку рядом с кастрюлей:

— Можно ещё?

— Конечно, — рассмеялась девушка. — Вы такой милый!

— Ты сносно готовишь, а я ужасно. А я много лет не ел ничего, кроме собственной стряпни, — ответил старик, накладывая себе вторую порцию, но вдруг застыл: — Парад. О луны!

Тарелка выпала из его руки, расплескав жидкость по дощатому полу. Старое расслаивающееся дерево тут же окрасилось тёмным жирным пятном.

— Нам надо спешить.

Старик вскочил и бросился на второй этаж, затем повернул и прыгнул в свои старые ботинки в прихожей.

— Куда вы? Что происходит? — удивлённо воскликнула Майло.

Вульфи уже надел свой плащ.

— Я объясню по дороге, но нам надо успеть до начала парада попасть на другую сторону рынка на торги. Нам надо спешить!

Девушки недовольно переглянулись, но встали с пола.

Зара вышла из двери последней и вынула из накидки замок, надев его на дверь.

— Скорее, скорее, мы должны успеть до того, как пойдут войска, — заверещал магистр и потянул Майло за собой. Они понеслись по переулку Слепых с той же прытью, с какой магистр пересекал его ночью в обратную сторону. Старик ничего им не объяснял, а лишь выкрикивал предупреждения, держась впереди: «Мешок! ... Яма! ... Лужа!» Девушки бежали, приподняв платья, и лишь один раз успели переглянуться в недоумении.

На рыночной площади вокруг Колизея уже собиралась толпа, а полиция возводила ограждения. Жители нижнего яруса стекались на единственное в их части города пятно, куда ещё попадало солнце, в преддверии грандиозного зрелища. Вульфи схватил Майло за руку и потянул через толпу, нарочно толкаясь и наступая на ноги людям, чтобы они расступились перед сестрами. Майло держала за руку Зару, и если первой приходилось мило улыбаться и извиняться, то вторая просто смотрела на разозлившихся зевак своим пронизывающим взглядом, отчего они тут же терялись и у них пропадало всякое желание возмущаться.

Магистр пробрался к ограждению и протиснулся под ним, увлекая за собой девушек. Стоявший поодаль полицейский тут же замахал ему рукой и рассерженно затряс головой. Но Вульфи не обратил на него никакого внимания и стал помогать Майло и Заре пробраться через невысокую преграду. Полицейский рассердился и двинулся в их сторону. Галахад схватил девушек за руки и побежал на противоположную сторону площади. Полицейский засвистел в свисток и бросился за ними, но тут же споткнулся и упал в алую пыль, вновь поднявшуюся в тёплых лучах солнца. Народ засмеялся. Пока тот вставал и отряхивался, Вульфи со спутницами уже был на другой стороне площади. Мужчина плюнул и пошёл обратно к ограждению.

Весь вспотевший и грязный от осевшей на нём сердечной пыли, Вульфи добрался до подиума с торгами в районе большого фонтана, когда те уже были в самом разгаре. Девушки бросились к воде умываться в сверкающих брызгах, а магистр побежал вокруг подиума, пытаясь рассмотреть выставленных на нём кукол. «Опоздал, опоздал, опоздал!» — наперебой

кричали голоса в голове магистра. Народу была масса. Привлечённые праздником зеваки не думали ничего покупать, но смеялись и показывали пальцами на выставленных на торги оживляшек, и через головы горожан магистру было трудно разглядеть происходящее. Он попытался протиснуться между леса людских ног, но они вытолкнули его добрыми пинками. Мокрая от воды Зара подошла сзади к магистру и присела, показав на свои плечи. Магистр раздражённо дёрнул головой, но потом вскочил девушке на шею — и та подняла его, как ребёнка.

— Ты, смотрю, не соврала, сила есть, — усмехнулся Вульфи, разглядывая подиум. Зара ничего не ответила и лишь расправила плечи.

На подиуме, где еще вчера секли людей, стояли куклы всех размеров и форм: деревянная раскрашенная птица на колёсиках с бегающими глазками; розовый божок с матерчатыми ушами до колен; пара каменных големов; высоченные качели, оформленные под гигантский рот; чёрный рыцарь без ног; гора испорченных «посыльных» на запчасти; и бесконечное множество антропоморфных «человечков» из дерева и металла. В некоторых из них скупщики прямо там вставляли сосуды с крупинками сердечных осколков и царапали на руках или голове список команд, после чего кукла поднималась из груды обломков и шла в строй к остальным. На этом подиуме торг шёл за летающего змея с шестью руками — он парил над продавцом и с недоумением оглядывал толпу.

— Не то, — расстроено произнёс Вульфи и оглянулся.

— Повернись туда, — магистр указал направо, на другой подиум, где торговали запчастями для заводских кукол.

Зара повернулась, и Галахад пришлось прикрыть глаза рукой от слепящего света забравшихся в зенит солнц, отразившегося в забралах и панцирях рабочих-пауков и сверкающих заклепками грузовых аппаратов с огромными металлическими руками, интересовавших только работников магистрата и механиков. Там толпа была реже, поэтому Вульфи спрыгнул с Зариных плеч и поспешил к подиуму сам.

Он подбежал ровно в тот момент, когда к краю деревянного возвышения подошёл вспотевший сухой глашатай в капюшоне, закрывавшем глаза, и объявил:

— Лот тридцать три. Кукла с панцирем. Запчасти. Владелец... — мужчина посмотрел в толпу, — ... уважаемый работник стражи.

Ошарашенный Вульфи оглянулся туда, куда была направлена голова глашатаю. Там стоял Блоп с фингалом под правым глазом и нервно улыбался.

— Стартовая цена, — продолжил мужчина на подиуме, — триста грошей.

С этими словами другой мужчина в длинной хламиде вынес на подиум куклу, ещё вчера принадлежавшую магистру, и показал собравшимся.

— Триста монет? — раздалось из толпы. — Это кто ж такую цену-то назначает?

— Не я, — бесстрастно ответил глашатай.

Взоры вновь обратились на глупо улыбавшегося Блопа. Тот же голос продолжил распинать стражника:

— Да за что здесь триста монет-то? За панцирь что ли? Да она же, похоже, даже не работает.

Блоп зло посмотрел в сторону голоса, но толпа не выдала его. Вульфи переводил взгляд со своей куклы на Блопа и обратно. «Напасть!» — предлагал один голос. «Схватить и убежать!» — предлагал другой. «Нет, нет, нет, нет», — не останавливаясь твердил третий. «Всё бесполезно», — рыдал двадцать пятый.

— Эй! — раздался вдруг звонкий женский голос за спиной Вульфи. — Это же ты меня вчера лапал!

Вульфи не сразу понял, что это говорит Зара, она пробиралась сквозь толпу к стражнику. А Блоп не сразу сообразил, что говорят с именно с ним, и повернул голову, лишь когда Зара была рядом с его лицом.

— Ну что, тебе второй глаз разукрасить? — крикнула она и, размахнувшись, вlepила Блопу такую звонкую оплеуху, что всё его лицо завибрировало. От неожиданности он сел на землю, а люди вокруг расхохотались. Мужчина в хламиде, державший куклу, согнулся пополам от смеха, и та выпала у него из рук, перевернувшись и упав прямо перед магистром Вульфи.

Галахад опешил и не сразу сообразил, что делать. Первым пришёл в себя мужчина на подиуме и окрикнул его:

— Эй, старик. Подай сюда куклу, будь добр, — произнёс он, утирая слёзы с лица.

Вульфи посмотрел на небритое лицо мужчины, затем на куклу, присел на корточки и просунул под неё руки, тут же покрывшиеся мелкой красноватой пылью. На его плечо упала капля. «Слеза» — произнёс голос. Магистр сорвался с места и побежал что было сил, не разбирая дороги — между смеющихся людей, мимо фонтана, в толпу, собравшуюся возле Колизея. Он выскочил на площадь прямо перед танковой колонной, что тянули на себе големы чуть ли не большего размера, чем сами танки, и бросился за марширующим оркестром. Его ноги горели, а сердце отбивало, казалось, свой последний зажигательный ритм. Сшибая музыкантов, он выбрался из оркестра и вбежал вверх по пьедесталу движущейся картонной статуи Узурпатора Самариуса, которую волокли несколько кукол поменьше. Народ не обращал на него особого внимания, потому что в тот же самый момент над процессией пролетел воздушный корабль, тянувший за собой шары с нарисованными на них лунами.

К магистру со всех сторон бросились полицейские, давая друг другу сигналы, как окружить обезумевшего старика. Вульфи совершил обманный манёвр и бросился было назад по пьедесталу, но затем снова рванул вперёд — и прыгнул на открытое пространство, откуда догадался наконец свернуть в инстинктивно расступившуюся толпу и бросился в ближайший проулок. Не снижая темпа, он летел по направлению к каналу. Там в родной темноте переулков, он был уверен, ему удастся уйти от погони.

Его оглушил рёв реактивного мотора, ударивший по ушам. Вульфи споткнулся и упал в лужу, больно ударившись всем телом. Когда он открыл глаза, то куклу из его рук дёргал синего цвета осьминог, очень похожий на того, что магистр видел на статуе перед часовой башней замка Амун. Вульфи чрезвычайно удивился, но лишь сжал куклу сильнее. Осьминог хмуро посмотрел на магистра, а его щупальца тем временем палец за пальцем освобождали ослабевающую хватку старика.

Взгляд Галахада упал на огромного человека за рулём аэроцикла, он нажал на педаль и машину стало поднимать в воздух. Вульфи почти повис, держась за куклу, когда осьминог отцепил последний палец своими скользкими конечностями, и судно рвануло вверх, исчезнув между зданий. Вульфи упал на камни брусчатки и потерял сознание под свист, крики и топот приближающихся полицейских башмаков.

Глава 4

Тот, у кого ещё не было имени, приоткрыл глаза. Большое тёмное пятно нависло над пятном поменьше, оно соединялось с ним каким-то особенно тревожным образом. Картина эта вызвала необъяснимое отторжение у вновь пробудившегося, и он тут же снова закрыл глаза. В наступившей пустоте он почувствовал приятные волны покоя. Хотя, вполне возможно, не смог бы дать название ни одному из только что испытанных чувств.

Однако идиллия эта длилась недолго, начал прорезаться слух. Две мелодии, возникшие из пустоты, то переплетались, то солировали, представая перед его внутренним взором в виде разноцветных пляшущих волн. Наконец одна, а затем и вторая мелодия превратились в голоса. Один из них, грубый и низкий, походивший на скрежет заржавевшего редуктора, подавлял другой, похожий на звонкий колокол часового боя. Они переплетались и вновь разъединялись в непредсказуемой манере, не похожей ни на один из разговоров, когда-либо слышанных пробудившимся.

Но разве слышал он до этого разговоры? И что такое редуктор? Едва подумав об этом, он удивился, что в нём самом нашлись эти самые слова, дающие имена осознаваемым им событиям. А затем он удивился, что сумел обнаружить и сам факт мышления. Во всём его существе возникло в одно мгновение множество побуждений: встать; пойти; помочь тем, кто разговаривал, возможно, он сможет быть им полезен. Но его никто не звал. А ведь его должны позвать. Как странно. С тревогой он заметался на месте и вдруг упал, оказавшись придавленным своим собственным телом.

— Она дёрнулась? Ты говорил... — спросил звонкий голос, принадлежавший молодому человеку в робе культа с накрытой капюшоном головой.

— Говорил... — грубо ответил стоявший напротив здоровяк с покрасневшим лицом, в лёгном костюме. В свете утренних лун он выглядел ещё более устрашающим, но молодой человек не проявлял никаких признаков страха и держался уверенно.

— Мда... На вас ни в чём нельзя положиться. Используйте сигнал, приносите сюда куклу, якобы не функционирующую... А, может, в ней «око»? И они прямо сейчас смотрят на нас из этой металлической задницы, — он указал на неуклюже упавшую куклу, а затем зааплодировал: — Bravo.

Здоровяк подошёл к кукле, поднял её за ногу и усадил обратно на табуретку, прислонив к стене. Кукла развалилась в позе грустного пьяницы.

— Так тебя устраивает? — зло посмотрел он на мужчину в робе и зашипел сквозь зубы: — У нас не было выбора. Мы ждали, сколько могли. Пошли по следу Лилы и наткнулись на него в переулках канала. Что мы должны были по-твоему делать? Оставить его там? Он наша последняя зацепка.

— Я уже это слышал, — грустно ответил молодой человек и подошёл к колонне. За ней падала вниз, в темноту, стена ратуши, торчавшая посреди густого белого тумана.

Этот забытый Сердцем квартал не поднимался ни на второй, ни тем более на третий ярус города, поэтому со всех сторон он был обрамлён частоколом высоких домов. Колокол с башни давно сняли — и там, на самой её вершине, на застеленном досками полу, мужчина в робе пнул выпавший из стены кусок кирпича, печально исчезнувший в белой пелене. Молодой человек вздохнул и продолжил:

— А я ещё раз повторяю. Мне нечем тебе помочь, я не знаю куда её повезли.

Снорри обнажил зубы и ударил в одну из колонн так, что штукатурка посыпалась с купольного свода над их головами, а колонна предательски дёрнулась, рискуя обвалить на них всю конструкцию.

— Эй, потише, не хватало мне ещё погибнуть из-за твоей очередной истерики, — раздался из тёмного угла булькающий голос осьминога. — Хотя что-то мне подсказывает, что однажды так и будет.

— Ты не поможешь Сердцу, если убьёшь нас всех прямо здесь, — хмыкнул мужчина в робе.

— Не шути со мной, — огрызнулся здоровяк, отвернувшись в другую арку.

— Я не шучу, я боюсь, что вы оба попадётесь, если пойдёте её искать, — процедил мужчина и пнул ещё один кусок кирпича с ратуши вниз, подняв облако сердечной пыли, потянувшееся вверх к его лицу.

— Ты прав, — пробулькал осьминог.

— Не беси меня, Рауд, не поддерживай этого проходимца, — зло буркнул Снорри.

— Я поддерживаю здравый смысл. Мы попусту тратим время, вместо того чтобы заниматься поисками руны, — невозмутимо пробулькал в ответ осьминог.

— Так и я о том же! — взревел здоровяк. — Мы должны найти Лилу, иначе всё совкам на корм, разорви их луны.

Мужчина в робе вздохнул и произнёс:

— Я думаю, что она может быть только в Центральной тюрьме, больше нигде.

— А если сразу в культ? — грохотнул басом Снорри. — У них нет сердечных печей. Поэтому бесполезно, кхм, пытаться. А им же надо развязать её деревянный язык. Только в Центральной тюрьме остались сердечные печи.

— Какое варварство. Сердечные печи, — булькнул осьминог.

— А ты что хотел? — удивился мужчина в робе.

— Я бы хотел сжечь в этих самых печах весь этот проклятый город, — прорычал здоровяк.

— И чем тогда ты будешь отличаться от них? — хмыкнул осьминог.

— К чёрту твою философию, Рауд, как нам найти Лилу? — вновь взревел Снорри.

Их спор прервал неожиданный дребезжащий голос:

— Буль-буль-буль-буль-буль! Помогите! Харк? Обезьяна нам известна... Она бы была уже у Барона! Чёртова, бездушная кукла!

Все обернулись на голос. Кукла сидела на табуретке, подняв голову и оглядывая собравшихся.

— Помогите! Харк! Обезьяна нам известна! Уже у Барона! Бездушная Кукла! — повторила кукла и встала с табуретки, подошла к мужчине в робе, подняла на него голову и вновь повторила: — Помогите! Обезьяна! Кукла!

Снорри в два прыжка оказался рядом с куклой, резким движением развернул её к себе; присел, оказавшись с ней лицом к лицу, и почти закричал:

— Где Лила?

Кукла приоткрыла сами собой захлопнувшиеся нарисованные глаза, медленно рукой вытерла с забрала слюну и тихо повторила своим дребезжащим голосом: — Буль... буль... буль... Помогите... Харк... Обезьяна нам известна... Она бы была уже у Барона... Чёртова, бездушная кукла! Близится зима.

Снорри опустил голову.

— Что она имеет в виду? Буль... буль... — спросил мужчина в робе.

— Близится зима, — пробулькал осьминог.

— Не знал, что «дуболомы» могут говорить, — удивился молодой человек.

— Да ты, похоже, вообще ничего не знаешь, — огрызнулся Снорри.

— Эй! Полегче.

Снорри, довольный, что ему наконец удалось вывести собеседника из себя, повернулся к осьминогу и подмигнул. Осьминог долгим взглядом посмотрел на Снорри и выпустил презрительный пузырь, поднявшийся и лопнувший прямо перед лицом здоровяка.

— Это же слова из колыбельной Последнего Поэта, — произнёс мужчина в робе культа после долгого раздумья. — «Буль-буль-буль — прячется тюрьма, буль-буль-буль — близится зима, буль-буль-буль — все свои мечты, буль-буль-буль — с ней уносишь ты».

— Ничего себе колыбельная, — усмехнулся осьминог, — такой колыбельной впору пугать.

— Мне нравилась, — нахмурился мужчина.

— Значит, Центральная, — кивнул Снорри и обернулся к кукле, — точно «буль-буль-буль»?

Кукла посмотрела на него изумлённым взглядом, стала показывать руками большие волны и зашипела своим звенящим голосом.

Снорри резко встал, взял куклу под мышку и выпрыгнул в одну из арок. Осьминог пролевитировал в ту же сторону.

— Обезьяна! Кукла! — раздалось глухое дребезжание.

Мужчина в робе подошёл к краю и посмотрел на площадку балкона под собой, куда здоровяк уже вытаскивал аэроцикл.

— Не благодарите меня за подсказку, ну, и за то, что откликнулся на зов.

— Не благодарим, — буркнул Снорри, садясь в кресло и привязывая ремнями куклу на пассажирское сидение.

— На твоём месте я после этой встречи не ждал бы ничего хорошего и сюда бы больше не приходил, — пробулькал осьминог и помахал Элу. Тот поклонился осьминогу и исчез в арке ровно в тот момент, как аэроцикл взмыл прочь от башни и начал подниматься вверх — к едва окрашенным рассветом крышам.

Ветер захлестал по лицу куклы, и тот, у кого ещё не было имени, с удивлением смотрел на текущую реку из проросших друг в друга эпох города. Металлические сваи мостов железной дороги вылезали из каменной кладки с черепичными крышами. Над ними нависали имперские каменные плиты, державшие средний ярус. Его брюхо было изрыто трубами и котлами паровых машин и сверкало кое-где разваливающимися генераторами электрических подстанций.

Оживлённый вытянул руку, чтобы схватить шпиль с полумесяцем, но ничего не вышло: шпиль так и остался на медленно движущейся мимо крыше. Тогда тот, у кого ещё не было имени, попытался схватить шпиль, стремительно двигавшийся в поле его зрения. Но и это не получилось. В этот момент из-за крыш на горизонте показался яркий диск. И кукла протянула к нему руку, тщетно хватая воздух.

— Что с ним? Он что, подаёт сигналы? Может, этот придурок был прав и у нас под боком «око»? — заворчал Снорри, поглядывая на куклу в зеркало заднего вида. Рауд, зацепившийся на плече мужчины, повернул к кукле морду:

— Мне кажется, этот несчастный хочет поймать солнце.

Но оживлённый уже не смотрел на солнце, а разглядывал свою руку, показавшуюся ему красивой и изысканной, горящую оранжевым светом, таким неожиданно знакомым.

— Кукла! — радостно провозгласила она, подняв обе руки в воздух и разглядывая их.

— Кукла, кукла, Барон, обезьяна нам известна, — передразнил Снорри. — Скажи, на каком этаже держат Лилу.

— Кукла! Обезьяна! — закричала кукла, радостно размахивая руками.

— Сказочный идиот, — вздохнул Снорри.

— Помогите! Буль-буль! Зима! — вопила кукла.

— Рауд, сделай что-нибудь, во имя всех лун, иначе я сломаю её, — взмолился здоровяк.

— А что я могу сделать? — пробулькал в ответ осьминог, переползая с плеча Снорри на заднее сидение, и спросил у куклы: — Как тебя зовут?

— Буль, — удивлённо ответила кукла, обратив на него внимание. — Обезьяна! Буль-буль!

— Да-да, я знаю, — Рауд устало посмотрел на неё. — Где в «буль-буль»?

— Бездушная кукла, — утвердительно ответила кукла и сложила руки крестом на груди.

Колыхаясь синим студнем на ветру, Рауд бросил на куклу ещё один взгляд и пополз обратно на спину Снорри. Здоровяк хмуро взглянул на осьминога и направил аэроцикл вниз, закладывая вираж к приближавшейся тёмной глади искусственного озера — высокая стена, окружавшая его, уже горела алыми лучами рассвета.

Снорри приземлился на стене в районе гидроэлектростанции, расположенной в северной части комплекса, где по причинам, больше имеющим отношение к разгильдяйству, чем к счастливой случайности, в этот ранний час не было часовых. Здоровяк слез с летающего мотоцикла и подошёл к краю стены. Под ним ровной тьмой покоилась вода. Рауд слетел с плеча здоровяка и опустился на бетонную поверхность рядом с ним, растягивая щупальца.

— План прост, — произнёс Снорри и поправил кобуру. — Ты заплываешь под неё и активируешь механизм подъёма. Аварийный рычаг находится под водой прямо на самом дне, возле северной части стены, где кончается лестница. Как только она поднимается, я захожу. Ты ждёшь ровно пять минут и опускаешь её обратно, затем выбираешься к аэроциклу и подбираешь меня на выходе. Что может быть проще?

— Хмм. Этот план похож на решето, — ответил Рауд потоком скептических пузырей.

— В последнее время всё, что мы делаем, похоже на решето, — пробормотал Снорри и уже громко спросил: — У тебя есть другие предложения?

Рауд задумался и после значительной паузы спросил:

— А как ты думаешь её найти?

— Я заберу с собой этого идиота, — здоровяк, а за ним осьминог обернулись на куклу, тут же отреагировавшую и приветливо замахавшую им рукой: «Обезьяна нам известна!»

— Иногда мне кажется, что она тебя понимает, — хмыкнул Рауд.

— Вот и мне кажется, — ответил Снорри.

— Чёртова бездушная кукла! — кивнул тот, у кого ещё не было имени.

Здоровяк снял с себя тяжёлую куртку; оставшись в одних штанах, с привязанной на спине куклой, он спустился со стены по металлической лестнице и аккуратно зашёл в воду, чтобы не привлечь к себе внимания. За ним пролевитировал осьминог и исчез в тёмной глади, разойдясь по поверхности концентрическими волнами. Тот, у кого ещё не было имени, впервые с обострённым вниманием смотрел, как исчезают последние звёзды, уступая место ярко-синему куполу неба. Руки Снорри мерно раздвигали воду. Однако ветер дул им в спину, поэтому верхний слой воды тёк в противоположную сторону. Это удивительным образом завораживало пассажира, и он даже не заметил, как они добрались до причала посреди озера. В полутьме колодца, образованного высокой стеной, ещё не пропускавшей разгулявшийся рассвет, на толстых воздушных подушках мерно покачивались бетонные плиты, соединённые тросами.

Снорри ухватился за край причала и стал ждать. Тот, у кого не было имени, заметил, что здоровяк подрагивает от холода, и эта дрожь передалась ему.

— К-когда мы в-войдём, ударишь по правому плечу, если направо, по левому — если налево. Если прямо, бьёшь по обоим плечам. Назад — положишь свои обрубки на плечи и не опускаешь. Я-ясно? Если ясно, ударь один раз, — сквозь зубы проговорил Снорри.

Тот, у кого не было имени, один раз ударил по обоим плечам здоровяка.

— Молодец, так, глядишь, повышу тебя из идиота в придурка, — хмыкнул Снорри, после чего, как по команде, причал под ними заходил ходуном. Вода забурлила. Из воды показался шпиль, а затем и башня центральной тюрьмы с символом дракона на ней. Гигантское здание ползло вверх, всё выше и выше, потоком волн омыв нежданных гостей и чуть не оторвав Снорри от причала. Когда же оно поднялось на уровень стены и волны успокоились, здоровяк подтянулся и встал. В этот момент металлическая дверь перед ними открылась и появилось заспанное лицо дежурного полицейского.

Пока тот соображал, что происходит, Снорри уже оказался возле него и влепил своим пудовым кулаком ему промеж глаз, так что только разноцветные звёзды сверкающим веером разлетелись в его сворачивающемся в точку сознании. Снорри вошёл в освещённое тусклым светом газовых и масляных ламп помещение, пахнущее сыростью и страхом. Кукла ударила по обоим его плечам, и он припустил по широкому центральному залу — справа и слева от него тянулись ещё два таких же нефа поменьше, отделённые от него арочными сводами. Оживлённый вертел головой, стуча обеими руками по плечам человека. По бокам с удивлением поворачивали свои головы охранники и прекращали стонать арестанты, провожая мчащихся.

Снорри уже добежал до широкого колодца, уходившего вниз винтовой каменной лестницей, когда где-то наверху раздался свисток и крики стражи. Кукла показала рукой на колодец — и Снорри нырнул в него, перескакивая со ступеньки на ступеньку. Как ураган, здоровяк пронёсся до нижнего этажа и с трудом затормозил, тяжело дыша перед тонущим в паровых клубах коридоре.

— Куда дальше? — прохрипел он.

Оживлённый снова стукнул обеими руками.

— Никакой фантазии, — хмыкнул здоровяк и медленно пошёл вперёд. По его правую руку темнели пустые клетки. А вдали слева, из-под двери с кованым рисунком, виднелся мерцающий свет. Когда Снорри подошёл к ней, кукла ударила по его левому плечу. Здоровяк прильнул к тёплому металлу и прислушался, а затем резко открыл её.

Тот, у кого ещё не было имени, успел увидеть лишь удивлённые отёкшие лица Харка и Хурка, тут же соединившихся несколько раз в руках здоровяка и осевших на пол. Рядом с телами двух толстяков стоял каменный стол с маленькими оковами. На нём была обезьянка. Точнее то, что осталось от неё. На поверхности стола лежал обугленный кусочек головы с кудряшками стружек и пепел, а напротив алым огнём горела печь, где покоились кочерги. Снорри взревел, бросился к печи и схватил из неё кочергу. Он повернулся к валявшимся на полу обмякшим палачам, но в этот момент в коридоре раздался крик. Снорри замер в нерешительности, затем выглянул за дверь и бросил кочергу туда. Кто-то истошно закричал, но тот, у кого ещё не было имени, не успел разглядеть его в клубах пара. Снорри принялся рыскать по пыточной камере и выхватил с крюка на стене маленькую сумку, куда аккуратно положил останки Лилы и туда же сгрёб пепел.

Крепко застегнув сумку, он обмотал её грязной тряпкой, схваченной со стола и обвязал верёвкой, а затем перекинул через плечо. С ненавистью и досадой он глянул на фигуры, растёкшиеся по полу, схватил ещё две кочерги из печи и выскочил в коридор. Над головой того, у кого ещё не было имени, просвистело что-то яркое и громкое. Снорри пригнулся и метнул кочергу в сторону вспышки, являвшейся по-видимому источником грохота и шума. Раздался истошный вопль, а Снорри, сшибая, как кегли, выстроившихся в коридоре людей и награждая их ударами раскалённой кочерги, уже прорвался к лестнице и большими скачками поднимался вверх.

Когда он вынырнул из колодца, с верхних этажей и откуда-то сзади по нему дали несколько залпов. А с вышки над дверью застрочил пулемёт. Здоровяк метнулся в соседний неф за колоннами и, петляя, побежал к выходу, где уже виднелась фигура рыцаря в чёрной броне, поднимавшего обоюдоострый меч. Снорри подбежал к колонне недалеко от зловещей фигуры и, выругавшись, отскочил, потому что рыцарь снёс её ударом меча. Но пока он вновь поднимал его, здоровяк пошевелил языком и выплюнул в руку белый шарик. Тот, у кого ещё не было имени, с интересом проследил, как здоровяк замахнулся и кинул шарик в противника. Шар угодил ему в проём металлической шеи и раскололся от удара. Сверкающая белая пыль покрыла броню на спине и плечах рыцаря. Он дёрнулся, из-под чёрных лат во все стороны повалил фиолетового цвета дым, засверкавший белыми разрядами, отчего рыцарь затрясся и упал на решётчатый пол.

В образовавшейся завесе, засвистели яркие вспышки, но Снорри в два прыжка оказался у двери, рванул её на себя и выбрался наружу. Дверь звенела от стрекочущих рикошетом пуль, а, когда он захлопнул её с другой стороны, над их головой раздался рёв моторов, и Рауд на летающем мотоцикле опустился на причал.

— Почему ты не опу... — грозно зарычал на осьминога Снорри, но не успел закончить фразу, потому что вода вновь заколыхалась и с другой стороны причала стало подниматься другое здание.

Тот, у кого не было имени, удивлённо смотрел, как здание выпрямилось, засияв в рассветном солнце своими трубами и поршнями, и оказалось гигантским паровым роботом, от которого отделилась покрытая хромированными листами рука и потянулась к ним.

— Быстрее! — закричал Рауд, и Снорри с размаху вскочил на аэроцикл.

Рауд рванул машину вверх, и рука робота промахнулась в воздухе, упав на причал и проломив его. Из ковша, служившего гиганту подобием рта, раздалась громогласная сирена, вопившая, пока голова парового робота со всей силы не ударилась о здание тюрьмы.

Беглецы исчезли между фабричных высоток, а за ними, как рой пчёл, бросился в погоню воздушный гарнизон тюрьмы.

— Почему ты не опустил здание? Они бы не смогли стартовать! — кричал Снорри, но его слова тонули в хлещущем по лицу ветре и грохоте моторов.

Тот, у кого не было имени, не успевал разбирать дороги, переживая лишь постоянно надвигающиеся и увеличивающиеся образы, от которых внутри всё кружилось и сознание ускользало, пытаясь схватить за хвост само себя. Он отвернулся и увидел, что позади мир уменьшался и исчезал. Но какие-то его точки, наоборот, медленно приближались. Он разглядел на них вспышки — теперь уже других цветов. В этот момент всё закружилось, и они на миг исчезли, но затем вновь появились, сверкая разноцветной радугой.

Так повторялось несколько раз: вспышки, кружение, вспышки, кружение — пока они не начали падать резко вниз. Снорри закричал:

— Зачем ты ведёшь нас опять на завод?! Ты слабоумный?

Но Рауд ничего не отвечал, а лишь дал газу, и аэроцикл пронёсся мимо заводских зданий и бочек с солью вниз — к котлу и трубам. Пауки-механики уже привычно попрятались, заслышав звук моторов, а котёл ещё молчал, поэтому пар не помешал беглецам, и они быстро проскочили к колодцу, где Рауд бросил летающий мотоцикл вниз к основной трубе коллектора. Вынырнувший за ними рой полицейских скутеров, вновь разделился на два потока. В той самой коллекторной трубе, где разбилась Лила, уровень воды был в этот раз значительно выше, но Рауд мастерски лавировал между поворотами, оставляя за собой блестящий в полицейских фарах шлейф брызг. Тот, у кого ещё не было имени, увидел свет в конце тоннеля, и у него впервые в его сознательной жизни появилось ощущение дежавю. Он с сомнением вытянул вперёд руку, но Снорри успел заметить и крикнуть: «Рауд! Труба!» Осьминог заложил направо, и они в последний момент увернулись от торчащего в трубе штыря.

Аэроцикл вынырнул из трубы, почти упал в канал и, подняв брызги, полетел вдоль по набережной мимо рынка, переулка Слепых и железнодорожного моста. В трубе тем временем раздался взрыв и грохот, и только один полицейский скутер сумел преодолеть неожиданное препятствие и продолжить преследование. Его пилот, молодой, но уже успевший себя зарекомендовать лейтенант Штурм, пользуясь тем, что он несёт меньше полезного груза, медленно сокращал расстояние между собой и беглецами. Они пронеслись мимо Верхних врат и нырнули во тьму старой трубы, проросшей сквозь Большую стену. Следуя за конусом фонаря, он почувствовал прилив уверенности. Бандитам некуда было деться. Всё заканчивалось отверстием, выходящим за стену, а сразу за ним — открытое пространство, где он сможет спокойно прицелиться.

И действительно, труба вела за стену — огромную стену, опоясывающую весь город. Высотой с восьмидесятиэтажный дом, она была высечена в скале и служила одновременно каменоломней, снабжавшей нужды строителей. Грязная вода из города фильтровалась в стене, и отфильтрованная грязь сливалась по канализационным трубам в бездну рва за ней. Вот из такой фильтрационной трубы и выскочил летающий мотоцикл с беглецами, а за ними и лейтенант Штурм на своём аэроскутере. Оба мотоцикла двигались над гигантским пустым пространством, разделявшим рваную линейку скал и стену. Лейтенант прикинул в голове место падения противника, спокойно прицелился, положил палец на курок и дал залп из сдвоенного пулемёта по левому двигателю летающего мотоцикла.

Того, у кого ещё не было имени, закружило. Снорри закричал. Мотоцикл вошёл в неконтролируемое вращение. Рауд в панике схватился за приборную панель и выдал полную мощность на оставшийся двигатель, изо всех сил потянув руль на себя. Чудом ему удалось выйти из штопора и, всё ещё теряя высоту, они просвистели в метре от острых скал, частоколом окружавших противоположную сторону рва. Снорри, свесившийся с левого борта, потянулся к своей кобуре, привязанной к корпусу. Мотоцикл трясло, а острые осколки гранита пролетали всё ближе. Их преследователь словно наслаждался триумфом и не спешил добивать раненую жертву.

Снорри тяжело вздохнул и вытянул пальцы ещё сильнее, отщёлкнув крепление кобуры. Пистолет предательски поскользился вниз, рискуя упасть. Рауд дёрнул руль, уворачиваясь от

каменного выступа, и пистолет выпал на сидение, сползая дальше от Снорри. Здоровяк задержал дыхание и вытянул руку насколько мог. Аэроцикл снова трянуло, второй двигатель отказывался вытягивать такую мощность, и пистолет подскочил в руку к Снорри. В этот момент залп сдвоенных пулеметов засверкал по камням, дождём посыпавшимся на беглецов. Снорри прицелился и закричал:

— Поиграй с этим!

Тот, у кого ещё не было имени, увидел вспышку прямо перед своим лицом, грохот и звон заполонили его голову. Преследовавшая их точка дёрнулась и, соединившись с уходящей вдаль формой, исчезла. Здоровяк тяжело дышал и хватался за скользкий фюзеляж аэроцикла. Пистолет выпал из его руки — и раздался удар. Вращение. Грохот. Темнота.

Массивная дверь наконец поддалась, и Тэмен раздвинул створки с вырезанным на них ликом женщины. Пospешно убрав руки, чувствуя, что совершает богохульство, он опустил голову и некоторое время стоял в нерешительности, погружённый в сковавшие грудь воспоминания. Затем его слух различил ритмичное дыхание поршней, и ему удалось вырваться из плена накрывшей его волны образов. Он сделал шаг, обернулся и закрыл за собой дверь, с этой стороны имевшей лик мужчины. То были его родители: Самариус Йомера и Анастасия Амун. Узурпатор долго изучал зрачки отца и пытался вспомнить его настоящий взгляд, так пугавший его в детстве. От этого он почти всё время в его присутствии смотрел в пол, и сейчас не мог вспомнить, как они выглядели. Художественно приукрашенные образы отца и матери не уступали друг другу в красоте, хотя на самом деле истинно красива была только она. И внешность досталась Тэмену именно от неё, как, впрочем, и брату.

Йомера развернулся и осмотрел зал. В широкой башне, заканчивавшейся гигантским куполом, было темно, свет появлялся только вокруг металлической полусферы, рядом с которой работали поршни насосов, наполнявших угольный дым из печей под храмом дыханием Сердца, закрытого искусной работы кожухом.

С каждым вздохом Сердца стеклянные иллюминаторы наполнялись тёплым переливом алого и оранжевого. С каждым выдохом становилось темно. На вершину полусферы вела широкая металлическая лестница, похожая по рисунку и стилю на лестницу в груди Бьёрнвейга — дракона Узурпатора. Эта ассоциация не вызвала у Тэмена улыбку, а скорее уколола куда-то правее от центра груди. Он медленно подошёл к кожуху и заглянул в один из иллюминаторов.

Сердце этого мира, точнее то, что от него осталось, всё ещё билось. Когда-то сверкающее и крепкое, как рубин, сейчас оно больше напоминало порванный воздушный шар, который пытаются надуть изнутри, но весь воздух выходит наружу. Раньше оно превышало размеры здания, где хранился кожух, а теперь оно умирало — и никто не знал или не хотел знать, что с этим делать. Над Сердцем по стеклянным трубам тек дым из угольных печей, обогащавшийся его дыханием и становившийся тем самым чёрным дымом. На нём теперь работали почти все движущиеся механизмы в городе.

Тэмен отвернулся от иллюминатора и начал подниматься по ступеням вверх, чуть замедляя шаг всякий раз, когда свет Сердца угасал, и прибавляя, когда тот вновь разгорался. На вершине Узурпатора ждал трон, к нему от кожуха поднимались провода и соединялись с подлокотниками и выше — на уровне плеч, шеи и головы.

Трон напоминал раскрытую пасть дракона. Йомера обошёл его, скользя рукой по холодной поверхности и в очередной раз удивляясь, как искусно были вплетены провода в конструкцию, как изящно уходили они под чешую и становились «усами» гигантского чудовища.

На высоте двух человеческих тел трон по широкому кругу окольцовывала металлическая площадка с расположенной напротив трона кафедрой. К ней тоже тянулись провода от кожуха с Сердцем, а по периметру стояли маленькие постаменты с выемками разной формы. К площадке от трона вела узкая выгнутая металлическая лестница с резными ограждениями. Площадка имела такие же ограждения и была соединена с краями купола несколькими мостиками побольше. Она висела на цепях, тянувшихся к его вершине, Они напоминали Узурпатору клетку. Он поёжился.

— А, Ваше Величество! Готовитесь к ритуалу? — раздался снизу скрипучий голос.

Застигнутый врасплох, Узурпатор вздрогнул и не сразу узнал его, но затем взял себя в руки и ответил:

— Да, вы правы Верховный, вспоминаю.

— Правильно, правильно. Как там наше Сердечко? Ох-ох. Всё ещё дышит. Хвала лунам! Поднимаюсь к вам, поднимаюсь к вам, Ваше Величество!

В темноте фигуру Верховного служителя культа не было видно. И Узурпатор мог только слышать его старческое кряхтение и неровные шаги, перемешивающиеся с дыханием поршней и скрипом цепей.

— Я не сразу понял, что вы здесь, Ваше Величество. Зашёл проведать Сердце, а потом слышу, кто-то ходит наверху. Думал, вот сейчас задам трёпку этим идиотам-служителям, а потом сообразил, что это вы, — хохотнул сгорбленный старик с белёсыми зрачками в простом балахоне культа, с накинутым на лицо капюшоном, откуда торчал длинный крючкообразный нос. Он почти поднялся наверх и остановился на несколько ступеней ниже Узурпатора тяжело дыша.

— Как славно, как славно, что вы сюда забрались, ваше величество. Вот здесь мы с вашим отцом и готовились. Я должен был стоять там, за кафедрой, а он сидеть на троне, — он перевёл дыхание и продолжил: — В каждый из постаментов по периметру вставлялась руна. На кафедру я клал «Книгу Изречений», а ваш отец должен был положить руки на клыки, то есть на поручни, посмотрите, вот там есть выемки.

Тэмен сел на трон и положил руки внутрь клыков дракона, которыми заканчивались поручни. Там действительно были выемки под ладонь.

— Прислоните голову, — проскрипел старик.

Йомера откинулся назад, и голова его встала в проём в спинке.

— Вот так. Чувствуете? Уже должен начаться прилив.

Тэмен сосредоточился, но никакого «прилива» не ощутил, только холод металла и неловкость своего положения на троне, ковавшегося под фигуру отца, бывшую несколько массивнее, чем он.

— Попробуйте представить, что вы как бы поглощаете пространство в себя, — подсказал скрипучий голос Верховного. Узурпатор попробовал представить, что втягивает в себя невидимую энергию, но вновь ощутил лишь холод.

— Ничего не чувствую.

— Отлично, отлично, Ваше Величество. Всё придёт со временем. Теперь вы знаете, как нужно пробовать, — старик отвернул голову и кивнул темноте. — Приходите сюда время от времени. Так и научитесь.

— А как было у отца? — с ноткой требовательности спросил узурпатор.

Старик помолчал и ответил:

— У вашего отца получалось сразу, Ваше Величество. Энергия была ключом.

Они оба замолчали, и на мгновение снова стали слышны лишь дребезжание цепи и дыхание поршней.

— Ваш отец был человек исключительный. Это ни в коем случае не должно унижать Вашего достоинства, но вы должны понимать, это была его идея и его желание. Я лишь исполнял его волю, когда проектировал ритуал. Не мудрено, что у вас не получается сразу. Вам нужно проникнуться его целью, понять и принять её в себя. Захотеть, — медленно проговорил Верховный.

Тэмен помолчал и ответил:

— Вы правы. Я перечитаю записи отца, это должно помочь мне лучше понять его мотивы.

— Безусловно, Ваше Величество, безусловно, — проскрипел старик. — А теперь прошу меня извинить, близится Лунный день и моя старческая голова уже начинает болеть. Я должен идти.

— Извиняю, — благосклонно ответил Йомера.

Старик приподнялся и стал осторожно, бочком, ступенька за ступенькой спускаться вниз.

— Кланяюсь! — раздался его голос в самом низу, и в алом свете вздоха Сердца Узурпатор разглядел его распростёртую на полу фигуру, исчезнувшую при следующем вздохе.

Тэмен смотрел перед собой и пытался нащупать хотя бы толику того, что он чувствовал когда-то в своём отце. Уверенность, устремлённость, жажда, непримиримость, умение подчинять, властвовать — но находил лишь бледные призраки этих качеств. Он втайне ненавидел себя за то, что внутри у него было пусто. Но он не знал, как воспитать в себе волю добиваться того, что смог сделать отец. Ему всё досталось просто так, потому что этот скрюченный старик поддержал именно его, когда Саммариуса убили. Он не мог представить, чем нужно обладать, чтобы добиться той безграничной власти, к которой пришёл его родитель. И Верховный явно не был столь свободен с отцом. Как и все, он ползал перед ним и не смел сам принимать никаких решений, помня о площади возле Западных врат дворца. Так трудно быть тенью тирана. Трудно, потому что ты не можешь быть собой. Все ждут от тебя, что ты будешь таким же, как он, на худой конец, хотя бы чуточку милосерднее. И за всем этим ты

умираешь, закованный в броню образа, надетого на тебя окружением. А был ли он? Кто он такой? Кто такой Тэмен Йомера?

Глава 5

На раскинувшемся во всю стену гобелене в кабинете начальника отдела особых поручений его Верховного Преосвященства была история, которую вряд ли можно было прочесть в околорелигиозной литературе или в библиотеках орденов. Это была всем известная «История девы Годриции, впервые испытавшей страх», но она имела некие отклонения от канонического образа и в глазах инквизиционного отдела могла бы выглядеть настолько странно, что обычного человека, несомненно, довела бы до костра. Но никак не Альберта Септа. Служитель Септ любил такие памятники эпохи. Это всегда напоминало ему, как легко впасть в ересь при виде искусно исполненного «доказательства», а ведь для многих людей и не требуется ничего больше, чем красота. По их мнению, в красоте сокрыта истина и поэтому она не может лгать.

На гобелене Годриция гуляла по горам вокруг Живой долины. В канонической истории она становилась свидетельницей камнепада, докатившегося с вершины до самого Сердца и нанёсшего ему первую «рану». После этого женщина испытала «священный испуг», давший начало строительству «стены», а за ним и рождению города. На гобелене же Годриция просто оперлась на большой валун, грозящий скатиться в долину, а затем неуклюже попыталась на него залезть, что в свою очередь и становилось причиной камнепада, наносившего «рану». Такая маленькая деталь — и такая философская пропасть, пробежавшая по умам людей, имевшим несчастье столкнуться с ней.

Альберт хранил много таких артефактов, изъятых у того или иного любителя альтернативной истории. И не то чтобы он был рьяным сторонником официальной точки зрения, которой придерживался Культ; он был достаточно умён, чтобы понимать, что истину не найти ни в сочинениях Последнего Поэта, ни в библиотеке Кulta, ни даже на этом гобелене, подаренном ему самим Верховным в знак наивысшего доверия с, как он выражался, ироническим подтекстом.

Поэтому Септ предпочитал делать свою работу и не думать о политике. Альберт верил в тех, кто был у власти, ведь если они к ней пришли, значит, на то были причины и качества их характера, позволившие им этого добиться. Ему нравились загадки, и все эти предметы ереси были маленькими загадками, оставленными им для своих посетителей, впадавших сначала в лёгкое, а затем в глубочайшее недоумение хотя бы от пресса для бумаг, где с особым изяществом были изображены первые аэросани, что несли на себе несколько закованных в цепи парящих осьминогов.

Так и его нынешняя посетительница, личная служанка Герцогини Амун, сидела, уставившись на гобелен в полном замешательстве.

— Так, Дагма. Давайте повторим ещё раз, — протяжно начал Альберт. — С самого начала.

С этими словами Септ отвернулся от окна и посмотрел на девушку. В его доверительной улыбке угадывалось что-то змеиное. Она смотрела на него немигающим взглядом и монотонным голосом принялась повторять свою уже много раз пересказанную историю:

— Я же уже говорила вам, любезный господин, я проснулась в 4 утра, как того требует наше расписание, и после утреннего туалета начала уборку в столовой Герцогини. Я была приставлена к ней в этот день. Затем мы с младшим поваром спустились в погреб, откуда мы достали копчёный сажень, крупы, вафлян, сыры, настойку бодавочника, мяту и тир. С помощью дежурных студентов мы перенесли припасы на служебный этаж, а оттуда на кухню. Затем я вспомнила, что забыла зелень, и мне пришлось ещё раз спуститься в погреб, где меня по ошибке заперли, и я сидела там до обеда, пока старшая повариха не начала беспокоиться, что нет заготовок на первые блюда, поэтому дежурная по столовой спустилась в погреб и отперла меня. До ужина меня в качестве наказания отправились мыть полы в умывальнях студентов на Факультете противодействия вредному здоровью. Но к ужину понадобились руки на кухне, и меня вновь отправили на уборку столовой. Я протирала очень неприятные ножки стола, выполненные в виде людей с головами птиц, как бы подпирающих стол на своих плечах, когда раздался громкий хлопок и в северном окне столовой вылетело стекло, а соседние окна распахнулись. Сверху повалил едкий сверкающий фиолетовый дым, а я убежала и спряталась в кладовке рядом с лестницей, ведущей в покои Герцогини. Мне было так страшно, что какое-то время я боялась выходить из неё. Но затем я услышала голос Герцогини и вышла. Та отнеслась ко мне очень хорошо, успокоила и велела идти в свои покои и не выходить оттуда. Я так и сделала.

Девушка глубоко вздохнула и вновь уставилась на гобелен.

— Так, хорошо, что было дальше? — с нескрываемой скукой произнёс Сверло, опираясь спиной на холодный каменный подоконник и скрестив руки на груди.

Девушка зацепила пальцами подол и принялась его мять, опустив глаза с гобелена на собственные руки.

— Дальше я не выдержала и пошла посмотреть. Но в университет меня не пустила охрана, и я смогла выйти только во внутренний двор, откуда увидела толпу возле часовой башни и поспешила туда.

Дагма тяжело вздохнула, подняла глаза на стол, но затем вновь опустила их и принялась скрести ногтем по засохшей капле масла.

— Там, на стене, я обнаружила своего дальнего родственника, мистера Вульфи, занимавшегося починкой часов. Он был в совершеннейшем смятении...

— Во сколько это было? — резко вставил Сверло.

— Ох, любезный господин, как же я могу знать, где-то после ужина, второе солнце шло к закату. Часы-то не работают, откуда ж мне знать?

— Хорошо, продолжайте, — недовольно произнёс Септ.

— Мистер Вульфи очень переживал, что потерял свою куклу и что без неё его жизнь кончена и работа встала. Я так распереживалась, что решила просить Герцогиню помочь ему. Тем более он же ж нам часы чинил в конце-то концов.

— Скажите, а у скольких людей в замке есть ключи от башни университетского музея?
— сменил тему Альберт.

Сбитая с толку девушка не сразу сообразила, что отвечать, разжала руки и вновь принялась мять подол:

— Герцогиня была так мила... Не знаю, любезный господин. Наверное, у старшего техника и у ключницы? Да. Наверное, только у них. У обоих есть полная связка.

— Хорошо, продолжайте, — Септ отвернулся к окну.

— Герцогиня была так мила... — продолжила девушка.

— А вы часто её о чём-то просите? — снова спросил Альберт, не отворачиваясь от окна.

Девушка запнулась и вновь уставилась на гобелен, затем на стол, затем повернулась к стене и, напоровшись взглядом на непристойное изображение императора Исмариосиса, вновь вернулась к подолу и рукам.

— Нет, — тихо произнесла она.

— А почему? — удивился Септ.

— Ну, это не принято.

— Почему же тогда вы пошли просить в этот раз? — ещё больше удивился Альберт.

— Потому что мне стало его, мистера Вульфи, жалко, — выдавила из себя Дагма.

— Где была герцогиня в тот момент, когда вы пошли просить её? — продолжил начальник особых поручений.

Но девушка его не слушала.

— Герцогиня очень добра. Она всегда помогает тем, кто в беде, — всхлипнув, проговорила служанка, — когда-то и меня она вытащила из дома Трокийя. Я думала, что сойду там с ума среди этих оборотней.

— Мой вопрос был не о характере вашей госпожи, — раздражённо отрезал Септ, — а о том, где она была, когда ты...

— Она как раз вышла во внутренний двор, встречать прибывшего начальника полиции, — перебила его девушка с облегчением.

— Та-а-ак, — протянул Сверло.

— Герцогиня была так мила... — девушка в испуге остановилась, ожидая вопроса, но потом продолжила, — что тут же попросила начальника полиции освободить куклу мистера Вульфи.

— То есть Начальник полиции знал про куклу мистера Вульфи? — удивился Септ.

— Да, так и было, любезный господин, он уже знал про куклу, пойманную к тому времени полицией вместе с преступниками.

— Их было несколько? — вновь удивился Сверло.

— О, господин, я не помню. Я была так рада, что куклу можно вернуть, что побежала обрадовать мистера Вульфи, — она подняла на служителя свои большие тёмные глаза, но тут же опустила их и стала смотреть на руки.

— Кем он приходится вам? — уточник Альберт.

— Я плохо в этом разбираюсь, любезный Господин. Кажется, он брат свояка моей тётушки.

— То есть он вам даже не родственник? — хмыкнул Септ.

— Не по крови, но в нашей семье все родные, — залепетала она.

— Хорошо, — задумчиво произнёс Септ, повернув к окну свой орлиный профиль.

Девушка подняла на него взгляд, полный надежды:

— Я могу идти?

Альберт промолчал, а затем подошёл к девушке и, приблизив к ней лицо, процедил сквозь зубы:

— Ведь ты же врёшь. Нет у тебя никакого свояка тётки-брата-сестры. Вся эта история — выдумка, чтобы выгородить твою госпожу. Ты знаешь, что я могу с тобой сделать?

Служанка закрыла ладонями лицо и разрыдалась:

— Не знаю!

У Септа свело челюсть от напряжения и несколько секунд он массировал рукой щеку. Затем, сдвинув рукой пресс для бумаг, опёрся на стол и произнёс:

— Ты проведёшь за решёткой остаток своей жизни. Или отправлю на рудник. А может быть, на соляное озеро, вместе со всей твоей выдуманной семьёй.

Девушка разрыдалась пуще прежнего и высморкалась в подол.

— Ну-ну. Не стоит так эмоционально. Тебя же учили быть хорошей девочкой. Вот и будь ею. Расскажи мне, как было дело, и я ничего не скажу твоей Госпоже, — произнёс он заговорщически.

Но служанка не унималась и рыдала пуще прежнего. Взглянув на белое небо, Септ поднял со стола колокольчик в виде ритуального пожирателя молитв и позвонил два раза.

— А пока посидишь, подумаешь, — произнёс он, и в дверях тут же появился младший служитель в балахоне.

— В карцер, — холодно отрезал Сверло.

— К-к-к-карцер? — всхлипнула девушка. Но младший служитель уже схватил её подмышки и выволок из кабинета начальника.

— Такие правила, — улыбнулся ей вслед глава отдела особых поручений и сел за стол.

Доклад. Одна мысль о нём заставила его неприятно поморщиться. Несколько дней назад исчез сначала помощник мастера зельеварений, а затем и сам мастер пропал, прихватив из дома все ценности. Второе удивительным не было, понятно, что этот пройдоха и бездарь

ничего не мог без своего подмастерья, но необходимость выяснять, что случилось с помощником, отвлекала Септа; голова его болела от одной мысли, что надо искать очередную песчинку в пустыне. Однако мастер обслуживал самого Верховного главу Культа, и Альберт не мог позволить себе забыть об этом деле.

Поборов приступ головной боли, Септ тяжело вздохнул и вновь позвонил в колокольчик. Появился другой младший служитель, и Альберт сухо произнёс:

— Веди этого, магистра Астолопа, или как его там.

Служитель кивнул и исчез в дверях. Сверло достал выписку из личного дела магистра Астолока и фыркнул, когда добрался до конца. В этот момент дверь открылась и на пороге показалась испуганная фигура старшего техника, уже сутки находившегося в камере.

— О, вот и вы, мой друг! — рассмеялся Сверло. — Как, однако, вовремя. Проходите, проходите.

Он встал из-за стола и направился к побелевшему Астолоку.

— Мой дорогой Шмис, ну что же вы застыли в дверях! — он взял магистра под руку и повёл к креслу для посетителей, но сесть не дал, а провёл к своему личному креслу и усадил, чтобы старшему технику открылась висящая на противоположной стене картина современного мастера «Грешники на пороге наказания» — трое мужчин, увлечённых игрой в «ом-ни-ма».

— Устраивайтесь поудобнее, мой милый Астолок, надеюсь головная боль обошла тебя сегодня стороной, ох уж этот Лунный день, я, знаешь ли, очень подвержен, — заворковал Септ и встал позади кресла, давая магистру время, чтобы изучить пространство кабинета.

— Как твоя должность? Напомни мне, пожалуйста, — произнёс он задумчиво, положив руки на спинку кресла.

— С-с-старший техник, в-в-ваше сиятельство, — Астолок заёрзал в кресле.

— Ну-ну, какое я тебе там сиятельство. Называй меня просто Альберт, — улыбнулся Септ, разглядывая пролетающих мимо окна птиц. — Скажи мне, дорогой старший техник, в чём заключаются твои обязанности?

— Я-я-я слежу за техническим состоянием за-за-замка, в-ваше... то есть Альберт, — с трудом подбирая слова, ответил магистр.

— Так вот скажи мне, любезный Шмис, почему внутренняя связь на экстренном посту охраны не работала и служителям пришлось бежать до дворца его величества пешком, прежде чем они доложили мне о случившемся в башне? — всё так же елейно спросил Септ.

— Я...е...о-о-о... — губы Астолока задрожали, а руки вцепились в рукоятки кресла.

— Ты знаешь, кто я? — тихо спросил служитель.

— В-в-вы-ы-ы н-н-н-а-а-а-а.

— Молчать! — гаркнул Септ, схватил старшего техника за шкуру и бросил на пол.

Трясая своим полным и неуклюжим телом, Астолок повалился рядом со столом и запричитал что-то неразборчивое.

— Ты идиот. Ты пойдёшь у меня под трибунал. Почему двери в башню музея были открыты? Ты их открыл? Кому?! — кричал служитель, расхаживая по кабинету.

— В-в-великому мастеру! — рыдал магистр.

— Какому? — допытывался Септ.

— П-п-перлеглозу. Трокий-йя, — прохныкал Астолок, закрывая лицо руками, будто боясь, что сейчас будут бить.

— Зачем? Отвечай! — словно исполняя его просьбу, Септ пнул старшего техника так, что тело бедолаги заходило ходуном.

— Он, он х-о-д-д-дил см-м-м-мотреть какие-то книги в биб-б-б-б-б, — магистр запнулся и никак не мог справиться с собой.

— Ну давай же, студень! — рокотал служитель.

— Библиотеке. В библиотеке музея, ваше сиятельство.

Астолок сжался на полу в позе эмбриона. Септ вздохнул, присел рядом, обнял его и стал гладить его сальную, в залысинах голову.

— Ну-ну, ну что же ты. Успокойся. Всё. Всё хорошо. Во сколько это было?

Заикаясь и давясь слезами, магистр выдавил:

— П-п-п-после обеда, н-н-н-незадолго до п-п-первого заката. Ч-ч-ч-часы на б-б-башне н-е-н-не р-работают, мне т-т-трудно сказать точнее.

Альберт поднял его с пола и вновь усадил в своё кресло.

— Вот так, вот так, тихо, тихо, — произнёс он, вытирая ему платком слёзы. — А этот. Вульф. Кто он?

— Маг-г-гистр В-Вульф? — уточнил совершенно потерявшийся Астолок.

— Да, да, он, — участливо кивнул служитель.

— Он младший техник и ч-ч-чинит ч-ч-часы на б-б-башнях. Он п-п-пришёл вместе с Великим М-М-Мастером. Я проводил его до б-б-башни с ч-ч-часами, а-а потом заходил показать одну ф-ф-фотографию, — всхлипывая и сморкаясь, закончил магистр.

— Хорошо, — Септ подошёл к окну. — А ты знаешь что-нибудь о его родстве с вашей служанкой из столовой, Дагмы?

— Н-н-н... — начал было Астолок, но дверь кабинета открылась без стука и младший служитель вошёл, держа в руке конверт. Септ посмотрел ему в глаза, надеясь найти в них объяснение такой дерзости. Но тот лишь вручил начальнику отдела особых поручений конверт и молча остался ждать. Альберт вскрыл конверт, пробежался глазами по короткому тексту, побелел, скомкал бумагу и бросил в камин под «Грешниками».

— Этого в карцер, — обратился он к младшему служителю. — И мой корабль срочно.

— Уже готов, — поклонился тот.

Септ коротко кивнул ему, бросил взгляд на Астолака, вжавшегося в кресло, открыл окно и вышел на балкон, служивший причалом, куда уже приближалась маленькая бригантина, гудя реактивными сердечными двигателями, завихрения от которых тут же разметали бумаги и пыль в кабинете, заглушив крик старшего техника.

— Как ты думаешь, Руч, отсюда видно, что у меня ружьё не заряжено? — с волнением спросил Блоп.

Ручи повернулся к другу и посмотрел на него таким уставшим и раздражённым взглядом, что Блоп тут же отвернулся и сделал шаг в сторону генератора, в чьей тени не так пекло. Был уже полдень, и от озера поднималась такая влага, что толстяку уже битый час хотелось сбросить с себя всю броню и одежду и просто нырнуть со стены вниз в воду, несмотря на возможный трибунал.

— Ты знаешь, если ты будешь продолжать стоять не по уставу, они точно заметят, что ты не зарядил ружьё, — ответил Ручи и улыбнулся, довольный своей шуткой.

Блоп сделал шаг к краю и заглянул вниз на зеленеющую поверхность искусственного озера.

— Как думаешь, Ручи, когда усиление закончится? — спросил он, прикидывая, сколько нужно времени, чтобы доплыть до лестницы, поднимавшейся к генератору.

— Когда ты перестанешь спрашивать, — буркнул в ответ высокий.

— От этой головной боли мне и спрашивать-то трудно, — промямлил толстяк.

Не зная где найти себе место, он прислонился к стене генератора, гудевшего и вибрировавшего, отчего его металлическая кираса зазвенела, как бубенцы на шее прокажённого.

— О, бригантина! — воскликнул Блоп, щуря свои тёмно-синие и заплывшие гематомами от ударов Зары глаза. И действительно, к центральной тюрьме опускался корабль, тормозя и разгоняя двигателями воду, что заставило платформы причала ходить ходуном. При спуске он открывал свои солнечные паруса, поэтому закрыл собой нелепую позу, в которой застыл гигантский механический робот, погрузивший свою руку в здание тюрьмы.

— Интересно, кто это? — задумчиво произнёс Блоп. — Может, начальник полиции?

— Нет, — сказал Ручи, приложив руку к глазам, — нет опознавательных знаков. Поэтому это может быть кто угодно.

— Вот бы нам летать на такой, Ручи, а? Здорово было бы! — развеселился своим мечтам толстяк.

— И что бы ты делал? Летал на нём на рынок? — вновь заулыбался своей шутке длинный стражник. — Блоп, твоя жизнь бессмысленна, зачем тебе корабль? Ты же его разобьёшь в первый же день.

— Не правда, не правда твоя, Ручи, я буду беречь его и на рынок никакой летать не буду. А буду... Буду по праздникам им пользоваться, только на самые важные даты. Вот, — обиженно сказал Блоп и опёрся на дуло ружья подбородком.

Ручи повернулся и выбил ногой ружье, так что толстяк чуть не потерял равновесие и не упал со стены.

— Ну зачем ты так? — заныл Блоп. — Оно же не заряжено! Смотри!

И он нажал на спусковой крючок. Ружьё с грохотом выстрелило, и звук эхом загулял по колодцу озера и в окрестных домах, так что казалось, привлёк всеобщее внимание. Из-за бригадины показалось несколько фигур в робах Культа, один из них приложил к глазам небольшую подзорную трубу и посмотрел в сторону стражников. Блоп весь сжался и выпучил глаза, переминаясь с ноги на ногу, делая то одно, то другое нелепое движение рукой, пытаясь как-то объяснить случившееся всем лицам, направленным в этот момент в их сторону. Ручи стоял рядом с багровым лицом и медленно сжимал кулаки так, словно пытался выдавить из ушей пар от кипятка, гулявшего внутри тела.

Через несколько минут они уже стояли перед Сверлом, изучавшим в подзорную трубу прожекторы на голове робота и его открытый, словно от удивления, ковш, пока серые роботы собирали улики и проводили опись повреждений. Начальник отдела особых поручений Культа повернулся, словно только заметив доставленных стражников, одним движением сложил трубу, как у фокусника, тут же исчезнувшую из его рук, и, заулыбавшись своими тонкими губами, заговорил:

— Ну, идеально, идеально, я и не мог бы желать двух более бравых молодцов.

От этих слов Блоп даже выпрямился, зазвенев ремнём ружья о кирасу, и только раскрыл было рот, чтобы что-то сказать, как Септ выкинул вверх палец:

— А, а, а, сейчас говорю только я.

Он подошёл ближе и посмотрел в глаза Ручи, немигающим взглядом смотревшего перед собой, а затем на синие круги Блопа и рассмеялся.

— Нет, ну право. Вас хоть в музей отправляй, — засмеялся служитель и даже несколько раз хлопнул в ладоши — в них оказался кулон с маленьким сердечным осколком и торчащей из него пулей. Септ, улыбаясь, смотрел то на кулон, то на стражников.

— Я бы, конечно, мог казнить вас прямо здесь, или, к примеру, завтра на площади за покушение на убийство служителя... Но у меня есть для вас судьба поинтереснее.

Ручи сглотнул, а Блоп облегчённо вздохнул и улыбнулся.

— Мне поступают сообщения о странной активности в квартале туманов. А в частности в районе ратуши, — задумчиво начал Септ, прохаживаясь вокруг стражников, — то сигнальные ракеты, то блеск двигателей. Своих людей мне туда посылать не с руки, а вот вы, brave стражники, как мне кажется, подходите для этой работы в самый раз.

Септ остановился перед ними и продолжил:

— Либо вы выясните, что там происходит и вернётесь ко мне, либо не вернётесь совсем. Меня устроят оба варианта, — подытожил он, — всё ясно?

— Так точно, сэр! — прогремел Ручи, а Блоп что-то пробурчал себе под нос в тон его возгласа.

— Вот и славно, — улыбнулся Септ и щёлкнул по жетону толстяка, выбитому на кирасе. — Ваши номера я запомнил. И поверьте, память у меня отличная. Можете не докладывать вашему начальству. Если вернётесь, получите от меня официальную бумагу. А теперь — исчезнуть.

Ручи отсалютовал, схватил Блопа под руку и потащил к полицейской лодке. Столкнув в неё товарища, он сел у руля и включил механизм, потянувший цепь, а та, в свою очередь, лодку к широкой лестнице, поднимавшуюся по стене вверх.

— Ручи! О луночки, Ручи, — весело захрипел Блоп. — Какая удача, дружище! Нам дали настоящее задание! Мы пригодились!

Ручи взглянул на него тем самым взглядом, полным презрения и капли сочувствия, выходявшим у длинного стражника настолько мастерски, что в пору было выступать в Колизее:

— Ты идиот, Блоп. Воистину идиот.

— Но почему, почему, Ручи? Всё же вышло как нельзя лучше. Мы убираемся с этой жары, нас не казнят, какая-то большая шишка дала нам поручение, это же так здорово, дружище!

— Какая-то? — удивился Ручи. — Ты хоть знаешь, кто это был?

— Эм. Нет, — хмыкнул Блоп.

— Ха. Ну говорю же, идиот. Это Сверло! — закатил глаза длинный стражник, кивнув головой в сторону причала.

— Сверло? — спросил Блоп.

— Служитель Сверло Септ — начальник, кажется, тайной полиции или секретного или какого-то там особого отдела службы Культа.

— Вот, Ручи, какая разница, ты и сам не знаешь толком, — засмеялся Блоп.

— Такая разница, что лучше бы он нас казнил, дубина, — разозлился Ручи и, тяжело дыша, стукнул прикладом о дно лодки. Блоп удивлённо наклонил голову к ногам Ручи:

— Ой, смотри, ты пробил трещину.

Длинный стражник резко отодвинул толстяка и увидел, что лодка действительно дала течь. Он оглянулся в сторону стены, до берега оставалось ещё прилично. Лодка быстро наполнялась и скоро начала проседать на цепи.

— Что будем делать, Руч? — тревожно спросил Блоп. Ручи заметался то в одну, то в другую сторону.

— Видимо, старые доски, дружище, — грустно надул губы толстяк и принялся снимать себя кирасу, каску и наколенники.

— Что ты делаешь? — взревел длинный.

— Собираюсь плавать. Видишь, как здорово вышло, я как раз мечтал окунуться, — виновато улыбнулся Блоп, пожал плечами и продолжил разоблачаться.

Ручи зарычал что-то, потом топнул ногой, отчего течь стала только больше, а затем тоже принялся раздеваться.

— Мы сможем довести вещи в лодке и высушить на берегу, если ты не проломишь... — начал было Блоп, оставшись в одном нижнем белье. Но Ручи с таким усердием стучал по дну лодки, что доска отвалилась и та стала стремительно погружаться. Длинный стражник лишь успел снять с себя последний наколенник, как они остались на поверхности воды, а механизм потащил к берегу лишь торчащий нос лодки. Оба они оказались в воде, а броня и оружие исчезли в тёмной глади.

— Не говори ни слова, — процедил Ручи сквозь зубы и поплыл к берегу. Но тот и не думал об этом, ему напекло затылок, и он с удовольствием окунулся с головой.

Когда Блоп наконец выбрался на причал и, тяжело дыша, рухнул на горячую бетонную плиту, сверкающую сердечными пылинками, Ручи уже сидел, обхватив ноги, и смотрел, как капли падают на раскалённую поверхность, оставляя тёмные кляксы. Под напором обеих светил они медленно, но неумолимо испарялись и исчезали. Затем толстяк поднял голову и посмотрел на причал, откуда доносились звуки лома, эхом разносившиеся по колодцу искусственного озера. Фигуры Септа не было видно.

— Фух, — фыркнул толстяк и улыбнулся, — давно я так не плавал! Уже думал и не доплыву. Ты как, Руч, нормально?

Он повернул голову к напарнику, но тот всё так же неподвижно сидел, похожий на статую.

— Луны мои. Ну сколько можно? Ты посмотри, солнце светит, совки поют, лунный день заканчивается...

Ручи не выдержал:

— Ты болван, абсолютный кретин Блоп, тебя, наверное, родители при рождении так и назвали, наш сын станет остолопом, поэтому назовем его Блопом, чтобы лучше сочеталось! Ах да, как же я забыл, ещё очень хорошее сочетание Блоп-идиот или Блоп-тупой клоп. Блоп — глупый циклоп.

Блоп отвернулся и зажмурил глаза, вставив пальцы в уши.

— Я слышал у тебя две или три рифмы, — проговорил он, мотая головой.

Ручи ещё какое-то время ругался, но потом затих, и толстяк привстал, начав вытряхивать из ушей воду.

— Солнце-то светит, глупый Блоп, но не для нас с тобой, — грустно констатировал длинный.

— Это... почему? — удивился толстяк, уже встав на одну ногу и, наклонив голову, стучал себя по черепу.

— Что ты знаешь о квартале Туманов? — спросил Ручи, встав и тоже начав вытряхивать воду из ушей.

— Там туман, — хмыкнул Блоп.

— Верно, — хохотнул длинный. — Но что за туман, ты в курсе?

— Что-то слышал о запретной зоне, но никогда особенно не вдавался в детали, — пожал плечами Блоп и потянулся.

— Как тебя вообще в стражу приняли? — поднял глаза к небу Ручи. — Хорошо, слушай. Много лет назад там был какой-то большой завод или исследовательский центр, построенный большой шишкой из мистиков, там заряжали воду сильными эмоциями, чтобы создать альтернативный источник энергии. Цель-то была ничего, пахла большими деньгами и положением, но вот исполнение хромало на обе ноги.

Блоп увлечённо смотрел на напарника, поднявшего голову и почёсывавшего бородавку на щеке.

— Как говорят на улице, они брали людей, привязывали их и совершали некий ритуал, буквально высасывавший из человека наиболее сильные эмоции. А человека в этот момент держали над котлом, от которого поднимался пар. В соседней комнате они как-то этот пар превращали обратно в воду и заливали в бочки. Ну и кто бы мог подумать, несчастные люди испытывали в основном страх, отчаяние, ненависть к своим мучителям, и ничего хорошего из этого не вышло.

Он облизнул языком губы и продолжил:

— И то ли эта заряжена вода сама, то ли это была диверсия, но, короче, завод этот рванул, да так, что вода выпала дождём на целый квартал, окружавший его. И с тех пор... С тех пор на улицах квартала висит непроглядный туман и днём, и ночью. Солнце словно не заглядывает туда, закрытое высотками соседних кварталов.

Он снова облизнул губы, кашлянул и вновь заговорил:

— Так вот, Блоп-идиот. Кто попадёт в этот туман, теряет рассудок. Каждый по-разному, кто-то превращается в зверя-деграданта, кто-то в тихого маньяка, кто-то просто исчезает, а кто-то становится бездушным, как оживляшка, и просто шатается по улицам.

Блоп сидел, открыв рот и почесывая затылок. Довольный эффектом, Ручи придвинул к нему лицо и проговорил:

— Поэтому квартал оцеплен, а тоннели к нему заколочены. И поэтому Сверло не будет посылать туда своих людей. Они всё равно не вернуться. И поэтому он послал туда нас. Чтобы наказать за твоё идиотское незаряженное ружье, которым ты его чуть не убил, дружище Блоп.

С этими словами длинный встал, смачно плюнул на раскалённый бетон и направился вверх по лестнице, испещрённой подтёками от воды. Блоп какое-то время пребывал в созданных Ручи ужасающих образах, но затем поднялся, посмотрел на накатывающие на ступени волны и поспешил за напарником.

— У нас, наверное, новая мода в городе, ходить по улице в трусах, — хмыкнул Великий Мастер Перлеглоз Трокийя, разглядывая в окно нелепую парочку, дефилировавшую в сторону бараков по переулку Кукольников, раздавая подзатыльники очереди из деревянных игрушек и слуг, выстроившихся к немногочисленным мастерам, на скорую руку латавшим всех оживлённых — от посыльных до технических служащих. В основном, это была домашняя услуга, уборщики, камердинеры, носильщики — вся та невидимая братия, что становится заметной, только когда ломается. А ломались они теперь часто, поэтому двум полуголым путешественникам было трудно пробраться сквозь толпу, и тот, что был повыше, нещадно ругался и раздавал подзатыльники маленьким созданиям, пока не напоролся на огромный

шкаф с каменными руками, видимо занимавшегося какими-то грузоподъемными работами, тогда он виновато отступил, подняв вверх руки и поспешив поскорее убраться.

Великий Мастер отвернулся наконец от окна на втором этаже, где находилось маленькое кафе, известное только местным жителям, и приступил к своей нехитрой трапезе.

— Так вот, — сказал он своему собеседнику в робе Культа, устроившемуся напротив, — так вот, Эл. Я же могу называть вас Эл?

Собеседник напротив кивнул и стал теревить свою чёрную бороду.

— Мне рекомендовали вас как очень толкового молодого человека. Поэтому я жду, что вы будете следовать впредь моим указаниям в точности. И я бы не хотела, чтобы вы проявляли самостоятельность, — резюмировал он, постукивая вилкой о маленькую тарелку, измазанную красным джемом из корня аспинова дерева. И тут же продолжил: — Я же, со своей стороны, обеспечу вас всем необходимым. Доступом в зону реконструкции, всеми бумагами секретными служебными паролями, позволяющими беспрепятственно пребывать на стройке.

Он нарисовал в остатках джема крест, издав неприятный царапающий звук, отчего собеседник поморщился.

— Ну и, разумеется, достойная компенсация, — улыбнулся Перлеглоз, написал над крестом вилкой сумму и повернул тарелку к Элу. Тот какое-то время смотрел на него, а затем поднял брови и произнёс:

— Хорошо. Я согласен. Но знайте, я всё это делаю ради Сердца.

— Разумеется. Я тоже, — закивал Трокийя, закрыв глаза.

Эл встал, кивнул и произнёс:

— Пришлите посыльного на старый адрес, когда всё будет готово.

— Разумеется, — кивнул в ответ великий мастер, жеманно поведя плечами, — но прошу вас, это должно оставаться тайной, — подчеркнул он, подняв брови и прямо уставившись на собеседника.

Трокийя привстал и, придерживая бороду, подал Элу руку для поцелуя. Молодой человек удивлённо дёрнул уголком рта, крепко пожал его руку и вышел. Великий Мастер изобразил лёгкое возмущением манерами собеседника, но тут же обмяк и расслабился, оставшись один в маленькой комнате, увитой плющом, залезавшим в неё через трещины в стенах, словно пытаясь раздвинуть камень и разорвать внутренность дома. Перлеглоз доел, надел свой цилиндр, расправил бороду и вышел.

В то же мгновение вошли маленькие смешные куклы, похожие на кузнечиков во фраках, и убрали со стола, поменяв скатерть и приборы. А кукла повыше принесла и заменила на стене картину с довольно пошлым натюрмортом на изображение чёрного круга с подозрительным глазом посередине.

Из темноты посыпались мелкие песчинки и появился яркий слепящий свет. Затем раздался скрежет, и тот, у кого ещё не было имени, разглядел щупальца, разгребавшие над его лицом песок. Он пошевелил руками — те с трудом поддались. Ноги не двигались.

Пока Рауд откапывал его, оживлённый совсем пришёл в себя и, когда его конечности наконец освободились, сумел сам выкарабкаться на поверхность, оказавшись на вершине бархана. Оба солнца уже перебрались через зенит, но до заката было ещё довольно долго. За спиной вдалеке высились скалы, где начиналась каменоломня, и нависал тёмной громадой Город. Он никогда ещё не видел его на расстоянии, и это впечатление было грандиозным. Гигантский пик посреди пустыни, окружавшей его со всех сторон до самого горизонта. Только вдалеке, на юге, виднелись горные хребты.

Тот, у кого ещё не было имени, опустил взгляд на осьминога, и в груди его что-то непривычно дёрнулось. Осьминог почти весь высох и выглядел крайне истощённым, песок блестел на его теле, приобретшем болезненный фиолетовый оттенок. Он с трудом парил и, перебирая щупальцами, медленно пополз под тент, сооружённый им на менее солнечной стороне бархана из куска тряпки и руля. Кукла спустилась за ним и присела рядом, когда он, наконец, заполз в тень и рухнул без сил.

— Теперь твоя очередь, Пиноккио, — пробулькал он и указал щупальцем на торчащую из песка руку.

— Ударишь по правому плечу, если направо, по левому, если налево, — утвердительно ответила кукла и направилась к руке.

Когда тот, у кого ещё не было имени, наконец выкопал здоровяка, солнце раскалило его металлические части так, что если он касался их деревянной частью руки, то та начинала темнеть. Так он случайно и обжёг ухо Снорри, и тот завертелся и закричал глухим, кашляющим воплем, откинув от себя куклу на несколько метров.

— Почему ты не опустил здание! — раздалось дребезжание из соседнего бархана.

— Луны тебе в глотку! А! — рычал здоровяк. — Ты мне ещё и руку обжёг! Шмараматру хапанат!

Продолжая ругаться, он попытался встать, но припал на одно колено и выдал ещё одну порцию ругани. Откашлявшись песком и немного переведя дух, он обречённо оглядел пустыню, вскинул голову в небо и горько сплюнул на песок.

— Вот зараза, — расстроено прохрипел он и повернул голову к тенту, куда уже пришла и села кукла. Здоровяк привстал и, сильно прихрамывая, подошёл к ней и сел рядом, заглянув под тент.

— Ты как? — хрипло спросил он осьминога.

Рауд, не в силах ответить, помахал в воздухе щупальцем. Снорри снова сплюнул и тяжело вздохнул.

— Где байк? — спросил он.

Осьминог поднял щупальцу и указал на юг. Там высился очередной бархан. Рыча и поминая все луны, здоровяк встал и пошёл в ту сторону. На полпути к бархану он остановился и, обернувшись, крикнул кукле:

— Чего сидишь, поторапливайся!

Кукла неуверенно встала и пошла за здоровяком.

Аэроцикл действительно был с другой стороны бархана. Он торчал из песка единственным оставшимся двигателем, настолько раскалившимся, что от него поднималось марево. Снорри съехал к нему по бархану вниз, встал на колени и начал отгребать песок руками, не прекращая ругаться. Кукла подошла и села рядом.

— Чего уселся? — грозно спросил Снорри. — Помогай!

Кукла посмотрела на него внимательным взглядом.

— Обезьяна известна, — сказал она.

— Да, да ты правильно понял.

— Обезьяна байк зачем, — с трудом подобрала слова кукла.

— Что значит зачем? Трепанак саран. Откапывай, говорю! — прогремел здоровяк.

Но кукла покачала головой, встала и пошла дальше вниз, к другому бархану.

— Ты это куда, эй! Обрубок чёртов, стой, — возмутился Снорри, но затем заметил в песке поясик от кожаной сумки.

Кукла подошла к пояску, вынула сумку из песка, перекинула через плечо и вернулась обратно к человеку. Здоровяк привстал на одно колено, тут же снял сумку с куклы и повесил на себя, попутно посадив очередной ожог на палец.

— Сарашкарамат натараканта. Красную луну в спутники всей твоей семье до десятого колена! — зашипел он и пополз вверх.

Когда кукла поднялась на вершину бархана, Снорри уже поместил завернутого в тряпку осьминога на своё плечо и двинулся на юг.

— Обрубок чёртов, стой, — продребезжала кукла, и Снорри посмотрел на неё самым испепеляющим взглядом из своего арсенала, готовым поспорить с пожирающим светом обоих солнц, но затем лишь повернул голову и продолжил свой путь. Кукла, недолго думая, съехала с бархана и поплелась вслед за человеком.

Солнца нещадно жгли, и скоро здоровяк снял куртку и остался в одной рубашке и штанах, а его голова стала красной, ему даже пришлось оторвать подкладку у куртки и повязать её на голову. Почти всю дорогу он молчал, лишь изредка извергая очередное ругательство. Тот, у кого ещё не было имени, шёл за ним в полном замешательстве. За последние несколько дней с ним произошли разительные изменения. Он чувствовал, как будто бы проснулся от долгого сна, где пребывал всю прошлую жизнь. Ушла тяжёлая дрема, и его потрескавшиеся от жары нарисованные глаза впервые видели окружающий мир, полный событий, для которых в его голове всё ещё катастрофически не хватало слов.

Но то, что он видел, не было столь грандиозно, как то, что он чувствовал внутри. Он впервые ощущал своё тело: как сохло дерево на его запястьях, как разгулялись шарниры в коленях и как что-то в его груди дышало, наполняя всю его суть жизнью. Он словно всплыл над водой, впервые увидав мир снаружи аквариума, где пребывал несколько вечностей. Восторг сменялся неясной тревогой, затем снова восторгом, переходящим в замешательство. И, не имея возможности выразить это даже для самого себя, он просто продолжал ощущать всё это.

Воспоминания о старой жизни маячили теперь где-то на границе его нового самосознания, из неё он отчетливо помнил лишь лицо старика и часовые механизмы, почему-то неразрывно связанные друг с другом. Но приходили и иные образы, никак не идентифицируемые. На них была печать большого горя, сочувствия, сопереживания. Хотя и эти слова пока отсутствовали в его голове. Однако что-то уже начало собираться. Какая-то форма образовывалась, затем не выдерживала напора и разлеталась, вновь и вновь разбиваясь о неопишемую новизну всего происходившего.

Спустившись с очередного бархана, они оказались в абсолютной тишине. То, что до этого пустыня была полна звуками жизни, стало ясно только в момент, когда всё вокруг провалилось в вакуум безмолвия. Тот, у кого не было имени, обернулся и стукнулся о ногу человека, остановившегося и вглядывавшегося в небо.

— Плохи дела, — хмыкнул осьминог, тоже смотревший на небо с плеча мужчины.

Оживлённый поднял голову и увидел, что оно затянуто мутной дымкой. Здоровяк стал оглядывать окрестность и также остановил свой взгляд на облаке, закрывшем западный горизонт. Как мог судить тот, у кого ещё не было имени, облако стремительно приближалось. Здоровяк дёрнулся было назад, но потом схватил осьминога, поместил его под куртку, взбежал на вершину дюны и сел, обхватив голову руками. Кукла пошла за ним, в недоумении оглядывая поверхность его кожаной куртки, которой он накрылся с головой, потрогала за плечо. Но человек лишь нелепо дёрнулся и глубже уткнулся в песок. Кукла обернулась к облаку как раз в тот момент, когда подул сильный ветер и налетел шквал песка. Тот, у кого не было имени, перестал видеть человека, да и что бы то ни было вокруг. Так длилось довольно долго, и оживлённый потерял ощущение пространства и времени. Попытавшись сделать шаг, он чуть не упал и больше подобных попыток не совершал.

Буря стихла, только когда старшая звезда начала наконец клониться к закату и стало прохладнее. Измождённый здоровяк встал, но тут же упал на теневой стороне бархана, мгновенно захрапев. Кукла откопала себя из песка и села на вершине дюны. Приглядевшись к горизонту, она смерила взглядом расстояние. Город стал чуть меньше, а горный хребет на юге — чуть ближе, и если бы он был их целью, то таким темпом идти им было бы ещё долго. Это понимание возникло без слов, и без слов же исчезло. На бархан взбежала ящерица с высоким хохолком на голове. Посмотрев в глаза куклы, она внимательно изучила её, наклонила голову и высунула язык.

— Ты как? — спросил тот, у кого ещё не было имени.

Ящерица вздрогнула, но затем легонько кивнула и побежала вниз по своим делам. Кукла проводила её взглядом и легла на спину. Прямо над ней оказалась седьмая луна, похожая на голубой слоёный пирог, испещрённый укусами комаров. И чуть дальше — пятая, нежно-розовая. Тот, у кого ещё не было имени, внутренне улыбнулся и почувствовал, как по телу мельчайшим покалыванием разбежалось до кончиков пальцев приятное чувство. В груди

будто включился маленький пылесос — образовалась пустота, куда стремительно захотелось уместить всю эту красоту.

Седьмая и пятая уже сменились третьей и девятой, похожими на монеты с непонятными профилями, а кукла всё лежала на бархане, постепенно остывая. Внизу раздались проклятия. Кукла повернула голову и увидела, что здоровяк наконец проснулся и протирал глаза тыльными сторонами ладоней. Потом он, пошатываясь, встал, подобрал осьминога и продолжил путь, взяв быстрый темп. Куртка, повязанная вокруг пояса, упала, но он не обратил на это внимания. Тот, у кого ещё не было имени, спустился с бархана, подобрал её и понёс на плече. Его очень интересовал человек. Он был необычным. От него веяло чем-то тяжёлым, но одновременно трепетным. И опять это не было словами, понимание поднималось откуда-то из глубины и влекло его за этим человеком, ставшим его нечаянным спутником.

Когда второе солнце село, очень быстро стало холодать. Снорри хлопнул себя по бедру в поисках куртки и остановился. Обернувшись, он увидел куклу. Она держала её в руке. Он замешкался, затем аккуратно снял осьминога, надел куртку и поместил осьминога обратно. Ничего не сказав, он продолжил путь. Небо было ясным: луны сполна освещали его, а небосвод покрыли многочисленные точки звёзд. Холодный ветер, периодически настигавший путников, заставлял человека кутаться в тонкую кожу, куда он прятал осьминога. Горы впереди, сияющие в холодном лунном свете, будто бы не хотели приближаться. Скоро ноги здоровяка стали заплетаться, и он несколько раз падал, но тут же поднимался и продолжал путь.

В пустыне попадались тонкие высохшие деревья, гигантские валуны, неизвестно откуда здесь взявшиеся, и редкие остовы кораблей, разбившихся, видимо, ещё в незапамятные времена. Они возникали, как призраки, надвигаясь на путников из темноты — словно это не они шли, а корабли всё ещё плыли, даже после своей кончины не желая отказаться от своего прошлого.

Иногда человек останавливался возле таких обломков и пробовал искать воду, но тут же почти прекращал, обнаружив следы давнего разграбления. Только один раз им повезло найти полупустую флягу, зарытую под камнем в форме глаза, и человек отдал её с трудом дышавшему осьминогу.

Когда небо на юге тронули первые нотки рассвета, у человека начался бред. Он шёл, спотыкаясь и посылая проклятия.

— Ты! Шамаха тебя раздери! Ты во всём виноват! Сарашк! Сопляк! Трус! Ты заставил...
— сиплым голосом кричал Снорри, шатаясь из стороны в сторону.

— Я! Я всё делаю! Всё! Слышишь! Трус! Брашуртамартампа! Ненавижу тебя, — крикнул он и упал с бархана вниз, размахивая руками.

Осьминог выпал и покатился вслед за ним, пока они оба не столкнулись внизу, замерев, словно закончившие номер танцоры. Кукла спустилась вслед за ним, подобрала осьминога и, обвязав его тряпкой шею, так что щупальца обняли его плечи, пошла к человеку. Схватив за край куртки, она потянула, затем ещё и ещё, и, только приложив все свои усилия, она наконец смогла сдвинуть тело с места. С огромным трудом она затащила его на следующий бархан и перевела дух. Шарниры гудели и грозились быть выдранными из дерева, но всё ещё держались. Она спихнула здоровяка с бархана вниз, и он с лёгкостью скатился,

быстро оказавшись в ущелье. Затем снова был мучительный подъём — и снова быстрый спуск, и снова подъём — и снова спуск.

Горы были уже совсем рядом, когда первое солнце добралось до зенита — второй раз с того момента, как кукла принялась тащить человека и осьминога. Дерево на руках куклы пошло трещинами, коленные суставы скрипели без длительной смазки. Здоровяк всё время стонал и просил воды. Рауд же не подавал признаков жизни ещё с прошлой ночи. Барханы кончились, и кукла уже тащила мужчину спиной вперёд. Город виднелся вдали, но был уже похож на мираж, теряющийся в тягучем мареве.

Кукла оглянулась и увидела за спиной выступы каменной породы и местами торчащие из неё глыбы. До гор было ещё прилично, но пустыня начинала отступать. По камням тащить стало легче, но скоро человек совсем затих, перестал даже воду просить, и кукла почувствовала тревожный перелив струн в груди. Она подтащила Снорри к одному из каменных выступов, положила в тени и, поправив на спине осьминога, побежала дальше к камням, захватив у здоровяка все тряпки.

Она не понимала, что ищет, только вибрация в груди вела её между скалистых выступов. Да даже если бы и понимала, не могла бы себе ничего объяснить. Но скоро в лицо ей пахнуло свежестью, и кукла выбежала к большой луже, образованной тёкшим с гор ручьём. Сняв со спины осьминога, она аккуратно положила его в воду, а сама смочила тряпки и побежала обратно к Снорри.

Тот, у кого ещё не было имени, как бы наблюдал все эти действия со стороны, не имея представления, что заставляло его поступать именно так. Но что-то внутри его естества было абсолютно уверено, что делать нужно именно это. И он не спорил. Да и мог ли он спорить?

Подбежав к лежавшему в тени каменного выступа человеку, кукла положила его голову горизонтально, открыла ему рот и поднесла к нему тряпку, начав медленно выжимать её, так что капли воды потекли в рот. Одна тряпка, затем вторая — и вот здоровяк с трудом сглотнул. Третья тряпка — и он открыл глаза. Всё ещё в полубреду, он попытался встать, но не смог. Кукла встала, помогла ему приподняться и опереться спиной о камень.

— Где? — прошептал он.

Кукла показала рукой в сторону гор. Здоровяк дёрнулся, чтобы встать, и кукле снова пришлось помочь ему. Опёршись на неё, он добрался до лужи, где плавал осьминог, и припал к ручью. Осьминог уже пришёл в себя и подплыл к лицу Снорри, жадно глотавшему воду. Он поднял щупальце и с размаху ударил человека по лицу.

— Нельзя, — с трудом промолвил Рауд.

Снорри продолжил жадно пить, но потом нашёл в себе силы и отпрянул от воды, повалившись спиной на камни, и тяжело задышал.

Тень от ближайшего камня двигалась медленно, постепенно накрывая собой путников. Осьминог так и плавал в луже, а человек валялся рядом, распластав руки. Оба крепко спали. Кукла сидела под камнем и наблюдала, как тени своими лепестками то закрывали, то открывали спящих, и они неосознанно переползали обратно в прохладу с палящих коридоров света.

Осьминог проснулся только во время первого заката. Его тело почти восстановило здоровый голубой цвет, но местами всё ещё остались фиолетовые пятна. Снорри громко

храпел, и не реагировал на попытки его разбудить. Рауд медленно подплыл по воздуху к кукле и выпустил несколько пузырей благодарности:

— Спасибо, деревяшка. Я был уверен, что мы погибнем.

— Ты как? — спросила кукла.

— Живой. Но ожоги ещё остались. Боюсь, заживать будут ещё долго, — булькнул осьминог и повернулся к человеку.

Тот заполз под тень другого камня и свернулся калачиком.

— Пора будить эту гору мяса, — подмигнул кукле Рауд и, подплыв к здоровяку, ещё раз треснул его щупальцем по лицу. Снорри подскочил и ударился о камень над головой.

— Ты что творишь, головоногий? — завопил он спросонья.

— Скоро похолодает, нам бы добраться до ущелья, кашель у тебя плохой, а у меня, похоже, ещё и лихорадка.

Снорри протёр глаза и ушибленный затылок, а затем привстал. Но силы не хотели возвращаться к нему. Шатаясь, он опёрся на камень и всё же умудрился подняться. Заметив ручей, он подошёл к нему, встал на колени и снова напился. Утёр рукой рот и, стоя на четвереньках, отдышался. Вода стекала с его губ, а глаза были выпученными и дикими, как у животного. Но он нашёл в себе силы собраться, снова поднялся на ноги и оглядел пространство вокруг.

— Как мы сюда попали? — спросил он сиплым голосом.

Осьминог указал щупальцем на оживлённого, сидевшего в глубокой тени и внимательно изучавшего человека.

— Кхм, — только и сказал Снорри.

— Не жди от него благодарностей, — ехидно булькнул Рауд. — Он самый неотёсанный чурбан, которого я знаю.

— Обрубок чёртов, — кивнула кукла и неожиданно для самой себя рассмеялась. Смех, создаваемый из скрипа шестерёнок и дребезжания пружин, был неестественно металлическим, но всё же смехом. Кукла удивилась самой себе и обхватила грудь руками, испугавшись, что из неё что-то выскочит. Осьминог же припал на несколько щупалец к земле и выпускал какие-то икающие пузыри.

— Идиоты, — констатировал Снорри и зашагал в сторону гор, но тут же споткнулся и упал, чем вызвал ещё больший приступ хохота у спутников.

К ночи они добрались до ущелья между скал, откуда тёк тот самый ручей, и укрылись от ветра в небольшой пещере. Там еле стоявший на ногах Снорри развёл огонь из сухих веток, собранных по дороге. Он с лёгкостью высек искру из подобранных тут же осколков скальной породы и снова улегся спать, наказав кукле подбрасывать в огонь ветки, чтобы пламя не погасло до утра. Рауд устроился подальше от пламени и смотрел на узкую полоску неба между скал.

— Тебя как звать-то? — спросил осьминог, укладывая голову на плоский камень. Кукла посмотрела на него озадаченно. И тот, у кого ещё не было имени, впервые осознал своё

присутствие. Он попытался ассоциировать себя с каким-то словом, что он успел услышать, но не нашёл подходящего.

Ощущение того, что он есть и что всё это он ощущает сам, отдельно от всего остального, настолько переполнило его, что он тут же забыл вопрос. До этого момента он как-то не отделял себя от происходящего, от этих неожиданных спутников, жары, погони. Но теперь, когда он задумался над этим, он мог выделить во всём происходящем себя как отдельную единицу, и это чувство было настолько новым и неожиданным, что он встал. Затем снова сел и ощупал всё своё тело, забравшись даже под забрало и под панцирь, защищавший грудь.

— Где... зовут? — с трудом подобрал слова оживлённый.

— Не где, а как, — поправил осьминог. — Надо спрашивать «как тебя зовут», а не «где тебя зовут», понимаешь?

— Понимаешь, — кивнула кукла, снова встала и спросила: — Пиноккио?

— Нет-нет, так звали одного китобойца на побережье красной кости. Он тоже был куклой, но живой. Хотя, похоже, ты тоже живой. Отчаянный был малый, совсем без мозгов. Проглочен кашалотом вместе со всем экипажем своего корабля.

— Кашалотом? — удивилась кукла.

— Ну, это такая большая штука. Размером с большой дирижабль, цеппелин, ты цеппелины видел? — спросил Рауд, но кукла замотала головой, и он пустился в дальнейшие разъяснения: — Ну, как средней руки высотный дом, только в длину и толще раза в три, и плавает на глубине.

Он посмотрел на удивлённую куклу, приподнял голову и хлопнул себя щупальцем по лбу.

— Да что с тобой говорить, ты же моря-то и не видел. Вы тут все живёте и ни разу не видели моря. Я, честно сказать, не знаю, зачем жить, если без моря, — грустно констатировал он, улёгся обратно на камень и поднял глаза к звёздам.

Кукла подошла и села рядом, обхватив руками колени, она тоже уставилась на обрывок небосвода.

— Где море? — спросил тот, у кого не было имени.

— Далеко — махнул осьминог куда-то да юго-запад.

— Поторапливайся море? — спросила кукла, тоже махнув рукой за юго-запад.

— Нет-нет, — ухмыльнулся осьминог, — мы идём в Свободный город. До моря нам не добраться.

— Свободный город? — произнесла кукла и махнула на юг.

— Да, на восходе, — кивнул Рауд, — в самом сердце большого хребта.

Кукла посмотрела в ту сторону.

— Я спать, а ты не забудь про огонь, а то мы опять замёрзнем, а с моим здоровьем резкие перепады вредны, — булькнул осьминог и закрыл глаза.

Тот, у кого не было имени, спохватился и побежал к почти потухшему костру. Положив в него пару веток, он стал с облегчением смотреть, как разгорается пламя.

— Имя-то придумай, не забудь, — пробуждал в полудрёме осьминог и засопел.

Но кукла не услышала его слов, она была поглощена чувством облегчения, что успела поддержать искрящееся красное пламя. Все чувства были новыми и острыми, и тому, кому только начали придумывать имя, требовалось время, чтобы пережить их глубоко и до конца.

Под утро, когда ветки совсем кончились, он всё ещё пребывал в раздумьях. Он звал, но имя не приходило. Следуя за нараставшим мыслительным процессом, он часто погружался в вызванные этим процессом переживания и образы. Самым свежим было расстройство. Он сам ещё не знал, что это именно оно, но испытывал его в полной мере. Он то качал головой, то вставал и начинал прохаживаться взад-вперёд, то прохаживался и качал головой одновременно.

Когда Рауд наконец открыл глаза, кукла уже сидела возле него и умоляюще произнесла:

— Помогите! Глупая кукла!

Осьминог не сразу понял, о чём речь, но, стряхнув с глаз сон, быстро разглядел состояние спутника.

— Прекратить панику. Не такая уже и большая разница, будет у тебя имя или нет.

— Как прекратить? — умоляюще дребезжала кукла.

— Как-как, подумай о чём-то другом, — раздражённо булькнул осьминог, не до конца победившим сон голосом.

Кукла встала и медленно пошла к костру, в последний раз моргнувшему алым пламенем и испустившему дымок. Тот, у кого только начало придумываться имя, стал с усердием пробовать думать о чём-то другом. Но в голову непрерывно лезли разные имена, словно где-то стоял пулемёт, выстреливавший их с невероятной скоростью. Эта ассоциация с пулемётом поразила его. Ведь названия он такого ещё не знал, но вот концепция скорострельного оружия была ему почему-то известна. Он вспомнил побег из тюрьмы, как в спину здоровяка летел поток светящихся огней, и облегчённо присел рядом с костром.

Осьминог, всё это время ворочавшийся на камне, поднялся и полетел к ручью, где омыл своё тело и, хлопая глазами, спросил:

— Колокосвет?

Кукла, вырванная из полностью захвативших её воспоминаний о погоне, подняла на него глаза и, покрутив в голове «Колокосвета», пожала плечами.

— Ну хорошо, — задумался Рауд, — Эфтебенеуг?

Кукла наклонила голову на бок и сощурила глаза.

— Да-да, согласен, глупое предложение, — замялся осьминог и вновь окатил себя водой из ручья.

Снорри заворочался на своём месте и привстал, не открывая глаз.

— Разгалделись-то, а! — прорычал он, встал и, пошатываясь, тоже пошёл к ручью.

— И тебе доброе утро, спящая красавица, — язвительно булькнул осьминог и брызнул водой в человека. Тот посмотрел на него, прищурил глаза, покачал головой и встал на колени, чтобы попить.

— Ретузий? — спросил осьминог, повернувшись к кукле.

Кукла попробовала повторить прищур Снорри.

— Мимикрируешь под эту бездушную кучу мяса? — удивился осьминог. — Ну, тогда держи, Братозяблик!

И Рауд брызнул в того, кому выбирали имя, водой, да так ловко, что попал прямо в нарисованные глаза. Осьминог засмеялся, а кукла сняла отмокший слой краски с правого глаза. Снорри презрительно посмотрел на обоих и продолжил умывать лицо.

Спутники шли по ущелью, перепрыгивая с берега на берег, в поисках более удобной тропы. Ручей, как и ущелье, становился шире, превратившись в маленькую реку. На склонах попадались деревья, а вокруг всё заросло мхом и мелкой травой. Тот, кому придумывали имя, с удивлением разглядывал растения. Таких он никогда не видел и не представлял, что может быть столько зелёного цвета сразу. Ему хотелось выпрыгнуть из самого себя от радости, и он подбегал и вдыхал через трещины своей деревянной головы запах каждого цветка, попадавшегося ему на пути. Переполненный эйфорией, он убегал далеко вперёд от спутников, чтобы насладиться природой, ненадолго замерев на месте. Когда же Снорри и Рауд оказывались уже далеко впереди, он бросался их догонять.

— Мне кажется, мы путешествуем с малолетним идиотом, — бурчал здоровяк.

— Ты совсем зачерствел, — задумчиво булькнул в ответ осьминог.

— А ты, беспозвоночный, смотрю, нашёл себе нового друга? — оскалился Снорри.

— А ты, что, не нашёл? — удивился Рауд. — Если бы не он, нас бы уже пригласили на обед пустынники. И не в качестве гостей.

Человек покачал головой и продолжил путь. А осьминог крикнул отставшей кукле:

— Ссык?

— Почему ты не опустил здание? — раздался в ответ звенящий голос куклы, эхом разнёсшийся по ущелью.

— Да, кстати, почему? — обернулся Снорри и с укором посмотрел на осьминога. Рауд поднял на него удивлённые и внимательные глаза:

— А! Ты хотел их всех утопить?

— Они этого заслуживали, — гаркнул здоровяк.

— Кто заслуживал? — сощурил глаза осьминог и подплыл к человеку на уровень лица. — Полицейские, выполнявшие свой долг, или заключённые, что могли быть как виновны, так и невиновны? У тех и у других есть семьи...

— Ты не видел тех, кто там обитает, а я видел! — проревел Снорри, так что несколько камней упали в ущелье за их спинами. Здоровяк оглянулся и продолжил, но уже тише:

— Я бывал там и раньше, я видел тех, кого туда смывает река жизни, и, поверь, смерть для них — лучший выход.

Он со злости ударил себя по бедру, а затем легонько хлопнул по перемотанной и перевязанной сумке на боку.

— Ты не видел, что они сделали с Лилой. Эти изверги сожгли её, целиком, понимаешь, как сжигали таких, как ты. От неё остался пепел и только верхушка головы, — шипел он сквозь зубы, а его глаза наполнялись кровью.

— Моих сжигали другие люди, теперь их нет, — зло сказал осьминог, отвернулся и полетел дальше. — Отец что-нибудь придумает.

— Всё время надеешься на чудо, а из-за тебя нас чуть не поймали.

— Ничего я не надеюсь, это был лунный день, никто и не подумал бы нас искать в пустыне.

Снорри повернул голову к осьминогу, утёр глаза рукавом и поспешил вперёд, за уже успевшей убежать вдаль куклой.

Ущелье, поднимавшееся всё выше и выше между двумя склонами, заканчивалось водопадом, тянувшимся высоко вверх на большой горный массив, неприступной стеной возвышавшийся перед путниками. Его отвесная громада обрамляла водопад пещерами, вымытыми другими рукавами реки, заполнявшимися в былые полноводные времена; вершина же, громоздившаяся существенно выше, представляла из себя плоское плато, ровной полосой отрезавшее синеву неба и выглядывавшее из-за неё солнца.

Здоровяк остановился и посмотрел вверх. На почти белой отвесной поверхности не было ни намёка на тропу или проход. Осьминог остановился рядом и задумчиво произнёс:

— Я так высоко не взлечу, не проси.

— А я так надеялся, — саркастически хмыкнул здоровяк и двинулся к водопаду.

Солнца как раз перевалили через хребет, и вода засияла белыми переливами, ослепив Снорри. Кукла, бегавшая, как заведённая, внизу за только что обнаруженной бабочкой, остановилась, как вкопанная, и, если бы у неё был рот, она непременно бы его открыла. Человек же, совершенно не обращая внимания на творящуюся вокруг красоту, поднялся к водопаду и вошёл в него, исчезнув на глазах у спутников.

— Вот тебе и чудо, — удивлённо произнёс осьминог и последовал за здоровяком. Когда и он исчез в водопаде, кукла с осторожностью двинулась за спутниками, боясь своими движениями спугнуть сверкающее волшебство. В груди всё заходило ходуном, и тот, кому никак не могли придумать имя, рухнул без сознания на поросшие мхом камни.

Пришёл в себя он в полутьме подмышкой у здоровяка. Тот пробирался между острых выступов в узком проёме между скал, проявляя чудеса гибкости. Осьминог мелькал чуть впереди. Часть горной породы светилась каким-то внутренним зеленоватым светом и была как будто прозрачной.

— Пригнись, — раздался голос осьминога, и здоровяк ловко присел и пролез под сверкающим выступом. Подул ветер, и Гудди понял, что выход близко. А потом он вдруг понял, что у него есть имя. Он издал какой-то охающий звук, и Снорри хмыкнул:

— Очнулся наконец.

— Да, — пробулькал впереди Рауд. — Сон помогает справиться с неизбежностью жизни.

Гудди хотел что-то ответить, но только снова охнул, потому что впереди показался слепящий свет, и они с какой-то неожиданной быстротой оказались на открытом пространстве.

Когда остатки его нарисованных глаз привыкли, Гудди разглядел каменное небо, рассечённое посередине глубоким разломом, и гладь огромного голубого озера с белыми островами. Поражённый увиденным, оживлённый закрутил головой — и мир перевернулся, представ теперь глубоким каньоном, разделявшим горное плато, накрытое куполом неба. Каньон извивался слоями красного, белого и жёлтого, и уходил далеко-далеко, полный разветвлений и уровней, и на каждом было множество пещер, откуда вытекали речки и падали водопадами на дно каньона.

— Наконец-то! — прогудел Снорри и двинулся по широкой тропе вдоль его левого края.

Осьминог улыбнулся обомлевшей кукле и поплыл вслед за человеком. Здоровяк явно спешил, а осьминог спокойно плыл по воздуху, перевернувшись и расслабленно передвигая щупальцами. Гудди крутился под мышкой у человека, вновь и вновь не в силах впитать в себя происходящее. Кое-где на склонах виднелись раскидистые деревья, ухватившиеся своими корнями за выступающий камень. Между ними кружили птицы, и ветер шумел так удивительно умиротворяюще, обдавая случайной прохладой знойный полдень, что невозможно было и представить, что где-то в мире есть что-то, кроме этой гармонии.

Спутники подошли к краю обрыва, где чернел вход в большую пещеру. Как только здоровяк приблизился к ней, в пещере что-то зашевелилось. Из темноты сначала показался огромный клюв, а затем голова — ярко раскрашенные древними символами, образовывавшими устрашающую и в то же время удивительно красивую композицию на морде существа. За ними потянулись: длинная шея, маленькое сгорбленное тело и согнутые пополам в коленях ноги. Всё существо было исписано изысканными узорами, а огромные лапы представляли из себя вырезанные из камня головы гигантских псов.

Оно распрямилось, став почти в два раза выше, и помотало головой, издав гортанный звук. Головы псов задышали огнём и заговорили хором:

— Стой, кто идёт?

— Хорошая погода, но каждый вздох приближает к концу, — произнёс Снорри, на полшага отступив от языков пламени.

Голова птицы наверху снова издала гортанный звук.

— Старый пароль, — прогремели псы, и существо стало переминаться с ноги на ногу.

— Как старый пароль? Нас не было... — начал было Снорри.

— Нас не было больше недели, — сказал подплывший Рауд.

Птица угрожающе замахнулась своим клювом.

— И зачем так часто менять пароли? — рассердился здоровяк. — Какой в этом смысл?

Птица сделала шаг в их сторону, и псы извергли предупреждающие струи пламени, отчего человеку и осьминогу пришлось отступить. Но затем из-за птицы показалась маленькая матросская шапочка, и на камень забралась деревянная обезьянка, как две капли воды похожая на Лилу. Она посмотрела на спутников и крикнула птице:

— Сивунос, это свои!

Птица повернула голову на обезьянку, затем с сомнением глянула на пришедших и издала гортанный звук, направив клюв в небо. После этого она отступила и, медленно согнувшись, исчезла в пещере.

— Лила? — с неуверенностью спросил перевернувшийся в руках здоровяка Гудди.

— Нет, я Пуни. А где сестра? — спросила обезьянка, склонив голову.

Снорри как-то неуклюже хлопнул по сумке и отвёл глаза. Обезьянка спрыгнула с камня и подошла к путникам, протянув руки. Здоровяк снял сумку и отдал обезьянке. Та обмотала ремень сумки вокруг тела, кивнула и двинулась в пещеру, поманив компанию за собой.

Было слышно дыхание псов, ступавших где-то позади, но в темноте ничего не было видно, и здоровяк шёл, выставив вперёд руки, осьминог одним щупальцем держался за его ремень, а другим держал идущего сзади Гудди. Сначала вдалеке, а потом всё ближе и ближе возникли огни. Переливаясь разноцветными узорами, они звали к себе, освещая путь в темноте. Через несколько шагов стало светлее, и компания оказалась на шумной площади, находившейся посреди каменного грота. Самые разные существа сновали туда-сюда, по своим загадочным делам. Большинство из них было оживлёнными куклами, игрушками, големами или машинами. Но встречались и антропоморфные животные, и похожие на людей крылатые существа, и существа со змеиной кожей или кожей из дерева.

Снорри поставил куклу на пол. У той разбегались глаза. Всё было таким ярким и пёстрым, что Гудди не успевал как следует разглядеть происходящее. Осьминог потянул его за собой. Со всех сторон доносился весёлый говор и песни. Над его головой прошелестел бумажный змей с длинным хвостом, нёсший шумную компанию деревянных обезьянок в небольшой корзине. И он тут же чуть не споткнулся о живого питона, переползавшего от одной лавки к другой.

— Аккуратнее! — зашипел питон, поправляя хвостом съехавшую с головы бумажную корону.

Гудди лишь успел махнуть ему рукой, как осьминог вытянул его из грота на свежий воздух, и он увидел перед собой расположившийся в каньоне город. Полный цветастых флагов и ярких шатров, он окружал огромный корабль, стоявший в центре каньона. К мачтам его были привязаны натяжные мосты, что вели в рассыпанные на склонах пещеры, а на верхней палубе стоял богатый дом, куда тянулась длинная лестница. От его вида у Гудди всё замерло внутри.

На противоположном конце каньона раскинулся широкая площадка, она была оборудована под ангар, уходивший под своды гигантской пещеры. В ангаре сверкали фюзеляжи летающих лодок и скутеров. Полуобнажённые люди чистили технику, а техники-оживлённые занимались ремонтом. Взгляд Гудди упал на маленький мешок с нарисованными глазами и ртом, оглянувшийся на оживлённого и запрыгавший к нему от небольшого ларька с краской, где ему только что подправил глаз бородатый мужчина в широкополой шляпе. Мешок поравнялся с Гудди, затем подпрыгнул на уровень его глаз и крикнул:

— Пя!

Оживлённый сделал ещё два шага в сторону, ударился о ногу Снорри и снова упал без сознания.

Глава 7

Зара заготовила за все гда еды и забывай-воды на весь оставшийся вечер, взяла с собой маленькую плетёную корзину, накрытую красной тканью, и, машинально поправляя на ходу стулья за посетителями, ещё редкими в этот час, вышла из когда-то выкупленной её отцом пивной «Тринадцатая луна». Она двинулась по погружающимся в темноту переулкам в сторону Старого квартала. Вокруг зажигались фонари, и даже посыльные, до дрожи в голове раздражавшие её тем, что вечно путались под ногами и цепляли подол её много раз штопанного платья, зажгли свои маленькие фонарики, и в их лучах засверкали сердечные пылинки.

Поднявшись по длинной каменной лестнице к большой лифтовой платформе, она кинула монетку в автомат и тут же выдернула её привязанной к пальцу ниткой. Маленький турникет поддался нажиму, и она прошла на платформу. Сзади раздалось чьё-то недовольное ворчание, но Зара даже не оглянулась, уставившись на металлический рисунок перед собой. Зажглись сигнальные огни, поползла вниз решётка, закрывавшая доступ к лифту из турникетов, и тот, дёрнувшись, до безобразия медленно пополз вверх.

Вскоре Зара разглядела сверкающие ленты огней и услышала музыку, а через несколько минут лифт остановился перед аккуратно выложенной мостовой, открывавшей путь к опрятным во всех смыслах домикам, украшенным фонарями и гирляндами, между которыми парили летающие змеи, светящиеся огоньками сердечной пыли, а по улицам прохаживались парочки, увлечённые друг другом больше, чем всей этой пёстрой картинкой. Они спускались сюда со среднего яруса, чтобы провести романтический вечер в том волшебстве и уюте, что возникали в Старом квартале с наступлением темноты. Его здания служили маяками для тех, кто искал новых вкусов и хотел пощекотать нервы знакомством с менее роскошной и безопасной жизнью среднего яруса. То было место, где встречался высший и низший класс, не фыркая и не плюясь друг в друга, а испытывая удивление и восхищение, заново находя друг в друге что-то человеческое.

Зара прошла мимо иллюзиониста, выпустившего из шляпы розовый дым в форме кролика, отчего толпа детишек вокруг с восторгом закричала, а молодой человек решился и поцеловал девушку в щёку, отчего она стала такой же розовой, как дым из шляпы фокусника. Другая парочка положила золотой в рот деревянной цапле на огромных ногах, и та распрямилась и ударила клювом по голубому воздушному шару, откуда в руку девушки выпало сверкающее кольцо с огромным брильянтом. Зара улыбнулась смелости иллюзиониста и прошла мимо ошарашенной пары, похоже в первый раз столкнувшейся с иллюзиями, и повернула на незаметную лесенку, что вела вниз в пустой переулок.

Было темно; лишь один фонарь горел в тупике над тяжёлой стальной дверью с прорезью для глаз. Зара позвонила в звонок и стала ждать, переминаясь с ноги на ногу и разглядывая мерцающие в фонаре огоньки сердечных пылинок.

— Что нужно? — раздался грубый голос за решёткой.

— Посефение, — прошипела девушка.

— Что-что? — переспросил голос.

Зара выдохнула и попробовала снова:

— По-се-фе-ни-е.

— А... — хмыкнул голос и заскрипел засовом.

Дверь, словно нехотя, открылась, и на пороге Зару встретил очень маленького роста человек с огромными ушами, одетый в полицейскую форму. Он в спешке отодвигал куда-то вбок табуретку (на неё он вставал, когда смотрел на улицу).

— Вниз по лестнице и направо, — произнёс он уже спокойнее и почесал волосатую мочку уха, спадавшую с плеча.

Девушка вошла внутрь и стала спускаться вниз. Дверь вновь заскрипела, и стало так темно, что Зара, оступившись, чуть не упала, но удержалась, опершись на стену свободной рукой. За углом уже горел свет, и за маленьким деревянным столом сидел другой полицейский, чрезвычайно высокий на фоне окружавших его предметов. Когда Зара вошла, он тут же ударился головой, и с маленьких полочек на него посыпались бумаги.

— К кому? — спросил он, потирая голову с выражением раздражения и усталости в глазах.

— Ф-В-вульфи, — с трудом выговорила Зара и, довольная собой, улыбнулась.

Полицейский раздвинул колени, сгрёб упавшие со стола бумаги, облизнул палец и перевернул несколько страниц. Открыв пустую, он взял самопишущее перо и принялся заполнять строку. Затем повернул книгу и дал девушке расписаться. Та наклонилась, ещё раз улыбнувшись его вытянувшемуся от смущения лицу, и нарисовала круг. В ответ он криво улыбнулся ей и извиняющимся тоном спросил:

— Корзина?

Зара охотно открыла красную ткань. Под ней оказался вишнёвый пирог, и девушка ловко вынула отрезанный кусок и предложила полицейскому. Он тут же просветлел, щёки его порозовели, и он с поклоном принял пирог в руки.

Зара прошла дальше по коридору и встала перед решёткой, сразу же начавшей движение и отъехавшей в стену направо. Перед ней открылся длинный зал, где по периметру располагались клетки с заключёнными. Она сделала шаг внутрь и в проёме между решёткой и стеной заметила деревянную куклу, державшуюся за прутья и смотревшую на неё без всякого выражения. Сделав второй шаг, девушка оказалась внутри, и кукла, заскрипев металлом о камень, втащила дверь обратно. С противоположной стороны тоже раздался скрежет, дверь зафиксировалась.

— Ах луны! — воскликнул магистр Вульфи, с трудом поднимаясь и ползя к свету. — Ну зачем же ты сюда ходишь! Мне бы пора уже было сгнить здесь. А ты всё поддерживаешь во мне жизнь.

— Ох-хо-хо, ничего-ничего! — рассмеялся старик. — Знай, мне нечем тебя отблагодарить.

— Да уж, та ещё благодарность, — хмыкнул Вульфи и уселся напротив. — Втянул вас в авантюру.

— Да, да, умолкаю! Больше ни слова самобичевания! — сказал Галахад и поднял ладони вверх.

— В сле-фу-ющий фья-з по-фье-фу мель-че, — старательно произнесла девушка и улыбнулась.

— А ты? — удивился Вульфи.

— Так... Нна чём мы в прошлый раз остановились? — довольным голосом произнёс магистр, принимая из рук Зары красную ткань, чтобы вытереть руки.

— Так, значит, р-р-р-р-р, — прорычал старик и улыбнулся, — ну что ж, давайте, ставим язычок за верхними зубами.

— Так, давайте начнём, д-д-д-д-д-д-д-д-д-д-д-д-д.

— Только следи, чтобы подбородок не двигался — только язык, — уточнил Вульф. —

Девушка повторила с удвоенным усердием.

— А теперь... Теперь берём палец, — выговорил Галахад, выпучив глаза, — язык на месте, перед зубами, а палец кладём под язык, — кивнул Заре, — всё верно, а теперь начинаем двигать пальцем, быстро-быстро влево-вправо. Вот. Вот так, вызываем искусственно звук р-р-р-р.

Девушка в точности повторила упражнение. Старик улыбнулся:

— Отлично!

Зара покраснела и улыбнулась в ответ.

— Разминка окончена, теперь давай без пальца. Язык к зубам, начинаем д-д-д-дддд.

Девушка повторила за магистром.

— А теперь как бы дуем на язык со всей силы дьдьдьдьдь-рь-рь-рь-рь-рь-рь.

Зара напряглась и дунула что было сил:

— Д-д-д-д-д-фь-фь-фь-фь!

— Нет, нет, язычок не опускаем, — уточнил Галахад, пытаясь пролезть между прутьев и заглянуть девушке в рот.

Зара напряглась и вновь дунула:

— Дь-дь-дь-дь-дь-фь-фь-рь-рь-рь.

— Да! — вскрикнул Вульфи.

— Сколько можно-то, а? Ради всех лун, заткнитесь уже там! — раздался возглас из дальней камеры.

Вульфи от неожиданности обмяк, а девушка повернулась, поискала глазами на полу, потом встала, подняла валявшийся обрубок ножки стула.

— Не... — начал было магистр, но Зара уже с силой метнула ножку в камеру, откуда доносился голос. Деревяшка со звоном отскочила.

— Ха-ха, так тебе и надо, сын красной луны, — злорадно захихикал Вульфи, резко изменившись в лице.

— Фнаю я таких, — сердито хмыкнула девушка, усаживаясь обратно на табуретку, — путфят фам коло-ву, — с усилием закончила она и, надув щёки, посмотрела на старика.

— Ладно, оставь этого дурака. Придёшь как-нибудь утром, пока он спит, и порычим вдоволь, — прошептал Вульфи.

Зара замялась, но потом присела ближе к клетке и тихо зашелестела:

— Тоффа лучфе фасска-жи-те в-о-от фто. Ф тень кокта мы в-стфетились в-ы кофофили о сфоём бфате...

Вульфи поразмыслил немного, затем оглянулся на камеру в темноте, придвинулся максимально близко к решётке и начал:

— Знаешь, есть такие истории, которые молодым девушкам знать необязательно. Мозгов хватит не разбалтывать кому попало? — спросил он, нахмурившись. — Я-то уже стар, мне помирать скоро.

Зара кивнула.

— Ты слышала о «договоре садовников»?»

Девушка отрицательно покачала головой.

— Хмм, придётся издалека, — сказал он, почёсывая заросший подбородок. — Город основали пять человек. Все мы, здесь живущие, — потомки этих людей. Они возделали первый сад вокруг сердца и построили вокруг сада первое ограждение, чтобы уберечь Сердце от ран. И они договорились между собой, что каждый из их рода будет управлять три лунных года по очереди. Так длилось недолго, и со временем они стали выбирать правящую семью голосованием. Так и появился «договор садовников». То были времена волшебные, никто и не думал записывать его на бумаге. Все жили долго и честно блюли обеты, — старик мечтательно посмотрел в потолок и облизнул губы.

Зара спохватилась и достала со дна корзины закупоренную бутылку воды. Безуспешно попробовав просунуть её в щель, она выдохнула, открыла пробку и наклонила горлышко через решётку в рот магистра Вульфи, принявшегося жадно пить. Напившись и утерев рот, он продолжил:

— Но шло время, город рос, появлялись новые семьи, договор наконец задокументировали. Однако, как только он попал на бумагу, началась какая-то неразбериха, как всегда с текстами, — горько усмехнулся магистр, — то один, то другой великий дом туда не попадал. Затем один из новых великих домов, кажется, Ят, поднял восстание против старых домов, они, по мнению большинства, не справлялись с защитой Сердца. Поэтому бумага переписывалась и дописывалась много раз, меняя свой смысл. Небосвод наполнился новыми лунами, а город новыми великими домами. Магия и мистицизм отступали на задний план перед достижениями науки, расцветшей во времена первого ренессанса. И вот, помнится мне, именно этот период был озаглавлен первой большой войной, — старик замялся. — Ты меня прости, я могу всё сильно путать, память уже не та. Но, кажется, причина была именно в столкновении старого и нового. Раньше всё возникало из ниоткуда, просто материализовывалось, стоило только захотеть, а великие ремесленники и учёные, как мне помнится, захотели создавать сами и отвергали материализацию, как эксплуатацию сердца. Короче, луны их там разберут с их идеологиями, — раздражённым тоном проворчал Вульфи и оглянулся.

— Так вот, война, — продолжил он, — затем другая, и другая, потом император, парламентская республика, потом снова война, снова тиран, оппозиция, смена власти. И так длилось очень долго. И вот два или три века назад совет из оставшихся тринадцати великих домов восстановил «договор садовников». Не в том виде, конечно, каким тот был при основании, но близко к нему. Про Сердце никто, кроме очередного претендента на Верховного главу культа, не вспоминал. Нет, конфликты, конечно, были, но город вырос до небывалых высот, и научная мысль превзошла мистическую по всем статьям. Летающие корабли, электричество, передача энергии на расстоянии, батареи, — Вульфи заметил на непонимающий взгляд Зары. — Вижу для тебя это слишком сложно. Ладно, к сути. Мы с братом росли в этот благородный период. Человек будто бы побеждал природу. Шли даже разговоры, что мы построим искусственное сердце, и оно будет лучше и прочнее старого.

Поговаривали, что наступает четвёртый ренессанс технологий. Мой брат был на острие этого процесса. Он работал под покровительством дома Амун, в университете. Он был величайший учёный этого города, проницательный и быстрый ум. Но судьба нанесла неожиданный удар. Почти всех глав великих домов обвинили в заговоре и в одну ночь казнили. «Ночь великого предательства» — так её назовут в стихах Последнего Поэта. Это было накануне того, как Саммариус, глава дома Йомера, должен был передать власть следующему избранному дому. Но Саммариус объявил себя узурпатором, хранителем города и ревнителем Сердца. Вместе с наследниками был уничтожен весь цвет общества. Он казнил всех учёных, всех выдающихся инженеров и учителей. Были и те, кто «не участвовал» в заговоре. Но наука была обезглавлена. За одну ночь мы потеряли десятки веков истории и тысячи жизней.

Магистр вздохнул, взял кусок пирога и начал жевать.

— Ф цефкфях учат пфо фаго-в-оф, — задумчиво произнесла Зара.

— Ефли фаговор и был, — бурчал магистр с набитым ртом, поглядывая на другие клетки, — то, бьюсь об заклад, Саммариус им руководил.

Горько усмехнувшись, старик смёл крошки с бороды, вытер рот тканью и снова попросил попить. Зара наклонилась к нему бутылку, он глотнул и продолжил:

— Прервалась преемственность поколений. Узурпатор объявил о подавлении восстания. Была написана «Сага Саммариуса, хранителя города и ревнителя Сердца». Её-то ты, думаю, слышала? — спросил магистр почти утвердительно.

Зара кивнула.

— Вот, собственно, и всё. Сагой промыли мозги населению, по ней были поставлены спектакли, написаны молитвы, построены храмы. Под страхом смерти запретили любую иную поэзию, кроме стихов Последнего поэта, эту Сагу и написавшего. И всё это прошло под эгидой того, что мы восстанавливаем веру в Сердце. Что, дескать, из-за нашего неверия оно и умирает. И мы должны снова поверить, чтобы оно возродилось, — Вульфи горько покачал головой. — Но мне кажется, что стало только хуже. Уже четверть века прошло, но народ массово гоняют в церковь, а о Сердце ни слова. И ты ведь чувствуешь эту тревогу. Все чувствуют.

— Все — да, все, вот только кто-нибудь что-нибудь сделал? — раздался приглушённый голос из соседней камеры. Вульфи поднял глаза на девушку, она же в ответ пожала плечами, поджав губы.

— Кстати, как там Майло? Хорошо устроилась? — неожиданно вспомнил старик.

Зара кивнула:

— Ж-и-в-ё-т — не т-у-ж-и-т, — выговорила она отчетливо, улыбнулась и тут же погрустнела.

— Неплохо, неплохо она устроилась, — прокричал Галахад и хлопнул себя по коленям. — Вот и славно.

На этих словах из коридора, где сидел длинный полицейский, прозвенел звонок.

— В-фе-мя, — смутилась девушка.

— Да, время. Ты не забывай, занимайся, — грустно произнёс Вульфи, — спасибо за пирог..

Зара кивнула, встала и направилась к выходу. Перед решёткой, начавшей отъезжать в стену, она снова оглянулась на магистра (его силуэт еле виднелся в клетке) и помахала рукой.

На улице было уже совсем темно, когда она вышла из подвала и поспешила из тёмного переулочка на шумные улицы Старого квартала, тоже опустевшие к тому времени. Все парочки разбежались по театрам, ресторанам и маленьким кафе, а кто-то уже тянулся обратно, наверх, покидая экзотический уют нижнего яруса. Она повернула к лифту, но внимание её привлёк ребёнок — он отпрыгнул от иллюзиониста, снова выпустившего из шляпы своего туманного кролика. Малыш ударился о мостовую и заплакал. Зара присела, подняла ребенка и, осмотрев ушиб, принялась без слов отряхивать его. Подбежал напуганный иллюзионист, весь красный и взъерошенный:

— Ну что же ты, малыш, держи!

С этими словами он вынул из кармана замшевого пиджака карамельку на палочке и дал ребёнку. Тот мгновенно просветлел, схватил подарок и побежал по своим делам, выкрикнув куда-то перед собой:

— Спасибо, дяденька иллюзионист!

На что молодой человек выпрямился и с лёгкой обидой крикнул в ответ:

— Я не иллюзионист, я химик! А это большая разница! Химия разрешена!

Но ребёнок уже исчез за поворотом улицы. Зара тоже встала и уставилась на лицо иллюзиониста-химика. Вытянутое, с бакенбардами, тонким ртом и большими глазами, оно было одновременно привлекательным и трогательным.

— Этель. Этель Сафрона, — представился он.

Зара покраснела, легонько поклонилась, но ничего не ответила.

— Хмм. Проглотившая язык красавица, — звонко рассмеялся Этель и протянул ей руку.

Зара схватила её и по-мужски крепко пожала, отчего молодой человек охнул:

— Вот это хватка. Вы, наверное, укротительница големов!

Зара засмеялась и кивнула.

— А я вот химические представления устраиваю. Чистая наука, никаких иллюзий! — повернулся он к своему лотку с пылящими пузырьками и сделал приглашающий жест.

Зара сделала шаг в его сторону, и он тут же поспешил к своей шляпе, куда принялся засыпать какой-то белый порошок. Но Зара отрицательно покачала головой.

— А, уже видели, — озабоченно хмыкнул молодой человек и полез в кармашек жилетки, откуда достал спиральку, ловко поджёг её и подкинул в воздух. Спиралька закрутилась прямо над головой Зары, и из неё пошёл сверкающий дождь. Девушка съежилась от страха, но потом поймала одну из искр в руку, и та оказалась приятно холодной.

— Азот с сердечной пылью, — рассмеялся Этель. — Это у меня только пробник был, но сейчас, сейчас, я покажу ещё.

Он полез в нагрудный карман, но вдруг заметил, что Зара идёт по улице в сторону смотровой площади, в противоположную сторону от лифта. Он удивлённо остановился, но Зара повернулась и улыбнулась ему. Вновь загоревшись, молодой человек принялся с необычной для себя скоростью распахивать пузырьки и бутылочки по лотку, наспех запер его и бросился за девушкой, гремя по каменной мостовой тележкой со своим скарбом.

Запахавшись, Этель догнал Зару перед выходом на площадь, где летало множество механических бабочек с пузырьками, заполненными сердечной пылью. Она светилась и мерцала в их маленьких телах, обволакивая смотровую площадку мягким алым свечением. Зара не повернулась к нему, но улыбнулась, замедлив шаг.

— Куда же вы так быстро! Мы только познакомились, а вы уже убегаете от меня, — с напускным укором заметил молодой человек и тут же замер, заметив удивительную светящуюся красоту вокруг, потом снова опомнился, и бросился за девушкой.

— Я всё понял, вы используете это прекрасное место как отвлекающий маневр, чтобы скрыться. Но поверьте, ничто не может поспорить с... — и он запнулся, потому что, выйдя из алого марева, они оказались на пустом пространстве перед невысоким каменным забором. За ним расплывался огнями нижний ярус, а наверху возвышалась громада дворца Узурпатора, чёрной стеной поднимавшаяся до небес и сияющая короной огней. Только в правом боку её зиял просвет, откуда били огни внутреннего дворца.

— Знаете, что это за провал в стене? — замороженно спросил Этель.

Зара отрицательно покачала головой.

— Ну как же, укротительница големов — и не знает «Сагу Саммариуса»! — они оба засмеялись, и он продолжил: — Правда, это не классический текст, а дополнение о героическом восхождении Тэмена.

Он прочистил горло и начал читать наизусть:

— И доблестный Макиту Квал корабль свой на бой прислал. Как яростен и сердцем ал, наш доблестный Макиту. Врагов поверг, горит фрегат, Макиту Квал сражаться рад, но вниз уже летит канат, а с ним летит Макиту. Стены дворцовой грохот, дым, фрегат пробил её пустым, лишь капитан уходит с ним, наш доблестный Макиту.

Он закончил и повернул голову к Заре, смотревшей на него с улыбкой. Этель тут же стушевался и снова принялся рыться в карманах.

— Вот, смотрите!

И он бросил что-то перед собой за забор. Какое-то время ничего не было, но затем снизу поднялись светящиеся линии, нарисовавшие плывущий по волнам фрегат. Он сделал круг по площади и устремился в небо, мерцая и светясь разноцветными огнями. Собравшиеся люди и Зара с ними вместе зааплодировали. Девушка засмеялась и закрыла порозовевшие щёки руками. Этель повернулся к случайной публике и поклонился:

— Приходите! Приходите! Химический театр Сафрона на пересечении Закройщиков и Кукольников! — и, повернувшись к Заре, предложил: — А вас, юная укротительница, приглашаю прямо сейчас! (Зара оторопела, а он кивнул на свою тележку.) Не подумайте ничего дурного, мне нужно отвезти лоток, а потом я с удовольствием провожу вас до дома.

Зара задумалась, взгляд её упал на бездомных собак, тоже прибежавших посмотреть представление, она вздрогнула и машинально схватила Этеля под руку.

— Я принимаю это за согласие, — улыбнулся молодой человек.

Они вернулись к лифту и прошли по Сердечной площади мимо Тринадцатой луны до Района ремесленников. Там на углу Закройщиков и Кукольников действительно находилась двустворчатая дверь с красивой вырезанной надписью: «Химический театр», а внизу была приписка краской «Этель Сафрона». Молодой человек без умолку болтал, пользуясь молчаливым интересом спутницы. А та разглядывала маленький зал, заполненный прохудившимися креслами со стёртыми от времени номерками, обвалившуюся штукатурку и сцену, с наскоро прибитыми разного размера досками, вызвавшими у неё мало доверия. Этель, легко шагая по ним, провёл её за кулисы, где располагалась его химическая лаборатория, и с горящими глазами принялся рассказывать ей про содержимое мензурок и колб, про нагревательные элементы и то, каким образом получается фигура кролика. Но Зара не слушала, просто наслаждаясь звуком голоса этого неожиданного человека. Он был похож на большого ребёнка, потерявшего голову от своего увлечения. И ей это нравилось. В её жизни не было увлекающихся людей. Разве что старик магистр, но и тот был скорее исключением из правил.

Она заметила свет в противоположном конце лаборатории и прищурила глаза. Этель тоже повернулся туда и произнёс:

— Ах, дружище, ты здесь! Иди сюда, познакомься.

Зара различила за нагромождением стекла фигуру, в нерешительности отделившуюся от стола и направившуюся в их сторону. Этель включил пару газовых ламп, и в свет вошёл мужчина — ещё молодой, в простой рубаше и штанах, с чёрной бородкой, правильными чертами лица и красивыми, но острыми глазами.

— Познакомьтесь, дорогая укротительница, это мой помощник Аллади, или просто Эл. Он помогает мне. Ну и пользуется лабораторией в своё удовольствие. А это, Эл, молчаливая укротительница големов.

— Добрый вечер, — сухо произнёс Эл и подал ей руку, которую та быстро пожала.

— Я могу идти? — спросил он так же сухо и немного с раздражением.

— Конечно, конечно. Сегодня ты мне уже не понадобишься, — рассеянно проговорил Этель. — Разве что, рассортируй, пожалуйста, лоток, а я пойду провожу даму.

Эл неохотно кивнул, бросил короткий взгляд на Зару и пошёл к тележке. Зара опустила глаза, чувствуя неприятное напряжение, но Этель взял её под руку и вывел на сцену.

— Пойдёмте. Эл часто не в настроении в последнее время, какие-то семейные проблемы. Не будем ему мешать, — произнёс он участливо и помог ей спуститься по шатким ступенькам в зал.

— Я закрою! — крикнул он за кулисы и поспешил за Зарой, уже поднявшейся к выходу и стоявшей под маленьким балкончиком на двух человек. Она еле сдерживала улыбку, наблюдая, как неуклюже, явно волнуясь, молодой человек спешил к ней, перешагивая через кресла, и сам смеялся своей поспешности.

— Да, да, я заинтригован и лишён спокойствия от вашего молчания, — торопливо проговорил он, открывая ей створки дверей, — но что-то мне подсказывает, что вы не немая, я прав?

Зара кивнула и вышла, надев капюшон от накидки — на улице накрапывал дождь.

— Ого! — Этель хлопнул себя по голове. — Минутку!

Он исчез в зале и вернулся спустя мгновение с цилиндром на голове в цвет своего зелёного костюма. Заперев дверь, он предложил ей локоть и сказал:

— Ну что ж, ведите!

Зара взяла его под руку, и они двинулись по переулку по блестящей от дождя мостовой.

Пробираясь через толпу кукол, выстроившихся на ремонт в переулке, Зара засмотрелась на одну из них, очень походившую на ту, что выкрал с аукциона магистр Вульфи.

— Несчастные, — грустно произнёс молодой человек, оглядываясь вслед за Зарой на длинную очередь.

— Толковых мастеров совсем нет. Я сам хотел стать мастером кукольных дел, но никто не обучает, все самоучки, пошёл читать в библиотеку и наткнулся на книжку по химии. И уже не мог оторваться, — покачал он головой и мечтательно посмотрел на подпирающие небо дома, с них начинали уже струиться и стучать ручьи, скапливаясь в водостоках. Дождь заметно усилился, прибав к земле сердечную пыль и громко забарабанив по устрашающей фигуре чёрного рыцаря, подключавшего свою лошадь к трубе с чёрным дымом. Увидев его, Зара инстинктивно прижалась к Этелю, но затем в смущении отпрянула.

На подходе к Сердечной площади дождь прекратился, но спутников сразу же настигли новые неприятности. Двое пьяных еле стоя на ногах стали кричать на Зару.

— Эфо она! Тьфьно фебе гофрю, — блеял не вязавший лыка толстяк.

— Де? — нелепо вертел головой высокий, с трудом державшийся за толстяка и размахивавший свободной рукой. — Покажи! Она должна нам куклу!

Затем его взгляд ненадолго сфокусировался, и он увидел наконец Зару.

— Эта?! — крикнул он в ухо толстяку, так что тот упал на мостовую.

— Да! Она! Это она. Фучи, иди фкофее, мфти! — завизжал он, совершая титаническое усилие, чтобы встать.

Зара напряглась. Этель встал перед ней.

— Ничего не бойтесь, я всё улажу, — вздрогнув, произнёс он и сделал шаг навстречу пьяницам.

Высокий, шатаясь, уже шёл к ним. Этель полез в карман, но не успел ничего сделать, как Зара вышла из-за его спины, быстро подошла к высокому и вlepила ему такую оплеуху, что его отнесло к ближайшему фонарному столбу, стукнуло всем телом, и он рухнул на мостовую без движения. Затем Зара подошла и схватила толстого за шкурку, посмотрела в лицо, отчего тот побелел и, казалось, мгновенно протрезвел, и треснула его лицом о камни мостовой.

Послышался хруст, толстяк обмяк. А девушка как ни в чём не бывало вернулась к остолебневшему Этелю, взяла его под руку и повела к кабаку «Тринадцатая луна» на другом конце площади.

Когда они подошли к шумящим, как кипящая похлебка, окнам кабака, молодой человек немного пришёл в себя и удивлённо посмотрел на Зару — стоя перед ним и поправляя платье, девушка виновато улыбалась.

— Сильно вы их, — только и смог промолвить Этель, — я не промахнулся с укротительницей.

Он попытался улыбнуться, но вышло криво, и Зара рассмеялась. Он тоже выдавил из себя смешок, но затем неожиданно для себя захохотал. Они не могли остановиться и смеялись в голос до коликов в животе. Этель не выдержал и сначала опёрся о стену, а потом и вовсе сел на мокрые камни.

— О-хо-хо-х, как напряжение-то выходит, — произнёс он, вытирая с лица слезы. — Слушай, научи меня, а? Я хотел бросить в них дымовуху, чтобы мы могли убежать, но то, что ты с ними сотворила... — он снова залился смехом. — Где ты этому научилась?

Зара, икая, указала на дверь кабака.

— Ты здесь живёшь? — удивился молодой человек.

Зара кивнула.

— Твоих родителей? — спросил он, достав платок и протирая лицо.

Зара кивнула, а потом замотала головой.

— То есть не твоих родителей? Неужели твоё? — удивлённо вскинул брови Этель.

Зара улыбнулась, икнула и кивнула.

— Вот дела! Я теперь знаю владельца самого злачного заведения всего нижнего яруса! Неудивительно, что ты так дерёшься.

На этих словах из заведения вывалился нетрезвый громила, но увидел Зару и поспешил немедленно ретироваться.

— Ха! — воскликнул молодой человек. — Вот это реакция! Меня б так боялись бандиты, не нужно было бы платить страже за театр!

Он встал и, сняв шляпу, поклонился девушке.

— Безумно рад знакомству, укротительница тех, кто любит забывая-воду!

Зара засмеялась и стукнула его по руке корзинкой.

— Эй, аккуратнее, сдаюсь! Твой апперкот может стоить мне жизни! — выставил ладони вперёд Этель.

Зара улыбнулась, икнула, подошла к молодому человеку и, чмокнув его в щёку, исчезла за дверьми пивной. Он постоял, какое-то время глядя перед собой, а затем спохватился.

— Ты не сказала, как... тебя... зовут, — произнёс он в пустоту и, окрылённый, пошёл обратно по площади, пританцовывая и насвистывая.

Когда Этель вошёл в «Театр» там было тихо и пусто, а Аллади уже поднимался по узкой каменной лестнице в восточной башне вокзала. В маленькие окна еле проникал свет лун, и Эл шёл почти наощупь, доверяя инстинктам, а не глазам. Внутри башни ходил лифт, соединявший все уровни вокзала и позволявший обслуживающим его магистрам, не сливаясь с людским потоком, перемещаться между платформами. На самом верху, в обзорной башне, под дверью виднелась полоска жёлтого света и слышны были голоса. Эл подошёл к двери и постучал три раза, а затем, после паузы, ещё два. Голоса смолкли, кто-то поднялся со стула и подошёл к двери.

— От тринадцатой луны... — начал низкий женский голос.

— Жди беды, жди беды, — ответил Аллади. Заскрипел засов, и в дверях показалась фигура полной женщины, закрывшей глаза и рот руками. Эл проделал то же самое, женщина, подглядывая сквозь пальцы, кивнула Элу и освободила проход.

Произнесённая им рифма, зацепила его язык, пока он заходил в небольшой зал, где в центре стоял круглый подиум, а рядом расположились ряды стульев. Подиум закрывал вершину лебёдки лифта, располагавшейся этажом ниже. На подиуме сидели два господина. Один походил на тучу, а другой, в чёрных круглых очках, то ли на высохший овощ, то ли на змею. Вокруг же, на стульях, собралась самая разнообразная публика как с нижних, так с верхних ярусов, часть из них повернулась и кивком приветствовала Эла, усевшегося возле стены на сваленные холщовые мешки.

— И что они ждут? Каких действий ждут люди, когда у нас связаны руки? Когда преследуют и сжигают каждого, кто посмел высказать своё мнение? — вещал тучный господин, обращаясь к залу, отчего его усы, казалось, наэлектризовывались.

— А надо делать, как я, — затащил змееовощ, — надо превращать всё в цирк. Вам вообще очень повезло, что я с вами, а не с ними. Они сожрут сами себя, дайте срок. На нашем месте я бы только помогал им.

К Элу подсел невысокий худой мужичок средних лет, от него пахло сыростью, уборной и жареными мясными отходами, и вполголоса спросил:

— Ну как, встретился?

Аллади отрывисто кивнул.

— Опять тревожат пустоту, — кивнул худой в сторону подиума.

Эл помедлил, но потом отрицательно замотал головой. Из дальних рядом раздался старческий голос:

— Я уже несколько десятилетий изучаю все современные стройки. И ни одна, повторяюсь, ни одна не проводится с расчётом перспективы. Они портят вид, нигде более на среднем ярусе не видно горизонта, всё стало, как внизу. Разве такое возможно было раньше? Нет. Я считаю, что мы должны взрывать эти монструозные уродства ради самой сути гармонии и красоты городских агломераций. Нас толкает к этому искусство!

Туча расхохотался.

— Бросьте ваш социальный терроризм, дорогой господин Ш, вы думаете, если мы взорвём пару высоток, что-то изменится и люди почувствуют гармонию в планировке города?

Худой мужчина опустил глаза, а потом снова спросил:

— Когда?

Эл тоже опустил глаза в пол, потом посмотрел на худого и ответил:

— Во время парада лун.

— Мы образованные люди, — не унимался тучный, — да, у меня есть множество разногласий с ней, но я поддерживаю её поступки.

— Она живёт с ним! — раздался голос с противоположной стороны подиума.

— Она жертвует собой ради общего блага! — туча повернулся на стуле и чуть не упал с него, негодующе ища глазами неожиданного оратора.

— Наша птичка в клетке, — засмеялся змееовощ.

— Сколько они уже так болтают? — наклонился к худому Эл.

— Часа полтора, — хмыкнул тот в ответ.

Аллади завертел головой, затем встал и пошёл между стульев к подиуму. Туча и змееовощ тут же обратили на него свои хищные взоры.

— Куда это вы направляетесь, молодой человек, мы ещё не за... — возмутился было тучный, но Эл уже забрался на подиум, оглядел собравшихся и заговорил:

— Братья... и сёстры. Мы не можем. Нет. Даже не так. Мы не имеем более права молчать. Мы должны действовать. Осталось так мало времени до конца лунного цикла, что времени на противоречия у нас просто нет. Вы все хорошо помните пророческие стихи поэтов древности. Мы живём в решающее время, когда для слов не осталось места.

— Предлагаешь сгореть в пламени инквизиции? — раздался голос из зала.

— Да хотя бы и так, если это как-то поможет! — почти крикнул в ответ Аллади.

— Молодой человек, ну... — затанул змееовощ, но Эл перебил его.

— Вот вы, — обратился он к сидящим на подиуме, — вы, тут с умным видом лепечущие эти бесполезные оправдания и шуточки. Вы думаете, что это как-то сдвинет нас с мёртвой точки? Вы думаете, если мы будем и дальше бояться за свои шкуры, что-то изменится? Ответственность за смерть наших товарищей и тысяч неимущих на наших руках.

— Молодой человек, а что вы, собственно, предлагаете? — с плотоядной улыбкой спросил змееовощ, приспуская с глаз очки, обнажившие заплывшие катарактами глаза.

— Я? — удивился Эл, вздрогнув от слепого взгляда собеседника.

— Да-да, — кивнул его собеседник в ответ, глядя куда-то перед собой, — я хоть вас и не вижу, но прямо чувствую ваше пламенное желание пожертвовать собой на благо народа. Так вот скажите мне, как вы собираетесь это делать?

Эл промолчал, внутренне давясь от желания высказаться.

— Вот-вот. Я смотрю, что у вас тоже нет предложений, — усмехнулся слепой.

— Есть, — отрезал Эл, — но это не ваше дело.

— Ну, если это не моё дело, то какое, простите, ваше дело до того, о чём мы тут говорим? — спокойно произнёс змееовощ и откинулся в кресле, поправляя запонки.

— Я пришёл сказать... — начал Эл, но на этот раз его перебил туча.

— Вы пришли бесцеремонно нарушить наш диалог и регламент собрания и не сказали ничего из того, что уже не знал бы каждый из присутствующих.

— Я... — протянул Аллади, которого уже трясло, оглядывая зал, с недовольством уставившийся на него, но затем спрыгнул с подиума, последовал к двери, отпер её и, хлопнув, исчез в темноте.

Глава 8

— Ну, давай просыпайся, сколько можно спать, вставай, столько дел, столько дел, — прохрипел над ухом Гудди чей-то чрезвычайно знакомый голос.

Но тот, у кого ещё недавно не было имени, лишь повернулся на бок и потянулся к тому обворожительному сну, что уже безвозвратно ускользал из памяти, как ни цеплялся он за него. В довершение ко всему на него кто-то спрыгнул и начал колотить по панцирю так звонко, что в голове зазвенели тысячи пружинок. Гудди открыл глаза. На нём сидела маленькая деревянная обезьянка в матросской шапочке с нарисованным лицом.

— Глупая кукла... — произнёс он единственные знакомые слова, пришедшие на ум.

— Сам ты глупая кукла, — насупилась обезьянка и спрыгнула, исчезнув из его поля зрения.

Гудди повернул голову и увидел, что она побежала и обняла за ногу старика в рабочем комбинезоне.

— Не печалься, моя хорошая, он ведь не имел это в виду, — старик повернулся к Гудди и подмигнул, — правда?

— Пя, — недовольно вскрикнул оживлённый и привстал с тонкого матраса на рабочем столе.

— Сон — это хорошо, — сказал старик, поворачиваясь к другому столу и продолжая строгать деревянную болванку, — но много сна — это уже плохо. Всё плохо, что не в меру, а в меру всё хорошо.

Он улыбнулся в свою большую, испачканную в масле белую бороду, поднял выструганный кусок дерева, покрутил его в руках и понёс в соседнюю комнатку.

Помещение, где проснулся Гудди, было огромной мастерской, все стены в ней были увешаны разнообразными механизмами: двигатели, поршни, часы, маятники, валы, турбины, колёса, двигатели, казалось, нельзя было вообразить себе того, чего здесь не было. Оживлённому показалось всё это очень знакомым. Он смутно припоминал, что когда-то жил именно в таком помещении. По периметру комнаты были расположены рабочие столы, над ними горели разнообразные светильники, от масляных до электрических, а в центре стояла большая конструкция, где был подвешен остов металлической лошади и рыцаря в чёрной броне. Он вновь заметил обезьянку, сидевшую на маленькой табуретке под столом и пристально смотревшую на него. А затем он увидел других, повылезавших из разных углов и труб и тоже принявшихся на него смотреть во все свои нарисованные глаза, изучая незваного гостя.

Старик вернулся из маленькой комнаты, посмотрел на пробудившуюся куклу и, улыбаясь, потёр свой большой бугристый нос, на котором совершенно терялись маленькие очки — их Гудди заметил только теперь.

— Мне кажется, тебе стоит кое-что почитать, пока я тут работаю. Я люблю, когда мне читают вслух, — произнёс он и потянулся к полке над одним из столов, откуда извлёк толстую книгу в красивом переплёте, украшенном золотой нитью и драгоценными камнями. Полистав её, он нашёл нужную страницу, подошёл к Гудди и положил книгу ему в руки.

— Давай, давай, — кивнул старик, — посмотрим, как быстро встанут на место слова в твоей голове.

Оживлённый с удивлением посмотрел на старика, но в его хитром прищуре было столько уверенности, что Гудди принялся читать.

— Глупая кукла о д-двух б-братъ-я-ях, — запинаясь, начал он.

— Читай, читай, а я пока закончу свои дела, — подбодрил его старик, вернулся к рабочему столу и продолжил стругать.

Обезьянки обступили его, поглядывая на оживлённого. Гудди вздохнул и продолжил:

— Жил я свете Злободобр, зол, кукла, груб на говор, но внутри его любовь Гудди алым кровью. А напротив Доброзлюб, расшибал гора пя лоб. И в делах его невинных, мягких, милых, безобидных, чья-то чёрная рука изменяла берега. Взялись как-то оба брата (на словах — два акробата) на судьбы тугую нить таракана изловить.

Обезьянки рассмеялись, старик же как ни в чём не бывало продолжил строгать. Гудди размялся и, чувствуя прилив уверенности, продолжил:

— Доброзлоба сладки речи манят усача из печи, но усатый не спешит, жизнью данной дорожит. Злободобр стучит ботинком, но, как тонкая ворсинка, от метлы уходит прочь таракан и день, и ночь. Стали думать гора мяса, как решить проблему точно, и от тётки принесли тараканиху они. Привязали, нарядили и под печью посадили, ждут, не выйдет ли их враг к обещанию сердца благ. Дама быстро что к чему разглядела и ему шлёт сигналы: «Не глупей, на полу намазан клей». Таракан, не будь дурак, с потолка и на колпак Доброзлоба, и бегом по спине вниз прямиком побежал. Но закричал брат на брата, осерчал, просит: «Бей меня, дружище, ниже, выше!» И ручищей Злободобр по хребту брата бил в седьмом поту. Он не видит ничего, таракан же на него переполз под шум и гам и наверх пошёл к рукам. Доброзлюб за дело взялся и с братишкой расквитался, отходил его на славу, всё вернул себе по праву. И

упали оба на пол, ровно там, где клей накапан, бородами зацепились, ну, и к полу прилепились. Таракан сбежал со лба, к тараканихе сперва, и, девицу прихватив, удалился горделив. Доброзлюб же с Злободобром, словно в бочке пара кобр, выются кругом и шипят. Не вернуть судьбу назад.

Когда Гудди закончил читать, обезьянки катались по полу и смеялись. Одна даже утирала нарисованные слёзы, ручьём лившиеся из глаз.

— Отлично! — повернулся улыбающийся старик. — Ты прекрасно справился. Стихи-то, между прочим, не простые, не на пустом месте запрещённые.

Гудди удивлённо смотрел на него, потирая забрало.

— Да-да, я кое-что подправил в твоей голове. Чувствуешь? — старик смерил на глаз вырезанную фигурку и прошёлся по ней напильником.

— П-п-подправил? — произнёс Гудди, удивляясь звону своего голоса.

Обезьянки подбежали и запрыгнули стайкой к нему на стол, облепив со всех сторон.

— Ты кто? Как тебя зовут? Почему ты здесь? — затарахтели они наперебой.

— Глупая кукла, — ответил тот смущённо.

— Глупая кукла, ммм!

— А я Луна.

— А я Тэма.

— А я Дану.

— А я Сати.

— А я Шина.

— А я...

— Отстаньте, — перебил их Гудди и отодвинулся.

— Ну-ну, не груби. Я понимаю, всё это непривычно, но всё же, — хмыкнул старик, не отрываясь от напильника.

— Непривычно... — задумчиво прозвенел металлическим язычком тот, кто наконец задался и другими вопросами, кроме имени.

— Иди лучше погуляй, оглядись, — прокряхтел старик и вновь осмотрел свою работу.

— А что вы делаете? — спросила кукла.

— Ха... — улыбнулся старик, — хороший вопрос. Каждый раз выходит что-то новое, — усмехнулся он и понёс фигурку в комнату. Обезьянки спрыгнули со стола и поспешили за ним, тревожно шепчась и вскрикивая.

Они долго не возвращались. Гудди устал сидеть, положил книгу на стол и спрыгнул на пол, звякнув забралом о панцирь. Оглянувшись, он упёрся взглядом в сверкнувшую искрами масляную лампу, висевшую на вбитом в стол на уровне его лица крюке и освещавшую тёплым светом валявшиеся под столами ящики с инструментами, смотанные провода и коробки,

открытые и закрытые, как пустые, так и полные всякого незнакомого ему хлама, с летавшими между ними частичками пыли. Он оглянулся на стену за своей спиной, освещённую холодной электрической лампой, и увидел множество часов с самыми разнообразными циферблатами. Шли из них, наверное, только трое. Одни показывали местоположение лун, другие — солнца, а третьи и вовсе что-то непонятное из засечек и слов. В темноте под потолком виднелись солнечные паруса. Их, похоже, чинили, заменяя выбитые секции. А под столом, откуда он spryгнул, лежал авиационный двигатель.

Все эти слова и понятия всплывали в его голове совершенно неожиданно, словно за глазами его стояла волшебная сумка, откуда он брал их, как только видел. От переполнения этим нахлынувшим знанием заболела голова. Из-за ширмы в дальнем углу мастерской подул ветер, всколыхнув серую ткань. Гудди направился к ней. Отодвинув её, он оказался в узком каменном проёме. В нём сверкала пустыня. Гудди вышел на воздух, обнаружив себя на маленьком уступе, огороженном небольшим деревянным заборчиком. Ветер был сильным, и Гудди схватился за шаткие перила, однако выглянул и посмотрел вниз. От высоты захватывало дух, но не так, как он привык. В голове щёлкнули воспоминания об уходящих вниз линиях зданий, но тут же исчезли с новым порывом ветра. О чём и откуда они были, он никак не мог вспомнить. Солнца садились, освещая изрезанное эрозией плато, рассекавшее пустыню от края до края и довлеющее над ней своей грандиозностью, но всё же уступавшее напору ветров и песка, незаметно для глаза отдавая себя пустыне.

В мастерской послышалось какое-то движение, и Гудди оглянулся назад, заметив пробежавшую обезьянку, а затем уставившись на кого-то, кто смотрел на него из проёма в стене. Этот некто двинулся ему навстречу, стоило оживлённому сделать шаг обратно в помещение. В голове само всплыло слово «зеркало» и отразилось много раз от всех деталей в его деревянном черепе. Гудди, вытянув руку, подошёл к отражающей поверхности и остановился, только когда дотронулся до «самого себя».

Наконец, отняв деревянную кисть тёмного лакированного дерева, он принялся разглядывать её, словно видел в первый раз. Перед его внутренним взором всплыла картина плывущих волн городских крыш, и эта рука, его рука, которую он рассматривал сейчас с таким же интересом. Затем он поднял глаза на своё лицо, схватился за забрало и ощупал его. Приблизившись, он рассмотрел краску своих нарисованных глаз. Проведя пальцем по краю зрачка, он заметил, что краска совсем новая. Оглядев плечи и грудной панцирь, он несколько раз ударил в него и прислушался к произведённому звону. Спустившись к ногам, он подпрыгнул, почувствовав, как работают пружины в тазобедренной части. Он сделал один полный оборот вокруг своей оси и остановился, оглядев себя целиком.

— А, вот ты куда спрятался, — проскрипел старик, ставя на пол в центре мастерской новую, только что покрашенную обезьянку. Гудди отвлёкся от себя и оглянулся. Медленно, словно просыпаясь ото сна, он подошёл к обезьянке и провёл пальцем по её лбу, пересеченному тонкой линией клейки. Старый кусок дерева был приклеен к новому, только что вырезанному. Другие обезьянки обступили подругу и заверещали наперебой:

— Лила?

— Лила!

— Лила...

Обезьянка открыла глаза и посмотрела на старика.

— Отец, — шепнула ей Дану.

— Отец? — неуверенно переспросила Ли́ла.

Старик улыбнулся и медленно присел к ней. Она пошатнулась и, чтобы удержать равновесие, обняла его ногу, он же, нежно приобняв её рукой, почесал своими тёмными морщинистыми пальцами в волосах-завитушках.

— Ты знакома с нашим новым гостем? — спросил он с улыбкой.

Ли́ла повернулась и подняла взгляд на Гудди, он был на несколько голов выше неё. Потом прищурилась, но замотала головой:

— Я помню его, но не помню почему... — с трудом выговорила обезьянка.

— Память, возможно, не вернётся полностью, но ты не переживай, мы напомним тебе то, что ты позабыла, — произнёс старик погрузнев, — а теперь бегите! Поиграйте и покажите нашему гостю, где мы живём!

С этими словами он вернулся в свою комнатку. А обезьянки подхватили Гудди и Лилу и заспешили к деревянной двери. Забравшись одна на другую, они потянули за ручку и рассыпались по полу, когда та поддалась и открылась.

Каньон уже оделся в разноцветные созвездия огней. Обезьянки, недолго думая, стали спускаться по выбитым в камне лестницам, а Ли́ла и Гудди остановились у висящего перед ними натяжным мостом. Гудди посмотрел на обезьянку и сделал шаг по деревянным перекрытиям. Под его правой рукой, между веревочных перил промелькнула радужными переливами бабочка, осветив канатную дорогу. Другая села на деревянный палец изумлённого Гудди, застывшего над поручнем.

— Из чего она? — спросил он, разглядывая удивительное насекомое.

— Что ты имеешь в виду? — переспросила Ли́ла.

— Ну, она не из дерева, не из камня и даже не из пя. Ой. Я хотел сказать металла. Это какой-то сплав?

— Нет, она живая, настоящая, — задумчиво произнесла обезьянка, пролезая между ног оживлённого.

— Такое бывает? — спросил он, провожая бабочку взглядом.

— И не такое бывает, — хмуро ответила Ли́ла и зашагала вперёд по мосту.

Гудди нагнал её на полпути через каньон.

— Что с тобой? — спросил он.

— Я расстроена, — буркнула обезьянка и села, свесив ноги с моста.

— О! Мне знакомо это чувство, я, кажется, совсем недавно его испытывал, — произнёс Гудди и сел рядом, стараясь вспомнить, где и как он впервые расстроился. Ли́ла, качая ножками, смотрела на сиявшую под ними площадь. Там как раз начинала собираться толпа, поглазеть на выходявших и начинавших представление музыкантов. В центр большого круга вышла сверкающая металлическим телом женщина, лихо пустившаяся в танец с двумя огненными обручами.

— Вспомнил, — радостно сказал Гудди, — я не мог придумать себе имя.

Обезьянка посмотрела на него и вздохнула:

— Придумал?

— Да, — радостно ответил он и улыбнулся глазами, — Я — Гудди!

— Странное имя, — буркнула обезьянка и отвернулась на пролетавшего мимо воздушного змея.

— Я просто проснулся, зная, что меня так зовут.

— Я Лила, — сказала обезьянка.

— А у тебя красивое имя, как желе и песня.

— Как желе и песня? — удивилась Лила.

— Я просто подобрал два близких по ощущению слова. Ты как бы мягкая, но скользкая, отражающая и весёлая.

Лила улыбнулась:

— Скользкая и весёлая, мне нравится.

— Вот только это получается, что я не живой? — спросил Гудди дрогнувшим голосом.

— Ну, вроде как да, — задумчиво ответила обезьянка. — Я не очень помню. И от этого я расстраиваюсь только сильнее.

— В каком смысле?

— Насколько далеко ты можешь заглянуть в прошлое? — переформулировала вопрос Лила.

— Заглянуть? — переспросил Гудди.

— Ну, что ты помнишь о себе?

— Хмм... Мало, если честно, — задумался он, — я помню, как мы с осьминогом и горой мяса шли через пустыню. Как они не хотели идти и мне пришлось их тащить, потом мы жили рядом с водой, сверкающий душ, потом как шли через большие камни сюда. Как вода падала в каменное небо. Помню, до этого всего было много очень быстрого. А за этим совсем темно. Какие-то только очень далёкие образы.

— Ммм... — протянула обезьянка, — и как тебе?

— Что?

— Ну, не помнить себя.

Гудди вопросительно уставился на Лилу.

— Когда не на что опереться в себе. Вспомнить, кто ты есть.

— Меня это не очень заботит, — покачал головой Гудди и посмотрел на Лилу. — Я бы, скорее, хотел разобраться, почему бабочка живая, а я нет.

— Удачи, — хмыкнула обезьянка и посмотрела вниз на танцовщицу, взлетевшую в огненном вихре. Казалось, что всё её тело пылает в огне.

В этот момент рядом с ними остановился летающий плот. На краю, опершись на жердь, стоял мужчина с рыжей бородой, в развевающемся несколькими слоями кожаном плаще, жилетке и военных штанах.

— Эй, там, на берегу! Привет! — закричал он сидевшим на мосту оживлённым.

— Привет! — ответил Гудди.

— Хотите отвезу вниз? — спросил мужчина, заморгал своими улыбающимися глазами.

Гудди и обезьянка переглянулись и согласились.

— Осторожно! — предупредил мужчина и причалил к мосту. Лила и Гудди встали и аккуратно перелезли через веревочное ограждение на плот.

— Я Джо — Летающая платформа! Можно просто Джо-Платформа, — представился мужчина, обращаясь к Гудди, а потом поклонился его спутнице: — Привет, Лила!

— Привет! — смущённо ответила обезьянка.

— Слышал, что с тобой случилось. Ты мой герой, — произнёс Джо, закрыв глаза ладонью. Лила промолчала.

— Ты тут новенький, как я понял, — обернулся к Гудди Джо-Платформа, — ничего, скоро обвыкнешься, я вот вожу людей туда-сюда.

— Я Гудди! — произнёс он, и бородач глубоко вздохнул и кивнул, улыбнувшись.

Джо опускался на площадь, и толпа расступилась, впуская его в круг с танцовщицей, чтобы дать платформе место приземлиться. Он завис в нескольких сантиметрах от земли, и спутники спрыгнули. Джо помахал всем приветствовавшим его окружающим и начал медленно подниматься, держась за жердь. Тем временем, танцовщица изогнулась, её живот раскрылся и выпустил вверх струю пламени, принявшую форму дракона и пронёсшуюся над охнувшей толпой. Многие собравшиеся были из дерева, поэтому в страхе упали на землю. Девушка же, как кожу, сняла с себя металл и бросила его на землю перед собой, оказавшись иллюзией, сотворённой стоявшим в стороне котом на механических ходулях. И те, кто несколько мгновений назад готовы были разразиться недовольным ропотом, начали подниматься и присоединились к аплодисментам.

— Лила! — раздался крик где-то над ними. И с другого моста прямо к ним, во вновь расступившуюся толпу, спрыгнул лев. Он встал на задние лапы в поднявшемся облаке пыли и поднял Лилу в воздух, разметав во все стороны свою гриву, заплетённую во множество косичек.

— Лила, я так рад! — закружил он обезьянку, — я уже и не верил, что ты вернёшься!

Увидав испуг в нарисованных глазах деревянной обезьянки, он опомнился и, поставив её на землю, принялся отряхивать от песка свою белую рубаху.

— Как ты? Расскажи, как всё было? — не унимался он. — А то от твоих «приветливых» друзей ничего не добьёшься.

Он направил взгляд своих искрящихся зелёных глаз на Гудди.

— Я Лео «Гром» Фонн! — рыкнул лев и, улыбаясь, протянул Гудди лапу размером с его грудной панцирь, — будем знакомы!

Гудди ответил льву испуганным рукопожатием и смущённо представился.

— Интересное имя! — усмехнулся Лео.

— У тебя тоже, — смутился оживлённый.

— Пойдёмте к Сиду, там ещё не густо, успеем перекинуться парой слов! — предложил лев, улыбнувшись Лиле.

Обезьянка посмотрела на песок под ногами, но потом подняла голову и кивнула.

— Вот и отлично, за мной! — воскликнул Лео и встал на четыре лапы. Гудди и Лила замялись.

— Ну чего вы, прыгайте на спину!

Обе куклы неуклюже забрались на спину льва, и, как только они схватились за ткань рубашки, лев прыгнул, в одно мгновение оказавшись на висячем мосту, а затем прыгнул ещё раз, оказавшись уже на другом.

— Как на скутере! — завопил Гудди, и обезьянка вспомнила что-то, отчего взгляд её стал ещё задумчивей.

Лев приземлился возле высеченного в скале здания, накрытого досками в форме остроконечной шляпы с большими полями, откуда поднимался толстый ствол дерева, уходивший вверх к плато. В окнах горел тёплый масляный свет, а внутри оно оказалось ещё больше, чем снаружи. В два этажа были плотно расставлены столики, между ними и пробрались наши спутники, усевшись в углу у небольшой сцены. Посетителей было немного, и по воздуху к ним тут же подплыл осьминог, чтобы принять заказ.

— Рауд, дружище! — воскликнул Лев.

— Моё почтение, громогласный Лео, — хмыкнул осьминог и подмигнул куклам, — смотрю, с тобой интересная компания. Лила, как ты? Я уже и не верил, что Отец тебя починит... Вот только этот шрам. Зато тебя легко будет отличать от остальных.

— Ох, каков льстец, не слушай его, шрам тебе даже идёт, — рассмеялся лев, теребя за завитушки Лилу.

Та смущённо смотрела поочередно то на одного, то на другого.

— И ты здесь, Пиноккио? — улыбнулся Рауд. — Придумал себе имя, глупая кукла?

— Гудди, — кивнул тот, выжидающе глядя на осьминога.

— Хмм... Эфтебенеуг мне нравилось больше, — пробулькал осьминог и почесал щупальцей макушку, — ну что это я, что будешь заказывать Лео? Кстати, ты выступаешь сегодня?

— Ох нет, — отмахнулся лев, — мне надо ещё закончить мой зеркальный шатёр на карнавал. Да и с кем там драться, с твоим дружком? Это будет избиение младенца, — засмеялся он.

— Ну смотри, там вроде Дровосек кричал на все четыре стороны, что уж сегодня-то он взгреет тебя, а если ты не придёшь... ну, сам знаешь, что он обычно говорит в таких случаях.

Шерсть Лео встала дыбом, и он сжал свои пушистые кулаки, случайно выпустив когти.

— Ау! — вскричал он, — умеешь ты, Рауд, испортить настроение. Дай мне лучше забывай-воды.

Если бы у осьминога были брови, то он бы их сейчас поднял, но он лишь ухмыльнулся и поплыл в сторону бара, где росло дерево, умело управлявшееся с приказами при помощи своих покрытых зелёной листвой веток. И можно было поклясться, что сейчас оно изучало Гудди.

— Это Сид, — заметил взгляд куклы Лео, — он был таким ещё до появления здесь первых «беглецов». И говорят, он помнит всё, с самого начала времён.

— А как он разговаривает, — удивился Гудди. — Я не вижу у него ни рта, ни глаз, ни чего бы то ни было.

— У тебя тоже нет рта, но ты же как-то говоришь, — усмехнулся Лео.

— Да-а-а, — протянул Гудди, — но у меня есть речевой механизм, язычок за забралом, издающий эти звуки, похожие на речь.

— А Сид может писать, — улыбнулся лев, потирая повреждённое когтями место на ладонях, — только у него свои, очень специфические понятия о времени и пространстве, поэтому ответы его бывают весьма трудны для толкования теми, кто живёт, так сказать, на нашей с вами частоте.

— Частоте? — переспросил Гудди.

— Ох, это сложно для меня, мне объясняли много раз, но я сам толком не понимаю. Если вкратце, то всё колеблется. Как твой язычок. Ты, я, Лиля, Рауд, Сид, эти столы, камни. Но вот мы с тобой колеблемся быстрее, а камни и Сид медленней. Мы как крылья комара для него.

— Как бабочки? — переспросил Гудди.

— Ну да, но более мерзкий, пищит, летает, жалит, пьёт кровь.

Гудди замотал головой.

— Хорошо, — прорычал Лео, растянул свою рубашку и сильно дунул на неё. Та быстро задрожала.

— Вот такие, например, мы, — сказал он, а затем дунул на рубашку еле-еле, и она легко заколебалась в его руках.

— А вот такой Сид, — довольный собой, сообщил лев.

— И время для нас течёт по-разному, хотя колеблемся мы рядом друг с другом, — продолжил он мысль, расправляя рубашку с красными точками от нанесённых самому себе ран на лапах, — для него моя жизнь — мгновение, а для меня — целая жизнь.

Он посмотрел на Лилу и Гудди.

— У вашего рода есть шанс испытать то, что чувствует Сид, стоит вам прожить хотя бы десятую часть его срока. Как ему, вам не протянуть — развалитесь.

— У нашего рода? — спросил Гудди.

— Ну, у оживлённых. Големов, кукол, игрушек и заговорённых предметов, — уточнил лев, — раньше и мы, живые, не умирали. Но, говорят, это случилось после «первой раны». Все существа узнали смерть. Целостность сердца была потеряна. И чем меньше оно становилось, тем короче становились наши жизни.

Чувствуя, как все механизмы в нём сжимаются от стыда, Гудди спросил:

— А что это за Сердце такое?

Лео посмотрел на него с подозрением, а затем повернулся к Лиле:

— С ним всё в порядке?

Но за неё ответил подплывший Рауд, поставивший на стол перед Лео большую кружку с бурлящей жидкостью:

— То, что он связно говорит, — уже большой успех. Отец поработал с ним. Он совсем недавно ожил. Мы вытащили их из города вместе с Лилой. Он говорить-то не умел пару дней назад.

— Вот дела, — усмехнулся Лев, — я уже думал, ты «око». Извини, мы тут все на таком взводе из-за грядущей войны, что любой саботаж, знаешь ли...

Гудди непонимающе хлопал глазами.

— Ох, дружище, — рассмеялся Лео, — я уверен, ты всё разумеешь, не переживай. Как ты уже, наверное, заметил, я не лучший рассказчик.

Гудди хотел возразить, но осьминог перебил его.

— Да, не лучший, — засмеялся Рауд, — и он, видимо, спешит в «круг», и я советую вам последовать за ним. Это будет зрелище!

Гудди почувствовал лёгкое головокружение и приступ головной боли от переполнявших его образов, но совладал с собой и посмотрел на Лилу. Та поймала его взгляд и как-то безразлично кивнула. Лео оглушил предложенную осьминогом кружку залпом, издав победный рык, встал из-за стола и двинулся к выходу.

— Идите, идите за ним, вам не стоит пропускать этот пример общественной деградации, — пробурлькала осьминог и полетел к бару, — я вас догоню.

Гудди и Лила вышли на улицу и последовали вниз по ступенькам за широкой спиной льва, двигавшегося, растягивая мышцы, в самый низ, где в глубине каньона, за кораблем, мерцала широкая пещера, куда во множестве стекалась публика.

— Куда он спешит? — удивился Гудди.

Обезьянка ничего не ответила, а вместо этого ускорила шаг, громко застучав деревянными лапками по камню.

В пещере было не протолкнуться и стоял невероятный шум. Оживлённый упустил Лилу из виду и быстро потерялся в толпе людей, животных и других оживлённых. В суматохе его выдавили в дальний угол пещеры, освещённой несколькими парящими электрическими гирляндами. Толпа расступилась. Питон с короной на голове очертил своим телом на земле большой круг и свернулся рядом с деревянной ложей, под которой находился микрофон. Гудди вспомнил, что чуть не наступил на него в свой первый день в каньоне. Яркий свет прожекторов с треском вспыхнул и осветил круг под вздох собравшихся.

Из не видимых оживлённому хриплых колонок раздался голос питона:

— Правом, данным мне Сердцем, луной и самим временем, — начал он, и толпа рассмеялась, — возвещаю начало финальной серии «вызовов». Напоминаю, что со счётом четыре к трём к одному лидируют перворождённые.

С этими словами он хвостом подкинул вверх корону, а толпа вслед за ним весело взревела. И только сейчас Гудди заметил, что все собравшиеся в пещере разделились на три группы. За спиной питона столпились разнообразные антропоморфные и не очень животные,

за Гудди стояла самая многочисленная, но и самая притихшая группа всевозможных кукол и игрушек, а напротив — самая малочисленная и воинственно настроенная группа людей.

— На втором месте — второрождённые, со счётом три к четырём к одному, — с ноткой сарказма произнёс питон, сменив тон на снисходительный. — А на третьем — наши вечные аутсайдеры, но от этого не менее свирепые и алчущие — призванные!

Игрушки и куклы вяло завопили вразнобой.

Из задних рядов раздался разгневанный голос:

— Доколе! Доколе, братья и сёстры, мы будем терпеть иго этих живородящих?

И толпа извергла из себя большого деревянного кролика — таких же или похожих Гудди туманно помнил, как носильщиков лектик в городе. С резными мышцами атлета, покрытый по всему серому телу остроконечными символами, поднимающимися к морде и образующими устрашающий рот и нахмуренные глаза, наполненные до краёв негодованием. Увенчанный двумя торчащими закруглёнными ушами, он производил ощущение на границе ужаса и абсурда и служил, как неожиданно понял Гудди, зачинщиком.

— Между прочим, — распалялся кролик, — никто не принял мой вызов в прошлый раз. И всё могло бы повернуться по-другому. Я обвиняю «Грома» в трусости! Он выбрал слабого противника! Не обижайся, Гюнт, — кивнул он в сторону большого валуна с двумя печальными глазами, — и забрал очко лишь хитростью, а не по праву сильного!

Толпа со всех сторон взревела — где-то одобрительно, где-то с негодованием.

— Обвиняешь меня? — раздался рык Лео, появившегося, словно по команде невидимого режиссёра, из толпы зверей.

Слово «спектакль» само по себе возникло в голове Гудди, пока он следил, как кролик ехидно улыбнулся и повернулся к гордо поднявшему голову Льву.

— Обвиняю, — хихикнул кролик, — что ты выбираешь слабаков, а сильных обходишь стороной.

— Это ты, что ли, сильный, Дровосек? — усмехнулся Лео, и его заплетённая в косички грива затряслась и завибрировала.

— Я-то, может, и не самый сильный, — усмехнулся кролик, — да руки марать о тебя неохота. Но я знаю кое-кого, кто готов указать тебе на твоё место, котёночек!

Толпа игрушек захохотала, да и среди людей раздались редкие смешки. Лео нахмурился.

— А ты думал, всё снова будет просто. Ох-хо-хо. Но нет, зачем мне драться за третье место, когда есть шанс отобрать у вас победу! — захохотал кролик, и толпа начала гудеть, а затем ритмично хлопать.

У Лео забежали его изумрудные глаза. Группа людей расступилась, и с улицы в круг двинулась большая фигура. Это был Снорри. Гудди понял это по походке, ещё до того, как здоровяк вошёл в свет. Он был по пояс гол и напоминал скорее глыбу камней, грубо собранных вместе, чем человека.

— Итак, финальный «вызов» нашего сезона! — завопил Дровосек, выхватив у питона микрофон. — Перворождённый против Второрождённого. Лев против человека!

Гудди заметил Лилу, она примостилась на одном из флагов, висевших по периметру пещеры. Она тоже заметила его и кивнула.

Лео и Снорри встали друг напротив друга. Они были одного роста, и только грива делала перворождённого визуально больше. Толпа взревела так, что звон в голове оживлённого заставил его подпрыгнуть. Лев стал предельно серьёзен. А вот здоровяк сохранял какое-то каменное спокойствие.

— Несдобровать Фонну, — шепнул ему молоток на маленьких ножках, отчего Гудди отвлёкся от назревающего поединка и поднял глаза на ложу, откуда били прожекторы. В ней произошло какое-то движение. Но тут под потолок к парящим световым гирляндам воспарил летающий змей и дунул в трубу, взорвавшись на конфетти и издав громкий дребезжащий звук сирены.

Лев бросился на человека, оскалив зубы, с разбегу он обхватил его грудь, и они попятились назад. Но Лео упал вбок, и Гудди увидел кровь, сочащуюся из его глаза. Все охнули. Однако лев тут же вскочил и бросился на здоровяка, занеся правую руку. Гудди наконец увидел, что Снорри с невероятной скоростью успел нанести льву серию ударов в корпус и по морде, и закончил её ударом колена под дых. Лео потерял ориентацию, и Снорри бросился на льва, повалив его в пыль, столбом поднявшуюся вокруг дерущихся. Когда Гудди смог вновь разглядеть их, здоровяк прижал льва к земле болевым приёмом, усевшись на нём и заломив ему ногу. Лео закричал и поднял лапу, чтобы ударить по земле, но Снорри выпустил его из захвата, дав отпрыгнуть от себя, хотя следующий летающий змей уже поднёс трубу к своим бумажным губам.

— Играет с ним, — засмеялся молоток, подпрыгнув на месте.

Лев тем временем стоял на четырёх лапах и тяжело дышал, а здоровяк прохаживался взад-вперёд в поднявшейся пыли.

Лео встал на задние лапы и сорвал с себя рубашку, обнажив покрытые шерстью мышцы. Рубашкой он вытер лоб и брови, после чего бросил её на пол. И тут уже Снорри ринулся в атаку, нанося удар за ударом по морде льва, но сам же пропустил два ответных выпада перворождённого. Он пнул Лео ногой, чтобы освободить пространство, но лев прыгнул на него всем телом и повалил на пол. Звери победно взревели. Однако льву недолго удавалось удерживать противника, Снорри вывернулся из-под его туши и, совершив болевой захват лапы, казалось, вырвал себе инициативу. Однако второй раз лев не дал себя поймать. Он оттолкнулся задними конечностями, вывернулся из захвата несколько раз ударил человека и пнул его по голове и плечам. В пыли снова стало плохо видно, Лео упал, Снорри набросился на него сверху, прижав своим телом и нанося удары по морде.

— Вот это бой, вот это бой! — подпрыгивая, вопил молоток. Гудди с удивлением посмотрел на возбуждённую толпу. Все, казалось, готовы были выпрыгнуть из себя, даже печальный камень шатался и гудел всем своим телом.

Лео и Снорри снова разошлись, готовясь к новому раунду. Время заметно замедлилось. Герои сражения тяжело дышали, а лев ещё и прихрамывал, хмурясь пуще прежнего. Снорри, мокрый и грязный с ног до головы, сохранял на лице выражение спокойного сосредоточения. Гудди взглянул на флаг, но Лилы уже там не было, он оглянулся по сторонам, но нигде её не увидел. Девушка в красном платье выбежала на ринг и дала здоровяку тряпку, чтобы вытереть лицо. Зрители загудели, протрубил летающий змей, разорвавшись в воздухе, и Лео бросился в атаку на тут же отбросившего тряпку человека. Снорри сделал шаг навстречу, но его кулак просвистел в воздухе, потому что лев в последний момент отпрыгнул вбок и нанёс удар в челюсть противника. Тот потерял равновесие пробежал несколько шагов, а затем припал на руку. Лев, не теряя времени, набросился на человека

сзади, но Снорри успел развернуться и, вложив весь свой вес, нанёс Лео сокрушительный удар в морду, отбросивший льва на несколько метров назад. Все замерли. Даже в ложе, как успел заметить краем глаза Гудди, вновь произошло какое-то движение.

Снорри тряхнул головой и двинулся на поверженного противника. Он уже нагнулся и занёс руку для завершающего удара, но тут лев издал протяжный стон:

— Не надо...

С человеком что-то произошло, он замер, сосредоточенность как рукой сняло, и Гудди даже показалось, что вот-вот из его глаз потекут слёзы. Лео же, очухавшийся к этому моменту, набрал в лапу песка и швырнул его в глаза Снорри, тот потерял равновесие — и лев нанёс ему удар в челюсть. Человек упал на спину. Лев напрыгнул на него, но Снорри не сопротивлялся и больше уже не вставал.

Летающий змей, взорвавшись очередным фейерверком, протрубил конец боя, и звери бросились прыгать вокруг Льва, восхищённо гикая и улюлюкая, подбрасывая его вверх и поздравляя друг друга. Прожекторы с громким щелчком погасли. Гудди повернул к ним голову, но в ложе уже никого не было. Толпа расходилась, горячо обсуждая произошедшее. Молоток бегал от одной группы к другой и восторженно кричал:

— А я говорил! Я говорил!

Гудди подождал пока все разойдутся и подошёл к здоровяку. Тот лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок.

— Почему ты дал ему победить? — спросил он и присел рядом с головой человека. Снорри посмотрел на него, а затем приподнял голову и резко встал.

— Я ставил на тебя две вахты на Броненосце, — рассерженно произнёс подплывший Рауд, — что на тебя нашло? Стареешь? У нас осечка за осечкой, дождёшься, Барон выкинет тебя на помойку.

Но Снорри ничего не ответил, отряхнул колени и пошёл прочь из пещеры. Рауд подплыл к Гудди и печально развёл щупальцами:

— Вот она жизнь. Всё говорит «за», а выходит «против». Пойдём, поздравим Лео, пока он ещё в состоянии различать врагов и друзей.

Гудди пожал плечами в ответ и последовал за осьминогом, пролевитирававшим через пещеру обратно к заведению Сида, куда шумная толпа уже донесла на руках льва.

Когда они вошли, громкая песня на непонятном Гудди языке гремела так, что казалось, будто в помещении сейчас лопнет всё стекло сразу. Лео, весь красный, что было заметно даже под его густой шерстью, сидел на импровизированном троне из стульев и столов, облепленный всевозможной живностью во главе с полутигрицей-получеловеком. Она сидела на коленях у Лео и, поглаживая своей рукой его плечо, нежно шептала ему что-то на ухо.

— Каков пижон, — покачал головой Рауд. — О, Лиля, ты здесь, — обернулся он к обезьянке, сидевшей за столиком. В руках у неё была массивная книга, которую она тут же захлопнула.

— Интересуешься «Корабельным журналом»? — спросил осьминог, подплывая к столику и занимая один из стульев.

— А твоё какое дело? — спросила обезьянка раздражённо.

— Эй, эй, тише, — удивился осьминог, подняв щупальцы вверх.

— Друзья! Я так рад! — взревел Лео, привстав с трона, но тут же повалился обратно под тяжестью спутницы.

— Извини, — тяжело вздохнула Лила, — просто весь этот шум меня раздражает.

— На этот раз прощаю, — оглянулся на празднующих Рауд, а затем обратился к оживлённому: — Эй, как там тебя, Гудди, садись.

Но Гудди смотрел на празднующих как зачарованный.

— Р-а-а-адость! — протянул он. — Так вот как это...

— Нет, дружище, это не радость, это — забытье, — вновь повернулся к празднующим осьминог и прищурил глаза, вглядываясь в расплывающиеся в улыбках лица. Как раз в этот момент бегемот, заливавший в себя очередную порцию забывай-воды, не разглядел дороги, задел стол, за ним стул, и вся братия, накрыв собой льва и полутигрицу, повалилась на пол с грохотом и смехом.

— Тебе в каком-то смысле повезло, — улыбнулся Рауд, — забывай-вода на тебя не действует, ты же оживляшка. Поэтому такая «радость» тебе недоступна. Но я бы не жалел об этом. Хотя сейчас им, безусловно, хорошо.

— Живым быть хорошо-о-о, — задумчиво протянул Гудди и присел за столик.

— Ну, завтра они горько пожалеют о том, что живы, а многие дадут слово, что больше никогда не повторят такой «радости», но придёт вечер, и эти обещания будут забыты, — усмехнулся осьминог, — такова природа забывай-воды.

— Ты много знаешь о природе? — спросил Гудди, пододвинувшись к осьминогу.

— Нет, — усмехнулся Рауд, — я много знаю о забывай-воде.

Гудди удивлённо посмотрел на него:

— А почему ты сам не пьёшь её?

— Мне больше нравится наблюдать. Я долго плавал по морям, ходил на разных судах и многого навиделся в прибрежных кабаках. Хотя, — замялся осьминог и посмотрел на Гудди, — ты же не знаешь, что такое море, правда?

— Я теперь знаю слово «море», это много-много капель воды вместе, — стал копаться оживлённый в своей новой памяти, — но вот чувства и образа моря у меня нет. Ты можешь мне его описать? Да, и кабак тоже?

— Ну, можно сказать, что мы сейчас в кабаке. Это место, где пьют забывай-воду или чего похуже. А вот ощущение моря, — задумался осьминог. — Это как лететь, но при этом тебя кто-то держит в ладонях. И воздух. Воздух свежий, влажный, как после дождя. Солёный, так что кожа вся сжимается. Как противоположность пустыни. Оно такое же бескрайнее, но в пустыне волны песка почти застыли, а на море они постоянно движутся, качают тебя, словно мать, поющая колыбельную.

Осьминог замолчал и закрыл глаза.

— А в другую секунду оно смертельно опасно, как когда нас подбил тот коп на скутере, мы ударились о скалу — и весь мир закрутился, как бешеный, помнишь?

Осьминог открыл глаза и посмотрел на Гудди.

— Вот такое же опасное, готовое смять, сожрать, поглотить. У него часто меняется настроение.

Оживлённый мечтательно кивнул и потрогал осьминога, затем ущипнул его.

— Ай! — воскликнул тот. — Ты что, рехнулся.

— Да, то есть нет, — засмутился Гудди, — а что это? Ну то, что тебя покрывает.

— Кожа, — буркнул осьминог, потирая щупальцей тут же ставшее фиолетовым место на голове, где его ущипнула кукла.

— Кожа... — возвращаясь из нахлынувших на него образов, повторил Гудди, — вот бы иметь кожу.

— Ну, это навряд ли, — пробулькал осьминог. На этих словах Лиля встала, перетащила книгу на стойку к Сиду и вышла, не попрощавшись.

— Красная луна, что с ними со всеми сегодня? — возмутился осьминог. — У меня, коль на то пошло, тоже есть чувства. Ну не достали мы эту чертову руну, ну и что теперь, вести себя, как ошипанные павлины?

— Руну? — переспросил Гудди, чувствуя незнакомое ему переживание, неприятным холодком поднимавшееся по панцирю. И, сам того не ожидая, он сказал:

— Я тебя, наверное, уже достал своими вопросами? Извини, я так странно... неудобно себя чувствую от того, что мне приходится всё время спрашивать. Правильно-правильно, чувствуй. Это называется стыд, — констатировал осьминог и опёрся головой на щупальцу. — Хотя в твоём положении спрашивать совершенно законно.

Гудди кивнул и выжидающе посмотрел на Рауда.

— Ах да. Руна... Видишь ли... Ты, наверное, наслышан про нынешнее положение дел?

Гудди начал было кивать, но потом отрицательно замотал головой.

Шумная компания притихла, осьминог придвинулся поближе к кукле и заговорил вполголоса:

— Сердце умирает. Это факт. И это происходит очень давно, с тех самых времён, как началось строительство города, который должен был его защитить, — произнёс он, глядя Гудди прямо в глаза.

Но тот опустил голову и извиняющимся тоном произнёс:

— Сердце?

— Сердце мира, его крупинка в твоей груди и в груди каждого оживлённого, ну или почти каждого, — похлопал Рауд по панцирю оживлённого. — Оно находится в центре города, во дворце. От него зависит вся жизнь. Вся жизнь появилась из его любви. Первородённые, такие как я, Лео и другие, и множество иных существ, кхм, ставших неугодных людям, родившимся вторыми. Легенды говорят разное, но все сходятся на том, что люди первые узнали страх и решили, что сердцу грозит опасность. Это был поворотный момент. До появления города Сердце билось на поверхности красивейшей долины, и однажды с одной из гор на него скатился камень и оставил шрам. У «вторых» есть какая-то легенда про женщину, заблудившуюся в горах, но суть одна: они решили защитить Сердце и начали строить стену, а вместе со стеной и город. И город этот рос и высился, и люди становились сильнее. И страх их

креп вместе с толщиной стены и высотой башен в городе. И чем выше была стена, тем больше задыхалось Сердце.

Перворожждённые были против, но разве людей интересует чьё-то мнение? Они просто подчинили нас, убедив себя, что только под их управлением наступит мир. Однако внутри города великие дома занимались только тем, что боролись за право называться главными защитниками Сердца, проливая кровь и умножая свой собственный страх. И их борьба, их самолюбование зашли так далеко, что они стали поклоняться культу самих себя — культу защитников Сердца. А само Сердце человек приспособил как механизм, как инструмент, дававший ему неограниченные возможности. Он построил вас себе в помощь. И если поначалу вы просто оживали, как и всё, что было создано, то со временем Сердце, не способное уже свободно дышать, закрытое стенами храма, перестало творить и потребовалось большее. Чтобы активировать гигантских големов, паровых роботов, двигатели летающих кораблей, человек стал откалывать от сердца куски и вставлять их в созданные им машины.

С тех пор прошло много времени. Сердце истощилось, оно еле бьётся, его хватает лишь на то, чтобы заряжать чёрный дым, питающий нынешние монструозные механизмы. А рун, крупных осколков, осталось всего пять. Понимаешь, пять. Остальные стали пылью, летающей вокруг нас даже здесь, в горах. И одна из них венчает рукоятку меча, что носит Узурпатор. Нынешний главный «защитник» сердца. Что делает его фактически неуязвимым. А наше мероприятие — бессмысленным и гибельным, как сама жизнь.

Осьминог перевёл дух, пристально посмотрел в глаза Гудди и продолжил:

— Так вот, чтобы уравнивать наши шансы на победу, нам нужно достать такую же руну.

— Победу? — переспросил удивлённый Гудди.

— Да. Мы готовимся к войне. Мы собираемся разрушить город и вернуть руны сердцу.

Глава 9

Лейтенант Штурм, тот самый, что преследовал троицу беглецов из города, ощутил, что растёт. Причём сам из себя, откуда-то из глубины. Он постарался проследить источник желания, но лишь обнаружил, что оно непреодолимо движется, будто из самой его причины. Он должен был — непременно должен был! — добраться, вырваться. Он прилагал все усилия, его распирало от самого себя. Всё вращалось и тужилось. Он был пружиной, никак не способной до конца раскрыться. И вот. Вот наконец. Нет. Ещё рано. Слишком мало сил. Лейтенант начал пробовать какие-то иные движения. И вдруг... Вдруг он ощутил, что получает энергию — холодную и тонкую. Он отыскал её источник и припал к нему. Его нутро начало наполняться этим необычным притоком сил. Необычным, потому что поток этот поднимался из его центра.

Впрочем, подобные противоречия его мало интересовали, он мог продолжить движение. Усилие. Ещё усилие и вот — вот уже рвётся на части его тюрьма, трещит по швам, выпуская его на волю. Пружина его рванула вовне, давая ему распрямиться. Он вытянулся и раскрылся. Во всю поверхность его тела ударила нескончаемая энергия. Он ликовал. Больше

никакой тесноты, только наслаждение. Наконец-то он достиг, он сумел. Так свежо, так приятно. Его источник тут же подключился к поступавшей к нему энергии, и лейтенант стал качать. Он передавал внутрь себя, как ему казалось, бесконечные потоки и не мог насладиться этим. Впитывая всё больше и больше, он не заметил, как из сознания его исчезло, что когда-то существование его представляло из себя что-то иное.

Но жизнь напомнила о себе. И он почувствовал, как поток стал меньше. Штурм очень расстроился. Ему так нравилось получать много. И теперь, теперь он не готов был на меньшее. Но тут случилось ещё более печальное событие. Что-то ещё раскрылось на пути к потоку, и он стал ещё меньше. Лейтенант стал впадать в лёгкую панику. Его стало колыхать из стороны в сторону. В какое-то мгновение поток снова усилился, но затем стал ещё меньше. Штурм не мог выразить, что происходит с ним. Даже для себя. Стало холодно. И страшно. Безысходность накрыла лейтенанта. Поток продолжал уменьшаться. Но затем, когда он стал слабым и еле заметным, это прекратилось.

Штурм ждал, но ничего не менялось. И он стал потихоньку учиться извлекать даже из столь малого полезные силы. Через какое-то время он понял, что даже с этим потоком энергии он может расти. И принялся за работу. Он стал шириться и накапливать свою массу. Это нисколько не противоречило его нутру. Нутро было за то, чтобы энергии стало больше. Лейтенант увеличивался и рос, и наконец поток стал больше, самую малость, но больше. И Штурм с новой волной энтузиазма принялся за дело. Однако и то, что перекрывало поток, принялось расти. Лейтенант понял: это гонка. И его было уже не остановить. Он рвался вперёд. И чем больше он возвращал себе соприкосновения с потоком, тем быстрее росли его соперники и забирали у него всё больше площади соприкосновения. Лейтенанту стало тяжело. Масса его стала такой, что он почувствовал, как теряет равновесие и его клонит куда-то вниз, дальше от потока. И вот... поток исчез. Паника и страх охватили Штурма. Он ждал, но поток не возвращался. И тут лейтенант задёргался и затрепетал пуще прежнего. И из-за того, что он накопил очень много массы в этой погоне, он почувствовал, что его тянет вниз и он теряет связь с центром. Центр как будто отрывался от него. Штурм рванул от страха вбок и полетел.

Он парил, он был в этом абсолютно уверен. В его жизни это уже много раз бывало, он знал это наверняка. Стало очень холодно. Так холодно, что он почувствовал, как сознание его остывает вместе с телом. Как оно превращается в заледеневший осколок, падает об пол и разбивается.

В непривычной ночной тишине лист упал под ноги Майло, и она наклонилась, чтобы подобрать его. Её палец случайно коснулся снега, лежавшего на всей каменной поверхности балкона, и она с непривычки отдёрнула руку.

— Не бойся, это неопасно, — нежным голосом сказал Тэмен, вышедший вслед за ней на балкон. — Разве что для этих растений, но не для тебя. Здесь порой идёт снег в это время года. Мы очень высоко, поэтому воздух значительно холоднее.

Майло, всё ещё держа лист в руке и кутаясь в длинной шубе, поднялась и взглянула на правителя.

— Я слышала про такие растения, но очень редко видела сама, только когда бывала на среднем ярусе, — смущённо произнесла она.

Узурпатор взял лист из её руки и повертел в пальцах.

— Это как солнечные паруса у кораблей, они расправляют их, чтобы поглощать свет, — улыбнулся он.

— Откуда вы всё это знаете? — смущённо спросила девушка.

— Так учил меня Верховный. Он дал мне очень широкое представление о мире. Многогранное, — опустил голову Тэмен.

— Такое широкое, что вы теперь можете возить его только в драконе? — спросила Майло с очень серьёзным лицом, так что Йомера не сразу понял, шутит она или нет.

— Где-то на нижнем ярусе всё ещё можно купить чувство юмора? — засмеялся он в ответ, справившись с замешательством.

— Разве что украсть, — улыбнулась в ответ Майло.

— Надо наконец собраться с духом и посетить его, вдруг и мне повезёт, и я смогу ухватить немного для себя.

— Боюсь, в броне и с драконом вас быстро узнают, и шансов на успешное мероприятие будет ничтожно мало, — с сомнением подняла бровь девушка, — а без них там просто слишком опасно. Ваши прекрасные локоны будут стоить дороже вашей жизни.

— Как бы я хотел это изменить, — нахмурился Тэмен, — ваши слова бьют острее лезвия.

— Я не хотела, милорд, простите, — Майло смущённо отвернулась к панораме города, — я девушка-то простая, язык за зубами вовсе не держится.

— Это мне нравится в вас больше всего, — улыбнулся Йомера, подошёл и обнял её сзади, положив подбородок на её тонкое плечо.

— А что это за стройка? — спросила девушка, когда её взгляд случайно коснулся разрушенной стены дворца.

— А... Это... — грустно произнёс правитель. — Во времена первого правления отца был такой адмирал Квал в воздушном флоте. Раньше по стене дворца ходил бронепоезд, и во время переворота, «ночи большого предательства», за него была жестокая схватка. Сторонники отца долго не могли взять верх, и адмирал на своём флагмане прибыл на подмогу. Как сообщали потом выжившие с корабля матросы, Квал со страху перебрал забывай-воды, — усмехнулся Йомера, — и заложил настолько лихой вираж, что судно не выдержало. И они просто протаранили стену и упали вниз, на средний ярус, на глазах уже захвативших бронепоезд сторонников.

Он повернул Майло лицом к себе и, глядя ей в глаза, продолжил:

— А теперь он герой, воспетый в саге, помнишь? Тарам-парам, парам-тарам, наш доблестный Макиту. Девушка кивнула и пожала плечами.

— Мне повезло, — усмехнулась она, — отец... мой приёмный отец разрешал мне редко посещать церковь, только сестра ходила туда постоянно из-за угроз Культа. Она была единственным зарегистрированным ребёнком. Было много работы, и, чтобы выжить, мы трудились день и ночь.

— Понимаю, — вновь виновато опустил глаза Тэмен.

— Скажи, — смутилась Майло от своей дерзости, — а это правда, что твой отец захватил трон?

Йомера посмотрел на неё исподлобья, затем устало потёр глаза и, положив руки в карманы своих шёлковых штанов, повернулся и вошёл в комнату.

— Я замёрз, — бросил он вполоборота, — пойдём к камину.

Майло последовала за ним через большой зал, обставленный с богатством и даже излишеством. Одетый очень легко, по мнению ужасно замёрзшей девушки, он медленно ступал по мягким коврам в сторону большого, в два человеческих роста, камина, его пламя казалось незначительным и почти не было заметно. Над ним висел портрет отца Тэмена — в знаменитой броне, что носил теперь его сын. Саммариус сложил руки на рукоятке меча, увенчанного руной. Перед ним на коленях распростёрся человек, фигура его застыла в подобострастном ожидании. Тэмен сел в одно из глубоких кресел напротив пламени и спросил:

— Ты знаешь, кто это, перед моим отцом?

— Нет, — ответила девушка и села в соседнее кресло.

— Это Последний поэт, тот самый, написавший все саги, что поют теперь на улицах и в храмах. Никто не знает его имени, но, когда отец «спас трон», не передал власть «заговорщикам», Поэт пришёл во дворец и, бросившись отцу в ноги, благодарил его и умолял дать ему шанс возвестить о том, как он спас Сердце и как он уберёт его своим восхождением от лап грязных инженеров, — Тэмен горько усмехнулся. — Никто не просил его, но он всё сам представил в таком свете. И его интерпретация показалась отцу и всем остальным лучшим объяснением происходящего. Отец легко поверил в свою избранность и миссию. И так были написаны саги о том, как великий Саммариус, хранитель города и ревнитель Сердца, предотвратил заговор великих домов и, сохранив власть, принял на себя тяжкий крест истинной защиты и благородную цель по возвращению народа к истоку, к изначальному пути Сердца, существовавшему с первых дней и извращённому наукой, приведшей нас к нынешнему плачевному состоянию.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Майло, внимательно рассматривая лицо наследного Узурпатора.

— Со слов няnek и культистов, служивших при дворе его Верховного преосвященства, со слов оставшихся наследников, особенно тех, кто принял сторону отца, — говорил Йомера, не отрывая взгляд от огня, будто читал возникающие в нём строки. — Но у меня было время составить для себя более или менее реальную картину мира, которым мне пришлось править. Особенно после его смерти. У всех словно развязался язык. Первые месяцы мне говорили всё подряд, пока я сам это не прекратил.

— Я не знала своих отца и мать, я помню только приёмную семью. Но несколько дней назад со мной случилась история, вызванная, между прочим, вами, ваше величество. Мне пришлось скрываться в доме старика, и он рассказал мне про своего брата. Он мог бы быть моим отцом... — погрустнела Майло.

— Почему мог бы?

— Потому что казнили его ещё до моего рождения.

— Выходит, он стал твоим отцом, будучи уже мёртвым? — усмехнулся Йомера.

— Да.

Тэмен посмотрел на неё пристальным взглядом.

— Извини, — взволнованно произнесла девушка и опустила глаза, — он был одним из заговорщиков, казнённых твоим отцом.

— Как его звали? — холодно спросил Узурпатор, почувствовав укол пониже груди.

— Альфред Вульфи, — тихо сказала Майло и виновато посмотрела на Тэмена.

Он встал из кресла и подошёл к столику с посудой. Взяв стоявшую в глубине бутылку, Йомера наполнил два бокала. Его лёгкая шёлковая туника колыхалась от сквозняка, пока он шёл обратно. Передав бокал девушке, он сел в своё кресло, пригубил и устался на огонь. Майло аккуратно попробовала напиток, он оказался приятным на вкус и, как молоко, ложился на язык, приятно пощипывая и оставляя за собой сладковатое ощущение.

— Когда мой отец взойшёл на трон, ещё как наследник дома Йомера, — медленно начал Тэмен, — он сватался к самой красивой женщине во всем городе, но она отказала ему. А через несколько лет, когда он занял трон как Узурпатор Саммариус, он женил её на себе силой.

— Королева Анастасия, — кивнула Майло. — Я много слышала о ней, но мне казалось, что они безумно любили друг друга.

— Так безумно, что он держал её взаперти, а на официальные мероприятия выпускал только под страхом того, что он убьёт дочь её брата, казнённого им, — грустно выдохнул Тэмен и, допив бокал залпом, поставил его на пол.

— Тебе, наверное, говорили, что это наследники великих домов готовили переворот? Но всё было наоборот, это отец сверг «договор садовников», казнив за одну ночь тысячи людей, и среди них был твой возможный отец, он служил герцогу Амун, — продолжил он, не отрывая глаз от пламени.

— О луны... — закрыла рукой рот девушка.

— Они были слишком... прогрессивны. В обществе всегда есть проактивная и реакционная группы.

— Прости? — смутилась Майло.

— Те, кто за изменения, и те, кто против, — уточнил Тэмен. — По иронии, отец представлял из себя одновременно и то, и другое. Он хотел изменить всё на корню, отменить ход истории, и при этом вернуться к основам, к магии, к творению, породившему этот мир и наш город. Он бредил этим. И были те, кто его поддержал.

— Культ? — спросила Майло утвердительно.

— Да, культ. Меньше университетов, больше церквей. Больше ритуалов и меньше электричества. Вот только электричество работало, а ритуалы нет.

— А как же чудеса, что показывают на площадях? — удивилась девушка.

— Это всё, что нам и осталось. Иллюзии, — горько усмехнулся Тэмен, — бесплотные образы. Никто не сумел создать ничего осязаемого за последние лет восемьсот. И все чудеса, так уверенно обещанные Культом ещё до моего рождения, вызывают лишь смех у мыслящих людей. Вот только смеяться они не смеют, потому что за эти годы отдел особых поручений его Верховного Преосвященства разросся до таких размеров, что уши, кажется, есть даже у огня.

Майло посмотрела на пламя, а потом на Тэмена, а он посмотрел в её испуганные глаза и улыбнулся:

— Формально они подчиняются мне. Но только формально. И, если честно, мне плевать, следят они за мной или нет. Хотя я уверен, что следят.

— Это всё так... — начала девушка.

— Странно? — улыбнулся Йомера.

— Да, странно, — согласилась она и заёрзала в кресле, — ты правитель, но ты не управляешь.

Тэмен усмехнулся:

— Да, точнее не скажешь.

— Давай убежим? — громким шёпотом сказала Майло, схватившись свободной рукой за ручку кресла. — Да, сядем на твоего дракона и улетим как можно дальше!

Тэмен засмеялся:

— Милая, вокруг бесконечная пустыня.

— Но я слышала о море, я слышала о других странах, люди говорят, — не унималась девушка.

— Да, я тоже слышал и даже видел торговца, утверждавшего, что добрался до «большой воды». Но я так же видел, как его хлестали на площади за враньё. Я не знаю, есть ли конец у пустыни, но дракон не пролетит и дня без чёрного дыма, — произнёс он и как-то виновато вжался в кресло. — Знаешь когда-то давно, ещё до моего рождения, был начат проект железной дороги до ближайших горных хребтов. Но он был похоронен песчаными бурями... Ни один человек не может добраться до них. Мы в безопасности на этом куске камня. Пока...

— А куклы? — спросила девушка.

— Что куклы? — переспросил узурпатор.

— Ведь они могут добраться до гор.

Тэмен задумался, но не ответил и уставился на огонь. Майло, пригубив бокал, тоже смотрела на огонь.

— Ты так и не закончил... — подняла она глаза на Саммариуса, как будто насмехавшегося над ней с картины.

— После рождения детей, особенно после рождения брата, мать стала мягче, — продолжил Узурпатор. — У неё появилась цель — воспитать нас не такими, как он. Она говорила нам это, когда мы были совсем маленькими. Она вновь открыла университет. И пусть

в нём учили больше теологии и мистицизму, но нашлось место и для нескольких прикладных наук.

— Человек привыкает ко всему, — произнесла Майло из глубины кресла.

— Да. И умеет ждать, — кивнул Тэмен, встал и прошёл к столику, захватив с собой бутылку. Вернувшись, он вновь наполнил бокал Майло, а затем свой.

— Она ждала долго. И готовилась. Со мной она... меньше общалась. Любила брата. Не просто любила, а отдала ему всё. Когда я чуть подрос, меня везде стали брать с отцом, и я почти перестал её видеть, только по вечерам, за ужином, когда он вновь стал пускать её во дворец. Брат же проводил с ней почти всё время. Всю юность она занималась с ним сама, говорила с ним, улыбалась ему, любила...

Йомера замолчал. Майло поставила бокал на пол, тихо подошла к нему и присела возле его ног, положив руки ему на колени. Тэмен улыбнулся и продолжил:

— Шли годы, и она будто бы изменилась. Стала добрее к отцу, стала вновь уделять время мне. Я даже подумал, что у нас может получиться семья. Её звонкий смех во время прогулок по замку, отступающая суровость отца.

Он рассмеялся и закинул голову. Майло подняла взгляд и поняла, что он смотрит в глаза Саммариуса на картине.

— Ну разве не идиллия? — продолжил он, улыбаясь. — Счастье в семье тирана.

Они долго сидели молча, вслушиваясь в треск камина.

— Ты бы хотел вновь... поговорить с ней? — спросила наконец Майло.

— Раньше хотел. Сейчас... Не знаю. Всё так изменилось. Сейчас меня волнует другое.

— Что? — спросила девушка.

— Ты, — улыбнулся Узурпатор. Она улыбнулась в ответ, но в её взгляде всё же остался вопрос.

— Это может банально прозвучать. Но я бы хотел найти себя, — смущённо ответил он на молчаливый вопрос девушки.

— Это вовсе не странно, — успокаивающе произнесла она, — мы все в этом поиске.

— Да, только ты вольна быть собой. А я вынужден играть роль не по таланту.

— Так что тебе мешает бросить это всё и убежать... ах да, пустыня, — грустно поджала губы Майло.

— Если бы всё было так просто. Представь. Только представь, что сейчас я сложу полномочия или просто исчезну. Да они же перегрызут друг другу глотки в борьбе за моё место. Все птицы, живущие в серебряных клетках, мечтают о золотой, и только та, что живёт в золотой, мечтает о свободе, — усмехнулся Узурпатор.

— То есть ты жертвуешь собой ради... Ради чего?

— Людей... Порядка... — замотал он головой. — Я просто не хочу, чтобы пролилось больше крови, чем уже пролито. Мне кажется, ею уже заполнено всё соляное озеро под городом и вместо опреснённой воды мы пьём опреснённую кровь.

— Ты загоняешь себя в ловушку, придумывая оправдания своему положению. И не хочешь ничего менять, думая, что внешний мир зависит от тебя. Но это не так. Мир легко справится и без тебя, будь ты молочник или правитель. Просто молочнику это легче понять, чем тебе. В этом его положение выгоднее, — сурово нахмутив брови, произнесла девушка.

— Именно поэтому ты мне так нравишься, — улыбнулся Тэмен, разгладив пальцем суровые морщинки, собравшиеся у неё на лбу. — Ты умна, красива и говоришь мне правду.

— Неправда, я не так уж и красива и не так уж умна. А правду я тебе говорю, потому что... врать тебе было бы глупо, — смутилась девушка, и её щёки порозовели.

Не успев насладиться залившим её румянцем, Йомера обернулся и спросил:

— Слышишь?

— Что? — прислушалась Майло.

— Звук. Словно салют. Но сегодня нет праздников...

Узурпатор осторожно тронул руки девушки, встал и направился к балкону. Когда Майло, последовав за ним, вышла в ночную прохладу, то увидела, что над Старым кварталом мерцает фиолетовое зарево. А потом... произошла вспышка, и что-то рухнуло вниз. До ушей не сразу долетел гул, совпав со следующей вспышкой. Йомера с тревогой посмотрел на девушку.

— Похоже, беда, — сказал он.

И в эту секунду в дверь зала за их спинами постучали.

— Войдите! — крикнул правитель и направился в сторону массивных позолоченных створок. В зал вбежал посыльный Культа и неуклюже плюхнулся на пол перед Узурпатором.

— Встань! — раздражённо процедил Йомера.

Культист вскочил, приблизился как можно ближе, зашептав.

— Говори громко! — велел вскипающий Тэмен.

— Ваше величество, — дрожащим голосом продолжил юноша. — Строительный флот над Старым кварталом! Это саботаж! Огонь, цемент горит! Корабли падают прямо на дома.

— Пожарные корабли? — напряжённо спросил правитель.

— Уже! — всхлипнул культист, затрясшись всем телом. — Но они не справляются, баки наполовину пусты, ваша светлость, ради всех лун!

Тэмен отвернулся от юноши и сделал два шага к камину. Затем остановился. Несколько секунд он разглядывал рисунок на ковре, а потом резко направился к балкону. Майло встретила его встревоженным взглядом, однако он, ничего не сказав, подошёл к перилам и громко свистнул. Сначала ничего не происходило, лишь снежинка опустилась на разгорячённое лицо Узурпатора. Но потом темнота во внутреннем дворе под балконом зашевелилась и, раскрыв крылья, вверх воспарил огромный чёрный дракон, в мгновение ока оказавшийся перед хозяином. Девушка от страха оступилась и упала на пол, а культист, в

благоговейном страхе начал пятиться задом к дверям. Дракон поднял голову, и его грудь начала распахиваться, а из глубины на балкон опустилась лестница, открыв в теле чудовища трон, на котором покоились броня и меч Узурпатора.

Майло поднялась и сделала шаг в сторону дракона. Йомера обернулся и посмотрел в полные решимости глаза девушки, а затем отвернулся и двинулся дальше. Усевшись на трон, он дёрнул что-то внутри, и грудь чудовища закрылась.

Дракон в два коротких взмаха удалился от балкона, облетел вокруг башни и исчез. Майло в нерешительности встала, а затем обернулась на скрип. Культист, припав к земле, вползал спиной в дверь. Переполненная тревогой и ощущением свершившейся несправедливости, девушка подошла к краю балкона и обняла себя руками, одетыми в тёплые меховые рукава. Неподвижно смотрела она на фиолетовое зарево. Но в следующее же мгновение с шумом и скрежетом дракон вновь появился перед ней в воздухе. Только теперь на его спине было закреплено кожаное кресло с привязями для ног и поручнем. Дракон подлетел ближе к балкону и положил на него свою голову. Из глубины монстра раздался голос Тэмена:

— Залезай!

Заворожённая горящими глазами чудища, девушка замешкалась, но затем вскочила и, придерживая платье, взбежала по массивной шее к креслу.

— Пристегнись крепко! — прогремел голос Узурпатора. Но Майло и сама затянула ремни на ногах и под грудью так, что, казалось, сейчас её тонкие кости не выдержат.

— Готова? — крикнул Йомера.

— Готова! — крикнула в ответ девушка. И дракон взмыл вверх.

У Майло перехватило дыхание. Ледяной воздух, казалось, срывал кожу с её лица. А желудок мгновенно потерял ориентацию, отчего девушке стало плохо. Но дракон быстро завершил сумасшедший маневр, и Майло даже показалось, что из груди существа она слышит извинения Тэмена. Но при таком ветре это трудно было разобрать.

Когда она немного пришла в себя, дракон уже висел над Старым кварталом. Девушка вскрикнула. Баржи с цементом полыхали неестественным фиолетовым огнём, вспыхивая, то тут, то там яркими всполохами. Некоторые из них горели уже внизу, на улицах квартала, разрушив несколько зданий в районе лифта, что вёл на Сердечную площадь. Пожарные корабли лили воду на горящий бетон, но огонь и не думал утихать, и только громче шипел и выпускал едкий, неприятный запах. Крики людей, в панике пытающихся выбраться из домов, перемешивались с призывами глашатая, то кричавшего в рупор что-то успокаивающее, то начинавшего плакать и паниковать.

— Ох зря я тебя взял! — раздался из груди дракона голос Тэмена. — Зажми нос!

И с этими словами дракон приблизился к одной из горящих барж. От взмахов гигантских крыльев пламя изменило угол и отдалилось от чудовища, что позволило дракону схватить когтями край платформы. Металлический монстр дёрнул баржу на себя, и та с трудом, но поддавалась, оторвавшись от якоря, тянувшегося к шпилью одного из зданий. В этот момент огонь на соседней барже перекинулся на двигатели, тут же хлопнувшие громким звуком, отчего у Майло заболели перепонки и закружилась голова. Баржа начала крениться, ударила боком о крышу Художественной академии, а носом упёрлась в верхние этажи

старой церкви. Крики людей стали громче. Народ внизу бросился врассыпную. Дракон пребывал несколько секунд в нерешительности, но затем в два сильных взмаха поднял горящую баржу в своих когтях выше, оглядел окрестности и понес её вниз, на Сердечную площадь.

На площади почти никого не было, и только старая женщина упала от страха, когда перед ней опустился на брусчатку, помяв фонари, гигантский летающий монстр. Майло смотрела на женщину, а та смотрела на неё, не отрывая взгляд. Потом старушка закричала:

— Белая дева!

Девушка оглянулась, ожидая увидеть кого-то за спиной. И только когда механический зверь вновь взмыл ввышину, она поняла, что женщина так назвала её, за её белую шубу, зажатую в ремнях, но всё же развевающуюся на ветру.

Когда они вновь оказались у крыш Старого квартала, завалившаяся баржа уже кренилась, грозясь упасть на улицу прямо под ней, и горящий бетон, как капли воска, стекал с платформы на мостовую. Дракону трудно было подлететь к застрявшей барже сбоку и пришлось схватить её за нос, поднять и перенести его, уперев в другую крышу, чтобы освободить пространство для захвата. Бетон с грохотом свалился на улицу, подняв облако белой пыли и фиолетового огня. Майло закрыла лицо руками. Мимо них пролетел пожарный корабль и ударил в облако струёй воды, окатив ею крыло чудовища, после чего направился к Сердечной площади, куда, спустя короткое время дракон понёс и вторую баржу.

Когда они вернулись обратно, ещё одна баржа упала вниз на переулок, и огонь с бетона стал перекидываться на дома. Дракон покружил над крышами, приземлился на смотровой площадке в конце улицы и пошёл по ней тяжёлой поступью к упавшей барже. Приблизившись, он схватил массивной челюстью за край сгоревшего двигателя и потащил баржу обратно к смотровой площадке. Люди, выглядывавшие из переулков и окон, испуганные и оторопевшие, со своими пожитками на руках во все глаза смотрели на Майло, старавшуюся не ловить их взгляды и упорно смотревшую на пылающий на барже бетон, казалось, уже охвативший голову механического монстра. Над её головой накренилось очередной грузовое судно, и дракон потащил упавшую быстрее. Наверху зашипел двигатель, и Майло в страхе закрыла голову руками. Чудовище же раскрыло крылья и в один взмах отлетело назад, в последнее мгновение уйдя из-под удара обрушившейся сверху баржи.

— Слезай, это становится слишком опасно! — услышала она голос Тэмена в глубине существа.

— Нет! — закричала в ответ девушка. — Я не брошу тебя!

Дракон постоял в нерешительности, а затем прыгнул к баржам, лежащим одна над другой, и уже с усилием, схватившись за нижнюю, потащил их на смотровую площадь. За грохотом и скрежетом Майло не сразу заметила, что ещё одна баржа обрушилась вниз, пробив насквозь старое здание Парламента. Дракон взлетел и, оказавшись рядом с ним, схватил и поднял её за нос. Горящий цемент уже почти весь стёк вниз, и летающий монстр успел лишь вытащить баржу из погибающего здания. Парламент долго ещё полыхал фиолетовым огнем, пока тот не выдохся совсем и не испустил едкий чёрный дым, под напором подоспевших пожарных кораблей. Несколько оставшихся барж удалось освободить от бетона ещё до того, как они стали рушиться, и буксиры в срочном порядке отогнали их в порт.

Дракон приземлился на смотровой площадке, из груди его вышел Тэмен и забрался на спину чудовища, чтобы помочь Майло освободиться от ремней. Девушка без сил упала в руки Узурпатора, словно это она носила баржи всё это время. Тэмен обнял её.

— Как ты? Всё в порядке? Извини, извини меня, мне не надо было брать тебя с собой, — твердил он уставшим голосом.

— Всё хорошо, — еле-еле вымолвила девушка, обнимая правителя.

— Слава Узурпатору Тэмену! — раздалось за его спиной.

— Слышишь, — тихо произнесла Майло.

Йомера поднял голову и увидел, что на площадь стекаются люди.

— Ура! Слава Узурпатору! — кричали они.

— Белая дева! Слава Белой деве! — раздались другие голоса.

— Слышишь, — произнёс Тэмен и приподнял девушку, придерживая её за талию.

Майло оглядела площадь и увидела множество людей, стекавшихся со всех сторон к дракону, устрашающе водившему головой. Но толпа не чувствовала страха, в глазах людей было благоговение.

— Люди благодарят вас!

— Ваше величество, мы любим вас!

— Спаситель наш!

— Спасительница!

— Слава белой деве!

— Слава Узурпатору!

Некоторые стали падать на колени и причитать. Голоса благодарности смешались с воем тех, кто потерял близких.

— Проклятый магистрат! — раздался голос плачущей женщины.

— Вечно это строительство! Сделайте что-то! Ваше величество! — закричал рыдающий мужчина.

Люди потянулись ближе к дракону. Но тот рыкнул на толпу и пустил перед собой струю алого огня, отчего толпа в ужасе отпрянула.

— Он нас спалит! Спалит! — закричали люди, и некоторые бросились бежать.

Тэмен увернулся от метко брошенного кем-то камня.

— Вот тебе и любовь, — хмыкнул он.

— Слава белой деве! Смерть культам! — кричали разбегающиеся люди. Майло подняла голову и увидела, что на площадь опускается корабль с флагом культа. Он завис над площадью и на неё прыгнуло несколько чёрных рыцарей и псов, принявшихся загонять людей обратно в горящие переулки.

На площадь опустился трап и вниз сошёл мужчина с острыми чертами лица и направился к дракону. За его спиной по площади врассыпную бросились культисты.

— Вы настоящий герой, Ваше Величество, — начал мужчина громким голосом на полпути, — я не припомню такого героизма со времен... летописей! Так безрассудно, но так вовремя.

Тэмен молча усадил Майло обратно в кресло и прыгнул на брусчатку.

— Но как же, мой господин, вы без брони и где же ваш меч? Это так опасно, разгуливать в толпе без меча, — удивился Сверло.

Йомера, продолжая молчать, подошёл к служителю и схватил его за грудки, почти подняв над землёй.

— А вот вы что-то очень не вовремя. Как так получается, что начальник особых поручений проморгал второе происшествие подряд? У вас под носом творятся вещи, за которые при моём отце вы бы уже давно ехали по пустыне привязанным к скутеру.

Йомера опустил служителя и со всей силы ударил его, так что Септ прокатился по мостовой. Все находившиеся на площади младшие культисты замерли. Сверло поднял лицо, прикрывая его рукой, щека была рассечена, и из неё сочилась кровь:

— Простите, Ваше Величество, я виноват.

— Сначала руна, потом это, — процедил нависший над ним Тэмен, — я даю вам два дня. Слышите? Два дня, чтобы выяснить, кто стоит за этим. А если вы не справитесь, то советую вам самому принять меры и избавить свет от своего присутствия. Иначе я скормлю вас Бьёрнвейгу, — кивнул Узурпатор на дракона. — Вам ясно?

— Ясно, Ваше Величество, — кивнул Септ.

— Хорошо, — кивнул Йомера.

— А теперь расселите всех тех, кто потерял сегодня дом.

— Слушаюсь, — снова кивнул Сверло.

— Сейчас же, — повысил тон Тэмен и, отвернувшись, двинулся обратно к дракону.

Септ поднялся на ноги, убрал от лица руку и пошёл к опустившим глаза в пол культистам, справедливо избегавших возможности встретиться с ним взглядом. В спину служителя подул ветер, он оглянулся и увидел, что механический зверь взлетел и направился ко дворцу. Септ подошёл к одному из послушников, смотревшему в небо и закричал:

— Чего пялишься?!

Послушник замешкался, но потом собрался и ответил:

— Все луны, господин Септ!

Септ оторопел, но затем посмотрел в небо — и действительно, небосвод был полным. Все луны взошли.

Глава 10

Лида сидела на вершине плато и смотрела, как второе солнце медленно скользит по горизонту, утопая в собственном мареве. Рядом с оживлённой лежала массивная книга, и ветер изредка перелистывал её страницы, нарушая растянувшееся на многие мили безмолвие.

— Я тебя слышу, — произнесла обезьянка, не оборачиваясь, — можешь не скрываться.

Гудди, медленно кравшийся за её спиной, застыл, постоял немного в нерешительности, чувствуя, как песок барабанит о забрало, и, специально шаркая, чтобы показать, что он действительно уже не скрывается, подошёл к Лиле.

— Извини, — прозвенел он, присаживаясь рядом.

Лида оглядела его и отвернулась к книге.

— Я всем уже надоел, — сказал он, переведя взгляд на книгу. — Да и тебе, наверное, тоже.

Пружинка за его забралом задребезжала, напоминая горький смешок.

— Не думала об этом, — пожала плечами Лида, — я просто хотела почитать в одиночестве.

— Я ведь понял, — кивнул Гудди.

— Что? — переспросила обезьянка.

— Что ты, как я, — он посмотрел ей в глаза, — ничего не помнишь.

Лида посмотрела на него в ответ, а затем перевела взгляд на книгу.

— Я не понимаю почему, но мне трудно спрашивать, — покачал головой Гудди, стараясь заполнить паузы. — Все смотрят на меня как-то так, что сразу возникает этот... м-м-м... стыд.

— Интересно, — почти прошептала обезьянка.

— В книгах написано что-то интересное? — спросил он.

— И да, и нет, — опустила голову Лида, — кто-то мудрый тут, в заглавии, написал, что каждая книга на самом деле о тебе, ведь это ты её читаешь. Как в зеркале, каждый увидит своё отражение.

— А о чём эта книга? — спросил Гудди.

— Это древняя история Города, — подняла голову обезьянка и посмотрела на рассечённое пополам солнце, на его фоне у самого горизонта виднелись тонкие нити городских башен, — очень старая книга, в самом Городе таких сейчас не найдёшь. Наверное, кто-то выкрал из библиотеки, когда сбегал. Я читала про то, как... мы были созданы.

— Мы? — переспросил Гудди.

— Оживлённые, оживляшки, игрушки, рабы, куклы — такие, как ты и я, — ответила она.

— Рабы? Как странно звучит, — удивился Гудди.

— Да, так оживлённых называют между собой перворождённые и люди. Мы созданы людьми и всегда подчинялись им. Воплощали их цели и прихоти. Книга говорит, что нас же в первую очередь и использовали, когда отлавливали перворождённых во времена «возвеличивания человека». Наши братья лишали их жизни во славу его, — произнесла обезьянка, спокойно глядя на закат.

— Да уж... — произнёс в ответ Гудди, обхватив руками свои металлические коленки.

— Странная правда, — кивнула Лила, — но, как по мне, лучше знать, чем нет.

Ветер принёс песок, застучавший по панцирю и забившийся между шарниров оживлённого.

— А ты думаешь, что они всё ещё, ну, обижаются? — спросил Гудди.

— Конечно, но только это слово не особенно подходящее, скорее — ненавидят, — вздохнула обезьянка.

— А что значит «ненавидят»? — неуверенно прозвенел голос Гудди, а его взгляд упал на одинокий абзац в книге. Обезьянка скривила нарисованный рот и перелистнула страницу.

— Это когда желаешь кому-то, чтобы всё плохое воплотилось для него в единый момент.

— А что такое плохое? — скривившись от стеснения спросил Гудди. — Извини, опять этот стыд. Меня что-то прямо выгибает изнутри.

Обезьянка засмеялась:

— Ты сейчас задал самый трудный вопрос.

— Для меня каждый вопрос трудный, — грустно хмыкнул в ответ Гудди.

Отсмеявшись, обезьянка закрыла массивную книгу и встала:

— Пойдём, солнце почти село, мы вряд ли найдём люк в темноте.

Гудди посмотрел на неё и тоже поднялся. Лила застегнула ремни, схватилась за них, и потащила том вглубь плато, где виднелся вентиль на крышке люка, что вёл на лестницу вниз.

— Давай я тебе помогу, — произнёс оживлённый, хватаясь за другой ремень, опоясывавший книгу.

Тащили они вразнобой, потом Гудди оттолкнул тазом Лилу и, одним ловким движением взвалив книгу на спину, понёс её сам. Лила посмотрела на него и улыбнулась:

— Спасибо.

— Одному проще, — крикнул Гудди, поправляя хватку, — как пушинка.

Солнце уже закатилось за горизонт, когда они добрались до люка, но небо всё ещё отражало его свет.

— Смотри, — кивнул Гудди на небо, — луны.

— Да, — кивнула Лила и принялась считать, — двенадцать штук.

Они спустились в зал библиотеки, скрытой от каньона кроной Сида, вокруг которой носились птицы, перенося с места на место книги, а служительница библиотеки, девушка в платье из тканевого дерева, играла на свирели разные мотивы, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону.

— Что происходит? — спросила Ли́ла, подойдя к вращающейся девушке.

Но та лишь замотала головой, не отрываясь от свирели, и кивнула на книгу, а затем на стол рядом с собой. Ли́ла пожала плечами и сгрузила том со спины Гудди. Девушка заиграла новую мелодию, и книгу тут же подхватили с десятков птиц и отнесли на полку далеко на вершине кроны.

Они вышли из зала библиотеки и спустились по широкой ветви дерева ниже, в каньон. Он весь засиял множеством ярких огней, загоравшихся, как пожар, бегущий по его стенам. Им попала́сь другая обезьянка, пробежавшая мимо.

— Что происходит? — спросил Гудди, поймав её за плечо.

Обезьянка посмотрела на куклу, а затем на сестру, и удивлённо ответила:

— Как что?

А затем высвободилась и убежала дальше.

— Как что? — передразнила её Ли́ла и показала сестре нарисованный язык. — Тьфу.

— Это у тебя не стыд? — спросил Гудди.

— Не стыд, злость, — пробурчала в ответ Ли́ла.

— Это как ненависть?

— Похоже, — буркнула обезьянка, зашагав по тропе вниз, на дно каньона.

На площадках и балконах, то тут, то там можно было увидеть необычные конструкции, горящие неестественным мерцающим цветом. Их выносили из пещер на общее обозрение. Спускаясь, Гудди прошёл мимо шара, при их приближении заигравшего мелодию, а одетый в необычно длинную мантию семиголовый волк, возникший из-за шара, крикнул ему вслед:

— Он сыграл твою мелодию! Это ты так звучишь.

Но Гудди уже отвлёкся на поток крылатых устриц. Светясь яркими цветами, они рассекали воздух, собираясь в образы лун и солнц, плывущих по небу.

Оживлённые спустились на дно как раз в тот момент, когда в самой глубине каньона, подняв свои светящиеся паруса, засверкал радужным свечением корабль. На его палубе был возведён огромный шатёр, куда стекались все жители свободного города, а на его вершине вращалась огромная и загадочная рыба-луна. Ли́ла и Гудди поднялись по большой деревянной лестнице на борт и были тут же вынесены толпой к наспех сколоченной сцене, где за кулисами происходило какое-то движение. Все вокруг в предвкушении шептались, и было слышно, как настраивают за сценой музыкальные инструменты.

— Знаешь, во всём этом есть свой плюс, — сказала обезьянка, запрыгнув Гудди на спину и усевшись на плечах.

Гудди поднял голову вверх и вопросительно посмотрел ей в глаза.

— Всё вновь так увлекательно и интересно, — горько засмеялась Лила.

— Это если всё забыл. А если никогда не помнил? — спросил Гудди.

— Вдвойне! — улыбнулась Лила и хотела ещё что-то сказать, но тут за сценой загремели трубы, и кулисы стали медленно разъезжаться под аплодисменты собравшихся. Зрителям открылась сцена, на которой по обе стороны стояли музыканты, игравшие торжественную музыку. А в центре над красивым резным креслом зажглась искрящаяся сфера, осветившая прозрачную вершину шатра. Свет от плывущей рыбы-луны проник в шатёр и осветил фигуру сидящего в кресле — он был в изысканном костюме и треугольной шляпе с плюмажем. Рыба-луна опустилась, полностью осветив сцену, и аплодисменты стали ещё громче.

Сидящий, им оказался мужчина лет двадцати семи с тонкими чертами лица, вскинул руки в белых перчатках — музыка и шум мгновенно стихли. Он встал, поправил камзол, поклонился присутствующим, сняв с головы шляпу с плюмажем и обнажив упавшие на плечи светлые кудри, сделал шаг к толпе и заговорил:

— Братья и сёстры. Живые и неживые, видимые и невидимые, мы все знаем, что за прекрасный праздник мы будем праздновать сегодня.

Все вокруг Гудди и Лилы одобрительно загудели.

— Конечно, знаем! — саркастически усмехнулась Лила и стукнула Гудди по голове.

— Но мы все должны помнить, что несёт для нас этот день вместе с весельем и радостью. Двенадцать циклов двенадцати лун прошло. И это последний раз в нашей жизни, когда мы видим двенадцать лун на небе. Вместе.

Он замолчал и оглядел примолкших существ.

— Если в этот раз у нас не хватит духу совершить задуманное, то мир обречён.

Народ вокруг пришёл в движение.

— О чём он? — спросил Гудди, но Лила только стукнула его лапкой по голове и продолжила смотреть на мужчину.

— Если у вас есть сердце, то вы не можете не знать. Если у вас есть сердце, вы не можете не слышать его. Наше Сердце в опасности. Сейчас как никогда. Оно взывает к нам. Оно умоляет нас прийти и спасти его, пока оно окончательно не задохнулось. Там, в городе, глупцы держат его в заточении. Там, в городе, они живут свою праздную жизнь, утопая в роскоши и питаясь несчастьем других. Они не слышат!

Последнюю фразу он почти прокричал, прыгнув со сцены в толпу. Рыба-луна, переливаясь и сверкая, последовала за ним. Гудди оказался теперь совсем рядом с говорившим и был поражён присутствием этого человека, переполненного, как кубок сладкого мёда, вниманием собравшихся.

— Наша задача, наша великая цель — освободить его. Снять оковы. Уничтожить город! — закричал мужчина, и толпа одобрительно закричала вместе с ним. Гудди оступился от испуга и чуть не упал, но Лила схватилась за край сцены и удержала их общее равновесие.

— Всё ближе тот день, когда наши усилия оправдаются. Когда мы сбросим иго самовлюблённых кровопийц и отомстим за наши унижения! Будь ты оживлённый или человек, голем или перворождённый! Мы будем жить в мире, где никто не будет никому служить! — произнёс мужчина, торжественно вскинув руку — и толпа подхватила его крик, так же вскинув руки и конечности. Взгляд мужчины на мгновение упал на Гудди (он сразу вспомнил главный маятник больших часов Гильда) — оживлённый не последовал за примером толпы и придерживал руками Лилу, тоже, похоже, не нашедшую в себе желания вскинуть руку. Гудди почувствовал напряжение, прошедшее по всему его телу. Обезьянка медленно подняла руки вслед за остальными, и незнакомец, прищурившись, отвернулся.

— Не думаю, что кто-то из вас знал, что доживёт до этого. Ну, кроме оживлённых, — усмехнулся человек, и кто-то вслед за ним в толпе громко захохотал. — Я не ожидал, что это грандиозное событие придётся на мою жизнь. И уж тем более не ожидал, что мне придётся его возглавить.

Он склонил голову, изображая тяжесть навалившейся на него ответственности.

— Но времена не выбирают. И если взглянуть на небо, то мы впервые за многие тысячелетия увидим все двенадцать лун: они выстроились в линию, указывающую на город. Знак. Наш знак к действию. Нас зовёт Сердце! Пути назад нет. Прошлое исчезло навсегда, а будущее... Будущее в наших руках. Так шагнём же в него с надеждой. На победу, на справедливость, на удачу — навечно!

Мужчина оглядел собравшихся и улыбнулся: толпа одобрительно гудела.

— А сейчас у нас есть время на то, чтобы забыть все предстоящие испытания. Сейчас мы можем вспомнить, ради чего мы боремся.

Он подхватил Лилу с рук Гудди и посадил к себе на плечо.

— Давайте же забудем все наши распри. И пустим корни бесконечной любви в наши сердца. Чтобы наше общее Сердце, наше главное Сердце, билось в каждом из нас! И, луны меня побери, проведём самый дикий и самый безумный карнавал этой эпохи! Праздник всех лун объявляю открытым! — воскликнул мужчина, подняв вверх свою шляпу и замахав ею, отчего Лиля упала с его плеча обратно в толпу, запрыгавшую и заулюлюкавшую на все голоса.

Вновь заиграла музыка, все вокруг бросились обниматься, танцевать. Над головами взлетели светящиеся в лапках сияющих бабочек гирлянды. Гудди отвлёкся на них, но, подхваченные общей волной, его ноги сами собой стали пристукивать и притопывать в такт музыке. Оживлённый удивлённо и испуганно взглянул на выбравшуюся из толпы обезьянку.

— Не волнуйся, — засмеялась та, — это нормально. Это называется танцевать.

Гудди во все глаза смотрел на свои пляшущие ноги, и сам не заметил, как весь зал закружился вокруг него — и он вместе с ним.

Вскоре они выбрались из пляшущей толпы и двинулись вверх по каньону — к большому залу, чьи каменные колонны напоминали полный зубов рот. Вокруг танцевали, поднимавшиеся вместе с Гудди и Лилой посетители шатра, разнося танец и музыку во все концы каньона. И в мерцающем свете фонарей невозможно было отличить, кто перед тобой: перворождённый, человек или кукла — все были в масках и карнавальных одеждах. Музыканты, удивительным образом не сбиваясь с общего ритма, поднимались наверх вместе с танцующими, играя вариации на мелодию из шатра.

— Что это значит? — спросил оживлённый, проходя мимо парочки змей, постукивавших в барабаны своими головами. Вокруг них тряслись несколько существ в длинных хламидах, их лица были закрыты противогазами.

— Это музыка, — хмыкнула обезьянка. — Они испускают вибрацию особого рода, гармоническую вибрацию. Глазам она невидима, но говорят, что некоторые перворождённые её видят. Она отзывается в тебе, и ты «ловишь волну». Разрешая ей двигать твоим телом, ты танцуешь.

Гудди увернулся от вереницы маленьких птиц и хмыкнул:

— А если у меня шарниры разболтаются?

— Пойдёшь к Отцу, и он подкрутит тебя, — невозмутимо ответила Лила и в два коротких прыжка оказалась на вершине очередной лестницы.

— Кстати, а кто этот Отец? — нагнал обезьянку Гудди и двинулся с ней рядом по узкому подъёму к залу.

— Отец — это кличка, — пожала плечами Лила. — Похоже, он много кого тут создал, поэтому его и зовут Отцом.

— Он странный, — произнёс Гудди и оглянулся на залп салюта с корабля, приподнявшегося над землей.

— Красота-а-а! — протянул стоявший рядом человек в блестящей мантии из лунной чешуи.

— Это красота? — переспросил Гудди.

— А что, нет? — удивился человек, поправляя сидящие усы. — Ты часто такое видишь?

— То есть то, что редко видишь, — это красота? — уточнил Гудди.

— Ну... можно сказать и так, — задумчиво ответил человек в мантии.

— Спасибо! — крикнул Гудди и поспешил за Лилой, ушедшей далеко вперёд.

Он взбежал на выступ перед входом в грот, осветившийся водопадом искр от шутих с пролетевшей мимо платформы Джо. Она тут же исчезла за стеной каньона, оставив в воздухе длинный дымчатый след от цветных лент, привязанных к её краям. Как Гудди ни спешил, он всё же потерял обезьянку из виду и теперь шёл между каменных колонн совершенно один.

В этом месте в день его прибытия располагался главный базар, но теперь здесь была одежда и другие вещи для карнавала. Проходя мимо очередного прилавка, Гудди засмотрелся на светящихся жуков в банках, примеряемых на свою широкополую шевелюру улыбающимся барабаном, опиравшимся на массивные молоты. Оживлённый не заметил, как пролетавшие мимо устрицы нацепили ему самому на голову треуголку с пышным синим пером, чем-то напоминавшую ту, в которой выступал мужчина на корабле. Он обнаружил её, когда понял, что на него во все глаза смотрят дети со спинки дивана. За их спинами начиналось пустое пространство, приготовленное для танцев, сразу привлёкшее внимание Гудди. Дети засмеялись, когда шляпа чуть не упала с его головы, когда он засмотрелся на парящую под куполом стаю горящих свечей.

Музыканты собрались на возвышенности в центре грота и заиграли новый мотив, тонкий и нежный, затронувший незнакомую струну в груди у оживлённого. Подхваченные тем же чувством, рядом с оживлённым закружились несколько пар. Неведомая сила завращала Гудди вместе с ними, пока не вынесла в чьи-то объятия. Он открыл глаза и встретился взглядом с бездной голубого цвета, очевидно смотревшей на него в ответ.

— Так вот что такое море, — пробормотал он.

Бездна сузилась и сквозь музыку до него донёлся далёкий смех, словно где-то на другой стороне грота кто-то уронил хрусталь. Поражённый своими ощущениям, он снова закрыл глаза и почувствовал, как чья-то рука прижимает его левую руку к талии, а другая держится за его правую. Что уж говорить про ноги, ноги делали что-то совсем ему неведомое, двигаясь в такт новому ритму, поднимавшемуся и закружившему его вместе с невидимым спутником. Его сознание улетало, бесконечно падая назад в чьих-то нежных руках. А эти руки... Руки, что он держал в своих, были такими же мягкими, как облака. Это точно была кожа, он мог сказать это даже не открывая глаз. Такая хрупкая, что он боялся слишком сильно сжимать пальцы, чтобы не повредить её.

Когда музыка закончилась, и вокруг раздалась аплодисменты и возгласы одобрения, оживлённый обнаружил себя перед девочкой лет двенадцати. Темноволосая, в белом платье, с большими голубыми глазами, она смотрела на него и смеялась. Гудди смущённо нахмурился и хотел что-то сказать, но девочка перебила его.

— Я вовсе не море.

— А я и... — начал было он, но потом запнулся.

— Для оживляшки ты недурно танцуешь, — усмехнулась она, подняв бровь.

— Я не, — снова начала он, но опять замолчал.

— То, что ты «не», я уже успела уяснить.

— Я Гудди, — представился оживлённый.

— Я Герда, — произнесла девочка и поклонилась.

Гудди спешно поклонился в ответ, отчего его треуголка упала с головы, и он резко наклонился, чтобы поднять её, но девочка тоже наклонилась — и они столкнулись лбами.

— Ох, какой же ты болван. Теперь будет синяк, — держась за лоб, прошипела Герда.

— Синяк? — переспросил оживлённый растеряно.

— У тебя нехорошая, плохая, ужасная чугунная голова, — сказала она, потирая лоб.

— На самом деле только шлем из железа, ну, та, часть, о которую ты ударилась, всё остальное из дерева, кроме забрала... и механизма звона... — Гудди осёкся, видя, что девочка теряет равновесие.

Она пошатнулась и очутилась на полу.

— Ты мог бы оказать мне необходимую в этом случае помощь, — рассерженно произнесла она.

— Как? — спросил Гудди, наклоняясь к ней.

— Помоги мне эвакуироваться на ту скамейку, — закрывая глаза и указывая в сторону большого открытого балкона, ответила девочка, хватаясь за голову двумя руками.

Оживлённый подошёл к Герде сбоку и, неловко схватив её за платье в районе живота и спины, начал поднимать.

— Нет же, ох, совершенно не там, есть же руки, — разозлилась девочка.

Гудди запаниковал. Вновь заиграла музыка и вокруг них закружились танцоры. Оживлённый только со второго раз поднял Герду, подавшую ему обе руки, и, уклоняясь от проносящихся в танце пар, отвёл её из грота на воздух.

— Я не знаю, как правильно поднимать людей, я умею их только таскать, — произнёс одновременно рассерженным и извиняющимся звоном Гудди, глядя с балкона на мерцающую между гор долину.

— Прошу искренне извинить меня, что назвала тебя болваном, — тихо ответила девочка.

— Ну, моя голова действительно сделана из деревянной болванки, — грустно ответил оживлённый.

— Это тебя расстраивает?

— Нет... Не знаю.

Он шаркнул ногой и обернулся к ней.

— Мне трудно разобраться.

— Охотно могу понять, — кивнула Герда, бросая взгляд в долину, а затем, вновь повернувшись к кукле, спросила, — давно ли ты здесь?

— Нет, несколько... хмм... эти промежутки времени называют день.

— Самостоятельно добрался?

— Да. И ещё двоих принёс.

— Что-то подсказывает мне, что из Города?

— А можно прийти откуда-то ещё? — с лёгкой долей удивления спросил Гудди, снимая шляпу и кладя её на скамейку перед девочкой.

Она невольно посмотрела на руку оживлённого, и заметила там несколько растущих маленьких сдвоенных листьев.

— Ходят слухи, что кто-то из местных кукол пришёл из пустыни. А ещё говорят, что за ней раскинулось бескрайнее море. И это вовсе не я, — призналась она, улыбнувшись и оторвав два самых больших листа с руки оживлённого.

Закрутив их между пальцев, она подбросила листья вверх.

— Да, мой друг так говорит. Тот, кого я притащил, — ответил Гудди, наблюдая, как вращающиеся листья опускаются ему на колено.

— Но ты его притащил из города, ведь верно?

— Нет, из пустыни. Из города его притащил Гора Мяса. А если ещё точнее, то из города нас притащил... ммм... летающий мотоцикл, скутер, ласточка серия 7711, полицейская.

— Смотрю, из тебя бы вышел неплохой справочник.

— Да, — растерянно ответил Гудди и нахмурился, — не знал. То есть я не знал, что знаю это. А теперь знаю. Так теперь часто со мной происходит.

Девочка засмеялась ещё громче.

— Ты обладаешь определенной долей комического обаяния, болванка.

— Я не болванка, я оживлённый, кукла, раб.

— Фу. Какой же ты раб — это звучит совсем не приятно, болванка — хоть и простовато, но тем не менее элегантно и просто.

— Тогда ты будешь...

— Кем?

— Не знаю, — рассердился Гудди ещё сильнее, теряясь в ассоциативных рядах.
Девочка встала и взяла его за руку.

— Хватит. Она посмотрела в его нарисованные глаза, которые он безуспешно пытался спрятать на своём деревянном лице.

— Пойдём лучше на променад.

Гудди посмотрел на неё в ответ, поймав сверкающие блики лун в её глазах и, сам того не ожидая, кивнул.

С балкона вдоль горы вела узкая тропинка, спускавшаяся серпантином в долину, расположенную в глубине плато, за большим каньоном. Светящиеся насекомые мерцали в редкой растительности зелёными и голубыми огоньками. Ступая между упавшими со склона камнями, Герда старалась не поцарапать свои красные лакированные туфли. Гудди шёл за ней, снова нацепив треуголку. Он сбрасывал ногой с обрыва один за другим небольшие камни и слушал, как они падают вниз, затихая где-то в долине. Про себя он называл их путешественниками.

— Когда я иду по этой тропе, то в сумраке мне чудится, что звёзды и эти светящиеся насекомые суть одно и то же явление, — произнесла Герда, — я словно лечу сквозь них.

— Там, откуда ты родом, все так красиво говорят? — спросил оживлённый, столкнув очередного «путешественника» вниз.

— Нет никакого «там». Ведь я тоже из Города, — не оборачиваясь ответила девочка, — со среднего яруса.

— Угу, — звякнул оживлённый, — знаю, что это, но не понимаю, что это.

— Тут уместно провести аналогию между людьми и оживлёнными, — ответила девочка, обернувшись и чуть не споткнувшись при этом.

На этот раз Гудди успел подхватить её руку, и она не упала.

— Благодарю. Люди и оживлённые. Не здесь, но в городе, ты, наверное, в курсе, что у оживлённых нет прав. Они все — «оживляшки», как ты верно сказал — рабы. А люди — люди, у них вся власть и привилегии. Они говорят оживлённым, что делать. Так происходит и между людьми, живущими на разных ярусах. Внизу ты раб, а наверху хозяин.

Она переступила через очередной валун, скатившийся, по всей видимости, с уступа над ними и сама машинально взяла руку куклы, но тут же отпустила.

— Между людьми, — повторила она, смущённо убирая руку за спину, — есть те, кто живёт на нижних ярусах, и есть те, кто живёт на верхних. Я живу на среднем.

— То есть, есть кто-то для кого ты — оживляшка?

— Всё верно, — кивнула Герда, — для кого-то и я раб. И именно против этих людей мы ведём священную войну.

— Мы? Ты тоже собираешься воевать?

— О нет, не воевать, — покачала головой девочка, — я...меня можно именовать почтальоном. Передаю послания для тех, кто находится за стеной, — произнесла она, махнув в сторону города.

— Там тоже есть «наши»?

— И да, и нет. Всяких хватает. Просто с некоторыми группами нас объединяет общая цель, а с другими нечто большее.

— Это очень много, — устало сказал Гудди и присел на камень на повороте тропинки.

— Не это, а этого, — поправила его девочка и уселась на соседний валун, провожая взглядом водопад светлячков, спускавшийся вниз, в тёмную бездну под ними.

— Я только вчера научился говорить нормально. А заметил... себя несколько дней назад, в пустыне. А теперь все вокруг готовятся к войне. Люди владеют оживлёнными. Первородённые ненавидят и тех, и других. Другие люди так же относятся к другим людям. И нам надо бороться с ними. У меня сейчас лопнет голова.

Герда засмеялась, расправляя кружева на своём платье.

— Там, в городе, жизнь была проще? — спросила она, проводив взглядом очередной водопад светлячков.

— Да, — кивнул Гудди, — но я это плохо помню. Помню, что чинил часы и в голове совсем не было этих, как это называется... мыслей.

— Да, ох уж эти несчастные мысли, — кивнула девочка.

— Они жалят и дергают меня туда-сюда, — опустил голову Гудди, — словно в меня поместили много-много чужих голосов. Это всё Отец виноват. Он покопался в моей голове и теперь она полна знаний, которые я не понимаю и, кажется, скоро взорвусь.

— Прошу, не ударяйся, пожалуйста, в этот унижительный нудёж, — тихо сказала Герда.

— Что? — переспросил оживлённый.

— Вот ты сидишь и жалуешься, а вокруг так красиво.

Гудди поднял голову и огляделся. Мимо него проплыл очередной водопад светящихся насекомых, а голубая бабочка села на его руку. Он медленно поднял её к глазам, разглядывая мерцание её крыльев, переливающихся бирюзовым и красным оттенками.

— Вот бы быть живым, — прозвенел он.

— Хотела бы заметить, что ты уже живой, — улыбнулась девочка.

— Нет, не так. Чтобы быть не из дерева и металла или камня. Чтобы быть из таких же тонких материалов, — почти прошептал он, поворачивая кисть и разглядывая бабочку. Та же, недолго думая, вспорхнула и полетела вниз, вслед за остальными. Гудди проводил её взглядом и изучающе посмотрел на Герду.

— Чтобы как у тебя была кожа.

— Для чего бы ты её использовал? — прищурившись спросила девочка. — И есть ли разница, из какого материала тебя создало Сердце?

Оживлённый задумался.

— Да у меня даже рта нет, — растеряно ответил он.

Герда рассмеялась звонким и заразительным смехом, так что даже Гудди улыбнулся краями своего забрала.

— А мне нравится, что у тебя нет рта.

— Правда?

— Правда.

Они замолчали.

Гудди привстал и посмотрел вниз, придерживая шляпу.

— Далеко лететь, — задумчиво сказала Герда.

С обрыва было видно долину — она располагалась в русле реки, проложившей свой путь сквозь плато. Редкие огни освещали тёмную, покрытую рощами поверхность, откуда порывы ветра поднимали вверх сорванные ими же венчики маленьких разноцветных цветов. Они взлетали вверх, вращаясь перед лицом Герды, и на мгновение стали отчётливо видны в свете бортовых огней летающей гондолы, стремительно поднявшейся откуда-то снизу и исчезнувшей над их головами, за краем плато, так же быстро, как и появилась. Пока Гудди вертел головой, на каменной лестнице послышались шаги. Чинно ступая, к ним поднялся тот самый мужчина в камзоле, выступавший в шатре.

— О, дорогая Герда! — раздался его почти мурлыкающий голос. — Не ожидал тебя встретить именно здесь.

— Добрый вечер, Барон, — произнесла Герда, присев в полупоклоне, а затем протянув ему руку для рукопожатия, но мужчина развернул кисть девочки своими тонкими пальцами и поцеловал.

— Судьба не могла подобрать лучшего момента для нашей беседы. Как я люблю повторять, случайностей не бывает, — улыбнулся он, но затем заметил Гудди, стоявшего на обрыве. — О, да вы тут не одна, а с моим подражателем!

Гудди вспомнил о шляпе на своей голове и тут же снял её.

— Ну что же ты, — засмеялся Барон, — не стесняйся. Мне лестно.

— Я не... — хотел возразить Гудди, но Барон, не обращая на него внимания, уже обратился к Герде:

— Дочь моя, у меня с собой послание для... твоей подруги.

С этими словами, он достал из внутреннего кармана запечатанное письмо и передал девочке.

— Передай, прошу тебя, как можно скорее.

— Будет исполнено, — кивнула Герда и, приняв письмо, спрятала его за широким атласным поясом.

— Вот и отлично! — усмехнулся мужчина, чиркнул пальцем по тонким усам и выпрямился. — Надеюсь, вам нравится праздник, друзья, не гуляйте долго, возвращайтесь, скоро будет представление!

С этими словами Барон откланялся и двинулся по тропинке в сторону грота, откуда играла музыка и слышался смех.

Гудди подошёл к Герде, задумчиво смотревшей вслед удаляющемуся человеку.

— Кто это? — спросил он, теребя край треуголки.

— Это? — в ответ удивилась Герда. — Какая досада. Ты не знаешь? Это Барон. Наша надежда и наш лидер.

— Наш? — переспросил Гудди.

— Твой, мой, всех кто имел счастье собраться здесь, — ответила девочка, встала и, приняв серьёзный вид, продолжила: — «Надежда и вера всех живых и мёртвых. Новый король не передаст боль. Остановит круг скованных рук». Это я цитирую Запрещённого поэта, — усмехнулась она. — Но, да, всё так. Живая легенда. Лишь благодаря его усилиям живёт борьба и всё, что ты видишь вокруг, процветает. Он настоящий рыцарь и мой герой.

— А-а-ага-а-а-а, — протянул Гудди, медленно кивая.

— Только прошу, не смей говорить мне, что ты и про это ничего не успел узнать, — засмеялась Герда, — ты оживляшка, и раз ты здесь, тебя позвало Сердце. Ты здесь, чтобы освободить его. Мы здесь, чтобы освободить его.

— Меня никто не звал, — грустно сказал Гудди и опустил голову, — я здесь случайно.

— Ты слышал Барона, случайностей не бывает. Ты здесь, потому что все имеет причину и следствие, ты осознал себя. Как и я, поэтому мы здесь, — она смущённо опустила голову. — Пойдём, проводишь меня до моей шлюпки, мне уже пора возвращаться.

— Возвращаться? — переспросил Гудди, сильно сжав край треуголки. Он с удивлением опустил глаза на свои руки и ослабил хватку, отчего шляпа упала.

— Да, я живу в Городе, и там меня уже заждались, — ответила Герда, пока Гудди поднимал и отряхивал треуголку.

— Ты прилетела сюда? — спросил он, водрузив её обратно на голову.

— Всё верно, у меня есть особый летающий корабль, — с гордостью сказала девочка.

Они вернулись через грот к каньону, там, на противоположной стороне от библиотеки, был припаркован небольшой бриг, зашумевший двигателями как только Герда и Гудди приблизились к нему.

— Премного благодарна, что соизволил проводить, — поклонилась девочка.

— Не за что, — поклонился в ответ Гудди. — Мне было очень приятно провести время с тобой. Извини за шишку.

Он посмотрел на распухший лоб девочки, и та смущённо прикрыла его чёлкой.

— Надеюсь, тебе не придёт в голову рассказать всем... А, впрочем, кому это важно, — рассердилась было Герда, но тут же остыла. — Я бы с удовольствием осталась ещё. Но...

— Но? — повторил Гудди, у которого больно защемило в груди, и он принялся скрести ногой о камень.

— Но я должна выполнить долг перед сопротивлением, — с серьёзным видом ответила девочка. — До встречи!

— До встречи, — кивнул Гудди.

Она взошла, ловя равновесие, по шаткому деревянному трапу и, обернувшись, помахала оживлённому рукой. Корабль свернул трап с девочкой, словно язык лягушки, поймавшей добычу, и начала медленно подниматься. Герда прикрыла рукой рот и закрыла глаза.

— Всегда так! — крикнула она Гудди.

— Что? — крикнул ей вслед оживлённый и замахал исчезающему за краем каньона кораблю.

— Ваши отношения обречены, пока у тебя нет рта, — пробулькал подплывший из-за спины Гудди Рауд.

— Что? — произнёс Гудди, с затуманенным взором оборачиваясь к осьминогу. — Погоди. Что такое отношения?

— Ох-хо-хо, я ведь знаю, чей это был корабль, все тринадцать лун мне глотку, — пробулькал осьминог, пролевитировав на уровень лица Гудди.

— Чей? — переспросил тот.

— Что, втюрился в человека? — засмеялся осьминог, проигнорировав вопрос.

— Человек? — задумчиво поднял голову к звёздам оживлённый. — А я-то думаю, откуда у неё такая кожа.

— Да, — Рауд подозрительно взглянул на куклу. — Ты ведь понимаешь, кто такие люди?

— Люди? Если честно, я с трудом ещё различаю, — грустно пожал плечами Гудди и снова задумчиво прозвенел, — так вот почему ей было больно.

— Да, плохи дела... — произнёс Рауд, потирая щупальцей голову.

— Мне сейчас стало очень стыдно, — признался Гудди.

— Мне бы тоже было стыдно, — криво улыбнулся Рауд, — я, когда первый раз попал на борт морского судна, тоже чувствовал себя, как ты. Столько названий — и все их надо знать сразу, сейчас, пока на тебя орёт старпом.

— Я не знал, что она человек, хотя мне стоило догадаться, ведь у неё есть кожа и рот, — Гудди замотал головой. — Она тоже использовала нас, чтобы делать... плохо вам, перворождённым?

— У меня тоже есть кожа и рот, — нахмурился осьминог. — Ты о «возвышении человека»? Это было очень давно. Она не могла в этом участвовать.

— Очень давно — это когда? — уточнил Гудди, присаживаясь на камень, чтобы сохранить вновь пошатнувшееся внутреннее равновесие.

— Много веков назад, — ответил Рауд, приблизившись.

— А сколько это — век? Это сколько дней? — спросил Гудди, хватаясь за голову. — Ой, что-то опять кружится голова.

— Знаешь что, пойдём-ка, я отведу тебя к Отцу, тебе надо отдохнуть и поспать, — предложил Осьминог и саркастично добавил, — а то я начинаю бояться за здоровье твоей деревянной башки!

Осьминог подхватил оживлённого щупальцами, приподнял, и они двинулись по ближайшему мостику вниз, где под библиотекой располагалась мастерская.

В полутьме мастерской, нарушаемой лишь одной масляной лампой, в чьём свете читала Лиля, Рауд разгрёб сваленные на диван детали и уложил Гудди на него.

— Что с ним? — спросила обезьянка, отвернувшись от книги.

— Переутомился, — ответил осьминог, отряхивая от пыли щупальца.

— Странно, я даже не думаю о сне, — пожала плечами Лиля и повернулась обратно к книге.

Рауд подплыл ближе и заглянул за плечо обезьянки.

— «Самая полная История города». Хмм... — пробулькал осьминог задумчиво.

Лиля повернулась к нему и молча уставилась ему в глаза.

— Что? — не выдержал Рауд.

— Что — что? — не отрывая взгляд, переспросила обезьянка.

— Мне кажется, мы так и не поговорили о том, что произошло, — сказал осьминог, подплыв ближе к столу и устроившись по правую руку от Лилы.

— Что у тебя на голове? — спросила она, вглядываясь в чёрное пятно на макушке осьминога.

— А что там?

— Чёрное пятно.

Осьминог схватился за голову и, нащупав чёрную шишку, широко раскрыл глаза, а затем крепко зажмурился, помотал головой и обернулся на Лилу.

Вновь поймав требовательный взгляд осьминога, обезьянка посмотрела перед собой и тяжело вздохнула. Затем закрыла книгу и отодвинула её от себя на противоположный край стола.

— Я не помню, — взмахнула она лапками.

— С какого момента? — переспросил Рауд.

— Да ничего я не помню, как он, — кивнула Ли́ла на куклу на диване. — Не помню кто я, не помню зачем, для меня жизнь началась заново. Какие-то смутные образы, но толком — ничего.

— А руна? — нахмурился осьминог.

— Какая руна? — грустно переспросила обезьянка.

— Ясно, — задумчиво ответил Рауд и положил на стол пару щупалец, оперев на них голову.

— На днях Барон устроит разбор, а нам похоже нечего сказать, — он медленно нарисовал на столе восьмёрку кончиком щупальца.

— Мне бы ещё знать, кто такой твой Барон, — покачала головой Ли́ла и уронила её на стол.

— Да, может, и не надо тебе всего этого знать, — задумчиво произнёс Рауд. — Чем больше я в этом участвую, тем меньше мне нравится. А после того, что случилось с тобой, я бы на твоём месте с радостью забыл и никогда не вспоминал об этом.

— А что со мной случилось? — подняла голову обезьянка.

— Тебя сожгли, — тяжело булькнул осьминог, — осталась только...

Он указал на приклеенный к туловищу отрез старого дерева с потемневшими кудрями на голове Лилы. Она потрогала себя в районе склейки и положила лапки обратно на стол.

— Знаешь, — произнесла она, не поднимая головы, — я помню только странный тёмный зал. Большие колонны, уходящие в темноту. Не видно потолка или стен, только пол, почему-то вода на нём, и старик, выбегающий из-за колонны и удивлённо смотрящий на меня.

Она повернула голову, чтобы видеть осьминога, но тот лишь развел щупальцами.

— Да, именно так я себя и чувствую, — хмыкнула обезьянка.

В дверь мастерской постучали, и спустя мгновение из каморки сбоку показался старик. Сняв очки, он посмотрел на осьминога и обезьянку, крикнул, сделал шаг к входной двери и, нащупав ручку, повернул её. Стоявшего на пороге не было видно. Старик отступил на шаг, пропуская гостя. Наклонившись, чтобы пройти в низкую дверь, в помещение вошёл Барон.

— О, у вас тут ночные посиделки, — усмехнулся мужчина, проведя уголком пальца по краю усов. — Сидите, сидите, я с неофициальным визитом.

Осьминог и обезьянка переглянулись.

— Просто хотел поблагодарить нашего досточтимого Отца, — повернулся он к старику и стал жать его сухую руку, не снимая своих белых перчаток. — Я был на полигоне, и это впечатляет. Один вид этих созданий внушит ужас страже и деморализует войско. Старик хмыкнул, но ничего не сказал в ответ, а лишь принялся вытирать о висящую на гвозде тряпку маслянистые руки. Барон взглянул на перчатки, тоже испачканные в масле, и принялся безгласно стягивать их с пальцев.

— Как там остальное? — как ни в чём не бывало спросил он, кинув перчатки на стол и тут же выудив новую пару из кармана.

Старик молча прошёл вглубь помещения и зажёл свет там, где на большом столе стоял торс и голова рыцаря, а на подвесных конструкциях рядом висела фигура металлической лошади. Рыцарь был отполирован до блеска, а часть его была уже покрыта белой металлической краской. Лошадь же была отполирована только частично, и местами поверхность ещё оставалась чёрной.

Старик подошёл к продолговатой трубе, накрытой плотной тканью, и в несколько приёмов сдёрнул её. Взору присутствующих открылось сверкающее белизной копье. Оно было настолько искусно сделано, что глаз нельзя было оторвать от ажурных швов, заканчивавшихся изящными креплениями. Оно было слишком большим для человека, но для туловища рыцаря на столе подходило в самый раз. Старик подошёл к конструкции и достал из-под длинной скамьи, где покоилось оружие, две клеммы, тянувшиеся к внушительному аккумулятору, стоявшему тут же, под скамьёй. Он подключил их, а затем отошёл к стене напротив острия. Она была закрыта плотными красными шторами, их старик раздвинул и закрепил по краям открывшегося проёма, за которым сгустилась плотная, как крепкие объята, темнота. Держась за спину, старик вернулся к копьё и нажал что-то внутри, за гардой. Кончик копья заискрился, по всей его поверхности побежали синие искры молний, и от рукояти к концу блеснула жёлтая стрела. Одновременно с этим жутко грохнуло, подняв ворох пыли в помещении, и пучок энергии исчез в темноте проёма, опалив шторы. Когда Рауд и Барон, схватившийся за уши, взглянули в проём, они увидели удаляющийся по поверхности пустыни голубой луч, ещё долго мерцавший во тьме, пока не исчез где-то на горизонте.

— Впечатляет, — прохрипел Барон, всё ещё закрывая уши руками и морщась, — и сколько таких штук ты успеешь построить?

— Одну, — произнёс старик, отключая клеммы и накидывая ткань обратно на копье.

— Хмм, не густо, — хмыкнул Барон, с опаской опуская руки.

— Густо-негусто, а корабль она посадит с одного выстрела, если попасть в двигатель, — ответил старик, завязывая тесёмками ткань вокруг рукоятки.

— Это то, что нужно, — поднял бровь Барон и уселся в кресло возле стола с рыцарем.

— А этот парень тебе зачем? — спросил он, кивнув головой в сторону отполированного торса.

— Увидишь, — улыбнулся в усы старик.

— Как всегда, сплошные загадки, — рассмеялся Барон, — но я не жалуюсь, нет. Ты столько раз приятно удивлял меня, превосходя все мои ожидания, что, Сердце свидетель, я не имею ни малейшего права жаловаться.

Старик улыбнулся и сел напротив мужчины на табуретку, выуженную им из-под стола напротив. Бросив взгляд на Рауда, старик спросил:

— Когда планируешь выступить?

Осьминог мгновенно понял, что ему стоит делать, и аккуратно проплыл в сторону обезьянки. Многозначительно переглянувшись с ней, он двинулся в сторону двери. Лида прыгнула со стула, и, забрав с собой книгу, последовала вслед за Раудом, уже скрипнувшим входной дверью. Барон взглянул на закрывшуюся за ней дверь и, повернувшись к старику, ответил:

— В идеале, не позднее десяти дней. Мы должны успеть до начала нового лунного цикла.

— Всё верно, — кивнул старик.

— Но руны до сих пор нет, — произнёс мужчина, и рука его сжалась в кулак.

Старик вздохнул и опустил глаза.

— Все попытки проваливаются одна за другой, — сказал он, ударив по коленке, — мы постоянно рискуем разоблачить себя, и чем настойчивей становятся наши попытки, тем больше шансов, что они догадятся, что происходит. Если уже не догадались, — он замолчал и закрыл глаза.

— Пока нам удавалось не оставлять следов, но ждать, что нам и дальше будет так же везти, глупо, — продолжил Барон, встав и направившись в сторону проёма.

— Случайностей не бывает, — произнёс старик. — Сердце найдёт путь. Конечно, найдёт, — хмуро кивнул мужчина и опёрся одной рукой об угол проёма, рядом с опалённым краем шторы — но не будет ли слишком поздно?

— Поздно для чего? — спросил старик, прищурив глаза.

— Для меня, — угрюмо ответил Барон, — для нас, для всех. Ради чего мы всё это делаем?

— Ради чего? — спросил старик.

— Ради свободы, ради того, чтобы быть счастливыми, сбросить эту проклятую тиранию. Освободить Сердце, дать ему вновь дышать и биться... Отбросить страх за то, что что-то пойдёт не так, и дать миру быть таким, какой он есть.

— Если ты сам веришь в свои слова, отбрось, — улыбнулся старик.

— Я понимаю, к чему ты клонишь, но... — замотал головой мужчина, — но разве всё, что я делаю, не есть проявление той самой закономерности, что и приведёт к неизбежному.

— Безусловно, — кивнул старик.

— Я разрушу город и освобожу Сердце, — произнёс Барон и ударил кулаком о стену, отчего края опалённой шторы лоскутами посыпались на пол.

Мужчина сделал шаг на балкон, отодвинув свесившуюся ткань, и луч света из комнаты осветил небольшой выступ, за ним возвышалась тьма. Отец встал, выгнул спину, крикнул и присоединился к нему. Барон смотрел на звёздное небо и череду лун, выстроившихся в ряд. Над их головами прочертил тьму метеор и упал где-то в пустыне, вспыхнув на одно мгновение.

— Вот он, по-твоему, тоже часть плана? — спросил мужчина, закручивая ус.

— Пойди, спроси у него, — усмехнулся старик.

Барон покачал головой и оглянулся на укутанное в плотную серую ткань копьё, смотревшее прямо на него.

— Ты знаешь, — задумчиво произнёс он, глядя на оружие под материей, — мне, с момента, как мы... я здесь, часто снится один и тот же сон. Я вижу трёхрогого быка. Он бродит ночью по пустыне между развалин. Один, над ним застыло небо. Бык мычит, словно зовёт кого-то. Но пустыня мертва и ничего больше, кроме песка, не видать до самого горизонта. Мужчина кашлянул в кулак.

— Меняется пейзаж, развалины, но суть остается прежней.

Они долго стояли, молча глядя на пустыню; затем мужчина выпрямился, поправил шляпу, поклонился старику и направился прочь из мастерской, на секунду замедлив шаг напротив Гудди, мирно спавшего безмятежным сном. Барон мог бы поклясться, что кукла улыбалась, хотя у неё и не было рта.

Глава 11

Солнце предательски пробивалось через узкое забрало, слепя глаза и обжигая дрожащие веки с осевшими на них частичками сердечной пыли.

— Два, два, один! — загремел в вышине голос глашатая. Его поддержали редкие хлопки и хохот с трибун.

— Последний круг! — вновь закричал голос.

Где-то в другой вселенной послышался скрежет открывающихся ворот, и на арену высыпали оживлённые. Наспех собранные из различных купленных по дешёвке на базаре деталей, не имевшие единого сознания своих конечностей, они, как выброшенные на берег рыбы, бились о землю, расползаясь кто куда. Самым последним из ворот вышел здоровенный голем, прихрамывавший на левую ногу. В его руке был крепкого вида топор, и Ручи сглотнул, предчувствуя беду. С противоположной стороны открылись другие ворота, но оттуда никто не появился.

Голем, повернул голову в сторону людей и двинулся к ним, примеряя топор для замаха. Стоявший рядом с Ручи невысокого роста толстяк, с которым им удалось пробиться через два предыдущих раунда, бросил палицу и побежал назад, к воротам, откуда они только что вышли на арену. Но ворота уже были закрыты. Ручи услышал позади себя всхлипы и стон

напарника, примерил щит в левой руке — и он показался ему не очень надёжным в противовес надвигавшейся на него каменной глыбе. Голем налетел на одну из ползущих перед ним деревяшек и оступился. Потеряв равновесие, он уронил топор и припал на одно колено. Стражник почувствовал, что у него появился шанс, бросился вперёд, замахнувшись на бегу мечом. Что было сил он ударил им о каменную голову голема, но меч лишь отскочил, выбив сноп искр и вылетев из руки Ручи.

Человек попятился назад, присел, уронил щит в поднятую им только что пыль. Голем медленно повернул к нему голову, хрустнул чем-то внутри своего каменного тела, а затем поднялся. Так же медленно он потянулся за топором и взял его в свои грубые руки, когда и его настигло пылевое облако. Ручи схватил щит за кожаную лямку и пополз назад, к тому месту, куда, как ему казалось, отскочил меч. Пока он полз, периодически оглядываясь на приближающегося голема, его глаза заливали струи пота, и он не мог различить в поднимающейся пыли ни темного контура рукоятки, ни блеска лезвия. Он лишь на мгновение смог различить толстяка, на краю арены отбивавшегося дубиной от напозавших на него оживляшек.

Голем тем временем приближался и заносил свой тяжёлый топор для удара. Ручи поднялся на ноги и хотел было бежать, но обнаружил себя прижатым к воротам. Голем в два прыжка отказался рядом с ним и человек инстинктивно закрылся щитом. Удар пришёлся прямо по его центру, голова в шлеме зазвенела, как колокол, а руку Ручи пронзила острая боль. Щит раскололся и упал, открыв человека взору голема — и тот отступил на шаг, чтобы совершить второй замах. Ручи схватился за руку и зажмурил глаза. Раздался грохот, и Ручи, внутренне принявший смерть, с удивлением обнаружил, что и в смерти рука не перестала болеть.

Кряхтя, он поднял голову и открыл сначала один глаз, затем резко отдернул здоровую руку от больной и открыл забрало. Голема перед ним не было, точнее были камни, разбросанные вокруг массивной туши огромной красной твари, покрытой остроконечной чешуёй. Туша двигала своим внушительным серого цвета хвостом, походившим скорее на камень, чем на чешую, прямо перед лицом стражника. Казалось, стоит ей замахнуться этим хвостом, она превратит Ручи в лепёшку прямо на том самом месте, где он лежит. Стражник краем глаза заметил топор, отброшенный к краю арены по его правую, здоровую, руку, и стал боком ползти к нему. Тварь повернула к нему морду, и он увидел два маленьких синих глаза, полных ненависти, и большую пасть острых зубов с двумя загнутыми ковшом клыками. Чувствуя задуманное человеком, она неистово закричала, так что Ручи задрожал всем телом, а забрало на его шлеме упало вниз.

Стражник вспомнил, что за перворождённый стоял перед ним. Это был пустынный охотник, обитавший на склонах каменоломни. Его удивительное строение лап позволяло ему прилипать к поверхности, и некоторые, особо ловкие из них, умудрялись забираться по стене в канализационные стоки города. Если их удавалось поймать, то им прижигали лапы и отправляли сюда, на арену, но за последние годы нищие составили им такую конкуренцию, что в стоках почти не осталось еды, и такое явление, как пустынный охотник, можно было назвать редкостью. Но вот он стоял перед ним во всей своей ужасающей красе. Дегрант, вид перворождённых, за тысячелетия потерявший разум. Такое же порождение Сердца, как и он, Ручи.

Тварь что-то отвлекло, и она повернула морду в противоположную от Ручи сторону. Затем всё её массивное тело взлетело в воздух и поменяло направление, вновь приземлив

хвост рядом с лицом человека и блокируя его передвижение. Стражник увидел толстяка, нервно перезаряжавшего арбалет на противоположной стороне арены. Как потом понял Ручи, вновь подняв забрало, в плече у пустынного торчал болт. Толстяк пятился назад к стене, но тварь и не думала приближаться к нему. Из её клыкастого рта, вновь вырвался крик и в сторону неудачливого арбалетчика вылетел длинный алый язык, хлестнувший по телу толстяка, отчего тот беззвучно упал, так и не успев справиться с оружием. Пустынный двинулся к упавшему, немного прихрамывая на левую переднюю лапу. Ручи же, пока представилась возможность, торопливо пополз к топору.

Добравшись до обидчика, пустынный схватил голову толстяка в пасть и, дернув её, бросил его в Ручи. Тело несчастного ударилось рядом со стражником и упало на топор. Ручи с ужасом увидел, что у толстяка не было головы. Дёрнувшись прочь от тела, он взглянул украдкой на тварь, выплюнувшую голову из пасти и теперь поворачивавшуюся в его сторону. Он и не заметил, как над ней, на трибунах, успела собраться толпа. Люди скандировали и кричали, кидая на арену еду и камни.

Стражник сглотнул, но совершил над собой усилие и, схватив за край рукоятки, выдернул тяжёлый топор здоровой рукой из-под безжизненного тела бывшего товарища по оружию. Тварь высунула изо рта кончик языка и выдернула им из плеча болт, издав рычащий скрип, отчего у Ручи заложило уши. Стражник же успел встать, опершись на топор.

— Ну давай, иди сюда, — произнёс он скорее самому себе.

Ручи дёрнул топор, пытаясь поднять его одной рукой, но ничего не вышло. Он дёрнул ещё раз, но лишь потерял равновесие под громкий смех толпы. Тварь медленно шла к нему, смакуя мгновения славы. Толпа взревела. Стражник смотрел существу прямо в глаза, и ему казалось, что оно всё прекрасно понимает, и его беспомощность, и свою славу, и мимолетность этого момента. Но тут она открыла рот и взревела. Ручи показалось, что от этого звона его голова расколется, но краем глаза заметил, как одна из оставшихся оживляшек вонзила пустынному в лапу короткий меч. Тварь дернулась, но лишь сильнее разодрала конечность и припала к земле, хлестнув языком по оживляшке, отлетевшей и разбившейся о стену, после чего пустынный принялся вынимать языком меч из пригвождённой к земле лапы.

Ручи, не теряя времени, бросился вдоль стены. Тварь оглянулась на него и принялась быстрее работать языком. Когда стражник добежал до арбалета на противоположной стороне арены, она наконец освободила ногу и метнула языком меч в ту сторону, где только что пробежал человек. Он со звоном вонзился в стену рядом с головой Ручи, уже натянувшего тетиву со сверкнувшим на солнце болтом. Пустынный в один прыжок оказался рядом с ним, и его клыки сомкнулись на голове человека. Существо дёрнулось всем телом назад, но лишь сдёрнуло шлем с головы Ручи, уже вскидывавшего на больную руку арбалет, крича и поминая все луны. Пустынный выплюнул шлем и вновь прыгнул вперёд, раскрыв свою гигантскую пасть. Ручи зажмурил глаза и нажал на крючок.

Разочарованный вздох толпы, сообщил стражнику, что он всё ещё жив. Тварь сомкнула челюсти на его выставленной вперёд руке с арбалетом, оказавшейся ровно между клыками чудовища. Выстрел пришёлся существу прямо в глотку. Пустынный обмяк и упал своей гигантской тушей на стражника. Ручи неуклюже вытащил руку из опускающейся на него морды, оцарапав кисть об острые зубы. Он неподвижно, ничего не видя и не слыша, пролежал так какое-то время, пока не понял, что его придавило головой чудовища и ему тяжело дышать. Выбираясь из-под тела под унылый гул расходящейся толпы, он непроизвольно засмеялся.

Поднявшись на ноги, шатаясь, он вскинул по обычаю вверх здоровую руку, всю в пыли и крови, то ли его самого, то ли пустынного. Затем упал, опёрся на неё, чтобы встать, и вскинул вновь, но тут же понял, что глашатай не объявил раунд и огляделся.

У края арены в стену уперлась последняя оставшаяся оживляшка, состоявшая из деревянного тела и руки-молотка, неистово долбившего по стене. Ручи огляделся и увидел свой меч, валявшийся в паре шагов от хвоста пустынного. Спотыкаясь, он подошёл к нему, поднял и потащил за собой к оживляшке. Пыль стояла столбом по всей арене, и он чувствовал, как она оседает на его горле. Всё так же глупо посмеиваясь, он шёл к стене, где копошился обрубок. Он занёс над ним меч, но затем в страхе оглянулся. Никого не увидев, он выдохнул со стоном облегчения и, повернувшись обратно к недобитому куску оживлённого, что было сил ударил по деревянному телу куклы, отрубив ей руку-топор и вонзив лезвие глубоко в его деревянную плоть. Оживляшка прекратила дёргаться, и голос глашатай объявил:

— Три, два, один! Раунд!

Толпа вновь недовольно завывала и продолжила расходиться. Ручи смотрел на них без удивления и эмоций, только плюнул красноватой от сердечной пыли слюной на песок, подобрал, лежавший рядом огрызок яблока, обтер его о грудь и откусил. Прожевав, он сплюнул и посмотрел на яблоко. Из дырки на человека смотрел червяк.

Когда Ручи изнеможённый, но живой с перевязанной рукой и зашитыми порезами, вышел из широкой арки центральных ворот Колизея, младшая звезда клонилась к закату и нижний ярус наполнил густой оранжевый смог от городских печей, где готовили ужин семьи рабочих. Он шёл среди рядов, за которыми, может быть, в последний раз ели гладиаторы перед вечерним представлением. Они смеялись и грубо шутили, хлопая друг друга по плечу, хватаясь за последнюю надежду перед неизвестностью, ожидавшей их на арене. Среди них выделялись те, кто молча сидел, сосредоточившись на еде, в них стражник опознал ветеранов. Таких же, как он, уже сыгравших в эту страшную игру, но по каким-то причинам вновь пришедших за добавкой. Он не хотел бы вновь оказаться на их месте, ни за какие деньги. Глазами он отыскал Блопа, поглощавшего курицу и тоже заметившего друга.

— Фучи! Мням-мням. Ручи! — закричал он, и куски курицы посыпались из его рта. — Что с твоей рукой? О луночки, и эти шрамы? Как прошёл бой, дружище? Я не дождался, потому что очень хотел есть. Вы с таким успехом провели последние два сражения, что я не сомневался, что ты победишь и решил перекусить! А где твой напарник?

Он подвинул тарелку с птицей к Ручи, когда тот с трудом присел напротив. Здоровой рукой тот поставил на стол звякнувший мешок, откуда выпал золотой.

— Ого! — прочавкал Блоп. — Щедро!

Он отодвинул жирным пальцем стягивавшую мешок верёвку и поднял брови:

— Каждому?

Ручи покачал головой, отрывая с ноги курицы кусок и жадно его пережевывая.

— Всем, — ответил он, закинув голову и проглотив мясо.

— То есть придётся делить? — переспросил Блоп, воровато оглядываясь вокруг.

— Нет, — ответил Ручи и схватил крыло курицы.

— Не понимаю, — нахмурил брови толстяк.

— И не поймёшь, — грустно усмехнулся Ручи и принялся за крыло.

Пока Ручи жевал, рядом с Блопом присела грузная фигура стражника с алой перевязью, спускавшейся с правого плеча через массивную кирасу на левый бок, где болталась шпага с изящной рукояткой. Она была скорее декоративная, чем боевая, походившая на подарок начальства, носимый владельцем с особым шиком.

— Капитан, — с какой-то обидой произнёс Ручи и протянул руку к мешку с золотыми, но массивная рука в чёрной грязной перчатке уже опустилась на деньги, и капитан Щас расхохотался, отчего его большие, свисавшие до самого подбородка, усы завибрировали в недобром танце.

— Ох, Ручи, Ручи, ты не перестаёшь меня удивлять, — сказал он раскатистым басом, взвешивая в руке мешочек. — Неплохо, неплохо, кого же ты на этот раз обул, мой незадачливый друг? А, Блопчик, кого вы облапошили?

Блоп искоса смотрел на капитана с полуоткрытым ртом, держа возле него кусок курицы, не в силах ответить.

— Ты думал, я не узнаю? — спросил он, прищурившись и глядя прямо в глаза Ручи, смотревшего на маленькие чёрные бусинки на массивном лице капитана с ненавистью и обидой.

— Вот что, малыш, — сказал он, вешая мешок на пояс. — Считаю, что тебе повезло, и мы квиты. Но если ещё раз, слышишь, ещё раз я узнаю, что ты стрижёшь с моего газона, я не буду так добр. Усёк?

Ручи медленно кивнул.

— Вот и славно, — сказал капитан, вставая и гремя доспехами о деревянный стол.

— И не смейте переходить нам дорогу! — закричал юный стражник, стоявший в свите капитана неподалеку.

— Держи язык за зубами, кретин! Иначе полетишь у меня разгребать завалы в старом квартале, — рывкнул капитан и, проходя мимо, треснул юношу по шлему так, что тот упал на товарищей.

— Нам нужна броня! — хриплым голосом крикнул вслед капитану Ручи.

Щас развернулся, достал из мешочка золотой и подкинул его пальцем. Золотой зазвенел о стол и скатился в грязь за скамьями. Блоп бросился за ним, а Ручи крикнул:

— И ружья!

Но капитан уже исчез в толпе, а Ручи поймал только злобный взгляд юнца, пятившегося за товарищами в сторону базара. Блоп вылез из-под стола с золотым в руке, так и держа курицу в зубах. Ручи опустил голову на больную руку, и тут же поднял, застав от боли.

— Красную луну им об голову, — стукнул он здоровой рукой о стол, отчего тарелка с курицей подскочила и в её тени он заметил выпавшую из мешка монету. Блоп тоже её заметил, отчего даже курица выпала из его рта.

— Дружище, нам опять повезло. Видишь, видишь, Руч, — залепетал он, — я же говорю, судьба на нашей стороне!

На руины старого квартала оседала поднявшаяся за день сердечная пыль, сделавшая воздух красным и тревожным, как сердца людей, за одну ночь оставшихся без крова и уже потерявших надежду найти близких и родных. Разгребая завалы, работали посменно, спали прямо на смотровой площади. Женщины уже отрыдали свое и работали наравне с мужчинами. Корабль магистрата висел посередине улицы и к нему крепили особо тяжёлые блоки, которые не могли разгрести сами или с помощью големов, медленно расчищавших улицу и местами уже продвигавшихся в переулки, что дало возможность пробираться дальше к домам, что были отрезаны от основной артерии квартала. Еду и воду носили сюда со всех окрестных заведений, от харчевен до ресторанов. Зара тоже спешила к лагерю с тяжёлыми тюками. Уже сутки девушка была на ногах, готовила всю ночь, но не позволяла себе отдохнуть. Взбежав по очередной горе обломков, она стала спускаться к Смотровой площади, где была организована полевая кухня. За ней спешил лысый бармен из «Тринадцатой луны», несший на спине бочку опреснённой воды.

Этель со своим лотком с надписью «Химический театр Сафрона», превращённым теперь в перевозной котёл, двигался между раненых в центре лагеря, раздавая тарелки с похлёбкой.

— Я слышал, что это всё насекомые, — крикнул один раненый другому, пока Этель наливал ему суп.

— Какие насекомые? — переспросил другой.

— Ну, кукожцы, видать, — крикнул рассказчик, — им все великие дома подчиняются.

— Кукожцы? — вновь переспросил его товарищ.

— Они невидимые, и, чтобы им стать видимыми и размножиться, им нужно большое горе, — с умным видом поднял ложку первый, — так вот это всё они сделали. Все катастрофы из-за них.

— А я слышал, что после смерти все попадают в нижний мир, где служат королю-червя. Так что ты лишний раз не спи лучше, — произнёс второй, принимая похлёбку из рук наклонившегося к нему Сафрона.

Подняв голову, Этель заметил Зару на склоне обломков и замахал ей рукой. Девушка тоже заметила его и, поскольку руки её были заняты тяжёлыми сумками, закивала в ответ. Добравшись до кухни, она бросила сумки возле большого стола, за которым стояли сестры Культа, распределявшие пищу, и бросилась к Этелю.

— Ну как? — спросила она срывающимся голосом, пробравшись через толпу и почти сбив молодого человека с ног.

— Нет, ещё не добрались, — он грустно отвёл глаза, держа девушку за плечи.

Она обмякла и опустилась на брусчатку, обхватив колени. Этель подхватил её под руки и поднял.

— Не надо, не надо отчаиваться, — растерянно прошептал он ей на ухо.

Девушка вырвалась из его рук и бросилась в сторону завалов.

— Зара, стой! Зара! — закричал молодой человек и бросился за ней. Подоспевший к лотку бармен кинулся было за ними, но увидел пострадавших, тянувших руки к похлебке, и вернувшись к котлу, принялся наполнять тарелки.

Зара бежала, спотыкаясь по развалинам и не обращая внимания, что ее платье цепляется за торчащие штыри и вывороченные карнизы. Этель неуклюже следовал за ней, не поспевая за её прытью. Маленький деревянный человечек, застрявший между камней, протянул к нему свободную руку и что-то запищал, когда молодой человек пробежал мимо. Чувство стыда перехватило горло, но Этель сделал вид, что не обратил на него внимания. Он хотел было вернуться, но рядом с ним упала горящая тряпка — и пламя её подпалило смесь бетонной пыли и фиолетовой массы, зашипевшую и засверкавшую яркими вспышками.

Девушка добежала до поворота к лифту, спускавшемуся к Сердечной площади, где торчала теперь упавшая баржа. Зара остановилась, пытаясь сориентироваться. Увидев здорового голема, разбиравшего стену ближайшего дома, она подбежала к нему и, стукнув кулаком о каменную руку, закричала:

— Эй, ты!

Голем медленно положил стену обратно, отчего та рассыпалась на мелкие части и повернул голову к Заре.

— За мной! — закричала девушка и помахала ему рукой, указывая на то место, где, как ей казалось, был тот самый переулок с тюрьмой. Этель съехал к ним по куче мусора, а с противоположной стороны улицы уже бежал человек в форме магистрата, похоже управлявший раскопками, и гневно кричал на бегу:

— Что вы делаете? Какое вы имеете право?

Но от взгляда Зары мужчина вжал голову в плечи и смиренно пошёл в другую сторону, словно он просто шёл мимо по своим делам.

— Как у тебя это выходит? — удивлённо проводил его взглядом Этель и поспешил за девушкой и каменным исполином, взбиравшимся на очередную кучу обломков.

Они забрались под крышу полуразрушенного дома и оттуда нырнули в маленький проулок, он был рассечён посередине другой баржей — она засыпала бетоном развалины. Зара указала в сторону носа корабля и приказала голему копать. Машина послушно направилась к обломкам, а Зара повернулась к белому от бетонной пыли Этелю и, взглянув на него помягче, попросила:

— Две лопаты.

Этель сначала опешил, но спохватился и пошёл через обломки назад, чихая и кашляя.

— Как странно, — проходя мимо горы осыпавшегося бетона, сказал он сам себе, — я словно знаю этот запах.

Но он отогнал навязчивые мысли, потому что на горизонте вновь замаячил управляющий магистрата.

— Любезный, — закричал молодой человек

Управляющий вздрогнул, оступился на обломке и чуть не упал спиной в грязную лужу из пробитой канализационной трубы. Справившись с навалившейся силой тяжести, он зло посмотрел на приближающегося Сафрона.

— Что вам ещё нужно? — грубо спросил он, поставив руки в боки и нахмутив брови.

— Простите ещё раз, — натянуто улыбаясь, произнёс Этель и сам чуть не угодил в ту же лужу.

Мужчина сложил руки на груди и вопросительно уставился на молодого человека.

— Той девушке, позаимствовавшей у вас голема, — смущаясь, продолжил тот, — нужны лопаты. Не будете ли вы столь любезны...

— Вы! Вы! — вскипел мужчина, всплеснув руками, — у вас нет никакого...! Дурная молодёжь! Вы всё время хотите революций, перемен. А к чему приводят эти перемены?

— Да вы вроде... тоже не старый — начал было Этель, но закончил уже самому себе, потому что мужчина не на шутку разошёлся.

— Вчера вы смущали людей у храма речами о подложной истории, а сегодня убиваете их! Вас всех надо выгнать в пустыню, на корм песку! — кричал он, топая ногой.

— Пойдите, о чём вы? — схватил его за плечи Сафрона.

Мужчина посмотрел вниз, Этель посмотрел вслед его взгляду — на обрывок утренней газеты под его ногой. Крупный текст заголовка на первой полосе всё ещё можно было разобрать. Этель, повернув голову, прочёл вслух:

— Организация «Свободный город» взяла на себя ответственность...

— Вот именно! — вскричал мужчина, освобождаясь от нежелательных объятий. — Уроды, ублюдки, лезут и лезут! Откуда эта зараза? Кто вам дал право?

Мужчина неожиданно заплакал и обмяк, упав обратно на Этеля, еле успевшего подхватить его.

— Мой сын, мой маленький сын, — плакал магистр.

Этель неловко прижал плачущего мужчину к себе, а тот зарыдал во всю мочь, трясясь на груди молодого человека. Этель поднял голову. Время застыло. Всклипы магистра ударами колокола отдавались в его сердце. Со второго этажа дома, стена которого была под их ногами, на него меланхолично смотрело пушистое существо, похожее на кота. Сверху падали искорки ещё пылавшего где-то вдалеке пожара, а в небе в облаках сердечной пыли кружили чёрные падальщики в поисках наживы.

Этель вернулся к Заре, когда голем уже откопал часть завала и стала видна старая мостовая, образовывавшая в этом месте перекресток двух переулков. В руках Сафрона нес две лопаты, он был тих и неразговорчив. Лицо девушки было перемотано куском рукава, сорванного с её платья, чтобы спастись от стоявшей столбом пыли. Зара взглянула на молодого человека, оторвала другой рукав и протянула ему. Этель повязал тряпку вокруг нижней части лица, молча взял лопату и принялась копать рядом с разрушенной стеной, где виднелась уже тяжёлая металлическая дверь тюрьмы.

Через несколько часов, кашляя и чихая от обжигавшей горло смеси бетонной и сердечной пыли, они наконец откопали вход. Зара повернулась к каменному исполину, разгребавшему откопанный ими бетон, и прохрипела, указав на дверь:

— Ломай...

Голем спустился к двери, чуть не наступив за зазевавшегося Этеля, совершенно выбившегося из сил и державшегося на ногах, лишь благодаря нежеланию казаться слабее девушки. Голем дёрнул дверь, она заскрипела, но не поддалась. Он дёрнул ещё раз — и тоже безрезультатно.

— Да ты выбей её, а не тяни, — прохрипел молодой человек.

Голем занёс ногу и пнул дверь. За ней что-то хрустнуло, и она упала назад. Зара бросилась внутрь. Этель, шатаясь, побрел за ней. Внутри было темно, стоял затхлый густой запах. Девушка уже сбегала по лестнице вниз и повернула направо. Но на месте, где сидел высокий полицейский, теперь была земля, закрывавшая весь коридор. Зара со злостью стала колотить завал, но подоспевший Этель остановил девушку. Он оглянулся на фигуру голема, все ещё стоявшего в дверях:

— Эй, ты! Ты сможешь сюда пройти?

Голем медленно нагнулся и просунул голову в дверь меньше его в несколько раз. Но затем исполин просунул в дверь свои огромные руки и раздвинул стены словно они были из бумаги и стал спускаться вниз, разгребая каменную кладку и землю, осыпающуюся вокруг него. “Кажется я...” — начал было Этель, но Зара дёрнула его влево — и в тот же миг рухнули обломки стены. Они успели укрыться в левом крыле коридора, пока голем спускался вниз, разрушая лестницу. Пыль не давала дышать, сквозь неё совершенно ничего не было видно. Лишь с лестницы доносился звук сыпавшихся по ней камней и земли. Этель почувствовал дыхание Зары рядом со своим лицом, он смутился, отпрянул от девушки, ударившись о каменный свод.

Голем с грохотом спустился вниз, засыпав проход камнями, и застыл, ожидая дальнейших приказов. Зара наощупь подошла к нему, тяжело закашлялась и, указав в сторону завала в правом крыле, прохрипела:

— Копай здесь.

Голем кое-как развернулся и принялся выгребать в её сторону землю. Девушка отскочила, поднялась на пару ступеней и вернулась уже с лопатами, одну из которых бросила Этелю. Он выбрался из левого крыла, уворачиваясь от летевшей в него земли и камней. Он взял из рук Зары лопату и стал отгребать то, что расчистил Голем. Девушка присоединилась к нему.

Некоторое время спустя голем замер, полулежа в коридоре. Зара бросила лопату, пробралась между его рук и исчезла в проходе.

— Свет! — крикнула она из глубины.

Этель взбежал наверх, огляделся, снял с себя грязный камзол, намотал его на стальной прут, валявшийся под ногами, разбил масляную лампу, торчавшую из обломка здания, и вылил остатки масла на ткань. Не найдя ничего подходящего для розжига, Сафрона побежал

обратно. Съехав к голему по проторенной гигантом борозде, он сунул ему под руку факел и крикнул, запыхавшись:

— Нужна искра.

Голем поднял руку и резко прочертил по стене полосу, от чего посыпался сноп искр. Факел вспыхнул, резко осветив разрушенное помещение. Этель протиснулся между его рук туда, где исчезла Зара, и оказался в просторном помещении, по краям которого находились клетки. Зара сидела возле одной из них, держа в своей руке руку старика. Этель подбежал к плачущей девушке и схватил кисть, пытаясь нащупать пульс. Пульс был.

— Всё в порядке, — прохрипел молодой человек, — он жив.

Девушка подняла заплаканные глаза.

— Ключ...

Этель дёрнулся в одну сторону, в другую, но никого и ничего в помещении не обнаружил.

— Голем? — спросил он сам себя. — Нет-нет-нет, если он дёрнется, то обрушится весь свод.

Сафрона задумался, а затем, щёлкнув пальцами, воскликнул:

— Сердечная истина!

Закрепив факел у стены, он исчез в проёме, и Зара осталась одна с едва подававшим признаки жизни магистром Вульфи. Этель вернулся не сразу, но с горстью бетона в одной руке и какой-то фиолетовой массой в другой.

— Отойди! — почти крикнул он девушке. — И его оттащи подальше от двери.

Девушка принялась неловко перетаскивать тело старика, а молодой человек тем временем засыпал бетон и фиолетовую массу в замочную скважину камеры.

— Закрой глаза и уши, — прохрипел Этель.

Подождав, пока Зара исполнит его наказ, он поднёс к замку факел. Вспыхнул белый свет и грохнуло так, что Этеля отбросило в сторону. Он так и остался на полу с выпученными глазами. Девушка потирала виски, магистр безжизненно лежал в камере, а на месте замка зияла раскуроченная дыра. Зара пришла в себя первая, она встала, вошла в камеру и стала поднимать Вульфи, пытаясь взвалить его на плечи. К ней подоспел Этель и принял ношу на себя, махнув рукой на факел. Девушка, согнувшись, подошла к догорающему камзолу и подняла тяжёлый прут двумя руками. Перебравшись через руки голема, она закрепила факел в разрушенной кладке и помогла Этелю протиснуть тело магистра через завал. Грязные и измученные, волоча старика за руки, они по очереди вылезли из дыры там, где когда-то была дверь, и, тяжело дыша и кашляя, рухнули в бетонную пыль. В этот момент рухнула половина первого этажа тюрьмы, засыпав вход и оставшегося внизу голема.

Альберт Сверло Септ с грустью смотрел на обрушившееся здание старого тюремного флигеля со своей гондолы, держа в руке щепотку той самой фиолетовой массы и растирая её кончиками пальцев. Но грустил он вовсе не из-за потери забытой богом городской тюрьмы, а

из-за ответа, полученного им от Верховного на его запрос об аресте и допросе Герцогини Ки. По всему выходило, что она более не фаворитка Тэмена. Сверло сам видел юную красавицу рядом с Узурпатором, когда тот так некстати опозорил его перед всеми студентами семинарии, подрядившимися в ту ночь на срочную службу.

— Как, ты говоришь, она называется? — спросил он одного из них, по имени Париц, стоявшего сейчас за его спиной.

— Божья роса, господин Септ, — отозвался студент, ни тоном, ни словом не выдавший той насмешки, с которой, наверное, весь Культ судачил сейчас о той ночи.

— Не господин, а служитель, — задумчиво поправил студента Альберт и повернулся на каблуках к столу, стоявшему прямо на палубе. На нём, придавленная его любимыми статуэтками ложных богов, популярных в домеханическую эпоху, лежала карта Старого квартала до настигших его разрушений. Красными фишками на ней были отмечены здания Культа с хранящимися в них древними реликвиями (чаще всего они представляли из себя заспиртованные органы того или иного святого), а потому спасти их надлежало в первую очередь. Септ измазал одну из таких фишек в фиолетовой массе, затем тщательно помыл руки в стоявшей неподалеку бочке с водой и вытер их насухо висевшим над бочкой полотенцем с изображением дракона. Подойдя к столу, он взял щепотку бетона и посыпал его самую малость на фишку. Ничего не произошло, но, когда Септ чиркнул спичкой и поднёс к фишке дрожащий на ветру огонёк — та вспыхнула, ярким огнём ослепив служителя и студента, и зашипела белым пламенем.

Септ протёр глаза и, поглаживая бороду, подошёл к стоящему на коленях перед столом человеку с мешком на голове. Он сорвал мешок и шлёпнул им по лицу худого темноволосого мужчины средних лет, с аккуратной бородкой и усами.

— Добрый день, месье Шеврос, — любезно произнёс Септ, подходя к краю палубы, — надеюсь, вам хорошо был слышен наш разговор?

Шеврос хлопал своими большими глазами и тяжело дышал.

— Вижу, что хорошо, — спокойно продолжил Септ. — Божья роса, божья роса... Что вы слышали о божьей росе, любезный Гас?

Шеврос молча провёл языком по губам, зная по слухам привычки Сверла и не смея его перебить.

— Всё верно, всё верно, ничего, — кивнул Септ, опираясь на деревянный поручень, отделявший его от края палубы. — А всё почему? Да потому что вы и не могли об этом ничего знать, любезный Гас.

Септ повернулся к Шеврозу и посмотрел на него с укоризной:

— Потому что это вещество долгие годы находилось под строжайшей тайной за семью печатями, и лишь единицы получали к ней доступ.

Шевроз повернул к Септу голову и печально, с какой-то даже мольбой посмотрел на служителя.

— Ну-ну, бросьте, мой милый, лучше расскажите, как в ваши руки попала информация об этом... ммм... «Свободном городе»? И как, даже если принять вдруг на веру, что это правда, эта организация получила доступ к такому редкому в наше время веществу, как «Божья роса»?

Септ наконец замолчал и, сложив руки перед собой, стал ждать.

— У-у-у меня есть информатор, — начал Шевроз, встряхнув головой, — мы никогда не общаемся напрямую, он присылает мне послания с птицами.

Септ скептически покачал головой:

— Вы расстраиваете меня, Гас.

— Я могу писать ему ответы, но птицы его, и только они знают куда лететь, — произнёс Шевроз и ещё раз с мольбой посмотрел на Септа.

Служитель прищурил глаза и посмотрел на главного редактора «Вечернего ветра» с недоверием.

— А что, если вы врёте, Гас? Как мне это узнать? — хмуро спросил он, резко привстав с поручня, и двинулся к столу с картой.

— Я... я... я не вру... — залепетал главный редактор.

— Вы знаете, кто это? — спросил Септ, поднимая со стола статуэтку четырёхликого козла, и, не дожидаясь ответа, продолжил сам: — Это Бесил Мун. Бог, победивший время, — с какой-то нескрываемой гордостью за козла, произнёс Септ. — Бог, повелитель пастухов. Понятное дело, в наше время он не востребован, но раньше, даже когда Культ уже возник, это была мощнейшая фигура. Чтобы приобщиться к общине Бесил Муна, человек должен был зарезать козла, искупаться в его крови и кишках, а затем съесть его плоть вместе с остальными братьями и сёстрами.

Шевроз тяжело вздохнул и посмотрел на фигурку древнего лжебога, которую крутил перед его лицом Сверло. Наигравшись, Септ поставил её на стол, закрепив заволновавшийся на ветру край карты.

— Так вот, те, кто хотели выйти из общины, должны были добровольно отрезать себе уши и нос. И ежели такой человек не выполнял обычай, то братья и сёстры находили его и забирали то, что требовал великий козёл.

Септ вновь помыл руки и вытер их полотенцем.

— Надеюсь, вы понимаете всю примитивность аллегии, любезный Ганс, — произнёс он, опершись руками о стол.

Шевроз кивнул.

— Посему, впредь, не смейте даже думать о том, чтобы публиковать подобные сообщения без консультации с Култом. А ежели так случится, что вы получите голубя от этого таинственного господина, немедленно сообщите этому молодому человеку, — указал Альберт на одного из своих подчинённых, — он теперь будет сопровождать вас везде, даже во время сеансов личной гигиены, — особо подчеркнул Септ. — Искренне надеюсь, что вам ясно, Гас.

Шевроз кивнул даже раньше, чем Сверло закончил.

— Отлично, — подытожил служитель, — уведите.

Студент Кulta схватил удивлённого своей неожиданной свободой главного редактора под руки и потащил к шлюпке, пришвартованной у кормы.

Когда шлюпка отчалила, Септ протёр пальцами правой руки глаза, а затем стукнул себя по лбу тыльной стороной ладони, тяжело вздохнул и подозвал последнего оставшегося на корабле студента, прикомандированного ему на днях семинарией.

— Есть ли новости об этом несчастном помощнике мастера зельеварений? — спросил он.

— Нет, служитель, поисковые команды вышли на след его постоянных поставщиков, но кроме того, что он отоваривался на Нижнем рынке, пока ничего нет.

— Пусть прочешут канал, — нахмурился Септ, — его Высокопреосвященство вновь просил меня обратить на это дело особое внимание. А у меня как будто другой головной боли нет.

Когда студент скрылся за бортом, спрыгнув на аварийном дельтаплане, Сверло открыл дверь в каюту и вдохнул наконец приятную прохладу. Но облегчение было недолгим, его мысли словно вошли в помещение следом за ним. До сих пор в его руках не было ни одной твёрдой зацепки, а главную подозреваемую он не мог трогать, по причинам ему недоступным. Надлежало ещё раз допросить магистра Остолопа и служанку, и отправить кого-то в библиотеку университета, чтобы они проверили книги. Но он не мог даже придумать, кого туда послать, ведь за чтение книг, хранившихся там, закон требовал смертную казнь без суда и следствия. Только самые приближённые к Его Верховному Преосвященству имели к ней доступ. И ничего не оставалось, как лететь туда самому. А это заняло бы всё его время, даже если бы он просто пробежался по оглавлению в тех тематических секциях, что могли касаться рун и этих жутких веществ, способных взорвать полгорода и теперь свободно валявшихся по всему Старому кварталу. А он не мог даже оцепить это место как следует, потому что население бы возненавидело весь Культ окончательно, если бы он не дал им возможность найти своих пропавших и погибших родственников. Доверять это дело магистрату он просто не мог по причинам как политическим, так и этическим, а людей на очистке категорически не хватало.

У него заболела голова, и он пошёл вглубь каюты, где на маленьком столике стоял серебряный кувшин с забывай-водой. Он наполнил стакан до краёв, но пить не стал, а уставился в окно, откуда виднелись лепестки района Сада — огромные многоэтажные платформы, где выращивали растения. Что-то мешало ему сосредоточиться на цели, какая-то деталь, которую он чувствовал нутром, но совершенно не мог найти объяснение. Он чего-то не понимал в происходящем, чего-то существенно важного.

Глава 12

Лист снова рос. И в душе его был покой и порядок. Он испытывал те же знакомые чувства. Защищённость, уверенность в каждом движении. Он смело мог раскрываться, не боясь выйти за края своей оболочки. Вот только источника не было, питание шло изнутри самого листа. Он поднажал — первое вместилище раскрылось и выпустило его. Но вместо того чтобы развернуться, словно парус, он вытянул вперёд тонкие конечности, сломал оболочку и... пополз. Хотя как мог ползти лист? Он уже не понимал, но, безусловно, полз. Эти конечности,

причём совершенно недавно возникшие, прекрасно подтягивали его продолговатое тельце, совершенно и не думавшее раскрываться, вперёд. Поверхность была незнакомой, он не чувствовал след. Только сзади осталось что-то тёплое, родное, то, в чём он рос и становился... ж-ж-ж... жуком?

Осознавать себя жуком было чем-то невообразимо новым для листа. Он пытался перебороть память о стремлении к росту и фотосинтезу, чему безусловно помогали передние, задние и, как он с удивлением обнаружил, боковые конечности. Но затем мелькнула мысль, заставившая его остановиться. Лейтенант. Он помнил так же и лейтенанта. Грозу флота, асса из ассов. Полёт. Он помнил полёт. Крылья сами раскрылись за его спиной, тут же поймав мельчайшее движение воздуха, и он, зажужжав, поднялся над металлическим перекрытием.

Он помнил, что всегда с лучшим результатом проходил полосу препятствий в академии. Лавируя между металлических конструкций, закреплённых на большом купольном своде, жук повторял тот или иной пируэт, который помнил из жизни лейтенанта Штурма. Ветер, свобода, безграничное счастье. Но эти воспоминания, так быстро и неожиданно настигшие его, уже сменились воспоминаниями, о том, как, будучи листом, он оторвался и падал. И падать было далеко, теряя высоту и связь с родным источником. Кружась по большой спирали, поддавшись отчаянью и чувству невосполнимой потери, жук планировал вниз, в огромный зал, где собрались сегодня, наверное, все законодатели города, чтобы послушать речь Великого Мастера Перлеглоза.

— Дорогие члены собрания, я хотел напомнить вам следующие строки Последнего поэта, — произнёс Трокийя и прокашлялся. — «Прекрасно будущее то, что не страшится нас и к нам направит сквозь года свой благосклонный глас. И свой бескрайне трудный путь в далёкое *Туда* начну идти уже сейчас я с чистого листа».

Перлеглоз выдержал паузу и оглядел возвышающийся над ним колодец Сената.

— Думаю, вы все прекрасно помните эти слова. Они юношеским огнём отпечатались в сердцах каждого, кто жил вместе со мной в ту славную пору, когда они были написаны. Да, то была пора ошибок и экспериментов, но и пора надежд. Мы воспитывали наших детей не как торгашей и индивидуалистов, а как единый организм, где главными качествами были альтруизм, честь, совесть, бескорыстие. Как можем мы говорить о будущем, светлом будущем, когда мы делаем к нему шаг из разврата, корысти и предательства? Чему мы учим молодые поколения? Какой пример даём? И что в итоге желаем достигнуть?

Он перевёл дух, глотнул из стакана с водой, но закашлялся. Что-то попало ему в горло. Прижав кулак ко рту, Перлеглоз ещё раз громко кашлянул, незаметно сплюнул в него, и, коротко взглянув на оставшегося в нём жука, продолжил:

— Нет, нам не совершить этого скачка, не построить ту жизнь, о которой мечтаем, если наши решения и наши дела будут продиктованы стремлениями отдельных личностей к удовлетворению собственных мелких амбиций, приводящих к таким катастрофическим последствиям, как мы можем наблюдать сегодня.

Перлеглоз вытер жука о край трибуны и стукнул кулаком:

— Вы знаете, о ком я говорю. О том, кто, прикрываясь красивыми словами, противясь воле Сердца, использовал средства и влияния, чтобы привести нас к сегодняшней трагедии. Я говорю, дамы и господа, о Серане Тайграде, присутствующем ныне здесь.

В этот момент на пятнадцатом ярусе со своего кресла вскочил высокий полный мужчина и что-то закричал, но слов его было не разобрать. Перлеглоз усмехнулся.

— Сотни погибших и раненых, разрушенные святыни и достопримечательности города. И если бы не истинный подвиг нашего славного правителя, кто знает, к каким ещё жертвам привела бы нас эта погоня за славой одного человека, наделённого властью продвигать свои безумные и бестолковые проекты. Но кто дал ему эту власть? Мы, господа. Наша недалёковидность. Наша неразборчивость. Наша, не побоюсь этого слова, лень.

Герцогиня Ки, сидевшая в одной из верхних лож, в чёрном траурном платье с вуалью на лице, с трудом следила за речью великого мастера, прерывавшуюся теперь свистом и улюлюканьем с соседних балконов. Её мысли были заполнены страхом. За последнюю неделю её положение переключалось из шаткого в полностью незащищённое. И она с трудом представляла себе, что с этим делать. Заголовок «Вечернего ветра», гласящий, что «Свободный Город» берёт на себя ответственность, крутился в её голове на все лады. И как им могло такое в голову прийти? Почему её не предупредили? Саботаж? Она не могла простить себе, что пустила всё на самотёк.

Прийти за ней могли в любую минуту, она это чувствовала — и стала бояться ночных шорохов, голосов за дверью, скрипа половиц. Замок стал ей чужд, и каждый раз она бежала из него при любом удобном случае. И пусть бы уже пришли, потому что ожидание съедало её больше всего на свете. И только верная Асоль, лежавшая сейчас в её ногах, вселяла искру надежды. Животное чувствовало состояние хозяйки и не отходило от неё ни на шаг.

В соседнюю ложу вошёл Альберт Септ и присел на свободный стул, поклонившись ей. Герцогиня вздрогнула и скрылась за спинами своих «подруг» времён школы для девочек. Одна читала книгу, другая смотрелась в зеркало. Когда Ки встала и вышла, они даже не обратили на это внимания. И только собака бесшумно последовала за хозяйкой. В пустых коридорах шаги Герцогини отдавались звенящей остротой. Выйдя в широкий зал приёма, она поспешила по лестнице к громоздким дверям на улицу. Такая маленькая по сравнению со всей этой пышной имперской архитектурой. Во дворце не было места, где она могла бы почувствовать себя в безопасности. Не сейчас. Почти бегом она вышла на свежий воздух, но от ударившего в лицо холодного ветра она замедлила шаг. На широкой площади между зданием Сената и храмовым комплексом висели гондолы и личные корабли городской знати. Даже при ярком свете Старшей звезды было холодно, потому что её накрывала огромная тень замка Узурпатора, венчавшего Дворцовую площадь. По холодным камням, где шла Герцогиня, тянулись во множестве трапы и приставные лестницы с кораблей. Такая же чёрная, как и хозяйка, ежась на ветру и поджимая хвост, за Ки бежала собака. В тон герцогине между трапов разъезжали на своих лошадях закованные в броню чёрные рыцари. И ветер разносил по площади тянущиеся за их спинами клубы дыма.

Ки взбежала по лестнице и зашла в помещение семинарии, начинавшееся с ряда высоких колонн, уходивших в темноту. Её каблуки стучали по мраморному полу. Говорили, что рисунок, выложенный на нём, повторял дорогу, которую умерший должен был отыскать по пути в иной мир. Скоро колонны стали редеть, там и здесь она замечала тёплый свет ламп, освещавших множество пирамид, где на разных уровнях возлежали молильщики. Невероятно толстые, не способные передвигаться самостоятельно, большую часть времени они спали. Под каждым из них на специальном пандусе располагалось место для молитвы, куда приходили со своими просьбами к Сердцу представители знати. За каждым домом, семьей или членом городской организации было закреплено своё место и свой молильщик. Люди приходили и

доверяли спящим свои самые сокровенные тайны и желания, веря, что он передаст их Сердцу и оно обязательно исполнит их. Считалось, что непосредственная передача происходит через храп. И чем громче и явственней рокотал во сне молильщик, тем явственней слышало просьбы людей Сердце. Среди людей ценились те, кто мог храпеть нерегулярно. И особенно выделялся один — Энфелад Теон. Огромный, раза в два больше обычных молильщиков, он возлежал в углублении между самых больших пирамид.

На летающей платформе его выкатывали одетые в яркие платья куклы. Вокруг, в просторном амфитеатре, собралось большое количество знати, не принимавшей участие в голосовании в Сенате, чтобы послушать его «арии». Он храпел настолько неожиданно и самозабвенно, что вызывал самые глубокие и противоречивые чувства у пришедших. Бывали молильщики, пытавшиеся копировать Теона, но достигнуть экспрессии и неожиданности храпа, прорывавшегося из самой глубины его существа, заставляя всё пространство грохотать, не мог никто. Жалкие попытки копировать его стиль лишь обличали неестественность и наигранность его подражателей и отталкивали от себя пришедших к ним людей.

Ки проследовала мимо спуска к амфитеатру и на секунду остановилась возле колонны. За ней виднелась сцена. Герцогиня прислушалась к очередной трели лежавшего на спине молильщика, эта трель переросла в протяжный свист, отразившийся от многочисленных сводов храма. Вокруг, замерев на стульях, сидели люди и не отрываясь смотрели на дрожащее тело Энфелада.

Асоль спряталась за ногами хозяйки и фыркнула.

— Да, дорогая, ты совершенно права.

Герцогиня пошла дальше, но уже спокойнее, словно происходящее таинство как-то защищало её, окутывая вуалью незаметности для остального мира. Она подошла к большим дверям, за ними располагалась часть здания, где проходило обучение адептов. Ки пошла по длинному коридору, ярко освещённому светом Старшей звезды. Было тихо, видимо, ещё шли занятия. Из окна в конце коридора виднелась стена замка Узурпатора. Свернув в ещё один коридор, она поднялась по лестнице к большому лекционному залу и услышала из-за дверей размеренный старческий голос. Герцогиня присела и подозвала собаку:

— Останешься здесь. Никуда не уходи.

Асоль посмотрела в ответ укоризненно, но спорить не стала. Герцогиня встала, поправила платье и аккуратно открыла дверь.

Зал поднимался на много ярусов вверх и чем-то напоминал зал Сената, и в центре этого амфитеатра из парт сидел старик в балахоне. Ткань почти закрывала его лицо. Послушники Культа, не отрываясь, внимали ему, и никто не заметил, как скрипнула дверь за ширмой, впуслав Герцогиню.

— Исторический смысл реформ Узурпатора Саммариуса, хранителя города и ревнителя Сердца, нам ещё только предстоит осознать. Несмотря на кажущуюся их очевидность, далеко не все понимают, сколь значимую роль сыграли они в судьбе города и как ещё предстоит им проявить себя. Особенно часто я встречаю тех, кто упрекает Культ в его поддержке, особенно в научной среде. Но горячо мною любимая наука упускает важнейший момент. В самом факте нашего существования заключается чудо. Мы живём, подпитываясь ежедневным чудом бытия в городе Сердца. Я каждый день смотрю, как оно бьётся. И одно это делает меня верующим. Безусловно, сейчас мы переживаем тяжёлое время. Мы, и, говоря мы, я не исключаю себя,

слишком далеко зашли в использовании Сердца. Наши фабрики и заводы, наши электростанции и плантации, наша опресняющая система, в конце концов — всё это работает на его биение. И это биение угасает с каждым днём. Может наступить тот день, когда оно не выдержит. На каждый день последнего лунного года было назначено то или иное еретическое пророчество о последнем ударе. Люди чувствуют, люди ждут конца. Но кто-нибудь что-нибудь сделал для того, чтобы изменить положение дел? Кто-нибудь прекратил пользоваться электрическими лампочками в своём излишестве и роскоши? — Верховный небрежно махнул рукой в сторону крыла «молильщиков», где собралась знать. — Я вам отвечу. Нет. Мы продолжаем жить, словно Сердце вечно. Мы продолжаем тянуть из него жилы, пользоваться его силой. Раньше, во времена его величия, сила эта не требовала, чтобы её выкачивали из Сердца, ею обладал каждый, кто находился в непосредственной связи с этим великим «артефактом». А сейчас мы, как паразиты, пьём его кровь, ежедневно превращая его силы в чёрный дым, питающий нашу промышленность, нашу охрану, нашу власть.

Он вытер языком губы и отхлебнул из кубка, находившегося рядом, на маленьком столике.

— Да-да, вы не ослышались. И тем поразительнее, что именно обладатель этой верховной власти сделал первые шаги к переменам. Саммариус был жестокий человек, безусловно. Тиран. Но он имел высшую цель и действовал во имя её. При его правлении закрылись четыре крупных завода, было ликвидировано более сотни небольших предприятий, работавших на чёрном дыму. Вся система фильтрации была переведена на древнюю колодезную структуру, а все кроме одной электростанции были закрыты. И это только малая часть. Все научные разработки были остановлены, закрыт университет. Да, он утопил город в крови, да, мы шагнули назад в развитии. И да, только поэтому Сердце всё ещё бьётся. И ещё раз да, только из-за этого мы все ещё живы.

Старик стукнул ладонью о столик и встал с кресла. Аудитория зааплодировала. Неофиты повскакивали со своих мест. С галерки слышались крики «браво». Ки, выглядывавшая из-за ширмы, ждала, что сейчас к ногам Верховного полетят цветы, но их не последовало. И студенты, зашумели и засобирались прочь из аудитории. Кто-то подошёл к Верховному с вопросами, и Ки пришлось ещё подождать, пока зал опустеет и старик, оставшись один, устало опустится обратно в кресло.

— Да, моя дорогая, проходи. Ты долго ждала? — спросил он, наливая воду из графина, пока последний студент выходил через парадные двери в центре амфитеатра.

— Нет, Ваше Преосвященство. Успела лишь застать момент Вашего триумфа.

Верховный рассмеялся, звонким каркающим смехом и сделал глоток.

— Да, с годами я совершенствуюсь в подготовке, так сказать, неокрепших умов, — хмыкнул он. — Кадры выходят достойные.

Он украдкой взглянул на Герцогиню и обратил взор к длинным зелёным портьерам, откуда бил свет входившего в полную силу дня.

— Ты по какому-то делу или так, зашла проведать старого учителя? — спросил он протяжно.

— Я, безусловно, рада увидеть вас в добром здравии. Но, как вы проницательно успели заметить, я по делу. Даже по нескольким делам, — ответила Герцогиня, присаживаясь на стул

рядом с поднимавшимся вверх амфитеатром студенческих парт, — один из ваших... м-м-м... учеников рвётся посадить меня в тюрьму.

Верховный кашлянул и, помогая себе руками, положил ногу на ногу.

— Альберт?

— Да, Сверло, — ухмыльнулась Герцогиня.

— А какие у него основания? — спросил старик, поправляя рукава балахона.

— Он не говорит этого вслух, но, похоже, подозревает меня в измене и пособничестве террористам, укравшим руну из хранилища университета. И я не сомневаюсь, что он пришлёт мне и недавнюю трагедию в Старом квартале, — произнесла Герцогиня, глядя прямо на Верховного.

Тот выдержал её взгляд и спросил прямо:

— А его подозрения имеют основания?

— Конечно же, нет, — добавив щепотку возмущения, покачала головой Ки.

— Тогда, о чём же вы волнуетесь, дитя моё? — удивлённо развёл руками Верховный.

— Я волнуюсь, потому что Альберт сегодня — это человек, наделённый большой властью, а я... — запнулась Герцогиня.

— А вы перестали быть фавориткой Узурпатора, — закончил за неё старик.

— Да... хотя нас... — начала было она, но осеклась.

— Да-да, я слышал эту прелестную историю о белой деве верхом на драконе, — кивнул Верховный, — весь город судачит.

Ки крепко-крепко схватилась за подол платья и молча смотрела на свои руки.

— Я понимаю, моя милая, как вы себя чувствуете. Видимо, это и есть истинная причина вашего визита. А старина Альберт — лишь следствие.

Старик встал с кресла и медленно подошёл к даме, присел рядом и обнял её за плечи.

— Не переживай, это того не стоит, я понимаю, сколько всего примешано к этим чувствам. Твой отец, его сестра, ваше родство, положение твоего дома. А теперь ещё этот Альберт продолжает дёргать тебя за косички, как в детстве, — прошептал он на ухо уже почти расплакавшейся Герцогине. — А вот правда, кого ещё он может подозревать?

Ки подняла полные слёз глаза на Верховного и отпрянула от него, вскочила и попятилась к портьерам.

— И вы? Вы... — произнесла она срывающимся тоном.

— Ну полно, полно, моя дорогая, я шучу, — примиряющим тоном произнёс старик, сверкая глазами под капюшоном. — Я просто рассуждаю, как рассуждает Альберт. Электрический кабель был обрублен как раз в том месте, где он уходит к башне библиотеки. Похитители располагали, по всей видимости, детальным планом башни Лучей. Заранее знали, как будут покидать его. Без человека внутри это невозможно, тем более без человека, который мог бы передать им ключи от публичной части библиотеки. И это действительно его работа

думать в таком ключе. Кто мог бы быть тем звеном, что охотнее всего станет пособничать элементам, играющим против нашего любимого всеми дома Йомера? Кто может хотеть мести за поруганную честь дома и погибших родственников? Кто если не ты, моя дорогая?

Ки вжалась в портьеру, продолжая слушать Верховного.

— Безусловно, он будет делать всё, чтобы добраться до тебя. И поскольку твоя главная карта бита какой-то простолюдинкой, тебе нужен другой козырь в рукаве против моей главной ищейки. И именно поэтому ты здесь. Договориться со мной.

Герцогиня сглотнула, почувствовав себя обнажённой такой откровенностью.

— Однако, чтобы договориться со мной, ты должна быть откровенна со мной до конца, иначе как же я могу тебе помочь? — развёл руками старик, затем встал и направился к кувшину с водой.

Ки тяжело дышала, глотая слёзы. Она чувствовала себя глупо, и ещё глупее она чувствовала себя из-за письма, сжигавшего рукав её платья. Послание было передано ей девочкой Гердой, его-то она и должна была передать старику. Сопротивление, если оно хотело свергнуть Узурпатора, нуждалось в Культе. Но внутри неё что-то ужасно противилось необходимости идти на поводу у этого человека — его она искренне ненавидела и презирала, но сейчас он был её последней надеждой. Всем своим нутром она чувствовала: он хочет, чтобы она отдала ему письмо, и он почти сломал её.

Но откуда-то из живота поднялось в ней необъяснимое чувство противоречия, позволившее проглотить накатившие слёзы, выпрямиться и глубоко вздохнуть.

— Простите меня, Ваше Преосвященство, — произнесла она формальным тоном, всё же совладав с собой. — Я потеряла лицо, и мне стыдно перед вами. Я зайду в другой раз, когда справлюсь с чувствами.

С этими словами Герцогиня исчезла за ширмой. Верховный проводил её взглядом, налил себе воды, глотнул и подошёл к окну, за которым виднелся замок Узурпатора.

— Совсем как тётка, — сказал он тихо и схватился за бок, пронзённый острой болью, отчего он скривился и кряхтя крикнул: — Ну что там не нашлось у нас нового мастера зельеварений?

Из маленькой дверцы в кафедре показалось испуганное лицо молодого культиста, он пожал плечами и с грустью ответил:

— Ваше Преосвященство, кроме той женщины из Квартала мистиков больше никого.

— Ах ладно, зови её сюда, — прокряхтел старик, хватаясь за спину.

Белая дева, спасительница и защитница, Майло Сомнем сидела в этот момент за столиком, принадлежавшем когда-то Анастасии Амун — единственной жене Узурпатора Саммариуса. Этот искрящийся роскошью будуар располагался рядом с покоями Тэмена. От бывшей владелицы здесь остались аккуратно уложенные гребни, заколки, множественные шкатулки с драгоценностями и целый коридор из платьев — и юная девушка не могла их не примерить. Две служанки (Майло несколько пугала их способность смотреть исключительно в пол), помогали ей в любой её просьбе, и она уже несколько часов не могла выбрать, что ей

нравится больше: платье зелёного бархата с золотым рисунком по фигуре или сверкающий серебряный камзол с вышитым на нём серебряным драконом. А ведь она только начала примерять эти оказавшиеся ей точно в пору головокружительной красоты вещи. И голова действительно шла кругом — и от навалившихся событий, и от того, как она ощущала себя, живя в этом огромном замке, полном чудес.

В дверь постучали. Одна из служанок встала возле неё, ожидая решения Майло. Та кивнула (как вечно смотрящая в пол девушка смогла разглядеть движение её головы?), служанка открыла дверь. В неё вошла кукла в камзоле с эполетами и офицерской шляпой. Большие глаза оживлённого нелепо моргали, прячась за кипой писем — их писали для Майло жители города, выражая благодарность за спасение их родных и близких. Кукла подошла к кровати и положила письма на неё — там уже покоилась целая гора выражений любви и обожания от простого люда.

— Ваше Величество, зачитать? — обратилась одна из служанок.

— Ну какое я вам величество, — смущённо улыбнулась Майло. — Спасибо, нет, на сегодня уже достаточно.

Во всех без исключения письмах люди выражали надежду, что теперь-то глас народа во дворце будет услышан, что она обязательно станет королевой — первой королевой из народа. Остальные бесконечно признавались в любви, желали плодovitости и долгой жизни. И это были те же люди, что проходили мимо неё каждый день. Те самые, думала она, что никогда не отнеслись бы к ней иначе, как к товару, за её красоту, многократно оценённую по дешёвке перебравшими забывай-воды рабочими с соляного завода или торговками гнилыми фруктами с переулков перед нижним базаром. И вот теперь все они смотрят на неё, как на алмаз в короне Узурпатора, восхищаясь и питая надежду на то, что она будет заботиться и помнить о них, спасать и защищать. Майло почувствовала, что ещё чуть-чуть, и она сможет выскользнуть из этих противоречивых переживаний, взлететь, воспарить над зеркалами, служанками, пролететь сквозь украшенный ажурной рябью потолок и вознестись туда, к лунам, звёздам, закружиться вместе с ними в их вселенском танце и стать, наконец, свободной от всех мнений и слов на свете.

Она открыла глаза. Кукла давно вышла, а служанки смиренно ждали её выбора, стоя с двумя новыми платьями в руках. Майло поняла, что довольно долго простояла так, с закрытыми глазами, сглотнула и указала на пышное золотое платье с короной на подоле.

Закончив переодевание и полюбовавшись своим отражением, она подошла к другой двери, и, приоткрыв её, посмотрела внутрь зала, где они с Тэменом сидели перед камином в тот тревожный вечер. Там, стоя в чёрном камзоле за большой картой, Йомера общался о чём-то с советниками. В углу лежала стопка писем — как у неё на кровати, но поменьше. Это и удивило, и заставило её улыбнуться своему неожиданному превосходству над возлюбленным. Темен краем глаза заметил, как она следит за ним и улыбнулся. Затем кивнул советникам, и они тотчас стали один за другим покидать помещение, поочерёдно расшаркиваясь и кланяясь Узурпатору.

Когда все вышли, Майло выглянула, убедилась, что они одни, и вышла к Тэмену, блестя и переливаясь в лучах обоих звёзд, светивших через панорамные окна замка.

— Мне кажется, вы слишком ярко одеты для траура, — усмехнулся Йомера, делая шаг к ней навстречу.

— Я просто примеряю наряды вашей матушки, — смутилась девушка. — И, о Сердце, они так прекрасны! Она была настоящая красавица, я видела портрет в зале собраний. Что же случилось с людьми, когда они видели её в этих прекрасных нарядах?

— Многие теряли дар речи, а некоторые и сознание, — улыбнулся Тэмен, обнимая Майло. — Но, я уверен, ты не меньшее впечатление произведёшь, когда представится случай.

— Умеете вы, Ваше Величество, смутить девушку.

— Не сомневаюсь.

Она толкнула его плечо ладонью и отвернулась.

— Вы что думаете, я должна сносить эти намёки? — гордо поведя плечами, сказала Майло. — Вы можете получить любую, и, кто знает, кто окажется в этом будуаре завтра вместо меня.

— Если там не будет тебя, то и меня не будет в этом замке, потому что я буду с тобой, — сказал Темен, подошёл к Майло и обнял её за плечи.

— О луны, когда я слышала, как такое говорят кому-то, меня выворачивало наизнанку, но теперь, когда я слышу это от тебя, я таю, — засмеялась она и, вырвавшись из рук правителя, закружилась по залу. Темен смотрел на неё с восхищением и воодушевлением, которого не испытывал в жизни.

— У меня сегодня много дел. Представители промышленности продолжают убеждать меня в целесообразности их новых законов, вечером буду рассматривать проекты реконструкции Старого квартала, так что, боюсь, мы не сможем провести сегодня столько времени, сколько хотели, — произнёс он, возвращаясь к столу.

Майло перестала кружиться и упала в кресло.

— Ну что ж, тогда я отправлюсь домой и проведу сестру. Надеюсь, с ней всё хорошо и нашу маленькую забегаловку не задело, — произнесла она, откинув голову на подушки.

— Не думаю, что тебе стоит покидать территорию дворца, — поднял взгляд от бумаг Йомера.

— Это почему?

— Теперь, когда наша тайна раскрыта... Ты стала человеком другой... э-э-эм... породы. И те, кто узнают тебя, не дадут тебе прохода. Вспомни толпу на площади. Они же... как дикие перворождённые. Не в худшем смысле. Эмоция толпы, понимаешь, она рождает лишь примитивные реакции. И когда они видят кого-то вроде тебя, неизвестно, что они сделают: поднимут тебя на руки или этими же руками разорвут.

Майло смотрела на него испуганно и удивлённо.

— Но есть одно решение, — задумчиво произнёс Узурпатор. — Ты можешь полететь на Бьёрнвейге.

Майло подняла вверх брови.

— Так, по крайней мере, я буду спокоен, — заключил он, поправляя меч с руной на своём боку. Девушка встала.

— А я... — начала она, немного стесняясь своего вопроса, — полечу верхом?

— Без меча ты не сможешь лететь в груди дракона, — покачал головой Тэмен, — а расстаться с ним, я не имею права.

— Почему?

— По причинам безопасности, кхм. Мой отец оставлял меч здесь, в кабинете, что, собственно, и погубило его.

— Погубило?

— Да, но это повод для другого вечера перед камином, — улыбнулся Тэмен и пошёл на балкон.

Майло была озадачена. Узурпатор, стоя в контражуре яркого солнечного света, хлопнул в ладоши, глубоко вдохнул свежий воздух набирающего силу дня и свистнул. Через несколько мгновений дракон взвился в воздух, подняв вихрь вокруг Тэмена, сорвав с юных деревьев листья и заполнив ими зал. Но затем чудовище приземлилось и покорно склонило шею возле Узурпатора. Йомера сделал знак Майло.

— Я же не успела переодеться, — воскликнула она.

— Ничего страшного, — протянул ей руку Тэмен и улыбнулся. — Ты теперь другой человек, стоит привыкать к новому статусу.

Девушка сделала несколько робких шагов, словно примиряясь со своим новым положением, и уже тверже пошла на балкон, приняла руку правителя и взошла на шею гигантского механического чудища, скрипевшего всеми вентилями, выпускавшего пар и чёрный дым. Йомера отпустил её руку, и, когда она уселась в кресло, помог ей закрепить ноги и тело ремнями. Поклонившись, он отошёл.

— Следи за ней, пока не вернёшь её сюда, и не дай ни одному волосу упасть с её головы, — произнёс он строго, глядя в пылающие тёмным пламенем глаза дракона. — Что бы она ни приказала, исполняй.

Дракон опустил голову в знак послушания перед господином. Тэмен повернул голову к Майло.

— Приказывай, — улыбнулся он.

Майло замешкалась, но потом приняла торжественный вид и громко продекламовала:

— Неси меня на пересечение переулка Слепых и Набережной обводного канала.

Дракон с грохотом и скрипом расправил свои механические крылья, взмыл в воздух и, нырнув между пиков дворца к воротам, исчез за городскими башнями.

Вода в канале текла так, словно не замечала, что творилось вокруг. Её тёмная поверхность не менялась даже теперь, когда башни собора в Старом квартале не преграждали путь солнечного света. Рыбак удобно устроился прямо на краю падавших в канал лучей, чтобы оставаться невидимым для любопытных глаз, но и не упускать возможности погреться. Мышь снова была беременна, её выводок шебаршился в старом башмаке, уже совсем в нём не помещаясь, а течение несло и несло всё новые сюрпризы тому, кто умел ждать.

Стало темнеть; свет исчез. Рыбак вздрогнул, а мышата инстинктивно замерли в своём башмаке. Грохот и скрежет слышались в вышине между домов. Рыбак рванул в ближайший переулок, и в воду, с плеском поднявшемся до третьего этажа, приземлился сложивший крылья дракон. За ним на поверхность канала стали падать тряпки, веревки и белье, вывешенное окрестными жителями сушиться на окна.

Майло с трудом отпустила от поручня покрасневшие от напряжения руки.

— Посадка была жёсткой, — произнесла она сквозь зубы.

Дракон пыхнул чёрным дымом и опустил голову на набережную. Девушка потеряла затылок, ушибленный о кресло, отцепила ремни, и, пошатываясь в неудобной для таких путешествий обуви, сошла к когда-то красной двери на пересечении канала и Переулка Слепых. Дракон поднял голову и внимательно посмотрел на Майло.

— Не беспокойся, здесь со мной ничего не случится, — произнесла девушка, повернувшись к чудовищу. Дракон снова выпустил чёрный дым и демонстративно отвернул от неё голову, всматриваясь вдаль, на изгиб канала. Майло вздохнула, подошла к двери и дёрнула за ручку. Дверь оказалась открыта, и она вошла внутрь.

В помещении пахло похлёбкой. Девушка прошла по маленькому коридору и остановилась, наступив на скрипучую доску. С кухни на неё смотрел приятный молодой человек, но одежда его была ужасно грязной. Он улыбнулся и тут же уронил с жерди котелок. На пол потекла та самая похлебка, чей запах Майло ощутила при входе. Сильно изменившись в лице, молодой человек попятился и вжался в стену. Майло удивилась, но потом оглянулась и увидела в двери глаз дракона, изучавшего его. Девушка повернулась и сердито погрозила ему пальцем.

— Не подглядывай, — шикнула она и захлопнула дверь прямо перед мордой чудовища.

Когда девушка повернулась, по лестнице со второго этажа спускалась Зара. Измученная и уставшая, она еле волочила ноги. Майло бросилась к ней и обняла сестру.

— Милая моя, как я скучала, — воскликнула она.

— Осфососно, осфососно, испафькаефь сфое фолофое плафье, — ответила Зара, отнимая руки и отталкивая сестру от своей грязной одежды.

— Привет, я Этель, — вмешался молодой человек, оторвав свой рукав, он принялся вытирать им пол, — простите, не могу пригласить вас к нашему ужину, он весь утёк.

Он развёл руками, рассмеялся и продолжил вытирать пол. Зара прошла мимо и уселась на пол напротив Майло, прислонившись спиной к стене.

— Ну фто фе-ст-ф-ф-ренка, как де-ла?

Майло с немым удивлением посмотрела на сестру.

— Не об-ф-ф-ра-ф-фь-щай фнимания, я просто че-ф-ф-р-тофски ус-ф-тала, и мне дейффтительно фаль тфоего пфлафья... пфлятья... платья, — произнесла Зара, закинув голову назад.

Майло подошла к сестре и опустилась рядом на корточки.

— Что случилось? — спросила она взволнованно.

— Мы спасали мастера Вульфи, — ответил за Зару Этель, закончивший собирать похлебку с пола и отправившийся в ванну.

— Откуда? — спросила Майло.

— Иф-ф-ф-з заф-ф-вала, — с трудом выговорила Зара и посмотрела на сестру, — люфи гофо-ф-ря-ф-фт ф-ф-ты т-там ф-была.

Майло отвернула голову. Вернулся Этель и посмотрел на девушек.

— Да, госпожа Зара, у вас столько секретов и загадок, что мне никогда не отгадать. Может, быть вы представите нас?

— Я Майло, сестра. Сводная сестра, — произнесла девушка, привстав и протянув руку для поцелуя молодому человеку. Этель смутился.

— Мокрая, — произнёс он, целуя. Зара искоса посмотрела на сестру.

— У вас... ммм... умопомрачительное платье, сестра Зары, сводная сестра, — произнёс молодой человек, подмигнув Заре, только нахмурившейся от этого, — такое к месту при дворе. Или скорее это двор будет к месту к такому платью. Ну и ваш спутник. Ох-хо, ваш спутник — самый необычный из всех, что мне приходилось встречать.

Майло посмотрела в окно, в котором сиял красный глаз дракона, но, заметив взгляд девушки, тут же исчез.

— Да, вы знаете... — начала девушка, пытаясь подобрать слова.

— Этель, — напомнил молодой человек.

— Да... Этель... Я... Мы...

— Она — нофая игфуфка Уфуфпатоф-ра, — зло отрезала Зара, сверкая глазами.

— Зара, что ты такое говоришь? — воскликнула Майло. — Что за глупая зависть?

— Зависть? — вскричала Зара. — Мы чуть не погибли, пока ты там прохлаждалась во дворце, мы разгребали завалы, мы ели фспасли твоего дядюшку. Он был в тюрьме в старом квартале.

— Он мне не дядюшка!

— Тогда кто?

— Он сам говорил, что его брат не мог быть моим отцом.

— Но тофда зафем отец послал тебя к нему?

— Не знаю! — рассердилась Майло и топнула ногой. — Отец ошибся!

— Отец никофда не ошибался, — вскипела Зара, — ты помнишь, ты помнишь? У него одна рука была короче другой, потому что он фаботал на износ на верфи, чтобы выкупить «Тринадцатую луну». Он фсю сфою физнь положил...

— Я лучше пойду, — тихо произнёс Этель и стал пятиться к лестнице.

— А где была ты? — прохрипела Зара.

— Если бы не я, от Старого квартала не осталось бы камня на камне! — закричала в ответ Майло.

— Да-а-а?! — Зара вскочила на ноги и упёрла руки в бока. — Ты, может, лифно спасала людей, вытаскивала их из-под завалов или останавливала эти огромные бафжи, когда они падали вниз, на дома?

Обе стояли друг напротив друга, обе тяжело дышали.

— Ты... ты... Копайся в своей грязи, а я отправляюсь наверх, к свету, — крикнула Майло и вышла вон, звонко хлопнув дверью, так что стекло даже выпало и разбилось о мостовую.

Послышался хруст и скрежет, за окном показались гигантские лапы, а затем хвост дракона, поползшего по этажам вверх. Опустившейся на канал тенью чудовище взмахнуло крыльями и исчезло, вновь дав дорогу солнцам.

Когда Этель спустился на первый этаж, Зара сидела на полу и плакала. Он присел рядом и обнял её. Она сначала отдернула плечо, но затем обмякла и упала ему на грудь.

— Тефе, нафефно отфатительно, как я гофофю, — почти прошептала Зара.

— Нет. Ты что, — покачал головой Этель, — ты прекрасно говоришь.

Так они просидели, пока солнечный свет не скрылся и не стало холодать. Этель поднял девушку и отнёс её на руках на второй этаж, где на матрасе безжизненной куклой лежал старик. Молодой человек уложил её, спустился и вышел на улицу, прикрыв за собой дверь.

Для симметрии оторвав второй рукав рубашки, он двинулся в сторону Рыночной площади, подрагивая от вечерней прохлады. На площади возле Колизея, переполненной запахами острых специй, он свернул в сторону рынка и задворками спустился к рабочим баракам, где начинались казармы. Оттуда он вышел на Сердечную площадь с противоположной стороны от «Тринадцатой луны», где теперь, ожидая встретить Белую Деву, собиралась чуть не половина города. Остатки обрушившегося лифта подняли добрую четверть брусчатки и выкорчевали фонари, образовав пригорок, где теперь играли в войну дети. В начале улицы к стене прислонился трубач и изливал свою замысловатую импровизацию, отчего настроение молодого человека сгустилось и стало безвозвратно задумчивым и философским.

Потирая руки от холода, Этель протиснулся сквозь нескончаемую очередь оживляшек и оказался возле своего Химического театра. Хлопнув по карманам, он с досадой покачал головой. Похоже, ключ остался в пиджаке, погребённом теперь где-то под завалами Старой тюрьмы. Этель постучал, а затем позвонил в дверь и оглянулся на перекресток, пересекавший очередь. Большая стремянка, прихрамывавшая на передние ноги, стала заваливаться на толпу носильщиков, собранных, казалось, из самых старых запасных частей в городе. Носильщики стали разбегаться, но стремянку успела ухватить деревянная обезьяна с необычно длинными руками. Сафрона вспомнил, что видел её на вокзале. Обезьяна переводила часы и объявляла время прибытия поездов и кораблей из других частей города. Краска на лице её совсем стерлась, лишь единственный глаз испуганно моргал, в страхе поглядывая на набегавшие на город тучи.

В этот момент дверь открылась и перед Этелем предстал Аллади, заспанный, но явно в хорошем расположении духа.

— Привет, хозяин, — улыбнулся тот, потягиваясь.

— Привет, Эл. Что это ты опять на хозяина перешёл? Неужто получилось синтезировать то вещество, над которым ты так долго бился? — спросил Сафрона, проходя внутрь.

— Да... то есть, нет, хозяин, нет, не получилось, — осекся Эл, — просто хороший день.

— А у меня вот ужасный, — буркнул Этель, проходя через маленький зал и поднимаясь на сцену.

— Ты был на площади? Ходил в Старый квартал? — спросил он, скидывая остатки рубашки и направляясь в ванную, находившуюся за сценой.

— Н-нет, — неуверенно ответил Эл, — я всё время был здесь.

— Не застал тебя утром, — ответил Сафрона, заходя в ванную и включая на полную душ.

— Наверное, спал, я всю ночь работал.

— Не слышал грохота? — спросил Этель, перекикивая шум воды.

— Не слышу, — крикнул в ответ Эл и запихнул подальше коробку, стоявшую под его лабораторным столом за сценой.

Этель вышел из ванной, опоясавшись полосатым полотенцем одного цвета с изображением красной луны. Он посмотрел на Аллади, что-то переливавшего из колбы в колбу, и спросил:

— Что это у нас за запах стоит?

Эл резко повернулся, принялся, но затем пожал плечами.

— Наверное, сульфат натрия, — пожал он плечами, — мне нужен был для проверки одной моей теории.

Сафрона нахмурился, но запотряс мокрой головой и, вспрыгнув на лестницу, побежал на колосники, где висели его пиджаки и рубашки.

— Скажи, — крикнул он из темноты, — ты мог бы мне помочь?

— С чем? — неохотно переспросил Эл, отложив колбы.

— Мне надо много чего принести в район рынка, — произнёс Этель устало, свесившись с колосников прямо над головой вздрогнувшего Аллади. — Там, у Зары, шаром покати, еды, одеяла, платьев прихватить.

— А вы, хозяин, смотрю, не на шутку увлеклись, — усмехнулся Аллади.

— Но-но, — погрозил ему Сафрона и вновь исчез на колосниках.

— К сожалению, я никак не могу, — ответил Эл после паузы, — у меня встреча.

— Ох уж эти твои встречи, — с досадой хмыкнул Этель, ударившись обо что-то наверху, — ладно, и без тебя справлюсь.

— Ну, я тогда пойду? — с надеждой спросил Аллади.

— Да, иди, — ответил Сафрона, спускаясь вниз, — вот только запасной ключ мне оставь, я, похоже, потерял свой.

Аллади полез за связкой ключей, снял с кольца дубликат и передал Этелю. Молодой человек принял его и сунул в карман. Аллади поклонился, снял с крючка жилетку, надел, поклонился Этелю и пошёл в зал.

Закрыв за собой дверь, Эл направился напрямик к зданию вокзала. Он не мог скрыть волнения и местами с шага переходил на бег. С тех пор как он вернулся со своего задания, ему не с кем было поговорить или обсудить произошедшее. Да и с кем это можно было бы обсудить? Встреча была назначена только на сегодня, а он уже в красках представил, как взойдёт на подиум, аплодисменты, признание, с каким уважением на него посмотрят «Туча» и «Змееовощ», как поблагодарят соратники. Он так ждал этого дня, что специально надел выглаженную рубашку и брюки выходного дня, тем более старый магистерский балахон так пропах веществом, использованным им для поджога, что носить его было бы просто безумием.

На узких улицах было безлюдно, и Аллади, не скрываясь, побежал по мостам и переулкам вниз к вокзалу. Он никогда ещё так быстро не преодолевал это расстояние. Но и ждать больше не мог. Он выбежал на площадь перед вокзалом, где видно было как луны, ещё недавно составлявшие почти ровную линию, теперь отражались в спокойной поверхности озера, окружавшего Центральную тюрьму, в виде чьего-то недовольного лица.

Эл не заметил стражи у ворот, ведущих к платформам. Остановившись перед зданием, он поднял голову на вершину Восточной башни и не увидел огней.

— Догадались зашторить, — улыбнулся Аллади и пошёл к маленькой двери сбоку от главного входа. Дёрнув ручку, он обнаружил, что дверь заперта. Он дёрнул ещё раз. Затем порылся в заднем кармане и извлёк металлическую проволоку. Эл протолкнул её в замочную скважину и поддел нехитрый механизм замка. Дверь отворилась и Аллади, заметно нервничая, побежал по каменному коридору в сторону башни. Пройдя половину винтовой лестницы в башне он устал и, тяжело дыша, прислонился к узкому окну в стене. На площади он увидел людей в чёрных плащах, вышедших со стороны главных ворот вокзала и растворившись в темноте переулков. Эл вздохнул, повернулся и поспешил дальше вверх.

Наконец он добрался до двери наверху. Из-под неё не шёл свет. Он заглянул в щель, прислушался, но ничего не было ни видно, ни слышно. Аллади поднялся и постучал условным стуком. Лишь тишина была ему ответом. Он снова постучал. И вновь ничего не произошло. Эл нахмурился, затем как-то устало обмяк, сделал шаг вниз по лестнице, и услышал чьи-то шаги. По лестнице снизу кто-то шёл. Эл вжался в стену. Затем пришёл в себя и постарался принять непринуждённый вид. В темноте ничего не было видно, только из маленькой полоски окна сочилось лунное сияние и пылинки блестели в нём, медленно танцуя сами с собой. В луче света появилась грузная фигура и Эл сделал шаг вниз. Фигура отпрянула и вскрикнула. Аллади узнал полную женщину, сотрудницу вокзала, у которой и собиралась их группа.

— Не пугайтесь, — начал он, прикладывая руки к глазам и рту. — Это я, Эл. Аллади.

Женщина схватилась за сердце, выдохнула и продолжила свой путь вверх. Эл отступил, чтобы дать ей пройти. Та зазвенела ключами и отперла дверь. Эл постарался

протиснуться за ней, но она оттолкнула его и захлопнула за собой дверь. Эл услышал, как она заперла её изнутри и стала удаляться. Он постоял, и только потом понял, что не дышит. Глубоко вздохнув, он попытался собраться с мыслями. Шаги женщины вновь слышались за дверью.

— Никогда сюда больше не приходи, слышишь? — прохрипела она. — Слышишь? А теперь проваливай, пока я не позвала стражу, подонок.

От этих слов Эл попятился и чуть не скатился с лестницы. Он присел на ступеньки и что-то в груди его так нехорошо повернулось, что слезы сами покатались из его глаз. Он попытался встать, но горечь и осознание произошедшего всей тяжестью свалилась на него.

— Я не виноват! — закричал он. — Я не знал!

Глава 13

Обрушившаяся часть пещеры, словно вгрызаясь, уходила в глубину каньона. Там, во внутреннем дворе, сидел Снорри. Было жарко, и здоровяк укрылся в тени огромной, покрытой вековыми трещинами и мхом ноги старого каменного голема. Дальше начинался склад запчастей, где двое механиков с оживляшками неспешно выбирали детали для кораблей. Опершись спиной о каменный палец, он смотрел на небо, по которому быстро ползла четвёртая луна, закрывая на мгновение малую звезду, и слушал, как компания маленьких механических гномов с упорством и усердием пытались вновь отыскать в этом бардаке крепления для каменных исполинов.

Когда-то он видел театральную постановку о битве големов-гигантов с Бьёрнвейгом, «Восстание Семимирона». В пьесе предатель Семимирон со своей армией, созданной им втайне ото всех, в каменоломнях, ломал стену и, сея смерть и разрушение, двигался к сердцу, чтобы уничтожить его. Ему противостояли гигантские машины и армия людей, но они оказались бессильными перед натиском. И только великий Бьёрнвейг, получивший от отчаявшихся людей руну, один из крупных осколков Сердца, своей несокрушимой силой уничтожил гигантов.

И вот теперь он, Снорри, сидел вместе с возрождающейся армией големов, готовых вновь двинуться на город и разрушить его. Но не это их главная цель, их цель — освободить Сердце. «Так, может, и у Семимирона всё было по-другому, — размышлял он. — Не так, как ставят на сцене». Откуда было знать ему, Снорри, как было на самом деле. И как есть на самом деле сейчас. Звёзды припекали всё сильнее, и двойная тень от пальца сместилась, обнажив колено здоровяка, которое он поспешил убрать, и теперь сидел как-то неудобно. Безмятежность покинула его. Всё тело заныло и заёрзало на неудобных камнях.

Он встал, щуря глаза и пытаясь разглядеть того, кто шёл к нему через сложенные как попало горы металлолома. Когда зрение вернулось, неожиданный гость уже стоял возле человека, оперев руки в бока. Это была кукла, прихваченная из города. Снорри нахмурился, приготовившись высказать ей пару ласковых, но она опередила его.

— Гора мяса, пойдём, нас ждут, — сказала кукла как-то даже слишком задиристо и вызывающе, отчего здоровяк опешил, но, когда открыл рот, чтобы ответить, кукла была уже на другом конце двора и крикнула ему:

— Поторапливайся, Барон ждёт.

Снорри сжал кулаки, потом разжал, выдохнул и последовал за оживлённым, тот уже уверенно лавировал между естественных колонн в узких проходах, образованных разломами породы. Тяжёлый и грузный от жары, здоровяк с трудом поспевал за куклой, попутно проклиная тот день, когда позволил этому порождению больной фантазии без рта и мозгов застрять в его жизни чуть дольше, чем любая другая оживляшка.

Выйдя из разлома в каньон, он снова чуть не ослеп: от яркого света кристаллов, выбивавшихся из камней по всему восточному склону; в глазах всё мерцало и рябило. Снорри развернул проходившего мимо механика и снял с него солнечные очки.

— Верну потом, — буркнул он и двинулся вниз, к кораблю, где оживляшки всех мастей снимали флаги и электрические провода подсветки. Там, среди шатров, он отыскал бочку с водой и опустил в неё лицо, сделав два больших глотка. Вынырнув из бочки, он тяжело потряс головой, обрызгав с ног до головы музыкантов и танцовщиц — они, ещё не переодевшись после нескольких дней карнавала, как раз совершали свой поздний завтрак. Не сказав ни слова в ответ на их многозначительные взгляды и возгласы, он направился к лестнице, ведущей на корабль.

На палубе его ждали Гудди, Рауд и Лила. Рядом собрались другие команды. Сверкал улыбкой Лео, словно и не обращая на Снорри никакого внимания, с ним рядом расположился грифон с крыльями, блестящими золотом на ярком солнце. Джо-Платформа смеялся во весь голос, паря рядом с бортом, что крайне веселило деревянных обезьянок, подпрыгивавших и кувыркавшихся на старинной чугунной пушке в форме пистолета, от которой поднималось жаркое марево. Разбившись на компании, люди, перворождённые и оживляшки обсуждали карнавал. Снорри подошёл к своим и молча встал рядом, сложив руки на груди.

— Вот и сама доброжелательность, — с каким-то ехидством во взгляде булькнул Рауд.

— Он слишком...

— Заткнись, деревяшка, — перебил куклу Снорри.

Гудди несколько оторопел и вздохнул.

— Это он так симпатию выражает, — покачал головой Рауд.

Снорри бросил взгляд сначала на осьминога, потом на оживлённого.

— Что это за шишка у тебя на голове? — произнёс он и шагнул в открывшиеся как по команде двери, приглашающие всех в кают-компанию. Испуганно схватившись за голову, осьминог нащупал на макушке никуда не девшееся, даже успевшее превратиться в шишку, чёрное пятно и задумчиво поплыл за человеком.

Гудди поспешил вслед за толпой, но стоявший в дверях Тигр покачал головой и мохнатой лапой отодвинул оживлённого обратно за дверь. Проплывавший мимо Рауд сделал ему знак подождать. Как успел разглядеть Гудди до того, как все протиснулись внутрь и двери перед ним закрылись, в помещении по центру стоял большой стол с картой, а за ним возвышалась фигура поправлявшего на руках перчатки Барона.

Гудди остался один под палящим солнцем, он походил по палубе, но не нашёл ничего лучше, чем склониться над замочной скважиной, через которую прекрасно было видно происходящее в каюте. Барон, сегодня он был в широкополой шляпе с пером, контрастно выделялся на фоне витражей в форме лун, опоясывавших помещение. Здоровяк встал с правой стороны стола и прислонился к стене, чтобы лучи света из окон не падали на него, и оживлённый перестал его видеть. Туда же подплыл Рауд и после некоторого замешательства подошла Лила. Все собравшиеся наконец расположились в каюте и, прекратив разговоры, застыли в ожидании, изредка переминаясь с ноги на ногу и скрипя стульями.

Барон выдержал паузу, выпрямился, шагнул в сторону Лео и, усмехнувшись, начал:

— Хочу поздравить с победой в этом сезоне, мой дорогой мохнатый друг. Хотя я и не одобряю этой варварской традиции, но победить эту «г....» — дело не тривиальное.

Его фраза потонула в хохоте собравшихся, но Барон кивнул в сторону Снорри, и Гудди тоже усмехнулся, догадавшись, как тот назвал здоровяка.

— Однако на этом с хорошими новостями всё, — резко отрезал Барон и вернулся к центру стола.

Теперь Гудди слышал его очень плохо, и, какой бы стороной ни прислонялся, лучше не становилось, поэтому он предпочёл смотреть.

— Для начала я хотел бы поговорить о том неожиданном провале, что потерпела наша миссия в университете, — Барон угрюмо сложил руки на груди и повертел каблуком в деревянном полу. — Это был наш лучший шанс. Подготовленный во всех смыслах. Мы рискнули и, думаю, подставили под удар наших агентов в городе. Я никого не хочу винить. Могу лишь отметить, что полиция и Культ также не располагают сведениями о том, где находится руна. Так нас информируют из надёжных источников. Но даже несмотря на это, сей провал ставит нас в крайне двусмысленное положение. Вы должны понимать, что парад всех лун случился. Время, обозначенное великими поэтами древности, наступило. Мы опоздали, господа. Мы уже опоздали.

Рауд взглянул на здоровяка, затем на Лилу, вздохнул и начал было выплывать к центру каюты, но Снорри сделал шаг вперёд, закрыв ему путь, отчего осьминог врезался в его ногу и упал на пол.

— Мы работали согласно плану, — начал здоровяк хрипло, — использовали дубликат ключей. Лила, не привлекая внимания, пробралась в башню. Но потом что-то пошло не так. Я думаю, — вздохнул он, покосившись на обезьянку, — там была дополнительная защита, о которой мы не знали. Лила подала сигнал, и мне пришлось взорвать стену. Когда мы приступили к экстренной эвакуации, руна была у нас. Там мы подцепили... — Снорри огляделся и, не найдя оживлённого глазами, вопросительно посмотрел на Рауда.

— Он за дверью, — пробулькала осьминог, — разрешите впустить?

Барон кивнул, и тигр открыл одну створку. Гудди, не расслышавший, о ком идёт речь, отлетел назад, но быстро вскочил на ноги, а тигр, подняв бровь и криво улыбнувшись, поманил его внутрь. Входя, оживлённый наступил тигру на ногу, отчего тот прошипел что-то недоброе и хлопнул дверью. Привычно покрывшись с ног до головы стыдом, Гудди медленно прошёл в сторону Снорри и остановился возле его ноги.

— Я Гудди, — представился он, кивнув, — и я ничего не помню.

Сзади раздались смешки. Барон улыбнулся, но тут же вернул лицу серьёзное выражение.

— А я тебя узнал, подражатель, — произнёс он с усмешкой, отчего оживлённому стало совсем не по себе. Казалось, что смущение и стыд сейчас полезут между заклёпок.

— Он спас наши никчёмные жизни, — пробулькал Рауд, — я верю ему.

— Мы пикировали в городские кварталы, когда столкнулись с ним. Я выбросил его, но обезьяна взяла его с собой. Мы разделились, нам удалось бежать, а их поймали и держали в подводной тюрьме, — продолжил свой рассказ Снорри. — На следующий день мы рыскали везде, где только можно, и наткнулись на него в переулках рядом с Колизеем; воспользовались ракетой, но контакт из «организации» нам не помог. Кукла проводила меня к Лиле, — кивнул здоровяк на Гудди, — в нём проснулось сознание. Хотя тогда он был, эм, поглупее.

— Я кое-что подкрутил в нём, — раздался из кресла в дальнем углу голос Отца, — теперь он посообразительнее и хорошо может послужить делу.

— Лила не помнит, что стало с Руной, — вставил Рауд.

Снорри нахмурился и взглянул на обезьянку.

— После того, что она пережила, это понятно. Я давно не видел действующих сердечных печей, — произнёс он.

— Да, — отозвался Барон, вскинув брови, и провёл костяшкой пальца по усам.

— Боюсь предположить, что руна вновь в руках врага, — подытожил здоровяк.

— Нет, — покачал головой Барон, — по крайней мере, так говорит источник.

— Возможно, нас обманывают, — пожал плечами Снорри.

— Возможно, — прокряхтел из кресла Отец.

Барон помолчал, взял фигурку чёрного рыцаря на коне и поставил её на карту.

— Город удвоил производство чёрного дыма и выпуск механизированной армии, — произнёс он и, прочистив горло, продолжил. — Они словно чувствуют, что мы готовимся к нападению. Хотя мои агенты сообщают, что это скорее связано с недавней трагедией, случившейся в Старом Квартале, и они просто боятся городских волнений.

Собравшиеся стали переглядываться и шептаться, но голос Барона прервал ропот.

— Некто использовал давно забытое вещество, вступившее в реакцию со строительным материалом и произведшее взрыв на воздушных баржах, — медленно произнёс Барон. — Они рухнули на квартал, фактически разрушив его. Сотни, возможно тысячи жертв, завалы не могут разобрать из-за низкой квалификации магистрата и нехватки персонала, катастрофа сравнимая с войной.

Барон оглядел собравшихся.

— С одной стороны, это отвлекло их от нашей неудачи. Но есть ещё кое-что, — он глубоко вздохнул. — Кто-то прислал в газеты сообщение, что это сделал «Свободный город», наша дружественная «организация».

Все вновь зароптали.

— Да, вы не ослышались, — Барон присел на стол и снял шляпу, бросив её на карту и сбив фигурку чёрного рыцаря. — Кто-то действует внутри города помимо нас и прикрывается нашим именем. Либо знает о нас и сознательно подставляет под удар. Прочистив горло, он вновь обвёл взглядом собравшихся.

— Повторюсь, это ставит нас в самое неприятное и двусмысленное положение, — он вновь выдержал паузу, потирая пальцы правой руки. — Есть шанс, что они таким образом хотят дискредитировать «организацию», что в последнее время пользуется небывалой поддержкой населения. Но это лишь подталкивает нас к более решительным действиям.

Барон в сердцах стукнул кулаком по столу, а затем посмотрел на Снорри.

— Поскольку миссия по добыче руны провалилась, у нас остаётся один-единственный из единственных последних шансов, — произнёс он, повернувшись к Лео и грифону. — Руна в библиотеке Культа.

— Но это... самоубийство, — робко произнёс Лев.

— Всё верно, — кивнул в ответ Барон. — У тебя есть иные предложения?

Лео замялся.

— Вариантов тут немного. Бьёрнвейг, Узурпатор, Библиотека, Институт Чудес, — перечислил он, загибая пальцы. — Из всех четырёх Библиотека выглядит самой реалистичной. Тем более, сочувствующая интеллигенция достала нам точный план и расписание дежурств.

— Как показала практика, эти парни хороши только для того, чтобы расписывать стены кабацкими шутками, — произнёс лысый мужчина с луком за спиной, и был поддержан дружным смехом, — а расписание меняется каждый день.

— У нас в руках паттерн, по которому происходит распределение и часы дежурства, — продолжил Барон, не заметив слов лучника, и не отрывая взгляда от Лео, отстраненно смотревшего в пол.

— Вы знаете, я никого из вас не вынуждаю, — сказал он, поднявшись и оглядев ещё раз собравшихся. — Но времена такие, что без жертв нам не обойтись. Да, это может быть самоубийством, но у нас нет права не рискнуть. Вы знаете сами, если... у нас не будет руны, то мы уже проиграли.

Закончив, он снял перчатки, бросил их на стол и сложил руки на груди. Лео поднял глаза на Барона.

— Хорошо, — произнёс лев, — я пойду.

— И я, — каркнул грифон.

— И я, — сказала невысокая девушка в одежде из листьев тканевого дерева.

— Спасибо! Я очень признателен вам за понимание и мужество, — произнёс Барон и поклонился, потом оглядел команду льва и продолжил: — Я введу вас в курс дела в самое ближайшее время. Но поверьте, мы не оставим вас без поддержки в этом трудном деле.

Лео, а за ним и остальные кивнули. Барон обошёл стол и встал с другой его стороны.

— Это не всё, что нам предстоит сделать. В связи с вышеупомянутыми событиями, нам ничего не остаётся, как саботировать производство чёрного дыма, сталелитейную инфраструктуру и линии поставок внутри города. Это единственное, что не даст противнику усилить армию для противостояния нашему нападению, — произнёс он и повернулся к Снорри. — Ты отправишься на завод чёрного дыма. И на этот раз, прошу, не подведи.

— Да, — прохрипел Снорри и поклонился.

— Я не хочу, — вдруг произнесла Лиля.

Барон посмотрел на неё нахмурившись, но ответил мягко:

— Понимаю, — кивнул он, — Тогда вам нужна будет замена...

— Твой выход, — булькнул Рауд, после короткой паузы вытолкнув Гудди вперёд.

— Если я смогу после этого стать человеком, я согласен, — прозвенел Гудди тихо, но весь зал услышал и рассмеялся.

Барон повернулся к нему и с улыбкой спросил:

— Смотрю, ты не мелочишься, просишь сразу невозможного. А ты уверен, что справишься?

— Я спас жизнь всем троим, — бодро ответил оживлённый, посмотрев на мужчину.

— Почему никто не заметил, когда я это сказал? — булькнул Рауд, закатив глаза.

— Отличная рекомендация для такого маленького героя, — усмехнулся Барон. — Так и быть.

Снорри буркнул что-то острое и шипящее себе под нос.

— Надеюсь, твой капитан не против? — спросил Барон, заметив его реакцию.

Снорри открыл было рот, но не успел ничего сказать.

— Отлично, — заключил Барон, будто бы ничего не заметив, и хлопнул в ладоши, — перейдём к другим задачам. Флот. Флот противника в три раза превосходит наш, и мы должны этот разрыв сократить. Начиная со скутеров и заканчивая фрегатами и тяжёлым крейсером «Вольтерг». Оставшиеся три команды отправятся на верфи и проведут рейд по всем доступным ремонтным докам. Там находится сейчас шестьдесят процентов флота. Агенты предоставили нам информацию о часах смены, количестве охраны и уязвимых местах. Брифинг капитанов назначен на завтра. Занятых в установке вентиляторов прошу проверить готовность инженерных команд к подъёму. На сегодня можете быть свободны.

Он снова хлопнул в ладоши и двери за спинами собравшихся распахнулись.

— А мы же будем на среднем ярусе? — спросил Гудди у Рауда, заспешившего к выходу вслед за остальными, но удостоился лишь ехидного взгляда осьминога.

— Снорри, останься, — сказал Барон здоровяку. Тот снял очки, нацепил их на лоб и подошёл ближе к столу.

— Ты что-то мне не нравишься в последнее время, дружище, — сказал он.

— Горе мяса необязательно нравиться, — буркнул Снорри.

— О луны, только не говори мне, что ты обижаешься на это дурацкое прозвище, — произнёс Барон, закатив глаза, — мне казалось, что ты... выше этого.

— За вами уже давно все подхватили, — обиженно пробурчал здоровяк.

— Прости, если тебя это обижает, я не хотел. Но уже ничего не поделать. Скажи, меня всё волнует, как ты умудрился проиграть льву?

— Ему повезло, — огрызнулся Снорри.

— Эй полегче.

Барон постучал пальцем о стол.

— Извините. Просто вспомнил кое-что. Отвлёкся.

— Смотри, а то мне кажется, что ты теряешь хватку.

— Нет, — отрезал здоровяк, и обида сверкнула в его глазах.

— Вот так мне больше нравится. А теперь иди. И не подведи меня. Если Лео провалится, ты же понимаешь...

— Понимаю, — кивнул Снорри и тяжёлой поступью направился по скрипучему полу в обжигающий полуденный зной. Барон проводил его взглядом и обернулся к Отцу, заснувшему в кресле. Покачив головой, мужчина и сам вышел из каюты.

Когда Материнская звезда стала клониться к горизонту и слабая тень её сделалась длиннее, Джо причалил платформу ко второму ярусу, возле бара Сиды. Гудди и Лео уже ждали его, и кукла радостно помахала Джо, пока тот аккуратно выравнивал край платформы с причалом. Лев обернулся и подхватил на руку ежей, собравшихся в большой клубок за его спиной.

— Ну, стартуем, Джо? — произнёс он, заходя на платформу на всех четырёх лапах, пока ежи размещались на его спине, поправляя свои маленькие шлемы.

— Да, только подождём ещё минутку, — улыбнулся в ответ долговязый пилот и наклонился, чтобы рассмотреть кого-то в толпе у входа в бар.

— Нечего их ждать, пусть добираются пешком, — пропищал один из устроившихся на спине Лео ежей.

Гудди подошёл к краю и присел на него, свесив ноги в каньон.

— Не страшно? — спросил улегшийся рядом Лео.

— Не понимаю, что такое страх, — прозвенел оживлённый.

— Это когда очень не хочется, чтобы случилось что-то неприятное, — промурлыкал Лео, закатив глаза и подёргивая плечами в попытке успокоить ползающих по спине ежей.

— А что неприятного может произойти? — спросил Гудди, смотря своими широко раскрытыми глазами.

— Например, ты можешь упасть, разбиться, перестать существовать, — ответил лев, подняв левую бровь.

— Мне трудно это представить, — ответил оживлённый и посмотрел вниз, — в своей прошлой жизни... я помню её очень обрывисто... я часто бывал высоко, и мне никогда не бывало страшно.

— Потому что ты никогда ничего не терял? — предположил Лев.

— Однажды я потерял молоток, — серьёзно ответил Гудди.

— Молоток стоит того, чтобы о нём переживать? — рассмеялся Лео, и ежи на его спине затряслись, захохотали вместе с ним.

— Я переживаю о том, что никто мне не может сказать, как стать человеком, — грустно прозвенел оживлённый.

— А зачем тебе это? — удивлённо спросил Лев.

— Рауд сказал, что мои отношения с Гердой обречены, пока у меня нет рта.

— Ха-ха, — оскалился Лео, — слушай больше этого выдумщика.

Гудди краем глаза заметил в толпе прямоходящий молоток, с которым он познакомился на состязании льва и здоровяка. Тот остановился, повернулся в сторону оживлённого, словно хотел что-то сказать, но растерялся, повесил голову и медленно пошёл в сторону бара.

— Ещё я потерял хозяина, это подходит? — спросил Гудди, подумав.

— Хозяина? А ты как, любил его? Бывает такое, когда жертва любит своего мучителя, — он снова рассмеялся.

— Нет, нет, — покачал головой Гудди, — я его совсем не помню. Помню образ, тёмная фигура на фоне окна, подходит и кладёт меня в рюкзак.

— Тогда это тоже не работает, — махнул лапой Лео.

— Отчаливаем! — воскликнул за их спинами Джо.

На его зов из толпы и на платформу запрыгнули два человека: девушка в платье из тканевого дерева и лысый лучник — их Гудди видел днём у Барона. Они тоже присели на край, свесив ноги, и платформа стала медленно подниматься над каньоном, плавно разворачиваясь. Ещё раз бросив взгляд в толпу возле бара, Гудди увидел Рауда. Он о чём-то говорил со Снорри, взглянувшем прямо в глаза оживлённого и ставшим сначала серьёзнее, а потом меланхолично спокойным.

— Не обращай внимание на этого зануду, — промурлыкал Лео, проследив взгляд куклы, — он такой, сколько я его помню.

— А что с ним?

— Не знаю. Всегда такой был. Он с Бароном с самого начала. Тот его ценит. Видимо, есть за что, — пожал плечами Лев.

— Он тоже не боится, — произнёс Гудди, смотря на первый закат, уже наливавшийся алым пламенем за границей плато, — когда мы выбирались из тюрьмы, он дрался... он дрался лучше, чем с тобой.

Лео хмыкнул и ничего не ответил, тоже уставившись на полосу горизонта, где в мареве поднимались в небо барханы.

Платформа неслась над плато, раскинувшись так далеко, что не хватало глаз, чтобы объять его: на юге оно граничило с горизонтом, а на севере и востоке — с пустыней. Западная же часть подпирала небо ещё более высокими горами, на их вершинах синели снеговые шапки, подёрнутые красным закатом, словно улыбка кота, поймавшего мышь. Гудди смотрел, как летит под ногами земля. Все молчали, не решаясь прервать шелест ветра. Ежи собрались на краю и лежали, припав к платформе и высунув с неё лишь кончики носов.

На руку Гудди упал лепесток, мгновение он дрожал, а затем улетел прочь. Оживлённый поднял голову и увидел, что платформа летит в потоке венчиков и лепестков тех самых цветов, которые растут в долине, с противоположной от каньона стороны грота, где он танцевал с Гердой. Лепестки падали на них, словно дождь, заворачиваясь спиралью позади платформы и ложась на землю причудливым орнаментом. Молчаливая красота, происходила сама по себе, без участия чьей-то направленной воли.

Платформа замедлилась, и Гудди оглянулся. Они остановились посреди дождя из лепестков напротив гигантских вытянутых конструкций. Их было три, и они были самыми большими из тех, что Гудди когда-либо видел. Больше любого здания. Он так задрал голову, что пошатнулся и упал с платформы вниз. Но Лео успел подхватить его, выбросив вперёд лапу.

— Эй, я же говорил, будь аккуратнее, — улыбнулся лев, усаживая куклу поближе к центру платформы.

Но Джо уже приземлялся и оживлённый, посмотрев на льва с благодарностью, сам прыгнул вниз и побежал к белым гигантам. Бежать оказалось долго, они были ещё достаточно далеко. И он остановился, вновь пытаясь охватить их взором и попытаться вместить в себя их нависающую над плато громаду. А потом раскинул руки и начал бегать кругами по пыльной поверхности.

— Что это? — крикнул он льву.

— Цеппелины. Большие дирижабли, — усмехнулся лев и поспешил вслед за девушкой и лучником. Гудди остановился, опустил руки и ещё раз жадно оглядел конструкции, словно пытаясь съесть глазами всю их необъятную мощь. Рядом проплыла платформа Джо — там всё ещё оставались ежи, теперь полноправно занимавшие её целиком. Они так же заворожённо смотрели на невиданное чудо инженерной мысли и перекатывались по платформе от восхищения. Гудди опомнился и поспешил за остальными, поднимая за собой вековую пыль плато. Впереди перед цеппелинами стоял ангар, от него вверх поднимались леса, охватывавшие одного из гигантов. Там ещё шла работа, и Гудди увидел ползающие по лесам фигурки, которые поднимали дополнительные пластины на одно из рёбер жёсткости.

Дождь из лепестков прекратился, когда они подошли ближе к ангару. Навстречу им выбежала одна из сестёр Лилы, махая руками и кувыркалась на бегу. Гудди тоже побежал ей навстречу, обогнав льва и его спутников, но остановился. Обезьянка была явно напугана и, подбежав ближе, смогла крикнуть лишь:

— Чу-чу-чудовище! Монстр!

Лео прыгнул к ней, преодолев в один прыжок половину расстояния, но раздавшийся с неба рёв оглушил его, и он припал к земле, схватившись за голову. В следующее мгновение

стало темно. Гудди оглянулся и увидел, что свет солнц закрывает тёмная фигура с крыльями, занимавшими всё небо.

— Бьернвейг, — прохрипел Лео, поднимая голову.

Рядом с ним, присев для удобства на одно колено, натягивал тетиву лучник. Наконечник стрелы сверкнул в пробившемся из-за спины чудовища луче света, и та со свистом разорвала ткань воздуха устремившись в сторону нависшей над друзьями тьмы. Раздался ещё более оглушительный рёв, и монстр взлетел вверх.

— Нет, это не «Сеющий смерть», — прокричал лучник, доставая из колчана вторую стрелу, больше предыдущей. Лео привстал, обезьянка схватила его за лапу и потянула к ангару.

— Скорее, — кричала она, — в укрытие!

Лев спотыкаясь, поплёлся за ней. Гудди сначала пошёл, а затем побежал за ними. Сверкнула тетива, и небо вновь издало ужасающий крик. Гудди поднял голову — монстр во всей красе сверкал в лучах заката красноватой чешуей, по его морде расходились ряды шипов и пламя вырывалось из его клыкастой пасти. Чудовище зашло в пике и падало прямо на них. Лучник потянулся за следующей стрелой, но не успел. Монстр полыхнул огнём — и в том месте, где находился человек, возник столб пламени. Раздался крик. Но Гудди уже не мог разобрать чей, его отбросило волной жара, он ударился затылком, но сознания не потерял.

Открыв глаза, он попытался найти глазами чудовище, но увидел только обезьянку, которая махала ему рукой. Гудди с трудом поднялся. Что-то в его правом колене хрустело, и не давало нормально идти. Но он преодолел сопротивление и поковылял к ангару. В чёрном дыму, заволокшим плато, он, как ни искал глазами, больше никого не увидел. Где-то сзади и слева над головой раздался новый рык. Гудди второпях оглянулся, но снова не смог различить ничего, кроме чёрных вьющихся волокон дыма. Когда он выбежал из них, то увидел, что чудовище заходит на вираж над одним из цеппелинов, обильно поливая его огнём. На его груди он различил маленькую фигуру, изо всех сил цеплявшуюся за крупную чешую. Монстр в два взмаха остановился и дал очередной залп по неоконченной конструкции. Плаваясь под напором огня, она потеряла форму и потекла горячими каплями расплавленного металла вниз, прожигая леса и крепления, вокруг посыпавшихся вниз рабочих-оживляшек.

Двери ангара заскрипели и стали медленно открываться. Гудди оглянулся на звук. Дым понемногу рассеивался, и оживлённый разглядел, что одну их створок двигал Джо на своей платформе, а другую — несколько обезьянок, но им это давалось значительно сложнее. Гудди, прихрамывая, бросился им на помощь. За его спиной что-то загрохотало, он оглянулся — это Джо, закончивший открывать свою створку, выталкивал платформой из ангара массивную конструкцию подвеса, видимо, планировавшуюся для цеппелина. На ней была закреплена фигура рыцаря — в отполированных до блеска латах он сидел на стуле, держа в руке длинное белое копьё, установленное на манер пушки с механизмом подъёма и поворота. Рыцарь почему-то тоже повернул голову и посмотрел на Гудди, но затем отвернулся и покрутил одно из управляющих колец, приподняв копьё. По копьё прошёл голубой разряд, с треском и грохотом из него вылетела стрела жёлто-синего мерцающего потока и опалила крыло монстра. Чудовище, взревев, развернулось мордой к ангару, сделав три взмаха, поднялось выше — и начало стремительно падать вниз, заходя в пике над собравшимися в ангаре. Чем ближе, тем яснее можно было различить фигуру на его груди. Это был Лео, изо всех сил он держался когтями за чешую. Рыцарь крутил управляющие колёса, но никак не мог достаточно

приподнять копьё, чтобы выстрелить по чудовищу. Джо опустил платформу на край конструкции, оставшейся внутри ангара, и закричал:

— Вес! Нам надо его поднять!

Платформа Джо приподняла нос конструкции с рыцарем, но этого было недостаточно, чтобы хорошо прицелиться в монстра. Гудди разбежался и прыгнул на платформу. Та качнулась. Рыцарь выстрелил, но ослепительный луч пришёлся чуть ниже лап чудища, чуть не задев Лео, упавшего на одну из них. Лев в последний момент перенёс вес на другую лапу и увернулся от выстрела.

— Аккуратнее, болваны, он же живой, — закричал старик, выскочивший из темноты ангара с бочкой в руках, он взвалил её на платформу, закачавшуюся ещё сильнее. В металлическом прицеле копья, наспех приделанном сбоку, Гудди видел приближающуюся фигуру монстра и Лео, спрыгнувшего на его плечо. Но копьё всё ещё гуляло концом ниже пикирующего чудовища. Краем глаза Гудди заметил ежей, затаскивавших на платформу болты, гайки и друг друга.

— А ну-ка, все вместе! — крикнул оживлённый. — Раз, два, три!

Он, ежи, Джо и Отец подпрыгнули почти одновременно. Платформа вместе с конструкцией вновь качнулась вверх, и рыцарь выстрелил. Смертоносный луч света скользнул к монстру, и коснулся его левого крыла, отчего чудовище дёрнулось, в последний момент свернуло перед ангаром вбок и врезалось в землю, засыпав всю компанию землей и камнями. Их механизм перевернулся, платформа отлетела в глубину ангара, а Гудди отлетел куда-то вверх и вбок, по его панцирю застучали мелкие осколки.

Оживлённый пришёл в себя в куче строительных материалов в дальнем конце ангара. В одной из стен теперь зияла огромная дыра. В неё извне валили густые клубы дыма и пыли. Он отряхнул металлическую стружку с головы и услышал чей-то крик с улицы:

— Мастер, баллоны не задеты!

— Хорошо, — прокряхтел голос Отца где-то неподалеку от Гудди, — не задеты, а крыло задето. Шамарахварахат. Где же эта красной луны мазь.

В темноте зазвенели какие-то склянки, что-то упало и разбилось.

— Макратафатар, — прошипел старик и показался с небольшой колбой в руках в тусклом луче света, пробившегося сюда через порванную крышу ангара.

— О, это ты! — удивился он. — А ну-ка, найди мне Джо, он мне очень нужен.

Гудди привстал, неуверенно попробовал колено, но потом опёрся на него и поднялся уже целиком, неуклюже балансируя на обломках. Он спрыгнул вниз, на сложенные друг над другом металлические пластины, зазвеневшие, словно колокол, когда его деревянные подошвы коснулись их отполированной поверхности.

Оглядевшись, Гудди заметил платформу, торчащую из видневшихся в самом углублении рабочих столов. Он спрыгнул с пластин и поковылял к ней, прихрамывая на правую ногу. Среди деревянных балок он увидел тело Джо, развалившееся в позе отдыхающего. Его длинные ноги свисали вниз, словно он лежал в гамаке, укрывшись от полуденного зноя. Гудди

подёргал его за руку, и мужчина резко поднялся, ошарашенно оглядываясь, но вдруг охнул и схватился за левое плечо. Зарывав, он дёрнул им, но взвыл только сильнее. Гудди подошёл и помог ему слезть, дав человеку опору.

— Подержи мою руку, — просипел Джо, — только крепко.

Гудди огляделся и, не найдя ничего лучше, упёрся ногами в стол с верстаком и крепко схватил руку человека. Джо дёрнул всем телом. Что-то хрустнуло, он закричал.

— И незачем орать, — прохрипел подошедший старик с колбой в руках, — снимай.

Джо посмотрел на Отца с полным негодованием, но всё же начал медленно снимать сюртук, изгибаясь всем телом.

— Ничего, терпи, — произнёс старик, помогая ему снять рубашку и растирая мазью из колбы спину охающего мужчины.

— Он ещё жив, — закричала вбежавшая в ангар обезьянка.

— Знаю я, знаю, — откликнулся старик. — Вот что, Джо, лети-ка ты ко мне в мастерскую и привези мне сколько можешь вот этой мази, — старик ткнул Джо в лицо колбой, — она стоит под навесом в маленькой комнате справа от входа, где точный инструмент у меня.

Джо кивнул.

— Только срочно, — проскрипел старик, — одна нога здесь...

— Я понял, Отец, не переживай.

— Хорошо, — кивнул старик и обратился к Гудди — пойдём.

Он быстрым шагом направился к дыре в стене ангара, из которой валил дым. Гудди поковылял за ним. Старик быстро исчез в чёрных клубах, поднимавшихся через порванный металлический потолок в небо, и Гудди его ненадолго потерял из виду, но жилистая рука выловила его в непроглядной гари и вытащила на свежий воздух. Солнца уже зашли, и плато были освещены молодыми лунами, быстро несшимися по небосводу. Вспахавший землю монстр лежал сбоку от ангара с неестественно выгнутым крылом, разорванным пополам, из рваной раны сочилась тёмная кровь. Оживляшки, ранее работавшие на цепелинах, теперь строили леса вокруг крыла, чтобы подняться к ране. Старик с лёгкостью юнца взбежал по тоненькой лесенке и вылил на рану все остатки мази. Монстр дёрнулся, а от раны пошёл едкий зелёный дым.

— Ничего, ничего, терпи, — хмыкнул старик и съехал вниз по лестнице. Гудди увидел, как несколько обезьянок везут на носилках льва.

— Лео! — вскрикнул оживлённый и заковылял к нему.

— С ним всё в порядке, — кивнул в сторону Лео старик, — головой ударился при падении. Но череп крепкий, выдержал.

Гудди подошёл к носилкам и положил руку на грудь льва. Обезьянки оставили свою ношу и направились на помощь к остальным оживляшкам.

Лео глубоко дышал, и от прикосновения куклы открыл глаза.

— Какая у тебя тёплая рука, — удивился он тихо.

Невдалеке от них послышались всхлипы. Лев, щурясь от боли, с трудом повернул голову, а вслед за ним и оглянулся Гудди. Напротив он увидел склонившуюся над горкой чёрного пепла девушку в платье из листьев тканевого дерева. Закрыв лицо руками, испачканными в чёрной копоти, она рыдала над тем, что осталось от лучника. Гудди пошёл было к ней, но лев схватил его за руку и тихо произнёс:

— Не надо. Лучше ей сейчас одной. Гудди посмотрел на льва, потом на девушку и присел на край носилок, склонив голову. Ветер колыхал её чёрные волосы, сливавшиеся с потоками чёрного дыма, поднимающегося с земли, так что казалось, что она тлеет вместе с ним.

— Этот дракон, сын красной луны, откуда он взялся? — прохрипел Лев и привстал.

— Это дракон? — удивился Гудди, посмотрев на чудовище.

— Да, кто же ещё, — буркнул Лео. — Я не видел, только слышал о таких. Удивлён, что они ещё живы, и здесь, на воле, а не в цирке какого-нибудь правящего дома или султана с побережья.

— Мне даже не хочется спрашивать тебя, что такое побережье, — покачал головой Гудди.

— Это далеко-далеко отсюда, за великой пустыней, — промурлыкал лев, поднимаясь и садясь рядом с куклой.

Над их головами раздался жуткий скрежет. Оба подняли взгляд синхронно, чтобы увидеть, как огромная жёсткая конструкция цеппелина провалилась сама в себя и с непередаваемым грохотом упала на землю, утонув в потоке пыли и песка.

— Вот ведь, арчаха тварчвана хару, — раздался неподалеку голос старика, когда грохот немного стих.

Лев закашлялся и повалился спиной на кушетку.

— Что за день, — промурлыкал он.

— Начало тринадцатого цикла, — проскрипел старик, присаживаясь рядом, — как голова?

— Нормально, — ответил лев, покашливая.

Между ними и покрытой пылью фигурой плачущей девушки приземлился Джо, на платформе его покоилось множество склянок.

— Отлично! — воскликнул Отец, кряхтя вскочил и побежал к Джо. — Дану, кликни остальных и несите их все на крыло!

От дракона отбежало несколько обезьянок и бросилось вслед за стариком к платформе. А он нёсся уже обратно к лесам с тремя банками в ссохшихся руках. Взобравшись наверх, он принялся поливать рану мазью, которая зашипела и заискрилась. Дракон зарычал и задёргался. Но старик успокаивающе заскрипел на своём непонятном языке:

— Ашар мах шару. Ахтара шара мах уто. Спшарумкарамах. Хару. Тихо, тихо, терпи, — почти шипел он дракону на ухо, а затем крикнул, — поднимай!

Оживляшки напрыгнули на рычаг и подняли оторванное крыло к шипящему от мази плечу чудовища. Старик обильно полил место разрыва, закрепил его к плечу двумя деревянными балками, зажал между ними крыло и плечо чудища, а сами балки накрепко сцепили металлическими скобами оживляшки.

Дракон тяжело дышал, но не мешал своим победителям.

— Зачем он его лечит? — спросил Гудди, повернувшись ко льву.

— Отца трудно бывает понять, — пожал плечами Лео, — может, он хочет, чтобы у нас был свой дракон. Теперь, когда у нас нет одного цеппелина. Гудди повернулся к останкам летающей крепости, превращённой теперь просто в кучу металла. Вокруг ещё стояла столбом пыль. Девушка в платье из тканевого дерева, продолжала сидеть и безутешно плакать на том месте, где погиб её возлюбленный.

— Смотри. Вот что значит потеря, Гудди, — промурлыкал Лео, опуская голову.

Глава 14

Блоп едва поспевал за Ручи. Спина длинного стражника только что исчезла за поворотом в очередном переулке — подобно лопнувшему в глазу кровяному сосуду, они пронизывали нижний ярус. Друзья двигались к восточной части города по самым тёмным и грязным районам. Даже бывалые воры и убийцы, стесняясь быть замеченными в таком месте, редко показывались там. Сырость и источник природного газа под этим местом создавали неповторимый аромат, способный не покидать человека годами. Эти места прослыли в народе «выгребной ямой» или «топью», а побывавшего здесь хоть раз легко было отличить по запаху. Прямой свет звёзд не добирался сюда никогда, освещение создавалось только за счёт системы газовых фонарей, горевших холодным синим пламенем.

— Погоди, — запыхавшись крикнул еле волочивший ноги Блоп, — подожди меня, я не хочу быть здесь один!

— Как же ты собираешься в таком случае в Квартал туманов? — ехидно крикнул Ручи в ответ, даже не думая сбавлять шаг. — Считай, что это проверка!

— Но у меня слишком тяжёлая броня! — продолжил умолять Блоп. — Я не могу так быстро.

— Ты сам взял такую. Как ты там сказал? «Чтобы пуля меня не взяла», — передразнил Ручи, скрываясь за углом.

Блоп вздохнул, покачал головой и двинулся вслед за другом.

— Бу! — выскочил Ручи из-за угла.

Блоп от испуга подпрыгнул и выстрелил. Пуля рикошетом зазвенела вокруг и исчезла где-то в вышине. Ручи молча смотрел на друга, поправив лишь наручи на сломанной руке с фиксировавшим её брусом.

— Я знаю. Знаю, я болван, — зло ответил Блоп, вставая, — можешь ничего не говорить.

Ручи наклонился к другу и поковырял свежую вмятину в кирасе.

— Действительно, не взяла, — улыбнулся он, помогая толстяку подняться.

— Как думаешь, выстрел привлёк чьё-то внимание? — спросил Блоп, оглядываясь.

— Думаю, только отпугнул, — ответил Ручи, поворачивая в очередной переулочек.

— И как ты в них разбираешься? — удивился Блоп, вновь ускоряя шаг.

— Я вырос здесь, — ответил Ручи, — всё моё детство прошло во-о-он там, за газохранилищем, — показал он рукой налево.

— Но здесь же никого нет, разве здесь кто-то живёт? — удивился Блоп.

— Ты просто плохо смотришь, — хмыкнул длинный, — вон чьи-то брошенные игрушки, — указал он на кучку камней, — а вот следы поспешной романтической встречи, — усмехнулся он, подёрнув ногой кучу грязного тряпья. Только местные жители ни за что не покажутся стражнику, — продолжил он, поправляя ружьё, — они скорее убьют нас — незаметно, когда мы не будем этого особо ждать.

— Ручи! Зачем? Зачем, Ручи, ты повёл нас этой дорогой, разве нельзя было через центральный коллектор? — защебетал Блоп.

— Конечно же, нет, мой глупый друг, нас мало того, что не пустили бы, так ещё и посмеялись, бы, стоило только нам начать говорить про послание Септа. Все смеются над ним, пока он к ним не приходит, — хохотнул Ручи и перепрыгнул небольшую лужу, — осторожно, глубоко.

Блоп в последнее мгновение успел убрать ногу от воды и прошёл по краю, опасливо поглядывая на мутную тьму.

— Долго нам ещё? — спросил он, подёргиваясь от тошноты, накатившей от очередного аромата, доносившегося из тёмной аллеи.

— Нет, сразу за газгольдером, спуск в катакомбы, — отозвался Ручи, остановившись и вглядываясь в темнеющее впереди здание.

— Газ-чем? — переспросил Блоп, чуть ударившись о внезапно остановившегося друга.

Ручи поднял руку и указал на здание впереди:

— Хранилище газа. Вон оно. Но там...

— Что? — испуганно переспросил Блоп.

— Кто-то там есть, — нахмурился Ручи. — Затаились и ждут.

— О луны, Ручи, кто? — с ужасом спросил Блоп, спрятавшись за спину длинного стражника и схватив его руку.

— Почему я знаю, — отёрнул больную руку Ручи, — кто я, по-твоему, гадалка с Лунного переулка? Я только вижу следы. Их пятеро.

— Что будем делать? — спросил Блоп, поправляя сползающий на глаза шлем.

— Обойти возможности нет, будем говорить, — хмыкнул Ручи и пошёл вперёд, через плечо бросив Блопу: — Ружьё перезаряди.

Толстяк принялся судорожно передёргивать затвор.

— Только в меня не выстрели, очень прошу, — обернувшись и высоко подняв брови, произнёс длинный стражник.

Держа обеими руками ружьё, он вышел в свет газового фонаря, свисавшего с полуразрушенной колонны, прокашлялся и крикнул:

— Нам нужно пройти в катакомбы. Никто из вас нам не интересен. У нас своя дорога, у вас своя.

Ответа не последовало. Ручи постоял немного, оглянулся на Блопа, поманил его рукой и крикнул вновь:

— Молчание принимаю за согласие.

Толстяк дрожащей походкой вышел из тени и сам двинулся вперёд.

— Не отставай и смотри в оба, — через плечо бросил длинный.

Их вытянутые тени разбегались от их же шагов, приплясывая на каменных стенах и мостовой. Блоп так крепко вцепился в винтовку, что костяшки его пальцев побелели. Он бегал глазами по темноте перед собой, но не видел ничего, кроме пятен газового освещения, цеплявших редкие углы домов и разбитой дороги. Пот, заливая глаза, тек по его лбу, однако он не мог даже пошевелить руками, сжимавшими винтовку. Справа раздался шорох, и в Ручи полетело что-то тёмное. Ружьё запрыгало в руках Блопа. Раздался выстрел. Блоп лишь успел вытереть рукой пот и увидел, что Ручи стоит с дымящейся винтовкой, а из темноты на него падает чёрное тело.

Стражник отступил, передёрнул затвор и тело рухнуло в свет фонаря.

— Дальше умирать смысла нет, — закричал Ручи в темноту, поворачивая в разные стороны дуло ружья, упёртого в бедро, — мы просто уйдём.

Он обернулся к Блопу и застыл: толстяка обнимала чёрная тень. Она обхватила его шею цепью с острыми, сверкающими даже в глухом газовом свете, шипами, и сейчас они были развёрнуты в сторону Ручи.

— Одно движение, — прошипела тень, — и «когти» отведают его кровь.

Ручи тяжело сглотнул, но ружьё не опустил, наведя его на Блопа. Оно предательски заскользило по бруску на больной руке. Держать двумя руками стражник не мог.

— Я пристрелю тебя, — спокойно сказал он, тень дёрнулась, — так ты меньше будешь мучиться, — продолжил Ручи, и стало понятно, что обращается он к Блопу.

Тень в нерешительности отступала в темноту, уходя из света фонаря и увлекая толстяка за собой. Ручи же умудрился упереть ружьё в больную руку и передёрнул затвор.

— Нет смысла, — пробормотал он и прицелился в толстяка. Тень дёрнулась, и Ручи выстрелил вновь.

Блоп подскочил, и вместе с тенью повалился на пол.

— Промазал, — растерянно пробормотал Ручи и подбежал было к упавшим, но, почувствовав удар, повалился наземь, выронив ружьё. Ещё одна «тень» в лохмотьях оказалась сверху на длинном стражнике и заколотила кулаками по его лицу и шлему.

— Мерзкий «верхач», сдохни! — закричал рыдающий женский голос. Раздался выстрел, тень соскочила с Ручи и исчезла в темноте. Стражник поднял голову и увидел Блопа с дымящимся ружьём. Стражника трясло с такой силой, что он никак не мог передернуть затвор. Тени за его спиной не было и на земле валялась лишь цепь, покрытая острыми шипами, как напоминание о том, что всё произошедшее не было сном.

— Опusti ружьё, — медленно сказал длинный стражник и сморщился от боли, по привычке опершись на больную руку, — надо уходить.

Толстяк опустил дуло к земле, оглянулся, тихо вскрикнул и отпрыгнул от цепи.

— Идём! Быстрее, — прошипел Ручи, хватая Блопа за руку.

Они поспешили обойти вокруг здания, подальше от мёртвого тела, которое, как показалось Блопу, уже исчезло из-под света фонаря. Сразу за зданием начиналась стена с широкой аркой и зиявшей за ней чёрной пустотой.

— Быстро! Туда! — крикнул Ручи, вешая ружьё на спину и снимая с пояса масляную лампу.

Присев перед входом, он разжёл её при помощи спичек и всучил Блопу.

— Вниз! Осторожнее, ступеньки крутые!

Трясущийся толстяк послушно принял лампу и стал медленно сползать вниз, держа источник света возле самых ног, чтобы не оступиться. Поглядывая назад, Ручи последовал за ним.

Они долго шли по лестнице, ступеньки которой к низу стали особенно крутыми, так что с последней им пришлось спрыгивать. Внизу текла вода, взятая в каменные тески мельничных, рассчитанных на крыс, набережных, накрытых широким арочным сводом.

— Что это за река? — спросил Блоп.

— Не знаю, — ответил Ручи, — когда я рос, здесь было сухо. Он глянул вперёд, плюнул и тяжело задышал.

— Ты попал в меня, — задумчиво произнёс Блоп, трогая новую вмятину в кирасе, — нам повезло, что я взял эту броню.

— Да, — буркнул Ручи и сел, прислонившись спиной к стене и опустив сапоги в журчащую воду. По глазам его потекли слёзы.

— Эй, — удивился толстяк, — ну, не стоит, я всё-таки жив.

— Да при чём тут ты, — зажмурившись и задержав головой, ответил длинный стражник.

— Как при чём? — оторопел Блоп, — я жив, мы живы, всё ведь хорошо?

— Ты идиот, — опустив голову на сложенные на коленях руки, ответил Ручи.

— Ну... возможно, Ручи, возможно, — рассердился толстяк, — но ты тоже тот ещё кретин, стрелять в меня в упор.

— Ты ничего не понимаешь, — прорычал длинный стражник.

— Конечно, — упреков руки в бока, ответил Блоп, — конечно, это я ничего не понимаю. А ты у нас умный. Ты у нас хоть что-то понимаешь об этом мире, сидя тут, в этой дыре, в которую ты нас привёл и даже не помнишь, была она тут или нет. А теперь сел хныкать, как баба. А я ничего не понимаю. Блоп — дурак, Блоп — идиот, Блоп — худший из людей. Только Ручи, только Ручи у нас герой, не способный попасть ни во что, кроме своего самодовольства! Плакса!

Оба замолчали.

Когда же журчание воды прервалось упавшим с лестницы камнем, Блоп, словно проснувшись от тяжёлого дневного сна, пошаркал ногой, затем поднял лампу и сказал, обращаясь куда-то в темноту:

— Пойдём.

Он зашагал по узкому проходу между стеной и бурлящей тёмной жидкостью, но через несколько шагов остановился и повернулся к другу. Ручи зашевелился, вытер лицо рукой и стал медленно подниматься, опираясь на стену и стуча то прикладом, то дулом о холодный камень.

— Я вот в детстве, — начал Блоп чуть погодя, когда Ручи поравнялся с ним, — любил ловить жуков на крышах. Собирал их в банку. Поначалу не понимал, почему они умирают, но потом сделал дырку в крышке, чтобы дышали. Много их стало, банку побольше нашёл. Воровал на рынке чистую землю, траву.

Ручи молча двигался за ним в глубь коллектора.

— И вот однажды поймал я такого большого зелёного кузнечика, посадил его в банку к остальным, прихожу, как обычно, утром, покормить их, стучу по банке, а там только один этот зелёный и сидит, остальные все мёртвые. Это саранча оказалась, как мне потом сказал один человек на рынке. Купил её у меня. Сказал, что пошутить хотел над кем-то. Интересно, пошутил или нет.

— Ты на каких крышах жуков-то брал? — ехидно переспросил длинный.

— Да мама у меня работала мойщицей окон, мы часто на втором ярусе бывали, а из «Сада» Трокийи много живности ветром приносит в город.

Дальше они довольно долго шли молча, пока возле маленькой решётчатой двери Ручи не постучал прикладом о стену, Блоп остановился. Дёрнув дверь, Ручи взял в руку ржавый замок на цепи, усмехнулся, дал другу знак рукой, Блоп поставил лампу рядом с дверью, и они оба отступили. Ручи, перезарядил ружьё, прицелился и выстрелил. Пуля грохнула забилась в истерике о стены и исчезла где-то в воде.

— Интересно, как долго нам ещё будет так везти, — задумчиво произнёс Блоп, открывая глаза.

Ручи пожал плечами и дёрнул замок, упавший вниз вместе с цепью. Затем он подёргал дверь, та нехотя поддалась и со скрипом открылась.

За спиной Блопа раздался пронзительный писк, от которого тут же заболела голова. Толстяк в ужасе оглянулся, но в густой темноте ничего не было видно.

— Скорее, — крикнул Ручи, протискиваясь в узкий проход. Блоп бросился к двери и застрял, его ружьё зацепилось между решётками, а тучное тело встало в распор между стеной и дверью. Он стал дёргаться и кричать что-то нечленораздельное. Ручи бросился к толстяку, и стал резать ножом из маленьких ножен на поясе, кожаную лямку на ружье. Блоп почувствовал, что что-то крепко схватило его за шлем. Он дёрнул головой и тот слез. Ремень наконец оторвался, дверь с трудом поддалась, и Блоп протолкнул себя внутрь, а Ручи захлопнул её, как раз в тот момент, как по ней клацнули зубы огромной серой крысы. Сверкая в огне разбитой лампы налитыми кровью глазами, та с досадой и злостью запищала, так что головы обоих стражников чуть не лопнули, и стала биться лбом о дверь. Ручи, упираясь изо всех сил, заблокировал её ружьём Блопа.

— Долго так не выдержит, бежим, — крикнул он толстяку, только успевшему подняться, и они бросились наутёк.

Стражники неслись по узким тоннелям, поворачивая наугад, и Блоп не успел заметить, когда перестал слышать шаги друга. Он долго ещё бежал, как в тумане, не разбирая пути, а затем обнаружил, что туман — настоящий и заполнил всё вокруг него. Блоп остановился. Темнота отступила. Стены были, похоже, из лунного камня и испускали слабое зеленоватое свечение. Тяжело дыша, он вытянул руку — и не увидел кончиков своих пальцев. Испугавшись, он резко прижал её к себе и вскрикнул, эхо унеслось куда-то в глубину тоннеля.

— Ручи! — закричал толстяк дрожащим голосом, — Ручи! Луны тебя подери!

Из глаз Блопа покатались крупные слёзы.

— Предатель! — засипел он, срывая глотку. — Сопляк!

От отчаянья он ударил кулаком в стену, и она неожиданно поддалась, сдвинувшись под ударом, так что Блоп провалился вперёд в узкий лестничный пролёт и, ударившись головой, потерял сознание.

Он проснулся в луже собственной крови, замёрзший, с больным горлом и такой звенящей головой, что ему невероятно трудно было не только мысли привести в порядок, но и просто встать. Рукой ощутив мокрый лоб, он вновь заплакал и пролежал, содрогаясь, несколько минут. Слезы помогли, головная боль немного отступила. Собрав остатки сил, он нащупал стену, по которой тут же заскользил рукой, но затем уперся в выступ одной из металлических пластин своего доспеха и сумел сесть. Голова толстяка кружилась, но, преодолевая тошноту и боль, он поднялся. С досады пнув острую ступень, раскrojившую его лоб, он лишь больно ударил носок. Так он вспомнил, что на хорошие сапоги денег уже не хватило.

Постояв немного у стены и придя в себя, стражник медленно пошёл по ступеням вверх. Те пару раз круто поворачивали, но довольно быстро закончились деревянной дверью с засовом.

— Хвала сердцу, — произнёс Блоп и поднял его.

Дверь отворилась со скрипом, но ничего не изменилось. Впереди такой же плотной пеленой стоял туман. Каменная мостовая за дверью так же светилась загобным зеленоватым светом. Тут было даже темнее, потому что вокруг не было стен, которые подсвечивали стражнику путь в коридоре. Блоп сглотнул и сделал неуверенный шаг наружу.

— Есть тут кто? — тихо-тихо произнёс он себе под нос.

И тут за его спиной раздался душераздирающий писк. Блоп выскочил на улицу и захлопнул дверь, прижавшись к ней всем телом. С той стороны что-то ударило о дверь, и Блоп услышал, как на своё место упал засов. Он чуть ослабил напор, что-то вновь ударило о дверь, но та была крепко заперта. Блоп отступил на шаг. Дверь дёрнулась под ударом, но не открылась, и толстяк бросился наутёк, спотыкаясь и поскользываясь на мокрой мостовой.

Из тумана перед ним возникла стена, и он еле успел выставить вперёд руки и смягчить столкновение. Кираса звякнула о камень, стражник остановился, прислушался и быстро пошёл вдоль стены, иногда переходя на бег, но через несколько шагов снова остановился и закрутил головой. Откуда-то доносились отзвуки мелодии похожие на музыку шарманки. Блоп присел, затем встал и снова пошёл вдоль стены, резко повернувшей за угол — музыка стала громче. За поворотом туман был как будто бы слабее, и Блоп различил очертания площади и фонтана посередине. Мелодия играла теперь отчетливо и действительно, было похоже, что это заведённая пластина, по программе которой молоточки отыгрывали незамысловатую мелодию.

Стражник увидел, что что-то движется в тумане рядом с фонтаном, и тут же спрятался обратно за поворот, латы снова предательски звякнули. Тяжело дыша, он долго не решался вновь посмотреть за угол. Но ничего не происходило, и наконец любопытство пересилило. Осторожно, одним глазом, он высунулся и вновь увидел движение, на этот раз с обеих сторон. Блоп стал ждать и различил фигуру, словно бы ходившую по кругу, затем другую, а затем он понял, что их три. Фигуры непрерывно двигались вокруг неработающего фонтана в ритм музыки. Почему-то цифра три придала Блопу храбрости, и он вышел из-за угла и сделал несколько шагов по направлению к ним. Теперь он различил, что это были фигуры металлических петухов. Они сгибались и разгибались, словно клевали зерно, стоя на шестах, уходивших под землю, где наверняка и располагался движущий их механизм. Подняв голову, стражник увидел, что приводило в движение петухов, а заодно и разгоняло туман рядом с фонтаном, из которого прямо посередине торчал огромный ветряк, медленно и чинно вращавший лопастями высоко в вышине. Блоп обошёл фонтан вокруг, и, не найдя более ничего интересного, хотел было пойти дальше, но не смог вспомнить, с какой стороны пришёл.

— Ведьмины круги, — пробормотал он себе под нос, — запутали меня совсем.

С досады он топнул ногой, и замер, потому что звук его деревянной подошвы почему-то стал каменным. Он оглянулся и увидел, что среди наклоняющихся петухов движется ещё одна фигура намного выше. Медленно ступая, она шла прямо к стражнику. Блоп никак не мог разглядеть, что это было. Фигура несла в руке что-то длинное, и этим длинным она начала замахиваться на него. Толстяк успел отскочить в последний момент, когда большой двуручный меч опустился на то место, где он стоял ещё секунду назад. Блоп снова бросился бежать, но в том направлении, куда дёрнулось его тело, уже была другая такая же фигура, поднимавшая меч для замаха. Стражник не успел ничего сообразить и инстинктивно бросился на неё, ударив всем телом о металлические доспехи, посыпавшиеся от удара, фигура подломила ногу и завалилась назад. Испуганный и удивлённый, Блоп повалился на неё, раздавив ей грудную клетку. Барахтаясь в ржавом металле, толстяк никак не мог найти опору и встать. Наконец поднявшись, он увидел, что второй ржавый рыцарь, пытаясь поднять меч, вырвал себе руки и теперь стоял возле них печально пошатываясь.

— Так тебе и надо, — произнёс Блоп.

Он подошёл ближе и пнул рыцаря, отчего тот потерял равновесие и упал прямо под голову металлического петуха. Тот клюнул его, продолжая свой танец, зацепил шлем рыцаря и потащил его вокруг фонтана. Толстяк дёрнул ногой, стряхивая ржавчину, и обернулся, чуть не споткнувшись о маленькую девочку, стоявшую прямо перед ним в белом платке и тёмно-синем плаще, с лукошком на локте.

— Если не убьёшь меня, я отведу тебя к твоему другу, — заискивающе произнесла девочка.

— Убью? — переспросил застигнутый врасплох Блоп.

— Так, значит, убьёшь? — грустно спросила девочка. — Ну хорошо, — и она встала на колени, достала из лукошка маленькую арфу и начала играть незнакомую Блопу мелодию.

В полной растерянности Блоп присел рядом с девочкой и внимательно на неё посмотрел. Она была очень миловидной, какой бывают дети лет десяти, с мягкими и печальными чертами, и большими глазами, полуприкрытыми, словно она находилась в трансе во время игры на музыкальном инструменте.

— Я вовсе не собираюсь тебя убивать, — постарался как можно более дружелюбно сказать Блоп, — я вообще никого никогда не убивал.

Девочка перестала играть и посмотрела на рыцаря, которого с ужасным скрипом тащил по кругу петух.

— Они же не живые, — как-то неуверенно произнёс толстяк.

— А кто тогда живой? — нахмурившись спросила девочка, — только те, кто из мяса?

— Наверное, — так же неуверенно сказал Блоп.

— Сердце даёт жизнь всем, — твердо посмотрела на толстяка девочка, — нет различий.

— Хорошо, — затряс головой Блоп, — ты что-то сказала про моего друга? Откуда ты знаешь, что у меня есть друг и что с ним?

— У него такой же номер на груди, как у тебя, — девочка указала на гравировку личного жетона стражника на кирасе Блопа и так же буднично продолжила: — и он умирает.

— Как? Где? — воскликнул Блоп.

— Тут, недалеко, — кивнула девочка головой в сторону густого тумана.

— Отведи меня туда! Обещаю, обещаю, что не причиню вреда ни тебе, ни твоим близким! — умоляюще затараторил Блоп.

— Обещать вредно, — нахмурилась девочка, — но так и быть, я отведу тебя к твоему другу.

Она убрала арфу в лукошко и засеменила по каменной мостовой, светящейся загорбным зелёным светом, в туман.

— Постой, — воскликнул толстяк, догнал её и взял за руку, — я боюсь потеряться в этом ужасном тумане.

— Не знаю, о чём ты, — покачала головой девочка и потянула его за собой.

Блоп спешил за ней, боясь врезаться во что-нибудь или отпустить её руку, что, как ему теперь казалось, было равносильно смерти. В конце концов его страх сбылся, и он налетел со всего размаху на угол каменного дома, отпустил руку и стукнулся кирасой о камень, отлетев на пару шагов назад, но тут же вскочил — и чуть не сбил девочку с ног.

— Пришли, — сказала она с укоризной.

Тот посмотрел вниз, где под ногами начиналась исчезающая в тумане лестница, а на ней он увидел руку Ручи. Видимо, он полз по ней вверх, и ему не хватило нескольких ступеней, чтобы подняться. Блоп бросился к другу и затряс его.

— Ручи, Ручи, просыпайся, слышишь меня! — закричал он.

— Не слышит, — скривив губы, произнесла девочка, — и не надо кричать, это привлекает внимание. Блоп притих и в страхе припал к земле, потряс друга, а потом посмотрел на девочку.

— И что теперь делать? — умоляюще спросил он.

Та помялась, но потом кивнула в сторону и сказала:

— Нести к бабушке Этут. Она вылечит.

— Куда? — резко спросил Блоп, поднимаясь и хватая руку бездыханного друга, чтобы взвалить его на плечи.

— Сначала подними его, а потом пойдём, — с сомнением произнесла девочка и взяла лукошко двумя руками.

Блоп неодобрительно посмотрел на неё, а потом принялся поднимать Ручи, неуклюже упирая его в стену и пытаясь спиной подлезть под его грудь и живот. Затем он стал натягивать руки себе на плечи и, пытаясь, подлезать дальше. Девочка отстранённо била коленями лукошко и смотрела на страдания Блопа. Длинное тело Ручи коротышке Блопу не поддавалось.

Наконец ему удалось взвалить Ручи себе на спину, и он, тужась, поднялся на пару ступеней и упал. Девочка, которая благоразумно отошла, засмеялась.

— Ничего смешного тут нет, — зло произнёс Блоп.

— Тащи за руки, по-другому у тебя не выйдет, — хмыкнула девочка.

Блоп тяжело вздохнул, встал, взял друга за здоровую руку и протащил полметра.

— Вот, видишь, а теперь иди за мной, — кивнула девочка и медленно двинулась в туман. Блоп, плюнул, повернулся к ней лицом, присел, взял руку друга и потащил его вслед за девочкой.

Шли они довольно долго. По меркам Блопа прошла целая вечность, и он несколько раз просил спутницу остановиться и отдыхал, пытаясь разглядеть на лице друга признаки жизни. Но вот они добрались до маленькой деревянной двери, и девочка постучала. Долго ничего не происходило, Блоп уже начал было думать, что его проводница ошиблась, но затем из-за двери раздался старый скрипучий голос:

— Ты кого это привела?

— Это глупые люди, бабушка, они не хотят нам навредить, — ответила девочка. Блоп посмотрел на неё, но ничего не сказал. — Им нужна помощь, один из них умирает, — продолжила девочка, — ты одна можешь им помочь.

Дверь долго не отвечала.

— А почему я должна им помогать? — спросил старушечий голос с вызовом.

— Потому что они обещали нас не убивать, — ответила девочка так, словно подобный аргумент мог убедить любого.

Дверь вновь надолго замолчала, но потом раздался звук отпираемого засова и из него вылезла морщинистая голова в пенсне. Она недобрым взглядом изучила Блопа и Ручи, валявшегося на земле, а затем посмотрела на девочку.

— Внучка, ты уверена? — спросила она, прищурив глаза.

— Да, бабушка.

— В последний раз ты... — начала было старуха, но вздохнула и открыла дверь, исчезнув внутри.

Девочка вошла, поманив Блопа за собой. Он неуклюже втащил Ручи внутрь, стукнув несколько раз головой о скрипучую деревянную лестницу, которая спускалась от двери вниз, почти в погреб, где и располагалось жильё.

Там туман был почти прозрачным, в центре стоял стол, за ним двухъярусная кровать, а рядом дверь ещё в одну комнату. Несколько покосившихся шкафов были забиты книгами и посудой, давно покрывшейся паутиной. Блоп с огромным трудом водрузил тело друга на матрас на нижней лежанке и присел рядом, сняв кирасу.

— Что с ним? — спросила старуха, пока мыла руки в раковине напротив.

— Не местные, у этого, видишь, лоб, а тот цел, похоже, — ответила девочка, запирая дверь.

— Ясно, всё как всегда, — прокаркала старуха и пошла к одному из шкафов, заскрипела дверцей и вынула спрятанный между книг нож с голубым лезвием.

Блоп смотрел, как она вернулась к раковине, аккуратно помыла нож и направилась к лежащему на кровати Ручи. Подойдя к нему, она занесла нож над его шеей. В этот же момент Блоп в ужасе вскочил и выбил его из рук старухи:

— Ты что делаешь, ведьма!

Нож упал на пол, и его лезвие разбилось на маленькие осколки. Девочка, и старуха вопросительно уставились на Блопа.

— Ему лунами мозги высушило? — спросила старуха у девочки.

— Похоже на то, — кивнула та, и обратилась к тяжело дышавшему Блопу. — Ты разбил ритуальный нож, теперь мы не сможем помочь твоему другу.

Блоп с ужасом и непониманием смотрел то на девочку, то на осколки ножа, то на старуху, то на Ручи.

— Ты меня слышишь? — переспросила девочка, помахав рукой. Блоп неуверенно кивнул.

— Он тугο соображает, всё ясно, — рассерженно сказала старуха.

Она снова подошла к раковине, помыла руки, потом взяла метлу и принялась сгребать осколки в маленький металлический совок под раковиной.

— У тебя кровь идёт, — произнесла девочка.

Блоп вопросительно наклонил голову, но затем вспомнил и дотронулся до лба, всё ещё кровоточившего.

— Это тебя и спасло, — продолжила она, встав из-за стола и направившись к лежащему на постели длинному стражнику.

Подойдя, она провела рукой над его телом:

— А он целый.

Блоп непонимающе смотрел на неё.

— Туман принимает только страдание, — покачала она головой, посмотрев на Блопа. — Без страдания он забирает.

Она посмотрела на старуху, которая ссыпала остатки ножа в мусорное ведро и снова мыла руки.

— Только ножом из голубого стекла можно вызвать в живом существе настоящее страдание, если он не вошёл с ним в туман. Но теперь ножа у нас нет.

— Ну откуда же я мог знать! — почти заплакал Блоп. — Ваши эти дурацкие правила. Тут что, на входе написано: «Страдайте чтобы выжить, и не разбивайте ритуальные ножи»! Я просто друга защищал.

— Надо доверять людям до конца, если уже один раз доверился, — проскрипела старуха, закрывая кран и усаживаясь за стол.

— Ну, может, есть ещё ножи? Или стекло это? — с надеждой спросил толстяк, присаживаясь на край кровати.

— Стекло-то есть, сколько угодно, — усмехнулась старуха.

— Ритуал не совершить, чтобы проклясть клинок, — закончила за неё девочка. Наступила тишина, слышно было лишь тяжёлое дыхание Блопа. Пот мелкими каплями покрывал его сальное лицо.

— Можно, конечно, совершить, — протянула задумчиво старуха, встала и вновь пошла к раковине мыть руки.

— Как? — спросила девочка, снимая плащ и направляясь к вешалке.

— На фабрике, — тихо произнесла старуха, поморщившись и схватившись правой рукой за спину.

Девочка повесила плащ и уставилась на старуху.

— Да-да. Э-э-х. Там, среди всего этого хлама, где-то наверху, у мистиков, была ритуальная комната, — задумчиво произнесла старуха, разгибаясь.

— Я туда не пойду, — отрезала девочка, возвращаясь к столу.

— Да я бы тебя и не отпустила, — усмехнулась старуха, — но этот, с высушенными мозгами, может сходить.

Обе уставились на Блопа, вытаращившего на них глаза.

— У меня не сухие мозги, — с обидой ответил он.

— А какие? Мокрые? Да не переживай, все рождаются разными, сердце для всех находит место, — улыбнулась старуха редкими тёмными зубами.

— А что это за место такое? — неуверенно спросил Блоп, делая шаг к столу.

— Ты совсем ничего не знаешь о том, куда попал? — спросила девочка, явно не в силах поверить в невежество собеседника.

— Ну... — протянул Блоп, опираясь на стол, — это Квартал туманов.

— Неплохо для начала, — усмехнулась старуха, — а ещё?

— В городе говорят, что тут все сошли с ума, — произнёс толстяк и оглядел присутствующих.

Старуха вновь усмехнулась, встала и вновь пошла к раковине.

— Мало ли что там говорят, — произнесла она, включив воду, — мне вот интересно, а там что, все в своём уме?

— Нет, — задумчиво ответил Блоп.

— Вот и я так думаю, — закончила старуха, выключая воду и вытирая руки о тряпку на спинке своего стула.

— Здесь случилось большое горе, — произнесла девочка.

— Да, — кивнула старуха, присаживаясь, — группа мистиков проводила здесь эксперимент... Они, кажется, хотели получить альтернативу чёрному дыму.

Блоп с недоумением смотрел на неё.

— Если ты не в курсе, то чёрный дым обогащён дыханием Сердца. Они держат Сердце взаперти там, в храме, и накачивают его последними вздохами эту чёрную субстанцию, на которой работают все их мерзкие машины и железные существа, включая дракона. Про дракона-то знаешь?

Блоп кивнул.

— Хоть что-то знает, — прищурилась на толстяка старуха и засмеялась, затем встала, подошла к раковине и, вновь включив воду, продолжила: — Так вот, они поставили в центре Квартала большой котел и выпаривали в нём воду, запуская пар в похожий механизм, но заряжать его хотели эмоциями.

Она закончила, вытерла руки и присела обратно.

— Ну а какая у нас самая сильная эмоция? — с задором спросила она, оглядывая Блопа и девочку, и, не дождавшись ответа, закончила сама: — Правильно, страдания, страх и ненависть.

Она расхохоталась до слёз и долго ещё приходила в себя, подрагивая и икая.

— Вот они и сделали пыточную из старого хранилища, — продолжила она, успокоившись, — крюки, дыбы, четвертования. Было слышно даже ночью. Люди, говорят, ходили в Магистрат, Культ, Красная луна, к великим домам обращались. Бесполезно. Было решение где-то на самом верху.

Она вновь приподнялась, но тут же схватилась за спину и села обратно.

— Я помню, как выглядят солнца. Была, как она, — кивнула старуха на девочку, — когда случилась авария. А теперь я тут одна такая осталась, из первых, да и мне скоро умирать.

— Бабушка Этут, — укоризненно посмотрела на старуху девочка.

— А что, золотце, так устроена жизнь. И я, признаться, рада бы уже помереть, — усмехнулась старуха, искоса посмотрев на стражника.

— Вы сказали про аварию, — напомнил Блоп.

— Да, да, — произнесла Этут, с трудом поднимаясь, — они использовали заключённых для своих грязных дел, как говорил мне отец. Насыщали свой магический пар страданиями этих несчастных. Стоило тебе украсть краюху хлеба, и ты попадался, твоя судьба была решена. Стражи не хватало, чтобы ловить преступников, и сюда прислали особый полк рыцарей в чёрном. Этих механических големов. Старуха, кряхтя, вновь добралась до раковины и включила воду.

— Они пробовали заряжать их своим паром, но хватало ненадолго, хоть и складировали они этой дряни полным-полно. Забили все склады и погреба, включая городскую ратушу. Но то, что нужно, у них, видимо, не получалось, — произнесла она, вытирая руки, — и кто-то, а я думаю, что они сами, взорвал их основное хранилище. Я была в школе и слышала только страшный грохот. Меня забрал домой отец, а через несколько часов туман распространился по всему Кварталу. Стража спешно заперла ворота снаружи, и больше мы их не видели.

Старуха села и положила голову на руку.

— С тех пор всё здесь вот так, — произнесла она, спохватилась и снова подошла к раковине, — а то, что мы все немножко того (она покрутила мокрой рукой у виска)... не знаю. Не хуже остальных. Жить здесь тяжело, не спорю. Но... Такая жизнь меняет.

Она вытерла руки и вновь включила воду.

— Ритуальная комната, — напомнил Блоп.

— Ах, да, комната... — старуха ударила себя тыльной частью ладони по голове. — Там, где был старый склад и лаборатория, там часть постройки чудом сохранилась. Внучка была, видела. Я-то в тумане вижу так себе, а вот она прилично.

— Да, там всё работает, механизм всё ещё качает из котла пар, — кивнула девочка. — И рыцари ходят, и не только они. Я там кого-то ещё видела.

— Не знаю я про кого-то ещё, — произнесла старуха, вновь присаживаясь за стол с полотенцем в руках, — но то, что там всё работает, — это точно. Значит, и ритуальная комната цела.

— Бабушка, время, — девочка указала на часы.

— Ох, вовремя ты! — крикнула старуха, слезла со стула и пошла к двери возле кровати.

— Отдыхай пока, — обратилась она к Блопу, указывая взглядом на верхнюю кровать, — потом расскажу, что делать.

— А как же? — спросил было толстяк, но Этут уже исчезла за дверью.

— Не переживай за своего друга, — ответила за старуху девочка, — время ещё есть.

Блоп посмотрел на побелевшее тело Ручи и с досадой произнёс:

— Видишь, нам всё ещё везёт...

— Как утопленнице... — произнесла вслух Ки.

Герцогиня сидела в кабинете отца в большом кресле за его старым рабочим столом. На её лице лежала маска напряжённой, не находящей выхода, борьбы. Письмо, которое лежало в шкатулке на столе, жгло ей пальцы, даже когда она не держала его в руках. Над столом вращался сверкающий золотом жезл. Но внутреннее волнение не давало герцогине сосредоточиться, поэтому иллюзия постоянно расплывалась на пузыри и не хотела держать форму. Проклятый долг, трижды неладный Тэмен, такой отвратительный и такой нужный. Неужели это любовь? Вот такая, странная, кривая, извращённая. Любовь к врагу, олицетворению всего омерзительного, противного её роду, её семье, уничтоженной им. Пускай не сам, но он пособник, пособник этого ужасного сговора. И, тем не менее, она не могла без него. Ни как герцогиня, ни как женщина. И ей самой трудно было понять, как так произошло, что, потеряв его, в ней проснулись самые неприятные чувства, которым не могло и не должно было быть места в её плане. А что план? План почил в пучине страха. Красная луна. Она ударила своим белым кулачком о стол, так что старый пергамент подхватил это мимолетное дуновение и бросился к открытой дверце, ведущей в оранжерею. Но его тут же поймала подскочившая Асоль и положила обратно на стол, рядом с рукой хозяйки.

— Милая моя, дорогая Асоль, — улыбнулась герцогиня и погладила собаку за ухом, — одна ты у меня.

Покачив головой, Ки откинулась в кресле и хотела было закричать, но в этот момент раздался тихий звоночек. Герцогиня удивилась, но потом произнесла предательски срывающимся голосом:

— Да.

Раздался скрип, и из-под ширмы рядом с дверцами лифта появилась служанка и, опустив глаза, поклонилась Ки:

— К вам посетитель... ница. Госпожа Лай. Говорит, по делу срочному и требующему вашего немедленного внимания.

Герцогиня удивлённо посмотрела на служанку, потом на Асоль, всем своим видом выразившую такое же удивление, как и Ки.

— Хмм, — усаживаясь поудобнее в кресле произнесла герцогиня. — Но кто это?

Служанка подняла глаза на Ки:

— О ней разное говорят. Одни говорят, она помогает в делах, а другие — что губит людей.

— Губит, говоришь, — задумчиво протянула герцогиня, — хорошо, зови её.

Служанка вновь поклонилась и исчезла за ширмой. Вновь скрипнула дверь и послышались тихие шаги по маленькой винтовой лестнице.

Ки встала, подошла к зеркалу и поправила причёску. В глубине замка заскрипел лифт, герцогиня подошла к столу и стала ждать. Асоль легла между хозяйкой и дверьми. После непродолжительного ожидания кабинка поднялась на верхний этаж, решётка отворилась и, раскрыв дверцы, в кабинет вошла тучная неопределённого возраста женщина в дорогом чёрном платье с красными бутонами, кольцами опоясывавшими его по талии. Она сделала книксен и глубоко поклонилась герцогине.

— Моя повелительница, я слышала о вашей красоте, но слухи, поверьте, оказались лишь бледным отражением... — расплылась женщина в улыбке, занявшей почти всё её лицо.

— Покончим с формальностями, — сухо отрезала герцогиня, — что привело вас в столь поздний час в мои покои? Дама улыбнулась ещё шире, хотя это, казалось, было невозможно.

— Ах, какой у вас милый деградант... — начала было женщина, но Асоль удостоила её таким взглядом, что та нашла лучшим сменить направление монолога. — Я здесь, потому что у вас есть трудности. А там, где трудности, там и я.

— И какие же трудности, по-вашему, могут быть у герцогини? — скривила рот Ки.

— Самые обычные, — засмеялась женщина, поправляя вуаль, — сердечные.

В груди герцогини ёкнуло, но она не подала виду. Только Асоль под её ногами зарычала на вошедшую. Ки легонько топнула каблуком, собака замолкла.

— И что вы знаете о моих сердечных трудностях? — медленно выговорила герцогиня.

— Вы только не примите мои слова за неуважение к вашей персоне, — низко поклонилась женщина, и, не поднимая головы, произнесла: — но весь город видел белую деву.

Ки вздохнула, отвернувшись, вновь посмотрела на вошедшую и направилась к дверям на балкон.

Женщина коротко взглянула на неё и сделала шаг вслед за герцогиней, но Асоль встала у неё на пути, обнажив зубы и зарывав, отчего Лай отступила обратно на первоначальную позицию, прищуриив глаза на собаку. Герцогиня встала в дверях, вдохнула вечерний воздух и закрыла глаза.

— Я уверена, вы вполне в курсе, что я могу отправить вас в темницу за такие слова, — произнесла она бесстрастно и с какой-то печалью в голосе.

— Вполне, — улыбнулась женщина, — но я также знаю, что женщины в вашем положении не отказываются от помощи. И, надеюсь, вы понимаете, что сейчас я не только о сердечных делах.

— Смело, — повернулась к женщине герцогиня, — только за это вы бы могли лишиться головы.

— О, — захихикала Лай, — знали бы вы, сколько раз я слышала это от особ вашего положения. И, тем не менее, я всё ещё жива, а это значит, что они остались довольны моими услугами.

— И кто же ваши клиенты? — подняв правую бровь, спросила Ки.

— Те, кто предпочёл бы, чтобы я никогда не произносила их имён, — ответила женщина, расплывшись в самой широкой улыбке, на которую была способна.

— Что ж, достойный ответ, — кивнула Ки, — но он ни на шаг не приближает вас к тому, чтобы я поверила вам.

Она прошла обратно к столу и посмотрела женщине прямо в глаза.

— Я что-то запамятовала, кто прислал вас? — решила она взять инициативу в свои руки.

— Ветер быстро разносит слово, — улыбнулась женщина ещё шире, — я лишь следую туда, откуда он дует.

— Говорят, тем, кто владеет словом, не нужна армия, — вздохнула Ки, развернулась и показала рукой на чайный столик с двумя стульями, — присаживайтесь.

Дама улыбнулась ещё шире — так, что, казалось, сейчас её щёки разорвутся, и проследовала к столику, поглядывая на Асоль.

Она уселась на дальний от дверей стул, расправив своё пышное платье.

— Благодарю, — вновь поклонилась она.

Ки уселась напротив за столик с зеркалами.

— Вам что-нибудь предложить? — учтиво спросила она.

— Если у вас найдется немного креплёной забывай-воды, я бы не отказалась, — хихикнула женщина и поправила вуаль.

Ки подняла со своего столика колокольчик и позвонила в него два раза.

— Так скажите же мне наконец, любезная Лай, — уже мягче и приятнее произнесла герцогиня, — что за услуги вы можете предоставить?

— Ох, ваша светлость, — хихикнула женщина и забежала глазами-бусинками, — да всё, что хотите, отворот, приворот, заворот, ну и, разумеется, порча, сглаз. Совершенно обычный арсенал. Ну, яды ещё...

В этот момент за ширмой раздался тихий стук, и герцогиня громко прервала Лай:

— Да, войдите.

Из-за ширмы появилась служанка с подносом в руках. На нём стоял графин с чайного цвета жидкостью и две рюмки. Ки указала взглядом на даму, и служанка поставила поднос на чайный столик, налила в одну рюмку немного жидкости и направилась обратно за ширму. Ки проводила её взглядом и вновь взглянула на женщину. Та улыбнулась герцогине, залпом осушила рюмку и прикрыла глаза от удовольствия.

— Как тепло, м-м-м, — улыбнулась она, — обожаю старые запасы великих домов. Ничего подобного нигде не попробуешь.

— Не стану спорить, — напряжённо ответила герцогиня, — ваш, м-м-м, спектр услуг, мадмуазель Лай, оставляет меня в глубоких сомнениях, что вы выбрали правильного слушателя для таких низких и, я бы сказала, отвратительных предложений.

— И я не стану спорить с вами, моя дорогая герцогиня, — как-то тепло и по-дружески произнесла Лай, немного обмякнув на стуле. — Вы совершенно правы, мои методы ужасны и отвратительны, низки и бесчеловечны. Но рано или поздно всякий достигший высокого положения прибегает к ним, чтобы положение это сохранить.

Ки поднялась со своего стула

— Думаю, вы всё же пришли не по адресу, — холодно ответила Ки и посмотрела прямо в глаза Лай.

Собеседница даже не удивилась, а лишь пожала плечами, налила себе ещё одну рюмку, тут же её выпила, поднялась, поклонилась и направилась к лифту. Закрывая за собой решётчатую дверь, она вновь улыбнулась во всё лицо и произнесла:

— Если вы всё же вдруг передумаете, приходите в Забытый Костёл в Квартале мистиков. В любое время. До свидания, ваша светлость.

Ки ничего не ответила и даже не повернулась к Лай. И только когда кабинка лифта скрылась из виду, герцогиня как-то растерянно и тяжело дыша подошла к выходу на балкон и оперлась обеими руками о золотые ручки дверей.

Звёздное небо над городом и несколько лунных дисков пересекла чёрная тень и исчезла в районе дворца. Герцогиня присела в проходе и закрыла лицо руками, плечи её сотрясло беззвучное рыдание. Асоль подошла и ткнулась в хозяйкины ладони холодным носом.

Глава 15

— Вы должны отправиться на восток, туда, где начинаются пустоши, — тихо начал Отец, — и узнать, что привело сюда дракона. Их не видели в этих краях так давно, что никто и не вспомнит. А теперь он здесь.

Старик отвлёкся от коленки Гудди и указал на гигантскую тварь за своей спиной, занявшую весь внутренний двор за мастерской. Множество оживлённых всё ещё увозили

запчасти, освобождая место для чудовища, что окончательно превращало док в склад для хлама. Снорри нахмурился.

— Я обсудил это с Бароном, — посмотрел на него старик, закрывая металлическую раковину на ноге куклы, — это важно, важнее, чем взорвать очередной завод.

— А это как-нибудь связано с тем, как мне стать человеком? — спросил Гудди, дёрнув ногой.

— Не дёргайся, — заворчал старик, — дай закончить.

— Ещё одна самоубийственная миссия, — булькнул Рауд, — быть сожжёнными пламенем дракона или в сердечной печи? Трудный выбор.

Осьминог прищурился и посмотрел на Гудди. Тот взглянул на Рауда, а затем на Снорри, человек вздохнул и кивнул.

— Вот и славно, — закивал головой старик, поднимаясь и отряхивая руки, — легенды говорят, что драконов было много, и они родились в самом начале, но покинули Сердце, ибо они единственные родились с целью.

— С какой? — спросил Гудди, топая отремонтированной ногой.

Отец помолчал, разглядывая блики солнечного света на чешуе монстра.

— Знаешь, если я буду захламлять ваши головы этой древней чушью, в ней не останется места для дела, — скривил губы старик, — давайте-ка, поспешите, луны убывают, времени мало.

И с этими словами он развернулся и направился в сторону возведённой вокруг крыла чудовища конструкции, позволявшей сращивать его кости под нужным углом.

— И зачем он его лечит? — спросил Рауд. — Неужели планирует использовать его?

— Мне кажется, что он лечит его из сочувствия, — произнёс Гудди, провожая взглядом старика.

— Смотри, а деревяшка-то соображает получше тебя, — ехидно усмехнулся Снорри и направился к доку, выходявшему в каньон широкой естественной аркой, где располагались малые летательные аппараты свободного флота. — Пошли, и пусть нам повезёт найти в этой куче хлама что-то летающее.

— Я не только деревянный, у меня много металлических деталей, — прозвенел Гудди уходящей спине человека.

— Пойдём, по дороге поспорите, — пробулькал, проплывая мимо куклы, Рауд. Гудди нахмурился своими нарисованными бровями, но последовал за осьминогом.

Старый хлам, что выносили из внутреннего двора, занимал теперь все проходы, и Гудди пришлось постараться, чтобы найти выход из этого стихийного лабиринта, прежде чем он попал в тёмную пещеру. Кое-где в пещере горели огоньки техников, проводивших осмотр и заправлявших расставленные над ремонтными блоками скутеры, летающие гондолы и лёгкие парусники. Мерцающий свет играючи бегал по металлической краске, подчёркивая тонкость форм обтекаемых двигателей и сверкающих бортов. За всем этим скоплением техники огромным ртом белела зона вылета из дока, а в ней мерцала в лучах полуденных звёзд мачта

флагманского галеона. Для переоснащения два голема-гиганта подняли его со дна каньона на каменных руках. И сейчас на нём проводили проверку двигателей, отчего в каньоне стоял ужасный шум. Скоро должны были состояться тренировочные манёвры, где он вместе с основной флотилией должен был дать проверочный круг по плато.

Снорри стоял возле трёхместного аэроцикла, с сомнением уставившись на уровень заправки.

— Неужели удача? — он постучал по мерцающему прибору, хмыкнул, прыгнул за руль и резко поднял судно с земли, обдав жаром двигателей осьминога и куклу.

— Эй, полегче, — крикнул Рауд, — не забывай, что не только у тебя здесь есть кожа.

— А у меня много деревянных деталей, — подойдя, произнёс Гудди.

— Так всё-таки деревяшка? — усмехнулся Снорри, сажая летательный аппарат и направляясь в диспетчерскую. — Я за провиантом.

— Я... — начал было Гудди, но не стал продолжать.

Рауд посмотрел на него и уселся на своё привычное место в хвосте мотоцикла — за пулемётом.

— Он просто такой, — булькнул осьминог, — где-то внутри, думаю, в нём всё же есть и сочувствие, он просто не умеет его проявлять. Хотя кого я обманываю...

— Как вы вообще дружите? — удивился Гудди, садясь в пассажирское кресло и пристёгивая ремень безопасности.

— Трудно выразить, — покачал головой Рауд, — просто он не воспринимает всерьёз меня, а я его.

Гудди обернулся на пролетавшую мимо лодку с мерцающим дном, на ней среди разношёрстной компании сидел знакомый ему молоток, помахавший рукой, то ли ему, то ли кому-то ещё в глубине ангара.

— Знаешь, мне один моряк рассказывал, что каждый живущий — это такой же осколок Сердца, который вы, оживлённые, носите в груди, и бывает, что люди встречаются, и края этих осколков совпадают, — глядя в потолок, выпустил пузыри Рауд, — вот наши, похоже совпали. По крайней мере, я так себя успокаиваю.

— А бывает так, что ты чувствуешь, что твой осколок совпал, а у другого человека нет? — повернулся к осьминогу Гудди.

— Сплошь и рядом, — булькнул Рауд. — Вот даже сейчас, мы летим разбираться, почему это осколок дракона не совпадает с нашим.

— А если обтесать осколки, чтобы они совпали? — не унимался Гудди.

— Такое тоже бывает, — хмыкнул осьминог, — всякое бывает. Но ты это, особо не цепляйся. Моряки всякое говорят, особенно после пары месяцев в море.

Гудди хотел уточнить, о чём говорит Рауд, но в этот момент вернулся здоровяк с провиантом и бросил его с размаху кукле на руки.

— Закрепи, — буркнул он и уселся за руль.

Гудди недовольно заёрзал, достал сбоку ещё один ремень и закрепил им рюкзак себе на коленях.

— Готовы? — спросил Снорри, заводя аппарат и нацепляя на глаза лётные очки.

— Да, — хором ответили пассажиры, и мотоцикл пулей вылетел из пещеры.

Вильнув между кораблем Барона и рукой похожего на гору голема, он взмыл над каньоном, сверкнув бликами от обоих звёзд, и понёсся на восток. Ветер бил в нарисованные глаза Гудди так сильно, что ему казалось, будто свежая краска, которую этим утром нанёс Отец, будет содрана с дерева и он ослепнет. Осьминог прилип всем телом к пулемету, и только Снорри чувствовал себя вольготно, держась за руль с той благородной небрежностью, словно он поднялся в облака на детском прогулочном катере нагулять аппетит перед обедом. Солнца припекали так, что скоро вся поверхность мотоцикла нагрелась, и команде пришлось сесть, чтобы осьминог и человек накинули лёгкие защитные плащи. Гудди плаща не досталось, и за время полета его деревянные детали немного потемнели.

Совсем скоро они пролетели над цеппелинами и раскуроченным ангаром, где остатки сгоревших деталей разбирали сотни оживляшек — с высоты они выглядели как усердные муравьи. Снорри сделал круг над ними и бросил мотоцикл дальше на восток, где истерзанное ветрами плато острыми зубцами спускалось ниже, и, рассыпаясь в мелкую крошку, заползало под мёртвые земли пустошей.

— Здесь было соляное озеро, — крикнул сквозь ветер осьминог.

— Сам иди в задницу, — откликнулся Снорри и стал снижаться к остоу летающего корабля, похоже, он гнил здесь не одну вечность.

Они приземлились в самый центр остова — он торчал из земли дугообразными металлическими сваями, походившими на рёбра огромного древнего существа. Снорри отцепил рюкзак с провиантом, снял с борта электрическое копьё и пошёл назад, на юго-запад. Возле одной из свай он остановился и обернулся.

— Я видел следы. Много. Схожу посмотреть, — сухо сказал он, — не убейте себя здесь, пока меня нет. Или убейте, мне плевать.

И исчез за свай. Осьминог по одной отцепил щупальца от пулемёта, размял каждую, снял блокировку с вращающейся кабины и покрутил несколько раз, проверяя ход.

— Отдыхай, — устало сказал он, — он надолго.

— Я бы пошёл с ним, — мечтательно сказал Гудди. — Следы — это так интересно...

— Поверь мне, — хмыкнул осьминог, — нет, ты...

Но сказать это было некому, потому что Гудди уже спешил по неровной, покрытой острыми камнями почве вслед за Снорри. Рауд устало вздохнул, подпёр щупальцем голову и усталился в одну точку.

— Не убейте, убейте, плевать, — пробормотал он, щупая свою тёмную шишку на макушке, которая, как ему казалось, становилась всё больше.

Перепрыгивая через кочки и переходя на бег, там, где это было возможно, оживлённый быстро догнал здоровяка, припавшего к земле на небольшой насыпи, недалеко от маленького дождевого озера.

— А я-то думаю, кто это скачет, как стадо больных яйцебыков, — покачал головой Снорри, поднимаясь. — Я же сказал: оставаться в лагере.

— Лагеря не припомню, разбитый корабль помню, — весело произнёс Гудди, с размаху чуть не врезавшись в человека, — но там нечего делать.

— Ты будешь мне мешать, — прорычал здоровяк, — один я справлюсь быстрее, чем если мне придётся нянчиться с тобой и спасти твою шкуру.

— Пока что в игре «спаси шкуру» у меня явное преимущество, — звонко ответил Гудди и, как ему показалось, улыбнулся, скривив своё забрало, — и я не замедлю тебя, обещаю.

Здоровяк поднял левую бровь, опустил голову к оживлённому и взглянул на него исподлобья.

— Хорошо, — кивнул он, — но ты сам за себя отвечаешь. Если с тобой что-то случится — это не моя забота.

— Пя, — кивнул Гудди.

Снорри вскочил на ноги, быстрым шагом спустился с насыпи и быстро побежал, петляя среди валунов. Гудди поспешил за ним, стараясь не отстать и не удариться всем телом о камни, выставшие на его пути. Обогнув очередной непонятно откуда взявшийся валун, он с разбегу загнал ногу между двух острых кусков камня, торчавших из земли. Шаги человека удалялись. Оживлённый жалобно зазвенел о помощи, но тут же вспомнил своё обещание. Он схватился за ногу обеими руками и дернул её, но это не помогло. Дёрнул сильнее — нога захрустела, вот-вот готовая сломаться. Гудди стукнул по ней кулаком и уселся на землю, закрыв глаза. В его нарисованном глазе с треском и шипением наверху слеза краски. Из-за соседнего валуна появилась фигура Снорри. Он скептически смотрел на куклу. Гудди поднял голову и пожал плечами.

— Ты прав, я бесполезен. Можешь меня здесь бросить, — жалобно прозвенел он.

Здоровяк подошёл и стукнул мыском своего сапога по застрявшей ступне, отчего она тут же выпала из ловушки. Ошарашенный Гудди посмотрел сначала на ногу, потом на человека.

— Один — один, деревяшка, — кивнул здоровяк и двинулся дальше.

Они бежали довольно долго, пока не начали подъём обратно на плато. Здесь, среди острых камней, выветренных песком с пустошей, можно было увидеть высохшие деревья и редкий мох, неясно чем питавшийся на этой выжженной поверхности. Снорри перепрыгнул через упавшее дерево и резко остановился; оживлённый налетел на него со всего размаху. Здоровяк придержал куклу, не дав ей упасть и приложил палец ко рту.

— Не шевелись, — прошептал он.

За его спиной Гудди различил находившееся в небольшой низине открытое пространство, посреди которого возвышался холм. Но что-то в этой картине было не так. Он пригляделся: холм двигался, медленно сверкая в лучах солнц. Снорри аккуратно присел и,

плавно передвигаясь, спрятался за углом косо торчащего и изъеденного ветрами куска скалы. Гудди последовал его примеру и притаился с противоположной стороны за сухим деревом.

— Красная луна! — тихо выругался здоровяк.

Гудди вопросительно посмотрел на него.

— Он пообедал тем, что нам нужно, — тихо ответил Снорри и в этот раз уже длинно выругался на неизвестном наречии. Подумав немного и потеряв рукоятью землю, он встал и направился к холму.

— Сиди здесь, — бросил он через плечо.

— Вот ведь, — тихо прозвенел Гудди и выглянул из-за дерева.

Здоровяк спустился в низину и медленно, обходя по кругу, приближался к неизвестному объекту. Когда он пересек линию тени, отбрасываемую окружающими кусками породы, холм прекратил двигаться и замер. Снорри замедлил шаг, перехватил копьё в правую руку и положил палец на спусковой крючок. Из холма поднялась большая плоская голова на длинной шее. Вся в чешуе коричневого цвета, с белым ртом и увенчанная двумя узкими щёлками глаз и мохнатой золотой гривой, она спускалась вниз по телу, представлявшему из себя весь «холм» целиком.

Гигантская змея вращающимися тёмными кольцами заполнила пространство вокруг своей головы, под которой раскрылись два больших крыла с устрашающим золотистым рисунком на мягкой серой коже. Перепончатые крылья резко поднялись вверх и сделали два сильных взмаха, подняв голову выше, но нижняя часть тела так и осталась прикованной к земле. Существо словно проглотило огромный, больше неё самой, камень теперь покоившийся в её вздутых внутренностях неподъёмным грузом.

Снорри метнулся вправо, влево, и побежал к прикованному к земле хвосту, а наконечник копья зазвенел блестящей молнией. Тварь спикировала ему наперерез, выстрелив вперёд кольцами своего тела. С грохотом и подняв столб пыли, они ударили о землю в том месте, где только что был здоровяк. Но Снорри уже бежал в обход приземлившейся морде чудовища. Оно резко спохватилось и вновь бросилось наперерез человеку. Не имея теперь возможности быстро раскрыть свои крылья для взмаха, оно поползло, извиваясь по земле.

От поднимающейся пыли Гудди перестал видеть происходящее и инстинктивно сделал шаг к арене, где происходила схватка. В ту же секунду здоровяк вылетел из пылевого облака и грохнулся недалеко от него. Копьё упало рядом. Снорри быстро подобрал его и бросился по кругу, обходя чудовище с другой стороны. Стоило ему двинуться — и на место, куда он упал, спикировали кольца змеи. Волной от удара Гудди отбросило на спину, а сухое дерево, скрывавшее его, треснуло и рассыпалось. Оживлённый вскочил и бросился вбок, между камней. Повинуясь внутреннему чувству, он пробирался всё дальше и дальше, но ничего не было видно. Налетевшее облако пыли закрыло от него происходящее на арене. Наконец он забрался на накренившийся валун и смог разглядеть, что битва переместилась к центру. Здоровяк танцевал между вращающихся колец змеи, пытавшейся схватить и сжать его. Но он то резко выворачивался из её хватки, то разил её тело копьём, отчего тварь сотрясалась и отпрыгивала пружиной, сжимая и разжимая свои смертоносные кольца.

Снорри медленно пробирался к прикованному к земле хвосту. Сделав очередной выпад и резанув нападавшее существо по крылу, он прыгнул назад. Но стоило ему повернуться

к разбухшей части хвоста — он тут же получил по лицу другим крылом. Копьё отлетело вбок, а сам здоровяк упал на спину. Тварь тут же набросилась на него, раскрыв пасть, и Гудди, подпрыгнувшему от волнения на валуне, показалось, что та его проглотила. Перед его внутренним взором пронёсся выжигающий землю дракон и пепел, оставшийся от лысого лучника. Что-то сковало его тело и он, не в силах двинуться, повалился на камень. Механизм во рту оживлённого жалобно дребезжал, а глаза сжались в две тонкие полоски.

Он оказался в длинном зале с колоннами, затопленном водой. Сам он будто бы погружался в воду, но она была вязкой и погружение было медленным. Из тёмной глади воды стала подниматься голова дракона. Но не того дракона, что лежал сейчас во внутреннем дворе мастерской. Голова и шея чудовища были покрыты вентилями и трубами, а глаза горели красным огнём. Всё тело Гудди вибрировало, а сознание старалось изо всех сил сбежать от страшной картины, нарисовавшейся перед ним.

Сквозь наступающую темноту до него донёсся рёв. Это был крик человека. Гудди резко пробудился, открыл глаза и, спрыгнув с валуна, со всех ног побежал к месту, где последний раз видел человека. Пыль вращалась вихрями вокруг арены, и он то видел дёргающуюся голову чудовища, то терял её из виду. Пробежав добрую половину пути, он споткнулся о лежавшее на земле копьё. Засомневался на секунду, но всё же схватил его, включил завибрировавший молниями наконечник и бросился к блестящей чешуе. Вместе с налетевшим резким порывом ветра пыль исчезла, и он увидел, как Снорри держится за пасть змеи, встав в распор её нижней и верхней челюсти. Из единственного оставшегося в ней зуба во все стороны брызгал яд. Змея пыталась изо всех сил сжать рот, здоровяк кричал от напряжения, но всё же не сдавался.

Змея вновь стала болтать головой из стороны в сторону, чтобы сбросить человека, но это не помогло. Гудди пришёл в себя и оглянулся как раз вовремя, чтобы увернуться от шлепка змеиного хвоста. Он откатился вбок, а затем, зажав до упора курок, бросился к вздувшемуся от проглоченной жертвы телу чудовища и вонзил сияющее электрическим наконечником копьё — змея замерла. Оживлённый надавил и дёрнул копьё вбок, вспоров её тело. Змея заметалась и упала на землю, выплюнув Снорри. Её глаза налились красным, крылья затрепетали, и она издала такой душераздирающий крик, что обернувшийся Гудди весь зазвенел и копьё выпало из его рук в вытекшую из внутренностей чудовища чёрную жидкость. Обломки скал не выдержали вибрации и грохот падающих камней совершенно оглушил оживлённого.

Тварь бросилась к кукле и, вспахав мордой землю, подкинула Гудди вверх. Подлетев над ареной и зависнув в воздухе он на мгновение увидел двух птиц, мирно игравших в вышине, но потом притяжение взяло верх, и он стал падать в раскрытую пасть чудовища с единственным сверкающим зубом. Однако морда исказилась и, искривившись, вновь взревела. Гудди упал ей прямо на раскрытое крыло, схватившись пальцами за перепончатую поверхность. Внизу, как он успел заметить, Снорри продолжил за него орудовать копьём, разрезав добрую четверть туловища. Земля стала чёрной от вытекшей из него тёмной жидкости. Дрожа, извиваясь и кряхтя, чудовище опустилось на землю.

— Не дай ей закрыть глаза! — закричал здоровяк и бросился к голове змеи. Гудди привстал и, пошатываясь, стал карабкаться к опускающейся на землю макушке. Он забрался на неё в момент, когда тварь почти уже закрыла оба глаза. Схватив руками за мягкие веки, наливавшиеся невероятной тяжестью, он изо всех сил упёрся ногами в лоб. Снорри подбежал, включил копьё и пронзил сначала один глаз (чудовище дёрнулось), затем второй — и змея упала на землю без движения.

— Единственный способ добраться до мозга, — тяжело дыша пояснил здоровяк, присаживаясь на землю рядом, — она сейчас... впрочем, сам увидишь.

Гудди отпустил наконец глаза и прыгнул с головы — в тот же момент она стала серой и сухой. Гудди дотронулся до макушки, а затем постучал.

— Камень, — удивлённо произнёс он.

— Да, — кивнул здоровяк, откидываясь назад. — Она так регенерирует, отбрасывает туловище, восстанавливается и отращивает новое. Некоторым хватает одного дня.

— Удивительно! — восхитился Гудди.

— Что только Сердце ни сотворит, — устало вздохнул Снорри и оглянулся на останки того, чтобы было змеиным обедом.

Иссыхающая кожа чудовища, как простыня, покрывала фигуру другого существа — оно было в несколько раз больше головы змеи, и Гудди всё не мог понять, как та умудрилась его проглотить. Частично переваренное, оно выглядело ужасно, да и, похоже, пахло не очень, потому что Снорри перевязал себе нос оторванным куском плаща. В покрытом красной чешуёй плече существа белел зуб змеи.

— Пустынник, — произнёс Снорри, откидывая кожу змеи и морщась, — мерзкая тварь.

Включив копьё, он разрезал вибрирующим электрическим наконечником брюхо пустынника, и оттуда выпали кишки и желудок.

— Шкатулка в шкатулке, — произнёс впечатлённый Гудди, — у живых у всех так внутри?

— Нет, — ответил Снорри, но потом подумал и добавил: — Да. По-разному. Но бывает и так.

Он стал увлечённо копаться в выпавших внутренностях. Гудди подошёл и присел рядом, пытаясь уследить за тем, как человек надрезал одну кишку за другой.

— Самка, питалась недавно, — задумчиво прокомментировал Снорри. — И хорошо. Больно много пищи для этих окрестностей.

Он встал и выключил копьё.

— Знаешь что. Я видел след, когда мы летели. Я сразу понял, что это пустынники. Стая. То, что стая выживает здесь, в пустошах, говорит о том, что они где-то нашли пропитание. Только эта тварь, — Снорри указал на змею, — может годами находится в анабиозе и ждать жертву. Пустынникам есть надо постоянно, особенно когда в стае самка. И особенно когда она вынашивает детенышей.

— Т-там есть кто-то ещё? — с интересом спросил Гудди, глядя в споротый живот самки.

— Нет, ещё не успели, — глухо ответил Снорри, — ты меня не сбивай.

Он опустил глаза, скосил копьём засохшую чёрную жидкость с ботинка.

— Остальная стая рядом, и нам надо их выследить, тогда мы поймём, где они питаются, и, может быть, только может быть, это приведёт нас к дракону, потому что ничего не

бывает просто так, всему есть причины, и, если начать распутывать мелочи, всегда приходишь к большому. Это ясно?

— Да, спасибо что объяснил, — кивнул Гудди и посмотрел на Снорри виноватыми и одновременно восхищённым глазами.

— Ты меня прости, — произнёс он, опустив голову, — мне так стыдно.

— О чём ты? — нахмурился здоровяк, поднимаясь.

— Со мной что-то случилось, когда она прыгнула на тебя.

Снорри молча смотрел на оживлённого.

— Меня всего сковало. Я лежал и не мог пошевелиться.

— Но ты же... м-м-м... пришёл, — пожал плечами здоровяк.

— Я видел такие картинки в голове, одну за другой.

— Это страх, — ответил Снорри, хрустнув шеей, — и это нормально.

— Правда? — удивлённо спросил Гудди.

— Нормально испытывать страх. Главное, не дать ему тебе помешать.

— Спасибо, — кивнул Гудди, присаживаясь и проверяя суставы.

— Два — один, деревяшка, — произнёс здоровяк, отвернулся и зашагал прочь от змеи, затем повернулся, открыл рот, чтобы сказать что-то ещё, но только покачал головой и стал подниматься из низины.

Гудди последовал за ним.

— Два — два, — крикнул ему вслед оживлённый, — я ведь не дал ей тебя съесть.

— А кто сказал, что она бы меня съела? — бросил через плечо Снорри, скрываясь за обломком скалы.

Только к вечеру, когда старшая звезда уже клонилась к закату, они вышли к высоким скалистым берегам высохшего озера. Внизу, на потрескавшемся дне, были ясно видны следы оставшихся пустынников. Один из них хромал. Как объяснил Снорри, это значило, что, скорее всего, они уже начали драться друг с другом из-за голода, потому что других крупных следов он не видел, а напасть на них не могли — некому.

— И в такой ситуации им ничего не остается, как вернуться к старому источнику пропитания.

Подтверждало его теорию и то, что пустынники начали инстинктивно поворачивать по дуге обратно, совершая большой круг.

— А это значит, что нам надо идти им навстречу, — закончил он, почёсывая нос.

Гудди вопросительно посмотрел на него.

— Тебе придётся вернуться к Рауду. Тем более, скоро ночь. Вдвоём вы полетите на северо-восток и будете ждать их там, на рассвете они должны будут показаться вон из-за тех

холмов, — махнул он в сторону горизонта. — Я попробую передать ему всё по радио, но там, в долине, будет много помех. Здесь месторождение руды.

— Откуда ты всё это знаешь? — восхищённо спросил Гудди.

— Я много лет жил охотой в этих местах. Раньше, когда мы только начинали, я провёл бессчётные ночи под этим небом.

Заметив грустные глаза оживлённого, Снорри посуровел.

— Нет, не спорь со мной, деревяшка, а иди, и поспеши! Я знаю: ты можешь бежать без отдыха. Давай, шевелись.

— А ты? — спросил Гудди, вставая с их обзорной точки.

— А я пойду за ними следом, на случай если их что-то отвлечёт.

— Ты справишься с ними один? — удивлённо поднял брови Гудди.

— И не с такими справлялся, — закричал, поднимаясь, здоровяк.

— Ладно, — кивнула кукла.

— Пспеши, — хлопнул её по плечу Снорри и стал спускаться к высохшему озеру. Гудди постоял, а потом побежал вниз со скалы по пологому пыльному спуску, обратно в каменистую долину.

— Два патрульных из западных ворот, — доложила Дану.

— Как по расписанию, — откликнулась Ли́ла и, сделав отметку в журнале, перевернула страницу.

Обезьянки вторые сутки сидели в невозможной духоте под тентом песочного цвета, в пустыне, на самой границе города.

— У меня скоро глаза слезут от этой жары, — произнесла Дану, отнимая бинокль от нарисованных зрачков.

Внутри их укрытия, державшегося на куске мачты небольшой реактивной лодки, покоившейся тут же, в песке, места хватало только на два лежака и обзорный пункт.

— Интересно, им когда-нибудь придёт в голову проверить тот бархан, который не движется? — спросила Ли́ла сестру.

— Они целый день увлечены лишь тем, что выкуривают со скал совершенно обезумивших пустынников, а мы, если ты помнишь, находимся для них по топливу в красной зоне, отсюда можно и не вернуться. Больше, чем полчаса полета, они не могут себе позволить, — ответила Дану, возвращаясь к наблюдению, — техника слишком старая, а всех толковых инженеров они повесили или сожгли.

— А мы?

— Что мы?

— Почему мы можем летать так далеко?

— У нас есть Отец. Он переделал почти все двигатели, что нам удалось захватить или найти в пустыне. Ему несут всё подряд целая команда падальщиков с металлоискателями, роющих носом песок, — махнула Дану в сторону стены.

— И что, их тоже не замечают?

— Не думаю, что кому-то там вообще интересно наблюдать за пустыней.

— Ну нам же интересно, — устало уставилась в журнал Лиля, подперев рукой голову.

— Потому что наш интерес лежит внутри города, — ответила Дану, пошевелив ногами, — и их интерес... тоже лежит внутри города. Пустыня же обступила их со всех сторон и совершенно их не интересуется.

— И они что, совсем не предпринимают попыток пересечь её? — спросила Лиля, перелистывая страницы и сверяя даты.

— На моей памяти нет. Раньше, когда оазисов было больше, ходили караваны с далёкого моря, торговцы. Так. Стоп. Песочник из Восточных ворот. Записала?

— Да, — ответила Лиля, делая пометку, — это что-то новое.

— Нет, они просто опоздали в прошлый раз, — ответила Дану, убирая бинокль и закрыв за собой обзорное окошко, вырезанное в тенте. — Всё это так странно: рассказывать тебе то, что когда-то ты рассказывала мне, лёжа тут, на моём месте.

— Не менее странно, чем не помнить этого, — хмыкнула Лиля и, помолчав, спросила: — Скажи, почему ты считаешь правильным то, что мы все тут делаем?

— Сердце, — спокойно ответила Дану.

— В каком смысле? — переспросила Лиля.

— Рассказывают, что именно игрушки, то есть оживлённые, построили город, — сказала Дану, устроившись ближе к вентилятору, работавшему от мотора, и её кучерявые стружки на голове заколыхались. — И, если верить Сиду, именно мы должны вернуть Сердце к жизни.

— Этому старому дереву? Подожди, ведь люди основали город... — задумчиво почесала затылок Лиля.

— И да, и нет. Он был построен руками наших братьев и сестёр. До того, как Сердцу нанесли рану, игрушки оживали сами, стоило мастеру закончить работу. А потом всё реже и реже, пока и вовсе не прекратили. Но на строительство требовалось всё больше сил и оживлённые нуждались всё в новых и новых руках, оттого-то люди и стали оживать их с помощью осколков расколовшегося сердца. Почти во всех нас есть этот осколок, крупинка сердца. Наш род тоже несёт на себе бремя ответственности, наверное, поэтому, — пожала плечами Дану.

— А в нас есть? — спросила Лиля, ощупывая себя.

— Что?

— Осколки.

— Нет, — помотала головой обезьянка, — Отец освоил древнее мастерство и извлёк твой из груди, а нас сделал по твоему подобию.

— То есть как, по моему? — переспросила Ли́ла, удивившись и даже привстав.

— Потому что ты старшая сестра, — улыбнулась Дану́ в ответ, — ты пришла через пустыню и принесла весть о том, что оживлённые вновь осознают себя и в городе на них началась охота. С тебя началась последняя волна.

— Луны всё поberi! — в ярости вскричала Ли́ла, поднялась и стала прыгать на месте топчa свой лежак.

В этот момент в тент заполз молоток с испуганными глазами:

— Что происходит? Нас заметили?

Ли́ла остановилась и в отчаянье повалилась на спину.

— Всё в порядке, — ответила Дану́. — Сестра перегрелась.

— А, понимаю, — сочувственно кивнул молоток, — моя голова так накалилась, что прожигает туловище, — и он потёр деревянной рукой на шарнирах место сочленения металла и дерева. — Но мы уже почти закончили весь восточный сектор.

— Да? И сколько же их теперь? — спросила Дану́, переползая к другому краю шатра и открывая обзорное окно.

— Четырнадцать, — ответил молоток, подползая и ложась рядом с обезьянкой — на три больше, чем рассчитывали.

Тело его неуклюже изогнулось, чтобы заглянуть в бойницу.

— Сейчас они все лежат, поэтому не видно, а батареи дальше, там, на юг, к ним прямо сейчас тянут подключение.

— Когда запустят? — спросила Дану́, закрывая окошко.

— Ближе к ночи, — ответил молоток, поворачиваясь на бок и отползая к выходу, — у вас же есть радар?

— Да, — неуверенно отозвалась Ли́ла.

— Отлично, ориентироваться можно будет только по нему, — кивнул молоток и приоткрыл тканевую дверь, — но лучше вы вообще не дергайтесь, просто включите и проверьте работоспособность.

— Мы и не собирались, — ответила Дану́ и посмотрела на Ли́лу, закрывшую глаза ладошками. Молоток выполз наружу и прикрыл за собой проход.

— Объясни мне, — уставшим и разбитым голосом произнесла Ли́ла, — мне все говорят, что надо освободить Сердце, так?

— Так, — кивнула Дану́, возвращаясь на свой пост с биноклем.

— Зачем? Что с ним не так? — подняла голову Ли́ла и уставилась на сестру.

— Оно умирает, ты не чувствуешь? — переспросила Дану, повернувшись к Лиле. — Это как зов, как будто кто-то кричит очень далеко, зовёт тебя на помощь.

— Нет, — покачала головой Лила.

— Многие не могут спать. Я думаю, что пройдёт немного времени, ты припомнишь себя и поймёшь, о чём я, — сказала Дану, возвращаясь обратно к биноклю. — Патруль приближается, заходят на обзорный круг.

Лила кивнула и принялась записывать в журнал.

— Перворожждённые тоже слышат его, и некоторые люди. Например, Барон. Поэтому такой подъём, поэтому все так объединены сейчас. Все чувствуют, что Сердце зовёт их. Ему нужна наша помощь, — торжественно завершила Дану.

— Ничего не чувствую, — грустно констатировала Лила, — а в городе?

— Что в городе?

— Ты думаешь, в городе чувствуют?

— Не знаю, я там не бывала, а ты бывала, тебе лучше зна... — Дану запнулась, — прости, всё время забываю.

— Ничего, я вот, видишь, тоже, — криво усмехнулась Лила, и обе обезьянки грустно рассмеялись.

— Смотрите, смотрите в небо! — раздался снаружи крик молотка.

Дану и Лила переглянулись и высунули головы из смотровых окошек. Лила долго крутила головой, пока наконец не увела прямо над тентом дрожащую тень, тут же ставшую больше и почти упавшую на них. В последнее мгновение тень распахнула огромные крылья, сверкнув ярким рисунком, преломившим свет обеих звёзд и разошедшимся радужным переливом по песку. Издав громкий стрекочущий звук, существо схватило тент своими тонкими лапками и подняло в воздух, обнажив логово обезьянок, кубарем выкатившихся из него наружу. Существо перемещалось то влево, то вправо, дёргая ткань тента.

— Что это за лунное проклятье? — закричала Лила, спрыгивая вниз с бархана.

— Не знаю, — отозвалась Дану, наоборот заползая на бархан. — Похожа на гигантскую бабочку из кошмаров.

Один лишь молоток уткнулся головой в песок и трясся. Бабочка спикировала и накрыла его тентом, обнажив лодку, в которой стояли приборы и лежал журнал.

— Они приближаются, нам надо... — крикнула было Дану обернувшись в сторону города, но затем схватила бинокль, валявшийся рядом в песке, и метнула в бабочку. Бинокль попал ей прямо в голову, отчего та злобно застрекотала, отпустила тент и повернулась в сторону обезьянки, когда та бросилась что было мочи по песку в сторону города.

Существо устремилось за ней и в два взмаха своих огромных крыльев, мерцавших, словно непрерывный фейерверк, оказалась рядом. Спикировав, существо схватило Дану за туловище и подняло вверх. Обезьянка исхитрилась и, заломив своими маленькими ручками, одну из задних ног бабочки переломила её тонкую часть. Существо заскрежетало и запищало ещё больше, и, выпустив Дану из лап, упало на песок. Обезьянка покатила кубарем с

бархана, но по дороге сгруппировалась, прыгнула и побежала дальше, минуя барханы один за другим. Разъярённое существо взмахнуло крыльями, вновь поднимаясь в высоту, и, когда оно готово было вновь спикировать на обезьянку, ряд светящихся дисков пронзил её, разорвав крыло и часть туловища. Лила, выглянув к тому времени из-за брошенного тента, наблюдала, как два летающих мотоцикла городского патруля вынырнули из песчаных волн как раз в том месте, где бежала Дану. Снова блеснула очередь и то, что ещё оставалось «бабочкой», окончательно смешалось с песком. Один из мотоциклов зашёл на вираж и дал очередь по тому месту, где была обезьянка. Затем ещё одну, а затем наконец приземлился. Второй же мотоцикл пошёл на вираж, опасно приближаясь к тому месту, где пряталась Лила.

— Не шевелись, — сдавленно прокричала она молотку, причитания которого донеслись из-под тента. Мотоцикл снизился и сел недалеко от них.

— Действительно, красная черта, — прошептала Лила.

Из-за бархана уже показалась голова пилота, но в этот момент за его спиной раздался выстрел и послышался крик:

— Нашёл!

Голова развернулась, помедлила и снова исчезла за барханом. Мотоцикл поднялся в воздух и полетел назад, к тому месту, где сел его товарищ. Лила бросилась к тенту и как могла сильно потащила его на себя, чтобы закрыть приборы и лодку. С трудом она накрыла наблюдательный пункт, стащив ткань с дрожащего молотка, и, схватив за руку, спрятала его самого под тент.

— Сиди тихо! Слышишь? Не время для соплей, — чеканя каждое слово, прошипела она ему куда-то в горячий от страха металл.

Они долго ещё лежали под тентом, напряжённо слушая, как песок скребёт по его поверхности. Стало прохладнее, и Лила выбралась из-под тяжёлой ткани, аккуратно выглянув наружу. Барханы изменились до неузнаваемости, став красными в свете второго заката. Патруля не было видно, и только город грозными очертаниями чернел впереди. Лила медленно двинулась к месту, где, как ей казалось, лежала «огромная бабочка из кошмаров». Но, дойдя до него, она не смогла найти никаких следов. В растерянности обезьянка обошла его, сначала по маленькому радиусу, а затем по большому, затем поперёк и ещё, и ещё раз, и вновь не смогла найти никаких останков ни убитого существа, ни сестры. На миг ей показалось, что кто-то зовёт её, но только не снаружи, а откуда-то изнутри. Что-то зашевелилось у неё за глазами и неприятно заболела голова. Обезьянка присела и почувствовала, как погружается во что-то тёплое и чёрное.

— Нашёл!

Лила вздрогнула и вскочила на ноги. Она не сразу поняла, что это кричит молоток, потрясла головой, отгоняя наваждение и поспешила на голос. Спеша и утопая в тягучем песке, она наконец взобралась на бархан, что разделял их, и увидела крыло бабочки, тонувшее в песке. Последние лучи младшей звезды ложились на изумрудную поверхность крыла и сверкали радугой в том месте, где пули прошли насквозь.

— Это Бодавочник. Вид деградировавших перворождённых. Я видел таких в долине, — кивнул молоток в сторону останков, — но чтобы они залетали сюда... Нет. Разочарованная и одновременно обрадованная, Лила спустилась с бархана к молотку.

— Что-то неладное с ними, — вздохнул молоток, — сестру не нашла?

Лила отрицательно покачала головой.

— Их, как сумасшедших, тянет к городу, — продолжил он, садясь на корточки. — Зов. Скорей бы!

Он погрозил кулаком в сторону города. Лила подошла и шлепнула его деревянной ладонью по голове. Молоток пошатнулся и упал.

— За что? — воскликнул он, поднимаясь, но Лила уже повернулась к нему спиной и уверенно шла к лодке.

Глава 16

Кисть цвета апельсиновой корки окрасила южные вершины дворца Узурпатора и второпях побежала вниз, в жилые кварталы, где на шпильях ещё покоилась вуаль ночного тумана. Отражаясь в открытых окнах и заполняя арочные своды, она перепрыгивала с вывесок на жестяные трубы вокруг большого рынка. По привычке приготовилась попробовать другие цвета и оттенки в мозаиках Старого квартала, но неожиданно провалилась сквозь нагие останки зданий и ударила ярким светом в окно второго этажа общежития магистрата. В комнате, такой пустой и чистой, что свету не нашлось, за что зацепиться, он оказалась прямо на лице магистра Вульфи, разбудив его наконец от бесконечно долгого сна.

Галахад открыл глаза и тут же закрыл, отвернув голову от яркого света. «Вот и всё», — произнёс ехидный голос в его голове. «Да, свет, все говорили про яркий свет», — защебетал его трусливый сосед. «Сердце примет меня?» — робко спросил кто-то третий. «Отвергнет», — захихикал ехидный.

— Подождите, подождите, — прохрипел вслух магистр, — почему после смерти так воняет травяной мазью?

Он повернул голову, и, прикрыв глаза слабой рукой, огляделся. Не узнав свою спальню, он долго разглядывал стены, пытаясь сопоставить знакомые трещины на двери с девственной чистотой пространства, местами блестевшей в лучах яркого солнечного света. «А откуда свет?» — спросил трусливый голос. Старик с трудом приподнялся и выглянул в сверкающее окно, за которым бежала изумрудная вода канала и дети во множестве играли на обеих набережных, мешая целому ряду рыбаков — чьи усы и бороды скрывали широкие улыбки..

Магистр открыл окно, и в комнату влетел запах свежести и шум разговора.

— Нет, я не жалуюсь, но вот раньше, да, было опасно, но знаешь, какой я улов приносил жене на базар? О-го-го! А что теперь? Теперь здесь каждый дурак.

— Замки строили лунные строители, — прогремел с другой стороны канала чей-то бас, — человек не способен был построить такое, нет.

Вульфи сел обратно на матрас, лежавший прямо под окном, и прислонился к стене.

— А помнишь, когда мы были мелкими, на месте рынка проводили казни? — донёлся чей-то скрипучий голос.

— Да, конечно! Хорошее было время, — ответил другой такой же.

По щеке Галахада покатилась слеза.

По лестнице за дверью слышались шаги. Дверь открылась, и на пороге появилась Зара в лёгком белом платье с распущенными волосами, с тазом в руках, по краям которого были развешены свежие бинты. Увидев магистра в сознании, она вскрикнула и уронила таз, расплескав воду. И тут же принялась было поднимать разлетевшиеся бинты и собирать ими разлившуюся воду, но потом бросилась к магистру. Он с трудом отодвинулся от стены, и они обнялись. Девушка заплакала. Старик почувствовал себя как-то неловко, но, не в силах отстранить от себя Зару, лишь похлопывал её по спине, приговаривая:

— Всё хорошо, всё хорошо.

Постепенно девушка успокоилась и села напротив, вытерла слезы и произнесла дрожащим голосом:

— Я и не думала фто фы...

Но снова заплакала и не смогла закончить фразу.

— Ну, ну, перестань, — как можно более дружелюбно проскрипел Вульфи, чувствуя, как ему хочется стать сейчас солнечным светом и рассеяться по комнате, чтобы не испытывать ту сковывающую неловкость, сжавшую его грудь, — что же ты так переживаешь?

— Мы... мы нафли фас ф подфале, ф тюфме, — причитала она, — фы... фы так долго не п-риходили ф сефя...

— Тюрьму помню, — кивнул Вульфи.

— Была стфашная котофтфофа. Бафши с бе-то-ном упали на Стафый кф-ф-вааф-ф-р-тал, — кое-как переборков дрожь в голосе, с усилием закончила она.

— О луны! — прохрипел Галахад и схватился за голову. — Так вот почему так светло!

Зара кивнула.

— Столько погибло, столько... — и слёзы с новой силой покатились из её глаз, — фы не представляете, мы еле откопали фас. Мне было так стфафно, что я вас по-тефяю.

— Ну-ну, — замахал руками магистр, — не плачь. Мне и так ужасно неудобно.

Её глаза блестели от слёз, стыда и смущения.

— Пфоттите, пфостите меня, — залепетала девушка.

— Я должен благодарить тебя за моё спасение, — неуверенно начал старик, опуская руку, но девушка поймала её и замотала головой.

— Нет, неть, не фтоит, — заспешила она, перебивая сама себя, — фы, ф-вы столько стелали для меня, это я, я долфна благодафить фас, вы... — она снова готова была расплакаться, но совладала с собой и, глубоко вздохнув и проглотив остатки слёз, продолжила: — Мой отец. Он всё ф-ф-фремя фаботал, чтобы у нас была еда и кфов, фтобы мы были одеты, чтобы не фили на улице, как соседи. Мать умефла. Майло, она... Он больше уделял внимания ей, чуфстфую долг за то, что у неё софсем нет фодных. Она могла не ходить в цефкофь. А я долфна была. Её он устфоил к дфоюфодной сефтфе в цветофьный на сфедний яфус, а я офталафь в луне, убифала за фоботягами с зафода...

Она с мольбой посмотрела на магистра. Тот медленно кивнул и как-то механически положил левую руку на руки Зары.

— Это так глупо, пфостите, пфосфите меня, но вы пе-ф-рвый человек, который так ко мне добр.

— Ты что-то путаешь, — заворчал старик, но при это придвинулся и вновь обнял девушку. — Спасибо, спасибо тебе. За то, что спасла мою бесполезную жизнь.

— Зачем фы так, — промурлыкала Зара, опуская голову на его плечо.

Окончательно успокоившись, она утерла слёзы рукавом и поднялась.

— Фам нуфно поменять бинты и мафь, — произнесла она устало, как после тяжёлого трудового дня.

И тут только Вульффи взглянул на свои руки, которые были перемотаны бинтами.

— Фас зафалило осколками, — пояснила Зара, направляясь к пятну воды и стоящему посреди него тазу, — ефё пафа пофезоф на спине, — уточнила она, взяла таз и направилась вниз, в ванну, откуда вскоре раздалось биение воды о металлическую поверхность. Вульффи попытался привстать, но сил было мало, он лёг обратно на матрас и накрылся простынёй.

— Фы, нафэфное, хотите есть? — крикнула с первого этажа девушка.

— Был бы не против, — отозвался Вульффи, пытаясь своим слабым голосом перекричать шум воды, но та уже прекратила шуметь.

Зара поднялась наверх, поставила рядом с матрасом таз и села рядом.

— Сейчас будет немно-жко больно, — сосредоточенно выговорила она и улыбнулась.

— Ты делаешь успехи, — хмыкнул старик.

— Ф-В-ф-ремени мало на п-ф-рактику, — ответила она, скривив губы и снимая бинты с правой руки магистра.

— Ай! — от неожиданности вскрикнул Вульффи.

— Ничего, ничего, потерфпите, — пробормотала девушка, медленно снимая с раны бинт. — Фас там крфепко пфрило-с-жило.

— Я помню, как проснулся в темноте от грохота, — ответил магистр сквозь зубы, — прибежал квартальный, разбудил дежурного по камерам, и они вывели моего соседа. Ну, кого ты так знатно заткнула.

— Не помню, — пожала плечами Зара, смачивая марлю и накладывая на неё мазь.

— Не важно, — ответил магистр, разглядывая почти зарубцевавшуюся рану на руке, — я им кричу, чтобы меня забрали, но они даже внимания не обратили. Ой. А затем так грохнуло, что я, похоже, потерял сознание. Вот и всё. Как выключило. Не помню больше ровным счётом ничего, — закончил он.

— Мы фас ф-вытащили с Этелем, — посмотрела на него Зара, закончив снимать бинт с другой руки и смачивая новую марлю.

— С Этелем? — переспросил Вульфи.

— Он... фокусник, — улыбнулась Зара.

— Ого! — присвистнул Вульфи и немного погрузнел, — молод, красив, умён?

Зара неопределённо покачала головой и засмеялась.

— Готовишь мне замену, — насупившись, предположил Вульфи, — правильно, нечего со мной возиться, моё место на помойке.

Зара отрицательно замотала головой и наложила бинт с мазью на левую руку.

— Конечно, чем ещё заниматься в вашем возрасте, — кряхтел старик, помогая ей замотать сухой бинт вокруг лечебного.

— Пофифрачифвайтесь, — смущённо произнесла Зара, — я не знаю, куфа это приведёт. И не хочу спефить.

— Правильно, правильно, — закивал старик, подставляя девушке спину и развязывая узелки бинтов на груди, — в этих делах никогда не стоит спешить, а то окажешься с брюхом, а потом вот так же ребенка подпихнёшь кому-нибудь, как твою сестру. Кстати, как там Майло? А-а-а! — закричал Вульфи, когда Зара резко содрала прилипший к ране бинт.

— Не фнаю, — буркнула девушка, — летает на дфаконе, расхафифает ф кфасифых платьях по дфифцу.

— Да ты, похоже, завидуешь, — ухмыльнулся старик, — не стоит, не стоит, от зависти изжога и несварение желудка. У меня тоже был брат, живший, ну хоть и не во дворце, но не хуже. Весь университет замка Амун принадлежал фактически ему одному. Знатный такой ходил. Все у него совета спрашивали. А я, может, и не хуже него был. Да у меня никто ничего не спрашивал. И вот он потерял всё это в одну ночь, включая свою жизнь. А я ещё жив. Вот. Так что не стоит завидовать тем, кто живёт ближе к звёздам. Они могут и сжечь, — произнёс он, разглядывая плавное мерцание бликов в окнах напротив.

— У меня одна рука короче другой от этих, красная луна, канатов, — произнёс магистр нахмурившись, потом ударил кулаком о колено и заохал.

Закончив перевязку, Зара помогла старику подняться, надела на него белую просторную рубаху до колен и повела его к двери.

— О луны, как же здесь воняет рыбой, — поморщился Вульфи.

— Я... эм...

Девушка помогла ему спуститься на первый этаж. Магистр увидел расставленные широкие столы с выложенной на них рыбой и разнообразной утварью, сверкавшей на солнце

— переотражаясь, его лучи в изобилии проникали в сверкающие своей чистотой окна первого этажа. Посреди всего этого великолепия стоял высокий амбал — бармен из «Тринадцатой Луны». Поклонившись Вульфи, он продолжил торговаться с рыбаком, притащившим ведро маленьких рыбёшек.

— Я тут немного притофгофыфаю, — смущённо проговорила Зара, — чего помещению стоять.

— Ты смотри! Везде выгоду найдёт, — восхитился старик, — да у тебя талант!

Зара смущённо улыбнулась, усаживая магистра за стол и ставя перед ним тарелку каши.

— Пять грошей, — произнёс рыбак.

Бармен молча покачал головой.

— Это грабёж!

Рыбак, высыпал рыбу в таз, стоящий перед барменом, и протянул руку. Бармен по одной отсчитал ему в руку три гроша. Рыбак сначала зло, а потом испуганно посмотрел на бармена, поклонился девушке и вышел, тихо прикрыв дверь, в которую попыталось пролезть два облезлых кота. Но Зара так взглянула на них, что деграданты мгновенно ретировались вслед за испугавшимся рыбаком, так что бедняга едва не свалился с порога.

— Пфостите сапах нафефное ушасный, — произнесла Зара, отрезая в тарелку старика кусочек масла.

— Ничего, — сквозь чавканье ответил Вульфи, — от канала всегда пахло так, что любой запах казался лучше.

Бармен, сортировавший рыбу, засмеялся отрывистым низким смехом. Зара глянула на него, тот икнул и замолчал. В то же мгновение открылась входная дверь и на пороге появился клоун. Он принялся жонглировать шарами, а те через мгновение превратились в совок, а затем в маленьких драконов, испускавших огонь. Вульфи перестал есть и уставился на представление. Рука клоуна подбросила свою собственную ногу, затем другую, а затем принялась жонглировать и головой. За клоуном стало видно белокожего ребёнка, творившего иллюзию.

— Ишь, какой молодец! — покачал головой магистр. — Как долго держит иллюзию.

— Кыш, кыш, нам пфоблемы не нуфны! — прикрикнула на иллюзиониста Зара, достала грош и кинула ему. Тот поймал его на лету и, улыбнувшись беззубым ртом, поклонился.

Входная дверь вновь распахнулась, в неё с трудом протиснулась тележка, закатываемая вверх по ступенькам, и в дверях появился Аллади. С грустным и уставшим лицом он прокатил тележку по коридору прямо сквозь иллюзию и встал посреди зала, прямо в туловище клоуна, чья голова удивлённо уставилась вниз на нового гостя.

— Эй, ты испортил всё представление! — рассердился старик.

— Какое? — удивился Эл и оглянулся на ребенка, показавшего ему язык и убежавшего на улицу. Иллюзия растаяла.

— Фсё продал? — строго спросила Зара, делая шаг к тележке.

Эл кивнул и сел на табурет возле одного из столов. Вульфи вернулся к каше. Аллади посмотрел на старика, а затем принялся разглядывать свои руки.

— Это Эл, то есть Аллади, помощник Этеля, о котофом я фам говофрила, — представила молодого человека девушка, указав на него ладонью. — А это магистф Вульфи, мастеф часофых дел и хофяин этого помещения.

Аллади кивнул, всем видом показывая, как мало всё это его интересует, потом встал, подошёл к Заре и отдал ей звенящий мешочек. Зара высыпала на стол монеты и начала пересчитывать.

— Было четыфнадцать фыбин, — произнесла она, пересчитав деньги, — уступил кому-то?

Аллади кивнул, возвращаясь на табурет.

— Ф следуфий фаз не уступай, — строго и настороженно сказала Зара, — мы и так дефефле остальных.

Эл снова кивнул и принялся складывать в тележку отложенную для него рыбу и вдруг упал лицом на стол и зарыдал. Все замерли, а Вульфи от неожиданности поднялся из-за стола. Эл повернулся и метнул в Зару горсткой грошей из своего кармана.

— Думаешь, я взял?! Я! Я взял! — крикнул он, отвернулся и снова принялся рыдать.

Вульфи и Зара переглянулись.

— Больной, — пробормотал Галахад.

— Почему, ну почему я такой?! — не унимался молодой человек, распластавшись на столе. — Я никому не нужен. Я дерьмо. Я бездушная красная луна. Мне никто, никто не верит.

Он говорил с таким надрывом, что, казалось, связки его вот-вот порвутся от напряжения.

— Кто тебе не верит? — машинально спросил Вульфи.

— Она! — закричал Аллади.

Он поднял голову и смотрел прямо перед собой на канал за окном.

— Она смотрит так, словно насквозь меня видит!

Эл повернул голову к Заре, растерянно стоявшей посреди комнаты. Эл встал, а бармен сделал шаг, загородив собой девушку.

— Не надо, — тихо сказала Зара, положив руку на надувшийся бицепс бармена.

Бармен послушно отступил, а Эл опустился на пол и снова заплакал.

— Все обвиняют меня, все!

Аллади закрыл лицо руками, затем вскочил, подбежал к Вульфи. От неожиданности тот уронил ложку в кашу и заляпал ею всё вокруг. В глубине глаз искажённого лица Эла магистр разглядел такую черноту, такую злость вперемешку с отчаяньем, словно на него в ответ смотрела бездна, падавшая сама в себя, не в силах найти дно.

— Ого, — обеспокоенно прохрипел Вульфи, — да тебе бы успокоительного, — и старик обратился к Заре: — Есть тут забывай-вода? Да покрепче.

Зара дёрнулась к лестнице, но потом обернулась, подошла к двум большим тюкам, стоявшим в дальнем углу, и начала в них рыться. Выудив из самой глубины мешка бутылку с тёмной жидкостью, она налила её до краёв в глиняный стакан, подошла к тяжело дышавшему Элу и поставила перед ним. Дрожащей рукой он взял питьё и, резко выдохнув, одним махом осушил стакан до дна, сжавшись всем телом.

Время застыло. Прежде чем он снова вздохнул и опустил стакан, прошло не менее двух вечностей. Вульфи посмотрел на Зару и кивнул. Девушка пожала плечами и направилась за добавкой. Вторую порцию Аллади пил медленно и долго, и к концу так захмелел, что напряжение его сошло. Все присутствующие тоже расслабились. Даже бармен наконец поменял позу и вернулся к сортировке рыбы.

— Я, я... — начал заплетающимся языком Эл, — я очень вам благодарен, — и он туманным взглядом с улыбкой пьяницы посмотрел на Вульфи, всё ещё пристально вглядывавшегося в него. Чёрная бездна в глазах улеглась на дно, но никуда не делась.

— Рано благодаришь, — произнёс старик.

Зара принесла табуреты Аллади и себе и присела рядом, положив локоть на стол.

— А она красивая, — заулыбался Эл ещё шире, — мастер Этель не зря втюхался, ха-ха-ха. Шепелявит вот только. Зара взглянула на него. Эл стушевался, покачал головой и развёл руками, будто извиняясь за самого себя.

— Сле-ди... — начала девушка, но Аллади тут же её перебил.

— Меня беспокоит Сердце. Как и всех нас, ха-ха-ха, — засмеялся он, разводя руки и оглядывая зал. Остановив свой взгляд на рыбе в тазу, он закивал, словно нашёл подтверждение своих слов.

— Вы знаете, как добраться до гор? — спросил он, повернувшись обратно к Вульфи.

— До каких гор? — переспросил магистр.

— До плато, что на юго-востоке, — махнул рукой Эл.

— Нет, — помотал головой старик, — это невозможно.

— Ха! — резко выкрикнул молодой человек. — Возможно!

— Уже много лет я не встречал в рабочем состоянии ничего, что бы могло пролететь и половину пути до плато, — пожал плечами Вульфи.

— Фачем мы его слушаем? — раздражённо произнесла Зара, — он пьян и несёт чушь. Доешьте кафу и идите навэфх. Вам надо отдыхать.

Вульфи посмотрел на девушку, затем на кашу и принялся есть. Зара поднялась и стала заполнять тележку рыбой.

— Пфротфрезфвеешь, пойдёшь ещё... р-аз, — с трудом выговорила она.

Помрачневший Аллади посмотрел на неё, а затем повернулся к Вульфи.

— Не верите мне. Никто мне не верит. И там тоже. А я сделал, — в глазах его мелькнул огонёк, но затем вновь показались слёзы.

— Ты давай, мальчик, не кипятись, — миролюбиво произнёс магистр, вычищая остатки каши из тарелки.

— У меня под сценой две «молнии» спрятано, — почти крикнул Аллади, — ну что, выкусил?

— Я тебе сейчас... — разозлилась Зара и стукнула кулаком по столу так, что тот где-то хрустнул.

— Ну, хорошо, «молнии» — это хороший аппарат, надёжный, — кивнул Вульфи. — Только очень древний, таких не осталось.

— Техника у меня нет, чтобы двигатель наладить, — расстроился Эл и с мольбой посмотрел на Зару, та смутилась и отвернулась от него. — Был бы техник, улетел бы давно, — он грустно покачал головой, — в Свободный Город.

Бармен отрывисто захихикал своим басом.

— Ну что с вас взять, ха-ха, — передразнил мужчину Аллади, — мне никто не верит. А я... Там всё, говорят, по-другому. Не как у нас. Там тебе верят, там ценят. Там ты не червь, и не раб, и не пустое место. Там настоящая свобода, равноправие. Там перворождённые и оживлённые живут бок о бок с людьми и вместе строят другой мир. Там нет этажей, там все равны. Живут по законам Сердца. Понимаете? Не так как мы, не так...

И он схватил голову руками и затряс ею. Вульфи медленно выскребал кашу и смотрел на тарелку. Зара, покрутила пальцем у виска и щёлкнула пальцем себе по горлу.

— Нет, в таком состоянии ты тофргофвать не пойдёшь, — вздохнула девушка и покатила тележку к выходу, — полошите его на тюки, пусть пфроспится.

Бармен подошёл к Элу, как пушинку, поднял его, положил на плечо и перенёс в другой конец комнаты. Там аккуратно положил его, уже мирно спящего, на мешки. В дверях, спуская тележку на мостовую, Зара обернулась к Вульфи:

— Вам лучше не выходить, мало ли...

Старик понимающе кивнул. Встав из-за стола, он медленно поднялся по ступенькам обратно, на второй этаж, где светило яркое солнце.

— Иди. И не забудь, — напутственно произнесла девочка толстому стражнику перед исчезающими в тумане стенами склада.

Шли они к нему не меньше двух часов, петляя между обрушившимся в переулки домами и площадям с выплывавшими из мглы ржавыми рыцарями, мусором и конструкциями — и они были не менее странными и пугающими, чем весь квартал вместе взятый. Блоп кивнул и тяжело выдохнул.

— Точно нигде больше? — переспросил он на всякий случай.

— Точно, — кивнула девочка. Толстяк сделал неуверенный шаг к проёму между стен, куда он с трудом помещался, и обернулся на спутницу. Та улыбнулась.

— Не бойся, я буду ждать тебя здесь, пока ты не вернёшься, — сказала она с какой-то особенной теплотой. Блопа это приободрило, и он, зажмурившись, двинулся в проём, где туман, казалось, был даже гуще, чем обычно.

— После второго поворота — налево, — бубнил Блоп, протискиваясь между кое-где обрушившихся стен, — налево или направо?

Он посмотрел сначала в одну, потом в другую сторону открывшегося его взгляду перекрестка, но и там, и там была одинаковая голубовато-белая непроглядная взвесь.

— Налево, — утвердительно кивнул он и протиснулся направо.

В глубине развалин послышался скрежет и глухая поступь.

— Ржавые чурбаны, — процедил сквозь зубы Блоп и чуть не стукнулся лбом о трубу, от которой исходил самый ужасный смрад, что ему приходилось слышать. Он поморщился, пригнулся и оказался перед решеткой.

— Ага, вот и спуск в подвал.

Он хмыкнул и полез в висевшую на поясе сумку. Оттуда он извлёк выдавший виды напильник и, усевшись поудобнее, принялся пилить решетки. Те на удивление быстро поддались, ибо время сгрызло их сильнее напильника. Выбив остатки ногой, Блоп стал примеряться к проёму.

— Ведь застряну же, — с грустью прошептал он и просунул сначала левую ногу между спиленных решёток, а затем и правую. Оттолкнувшись руками, он стал протискивать в проём живот, и вдруг с треском провалился вниз, плюхнувшись в глубокую лужу.

— В плане такого не было, — прохрипел он в полной темноте, хватаясь за мокрые колени.

Встав на четвереньки, стражник принялся ощупывать пространство вокруг себя. И тут же что-то зашуршало, загремело — и на полу начала прибывать вода. Блоп ойкнул, но не успел даже как следует испугаться — мощный поток ударил стражника в лицо, сбил с ног, закружил, завертел и понес вниз по трубе. Вода била толстяка о стены то по спине, то по животу, то по макушке. Затем его дёрнуло куда-то вверх, и он с размаху ударился головой так крепко, что потерял наконец сознание.

— А-а-а. Пуклутим, пуклядим, что принесла нам река, — расслышал толстяк, поднимаясь из чана с водой. Он жадно вдохнул, а из желудка и лёгких вырвался поток жидкости, от чего Блоп закашлялся. Вода стекала с него струями, а мокрые волосы закрыли глаза. Попытавшись двинуть рукой, он понял, что связан, нет, даже прикован. Подёргав остальными конечностями, он ощутил, что крепко прикреплён к... кресту.

— О, красная луна! Какой он жирный! — пропищал скрипучий противный голосок где-то снизу и слева от Блопа. — Но ничего, у нас ты быстро похудеешь

Голосок, захихикав, прошёлся от головы к ногам стражника и со скрежетом дёрнул какой-то рычаг, немедленно хрустнувший, отчего скрипучий голосок недовольно зашипел.

— Ладно, ладно, нас это не смутит, не расстроит.

Послышался топот металлических ножек и удар.

— Ай, луны, что тебе нужно? — крикнул голос и, чуть успокоившись, спросил: — Опять? Дрянная девчонка. Ну иди, иди отгони её. Глупые ведьмы.

Снова послышались металлические шаги. Блоп попытался дёрнуть головой, чтобы убрать с глаз волосы, но не смог. Раздался скрежет, и его повлекло куда-то в бок.

— Жирдяй, скажи, — раздался теперь откуда-то сзади неприятный голосок, — как ты думаешь, справедлив ли наш мир?

Блоп не нашёл, что ответить и только коротко промычал.

— Вот и я думаю, что нет, — задумчиво проскрипел голосок.

Раздались шаги по металлической решётке и новый скрежет рычагов. Блопа начало переворачивать и поднимать, и в итоге расположило в воздухе так, что прядь волос наконец упала с глаз и он сумел рассмотреть помещение, где находился.

Оно освещалось гирляндами разноцветных электрических лампочек — местами побитых, а местами заменённых сердечными. Само наличие электричества в такой дыре ошеломяло. Почти под Блопом начиналась решётчатая платформа, там находился старый пульт управления, а сбоку от него в несколько рядов стояли стулья. За платформой — внизу, в помещении большого цеха — темнели ряды котлов с водой. Из них в прозрачные ёмкости поднимался пар и возвращался по стеклянным трубам обратно к платформе. Блоп находился как раз над этими трубами, имевшими заслонки с вентиляторами. А над его головой нависали пустые тёмные трубы, тоже с заслонками, но без вентиляторов. Посередине платформы стоял маленький скрюченный пожилой человек с длинными седыми волосами, без бороды, с сухой кожей. Он радостно потирал руки. Одет он был в старые протёртые штаны и такую же рубаху неопределённо-тёмных тонов. На вид человек был похож скорее на крысу, словно Сердце долго решало, кем же ему всё-таки стать, переменяя своё решение в самый последний момент. Сбоку от него на рядах стульев, то тут, то там сидели металлические собаки, ржавые и прогнившие, единственные зрители его безумия.

Из уха стражника вылилась вода, и он услышал карнавальную музыку.

— Ты не поверишь, как мы рады! — воскликнул человек. — Ритуал! Наконец-то спустя столько лет ожидания.

С этими словами человечек подбежал к пульта и схватился за рычаг.

— А сейчас... — взвизгнул он, дёрнув его на себя.

Под Блопом заработали вентиляторы. Человечек ещё раз взвизгнул и подбежал к другому рычагу.

— Эй, постой. Я здесь как раз для ритуала, — выпалил перепуганный Блоп.

— Отвлекаешь наше внимание! — захихикал человечек, хватаясь за другой рычаг. — Хамор, не поддавайся! Шик будь начеку! Он пытается нас одурачить.

— Нет-нет, — поспешно залепетал Блоп, — мой друг умирает, мне надо освятить стекло!

— Ещё один экспонат для ритуала? — удивился человек, всё ещё держа руку на рычаге, и неуверенно продолжил: — Стекло, святое. Впервые слышу, чтобы оно кого-то могло оживить...

— Он проник в туман без боли, поэтому он без сознания, — вываливал всё, что шло на ум, Блоп, не зная, как ещё потянуть время.

— Хмм, врешь, — огрызнулся человек, — без боли в тумане погибаешь.

Блоп замялся.

— Не знаю, он человека убил, может, боль только на сердце была, а я себе лоб рассёк, вот и прошёл, — плёл он на ходу.

— А ты мастак выдумывать, — расхохотался человек, — тем радостнее будет получить твою боль до конца!

Он с силой нажал на рычаг, тут же сломавшийся в его руке и от приложенного усилия с грохотом упавший на решетку. В этот момент послышались металлические шаги, и на платформу откуда-то из-за пульта поднялась ещё одна металлическая собака, такая же проржавевшая, но всё ещё двигающаяся. Человек поднялся и пнул собаку по морде, но сам же запищал и запрыгал на месте от ушиба.

— Ай-ай-ай, проклятый Зог, как же я тебя ненавижу, — хныкал человек. — Что, опять упустил?

Собака кивнула, и с её головы посыпалась ржавчина.

— Ну, что сказать, молодец, иди, там ждёт угощение, — ехидно проговорил скрюченный и указал на край платформы, где валялись болты и гайки.

Собака встала и медленно подошла к «угощению», она села рядом и уставилась на Блопа.

— Не везёт тебе, толстяк, — обиженно проговорил человек, усаживаясь на один из стульев, рядом с собаками.

— Даже не знаю, что ответить, — пробормотал Блоп, мысленно взвешивая свою удачу.

— Я мог бы тебя спасти, возвысить, — с грустью проговорил скрюченный, — а теперь ты умрёшь, как все в этом городе. Сгниёшь где-нибудь в подворотне — и всех делов.

— Я-то не против, — проговорил Блоп, чувствуя, как вентиляторы щекоют его подбородок.

— Не против? — усмехнулся человек. — Да ты знаешь, что такое есть твоя жизнь? Тюрьма. Страшный грех перед лицом Сердца.

Человек закачал своими коротенькими ногами на стуле.

— И хуже нет, если ты проживаешь жизнь свою счастливым и сытым, — проскрипел он, посмотрев на толстого Блопа, — потому что ты ничего не понимаешь о природе жизни.

— И чего же это я не понимаю в природе? — спросил Блоп, поглядывая на собаку.

— А то, что жизнь — это страдание, и, хуже того, умирая, ты это страдание сеешь, возвращаешь обратно в землю, и оно всходит ростками, умножаясь в количестве, ибо семя одно даст дерево, а дерево даст много семян.

Блоп задумался.

— А источник жизни один — Сердце. Умножая страдания и его количество, рассеивая источник по нему, мы обесцениваем его, лишая изначальной силы, — с грустью произнес человек, — что и делает наш мир таковым. Бессердечным и несчастным. Полным горечи и боли.

Он заплакал. Собака повернула в его сторону голову, и из её ушей пошёл белый пар. Блоп тоже посмотрел на скрюченного и почувствовал, что в чём-то этот человек, безусловно, прав, но то, что он собирался сделать с Блопом, было совершенно неправильным.

— И великая машина, — неожиданно продолжил человек, — она призвана очищать, выжигать изнутри всё страдание человеческое, забирая его потенциал и энергию себе, освобождая душу, для того чтобы она могла вернуться обратно к Сердцу.

Он торжественно поднялся со стула и воздел руки к потолку.

— Вот только теперь я не могу очищать, — произнёс он с болью, закрыв лицо руками, — мой пар навсегда потерял силу.

И он упал на пол лицом вниз. Собака покачала головой. Блоп дёрнулся на своём кресте.

— Однако, — скрюченный неожиданно вскочил на ноги, — я вспомнил, где лежит инструмент!

С этими словами он забежал за пульт, и по лестнице послышались его торопливые шаги.

Блоп задержался.

— Эй, — обратился он к собаке, — эй ты, помоги мне.

Собака повернула к нему голову, наклонила её вправо и выпустила из левого уха струйку пара.

— Я тебе помогу, — умолял Блоп, — я тебя отпущу.

Собака не реагировала.

— Мы убежим отсюда, — пробовал толстяк, — я буду твоим другом. Нет, да? Не веришь.

Блоп склонил голову.

— Я тебя умоляю, — заплакал он, — всё, что угодно. Всё, что ты хочешь.

Собака задумчиво склонила голову.

— Мы хозяина твоего не тронем, — почти хрюкал Блоп, — всё будет хорошо, и с друзьями твоими будет хорошо. А-а-а, мамочка. За что?

Блоп зарыдал. Собака отвернулась от него и легла, положив голову на ржавые лапы.

— Я не хочу умира-а-а-ать, не хочу. Не надо мне, мне же надо спасти друга. Да, он друг мой, хоть и кретин, и злой, и ужасный человек, отвратительный, ненавижу его. Если бы не он, мы бы не попали на этот гадкий завод. Зачем он привёл меня сюда. Пусть бы он лучше помер. И урод этот скрюченный помер. Убью его, я его убью.

В этот момент собака неожиданно подскочила, повернулась к стражнику и завиляла ржавым хвостом с противным оптимистичным скрипом.

— Чему ты радуешься, тупой ржавый кусок металла? — удивился Блоп, но тут в его голове словно закричали тяжёлые шестерни, и он понял: — Как... Ты хочешь его убить? — кивнул толстяк в сторону убежавшего вниз человечка.

— Хорошо, — тут же закивал он, — конечно, я убью его. Обязательно убью, только отпусти меня. Помоги мне, и я размажу его тупую голову, разорву сердце, съем кишки.

Собака замерла и недоверчиво взглянула на стражника. Где-то вдалеке послышался металлический грохот и ликующий писк.

— Ну это я, может, и переборщил, — стал оправдываться Блоп, — но ты давай, быстрее, быстрее! — почти закричал он.

Собака выпустила из ушей пар, помотала головой и медленно пошла к пульту управления.

— Быстрее! — во весь голос закричал стражник.

— Уже бегу! — раздался писклявый возглас где-то из между чугунными чанами.

Пёс подошёл к рычагу и посмотрел на Блопа, выжидая. На лице толстяка было настолько подвижное выражение, что трудно было бы определить, что это — отчаянье, страх, ужас, мольба или всё вместе.

— Ну, ржавенький мой, пёсечка, ну пожалуйста, — захныкал стражник.

Пёс встал на задние лапы, схватил металлическими зубами один из рычагов и потянул. Над головой Блопа зазвенели цепи, и его понесло вперёд, над пультом и над лестницей за ним, где уже поднимался скрюченный человечек.

— Что за... — воскликнул он писклявым голосом.

Блоп, широко раскрыв глаза и крича что есть мочи, нёсся прямо на стену. Но перед самым столкновением крест со стражником остановился и резко рванул назад. Не переставая кричать, Блоп увидел, как скрюченный машет разводным ключом перед мордой ржавой собаки, а та в меру сил уворачивается, но явно проигрывает человечку. С победным писком скрюченному удалось отогнать собаку на безопасное расстояние, и он тут же принялся приспособливать ключ к сломанному рычагу. Блоп пролетел над вентиляторами, и крест его врезался в висящие сзади цепи.

— Красные луны! — завопил скрюченный человек и дёрнул другой рычаг. Крест закричал, но лишь крепче застрял в цепях.

— Вечно всё из рук валится, когда нервничаю, брысь, фу! — закричал человек на собаку и пнул её, вновь ударившись ногой и запрыгав на месте. — У-у-у, предатель! Я тебя ещё в кислоте искупаю!

Он прикрутил наконец разводной ключ к сломанному рычагу и дёрнул. Под вентиляторами заскрипели заслонки и перед лицом Блопа повалил горячий, обжигающий пар. Стражник задержался, стараясь хоть как-то отвернуться подальше от горячей струи. Из глаз полились слёзы.

— Мама!

— Мама не придёт! — рассмеялся ему в ответ писклявый голос.

Вдруг пар прекратил шпарить, и Блоп помутневшим взглядом рассмотрел, как собака схватила хозяина за штанину и оттащила от пульта. Скрюченный схватился за рычаги, чтобы удержаться, что, видимо, и спасло Блопа. Крест, где покоился стражник, дёрнулся и выскочил из цепей, поехав вперёд. Человечек рванулся к пульту и вновь дёрнул за разводной ключ. Пар вновь пошёл, но на этот раз уже за спиной стражника, которого вновь несло к пульту и дальше на стену. Но тут собака прыгнула вперёд и скрюченный вместе с ней упал, навалившись на рычаги и сломав сразу несколько. Крест остановился прямо над его распластавшимся на пульте телом и крепления раскрылись, выпустив Блопа из своих объятий. Толстяк свалился на скрюченного человечка, нехотя, с хрустом, смягчившего падение стражника.

Блоп пришёл в себя от солёного привкуса во рту. Он открыл глаза и увидел покачивающийся над ним крест с раскрытыми металлическими креплениями. Шипел и гудел пар, откуда-то доносился звук работающих шестерней, неприятно резавший ухо. Стражник поднял голову, и тут же резкая боль пронзила ему спину.

— Нет, только не это, — прошептал он одними губами.

Попробовал пошевелить руками. Левая легко откликалась, а вот правая нет. Он сощурил глаза и захныкал. Когда он открыл глаза, перед его лицом появилась морда ржавой собаки, она приветливо ткнулась носом в подбородок, оцарапав его.

— Ну вот только тебя мне не хватало, — огрызнулся Блоп.

Собака выпустила пар из носа и удалилась.

— Эй, извини, — крикнул ей Блоп, — я не хотел, просто... просто что-то с рукой, так болит...

Но собака не отреагировала.

— Ты спас меня, спасибо! Спасибо, я правда благодарен, — сказал он, осторожно поворачивая голову.

Собака сидела на стуле среди своих обездвиженных сородичей, наклонив металлическую морду на бок.

— Прости, пожалуйста, — умоляюще произнёс Блоп, — но ты же видишь, что со мной.

Собака отвернулась, покачала головой, затем спрыгнула со стула и, скрипя, обошла стражника. Он почувствовал, как она подлезла под его правый бок и, поднатужившись, перевернула его. Блоп перекатился на живот, вновь испытал резкий приступ боли — на этот раз в правом плече что-то хрустнуло.

— А-а-а, красная луна тебе в лоб, тварь! — завопил он что было мочи.

Собака села, выпустила пар из уха и, наклонив голову, посмотрела на стражника. Блоп понял, что может пошевелить обеими руками. Опираясь больше на левую, он привстал, потом сел, облокотившись спиной на пульт.

— О луны, спасибо! — тяжело дыша, произнёс он. — Как ты это сделала?

Пес, не двигаясь, смотрел на толстяка.

— Впрочем, неважно, — кивнул толстяк, — важно, что мы живы, а он...

И тут стражник увидел тело скрюченного человечка, лежавшее на том месте, где только что лежал он сам. Переломанное и неестественно вывернутое, оно было вмято в поверхность металлической решетки.

— Сердце милостивое! — произнес Блоп и его тут же стошнило прямо на останки его мучителя.

Собака наклонилась и сделал вид, что понюхала.

— О Сердце, спаси и защити, спаси и защити, — бормотал Блоп, — вот так я стал убийцей. Вот так, на пустом месте. Какой-то дурацкий квартал. Какой-то идиот Ручи. Мой друг. Септ этот. Ружьё. Нет, ну какого же...

Он захотел зарыдать и закричать одновременно, но из груди вырвался лишь слабый стон.

Просидел он так, глядя на труп своего мучителя довольно долго. Опомнился он грустным и спокойным. Оглядевшись, вытер со лба кровь, тонкой струйкой сочившуюся из ссадины, с трудом встал, выключил пар, а затем и все остальные рубильники, открутил разводной ключ и спросил у собаки:

— Где здесь ритуальная комната?

Пёс выпустил немного пара из левого уха, поднялся, а затем, зайдя за пульт, скрипнул всем телом и начал спускаться по лестнице. Блоп последовал за ним. Они прошли мимо затихших котлов и разного рода рухляди: тележек, домкратов, запчастей от рыцарей, дыб и сварочных инструментов. Блоп безучастно смотрел перед собой.

— Тут кто-нибудь ещё есть? — поинтересовался он у пса.

Тот, не оборачиваясь, отрицательно помотал головой. Дальше они уже молча шли по коридорам склада, ветвившимся и пересекавшимся в таком множестве, что без проводника Блоп никогда бы не нашёл ни входа, ни выхода. Туман здесь был слабее, и поэтому Блоп издали мог видеть редкие фигуры рыцарей, а пес — их заблаговременно обходить.

Они поднялись на третий этаж. Местами он тоже был освещён бегущей по стенам и потолку нитью гирлянд. Пройдя несколько поворотов, пёс, скрипя всем телом, уселся перед металлической дверью с двойными створками. Блоп задумался и чуть не споткнулся о пса.

— А-а-а, ох, ага, вот, — забормотал он, оглядывая дверь и тяжёлый засов на ней. — А зачем эта штука?

Пёс выпустил пар из носа.

— Не понимаю. Это для того, чтобы запереть тех, кто внутри? — спросил он сам у себя.

Собака пожала плечами и, заскрипев, улеглась.

— Ладно. Ладно. Подумаешь, — храбрясь, пробормотал стражник себе под нос.

Он схватился за ручку засова и стал поднимать её вверх. Механизм не сразу поддался, но затем неожиданно легко открылся, хрустнув и заскрежетав. Ему откликнулся скрип где-то на другом конце коридора. Блоп вздрогнул и повернулся, но увидел лишь фигуру наполовину рассыпавшегося рыцаря, когда-то давно упёршегося в стену. Стражник посмотрел на собаку, она лежала, не шелохнувшись, лишь струйка пара свистела из уха, как из чайника. Блоп сглотнул и открыл правую створку.

— О-хо-хо, как долго я тебя ждала! — закричал в лицо стражнику радостный голос из пустого тёмного помещения. — Скорее, скорее, возьми этот мел и нарисуй на стене круг.

К ногам свалившегося назад от удивления Блопа выкатился мелок.

— Спаситель мой, благодетель, — не унимался голос, — у-у-у-х, натворим беды.

Блоп, выпучив глаза, смотрел в темноту и ничего не мог понять.

— Ну что же, что же ты сидишь, вставай! — умолял голос.

И стражник ощутил, как его сапоги легонько сползают с ног, словно кто-то тянет его в это помещение. Он схватился за сапоги и от испуга грозно крикнул:

— Прекрати!

— Всё, хорошо. Прекращаю, конечно. Господин, какой вопрос, — залепетал голос, а мелок закатился обратно в помещение.

— Ты кто такая? — спросил Блоп дрожащим от напряжения голосом.

— Я? — переспросил голос и замолчал.

— Да, ты, — после затянувшейся паузы ответил стражник.

— Оно вселится в твоё тело, стоит тебе сделать то, что оно просит, — раздался голос девочки за спиной Блопа.

От неожиданности стражник подскочил обратно на ноги, задёргался и издал какой-то нервно-писклявый крик.

— Маленькая дрянь, — зашипел голос и комнаты.

— Не слушай её, — произнесла девочка строго, — войди в комнату и положи на пол стекло.

— Ведьма! Двулика! Она обманывает тебя, — шипел голос, — с помощью стекла она получит душу твоего друга.

Блоп оглядывался то на комнату, то на девочку.

— Не слушай её, — повторила девочка, — верь мне.

Блоп посмотрел на неё, на собаку, на комнату, затем нащупал на поясе сумку, открыл её и вынул маленький деревянный ящичек, где покоились стеклянные лезвия. На трясущихся ногах он двинулся к комнате. Голос шептал где-то в его голове:

— Не верь ей, не верь. Всё, что тебе нужно, — это начертить круг, и твой друг спасён. Прошу, ну, ты слышал сказки о добрых сущностях, что приходят на помощь, стоит потерять горшок или ведро, вот это я. Я твой верный и лучший друг. А она, она между мирами живёт, таким нельзя верить, она твоего друга и увела в зал, она с ним там ходит, я вижу, уговаривает его не возвращаться. Давай, начерти круг, я приду и всё исправлю.

Блоп сосредоточился на биении своего сердца и старался не слушать голос в голове. Медленно он положил лезвия на пол и отступил на шаг.

— Зря ты так со мной, зря ты так, попомни слово моё, ты ещё будешь умолять, будешь умолять меня, — но с каждым словом голос становился слабее и писклявее, а в конце совсем стал похож на голосок скрюченного человечка, но в тот же момент пропал, а лезвия засветились голубым светом.

— Молодец, — раздался позади стражника голос девочки, — бери и пойдём скорее. У твоего друга не так много времени.

Глава 17

Магистр Астолок спустился по маленькой винтовой лесенке справа от обеденного зала и проскользнул в кухонный коридор, где стояли накрытые вытянутыми металлическими крышками блюда. Он огляделся, украдкой поднял одну из крышек и обнаружил свои любимые овощные рулетики, фаршированные сырами. Схватив горстью несколько, он второпях накрыл блюдо крышкой, а та, словно в отместку, предательски звякнула. В конце коридора кто-то открыл дверь, магистр сделал шаг назад и спрятал рулетики в кармане платья. Но никто не зашёл. Магистр постоял в нерешительности, и сам двинулся навстречу неизвестному, угождая своему природному любопытству. Он шёл, шёл, но что-то держало его рядом с блюдом, куда он только что погрузил свои руки. По непонятной причине, он никак не мог от него уйти. И вот неизвестный появился в конце коридора. В тёмной рясе, нет, в броне. Это был рыцарь. От него шёл тёмный дым. Астолок остановился, пригляделся, охнул и побежал в другую сторону. Но чем быстрее он бежал, тем ближе оказывался рыцарь. И вот уже тяжёлая металлическая рука легла на плечо магистра.

От испуга он открыл глаза и тут же закрыл их. Сон безвозвратно ушёл. Над головой был тёмный каменный потолок казематов Культа, освещённый слабым алым огнём от сердечной лампы в коридоре. Магистр понял, что всё сейчас отдал бы, чтобы вернуться обратно в свой кошмар.

— Асоплок! — раздался дребезжащий голос где-то в конце коридора, где располагались камеры, — подъём!

Грубые тяжёлые шаги приблизились к его клетушке. Магистр приподнял голову и тут же закрыл глаза рукой, защищаясь от яркого света электрического фонаря, сверкнувшего за решёткой и бросившего длинные тени на пол и стены.

— Я что сказал! — просипел тот же голос, открывая дверь.

Магистр с трудом поднялся. Он знал, что уже не чувствовал этого, но от него ужасно пахло. Тело засохло и слиплось, и каждое движение давалось ему с трудом.

— Шевелись, — прохрипел голос над самым его ухом и схватил Астолока за шкуру, выталкивая из камеры.

— Вот дерьмо, — выругался охранник, — ты что, в унитаз разучился попадать? Пошёл.

Сильные руки с тумаками и тычками выпихнули магистра в коридор. Другие руки, тоньше и ловчее, надели на него кандалы. Кто-то из этих двоих пнул Астолока под зад и он, шатаясь, побрёл вперёд по коридору. За эти дни он очень сильно похудел и роба его, раньше плотно облегавшая тело, теперь болталась на нём, как мешок.

— Дайте, дайте его мне! — крикнул кто-то из камеры слева, и костлявая рука схватила магистра за одежду.

Но в тот же момент над его левым ухом что-то просвистело, раздался истошный вопль и рука безвольно повисла на решётке. На лице Астолока ничего не изменилось. Он так же отстранённо, с выражением усталого отвращения на лице, смотрел перед собой, словно ничего не заметил.

К его удивлению, его повели не в комнату допроса, как обычно, а куда-то наверх, и оставили одного в просторном помещении — осмотревшись, он понял, что это баня. Вошёл слуга, положил на скамью у входа свежую одежду и удалился. Астолок медленно снял свою робу и оглядел себя. Побои и раны покрывали всё его тело. Некоторые из них выглядели плохо. Но делать было нечего, он сходил в парилку, а затем, кряхтя и постанывая, вымылся в бочке, хорошенько пройдясь по телу щёткой. В одежде он нашёл прижигающую жидкость и, зажмурив глаза, вылил несколько капель на порез на ноге, выглядевший особенно плохо. Завопил он так, что затряслись стёкла в узких треугольных окнах над его головой. Но ему пришлось вскрикнуть ещё много раз, пока он дезинфицировал всё тело. Там же в одежде были и бинты с лечебной мазью. Медленно перематывая бинтом трясущиеся конечности, он в полной мере ощутил, как скучал по этому простому комфорту чистого и здорового тела. Закончив, он впервые за эти дни почувствовал себя человеком, и утренний кошмар перестал казаться ему лучшим выходом.

За ним пришли, вновь надели кандалы и повели в неизвестном ему направлении по бесконечным лестницам и коридорам, пустым и громким, где каждый шаг отражался и усиливался многократно. Молодой человек, сопровождавший его, был одет в мантию клирика Культа, но от него не пахло травами и микстурами, скорее наоборот, пахло от него гарью и порохом. Астолок заметил, как много значения стал придавать запахам, теперь они значили в его жизни гораздо больше и были особенно остры после пребывания в вонючей клоаке, среди лишённых ума жителей застенков этого замка. Молодой человек открыл очередную дверь, и в лицо Астолока ударил яркий свет и прохладный ветер, ослепивший и оглушивший все его органы чувств.

Возле небольшой каменной площадки была припаркована бригантина с двигателями на сердечной пыли. Двигатели были переделаны совсем недавно, как заметил магистр, и теперь из них поыхивал чёрный дым.

— Видимо, что-то из старых запасов, — пробормотал вслух Астолок, — давно таких не видел.

Молодой человек подтолкнул магистра к кораблю, а сам закрыл за собой дверь. Астолок и не думал сопротивляться, он поспешил на палубу, где ещё двое молодых людей в костюмах клириков занимались подготовкой к отправлению. Взойдя на борт, его спутник усадил магистра на стул и прикрепил его кандалы к мачте, после чего дал сигнал коллегам — и корабль отчалил.

Если его везли на казнь, то он был рад провести свои последние часы вот так — спокойно, разглядывая сверкающий город и множественные аллеи между крыш среднего яруса, цветущие на баржах сады и прогулочные кораблики с влюблёнными. Наслаждаясь видом, он примирился и с жизнью, и со смертью, и теперь, казалось, готов был принять что угодно. Окружившая магистра красота так успокоила его израненную душу, что в совершенной тишине, образовавшейся в его голове, он обрёл такое цельное и ясное состояние духа, что невозможно было бы и представить, что его можно чем-то поколебать.

Корабль же, к удивлению Астолока, причалил в верхний док Университета замка Амун. И молодые люди, сопровождавшие магистра, резво и без промедлений перекинули трап на знакомые плиты Полуденного причала, закрытого от ветров широкой каменной раковиной — издали она смотрелась как чей-то гигантский глаз, наблюдавший из замка за городом. На причале их встретили другие служители в одежде Культа и, приняв от своих коллег магистра, повели его в замок по знакомым ему лестницам и проходам. Они прошли тот самый зал кухни, что снился ему сегодня и повернули в коридор. Подносов с блюдами там не было, но для Астолока это не отменило глубокого удивления ото всего происходящего. Он даже несколько раз потряс головой, чтобы проверить, не продолжает ли он спать.

Его вели всё дальше и дальше, пока он не оказался у дверей библиотеки университета, где стояли двое дышавших чёрным дымом рыцарей. Он остолбенел и как-то съёжился перед этими грозными созданиями, пока ему снимали кандалы. Один из молодых людей открыл перед магистром дверь, а второй втолкнул его внутрь. Астолок впервые вошёл в зал библиотеки. Это место было запрещено посещать и строго охранялось Култом ещё со времен восхождения на трон Самариуса. Перед ним были ряды полок, уходивших под самый потолок. Размер помещения поражал, Астолок даже не мог представить, что оно такое большое. Сама башня издали казалась ему меньше.

— Ах, это вы, мой друг! — раздался приветливый голос из глубины зала.

Астолок прищурился и увидел фигуру, сидевшую на перилах небольшой лестницы, поднимавшейся ко второму ярусу библиотеки. Присмотревшись, он вздрогнул.

— Не бойтесь, не бойтесь, сегодня я не кусаюсь, — примиряющим тоном произнёс Септ и спрыгнул с перил.

Он закрыл книгу и положил её на ближайшую стопку, горой возвышавшуюся на полу.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался Сверло, медленно направляясь к магистру, онемевшему от ужаса.

— Ну что вы, право, боитесь меня? — с досадой помотал головой начальник отдела особых поручений культа. — Не стоит. Я думаю, нам нужно подружиться. Смотрите, — он обвёл руками помещение, — если бы не я, вряд ли бы вы когда-либо сюда попали, — он усмехнулся, — а ведь вы здесь жили в этом замке, не правда ли?

Астолок машинально кивнул.

— Ну-ну, хватит, — Септ подошёл к магистру и схватил его за плечи, — вы поймите, мой друг, я просто делаю свою работу. Я не отношусь к вам плохо, не хочу вам зла. Просто выпала мне доля такая, добывать из людей информацию. Я не просил этой судьбы. Как и вы, думаю, не просили своей.

Астолок посмотрел в глаза Сверлу, стараясь разгадать настроение и следующий шаг своего мучителя.

— Правда, заклинаю, сегодня не будет унижений. Сегодня мы будем говорить, как друзья, — Септ улыбнулся. — Я изучил уже много этих замечательных книг, но всё никак не могу угадать или взять в толк, зачем приходил сюда великий мастер?

Магистр помотал головой, как бы давая понять, что и сам он не имеет ни малейшего понятия.

— Я прекрасно помню ваши слова, мой друг, но вот что выпало у меня из головы... Как он получил доступ к библиотеке? У него было разрешение, чья печать? Кто-то из Кulta вместе с ним открывал дверь? Что побудило рыцарей пропустить его, а вас — дать ему ключ в общую библиотеку внизу? Я понимаю, что вы уже много раз рассказывали это моим коллегам, но прошу, не поленитесь, расскажите ещё разок лично мне.

С этими словами Септ прошёлся к большому креслу обитому алым бархатом и сел, положив руки на подлокотники. Его лицо приняло то самое внимательное и вкрадчивое выражение, от которого у его посетителей пробегал по спине особенно острый холодок. Не миновал он и магистра, но Астолок в тот же момент вспомнил испытанное им на корабле чувство и как-то сразу успокоился, расслабился. Оглядывая стеллажи, он сделал несколько шагов по залу.

— Великий Мастер часто навещал библиотеку. Несколько лет, — начал он спокойно, — не помню уже, когда это случилось в первый раз, но он пришёл с какой-то бумагой, предъявил её рыцарям на входе, и они пустили его без промедлений. Ключ он у меня не брал, у него был свой. У меня ключа от библиотеки никогда и не было, его изъяли ещё у моего предшественника, когда усилили охрану руны после смерти первого Узурпатора. Меня он просто любил зайти поругать за мою... м-м-м... беспечность по отношению к работе. Я, что говорить, не самый расторопный парень, особенно в том, что касается древнего оборудования, а им замок просто забит до отказа.

— Так ты хочешь сказать, что у Трокийи была особая печать Кulta, способная деактивировать стражу? — уточнил Септ.

— Всё верно, ваше сиятельство, — кивнул Астолок, хватаясь за спинку стула.

— Голова кружится? — спросил Септ. — Это всё голод. Подождите.

Септ достал из кармана колокольчик и позвонил в него. Почти в тот же момент дверь открылась и вошёл один из молодых людей.

— Принеси нашему гостю хороший обед, — властно произнёс начальник особых поручений, — и поторопись.

Молодой человек тут же исчез в дверях, а Астолок удивлённо и с нескрываемой благодарностью посмотрел на Альберта, тот улыбнулся магистру в ответ тёплой улыбкой.

— Господин Трокийя прочёл здесь не один десяток книг, — усмехнулся Септ, — это я смог определить по пыли на корешках. Но прочитать их, ох-хо-хо! Особенно те, что написаны на эти архиресских наречиях.

Астолок присел на стул.

— Великий мастер так же брал книги в обычной библиотеке, возможно, это как-то сможет помочь вам, — произнёс он, медленно опираясь спиной так, чтобы не повредить раны, — у меня сохранились все карточки, потому что он специально просил откладывать их в отдельный ящик.

— Отлично, отлично, — всплеснул руками Септ, — это помогло бы мне получить более точную картину его интересов. Потому что здесь разброс достаточно велик. А дать кому-то ещё читать эти книги я не могу, по известным причинам, — произнёс он и с досадой хлопнул по подлокотникам. — А вот той литературой смогут заняться мои ребята.

Вошёл тот же молодой человек с подносом в руке. Подойдя, он поставил его на стул рядом с магистром, поклонился Септу и мгновенно вышел. На подносе стоял кувшин с соком, дымилось жаркое из птицы, а вокруг лежало множество тех самых любимых Астолоком рулетиков, снявшихся ему сегодня утром. Магистр, совершенно потеряв дар речи, смотрел на поднос и не решался прикоснуться к еде.

— Ну что вы уставились? — с упрёком произнёс Септ. — Скорее ешьте, а то остынет.

Астолок, как по команде, набросился на еду, испытав такое животное наслаждение, которое не испытывал, наверное, никогда в жизни. Ему казалось, что начальник отдела особых поручений смотрит на него с отвращением, но магистру в этот момент было плевать. Он так давно не ел, что ничто, казалось, не могло бы пристыдить его.

— Приятного аппетита, — сказал Септ и встал.

Астолок закивал головой, стараясь унять дрожь в теле и заставить себя сильнее пережевывать пищу, с трудом проходившую по отвыкшему пищеводу.

— Не налегайте так, — посоветовал Септ.

Он прошёл к высокому окну, делая вид, что разглядывает рисунок на нём — горных фей, борющихся с пустынником. Астолок сделал над собой усилие и остановился, схватил кувшин и выпил прямо из него. Забыв про раны, он откинулся на стуле и закрыл глаза. Ему почему-то вспомнилась мать и её ромовый пудинг. Вспомнилось, как приходил по вечерам домой отец со службы в магистрате с вязанкой дров, подкидывал пару лишних дровишек в огонь, и они всей семьёй до самой темноты сидели и смотрели на пролетающие над их головами корабли на среднем ярусе.

— Понимаю, понимаю ваши чувства, любезный Астолок, — прервал его воспоминания Септ, отворачиваясь от окна, — а теперь давайте попробуем вспомнить, чем ещё Великий Мастер интересовался в Университете. С кем он встречался, с кем говорил, о чём просил?

Магистр тяжело дышал и не мог ещё собраться с силами, чтобы ответить. За это время Сверло прошёл к одной из полок, где стояли помеченные книги.

— Я несколько раз видел его с нашим специалистом-переводчиком с мёртвых языков на кафедре лингвистики, точнее на веранде третьего курса.

— Как звали переводчика? — спросил Септ.

— Мадам Снилса. Она специалист по нижнему архиресскому.

— И как её найти?

— На кафедре или в общежитии, — с трудом ответил Астолок, чувствуя, как мысли его тяжелеют, опускаясь в желудок.

— Это я мог бы понять и сам, — произнёс Септ, перелистывая в руках очередной фолиант, — а её комната?

— Северное крыло общежития, 302, если я не ошибаюсь, — ответил магистр, — на моей связке ключей должно быть отмечено.

Сверло кивнул и закрыл книгу.

— Что-нибудь ещё приходит вам в голову? — спросил он, ища глазами следующий помеченный корешок.

— Увы, то ли мой желудок забрал всю мою память, то ли действительно ничего больше не было, — устало произнёс Астолок.

Септ дотянулся до новой книги и вытащил её.

— Спасибо, вы были очень полезны, мой друг.

Он достал из кармана колокольчик и вновь позвонил. Вошёл молодой человек и по движению головы начальника понял, что нужно делать. Астолок уже сам поднялся и, печально посмотрев на Септа, кивнул ему и покорно проследовал к двери, где его ждал другой служитель.

— Переведите его повыше, к политическим, — тихо сказал Альберт подошедшему к нему молодому служителю, — а дело в суд, пусть пришьют ему что-нибудь небольшое за халатность.

Молодой человек кивнул и вышел вслед за магистром. Распорядившись заняться списком литературы, которой интересовался Трокийя в открытой библиотеке Университета, служитель Септ заказал себе кофе в 302-ю комнату северного крыла общежития и направился туда в сопровождении того самого студента, примеченного им ещё во время трагической ночи в Старом квартале. Приблизив его к себе, он стал использовать его в своих самых деликатных поручениях.

— Париц, мне нужно, чтобы ты выяснил, чем и для кого в нашем ведомстве занимается мадам Снилса, в чью опочивальню мы направляемся. Если это не под грифом секретно, и даже если это под грифом, распорядись, чтобы дело её было у меня на столе не позже заката.

Юноша кивнул, отстал от быстро шагнувшего начальника и исчез в очередном коридоре.

— И вот ещё что, — произнёс Сверло громче, и Париц снова возник за его спиной соткавшись из воздуха, — разузнай, есть ли ещё в живых специалисты по этому древнему диалекту в городе. Юноша вновь кивнул и исчез.

Добравшись до северного крыла замка, Септ остановил свой взгляд на деревянной обивке коридора общежития. Похожий стиль он помнил в семинарии Культа, где он сам проходил обучение. Его внутренний взор наполнил коридор криками сокурсников, а затем поместил туда фигуру юной девушки, спешащую на занятия по этикету. Но времени для сентиментальных воспоминаний совсем не было, и он развернулся и поспешил дальше, скользя взглядом по номерам комнат.

— И с чего вдруг он решил провести обновление именно сейчас? — бормотал он себе под нос, — а вот!

Начальник отдела особых поручений остановился возле комнаты 302 и стал рыться в кармане платья. Достав снятый им со связки магистра ключ, он вставил его в тонкую щель. С небольшим усилием открыл дверь и, тут же закрыв нос и глаза рукой от резкого запаха, упал назад, придавленный толстым стволом огромного зелёного плюща. На шум открылись соседние двери и в коридор высыпало несколько учителей и студентов. Стоявший ближе всех молодой человек в красной робе, бросился к служителю и помог ему выбраться из-под навалившегося растения.

— Осторожнее, вот так, — проговорил студент, — я уже несколько раз жаловался на запах, но меня никто не слушает. С тех пор как взорвалась башня, всё вверх дном.

— Это ядовитая лоза! — воскликнула девушка за его спиной, осторожнее, не дышите. Септ, уже вдохнувший яд, вопросительно посмотрел на девушку.

— Уже? — спросила она.

Он кивнул. Студентка бросилась по коридору.

— Вставайте, пойдёмте на свежий воздух, — сказал студент в красной робе и повёл служителя на веранду.

Когда подоспел врач, Септ уже тяжело дышал и был близок к обмороку. Совершенно растерявшись от того, кто перед ним, и не имея под рукой нужных лекарств, врач весь покрылся потом и потерял способность мыслить. На счастье, несколько студентов гербологов разбили в коридоре засушенные экспонаты листвы тканевого дерева и корней дота и дали Альберту вдохнуть дым их перетёртых останков. К тому моменту Сверло уже тяжело сипел и подёргивался, но скоро судороги прекратились, и он пришёл в себя. Коридор оцепили и двое служителей в противогазах быстро изрубили разросшиеся стволы ядовитого плюща и спустили его в котельную. Однако от комнаты профессора Снилсы ничего не осталось. Шкафы, книги, записи — всё было уничтожено.

Септу потребовалось несколько часов, чтобы окончательно восстановиться. Он отблагодарил своих спасителей и прошёл в противогазе по останкам жилища переводчицы, выглянул в окно. Оно было раскурочено, а следы плюща тянулись вверх и вниз по каменной кладке.

— Да, ещё придётся с ним поработать, — поддакнул стоявший рядом управляющий этажом.

— Вовремя, — произнёс служитель сдавленным голосом.

— Ну, ваше благородие, столько дел... — развёл руками управляющий и затряс шлангом своего противогаза. Альберт тяжело вздохнул и вышел.

На выходе он встретил очередного служителя с горячим напитком в руках. Сверло снял с лица защитную маску и глотнул из чашки. Из закреплённого на поясе противогаза культист достал сухари и дал Спету.

— Вот, возьмите пряней, всё, что успел с кухни схватить.

Альберт кивнул и взял горсть сухарей в руку.

— Смерть ходит так близко, — покачал он головой, — а мы погружены в наши загадки и совсем не готовы к встрече с ней.

Служитель задумчиво закивал и сочувственно посмотрел на начальника. Сверло нахмурился, разглядев в его взгляде стыд и подобострастие, так неприятные ему в подчинённых, и отвернулся на приветливо махавших ему в конце коридора студентов.

— Проследи, чтобы им выписали награды, — произнёс Сверло. — А врача... — зло прошипел он, ища глазами давно исчезнувшего доктора, — врача на переаттестацию.

Весь оставшийся день он посвятил перелистыванию запрещённых книг в просторном зале закрытой секции библиотеки. Его преследовали приступы кашля, чесотка и разочарование от того, что он не мог понять в этих фолиантах ни единого слова. Настроение Альберта было мрачным, и вот-вот из этих туч должны были показаться молнии, отчего его помощники всячески старались избегать встреч с ним. Но жертвой намечавшейся грозы стал начальник полиции. Высокий, усатый и полный мужчина добродушного вида и почтенного возраста, с сединой, пробивавшейся в усах и шевелюре. Фуражку же свою он так глубоко натягивал на голову, что её сверкающий в закатных лучах обод готов был вот-вот лопнуть. От этого голова полицейского сильно болела к вечеру и, как только темнело, он спешил домой, откладывая оставшиеся дела на завтра. Вот и в этот вечер он порядком устал от сковывающей боли в голове и был недоволен, что Сверло вызвал его к себе. Но начальнику отдела особых поручений Культа не отказывают, поэтому господин Гох Парфарэс стоял в дверях, раскланиваясь перед своим мрачным коллегой.

— Слышал о происшествии, что вас постигло, дорогой Альберт, — произнёс он, выпрямившись, — надеюсь, всё уже хорошо?

— Да, — кивнул Септ и высморкался, — но ещё першит в горле от этой заразы.

— Да, наша работа опасна, — примирительно сказал начальник полиции.

— Ваша тоже? — с притворным удивлением произнёс Септ, зло улыбнувшись. — Не слышал, не слышал, чтобы вас видели дальше вашего фрегата во время инцидента в Старом квартале.

— Полно вам, Альберт, — улыбнулся Парфарес, — вы же знаете, что это всё из-за дочери. На кого я её оставляю, если начну опять рисковать головой, как это можете позволить себе вы, с вашей безрассудной молодостью.

— Слушайте, Гох, оставьте ваши светские привычки всюду выуживать по комплименту, — произнёс Септ, всё больше раздражаясь, — я позвал вас сюда, чтобы испортить вам настроение, а не для того, чтобы вы испортили его мне.

Полицейский развёл руками.

— Что ж извольте.

— Изволю, — кивнул Септ и прокашлялся. — Третьего дня вы прибыли в этот замок после террористической атаки, и первое, что вы сделали, вернули одного из подозреваемых его владельцу.

Парфарес раскрыл было рот, но Сверло поднял палец вверх: он ещё не закончил.

— Я читал ваш отчёт не один раз. И никакие объяснения не оправдывают действий не по уставу. Однако я не про это хотел вас спросить. А про то, почему вы не допросили этого младшего техника повторно и почему в отчётах нет адреса его проживания?

— Это была личная просьба герцогини... — начал Гох.

— А герцогиня у нас отныне последняя инстанция в решении подобных вопросов? — уточнил Септ, прищурив глаза.

— Нет, — покачал головой Парфарес, — но ситуация выглядела более чем невинно, и отправлять оживляшку на костёр лишь потому, что он оказался не в том месте, не в то вре...

— Вы слишком много на себя взяли в деле, где требовалась деликатность и осторожность, — произнёс Сверло, теребя ручку кресла, в котором сидел, — вы проявили халатность и безнравственность. Вы забываете, что ваше кумовство и устроительство, чем так славится ваше ведомство, — это паразиты на теле нашего города. И я вынужден выслушивать упреки от Его Величества, потому что кто-то чей-то друг, знакомый, родственник или любовник.

— Это жизнь, мой дорогой, разве...

— Разве я должен повторять каждый раз, когда это происходит? — отрезал Септ.

— Конечно, нет, но...

— Никаких «но», мой милый Гох. Это последний раз, когда я прощаю вам подобную ошибку. В следующий раз вас не спасёт ни ваше родство с правящим домом, ни милое личико вашей дочери.

Септ тяжело дышал и внутренне был недоволен, что говорил с начальником полиции, как обиженный мальчишка. Но организм его был измучен, и он не мог сохранять присущее ему самообладание и контроль.

— А теперь найдите мне этого младшего техника и его куклу. Не берите, просто найдите. Справьтесь хотя бы с этим. Как его там звали... Вульфи?

— Да, ваша светлость, — поклонился Парфарес, — но у меня есть плохие новости об этом младшем технике.

Септ удивлённо поднял брови.

— Неужели полиция работает лучше, чем я думаю?

— И да, и нет, — хмыкнул Гох. — Он, видимо, крепко отмечал День Сердца и помешал процессии возле Колизея. Его посадили в пересылочную тюрьму в Старом квартале. Беднягу засыпало.

— Откуда вы это знаете? — спросил Септ, искренне удивившись.

— Мы составляли списки пропавших, и я узнал фамилию, когда мои ребята подготовили отчёт со своей стороны, — извиняющимся тоном произнёс Гох, покручивая свой длинный ус, — затем уже я прочитал лист задержания и сложил два плюс два. Напился, видать, на радостях.

— Как у вас всё просто, Парфарес, — покачал головой Сверло, — как что-нибудь потерять, это запросто.

— Жизнь такая, — пожал плечами начальник полиции.

— Жизнь такая, потому что вы такие, — передразнил его Септ, — ладно, идите, — произнёс он с грустью, но тут же спросил — и что, герцогиня просила за него сама? За родственника служанки?

— Какого родственника? — удивился полицейский, замерший вполборота к двери. — Она упомянула лишь, что это был друг её семьи.

— Ясно, — задумчиво сказал Септ и кивнул, — спасибо.

Парфарес поклонился, расплывшись в своей сладкой улыбке, чему-то хохотнул и вышел. Сверло посидел немного, долистав очередной фолиант. Это была книга запрещённых ещё в древние времена еретических сказок о семи колдунах Морайя. Одна из немногих в библиотеке, она была написана на имперском наречии. В ней рассказывалось, как из поколения в поколение колдуны проникали в доверие к правящим домам, чтобы убедить их в необходимости разрушить Сердце. Чрезвычайно популярные в народе, эти сказки вредили репутации правящих элит и были запрещены на всей территории города ещё до восстания Семиммирона. Альберт хранил у себя копию одного такого старого издания, но эта книга была полнее, и, если бы не служба, этот вечер он с большим удовольствием посвятил бы чтению неизвестных ему сказок.

Сверло закрыл книгу, поднялся и позвонил в колокольчик. Явился очередной молодой человек, похожий на предыдущего, словно их штамповали где-то на одном заводе.

— Найдите мне в тюрьме эту местную служанку, Дагму, и приведите в кабинет герцогини. Если её светлость отсутствует, найдите её. Доложите мне, когда обе будут на месте.

Молодой человек поклонился и вышел. Септ прошёлся к полке и поставил книгу обратно, пометив обёртку на её корешке. Он оглядел стеллаж и чихнул.

— Красные луны, — прохрипел он.

В дверь постучали, и другой молодой человек вошёл, не ожидая приглашения. Септ прочистил горло.

— Простите за бестактность, ваша светлость, но вы просили не медлить с этим. Тут список литературы господина Трокийи из открытой библиотеки.

Он поклонился, подошёл и передал Септу бумаги, где мелким почерком были переписаны списки библиотечных карточек. Сверло кивнул, и сделал знак рукой, чтобы молодой человек удалился.

— Ах да, — произнёс он, бегая глазами по списку, — их же уже читают?

— Конечно, ваша светлость, — уверенно ответил культист, помедлил, а затем отправился к выходу, но остановился в дверях, — также пришли результаты опроса общежития. Никто ничего не видел и не слышал.

— Я не сомневался, — пробормотал Септ, не отрываясь от списка. Молодой человек тихо прикрыл за собой дверь, а Сверло ещё долго бегал глазами по названиям.

Взгляд его замер на «Кратком справочнике пиротехники», а рядом красовалось, видимо, то же название, но на неизвестном ему языке. Он положил бумаги на стол и быстрыми шагами прошёлся к находившемуся в глубине библиотеки стеллажу. Достав одну из отмеченных книг, где на таком же непонятном языке виднелись похожие слова, он раскрыл её. Внимательно перелистывая фолиант страница за страницей добрых полчаса, он наконец раскрыл разворот на цветном изображении фиолетовой массы. Рядом были надписи на неизвестном ему языке и формулы смешивания с другими непонятными субстанциями.

— А вот и наш специалист по архи-чему-то там. Как жаль, что я не смогу познакомиться с тобой лично.

Измученная светским обществом Герцогиня вернулась в свои покои с приёма, что устраивала одна из её подруг с целью найти Ки нового кавалера. На приёме, проходившем в одном из плавучих садов на среднем ярусе, был весь свет. Подруга, счастливая и воодушевлённая тем, что к ней стали ходить самые знатные фамилии города, впервые проводила вечер не с книгой, а порхала между группами людей, подогревая потухшие беседы, а где-то гася их пламя. Ки же провела весь вечер, стараясь убежать от неприятного ей внимания глупых и скучных светских львов и неоперившихся ещё молодых людей, представлявшихся ей поголовно наивными болванами. Но и в замке её не ждал покой. В кабинете отца стоял молодой культист вместе с её осунувшейся и похудевшей служанкой Дагмой, и как только она вошла, послал за Сверлом, рыскавшим, как ищейка, по всему замку вот уже вторые сутки.

— Вы окончательно лишаете меня приватности? — устало и раздражённо спросила Ки, стоило Септу открыть дверь лифта и шагнуть в кабинет. — Или надеетесь, что я в разговоре срифмую пару-тройку слов, чтобы был повод для немедленной казни?

— Скажите спасибо, что я не держу вас за решёткой по подозрению в измене и за ваше нелепое враньё, так неумело выдаваемое вами за правду, — не менее усталым и раздражённым голосом ответил служитель, проходя и присаживаясь за чайный столик. Ки, сидевшая в кресле отца за его большим массивным столом, выпрямилась и покраснела.

— Вы смеете обвинять меня во лжи? — произнесла она, бросив взгляд на культиста.

— Вы знаете, любезная, — обратился он вдруг к служанке, — что ваш родственник мёртв?

Служанка побледнела и удивлённо посмотрела на Альберта.

— Но... — начала было Дагма и осеклась.

— Видите, как всё оказалось просто, — покачал головой Септ, — я же не поленился выяснить, что она круглая сирота, как и я, и как вы, дорогая Ки.

Герцогиня молча смотрела на него.

— Верните её в камеру. Пусть суд Культа решит, что её ждёт за ложь следствию, — махнул рукой Сверло, и молодой культист, взяв под руку едва живую служанку, двинулся к лифту.

— Стойте, — сказала Ки, — что значит мёртв?

— Его засыпало в тюрьме в Старом квартале, куда он попал nepотpeбнo пьяным. Говорят, бегал голый на параде, — усмехнулся Септ.

Герцогиня покраснела и закрыла лицо руками. Сверло поднял руку, дав знак культисту остановиться.

— Альберт, — тихо произнесла Ки, — отпустите её, она не виновата, а лишь исполняла мою просьбу. В замке всё равно карантин, она его не покинет. А я всё расскажу.

Септ кивнул молодому человеку и тот, отпустив служанку, проследовал к лифту. Девушка вскрикнула и скрылась за портьерой, где слышались её быстрые шажки по винтовой лестнице. Когда лифт с молодым служителем уехал, Ки отняла руки от лица и посмотрела на Сверло, он сидел нога на ногу и пристально смотрел на герцогиню. Лицо Ки было в слезах, и чёрная тушь текла по её белой коже, сделав её лицо по-театральному печальным.

— Вы уверены, что это он? — спросила она, с трудом справляясь с собой.

— В этом уверен господин начальник Парфарес, — пожал плечами Септ.

— Это был... брат близкого друга моего отца. Альфреда Вульфи, учёного, — произнесла она медленно.

— Что-то припоминаю, — сказал Септ, изучая глазами лепнину на потолке.

— Да, он был светило Университета, и я должна была что-то сделать в память... — она сглотнула слезы. — Я боялась, что, когда вы узнаете, кто он...

— Теперь уже действительно неважно, — кивнул Септ. — Элизабет, дорогая, не врите мне больше. Это очень мешает моей работе. Я чувствую и хватаюсь за вашу ложь, и упускаю что-то важное.

Герцогиня исподлобья посмотрела на служителя.

— Я знаю, как вы не любите меня, с тех пор как я выбрал дорогу Культа, но в знак нашей былой дружбы, не мешайте мне. Я ведь всё равно узнаю, и будет только хуже, — он устало вытер лицо рукой и встал, — скажите вот ещё что, мастер Перлеглоз навещал вас здесь?

Герцогиня подумала и кивнула.

— Он о чём-то просил вас? Об услуге или о помощи в своих работах?

Ки посмотрела на Септа, пытаясь разглядеть за его усталостью причину этого интереса.

— Да, он просил выделить ему помощников для его научной работы, — сказала она нерешительно.

— А что-то лично у вас он просил? Не касаясь университета, — уточнил Септ.

Герцогиня задумалась.

— Нет, не припомню, — ответила она, прямо глядя в глаза слуге.

— Хорошо, — кивнул Альберт и направился к лифту, — хорошо, — пробормотал он ещё раз, — хорошего вечера.

Закрывая за собой дверь кабины, он обернулся к герцогине:

— И вот ещё что. Вас же не затруднит самой так же соблюдать карантин, как и остальным жителям замка Амун. А то вдруг вы опять окажетесь в центре какого-то неприятного события, а я вас неправильно пойму.

Когда слуга удалился, Ки встала и, пошатываясь, вышла на балкон. В ночной тишине стрекотали цикады, а весь сад был покрыт светлячками, парившими между листвой. Герцогиня, держась правой рукой за грудь, дошла до поручня и устремила свой взгляд на догорающий закат младшего солнца. Из кустов стыдливо показалась Асоль.

— Ну и где же ты была? — устало пожурела собаку Ки, — кто защитил меня от этого сына красной луны?

Собака легла и виновато положила голову на лапы.

— Хватит позёрства, — вздохнула герцогиня с трудом дыша, — отправляйся-ка лучше к мастеру Перлеглозу. Пришло время расторгнуть нашу маленькую договорённость.

Асоль поднялась и потрусила в сторону кабинета.

— Ты же видишь, как я стараюсь, — сказала Ки, закрыв глаза. — Я пытаюсь сохранить то, что ты построил, но не могу. Я одна, а вокруг столько лжи, столько притворства, столько всего чужого и непонятного мне. И я не то чтобы бороться, я просто удержать всё это не могу в руках. Я поклялась за тебя отомстить. Но моя месть похожа на трепетания птенца в руках смерти. Я не знаю, что делать. Помоги. Укажи мне путь. И не дай оступиться.

Она замолчала и долго ещё смотрела на мерцающие огни города, пока не исчез последний луч солнца.

Глава 18

Ему снился полёт. Крылья. Свобода. Но он ел землю. Даже во сне он продолжал медленно продвигаться вперёд. Почва звала, звала влага. Всё, что он чувствовал, — это вода и её отсутствие. Как он появился, он не помнил. Просто в один прекрасный момент он пополз. Причём уже довольно давно. Земля входила и выходила из него. Дважды он делился, и другая его часть быстро отдалялась и исчезала из поля чувств в охоте за спасительной влагой. То, что в

нём пока способно было мыслить, подсказывало, что так же и он в один прекрасный момент отделился от кого-то ещё.

Отсутствие покоя и необходимость постоянного движения заставили его быстро забыть эти тревожные сны о полёте. Последней каплей был яркий сенсорный взрыв, от которого его чувствительность зашкалила. Влажно стало везде и как-то сразу. Ощущения подводили его, и он совершенно перестал ориентироваться. В исступлении всё тело его извивалось, перекачиваясь в накативших струях воды. А затем была боль. Что-то крепкое и твёрдое схватило его и подняло куда-то вверх.

Это было совершенно удивительно, но он вновь летел. Даже будучи червяком, лейтенант Штурм парил в клюве Катеоряжа, крупной перелётной птицы, поднимавшейся над городом от грядок с капустой в Саду замка Трокийя. При перелётах на длинные расстояния Катеоряжи набивали зоб червями, чтобы подпитываться по дороге. Его птица давно отбилась от стаи и теперь двигалась инстинктивно, на малые расстояния, пытаясь преодолеть пустыню. Следующей её остановкой было плато, где она намеревалась подкрепиться и заночевать.

Катеоряжи летят высоко и ловят такие ветра, что и не снились нашим воздухоплавателям. Поэтому птица приземлилась через несколько часов полёта во внутреннем дворе мастерской Отца. Высыпав из зоба червяков, она принялась хватать их с каменистой поверхности и закидывать в пищевод. Лейтенант червяк Штурм, совершенно одуревший и лишённый ориентации, теперь не чувствовал никаких источников влаги и в ужасе дёргался на тёплой каменистой поверхности. Раздался рокошующий вздох, спугнувший Катеоряжа, и птица исчезла в небе, оставив свой расползающийся запас пищи на земле. Но везение сопутствовало червякам недолго, и в следующее же мгновение их поглотило пламя.

Была ясная лунная ночь, и Барон стоял во внутреннем дворе мастерских напротив острых шипов, росших из чешуи на морде дракона дугами, расходившимися до самой шеи. Чудовище мерно спало, выдыхая из массивного носа маленькие струйки пламени, освещавшие восхищённое лицо человека. Мужчина держал руки за спиной, вращая пальцами короткий кинжал искусной работы с пустым креплением для большого камня на конце рукояти.

— Воистину перворождённый, — произнёс человек, — первый из первых.

— Да, мессир, — прошипел грифон, вальяжно лежавший слева от него на большом валуне.

— Это большая удача, что мы получили в руки такое оружие, — улыбнулся Барон, — я даже не расстроен, что сгорела одна из наших летающих крепостей.

Он повернул и пошёл вдоль раненого крыла дракона — оно всё ещё покоилось в креплениях, возведённых Отцом.

— И в дни, когда исчезнет звук лиры, драконы очнутся ото сна и сожгут небо, чтобы древний опалил свои веки и открыл глаза, узрев себя и деяния свои, — процитировал Барон, подкинул кинжал в воздухе и, поймав, и засунув его за пояс.

— Удивительно, — продолжил он, — насколько поэтическим становится то, что никто не может понять.

Грифон задумался, но кивнул.

— Я бы хотел иметь дар так же сочинять историю, как эти поэты из прошлого, — усмехнулся мужчина, разглядывая блестящие в свете луны когти на крыле. — Я жил всю жизнь, не думая, что встречу настоящего дракона. Все эти механические сущности не идут ни в какое сравнение с живой плотью. Когда она дышит энергией Сердца, когда бьётся с ним в унисон... — говорил он с чувством. — Жестянки пусты внутри, они созданы, чтобы подражать.

Грифон довольно улыбнулся.

— Жаль, что с ним не договориться, — с грустью произнёс Барон, присаживаясь на бочку и покачал головой.

— Это самка, — прошипел грифон.

Барон вопросительно посмотрел на собеседника.

— Что могло спугнуть самку, чтобы она стала защищать территорию? — прокаркал грифон вопросом на вопрос.

В глазах Барона промелькнуло понимание.

— Яйца, — пробормотал он.

— Именно, — прошипел грифон.

Барон прошёлся к валуну и посмотрел в глаза перворождённому.

— Лети, предупреди Снорри, — сказал он, но затем добавил: — хотя... я думаю, он и сам догадался. Эта архаика с драконовериём. Лучше убедись, что яйцо попадёт к нам в руки. Если же он вмешается со своими древними преданиями, скажи, что таков мой приказ.

Грифон кивнул и, не раздумывая, в три коротких взмаха своих раскидистых крыльев, поднялся в небо. Барон встал, надел перчатки и поднял голову к звёздам, пытаясь найти в них знаки, сопутствующие удаче.

На это же звёздное небо уже несколько бесконечностей смотрел и Рауд, опершись на ручки пулемёта. Крепление там уже разболталось и всё время норовило съехать куда-то вбок, не давая осьминогу окончательно заснуть.

— И ещё называют себя механиками, — ворчал он, поправляя щупальцем съехавший механизм, — если мы так пойдём воевать...

Он не договорил и прислушался. Резко схватился за рукоятки и повернул пулемёт к югу, где за торчавшими из земли «ребрами» начинался каменный «лес». Он щёлкнул выключатель, и яркий свет вырвался из прожектора между сдвоенных дул пулемёта. Но в световом пятне никого не было, ни слева, ни справа. Он выключил фонарь и стал ждать, нервно пощёлкивая мягкими курками. Тьма словно искрилась в его глазах. Он напряжённо всматривался в одни тёмные пятна, скользившие по другим, ещё более тёмным. Наконец в отдалении послышались шаги. Осьминог напрягся, вновь включил прожектор — и в этот раз в ярком пятне света стоял, прикрывая свои нарисованные глаза рукой, Гудди.

— Ты меня напугал, — рассерженно и одновременно с облегчением крикнул Рауд.

— И ты меня, — крикнул в ответ Гудди, направляясь к летающему мотоциклу, — выключи своё солнце.

— Ах да, — опомнился осьминог и выключил прожектор. — Ну как, нашли что-нибудь?

— Да, мы нашли существо в существе, и внутри него другое существо, — произнёс Гудди, останавливаясь возле пулемёта и кладя руку на дуло.

— Неплохо, — усмехнулся Рауд, — и что дальше?

— Дальше нам надо лететь туда, — кукла махнула рукой на северо-восток, — за холмы.

Осьминог оглянулся.

— А что там?

— Там то, что едят те, кого мы ловим. Мы пойдём им навстречу, а он, — Гудди махнул рукой на юг и стал усаживаться на место пилота, — пойдёт вслед за ними.

— А за кем мы идём? — уточнил осьминог. — Ты вообще умеешь летать на этой...?

Но Гудди уже нажал одну из педалей, и мотоцикл резко бросило вперёд.

— Другая! — закричал осьминог.

Гудди переменил педаль и их бросило вверх.

— Плавнее! — орал Рауд.

Он схватился всеми щупальцами за пулемёт (его крепление вновь сорвало) и вращался на нём, как щенок, пытающийся поймать свой хвост. Гудди нажал другую педаль, их бросило вниз, но у самой земли он снова нажал предыдущую и успел остановить падение, почувствовав, наконец, равновесие тяги. Они зависли над поверхностью. Рауда от подобного манёвра почти оторвало от пулемёта и после остановки его со всего размаху впечатало в сидение.

— А-к-к-у-р-р-а-т-н-е-е. — процедил он, принимая свою обычную форму. — Соберись, деревяшка! О чём ты думаешь?

— О Герде, — неожиданно признался Гудди.

— Деревянный идиот нас чуть не угробил, а думает о человеческой самке, — ворчливо пробулькал осьминог и, подумав, добавил: — Лететь со светом опасно, без света ещё опаснее. Поднимайся высоко, так мы сможем лететь без прожекторов и не привлечем к себе много внимания.

— А как мы их увидим? — спросил Гудди, начиная медленно набирать высоту.

— Здесь где-то... — пробормотал Рауд, роясь под сидением, — ах да, вот.

Он достал и надел на голову странного вида прибор.

— Это что такое? — удивился Гудди, отвлекаясь и поглядывая на него через плечо, отчего мотоцикл зашатался и немного завалился.

— Ты лучше следи за рулём, — булькнул осьминог, — это прибор теплового видения. Отец сделал их, ещё когда приходилось отбивать атаки пустынных на каньон.

— Вот, точно, пустынники, — кивнул Гудди, — так зовут тех, к кому мы идём.

Рауд приподнял прибор с глаз.

— Тысяча красных лун! Тогда нам нужно просить Сердце о помощи, ведь мы летим на верную смерть, потому что пули этих тварей не берут.

Он стал рыться в под сумках, висевших рядом с пулемётом.

— Как назло, — сказала он, — ни одного «светлячка».

Гудди к тому времени поднялся на приличную высоту, потому стало холодать.

— Так, хватит, стой, давай чуть ниже, а то я окоченею, — завопил осьминог.

Гудди отпустил немного педаль, и мотоцикл начал плавно снижаться.

— А теперь ту, что справа, — подсказал осьминог.

Гудди плавно нажал на другую педаль, и мотоцикл медленно двинулся вперёд, в сторону черневшего вдалеке холма.

— Смотри, ты почти не убил нас, — усмехнулся осьминог.

— А должен был? — удивлённо переспросил Гудди, повернувшись к осьминогу и снова чуть не потеряв управление.

— Нет, нет, руль держи, дубина, — вновь вцепившись всеми щупальцами в пулемёт, завопил Рауд. — Я, конечно, летающий осьминог, но только над поверхностью.

— Хорошо, — отозвался Гудди и повернулся обратно, — прости, я не очень понимаю тебя.

— Это была ирония, но твоей деревянной башке этого, наверное, не понять, — булькнул осьминог, выглядывая за борт, — нам долго ещё?

— Эм, я не знаю, — в замешательстве отозвался Гудди, — я, честно сказать, потерял из виду тот холм, что заметил там внизу.

— Да... — протянул Рауд, — ну, садись, давай.

Гудди стал снижаться.

— Только медленней, — закричал осьминог, видя, как быстро приближается земля.

— Хорошо, — крикнул в ответ Гудди и вместо того, чтобы притормозить, наоборот, бросил летательный аппарат в свободное падение.

— Другая педаль, — кричал осьминог, выпуская изо рта гигантские пузыри, колыхавшиеся и лопающиеся на воздухе громкими хлопками бранных слов.

Мотоцикл притормозил у земли благодаря встроенной системе безопасности, что несколько смягчило удар, но не спасло судно. Перед этим кресла всех трёх сидений катапультировались, и Рауд с Гудди вновь взмыли вверх, пока не раскрылись их парашюты — и они двумя белыми пятнами, ярко видневшимися в лунном свете, не стали медленно спускаться вниз.

— Где-то я это уже видел, — хмуро пробулькал Рауд, держась щупальцами за стропы и пытаясь изменить направление, — ветер, зараза, сильный, нас сносит на восток.

— Извини меня, пожалуйста, — грустно прозвенел Гудди, — я так спешил, так хотел... так стыдно.

— Сердце простит, — зло и расстроено ответил осьминог, поглядывая на горящий вдали мотоцикл, — но, если что, опять дотащишь нас обратно.

— Конечно, дотащу! — подхватил Гудди.

— Это был сарказм, — произнёс Рауд и ударил себя щупальцем по лбу, — но, как я уже говорил, вряд ли ты это поймёшь.

Вдалеке раздался протяжный хриплый вой. Рауд вздрогнул и стал оглядываться.

— Далеко, километра полтора, — констатировал он, поправляя прибор на глазах, — три пятна, а за ними ещё два.

— Пять? — удивился Гудди, — Гора Мяса говорил о троих.

— Это они на наши парашюты отреагировали, если что, — зло прошипел Рауд, продолжая всматриваться в холмистую местность, освещённую холодным лунным светом, — а пулёмёт наш либо сгорел, либо... хотя он всё равно бесполезен.

Во время приземления Гудди неловко упал, стукнувшись головой о камень и помяв забрало. Парашют протащил его по земле.

— Слезай скорее, чего мешкаешь, — произнёс Рауд, отпустив кресло и зависнув над землей.

Гудди неловко, почти ползком, слез с сидения и наконец встал, растерянно и виновато поглядывая на осьминога, продолжавшего всматриваться в холмы на западе, а его кресло продолжило тащиться по земле вслед за пузырьком парашюта, безвольно дышащего в порывах ветра.

— Смотри! — воскликнул Гудди.

Рауд обернулся, поднял прибор на лоб и посмотрел наконец, куда указывала рука оживлённого. За ними в форме веера торчало несколько острых осколков скалы высотой метров в десять, а в центре между ними — закрытое более мелкими камнями что-то похожее на гнездо из костей и черепов животных. Осьминог вновь надел прибор на глаза и поплыл к необычному объекту. Гудди, скрипя конечностями, последовал за ним.

— Смазать бы тебя, — булькнул Рауд не оборачиваясь.

— Да, было бы неплохо, — виновато прозвенел оживлённый.

Подойдя поближе, они стали пробираться между осколками камней, становившихся всё выше и опаснее.

— Прямо неприступная крепость, — хмыкнул осьминог, взлетая повыше, — ого!

— Что там? — спросил Гудди, выдёргивая застрявшую между камней ногу.

— Мне кажется, мы нашли то, что искали, — восхищённо пробормотал осьминог.

— Что, что? — в нетерпении зазвенел Гудди и запрыгал вперёд с удвоенной прытью.

Забравшись на крупный каменный уступ, он наконец увидел «гнездо».

Это был небольшой холм из черепов и останков перворождённых, где посередине стояли несколько разбитых овальных предметов.

— Яйца, — торжественно произнёс Рауд, — это самка, она откладывала яйца.

Он воспарил над костями, разглядывая останки. Вновь послышался протяжный хриплый вой, на этот раз ближе и громче. Гудди оглянулся и чуть не упал вниз со своей каменной глыбы.

— Похоже, пустынные добрались до них, — задумчиво продолжил Рауд, не обращая внимания на вой, — но зачем они возвращаются?

Он облетел «гнездо» ещё раз и остановился на противоположном конце.

— Вот зачем, — он снял прибор с глаз и, сморщившись, потёр чёрную шишку на голове.

Гудди спрыгнул на кости и подбежал к осьминогу. Тот висел, чуть спустившись, над одним целым яйцом.

— Что это? — спросил удивлённый Гудди.

— Это дракон в миниатюре, — рассмеявшись своим мыслям, пробулькал Рауд.

— Он внутри? — удивился оживлённый.

— Да, — кивнул осьминог.

— То есть опять существо в существе?

— Вроде того, но скорее существо в скорлупе, — уточнил осьминог, нацепил очки и подлетел к выступу, закрывавшему обзор на холмы.

— А вот и наша смерть пожаловала, — произнёс он, вглядываясь в скачущие в приборе серые контуры, — хватай что-нибудь подлиннее и поострее.

Осьминог заворожённо следил за приближающимися пустынными, чувствуя, как всё его тело вибрирует от волнения.

— Бей в глаза и пасть, — булькнул он и слевитировал вниз.

— Глаза и пасть, глаза и пасть, — повторял Гудди, нервно бегая по костям и выбирая, чем бы воспользоваться.

Осьминог подлетел к нему, схватил длинную тонкую кость, чей-то острый искривлённый зуб, и крепко перемотал поясом с подсумка Гудди.

— Держи двумя руками, бей быстро, не раздумывая, как сломается — дерись зубом, рукоять выброси, — проинструктировал он куклу, а сам схватил в щупальца несколько острых зубов и рёберных костей, — дадим жару этим падальщикам!

Он посмотрел на застывшего в испуге Гудди.

— Ну или просто сдохнем здесь бессмысленной смертью.

Договорив, он полетел вверх, как раз в тот момент, когда на один из торчащих пониже осколков скалы запрыгнул здоровый пустынный и взвыл так, что затряслись вокруг кости и зазвенели камни. Но недолго пришлось кричать перворождённому, потому что осьминог влетел ему прямо в морду, закрыв глаза своим телом, и перемотал острые челюсти своими щупальцами. Пустынный дёрнулся, пытаясь сбросить неожиданного гостя, но осьминог держался крепко и, улучив момент, приподнялся и всадил один из зубов твари прямо в глаз. Пустынный взревел ещё громче, но на этот раз от боли и ужаса и бросился вниз на кости головой. Рауд успел зацепиться за уступ и повиснуть. Пустынный упал рядом к Гудди и перекатился, отбросив нерасторопного оживлённого к противоположному краю «гнезда». Оружие, наспех собранное Раудом, тут же разлетелось, и Гудди принялся истерично шарить руками по костям. Пустынный встал и злобно посмотрел на него единственным глазом. Из второго сочилась кровь и какая-то синяя слизь, сверкавшая в свете лун. Но тут осьминог вновь приземлился на голову перворождённого и засадил в оставшийся глаз другую кость. Тварь завопила как-то особенно истошно и обречённо, забилась и сбросила Рауда, ударившегося о камни и разбившего прибор теплового видения на голове. Мечась, существо запрыгало так близко к оставшемуся яйцу, что у Гудди в груди всё замерло, и он, не в силах побороть страх, лишь дёргался вслед движениям монстра.

На уступ запрыгнул другой пустынный, поменьше, и злобно рыкнул несколько раз. Тот, что метался внизу, застыл и завыл в ответ. В ту же секунду в морду вновь прибывшего прилетела острая кость. Но лишь царапнула по чешуе и упала вниз. Осьминог выругался, сбросил с головы остатки прибора и схватил щупальцами кость побольше. Второй пустынный спрыгнул вниз и по кругу стал обходить осьминога; ослеплённый же двинулся в противоположном направлении.

— Отвлеки слепого! — крикнул осьминог и бросился на второго пустынного.

Гудди подпрыгнул на месте, затем схватил первую попавшуюся кость и метнул её в слепого противника. Тот обернулся на удар, пришедший ему по макушке, и втянул воздух. Гудди поднял ещё одну кость и бросил. Тем временем Рауд, словно копьём, ударил костью в морду второго пустынного и попал в зубы. Тварь отскочила, затем же одним быстрым прыжком оказалась за спиной Рауда, и её когти рассекли воздух в миллиметре от головы осьминога. Он вздрогнул, но не растерялся и, раскрутив свою тяжёлую кость, заехал ею пустынному по макушке. Тот чуть отшатнулся, и этого мгновения хватило осьминогу, чтобы запрыгнуть на голову и этой твари.

Гудди продолжал метать кости в своего противника, короткими прыжками приближавшегося к обидчику, пытаясь понять, откуда исходит угроза. Когда морда перворождённого деграданта оказалась совсем рядом с оживлённым, тот схватил валявшийся рядом череп и метнул чудовищу в открытый рот. Пустынный щёлкнул пастью, и череп раскрошился у него между зубов. Не зная, как ещё поступить, Гудди бросился вперёд, подобрав тоненькую косточку, и ударил ею пустынного куда-то в область шеи. Но кость отскочила, сломалась, а пустынный размахнулся и ударил куклу в ответ лапой. Оживлённого отбросило назад, к стене из камней.

В гущу схватки на уступ запрыгнул ещё один крупный пустынный.

— Плохи дела, — закричал Рауд, пытаясь схватить какую-нибудь кость, пока пойманный им пустынный, как бешеный, прыгал и дёргал мордой, чтобы сбросить осьминога. Слепой пустынный тем временем принялся и направился к единственному оставшемуся

яйцу. Гудди, не зная, что делать, в отчаянье кинул в него камнем и попал в раненый глаз, отчего тварь вновь завyla и повернулась к нему. Тем временем третий пустынный прыгнул вниз, за спину слепому, и громко зарычал. Слепой одним прыжком развернулся и зарычал в ответ. Он прыгнул на третьего, но тот резко отошёл в сторону и врезал слепому по морде лапой, так что его повалило на кости, и он, прокатившись по костям, вскочил на четыре лапы только у острых каменных выступов, упершись в них боком и громко взыв. Новенький пошёл по кругу направо от Гудди, приближаясь к сопернику.

Оживлённый тем временем медленно шагал ближе к яйцу. Слева от него раздался истошный вой, Рауду наконец удалось всадить осколок кости в глаз второму противнику, но от боли тварь так дёрнула головой, что ударила ею со всего размаха о камни, и обездвиженный осьминог упал в кучу костей. Дегрант отпрыгнул, единственным здоровым глазом уставился на осьминога и, зарывав, прыгнул на него, оскалив свои острые зубы. Но прежде чем сомкнуть их на Рауде, он получил удар в бок от Гудди — он бросился наперерез существу с потерянной Раудом тяжёлой костью и сбил пустынного с ног, отбросив в бок на острые камни. Монстр закричал, распоров себе правый бок, упал и, хромая, отступил назад.

— Ты как? — крикнул Гудди осьминогу, поднимая его с земли.

— Не уверен, — вращая глазами ответил Рауд, — похоже... Сзади!

Гудди обернулся, чтобы успеть пригнуться, потому что прямо над ними ударилось о камни безжизненное тело слепого пустынного. А тот, что пришёл третьим, медленно и победоносно двигался к ним, слизывая своим длинным языком кровь с зубов. В это мгновение четвёртый пустынный запрыгнул на уступ и взвыл диким звенящим криком.

— Ну вот и всё, — булькнул осьминог, оглядывая полуприкрытыми глазами поле сражения. Гудди встал между осьминогом и пустынными, подняв тяжёлую кость обеими руками.

— Я ценю твою храбрость, но всё кончено... — однако осьминог не договорил, потому что над уступом сверкнула молния и четвёртый пустынный, всё ещё остававшийся на уступе, упал вниз, громко ударившись о камни. Третий пустынный повернул голову и Гудди, размахнувшись костью, треснул ему прямо по макушке, отчего тот осел и закачал мордой.

— Гора мяса! — радостно закричал оживлённый, увидев на уступе Снорри с электрическим копьём в руках.

— Рано радуешься, деревяшка, — зло и весело крикнул здоровяк и прыгнул на тушу четвёртого пустынного, раскрывшего пасть навстречу падающему человеку. Копье пронзило его глотку, и из пасти брызнула кровь. Снорри, весь забрызганный тёмной жидкостью, выдернул копьё, скаля зубы, но радость его не была долгой, его тут же сбил с ног второй, одноглазый, пустынный, что был поменьше. Копьё здоровяка отлетело куда-то в кучу костей, а он вместе с противником упал рядом с острыми камнями недалеко от возвышавшихся глыб, на противоположной стороне от Гудди и осьминога.

К тому времени крупный пустынный, запрыгнувший в гнездо третьим, наконец пришёл в себя от удара по голове. Гудди уже опускал на его голову тяжёлую кость повторно, но удар получился скользким, и пустынный лишь потрянул один раз головой, а затем резко отпрыгнул и так же резко прыгнул обратно на Гудди, сбив его с ног и прижав к земле огромными лапами. Он зарычал в лицо оживлённому так громко, что все его внутренности завибрировали, а тело

покрылось слюной животного. Тварь принялась драть его когтями, сломав деревянную часть руки, ниже локтя и сильно деформировав грудину.

Над его головой взвилось щупальце осьминога, вновь уколол в глаз пустытника, и монстр отскочил с Раудом на голове, истошно рыча. Гудди поднял голову и увидел, как Снорри одними руками разрывает пасть пустытника поменьше. Он отвернулся в то самое мгновение, как послышался ужасающий крик, потонувший в булькающих звуках. В это же мгновение на него навалилась туша последнего оставшегося пустытника: он упал, поражённый осьминогом во второй глаз. Существо поспешно встало, заскулило и бросилось вверх на обломки скалы, цепляясь своими острыми когтями за почти отвесную поверхность. Через несколько мгновений оно исчезло, прыгнув куда-то за уступ, где они появлялись один за другим.

Снорри, вновь держа копье в руке, забрался наверх, провожая взглядом деграданта, в страхе метавшегося по холмам. Рауд выполз из обломков костей, исцарапанный, с большой рваной раной над левым глазом. Вместо одного щупальца колыхался обрубок. Снорри прыгнул вниз, подбежал к осьминогу и, сбросив со спины рюкзак, принялся перевязывать и протирать раны Рауда. Осьминог взвыл, зашипел несколько раз, но скоро успокоился, а здоровяк, закончив, принялся латать свои разодранные зубами пустытника пальцы. Гудди с трудом поднялся и потряс разодранной рукой.

— Без обид, деревяшка, для тебя у меня ничего нет, — сказал Снорри, выливая на ладонь дезинфицирующую жидкость и скрючиваясь от боли.

Гудди ничего не сказал, но, хрустя и поскрипывая, встал и, шатаясь, пошёл проверять яйцо, которое они так защищали. Но яйца на том месте он не обнаружил.

— Эй, вы, его нет, — взбудораженно закричал оживлённый и поднял глаза на уступ, где увидел грифона, а рядом с ним различил контур яйца.

— Знарк, коллега, — прищурившись, обратился к перворождённому здоровяк, заматывая пальцы, покрытые лечебной мазью, — ты и правда помог. Если бы не ты, мы бы не справились.

— Твой сарказм выдаёт в тебе страх, — каркнул грифон, — не думай, что ты сможешь задеть меня.

— И в мыслях не было, — ухмыльнулся Снорри, — но позволь спросить, что ты делаешь здесь?

— Я здесь по приказу Барона, — прошипел, наклонив голову, грифон, — он велел мне доставить яйцо ему.

— А мы, по его мнению, не способны справиться с этим заданием? — развёл руками Снорри.

— Что-то я не вижу ваш транспорт, — Знарк вытянул голову, оглядываясь по сторонам, но затем остановил свой взгляд где-то на западе. — Ах да, он горит вон там, между холмов.

Снорри оглянулся на Гудди, и тот виновато пожал плечами.

— Я предвидел, что вы не справитесь со столь деликатным заданием, — прошипел грифон и, подумав, каркнул, — вот я и предложил свою кандидатуру его величеству.

— Величеству? — удивился Снорри. — Перворождённые вновь готовы величать людей хозяевами?

— Нет, глупец. Только такой дурак, как ты, не способен предвидеть будущее, — ухмыльнулся Знарк.

— Ты уже видишь его на императорском троне? — спросил Снорри, уперев руки в бока.

— Не твоё дело, что я думаю и вижу, — каркнул грифон, — если ты всё равно не способен.

— Брось свои пустые оскорбления, Знарк, — Снорри вытянул руку и стал медленно двигаться на грифона, — а лучше отдай мне яйцо и слетай за подмогой, чтобы забрать нас отсюда.

— Стой где стоишь, — зашипел грифон, встрепенувшись, взмахнул крыльями и поднялся в воздух, взяв задними лапами яйцо.

— Я обязательно пришлю подмогу, когда доставлю добычу Барону, — прокаркал он и неожиданно закачался в воздухе.

Яйцо в его лапах задёргалось, и, проломив скорлупу, прямо в руки Снорри выпал маленький дракон. Здоровяк инстинктивно поймал его и так и остался стоять, удивлённый, даже ошарашенный, с огромной крылатой ящерицей в руках. Существо дёргало конечностями и кричало писклявым кряхтящим голосом.

— А вот это неожиданно, — только и сумел вымолвить человек.

Разочарованный грифон приземлился рядом и заглянул в мордочку новорождённому. Дракончик тут же пыхнул огнём в лицо Знарка, опалив ему перья на морде.

— Фу, — грифон затряс головой.

— То-то же, — произнёс здоровяк, присаживаясь и опуская малыша в «гнездо».

— Нам надо доставить его Барону, — не унимался Знарк.

— Зачем? — притворно удивился Снорри. — Ему нужно домашнее животное? У него оно, кажется, уже есть.

Знарк зло посмотрел на здоровяка.

— Ему нужен дракон, — прошипел он, наклоняя клюв к малышу, но Снорри схватил его за клюв и поднял.

— Признайся, это ты предложил? — процедил человек сквозь зубы. — Держать детёныша в заложниках, чтобы дракон воевал на нашей стороне?

Знарк ничего не ответил, а только продолжил зло смотреть на Снорри.

— Если бы твоя наполненная перьями башка умела хоть немного читать, — произнёс он, сжимая клюв грифона, тот как-то вдруг сдал и осел, — то ты бы знал, что драконом нельзя управлять. Это священные существа, первые из перворождённых, они, храня...

— Да, да, я слышал эту сказку, — прошипел Знарк, выдернув клюв, и громко каркнул, — встанут на защиту, когда пробьёт последний час. Вот только час этот пробил, и на защиту пора вставать, так или иначе.

— Ни в одной книге, ни в одном мифе не сказано, чтобы дракон служил кому-то, тем более человеку, — зарычал в ответ здоровяк, — даже миф об Агарри-наезднике заканчивается тем, что дракон сжигает его, долетев до Луны.

— Не слышал, — тихо каркнул грифон, а затем добавил, распыляясь, — но я слышу зов. Я слышу, как Сердце зовёт меня и как всё отчаяннее становится его крик!

— Потому что ты неуч, Знарк, — зло усмехнулся Снорри, присаживаясь и разглядывая маленького дракона. — Нам нужно привести его мать сюда, а не наоборот. Чтобы она забрала его и растила, а когда придёт время исполнить долг, исполнила вместе с ним.

— Дурак, а ты ведь действительно веришь этим сказкам, — засмеялся, каркая, Знарк.

— Надо же во что-то верить, — здоровяк оглянулся на грифона. — Возьми их с собой, тупая птица, — кивнул он на Гудди и Рауда, — пусть доложат сначала Отцу. Он знает, что нужно сделать.

— Я сам решу, кому и что... — начал было грифон.

— Ясно с тобой всё, тупой клюв, — отрезал Снорри, подошёл, взял Рауда на руки и положил на спину к Знарку, отчего грифона передёрнуло.

— Потерпи, — хмыкнул здоровяк, — гордый птенец, ахатача рхвата.

Затем он посадил на спину грифона Гудди, показал ему, где держаться, чтобы не упасть.

— Давай, мчи.

С этими словами Снорри хлопнул грифона по ляжке, тот дёрнулся и неохотно взмахнул крыльями, подняв в воздух пыль и разбросав кости. Дракончик закричал от страха и кашлянул огнём.

— Ты слишком часто ходишь на своё поле и забыл, кому служишь. И скоро забудешь всё, включая собственное имя, — каркнул Знарк и, бросив последний гневный взгляд на здоровяка, стал подниматься в небо.

Снорри сел рядом с детёнышем и погладил его между глаз по линии носа, где по всей поверхности уже намечались острые шипы.

— С днём рождения.

Глава 19

Ручи открыл глаза. Что-то дёргалось перед его взором, словно две маленькие птички скакали на подоконнике. Спустя немного времени он смог различить, что на него смотрят внимательные бегающие зрачки на сухом морщинистом лице.

— Воды, — с трудом вымолвил он и снова погрузился во тьму.

Послышались шаги, звук открывающегося крана, затем кто-то, похоже, помыл руки и наполнил жестяную кружку. Шарканье старческих ног. Ручи вновь открыл глаза. К его губам тянулась кружка, а вода уже капала на подбородок. Он приоткрыл губы, и на зубы полилась холодная влага. Он открыл рот, и влага заструилась по языку, в горло, а дальше вниз, в пищевод, желудок, кишки. Он чувствовал, как холод разливается по всему телу, пробуждая и оживляя органы один за другим. Он жадно пил воду, пока кружка не отдалась и он, потянувшись вслед за ней, не поднялся со своего ложа.

Оглядывая бедно убранную комнату, он не нашёл в ней ничего удивительного, кроме того, что она напоминала ему подвал, где он вырос. Воспоминания в его неокрепшем сознании смешались с реальностью. Перед взором поплыли покрытые пылью предметы быта, висевшие на стенах, проржавевший трицикл, украденный им у соседей на какой-то свалке, жестяной таз с дыркой, картина, на которой двое тащат мешок с картошкой. Картошка. Вот бы сейчас жареной, с салом и луком. Ручи покрутил головой и заметил, старуху, мывшую руки в раковине.

— Чай, жрать хочешь? — прокряхтела она, вытирая руки, — я грустную картошку жарить собралась.

Ручи удивлённо посмотрел на неё.

— Нет, не удивляйся, — махнула рукой старуха, — здесь погреб, в нём хорошая земля.

— А я не... — начал было Ручи.

— Друг твой спит над тобой, — она показала тонким высохшим пальцем, с которого капала вода, на верхний ярус кровати, — он хоть и дурак, но жизнь тебе спас.

Она покачала головой и принялась вновь мыть руки.

— Ты чего всё руки моешь? — просипел Ручи, поднимаясь на локтях и охая от того, что опёрся на не до конца зажившую руку.

— Так грязно же, — спокойно ответила старуха.

Ручи не обратил внимания на её ответ, снимая дощечки с больной руки. Рядом с кроватью открылась дверь, и в комнату вошла девочка.

— Проснулся, — улыбнулась она.

— Мита! — радостно прохрипел Ручи и попытался встать с кровати.

— Лежи, лежи, — произнесла девочка, торопливо подошла к стражнику и, положив руки на его плечи, уложила его обратно, — всё уже хорошо, всё хорошо.

Стражник посмотрел на старуху, как ни в чём не бывало вновь мывшую руки.

— Это бабушка Этут, — представила старуху девочка, заметив взгляд стражника, — она бережёт мир, я рассказывала тебе.

Ручи посмотрел на старуху с удивлением.

— Очень приятно, — произнёс он и легонько кивнул.

— И мне, — улыбнулась Этут, — внучка много говорила о тебе. На тебе печать.

Стражник опустил взгляд на грудь и снова кивнул.

— Какая ещё печать? — раздался сверху тревожный голос толстяка.

— О, вот и дурак проснулся, — проворчала старуха, вновь открывая кран.

Ручи хохотнул.

— А они тебя сразу раскусили, правда? — прохрипел он.

Голова толстяка свесилась вниз.

— Ты живой! О луночки! Как я рад! — залепетал он и неожиданно грохнулся вниз, чуть не придавив собой Миту.

Ручи рассмеялся. Толстяк присел, схватившись за спину. Его глаза были мокрыми от слёз.

— Я жизнью своей рисковал, я чуть не погиб, я человека убил, а ты... — закричал он, и слёзы ручьем брызнули во все стороны, когда он закрыл ладонями лицо.

— Ты чуть девочку не зашиб, — не унимался от смеха Ручи, — спасибо, спасибо дружище, если бы не ты...

— Не надо его благодарить, — строго сказала старуха с полотенцем в руках, подойдя близко и дав затрещину толстяку, — он сам разбил синее лезвие, так что весь его риск был по причине его же собственной глупости. А человек тот и сейчас не мертвее, чем был.

— Но я же притащил его к вам! — заныл Блоп.

— Если бы не ты, вам не нужно было бы приходить сюда, — строго произнесла девочка.

— Откуда ты знаешь? — спросил испуганный Блоп, — ты и правда ведьма?

— Он мне сказал, — кивнула Мита на Ручи, — и да, я ведьма.

Блоп отполз назад и ударился головой о стул.

— Ручи, нам надо бежать, я такое видел, это сплошное безумие! — лепетал он, смотря поочередно, то на друга, то на девочку, то на старуху. Она покачала головой и снова отправилась мыть руки.

— Успокойся, — с трудом произнёс длинный стражник, — всё хорошо. На побег у меня всё равно нет сил, надо поесть.

Девочка кивнула, прыгнула с кровати, подошла к старой полуразвалившейся тумбочке, достала из неё мешок грустной картошки и кивнула головой Блопу.

— Давай, помогай.

Когда обед был готов, все сели за стол. Даже Ручи поднялся с кровати и с трудом примостился на маленький неудобный стульчик. Девочка положила всем жареной грустной картошки с луком и налила воды.

— Хлеба у нас не бывает, — усмехнулась старуха, domывая руки и последней усаживаясь на своё место за большой круглый стол. Этут и Мита начали торопливо есть. Ручи попробовал картошку и оглянулся на свои вещи. Блоп, тоже успевший положить ложку себе в рот, открыл подсумок на своём поясе и выкладывал его содержимое на стол.

— Что, не нравится наша стряпня? — удивилась старуха. — Ну, это ничего, я понимаю, понимаю, — закивала она.

Ручи встал, подошёл к кровати, снял с пояса свой подсумок и тоже выложил на стол мятый помидор, немного хлеба и вяленое мясо.

— Ого, мясо, — покачала головой старуха и схватила один кусок.

Попробовав пожевать, она передала его внучке.

— Не для моих зубов, — хихикнула она и улыбнулась полупустым ртом.

Девочка же с удовольствием принялась жевать мясо, затем схватила влажный кусок хлеба, выложенный на стол Блопом.

— Ты не увлекайся мертвечиной, милая, — заботливо похлопала её по плечу старуха, — влияет на восприятие.

Но девочка, не обращая на её слова внимания, хватала одно угощение за другим.

— В детстве мама пела мне колыбельную про танцующего крокодила, что засыпал на ходу, потому что мало ел, — сказал Блоп, — он любил танцевать, а это забирало очень много сил, поэтому он заснул в танце, — он смутился, — это я так, просто вспомнил.

— Да, вы уж простите нас, — сказала старуха, тоже засмущавшись, — в наших условиях особо не выбираешь, что есть.

Стражники переглянулись, а затем понимающе закивали.

— Как вы вообще здесь выжили, — спросил Блоп, высыпая на стол остатки изюма из холщового мешочка.

— Да как все выживают, — горько усмехнулась старуха, — живешь, когда есть цель. Нет цели — нет жизни.

Все промолчали, ожидая продолжения.

— Понимаешь, моя мать, тетя Амелия, и соседи наши, мы, как бы это сказать... Мы были чем-то вроде тайного общества, — сказала Этут, — очень древнего. И мне бы не хотелось подводить к этому, но похоже, что иного пути нет. Похоже, что из-за нас всё это и случилось.

Она скривила рот и обвела комнату руками.

— Туман? — переспросил Блоп, дожёвывая хлеб.

— И туман тоже, — вздохнула Этут, — знаете, такое древнее правило: сила действия равна силе противодействия. Мы были этой силой, и получили своё противодействие.

Она встала подошла к раковине, но остановилась и повернулась к внимательно следившим за ней Ручи и Блопом. Задумавшись ненадолго, она наконец решилась и прошла в маленькую комнату.

— Их всех погубила самоуверенность, гордыня, как и любое хорошее начинание, — произнесла она, заходя внутрь.

Из комнаты раздалась чарующие звуки арфы, рекой заполнившие помещение. Стражники и не заметили, как оказались окружены бесконечным покоем, любовью и единением, допускающим в себя всех живых существ. Дыхание их слилось с дыханием вечности, и они стали забывать, кто они, а жизнь их, как туманное облако, стала отдаляться и таять в ослепительной темноте. Из вибрации, создаваемой музыкой, возникли колонны, рядами уходящие далеко ввышину. И Блоп с Ручи оказались стоящими на клетчатом полу по щиколотку в воде. Чуть поодаль, за одной из колонн, начинался низенький деревянный причал, где горел холодным огнём фонарь. У причала стояла лодка, а старуха складывала в неё кое-какие пожитки. Музыка стихла.

Старуха повернулась к стражникам и помахала рукой. Блоп оглянулся на Ручи, которого, казалось, намертво сковал страх. Он весь сжался и присел. Из-за колонны вышла девочка, подошла к стражнику и взяла его за руку.

— Не бойся, я здесь. Пойдём, надо проводить бабушку, — сказала она.

Ручи опомнился, приободрился и встал, крепко держа за руку Миту. Блоп вертел головой, совершенно ничего не понимая. Девочка кивнула ему, и он, шлёпая по воде, пошёл к причалу.

— Я позвала вас, чтобы проститься, — произнесла Этут, когда они подошли ближе, — моё время пришло, и ждать больше нечего, а жить незачем, — улыбнулась она.

Она положила последний мешок в лодку и сама взошла в неё.

— Теперь на тебе, — она посмотрела на Ручи, — лежит печать, береги её.

Ручи кивнул.

— Что происходит? — растерянно спросил Блоп.

— Я ухожу, — ответила старуха, — и теперь его, то есть ваша цель — хранить Миту. Быть её глазами и мускулами. Она последняя из Ведьм Времени.

Лодка начала медленно отплывать от причала.

— Традиция эта тянется задолго до рождения этого мира и продолжится после его смерти. Арфа должна играть, чтобы спал Извечный. Его сон — залог нашей жизни. Он груб, и глуп, и далёк от наших забот. Потому и играет арфа, чтобы сон его был спокоен и сладок.

Лодка начала разворачиваться и ускорять своё движение. Все молча стояли и смотрели, как Этут присела, а затем легла в лодку. Какое-то время её ещё было видно в свете фонаря, но затем она исчезла в ослепляющей темноте.

Стражники обнаружили себя в комнате за столом. Блоп почувствовал во рту недожёванный кусок хлеба, а Ручи обнял себя за плечи и откинулся назад, на спинку своего

неудобного маленького стула. Девочка так и сидела перед ними, крутя в руках кусок вяленого мяса. Затем она положила его, встала и, открыв кран, помыла руки.

— Вам надо попасть в ратушу, — сказала она, садясь обратно за стол, — я проведу вас.

— Она что, умерла?

Блоп встал и направился в соседнюю комнату, а вернулся удивлённый и притихший.

— Её там нет, — растерянно произнёс он, садясь обратно за стол, — а где Зог?

— Зог? — переспросила девочка, — если ты про пса первой помощи, то он караулит дверь.

— Пёс первой помощи? — спросил Ручи.

— Твой друг подружился с ним на складе, когда добывал синее лезвие. До «инцидента» их использовали для первой помощи на улицах, а потом мистики приспособили несчастных для своих нужд, — сухо ответила девочка.

Блоп пошёл к двери, поднялся по лестнице и открыл её. Действительно, за дверью сидел ржавый металлический пёс, он тут же повернул голову и выпустил две струйки пара из ушей, приветствуя толстяка. Блоп опустился на колени и обнял оживлённого.

— Как мило, — хохотнул Ручи.

— Вам надо вывести меня отсюда, — сказала девочка, — мне нужно поймать кое-что там, на большой земле, — она махнула рукой в неопределённом направлении.

— Хорошо, — кивнул Ручи, — но ты права, сначала нам надо в ратушу, раз ты говоришь, что искать больше нигде.

— Да, только туда прилетали живые, — кивнула девочка.

В дверь, держа в руках пса, вошёл Блоп.

— Так. Вы уж простите дурака, но меня мучает вопрос, когда вы успели так близко сойтись? — с ноткой обиды спросил Блоп, ставя пса у коробки с инструментами.

— Она была со мной в эхе мира всё время, пока я был в отключке, — ответил Ручи.

Блоп, рывшийся, звеня отвёртками, гайками и винтами, в коробке, остановился и посмотрел на друга.

— Там, в этом колонном зале, луны его заberi, — прокашлявшись, продолжил высокий. — Один. Ходил, кричал, звал, но никого. А затем вдруг она. Успокоила меня, — он тепло посмотрел на девочку, — рассказала. Про туман, про эти зверства, и про них рассказала, про ведьм этих спящих.

— Я безмерно счастлив за вас, — огрызнулся Блоп, — но вам ни разу не приходило в голову, что я тоже хочу знать, что происходит. Я жизнью рис...

Он осёкся, покачал головой и ещё упорнее начал рыться в инструментах.

— Ты хаос, — тихо сказала девочка, — лучше тебе ничего не знать.

К этому времени Блоп выудил из ящика наждачную бумагу и натирал ею корпус собаки.

— На нём печать какая-то, я хаос. Это всё звучит, как шитая белыми нитками чушь, — сказал он, всё больше раздражаясь, — мы попали сюда, да, из-за меня, из-за меня потерялись, из-за меня мы встретились и из-за меня он снова жив, и бабка твоя мертва, уплыла на лодке в соседнюю комнату и не вернулась. Что в этом проклятом лунами и забытом Сердцем мире не из-за меня?

— Ничего, — тихо ответила девочка, — есть две главенствующих силы: свет, тьма, или на древний манер: созидание и разрушение. И есть третья сила, что уравнивает их обе, — это хаос. На них покоится вселенная. Живым дано иметь влияние лишь на две из них, а хаос находится вне их разума и контроля. При этом именно он приводит в движение первые две силы, иначе бы они покоились в равновесии, на чаше смерти. Извечный — разрушает. Мы часть той силы, что созидает, — она взглянула на Ручи, — сохраняет мир. Так учила меня бабушка. А ты, — она посмотрела на Блопа, — ты часть того, что неизбежно вносит в наши планы непредсказуемость. Я бы могла прогнать тебя, но избавиться — нет. Ты бы вернулся, так или иначе, в этой или другой форме. Ты неизбежен, поэтому мне так горько, что мы встретили тебя. Я не сразу поняла, кто ты. Увы, я ещё молода, а бабуля была слишком стара, мы проглядели. Теперь можно лишь действовать по ситуации, когда ты уже нашёл нас. Чёткого плана больше нет.

Из крана в жестяную раковину капля за каплей стекала вода. Блоп сидел на полу, уставившись на укатившиеся к маленькой двери шайбы. Он давно перестал чистить собаку, и та улеглась рядом с ним, попыхивая паром из ушей.

— Лучше бы я всего этого не знал, — произнёс он грустным и отяжелевшим голосом.

— Да, — кивнула девочка, — каких-то вещей лучше не знать. И именно поэтому я не могу рассказать тебе, что мы, — она вновь посмотрела на высокого стражника, — собираемся делать. Одно хорошо, — она улыбнулась, — ты непредсказуем не только для нас, но и для... них, как мы уже успели выяснить.

Блоп поднял на неё глаза и усмехнулся.

— А теперь простите, мне надо играть, — сказала Мита, слезая со стула, — вы непременно уснёте, как только услышите арфу, так что лучше ложитесь в кровати.

Всё, что он представлял из себя в этот момент, было бессилием. Мышцы, чувства, эмоции, застрявшие где-то в середине грудной клетки, — всё тянуло вниз. Глаза спешили закрыться, мозг хотел выпасть из головы, голос готов был извергнуть последние звуки, чтобы уже наконец навсегда замолчать. Ему была тяжела любая мелочь. Стоило остаться одному — и это состояние накатывалось на него, как пустынный на свою добычу. Поэтому он уже давно не был один.

В каморке у родителей всегда было много посетителей. Мать обшивала половину военного театра, а отец, страдавший от распространённой на нижнем ярусе «бумажной кожи», принял «обет неприкосновения», поэтому им всегда требовалась помощь, принести или переложить что-то, и Аллади всегда был при деле.

Вот и сейчас его послали на рынок за младшим братом, Эфом, связавшимся с дурной компанией, промышлявшей иллюзиями. Соседи жаловались на вооружённых бандитов из «топи», которые стали грабить в переулках поближе к Большому рынку, и Эфа видели вместе с ними. Но мать знала, что за способности были у Эфа, и понимала, что никаких бандитов и «топи» не существует.

Эл старался не идти безлюдными переулками, он держался центральной улицы рынка, стараясь через головы людей разглядеть, что происходит между домов. Но это было совершенно невозможно. И он вынужден был углубиться в тёмные аллеи за рынком. По мере того, как шум толпы стихал, Аллади стал чувствовать приближение приступа. Он схватился за грудь и присел. Но тут впереди он заметил женщину, отступавшую спиной в его сторону. Перед ней никого не было, но женщина отступала.

Эл окрикнул её. Та обернулась и бросилась в его сторону. Аллади пытался остановить женщину, но она сбила его с ног и исчезла в рыночной толпе. Он встал, отряхнулся и увидел нескольких детей разного возраста, высыпавших в переулок. Среди них был его брат.

— Эй, стой, а ну-ка иди сюда! — крикнул ему Аллади, делая шаг в их сторону.

— Он не видит, — крикнул Эф и бросился с друзьями наутёк.

Эл бросился за ними, но в конце переулка замешкался, долго решая, куда ему бежать: оба пути вели в ещё более тёмные проходы между домами и выглядели очень пугающими.

— Эф! — наконец крикнул Аллади. — Эф, выходи! Ты же знаешь, как я не люблю пустые улицы.

Никто не ответил. Только здания как будто сдвинулись ближе друг к другу, прислушиваясь к его крику.

— Эф! — вновь крикнул он срывающимся голосом.

Над его головой раздался грохот, и сверху посыпался песок и осколки камня. Аллади бросился в один из переулков, прикрывая голову руками. Стало совсем темно, и на Эла вновь навалилось бессилие. Мышцы ослабли до того, что он упал на мостовую и заплакал. Темнота сгущалась вокруг него, а сил кричать от страха уже не было. Его просто трясло. Трясло до того, что сознание сжалось в точку, пытаясь скрыться от действительности. Время застыло.

Открыв глаза, Эл обнаружил себя на мешках со старыми вещами, от них пахло рыбой. За окном в чёрной воде канала играл свет лун. Было так тихо, словно никаких живых людей никогда не ступало по этой земле. Ужасно болела голова. Аллади понял это, стоило ему подняться и присесть. Он обхватил её руками и попытался вспомнить, как он здесь оказался. Но в памяти зияла чернейшая из всех чёрных дыр. Он отнял руку от головы и посмотрел на неё. Пальцы немного подрагивали на весу, и он положил ладонь на колено и стал с усилием тереть, пытаясь одновременно унять дрожь и боль в суставах. За окном прошелестели посыльные. На втором этаже кто-то, казалось, ругался на незнакомом ему языке.

Пошатываясь, он наконец поднялся, сделал несколько шагов и опустился на скамью. Бессилие никуда не делось. Оно кружило рядом, стоило обратить на него внимание. Эл уронил голову на столешницу. Перед ним оказалась кружка, и он с усилием приподнялся и жадно отхлебнул из неё. Вода была невкусной и горчила. В голове немного прояснилось. Он оглядел зал, встал и, шатаясь, двинулся к выходу. Дверь была заперта. По всему выходило, что замок был снаружи. Эл вздохнул и пошёл к окнам. Одно из них открывалось как раз достаточно,

чтобы он вылез. Высунувшись по пояс, он не удержался и грохнулся о мостовую, громко ударив ногой створку. Послышался звон стекла. На втором этаже снова громко выругались, но никакого шума не поднялось. Аллади встал, хватаясь на ноющую спину, отряхнул с себя осколки и пошёл прочь.

Двинулся он напрямик, через канал. Дорогу эту он не помнил, но на ней было светло от лун и как-то спокойнее. Даже сейчас, глубокой ночью, на его пути встречались весёлые парочки, потерявшие счёт времени. В районе большой сточной трубы, откуда в этот час хлестал водопад, срывающийся вниз в канал, Эл остановился. Голову мутило, и он приник к воде, чтобы умыться. Тяжело дыша, Аллади разглядывал свое искажённое отражение. Из-за спины показалась какая-то фигура.

Он дёрнулся всем телом, чуть не свалившись в воду, и обернулся. Никакой фигуры не было. Лишь тёмные окна и двери, выходившие на набережную канала, смотрели на него с присущей им дряхлостью и скорбью.

— Кто здесь? — крикнул дрожащим голосом Эл.

— Эй приятель, с тобой всё в порядке? — раздался в ответ чей-то голос справа.

Эл обернулся. На противоположной стороне канала, рядом с водопадом, стоял рыбак. Он вытаскивал из водопада большую сеть, которую держал двумя руками на больших крепких жердях, чьи основания упирал в мостовую ногами. В сети что-то болталось, и рыбак медленно отступал назад, оттягивая жерди и спуская сеть к себе.

— Тяжёлая ночь? — усмехнулся он, выуживая из сетей нечто похожее на сапог.

Аллади уставился на него с удивлением.

— Да... — сипло проговорил он, набравшись сил — ты не видел моего брата?

— Тут много кто ходит, — кивнул рыбак, вновь поднимая сеть в водопад, — я тоже, когда устаю, так надираюсь, что жены своей не помню. А её трудно забыть, поверь, как бы того ни хотелось.

Эл улыбнулся дёргающимся краем рта, хотя ему совсем не было смешно.

— Раньше как было, сидишь здесь один, в куче мусора, никто тебя не видит, не замечает, а теперь... — рыбак сплюнул, — теперь здесь каждый второй ошивается, вот и приходится по ночам да под трубами, иначе улова никакого.

Аллади привстал и, поскользнувшись, чуть не грохнулся в воду.

— Осторожнее, — засмеялся рыбак, — а то мне тебя придётся вылавливать, а сеть у меня одна. Эл наконец поднялся, помахал собеседнику рукой и пошёл дальше, вдоль канала.

— Счастливого пути! — послышался ему в спину, крик рыбака.

— И тебе в штаны красной луны, — пробормотал себе под нос Эл.

В голову волной накатило бессилие, и он, скрючившись, упал на колени. Послышались шаги, и через пару досок, перекинутых через канал, к нему подбежал рыбак.

— Эй, ты как, в порядке? — проговорил он прямо над ухом у Эла.

Аллади почувствовал, что в груди его бьётся пламенем ярость, она готова сожрать его, если он не даст ей выхода. Он обернулся к рыбаку и ударил его правой рукой, вложив в удар все свои силы. Рыбак упал на мостовую, ударившись головой о бордюр.

— За что? — прохрипел он.

Эл поднялся, подошёл и пнул лежачего ногой в живот.

— За брата, — сказал он, развернулся и двинулся дальше.

Он подошёл к театру, когда, еле-еле тронув горизонт дымкой зарева, забрезжил рассвет. Аллади поднял голову и посмотрел на Громкий Мост, громадой нависавший прямо над кварталом. Ему страшно захотелось подняться туда, на верхний ярус. Он поспешил внутрь театра и полез под сцену. Там под большим куском брезента хранились «Молнии» — два старых агрегата, времён Третьего Ренессанса, но ещё быстрые и очень надёжные. Он отодвинул люк на сцене, а затем забрался на крышу и открыл в ней двустворчатое окно. В спешке Эл чуть не упал вниз, но ухватился за верёвку, спускавшуюся до самой сцены, и удачно соскользнул прямо в одну из молний. Усевшись за руль, он включил двигатель. Оставалось очень мало топлива. Бак не был переоборудован под дым и работал на сердечных осколках. Аллади высыпал из стоявшей рядом банки алую пыль в толстую трубку под рулем, закрыл крышку и нажал на газ. Молния плавно двинулась вверх, поднимая Эла над сценой, а затем выше — к крыше, на воздух.

Он смотрел, как остается внизу Сердечная площадь, ошетилившаяся по периметру остроконечными крышами, тёмные развалины Старого квартала. Как поднимаются высоко-высоко опоры моста и здания среднего яруса — снизу обычно казалось, что они подпирали небо. Эл бросил «Молнию» вверх и резко затормозил, оказавшись на уровне Громкого моста — одного из тех, что соединяли замки и древние лифтовые шахты. Мост этот вёл к замку Леватургоста, помпезному, вычурному и безвкусному, на взгляд Аллади, громадой возвышавшемуся на пути солнц. Эл приземлился ровно посередине. Слез с «Молнии» и оглядел простор, открывшийся его взгляду. Краски только-только собирались на крышах и фасадах домов, накапливая свою силу, чтобы совсем скоро сверкнуть и ослепить нечаянного зрителя. Ветер дул сильными и резкими порывами, но это нравилось Элу, его голова светлела от этого ветра. По небу спешили редкие утренние облака. Ни с одной ни с другой стороны не было видно патрулей. Он вспомнил, как впервые поднялся сюда и ждал сигнала со своим напарником из «Свободного города». Его готовили в сменщики к дежурному по их району, учили различать направление верхних ветров и запускать сигналы так, чтобы было видно с каждой обзорной точки. Он вспомнил радостное лицо девушки, с которой он поднялся сюда, чтобы полюбоваться закатом, вспомнил, как светились её глаза. Как потом, на собрании, его повысили до дозорного, когда он вовремя дал знак «экспедиции» и спас их. Он вспомнил лица товарищей. И лицо брата.

— Простите! — закричал он. — Простите меня!

Стая птиц над его головой, услышав его, немного сменила направление.

— Я прошу, — кричал он, — возьми всё, что хочешь! Прости меня! Я не хотел! Пожалуйста!

Он упал на колени и стал бить кулаками о каменную плитку с изображением улыбавшихся лисиц и зайцев с герба дома Леватургоста. Он поднял заплаканные глаза к небу, вытер их и, встав, неуверенной походкой подошёл к краю моста. Слезы капали вниз, прямо в бездну, туда, где находился когда-то Старый квартал.

Вдалеке мелькнула вспышка. Аллади не поверил своим глазам. Он протёр их рубашкой, посмотрел вновь, но сигнальная ракета никуда не делась. Да, прямо над Кварталом Туманов виднелся её след. Кто-то звал на помощь вне сигнального расписания. И он эту помощь предоставит.

— Смотри, какой красивый след, — щурясь, произнесла Майло, — в форме сердца.

Она в меховой накидке и лёгкой ночной рубашке сидела, обхватив колени, на широкой кровати, медленно парившей над стеной дворца Узурпатора. На стене лежал дракон, он тоже заметил след от ракеты и медленно провожал его взглядом, скрипя шеей. Тэмен в полудрёме повернулся на другой бок, оказавшись на самом краю кровати. Майло испуганно вдохнула холодный воздух, но тут же увидела, как сверкнули в термополе бесшумно поднявшиеся блокирующие крылья, и вновь повернула голову к городу.

— Самое удивительное зрелище в моей жизни, — тихо произнесла она, — разве может быть ещё что-то прекраснее?

Тэмен повернулся к ней, открыв сонные глаза.

— Не спишь? — спросил он, приподнимаясь на локте.

— Не могу насладиться видом, — улыбнулась она ему и наклонилась, чтобы поцеловать в лоб.

— Ты — всё то, чего мне так не хватало, — произнёс Узурпатор, улыбаясь.

Девушка легла на кровать, лицом к нему и провела рукой по щеке правителя.

— Разве могла я тогда представить, что тот букет цветов решит так много в моей судьбе? — она замотала головой. — Нет, не могла. А собрала их сестра.

Девушка вдруг погрузилась.

— С ней что-то случилось? — заметив тень на её лице, спросил Тэмен.

— Скажи, — начала она серьёзным тоном, — у тебя были проблемы с братом?

Тэмен рассмеялся, упав на спину.

— Я сказала что-то смешное?

— О да, — не мог унять хохот Йомера, — мои проблемы с братом — это вся моя жизнь.

Девушка молча и вопросительно смотрела на Узурпатора.

— Ты хочешь это знать? — чуть успокоившись, уточнил он.

Она кивнула.

— Ну хорошо. Но после этого я должен буду тебя убить, если ты кому-то расскажешь, — подмигнул он, — договорились?

— Договорились, — вновь кивнула Майло.

— История моего брата неразрывно связана с историей матери, — начал он, провожая взглядом проплывавшие над ними облака. — В одну прекрасную ночь я проснулся от того, что в мои покои, которые находились вон в той башне, — он указал на восточную часть дворца, — вбежал посланник его Верховного Преосвященства и велел мне срочно собираться, потому что, по его словам, произошло нечто непоправимое и сейчас решается не только моя судьба, но и судьба города.

Темен перевернулся на живот и подложил небольшую подушку под подбородок.

— Я был ещё юношей, и не то чтобы быстро соображал. Но как можно быстрее оделся и вышел в коридор, где меня уже ждал Верховный и его свита. Пока мы шли по коридорам в центральные покои дворца, он поведал мне, что мать этой ночью вынула руну из меча отца, вставила её в ритуальный кинжал, неизвестно каким образом добытый в архивах Культа, и заколола мужа в его собственной постели. Я не сразу понял, что они говорят, у меня в голове не укладывалось, как она решилась на это. И как руна могла не защитить его. Но чем дальше мы шли, тем более ясным для меня становилось произошедшее. Всё встало на свои места. И её притворное тепло, что я ощущал каждый день. И эти взгляды неприкрытой ненависти, что я иногда ловил в её глазах и что так резали моё сердце. Всё сложилось в единую картину. Мы добрались до внутренних покоев, где жили отец и мать, когда авангард слуг Культа сломал ворота и ворвался в зал, ведущий к спальне. Там держал оборону брат с верными ему людьми.

Йомера сел на кровати, обхватив колени. Лёгкий и тёплый ветерок трепал его волосы, словно сдувая с них горечь воспоминаний.

— Сейчас, ты знаешь, сейчас я уже спокойно, насколько это возможно, отношусь к тому, что случилось. Раньше я ненавидел его, её, их всех. В первые годы мне особенно казалось, что они все бросили меня. Не сумели рассказать мне самых простых вещей о любви, заботе, дружбе. Сумели лишь показать, как катастрофически может сложиться твоя судьба, стоит тебе родиться где-то повыше, чем сточный канал.

Он посмотрел на Майло и улыбнулся:

— Не хотел тебя обидеть.

Она отрицательно покачала головой и улыбнулась.

— Мы все здесь, наверху, одиночки, семья для нас — источник проблем.

Узурпатор закрыл глаза.

— Его люди стали стрелять по культистам, ну и по мне заодно. Страж ордена отдал приказ на ответный огонь. В этот момент дверь из спальни отца открылась..., — он сглотнул. — Она упала назад, и я не сразу понял, что произошло. Брат бросился к ней. Я слышал его крик. Так кричит загнанный в угол зверь. Кто-то скомандовал атаку, и его люди бросились вперёд на наши позиции.

Йомера замолчал и опустил голову на руки. Майло под села к нему и обняла. Стало слышно, как внизу на стене скрипит лапами дракон, меняя позу.

— Нас оттеснили, — продолжил Тэмен, вздохнув, — меня нёс куда-то поток служителей, стараясь закрыть своими телами, чтобы пули и лезвия не коснулись моего тела, ставшего теперь для них столь ценным. Ценнее Сердца. В узком коридоре драка длилась довольно долго, пока не подросла рота мушкетеров. Почти всех людей брата убили двумя залпами. К моменту, когда мы вернулись в зал перед спальнями, брата уже не было. Кто-то из культистов крикнул, что за ними пришёл корабль. Я выбежал на балкон спальни матери и увидел, как уходит вдаль сверкающий галеон. Последний в своём классе. Никогда не видел, чтобы он летал. Как они подняли его в воздух, я не знаю. Видимо, сели где-то в пустыне. Поднятый по тревоге воздушный полк не догнал их. Они ушли за линию невозвращения. И это странно сейчас прозвучит, но я надеюсь, что он жив.

— Почему странно? — спросила девушка.

— Потому что другой на моём месте, более искушенный в вопросах политики, желал бы ему лишь голодной смерти.

— Ты о ком сейчас?

— Видимо, о себе.

Девушка улыбнулась.

— Уже хорошо, что ты это понимаешь.

— Надеюсь, — ответил Тэмен и повернулся к ней.

— Мне даровано самое большое счастье, о котором я бы мог просить Сердце и все Луны вместе взятые, — улыбнулся он, взяв руки Майло в свои, — с тобой я чувствую, что то, чего не хватало всю мою жизнь, теперь рядом. Ты и мой брат, и мать, и отец, и близкий друг, и нежное, трепетное чувство, наполняющее всё моё существо. Я люблю тебя.

Глава 20

У Альберта Септа в голове что-то не складывалось. Он сидел в своём кабинете, поставив кресло напротив закрытой двери на балкон, и кутался в плед. Горел камин, но восточные ветра, пришедшие так рано вместе с новыми лунами, пронизывали тело до кости и грустно завывали сквозь щели балконной двери. На его рабочем столе лежал раскрытый том на забытом языке. Рядом стояли кисти и краски, а посреди них незаконченная копия «Восстановления храма» его личной работы. Все косвенные признаки и чутьё начальника секретной службы указывали на то, что Верховный мастер Перлеглоз Трокийя стоит как минимум за взрывами в Старом квартале, а как максимум — за атакой на Университет. Но каковы могли быть мотивы этого человека с его положением и властью? И прежде, чем даже вызвать его на допрос, стоило иметь нечто большее, чем просто подозрения. Его дом был одним из тех, кто поддержал Саммариуса во время узурпации, и обладал неприкосновенностью перед Культом. В такие моменты Альберт мечтал, что судьба предоставит ему подарок, перевязанный красивым бантом. Ящик с разгадкой, который он примет с благодарностью и больше не посмеет ничего просить, а поверит в неё, судьбу, станет

верным её слугой и будет нести слово о том, как благосклонна она к простому смертному вроде него, Альберта Септа. За этими мыслями он задремал, схватившись правой рукой за свою извечную опору — кулон с сердечным осколком на шее, пробитый пулей Блопа и оттого ставший настоящим талисманом в глазах начальника отдела особых поручений.

Проснулся он от неуверенного стука в дверь.

— Да-да, — произнёс Сверло сонным голосом, одновременно пытаясь придать ему бодрости.

— Вы спали, Ваша светлость? Простите, — с опаской произнёс заглянувший студент Культа.

— Нет-нет, то есть да, не важно, что такое? — раздражённо и с ноткой досады спросил Септ, выглядывая из кресла.

— Там внизу к вам просятся двое стражников, — как бы извиняясь за такую несущественную информацию, произнёс молодой человек, — они утверждают, что вы отправляли их на какое-то задание.

Септ задумался.

— Ах да, было, — кивнул начальник отдела особых поручений, — пусть поднимаются.

— Они не одни, — уточнил молодой человек, — с ними арестованный.

— Тем более, пусть ведут сюда, — кивнул Сверло и уселся обратно в кресло, вернувшись к своим нехорошим мыслям.

— Не кажется ли тебе, Альберт, что ты ненароком раскопал что-то, чего тебе не стоило знать? — бормотал он себе под нос. — Но, с другой стороны, как же я могу отказать себе в том, чтобы довести до конца то, что я начал?

Он задумчиво посмотрел на пляшущую от ветра ручку балконной двери, сверкавшую в бликах обоих солнц. Его взгляд словно отдалился от привычной ему точки обзора, и он увидел в этой игре света искажающее многомерное пространство, вращающееся перед его взором. Оно напоминало геометрическую фигуру, вершиной которой была такая же фигура, вложенная внутрь исходной. Септ с удивлением смотрел, как привычные предметы, дома, стены, окна и книги лежат на гранях этой фигуры и вращаются вместе с ней, стоит только не фокусировать внимание на чём-то одном, а швы этой фигуры светятся всеми цветами радуги. Он помотал головой, но видение не ушло, и, если бы он захотел, он снова мог заметить, как светятся эти грани и вращается многомерная форма.

— Проклятый яд, — шепло проговорил он себе под нос и, резко вспомнив, что нужно дышать, сделал глубокий вдох.

В дверь опять постучали. В этот раз уверенней и громче. Альберт встал, оправил парадный камзол, надетый им, пока готовили новую робу.

— Входите, — произнёс он, спокойно глядя на входную дверь, покрытую белой кремовой краской. Дверь открылась, и на пороге появился тот же самый неуверенный студент-практикант, а за спиной его показалась процессия из двух стражников и человека с мешком на голове.

— О Сердце, как же ужасно от вас пахнет, — сказал Септ, делая шаг назад.

— Ваше сиятельство! — громко и радостно начал толстый стражник в тяжёлой кирасе. — Мы выполнили задание, Ваше сиятельство, — он многозначительно посмотрел на своего длинного коллегу без кирасы, но с ружьём. — Ручи, давай.

Высокий стражник, придерживая ружьё перемотанной бинтами рукой, снял с человека колпак и перед лицом Септа предстал измождённый молодой мужчина, который, если судить по отёкам и синякам под глазами, скорее походил на старика, но что-то всё же выдавало в нём юношу.

— И что же это значит? — ехидно переспросил Сверло.

— Мы... — начал было толстый, но длинный его тут же перебил.

— По заданию вашей светлости, мы добрались до ратуши в Квартале туманов, — выпалил он заготовленную фразу, — там были обнаружено сигнальное оборудование, — он сглотнул и продолжил: — Мы давали сигнал несколько раз в течение дня и ночи, и наконец, под утро, прибыл этот человек, которого мы поймали и доставили Вашей светлости.

Он тяжело выдохнул, закончив, и посмотрел на толстяка. Тот одобрительно кивнул.

Септ долго разглядывал арестованного, затем сделал несколько шагов к нему и посмотрел в его бегающие испуганные глаза.

— Благодарю за службу, — произнёс Септ сухо, — проводи их к казначею, — обратился он к студенту, — пусть отблагодарит.

Толстяк с удивлением смотрел на длинного и, видимо, хотел что-то сказать, но длинный покачал головой. Молодой культист указал на дверь, и они поспешно вышли, закрыв её за собой.

— Ну что... — протянул Септ, прохаживаясь вокруг связанного молодого человека, — кто же ты?

Арестованный молчал, только видно было, как дрожат его ноги.

— Давай попробуем ещё раз, — вкрадчиво повторил он, подходя и облачиваясь на свой письменный стол. — Я — Альберт. Ты слышал про меня?

Молодой человек отрицательно замотал головой.

— Печально. Но позволь всё же узнать твоё имя...

Септ взял со стола древний ритуальный нож ручной работы. Молодой человек зажмурился, затрясся пуще прежнего и крепко зажал рот, будто боялся сказать собеседнику хоть слово.

— Ох, как же тебя, а... — сочувственно проговорил Септ, крутя в руке рукоять ножа, — не бойся, он совершенно тупой, я им письма открываю, — произнёс он успокаивающе.

Молодой человек открыл один глаз, оценивая опасность.

— Поверь, если я захочу сделать тебе больно, я сделаю, — спокойно сказал Сверло, — и я искренне надеюсь, что до этого не дойдёт.

Молодой человек вновь закрыл глаз и опустил на колени, склонив голову.

— Вот только не надо этой патетики, — покачал головой Септ, — сейчас опишу тебе, во что ты вляпался, мой друг.

Он подошёл к арестованному и поднял его голову лезвием ножа.

— Я давно получаю информацию о ваших сигналах. Всё никак у меня руки не доходили. И я подозреваю, что вы недоброе что-то затеяли. Если вдруг... — он задумался, — если вдруг вы не есть тот самый «Свободный город».

Молодой человек вздрогнул.

— Ха-ха, да я угадал! — рассмеялся Септ. — Вот ты веришь в судьбу? Предзнаменования? Запросы к Сердцу?

Молодой человек не двигался.

— А я, похоже, готов поверить, — произнёс Сверло, присаживаясь рядом со связанным и наклоняя к нему лицо, — представляешь, часу не прошло, как я просил у судьбы подарка. И тут вот ты, стоишь передо мной весь такой беззащитный, нежный. Вот только ткни тебя, — он провёл кончиком лезвия по горлу и груди арестованного, — и ты вскроешься сам. Я это чувствую, — он улыбнулся, — я профессионал. Мне не надо работать с тобой, я просто знаю, где надавить.

И он нажал лезвием пониже груди, так что молодой человек вскрикнул и на его глазах выступили слёзы. Септ схватил его за волосы и прислонил его голову к своей.

— Я расскажу тебе, что с тобой будет, — зашипел он в ухо арестованному, — я отправлю тебя вниз, в подвалы, где у меня сидят самые мерзкие и подлые твари. Я их коллекционирую, чтобы вот таких, как ты — уродов, обезличивать. Чтобы у тебя не осталось никаких желаний, кроме самых простых, чтобы ты хотел одного: слушаться и жить. Но прежде чем это случится, знаешь, знаешь, что с тобой будет?

Тело молодого человека тряслось, как деревянный мост на параде. Из его рта рвались какие-то нечленораздельные звуки. Септ отдёргнул руку от его головы и арестованного стошнило прямо на край ковра с изображением еретических мистерий. Сверло поднялся.

— Ну что с тобой делать, — покачал он головой, — хорошо, казиматы — так казиматы.

Он подошёл к столу и позвонил в колокольчик. Появился неуверенный студент. Увидел лужу на полу и тут же исчез.

— Нет, нет, — пробормотал сквозь слезы связанный, — пожалуйста, не мучайте меня, я всё расскажу.

— Неужели? — удивился Септ. — Быстро ты. А я думал у вас там всё же делают парней покрепче.

Явился студент, вытер лужу под арестованным и по взгляду служителя понял, что этого достаточно и нужно удалиться.

— Я не могу держать это в себе, — произнёс связанный, заливаясь слезами, — я просто не могу больше это в себе носить.

— Это заметно, — кивнул начальник отдела особых поручений, — не держи, расскажи дядюшке Альберту.

— Я их убил, — молодой человек упал лицом на ковер и взорвался рыданиями. — Я...

Септ замер.

— Баржи, — рыдал связанный, — это я... простите, простите меня... пожалуйста. Я не хотел... Я не знал, что так будет... Простите меня... Простите меня...

Он стал биться головой об пол.

— Ну, ну, ещё убьёшь себя, — воскликнул Септ, бросившись к арестованному, присел рядом и поймал его голову. Схватив с кресла одну из подушек, он подложил её юноше под лоб.

— Я. Ы-ы-ы-ы... страшно мне... как страшно... я вижу, вижу их лица, добрый господин.

— О нет, я не добрый господин, — покачал головой Сверло, — ну а ты, похоже, не добрый малый. Но ты знаешь, ты можешь им стать.

— Правда? — вскинул голову молодой человек, и глаза его наполнились слезами.

— Правда, — кивнул Септ вставая. — Давай-ка ты мне сейчас всё расскажешь, а я запишу. Те ребята, что честно во всём сознаются, они всегда хорошие.

Молодой человек закивал.

— Всё-всё расскажу, как было, как на духу, честно, — лепетал он, глотая слезы.

Септ сгрёб в угол стола свои рисунки и взял пачку свежих листов бумаги из ящика.

— Начнём, — произнёс он, взяв автоматическое перо, — как тебя зовут?

— Аллади Нидал.

— Сколько полных лет?

— Двадцать два.

— Род занятий?

— Ассистент в химическом театре Сафрона.

— И? — вкрадчиво спросил Септ.

— И участник «Свободного Города», — опустил голову Эл.

— Так, — записал Септ, — как ты туда попал?

— Куда? — удивился юноша.

— В город свой свободный, — поднял брови Сверло.

— Я помогал моему нанимателю в театре, господину Этелю, продавать химикаты на рынке. После представления ко мне подошёл человек и сказал, что давно искал такого, как я.

— Какие-то особенные качества ты проявлял в этот день? Что привлекло этого человека?

— Не знаю, нет, — пожал плечами арестованный, выпрямляясь и вставая с колен, — видимо просто почувствовал что-то во мне.

— Почувствовал, — усмехнулся Септ. — Хорошо, дальше.

— Мне сказали, что за мной давно наблюдали. А я, так вышло, помогал одним ребятам, расклеивавшим листовки. Читать я не умел совсем. Не знал, что написано. Но ребят тех поймали. А меня нет.

— Сейчас-то научился?

— Да, но в основном всякие химические термины... — грустно ответил молодой человек, — книги всё ещё тяжело даются.

— Хорошо, продолжай, — кивнул Альберт.

— Я помогал по всяким мелким поручениям, передавал указания, следил за сигналами.

— А кого ты знал в организации? Кто были эти люди? Сколько? Как их найти?

— Их бывало от двадцати до тридцати человек на собраниях. В разное время по-разному. Близко я знал только двоих. Моего напарника и нашего руководителя ячейки, тучного господина Жозе Василя, бывшего для нас идейным вдохновителем.

— Тучный, — усмехнулся Септ. — Революционные деньги сыто кормят?

— Да, — кивнул Аллади, — я сам не верил сначала, но снабжение было поставлено на широкую ногу. Мы не испытывали проблем с деньгами. Любые материалы всегда были. Большинство там были со среднего яруса.

Септ отложил перо и посмотрел на молодого человека.

— Откуда они вообще взялись?

— Я никогда не задавался этим вопросом, — ответил Эл и шмыгнул носом, — я просто хотел быть нужным и сделать что-то стоящее для города, для Сердца. Я хотел освободить его.

— От кого? — удивился Септ.

— От нас. От людей, — растерянно ответил Аллади, — мы же сосём из него последние соки. Мы раскололи его на части, а теперь качаем из его последнего дыхания чёрный дым. Оно нас создало, а мы убиваем его.

— Возможно, — кивнул Септ, — но ты знаешь, что ты не первый, кто так думает?

Эл удивлённо взглянул на служителя.

— Оглянись, — Сверло обвёл рукой свой кабинет, и в глазах молодого человека засверкали диковинные статуи, золотые рамы картин с барельефами и множество предметов и вещей древности. — Все эти произведения — дело рук таких же, как ты. Людей, считавших, что курс правящих кругов порочен и вреден для Сердца. Они тратили свою жизнь, посвящали этому своё искусство. А кто-то брал в руки меч и решал дело силой. Не у всех, конечно, получалось. Но вот незадача. Те, у кого получалось, на руинах и пепле возводили тот же самый город, и точно так же качали из Сердца последние капли жизни, стремясь насытить себя.

Эл в полном замешательстве смотрел на Септа.

— Я этого не знал, — произнёс молодой человек.

— Так что нам, по-твоему, нужно? Очередная война? Чтобы тот, кто займёт трон, вместо того, чтобы что-то поменять, вновь примется насыщать свою жажду власти?

— Не знаю, — грустно ответил арестованный.

— Ладно. Продолжим, — рассерженно сказал Септ, вновь берясь за перо. — Что ещё ты знал об этих людях?

— У господина Василя был подвижник, слепой человек, напоминавший змею и картофелину одновременно, они оба занимались просвещением и личными беседами. Но его имени я не знал, как и имён остальных участников, и даже их кличек. Каждый общался только внутри своей ячейки, знал лишь о своих заданиях и получал их через своего связного. Моим связным и напарником был Брат Ветчина.

— Брат Ветчина? — переспросил Септ, криво усмехнувшись.

— Брат Ветчина мне сказал, что наш общий связной выше по цепи — господин Василь.

— Так и сказал?

— Да.

— Ясно. Какой род деятельности вела организация и чем занимался непосредственно ты?

— До того, как меня повисили до «дозорного», я был мальчиком на побегушках, дела не заходили дальше листовок и расписания патрулей.

— И много ли вас таких было?

— Не знаю, наверное, много, потому что мы знали все расписания по городу, — пожал плечами Эл, — можно мне попить?

Септ исподлобья взглянул на него. Молодой человек почти пришёл в себя и дышал теперь ровно. Сверло позвонил в колокольчик и дал знак заглянувшему студенту принести еды и воды для арестованного.

— Продолжай.

— В один из тренировочных дней я заметил отклонение в воздушном патруле над дворцом и успел сигнальной ракетой предупредить своих. Помните тот случай с изображением на стене дворца «Есть ли сердце у Узурпатора»?

— Да, помню, — усмехнулся Септ, — мне понравилось.

В двери появилась голова студента с подносом. Служитель кивнул ему, и молодой человек поставил перед связанным маленький столик, а на него поднос с хлебом и водой. Завершив все приготовления, он вопросительно посмотрел на Септа. Альфред кивнул, и студент освободил арестованного от кандалов.

— Стул принеси ему, — попросил Сверло, подумав.

Студент исчез в двери, откуда тут же вернулся с одним из тронутых временем стульев из коридора. Аллади с благодарностью взглянул на служителя и жадно принялся за еду и воду. Студент же с немым вопросом остался стоять в дверях, держа кандалы. Септ сделал ему знак удалиться и, отложив ручку, устался на бушующий за окном ветер, гонявший потоки сердечной пыли и трепавший флаги и снасти его бригантины.

В голове начальника отдела особых поручений бурлили мысли, не готовые ещё сформироваться во что-то объективное, чтобы оценить представшего перед ним человека. Он не испытывал к нему ни отвращения, ни жалости, он привык видеть настоящих упырей, насильников, убийц и кровожадных тиранов среди всех слоёв общества. Но в этом парне не было этих черт. Он больше был похож на жертву, козла отпущения, подставную фигуру, в партии, игроков которой он, Септ, не мог себе пока представить. И это волновало его всё сильнее, с каждым произнесённым словом арестованного.

— Спасибо, — проговорил Аллади с набитым ртом, выливая остатки воды из кувшина.

— Не за что, — пожал плечами Сверло.

— С тех пор я стал «дозорным» — человеком, реагирующим на специальные вызовы, спасающим попавших в передрагу агентов. Была даже церемония, где меня поздравлял сам месье Василь. Мне выписали две «Молнии», очень древние летающие аппараты. Тот огромный человек говорил, что они способны пересечь пустыню.

Септ перестал записывать и внимательно посмотрел на молодого человека. Эл проглотил остатки пищи и вытер лицо ажурным платком, прикрывавшим хлеб.

— Как найти твоих друзей? — вновь принявшись за письмо, спросил начальник секретной службы.

— Не знаю, там, где они были, их больше нет, — покачал головой Аллади, — дайте мне закончить, вы всё поймёте.

Альберт кивнул.

— Недели две назад ко мне подошёл Брат Ветчина и предложил поучаствовать в одном деле. Именно что предложил. Я, по его словам, мог отказаться. Но соглашаться или не соглашаться надо было без подробностей. Я согласился.

Эл посмотрел в окно.

— Один человек хотел, чтобы мы провели саботаж на строительных баржах в Старом квартале. Задача была — спалить весь цемент. Ко мне обратились, потому что знали, что я работаю у Сафрона и смыслю в этом деле.

Он снова заплакал и опустил голову.

— Простите, — пробормотал он, утирая слёзы.

— Ничего-ничего, — произнёс Септ, внимательно смотря на молодого человека.

— Я встретился с ним... — начал Аллади, но поймал взгляд служителя. — Как он выглядел? Почтенного возраста. Взъерошенная длинная борода до колен. Умные глаза. Вёл себя, правда, странновато. По-женски. Но я и не такое видел на среднем ярусе. Я не думал. Не мог представить, что он... — произнёс Аллади, закрывая ладонями лицо.

— Опиши его подробнее, — настойчиво сказал Септ.

— Кожаный цилиндр, седая голова, длинный, как фонарный столб, какое-то старое тёмное пальто.

— Он представлялся тебе?

— Нет, но он почему-то знал, как меня зовут. Видимо кто-то из наших назвал ему меня моим настоящим именем. Глупость.

— Точно, — кивнул Септ и стал рыться в столе. — Скажи, это он? — спросил Сверло, достав из ящика газетную вырезку с фотографией Верховного мастера Перлеглоза.

— Да, это он, — кивнул Аллади. — Он передал мне формулу, которую мне нужно было повторить, — продолжил арестованный, всхлиывая, — я предлагал ему свою, но он настаивал на этой. Говорил, будет эффектно и безопасно.

Эл топнул ногой.

— Ну-ну, — успокоил его Септ, — мы с ним разберёмся, ты лучше рассказывай.

— Ну я и сделал всё, как он сказал. Подготовил несколько килограмм этой смеси. Получил от него бумаги... — он снова зарыдал, — совершенно открыто пронёс туда бочки с веществом, и в ту самую ночь...

Он уже не мог справиться с собой и вновь упал на пол. Септ встал, положил ручку и обошёл стол. Присев на стул, где ранее сидел молодой человек, он сложил руки в замок и стал ждать, пока арестованный успокоится. Дверь на балкон всё так же стучала от ветра. На стекле стали видны первые капли дождя. Аллади успокоился и посмотрел в глаза начальника отдела особых поручений Культа.

— Я правда не знал, что так будет. Он сказал мне, что мы спалим весь цемент, и это будет как фейерверк, понимаете?

Септ молча смотрел на него.

— Я поджёг фитили и отлетел на безопасное расстояние.

Эл тяжело дышал, слова с трудом давались ему. Он почти захлебывался в своих слезах.

— Так что... когда взорвалось, я с такой радостью, с таким весельем смотрел на это. Было сказочно красиво, — улыбался он, вспоминая, — а потом я увидел, как баржи падают...

Он замолчал. Вновь стало слышно, как бьётся дверь и в окна барабанит дождь. Септ смотрел, как лужица воды медленно текла из-под двери в кабинет.

— И знаете, у меня такое в голове произошло. Я в том же прекрасном настроении духа и улётел. словно ничего ужасного не случилось. И ждал, что меня снова повысят. Бежал на собрание. Понимаете? Я словно вырезал ужас и испуг из своего воспоминания. Я бежал, — говорил он, — а они... их там больше не было. А эта тётка, ключница с вокзала, она прогнала меня...

Он заикался и уткнулся в ногу Септа. Альберт молча смотрел на всё наполняющуюся лужу под дверью, уже почти доползшую до кончиков его сапог. Септ освободил ногу от объятий молодого человека, встал, подошёл к окну и поднял лежавшую за стопками книг старую

портьеру, поднёс её к двери и накрыл лужу. Заткнув все углы балконной двери, он вернулся за стол и молча принялся писать. Аллади с трудом поднялся и сел на стул, уткнув лицо в сложенные на коленях руки.

— Где эта ключница? — спросил Септ.

— Восточная башня главного вокзала, — проговорил арестованный, не поднимая головы.

Септ позвонил в колокольчик. Появилось лицо студента.

— Группу захвата на вокзал. Начать с восточной башни, а потом все остальные помещения.

Студент кивнул и исчез.

— Оpozнаешь? — спросил Сверло, продолжая записывать.

Аллади поднял голову и посмотрел на служителя, а затем кивнул. Септ повернул к нему бумагу и протянул перо.

— Распишись на каждом листе. Читать ты всё равно не умеешь, так что даже не предлагаю.

Эл привстал, протянул руку и взял дрожащей рукой автоматическое перо. Поставив два креста внизу каждой страницы, он вернул всё Септу и сел обратно на стул.

— Спасибо, — вздохнул Сверло, — скажи вот ещё что, тебе что-то говорят фамилии Ки или Вульфи?

— Вульфи — это тот старик, которого спасла возлюбленная моего хозяина, месье Сафрона, — живо откликнулся Аллади.

— Спасла? — переспросил Септ.

— Да, они откопали его из завалов в Старом городе, — кивнул Эл.

— Где сейчас этот человек?

— Пересечение Канала и Переулка слепых.

Септ снова позвонил в колокольчик и даже не посмотрел в открывшуюся дверь.

— Ещё одну группу на пересечение Переулка слепых и Сточного канала. Ищем старика по фамилии Вульфи. Брать всех, кто будет с ним рядом. Этого в отдельную камеру. Подготовить мне фрегат в полной боевой готовности. Две роты солдат. Двенадцать сопроводительных судов и все свободные силы северного сектора пусть будут на связи, на случай если замок Трокийя решит оказать сопротивление.

За окном сверкнула молния.

Великий мастер Перлеглоз сидел в фамильном замке за своим письменным столом и дописывал последние строчки в длинном письме. Перед ним на столе захлёбывалась в воске свеча, а над ней разогревался сургуч. Он сложил письмо вместе с объёмной записной книгой в конверт и запечатал его фамильной печатью с гербом дома Трокийя — капустой на щите.

Такой же висел на стене в большом кабинете прямо над его головой. Его окна полукругом выходили на бескрайние механические поля, начинавшиеся сразу за замком. Это были большие, превышавшие порой квадратный километр, платформы, приводимые в движение монструозным паровым механизмом, построенным ещё во времена первого технологического ренессанса. В дальнейшем двигатель был многократно усовершенствован, а платформы получили дополнительные «лепестки», раскрывавшиеся, когда материнская платформа поднималась вверх, образуя в ансамбле с остальными частями форму цветка. Оттого это место и называлось «Сад». Каждая платформа выращивала свои Культуры и находилась на солнце ровно столько, сколько нужно было для эффективного созревания. После чего платформа уходила вниз, и работники этой гигантской фермы снимали урожай, пока наверх уходили платформы с другими сортами. Система была многоярусной, и сейчас, во время проливного дождя, наверх двинулись крупные Культуры, требовавшие много влаги, чтобы одновременно напиться и закрыть собой менее влаголюбивых собратьев.

Трокийя смотрел, как медленно тужатся шестерни, чей размер приближался к размеру его замка. Он дёрнул за шнур справа от стола, и из задней двери за камином появился оживлённый. Крепко сбитый механический слуга в котелке, с металлическими усами по моде древней и давно забытой.

— Это письмо, — указал Трокийя на конверт, — доставь лично адресату, не передай, а доставь, понял?

Слуга кивнул, скрипнув всем телом.

— И смажь себя в конце концов, — поморщился Великий мастер.

Оживлённый ещё раз кивнул и исчез в двери.

Перлеглоз поднялся и увидел на террасе за окном чёрную тень. Он подошёл ближе и открыл створку. В саду перед замком бегал чёрный пёс, ища вход. Трокийя нахмурился.

— Распустили деградантов, — пробормотал он, схватил с вешалки жёлтый дождевой плащ с капюшоном и вышел на лестницу к террасе.

Дождь то моросил, то припускал в полную силу. Великий мастер вышел на воздух и аккуратно стал спускаться по ступеням, боясь поскользнуться.

— Ты как сюда попал? А? — крикнул он, пытаясь перекричать ветер.

Собака заметила его и побежала навстречу.

— Ты чей? — спросил Трокийя, подходя к перворождённому.

И, когда он наконец смог разглядеть её, он узнал Асоль.

— Ах, это ты... — с досадой проговорил Перлеглоз, — твоя госпожа передаёт мне сигнал.

Произнёс он, застёгивая пуговицы на плаще, чтобы как-то утихомирить свою бороду, так и стремившуюся вырваться наружу.

— Значит, плохи дела... — произнёс он тихо.

Сверкнула молния, и испуганное животное бросилось бежать. Перлеглоз так и стоял на месте, массируя лицо рукой, словно пытаясь стереть с него льющуюся струями воду. За дверью послышалась какая-то возня и выбежала его внучка Флавия, взволнованная и растрёпанная.

— Отец! Отец! Корабли! — кричала она, спускаясь с лестницы на своих тоненьких ножках.

Она называла деда отцом ещё с детства. Своего отца она помнила очень смутно, как ощущение, ведь в замке не было ни единого его изображения.

Трокийя снял плащ и поймал в него девушку, как только она подбежала к старику.

— Что такое родная, какие корабли? — спросил он спокойно.

— Идут к замку, Культ, флотилия, — тяжело дыша ответила девушка, пытаясь совладать с дыханием.

— Значит, уже всё, — тихо сказал Перлеглоз, — как вовремя госпожа Амун перестала нам помогать! — рассмеялся он. — А я растил её, как тебя. Вот что, иди-ка ты в дом, собери всех, я скоро буду.

— Что происходит? — не могла успокоиться девушка.

— Происходит то, чего уже не отвратить, — с горечью сказал старик и поцеловал девушку в лоб. — Иди, я люблю тебя, слышишь, и всех остальных тоже люблю.

— Отец! — вскрикнула девушка.

— Иди я сказал! — поднял голос Трокийя и двинулся прочь от неё через сад к платформам.

Флавия постояла немного в нерешительности и побежала обратно в дом.

Перлеглоз шёл по красным от сердечной пыли лужам, мокрый и продрогший, но твёрдой походкой человека, знавшего, что делать. Он дошёл до конца сада, где стояла шахта небольшого лифта, ведущего на высоту активной платформы. Он вызвал лифт и оглянулся на замок. По форме он напоминал поднятую вверх руку, пальцы которой загибались вниз, словно скрывая что-то в ладони. И со стороны самой высокой башни его облетал военный фрегат при полном параде.

— Ишь чего, фрегат прислали, — крикнул Перлеглоз и поёжился.

За фрегатом выползали корабли поменьше.

— Действительно, целый флот, — усмехнулся он, — уходишь с оркестром, Перлеглоз.

Сзади звякнул лифт, Великий мастер дёрнул решётку и открыл маленькие створки дверей.

Пока он поднимался наверх, он заметил, что несколько кораблей отделилось от флотилии и движется по направлению к платформам.

— Красная луна, как быстро, — сказал он и ударил кулаком по корпусу лифта, так что тот затрясся и завибрировал на тросе. — Охохох, полегче, — испуганно произнёс Трокийя, — ещё рано. Рано ещё, слышишь! — крикнул он и погрозил кораблям кулаком.

Когда лифт звякнул о прибытии, Перлеглоз открыл противоположные двери и вышел на платформу. Перед ним уходило вдаль поле капусты. Огромные кочаны, перекрывая один другого, раскинулись широкими стеблями по ступеням металлических лепестков, поднимавшихся по спирали к центру платформы, где располагались Культуры поменьше. Трокийя, приподняв платье, поспешил вверх по широким лестницам между грядками. Дождь почти прекратился, и его борода, распушившись, развевалась пышными кудрями на ветру.

— Отрежу, точно отрежу, — бормотал Перлеглоз, прыгая через ступеньки.

Когда он забрался на лепесток с огурцами, он оглянулся. Корабли были уже совсем близко, и с шедшей впереди бригантины раздался предупредительный выстрел. Ядро врезалось в один из кочанов пониже лепестком, и он разлетелся на куски, обдав Великого мастера дождем из ошметков.

— Котёл вас подери! — закричал Перлеглоз и пошатнулся.

Платформа пришла в движение. С оглушительным грохотом заработали шестерни. Трокийя тревожно обернулся, и его глаза ослепило старшее солнце, выглянувшее из-за туч. Лепестки платформы начали складываться и уходить вниз, а впереди поднималась длинная, с километр длиной, платформа с подсолнухами и пшеницей. Перлеглоз оглянулся на корабли и побеждал дальше вверх. Ему приходилось спешить, залезая на уже сложившиеся части лестницы.

— Вот кто как проводит старость? — бормотал он себе под нос, с хрустом в суставах подтягивая своё тело.

Добравшись до края верхнего лепестка, он стал ждать, пока его платформа поравняется с платформой с подсолнухами.

— Сдавайтесь, Трокийя, вам не убежать, — раздался в вышине знакомый голос.

Перлеглоз поднял голову и приложил руку к глазам, прикрывая их от солнца. На бригантине стоял силуэт статного худого человека. Трокийя сложил руки в неприличном жесте.

— Ценю вашу искренность, — крикнул человек, — но давайте ценить время друг друга.

— Нет, ещё не сейчас, — пробормотал Трокийя, плюнул и прыгнул с платформы.

Он приземлился прямо на самый большой подсолнух, смягчивший его падение. Правую ногу пронзила острая боль. Перлеглоз с трудом встал и, сильно прихрамывая, стал пробираться сквозь растения. Он оглянулся, только когда услышал, как сзади приземлился корабль, отчего платформа немного качнулась.

— Успеть бы, ох, успеть бы, — бормотал, тяжело дыша, Великий мастер.

Он выбрался наконец на одну из дорожек и поковылял по ней. Нога ужасно ныла, но Перлеглоз старался не обращать на это внимания. Он свернул на перпендикулярную дорожку как раз в момент, когда из рядов подсолнухов показалась погоня.

— Он повернул на девять часов, — раздался крик сверху.

Трокийя поднял голову и увидел над собой маленькую шлюпку, парившую прямо над его головой.

— Стойте! — кричали со шлюпки. — Приказываю остановиться!

Но Трокийя и не думал останавливаться. Он вновь повернул на другую тропинку.

— Тринадцать часов, — закричали сверху.

Поле закончилось, он подбежал к краю.

— Ну вот... — произнёс он, тяжело дыша, — теперь пора, — и занес ногу над пропастью, открывшую внизу свою бездонную пасть.

Голова закружилась, и он упал назад, не в силах совершить прыжок. Из подсолнухов появились солдаты и наставили на него ружья. Он дёрнулся было к пропасти, но сам же удержался. Двое солдат подбежали к нему, схватили под руки. Кругом стоял страшный грохот, но Перлеглоз, словно не слыша его, продолжал бормотать:

— Но как же так...

Из подсолнухов вышел Альберт Септ. Трокийю развернули к нему лицом.

— Да уж, заставили вы нас побегать, Великий мастер, — весело крикнул он, перекрикивая шум механизмов платформы и заговорщически глядя на Перлеглоза.

Тот молча смотрел на сапоги начальника особых поручений.

— Здорово вы это, — усмехнулся Септ, повторив жест Трокийи.

Перлеглоз поднял на него свой печальный взгляд и какое-то подобие улыбки окрасило его лицо.

— Не думали, что так всё закончится? — спросил Сверло. — Думали денег поднять на свои проекты, Тайграду насолить, чтобы ему финансирование прекратили?

Старик молча смотрел в глаза Септу.

— Как мелко для такого человека, как вы, Трокийя, — покачал головой Сверло. — Столько лет прожить, чтобы выжить из ума к старости.

Перлеглоз плюнул в лицо Септу и улыбнулся. Сверло посмотрел на сверкающие глаза Трокийи и вытер слезу платком из внутреннего кармана.

— Моё лицо не... — начала Септ, но в этот же момент раздался выстрел и его обдало кровью и тем, что только что было головой Великого мастера магистрата.

Несколько мгновений Септ с красным платком в руке, потеряв ориентацию, стоял, не двигаясь, на том же месте. Затем он открыл глаза и тут же отвернулся. Зрелище разорванной головы было не из приятных, и он испытал сильный рвотный порыв, но сдержался. Однако солдаты вокруг него не были готовы к этому. Они выпустили тело Великого мастера, и оно упало к ногам Септа, обрызгав его сапоги яркой и вязкой кровью. Он долго смотрел на странный узор, оставленный красной жидкостью на коже его сапог, слушал стрекотание шестерёнок и вздохи солдат.

Платформа наконец поднялась на нужную высоту и остановилась.

Стало тихо. Лишь ветер зашумел в поле. Альберт оглядел соседние платформы, дыма видно не было, но лучше было уйти с открытого пространства, и начальник отдела особых поручений развернулся и пошёл обратно к своему кораблю.

Глава 21

Сознание вернулось к Гудди в тёмном помещении, заставленном наспех сколоченными койками, отгороженными друг от друга тряпьем разной степени ветхости. Он сидел в темноте на стуле, однако откуда-то издали шёл свет. Из груди его вырвался глухой звон:

— Дракон.

Он отдернул штору перед собой и с трудом разглядел спящего в детской люльке осьминога. Один из щупальцев его был перемотан, и мокрый бинт опоясывал всю желеобразную голову Рауда. Осьминог мирно спал, а из головы его торчал красного цвета рог.

— Сколько же времени прошло?

Гудди привстал и попытался сделать шаг. Загудела голова, и шестерёнки в ноге предательски затрещали. Он схватился за спинку стула и поймал равновесие.

Простояв так добрых минут пять, оживлённый решился и, используя стул как опору, заковылял к пространству между койками. Выглянув из-за очередной засаленной тряпки, он увидел тусклый свет в конце коридора. Освещённое масляной лампой, за столом сидело что-то сверкающее. Поборов испуг, Гудди осторожно переставил стул и двинулся к свету. Сверкающий холм зашевелился и поднял что-то, что издали напомнило голову, а затем и весь, целиком, встал из-за стола. Гудди остановился, чтобы разглядеть его.

— А, ты тот, что с осьминогом? — раздался хрустальный скрипучий голос.

— Да, — рванным звоном отозвался Гудди.

— Он будет в порядке, — прозвенел его собеседник.

Он сделал шаг из-за стола, взял тем, что напоминало руку, лампу и поднял её над головой. Гудди сделал ещё один шаг с помощью стула и чуть не упал.

— Не спеши, не спеши, — успокаивающе прохрустел собеседник, подходя к нему.

Гудди наконец смог разобрать, что перед ним был носорог из чистого стекла. Сверкающий и отражающий всеми своими механическими внутренностями, видневшимися на просвет. В центре его груди светился алым пламенем маленький осколок Сердца.

— Ты... — зазвенел Гудди.

— Произвожу впечатление, — улыбнулся стеклянный носорог.

— Да...

— Подожди, — сказал он, ставя лампу на пол, — сейчас, я кое-что найду для тебя.

Он развернулся, проследовал к корзине с зонтами, стоящую при входе в лазарет, и выудил из неё крепкую на вид трость из лёгкого металла.

— Вот, — произнёс он, вручив трость Гудди, — держи, так тебе точно будет удобнее.

— Спасибо... — с растерянной благодарностью ответил Гудди.

— Не стоит, — прозвенел носорог, возвращаясь к столу, — иди лучше к Отцу, пусть он починит тебя.

Гудди кивнул и поковылял к выходу.

Отодвинув ширму, закрывавшую вход в пещеру и располагавшийся в ней лазарет, Гудди вышел на нижний ярус каньона — почти у земли, где текла тонким ручейком искрящаяся в вечерних огнях змейка реки. Корабля в ложбине не было, он парил в небе, сверкая двигателями в лучах заходящей младшей звезды. На его месте высились коробки со снаряжением и провиантом.

Пытаясь разобраться, где находится вход в мастерскую, Гудди заметил знакомую фигуру у костра недалеко от ящиков. Это была девушка в платье из тканевого дерева. Она сидела неподвижно, уставившись в огонь, в той же позе, что и на плато. Лишь одно отличие бросалось в глаза. Её чёрные кудри были сбриты, потому голова была совершенно лысой. Оживлённый сделал шаг к девушке, но та, будто почувствовав его приближение, встала, обошла костёр, подняла длинный меч, лежавший напротив, и исчезла в темноте. Что-то в груди оживлённого ёкнуло, и Гудди насколько мог быстро поспешил за ней.

На другой стороне каньона под навесом, в сети пещер, начинались склады. Гудди увидел фигуру с мечом, исчезающую за ящиками, ошетилившимися частоколом пушечных зарядов. Его нога предательски хрустела при каждом шаге, но он старался двигаться как можно быстрее, чтобы не упустить из виду свою цель. Девушка прошла несколько складских помещений и свернула на маленькую лестницу, поднимавшуюся на пролёт выше. Гудди лестница давалась с трудом, запаниковав, он лёг на ступеньки и пополз. Добравшись до следующего пролёта, он обнаружил себя в центральном ангаре, среди множества летающих судов. Где-то ещё велись работы и сверкала сварка. Но почти всё помещение было темно. Поэтому он с трудом различил, поднявшись на ноги, мелькающий среди бортов знакомый силуэт.

Она двигалась ко внутреннему двору, где раньше был склад запчастей, а теперь покоился дракон. Гудди почти побежал между кораблей, звеня и скрипя на ходу. Несколько раз он упал, а один раз не рассчитал и с разбегу врезался в дно шлюпки, висевшей под сводом пещеры. Когда же он наконец добежал до внутреннего двора, он увидел сверкающую в свете первых лун чешую дракона. Он всё так же мирно спал, как в последний раз, когда Гудди его видел. Девушка стояла напротив морды чудовища с обнажённым мечом. Его острие было тонким, как игла, и свет луны ослепительно блестел в нём, отражаясь в глазах пришедшей, подпитывавших его огонь. К рукояти лезвие утолщалось, приобретая форму ромба, светившегося особенно ярко.

— Постой, — задребезжал Гудди неровным, вибрирующим тоном.

Хрустя всем телом, он выбежал на открытое пространство. Девушка не отрывала глаз от дракона и даже не повернула к нему голову.

— Погоди, — прозвенел оживлённый, — не надо этого делать.

— Почему? — спокойно спросила девушка.

— Потому что ты ничего не исправишь, — вдруг неожиданно громко и уверенно ответил Гудди.

Она чуть наклонила голову, покачивая мечом.

— Он уже мёртв. Ты не залечишь свою боль, ты лишь передашь её кому-то ещё, — произнёс он, ковыляя к ней.

Девушка закрыла глаза.

— «Новый король не передаст боль». То, что случилось, случилось. Она... — произнёс Гудди, указывая свободной рукой на дракона, — ...мстила за своих детей, потому что мы, — он обвёл рукой вокруг, — потревожили пустынных, и они разорили её гнездо.

Девушка молча стояла с закрытыми глазами.

— Не надо передавать дальше, она должна где-то остановиться, иначе этот... круг будет бесконечен.

— Почему я? — спросила девушка, и её губы задрожали.

— А почему нет? — переспросил Гудди и сделал шаг ей навстречу.

Сквозь разодранный панцирь в его груди вдруг проступил алый свет, осветивший его фигуру, и из глаз девушки градом хлынули слёзы. Она упала на колени, выронив меч и закрыв лицо руками.

Оживлённый сделал ещё один шаг, оказавшись прямо напротив морды дракона, в этот же момент открывшего свой огромный глаз. Гудди замер, разглядывая своё отражение в бегающем зрачке чудовища. Монстр тяжело задышал и выпустил струйку дыма из ноздри. Грудь Гудди всё ещё светилась, и дракон внимательно наблюдал за ним и принюхивался, словно вдыхая испускаемый оживлённым запах. Дракон поднял голову, ломая шеей хлипкие конструкции, в которых покоилось его раненое плечо. Всё заскрежетало, полетело в разные стороны и чудовище выпрямилось, зарывав. Гудди упал на землю, не в силах удержаться на ногах от созданных монстром вибраций. Дракон попробовал двигать крыльями и взревел от боли. Рука девушки нащупала рукоять меча. Чудовище взглянуло на неё, и пальцы её разжались. Затем он сделал резкий взмах и вскочил с внутреннего двора на край плато. Набрав в грудь воздуха, дракон приготовился издать громкий крик, но Гудди зазвенел внизу:

— Тише, тише, не надо!

Дракон выпустил в воздух дым и сполохи огня и опустил голову к оживлённому.

— Здесь есть те, кто хотят тебе помочь, — кивнул Гудди, инстинктивно отползая назад, — но есть и те, кто захочет вновь навредить тебе.

Дракон посмотрел на меч, лежавший у ног девушки.

— Она ни при чём, — прозвенел Гудди, оглядываясь на лезвие на земле, — но лучше бы тебе просто взять и возвращаться к себе в гнездо. Там тебя ждёт твоё потомство.

Дракон дёрнул головой и зарычал.

— Да-да, не знаю уж, как ты пропустил или пропустила, но там мой друг сейчас заботится о нём. Не спали его, пожалуйста.

Дракон, словно изучая, посмотрел на Гудди одним глазом, ещё раз вдохнул рядом с ним воздух и, закрыв глаза, кивнул. Монстр взмахнул крыльями. Гудди и девушку отбросило назад потоком воздуха, а огромное тело чудовища устремилось ввысь, оставляя за собой след из пыли и дыма.

Гудди лежал на земле и смотрел на звёзды, плывущие по небосводу. Над ним появилось лицо девушки, мокрое и грязное от пыли и слёз.

— Давай я провожу тебя до мастерской, — сказала она тихим голосом.

— Давай, — прозвенел радостный голос Гудди, — спасибо. Она помогла ему подняться, отыскала его трость и, дав ему для опоры свою руку, повела через двор ко входу в мастерскую.

— Меня зовут Йахомари, — представилась девушка.

— А меня Гудди.

— Я знаю, — улыбнулась она, — очень интересное имя.

— У тебя тоже, — прозвенел оживлённый, чувствуя в груди приятное тепло.

— Спасибо, — кивнула она, — и спасибо, что... помог справиться с собой.

— Я просто сказал тебе, что недавно сказала мне одна... — Гудди покачал головой, — очень красивая человеческая особь.

— Красивая человеческая особь, — повторил девушка и засмеялась — мне стало немного легче, правда.

— Я очень рад.

— И я.

Когда они исчезли под навесом, в небо поднялась тёмная фигура грифона и исчезла среди звёзд.

Йахомари распахнула дверь в мастерскую, её ослепил яркий свет прожектора, направленного прямо на дверь, ведущую во внутренний двор. Потом послышалась какая-то возня и прожектор погас.

— Уж кого не ждал, так это тебя, дружок, — раздался скрипучий голос старика.

— Отец, — сказала девушка, — ему нужна твоя помощь.

— Вижу, вижу, — кряхтя произнёс старик.

Он слез с корпуса лошади. Кукла и девушка зачарованно смотрели на множество проводов, тянувшихся к небольшим авиационным двигателям, выставленным на балкон.

— Да вот, проверяю тягу, а то батареи эти, что приносят наши «падальщики» из пустыни, одно барахло.

Вытирая руки засаленной тряпкой, он подошёл к Гудди и оглядел его.

— Ого, вот это тебя помяло, — хмыкнул он, — схватился с драконом один на один?

— Нет, — ответила за Гудди девушка, — дракон улетел.

— Вот как, — нахмурил брови старик.

— Я не хотел, — испуганно зазвенел оживлённый, — это как-то само произошло. Там детеныш... — он замялся.

— Да, теперь влетит тебе от Барона, — улыбнулся старик, присаживаясь и оглядывая куклу, — но это было предсказуемо, драконы не могут жить в неволе.

Гудди с надеждой посмотрел на старика.

— Значит, я не виноват?

— Этого я не говорил, — хитро посмотрев в глаза куклы, покачал головой Отец.

Осмотрев повреждения, Отец взял оживлённого на руки и при помощи Йахомари отнёс на рабочий стол в противоположном конце мастерской.

— Йахо, — обратился он к девушке, — сходи в ангар. Там среди сваленного кучей барахла, вынесенного из двора, должны быть вот такие, — он указал на грудь Гудди, — клёпанные листы.

— Не надо, — вдруг сказал Гудди.

Старик и девушка вопросительно посмотрели на него.

— Я хочу, чтобы это осталось, — ответил оживлённый, трогая себя за вмятины и разрывы на груди.

— Ты посмотри на него, — засмеялся старик, — гордишься собой?

Гудди опустил глаза.

— Смотри, а то станешь слишком тяжёлым от гордости, чтобы ходить, — покачал головой старик и вновь обратился к девушке: — луны с ним, пусть будет так, но ты всё равно принеси их, и нужно ещё поискать механические ноги и тазобедренную часть, хорошо?

Йахомари кивнула и направилась к выходу, а старик вернулся к Гудди и стал рассматривать его повреждённую ногу.

— Почувствовал его? — спросил Отец, работая отвёрткой и плоскогубцами.

— Кого? — переспросил Гудди, поднимая голову со стола.

— Сердце, — спокойно ответил старик, залезая куда-то глубоко, с хрустом пробираясь сквозь изуродованные шестерни и крепления.

— Не очень. Точнее, совсем не понимаю, — сказал оживлённый.

— Ну ты светился алым светом, когда вошёл, — уточнил Отец.

— Ах, это... — Гудди положил голову обратно на грубые доски стола, — когда я говорил с драконом, он как будто изучал меня. И увидел, что из груди его исходит сияние. Я его раньше не видел. И... — он повернул голову к старику, — и я для этого попросил не менять... ну, для того, чтобы видеть. Может, я раньше не видел, потому что было закрыто. Плотно слишком.

— Да, возможно, — пробурчал старик, отцепляя что-то он туловища куклы. — Вот! — торжественно произнёс он, держа в руках ногу Гудди. — В помойку!

И с этими словами он выкинул ногу оживлённого в кучу барахла за своей спиной.

— Но именно поэтому и надо плотно закрыть его, — хмыкнул старик, отстёгивая вторую ногу, — это тебе тоже не понадобится.

Гудди привстал на руках, с удивлением оглядывая свой безногий торс.

— Лежи, не дёргайся, — строго сказал Отец.

Он уложил куклу обратно на стол и, ловко отстегнув корпус панциря на его груди, обнажил внутренности оживлённого. В груди у себя Гудди увидел множество движущих частей, похожих на увеличенный в размере часовой механизм. Но в центре механизм был разобран, а где-то даже и помят, и там находился сверкающий яркий предмет, переливающийся всеми цветами радуги. Гудди смотрел то на него, то на Отца.

— Это Сердце, — ответил Отец на удивление куклы, — точнее его осколок.

Он провёл пальцем по грани предмета — тот заискрился.

— У многих оживлённых в груди осколок Сердца. Но это искорки, пылинки. Их достаточно, чтобы оживить куклу даже в наши дни.

Старик обернулся, прошёл к другому столу, где лежали доски, взял одну из них, поменьше, и подошёл обратно к Гудди. Приставив доску к предмету в груди оживлённого, он стал внимательно смотреть на него. Доска в руке старика задвигалась, и её поверхность покрылась почками, а затем листвой. Из листвы показалось два деревянных глаза, пара ручек и ножки. Доска взглянула на Отца, ловко высвободилась из его руки, спрыгнула на пол и убежала. Гудди ошарашенно проводил её взглядом.

— То есть... — медленно произнёс он, и в глазах его мелькнула неожиданная мысль.

— Да, мой друг, — кивнул Отец, — с тобой случилось то же самое.

— Но как?

— Твоим коллегам по отчаянным делам всё же удалось выкрасть руну, — хмыкнул Старик, доставая из-под стола табуретку и усаживаясь на неё. — Вот только они не поняли этого. Что, на мой взгляд, очень хорошо.

— Почему?

— Лучше уж ей быть у тебя, чем у тех, кто хочет использовать её ради собственной власти. И, предвещая твой вопрос, речь идёт о любом человеке, кого бы ты здесь ни встретил.

— Даже вы? — удивился Гудди.

— Со мной, конечно, отдельная тема. Я не стал искушать себя, когда была возможность поддержать её в руках, и, к счастью своему, ничего особенного не испытал.

Старик вытер рукой лоб и продолжил.

— А вот другие. Другие испытывают. Видения о собственной славе. Стоит лишь им подумать, что они будут обладать властью сердца... Это свело с ума не одно поколение людей. Чего только они не придумывали! Какие только оправдания не писали. Всё шло на алтарь их величия. Сердце не может поместиться в голову человека, потому-то руны и сводят людей с

ума. Я понимаю, что для нас с тобой здесь это звучит странно. Но подумай, чем мы все заняты, как не воплощённой мечтой о власти одного обиженного юноши.

Отец горько покачал головой.

— Но, — он усмехнулся, — всегда есть «но». Каждый раз, когда кажется, что всё потеряно, происходит что-то, что меняет всю игру, ставит всё с ног на голову. Я уже долго живу и привык это замечать. В последний момент вселенная подменяет карту в рукаве шулера, и он смотрит на неё, не в силах изменить шутки, сыгранной с ним судьбой. И эта карта — ты, мой друг.

Гудди внимательно смотрел на окружённые морщинами улыбающиеся глаза старика.

— Почему я?

Отец засмеялся:

— Я понятия не имею, как всё это работает. Но знаю одно. Мы все — часть одного неизмеримого и непознаваемого пространства. Есть те, кто живёт в иллюзии своей отдельности от него, и из этого строят свои планы и предположения. Но их мыслям не ускользнуть, не спрятаться в их голове. И пусть они живут в этом тумане, мир всё о них знает, всё чувствует и обязательно реагирует на их деяния.

Старик поправил фартук и откашлялся.

— Мы слишком давно живём в этом тумане. Поколения за поколением отравляем себя верой в то, что мы лучше знаем, что хорошо для мира. Забывая, что это оно, Сердце, создало нас, оно воплотило всё, что мы видим и знаем. И оно само является квинтэссенцией, материализацией этого принципа единства. Но мы так потерялись в своих интеллектуальных играх, так поддались страхам и предрассудкам, что построили сами себе клетку вокруг собственных сердец. И не в силах увидеть её, не в силах выйти за её пределы. С каждым витком всё глубже и глубже врезаемся в собственное невежество. Но... Не дремлет, не дремлет жизнь. Она находит путь проскользнуть, просочиться через нашу клетку. И среди того мракобесия, которому посвятил себя человек, она нашла дорогу в тебе, — он посмотрел на куклу. — В оживлённом. Спаслась от лап одного тирана, ускользнула от ловушки другого. И вот стремится совершить то, что смертным совершить не под силу. Вернуться к источнику.

— Вы говорите о..? — потерянно прозвенел Гудди.

— О себе. Во многом о себе, — с горечью произнёс старик, потирая седые бакенбарды.

— Я ничего не понял, — сказал оживлённый и упал головой на стол, что отозвалось звоном, как у настенных часов, — я только и хочу, что стать человеком.

— Зачем? — удивился отец.

— Чтобы у меня был рот и кожа. Кожа — это интересно, а со ртом мои отношения с Гердой не обречены, так сказал Рауд.

Старик, широко раскрыв глаза, смотрел на оживлённого. Дверь скрипнула, вошла Йахо с ящиком в руках.

— О, вот и ты, — воскликнул старик, поднимаясь с табурета и набрасывая на грудь куклы испачканную в масле тряпку, — бросай его сюда.

Он указал на кучу, куда выкинул ноги Гудди.

— Как он? — спросила девушка, ставя ящик рядом с запчастями.

— Жить будет, — усмехнулся старик, — парень крепкий.

— Что такое «парень»? — спросил Гудди.

— Береги себя, — улыбнулся девушка оживлённому и направилась к двери в каньон, — я побегу, хорошей ночи.

— И тебе, хорошая моя, и тебе, — тепло улыбнулся Отец, провожая её взглядом.

Но стоило за девушкой закрыться двери, как в неё ворвался Барон, волоча Йахомари обратно к мастерскую. Вздёрженный, в спальном туалете и накинутом сверху камзоле, он выглядел нелепо и устрашающе одновременно. Его лицо было перекошено злобой так сильно, что Гудди не сразу понял, кто перед ним.

— Кто отпустил дракона? Кто разрешал?!

— А кто мог запретить? — спокойно ответил Отец.

— Мы потеряли один дирижабль! — рычал Барон. — Кто, я спрашиваю?

— Я, — устало ответил старик.

— Ты? — Барон осёкся. — Как ты?

Он отпустил девушку, и та отбежала и прижалась к ширме перед входной дверью.

— Ты же сам. Сам лечил его... — Барон тяжело выдохнул и опустился на табурет между Гудди и Отцом, — что... чтобы отпустить?

— У драконов не может быть хозяина, — ответил старик, потирая подбородок.

— Значит, ты вылечил его, чтобы он спалил ещё один дирижабль?! — закричал Барон, вскочив на ноги и схватив тряпку, закрывавшую грудь Гудди. — И это твоя благодарность? За всё, что я сделал? — кричал он на Отца, встав спиной к оживлённому и тряс тряпкой в руке. — За то, что моя семья спасла тебя? За то, что ты вновь можешь работать? — блеснул глазами Барон и бросил тряпку на пол.

— Вовсе нет, — покачал головой Отец, краем глаза смотря на руну в груди куклы, — я лишь делаю то, что должен делать каждый, кто встретит дракона.

— Опять древняя чушь, — прорычал Барон, садясь обратно на табурет, — знаешь, раньше ты мне нравился больше, когда был просто учёным. Без всей этой драконьей ереси.

— Мы все меняемся, — ответил старик, бросив взгляд на Йахомари, смотревшую, не отрываясь, на сияющий осколок в груди оживлённого.

Он сделал шаг к барону, поднял тряпку и стал складывать её перед лицом мужчины. Барон отмахнулся от него, толкнув к столу, и старик вновь накрыл тряпкой тело куклы.

— Как, по-твоему, я должен выиграть эту войну без руны? И когда мои самые доверенные люди тратят драгоценное время, чтобы лечить и отпускать моих врагов?

Его нога чуть не наступила на пробежавшую рядом деревяшку.

— Не стоит перегибать палку. Мы победим, — ответил старик, — я в этом уверен. Я делаю всё, что могу, чтобы помочь тебе. И отпустить этого дракона было правильным делом. Никто не властвует над ними, а тех, кто властвовал, постигла беда.

— Только не поворачивай всё так, словно ты опять защищаешь меня от самого себя, — Барон снова топнул ногой и встал. — Я собираюсь вести войну. Я не могу этого делать, пока мои приказы не будут исполняться или будут толковаться как-то отлично от моих первоначальных замыслов.

Мужчина сделал несколько шагов по направлению к девушке.

— Когда мстишь, надо делать это без размышлений. Они делают тебя мягким, — произнёс Барон и вышел, громко хлопнув дверью.

Йахомари закрыла лицо руками и сползла по стене на пол. Старик подошёл к ней, присел рядом и положил руку ей на плечо.

— Мсть — это самое глупое, что можно придумать, — произнёс он, медленно подбирая слова. — Она не вернёт погибших и не заштопает рану в Сердце.

Девушка заплакала.

— Йахо, послушай, то, что ты видела, — продолжил он тихо, — не говори никому, прошу тебя.

Она закивала, не отрывая ладоней от лица.

— Я не смогу тебе объяснить, почему. Но так надо.

Она открыла лицо и посмотрела на Отца взглядом полным отчаянья.

— Как, как, скажи, я должна верить всему, что ты говоришь, если это невозможно понять и невозможно проверить? — дрожащим голосом произнесла она.

— Никак, — горько ответил старик, — нет слов, чтобы объяснить то, о чём я говорю, — он помолчал, — но есть надежда.

Они долго смотрели друг другу в глаза. По лицу Йахомари струями катились слезы, пока она наконец не вытерла их рукавом, не поднялась и не вышла в ту же дверь.

— Сцена, достойная «Небесного Зала», — с усмешкой сказала Ли́ла.

Отец обернулся и увидел обезьянку сидящей на абажуре без лампы под потолком. Старик погрозил ей кулаком.

— Всё слышала и всё видела? — спросил он, поднимаясь на ноги.

Обезьянка кивнула, довольно улыбаясь.

— То, что известно трём лунам, известно всем лунам, — покачала головой обезьянка.

— Да, — устало кивнул старик.

— Что ты затеял? Говори, иначе мне придётся рассказать обо всём твоему нервному другу, — спросила Ли́ла, перепрыгивая на балку под потолком.

— Откуда ты знаешь про «Небесный Зал»? — рассерженно проговорил Отец, подходя к входной двери и вешая на неё замок.

— Тут есть трещина, — кивнула обезьянка в сторону тёмного угла под сводом, — так что, если нужно, я выберусь отсюда.

— Так, ты слишком вызывающе и неблагодарно себя ведёшь с тем, кто вернул тебя к жизни.

— Я об это не просила, — буркнула Лила, сложив руки на груди и усевшись на перекладину.

— Я это запомню, — кивнул Отец, вешая второй замок на дверь во внутренний двор, — я просто хочу, чтобы мне не помешали его починить, — с досадой и усталостью проворчал он.

— А я хочу понять, что происходит, — твёрдо сказала обезьянка, фыркнув.

— Что происходит, что происходит... — проворчал старик, — жизнь происходит. Откуда я знаю.

Он сел на табурет и подпёр голову рукой, опершись о край стола.

— Хорошо, я вот что тебе скажу, — решила Лила, — я кое-что вспомнила, когда смотрела на радужную штуку в груди этого парня.

— Что значит «парень»? — удивился Гудди.

Старик скривил рот в ухмылке.

— Так вот, — обезьянка выдержала паузу, — это я её туда положила.

Старик и Гудди удивлённо посмотрели на неё.

— Я вспомнила, как, удирая из замка, мы сбили его с башни с часами и он зацепился за скутер Снорри. А потом я подхватила его, когда здоровяк выкинул куклу за борт. Не знаю, что на меня нашло. Но после того, как я разбилась в трубе, почти выбравшись к каналу, я вырвала его осколок из раскрывшейся груди и спрятала там эту штуку. С этими словами обезьянка свесилась на одной руке с балки и прыгнула на пол.

— А тот осколок, что с ним стало?

— Я выбросила его.

— Жаль, — произнёс Отец и как-то сник. — Он был дорог мне. Как-то утром его принесла в университет птица. И это послужило началом моего первого серьёзного эксперимента. Я собрал тебя, — он посмотрел на Гудди.

Оживлённый удивлённого заморгал.

— Прости, я перебил тебя, — отгоняя наваждение, произнёс старик и повернулся к обезьянке.

— В тюрьме я хотела перепрятать её, но не смогла открыть заевший замок, — хмыкнула она, недовольно глядя на Отца.

Старик усмехнулся.

— Что ты смеёшься? — зло посмотрела на него Лила, — тебя я там тоже видела.

Отец внимательно посмотрел на обезьянку.

— Да, да, — кивнула она, — только ты был другой, менее самоуверенный что ли.

Старик вздрогнул и затеребил край фартука.

— А теперь рассказывай, — уперев руки в бока и нахмурившись, потребовала Лила, — иначе я иду к Барону.

Отец посмотрел на неё немигающим взглядом.

— Ты думаешь, дорогая моя, я знаю что-то, что объяснит тебе смысл происходящего? — спросил он ехидным тоном. — Или, может быть, оправдает всё, что происходит вокруг? Нет. Этого я не смогу тебе сказать.

— Объясни, почему ты не отдал Барону этот предмет. Руну, которую он так хочет.

— Потому что так сложились обстоятельства, — произнёс Отец, хватаясь за голову, — я не знаю, почему нужно сделать так или иначе, это просто происходит, понимаешь? Как тот осколок, что принесла птица.

Он встал и начал расхаживать по мастерской.

— События, слова, явления, они живут без попытки уложить их в логику. Ты вот в последнее время интересуешься книгами. А что там написано? Чья-то обрывочная интерпретация случившегося. Пусть порой и очень близкая интерпретация. Но это всё равно лишь попытка нанизать на нить то, что, как ему кажется, логично вытекало одно из другого. На самом деле было совсем не так. Было намного сложнее. Настолько, что великие учёные прошлого не могли дать адекватной модели, способной описать все уровни бытия. На поверхности шар покатился и ударил другой шар, но внутри это чистая магия, понимаешь? Необъяснимое, необъятное движение материи. И сколько ни копай внутрь, она будет водить тебя за нос, убегать и прятаться. Я всю жизнь провёл, изучая микрофизику. И знаешь, к чему я пришёл? К тому, что их природа ничем не отличается от волшебства, с которым я так усердно боролся. Нет никакой определённости, есть только вероятность.

Он остановился и одним махом выпил стакан воды, стоявший на спине металлической лошади.

— Знаешь, как я создал твоих сестёр? — спросил он, повернувшись к обезьянке. — Я оживил их стихами. Просто так. В них нет песчинки сердца. И в тебе теперь нет. Тебя я тоже воскресил только тем, что, срифмовав два слова, искренне попросил Сердце, чтобы ты ожила, понимаешь? Всё, с чем я боролся всю жизнь, всё оказалось правдой. Я до сих пор не могу поверить в это. На самом кончике науки случилось чудо. Здесь, вне города, вдали от Сердца я, оплот и надежда нового ренессанса, творю чудеса, которые не может сотворить весь вместе взятый Культ.

Он вышагивал от стены к стене.

— И события... Они так же складываются. Под действием силы необъяснимой и недоступной для глаза. словно в тебе самом есть такой отдел, отвечающий за все эти события, что с тобой случаются, но ты его не замечаешь, потому что смотришь не в ту сторону, смотришь лишь на сами явления, создаваемые им. Понимаешь?

Обезьянка отрицательно покачала головой.

— Ну вот тогда объясни, зачем я делюсь с тобой всем этим и что-то объясняю, если даже я сам толком не могу понять это? — стукнул он кулаком по корпусу лошади, проходя мимо.

— Чтобы я не заложила твои спонтанные решения Барону, — напомнила Лила.

— Они не спонтанны! — почти крикнул он, подходя к обезьянке. — Это часть чего-то большего, чем просто я. И я верю в это, понимаешь? Я доверяю своей внутренней, глубинной части. Она не подводит. Она тебя оживила. Она спасла жизни многих, кого ты знаешь, и, я уверен, спасёт ещё. Она действует на стороне Сердца, я это чувствую. Все луны меня побери. Что я говорю! Мне кажется, что она и есть Сердце. Что оно живёт в каждом из нас и действует через нас. Он возбуждения старик тяжело дышал и вновь опустился на табурет.

— Очень похоже на концепции древних божеств, — задумчиво сказал Лила, — повелители воды и ветра, бог облаков, что там ещё было в примитивное время.

— Да, пусть так, — устало сказал старик, — но лучшего объяснения у меня нет. А теперь принеси мне настойку лунной травы, сердце разболелось. Чёрная бутылка в моём шкафу с лекарствами. Обезьянка пошла в маленькую комнату рядом с входной дверью и ненадолго пропала.

Вернулась она, когда Отец прикручивал новые ноги к корпусу Гудди.

— Спасибо, — буркнул он, делая глоток, — довольна?

— Не очень, — хмыкнула Лила, залезая на рабочий стол и помогая старику примерить пластину под новый панцирь к груди куклы.

— Я обещал, что будет непонятно, — пожал плечами отец и понёс металлическую пластину к станку.

— Но это лучше, чем ничего, — ответила обезьянка, — теперь я хотя бы понимаю, что ты просто рехнулся.

— Почему же рехнулся? — удивился Отец, но голос заглушил свист пилы. — Сердце всё ещё существует. И, как мне видится, вполне способно за себя постоять, — произнёс он, закончив вырезать форму, — ну что, пойдёшь сдавать?

— Я подумаю, на чьей я стороне, — усмехнулась Лила, — и решу.

— Серьёзный подход, — одобрительно покачал головой Отец, вновь примеряя пластину к груди Гудди, а затем повернулся к шлифовальному станку.

— Мне до сих пор очень трудно понять, зачем мы готовим эту войну, — произнесла обезьянка, обращаясь к Гудди.

— Мне тоже, — кивнул оживлённый, поднимаясь на локтях и разглядывая покрывшуюся цветными узорами масляную тряпку на груди, — мне казалось, что мы идём освободить Сердце.

Старик посмотрел на них исподлобья.

— Может, да, а, может, и нет, — произнёс он, зачищая края пластины, — пока трудно сказать, что победит в Бароне. Заранее обвинять человека тоже не стоит. Но что-то мне подсказывает, что мы поступаем правильно, оставляя выбор за нами.

— Откуда взялось это «мы»? — ехидно спросила Ли́ла.

— Оттуда же, откуда и твоё желание подумать, — усмехнулся Отец, возвращаясь к столу и вставляя пластину в крепления на груди куклы.

— Вот так, — произнёс он торжественно, — встань и иди!

Гудди поднялся и ощупал свои новые детали. Ноги были явно крепче, и в них больше не было деревянных вставок.

— Спасибо, — улыбнулся он и подпрыгнул — так здорово!

— А как же заклинание? — съехидничала обезьянка.

— За каждое начинание полагается наказание, — произнёс старик с серьёзным видом и щёлкнул пальцем ей между глаз, — вот и всё заклинание.

Гудди засмеялся, а вместе с ним и Отец, а затем и Ли́ла, когда у неё перестала кружиться голова. В этот момент дверь, ведущую во внутренний двор, резко дёрнули, затем в неё громко заколотили, и чей-то испуганный голос закричал:

— Отец, скорее! Дракон вернулся!

Старик не сразу перестал смеяться, а как пришёл в себя, бросился к двери.

— Ключи! Куда я дел ключи? — спросил он, оглянувшись на Гудди и Ли́лу.

Те пожали плечами.

— Ах, вот они, — пробормотал он, ударив себя руками по карманам рабочих брюк, и бросился открывать дверь. Оживлённые спрыгнули со стола и поспешили к нему.

На плато, сразу над внутренним двором, уже поднимали из ангара пушки на летающих лодках и скутерах, выставляя их дулом на восток, куда смотрели все высыпавшие на плато жители каньона. Гудди вместе с Отцом и Ли́лой поднялись на одной из гондол с боеприпасами и стали пробираться через толпу.

— Вон смотри, — шептались вокруг.

— Там кто-то есть, — сказал прямо над ухом Гудди его старый знакомый Молоток.

Над ними парили маленькие корабли, не решаясь подняться выше в небо, чтобы встретиться с драконом. Но их становилось больше, и кто-то уже начал покрикивать:

— Давайте, все вместе, а?

— Стойте! — закричал возбуждённый Отец, пробираясь дальше через толпу. — Не стрелять!

Они выбрались на первую линию спонтанной обороны, когда две новые луны, поднявшиеся из-за горизонта, осветили плато и грандиозную фигуру дракона на нём. Чудовище стояло, раскрыв крылья и припав к земле. Гудди пригляделся и увидел, что на шее монстра кто-то есть. И тут же бросился вперёд, сбив с ног Ли́лу.

— Он вернулся! — кричал оживлённый.

Он нёсся по каменной поверхности, не жалея своих новых ног. Толпа за его спиной ахнула. С головы дракона спускался Снорри, а за его спиной поднялась голова детёныша, чью морду здоровяк ласково потрепал, перед тем, как слезть на землю. Гудди подбежал к дракону, поднявшему голову и смотревшему теперь на человека и куклу, словно выжидая.

— Спасибо тебе, что вернул его, — прозвенел оживлённый, поклонившись существу.

Дракон кивнул, вскинул голову и издал громкий и пронзительный крик, отчего все люди и перворождённые припали к земле.

— Это он так сказал «пожалуйста», — прочищая уши, пробормотал Снорри

Он поднялся с колена, но тут же припал обратно, потому что дракон взмахнул своими могучими крыльями и взмыл в небо. Его гигантская фигура сделала круг над ними и стрелой бросилась прочь, к пустошам, быстро превратившись в точку.

— Как здорово, что ты вернулся, Гора Мяса, — произнёс Гудди, подходя к человеку и обнимая его за ногу.

Снорри оглянулся на толпу, щурясь от света прожекторов и фар, и отодрал от себя оживлённого.

— Слушай, отстань, деревяшка, — произнёс он, смущаясь.

— Пойдём, — сказал Гудди и потянул человека за руку в сторону ошетилившихся пушками жителей Свободного Города, — у меня теперь новые ноги!

— Хорошо бы ещё и новая голова, — огрызнулся здоровяк и, оттолкнув куклу, двинулся к встречающим его жителям каньона. Оживлённый остался стоять в том месте, где приземлился дракон, а потом сел на плато.

В темноте возле костра приземлился грифон, побеспокоив разбежавшиеся во все стороны языки пламени. Йахомари подняла голову и улыбнулась ему. Знарк поклонился ей и прилёг напротив, так, чтобы пламя разделяло их. Девушка потянулась к сумке и, порывшись, достала самую тонкую свирель. Её изящные пальцы легли на деревянную поверхность музыкального инструмента, и из-под них полилась красивая и печальная музыка. Грифон положил голову на лапы и уставился на костёр. Из темноты появилась фигура Лео. Лев присел рядом с грифоном на лежащий рядом валун и запел протяжным глубоким голосом:

Я был стрелой, и ветер пел в моих лесах, в моих лесах,

Гулял среди таких же стрел, запутавшийся в голосах,

Он пел о мире и земле далёких звёзд, далёких звёзд,

Что в белых лунах и огне сияющий воздвигли мост.

И выпустила тетива меня в полёт, меня в полёт,

И я пронзил собою твердь, могилы мрак и небосвод.

Я видел, жил и умирал, на том мосту, на том мосту,

И вот однажды я упал, подобно зимнему листу.

Меня же кто-то подобрал, унёс с собой, унёс с собой,

И я служу теперь ему, не ведом мне покой.

В свет костра вошёл Гудди и присел рядом с Йахомари. Лео, на мгновение прекративший петь, улыбнулся оживлённому и продолжил, а девушка вновь заиграла на свирели.

Как мне спастись от тёмных чар, не знаю я, не знаю я,

Не знает ночь, не знает день, не знают все мои друзья.

Но верю я, придёт король, уйдёт беда, уйдёт беда,

И остановит мой полёт, в том есть мечты стрела.

Йахомари положила свирель и зааплодировала Лео. Лев улыбнулся ей и похлопал в ответ. Гудди повторил их движения, неуклюже соединяя свои ладоши. Новая рука с трудом слушалась, и выходил только лёгкий стук.

— Это точно была красота, — прозвенел он, с восхищением глядя на Лео и девушку.

— Точно, — засмеялся Лео.

Знарк по-кошачьи вытянул лапы и поводил головой, разминаясь. В его тёмных глазах рядом хитрых улыбок отразились луны. И в тот же момент исчезли. Грифон удивлённо посмотрел вверх и отпрянул, потому что рядом с ним опустилась на землю платформа Джо. Мужчина, извиняясь, поклонился перворождённому, сняв свою широкополую шляпу. С платформы прыгнули обезьянки, неся на плечах носилки с осьминогом.

— Я так и знал, что всё пропущу, — грустно булькнул Рауд, которого поставили между Йахомари и Лео.

— Мы только начали, дружище, — улыбнулся лев, взглянув на Джо, доставшего из-за спины лютню и присевшего на край своей повисшей в воздухе платформы.

Настроив струны, он заиграл мелодию. Как река, она подхватила слушателей, и звёзды вместе с ними закружились в танце, унося присутствующих в чарующую фантазию музыки. Йахомари порылась в своей сумочке, достала другую, длинную флейту и заиграла вместе с ним, а в небе над костром закружились сверкающими огоньками таинственные полупрозрачные создания. Одно из них опустилось к огню, подхватило язычок пламени и как нитку подняло его вверх, закружив спиралью между своих сородичей, а те, в свою очередь, тоже подхватили нити и разрисовали воздух над костром удивительными геометрическими образами. Казалось, над ними открылась дверь в ещё одно пространство, откуда на них смотрел иной мир, улыбавшийся им далёкой и незнакомой улыбкой.

Почём твоё рождение выменял у звёзд

Отец мой, звездочёт, мой брат — Харад,

Любитель ночи, пьяных гнёзд,

Прощения водопад.

Летающий солнцем в вышине,

Поющий глаз иных миров.

Меня благословил во мгле

Соткав из воздуха покров...

Лев остановился и посмотрел в темноту. Флейта и лютня закончили играть и тут же начали новую мелодию.

— Входи, — приветливо позвал Лео.

В круг света вошёл Снорри с куском дерева и ножом в руках.

— Присаживайся, — хлопнул Гром рядом с собой.

Глаза Гудди приготовились пустить предательскую слезу и неприятное тянущее чувство дёрнуло сначала пониже груди, а потом там, где голова крепилась к туловищу. Снорри посмотрел на Лео, затем на осьминога, а тот, почувствовав взгляд человека, развёл щупальцами. Здоровяк покачал головой и вышел из круга.

— Куда он опять ушёл? — спросил Гудди, обиженно вздыхая и подсаживаясь к Рауду.

Осьминог как-то рассерженно взглянул на оживлённого, но потом его взгляд смягчился.

— Он ходит в долину, на Поле Спокойствия. Ты же видел лепестки, что ветры гонят на плато, а затем в пустоши?

Гудди кивнул.

— Говорят, запах этого цветка заставляет тебя забыть все заботы мира похлеще забывай-воды. Сам я там не был, потому что это очень опасно, можно забыть себя настолько, что уже не вернёшься.

— А что Гора Мяса хочет забыть?

— Не знаю, — вновь развёл щупальцами осьминог, — спроси у него, но, боюсь, он не ответит.

Гудди молча кивнул.

— Он всё время называет меня «око», что это значит?

— Это значит, что он думает, что ты агент Культа, — булькнул осьминог, — культисты изобрели способ внедряться в оживлённых и управлять ими удалённо. Это как будто у тебя в голове живёт кто-то ещё.

— Это страшно, если у тебя в голове кто-то ещё, — прозвенел Гудди и поёжился.

На месте, где стоял Снорри, показалась пара падальщиков в длинных плащах и закрывавших лицо масках с целым рядом маленьких деревянных клешней, позволявших им, как насекомым, сортировать мелкие предметы, во множестве найденные в пустыне поисковыми группами. Они уселись и устало застрекотали своими клешнями, добавив ритмический рисунок музыке. Йахомари встала и принялась танцевать вокруг костра, продолжая свою удивительную игру на флейте. Её платье из тканевого дерева кружилось,

захватывая всполохи огня, вращавшиеся вокруг неё и поднимавшиеся в картину, нарисованную светящимися полупрозрачными существами над костром.

— Я испугался, — сказал Гудди, поворачиваясь к Лео. — Несколько раз.

— И как тебе? — улыбнулся Лев.

— Не очень приятно. Я думал, что потеряю себя, вас, всё это. Я, оказывается, уже так привык к себе, что даже трудно представить, каково это, быть как раньше, без Гудди.

— Понимаю и не понимаю, — кивнул Гром и засмеялся, обнажив острые белые зубы. — Рауд говорил, что ты справился с дюжиной пустынников, пока он уделявал сотню.

— Нет, — покачал головой оживлённый, — я и одного-то не победил. Он — настоящий герой, он победил двух.

— Двух? — засмеялся Лео. — Рауд? Двух?

— Ну, может, и двух, так всё было быстро, я уже... — начал оправдываться осьминог.

Но Лео было не остановить, он смеялся в голос.

— Ты погоди, скоро это превратится в одну из его морских баек, — проворчал Знарк, — и там будет уже не сто пустынников, а тысяча кашалотов, побеждённых одним лишь его видом.

— Ты бы молчал, перья в голове, — рассерженно булькнул осьминог, — от тебя вообще никакой помощи не было.

— А кто ваши тела принёс на своём горбе? Да если бы не я, — прокаркал грифон, поднимаясь на передние лапы.

— Тише, тише, господа, — примирительно промурлыкал Лео, закапывая задние лапы в песок, — все ваши заслуги не забудутся, когда мы освободим Сердце.

— Не уверен я, что все из нас придерживаются этой цели, — буркнул осьминог, бросив недобрый взгляд на грифона.

— Цели могут быть разными, но мечта у нас одна, — сощурил глаза Гром, — ведь так? — задал он вопрос сразу обоим.

Рауд и Знарк медленно и синхронно кивнули.

— Возвести на трон Барона, — пробулькал Рауд, — возвести очередного человека, а не спасти Сердце?

Грифон посмотрел на осьминога так, словно заряжал ружьё.

— Это не важно, — тем же невозмутимым тоном продолжил Лео, — спасти Сердце и возвести Барона. Это может быть достигнуто одновременно.

— Когда проснётся Сердце, не будет уже власти человеческой. Почему ты из всех перворождённых готов вновь предать свой род и служить людям? Жизнь ничему не научила твою куриную голову? Когда я слышу твой голос, мне кажется, что со мной говорит океан, не меньше. Ты словно ловец жемчуга в море из песка. Твоя гордость не направлена на Барона,

она направлена на нас, твои братьев. Почему ты ему не указываешь на его место? Равное место. Ведь даже его люди не заслужили, — с горечью закончил Рауд.

Все молча смотрели на грифона. Даже обезьянки направили на него свои нарисованные взгляды. Тот поднялся на все четыре лапы и оглядел собравшихся. Йахомари с грустью опустила флейту, медленно подошла к грифону, запрыгнула ему на спину, и перворождённый, взмахнув своими белыми крыльями, взмыл в воздух и исчез из света костра, разорвав своим телом рисунок светящихся существ, медленно покруживших в пустоте, и следовавших за ними.

Джо тяжело вздохнул и вновь заиграл на лютне, застрекотали падальщики, и Лео затянул новую песню.

— Что у тебя на голове? — спросил Гудди у осьминога.

Рауд потрогал красный рог, торчащий почти из самой макушки, и нахмурился.

— Мы... — булькнул он. — Не все, но некоторые из нашего вида, как рассказывала мама... Я не знаю, к сожалению, больше ни одного летающего осьминога, кроме себя, — с трудом подбирая слова булькал он. — Именно потому, что нас всех вырезали. Понимаешь? Всех убили.

Он тяжело вздохнул и закрыл глаза.

— Меня вообще в бочке из города вывезли караванщики сотни лет назад.

— Это как сотни кашалотов? — прервал свою песню Лео и улыбнулся.

— Нет, — нахмурился Рауд, — я старше вас всех, лопухов.

Лео хитро взглянул на Гудди и продолжил петь.

— Не обращай на него внимания, — покачал головой оживлённый, — мне интересно, продолжай.

— Страшное тогда время было, — горько пробулькал осьминог, — люди обвинили перворождённых в том, что Сердце умирает. Началась настоящая охота.

Он замолчал, глядя в костёр, где его воспоминания обретали форму.

— Так бывает с кем-то из нас, — продолжил он, немного помедлив. — Мы, как кокон, где может вырасти другое существо. Космический жук.

— Почему космический? — не зная, чему удивиться больше, жуку или космосу, спросил Гудди.

— Потому что, по преданию, он пролезает сквозь нас из другого мира, чтобы покинуть планету и улететь к звёздам, в космический улей.

— Ничего себе, — поднял свои нарисованные брови оживлённый.

— Не знаю, правда это всё или нет, — булькнул Рауд, — я никогда этого не видел. Но рог растёт.

— Да... — протянул Гудди и поднял голову к звёздам, — так это, получается, у тебя в голове кто-то ещё?

Рауд ничего не ответил.

Глава 22

Он родился совершенно слепым. И не один. Их было одиннадцать, или около того. Барахтающиеся комочки плоти. Те, что родились посильнее, быстро научились отпихивать остальных от матери, вкушая больше пищи. Но инстинкт требовал борьбы, и лейтенант Штурм научился пробиваться к источнику. Рост был медленным, непривычным, но он чувствовал, как с каждым часом становится больше.

Мать нервничала, и её состояние передавалось потомству. Те, что понаглее, больно впивались резцами в её соски, а те, что постеснительнее, всё время теряли их и тыкались носами в пустой живот, лишь больше раздражая её. Хотя рыбы вокруг стало полным-полно, она ей не нравилась. По этой причине мышь целиком сожрала старый ботинок, где обитала последние недели. Её можно было понять. Она вынашивала четвёртое потомство за год, и это было уже чересчур.

Когда ботинок кончился, она принялась за мышат. Лейтенант мог хорошо слышать, как кричат его братья и, почувствовав неладное, пополз прочь, подальше от этой кровавой расправы. Он почему-то вспомнил сказки, прочитанные в детстве, в них так всегда поступала мачеха. А потом, когда он подрос, он прочитал в какой-то очень старой библиотеке те же сказки, но в них на месте мачехи была мать. Похоже, это был тот самый случай.

Он полз довольно долго и уже начал чувствовать, что её нет рядом. Опасность миновала, вот только очень хотелось есть. Лейтенант уже думал повернуть назад, но тут что-то большое пошевелилось над ним. Он немного отполз в бок, но остановился, совершенно остолбенев внутри. Воспоминания о библиотеке были не его воспоминаниями. В это самое мгновение тяжёлый ботинок накрыл мышонка — и тот пискнул в последний раз, с немым вопросом провалившись в небытие.

— Сиди тихо, — прошептала Зара одними губами магистру младшему технику Вульфи, так некстати заёрзавшему своей левой ногой, ещё сильнее упираясь коленом ей в лицо.

«Сама сиди тихо, доигралась со своей рыбой», — мысленно ответил ей ехидный голос в голове магистра, пока тот снимал языком с губ сердечную пыль, в избытке осевшую на его лице.

Весь вчерашний вечер и целую ночь они лежали под полом на втором этаже его жилища, прикрытые матрасом, по счастливой случайности никем не поднятым. Очень хотелось пить, есть и ныть — последнего магистру особенно хотелось. На стуле в комнате спал Культист с ружьём на коленях. Вульфи видел его через щель в полу. «Видимо, эти ребята совсем плохо высыпаятся», — заметил один из его голосов, потому что это был уже второй человек на этом посту, довольно быстро засыпавший. Однако предыдущий спал тревожно и часто просыпался, а этот, похоже, спал крепко.

Зара наконец решилась и медленно поползла к люку, минуя мешки с медной проволокой, припрятанные Вульфи на чёрный день. Она подползла к люку и взглянула на Галахада. Тот махнул ей рукой, давая знак к действию. Девушка стала аккуратно приподнимать люк и матрас вместе с ним. Он предательски съехал в бок, и культист зашевелился на стуле. Зара замерла. Но молодой человек не вздумал проснуться, и Вульфи помахал ей рукой, делая знак продолжать. Девушка подняла люк выше, матрас сполз вниз. Зара медленно выпрямилась, аккуратно укладывая крышку люка на пол. Но, резко распрямив голову, она ударилась о раму открытого окна. Раздался треск и звон оконного стекла. Культист открыл глаза, но тут же закрыл их, уронив голову на бок. Когда он наконец встrepенулcя и, привстав, схватился за ружьё, девушка была уже в шаге от него и замахнулась для удара. Молодой культист от неожиданности сам упал со стула, и удар кулака Зары пришёлся по стене. От боли она запрыгала на одной ноге, тряся ладонью. Палец молодого человека зацепился за курок. Грохнул выстрел. Девушка отшатнулась, схватившись за лоб. Культист в панике пытался совладать со своими трясущимися руками, дёргая затвор. В его глаза брызнули капли крови, чьи-то руки схватили ружьё, и он потерял сознание. Вульфи стоял над ним тяжело дыша, с ружьём в руках.

— Затвор! — крикнула Зара, подпирая стулом дверь, в которую уже колотили, а ещё через мгновение два выстрела проделали в ней дымящиеся дырки.

Девушка, смахнув кровь со лба, выхватила у старика ружьё, прицелилась и выстрелила в ответ — и третья пуля с той стороны разбила стекло за её спиной. За дверью раздался сдавленный крик. Зара схватила магистра за руку и стала выпихивать упиравшегося старика в окно.

— Нет, нет, я не... — бормотал он, уже спускаясь вниз, крепко держа руку девушки.

Над её головой просвистела ещё одна пуля, разбив другое стекло. Вульфи соскользнул с девичей руки и приземлился прямо на мостовую. Зара выпала вслед за ним, приземлившись прямо на магистра и придавив его лицо тяжестью своего тела.

— О луны! — сдавленно закричал Вульфи.

— Сейчас, сейчас, теф-рпение, — кряхтя произнесла девушка, вставая, опершись на приклад.

В окно первого этажа она увидела, как культисты кубарем сваливаются с лестницы. Над её головой просвистел ещё один выстрел, и она присела, вновь придавив лицо магистра.

— Да сколько мо... — закричал он.

— Столько, сколько ну-фно, — процедила Зара, приподнимаясь и стреляя в ответ.

— Где ты научилась стрелять? — удивился Вульфи, наконец поднимаясь на четвереньки и отползая к стене.

Зара продвигалась к двери ползком и не отвечала. Вновь прогремел выстрел, и на её спину посыпались осколки.

— Не тому научись, держа самое злчное заведение в городе, — прорычала она, хватая камень и бросая его в разбитое окно.

— Граната! — раздался крик внутри дома.

— Бежим! — крикнула Зара.

Вульфс вскочил на ноги и побежал по каналу вслед за девушкой.

— Стой, стой, я не успеваю за тобой, — кричал он её сверкающим пяткам.

«Мне кажется, это лучший момент в моей жизни», — вдруг сказал незнакомый голос внутри его головы. Магистр увидел солнце, бьющее через крыши на канал; сверкающую воду; испуганные и удивлённые лица прохожих, как будто бы разбегавшихся в стороны от развивающихся локонов девушки, бегущей впереди; свои ноги, скачущие по покатым камням мостовой. Он, будто впервые, ощущал воздух, режущей прохладой врывающийся в его лёгкие и вырывающийся обратно согретым на бегу его горящим телом. Ничего не напоминало ему, что он был великовозрастный старик, он чувствовал себя юнцом, несущимся навстречу жизни, навстречу... Он врезался в спину Зары, неожиданно остановившуюся перед маленьким мостом на другую сторону канала.

— Красные луны, — зло крикнула она и прицелилась.

Впереди среди толпы виднелись каски стражи, а за ними... За ними, как сама тьма, разбрасывая толпу, скакали два чёрных рыцаря.

Прогремел выстрел — и одна из касок слетела с её владельца. Зара схватила за руку магистра и бросилась на другую сторону канала, сбив с ног мужчину в костюме рыбака с позолоченным блюдом в руках. Оно выпало из его рук в воду канала и угодило прямо в сеть человека, стоявшего в воде посреди водного потока.

— Отдай! Моё! — закричал рыбак.

— Твои тут только сопли! — победно крикнул новый обладатель блюда и скрылся под водой.

— Меня жена убьёт! — не унимался рыбак, ища справедливости у прохожих, но их внимание было приковано к старику и девушке, исчезающим в переулке.

— Этель! Нам нужно добраться до Этеля, — на бегу кричала Зара магистру.

Он еле поспевал за ней, пробираясь между старыми пустыми бочками, заполонившими Целлюлозный переулок, где они теперь пытались скрыться. Навстречу старику из подвала высыпала стая «посыльных» и тут же разлетелась фонтаном запчастей.

— А ты, — пропыхтел в ответ магистр, на бегу потирая ушибленные ноги, — уверена, что там их нет?

— А почему они вообще фтеть? — спросила девушка и свернула в небольшой проём между домами.

— Не знаю, — прохрипел Вульфс, останавливаясь — всё, я больше не могу.

— Нельзя! — воскликнула Зара, сверкнув глазами.

Она схватила магистра и побежала ещё быстрее. Галахад дёргался в её руке, как воздушный змей на верёвочке. Но девушка не останавливалась, она позволила себе передохнуть, только когда они спустились в канализационный люк где-то рядом с Кварталом Печатников. Плотно закрыв его, она спустилась по лестнице вниз и стала наощупь разбирать

указатели. Света почти не было, только несколько ламп на сердечной пыли горело в разных концах тоннеля.

— Сефдечная площадь в той стофоне, — махнула она в один из концов, чуть погодя, — пошли.

— Ты так хорошо говоришь, когда волнуешься, — заметил Вульфи, прислонившись к стене.

— Фнаю, — кивнула Зара и пошла вперёд.

— Я хотел сказать, — произнёс магистр, устремляясь вслед за девушкой, — знаешь, у меня до того, как... до того, как я вас встретил, у меня всё было по-другому. Я словно заново родился. Это поразительно, но я, может быть, впервые за всю свою жизнь чувствую себя живым.

— Интефесно, — хмыкнула Зара, взглядываясь в надписи на стенах.

— Сначала я учился, и там был весь этот школьный, потом университетский уклад.

— Ты учился в унивефситете? — удивилась Зара.

— Да, — кивнул магистр, — на факультете прикладной механики. И было ощущение, что вот шаг за шагом я иду по какой-то лестнице. Потом я поступил в магистрат. И так и остался в нём. Лестница довольно быстро кончилась. Нет, не то чтобы совсем. В своей работе я совершенствовался всё больше. Много изучал. Я придумал себе свою лестницу. Но жизнь встала. Никто меня не ждал с распростёртыми объятиями и не готовил новый, следующий этап, что был бы увлекательнее предыдущего.

Зара повернула в одну из секций и поманила за собой старика.

— А зачем ты фообще пошёл учиться? То есть, тебе что-то дало это обфазование?

— Да, конечно, — ответил Вульфи, — фундаментальное понимание мира, принципов физического устройства.

— И ф итоге ты чинил часы?

— Ну...да. Но кто-то же должен был это делать.

— Мой отец сам чинил наши часы на стене, когда они вставали.

— Это называется «заводить», — хмуро ответил старик, — и это не одно и то же с тем, чем занимался я.

— Не хотела обидеть, — сказала девушка, обернувшись, — пфосто интефесуюсь.

— Ничего страшного, — кивнул Вульфи, — я уже привык.

— К подобным фамечаниям?

— К чувству дискомфорта от того, как я потратил всё отведённое мне Сердцем время, — хмыкнул он, — у меня же был брат. Тот, что «отец» Майло. И он был полной моей противоположностью. Выдающийся человек. У меня всегда перед глазами был пример того, как надо, — Вульфи опустил голову, — и я... Я просто не мог ничего с собой сделать. Я не хотел вступать в соревнование, зная, что проиграю.

— Наверное, не надо было соревноваться, — предположила девушка.

— Да, наверное, но он был настолько хорош во всём, за что бы ни брался, что я боялся взяться за что-либо, кроме своих часов, никому, по сути, неинтересных.

— Я понимаю, — кивнула Зара, сжав руки, — недавно, когда Майло прилетала на своём «ручном драконе», я почувствовала нечто похожее.

Она замолчала. Несколько минут они шли в тишине, слушая, как хлупает под ногами вода, эхом отдаваясь в круглых стенах тоннеля.

— Я почувствовала такую обиду, что я трудилась всю жизнь, а всё, начиная от любви отца и до любви Узурпатора, досталось на блюдечке ей. Мне захотелось ударить её, — призналась девушка и снова замолчала.

Вдали послышался гул падающей воды.

— Понимаю, — кивнул магистр, — я прятал эти чувства в себе всю жизнь.

Они вновь повернули, и перед их глазами оказался коллектор.

— Сутя по надписям, — пробормотала Зара, — нам надо пefебфаться на dfугую стофону.

Она подняла ружьё и дулом указала на противоположный конец большого многоярусного помещения, заросшего мхом и плющом с флюоресцирующими листьями, освещавшими тёмное пространство нежно-голубым свечением. Все его ярусы пересекали множественные водопады сточных труб. Но, на удивление, вода была чистой и не пахла. Разве что знакомый любому живущему на канале запах сырости незаметным фоном поднимался из глубины коллектора.

— Нет, постой, — задумчиво произнёс старик, — я знаю это место.

Он подошёл к стене и стал всматриваться в символы, высеченные в старой каменной кладке.

— Мы сейчас ровно под Старым кварталом, — он хмыкнул, — точнее под его руинами. Чтобы оказаться под площадью, нам надо туда, ниже, — он указал на большой сток в самом низу, — иначе мы упрёмся в стену старого форта, на которой стоит квартал.

Зара одобрительно кивнула и двинулась к темневшей на краю площадки вертикальной лестнице, повесила ружьё на спину и стала спускаться. Вульфи ещё раз взглянул вниз и поспешил за девушкой.

— Тут совсем не пахнет, — удивился он, переставляя руки и ноги по холодному металлу.

— Нечему пахнуть, — горько заметила девушка, спрыгивая на площадку ниже.

— Да, точно, я как-то не подумал, — сообразил старик.

— Как ты думаешь, фачем они пришли к нам? — спросила девушка, переходя узкий каменный мостик, обвитый плющом.

— Не знаю, — пожал плечами Вульфи, — мне показалось, что это оттого, что ты стала торговать рыбой.

Зара усмехнулась.

— Они гоффили о нас обоих, — произнесла она, снова спрыгивая с небольшого возвышения на уровень ниже и оборачиваясь, чтобы помочь магистру.

— Ну, я-то уже привык быть вне закона, но как они узнали о тебе, не представляю, — произнёс он, принимая руку девушки.

— Майло? — спросила Зара.

— Ну что ты, зачем ей это? — помотал головой старик.

— А зачем ей было пфилетать на этом дфаконе, в этом платье? Что это вообще было? — развела она руками.

— Ты заиклена на сестре, — вздохнул магистр.

— Она мне не сестфа, — отрезала Зара и стала спускаться по торчащей из камней металлической лестнице вниз.

— Ну вот, опять. Может быть, это вообще никак с ней не связано, — предположил Вульфи, глядя в серьёзные глаза спускающейся девушки.

— Мофет быть, и так.

Зара спрыгнула на очередную платформу и огляделась. Когда магистр спустился, она указала на широкий мостик через бурлящий поток воды, ведущий к нужной трубе.

— Вон они, внизу! — прокричал кто-то над их головами.

Зара обернулась как раз в тот момент, когда пуля отскочила от камня рядом с её ногой, выбив сноп искр. Девушка вскинула ружьё и выстрелила в ответ. Вульфи пригнулся, но она тут же схватила его под руку, и они бросились бежать к спасительному укрытию темнеющей перед ними трубы. Наверху замаячил свет и, обернувшись, магистр успел заметить капюшоны культивистов и сверкающие каски стражи. Зара бежала впереди, держа за руку выбившегося из сил Вульфи. В трубе было темно, и только гулкий звук шагов выдавал беглецов.

— Сюда! — раздался крик за их спинами.

Зара обернулась и вскинула ружьё. Она нажала на спусковой крючок, но выстрела не произошло. За ними уже бежали люди с факелами в руках. Девушка в сердцах бросила ружьё, схватила старика и бросилась прочь. В почти полной темноте, освещённой лишь сердечной пылью, они еле различили, как труба разделилась. Девушка побежала налево, а старик направо, но Зара дёрнула к себе Вульфи, и тот, еле успевая передвигать ноги, ринулся за ней. Преследователи не отставали, яркими искрами просвистела очередная пуля, рикошетом отразившись от стен и на мгновение осветив большую дыру в полу. Беглецы не успели даже подумать, как пол под ногами исчез, и они оба с криком полетели вниз. Удара же, однако, не последовало, потому что они упали на большие листья странного растения, проросшего в трубе. Листья, один за другим, замедлили их падение и в итоге, как на руках, спустили ко дну.

Голубое свечение исходило и от этого растения, поэтому технический зал коллектора, куда они упали, был достаточно хорошо освещён. Зара быстро пришла в себя и посмотрела на магистра, а затем на вертикальную лестницу, возвышающуюся прямо перед ней и уходящую

далеко под потолок. Вульфи кивнул ей в ответ, поднялся и поспешил за девушкой, уже успевшей преодолеть дюжину перекладин.

— Стой! — раздался крик сверху.

— Вы двое — вниз!

— Капитан, я не полезу, нужна веревка.

— Брось туда факел. Послышалась возня. Огонь от упавшего факела быстро подпалил широкие листья растения, замедлившие падение беглецов, и скоро уже весь зал пылал, пока Зара и Вульфи, пляшущими тенями не исчезли под потолком.

Они выбрались на поверхность сразу за Сердечной площадью, в Переулке Мастеров, посреди длинной очереди из кукол, тянувшейся и петлявшей через весь квартал. Оживлённые расступились от завибрировавшего люка. И только маленькая утка на колесиках со сломанным клювом зацепилась за его край и помогла приподнять тяжёлую металлическую крышку. После секундного замешательства, сообразив, наконец, что делать, ей помогли остальные, и с интересом уставились на девушку и старика, выбравшихся наружу. Те тяжело дышали и кашляли, оглядывая своих спасителей. Из люка повалил едкий дым, поэтому Зара принялась поспешно его закрывать. Один из носильщиков стал помогать ей, но, зацепившись, оторвал себе руку и печально приземлился рядом с люком, разглядывая её.

— Эй, малыш, не грусти, — произнёс магистр, аккуратно вынимая сломанную руку из-под крышки люка и привязывая к проводку на боку носильщика, — тебя залатают, будешь как новый.

Носильщик вспорхнул на своих маленьких винтах и радостно сделал несколько кругов над стариком.

— Пойдём, — прошептала Зара, вставая на ноги.

Вульфи поднялся, оглядывая расступившихся кукол, улыбнулся им и поспешил вслед за девушкой, быстро двигавшейся через толпу оживлённых в сторону химического театра.

— Этель! — прокричала она, заколов в входную дверь. — Этель, откфой скофее!

Вульфи оглядывался вокруг, стоя за её спиной и наблюдая, не видит ли кто их неожиданного прибытия. Но только очередь из кукол с интересом смотрела за происходящим, да и то не вся. Люди в переулках были заняты своими делами, словно не замечая ничего, что происходило вокруг. Замок в двери заскрипел и на пороге показался Сафрона в рубашке навывпуск и домашних штанах.

— О луны, что с вами? У тебя кровь! — воскликнул молодой человек.

— Пофже объяфню, — сказала Зара, отодвигая его от двери и заходя внутрь.

Магистр последовал за ней.

— Запфи дфефь покфепче, — произнесла девушка, падая на кресло перед сценой.

— Так что же случилось? — спросил Этель у Вульфи, помогая ослабшему старику присесть.

— Не знаю, — замотала головой Зара.

Молодой человек вопросительно посмотрел сначала на неё, потом на магистра.

— Вчера пришли культисты, — начал старик, — с оружием. Искали нас. Именно что нас обоих.

— Во имя Сердца! — воскликнул Этель.

— Да, пфишло много. На ночь остафили дозоф-рных, — продолжила за старика девушка, — мы спфятались под пол на втофом этафе. Они чудом не сдвинули матфас, и мы так до сегодняшнего утра пфолежали.

— Решили уже выбиратьсья, — сказал Вульфи, — и...

— Ну, фсе пофло не софсем так, как планифофалось, — усмехнулась Зара.

Этель поднялся на сцену и исчез за кулисами.

— Погони, перестрелки, — весело тараторил Вульфи, — в общем, вот это вот.

Молодой человек вернулся с саквояжем в руках и удивлённо поднял брови.

— Жизнь, дружище, настоящая жизнь, — радостно констатировал старик и подскочил в кресле, но тут же схватился за спину и опустился обратно, — вот только спина и ноги подводят, — прохрипел он.

— Как вы добрались сюда? — спросил Сафрона, прикладывая ко лбу девушки дезинфицирующую мазь, — это что, он пули?

— Да, от пули, — зажмурившись произнесла Зара.

Лицо молодого человека выразило удивление, испуг и восхищение одновременно.

— Сбежав из нашей рыбной лавки, мы спустились в коллектор под Старым кварталом, — уточнил магистр, — чуть не погибли. За нами гнались и стреляли много, ни разу, правда, не попали. Устроили пожар.

— А где преследователи? — с тревогой уточнил Этель, накладывая бинт на голову девушки.

— Вроде оторвались, — пожал плечами магистр.

— Но не факт, что они не пфидут к тебе, — сказала девушка, посмотрев в глаза молодого человека.

— Да-а, — протянул Этель, убирая лекарства, — я тут тоже, знаете, кое-что обнаружил странное.

— Что? — встрепенулся Вульфи.

— Прихожу я давеча в театр, — произнёс молодой человек, поднимаясь обратно на сцену, — люк в крыше открыт, — он показал на потолок, где зияла большая дыра, и в неё светило солнце. — А тут, внизу, — он поднял доски на сцене, открывая пространство под ней, — вот это.

Вульфи привстал и, держась то за спину, то за спинки кресел, побрел к сцене. Забравшись, он подошёл к тому месту, где стоял Этель, и увидел, что под сценой в углублении стоял летательный аппарат.

— Молния! — произнёс он, ахнув.

— Аллади, — отозвалась за его спиной Зара, тоже поднявшаяся посмотреть на находку.

— Аллади? — переспросил Этель.

— Да, — воскликнул Вульфи и усмехнулся, — он о них говорил, а я подумал, что это пьяный бред.

— Он пил? — удивился Сафрона.

— Мы его напоили, — хмыкнула Зара.

— Напоили? — переспросил Этель.

— Да, он пфишёл сам не свой, обиделся на мой намёк пфо деньги, — пожала она плечами.

— Разрыдался, — уточнил Вульфи, — мы дали ему забывай-воды. И он стал нести какой-то бред про то, что у него под сценой две «Молнии» и что, если бы он мог починить их, он улетел бы за горы, в «Свободный Город».

— Похофе, что улетел, — задумчиво закончила за него Зара.

— Когда, говоришь, это было? — спросил Вульфи.

— Вчера утром, — ответил Этель, присаживаясь на стул в глубине сцены.

— Ну точно, — обернулся старик к Заре, — проспался и полетел.

Зара многозначительно посмотрела на обоих.

— Может, и нам улететь? — спросил магистр, — в сложившейся ситуации это не самое плохое решение. Заодно узнаем, что за «Свободный Город».

— Он гофофил, что их надо починить, — произнесла девушка, усаживаясь на край сцены и задумчиво глядя на дыру в потолке.

— Ну, раз ему удалось, значит, и мне удастся, — победоносно провозгласил Вульфи и спрыгнул вниз к летательному аппарату.

Этель подошёл к Заре, присел рядом на край сцены и обнял её. Девушка положила голову ему на плечо. Он поправил её русский локон, выбившийся из-под бинта, спрыгнул с края сцены в зал, обернулся и поцеловал Зару в губы. От неожиданности она вздрогнула, но потом улыбнулась и ответила на поцелуй. Под сценой заурчал двигатель «Молнии».

— Всё работает! — радостно закричал Вульфи, выскакивая наверх. — Ой... — крикнул он и снова исчез под сценой.

Прошло ещё много времени, прежде чем они опомнились.

— Погоди, — замотала головой девушка, — у меня кружится голова.

Этель отстранился от неё.

— Нет, не так далеко, — недовольно фыркнула Зара и прижала его к себе крепко обняв.

— Я понял, в чём проблема, — раздался голос из-под сцены.

— Я тоже, — прошептал Этель.

Зара засмеялась.

— Не работает контур аккумулятора и интегральный умножитель, — бормотал под сценой Вульф.

— Полетишь? — спросила Зара, глядя в глаза Этелю.

— С тобой — куда угодно, — улыбнулся Сафрона.

— Я стала ужасно сентиментальна. Верю во всю эту чушь, — ласково произнесла девушка, гладя рукой щёку молодого человека.

— Это не чушь, — произнёс он, картинно опуская глаза.

— Ну только не делай вид, что ты обижаешься, — засмеялась она в ответ.

— Ты очень чисто говоришь сейчас, — удивился Этель.

Зара пожала плечами и закрыла лицо руками.

— Что-то не так? — удивился молодой человек.

— Сестра, — покачала головой девушка, — мне так стыдно перед ней за то, как я ненавижу её, а я даже не могу извиниться.

— С ней всё будет хорошо, — вздохнул Этель, — она же там, во дворце, что с ней может случиться?

— Тогда пофему она всё это не остановит? — рассердилась Зара.

Сафрона молчал.

— Я пойду, найду тебе и мистеру Вульфи чистую одежду — произнёс молодой человек, отстраняясь, в попытке избежать неловкой паузы.

— Не уходи, — прошептала девушка.

— Я ещё вернусь, — улыбнулся Сафрона, снимая её руки со своих плеч, — сходи в душ, это тут, за сценой, — бросил он через плечо, — только аккуратнее с головой.

Девушка вспомнила про бинт, смутилась, забралась на сцену и пошла по направлению к душе.

— Я знаю, как её починить! — воскликнул магистр, выскакивая из-под сцены.

Но на сцене никого не было. Он глупо огляделся, теребя небритый подбородок.

— Господин Этель? — позвал он, вытягиваясь в струнку, будто пытаясь заглянуть подальше за кулисы.

— Да, да? — лицо молодого человека показалось из-за портьеры.

— Не найдётся ли у вас каких-нибудь редкоземельных металлов, вроде золота или платины? — спросил старик. — И инструмента.

— Да, сейчас посмотрю, — кивнул Сафрона, — дайте только подберу вам что-то, чтобы вы могли переодеться.

— Конечно, конечно, — улыбнулся магистр, — и, если не трудно, посмотрите в своей волшебной сумке какую-нибудь мазь для коленок. Мои отказываются столько бегать, как в последние недели.

Этель кивнул и исчез за сценой, на которую повалил пар из душа.

— Всё счастье молодым, — вздохнул Вульфи и опустил к летательному аппарату. — Скажи спасибо, что не убили, — пробормотал он сам себе, сдирая обивку с сидения «Молнии».

— Вы уверены насчёт адреса? — нетерпеливо спросил молодого культиста капитан Щас, подкручивая усы и оглядывая фасад химического театра Сафрона.

— Да, капитан, — кивнул Париц, — прикажите ломать дверь.

— А как же всё это «именем Его Верховного Преосвященства»? — усмехнулся стражник.

— Ваши шуточки оставьте для казармы, — вспыхнул глазами слугитель, — ломайте дверь.

— Усёк, — пробормотал Альфонсо, повернулся на каблуках и сделал знак стоявшему в отдалении стражнику.

— Сержант, — позвал он, — дайте приказ вашим молодцам снести эту дверь.

Ручи кивнул и повернулся к стражникам, столпившимся за углом. Те подняли таран и, бряцая кирасами, пошли ко входу в театр, обходя ряд чёрных рыцарей, чей дым непроглядной стеной заполнил улицу. Под их металлическими ногами жалобно поскрипывали раздавленные оживляшки, не успевшие покинуть бесконечную очередь в Переулке Мастеров.

— По моей команде, — сказал Ручи, когда стражники изготовились, и повернул голову к капитану.

Капитан посмотрел на Парица, молодой человек дал знак своим людям, вставшим по обе стороны от дверей. Париц кивнул. Щас повернулся к Ручи.

— Начали, — сказал Ручи.

Здоровой рукой он отстегнул застёжку на кобуре, где покоился его новенький именной пистолет. Стражники качнулись и врезались тараном в дверь, но та оказалась крепче, чем была на первый взгляд, и сразу не поддалась.

— Живее, — прикрикнул Ручи, доставая из кобуры пистолет.

Со второго удара дверь не выдержала, и стражники с разбегу упали в небольшом холле перед кассой театра. Образовался затор. Пока они поднимались, подгоняемые ворчанием и руганью культистов, в зале послышался какой-то шум.

— Скорее! — прикрикнул на нерасторопных стражников Париц.

Ручи растолкал своих подчинённых и, наступив кому-то на ногу, а кому-то на руку, выскочил в зрительный зал. Он не успел даже прицелиться, как на него напрыгнул молодой человек с перекошенным от злости лицом и повалил на пол. Они кубарем покатались по полу, молодой человек оказался сверху и заехал Ручи прямо в бровь, отчего глаза его тут же залило кровью. Один из стражников схватил нападавшего, а другой врезал ему прикладом по лицу. Молодой человек обмяк и повис на руках схватившего его стражника.

— Вот гадёныш, — прорычал Ручи, держась за глаз.

— Стреляйте! — раздался рядом голос Парица, пробравшегося в зал и целившегося в кого-то.

Раздался хлопок и звук реактивного старта. Все вокруг схватились за уши и повалились на пол. Кто-то охал, кого-то тошнило, а Париц кричал, схватившись за лицо. Ручи с трудом поднялся и, шатаясь, подошёл к молодому культисту. С невероятным усилием он отнял его руки от головы и ужаснулся. Вся кожа на правой части лица юноши была обожжена. Стражник оглянулся. Сцена горела, и в огне взрывались склянки с химическими препаратами, разбрызгивая осколки сверкающего разноцветного дыма. А в потолке зияла дыра, тоже полыхавшая в языках пламени.

— Уходим, — крикнул он, — быстро.

Он ударил одного из замерших стражников по щеке. Тот быстро пришёл в себя, подобрал обожжённого культиста и поспешил к выходу. Ручи поднял напрыгнувшего на него юношу и выволок его из здания.

К моменту, когда все выбрались на воздух, здание уже полыхало целиком, и был слышен колокол спешившей к ним пожарной команды. Ручи смотрел, как мучается в руках товарищей Париц и огляделся. Поймав за рукав пробежавшего мимо стражника, он спросил:

— За врачом послали?

Стражник кивнул и, вывернувшись, побежал дальше. Ручи оглядел полыхающее синим, зелёным и пурпурным здание. Сбоку на него полилась вода. Он повернул голову и увидел летающий экипаж пожарной части, висевший над улицей.

— Как нелепо всё вышло, — произнёс он вслух.

— Ну хоть этого взяли, — кивнул на пленного капитан Щас, подходя сзади.

— А я бывал в этом театре, — заметил Ручи.

— Да? — оглянулся на него капитан. — О великое Сердце! Сержант, да у вас кровь.

— Пустяк, — помотал головой Ручи.

— Да, кстати, — наклонился к нему Альфонсо, — по поводу девочки. Я бы попросил вас всё же увести её из барakov. Я не то чтобы против, но ребёнку не место среди этой солдатни, — кивнул он в сторону сидевших на ступеньках магазина стражников, тут же громко рассмеявшихся чему-то непристойному.

— Я понимаю, у вас теперь связи, сержант, но поймите и меня. И можете быть свободны, если что, на сегодня уже нагеройствовались, — поднял брови капитан и пошёл к культистам.

Ручи постоял ещё на месте, посмотрел, как тушат пожар, и направился вниз по Переулку Мастеров к казармам. Он шёл не спеша, ему нравилось, как ступают его новые сапоги. И стражник с удовольствием бросал взгляд на выгравированный сержантский значок на кирасе. Несколько раз он даже попробовал симитировать походку капитана, держа руку на кобуре, как на эфесе шпаги.

Добравшись до своей квартиры ко второму закату, он, с наскоро перемотанной дежурным доктором головой, зашёл в душное узкое помещение, там в обнимку со своим металлическим псом спал на койке Блоп. Мита сидела у окна, приложив ухо к стеклу и слушая крики шастающих без дела отпускных, не таких ещё пьяных, но и не совсем уже трезвых.

— Почему наши ворота закрыты? Потому что за ними песок! А песок, а песок, как драный носок, мы выбрасываем за порог! — горланил кто-то из них, строевую кричалку, приспособленную из стихов Последнего Поэта.

Ручи подошёл к толстяку и пнул его кровать. Блоп ударился от неожиданности головой о своего металлического друга, дёрнулся и чуть не упал.

— Что? Что такое? — залепетал он. — А. Это ты. О луночки, а я уж испугался, что за мной пришли.

— Кто пришёл? — устало спросил Ручи.

— Что с твоей головой? — удивился Толстяк.

— Пустяк, — отмахнулся Ручи, — ты лучше меня послушай. Нам надо увести отсюда Миту, — произнёс он и посмотрел на девочку.

Та взглянула на него спокойным взглядом и кивнула.

— Когда вы так делаете, — произнёс Блоп, — у меня мурашки по коже.

— А у меня мурашки, когда ты спишь с этим псом, — ответил высокий стражник, присаживаясь на свою кровать.

Голова собаки поднялась из-за пуза толстяка и вопросительно завертела в разные стороны. Блоп присел.

— И куда мы её денем?

— Я подумал, пока шёл, — ответил Ручи, — помнишь того старика в Переулке Слепых? Я слышал сегодня, как Культисты обсуждали что-то про этот дом.

— Да ну, брось, — недоверчиво нахмурился Блоп.

— Говорю тебе, пересечение канала и Переулка Слепых, — кивнул Ручи, — пока ты спал, была большая операция. Ловили каких-то беглецов с этого адреса.

— А ты как там оказался?

— Меня вызвал Капитан, как доверенное лицо Культа. Они брали кого-то в химическом театре, знаешь, там, у Мастеров?

— Знаю, — кивнул Блоп, — мы были там. Скучища.

— Да, — кивнул Ручи. — Но сегодня там скучно не было, здание сгорело. Хозяин, похоже, пойман, и Култ его тоже забрал. У меня такое чувство, что это всё по донесениям нашей пташки с ратуши, — усмехнулся он.

— Загадочно, — протянул Блоп.

— Но суть не в этом, — замотал головой длинный стражник, — а в том, что то помещение, где жил тот странный старик, теперь пусто. Блоп посмотрел на Миту. Та отвернулась к окну, как будто не замечала их разговора.

— Что думаешь? — спросил у девочки Блоп.

Мита повернула к ним свою маленькую голову с волосами в ровный пробор, сплетёнными в толстую, завёрнутую на затылке косу.

— Я думаю, что это лучше, чем здесь, — произнесла она и снова повернулась к окну, где слышалась пьяная песня.

— Я с ней согласен, — сказал Ручи, — собирайтесь, ещё успеем до темноты.

— Ну, раз вы всё решили, — пожал плечами Блоп, — я могу лишь подчиниться.

Он встал, снял с кровати Зога и стал сматывать матрас, на котором спал.

Вскоре они уже шли по тёмным аллеям Нижнего сада, обходя развалины Старого квартала по большому кругу, по старой привычке не желая идти так поздно по каналу. Мита ехала на Зоге, пыхтевшем белым паром между длинным и толстым стражниками, несшими на спинах свои пожитки. Оба носили теперь сержантские погоны и были награждены именным оружием по повелению начальника отдела особых поручений.

Девочка вела себя тихо и мало реагировала на окружающий мир, чаще прислушиваясь к далёким крикам и голосам.

— Знаешь, а всё-таки мы очень везучие, — хмыкнул Блоп.

Ручи посмотрел на него долгим взглядом и промолчал.

— Несколько дней назад мы трясли того старого рыбака за те гроши, что он платил капитану, — усмехнулся толстяк.

Девочка повернула к нему голову.

— У всего есть цена.

— Да, — пожал плечами Блоп, — но стоит ли думать об этом, если ты всё равно платишь.

Они повернули к рынку и стали подниматься по одной из множества узких каменных лестниц, разбегавшихся от Рыночной площади наверху. Собака с трудом могла забираться на ступеньки с девочкой на спине. Поэтому Мита слезла и пошла вслед за Зогом, держась за его скрипучий металлический хвост.

На рынке было уже безлюдно, как и на площади перед Колизеем.

— Смотри, ничего не поменялось, — Блоп кивнул на гладиаторов, сидевших на скамьях перед воротами.

— А что могло поменяться? — устало спросил Ручи, помогая Мите вновь усесться на Зога.

— Не знаю, — пожал плечами Блоп и усмехнулся, — может, все друг друга наконец перебьют.

— Новые народятся, — хмыкнул Ручи.

Добравшись до канала, компания остановилась перед когда-то красной дверью, на ней толстым гвоздём было прибито объявление с печатью Культа.

— Смотри, стёкла повыбивали, — произнёс Блоп, оглядывая бывшее жилище магистра.

— Да, на втором этаже тоже, — кивнул Ручи, глядя наверх.

— Дверь нараспашку, — произнёс Блоп.

Он сорвал бумагу Культа и вошёл внутрь, Зог юркнул в дверь за толстяком. Мита последовала за ними.

— Пахнет рыбой, — констатировал Блоп, снимая со спины рюкзак и постель, — похоже старик переквалифицировался в рыбака.

На этих словах что-то зашевелилось в углу, за тюками. Блоп вскрикнул и отшатнулся. Он пристально следил за непонятной фигурой, пока она не вышла в лунный свет, падавший из ближайшего окна.

— Не бойтесь, — тихо обратился рыбак к вошедшим, — это я.

— Ох, — схватившись за сердце, выдохнул Блоп, — как же ты меня напугал.

— А, старый друг, — хмыкнул, входя, Ручи, — быстро же ты нас капитану сдал.

— Нет, я... — начал было рыбак, но замялся.

— Нечего сказать? — спросил Ручи.

— Кто тебя так? — спросил Блоп, приглядываясь к заплывшему правому глазу рыбака.

— Неудачная встреча, — пробормотал рыбак, делая шаг к стражникам, — простите меня, мне некуда идти, не выгоняйте.

— К жене иди, — зло бросил Ручи.

— Она меня убьёт, — развел он руками и упал на колени, — у меня совсем плохие уловы, домой не пускает без двух килограмм добра.

Ручи рассмеялся.

— С тех пор как обвалился Старый квартал, столько народу здесь на канале, все ловят. Моё дело рухнуло, впору закрывать лавку на рынке, — причитал, упав на колени и закрывая лицо руками, рыбак.

— Зог, — позвал Блоп, — помоги нашему другу покинуть помещение.

Металлическая собака вопросительно взглянула на толстяка, пожала плечами и поскрипела по направлению к плачущей фигуре. Рыбак подскочил.

— Нет, нет, пожалуйста, шамаскурато! — закричал он, боком пробираясь к входной двери, и выскочил на улицу, молнией мелькнув в переулке.

— А где Мита? — встревоженно спросил Ручи, когда всё смолкло.

Блоп огляделся, но девочки в помещении не увидел. Ручи взбежал по лестнице на второй этаж и нашёл Миту перед большим матрасом. Она стояла на четвереньках и трогала пол. Когда Ручи вошёл, она внимательно посмотрела на него и тихо произнесла:

— Он был здесь. Прямо здесь. Мы на верном пути.

Глава 23

Вокруг, куда бы ни бросил взгляд случайный прохожий, поднимались вверх тонкие арки, балконы в завитушках и окна, обрамлённые лепниной. Пытаясь сравниться с величием возвышающихся над ними замков, дома среднего яруса приютили у себя статуи прекрасных девушек, юношей и перворождённых, стилизованных под времена «предания». Мало кто мог понять смыслы, спрятанные архитекторами в эти замысловатые ансамбли. Что-то давно подменили, что-то исчезло безвозвратно, а вдоль Проспекта Согласия, в углублениях между арок, где раньше стоял весь пантеон фальшивых богов, теперь зияла пустота. И это ещё в лучшем случае, потому что комиссия Культа по современной культуре везде, где только можно, пихала фигуры Последнего Поэта. В городе, где мигом сажали за решётку за случайно произнесённую рифму.

Рифмованные слова издревле приравнивались к магии. Чтобы попросить Сердце о чём-то, достаточно было срифмовать несколько слов. Но Культ считал это городской байкой и ещё во времена Давия Рамцеса, первого Верховного главы Культа, пошёл войной на стихи. Завершился этот крестовый поход во время правления Саммариуса, сделавшего официальными лишь стихи Последнего Поэта, прославлявшего самого Узурпатора.

В обветшавшей роскоши этих противоречивых барельефов среднего яруса, угадывался уход. Краска почти везде была обновлена, тротуары и лестницы отмыты, и кое-где блестели в свете электрических и газовых фонарей. Даже сердечная пыль, которую здесь не жаловали, поскольку она обычно забивалась в проёмы и зловеще светилась по ночам, здесь стеснялась сама себя и только изредка сверкала крохотными песчинками то тут, то там. Незадачливый прохожий, засмотревшись на высеченное в камне кривое зеркало истории, беспрепятственно мог прогуляться совершенно один от Площади Радости по всему Проспекту Согласия к нижним воротам во дворец, если повезёт не наткнуться на патруль.

Оживлённый слуга в котелке и с металлическими усами бесцельно брёл по Цветочному переулку. На верхний ярус к замку Трокийя его не пустили — замок был оцеплен. И он не смог бы сосчитать, сколько бродил на среднем ярусе, чудом минуя полицию. Бедняга не очень соображал и всё так же скрипел, как в последний раз, когда видел хозяина. Всё так и продолжалось бы, если бы навстречу ему из темноты, уходившей вниз к опорам лестницы, не поднялся сухой мужчина средних лет.

— О, тебя-то я и ищу! — воскликнул Брат Ветчина.

Оживлённый удивился и направился на голос, чувствуя наконец, что может пригодиться.

— Пойдём со мной, я отведу тебя к друзьям, — весело улыбнулся мужчина и, схватив оживлённого за руку, повёл его вниз.

Спустившись на технический этаж, проходивший от площади через весь Проспект Согласия, он провёл куклу мимо постов полиции и шагающих в темноте чёрных силуэтов рыцарей, от которых даже слугу пробрало дрожью до самых винтиков. И это было поразительно для «дуболома», не обладавшего сильным понятийным аппаратом.

— Скоро придём, скоро придём, — приговаривал Брат Ветчина, похлопывая оживлённого по котелку.

И действительно, скоро они оказались на подвесном металлическом мосту с решётчатым полом, где скопилось множество оживляшек. У каждой был в руке лист или плакат, и мужчина вручил такой же слуге Великого Мастера.

— Вот держи и следуй за остальными, там и пригодитесь, — улыбнулся Брат Ветчина и исчез в темноте.

Слуга расстроился, что вокруг теперь было так темно. Но в то же мгновение, как он позволил себе эту мысль, если так вообще можно сказать в его случае, впереди забрезжил свет и толпа оживлённых потянулась к нему как к источнику всех смыслов.

— Но он был убит, это не иллюзия, я только что из Института Чудес, он всё ещё там, точнее его тело.

— Да, мой милый, — кивнул Верховный, кладя руку на плечо своего ученика, — не всё удаётся удержать в руках.

— Значит, это было кому-то нужно, — настаивал на своём Септ, стоя с учителем в широком коридоре дворца, — кто-то хотел, чтобы он молчал.

— Мало ли кто? — покачал головой Верховный, так что его расшитый золотой нитью чёрный капюшон упал на плечи, обнажив седые волосы, собранные в аккуратный хвостик, — так ли это важно сейчас?

Его Высокопреосвященство кивнул на большую дверь, откуда слышался шум.

— Важно то, что мы собрались праздновать победу, а её на самом деле нет, — твёрдо ответил Альберт, снимая руку старика с плеча.

— Малы... Милый Альберт, — сказал старик и прокашлялся, — зачем ты опять путаешь политику с правосудием? У тебя будет ещё столько времени разобраться с этим, что ты даже представить себе не можешь. Но сейчас, — Верховный многозначительно посмотрел на Септа, — мне, то есть нам, нужно устроить это мероприятие, чтобы наши любезные подданные верили в силу и непоколебимость нашего шаткого престола.

В этот момент противоположная дверь в коридор открылась, и в ней показался Узурпатор. А вслед за ним в роскошном белом платье впорхнула его спутница, бывшая торговка цветами, а ныне та самая Белая Дева.

— Скажите, Ваше Высокопреосвященство, вы ведь специально с ним договорились, чтобы он вошёл точно после этих слов? — прошептал начальник секретной службы.

— Делов том, что мы всё делаем правильно, — усмехнулся в ответ Верховный и пошёл с распростертыми руками к правителю: — Ваше сиятельство, как мило, как мило вы оба выглядите, и как подходят ваши наряды.

Он заговорил таким ласково-елейным тоном, что Септ чуть не расхохотался, но годы, проведённые при дворе, заставили его лишь глубоко поклониться. Только играющие скулы, выдавали в нём борьбу его негодования и саркастического веселья. Узурпатор молчал, а торговка цветами смущённо засмеялась.

— Ваше величество, — произнёс Альберт, наклонившись ещё ниже, когда Тэмен подошёл.

— Хватит, Септ, не вам кланяться сегодня, — повелительным, но тёплым и будто бы извиняющимся тоном произнёс Узурпатор, останавливаясь, — сегодня ваш праздник.

Начальник отдела особых поручений выпрямился и улыбнулся девушке. Та смущённо поклонилась ему.

— Я принял решение представить вас к награде в знак... — Тэмен посмотрел на Верховного, — в знак вашей верной службы и чистоты ваших помыслов передо мной.

Септ ещё раз поклонился правителю.

— Ваша справедливость и рассудительность — то, чего мне так не хватает, — произнёс он, глядя на сверкающие в лучах электрического света сапоги Узурпатора.

— Хватит, лучше смотрите мне в глаза, служитель Септ, — поморщился Тэмен и повернулся к Майло. — Пойдём, дорогая, откроем этот вечер.

Заметно нервничающая девушка выдохнула и, приняв руку Йомеры, последовала за ним к двери. Верховный поспешил за ними, а Септ присоединился к Его Высокопреосвященству.

Дверь открылась сама, как только Узурпатор со спутницей подошли к ней. Старые приборы всё ещё исправно работали. Шум за дверьми стих, заиграла торжественная музыка. Септ услышал, как Тэмен шепчет:

— Как я тебя учил, с третьей, и...

И они шагнули вниз по расходящейся расширяющимся полукругом лестнице, ведущей в большой зал, где собрался весь цвет города. Представители каждого великого дома и приближённые к фамилии, те, кто принимал участие в той или иной комиссии или органе управления, не ниже второго ранга — все они в единой расходящейся волне склонились перед Узурпатором, спускавшемся вниз вместе с простолюдинкой. Тот, кто давно был при дворе мог бы со всей остротой ощутить ту неоднозначность, с которой был произведён этот поклон.

По правую и левую руку от правителя, на балконах, располагался оркестр. А по краям лестницы стояли испускавшие дым чёрные рыцари — они подняли мечи на караул, как только вошёл правитель. Септ и Верховный остановились за несколько шагов до двери и ждали. Йомера спустился до середины лестницы и остановился, держа на весу руку девушки. Он

взглянул на Майло, застывшую вместе с самим временем, набрав в лёгкие воздух и готовую потерять сознание.

— Хочу вам представить, — громогласно произнёс он, повернувшись к подданным, — свою невесту.

Можно было почувствовать, как толпа вздрогнула и волна ропота пробежала по ней.

— А вот это он зря, — прошептал Верховный сквозь зубы, — они не простят ему.

— Белая Дева, — произнёс Тэмен, — спасительница и ревнительница. Любите и жалуйте её, как меня самого.

Среди придворных повисло молчаливое напряжение, но головы и спины лишь сильнее склонились в поклоне.

— А сейчас, — Узурпатор поднял голову, — время чествовать героя нашего вечера.

Йомера и цветочница расступились.

— Иди, — кивнул Септу Верховный.

Сверло сделал три шага и показался в проёме двери. Он увидел, что толпа разогнулась и сначала робко, а потом всё громче и громче начала аплодировать. Альберт обернулся на старика, ища поддержки. Но тот лишь кивнул ему, и Септ стал спускаться по лестнице, чувствуя, как его самообладание теряет опору. Ему даже захотелось заплакать, так это всё было трогательно, приятно и бесконечно нужно ему. За все эти годы, ни разу не ждавший похвалы, он получал её теперь сполна, от всех этих людей, чей покой берёг, чью власть и порядок вещей защищал.

— Этот человек, Альберт Септ, — гремел голос Йомеры, тоже аплодировавшего и улыбавшегося начальнику отдела особых поручений.

Сомнения, так терзавшие Альберта последние недели, впервые за долгое время улетучились. Септ чувствовал, как его ноги подкашиваются. Но он вспомнил о дыхании, поймал концентрацию, как его учили в школе, и мгновенно вернул баланс.

Он подошёл и встал между Йомерой и торговкой цветами. Он чувствовал, как его левая сторона, где находилась девушка, испытывает презрение, и как трепещет правая сторона его тела, обращённая к Узурпатору. Тэмен поднял руку, и аплодисменты смолкли.

— В назидание врагам Сердца и для покоя сердец наших такие люди, как Альберт Ройа, — Септ вздрогнул. Йомера назвал имя его дома, — трудятся, не жалея своих сил.

Септ покраснел и постарался сильнее сконцентрироваться на дыхании, чтобы погасить румянец, что жёг его щёки. Краем глаза он заметил, как цветочница смотрит на него тёплым и нежным взглядом, выражающим искреннее почтение.

— Моим величайшим указанием было найти и наказать виновных в ужасной трагедии, унёсшей жизни тысяч людей в Старом квартале, — продолжал Узурпатор. — Те, кто не был там и не видел, да пусть содрогнутся, потому что это могло случиться с каждым. При моём правлении подобное не могло остаться безнаказанным. И пусть мы все носим печать горя тех событий, — он дотронулся до чёрной ленты на груди, — мы должны так же не забывать и чествовать тех, кто является мечом правосудия.

Из толпы по лестнице стал подниматься слуга, который нёс в руках церемониальный меч. Септ удивился и заморгал. Йомера сделал ему знак, и Альберт неуклюже спустился на ступеньку и покорно склонил колено.

— За разоблачение заговора Перлеглоза Трокийи, — отчеканил слова Узурпатор, — за отмщение невинных, — продолжил он, принимая из рук слуги оружие, — я, Тэмен Йомера, второй Узурпатор и наследник дел отца своего, возвращаю дому Ройя их титул и звания. А тебя, Альберт Ройя, — он возложил меч на плечо Септа, — я объявляю прямым и единственным наследником дома, восстанавливаю во всех правах, включая владение твоим родовым замком и феодем.

В толпе кто-то ахнул, но Тэмен не обратил на это внимание и переложил меч на другое плечо стоящего перед ним на коленях начальника отдела особых поручений. В голове Септа кружилось что-то невероятное, похожее на сон, но тем не менее реальное, почти осязаемое. Мгновение, о котором он даже не мыслил, вдруг стало таким настоящим, что он мог ощутить его на вкус.

— Встань, герцог Ройя, — торжественно объявил Узурпатор.

Септ поднялся и почувствовал, как на его плечи опустились чьи-то руки и овили вокруг его шеи плащ, закрепив его гербовой брошью. Это были знакомые ему с детства руки Верховного.

— Дом Трокийя поддержал моего отца, — продолжил свою речь Йомера, — дом Ройя поддержал меня. Что ж, такова воля Сердца.

Зал вновь взорвался аплодисментами. Окружавшие Септа люди тоже зааплодировали. И он вновь почувствовал прилив радости, стыда, смущения и гордости, враз ударивших ему в голову, как глоток забывай-воды.

В себя он пришёл только посреди поздравлявших его вельмож. Лицо сменялось на лицо, а он машинально произносил слова благодарности и улыбался. Среди них мелькнула герцогиня Ки, внеся струю трезвости в происходящее, и он наконец смог осознать себя и, освободившись от бесконечных поздравлений, протиснуться в зал для танцев. Но тут его поймала за плечо чья-то рука. Септ обернулся и увидел Верховного. Старик улыбался своей кривой улыбкой.

— Ну что, мой мальчик, не ожидал?

Он явно был доволен собой.

— Ваших рук дело? — спросил Альберт, подходя к нему ближе.

— Возвращение фамилии придумал он сам, — хмыкнул Верховный, — а вот рыцарство предложил вернуть тебе я.

— Благодарю, — Септ поклонился.

— Это я тебя благодарю, мой дорогой, — рассмеялся глава Культа.

— И что мне теперь делать? — как-то растерянно спросил Септ.

— Как что? Теперь у тебя есть феоде.

Альберт долго смотрел в глаза наставника.

— А как же моя работа? — медленно произнёс он.

— Париц — умный молодой человек.

— Но он же совсем ещё...

— Ты же знаешь, кровь требует обновления.

— Не рано ли?

— А тебе как было, не рано? — похлопал его по плечу Верховный, направляя в бальный зал, где уже выстраивались пары, а оркестр дал первые ноты «Танца луны».

Узурпатор вместе со своей спутницей первым сделал шаг, и они закружились вокруг большого стеклянного шара в центре зала. Остальные двенадцать пар одна за другой последовали за ними, спиралью расходясь по помещению. Сделав первый круг, кавалеры отпустили дам и пересекли их линию насквозь, изменив порядок. Узурпатор подхватил графиню Леватургосту, а цветочница досталась Барону Ят. Все продолжили вращение. Септ когда-то учился танцевать этот танец, но всех переходов так и не запомнил. Его пара всегда саботировала его.

Вынырнув из воспоминаний, он вновь увидел её среди толпы. Герцогиня Ки Амун смотрела на склонившиеся в центре шара фигуры. Алберт тоже взглянул на них и не сразу разобрал, кто это. Это были младшие Трокийя, он узнал их по гербовым цветам на одежде. Внуки и племянники погибшего Перлеглоза, они исполняли поклон повиновения — ритуал, проводимый провинившимся домом, чтобы отмыть проступок одного из его членов. Септ опустил голову и посмотрел на кончик своего ботинка, и к нему вернулось сомнение, оставившее его на время церемонии. Но тут слева к нему подскочил Серан Тайград, коренастый и полноватый мужчина средних лет.

— Благодарю вас, мой любезный друг, — произнёс он, расплывшись в улыбке и схватив Альберта за руку, — ваш прозорливый ум, ваша всем известная непреклонность. В общем, если бы не вы, я бы сгорел. Точно сгорел вместе с этими баржами, фигурально выражаясь.

Серан хихикнул, покраснел и принялся вытирать лицо платком.

— Не стоит, — только и смог выдавить из себя Септ, поморщившись.

— Ну как же не стоит. Вы же были в курсе, что он всё это провернул, чтобы обвинить меня, понимаете, меня! — не унимался Тайград. — Гвардейцы взяли меня под стражу в зале Сената и держали под домашним арестом до выяснения обстоятельств. Если бы не вы. О луны! Сколько лет длится этот ремонт злосчастной стены «Макиту», которым он руководил? Он же ничего не сделал, а все деньги прибирал себе. Как только я вошёл в Совет, я сразу же поднял вопрос о лишении его финансирования. И он мне мстил. Понимаете?

— Я это понимаю, да. Перед «арестом» я проверял отчёты, — холодно ответил Сверло.

— В любой день вы мой самый дорогой гость, герцог Ройа, — поклонился Тайград.

Септ церемониально поклонился ему в ответ и двинулся вдоль стены. Танец вошёл в фазу, когда все остальные могли присоединиться к главам династий. Септ же двигался в ту сторону, где видел герцогиню, но никак не мог отыскать её. Оркестр поменял темп, и танцующие перешли к более простому и менее требовательному танцу. Дама в зелёных

перьях подхватила Альберта под руку и закружила, увлекая за собой к центру зала. Она так веселилась и смеялась, почувствовав кураж, что Септ ощущал себя обязанным сделать с ней ещё несколько кругов. Когда же ему удалось деликатно вывернуться и передать свою спутницу новому танцору, он оказался с другой стороны зала, совершенно потеряв ориентир.

За его спиной открылись белые с позолотой двери, и цвет общества в спешке потянулся к столам с богатым угощением. Септа увлекло потоком, и он оказался в первой волне спешивших наполнить желудки придворных. По краям помещения стояли ряды оживлённых кукол во фраках и, одновременно открыв бутылки с игристой забывай-водой, стали наполнять бокалы перед собой, тут же подхваченные руками первых добравшихся до них людей. Сверло растерянно стоял возле блюда с огромной рыбой из подземного озера и смотрел в её пустые глазницы, пока его сосед, полненький гвардеец с гербом дома Меду отрезал себе кусок под плавником.

— Поздравляем! — раздался за спиной Альберта знакомый голос.

Он оглянулся и увидел двух стражников в парадной форме. Он сам выписал им приглашение на этот вечер.

— Ах это вы, — скривил губы Септ и после паузы добавил: — наслаждаетесь высшим обществом?

Они втроём оглядели жадно поглощающих пищу людей.

— Да-а-а,— протянул Блоп, с вождением следуя за взглядом Альберта.

— Жрут, как на нашем базаре, — усмехнулся Ручи, поправляя белый эполет на плече.

— Да, с едой перебои не только у вас, — усмехнулся Септ.

Он оглядел стражников.

— Сержанты теперь? — спросил он, хмыкнув.

— Да, — поспешно поклонился Ручи и дёрнул Блопа, тоже совершившего поклон, да так, что его шлем чуть не упал с головы, — благодарим вас. Для нас это...

— Я знаю, что это для таких дуралеев, как вы, — улыбнулся Септ, — я вашу породу хорошо знаю. Но вам повезло, вы справились с заданием для самоубийц, поэтому теперь вам уготована иная судьба.

— Так точно, ваше сиятельство! — отчеканил Ручи.

— Я... — начал было Альберт, но задумался, — хотя, наверное, теперь можно и сиятельство, — он засмеялся и хлопнул обоих по плечу, — давайте, пейте, ешьте. Когда же ещё попадёте во дворец? Правильно, никогда.

Септ собрался уходить и заметил Ки у выхода на балкон, но Ручи остановил его.

— Ваша светлость, — произнёс он умоляюще, и Сверло с толикой раздражения вернул к нему своё внимание, — ваша светлость, мы бы хотели быть вам полезны вновь. Альберт оглядел его и ухмыльнулся.

— Возможно, — кивнул он, — возможно. Пришлите голубя в Культ, я предупрежу, чтобы нас связали.

— Благодарим, — произнесли стражники и поклонились спине Септа, уверенно шагавшему к балкону.

На полпути он остановился, развернулся и вернулся к уже увлекшимся едой собеседникам. Жадно впившийся в ножку совки, Блоп поднял выпученные глаза и ткнул локтем Ручи, накладывавшего в тарелку рулетики.

— С другой стороны, — начал Септ, — есть одно дело.

Лица стражников мгновенно изобразили полнейшее внимание.

— Я понимаю, что, возможно, это не то, к чему вы привыкли, но мне нужно, чтобы вы нашли мне переводчика с нижнего архиресского.

— Нижнего ахилесского, — повторил Ручи, — погодите, я найду перо и всё запишу.

— Архиресского, — покачал головой Септ, — дело это не простое и опасное. В таких делах не принято записывать, а важно запоминать. Действовать вы будете тайно даже от Культа.

Блоп поднял брови.

— Да, — кивнул Септ, — это лично моё задание. Справитесь, определяю в гвардию.

У обоих стражников загорелись глаза.

— Ох, не похожи вы на умных и сообразительных ребят, — покачал головой Альберт, скривив губы, — но что поделать, дуракам везёт.

Оба его собеседника радостно закивали.

— Сообщайте лично мне в... замок Роя, ясно?

— Ясно, Ваша Светлость, — сбивчиво ответили стражники.

— Желаю успеха! — кивнул Септ, разворачиваясь и вновь направляясь на балкон.

— Он это всерьёз? — спросил Блоп, возвращаясь к ножке.

— Думаю, да, — пожал плечами Ручи.

— Мы только выпутались из одной передраги, и тут же попадаем в другую, — опасливо произнёс толстяк, заглядываясь на канapé.

— С каких это пор ты стал такой опасливый? — удивился Ручи, протягивая руку к официанту с подносом игристой забывай-воды.

— С тех пор, как мы оказались в плену этой маленькой ведьмы, — буркнул Блоп.

— Прекрати, — поморщился Ручи, одним глотком он осушил бокал и теперь вытирал рот.

Проходившая мимо дама в зелёных перьях с испугом и отвращением посмотрела на стражников и хотела что-то сказать, но Ручи улыбнулся ей в ответ кривыми жёлтыми зубами, и та поспешила удалиться.

— Помнишь, как нам было хорошо вдвоём? — мечтательно произнёс Блоп, накладывая на тарелку тонкие ломтики мяса.

— Ты говоришь, как продажная девка из Квартала Чумы, — усмехнулся Ручи.

— Мы ходили, трясли этих бедолаг на деньги, иногда стояли в карауле, что ещё нужно-то было? — продолжал нудеть толстяк, не замечая слов друга. — А что теперь? На побегушках у Сверла и этой...

— Прекрати о ней так, — хмуро прочавкал Ручи, — если бы не её печать, я был бы мёртв.

— Если бы не я... — начал было Блоп, но Ручи перебил его:

— Если бы не ты, всего этого не было бы.

— Мы ходим по кругу, — устало вздохнул толстяк, — ах, если бы только можно было вернуть те времена на рынке.

— Будьте внимательнее, когда просите у судьбы, мои милые друзья, — раздался голос за их спинами, — она ведь может и услышать.

Они оба обернулись и увидели пожилого человека в чёрном балахоне, расшитом золотом. Ручи вопросительно взглянул на Блопа, но толстяк лишь незаметно пожал плечами.

— Понимаю ваш конфуз, но это простительно, — улыбнулся старик, — я наслышан о вас и ваших приключениях, и хотел лично познакомиться.

Только теперь стражники заметили, что люди вокруг них почтительно расступились. Блоп даже поставил тарелку на стол, а Ручи прекратил жевать.

— Всё верно, мои дорогие, я тот, перед кем вам стоит падать ниц, — старик улыбнулся ещё шире, и Блопу показалось, что его улыбка может обогнуть всё его покрытое мелкими морщинами лицо.

Стражники поспешно стали опускаться на колени, но старик удержал их:

— Нет, нет, не сегодня. Такой день. Вы же герои этого вечера. И я лично рад поздравить вас со столь успешной операцией. Однако, — он подошёл ближе к застывшим от напряжения друзьям, — я имею и личный интерес в этой истории, — он захихикал, — скажите, кого вы встречали там, в тумане? Что-нибудь необычное.

— Ваше... — дрожащим голосом начал Блоп.

— Высокопреосвященство, — закончил за него Верховный.

— Высокопреосвященство, — выдавил из себя толстяк, и его нижняя губа затряслась, но тут подхватил Ручи:

— Ваше высокопреосвященство, это длинный рассказ. Мы с радостью...

— Уверен, уверен, — кивнул старик, — поэтому жду вас у себя на грядущий третий серп, — произнёс он и подал им руку.

Ручи опешил, но тут уже нашёлся Блоп, склонился и поцеловал руку Верховного. Затем и Ручи вплепил в кисть старика свой горячий поцелуй, отчего Верховный поморщился, отдернул руку и, вытирая её платком, не прощаясь, ушёл. Гости же расступились перед его фигурой, раскланиваясь на все лады — и тут же замкнули строй перед столами, стоило ему удалиться.

— Мне кажется... — медленно произнёс Блоп, стараясь избегать любопытных взглядов, направленных теперь на них.

— Что тебе кажется? — буркнул Ручи, возвращаясь к столу.

— Что мы вляпались во что-то по самые уши, — закончил Блоп, вновь беря тарелку с едой.

Ручи ничего не ответил, а лишь схватил у проходящего мимо деревянного официанта ещё один бокал игристой забывай-воды и мигом осушил его.

Спустя час-другой оба друга, изрядно напившись забывай-воды, стояли на балконе в кругу графьёв и графинь и в тысяче и одной выдумке рассказывали о своих приключениях, о которых они постеснялись рассказать Верховному. Однако в этой версии они чуть ли не самого Бьёрнвейга победили, очищая попутно квартал за кварталом от проказы и скверны, нашедшей там приют. Герцогиня Ки с умилением слушала вполуха их рассказ, другой стороной внимая лепетанию того самого Тайграда, предлагавшего, кажется уже не в первый раз за вечер, поехать к нему и отметить удивительную победу над Трокийей, несомненно, приписываемую им себе.

— Спасибо за приглашение, милый Серан, — с вынужденной учтивостью ответила Герцогиня, — но я должна покинуть вас, меня ещё ждут дела.

— Какие могут быть дела в такой замечательный вечер? — удивился Тайград, захмелевшими глазками провожая расплывающуюся фигуру Ки. — Куда вы, постоите...

Но Герцогиня, поклонившись, уже исчезала в толпе, бросив напоследок воздушный поцелуй — с фальшивым намеком для того, кто готов был на него попасться. А Серан Тайград был, несомненно, готов.

В других обстоятельствах Ки не стала бы даже разговаривать с этим человеком, но сейчас её положение при дворе стало настолько шатким, что даже женитьба на нём не казалась ей столь уж невозможной. А ещё этот вечно рыскающий Септ. По её спине пробежал холодок. А Тэмен? Хорош. Явился на бал с этой безродной девкой. И теперь весь двор бросает на неё, Ки, косые взгляды, а кто-то откровенно посмеивается. Невыносимо. Она сжала в руках свой чёрный веер в тон платью, и опустила на глаза маску, которая покоилась на её высокой причёске в форме замка Амун. Она проследовала мимо столов с едой в зал, где продолжались танцы. И, проскользнув мимо вращающихся пар, открыла стеклянную дверь большого шара в центре. Там, дрожа от напряжения в ногах, стояли в поклоне внуки и правнуки Перлеглоза.

— Я не могу больше, Флавия! — кряхтя произнёс мальчик, стоявший по левую руку от сестры. — Можно я сделаю иллюзию?

— Терпи Нос, — прошипела девушка.

— Обопрись на меня, — Герцогиня подошла к мальчику и дала ему руку.

— Спасибо! — с облегчением прокряхтел Нос.

— Герцогиня? — удивлённо спросила девушка, немного повернув голову к Ки, уже снявшую свою маску.

— Да, милая моя, — произнесла она, кивнув, — я пришла выразить признательность вашему деду. Мне жаль, что так вышло, и знайте, я ни на грамм не верю во всю эту чушь, что приписывают ему эти ублюдки. Я благодарна ему за моё детство. Я знаю его дело, и я знаю, чем он пожертвовал ради него. Не всякий... — она повернула голову на танцующих, — смог бы пойти на такое. Ваш дед был великий человек...

— Знаете что, Элизабет, — прервала её девушка, — идите прочь с вашим сочувствием. Это ничего уже не изменит и не вернёт его, — произнесла она зло и схватилась за спину, болевшую от долгого поклона, — я знаю, что вы бросили его перед самой кончиной на произвол этих...

Ки вздрогнула и хотела произнести что-то в своё оправдание, но потом покачала головой и пошла к выходу.

— Я понимаю вашу злость. Но если вам понадобится... — произнесла она, остановившись у стеклянной двери.

— От вас мне ничего не понадобится», — холодно прошипела Флавия.

Герцогиня вышла, вновь надев маску, скрывшую накатившие слезы. Она поспешила сквозь толпу на пустой, по счастью, балкон, выходящий к главным воротам дворца. Там среди пахнущих ночью цветов она позволила себе заплакать, закрыв лицо руками. А весёлая музыка за её спиной звенела в голове вместе со словами обиды в голосе Флавии.

Успокоившись, но всё ещё глубоко дыша, она вытерла глаза платком и внимание её привлекли снопы искр на мосту, ведущем к воротам. Откуда-то из складок платья Герцогиня достала маленькую подзорную трубу и всмотрелась в загадочные вспышки. Там, в ярком свете электрических фонарей по краям моста, она увидела демонстрацию оживлённых. Куклы шли с плакатами в руках к воротам, а гвардейцы давали по ним залп за залпом из ружей. За их спинами тем временем уже подкатывали пушки. Герцогиня ахнула. В руках оживлённые несли плакаты: «Мы ваши друзья!»; «Равные права для всех живых!»; «Что мы вам сделали?»; «У нас тоже есть сердце!» И тут ядро пробило толпу и несколько оживлённых разлетелось на куски.

— О луны! — воскликнула Герцогиня.

Она оглянулась на зал с танцующими людьми, чтобы позвать на помощь, и подошла к стоящим к ней спиной молодым людям, увлечённым светской беседой. Они встретили её учтивыми улыбками.

— Прекрасной даме нужна наша помощь? — ласково спросил её один из них с мышиным лицом.

— Там, перед стеной, — сбивчиво заговорила Герцогиня, — там расстреливают оживлённых.

Молодые люди поспешили на балкон. Тот, что с мышиным лицом, извлек из кармана бинокль и стал пристально всматриваться в мост перед стеной.

— Ахха! — засмеялся он, — точно!

— Дай мне! — воскликнул его товарищ с длинной шеей.

— Восторг! — обернувшись к герцогине, одобрительно произнёс мышинолицый. — Благодарим вас, а то эти балы — такая скука!

Молодые люди отбирали друг у друга бинокль и хохотали, пока Ки, шатаясь отступала от них назад, развернулась и бросилась сквозь толпу, потянувшуюся к балкону, стекаясь на запах зрелища.

Заливаясь слезами, она мчалась, не разбирая дороги, но чья-то рука схватила её за плечо и остановила. Ки обернулась. Перед собой она увидела Септа. Не зная, как поступить, она размахнулась и влепила ему пощёчину. Люди вокруг замерли и оглянулись на них. Казалось, даже музыканты стали играть тише. Сверло опешил и отнял руку, схватившись за горящую щёку.

— Извините, — прошептала Герцогиня и побежала к двери, что вела на лестницу вниз.

Септ проследил, пока она исчезнет в дверях, затем опомнился и побежал за ней.

— Элизабет, — крикнул он, выбежав на лестничный пролет, уходивший широкими кругами вниз.

Он успел увидеть, как её платье исчезает на одном из этажей ниже и поспешил следом. Внизу, на ярусе, где парковали свои корабли прибывшие на бал вельможи, он, пробежав мимо сброшенных якорей, успел увидеть, как отчаливал белый бриг с гербом замка Амун. Запыхавшись, он остановился и положил руки на колени.

— Красная луна! — прохрипел он. — Я же просто хотел поговорить.

Фигура Герцогини показалась на палубе в свете молодого алого серпа луны. Он помахал ей рукой. Но она никак не ответила.

— Попутного ветра, — хмыкнул Альберт.

Септ пошёл назад, раздражённо пнув цепь соседнего корабля, висевшего над его головой. Невдалеке показалась фигура. В свете огней за дверью Септ не сразу узнал приближавшегося к нему человека.

— Это вы Шевроз? — удивлённо и с какой-то досадой спросил Свело, присаживаясь на скамейку рядом со входом.

Издатель смотрел на новоиспеченного герцога Ройя в нерешительности.

— Ну что же вы молчите? Как вам приём? — продолжил Альберт светскую беседу.

— Я... Вы... — начал Гас, теребя рукав своего изысканного тёмно-синего сюртука, — просили дать вам знать, как только... ну... ко мне прибудет информация.

— Да, конечно, — не сразу сообразил Альберт, а потом хлопнул себя по ноге, — тот загадочный информатор?

— Нет, — покачал головой собеседник, — ко мне пришло вот это.

Он достал из внутреннего кармана запечатанное письмо. Септ принял его и повертел в руках.

— Печать Трокийи, — хмыкнул он, приглядевшись к сургучу, — интересно. Спасибо, любезный Гас.

— Рад служить Вашей Светлости.

Издатель «Вечернего ветра» скосил глаза вверх, туда, где шло веселье, а затем смущённо склонил голову:

— И я был бы премного благодарен, если бы вы поделились со мной содержанием, если на это представится возможность.

Септ вздохнул:

— В свете последних событий, я бы поостерёгся печатать что-либо двусмысленное, дорогой мой. Времена шаткие. И как к вам отнесётся мой преемник, мне не представляется возможным угадать.

— Как?! Вы уходите? — с притворным удивлением воскликнул Шевроз.

— Не врите, вы всё уже разузнали и поняли. Тем более актёр из вас никакой, Гас. Идите уже, развлекайтесь и не портите мне настроение окончательно, — устало произнёс Альберт принимаясь вскрывать письмо.

— Конечно, извините, премного благодарен, Ваша Светлость, — он поклонился и попытался к двери, ударившись о неё ягодицами, крикнул и исчез за ней, как дуновение ветра.

В руку Септа из конверта выпала плотная записная книжка. Он открыл её, пролистал несколько страниц и начал читать наугад с конца: «22-й растущий серп пятой луны. Эксперимент движется успешно. Данные, которые мне предоставила мадам Снилса, удивительны. Я думаю, что на неделе я не только приведу машину в действие, но и проведу первый запуск...» Альберт перелистнул несколько страниц. «Работать под надзором этих юношей меня крайне нервирует. Дворец напичкан ими, как мухами на куче навоза. Пока я подключал резонатор, я чувствовал на себе как минимум десять пар глаз. Когда же они уже просверлят в моей спине дыру? Вчера производили первый запуск...» При свете луны было трудно читать. Но Септа переполняло любопытство. «Я никак не мог предположить, что моя самая безумная догадка подтвердится. Описание прибора создано с иными физическими параметрами среды, чем те, в которых мы пребываем сейчас. Получается, что раньше мир был иным, и свет распространялся в нём быстрее. Если бы в наши непростые времена можно было писать научные статьи, то это открытие сделало бы меня знаменитостью. Жаль, что сейчас за такую славу скорее повесят...» Альберт перелистнул в самый конец. «Да, это бесславный конец для такого великого дела, но разве история знает другие? Какая ирония, я пожертвовал сыном, чтобы защитить свой дом, и вот теперь я должен принести в жертву себя. Я верой и правдой исполнял начертанное мне судьбой. Сердце мой свидетель, всё, что я делал, я делал...»

За спиной Септа раздался стрекочущий звук. Он оглянулся, и тут же отпрыгнул от скамейки, куда приземлилась, расправив радужные крылья, большая, размером с человека, бабочка. Сверло сипло вскрикнул и схватился за рукоять церемониальной шпаги на поясе. Он выхватил её как раз вовремя, чтобы остановить сверкнувшим в свете лун лезвием приближение существа. Бабочка взмахнула крыльями, пострекотала над головой бывшего служителя и исчезла в темноте. Септ долго ещё высматривался ей вслед, в разорванное тучами звёздное небо.

Придя в себя, он спохватился и стал искать выпавшую записную книжку. Но её нигде не было, лишь разорванный конверт трепетал на ветру под скамейкой. Со злости Септ топнул ногой:

— Дочь красной луны!

Он вбежал в коридор дворца, схватил ближайший ко входу сердечный фонарь и бросился назад. На улице он долго ползал с фонарём между якорей и бочек с сердечной пылью, но книги нигде не было. Расстроенный и озлобленный, он вернулся в коридор и пошёл в сторону стоявших при входе во внутренние покои гвардейцев. Рядом с ними спал в кресле молодой культист из последней смены. Это новое поколение и должно было взять на себя то, чем он занимался так много лет. Взоры гвардейцев обратились к нему, и даже юноша проснулся в своём кресле и вскочил, вытянувшись перед уже бывшим начальником. Септ открыл рот, но так и замер. Поднял палец, постоял так несколько мгновений, а затем произнёс:

— Ничего.

Гвардейцы пожали плечами и отвернулись. Культист сел обратно в кресло, внимательно смотря на Альберта своими заспанными глазами. Тот же развернулся и пошёл обратно по коридору, растерянный и задумчивый. Он вернулся обратно на площадку с кораблями и долго ещё ходил среди них в поисках книги, пока окончательно не устал и не сел обратно на скамейку, опустив голову вниз. Книга лежала перед его ногами. Септ потряс головой, а затем схватил её.

— Что за чудеса! — пробормотал он. — Пряталась от меня?

Он поспешно положил записную книжку в карман, отряхнув предварительно от сердечной пыли, взял фонарь и вошёл обратно в коридор, потрясывая головой. Пока он вешал фонарь на место, он несколько раз ударил свободной рукой по щеке. Гвардейцы покосились в его сторону, но не посмели издать ни единого звука, уже зная от молодого культиста, кто был этот чужак.

Когда Септ подошёл к лестнице, чтобы подняться обратно в зал, где проходил праздник, ему навстречу спустилась группа служителей Культа во главе с Парицем.

— О! — воскликнул Сверло. — Поздравляю с новой должностью...

Он поклонился новому начальнику отдела особых поручений Культа Сердца. Когда же он поднял взгляд на бывшего подчинённого, то вздрогнул, разглядев ожоги на его лице.

— ... с ней в жизнь приходит особый вкус.

Париц остановился и поклонился Септу.

— Не сомневаюсь, сир Роя, — улыбнулся он, — надеюсь, вас это не расстроило.

— Вовсе нет, хотя и было немного неожиданно, — скривил губы Септ. — Всем нам придётся привыкать к нашему новому положению, — он улыбнулся, — тяжело отпускать привычки.

— Не по этой ли причине Его Святейшество производит эти смены поколений? — спросил Париц, разведя руками.

— Да, — кивнул Септ, — и умеет оставаться мастером неожиданности. Что с лицом?

— Химический театр, долгая история, — неохотно ответил юноша, делая шаг вниз по лестнице.

— Куда-то спешите? — спросил Альберт, но тут же спохватился и натянуто засмеялся. — Нет-нет, можете не отвечать, если это тайна.

Париц спустился на пару ступеней, поравнявшись с Септом, и произнёс, глядя ему прямо в глаза:

— Никакой тайны. Гвардейцы расстреляли демонстрацию оживляшек перед дворцовыми воротами. Иду взглянуть на это своими глазами.

Альберт поднял брови.

— Да, — пожал плечами Париц, — никакой фантазии у этих шутников.

— Что ж, желаю успеха, — скривил губы Септ, взяв молодого человека за плечо, — береги голову, — не удержавшись, он взглянул на обожжённое лицо.

— Я вас тоже искренне поздравляю и желаю процветания вашему феоду, — коротко поклонился Париц новоиспеченному герцогу и, сопровождаемый своими новыми подчинёнными, двинулся к дверям на площадку с кораблями.

— Ах да! — воскликнул Септ, и процессия вместе с Парицом остановилась в дверях, а сам начальник отдела особых поручений недовольно повернул голову. — Я не успел составить отчёт об этом пустяке, но не могу не поделиться. Сегодня утром в канале, что впадает в западную сточную сеть на нижнем ярусе, как раз возле Верхних врат, выловили мёртвого пустынного.

Париц вопросительно поднял бровь.

— Я бы и не обратил внимания, но наши дотошные ребята из Института Чудес, где мне довелось бывать сегодня, произвели вскрытие, и в желудке деграданта нашли мантию специфического кроя. Такую носят только во дворце, — поморщился герцог, — не связана ли эта находка с нашим дорогим помощником Мастера зельеварений?

Париц с несколько секунд глядел в пол, что-то складывая в голове, кивнул и двинулся дальше.

Глава 24

Лодка медленно рассекала гладь стоячей воды среди каналов промышленного сектора. Осьминог плыл впереди неё, плавно скользя под водой и устремив глаза вверх. Он спокойно смотрел, как проплывали над ним металлические мосты и арки железнодорожных развязок, покрытые снизу поедавшей всякий свет чёрной копотью и сердечной пылью — она любой темноте придавала красноватый оттенок. Рог, росший из его головы, пришёлся очень кстати и плавно рассекал воду. Раненое щупальце немного отросло обратно, но осьминог всё ещё еле заметно вилял при движении, и раз в несколько толчков ему приходилось подруливать. Лила лежала на носу лодки, почти свесив голову и молча смотрела вперёд, сквозь гладь воды ловя отражение собственных мыслей. Здоровяк тихо грёб, сидя к ней спиной, а Гудди развалился на корме, ловя взглядом рваные лоскуты небес.

— Я не пойду с вами на завод, — произнесла обезьянка, очнувшись от своего забытья.

Все промолчали.

— Это почему? — буркнул Снорри через несколько гребков.

— Лучше расскажи мне, как добраться до той тюрьмы, откуда ты меня вытащил, — не обращая внимания на вопрос, спросила Ли́ла.

— Ты собралась туда одна? — удивился Гудди.

— Да, — кивнула обезьянка, не отрывая взгляд от воды.

— Мы же, кажется, договаривались, — прохрипел здоровяк недовольно.

— Месть — блюдо, которое подают вовремя, — хмыкнула Ли́ла, — может быть, я ещё успею, — она помолчала, вглядываясь в своё чёрное отражение, разбегающееся в воде, — должна успеть.

Гудди приподнялся и поймал хмурый взгляд человека. Снорри покачал головой, перестал грести и достал из внутреннего кармана жилета бумагу, сложенную в несколько раз.

— Башня отмечена двумя крестами, — сказал он, передавая карту обезьянке, — стой, — он отдернул руку назад, развернул бумагу и, поманив Лилу рукой, стал искать что-то среди тонких непонятных линий, — вот здесь я высажу тебя, — он ткнул пальцем в заштрихованную зону, — двигайся на юг, пока не выйдешь к Колизею, дальше должно быть понятно.

Обезьянка, забравшаяся ему на плечо, кивнула, приняла свернутую им карту и положила её в маленький рюкзачок за спиной. Снорри вновь принялся грести.

— Что отстали? — раздался впереди булькающий голос Рауда.

— Ничего, всё нормально, — откликнулась Ли́ла, возвращаясь на своё место.

Осьминог посмотрел на неё с укоризной и нырнул обратно в воду.

— Ты ... — начал было здоровяк, но потом устало вздохнул: — а, ладно. Надеюсь, тебе удастся вытащить сестру.

Спустя время возле одной из развилок он треснул веслом по воде, и осьминог снова всплыл, вопросительно глядя на лодку.

— Мы здесь свернём, — крикнул Снорри, — надо подбросить Лилу, ты плыви пока туда, осмотрись. Рауд кивнул и снова исчез под водой.

Лодка подплыла к маленькому каменному причалу между двух цилиндрических башен, подпиравших большой бетонный мост над ними.

— Здесь, — сказал здоровяк, подняв вверх вёсла.

Ли́ла бодро прыгнула на причал и, помахав рукой, бросилась веред, к винтовой лестнице, поднимавшейся к мосту.

— Будем ждать тебя на западной опоре по пути от Сада к замку Ят, но только до заката.

— Береги себя, — крикнул ей вслед Гудди.

Обезьянка, взбегаая по ступеням, остановилась, посмотрела на него и улыбнулась, но через мгновение вновь припустила вверх.

— Нет у вас, оживляшек, мозгов, — хмуро сказал Снорри, разворачивая лодку, — только дерево, одно слово — деревяшки.

— Ты всех так ненавидишь или только нас? — уточнил Гудди, разглядывая колонны и мост над ними.

— Всех, — скривил губы здоровяк, — зачем делать исключения.

— Почему?

— Потому что ненавидеть проще. Не надо ни к кому привязываться, никому верить. Тогда тебя никто и не подставит, и не подведёт, — констатировал Снорри, опустив глаза и рассматривая влажное дно лодки.

— А что такое ненависть?

— Это... ммм... чувство в груди, что ты испытываешь, когда хочется кому-то камнем разбить голову.

— А разве это так страшно, что тебя кто-то подведёт, что ты собираешься из-за этого всю жизнь испытывать это чувство?

— Страшно, — кивнул Снорри, — так что лучше заранее размозжить ту голову, которая может тебя подвести.

— А Рауду ты тоже голову размозжишь? — наклонил голову Гудди.

— Рауду... наверное, нет, — пожал плечами здоровяк, — он сам....

— То есть у тебя есть исключения, — перебил его Гудди, — а Лиле? А мне?

— А тебе — подумаю, если ты не перестанешь задавать мне тупые вопросы, око.

— В твоей теории много дыр. Если бы я был око, то... Я бы не спас вас в пустыне.

— Ты спас нас, чтобы пробраться в Свободный Город.

— Нет.

— Чем докажешь?

— Не могу придумать, — с грустью опустил голову оживлённый.

— Потому что у тебя нет мозгов, деревяшка, — усмехнулся Снорри, — и именно поэтому мне не нужно ничего тебе разбивать, ты сам прекрасно с этим справишься.

Снорри заложил поворот и вернулся на изначальный маршрут.

— У Рауда же есть мозги, — не унимался Гудди.

— Я не уверен, — пожал плечами здоровяк, — мне кажется, у него там просто желе. А вот у кого есть мозги, так это у людей. И людям я с удовольствием размозжу голову.

— Наверное, не все люди одинаковы.

— Все одинаковы, — ответил Снорри и закрыл глаза. — Все.

— А Отец? — не унимался Гудди.

Снорри вздрогнул, но потом опомнился, тряхнул головой и ответил:

— И он, думаю, тоже. При определённых обстоятельствах.

— При каких?

Снорри злобно посмотрел на него исподлобья.

Слева, из большой трубы, торчавшей в тёмном от копоти потолке, подпираемом стальными сваями, посыпались дымящиеся чёрные капсулы. С грохотом упав в воду, они оставили над водой плотное облако, быстро начавшее оседать на поверхность.

— Что это? — спросил ошарашенный Гудди.

— Тебе говорили, что ты задаёшь много вопросов?

— Говорили, — кивнул оживлённый, — чувствую стыд и любознательность.

— Не думаю, что мир так уж стремится быть тобою познанным, — поднял бровь здоровяк и налёг на весла.

Над лодкой засветились тусклые лампочки, свисавшие на проводах вдоль линий каналов, по которым тянулись потоки из грязных металлических корыт. В них тряслись капсулы, зачёрпнутые корытами из воды.

— А зачем они держат их под водой? — не сдержался Гудди.

— Охлаждают, — пожал плечами здоровяк.

— Значит, они где-то разогреваются?

— Да.

— Где?

— Там, куда мы плывём.

— На станции заправки чёрного дыма? То есть в них хранится дым?

Снорри кивнул.

— Откуда ты это знаешь?

— Я бывал на такой станции когда-то давно.

Гудди вопросительно посмотрел на него.

Это было что-то вроде экскурсии для... — здоровяк замялся, подыскивая слова, — для высшего сословия, а я служил личным охранником и сопровождал своего хозяина.

— А кто был твой хозяин?

— Не важно.

— Это какая-то тайна?

— Да.

— Хорошо, — грустно ответил оживлённый и лег на спину, разглядывая фонари.

— Не всё стоит знать, — произнёс Снорри, — какие-то знания так же тяжелы, как удар голема.

— Отец говорит, что мы сами определяем меру вещей.

— Ты что-то умничать много стал, — буркнул здоровяк, — лучше ползи на корму и смотри, чтобы спереди никого не было.

Гудди встал и, шатаясь, пересёк лодку, пробравшись под рукой человека. И стоило ему усесться на корме, как над их головами где-то в вышине раздался громкий скрежет. Снорри перестал грести и оба замерли. Спустя мгновение звук повторился, как показалось обоим, где-то ближе и громче.

— Вот о таких моментах я и говорю, — прошептал Снорри, — лучше нам не знать, что это было.

Оба сидели, подняв головы вверх, пока борт лодки не покачнулся и в неё не заполз Рауд.

— Ох, ну и грязная же вода, — пробульткал он, — а вы куда устались?

Тут снова раздался громкий скрежет в вышине, и вновь всё затихло.

— Ого, — бульткнул осьминог.

Снорри опустил голову.

— Нашёл трубу? — спросил он, вновь доставая карту из внутреннего кармана.

— Да, — кивнул Рауд и показал щупальцем над головой человека, — прямо над тобой.

— Хорошо, — кивнул здоровяк. — А подъёмник?

— Угу, — ответил осьминог, указывая другим щупальцем за его спину.

Человек обернулся и разглядел металлическую платформу с рычагом возле зоны сбора грязных корыт-черпаков с ёмкостями.

— Ты оставайся здесь и спрячь лодку, на случай, если сменился график патрулей, а я пойду вверх.

— Можно я пойду с тобой? — умоляющим голосом попросил Гудди, — если что, я смогу вытащить тебя оттуда, как в пустыне.

Здоровяк нахмурился.

— На случай, если что-то случится, — застенчиво прозвенел оживлённый.

— Он прав, — пробульткал Рауд, — лучше две пары глаз, чем одна.

Рауд подмигнул Гудди, а здоровяк многозначительно посмотрел на них обоих. Его долгий взгляд прервала очередная труба с посыпавшимися из неё капсулами, а вслед за ними упало и облако дыма.

— И в этом я плавал... — поёжился Рауд.

— Всё ещё не можешь летать? — спросил Гудди.

— Неа, — помотал головой осьминог, с грустью разглядывая раненое щупальце, а затем картинно закрыл другими щупальцами глаза и клюв.

— Ты напомнил мне сейчас о той девочке, — удивился оживлённый, — она тоже закрыла глаза и рот на прощание.

— Ты, как ныряльщик за жемчугом в море из песка, — хмыкнул осьминог, — помни, без рта...

— А она сказала, что ей нравится, что у меня нет рта, — перебил его Гудди.

— Ладно, — хмуро ответил своим мыслям здоровяк, — пойдёшь со мной.

— Ура! — подпрыгнул оживлённый так, что лодка немного закачалась.

— Только радости твоей мне не хватало, — буркнул Снорри.

— Вот странно, — задумчиво произнёс Гудди, — я помню его другим в пустыне, отчего вдруг ты стал опять таким мрачным?

— Да, меня это тоже интересует, — поддакнул Рауд.

— Занимайтесь собой, и не лезьте мне в голову, — проворчал Снорри, проверяя снаряжение.

— Обычно с ним такое бывает, когда он думает, — пробулькал осьминог, — но получается у него плохо, и это его бесит.

— В игре всегда везет тому, кто думает, но тебе, боюсь, этого не понять, — ухмыльнулся Снорри.

— Что-то не припомню, чтобы тебе везло за игральным столом при мне, — ехидно подметил Рауд, залезая на спину здоровяка и принимая от Гудди верёвки и емкости с клейкой жидкостью и детонаторами.

— Не везёт за игрой, везёт под луной, — произнёс Снорри, одним веслом направляя лодку к подъёмнику.

Он причалил среди черпаков, представлявших из себя разрезанные вдоль металлические бочки, на конце похожего на руку механизма, который, наклоняя, погружал их в воду. Затем черпаки подплывали к подъёмнику и сваливали остывшие капсулы на него. Здоровяк ловко спрыгнул с лодки на площадку подъёмника — тот заскрипел и заскрежетал, брызнув вверх каплями грязной воды.

— Как раз нужный вес, — усмехнулся Снорри, — давай, прыгай, деревяшка.

Гудди перелез через борт и шагнул одной ногой на подъёмник. Лодка стала отдаляться от площадки, и его ноги разъехались в шпегат. Он зашатался и стал падать назад, но крепкая рука Снорри подхватила его и поставила на платформу подъёмника, быстро запыхтевшего и поползшего вверх.

— Счастливого пути, — помахал им с лодки Рауд, — смотрите, не умрите там раньше времени. Мне будет не хватать ваших перебранок.

— Постараемся! — крикнул ему в ответ Гудди, но его голос заглушил грохот очередной открывшейся рядом трубы.

Наступила темнота. И Гудди долго слушал, как звенят и скрипят шестерни под платформой. Затем звук резко прекратился, и пол под ногами куда-то поехал.

— Ой, — только и успел сказать Гудди, и крепкая рука человека вновь схватила его и дёрнула наверх.

Грохнувшись головой о что-то особенно твёрдое, в свете фонаря, покачивающегося в руке здоровяка, он увидел трубу с рифлёной поверхностью.

— Я ползу первый, — глухо сказал Снорри, — не отставай.

С этими словами он погасил свет и двинулся вперёд. Ориентируясь на звук, Гудди последовал за человеком. Ползти было неудобно, местами труба проседала под тяжестью «горы мяса», но упиралась во что-то, и он продолжал свой путь. Справа и слева, судя по звукам вырывавшегося под давлением пара, работали заводские поршни. Чьи-то крики периодически прорывались сквозь какофонию звуков. Они были похожи на двух ругающихся людей, и Гудди представлял почему-то машинистов, не способных разъехаться на одном железнодорожном пути. И тут он упёрся в ногу Снорри, почему-то резко остановившегося.

— Тут труба идёт вниз, — задумчиво сказал он, зажигая свет в руке, — мне надо...

Он не закончил фразу, а стал разворачиваться, просовывая ноги вперёд.

— Осторожно, когда будешь спускаться, держись за края, — сказал он, кряхтя, — а то упадёшь ещё мне на голову.

Здоровяк чудом поменял положение и стал спускаться по трубе вниз. Гудди подполз к её краю и аккуратно, расставляя ноги в выступы стал спускаться за ним. Так пришлось двигаться довольно долго, пока труба наконец не кончилась, и здоровяк не спрыгнул в тускло освещённое помещение. От его резкого движения труба закачалась, Гудди соскользнул с очередного выступа и рухнул на голову человека.

Пришёл в себя он уже на полу. Снорри стоял над ним. Потирая макушку и прищурив один глаз, он глядел прямо на оживлённого.

— Я... Ты сам... Эм... Извини? Стыд. Пя, — пролепетал оживлённый.

— Ладно, вставай, — подал ему руку человек, — нам надо скорее подняться на технический этаж, а то здесь полно охраны.

Гудди принял его руку и поднялся.

— Я иногда чувствую странный трепет в груди по отношению к тебе, — сказал он и, подумав, прибавил: — одновременно с каким-то очень неприятным колющим чувством.

— В любви мне решил признаться? Самое время, — ответил здоровяк, выглядывая из двери. — Странно.

— Что?

— Я никого не вижу.

— Так разве это не хорошо?

— Нет, это необычно, а всё, что необычно, значит, что не по плану.

— У тебя был план? — удивился оживлённый.

Снорри оглянулся на него, прищутив глаза.

— Теперь я тоже испытываю к тебе «любовь», — прошипел он, — только без трепета. Чистое, сжигающее чувство.

Гудди улыбнулся краями губ.

— Ты быстро учишься быть ещё тем сыном красной луны, — покачал головой здоровяк, вновь приоткрыл дверь и, пригнувшись, вышел.

— Подожди меня, — прозвенел своим тоненьким голоском Гудди и поспешил за ним, поскрипывая ногами.

На выходе Снорри схватил его за шкурку и перетащил в тёмную часть коридора за бочкой.

— Вот масло, — сказал он, сунув в руки оживлённому лейку с бочки, — смажь себя хотя бы.

Гудди принял ёмкость из рук человека и стал заливать её себе в шарниры и шестерни.

— Фу, — скривил рот здоровяк, приподнимаясь и оглядываясь, — выглядит отвратительно. Мог бы хотя бы отвернуться.

Затем он привстал и, пригнувшись, пробежал к подвесному мосту над гремящим конвейером. Гудди закончил процедуру и последовал за человеком, стараясь держаться тени. Из цеха, открывавшегося под мостом, исходило красное свечение, внизу мерцали раскалённые котлы, куда большие ковши сбрасывали промытые капсулы, поднимавшиеся из них по конвейеру в соседние помещения.

Секция, где Снорри, сидя за металлическим бортиком балкона, внимательно разглядывал происходящее, находилась в самом сердце цеха. Гудди выглянул из-за его спины и спросил:

— А здесь где-нибудь можно сделать из меня человека?

— Очень плохо, — раздражённо покачал головой здоровяк.

— Что? Считаешь, плохая идея?

— Смена не по часам, — произнёс человек, привстав, — никого нет.

Он двинулся вдоль бортика вперёд, к мосту, на другую секцию, проходившую над конвейером. Гудди поспешил за ним. Когда они добрались до поворота на мост, в конце соседнего пролёта появилось двое чёрных рыцарей.

— Шамаркан. Красная луна, — прошипел Снорри, перекатившись за бортик на другой стороне пролёта, разделённого мостом. — Скорее!

Гудди, пригибаясь и неуклюже припадая к полу, перебежал к нему. Рыцари проследовали мимо моста дальше, вдоль стены, и стали подниматься по винтовой лестнице на верхний ярус.

— Они увидят нас оттуда, — испуганно произнёс человек и, схватив оживлённого, бросился вдоль бортика дальше, к концу секции. За ней ряды лестниц ползли вверх и вниз, открывая вид на печи, где жгли добытую в подземных озёрах нефть. Там, среди чёрных печей двигались фигуры металлических псов, сверкая своими тусклыми красными точками глаз.

— Не понимаю, как же так они ошиблись с расписанием, — бормотал себе под нос здоровяк, пробираясь в самых тёмных углах и свешиваясь между лестничных пролетов всё ниже, к печам, — месяцы один и тот же отчёт, и вот сегодня всё по-другому.

Вдали за печами раздался грохот и скрежет. Гудди и Сноори тут же присели за бочкой возле лестницы, пригнув головы. Спустя несколько бесконечных мгновений человек высунулся, чтобы посмотреть, что произвело такой шум, а оживлённый высунулся вслед за ним. На том конце цеха, где заканчивались печи, начали открываться гигантские ворота, за ними сияло алое пламя, и в свете его угадывалась фигура огромного существа.

— Это дракон! — воскликнул Гудди.

— Бьёрнвейг, — выдохнул здоровяк.

— Я помню. Я видел его во сне... — тихо прозвенел оживлённый.

— Так вот оно что, — человек стиснул зубы и ударил рукой о бочку. — Они внепланово заряжают дракона.

— А разве драконов нужно чем-то заряжать? — удивился Гудди.

— Это особенный дракон, не такой, как все, — покачал головой Сноори, — он живёт благодаря чёрному дыму и руне, что находится в его теле. Это извращённое создание. Самое страшное воплощение силы Сердца, призванное на службу человека. Им управляет правитель, но многие говорят, что у дракона своя воля.

— А тот дракон, с которым познакомились мы?

— Это настоящий дракон, живой, — кивнул человек, — не то, что это проклятие рода человеческого.

— Но я ведь живой.

— Отстань.

— Может, с ним можно так же поговорить, как с тем?

— Этот не будет тебя слушать.

— Но я же разговаривал с тем драконом, и он понял меня и привёз тебя... Я, кстати, как это... ммм... ненавижу тебя за то, что ты летал на нём, а я нет.

— Не путай ненависть и зависть, — фыркнул человек.

— Я плохо разбираюсь в этих чувствах.

Пока они болтали, дверь полностью открылась, и фигура дракона заполнила собой проход. Массивные чёрные лапы, обрамлённые сверкающими чёрной краской когтями, скрежетали искрами по металлическому полу, передвигая его длинное тело между печей по цеху в сторону центральной секции, где притаились человек и кукла.

— Так, — задумчиво произнёс Снорри, — я придумал. Тебе придётся остаться здесь.

— Почему? — с досадой спросил оживлённый.

— Мне нужно попасть туда, — здоровяк указал рукой на маленькую комнату под потолком цеха, куда вёл длинный пролёт и несколько лестничных секций, — а эта тварь, — он указал на дракона, — непредсказуема, и нового расписания дежурства постов у нас нет, — он обвел рукой движущихся чёрных псов и редкие фигуры рыцарей, — поэтому я не могу быть уверен, заметят меня или нет.

Он повернулся к Гудди и посмотрел ему прямо в глаза.

— И тебе придётся отвлечь их, если что-то пойдёт не так. Понимаешь?

Оживлённый медленно кивнул.

— Я дам тебе сигнальную ракету. Если ты увидишь, что кто-то заметил меня, стреляй в противоположную от меня сторону и беги на выход. Выхлопная труба 17, помнишь?

— Помню, — кивнул Гудди.

Человек огляделся и двинулся вправо между бочек.

— Постой! — прозвенел ему вслед оживлённый.

Снорри оглянулся и одарил его взглядом, полным злобы и презрения.

— Удачи, — тихо сказал Гудди, смутившись.

— Болван, удачи не желают, желают успеха, — тихо прорычал в ответ человек и исчез под лестницей.

Гудди продолжал наблюдать за фигурой человека, мелькавшей среди мостов и лестниц, медленно пробиравшейся к стене, прячась от рысующих взглядов патрулей. Оживлённый боролся с kloкочущим в груди чувством тревоги и не мог усидеть на месте. И хотя все чувства были ему в той или иной степени новы, это он охарактеризовал для себя как наиболее неприятное. Он боялся потерять Снорри. Осознав это, он вновь взглянул в ту сторону, где пробирался с этажа на этаж здоровяк. И, не найдя его, привстал. Краем глаза он заметил движущуюся среди печей фигуру дракона и вновь спрятался за бочки. Трясущейся рукой он повертел в руках пистолет с сигнальной ракетой. Его страх о человеке смешался с новым страхом. Он боялся даже посмотреть на чёрное чудовище, приближавшееся к нему. Он не испытывал ничего подобного к живому дракону. А в присутствии этого механического монстра у него разболелась голова и грудь.

Справа на стене раздался металлический хруст и, оглянувшись, оживлённый разглядел, как тёмная тень, по форме напоминающая Снорри, упала с одного пролёта на другой. Приглядевшись, он понял, что, похоже, под ним провалился сетчатый пол. Оживлённый тут же выглянул из-за бочки и увидел, как рыцари и псы обернулись в сторону звука. Дракон замер и вдохнул чёрными ноздрями воздух. Руки Гудди так затряслись, что он не мог заставить себя твёрдо схватиться за пистолет. Он выглядывал из-за бочки и вновь прятался за неё. Дракон нагнул голову и двинулся вдоль печей к стене, где был человек, огибая цепи с ковшом. Невообразимое чувство страха вновь охватило оживлённого, картинки в его голове рисовали сжигающее пламя, агонию и отчаянье. Гудди остановил себя, сипло взвизгнул своим дребезжащим язычком и стал через силу поднимать пистолет. Его глаза бегали, пытаясь

сфокусироваться на драконе, и на лбу выступил нарисованный пот, отчего контур его глаз немного уменьшился. Но навстречу волнению, охватившему его тело, из центра его груди поднялась тёплая успокаивающая волна, погасившая вибрации, и руки его стали спокойными, глаза остановились, и он мягко нажал на спусковой крючок. Из пистолета поднялись клубы фиолетового дыма и, сверкая ярким жёлтым огнём из него вырвалась зелёная ракета.

Для оживлённого время резко замедлилось. Он удивлённо смотрел, как ракета засмеялась и медленно полетела в сторону монстра. Гудди наблюдал, как плавно расходятся от неё клубы дыма, становясь белыми, и как ровно она движется прямо в голову дракона. Рыцари, один за другим, стали оборачиваться в его сторону, а чёрные псы, сверкая глазами, уже разворачивались, переходя на галоп, двигаясь медленно, как в воде вдоль проходов к паттернам лестничных пролётов. Сверкнув последний раз, ракета врезалась в морду дракона и раздался оглушительный треск. Дракон ударился головой о спускавшийся рядом ковш, задевший насос, в свою очередь разорвавший помпу, и горячий чёрный дым окутал голову чудища.

Время вновь вернулось в привычные рамки, и Гудди стал нелепо оглядываться на несущихся со всех сторон к нему псов. Он взглянул на пистолет в руках и бросил его на пол перед собой. Сделав шаг назад, он увидел, как в тот же момент из клуба чёрного дыма, в котором исчезла голова дракона, вырвалось алое пламя. Оно словно раздвинуло дым, и за ним появилась сияющая красными всполохами морда Бьёрнвейга. Гудди поймал взгляд чудовища и замер. В глубине этих глаз, пусть и горевших ярким огнём, он увидел тьму, непроглядную, сгустившуюся тьму. Оживлённый припустил что было сил по металлическому балкону за угол, прочь от ужасающего существа.

— Семнадцатая труба, семнадцатая, — бормотал он себе. — Да где же она?

Гудди добежал до развилки на подвесных мостах и стал оглядываться, но не успел и дух перевести, как на него набросились два чёрных пса. Один свалил его, а другой вцепился в его новую металлическую ногу и стал дёргать так, что у оживлённого захрустел таз. Гудди схватился за поручень моста и двинул свободной ногой псу в морду, попав прямо в горящий сердечным осколком глаз. Осколок треснул и раскололся, а пёс отпрыгнул назад, отпустив ногу. Гудди привстал, но в этот момент второй пёс, с другой стороны, бросился к его лицу. Оживлённый прыгнул и прокатился под ним, оказавшись посередине моста. Извергая из сочленений листов брони дым, бежавший по их чёрным венам, псы двинулись на Гудди.

Когда они вступили на шатающуюся подвешенную на цепях балку, весь балкон сотрясло, и он закачался, оторвавшись от креплений. Гудди еле успел схватиться за борт, а ничего не ожидавшие чёрные звери один за другим полетели вниз, в бурлящий чан с расплавленным металлом. Раскачиваясь будто на качелях, оживлённый увидел, что, сметая на своём пути переходы, лестницы и подвесные конструкции, к нему несётся дракон. Гудди прыгнул как раз в тот момент, когда языки алого пламени из чрева монстра сорвали качающуюся часть моста, и она не упала, а стекла вниз, мгновенно раскалившись добела.

Оживлённый приземлился на пролёт ниже, среди толстых чёрных труб, закрывших его от дракона. Сверху раздался человеческий крик:

— О красная луна! Какого проклятого голема здесь происходит? Бегите к Его Величеству. Нужно остановить этот ужас.

Над головой оживлённого загрохотала тяжелая поступь солдатский сапог. Он, не в силах пошевелиться, сжался, притаившись за трубой. В груди что-то бешено вибрировало. Гудди поднял глаза и увидел, как из-за трубы медленно выползает огромная металлическая ноздря. Она остановилась в метре от него и, как ему показалось, вдохнула воздух, а затем мгновенно исчезла за углом лишь для того, чтобы в тут же появиться вновь, но уже всей извивающейся мордой целиком. Оскалившись, дракон раскрыл пасть, и Гудди увидел, как в глубине его чрева бурлит дым и разгорается огонь. Перед глазами оживлённого пронёсся весь тот короткий жизненный путь, что он так остро осознавал сейчас лишь одним мгновением. Внутри шеи монстра выехали трубочки с алым пламенем, а дым начал подниматься из чрева вверх, приобретая тот самый алый оттенок. Но огня не последовало. Вместо этого дракон кашлянул и дым вырвался наружу облаком, окутавшим его голову как несколько минут назад.

Гудди очухался, вскочил и побежал прочь, виляя между трубами, сбиваясь и цепляясь за выступы, не в силах поверить в своё чудесное избавление. Навстречу ему спускалась пара солдат в гвардейской форме.

— А ты кто такой? — крикнул один из них, наставляя ружьё на оживлённого.

Гудди затормозил, упёршись тем местом, где обычно должен быть рот, прямо в дуло выставленного ружья.

— Глупая кукла! — воскликнул оживлённый и бросился вбок.

Солдат выстрелил, и пуля, задев краем о забрало Гудди, рикошетом забила о металлические опоры и лестничный пролет, где спускались гвардейцы.

— Дурак! — крикнул стрелявшему напарник. — Он же, металлический!

Тем временем Гудди, с трясущейся, как колокол, головой, оббежал очередную трубу и наткнулся на приставную лестницу, спускавшуюся ниже, к плавильному цеху. Фигуры гвардейцев появились над ним, когда он уже съехал по ступеням вниз и бросился дальше по подвесному мосту между печей к очистительному комплексу.

— Эй, стой! — крикнул гвардеец, — да говорю же, глаза на дереве нарисованы.

— Вот мерзавец, — добавил другой, поправляя кивер. — Слышал, как вчера второй полк расстрелял демонстрацию оживлённых перед дворцом. Говорят, очередная акция «Свободного Города». Похоже, не зря. Это выглядит как приличный саботаж.

Гудди слышал их удаляющийся диалог, пока бежал к снующим туда-сюда подъёмникам. Стоило очередной пуле просвистеть над его головой, звякнув о груды пустых капсул из-под дыма, сразу за ней, словно аккорд после вступительной ноты, сверху на мост всей тяжестью своего металлического тела упал дракон, проломив его и провалившись с хрустом ниже под печи. Гудди подкинуло, и он упал по дуге прямо на шедший вниз подъёмник. Он плюхнулся лицом вверх на груды капсул и с ужасом вытаращил глаза на исчезающее помещение цеха. Он опускался ниже, и, когда свет совсем исчез, раздался жуткий удар, такой громкий, что казалось сейчас вибрация разорвёт куклу и капсулы на куски. Открылся люк, и Гудди вместе с чёрными цилиндрами полетел вниз, плюхнувшись в чёрную гладь воды.

Он ушёл глубоко. Тусклый серый свет померк над ним. Рядом медленно падали капсулы, выпуская из себя пузыри воздуха. Гудди утягивало всё ниже и ниже. Остатки мерцающего вдалеке марева накрыла тень и стало темно. Так темно, как никогда ещё не

было. Он дёрнулся, но тяжесть его тела не позволяла плыть. Вода сковывала движения, и он завертелся от этого неприятного давящего чувства, но только быстрее пошёл ко дну.

— Вот так я и погибну, — подумал он, — случайно, забытый посреди этого чистилища.

Он закрыл глаза руками и, как ему показалось, расплакался. Белые зрачки стали уменьшаться с каждой нарисованной слезой, покидавшей их. Он почувствовал себя таким одиноким, уязвимым и испуганным, что захотел сжаться в точку.

— Да, ты исчезнешь, как и все, — произнёс далёкий незнакомый голос в его голове.

Но тут ноги его коснулись дна. Он убрал руки от лица и оказалось, что он может видеть. Свет исходил от него самого. Из груди пробивалось алое сияние. Вокруг лежали пустые капсулы, откуда вверх поднимались струйки пепла. Незнакомый голос не появлялся, и оживлённый сделал нетвёрдый шаг. Затем другой, и, медленно переставляя ноги, двинулся сквозь липкую темноту. Через несколько шагов перед ним упала капсула, а затем ещё одна, и ещё одна. От следующей ему пришлось увернуться, неуклюже прыгнув вбок. Поднявшись на ноги, он увидел справа от себя гору из капсул, поднимавшуюся выше. Он сделал шаг к горе и стал забираться, поскользываясь и спотыкаясь, но всё же двигаясь вверх.

Вскоре тьма стала рассеиваться и вновь показался тусклый свет над головой. Преисполненный энтузиазма и подгоняемый воображением, рисовавшим в липкой темноте морды дракона, Гудди поспешил выше. Он поднялся над чёрной поверхностью — как раз под той трубой, где стояла их лодка. Рауд лежал на носу и, вытаращив глаза, смотрел куда-то в противоположную от Гудди сторону.

— Эй, — шёпотом звякнул оживлённый, ступая по капсулам, лежавшим у самой поверхности.

Рауд подскочил в лодке и обернулся.

— О луны, это ты, — вымолвил он ошарашено, — как ты здесь очутился? И почему ты стоишь на воде?

— Тут капсулы сразу под самой поверхностью, — оживлённый показал рукой на рванный блик, бегущий по выглядывающему из воды чёрному цилиндру.

Рауд удивлённо оглядел его.

— Что случилось? — спросил осьминог, немного придя в себя и правя лодку к Гудди. — Я видел д-д-дракона, он спустился сюда и оглядывал всё, принимался, что-то искал. Я спрятался в воде, а он, хвала Сердцу, не заметил лодку.

— А куда дракон делся потом? — спросил оживлённый, забираясь на корму.

— Убрался обратно в этот инкубатор, — кивнул Рауд вбок, — там, похоже, переполох, я слышу, как носятся по помещениям люди, — произнёс он, прислушиваясь к шуму, раздававшемуся в здании завода. — Нам пора уходить.

— Да, — кивнул Гудди, — но как же Снорри?

— Как же, как же, — нервно задёргался осьминог, — это ты должен знать, что с ним.

Он зло схватился за весло всеми щупальцами и повис на нём.

— Я...

Но Гудди не успел договорить, потому что из той самой трубы над ними в лодку упал здоровяк, отчего та просела, зачерпнув в себя чёрной воды. Человек быстро очухался, схватил весла и стал грести прочь.

— Получилось? — коротко спросил так и висевший на одном из вёсел Рауд.

Снорри посмотрел на него тяжёлым взглядом, полным негодования, и налёг на весла.

— Я так и знал, что опять провалимся, — с горечью булькнул осьминог.

Рауд отпустил рукоятку, но её тут же перехватила рука человека.

— Да, всё получилось, — прохрипел Снорри.

Осьминог отполз на корму к кукле.

— Не верю, — покачал он головой.

Гудди смотрел на человека, глядевшего отрешённым взглядом куда-то сквозь него, и не мог понять, что тот чувствует сейчас и как-то соотнести это с тем, что он сам чувствовал.

— Три — два, деревяшка, спасибо, — прорычал здоровяк своим kloкочущим басом.

Рауд недоумённо посмотрел на человека, а потом на оживлённого.

— Вот это да, впервые вижу, чтобы этот кого-то благодарил.

— Это уже второй раз, — звякнул в ответ Гудди, оглядываясь на осьминога.

— Сдал меня, — буркнул Снорри, — но этот выстрел! Ха! Никогда не забуду, как его чугунная голова грохнула о поршень!

И он рассмеялся, да так, что перестал грести и из его глаз брызнули слёзы. Вдали что-то мелькнуло и хлопнуло, и где-то рядом от сваи отскочила рикошетом пуля.

— Скорей! — всё ещё задыхаясь от смеха, прохрипел Снорри, вновь хватаясь за весла.

Рауд, вытащил из-под сидения ружьё, с трудом поднял его и прицелился. Дуло гуляло вверх и вниз, он выстрелил куда-то в молоко. Вдалеке, возле подъёмников перестали кричать и затихли. Раздался ещё один выстрел, но пуля прошла совсем высоко, похоже, что стреляли, даже не целясь.

— Это гвардейцы, — с трудом овладевая собой, произнёс здоровяк, — личная охрана Узурпатора. Маменькины сынки. Аристократия. Можно не беспокоиться, они в нас не попадут.

Рауд выстрелил ещё раз, уже точнее, но без видимого результата. Их лодка повернула в тёмный канал и скрылась от чужих глаз.

Несколько раз по дороге человек доставал чёрную коробку с антенной из рюкзака и шипел ею.

— Никто не отвечает, — посетовал он, когда они выбрались в черту города.

— Да, не берёт здесь, и не будет брать, я же тебе говорил, — хмурился в ответ Рауд, — нам надо подняться наверх.

— Не учи меня, — огрызнулся Снорри, налегая на вёсла.

Они двигались по каналам, пока не достигли врат Сектора 12 — старой лифтовой шахты, что вела на средний ярус города. Здесь они привязали лодку под каменным причалом, накрыв чёрной тканью. Снорри подошёл к уходившим в темноту цепям и дернул за несколько из них. Но ничего не произошло.

— Я говорил, — хмыкнул Рауд, забираясь на плечо человека.

— Тогда работал, — прошептал здоровяк.

— Мне-то что, это тебе идти 150 пролётов пешком, — усмехнулся осьминог.

— Выдержишь? — спросил человек у куклы.

Гудди посмотрел на вмятину на своём колене, оставшуюся от жёсткого приземления в цеху, и пожал плечами.

— Красную луну бы на эти усиленные патрули, — прошипел Снорри сквозь зубы.

— Мы сами в этом виноваты, — покачал головой осьминог, — сделали бы всё тихо в прошлый раз, может, и...

— Твоё «может» мысли гложет, — сказал человек и щёлкнул пальцем по голове осьминога, отчего тот завибрировал и нахмурился.

— Аккуратней с рифмами, — пробультал он в ответ, — мало ли кто услышит.

— Шутник, — покачал головой здоровяк, избегая по раскуроченным ступеням.

Гудди заскрипел где-то на девяносто седьмом пролёте. Вся смазка кончилась, и он тихо плёлся себе позади здоровяка, часто останавливавшегося передохнуть и смотревшего наверх через капли пота, заливавшие его глаза. На этом уровне начинались крепления проспектов, огромные железобетонные муравейники, покоившиеся на крышах старых кварталов, там, под ними, жили сливки нижнего яруса. То были владельцы малых предприятий или конторские служащие, почти пробившиеся к солнцу. Может быть, даже державшие заведение-другое, на среднем ярусе, но не имевшие возможности и связей, чтобы позволить себе жильё в преддверии городского рая. Оживлённый наблюдал за окнами, мелькавшими между металлических перекладин. Их убранство изобиловало артефактами той верхней жизни. Картины на стенах, наряды в шкафах, бумаги на столах — всё жило ожиданием света, что должен был согреть и поддержать в них огонёк надежды, связывающий их жизнь под мостом с тем светлым миром без забот.

Добравшись наконец до вершины шахты, они обнаружили крепкий засов и замок на решётчатой двери, за которой начинался узкий переулок, выходивший на Проспект Согласия. Снорри дёрнул дверь, но даже его крепким рукам она поддалась с трудом.

— Вот и добрались, — бульткнул осьминог, — я, если честно, потерял надежду.

— Цыц! — ответил здоровяк.

Он снял со спины рюкзак, достал из него белый шар и положил его между решеток.

— Побереги светляка, сюда же сбежит вся полиция, — воспротивился Рауд, — мы больше не на каналах, где никто ни за чем не следит.

— Спокойно, — ухмыльнулся Снорри, — ты мне не доверяешь?

— Нет, — уверенно замотал головой осьминог.

— Тогда слезай и ползи сам.

— Нет.

— То-то же, — решительно произнёс здоровяк, отходя на несколько шагов и доставая пистолет.

Спрятавшись вместе с Гудди за угол лестничного пролета, Снорри выглянул и выстрелил в шар.

Раздался сильнейший грохот, и всё пространство заполнил едкий белый дым, оседая, он становился фиолетовым. Сваю, скрывавшую наших героев, погнуло, дверь разворотило, а лестницу перед ней разорвало. Когда дым понемногу рассеялся и Снорри пришёл в себя от контузии, Рауд саркастически произнёс, глядя на пропасть перед ними:

— Ну и как мы будем выбираться из этого?

Снорри поднялся, схватил осьминога с плеча, размахнулся и закинул его на противоположную сторону. Затем он так же легко перекинул Гудди, словно тот был пушинкой. А сам перебрался по выступам в стене, что вот-вот должны были рухнуть. Стена за ними отвалилась и упала в шахту сразу после того, как здоровяк выпрямился на другой стороне.

— То, что тебе везёт, совсем не значит, что этим надо злоупотреблять. Тем более мне не так везёт, и, беря меня в расчёт ты понижаешь свои шансы, — рассержено булькнул Рауд, заползая обратно на плечо к человеку.

С другого конца переулка к ним уже спешило двое полицейских. Один из них сипло свистел в свисток. Оба не были вооружены. И как только они увидели пистолет в руках Снорри, тут же остановились и подняли руки. Здоровяк заставил их раздеться, связал покрепче и усадил спиной друг к другу за выступом здания, чтобы их не было видно. Присев рядом с одним из них, он стал сооружать кляп и тут полицейский присмотрелся к Снорри и произнёс:

— Красная луна, да ты же сын Йондербейга!

Здоровяк зло взглянул в испуганное и удивлённое лицо полицейского. Средних лет мужчина с сединой в пышных усах смотрел на него блестящими глазами.

— Ты жив? — удивлённо проговорил тот.

Снорри навёл на него пистолет и взвёл курок.

— Ещё слово, сын красной луны, пристрелю, — процедил здоровяк.

Полицейский замолчал и сглотнул.

Гудди, стоявший рядом, с недоумением смотрел то на одного, то на другого.

— Не надо, — прозвенел он неожиданно для самого себя.

Снорри повернул голову к кукле и застыл с глазами полными огня:

— Он узнал меня.

— И что с того? — спросил Рауд, спускаясь щупальцами по руке человека к пистолету.

— Он... — здоровяк зарычал и стал рыться в одежде полицейского.

Достав его значок и какие-то бумаги, он прочитал вслух:

— Констебль Кульц Порбеллирон. Нижний обводной канал 14\44. Слышишь, — обратился он к полицейскому, — твои бумаги займа я заберу.

— Ты опять занял? — удивлённо спросил напарник полицейского, пока Снорри прятал бумаги в рюкзак.

— Не твоё дело, — огрызнулся Кульц.

— Мда, — покачал головой напарник.

— Тихо там, — прикрикнул на него Снорри. — Слушай меня, Порбублибрим, если ты скажешь кому-то, что видел меня, я найду тебя. Слышишь?

Полицейский злобно смотрел на Снорри и не моргал. В его глазу лопнул сосуд, и он не выдержал и плюнул здоровяку в лицо. Снорри вскинул пистолет к лицу полицейского. Его палец дёрнулся к курку, но тот был накрепко перемотан щупальцами Рауда, в упор смотревшего на человека.

— Нас услышат, — вырвалось шипение из его лопнувшего пузыря.

Снорри, в бешенстве утирая рукавом лицо, смотрел то на осьминога, то на Кульца, затем замахнулся и ударил полицейского рукояткой по лицу, так что тот повалился на напарника. Быстрыми движениями здоровяк завязал обоим полицейским рты, оттащил их к стене и, схватив рюкзак, снял с пистолета осьминога, а затем двинулся прочь из переулка. Гудди в нерешительности постоял, смотря в перепуганные глаза второго полицейского, и побежал, поскрипывая, вслед за человеком, уже исчезнувшим за поворотом.

На шумном проспекте он не сразу различил высокую фигуру Снорри, тут же исчезнувшую среди множества разнообразных цилиндров на головах прогуливающих мужчин и ещё более пышных и необычных головных уборов женщин — самый большой из них напоминал целый сад, и птицы перепрыгивали с ветки на ветку небольшого дерева, высившегося посреди этой то ли огромной прически, то ли гигантской шляпки. Оживлённый протискивался в толпе, выстроившейся вдоль широкого асфальтового покрытия, где ползли танки, а над ними, лавируя между крыш, парил парусник с изображением лица молодого мужчины и красивой девушки. Голос вещал в мегафон.

— Бракосочетание Его Величества Узурпатора 2-го Тэмена Йомера состоится через шесть полных лун, в связи с чем будут объявлены две недели выходных и амнистия от принудительной порки одной тысячи жителей.

Гудди поглядывал на людей, с восхищением смотрящих на это действо, и чуть не потерял здоровяка из виду, однако успел увидеть, как тот поворачивает в проём между зданий. Он бросился за ним, но в последнее мгновение обратил внимание, что между голов мелькнула клетка, а в ней металось какое-то существо.

Оживлённый остановился, помотал головой, ударившись о локоть какого-то джентльмена с маленькой собачкой на руках. Когда он наконец обернулся, клетка поравнялась с ним, и за головами в удивительных уборах он увидел льва, в бешенстве

прыгающего и бьющегося о металлические прутья. Гудди не поверил своим глазам. Он попытался протиснуться между плотно стоящих людей, смеявшихся и показывавших на перворождённого пальцем, но его оттолкнули и он по инерции отступил аж до стены ближайшего дома. Его взгляд упал на водосточную трубу на углу здания, и он в несколько прыжков оказался на высоте второго этажа, над головами толпы, размахивающей головными уборами, перчатками и платками проходившему мимо параду. Он посмотрел на удалявшуюся от него клетку и пополз выше. Оказавшись на покато́й черепичной крыше, начинавшейся над третьим этажом, он побежал за процессией. Дома становились выше лишь на третьем или четвёртом ряду от проспекта, поэтому Гудди свободно мог двигаться вдоль процессии. Поравнявшись с клеткой, он поймал глаза животного. Это был Лео Гром Фонн. Он что-то кричал и бил лапами о прутья. Но от его ударов, ни клетка, ни гусеничная платформа даже не покачнулись. Гудди не нашёл ничего, кроме как крикнуть ему:

— Я здесь!

И стукнул себя кулаком о бедро. Он шёл и шёл вслед за процессией, смотря на льва, закрывшего глаза лапами, пока не кончились крыши. Широкий воздушный канал разделял кварталы, и проспект пересекал его широким мостом, а под ним плыли прогулочные баржи с расположившимися на них ресторанами и танцевальными площадками. Толпа шла медленно, двигаясь вдоль процессии, медленно переползавший воздушный раздел. Гудди вновь поймал взгляд Лео. Тот помотал головой и сник, обессилив.

Оживлённый слез по водосточной трубе вниз, но в самом низу сорвался и упал на спину какому-то человеку в коричневой шляпе. От удара тот присел и громко охнул. Женщина рядом закричала:

— Луны! О луны! На него напала оживляшка! Смотрите, это опять проделки «Свободного Города»!»

Но Гудди, не мешкая, поднялся на ноги и исчез в толпе, а женщину отвлек спутник, указавший ей на левитирующего культиста.

— Гляди, настоящее чудо, — промолвил он вдохновенно.

— Готова биться об заклад, что это очередная иллюзия, а там за крышами спрятали иллюзиониста, — рассерженно ответила женщина, — тем более чего стоит это чудо — пролевитировать от Причала Тюльпанов в Воздушную Бухту? Я могу заплатить один серебряник и сделать то же самое на гондоле!

— Ни один иллюзионист не продержит иллюзию дольше пяти минут, а эта висит уже битый час, — нахмурился её спутник.

— Какой же ты невежда, там их целая армия на крыше, они сменяют друг друга по очереди, — фыркнула рассерженная женщина.

— Но ведь иллюзии запрещены! — использовал последний аргумент мужчина, но женщина лишь закатила глаза и двинулась вслед за процессией.

Клетка со львом выехала на Площадь Садовников, где по кругу стояло 12 статуй основателей великих домов, а за ними поднимались роскошные залы приёма. В них каждый мог передать пожертвования на проекты того или иного дома или поучаствовать в его жизни. Ярko выделялся среди них дом Роя, чей фасад был полностью закрыт новёхонькими флагами. Посреди площади несколько десятков оживлённых наспех возводили сцену и поднимали на

неё гильотину, производя при этом невероятный шум, бивший по ушам. Люди заполняли большое пространство по краю, а техника выезжала в центр, занимая места слева и справа от сцены. Гусеничная же платформа с клеткой, проехала прямо и встала перед ней. Несколько похожих на уток оживлённых, открепили её от платформы и потащили на пошатывающуюся сцену. Лео прыгнул и отсёк когтями деревянные руки оживляшек, державших прутья. Клетка накренилась и завалилась на бок, обнажив дверцу в полу и упав на возводимую опору, отчего сцена обрушилась вместе с гильотиной. В толпе рассмеялись, а кто-то закричал как раз в тот момент, когда Гудди удалось пробиться к ограждению. Он схватился руками о край забора, не сразу разобрав, что происходит. От сцены, до которой было метров триста, поднималась пыль и бы слышен шум и возня. Толпа напирала, и оживлённому пришлось двинуться вслед за людьми, теснившими его по кругу к дальней части площади.

Лев вырвался из клетки как раз в тот момент, когда к ней побежали со всех сторон солдаты, спрыгнувшие с брони танков. Он рванул вперёд, и толпа ахнула от страха и возбуждения. Женщины вокруг Гудди отпрянули от ограждений. Он остался один и стал было перебираться через ограду, но чья-то рука схватила его за ногу. Оживлённый оглянулся и увидел Лилу, смотревшую на него печальными и решительными глазами, отрицательно покачивая головой. Раздался выстрел. Гудди обернулся на площадь и увидел, как Лео ковыляет к бегущей к нему толпе солдат. В их рядах мелькнула вспышка. Лев упал. За спиной Гудди толпа издала звук облегчения. А из груди оживлённого вырвался сдавленный звон. Нога куклы опустилась с ограждения на гранитную поверхность площади и руки сами отпустили перекладину.

Он упал, мгновенно отяжелев. Перед глазами, полными слёз, уменьшившими его зрачки почти до точек, побежали в вышине облака, сверкающие белизной в лучах обоих солнц. Ветер колыхал ленту на белой шапочке Лилы, склонившейся над ним и жестом показывавшей, что надо вставать.

— Дамы и господа, простите за неприятную заминку, — раздался голос сверху, — казнь участвовавших в террористической атаке людей вы сможете посмотреть через несколько дней после суда. К сожалению, их мы не можем казнить без разбирательства, — нелепо рассмеялся голос. — А сейчас, праздник продолжается!

И на этих словах заиграла музыка из циркового представления. Голова Гудди не соображала. Он поднялся, не помня себя, и пошёл вслед за обезьянкой, увлекавшей его прочь от площади, куда-то между представительств великих домов.

Головокружение прошло, только когда они взбирались по пожарной лестнице на опору большого моста, пролежавшего от замка Трокийя к замку Ят. Чуть выше, на небольшой смотровой площадке, оживлённый увидел фигуру здоровяка, сидевшего, свесив ноги в пропасть, и сложившего руки на хлипком заборчике. Рауд сидел на вентиле, торчавшем из толстой трубы, которая поднималась выше под своды моста. Лила подошла к Снорри и присела. Гудди последним забрался на площадку и встал в нерешительности.

— Лео погиб... — произнёс он тихо.

— Мы знаем, — кивнул Рауд, — рация молчит, значит их взяли.

— Его убили на площади, его везли в клетке, как...как... — дрожащим голосом прозвенел Гудди.

— Как животное, — закончил за него Рауд.

Оживлённый посмотрел на него и опустил голову.

— Так люди относятся к нам, — покачал головой осьминог.

— Людей казнят на днях, — произнесла Лила, — их ждали.

— Похоже, — булькнул Рауд.

— Твоих рук дело? — прохрипел здоровяк, обращаясь к Лиле, смотревшей в сторону большого столба чёрного дыма.

Обезьянка вздрогнула, но затем пригляделась к столбу и сняла со спины маленький рюкзачок, достав кусок обгоревшего дерева.

— Вы меня тоже в таком виде забрали?

Снорри посмотрел вниз на обезьянку и кивнул.

— Значит, восстановит, — заключила Лила и упаковала деревяшку обратно в рюкзачок.

Гудди сидел, обхватив ноги руками и беззвучно плакал. Рауд перебрался с вентиля к нему на плечо и обнял его щупальцем.

— Ничего, и не такое бывает. Я-то знаю. Смотри, а то все глаза выплакаешь, где мы сейчас краску найдём.

— Он... — произнёс оживлённый, подавляя всхлипы, — он мне рассказывал, что такое потеря.

Он заплакал в голос, и звенящий язычок его задребезжал и завибрировал так, что всё его тело затряслось.

— Он был такой добрый!

— Ну всё, всё, успокойся.

Осьминог обвил его щупальцами целиком и затрясся вместе с ним.

— Как же больно! — захлёбываясь взвыл Гудди.

— Хватит, — закричал Рауд и треснул куклу по лицу.

Гудди опешил и удивлённо посмотрел на осьминога.

— Хватит ныть, — зло сказал тот, — возьми себя в руки. Всё не так радужно. И не будет радужно, пока мы это не исправим. Пока всё это не закончится. Покуда Мы это не закончим. А сейчас нет у нас права раскисать, понимаешь? Нет.

С этими словами рассерженный осьминог слез с оживлённого и перебрался обратно на вентиль.

Они молча сидели, пока первое солнце не закатилось за горизонт, без интереса наблюдая за множеством полицейских и военных судёнышек, сновавших по городу. Когда немного стемнело, Снорри встал, открыл приваренный к металлическому полу площадки ящик и достал оттуда сигнальный пистолет. Направив его в сторону вокзала, он выстрелил, и небо окрасила фиолетовая вспышка, осветившая красивый дымчатый шлейф, что оставила за собой ракета.

— Предлагаю убратся отсюда на всякий случай, — пробулькал Рауд.

— Да, неплохая мысль, — кивнул Снорри и, выкинув за спину сигнальный пистолет, стал спускаться по опоре моста вниз.

На одном из домов недалеко от опоры, спрятавшись за выступом торчавшего из покато́й крыши чердачного окна, они проследили, как к площадке, откуда они спустились, подлетело прогулочное судно, с него спустились две фигуры, побродили, а затем подали кому-то сигнал и к ним, мерцая сверкающими в последних закатных лучах светоотражающими бортами, слетелись, как саранча, полицейские катеры.

— Вот так, — задумчиво промолвил Снорри, — похоже, что всех накрыли. А у этого дурака ещё две моих «Молнии» оставалось.

— Куда теперь? — пробулькал осьминог, пробуя невысоко левитировать.

— Понятия не имею, — буркнул здоровяк, вытирая с носа сердечную пылинку и вглядываясь через бинокль в озабоченные лица полицейских, — похоже они не на шутку всполошились.

Гудди сидел на краю крыши и смотрел вдаль, на заходящий диск старшей звезды. На его левой деревянной руке вырос зелёный лист. Он вырвал его металлической кистью правой руки и бросил вниз. Поток ветра подхватил его и понёс между крыш дальше к закату. Лила, сидевшая рядом с оживлённым, подняла голову и обернулась к человеку с осьминогом:

— Я вспомнила.

Рауд вопросительно посмотрел на неё.

— Я вспомнила, куда мы можем пойти, — произнесла обезьянка, поднимаясь, — мы пойдём к моей хозяйке.

Глава 25

Магистр Астолок сидел в своей грязной камере, прислонившись к поедавшей тепло его тела стене, и смотрел, как раскачивается в коридоре сердечная лампа. Рана на ноге снова гноилась, но никто не звал врача и уж тем более не давал лекарств и мазей. Узник напротив пришёл в себя и подавал признаки жизни. Его привезли днём, и, похоже, сильно били, потому что несчастный стонал и кричал во сне. В этот день привезли очень много людей. Он слышал, как хлопают двери и тяжело ступают стражники в коридорах по соседству, над ним и под ним. Весь замок пришёл в движение. Сбились привычные ритмы, второй раз еды так и не дали, и он не мог понять, сколько сейчас времени. Потому что время его исчислялось теперь только приёмами пищи.

Когда еду наконец принесли, Астолоку не досталось. Миску поставили только к камере напротив.

— А мне? — крикнул дребезжащий голос справа.

— А тебе я сейчас сломаю хребет, — огрызнулся тюремщик.

— Да лучше сломай уже, я от голода пухну, — захрипел заключённый в ответ.

— Новичков много, — как бы оправдываясь, пробурчал тюремщик, — не хватает на всех.

— Откуда столько? — спросил кто-то слева. — Опять что ли демонстрации?

— Нет, — ответили ему. — Старая тюрьма сгорела. Это те, кого удалось спасти.

— Ничего себе, — задребезжал сосед справа, рассмеявшись и закашлявшись, — каково! Спасти, чтобы сгноить их здесь.

— А это всё политические, — сказал кто-то слева, — ценные вроде как.

— Я тоже вроде политический, — прохрипел сосед справа, — но почему-то сразу сюда привезли.

— А кто их поймёт, — философски заметили слева, — ты по какой?

— Ни по какой! — усмехнулся сосед. — Я в двигателях разбираюсь. Сделал каким-то шишкам в Культе проект корабля, способного долететь до луны, и загремел в тюрьму. Слишком много умею, чтобы отпустить или просто убить.

— До луны! Ну ты и выдумщик! — рассмеялись слева.

Соседи продолжали болтать, а Астолок увидел, как рука напротив ему машет. Он привстал, подобрался и сел рядом с решёткой. Рука выдвинула из клетки тарелку с похлебкой и подтолкнула её через коридор. Астолоку пришлось вытянуть пальцы, чтобы зацепить её. Он подтянул тарелку к себе как раз в тот момент, когда нога тюремщика ступила на то место, где только что стояла похлёбка.

— Добряк, ещё сутки кормить их не будем, а он делится, — проворчал тюремщик и скрылся в глубине коридора.

Астолок принялся жадно пить жидкость, где плавало две или три горошины. Но он так и не почувствовал их, проглотив всё почти залпом.

— Как твоё имя? — глухим шёпотом проговорил заключённый напротив.

— Астолок, — промолвил магистр, поставив тарелку обратно в коридор.

— А меня зовут Этель, — ответил его собеседник.

— Очень приятно, — ответил Астолок.

— Сафрона, — добавил Этель.

— Моя фамилия Цаплан.

— Ого, — удивился Этель, — я её слышал. И не в кабаке.

— Да, мои родители со среднего яруса, — пожал плечами Астолок, — но это не мешает мне здесь немножко подгнивать, — усмехнулся он и потрогал порез на ноге.

— Какими судьбами?

— Какими судьбами... — старший техник задумался, — я просто работал не там, где нужно. В университете произошло ограбление, а я был ответственным за ключи. Вот и сижу здесь до выяснения обстоятельств.

— А что украли?

— Руну.

— Руну? — переспросил Этель.

— Да, осколок сердца.

— Ого, не думал, что они ещё существуют.

— Я тоже не знал о них, пока меня не посадили сюда. Но сосед, — он показал большим пальцем в бок, — просветил.

— Ммм... — протянул Сафрона.

— Их вроде как пять. Когда Сердце впервые расколосось, то первые руны достались после целого месяца торговли шести семьям.

— И что потом?

— Потом, известно что. Из мира пропали чудеса, куклы перестали оживать. Женщины стали беременеть.

Сосед справа рассмеялся.

— Интересно, не знал этой истории, — прокрихтел Этель, меняя позу.

— Я тоже, — усмехнулся Астолок, — да и сейчас, я знаю её со слов пройдохи из «Ржавой Трубы», прославившегося тем, что выдавал себя за придворного машинописаря замка Левотургоста.

— А правды нет, — глухо буркнул сосед справа, — и не стоит её ловить. В башках у людей всё так устроено, что любая правда, сказанная утром, к вечеру превратится в ложь.

— Сколько раз сжигали большую библиотеку? — раздался голос издалика слева. — На моей памяти она горела раза три!

— Да что за брехню ты несёшь, — ответил ему кто-то с той же стороны, — тебе не может быть столько лет, чтобы она горела за твою никчемную жизнь три раза. При Саммариусе горела один раз, благословенны луны. Да и при Тэмене не горела. Мой отец ребёнком застал.

И они продолжили ругаться, замкнувшись друг на друге и вскоре перейдя на личности.

— А ты здесь почему? — тихо спросил у Этеля Астолок.

— Я сам не знаю, — пожал плечами Сафрона и усмехнулся, — влюбился в опасную девушку.

— О-о-о, — протянул старший техник, — это достойная причина.

— Мне тоже так кажется, — улыбнулся в темноте Этель, — жаль, что теперь не увижу её.

— Не стоит отчаиваться.

— Да, не стоит, но я что-то не слышал, чтобы из наших тюрем кто-то выходил.

— Это правда, — поддакнул сосед справа, — отсюда только без головы выходят. И чаще всего в направлении подземного озера.

— Так правды никакой же нет, — вставил довольный собой магистр.

— Нет. И это единственная правда, — парировал сосед, — хотя тут может быть и обратная мыслеформа. Ведь само существование неправды подтверждает существование истины.

— Философия всегда отличается тупиковостью рассуждений, — сказал кто-то слева.

— Тебя забыли спросить, — ответил ему его соперник, и они вновь перешли на ругань.

— А как твоё имя? — обратился Этель к соседу справа.

— Канаан, — ответил тот. — Мастер Канаан.

— По двигателям.

— Да.

— Была тут у меня на днях проблема с двигателем, но старик магистр её решил.

— Значит, магистр с мозгами, — прохрипел Канаан, — таких что-то мало я встречал.

Астолок заёрзал на своём месте, а потом с грустью добавил:

— Это правда. Я один «Вечерний ветер» читал вместо книг по инженерному делу. А я, старший техник.

— Вот-вот, — с горечью произнёс мастер.

— Ну, мой магистр быстро разобрался, — пожал плечами Сафрона, — починил «Молнию».

— Вот это да! — удивился Канаан.

— Не слышал о такой, — подхватил Астолок.

— Это раритет, — продолжил Канаан, — времен Третьего ренессанса. Откуда они у тебя?

— Да это не у меня, — ответил Этель, — у моего ассистента. Украл он их где-то.

— Ничего себе украл! — засмеялся мастер Канаан. — Их нет в природе уже несколько столетий.

— Но магистр был уверен, что это «Молнии».

— Магистр твой ошибся, — прохрипел в ответ Канаан, — и это меня не удивляет. Последний, которого видел я, рассказывал еретические небылицы и спорил сам с собой разными голосами. Так что я вообще сомневаюсь, что среди них остались нормальные.

— Я знал одного, — вклинился в их спор Астолок, — он был мастер своего дела. Часы чинил на башнях. Пришёл к нам в замок как раз в тот день, когда меня взяли под стражу, а я ему журналы совал со сплетнями.

— Я бы не отказался сейчас полистать «Вечерний ветер», — мечтательно произнёс мастер, — посмотреть на цыпочек из Квартала Мостов.

— Да они все одинаковые стали, — тоном знатока ответил Астолок, — каждый месяц копируют наряды моей госпожи. Никакой фантазии.

— А кто твоя госпожа? — спросил Этель.

— Герцогиня Ки — самая красивая женщина города, — с гордостью ответил магистр.

— Это что ли фаворитка молодого Узурпатора? — спросил кто-то слева.

— Как вы смеете?! — дёрнулся было Астолок, но больная нога помешала ему вскочить.

— Да она уже и не в фаворе, тот себе помоложе нашёл, говорят из простолюдинок, — поправили его.

— Вы распространяете ужасные слухи, они же в конце концов двоюродные брат и сестра, — возмутился Астолок, повысив голос, но тут же вспомнил, как сам бежал по замку и всем пересказывал статью и показывал фотографии из «Вечернего ветра» с молодым Йомерой и неизвестной девушкой с корзинкой цветов.

— А я слышал, что они женятся.

— Кто? — удивился Этель.

— Ну, Тэмен, и эта девица с нижнего яруса, как её звать-то, Белая Дева.

— Белая Дева? — переспросил Астолок.

— Вы что, из другого измерения пришли? — раздражённо спросил голос слева. — Она волшебница. Своими руками остановила огонь на баржах, упавших на Старый квартал. Многих спасла. Управляла драконом. Так что не простолюдинка она, а, может, повыше вашей герцогини будет. Этель хотел что-то возразить, но тут кто-то издали справа сказал:

— А я слышал, что выше этажом в одиночке сидит тот, кто подпалил баржи.

— Ого! — воскликнул Канаан. — Откуда ты знаешь?

— Я слышал, как переговариваются стражники за стеной, — ответил неизвестный, — его поймали на днях и держат под усиленной охраной, к нему начальник отдела особых поручений Культа сам приходит допрашивать.

— Альберт Септ никуда не ходит, — усмехнулся Астолок, — ты сам к нему ходишь, если ему надо.

— Альберт Септ больше не начальник «особки», — ответил ему неизвестный, — он теперь Ройя, и живёт в замке. Астолок замолчал, удивившись и задумавшись.

— Как быстро меняется мир, — глухо произнёс Этель, — вчера я показывал фокусы в Старом квартале, а сегодня нет ни квартала, ни фокусов, а я сижу в тюрьме за то, о чём, не имею ни малейшего понятия.

— Скажи спасибо, что случайно не срифмовал пару слов, а то бы без суда и следствия, — усмехнулся Канаан. — Не переживай, а лучше придумай себе занятие. Я вот изобретаю новые двигатели. И уже штук 10 придумал. Вот только негде проверить мои догадки. Но в голове всё работает.

— А что это за человек, спаливший баржи? — спросил у неизвестного Астолок.

— Говорят, революционер из «Свободного города», сидит в одиночке, кричит не переставая, — ответил неизвестный.

Этель вздрогнул.

— Я слышал, что «Свободный город» в горах на юге, — сказал он.

— Да нет, — рассерженно перебил его кто-то слева, — «Свободный город» — это городская банда проходимцев, рисующих пошлые картинки на стенах дворца Узурпатора. Проклятые бездельники, мутят воду, вводят народ в заблуждение.

— А я слышал, что они настоящие герои, можно сказать, последние в своём роде, — возразил ему другой голос, и вновь они перешли на личности.

— Я слышал, — вновь подал голос информированный заключённый справа, — что вчера они устроили марш оживляшек прямо во время празднования во дворце. Гвардейцы расстреляли их из пушек на главном мосту перед воротами. Вот зрелище-то было. Там были одни дуболомы. Чего порох тратили.

— Да откуда тут взяться настоящим оживлённым, только дуболомы и деграданты здесь остались, — поддакнул Канаан, — человек не терпит конкуренции.

— А ещё сегодня, — продолжил осведомлённый, — поймали террористов, совершивших атаку на хранилище магистрата, они пытались выкрасть руну.

— Опять? — удивился Астолок.

— Что значит опять? — удивился Канаан.

— Я здесь сижу, потому что украли руну из университета Амун, — возмущённо ответил Астолок. — Чего стоит весь этот Култ с их чёрными жестянками, если они не способны ничего уберечь, а меня держат взаперти!

— Да их же поймали, — перебил его кто-то слева.

— Не трынди, дай послушать.

— Да, всех переловили, — продолжил осведомлённый, — людей привезли к нам, сидят тут же, то ли сразу под нами, то ли на несколько уровней ниже. Охранник рассказывал, как кричала женщина утром. Но, к слову о деградантах и дуболомах, с ними были оживлённые, прям настоящие пробуждённые оживляшки, и прямоходящие, грифон и лев. Грифон, говорят, умер там, на месте, в него попали реактивным гарпуном с корабля, а Льва взяли живым и казнили на площади Садовников. Говорят, он произнёс пламенную речь о Сердце, и толпа аплодировала.

— Да... — протянул Канаан.

— А оживляшки что, и правда пробуждённые были? — спросил кто-то слева.

— Вроде как да, но их там же на месте священным огнём спалили, — ответил осведомлённый.

— Значит, опомнились, охрану усилили, — пробормотал себе под нос Астолок и тихо застонал от нахлынувшего приступа боли.

— Ты в порядке? — спросил Сафрона.

— В порядке, — процедил сквозь зубы магистр, — лечить тут всё равно некому, только калечить... Я теперь и не знаю, выйду ли я отсюда, — прошептал он через сто ударов сердца, сосчитанных им чисто машинально, — если Септа сняли, обо мне просто забудут.

— Да ты не переживай, привыкнешь, — философски заметил Канаан, — я вот привык. Главное заразу какую-нибудь не подцепить.

— Ага, — угрюмо ответил магистр, — это уже не про меня.

— А что с тобой? — с лёгким испугом в голосе спросил мастер. — Заразный?

— Да, — разозлился магистр, — подхватил серую чуму.

— Да ты не злись, — усмехнулся Канаан, — я умереть не боюсь, я боюсь умереть в муках.

Они замолчали.

— Вот, например, от чумы твоей не боюсь, похрипишь, похрипишь и сдохнешь, — неожиданно продолжил мастер. — А вот грибок какой или древесный вирус, когда ты весь корой и волдырями покроешься, да так, что и в туалет сходить больше не сможешь, вот этого я не хочу, упаси Сердце.

— А я бы лучше так сдох на свободе, чем сгнил тут, — ответил голос слева.

— Да что бы ты на свободе делал-то? — крикнул на него его визави, и они вновь начали браниться.

Раздались тяжёлые шаги тюремщика и металлическая поступь стражников. Яркий свет масляной лампы осветил алый полумрак, зазвенели ключи. Камера напротив магистра открылась, и стража вытащила наружу, заковав в кандалы, молодого Сафрона. Тот был осунувшимся, но улыбнулся Астолоку и поплёлся, взятый под руки двумя коренастыми фигурами в лёгком доспехе.

— А когда меня освободят? — крикнул им вслед магистр.

— Никогда, — крикнул ему через плечо тюремщик, — ты уже стоишь в очереди.

Астолок сглотнул и сжался. Воздух в его лёгких похолодел. Но он сразу же постарался вспомнить то чувство на корабле, принятие, красоту, покой. Однако разум его не мог остановиться, закручивая магистра вслед за собой в болезненной спирали страха. Непроизвольно затряслась больная нога. Боли он больше не ощущал. Он просто не мог ничего поделать. Ничего.

Тем временем Этеля вели по грязным узким коридорам через ряды камер с маньяками и сумасшедшими, то вопившими что-то неразборчивое, то дававшими клятву убить его. Но молодой человек не замечал их. Он вспоминал газа Зары и посмеивался тому, как она

произносила своё «до фстфечи». Он всё вспоминал, как, обняв спину старика, она взлетает в небо, а он стоит, разинув рот, под звуки врывающихся служителей правопорядка. На небе, в открытый купол театра, видно первые звёзды, и даже кратеры на теле седьмой луны. И он чувствует в этот момент себя самым счастливым человеком на свете, таким вдохновлённым, каким не чувствовал никогда в жизни, боясь даже облизнуть губы, где осталось ещё тепло поцелуя возлюбленной.

В таком мечтательном состоянии его и ввели в узкую каменную комнату где-то глубоко в подвалах тюрьмы. В помещении стояло нечто накрытое чехлом и сидел усталый молодой человек с обожжённым лицом в простой робе Культа за деревянным столом. Он что-то писал, не поднимая головы.

— Этель? Сафрона? — спросил он, не отрываясь от бумаг.

Конвоиры вышли за дверь, оставив молодых людей одних.

— Да, — кивнул Этель, пытаясь размять скованные запястья.

Вернулся один из тюремщиков со стулом, поставил его напротив стола, грубо усадил заключённого и вышел.

— На кого вы работаете, Сафрона? — спросил культист.

— На самого себя, — ответил Этель, пожав плечами.

— То есть вы не хотите отвечать? — уточнил молодой человек.

— Я же только что ответил, — улыбнулся Сафрона.

— Вы ответили на что-то своё.

— Мне кажется, я вас не понимаю.

— Да, я вот вас тоже не понимаю, — покачал головой культист, встал, подошёл к продолговатому предмету, накрытому тканью, и сдёрнул её.

Этель внимательно наблюдал за ним и не смог сдержать удивления и страха, видимо, отразившегося на его лице, когда он увидел «Молнию» — тот самый аппарат, на котором улетели Вульфи и Зара.

— Они у нас, — сухо сказал культист и сел обратно за стол, продолжив писать.

Какое-то время оба молчали.

— Старик сдался, а вот девчонка ещё держится, — продолжил молодой человек, положив на стол автоматическое перо, — но ей недолго осталось.

На лице Этеля легко было прочесть, что он чувствует.

— Я не буду ходить вокруг да около, — пожал плечами культист, — я предложу сразу. Её жизнь в обмен на ответы.

— Какие ответы? — спросил ошарашенный Сафрона.

— Все. Кто отдаёт приказы, цели, контакты.

— Вы о чём? — глупо рассмеялся Этель. — У меня химический театр.

— И связи с самыми опасными еретиками и террористами? — ухмыльнулся культист. — Не морочьте мне голову, Сафрона. Вы попались. Глупо уваливать, особенно когда жизнь вашей подруги зависит от вас.

— Да что вы, честное слово, я и в мыслях не имею что-то скрывать, — совершенно искренне ответил Этель и тут же подумал про себя: — Ну, кроме дракона, тюрьмы, откуда мы вытаскивали мистера Вульфи, и того, что Зара может уложить на лопатки любого мужика. Я же и правда не знаю, кто она, красная луна, — но вслух этого не сказал.

— Господин Сафрона, — устало произнёс молодой человек и вновь начал писать, — вы не оставляете мне выбора.

— О чём вы? — встрепнулся Этель, — не причиняйте ей зла, всё это нелепое стечение обстоятельств.

— Каких? — вновь отложил перо культист.

Но тут Этелю в голову пришла мысль, поколебавшая его испуг.

— Не покупайся на это. Ведь «Молнии» было две, может быть, они поймали Эла? Правда, за что? За то вещество. Им пахло в лаборатории и в Старом квартале. Неужели это сделал Аллади? Этот малый допрашивает меня, потому что ничего не знает, — сказал он сам себе и усмехнулся.

— Да всяких, — произнёс Этель, успокаиваясь, — мои друзья собрались полетать, а в мою дверь вломились неизвестные. Как бы вы повели себя на моём месте? Я же это уже говорил вашему коллеге, что допрашивал меня до вас.

— Да, мой коллега передал это мне, — сказал культист и посерьёзnel, — и я так понимаю, что вы собираетесь талдычить мне эту чушь и дальше.

— Я вам говорю от чистого сердца... — начал было Этель, но молодой человек встал из-за стола, обошёл его и вышел из комнаты, оставив Сафрона с раскрытым ртом смотреть на стену перед собой.

Вошли двое стражников. Этель кожей почувствовал: сейчас будут бить. Он уже проходил эту процедуру. Удивительным в ней было то, что боль он чувствовал очень фрагментарно. И, когда его валили на пол и колотили ногами, совсем переставал её ощущать. Только потом, когда бить прекращали, он начинал чувствовать, с каким трудом давалось каждое движение и как болели отбитые внутренние органы.

После того как избивание закончилось и его усадили обратно на стул, подрисовав испачканным в крови шершавым пальцем улыбку ему на лице, вернулся культист. Он сел обратно за стол, сложив руки перед собой, и внимательно посмотрел на Этеля, выплёвывающего один из выбитых зубов.

— О, это снофа фы, — засмеялся Сафрона, и от звука собственного голоса засмеялся ещё сильнее, а затем неожиданно плюнул зубом в молодого человека.

Окровавленный осколок попал в обожжённую щёку культиста и оставил небольшое красное пятно, похожее на слезу у мима. Молодой человек посидел немного, глядя перед собой, затем вытер лицо рукавом и снова вышел.

Его не было довольно долго. И Этель уже изрядно заскучал и готов был задремать, как открылась дверь и вошёл скрюченный старичок. Тоже в робе Культа, но выцветшей и старой, с непривычным рисунком на рукавах. Но на нём наряд смотрелся так, словно был его второй кожей. Старичок тепло улыбнулся Этелю, раскрыл саквояж, бережно поставленный им на свободный стул, вытащил из него шёлковый платок и положил перед собой на столе. Этель сначала с интересом, а потом с ужасом смотрел на то, какие инструменты вытаскивает улыбчивый старичок, поглядывая на заключённого.

— Погодите, — пробормотал Этель, — я же и правда ничего не знаю!

— Да, мой милый, конечно, — дрожащим от волнения голосом произнёс старичок, — я и не сомневаюсь. Какое моё дело, — он широко улыбнулся, — моё дело совсем другое.

Отчёт с каплями крови от упавшего на них зуба лежал на столе Верховного вечером этого же дня. Париц вытянувшись стоял перед столом и молча смотрел перед собой. Старик же закончил читать последнюю страницу и положил её рядом с остальными. Их тут же подхватили быстрые руки дуболома-оживляшки в форме потешного солдата с большим красным носом. Солдат положил бумаги на соседний стол, перевязал их и, поставив штамп, понёс куда-то в глубь библиотеки, находившейся по правую руку от кресла, где сидел глава Культа.

— Интересная личность этот Сафрона, — по-кошачьи улыбнулся старик, — с огоньком. И всё же, вам не удалось вытащить ничего, что было бы нам интересно.

— Виноват, — склонил голову Париц.

— Но как здорово он плюнул тебе в лицо зубом, — вдруг расхохотался Верховный, — браво, браво. Сколько теперь, дня три-четыре, пока он придёт в себя после того, что с ним сделал этот озабоченный?

— Да, Ваша Светлость.

— Грубо, грубо, мой милый. Тоньше надо обращаться с людьми. Вот ваш предшественник, хоть и был элементом ненадёжным, а с людьми контакт имел.

— Я только начал, Ваша Светлость.

— Безусловно, безусловно, мой дорогой, я не сомневаюсь, но нам надо действовать быстрее. Мы должны во что бы то ни стало выяснить, кто эти люди, почему мы не знали о них и кто за ними стоит. Подними все хвосты возможных оставшихся организаций или кружков, все клубы по интересам, все тайные собрания шизоверов и драконопоклонников. Всех поднимай на поверхность и заставь их говорить. Переверни город вверх дном. Я хочу знать, кто ещё вступил в игру.

— Конечно, ваше высокопреосвященство, я уже направил людей.

— Раньше, — задумчиво сказал старик, вставая из кресла и подходя к окну, — в те времена, когда этот мир был ещё юн, а город был меньше, чем Сердце, бывшее открыто на широкой опушке леса, в Культе, уже образовавшемся к тому моменту, родились два мнения. Одно, что души умерших должны служить и дальше нуждам этого мира, а другое, что они, наоборот, должны покидать этот мир. Вся эта риторика возникла оттого, что стали обнаруживаться случаи так называемой реинкарнации, когда возрождённые в иных телах вспоминали свою прошлую жизнь.

Он прошёлся к другому окну и встал возле него, всматриваясь куда-то в сверкающее в крышах солнце.

— Там холодно? — спросил он.

— Прохладно, — ответил Париц, внимательно наблюдая за наставником.

— Так вот, спор разгорелся жаркий. До того жаркий, что Культи готов был разделиться. Те, кто приняли сторону Забвения, с помощью ритуалов и ловушек отлавливали умерших и сопровождали их через «море слёз» в миры иные. Они считали это своим священным долгом. Те же, кто был за «воскрешение», наоборот, всячески мешали им и проводили свои ритуалы, создав своего рода магниты, буквально всасывающие в себя мёртвых. Затем они подготавливали им новые тела и пополняли свои ряды. Культи поначалу не выносил на поверхность наличие такого открытого сектантского конфликта внутри организации, но время шло и скрывать уже не было сил, потому что информация добралась до высших слоёв общества и раскол пошёл между великими домами. Культи тогда впервые проявил известную ныне твёрдость и подавил обе секты. Те, кто согласился признать себя еретиками, были отправлены служить в дальние приходы, а те же, кто не согласился, были казнены. Тогда казалось, что конфликт исчерпан, и наступил мир. Но шли годы, и его отголоски вспыхивали то тут, то там. Обе секты не исчезли. Мы не удушили гадину в зародыше. И её метастазы преследовали Культи на протяжении всей истории. Последнее и самое кровавое событие — это Восстание Семимирона. Он, как утверждалось, собрал всех мёртвых в городе и с их помощью оживил гигантских големов, пытавшихся прорваться к Сердцу. Но мы не дали этому случиться. Это событие знаменовало собою окончание Третьего Ренессанса, потому что ввергло нас обратно в первобытный хаос на несколько десятилетий. Семимирона вздёрнули на Сердечной площади, а труп специально показывали толпе, пока он не сгнил, чтобы любители некромантии хорошо запомнили урок, а простые люди могли кинуть в него гнилыми, как он сам, овощами. Воистину, на каждую королеву найдётся свой Йондербейг.

Верховный усмехнулся, сложил руки на груди и подошёл к Парицу.

— Мне интересно, не имеем ли мы опять дело с той же заразой, которую не можем вытравить из себя веками? — усмехнулся старик, посмотрев в глаза молодому человеку.

Париц промолчал.

— Вот и я не знаю, мой милый, — сказал Верховный, положив руку на плечо юного культиста, — а надо.

— Вас понял, Ваша Светлость, — кивнул Париц.

Он поклонился и направился было к двери, но старик крепко сжал его плечо. Глаза главы Культи сверкнули:

— Ошибки быть не может.

Париц медленно поклонился и, пятясь, вышел. Дверь за ним гулко закрылась. Старик остался один.

Он подошёл к догоравшему камину и снял с него колокольчик. Позвонив в него два раза, Верховный повернулся к висевшей рядом на вешалке шкуре пустынного, выкрашенной в чёрный цвет, накинул её на плечи и двинулся через библиотеку к балкону, за которым

начинался мост, что вёл на развилку между замком Узурпатора и храмом Сердца. За его спиной вновь появился потешный солдат с вязанкой дров и стал заправлять ими камин.

Тёмная фигура главы Культа двигалась по продуваемой всеми ветрами тропе между крыш. Последние лучи старшей звезды окутывали шпили замка, ночная прохлада пробирала кости старика даже сквозь толстую шкуру убитого зверя, он закашлялся. Верховный был хмур и задумчив, отчего пропустил поворот и двинулся к замку, но затем спохватился и направился к храму. При входе уже темнела фигура Тэмена в плотной куртке с тёплой подкладкой.

— Она всё ещё производит впечатление, — крикнул Йомера.

Верховный поднял взгляд и пожал плечами, не понимая произнесённых слов.

— Ваша шкура, — уточнил Тэмен, когда старик приблизился, потирая свой тонкий длинный нос.

— Ах это, — усмехнулся он, — только чтобы позабавить ваше величество». Старик приветливо похлопал Узурпатора по плечу и пригласил внутрь, где под куполом располагался прибор. Тэмен спустился вниз и сел в кресло, положив руки на подлокотники. Поежившись, Верховный занял своё место над ним, так же положив руки на металлические крепления.

— Ну что же, попробуем? — предложил он после недолгой паузы.

— Да, да, — откликнулся Тэмен.

Он закрыл глаза, сосредоточился и начал будто бы раскачиваться, как учил его глава Культа. Затем он остановил мысли, замерев внутри и почувствовал, как из-под него поднимается поток, как он проходит сквозь его тело, как набирает силу, как раскручивается спираль невидимой воронки, центром которой является его грудная клетка, и как вихрь поднимается выше над ним. Вихрь разросся и теперь уже был больше него самого, всё больше поднимаясь куда-то вверх. В ушах гудело, словно рядом работал реактивный двигатель. От напряжения Йомера чихнул. Ощущение мгновенно улетучилось. Он словно приземлился обратно в кресло.

— Bravo! — раздался голос старика.

Тэмен поднял голову. Верховный аплодировал ему.

— Почти получилось, — произнёс он с выражением лица учителя, приятно удивлённого успехам своего ученика, — думаю, ещё несколько таких попыток и мы у цели, — удовлетворённо произнёс он, прохаживаясь по круглому балкончику.

— Да? — радостно переспросил Тэмен, повернувшись в кресле. — Правда?

— Всё так, я почувствовал мощь, поднимавшуюся от вас, Ваше Величество.

— Я рад, — улыбнулся Йормера, — я, признаться, сомневался, что у меня это когда-либо... начнёт получаться.

— Всё приходит с опытом, — улыбнулся старик, спускаясь к Узурпатору.

Тэмен встал и, не зная, куда деть вспотевшие руки, полез во внутренний карман куртки за платком. Старик тем временем спустился и подошёл металлическому кожуху, где билось Сердце. Йомера медленно спустился по ступенькам и встал за спиной Верховного.

Молча они смотрели, как вздымается рваная пурпурная поверхность с плывущими над ней в трубках чёрными нитями дыма.

— Вы никогда не задумывались, мой дорогой, как это иронично, что судьба творца находится в руках творений.

— Это то, что будоражит меня всякий раз, когда я прихожу сюда, Ваше Преосвященство, — кивнул Тэмен.

— Ирония или сознательный выбор?

— За такие вопросы вы обычно сжигаете на кострах? — улыбнулся Йомера.

Старик, кряхтя, засмеялся в ответ, прикрыв рот кулаком.

— Да, — с трудом выговорил он, утирая слёзы в глазах, — потому что на них нет ответов. Ведь это самое опасное состояние для человека — вопрос без ответа. Такое состояние заставляет людей совершать то, что мы не можем предугадать, а значит и контролировать. Не зная — худшее, что может с нами случиться.

— А что знаете вы? — спросил Тэмен, отворачиваясь от Сердца, созерцать кое долгое время он был не в силах.

— Я знаю, что вы скоро женитесь, Ваше Величество, — улыбнулся Верховный, чуть поклонившись, — и я приготовил вам подарок.

Тэмен поднял левую бровь, а затем опустил взгляд на золотое кольцо с большим чёрным камнем, покоившееся в раскрытой ладони главы Культа. Узурпатор взял кольцо и покрутил его в пальцах. Свет из камеры с Сердцем заставлял сиять его золотую поверхность ярким мерцающим светом, напоминая блики на водной глади, но сам камень был чёрен и, как показалось Тэмену, питался этим мерцающим светом, поглощая его без остатка.

— Это кольцо когда-то принадлежало вашему отцу и передавалось по линии правителей города. Я хранил его для особой даты, и сейчас, как мне кажется, этот день наступил. Оно позволяет сливаться с сознанием Бьёрнвейга. Стоит вам подумать об этом... и... в общем, вы сами можете попробовать.

Старик замер в ожидании. Тэмен в нерешительности покрутил кольцо в пальцах.

— Наденьте, — произнёс Верховный, сделав приглашающий знак.

Йомера вздохнул и надел кольцо на указательный палец. Ничего не произошло.

— А теперь подумайте о драконе.

Тэмен закрыл глаза и представил себе Бьёрнвейга. В ту же секунду его взор перенёсся через здание, во внутренний двор замка, где лежал у ног Майло дракон. Было непривычно смотреть через его вытянутые зрачки. Тэмен захотел повернуть голову и встретился с сознанием чудовища. Огромным тёмным сгустком, находившимся где-то сзади и над ним. Но сознание монстра подчинилось, и голова дракона повернулась к девушке. Она посмотрела на него, оторвавшись от книги.

— Что ты хочешь, тёмное создание? — спросила Майло испуганно.

Тэмен захотел что-то сказать, но испугался, что может нанести ей вред, раскрыв пасть. Чёрный сгусток над ним засмеялся его испугу, и Тэмену стало неловко и обидно. Рассердившись, он отвернул голову от девушки мысленно приказал сознанию дракона лететь. Чудовище повиновалось и стало подниматься с земли. Йомера буквально почувствовал, как расправляет свои металлические крылья грозный монстр. Один взмах, и вот он уже парит над замком, другой взмах, и он приземляется возле Храма Сердца.

Рука Тэмена сняла кольцо с пальца. Он тяжело дышал, сердце его колотилось так, словно готово было выпрыгнуть из груди. Верховный стоял рядом и улыбался, поддерживая левой рукой Узурпатора.

— Ничего, ничего, привыкнете, — улыбался старик.

Йомера посмотрел на него ошалевшим взглядом и, шатаясь, поплёлся к дверям с изображением матери и отца. Открыв створку, он вышел и увидел в конце зала, за широкими витражными окнами, силуэт дракона, стоявшего во внутреннем дворе храма.

— Не правда ли удивительное впечатление? — раздался за его спиной голос старика.

— Да-а-а... — протянул Йомера, пытаясь справиться с лёгким головокружением, — получается, что вы могли делать это всё это время?

— Нет, — ответил Верховный, поравнявшись с Узурпатором, — только тот, кому подчиняется дракон может использовать кольцо.

— Иногда мне кажется, что он не подчиняется никому, — ухмыльнулся Тэмен, пряча кольцо во внутренний карман куртки. — Благодарю, вы смогли меня удивить. А это ценно для человека, у которого есть всё. И это, не говоря о ваших сегодняшних успехах. Вы всё молчите, но я в курсе, как был разоблачён очередной заговор этого «Свободного города». Я рад, что удалось остановить эту массированную атаку на Култ и на верфи. Хотя, признаюсь, меня очень волнует, что террористы так активизировались. Надеюсь, в ближайшем будущем нам удастся уничтожить их в зародыше. Ваш новый мальчик на побегушках...

— Париц, — подсказал Верховный.

— Да, Париц, достойная замена нашему дорогому герцогу.

— Стараюсь, — поклонился старик, — это мой долг и моя радость — угождать вам, Ваше Величество.

Тэмен поморщился и двинулся гулками шагами через зал к выходу во внутренний двор.

Верховный проводил его долгим взглядом и повернулся как раз в тот момент, когда тяжёлая дверь за его спиной открылась и вновь показался Париц. Он держал в руках свежий отчёт и тут же вручил его главе Культа. Старик достал из кармана робы пенсне и, нахмурившись, прочитал аккуратно выведенный текст.

— Как можно скорее передайте оставшегося в живых перворождённого в институт. Но пусть без меня не режут.

Париц забрал бумаги, поклонился и собрался было уходить.

— Постой. Что там с расследованием смерти этого помощника мастера зельеварения?

Париц выудил из пачки листок и передал главе Культа. Верховный внимательно прочитал донесение.

— Хмм... Вскрытие ничего не показало?

— Увы, — развёл руками молодой человек.

— Хорошо. Точнее, не хорошо, но можешь идти.

Париц поклонился и поспешил к выходу. За спиной Верховного раздался скрежет, он обернулся, чтобы увидеть, как фигура дракона взмывает над храмом и исчезает в звёздном небе.

Когда всё стихло, старик прокашлялся и, держась за спину, двинулся по мосту от храма к хозяйственным помещениям дворца. Крутой подъём по дугообразному мосту, давался ему с трудом. Держась за поручень, он долго отдыхал на середине. Ноги совсем не слушались на таком морозе, да ещё и кашель не давал покоя. Наконец он достиг балкона круглого помещения с большими окнами, венчавшего крышу одного из зданий, откуда открывался вид на площадку между шплей храма, где вели работу культисты и несколько дуболомов. Завидев Верховного, один из служителей приложил руку к груди и кивнул, а старик кивнул ему в ответ.

— Ну что же, посмотрим, посмотрим, — пробормотал Верховный себе под нос, заходя через одно из окон в комнату.

Щёлкнув выключателем, старик подошёл к креслу и сел перед прибором, похожим на орган. На нём располагались чёрные камни, имевшие то же леденящее свойство поглощать свет, отчего старику стало совсем холодно, и он закрылся шубой целиком. Перед камнями на металлических постаментах медленно поднялись шары с выемками для рук. Пальца главы Культа высунулись из-под шубы, и, вздрогнув, он положил правую руку на шар перед небольшим чёрным камнем и закрыл глаза. Помещение осветилось холодным электрическим светом, и за органом загудели большие магнитные катушки.

Глава 26

— Я не пойду к нему, — твердил Блоп.

— К кому? — рассеянно переспросил Ручи, пробираясь сквозь напавшую толпу.

Оба стражника в этот день взяли отгул и, одетые в гражданское, теперь пытались вернуться к дому на пересечении канала и переулка Слепых, где оставили Миту и Зога. Шарф Ручи зацепился за алебарду проходившего мимо солдата регулярных войск и немного придушил его, так что он чуть не упал, закашлялся и дёрнул на себя шарф, порвав его.

— Вот недотёпа, — ухмыльнулся толстяк.

— Сам ты, — огрызнулся Ручи, прокашливаясь, — так к кому ты там собрался не идти? К Ройя?

— Нет, — фыркнул Блоп, — к Верховному.

— Тьфу, — сплюнул высокий, — от таких приглашений не отказываются. А если отказываются, то находят их обычно там...

Но он не закончил фразы, потому что его толкнул в бок пожилой человек с большой деревянной коробкой с яблоками, решительно и спешно прокладывая себе путь через толпу. Какой-то мальчишка схватил одно яблоко и тут же затерялся в толпе. Пожилой человек дёрнулся было за ним — но коробка с треском развалилась, яблоки рассыпались по земле, одно из них тут же раздавили, и женщина, поскользнувшись на нём, упала. Началась давка.

— Правильно! Пусть Сердце умирает. Плевать, мы просто передадим здесь друг друга, как клопов! — истошно закричал кто-то.

— Что это такое происходит? — удивился Ручи, потирая уши и протискиваясь ближе к стене.

— Облава, — с томным безразличием ответил стражник, стоявший у ворот и, похоже, охранявший вход на Рыночную площадь.

— А кого ловят? — спросил Блоп, добравшись до небольшого пространства между каменной стеной и напивавшимися людьми, куда просочился его друг.

— Не знаю, говорят, всех подряд.

— Не может такого быть, — пробубнил себе под нос Ручи, пробираясь дальше, за ворота.

Блоп догнал друга только на самой Рыночной площади, где культисты вместе с регулярными войсками действительно крутили всех, сгоняя в отгороженные караулом загоны. Ручи подошёл к молодому лейтенанту и о чём-то спросил его, но лейтенант лишь надменно смотрел на стражника и фыркал.

— Не велено, — только и расслышал Блоп, оказавшись за спиной друга.

— А как мне попасть домой? — сокрушался Ручи. — У меня там дочь.

— Ждать, — строго отрезал лейтенант, отвернулся и отошёл на несколько шагов, давая понять, что разговор окончен.

— Они проверяют все дома, — с тревогой сказал толстяку высокий стражник, — видимо кого-то ищут. Забирают без разбора всех, у кого нет документов.

Блоп, нахмутив брови, тёр пальцами подбородок.

Толстяк чуть не упал, потому что в него влетела тёмная фигура.

— О луны, какая вонь! — завопил он.

— Это я, я! — зашипела фигура.

Блоп поднял взгляд и с трудом узнал рыбака.

— Что? Что тебе надо? — разозлился Ручи.

— Помогите, помогите мне, — зашипел рыбак, пытаясь укрыться между ними, — они заберут меня, у меня ничего нет, никаких документов, жена меня выгнала.

Рыбак бросился к Ручи и схватил его за ногу. Тот сморщился и поднял рыбака за шкуру. Но тут же заметил, как с другой стороны, хлопая по стальным щитам короткими мечами, к ним приближаются чёрные рыцари, давя на толпу. Оценив ситуацию Ручи, дёрнул Блопа за плечо. Они слились с горожанами и потекли обратно между торговых рядов к выходу с Рыночной площади. Тут длинный стражник заметил, что ворота, где они только что пробились, собираются закрывать. Толпа застыла, раздались крики отчаянья.

— Всё потеряно, — произнёс кто-то рядом, и Ручи почувствовал, что надо действовать прямо сейчас.

Он завопил не своим голосом:

— Поднажми!

И бросился вперёд, напирая на людей перед собой. Толпа охнула, закричала и подалась к воротам. Кто-то отдал Блопу ногу, и он завизжал так неистово, что окружающие налегли ещё сильнее. Стражники, запиравшие ворота, отпрянули и сворки решетчатых дверей сами поддались и открылись. Люди хлынули прочь с площади, унося с собой толстяка, рыбака и длинного.

Когда друзья были уже в секторе Нижнего сада, страже наконец удалось закрыть ворота за их спинами. Стоны и крики оставшихся позади людей подгоняли тех, кому удалось спастись. Но осознание свободы было недолгим. Спускаясь по узеньким лестницам, они увидели, что чёрные рыцари на своих пылящих дымом металлических кобылах под предводительством Культа и тут блокируют выходы и сгоняют людей в группы. Человека, пытавшегося бежать, лошадь сбила на скаку, и его искалеченное тело отлетело на противоположную сторону улицы.

— Сюда, сюда, — позвал рыбак, указывая на строения по левую руку от большой лестницы, — там был мой склад, я знаю, как туда попасть без ключа.

Вокруг царила настоящая паника, люди бросались из стороны в сторону, и они с трудом добрались до маленьких каменных домиков, собравшихся вокруг огромной колонны, упиравшейся в средний ярус. Рыбак потянул их за собой между двух узких стенок вниз по узенькой лестнице. Внизу он открыл форточку и в одно мгновение юркнул в подвал. Блоп, с трудом пробиравшийся между стенок, в отчаянье взвизгнул, но в следующую секунду перед ним открылись створки раздвижной двери, где уже стоял встревоженный рыбак, приглашая их зайти. Как только они оказались внутри, он захлопнул дверь и запер её на тяжёлый засов.

С трудом дыша они упали на мешки с крупой, которыми была заполнено, похоже, всё помещение. Из щели в окошке, еле поднимавшемся над мостовой, в узком луче света, струились сердечные пылинки. Всё остальное окружала непроглядная тьма.

— Спасибо, — с трудом выговорил Блоп.

— Вам спасибо, — ответил рыбак, усаживаясь поудобнее.

На улице всё ещё слышны были крики и топот ног.

— Вот дела, — прошептал Ручи.

— Да уж, — так же шёпотом отозвался Блоп.

— А почему вы не в форме? — перешёл на шёпот и рыбак.

— Отпуск, — ответил Блоп. — Повысили до сержантов, представили на офицерские курсы.

— М-м-м, — многозначительно протянул рыбак, — вот так без формы ходить, замели бы вас вместе со всеми. Кто ты сейчас без формы. Никто. Шараскашмар.

— Что ты сказал? — удивился Ручи.

Но тут на мостовой перед домом загремели солдатские сапоги, и высокий стражник замолчал. Блопу же показалось, что он провалился сознанием куда-то в область сердца. Толстяк так испугался этому, что чуть не вскрикнул, но Ручи вовремя закрыл ему рот не зажившей ещё рукой, скривившись от боли, и сам чуть не застонал. Пара ног спустилась в проход между домами и чем-то твёрдым несколько раз ударили в дверь. Сапоги прошуршали и скрипнули по сердечной пыли на каменной лестнице, а затем побежали обратно наверх, и взвод двинулся дальше, загремев деревянными каблуками.

— Нас опять пронесло, — проговорил Блоп через руку Ручи.

— Повезло, — кивнул рыбак.

— Что ты сказал? — спросил его длинный.

— Я сказал, что нам повезло, — чуть повысив голос, повторил рыбак.

— Нет, до этого, до стука, — раздражённо уточнил Ручи.

— Что... ммм... без формы сейчас никуда, — смущённо повторил рыбак.

— Нет, — не унимался длинный, — вот это словечко твоё непонятное.

— А... это. Это драконий язык. У меня вся семья на нём говорила.

— Драконий язык? — переспросил Блоп, — не слышал о таком.

— Мы тут ищем переводчика с нижнего, — Ручи зажмурился, пытаясь вспомнить, — ахре... ахринерезского, кажется.

— Не знаю такого, — покачал головой рыбак.

— Ну так, может, твой драконий и есть тот, что нам нужен.

— А зачем он вам?

— Не нам, а... — начал было Блоп, но Ручи ошпарил его взглядом.

— Одному высокопоставленному человеку, — закончил высокий за друга, — я думаю, он поможет тебе и с документами, и с деньгами.

Рыбак неуверенно замолчал.

— Благодаря ему мы стали сержантами, — заговорщически поддакнул Блоп.

— Ну хорошо, конечно, — согласился рыбак, — а что надо делать?

— Надо попасть в замок, — задумчиво ответил Ручи, — а для этого нам надо подняться на третий уровень.

— Без пропусков это невозможно, — хмыкнул Блоп, — может, голубя пошлём?

— И сколько ждать будем? От него воняет так, что я долго не выдержу, — раздражённо прошипел Ручи и, подумав, добавил: — Значит, нам надо к капитану, пусть вернёт мне долг за те золотые.

— Если уже пил сегодня, то у нас есть шанс, — заметил толстяк.

— Простите, что я вас сдал, — вставил рыбак.

— Простим, — угрюмо ответил Блоп, — если пойдёшь с нами, — и, подумав, спросил: — тебя как звать-то?

— Шамса Расморе, — ответил рыбак.

— Глупее имени не слышал, — буркнул Ручи.

Они дождались, пока на улице утихнет суета и высунулись на свежий воздух уже в глубокой темноте, когда фонарики зажигали газовые лампы, ещё сохранившиеся в Нижнем саду. От этого в квартале было не так холодно, как в остальном городе, где по ночам гуляли уже вполне ледяные ветры. Облава давно кончилась, и люди возвращались к своей мирной жизни, заканчивая в ночи те дела, что не успели завершить днём. Даже дети доигрывали свои игры на льющихся, как ручьи, и светящихся от сердечной пыли лестницах. Издревле её здесь подмешивали в глину, отчего Нижний сад иногда называли Красным кварталом. Но проход в район Колизея был всё ещё закрыт и, вопреки негодованию Ручи, компания двинулась по направлению к казармам по длинному кругу.

Тайком проведя Шамса в душевую, Ручи отправил Блопа украсть рыбаку одежду из прачечной, а сам поднялся на квартиру капитана, где горел свет и слышны были громкие голоса его подопечных. Войдя в комнату, сержант увидел всё ту же компанию подхалимов в основном в горизонтальном положении в захламлённой комнате, заваленной пустыми бутылками из-под крепкой забывай-воды. Посреди помещения стояла бочка. На ней капитан Щас и молодой стражник, с трудом державший равновесие на шаткой табуретке, доигрывали партию в «Ом ни ма». Молодой человек обернулся на Ручи, от неожиданности выронив карты из рук. Он открыл рот, и сам свалился на пол, рядом со стуком упал шестизарядный пистолет. Капитан с досадой положил свои карты на стол и посмотрел на вошедшего, нервно подкручивая длинный ус.

— Испортил игру, — с досадой вымолвил Щас.

— Мне нужна помощь, — произнёс Ручи, переступая через спящих стражников.

— Слышь, сын удачи, — прищурился капитан, — покажи мне своё везение.

Капитан принялся тасовать колоду.

— Выиграешь, помогу, чего бы тебе там ни было нужно, — лицо капитана расплылось в ехидной улыбке, — а нет..., — он покосился на красную от крови стену справа от себя и, икая, засмеялся гулким раскатистым смехом.

Ручи со страхом посмотрел на него.

— Вы, наверное, шутите, капитан, — произнёс он мягко.

— Я как никогда серьёзен, усёк? — оскалился Щас злорадной улыбкой.

Сержант сел на табуретку и принялся доставать упавшие на пол карты. Передав их капитану, он огляделся. Несколько пар глаз наблюдали за ними из разных концов комнаты, словно насекомые за упавшей на пол едой.

— Я люблю эту игру, — произнёс Щас, тасуя карты, — она сразу определяет, кто сосунок, а кто нет, как пуля. Мажет по тебе, значит, всё с тобой нормально, и ты крепко стоишь на ногах. А бывает так вот, только первый бой — и тебя сразу ядром.

И капитан снова громко рассмеялся.

— Эй, дежурный! — крикнул он кому-то за спиной Ручи. — Бутылку нам найди.

— Я не буду, — покачал головой длинный стражник.

— Не уважаешь меня? Зазнался теперь, как во дворец-то пригласили? — грозно спросил Щас, раздавая карты.

— Нет, просто не хочу, трудная ночь предстоит.

— Какая у тебя может быть трудная ночь. Вот у меня был день так день.

— Облава?

— Да, по всему городу. Вот мы умаялись. Видишь, все вповалку.

Чей-то голос сбоку выдал что-то нечленораздельно одобрительное. Капитан сложил карты и приготовился метать.

— А кого ловили?

— Ом, — произнёс капитан, взял карту себе и дал одну Ручи, — искали тех, кто знает какой-то особый язык. Ни.

Ручи застыл, а капитан снова сдал карту себе и ему.

— Какой язык?

— Да чёрт их разберёт, редкий, но брали всех подряд, кто умеет балакать на чём угодно, кроме имперского.

— Да, дела, — задумчиво протянул Ручи.

— Ма, — произнёс капитан и сдал по последней паре карт.

— А почему квартал Колизея закрыт?

— Да там, говорят, опасные преступники сбежали недавно, они теперь все выходы собрались перекрыть и народ, представляешь, специально придумали не выпускать, чтобы те, как тараканы, полезли во все щели, а за ними пустить этих чёрных ищеек, чтобы все тайные проходы найти и замуровать.

— Ом, — произнёс ошарашенный Ручи и перевернул одну из карт. Это был человек над пропастью.

— Может, я не так, конечно, понял, — пробормотал капитан, крутя ус и переворачивая свою карту. Это оказалась дева, и капитан радостно хлопнул ею карту Ручи.

— Ни, — произнёс капитан и перевернул карту, где был изображен чёрный рыцарь и усмехнулся.

Длинный стражник помешкал и перевернул третью сданную карту. Это оказался дракон, и капитан сразу погрузился.

— Ма, — сказал Ручи, переворачивая последнюю карту.

Это был перевёртыш, человек с туловищем животного.

— Ма, — прохрипел капитан и снял карту с колоды.

Это оказался оживлённый, и капитан схватился за голову.

— Вот везучий червь! — проговорил он, закрыв рот ладонями.

— Капитан, вам совершенно не...

Но капитан уже поднял с пола пистолет и проверял пулю в патроннике. Крутанув барабан, он приставил дуло к виску и посмотрел безумными глазами на сержанта. Ручи закрыл глаза. Прозвучал щелчок, а за ним громкий смех капитана. Стражник открыл глаза и долго смотрел в повеселевшие зрачки Альфонсо Щаса.

— Ты должен дать мне отыгаться, — настойчиво произнёс капитан.

Ручи сглотнул, обвёл глазами комнату, в которой прибавилось увлечённо наблюдавших за ними пар глаз, и кивнул.

На этот раз тасовал длинный стражник, а капитан, покручивая ус, следил за его руками. Ручи сдал ему карту. Но Щас не сыграл и взял ещё одну.

— Ом, — произнёс он после паузы и положил на стол картинку с деревом, растущим из головы оленя.

Ручи сдал себе и тоже не сыграл, пока у него не оказалось трёх карт. Он выложил такого же оленя, но с замком на голове.

— Ни, — произнёс стражник.

По его виску медленно стекал пот. Капля упала на карту, сданную им капитану. Тот поднял её и тут же перевернул.

— Ма, — улыбнулся он и выложил рядом ещё одну, что держал в руке.

Это были два чёрных рыцаря с молниями в руках.

— Партия моя, — прохрипел капитан, передавая Ручи пистолет.

Сержант медленно открыл барабан и проверил пулю. Она была одна. Маленькая и будоражащая воображение. Он взвесил её в руке и вставил обратно в патронник, испытал трепет, сравнимый разве что со случайно пойманным взглядом незнакомки в толпе. Прокрутив барабан, он трясущейся рукой приставил пистолет к правому виску и зажмурился.

— В другую сторону, пожалуйста, — прохрипел капитан, — чтобы не на кровать.

Ручи взял пистолет левой рукой, вспотевшей даже больше правой. Дуло соскальзывало с черепа, но капитан схватил руку сержанта, прокрутил барабан и крепко приставил дуло к левому виску Ручи. Зуб стражника не попадал на зуб. Он зажмурился и нажал на спусковой крючок.

Выстрел просвистел, чиркнув по коже чуть выше лба и оглушив всех находившихся в комнате.

— Зараза, — прошипел капитан и грязно выругался, — не можешь даже удержаться нормально.

— Считается, — раздался чей-то пьяный голос из комнаты.

Из глаз Ручи покатались слёзы.

— Раскис, как нюня, — злобно хрипел Щас, — не считается, усёк?

— Считается-считается, — отвечали ему уже все в комнате, — он себя это, как его, окропил, вон весь лоб в крови.

Капитан принялся ругаться с подчинёнными и даже начал заново заряжать пистолет, но тут сержант наклонился к нему и проговорил так, чтобы слышал только Щас:

— Мне нужна бумага на предъявителя, чтобы пропустили троих человек на третий уровень к замку Ройя.

Капитан поднял на него тяжёлый обиженный взгляд.

— Ты обещал, — наклонил голову Ручи.

Щас помедлил, потом достал из-за пазухи медальон и вручил его стражнику.

— Вот. Иди к секретарю сам. Я туда не попрусь. Если будет возмущаться, присылай сюда.

Ручи встал и, переступая через полуживых людей, направился к выходу.

— Фортуна обманчива, — сказал капитан ему вслед, — сегодня везёт, завтра нет.

Ручи вытер платком кровь со лба и посмотрел на искривлённое хитрой улыбкой лицо Альфонсо. Ему показалось, что в глазах капитана на секунду отразилось его будущее. Щас рассмеялся, вместе с ним рассмеялись его подчинённые. Животный гогот стряхнул с сержанта навалившийся морок, и он вышел, крепко хлопнув дверью.

Через несколько часов они уже стояли с рыбаком на широкой платформе центрального вокзала в очереди из прислуги, направлявшейся на утреннюю смену в покои великих домов. Вдоль причала медленно вышагивал, пытая дымом, чёрный рыцарь, хрустя по изморози с застывшей в ней сердечной пылью, пока рядом заправлялась от прогорклой трубы его лошадь. Напуганный и счастливый рыбак поглядывал на механизм с нескрываемым ужасом. Стражникам пришлось отмыть и переодеть его в украденную со склада казённую одежду, потому что иначе его не пропустили бы ни на одном блокпосту.

Зайдя на борт старого солнечного парусника, переделанного под сердечную тягу, они усадились на свои места и стали ждать отправления. Жёсткие деревянные сиденья третьего класса показались Расморе самыми удобными, что он видел в жизни. У них проверили билеты

раза три, а разрешение на допуск на третий уровень мяли в руках все: от офицера службы безопасности вокзала до случайного полицейского патруля и кондуктора на судне. Но подозрений документы не вызывали, поэтому в конце концов от них отвязались и корабль взлетел.

— Гражданское сопровождение особо ценного сотрудника сантехнической службы, — прочитал ещё раз формулировку Блоп после взлёта, — это ж надо было такое придумать.

Ручи не отвечал, а смотрел в туман, поднимавшийся между крыш домов второго яруса.

— Следующая остановка — замок Тайград, Трокийя на ремонте, — объявил металлический голос по громкой связи.

— Как поменялась жизнь, — всплеснул руками Блоп, — вот мы уже летим по спецза...

Длинный хлопнул толстяка по губам.

— Кхм, — замялся Блоп, потирая место ушиба, — какой вид в иллюминаторе, слышь, Шамс, погляди.

Рыбак и так не мог оторвать взгляд от того, что окружало его. Он сидел пристёгнутый к скамейке и подпрыгивал на месте, как ребенок, впервые попавший в лавку с игрушками.

— Я не могу поверить, что это происходит со мной, — кряхтя повторял он себе под нос.

Блоп улыбнулся и посмотрел на Ручи. Длинный стражник единственный сидел мрачнее тучи, натянув вязаную караульную шапку по самые брови.

— Не переживай за неё, — сказал толстяк, поправив другу замявшийся шарф и положив руку ему на плечо, — она вытащила тебя с того света, а меня с этого красной луны склада с немыслимыми упырями, если её не взяли, она справится, а если взяли...

Ручи посмотрел на него, и Блоп заметил в его глазах слёзы.

— Ну что ты, не надо, всё будет хорошо, в конце концов, у неё есть Зог, и они дадут им жару.

Ручи отрицательно покачал головой.

— Впервые вижу, чтобы ты за кого-то так переживал, — сказал он, улыбаясь, — всё-таки у тебя есть сердце.

— Дурак ты, Блоп, — ответил Ручи и отвернулся к запотевшему иллюминатору, где мерцали размытые огни, словно крыло какого-то светящегося существа парило под бортом.

Корабль вынырнул из облака и поплыл над третьим ярусом, где мосты вздымались из облаков, соединяя плавающие в свете лун замки.

— У меня сейчас сердце из груди выпрыгнет, — взвизгнул рыбак, отстёгивая себя от сидения.

— Куда! — крикнул на него кондуктор. — Запрещено!

Но было уже поздно, Шамса выбежал из пассажирской каюты на палубу и схватился за перекладину, чудом удержавшую его от прыжка вниз. Казалось, что глаза его сейчас выскочат из орбит. Рядом, на мостике, усмехнулся сидящий мужчина в капитанском кителе.

— В первый раз? — спросил он, поправляя в зубах кривую трубку, откуда выливался сизый дымок.

— Д-да, — дрожащим то ли от холода, то ли от восхищения голосом ответил рыбак.

Тут на палубу выскочил кондуктор и хотел было схватить Расморе, но капитан сделал ему знак рукой и тот хоть и сморщился, но повиновался и встал в стороне, возле мачты.

— Это производит впечатление, — мурлыкающим басом продолжил капитан, — там, внизу, парниковая тьма, а тут... м-м-м... пахнет свободой!

— И от разряженного воздуха у людей едет крыша, — потирая тонкий сизый нос, пробурчал кондуктор, поднявший воротник своей шинели.

Мимо них проплывали застывшие платформы сада и замок Трокийя. Грозный и торжественный, как присевший перевести дух гигант. Рыбак почувствовал, как по его щекам катятся слёзы и как тяжелеет и кружится голова.

— Хватай его! — крикнул капитан, но кондуктор уже был рядом и принял тяжелеющее тело под руки, потащив потерявшего сознание Шамса Расморе обратно. — Каждый раз одно и то же, — и он снова усмехнулся, попыхивая трубкой.

Наконец, после четырёх остановок, вывернув из-за смотровой площадки владений дома Левотургоста, корабль начал приближаться к дому Ройя. Издали, покрытый множеством башенок и башен, он напоминал замок из сказок — такие в домах среднего яруса любили возводить на тортах, чтобы порадовать детей. В старину торт с башнями так и называли в кондитерских: «Закажите ребенку Ройя, он будет рад». Но сейчас его тёмный силуэт, непроглядной тьмой возвышавшийся на фоне звёздного неба, заставлял спутников только крепче кутаться в свою непригодную для этого времени года одежду.

Когда судно причалило, стражники, замотанные в шарфы и спрятавшие руки в рукава, спустились на пирс, держа под руки рыбака. Корабль отшвартовался и поплыл, а одинокий работник причала в куче лохмотьев, сложил канаты и побрёл к себе в сторожку.

— Эй, — окрикнул его дрожащий от пронизывающего холода Ручи.

Существо, а это, судя по походке, был оживляшка-дуболом, остановилось.

— Как попасть в замок?

Оживлённый, не оборачиваясь, пожал плечами и пошёл дальше. Ручи и Блоп потащили едва живого рыбака к большим решётчатым воротам, возвышавшимся неподалёку. Но вид они имели такой, словно их не открывали несколько веков. Длинные нити грязи трепал гулявший между решёток ветер, и всё вместе производило впечатление скорее замка с привидениями, чем места, где обитал кто-то живой, а уж тем более высокородный. Но как только они подошли к воротам, Блоп заметил небольшую дверцу в правой створке, выглядевшую обжитой. Её явно недавно открывали, ручка была чистой, а в снежной изморози, на каменной площадке, можно было различить замёрзшие следы. Ручи дёрнул дверцу, но та оказалась заперта. Он осмотрелся и обнаружил наспех прикрученный электрический звонок. Блоп, недолго думая, несколько раз нажал на него дрожащей рукой и подпрыгнул, чтобы согреться. Тонкий лёд, успевший уже расползтись между камней, захрустел и зазвенел под его тяжестью. От нетерпения Ручи тоже несколько раз позвонил и стал вглядываться в темноту за воротами.

Спусти довольно долгое время и множество настойчивых звонков в отдалённом окне, на высоте нескольких метров, замерцал свет, а ещё через несколько минут тёмная одинокая фигура с фонарём появилась во дворе и приблизилась к дверце. На необычную троицу через металлическую решётку смотрел скрюченный подслеповатый старик.

— Вы кто? — прокряхтел он рассерженным голосом, — и что вам здесь нужно?

— Мы прибыли по поручению его светлости Альберта Роя. И будем отвечать только лично ему, — важно произнёс Ручи, задрвав подбородок.

Старик с недоверием посмотрел на них, достал из кармана какой-то прибор и, нажав на нём несколько кнопок, коротко сказал:

— Хорошо. В стене слева от ворот открылся проём, откуда, скрипя, вышли три деревянных болванки о четырёх ногах с вывернутыми в обратную сторону коленями. На спине у болванок были крепления для рук, а на боках — для ног.

— Что это? — удивился Блоп.

— Кресла аудиенции, — гнусавым голосом ответил привратник, — хотите видеть хозяина, придётся прокатиться.

Ручи с негодованием посмотрел на болванки, нелепо пытавшиеся удержать равновесие на скользкой поверхности, подошёл к одной и пнул её. Та неуклюже соскользнула вбок, но равновесия не потеряла. Ручи посмотрел на старика, ответившего ему недоверчивым взглядом, и сел на ближайшую болванку.

— Руки должны быть сзади, — прогнусавил привратник.

Ручи пересел и просунул руки в крепления за спиной, а ноги прижал к бокам «кресла». Внутри болванки что-то щёлкнуло, и браслеты на ногах и руках стражника замкнулись. Болванка стала на удивление устойчивой и отошла в сторонку, освобождая дорогу другим двум, двинувшимся по направлению к потенциальным сидокам. Блоп вопросительно взглянул на друга, проехавшего мимо него, и потряс рыбака на своём плече, чтобы тот пришёл в себя. Расморе в полусне сполз с плеча толстяка и, пошатываясь, подошёл к другой болванке.

— Руками назад, — повторил привратник.

Шамса, вздохнув, развернулся и просунул руки и ноги в крепления. Последним занял своё место на деревянном коне Блоп, и привратник после паузы, оглядев напоследок площадку перед воротами, открыл дверь, и болванки одна за другой зашли на территорию замка.

Когда они подплывали по облакам, у стражников была возможность оценить эту громадину издали, но теперь, у подножья этой «горы», мурашки бежали по коже — то ли от пронизывающего холода, то ли от ужаса, производимого зданием. Статуи пугающих существ с рогами и крыльями смотрели на них с башен и крыш. Всё было острым и угловатым. А свет лун, создававший множество ползущих по сводам теней, лишь делал картину более устрашающей, чем она, возможно, была.

Болванки проследовали за привратником в широкий зал с большой лестницей, поднимавшейся в другой ещё больший зал с рядами колонн, выполненных в виде чугунных гигантов, державших потолок. Залы шли один за другим, и все они были наполнены удивительными техническими деталями. Вращающимися лестницами, разводными мостами.

Но в них не наблюдалось привычных взгляду механизмов, шестерёнок или паровых установок, но рядом с каждой из движущихся частей стоял тот или иной металлический монстр, застывший в неподвижной позе. Одну из длинных секций им даже пришлось обойти, потому что перекинутый между балконами мост был разведён, а безжизненные гиганты застыли не в том положении.

Они уже потеряли счёт помещениям, когда наконец добрались до узкого коридора, заканчивавшегося большим грузовым лифтом. Здесь они долго ждали, пока привратник наладит механизм. Он исчез за маленькой дверью, и вокруг зажёгся электрический свет. Замигали разгорающиеся лампы — и всё помещение вместе с коридором засияло, словно был ясный погожий день. Ослеплённые, гости долго трясли головами, и, когда наконец пришли в себя, привратник уже открыл лифт и болванки послушно проследовали за ним в кабину.

На самом верху оказалась маленькая прихожая и кабинет, куда привратник тихо постучал и, не получив ответа, приоткрыл дверь. За столом при свете сердечной лампы, положив голову на бумаги, спал новоиспечённый герцог Альберт Ройя. Он встрепенулся от скрипа двери и, протирая глаза, произнёс:

— А, это ты, Степаш, что там у тебя?

— Простите, хозяин, тут к вам посетители. Вы говорили...

— Посетители? — удивился Ройя, но, увидев стражников на болванках, глупо топтавшихся за спиной привратника, он рассмеялся, — ах, это вы, мои тайные агенты, проходите, конечно.

Болванки проследовали в центр помещения и выстроились в ряд. Степаш смиренно встал возле двери в ожидании приказов.

— Ну что же ты, дорогой мой, дай нашим гостям свободу, им можно доверять.

Привратник неуверенно посмотрел на хозяина, но нажал что-то в кармане своей куртки и болванки одновременно щёлкнули, отпустив ездоков. Те, в свою очередь, один за другим повалились на пол, мгновенно потеряв равновесие. Альберт засмеялся.

— Простите, не удержался, — извинился он, подойдя к рыбаку и помогая ему встать.

— Возьмите любые кресла, — махнул Ройя рукой на расставленные невпопад по углам кабинета предметы мебели, — спасибо тебе, Степаш, ты можешь идти.

Привратник поклонился и, свистнув болванкам, послушно посеменившим за ним, скрылся за дверью.

Тем временем гости расставили кресла рядом с большим письменным столом, где, казалось, жил бывший начальник отдела особых поручений Культа, а ныне глава дома Ройя, и не отрываясь смотрели на него. Альберт подошёл к тлевшему в камине огоньку и подбросил в него дров.

— Да, пока это не самое гостеприимное место в городе, — улыбнулся он самому себе, раздувая угли мехами, — но я работаю над этим.

Гости ничего не ответили, вертя головами и разглядывая диковинный потолок, весь состоявший из вылепленных сценок из жизни мифических персонажей, которых они видели впервые. Животные и люди, сплетённые в танце и битве вокруг вен сердца в центре потолка.

— У меня целый день заняло разобраться, что за мотивы в этом барельефе, — усмехнулся Сверло, — что-нибудь узнаёте?

Гости отрицательно замотали головой.

— Это, — указал Ройя на женщину, пьющую из кубка в окружении драконоподобных созданий, — мать Аркоса, а это, — он указал на плачущего солдата в руке гиганта, — падение Семимилона. Все застыли, разглядывая скульптуры с гулявшими по ним тенями от разгоравшегося камина.

Альберт тем временем подошёл к столу и встал перед прибывшими.

— Что же вас привело ко мне в столь поздний час? Хотя, что таить, я предупредил Степаша пускать вас, недотёп, в любое время, — вновь улыбнулся Сверло.

— Мы... — начал было Блоп, но замер.

— Мы нашли человека, говорящего на драконьем языке, — закончил за друга Ручи, заёрзав в кресле.

— Драконьем? — удивился Ройя.

— Да, там такая беда, — продолжил стражник, — весь нижний ярус трясёт Культ. Берут всех, кто говорит на ином языке, кроме имперского. Да и, кажется, просто всех берут без разбора, — замаялся сержант. Альберт и Блоп вопросительно подняли брови.

— Мы не знаем, тот ли это язык, что нужен вам, но мы привели кого могли, — опустив глаза, продолжил длинный.

— Ясно, — кивнул Ройя.

Он развернулся, взял со стола какую-то книгу и дал её рыбаку.

— Можешь прочесть?

Рыбак принял книгу из рук герцога и с недоумением уставился в неё.

— Простите, сир, — дрожащим голосом произнёс Расморе, виновато оглядываясь на стражников, — но я не умею читать.

Блоп и Ручи вытаращили глаза.

— О луны, даже я умею читать, — проговорил Ручи, — я ради этого в стражу пошёл.

Повисла неловкая тишина, слышное было шипение сердечной лампы.

Альберт рассмеялся.

— Bravo, — произнёс он, садясь на стол, — но хвалю за попытку.

— Сир, не гневайтесь! — с отчаянным криком рыбак бросился в ноги Ройя. — Меня жена из дома выгнала, мне некуда идти, мне негде жить и нечего делать. Я научусь, научусь читать и писать. Я сделаю всё, что вы скажете, только не выбрасывайте меня вниз. Альберт посмотрел на него и вздохнул.

— Встань, — сказал он железным голосом, и рыбак незамедлительно вытянулся по струнке, — я не собираюсь тебя выкидывать, — продолжил он, смягчившись, — но выучиться читать, не зная значения слов, невозможно.

— А если найти похожие слова? — спросил Блоп, — слово «стол» же будет состоять из четырёх букв, а «стул» с одной отличающейся буквой.

— Ты прав, можно по аналогии попытаться подобрать по повторяющимся звукам, но текст, требующий расшифровки, крайне специфичен.

— Может, есть простой текст? — спросил Ручи.

— Не знаю, — задумался Ройя, — судя по новостям, что вы принесли, наши доблестные студенты всерьёз взялись за инакомыслие и инакословие, так что на публичные библиотеки надеяться не стоит.

Он взглянул на корешок книги, расшитый золотом, которую рыбак всё ещё держал в своих руках.

— Я подумаю над этим, — кивнул он, — спасибо вам, друзья, а теперь идите и отдыхайте, Степаш определит вас в ваши комнаты.

— Спасибо, дорогой сир, — опустил голову Расморе, — вы столь добры. Как мне вернуть...

— Очень просто, — перебил его Ройя, поморщившись, — для начала прекратить говорить мне всю эту сладострастную чушь. Где ваше достоинство?

Шамса вопросительно посмотрел на Альберта.

— Вот и я не знаю, — отрезал Ройя и вернулся за стол, — прошу, господа, мне надо поработать.

Он замахал руками, давая понять, что аудиенция закончена. Ручи встал и подошёл к столу.

— Ваше... — замялся он.

— Да, — устало ответил Альберт.

— У меня такое дело, — замялся стражник, — понимаете, дочка, там, на нижнем, всё перекрыто, а у неё даже еды нет.

Ройя поднял на него взгляд и смягчился.

— Берите скутер, летите за ней, она тоже может остаться здесь.

Ручи просиял, не веря своей удаче.

— Скорее, пока я не передумал, — как бы в сторону произнёс Ройя.

— Благодарю, благодарю! — закивал Ручи и попятился к остальным, уже направлявшимся к двери.

— С тех пор как мне вернули титул, я совсем размяк, — шутливо посетовал Альберт, — и все этим пользуются.

Стражники и рыбак вышли за дверь. Роя как-то погрузнел и прибавил пару лет. Задумчивые морщины проявились сильнее, и на лице проступила маска долгого, затянувшегося внутреннего волнения, терзающего мужчин на самом дне их внутренней сути. Он достал из ящика стола записную книжку, переданную ему Шеврозом.

«Дорогой читатель, когда я натыкался на это в бульварных романах или находил подобную графоманскую браваду, что я собираюсь поведать на страницах этого дневника, в библиотечных свитках, меня неизменно преследовало чувство брезгливости и скуки. Но теперь я сам вынужден писать эти строки. Вечный сарказм, что я чувствую по отношению к себе, словно автор, пишущий строки моего романа, посмеивается надо мной. Над стариками смеяться плохо. Слышишь?

Но, отбросим эти сантименты и перейдём к главному. Если вы читаете эти строки — значит, я уже мёртв. Театральная пауза. Потому что в здравом уме я бы никому не передал эти записи при жизни. Как это произошло? Не знаю, но меня скорее всего убили. Убили из-за того, что я пытался продолжать делать то, что делал всю жизнь: защищал свою семью, город и Сердце. Как мог.

Для начала я бы хотел обратить внимание читателя на то, что он ест. Например, такая незамысловатая вещь — огурец. Откуда она берётся на этом забытом всеми ветрами куске камня, куда даже дождь порою приходится зазывать. Я расскажу вам. Обманом и подкупом. Дом Трокийя всё время существования города Сердца был в ответе за пищу его жителей. Испокон веков его сыновья и дочери изо дня в день трудились на благо всех живущих в Долине Сердца, а затем и за высокой стеной.

Вот и я, Альтеброн Люфус Перлеглоз Трокийя, как верный сын своего рода, с рождения обучался искусству ухаживать и взращивать наши плантации и обслуживать Сад, сохраняя технический гений предков в надлежащем состоянии и борясь за его сохранность. Преследуя цель лучше изучить тонкости работы этого удивительного механизма, доставшегося нам в наследство, я поступил в обучение на высшие факультеты магистрата, располагавшиеся в те времена в Университете Амун. Мне дали хорошее общее образование, и я сам выбрал «волновую технофизическую модель» как тему для своей диссертации. Я любил то, что я делал.

Шли годы, и настало для меня время принимать управление домом. Старший мой брат Вартаринастис умер от плохой крови, и я стал старшим в семье. Вот тут-то я и узнал от своего дряхлеющего отца главный секрет, хранимый поколениями. Собственно, то, как мы содержим Сад.

Дом Трокийя славился тем, что постоянно получал финансирование из казны на разнообразные градостроительные проекты. Мы были лидирующим подрядчиком у правительства, и так длилось столетиями. Огромный флот и опыт, скажут одни. Взятки, откаты и ложь, скажут другие. И будут правы. Когда я взглянул в сметы проектов, доставшиеся мне от брата, я пришёл в ужас. Несколько дней я отказывался выходить из своей комнаты. Дальше было только хуже, отец познакомил меня со своими друзьями в Магистрате, Сенате и Культе, помогавшими проворачивать его схемы, и от этих людей у меня волосы зашевелились на спине. Они были похожи на кровососущих тварей, что можно найти на стенах подземного озера. Те недели я вспоминаю, как дурной сон. Я так поругался с отцом, что хотел бросить всё и уйти. Но, хвала сердцу, мать меня убедила получить урок до конца.

В один холодный вечер 14 серпа я принял приглашение родителя. Мы сидели на восточной веранде с видом на Сад и пили забывай-воду с помидорным соком и сельдереем. Он открыл расходную книгу и попросил меня свести бюджет. Это заняло у меня несколько часов, и получившаяся цифра удивила меня до глубины души. Сад приносил один лишь убыток. Огромный убыток. И так было уже очень давно.

Третье откровение случилось, когда мы с отцом пошли в Сенат на ежегодный отчет и я, по праву преемника, впервые дал старт голосованию за принятие нового бюджета на «земельные расходы». Так называлась лицензия на нашу деятельность. И голосование не прошло. Семьдесят процентов сенаторов проголосовали против. В этот же день, хочу заметить, были приняты бюджеты на семь ежегодных праздников. Раздутые, как моё негодование. Мой отец, помню, тогда посмотрел на меня тем спокойным и тёплым взглядом человека, понимавшего, что со мной происходит.

Прошло время, мой гнев угас, и я смог по-новому посмотреть на раздутые сметы подрядов на строительство мостов, башен и ежегодному перекладыванию мозаики на Площади Садовников. Мой отец сумел наконец донести до меня, что те, с кем ему приходится иметь дело не понимают, что еда может кончиться. Они родились и жили в достатке. Они слишком зачерствели, чтобы помнить, что там, внизу, тоже кто-то живёт, и простой в поставках продовольствия — это чьи-то жизни. Их это не волновало. Для них еды всегда хватало. Они понимали взятки и подарки. И для того, чтобы жил Сад, мы уже много веков участвовали в этой схеме, тайно поддерживаемой всем Сенатом, потому что весь Сенат жил с неё. Все наши пэры и сэры, все судьи, магистры, культисты, всякая крыса в этом городе, имевшая дом выше второго этажа, была участником этого заговора. Поэтому мой отец, и его отец до него, и его отец до него делали то, что делали. Мы воровали из казны, чтобы кормить казну. И если бы не мы, Сердце знает, как скоро здесь наступил бы хаос. Потому что никто, ни одна душа в этом городе не знала, чего стоит им их завтрак, обед и ужин.

Но всё изменилось. На растущий третий серп нынешнего 7851-ого года Алой Башни, мой проект на строительство не получил в первом чтении одобрение Сената».

Сверло закрыл книжку и погрузился в раздумья, правой рукой сжав на шее кулон с сердечным осколком, пробитый пулей Блопа. Камин вновь догорал, потрескивая жёлтыми лепестками, и становилось прохладно. Он встал, закутался в халат и проследовал через маленькую дверь в свои покои, где за южной стеной уже маячил рассвет, разгоняя заспанные облака над городом.

Глава 27

Где-то на их улице полыхал пожар. Зарево было таким ярким, что было светло, как днём. Зара, маленькая Зара, девочка лет десяти, бежала по каменной мостовой, предчувствуя беду. Повернув от казарм направо, она увидела, что это горит их дом. На глазах её выступили

слёзы и она, спотыкаясь, припустила ещё быстрее вверх к Сердечной площади. Деревянные башмаки принадлежали когда-то её маме и были больше на пару размеров, отчего девочка звонко шлёпала ими по камням, ненавидя себя, что она так медленно растёт.

Ей во что бы то ни стало надо было успеть спасти сестру, оставшуюся на втором этаже. Когда она почти добежала до дома, то увидела, что внешняя лестница всё ещё не объята пламенем. Зара, перепрыгивая через ступеньки, бросилась на второй этаж, но дорогу девочке перегородила большая чёрная кошка. На её спине лежала спящая Майло. Зара испуганно замерла и не в силах пошевелиться уставилась в холодные глаза зверя. Кошка раскрыла пасть и бросилась на неё. Девочка закричала и упала вниз с лестницы.

От испуга Зара открыла глаза в тот самый момент, когда беспощадный свет старшей звезды окрасил горизонт. Тело ныло; ожоги на спине и руках нестерпимо чесались; голова болела; а перед глазами расходились разноцветные круги, никак не желавшие превращаться во что-то понятное. Она ударила кулаком холодный неприветливый камень, на котором она проспала всю ночь.

— Почему же я отфубилась, — прошептала сквозь зубы девушка.

Она протёрла глаза ладонями с прилипшим к ним песком. Песчинки попали в зрачки, девушка хотела закричать от злости, но лишь прокашлялась и рухнула обратно, захныкав от бессилия.

Оглядев предстоящий путь, она заторопилась. Отвесная стена гор была недалеко, и, пусть и маленький, но шанс добраться до них был, пока пекло окончательно не убило её. Зара встала и прошла несколько шагов к телу магистра Вульфи, пристроенному ею за валуном. Приложив ухо к носу, она долго пыталась понять, жив старик или можно его наконец бросить. День назад она ругала себя за подобные мысли, но сегодня всё было как-то просто. Да — да, нет — нет. На сантименты не было сил. Бутылка воды, по счастью оказавшаяся в подсумках «Молнии», кончилась вчера, и во рту было так сухо, что, то ли от жары, то ли от обострённого прагматизма, возникающего под напором инстинктов, она думала, а не выпить ли его, Вульфи, кровь.

Отгнав пугающие мысли и взвалив на спину тело магистра, девушка побрела по песку в сторону видневшейся в скале расщелины. Уже через час идти стало невыносимо. Тело старика потяжелело, словно это был один из каменных големов, тащивших на себе танки, что она видела на параде. Или это она сама была големом, а Вульфи был танком. Мысли совсем путались, растворяясь в наступившем мареве. Зара стала спотыкаться. Упала. Потащила магистра волоком. Затем силы кончились. Девушка бросила его и побрела вперёд. Шатаясь и падая. Пока не упала лицом вниз и не провалилась в тяжкий горячий сон.

Во сне к ней пришёл отец. Он сел рядом с её кроватью. Ей снова было десять. Она болела корью. И она помнила, как он приходил к ней, просто садился рядом и брал её маленькую руку и молча смотрел ей в глаза. Но только сейчас он что-то ей говорил. Она прислушивалась, но никак не могла разобрать слова. Отец напрягся и закричал. И поднял её лицо из песка.

Он был в странной маске, закрывавшей лицо. Был виден только рот, покрытый по краям маленькими деревянными щупальцами.

— Жива, — крикнул он кому-то сзади.

— Этот вроде тоже, — раздалось издали.

— Как думаешь, шпионы? — раздался голос кого-то третьего.

— Может быть, — покачал головой отец Зары, — придётся тащить.

— О луны, но мы уже переполнены, Влат.

— Имена. Большой, используй позывные, как учил майор, — рассердился отец или Влат, Зара не очень поняла.

Её перекинули через плечо и перед глазами заплясали ноги, ступавшие по песку.

— Болван, — проговорил её носильщик, стукая по чему-то звонкому прикладом своего ружья, тут же свесившегося с другого плеча.

Зару закинули под тент на большие сани, наполненные всяким металлическим хламом. Рядом плюхнулось тело магистра Вульфи. Кряхтя и ругаясь, кто-то впереди потащил сани вперёд. Тот, кто был Влатом, пошёл вслед за санями, а по бокам к нему присоединилось ещё двое с винтовками в руках. Вращая тяжёлой головой, Зара увидела в куче хлама их «Молнию», брошенную ими в ту же ночь, как они покинули город. Магистр клялся, что всё починит, но спидер так больше и не взлетел.

— По большому радиусу работают, — подумала девушка и потеряла сознание.

Пришла в себя она уже в темноте. В горле всё ещё было сухо, но не так, как раньше. Значит, её поили. А желудок не ныл. Значит, успели накормить. Слышны были какие-то грубые хлесткие звуки, затем скрежет — и всё вокруг дёрнулось, поползло, как ей поначалу показалось, вниз.

«Лифт», — подумала Зара.

Нащупав справа от себя тело магистра, она немного успокоилась. На спине она почувствовала бинты, а на руке — мазь, покрывшую ожоги. Лифт поднимался долго, несколько раз застревал, и чьи-то голоса и шаги давали знать, что их новые компаньоны были этим крайне недовольны. Но, тем не менее, лифт поднял их и перед санями открылись хлипкие ворота из наскоро склёпанных кусков металла.

— Что ты притащил сегодня, Влат, — раздался голос из глубины пещеры.

— Не надо имён, Приёмная, у меня гости, — зло проговорил предводитель, как оказалось, бывший с ними в лифте, но всё это время никак себя не обнаруживший. Девушка оглянулась на голос, но смогла различить его владельца, только когда он вышел в тонкие лучи света, пробивавшиеся из расщелин в скале.

— Посмотри какая, — усмехнулся Влат.

К лифту подошла чёрного цвета птица с длинным вытянутым клювом. Зара вскрикнула.

— Ого, — прокаркала птица, — давно не видел ничего из мяса и костей в твоём улове, Влат.

Девушка стала медленно отползать назад в неконтролируемом приступе страха.

— Не надо имён, Приёмная, — процедил сквозь зубы Влат.

— Ох, да, прости, прости, Посыльный, — несколько нарочито извинялась птица, — что это с ней?

Зара тем временем забралась в самый дальний угол саней и закрылась первым попавшимся куском металла. Девушка плакала и верещала что-то нечленораздельное.

— Похоже, плохо ей, — задумчиво произнесла птица и сделала шаг в сторону Зары, но та закричала ещё громче, и птица отступила.

— Похоже, что дело в тебе, — удивился Влат, — ну-ка, давай, пусти, я схожу за «волами», а ты спрячься пока, не пугай её.

Птица обиженно каркнула и удалилась. Влат посмотрел на Зару, снял с лица маску и сказал:

— Не бойся, она не тронет.

Девушка никак не отреагировала. Влат посмотрел на грязный пол лифта перед собой и пошёл по пыльной пещере в ту же сторону, куда ушла птица.

Спустя какое-то время Зара всё-таки решилась выглянуть из-за своего укрытия и увидела, как к саням приближается группа оживлённых. Это были шахматные фигуры с руками, ногами и нарисованными лицами. Они ворчали что-то друг другу, недовольные предстоящей работой. Схватившись за толстые кожаные ремни, они потащили сани по пещере. Потрескавшаяся одноглазая ладья, что шла впереди, раздавала команды и задавал ритм:

— Левее, и-и-и раз, теперь левый ряд поднажми, и-и-и два...

Король в правом ряду прикрикнул на неё:

— Слышь, циклоп, хорош командовать, сами знаем. Лучше впрягайся.

— Ты же знаешь, что я не могу, — обиженно ответила ладья, проводя деревянной рукой по трещине.

— Тогда помолчи лучше, — поддакнула пешка из левого ряда. Ладья отвернулась и, склонив голову, ушла вперёд.

Тент с саней сняли, и Заре открылся удивительный рисунок стен пещеры, становившейся всё выше. В конце концов её свод разделился на два крыла, разорвав каменный купол и открыв небо, своим острым клювом прочертившее края каньона, — он предстал перед девушкой во всём своём захватывающем дух величии. Внутри горы прятался целый город, от которого к ним уже бежала толпа, состоявшая из самых странных существ, что Заре когда-либо приходилось видеть. Заметив в толпе очередноедвигающееся на двух ногах животное, девушка закричала и накрылась своим «щитом».

— Чего она кричит? — поинтересовался пузатый бронзовый клоун, остановившийся неподалеку от саней и с интересом смотревший на кричащую Зару.

— Не знаю, — ответила ему одна из пешек.

— У тебя рожа слишком страшная, — усмехнулся гусеничный трак с головой деревянного слона.

Он задом подъехал к шахматным фигурам, и они с облегчением начали впрягать его в сани.

— Фуф, спасибо брат, — похлопал по сидениям трака шахматный конь и отошёл в сторону.

Слон запыхтел и потащил добычу дальше по каньону. Их окружили техники всех мастей и принялись на ходу разбирать сваленные в кучу предметы, роясь в поисках интересовавших их деталей.

— А ну-ка прочь! — закричал появившийся из толпы Влат и хлопнул одного из них по шарообразной голове, отчего тот ударился о раскуроченный борт «Молнии» и упал.

— Разбирать будете по регламенту. Хватит крысятничать, — огрызнулся он и сел на спину слону, рулившему левее, мимо ноги огромного голема, что стоял посередине каньона. Техники отпрянули и грустно поплелись рядом, поглядывая на хлам.

Галахад Вульфи закрыл глаза, защищаясь от колющих песчинок, бивших ему в лицо вместе с ветром, как раз когда сани выезжали на большую площадь, окружённую свалкой разнообразного хлама. Вокруг на кучах старых кораблей и механизмов свистело и пищало превеликое множество существ, собравшихся посмотреть на то, что им в этот раз принесла пустыня. Магистр оглядывался, совершенно не понимая, куда он попал. Рядом он увидел скулящую и плачущую Зару, прикрывшуюся крышкой от радиатора. Он хотел ей что-то сказать, но горло, как оказалось, совершенно не работало, и он лишь прохрипел несколько обрывистых звуков. Влат оглянулся на старика, снял с пояса и кинул ему флягу, приземлившуюся рядом с лицом магистра. Вульфи поморгал, протянул руку и, припав губами, жадно глотнул из фляги.

— Много сразу не пей, — крикнул ему сквозь шум Влат, — мы хоть вас и поили, но ещё рановато тебе, плохо станет.

Вульфи с трудом остановился, тяжело дыша и оглядывая незнакомца.

— Лучше успокой свою дочь и дай ей тоже, — кивнул он на Зару.

Вульфи оглянулся на девушку и попытался привстать на локтях, но это у него не получилось, и он рухнул обратно на спину.

— Э-э-х, — с досадой прохрипел Влат, встал, перепрыгнул с тягача на сани, поднял свою флягу и подошёл к Заре.

Она подняла на него перепуганные глаза и сжалась под радиаторной решёткой. Мужчина приподнял кусок металла, легко справившись с сопротивлением девушки, и дал ей флягу. Та подумала, но потом приняла её и жадно принялась пить, пока Влат не вырвал флягу из её рук.

— А ну хватит, — громко произнёс он, — всему учить надо!

К этому моменту сани уже выехали на середину площади, заканчивавшуюся подиумом, со стоящими на нём весами и инструментами. Возле этого подиума уже собрались техники, которых чуть раньше Влат отогнал от саней. На подиум водрузили трибуну, к которой подошла фигура, состоявшая из множества лоскутных одеял. Там, где у фигуры должна была быть голова, сверкала маленькая золотая корона. Присмотревшись, Вульфи различил на кончиках короны маленькие круглые глазки, подскакивавшие при каждом неуклюжем шаге существа.

— Король говорит! — закричал кто-то из техников, и по толпе, расположившейся по краю площади, прошла волна смеха.

— Слушайте, слушайте, и не говорите, что не слышали, — писклявым голосом начал напевать «король», — в день нового роста вернулся храбрый Влат!

Толпа зааплодировала.

— Расскажи же нам, о странствующий герой, что ты видел? — спросил «король».

Влат закрыл рукой глаза, покачал головой, но потом прыгнул с саней и прошёлся вдоль тягача, хлопнув слона по его деревянному уху.

— Я был далеко, в пустошах, и близко, между городом и большой пустыней, — ответил мужчина, откинув с лица рукой вьющиеся русые волосы. По толпе пробежал ропот одобрения.

— А добыл я мёртвое, что мёртво, мёртвое, что оживёт, и живое, что живо перед вашими глазами.

Толпа ответила тревожным ропотом.

— Первое, и главное, — он сделал знак рукой двум пешкам, и те бросились к саням, — это древний аппарат, таких я не видел. И он достоин торго.

Он указал пешкам на останки «Молнии», и те принялись вытаскивать её с саней, потеснив Вульфи ближе к краю, где спряталась Зара. К пешкам присоединились ферзь и здоровая ладья, а затем и шахматные кони. Вместе им удалось снять «Молнию» с саней и вытащить её на центр площади.

— Король говорит! — вновь закричал один из техников.

— Объявляю первый лот! — крикнул писклявый голос из лоскутов, — древний артефакт.

Техники повскакивали со своих мест и стали медленно подходить к «Молнии», с неподдельным интересом разглядывая её. Многие из них были оживлёнными, но было и несколько людей, и даже одна ящерица. Увидев её, Зара завопила криком, невозможным для существа человеческого рода. В толпе засмеялись и заохали. Влат развернулся к девушке, а техники остановились на полпути к аэроциклу. Зара затихла.

— Что за живое ты привёз, почтенный Влат? — пропищал «король».

Влат тяжело вздохнул и обернулся к подиуму.

— Я привез то, что нашёл неподалёку от артефакта. Эти двое, — он указал на старика и девушку, — шли в нашу сторону.

— В нашу? — переспросил лоскутный король.

— Да, в нашу, они двигались к расщелине, — кивнул Влат, — они могли знать. Они похожи на шпионов. Только на таком артефакте, как этот, — кивнул он на «Молнию», — могли они преодолеть пустыню. Городские так далеко не летают. Их аппараты примитивны. Такой я вижу впервые.

Толпа зашевелилась, и ропот стал громче.

— Так что же вы хотите от короля? — спросил техник-глашатай.

— Станет ли живое мёртвым или продолжит жить? — спросил Влат, обходя сани и смотря на дрожащую Зару острым изучающим взглядом.

До ошоломлённого магистра наконец стало доходить происходящее, и он привстал на руках и кряхтя обратился к Влату:

— Можно ли мне сказать?

Мужчина не обратил на него внимания, только повернул голову к «королю». Тот стоял на трибуне, шевеля глазами на короне, и медлил. Ропот толпы становился всё громче. Но тут из лоскутов показалась одетая в изысканный камзол деревянная рука. Её большой палец был повернут вниз. Ропот перерос в одобрителный крик.

Влат помедлил, давая толпе утихнуть, затем снял с пояса длинный нож, похожий скорее на короткий меч, и, взявшись за рукоять так, что лезвие оказалось скрыто за рукой, двинулся к саням. Вульфи привстал и пополз спиной к девушке, стараясь поставить себя между ней и приближавшимся человеком. Зара всё ещё скулила, прикрывшись радиаторной решёткой. Влат запрыгнул на сани, схватил ползущего старика за грудь и поднял вверх, как пушинку, занеся над ним меч. Сверкнув глазами, он направил лезвие под сердце магистра. Но меч звякнул и отскочил. Между ним и грудью старика зазвенела радиаторная решётка.

Заплаканное лицо Зары выглядывало из-за седых волос Вульфи, она с ненавистью смотрела на удивлённого и обескураженного Влата. Радиаторная решётка отскочила от руки девушки и врезалась в лицо мужчины. Влат зашатался и упал вниз с саней. Меч отлетел вбок. Толпа ахнула. И когда мужчина пришёл в себя и потянулся в поисках оружия, Зара уже стояла с мечом в руках, занеся его над головой. Влат откатился — и удар пришёлся как раз туда, где секунду назад была его голова. Толпа взревела. Влат привстал на одно колено и выхватил из кобуры пистолет. Зара уже бежала к нему с мечом в руках, но остановилась и резко бросилась вбок. Грохнул выстрел, отразившийся гулким эхом от стен каньона, за ним другой, и вот уже меч опустился на незадачливого стрелка, который только и смог, что выставить пистолет, чтобы заблокировать удар острого лезвия. Девушка била, вкладывая всю силу и даже такой крепкий воин, как Влат, не мог сдержать её натиск. В отчаянной попытке он направил пистолет ей в лицо, но она выбила его ударом наотмашь, отрубив мужчине несколько пальцев на правой руке. В толпе закричали. Влат схватился за раненую руку и припал к земле. Зара нависла над ним с занесённым клинком. Глаза девушки блестели от слёз и негодования. Она закричала неистовым криком и приготовилась поразить противника. Но в то же мгновение раздался ещё один выстрел и её клинок со звоном отлетел прочь. Толпа вновь ахнула и подняла головы вверх. На площадь из тени гиганта спускался бриг.

Корабль приземлился в центре площади. С него по откинутому трапу сошёл приятно одетый в дорогой камзол и широкую шляпу с пером молодой красавец. Он поднял руку, и ропот в толпе прекратился. За его спиной показался стрелок, из ружья которого всё ещё шёл дым. Это был не человек, а тигр, одетый в походную одежду и смотревший на девушку узкими глазами-щёлками. Зара отпрянула от Влата и попятилась к саням.

— Что здесь происходит? — спросил Барон спокойным и требовательным тоном, доставая из нагрудного кармана платок.

Он вытер пятнышко пороха со своей щеки и убрал платок обратно. За это время «король» прыгнул с трибуны и неуклюже «поплыл» к кораблю.

— Это шпионы, хозяин, — залепетал он, добежав до Барона, — пришли из пустыни.

— Не называй меня хозяином, — поморщился Барон, — ладно я, но тем самым ты оскорбляешь своих братьев.

— Простите, хо..., то есть Ваше Величество, то есть... я запутался, — грустно сказал «король» и, как показалось Вульфи, присел.

— Достаточно просто Барон, — вздохнул мужчина и сделал шаг к дрожащей Заре, припавшей к борту саней и испуганно смотревшей то на перворождённого стрелка, то на Барона.

— Такой прекрасный цветок, — покачал головой мужчина, делая шаг к девушке, — не бойся, милая, он не выстрелит без моего приказа.

Но Зара отпрянула и, как кошка, забралась в сани, где всё ещё сидел магистр Вульфи, совершенно онемевший от происходящего. Барон остановился и внимательно посмотрел на магистра. Затем покачал головой, словно отгоняя навязчивые мысли, и обратился к «королю».

— Сопроводите наших гостей, пусть поживут пока в гостевых покоях, — сказал он вполоборота, — решим, что с ними делать, потом, на общем собрании. И никаких больше первобытных традиций. Понятно?

— Конечно, конечно, хо... то есть Барон, — закивал «король» и сделал знак группе вооружённых существ, выстроившихся за подиумом.

Они вышли на площадь и стали окружать сани. Зара тревожно оглядывала их и, если видела среди них перворождённого, вскрикивала.

— Что же она такая беспокойная? — удивлённо спросил Барон.

— Мне кажется, у неё страх перед животными, — предположил хрипящий голос снизу.

Барон внимательно посмотрел на Зару, опустил взгляд на Влата, подползшего к его ногам, и улыбнулся.

— А ты наблюдателен для человека без пальцев, — усмехнулся он, — не забудь их собрать, может, ещё успеют пришить их обратно.

Влат кивнул, сглотнув, и принялся искать свои отрубленные конечности.

— Достопочтенные перворождённые, прошу вас покинуть площадь, — громко сказал Барон, — похоже, у нас тут деликатная ситуация.

Вышедшие на поле звери переглянулись, пожали плечами и отошли назад, а из-под горы одежды, представлявшую из себя «короля», выполз питон, подхватил головой корону и уполз обратно к трибуне. Группа из людей и оживлённых окружила сани.

— Ведите, — обратился Барон к головорезу, вставшему по правую руку от него, — и не спускайте с них глаз.

Рядом приземлился Джо, и Зару с Вульфи сопровождали на платформу, окружив со всех сторон. Молоток, вставший рядом с магистром, строго посмотрел на него одним глазом, и еле живой старик смущённо перевёл взор на толпу, как раз в тот момент, как Зара пошатнулась и

упала в обморок. Влат, стоявший рядом, подхватил её, рассыпав по платформе свои пальцы и испачкав платье девушки в крови. Молоток присел и подобрал упавший с платформы палец за секунду до того, как Джо поднял платформу вверх и пыль разлетелась по площади, где продолжились торги.

Отец сидел и в полудрёме смотрел на останки «Молнии», принесённые техниками в его мастерскую. Его взгляд фокусировался то на ней, то на рыцаре, сидевшем на реактивной лошади. Рыцарь в сверкающей белой броне повернул голову. Отец взглянул на него в ответ.

— Ну что смотришь? — грустно ответил старик, поправляя на глазах увеличительные стёкла.

Рыцарь отвернулся. Отец вздохнул и встал. Хлопнув себя по карманам, он нахмурился и огляделся. Найдя ключ от мастерской прямо перед собой, на верстаке, он сунул его в нагрудный карман фартука и двинулся к выходу.

В приёмной зале было пусто. Шаркающей походкой старик преодолел расстояние от входа до трона и взошёл за него. Там он открыл небольшую дверь в форме кроличьей морды, спрятавшуюся за тёмно-зелёной портьерой, и оказался в небольшом кабинете. Барон сидел перед маленьким зеркалом, куда падал узкий луч света из окна, и брился.

— А, это ты, — хмыкнул мужчина, проводя опасным лезвием по щеке, — если тебе интересно, то я узнал тебя по походке. В последнее время ты всё хуже переставляешь ноги.

— Спасибо, — ответил Отец, ухмыльнувшись.

— Не за что.

Оба замолчали. Старик зевнул, прошёлся и сел в кресло за небольшим столом на тонких резных ножках.

— Это наша «Молния», — тихо сказал он, покачивая ногами.

— М-м-м?

— Ну, то, на чём прилетели эти твои шпионы.

— Они не мои, — ответил Барон и вновь замолчал.

— Это ничего не меняет, — отсчитав пятнадцать ударов секундной стрелки, ответил старик, — там что-то не так. Это одна из тех, что мы отправляли группе поддержки через твою Гору Мяса. Эти ребята не шпионы, а, скорее всего, спасшиеся бегством, иначе как объяснить, что они знали, куда лететь.

— Я не знаю никого из них, — ответил Барон, принимаясь за вторую щёку, — ни старика, ни девушку. Насколько я знаю нашу «группу поддержки», там была одна травоядная интеллигенция, а эта машет мечом, словно она чемпион Колизея.

— Но они здесь, и это что-то значит, — кивнул Отец, — нам стоит понять, что происходит.

— Сейчас всё сам у них спросишь, — задумчиво оглядывая своё лицо, произнёс Барон, — чего ты так взволновался-то? Кто мне всё время твердил, что всё так, как должно быть?

— Я... — замялся старик, — переживаю за... них... мы каждый раз отправляем группы на верную смерть.

— Есть какие-то иные предложения?

— Нет.

— Тогда пойдём, твоих «шпионов» вот-вот должны привести, — подытожил мужчина, вытирая лицо.

Он встал, достал из кармана новую пару белых перчаток, надел их и направился к двери.

В приёмном зале уже собрались несколько советников, руководители фракций, генералы и избранные представители меньшинств, как от оживлённых, так и от перворождённых. Барон вышел к ним и поздоровался с каждым, приветствуя кивком тех, кто только заходил в зал. Подойдя к перворождённому тигру, сопровождавшему его ранее во время инцидента, он отвёл его в сторону и переговорил с глазу на глаз. В конце разговора тот понимающе кивнул и поспешно вышел через боковую дверь, позвав остальных животных за собой.

Барон вальяжно расположился в кресле. По правую руку от него встали пыhtящий сизым паром железный человек и полуголый мужчина, с развешанными по телу лентами, со множеством кинжалов и болтами для арбалетов на поясе. По левую руку на подставке для ног расположился Отец и тут же задремал, уронив голову на плечо.

Зару и магистра Вульфи ввела через главный проход группа оживлённых под предводительством молотка. Оба пленника выглядели лучше, чем утром. И, несмотря на то что держали их в глухих пещерах, заключённых хорошо накормили и дали помыться. Девушка сверкала орлиным взором, периодически сменявшимся испугом, когда её воображение ловило взглядом в толпе перворождённых, которых, по счастью, в зале не было. Их подвели к трону. Вслед за ними в зал вошли оживлённые и люди в торжественных одеждах и окружили трон. Барон с интересом оглядел Зару и лишь мельком глянул на магистра Вульфи, разглядывавшего мужчину на троне.

— Кто вы и откуда? — спросил Барон, закидывая ногу на ногу.

Старик прокашлялся.

Восседавший на троне мужчина ответа ожидал от девушки, потому его брови поднялись вверх от удивления, а голова медленно повернулась к старику, когда Вульфи заговорил.

— Простите нас за вторжение, Ваше Величество, — расшаркался он. — Мы простые люди, попавшие в непростую ситуацию, — произнёс он, поклонившись, — эта милая девушка — Зара, хозяйка харчевни на Сердечной площади в нижнем секторе, а я Галахад Вульфи, магистр младший техник.

Он замолчал, стыдливо склонив голову. Барон остался невозмутим.

— Что привело вас в наши края? — спросила за него рыжеволосая девушка в белой тоге.

— Да, собственно, нас привели, — растерянно пожал плечами магистр, — тот, кого называют у вас Влат, и его любезные джентльмены подбросили нас к вам из пустыни.

— Так значит, вы направлялись именно сюда? — уточнила красавица в тоге, сверкнув изумрудными глазами.

— Я бы хотел услышать от нашей пре... — начал было Барон.

— Магистр Вульфи? — перебил его пробудившийся от дрёмы Отец. — Галахад?

Он снял увеличительные очки и уронил их на пол. Стекло разбилось, и светящийся осколок покатился по полу, переливаясь в солнечных лучах. Его расширяющиеся глаза впились в удивлённые глаза магистра. Вульфи потряс головой и взглянул на старика напротив так, словно он смотрел в зеркало.

— Альфред? — дрожащим голосом спросил он.

— Галахад! — закричал Отец и бросился в объятия брата.

Он схватил его что было его старческих сил, чуть не сбив магистра с ног.

— Я знал, я знал, как только увидел мою куклу я знал, что увижу тебя!

— Ты видел... куклу? — удивился Вульфи, у которого на глазах навернулись слёзы.

— Да, да! Ты жив. О Луны, как я счастлив, что ты жив. Я думал. Я не надеялся.

— Я думал, что ты мёртв, что они тебя казнили, — сдерживая рыдания, отвечал магистр.

— Нет, мой дорогой. Я не успел. Я хотел связаться с тобой.

— Всё хорошо, — успокаивал его Галахад, хлопая по спине, — о луны, всё хорошо. Прости меня, я думал, что ты мёртв, я ставил свечи в храме на площади Разбитого Стекла. Я так рад, что увидел тебя хотя бы перед смертью.

— И я... — рыдая, отвечал Альфред.

Старики лили слезы, обнявшись, не замечая толпы вокруг, в недоумении смотревшей то на них, то на Зару, изучавшую собравшихся.

Зал опустел, а братья всё сидели на полу и беседовали.

— К тебе не приходила Агата?

— Агата? — переспросил магистр.

— Ну да, Агата, моя дочь.

— Так у тебя всё-таки была дочь? — удивился Вульфи.

— Да... такая долгая история, — нахмурился Альфред, почесывая затылок, — наша связная в городе, в общем, случился у нас роман. Она к нам летала, летала, а потом перестала, прислала письмо, что ждёт ребенка. А потом заболела. Умерла при родах. Ну я и попросил, отнести ребёнка к нашей троюродной сестре по матери, что вышла за этого дурака, владельца самого злчного кабака на нижнем ярусе. Записку вложил: назовите Агатой и чтобы приходили

к тебе, если что вдруг случится. Я знал, что ты не подведёшь. Не хотел, чтобы она ввязалась во всё это...

— Плохая была идея. Эта девушка, с которой я прилетел, — её сводная сестра. А дочь твою зовут Майло.

Отец вскочил, выпучив глаза, и упёр руки в бока.

— Ну надо же было так испортить ребёнку жизнь!

— И теперь она живёт во дворце, — усмехнулся Галахад.

— Во дворце?! — воскликнул Альфред.

— Да, я так понимаю, она станет женой молодого Узурпатора.

— Сердце! Не может быть! Я породнюсь с Йомерой? — он стукнул ногой от негодования.

— Мог бы сам ей это сказать.

— Как? — зло спросил Альфред. — Послать ей совку, что её папа — проклятие Культа, один из самых разыскиваемых преступников города, человек-смерть, мечтает встретиться?

Он затряс головой.

— Я понимаю, — успокаивающе сказал магистр, — прости, не кипятись.

— Майло! — пробурчал старик, садясь обратно на пол. — Это ж надо такое выдумать!

— Так что же это получается, вы пойдёте войной на город?

— Получается, так.

— Прости меня, но зачем?

— Что ты меня спрашиваешь? — разозлился Альфред и снова вскочил.

— Ну ты же из нас двоих умный. Ты всегда знал, что к чему... — растерянно ответил Галахад.

— Что к чему. Шамсара-кара. Да не был я никогда умнее тебя. Это ты сам придумал, — произнёс Отец и вздохнул, — в наше время недостаточно быть умным, надо ещё иметь сердце, — он направился на большой круг по залу, — могу ли я заставить его не мстить? — махнул Альфред в сторону кабинета. — Ты это хочешь узнать?

Вульфи молчал.

— Нет, не могу. Не его это месть. Точнее, не только его. Все, кто тут собрались, бежали, спаслись в разные годы. Семьи, одиночки. Сколько было таких, кто перебрался через пустыню? Единицы. А бежали тысячи! Сотни тысяч! Перворожждённые, оживлённые, люди.

Отец дошёл до конца зала.

— А теперь они хотят вернуться и отомстить.

Он зашагал обратно к магистру.

— Могу ли я сказать им «нет»?

Он выждал несколько шагов и ответил сам себе.

— Могу! — он посмеялся своей шутке и приблизился к брату. — Но услышат ли они меня? Не думаю.

— И что же делать? — спросил Вульфи.

— Надеяться, — грустно улыбнулся Альфред и снова сел рядом с Галахадом.

Они оба замолчали и долго смотрели в потрескавшийся рисунок каменного пола, выложенного шахматной клеткой.

— Я уже ничего не понимаю, — произнёс Отец тихо. — Раньше видел какой-то смысл за вещами, а теперь понимаю, что этот смысл вещам придаю я. Я ничего больше не понимаю, и это ставит меня в тупик.

— М-м-м, — промычал Вульфи, — тогда мы обречены.

Альфред треснул его ладонью по затылку.

— Смотри, не плачь, сопляк, — начал он, а потом обнял брата и зарыдал.

— Прости меня, — тоже пуская слезу, ответил Галахад и похлопал брата по плечу, — мне так стыдно.

Тем временем за маленькой дверью с изображением кролика Барон поднёс чашку горячего напитка Заре, сидевшей в том же кресле, куда до неё садился Отец.

— Простите великодушно за столь неподобающий приём, — расплылся в улыбке Барон, — но вы сами видите, с кем приходится иметь дело.

Зара понимающе вздохнула и приняла расписное блюдо с чашкой из рук хозяина.

— Вы всё молчите, — заискивающе сказал мужчина, наливая себе в бокал игристой жидкости из кувшина, — неужели вас так шокируют животные?

Зара вздрогнула.

— Понимаю, понимаю, — кивнул он, поспешно делая успокаивающий жест рукой, — я тоже долго привыкал.

Повисло неловкое молчание. Мужчина оглядел девушку и ударил себя кончиком перчатки по краю камзола.

— Простите меня, какой же я невежда!

Он поднял со столика, за которым сидела Зара, искусной работы колокольчик и позвонил. Слева открылась маленькая дверь, откуда появилась оживлённая голова с руками и ногами. Голова имела плоскую макушку, и Барон поставил на неё уже опустевший бокал.

— Безрукий, — обратился мужчина к голове, — прикажи прислать к нам мастеров по женскому костюму, чтобы снять мерки с нашей гостьи. Её платье ужасно износилось.

Зара смущённо оглядела себя и поправила сползшую с плеча лямку, вздрогнув, потому что дверь с кроликом отворилась и вошли Галахад с Альфредом.

— Вот, послушай! — воскликнул Отец и хлопнул брата по спине.

— Я... м-м-м, — замялся Вульфи, — мы... мы сбежали из Химического театра, где хранилась эта...

— «Молния», и не одна, и не одна! — делая многозначительное выражение лица и поглядывая на Барона, произнёс Альфред.

— Да, помощник господина Этеля, — произнёс магистр, бросая беглый взгляд на Зару, — утверждал, что у него две такие «Молнии».

— Это наш парень, Гора Мяса рассказывал про связного, спасшего их, это он! — воскликнул Отец, — а теперь слушай!

— Мы сбежали как раз перед тем, как в здание ворвались, — кивнул магистр, — стража и Култ. Хорошо, что мы заранее готовились к побегу.

— Вот! Вот! Слышишь! — почти кричал Альфред.

— Вы готовились к побегу? — переспросил Барон, хмурясь и стараясь не смотреть на Отца. — Вас преследовали? То есть могло быть так, что это вы привели их в театр?

— Да... — растерянно ответил Вульфи, и Альфред нахурился, — но мы убегали по другой причине. Нас преследовала только стража и младшие Культисты. Светлые робы. И мы оторвались. Хвоста не было. А там, в театре, были, как я успел заметить старшие служители, серые робы, стражники в погонах и чёрные рыцари.

— Это ничего не доказывает, — покачал головой Барон.

— Это доказывает, что наши агенты раскрыты, что все, кто сейчас в городе, в опасности, — упрямо твердил Отец.

— Может быть, мы не будем обсуждать это при... — начал было Барон.

— От брата мне нечего скрывать, — раздражённо отрезал Альфред и взглянул на Зару, внимательно следившую за разговором.

— Это обсуждение мы перенесём на вечер, когда снова соберётся Совет, — ответил Барон тоном, не терпящим возражений, — я услышал твои доводы, и, возможно, в них есть смысл. Но принимать никаких скоропалительных решений я не собираюсь.

В дверь постучали.

— Да-да, — громко сказал Барон, и в дверном проёме появились две молодые девушки, одна человек, а другая цапля, в чепчиках, с сантиметрами и кусками ткани на плечах. Зара вскрикнула и упала в глубь кресла.

— Ох, да что же... — рассерженно всплеснул руками Барон, — ну разве нельзя было передать, что у нашей гости фобия на животных...

— Я не животное, а птица, — обиженно ответила цапля, — и я бы попросила называть нас перворождёнными без градации на живородящих, яйцекладущих и прочих. Это оскорбительно слышать здесь, где мы боремся...

— Да, да, — закивал Барон, бросаясь к цапле и обнимая её за плечи, — прошу прощения, это всё...

— И я не понимаю, почему мы должны брать мерки с этой человеческой особи, позволяющей себе такие отвратительные выходы по отношению...

— Она из города, — продолжал лепетать вокруг цапли Барон, потихоньку выпроваживая её за дверь, — прошу вас войти в наше положение, вы же знаете, что там за люди. Я думаю, она за всю жизнь ни одной говорящей птицы не видела. Он захлопнул за цаплей дверь и выдохнул.

— Сними с неё мерки, — устало обратился он к оставшейся девушке, — будь добра.

Барон подошёл к кувшину и налил себе в новый бокал, осушил его до дна и обратился к собравшимся.

— С вас, молодая особа, снимут мерки, а мы пойдём побеседуем с этими двумя замечательными стариканами.

Расстроенная цапля сидела возле выхода из зала приёма и плакала. Её утешала подруга, уже вернувшаяся с мерками от Зары.

— В такие моменты я сомневаюсь, что вся эта затея стоит моих усилий. Кому я помогаю? Людям? Тем же людям, что убили и съели моих родителей! Разве люди достойны помощи?

Она вопросительно взглянула на подругу, человеческую девушку приятной наружности, сконфуженно смотревшую в глаза цапле.

— Ой, извини, — прокаркала птица, — я... я совсем потерялась. Этот зов. Он так бережит моё сердце. Лучше бы его не было. Невозможно сохранять трезвую голову, — сокрушалась она, поднимаясь и сбив с ног своим широким крылом выходивших от Барона братьев Вульфи.

— Простите, простите, — воскликнула она, — это всё, это всё... зов Сердца. Сегодня особенно сильный, — не нашла она, что ещё сказать в своё оправдание.

— Ох уж этот зов, — проворчал Альфред, — иногда я задумываюсь, чей он...

На Проспекте Согласия по утрам было тихо, только шторы колыхались от налетавшего утреннего бриза. Хозяйка дома, будучи женщиной беспокойной и не имевшей привычки спать более пяти часов, проснулась рано и уже ходила между комнат прислуги, не в силах совладать с волнением. Она вынесла на балкон своего сокровенного «друга» — горшок с редким растением, купленным ею на Верхнем Базаре, и поставила его на маленький столик в углу, где решётчатый заборчик загибался, выпячивая своё изящно выкованное брюшко, куда так удобно помещался и стол, и стул, и пуфик для ног. Женщина присела и провела пальцем по ободку горшка. Поправив слезший от ветра чепчик, она посмотрела вниз, на шаркающих метлами по асфальту оживлённых. Редкий в этот час патрульный бриг проплывал несколькими этажами ниже, тарахтя своим сердечным двигателем. Женщина поморщилась и вернулась к своему «другу», который, предчувствуя приближающееся солнце, выбирался из земли на свет. Зелёный росточек разгибался, поднимая бутон, всеми силами он поглощал влагу из земли и стремился вытянуться как можно выше. Хозяйка с изумлением смотрела на своё приобретение. Ещё ни разу она не видела, чтобы цветы росли так быстро. Особенно с таким толстым и крепким стеблем, буквально подминая под себя землю в горшке. В глазах женщины сияло восхищение.

— Хороший мой, — проговорила она, улыбаясь, — только ты меня понимаешь.

Довольная, она встала и упорхнула будить несчастных служанок, потому что сегодня надо было заготовить в три раза больше лунного сока: новый посетитель в ресторане выпивал дневную норму за утро.

К полудню растение, ещё помнившее свою бытность тараканом, жуком и лейтенантом Штурмом, поднялось выше заборчика и расцвело. Раскрывшийся бутон его напоминал глаз. Подозрительно и хищно посмотрел он на выбежавшую было на балкон изумлённую хозяйку и несколько раз моргнул. Женщина испугалась и закрыла балконную дверь на замок. Цветок продолжал смотреть на неё сквозь двойное стекло, нелепо помаргивая бутоном. Хозяйка фыркнула и закрыла шторы.

— Никому нельзя доверять, — проворчала она, направившись в девичью с намерением устроить дочерям выволочку за то, что те до сих пор извоили валяться в кроватях.

— Куда мы идём? — проворчал здоровяк, перелезая острые зубцы декоративного забора на крыше одного из жилых домов напротив балкончика с цветком.

— Она не ответит, — устало заметил Рауд, плывший невысоко над черепицей.

— Отвечу, когда дойдём, — холодно ответила Лиля, вглядываясь в видневшийся за изгибом башни каменный мост, куда она стремилась попасть уже битый час.

— Она водит нас кругами, — нахмурился Снорри, ловя взгляд обезьянки, — если ты хочешь попасть на тот кусок камня, — ехидно заметил он, — то нам нужно туда, — и он показал вправо вверх в проём между двумя зданиями с изящной каменной отделкой времён Третьего Ренессанса. В окне одного из них появилось испуганное лицо женщины и тут же исчезло.

— Ну вот, нас заметили, сейчас позвонит в полицию, — расстроено булькнул Рауд и, обращаясь к человеку, жалобно попросил: — Подбери меня, не могу быстро...

— Не уверена я, что у них работает телефон, — фыркнула Лиля.

Снорри без лишних слов поднял осьминога и посадил себе на плечо.

— Где деревяшка? — произнёс здоровяк, оглядываясь в поисках Гудди.

Сильно отставший, оживлённый шёл вдалеке, он еле передвигал ноги и поскальзывался на черепице. Смотря в пустоту, разверзшуюся перед его внутренним взором, он не видел, как засуетились товарищи и как замахали ему руками. В груди было тяжело, и груз этот так затуманил голову, что даже движение его нарисованных глаз давалось с трудом. Он увидел, как человек бежит к нему, но не отреагировал, а лишь провалился глубже в чёрную дыру в груди, что не давала нормально вздохнуть. Рука Снорри подхватила его и перекинула через плечо.

— Что ты будешь делать, — покачив головой, пробулькал осьминог, — эй, парень, пора уже взять себя в руки, а то нас точно схватят.

Но Гудди не слышал его, слова друзей доносились, словно из далёкого колодца. Перед ним промелькнул низвергающийся вниз край крыши, затем уступ, другой, чей-то балкон, крик ребёнка, лучи солнца между зданий и вновь поверхность, на этот раз каменная, а затем рука человека, опускающая его на ноги. Лёгкий шлепок и перед глазами оживлённого появилось лицо здоровяка.

— Эй, сопляк, не смей больше отрубаться, слышишь? В следующий раз уйдём одни, и тебя заберёт патруль, — грозно прорычал он, — слышишь?

Гудди кивнул и пошёл вперёд по каменному мосту, так же медленно и меланхолично, как до этого.

— Оставь ты его, — пробурчала приземлившаяся рядом обезьянка, — для него это в первый раз. В первый раз всегда тяжело.

— В первый раз, в первый раз, — передразнил его человек, шагая вслед за ними по мосту, — у меня что ли мало было в жизни дерьма.

— Да, кстати, — булькнул осьминог, — а что это говорил тот полицей? Он вроде как узнал тебя?

Снорри схватил осьминога с плеча и поднёс его к лицу.

— Будешь лезть куда не надо, поползёшь сам, — огрызнулся здоровяк и грубо усадил Рауда назад, на рюкзак.

— Твои скелеты сами лезут из могил, — тихо проворчал в ответ осьминог.

За мостом, между изгибами зданий, засверкала искусственная река. Функциональность её в последние столетия сильно возросла: опреснённая вода обеспечивала влагой сразу несколько районов, а парусные суда, ходившие по ней, могли быстро перевозить товары, не расходуя топливо. Отвязав прикреплённую к деревянному пирсу лодку, команда подняла засверкавший в лучах первого заката белый парус и отплыла с попутным ветром по мерно журчащей воде на север, в сторону дворца. В тишине слышно было пение птиц, и музыка эхом гуляла из открытых окон. Жизнь здесь казалась спокойной и умиротворяющей, так что Снорри быстро задремал. Лила правила руль, пока осьминог смотрел на своё отражение в воде, чертя щупальцем по бегущим волнам под бортом судёнышка, и только Гудди смотрел перед собой, так же отрешённо и потерянно, как и раньше.

— Зачем ты это делаешь? — спросила обезьянка, поворачивая жердь с парусом и направляя лодку в правый рукав реки, где в конце виднелось взятое в берега белого камня озеро.

Рауд поднял на неё глаза, но не сразу осознал, что обращаются к нему, поэтому переспросил:

— Что?

— Ты слышишь зов?

— Ты про припадки ужаса и страха? — переспросил осьминог, потрогав себя в районе груди.

— Наверное, — усмехнулась Лила.

— Да, — кивнул осьминог, — а ты?

Обезьянка отрицательно покачала головой. Они замолчали, и лодка медленно выплыла на широкую гладь озера, по форме напоминавшего ладонь. Его притоки были похожи на пальцы, а скатывающийся вниз водопад ниспадал с изгиба кисти, высеченной в массивной каменной глыбе. По краям стояли необычные дома с небольшими садами и лужайками. В них уже зажглись огни, сливавшиеся с проступавшей в небе россыпью звёзд.

— Ты не ответил.

Рауд посмотрел на обезьянку, которая изучала его внимательным взглядом.

— Я уже когда-то отвечал тебе на этот вопрос, — тихо выпустил пузыри осьминог. — Затем же, зачем ты ходила вчера в тюрьму.

— Откуда ты знаешь, зачем я ходила туда? — философски заметила Лила.

— Хорошо, я это делаю, чтобы восстановить справедливость. Поставить людей на место. Хотя я слабо верю, что это возможно, — пожал он плечами сразу нескольких щупалец.

— То есть просто месть?

— Не просто, — осьминог вздохнул. — Это было очень давно. Я был ещё ребёнком. Меня успели отправить в какой-то бочке с уксусом через пустыню на юг.

Он вновь положил щупальце на воду, разорвав своё отражение разбегающимися волнами.

— Я не знаю, что стало с моими близкими.

Рауд замолчал, наблюдая, как над озером пролетел полицейский спидер и скрылся за домами.

— Я много лет путешествовал и думал, что никогда не вспомню... Но однажды в далёкой стране за морем... Просто проснулся и понял, что не могу. И вернулся. Нашёл караванщика, ходившего по берегу до южной окраины Плато Ветров. Перебрался через хребты и оказался среди беглецов в Свободном Городе. По рассказам беглецов, наполнивших в то время уже весь каньон, я понял, что здесь стало только хуже. Нет, — покачал он головой, — это не месть. Мстить мне поздно. Это справедливость.

Он замолчал, убрав щупальце, и вновь увидел в потемневшей воде своё отражение со сверкающим на голове рогом, ставшим за это время только больше.

Лодка причалила к небольшому пирсу под нависающим домом каменной кладки.

— Сюда? — удивился пробудившийся от удара о причал Снорри.

— А что здесь? — спросил осьминог, залезая на пирс и привязывая лодку.

Ли́ла ничего не ответила и, показав спутникам деревянной лапкой, что стоит оставаться на местах, поправила матросскую шапочку на голове и пошла к маленькой задней двери, откуда виднелась тоненькая полоска света. Приоткрыв дверь, она исчезла внутри.

— Не нравится мне всё это, — пробурчал здоровяк, потягиваясь.

На тропинке за домом послышались шаги. Поравнявшись с пирсом, шаги прекратились и встревоженный голос спросил из темноты:

— Вы кто?

Гудди, остававшийся до этого совершенно индифферентным к происходящему, повернул голову и произнёс:

— Привет, Герда!

Рауд и Снорри переглянулись. На свет из темноты вышла та самая девочка с карнавала, с фартуком поверх школьной формы, с огромным удивлением смотревшая на оживлённого.

— Что т-ты... Что ты... в-вы здесь делаете? — она оглядела лодку и её пассажиров. — Не то чтобы я не рада, — её голос задрожал от испуга, — но это очень опасно. Меня могут... Отец должен вот-вот вернуться.

— Отец? — переспросил Гудди.

— Её отец — господин Парфарес, начальник полиции, — раздался голос Лилы, стоявшей в проёме маленькой двери.

— Ли́ла? — почти воскликнула Герда, и перешла на кричащий шепот, — что вы здесь делаете? Это очень опасно? Отец!

В этот момент за их спинами мелькнули огни полицейского спидера.

— Скорее в дом! — сдавленно крикнула Герда, подпрыгнув на месте.

Снорри поднялся на пирс, чуть не перевернув Лодку, подхватил Рауда и Гудди и забежал в дверь, сбив Лилу с ног. Герда вскочила вслед за ними и, колотя кулаком по спине гиганта, прогнала его дальше в прихожую, указав на дверь под лестницей.

— В подвал! — почти крикнула она ему вслед.

Оживлённый с башмаком вместо лица, исполнявший роль камердинера в доме начальника полиции, с интересом проводил гостей, попытавшись жестом предложить им снять верхнюю одежду, но Герда цыкнула на него, и тот, пожав плечами, вернулся к парадному входу.

— Ты никого не видел, — процедила она сквозь зубы, вставая спиной к двери, где исчезли незваные гости.

Тот отрицательно покачал головой и замер. В заднюю дверь постучали. Герда набрала воздух в лёгкие, затем медленно выдохнула и, встряхнув головой, направилась к чёрному ходу. Отворив дверцу, она встретила на пороге двух полицейских. Один из них, высокий мужчина средних лет, сквозь усы улыбнулся Герде.

— Извините за беспокойство, мадмуазель Парфарес, — улыбнулся он, виновато поклонившись, — как здоровье вашего отца?

— Спасибо, хорошо, — учтиво поклонилась в ответ девушка, — но он ещё не вернулся. Работа.

Полицейские понимающе закивали. Усатый засмутился, поэтому вместо него вступил его более молодой напарник.

— Мадмуазель, мы ни в коем разе не хотим, чтобы вы думали, что мы подозреваем вас, но несколько часов назад у прачечной, на излучине возле Проспекта, украли парусную лодку, — сказал он и оглянулся на лодку, привязанную к причалу. — Вы не знаете, каким образом эта лодка оказалась здесь?

— Ой, господа, — произнесла Герда испуганным голосом, — мне так стыдно. Я собиралась вернуть её нынче же вечером, но забегалась и совсем забыла. Мне срочно нужно было поскорее попасть домой, чтобы успеть поставить готовиться ужин, и я... я воспользовалась ею, — она покраснела и сразу же продолжила: — вы могли бы отвезти её обратно? И, по возможности, не сообщать папе...

Глазами девочка уперлась в блестящие от сала сапоги усатого полицейского, и вся осанка её приобрела такой виноватый вид, что мужчины переглянулись, вздохнули и направились к лодке. Тот, что был моложе, оглянулся и сказал ей через плечо, отвязывая лодку:

— Никаких проблем, мадмуазель Парфарес. Мы всё уладим. Хорошего вечера вам и вашему отцу.

— Благодарю вас, господа, — поклонилась мужчинам Герда и захлопнула дверь.

Она стояла, прижавшись к ещё хранившему тепло дня дереву и крепко держала ручку, не в силах выдохнуть. Затем, собравшись с силами, она медленно выпустила воздух и сделала шаг в сторону прихожей. Когда девочка уже пересекала помещение, она услышала скрип калитки за парадной дверью. Камердинер-ботинок встрепенулся и дёрнулся к двери. Герда в испуге застыла на полпути к подвалу.

Очнувшись буквально через мгновение и быстро оправив платье, она сделала шаг к двери ровно в тот момент, как оживлённый открыл её. На пороге появилось усталое полное лицо Гоха Парфареса, начальника полиции города. Увидав дочь, он тут же улыбнулся, пусть и с трудом, но искренне раскрыл объятия, Герда бросилась к отцу.

— Тебя не было двое суток, — проворчала девочка в плечо отца, присевшего, чтобы обнять дочь.

— Знаю, знаю, милая, — хлопая её в ответ, пробурчал начальник полиции, — сумасшедшие, просто сумасшедшие дни.

Он поднялся и, кряхтя, скинул китель в руки ботинка-камердинера.

— Завтра вставать ни свет, ни заря, — покачал он головой, — представляешь, эта безумная тварь проглотила руну.

— Какая?

— Грифон! — поднял брови Парфарес. — И откуда они взяли грифона... Они будут вскрывать его, и утром я, о луны, именно я, лично, должен забрать её и отвезти в Культ этому сосунку, занявшему место Септа.

Гох, ворча, стал подниматься по лестнице вверх.

— Я хочу на пенсию, — проныл он, расстёгивая жилетку, из которой вывалился огромный живот.

— Папочка, так уходи, — просияла Герда, смотревшая на него снизу, схватившись обеими руками за перила.

— Не могу, дочка, не могу. Слишком многое на мне. Да и не отпускают с таких должностей. Только сдохнуть мне осталось в моём вшивом кресле, — причитал Парфарес, тяжело поднимаясь по ступенькам.

— Папочка, не говори так. Я расстраиваюсь, — опустила глаза девочка и после паузы добавила: — ужин на столе.

— А ты разве не пойдёшь со мной? — удивился начальник полиции, оглядываясь на дочь, — мне бы так приятна была твоя компания.

— Чуть позже, папуль, я приду к тебе, — потупила взгляд Герда, — надо закончить кое-что.

Отец печально пожал плечами и удалился в столовую.

Герда подождала, пока его грузное тело плюхнулось в обеденное кресло и взялась за ручку двери под лестницей. Дернув её, она прошептала в проём под петлёй:

— Это я, откройте.

За дверцей звякнул засов, и девочка быстро дёрнула её на себя. Из темноты на неё смотрело дуло пистолета и двумя бликами светились глаза Снорри.

— Ну ещё возьми и выстрели в меня, — зло прошептала Герда, отпихивая здоровяка от двери и закрывая её изнутри.

Они спустились вниз по узкой лестнице, резко поворачивавшей на середине и заканчивавшейся небольшим помещением, освещённым тусклым светом сердечных ламп. Подвал разделялся коридорами на несколько складов, где хранились запасы еды и питья. В одном из коридоров виднелась тень обезьянки, внимательно следившей за вошедшими. Герда подошла к Лиле и обняла её, присев, как обнял её саму отец за несколько минут до этого.

— Как я рада тебя видеть, — произнесла она, закрыв глаза и прижав её к себе.

Обезьянка ничего не ответила, смущенно забегав глазами и неуклюже похлопав девочку по спине в ответ.

— Но что, красная луна, вы здесь делаете? — серьёзным голосом произнесла девочка и нахмурилась.

— Это я их сюда привела, — ответила Ли́ла, отстраняясь.

Герда удивлённо уставилась на обезьянку.

— Нас кто-то предал, — прогремел за её спиной голос Снорри.

— Я уже слышала, — кивнула девочка.

— Про нашу команду не знали, — пробулькал Рауд, примостившийся на бочке, — а вот команду Лео схватили. Его самого казнили. Герда замерла.

— Они знают о системе оповещения, — кивнула Ли́ла, — на сигнальные ракеты теперь слетаются полиция и Культ. Радио глушат. Мы проверили, прежде чем я решила вести их сюда.

— Нам надо выбраться, — заключил Снорри, присаживаясь на холодную землю.

Герда покачала головой, подняла здоровяка за руку и пересадила на скамейку, выдвинув её из-за бочек.

— Отец говорил о грифоне, — растеряно произнесла девочка, присаживаясь рядом со здоровяком.

Снорри и Рауд переглянулись.

— Его... — Герда сглотнула, — он проглотил руну. Отец полетит забирать её после вскрытия.

Оживлённый вышел из тени и встал напротив девочки.

— Где это будет? — неожиданно для всех, даже для самого себя, решительным голосом спросил Гудди.

— Не знаю, — пожала плечами Герда, подняв на него глаза.

— А ты можешь узнать? — продолжал настаивать оживлённый.

— М-м-м, наверное, — нахмурилась девочка.

— К чему ты клонишь? — спросил Рауд.

— Это наш шанс, — сверкнул глазами Гудди.

— Если мы окажемся там, ей конец, — хмыкнул Снорри.

— Тебе надо идти с нами, — сказал оживлённый.

Герда удивлённо смотрела то на него, то на Лилу, то на здоровяка.

— Подождите. Нет. А как же отец? Что вообще происходит? Вы являетесь сюда и говорите мне...

Она замолчала.

— Это всё ради Сердца, — произнёс Гудди, оглядывая собравшихся, — смерть Лео, это же не просто так.

Он стукнул себя кулаком в грудь.

— Прямо сейчас нам выпадает шанс проскользнуть в захлопывающиеся двери. Как вы не видите?

Все молча смотрели на него так, словно видели в первый раз.

— Это ведь не случайно. Мы здесь, все вместе, мы знаем, — он поймал взгляд Герды, — точнее, скоро узнаем, где будет руна. Они ждали Лео, но они не будут ждать нас. Это наш шанс.

Гудди замолчал и опустил руку от груди.

— Я согласна, — произнесла Ли́ла, подходя к оживлённому, — он говорит дело. Другого шанса может не быть. Те, кто действуют против нас, сейчас не знают, что мы здесь, а ей, — она посмотрела на девочку, испуганно оглянувшуюся на обезьянку, — я верю.

— А я нет. В этом мерцающем свете вы уже вполне похожи на трупы, — произнёс Рауд, плавно сползая с бочки и подплывая к ним, закрыв раненым щупальцем глаза, — но я с вами.

Все оглянулись на Снорри. Он сидел и смотрел перед собой на рог, который всё ещё продолжал стругать после возвращения из пустошей.

— Принимая во внимание всё случившееся, я бы ни с одним из вас не согласился идти на дело, даже если бы только я шёл на дело, а вы просто наблюдали из-за укрытия, — глухо произнёс он, снимая ножом глубокий слой дерева. — Но даже если нас снова будут ждать именно там и ты, деревяшка, всё-таки «око», как я подозревал с самого начала, я готов рискнуть, потому что другого выбора у меня просто нет.

— Значит, по рукам? — воодушевлённо спросил Гудди, протягивая вперёд свою руку.

— Я это не одобряю, но благословляю, — ответил ему Рауд, кладя свой щупалец на деревянную кисть оживлённого.

— Прекрасно, — кивнула Ли́ла, поднимая к ним свою лапку.

— По рукам, — улыбнулась Герда, с тревогой и надеждой смотря в сверкающие глаза Гудди и крепко сжимая его руку.

— Мда, — усмехнулся здоровяк, потирая затылок.

Он уронил свою ладонь на их сложенные кисти, и они опустились до самого пола, пока он не схватил и не поднял их всех обратно.

— По рукам, — прохрипел Снорри.

Все вновь замолчали, слушая треск сердечных ламп, торжественно и впервые за долгое время с переполняющим чувством надежды.

— Ну, я пойду к отцу, — произнесла девочка, как-то сразу посерьёзнев и убрав свою руку.

— Да, — кивнул Рауд, — разузнай, где и во сколько.

— Угу, — кивнула Герда и исподлобья взглянула на Гудди, не сводившего с неё взгляда.

— Я постараюсь принести вам матрасы и одеяла, когда отец уснёт, — произнесла девочка смущённо.

— Нам нужен транспорт, — напомнила Лила.

— Да, — задумалась Герда, — но давайте по порядку. Сначала отец, потом всё остальное.

— Хорошо, — согласилась обезьянка.

Девочка поспешила по лестнице вверх.

— Я скоро, закройте за мной, — громким шёпотом бросила она через плечо и исчезла в темноте, скрипнув дверью.

Рауд подплыл к оживлённому и стукнул его щупальцем по плечу.

— Ну, кто у нас теперь Капитан Деревяшка — спаситель Сердца и похититель женских сердец? — смеясь, пробулькала он.

Оживлённый смущённо опустил на скамейку и уставился на рог осьминога.

— Растёт, — констатировал он.

Рауд бросил на него недовольный взгляд и уплыл в темноту.

Глубокой ночью в дверь постучали, и Гудди, сидевший на страже, очнулся, но не сразу сообразил, что слышит шёпот Герды.

— Это я, открой.

Он отпер дверь и встретился лицом к лицу с девочкой.

— Пойдём, — кивнула она вбок, — отец наконец уснул.

Гудди поднялся и последовал за ней, аккуратно прикрыв за собой дверь. В прихожей всё ещё стоял камердинер с лицом ботинка. Гудди вопросительно посмотрел на него, но Герда лишь махнула рукой.

— Это дуболом, не обращай внимания.

— Доболом? — переспросил Гудди.

— Так называют тех из вас, — уточнила девочка, ведя оживлённого за собой к задней двери, — кто не может до конца пробудиться.

Гудди оглянулся. Глаза, торчавшие на месте шнурков на лице камердинера, не выражали никаких эмоций.

— Кажется, я понимаю, о чём ты, я сам был таким.

Они вышли к причалу, и Герда повела его вдоль кромки воды к соседнему дому.

— Да, некоторые просыпаются, а некоторые нет. Лила тоже была просто моей игрушкой, — кивнула Герда, оглядываясь на Гудди, — а теперь она такая взрослая, я прямо чувствую эту разницу.

— Твоя игрушка? — удивился оживлённый.

— Да. Это было лет десять назад. Я была совсем маленькой. Как только отец узнал, он заставил меня выгнать её, иначе, по закону, Лилу должны были сжечь в сердечной печи. Я так умоляла его, что он согласился её отпустить. Если бы не его работа, он был бы святой...

Девочка подвела оживлённого к забору из кустов. За ним виднелась освещённая лужайка.

— Но Лиля вернулась и отвезла меня с собой в Свободный город. Она поверила в меня.

Девочка вытерла наполнившиеся слезами глаза.

— Я так ей благодарна за всё. Вот только сейчас я чувствую такую огромную дистанцию между нами.

— Это неудивительно, — кивнул Гудди, — она почти сгорела в одной из печей.

— Я знаю, — тихо ответила Герда и замолчала.

Они посмотрели друг на друга, и во взгляде обоих промелькнула неуловимая неловкость, которую оба тут же захотели заполнить.

— Я...

— Ты...

Они рассмеялись.

— Там, в гараже, — сказала Герда, отвернувшись и направив взгляд в темноту за лужайкой, — стоят два спортивных летающих мотоцикла. Я не очень хорошо умею управлять ими.

Гудди моргнул.

— Тебе надо обойти вон там, — указала она на видневшиеся по правую руку аккуратные аллеи с цветами, — справа. Код от гаража 3826.

Оживлённый восхищённо посмотрел на девочку.

— Я любознательная, — улыбнулась Герда.

— Я не лучший пилот на свете, — прозвенел Гудди с волнением.

— Уж лучше, чем я, — кокетливо пожала плечами девочка.

Оживлённый без особых проблем прокрался по кустам к гаражу, но нашёл механическую панель для разблокировки кодового замка далеко не сразу. Его почти выплывшие за прошедший день нарисованные глаза плохо видели в потёмках. Нащупав деревянными пальцами цилиндрические барабаны с цифрами, он долго ещё наощупь разбирался в гравировке на холодном металле. Но вскоре замок поддался и что-то щёлкнуло с другой стороны. Цепь с металлическим грузом мягко опустилась, и дверь гаража поехала вверх, открыв его взору два острых силуэта внушительного размера — это были мотоциклы с крупными двигателями старой сборки. Показав рукой Герде, что всё в порядке, Гудди, поскрипывая, двинулся к мотоциклам.

Обе машины были накрыты плотной материей, и оживлённому понадобилось время, чтобы отвязать узлы, крепившие её к кольцам на полу. Когда же он наконец забрался на

здоровый бак для сжигания сердечной пыли, положил ногу на педаль газа и, схватившись за руль, нащупал кнопку зажигания на одной из летающих машин, то обнаружил, что топлива совсем нет и двигатель даже не отзывается привычным урчанием на попытки запуска. Гудди растеряно развёл руками, надеясь, что Герда увидит его, и принялся осматривать помещение. Лишь когда он чуть не уронил выхлопную трубу, лежавшую на груде пустых бочек, он заметил движение возле двери. Герда неуверенно вошла в гараж, оглядываясь по сторонам. Гудди вернул трубу на место и помахал девочке.

— Нет топлива, — сказал он тихо, когда та на цыпочках подошла к нему.

Герда огляделась и, не найдя никаких признаков сердечной пыли, с опаской посмотрела на дверь в жилые помещения. Гудди вздохнул, отыскал масло, смазал себя, нарисовал себе новые глаза кончиком пальца и медленно двинулся к двери, где ждала его девочка.

За дверью оказался полутёмный коридор с лестницей на второй этаж. Две большие арки вели из него в зал с круглым столом и гостиную, где горела масляная лампа и слышен был храп. Герда молча указала Гудди на второй этаж. Он вопросительно взглянул на неё, но спорить не стал, и, пригнувшись, последовал за ней. Ступеньки предательски скрипели и двигаться приходилось предельно аккуратно. На втором этаже в дальней комнате горел алый свет сердечной лампы, слышны были спорящие голоса. Герда показала именно туда, и оживлённому лишь осталось повиноваться.

— Мы так никогда не заработаем, — строго говорил молодой голос, — всё, что ты предлагаешь, слишком узко, мы должны бить по большой аудитории.

Девочка тем временем прокралась к самому краю комнаты, где горел свет и, достав из кармана платья маленькое зеркальце, заглянула внутрь. Внутри сидели двое ребят примерно её возраста перед картонным макетом сцены. Похожие друг на друга как две капли воды, они, тем не менее, спорили.

— То, что ты предлагаешь, лишает всю затею какого-либо смысла. Зачем нам Теон? Мы что этим хотим сказать?

Герда улыбнулась и показала подползшему Гудди лица соседей. Ничего не говоря, она кивнула на комнату напротив, куда еле доставал красный свет лампы. Но даже в нём оживлённый разглядел канистры с сердечной пылью, плотно закрытые, они светились, наполняя комнату алым свечением. Гудди вопросительно указал на отражение в зеркале, но Герда махнула рукой, давая понять, что соседи крайне увлечены и не заметят его.

Гудди моргнул масляными глазами, кивнул и медленно двинулся к канистрам.

— А ты предлагаешь звать этих неизвестных, но талантливых погорельцев из Старого квартала? Их же никто не знает. А в задании, если ты помнишь, есть не только развлекательный, но и экономический раздел. Теон — идеальный вариант, на него придут и без рекламы.

— Только потому, что отец всё нам устроит, не значит, что можно этим пользоваться на каждом шагу, — возразил второй.

Гудди замер с канистрами в руках, потому что один из близнецов посмотрел прямо на него. Но тут же отвернулся и продолжил спор. Оживлённый постоял на месте какое-то время, а потом двинулся к девочке, с замиранием сердца следившей за ним у стены.

Они спокойно добрались обратно до лестницы, но стоило Герде спуститься на первую ступеньку, как внизу раздался звук поднимающегося с дивана грузного тела. Винты у Гудди в голове завибрировали, и он дёрнулся вправо, открыв первую попавшуюся дверь, Герда нырнула за ним, как раз в тот момент, когда тяжёлые шаги невидимого хозяина, кряхтевшего и охающего, послышались на лестнице. В комнате, где они оказались, Герда прижалась к Гудди с такой силой, что он чувствовал, как дрожит её тело. Шаги остановились напротив них, и низкий голос произнёс:

— Мальчики, ложитесь спать. Завтра закончите.

— Да, пап! — в унисон ответили близнецы.

— Смотрите у меня, а то маму разбужу.

— Не надо, па-ап, — так же в унисон затянули детские голоса.

Рука взялась за ручку двери, за которой сидели Герда и Гудди. Герда сглотнула и закрыла глаза. Её пальцы с такой силой впились в деревянный локоть оживлённого, что он почувствовал, как по его руке течет тоненькая струйка крови из-под ногтя девочки. Рука неизвестного приоткрыла на мгновение, а затем плотнее захлопнула дверь в комнату, где они сидели. Послышался звон металла, затем два поворота ключа — и шаги медленно удалились по лестнице дальше вверх.

— Влипли, — прошептала Герда.

С трудом поднявшись, она попробовала запертую дверь, а затем на цыпочках подошла к окну. Комната, где их заперли, находилась как раз над гаражом. За оградой виднелся дом Герды, где в окне напротив, храпел прямо за столом её отец.

— Почему у вас столовая на втором этаже? — шёпотом спросил Гудди.

— Чтобы отцу из спальни удобнее было ходить, — хмыкнула Герда и открыла окно, — похоже, у нас нет другого пути, — произнесла она, посмотрев вниз, туда, где покатая крыша гаража спускалась к кустам, — хорошо, что прыгать невысоко.

Она вылезла на черепичную крышу и приняла от Гудди обе канистры. Прислонив их к стене дома, она поманила за собой оживлённого.

— Давай, не бойся.

— Я не боюсь, — обиженно прозвенел Гудди, вылезая.

В последний момент он бросил взгляд назад и застыл в проёме окна. На постели лежала средних лет женщина с растрёпанными волосами и смотрела прямо на него.

— Ну, что ты там? — рассерженно прошептала Герда и подняла голову, — не обращай внимания, — девочка требовательно дёрнула оживлённого за ногу, — она не может двигаться и говорить уже много лет.

Гудди помотал головой.

— Ты следишь за всеми соседями? — саркастически спросил он, пока они сползали по крыше гаража вниз.

— Я дочь начальника полиции, — вздёрнув нос, заметила Герда и, ловко спрыгнув вниз, приняла из рук оживлённого сердечную пыль.

Гудди долго старался придумать, как бы ему слезть, не наделав шума. В итоге он свесился с крыши и легонько звякнул о бетонное покрытие. Оба вора ненадолго притихли, прислушиваясь к голосам близнецов, всё ещё доносившихся со второго этажа, и, убедившись, что их не услышали, вернулись в гараж.

— Придётся подождать, пока они не уснут, — прошептала Герда, когда они заправили обе машины, — хорошо, что мы не стартовали сразу, — виновато заметила она, — извини, я не подумала об этом.

— Сердце нас бережёт, — улыбнулся Гудди краями своего забрала.

— Ты уверен? — улыбнулась в ответ девочка.

— Да.

— А я нет, — грустно ответила Герда, сложив руки на груди и тяжело вздохнув.

— Ты ненавидишь? — удивился Гудди.

— Нет, я злюсь, — нахмурилась она, — все навязывают мне своё видение мира. Сердце то, сердце сё, мы все его часть. А у меня нет своего представления. Чужие слова не устраивают меня.

— М-м-м... — задумался Гудди, — у меня его тоже нет. Но бывают такие моменты...

— Вам, оживлённым, проще. У тебя осколок в груди. Часть Сердца в тебе. Как и в этих мотоциклах. Они двигаются благодаря его энергии. Пусть и рассеянной ветром по всему миру. Но люди отделены ото этого. Не связаны. И мне стыдно за нас. За себя, что я ощущаю эту отделённость и не могу ничего поделать.

Она замолчала и с вызовом взглянула ну Гудди.

— Прости, — её взгляд сменился на извиняющийся, — я что-то перенервничала. Я ставлю на кон свою судьбу. Так трудно. Папа. Не могу думать об этом. Скорей бы уже улететь отсюда.

— Скорей бы... — кивнул оживлённый. — Скажи, я так понимаю, у меня нет шансов стать человеком?

Девочка тихо засмеялась и закрыла рот рукой.

— А зачем тебе? — спросила она, едва сдерживая смех.

— Осьминог сказал, что наши с тобой отношения обречены, потому что у меня нет рта.

Герда рассмеялась.

— Вот все так реагируют, когда я про это спрашиваю. А я даже понять не могу, какие отношения. И разве ты не говорила, что тебе нравится, что у меня нет рта?

Девочка никак не могла перестать смеяться и даже присела, крепко закрыв руками рот, чтобы прийти в себя.

— Я бы только хотел узнать, что это такое, когда есть кожа. Это интересно, — растерянно произнёс оживлённый и отвернулся.

— Не сердись, — прошептала Герда, поднимаясь, — просто это и правда очень смешно.

— Буду знать, — пожал он плечами.

Отряхнув платье, она подошла к нему и обняла. Гудди почувствовал, как в центре груди его зажёгся огонь, сразу же расширившийся и соединившийся с другим источником, исходящим от его спутницы. А затем огни слились в один. И это было самое приятное, что он когда-либо ощущал.

— Я недавно понял, что значит потерять, — произнёс он, отстраняясь. — Я потерял друга. Его убили на моих глазах.

— Смерть — наш единственный настоящий учитель, — тихо произнесла девочка, спуская руки с его плеч. — Когда умерла мама, я быстро почувствовала, как мне стало невероятно скучно со сверстниками. Не хотелось больше играть в их дурацкие игры, сплетничать, ничего больше не хотелось.

— То, что тебе надо сделать сейчас, похоже на смерть? — спросил оживлённый, оглянувшись на храпящего на втором этаже отца девочки.

— Да, — кивнула Герда, — очень. Это значит — потерять всё сразу.

Она замолчала и взглянула на диск пятой луны, показавшийся из-за шпилей на краю озера.

— Я так долго ждала этого, что теперь... страшно. Страшно, когда надо делать то, к чему так долго готовился. Я знаю, что предам отца. Но я делаю это для всех. И для него тоже. Я просто не представляла... не представляла, что это так... больно. Говорят, чтобы в жизнь вошло что-то новое, нужно сначала отказаться от старого. Красная луна, сколько всего говорят.

— Иногда ничего не нужно, — усмехнулся Гудди и положил руку на ручку газа. — Иногда тебя просто сбивает мотоцикл.

Девочка улыбнулась и выглянула за дверь.

— Свет погас, — прошептала она, — давай ещё несколько минут подождём и можно.

— Хорошо, — согласился Гудди.

— Сердце болит, — произнесла девочка, пряча глаза от стеснения.

— Значит, оно есть, — тихо ответил Гудди.

— Да-а-а, — протянула она с сомнением, — мне всё же очень страшно за отца. Правильно ли я поступаю.

— Он — потерять всё сразу? — спросил Гудди.

— Я люблю его. Он милый, тёплый, заботливый. Он работает на ужасных людей и знает это. Он говорит, что иногда ему удаётся обмануть их и сделать что-то хорошее. Он вынужден.

Герда замолчала и присела на корточки.

— Любить и потерять похожи? — спросил оживлённый, когда молчание вновь затянулось.

— Нет, — замотала головой девочка, — любить... это, — она засмузилась и опустила глаза, — это как испытывать радость, а потерять — как испытывать боль.

— А если я испытывал радость до того, как потерял?

— Значит, ты любил, то, что потерял.

— Я любил Лео, — задумчиво произнёс Гудди.

— А я люблю отца, — склонила голову Герда, — разве это справедливо — просить предать самое дорогое?

Из её глаз полились слёзы. Словно выпавшие из шкатулки драгоценные камни, они разбились сверкающей россыпью осколков о тёмный каменный пол.

— Лео умер за то, за что ты боишься отдать отца, — сказал Гудди.

Он сам не ожидал услышать от себя эти слова. Такие обжигающе ледяные, словно ветер, подувший в гараж. Герда поёжилась, взглянув на пятую луну, разросшуюся на горизонте в огромный розовый шар.

— Красная луна, — прошептала она, — знак трудностей и отчаяния.

— Случайностей не бывает, — повторил Гудди слова Барона.

— Случайностей не бывает, — повторила Герда.

Глава 29

Альберт Роя сидел, укутавшись в одеяло ранним утром дня Лунной Улыбки Северного Креста, также известным как день Красных Лун, в своей кровати, закрытой балдахином. В эти дни холода на верхнем ярусе становились по-настоящему колючими, и на его жителей нападало сонное и меланхоличное настроение. Камин давно погас и вылезать не было никакого желания. Герцог давно потерял счёт времени, и ему казалось, что прошло уже как минимум несколько вечностей.

Дверь, ведущая в кабинет, скрипнула.

— Я занят, — произнёс он и накрыл голову одеялом.

Степаш, выглянувший было из-за двери, спрятался снова. Послышалась какая-то борьба, и вновь раздался скрип.

— Я сказал: нельзя, — прогнусавил Степаш в панике, а затем вскрикнул: — маленькая дрянь!

Балдахин раскрылся, и холодный свет проник в убежище Альберта вместе с юным лицом девочки в сером платье.

— Привет, печальный герцог, — произнесла она, вырываясь из костлявых рук Степаша, тянувшихся за ней под балдахин.

— Отпусти её, — приказал Роя.

Руки привратника послушно исчезли, и девочка зло оглянулась в его сторону, поправив волосы.

— Спасибо, печальный герцог, — кивнула она, повернувшись обратно к Альберту.

— Почему ты называешь меня печальным? — нахмурившись, спросил мужчина.

— Тебя лишили твоей силы, и теперь ты грустишь, — ответила Мита, пожав плечами. — Просто обвели вокруг пальца. Но ты это и сам знаешь.

Сверло поднял голову и внимательно посмотрел на девочку.

— Не удивляйся тому, что я знаю, печальный герцог, — ответила она на его немой вопрос, — я вижу дальше, чем многие проникают мыслью.

Только сейчас Альберт заметил, что с её глазами что-то не так. Они не перепрыгивали с детали на деталь, как глаза других людей — это он хорошо изучил за свою службу. Её же перемещались ровно, словно только создавали видимость зрения.

— Ты догадлив, печальный герцог, — кивнула Мита, — в отличие от моих спутников.

Роя усмехнулся.

— Ты дочь того, длинного?

Девочка подумала и кивнула.

— Я пришла просить тебя помочь мне, а взамен я предложу то, чего так не хватает тебе.

После опустившегося с макушки к вискам приступа головной боли Альберт медленно моргнул, подтверждая, что внимательно её слушает.

— Я должна дать это твоему правителю, — произнесла она и достала из маленькой тряпичной сумочки, перекинутой через плечо, банку с тёмного цвета листьями.

Альберт улыбнулся и спросил с иронией:

— Ты предлагаешь мне передать это Узурпатору Тэмену?

— Нет, я хочу, чтобы он съел это, а заставить его сделать это могу только я, печальный герцог, — покачала головой девочка, — хотя, — она погрустнела, — представляю, как твой враг поработал над тобой.

Роя посерьёзnel.

— То, что ты предлагаешь, похоже на государственную измену, — произнёс он, сдергивая с себя одеяло и вылезая в боковой проём из-под балдахина, — тем более, нелепо и даже комично получать такие предложения от маленькой девочки, дочери стражника. Сверло рассмеялся неестественным смехом, подходя к окну и поёживаясь.

— Ты чувствуешь, что мне надо помочь, — раздался из-под балдахина голос девочки, — всё твоё естество за то, чтобы мне помочь.

— Что за чушь ты несёшь? — разозлился Альберт и топнул ногой. — Я сейчас крикну Степаша, и этот разговор окончится!

Входная дверь легонечко скрипнула, намекая на то, что привратник послушно ждал приказа.

— Закрой дверь и не смей подслушивать, — раздражённо крикнул Роя вслед удаляющимся шагам.

— Видишь, печальный герцог, — тихо произнесла девочка, но не успела закончить, потому что обратно в комнату ворвался Степаш.

Сверло обернулся к нему с праведным негодованием в глазах, но перекошенное от ужаса лицо привратника заставило герцога застыть в немом вопросе.

— Там, — затрясся от напряжения Степаш, — особые поручения!

На этих словах за его спиной появился Париц в расшитом мехом пальто Культа.

— Приветствую вас, герцог Роя, — поклонился он Альберту.

— Доброе утро, — холодно ответил Сверло.

Он хотел спросить про основания вторжения, но остановил себя, потому что сам же прекрасно знал, что начальнику отдела особых поручений Культа не нужны основания.

— До меня дошли слухи, — начал Париц медленно, подходя к окну, — что в ваши руки попал некий дневник.

В проёме двери краем глаза герцог увидел, как культисты в серых робах роются в его столе.

— Не понимаю, о чём вы, — пожал плечами Альберт. — Смотрю, вы уже освоились в должности, держитесь молодцом, холодный взгляд...

— Прекратите ваши шуточки, герцог, и отвечайте на вопрос, — зло ответил новый начальник отдела особых поручений, — я знаю, что дневник у вас.

— Ищите, — развёл руками Роя, — заодно окажете мне услугу и вытащите весь этот старый хлам с полок.

Париц сверкнул глазами и подошёл к балдахину.

Отдёрнув его, он подняв брови и, постояв несколько секунд в нерешительности, с презрением оглянулся на герцога. Роя удивлённо посмотрел на пустой край постели, где только что сидела девочка, а затем поднял невозмутимый взгляд на Парица, тут же принявшегося отдергивать остальные шторы и рыться в постельном белье.

Через час хмурый и уставший начальник отдела особых поручений улетел — ничего не найдя, но оставив в библиотеке замка нескольких служителей, с усердием принявшихся перебирать книги и скидывать в стопку запрещённые или подозрительные экземпляры. Схватившийся за голову Степаш прибежал к уже завтракавшему герцогу и, бросившись в ноги, залепетал:

— Ваше Сиятельство, предайте вы, пожалуйста, этих проклятых детей красной луны.

Альбер проглотил омлет и поднял брови.

— Что они делают! Книги, книги! Это библиотека вашего батюшки! Последнее, что осталось! Они же казнили! Казнили ваших родителей. Я вас умоляю.

Привратник зарыдал.

Герцог закончил завтрак, вытер губы белым платком и, похлопав старика по плечу, направился обратно в свой кабинет.

Там его ждал Ручи, растерянно проводивший взглядом Альберта, когда тот проследовал по сваленным стульям и обломкам разбитых статуй.

— Да, вот так приходится работать, — пожал плечами Роя, опускаясь на пол рядом со столом и шаря рукой по ковру.

Недоумевающий стражник смотрел, как герцог ползал, хлопая ладонью, пока не вскрикнул:

— Ага!

Он поднял что-то с земли и, только когда он встал и похлопал ладонью о пустоту, в руках его появилась перевязанная веревкой книга для личных записей.

— Я спрятался вместе с рыбаком в гробу, в зале для танцев, — пробормотал стражник, — но Блоп не поместился, и Культи его забрали.

Альберт посмотрел на него и только сейчас заметил паутину на его одежде.

— М-м-м, — протянул герцог и сел в кресло, похлопывая книжкой себя по коленке, — плохо дело. Из таких мест по своей воле не возвращаются.

— Не волнуйся за своего друга, — произнесла вошедшая в кабинет Мита, — он позаботится о себе сам лучше, чем кто-либо из нас.

— О, луны, как же я устал от всего этого, — схватился за голову стражник и сел на перевернутый стул.

— Почему они забрали его, но не нашли тебя, — задумчиво спросил Сверло, — перебирая края страниц дневника.

— Они, как и ты, не видели меня, — ответила девочка, — я могу находиться между зонами внимания людей.

— Как твоё имя? — спросил Альберт и впервые за день улыбнулся.

— Мита, Ваше Сиятельство, — поклонилась девочка.

— Как, уже не печальный герцог? — усмехнулся Сверло.

— Нет, уже нет, — ещё раз поклонилась Мита.

— Ты знаешь... э-э-э, — наморщился Роя, пытаясь вспомнить имя стражника.

— Ручи, — подсказал тот.

— Ты знаешь, Ручи, твоя дочь — удивительный экземпляр, — произнёс он, хлопнув себя дневником по коленке.

— Она не моя дочь, — грустно ответил стражник.

— Тогда это всё ещё интереснее, — пожал плечами герцог.

— Если очень коротко, то моя бабушка, да возблагодарят её луны, — начала девочка, вскинув обе ладони вверх, — призвала события, привлекая этих людей к нам, чтобы я могла отправиться и завершить начатую моими предками работу.

Сверло внимательно изучал профиль девочки, на который падали блики восходящих солнц.

— Это искусство передаётся от бабушки к старшей внучке, и вся остальная семья не имеет права знать. Мы провожаем тех, кто задержался в этом мире в «море слёз». Нашей работе много тысяч лет.

— Да-а-а, — медленно произнёс Роя после долгой паузы, — не ожидал я, что столкнусь с «ведьмами времени».

Он встал и прошёлся к окну.

— Про этих идиотов «некромантов» я ещё слышал, но вот про вас не было слуху уже..., — Альберт задумался, поглядывая на разбитую статуэтку целующихся скелетов.

— Со времен предания нашей секты ереси, — подсказала девочка.

— Да, — покачал головой Сверло, соглашаясь.

— Ну и дела, — подал голос Ручи.

— И не говори, — наморщился Роя, подходя к двери, ведущей в коридор к лифту, и дергая её со всей силы.

В кабинет нелепо выкатилось тело привратника.

— Не губите, не губите, Ваше Сиятельство, — залепетал Степаш, — хотите казните меня, но давайте вступим в эту секту, если они поджарят Узурпатора и всю его свору. Пожалуйста.

Старик вновь расплакался. Альберт постоял над ним и, покачав головой, вернулся в кресло, бросив на стол дневник.

— И почему ты думаешь, что мы все тут тебе поможем? — спросил герцог, потирая лоб.

— Потому что бабушка не могла ошибиться, — улыбнулась девочка.

Все замолчали, и стало слышно только хныканье привратника.

— Я прошу не за просто так, — спокойно продолжила Мита, поправив свою сумочку, — на тебе, герцог, лежит заклятие. С его помощью твой хозяин сделал так, что, как бы ты ни смотрел, ты не увидишь правды. Посмотри же теперь.

Она достала из сумочки какую-то колбу, высыпала из неё на тыльную сторону ладони жёлтую пыльцу и подула на Альберта. Тот чихнул и поморщился. Затем медленно обвёл взглядом окружающих, встал, схватил со стола дневник и скрылся в своих покоях.

— Пойдём, мне нужна твоя помощь, — обернулась девочка к стражнику.

Скутер с Ручи и Митой на борту приземлился на пересечении канала и Переулка Слепых. Спрятав его на углу под дурно пахнущим тряпьем, они направились к дому с когда-то красной дверью. Выбитые стёкла были наспех заколочены ими ещё в первые дни обитания в доме, принадлежавшему когда-то младшему технику Галахад Вульфи, а теперь на входе сиял крепкий новый замок, ключ от которого сержант снял с шеи, вставил в замочную скважину и повернул два раза.

— Осторожно! — воскликнула девочка.

Ручи обернулся, но ничего опасного не заметил. Лишь инстинктивно он прижался вместе с Митой к двери — и в тоже мгновение в Переулке Слепых послышался топот ног и на канал хлынул поток людей, в страхе разбежавшихся в разные стороны. Кто-то даже нырнул в грязную воду. Ручи выглянул в переулок и увидел несущегося на коне чёрного рыцаря с копьём, направленным прямо на них.

Стражник подпрыгнул и вместо того, чтобы спрятаться за дверью, схватив девочку, бросился вдоль канала в сторону верхних врат. Рыцарь, шипя струящимся из него дымом, выскочил на набережную, поворачивая и тормозя своей огромной лошадью, заскользившей по брусчатке, как картечь, вылетающей из-под её металлических копыт. Сержант в два прыжка оказался у железнодорожного моста и свернул на лестницу, ведущую к рельсам. Свист паровоза возвестил о приближающемся из тоннеля напротив составе, и Ручи приготовился вскочить на него, когда внизу появилась фигура рыцаря, правившего лошадь точно вслед за ним. Стражник подпрыгнул от страха, схватил Миту подмышку и вскочил на ступеньку кабины машиниста на появившемся из темноты паровозе. Рыцарь поднялся, схватился за вагон с углём, следовавший сразу за кабиной, и остановил состав. Ручи и Мита упали внутрь кабины, перепугав машиниста. Его кепка полетела в топку, а вслед за ней посыпался уголь из поднимаемого в воздух рыцарем вагона. Огонь в топке полыхнул от избытка топлива, и печь начала раскаляться. Ручи моргнул, перегнувшись, он выпал в противоположную дверь и оказался на крыше сторожки обходчика путей. С неё он чудом спрыгнул на лестницу с противоположной стороны моста, оказавшись ровно напротив силуэта чёрного рыцаря, выпрямившегося уже в полный рост и державшего вагон на руках. Стражник оглянулся на оставшийся слева раскаленный паровоз, из которого валил белый пар, и, не выпуская девочку, с разбегу прыгнул в воду под мостом. В тот же момент паровоз взорвался, разворотив несколько зданий вокруг вместе с частью моста.

Чудом не задетые градом камней, Ручи и Мита всплыли в нескольких метрах вниз по мутному потоку канала.

— Да... — пробормотал стражник, смотря на рушащиеся в горящий остов паровоза куски зданий.

Под вагонами началось какое-то шевеление.

— Скорей, — прокричала девочка.

— Вот живучая тварь, — присвистнул Ручи.

— Нет, этот всё, но идут другие, — сказала девочка, забираясь на плечи стражнику.

— Во что ты втянула меня? — прошипел сержант себе под нос, вынося её на причал для лодок.

Они выбрались из канала и долго брели, чихая от холода и пугаясь каждого шороха, пока не вышли по переулкам к Колизею, где было необычно много народу. В конце площади Ручи увидал нескольких чёрных рыцарей на конях.

— Эй, — обратился он к ближайшему гладиатору, — что происходит?

— Еды нет, — ответил, повернув к нему окровавленное лицо, грустный здоровяк.

— Рыночек закрыли наш. А чёрные бандуры, — махнул он рукой в сторону рыцарей, — не пускают к лифту, что мы использовали для подвоза продовольствия с верхних складов. Район закрыли. Был бунт. Самые отчаянные, у кого осталось оружие, пытались прорвать оцепление. Но всех раскидали, как щенят.

Ручи оглянулся на грозных рыцарей, шеренгой закрывавших проход к воротам, за которыми виднелись шахты лифтов.

Мита тем временем поёжилась, снова чихнула, раскидала на красном от сердечной пыли песке ракушки, подобранные ею в канале, и приложила ухо к земле.

— Нам надо найти торговца семенами, — сказала она, — он сидел здесь, — указала девочка на пустое место на площади рядом с шатром с надписью «Улов с верхов». Внутри шатра виднелось грустное осунувшееся лицо женщины. Ручи взглянул на девочку, пожал плечами и подошёл к палатке.

— Ты случаем не знаешь, куда делся твой сосед, торговавший тут семенами, — спросил он привычным тоном стражника, не привыкшего получать отказы.

Но женщина лишь индифферентно сплюнула и даже не посмотрела в его сторону.

— Дочке нечего есть, а он мне должен, — пошёл на хитрость Ручи, вспомнив что он одет в гражданское.

— Мужа моего лучше найди, — злобным басом ответила женщина и оценивающе оглядела сержанта, — ты вроде в страже служил.

— У меня отпуск, — кивнул Ручи.

— Ну вот и найди дурака моего, рыбака.

— Его случайно не Расморе кличут.

— А то, — встrepенулась женщина, — где этот проходимец?

— Сначала скажи мне про твоего соседа, и я скажу тебе, где твой муж, — хмыкнул стражник.

— Сосед мой продал всё, что у него было перекупщику с верхнего базара, и слинял, — зло ответила торговка, — а теперь говори, где этот ублюдок.

— Постой, что за перекупщик?

— Да ходит тут, живёт прямо под ближайшей опорой проспекта Согласия. Там, где рухнули год назад мостки верхнего базара.

— М-м-м, — протянул Ручи, вглядываясь в темноту платформы, на чьём плече покоился средний ярус, и снова чихнул.

— Эй, не зарази меня, — возмутилась торговка, — где мой муж?

— Не говори ей, — дёрнула стражника за рукав Мита, — не нужно это ему.

Ручи взглянул на неё, взял девочку за руку и двинулся к Переулку Слепых.

— Эй! — завопила женщина, — стой! Прохвост! Гад! Где мой муж?

В шатре слышался грохот, и он сложился, накрыв торговку с головой.

— Красные луны вам и вашим детям! — вопила она, грохоча кастрюлями и сковородками, пока Ручи с девочкой не скрылись в переулке и не перестали её слышать.

— Расскажи мне лучше, кого мы ищем? — прошептал Ручи, крадясь между коробок по Переулку Слепых.

— Мы ищем последний источник жизни хозяина нашего герцога, — ответила девочка.

— Ну теперь всё понятно, — хмыкнул стражник, выглядывая из-за укрытия.

Возле дома магистра, ровно напротив места, где они спрятали скутер, стоял чёрный рыцарь.

— Нехорошо, — зло прошипел стражник себе под нос.

Со стороны моста на канале показался ещё один рыцарь и несколько культистов.

— Везёт нам сегодня, воистину день Красной Луны, — покачал Ручи головой, возвращаясь к двери, — прорываться не вариант, эти упыри сгребут нас на месте.

Он сел на ступеньки перед тёмной дверью и задумался.

— Хозяин герцога не человек, — сказала Мита, присаживаясь рядом, — он пришёл сюда издалека.

— Про кого ты говоришь? — нахмурился Ручи.

— Про того, кто взял на себя права смерти, — ответила девочка, закрывая глаза, — все, кто умирают в городе, попадают теперь к нему.

Стражник тяжело вздохнул, ощупывая руку, с трудом заживавшую после перелома.

— Тебя я спасла, потому что была рядом, и ты не умер. На тебе моя печать. Но остальных он ловит, и они становятся его рабами.

— Что за жуть, — затряс головой стражник.

— Настоящая жуть, — кивнула Мита, — вместо того, чтобы уйти в другой мир или раствориться в изначальном, все попадают в Эхо этого мира, где я тебя нашла, и там вынуждены служить ему.

— Мне прям что-то не по себе, — сказал Ручи и оглянулся на шум в сторону канала.

Но там ничего особо не изменилось, только культисты ушли.

— Но мы-то, кого ищем? — переспросил он.

— Его источник жизни, — повторила девочка, — он очень долго живёт, и тело его одряхлело. Чтобы продолжать, он вынужден питаться Сердцем. Но делать он это может только очень необычным образом. Сам он не может потреблять энергию сердца, потому что не от него рождён, но может делать это через кого-то, кто достаточно силён, чтобы её пропустить через себя.

— Я до сих пор не понял, причём тут мы.

Ручи чихнул и, испугавшись, прикрыл рот руками.

— При том, что последний, кого он выпил до конца, попал в петлю рождений. Он всё время рождается и умирает. И последний раз он родился здесь, в этом доме. Если я поймаю его, я прерву заклание, которое хозяин герцога наложил на попавшего в петлю несчастного, и хозяин потеряет тот запас сил, что получил от него.

— И умрёт? — уточнил стражник.

— И умрёт, — кивнула Мита, — и все, кого он поработил, окончательно умрут вместе с ним и отправятся в великое плавание. Так будет исполнена моя судьба. И я тоже смогу спокойно уйти, потому что не останется больше здесь дел для ведьмы.

— Это ты где всё узнала?

— Бабушка сказала.

— А если бабушка твоя не права? — спросил Ручи и снова чихнул.

— Бабушка Этут не ошибается, — покачала головой Мита.

Оба замолчали.

— Нам надо спешить, — добавила она грустно, — след остывает.

— Знаю, — стражник вскочил, подняв под собой сноп сердечной пыли, и тут же присел, испугавшись привлечь внимание рыцарей, — я знаю, как мы можем попасть на верхний базар.

Он схватил Миту за руку и побежал по переулкам в противоположную от железнодорожного моста сторону.

— Стриг я парочку контрабандистов, — улыбнулся он на бегу, — и у них были люльки, в которых они переправляли запрещёнку на верхний базар.

Свернув в один из переулков, пострадавших от обрушения Старого Квартала, он перетащил Миту через завал и вломился в маленькую дверь под лестницей. В помещении за ней сидело двое вору, игравших в «ом-ни-ма» на деньги. При его появлении они дружно залезли под стол.

— Не по ваши души, — весело прохрипел стражник.

Он провёл девочку мимо них в соседнее помещение, где находился дымоход, открыл крышку и заглянул внутрь трубы.

— Вроде всё ещё функционирует, — пробормотал он и обратился к девочке, — я туда не пролезу, но тебя поднять смогу. Придётся тебе самой. А я выберусь на скутере, как там станет потише, и найду тебя на базаре.

— Другого варианта ведь нет? — нахмурилась Мита.

— Если хочешь туда прямо сейчас, то нет, — покачал головой Ручи.

— Хорошо, — кивнула девочка, — что надо делать?

Длинный стражник усадил её в люльку, болтавшуюся в трубе, и надёжно закрепил ремнями, а сам принялся вращать корабельный руль, приделанный к стене. Зажурчал механизм, и люлька понесла Миту вверх под своды среднего яруса.

— Я приду за тобой, — крикнул ей Ручи. Девочка ничего не ответила и лишь закрыла глаза, крепче схватившись за веревки.

Гудди висел над пустотой под длинным пирсом, служившим главным воздушным причалом для Института Чудес, большого проекта Культа, призванного восстановить магическое творение, каким оно было изначально, до раскола. Это было большое здание позднего имперского стиля. Лучшие умы Культа и магистрата трудились в нём, что уже само по себе не делало ему хорошей репутации. Но здесь была и медицинская лаборатория, куда привезли проглотившего руну Знарка. Сюда же прибыл и начальник полиции Гох Парфарес. Он должен был лично, под охраной отряда чёрных рыцарей, транспортировать руну обратно в библиотеку Культа, откуда пытались украсть её враги. Тот, кто придумал регламент этого мероприятия, вызывал у Парфареса дёрганье в правой ноге, нервно постукивавшей по причалу, под которым висел Гудди и потому чувствовал лёгкую вибрацию.

Начальник полиции ждал, пока к нему присоединится Верховный, но тот не спешил, а вскоре из института появился клирик и быстрыми шагами направился к Парфаресу.

— Его Высокопреосвященства не будет, — сказал он, когда, запыхавшись, поравнялся с Гохом.

— Хорошо, — сонно кивнул головой начальник полиции и, придерживая кепку, сдираемую сильнейшим ветром, направился вслед за клириком к золотым воротам института.

Гудди запрыгнул на пирс как можно тише. Смазанный машинным маслом до последнего винтика, он тенью проследовал за Парфаресом.

— Надо было мне пойти, — пробулькал Рауд, наблюдавший со скутера, край которого возвышался на конце пирса.

— Тебя бы ветром унесло, как тряпку, — прошептал себе под нос Снорри, не отрывая взгляда от удаляющихся, но внезапно остановившихся фигур.

Начальник полиции что-то спросил у культиста.

— Ну что он медлит, — нервно стуча щупальцем по рогу на голове, булькал Рауд.

Гудди тем временем вытянулся стрункой за тучной ногой Парфареса и принялся срезать пропуск.

— Давай, давай, — скрипела зубами Герда.

— Могла бы и сама его стащить ещё дома, — недовольно булькнул осьминог.

— Я же сказала, что не знала, что он у него с собой, — разозлилась девочка.

— Это всё плохо кончится, — Рауд закрыл щупальцем глаза.

И только Лила спокойно смотрела на происходящее, будто уже знала финал.

— Вы уверены, что я должен видеть всё это? — ещё раз уточнил Гох.

— Да, — кивнул клирик, поправляя очки на носу, — таково распоряжение Его Высокопреосвященства.

— Почему мне достается всегда самая приятная часть работы, — горько пробормотал Парфарес, похлопывая себя по поясу. — А где же мой пропуск? Ох. Наверное, выпал, — произнёс он, оглядываясь на пустой пирс, — вот видите, само Сердце против, чтобы я посещал ваше высокоблагородное заведение, — усмехнулся он.

— Ничего-ничего, — успокоил культист, — вас мы пропустим и так, не волнуйтесь, но придётся пройти пешком.

— Да? — с грустью спросил начальник полиции, бросая полный надежды взгляд на низвергающиеся вниз здания.

— Да, — презрительно кивнул культист и поморщился от налетевшего потока ветра, заколовшего щёку сердечными пылинками. Оба вновь двинулись к сверкающим в прохладном свете рассветных солнц воротам.

Гудди, повиснув на краю пирса, смотрел, как сцепленные скутеры с его друзьями приближаются к нему.

— Ловко, — улыбнулась Герда, паркуя машину так, чтобы оживлённый мог опуститься на её нос.

— Теперь пора внутрь, — хмуро сказал здоровяк.

Герда подняла их выше и проследила, чтобы все забрались на пирс.

— Удачи, — пожелала она Лиле, забравшейся наверх последней.

Та кивнула и поправила матросскую шапочку на голове.

— Не в последний бы раз, — хмыкнул Снорри и двинулся ко входу, перед которым оживились двое охранников-культистов, но здоровяк вскинул пистолет и разлетевшись эхом между высотных зданий прогремело два выстрела.

— Погнали, — прохрипел он и бросился к воротам.

Оказавшись внутри, здоровяк спрятал несчастных служителей за стойкой информации при входе в институт, где, по счастью, в этот час никого не было, а затем повёл компанию к лифтовому холлу, где сунул пропуск Парфареса в считывающих механизм, и к ним спустился самый крайний дорого оформленный лифт с сидениями.

— С комфортом прямо на красную луну отвезёт, — пробулькал Рауд, располагаясь на алой обивке, — что-то подозрительно легко у нас это выходит.

Снорри оглянулся на осьминога, закидывая Гудди и Лилу внутрь.

— Не пророчь мне тут, — прошипел он и закрыл тонкую позолоченную решётку лифта, — лучше скажи, какой этаж, — задумчиво взглянул он на непонятные символы возле кнопок.

— Я думаю, этот, — Лила после недолгих раздумий указала на изображение креста и месяца.

— Не хуже и не лучше остальных, — пожал плечами здоровяк и ткнул в кнопку.

— Слишком часто мы полагаемся на удачу, — Рауд выпустил скептический пузырь.

— Предложи что-нибудь получше, — огрызнулся Снорри, разглядывая проносящиеся мимо этажи, по которым ходили редкие клирики, — смотри, — выбросил он палец в сторону группы чёрных рыцарей, поднимавшихся по лестнице вверх.

Посреди них шёл начальник полиции и несколько культистов.

— Мы ещё можем успеть, — прошептал Гудди.

Лифт остановился на высоком, выше чем остальные, этаже. Колонны подпирали купольный свод в центре огромного круглого колодца, опоясанного лестницей, спускавшейся в самый низ ко входу. По бокам от купола ползли вверх другие башни, и друзья, выбравшиеся из лифта, поначалу растерялись, но затем Лила указала на противоположную сторону купола, где на этаж ниже располагалась медицинская лаборатория, блестящая необычными и пугающими металлическим блеском инструментами.

— Промажнулись на один, — произнёс Снорри выглядывая вниз, на спускающуюся по колодцу спиралью лестницу. Там, этажей на пять ниже, оставляя за собой чёрный шлейф, поднимались рыцари.

— Скорее, — позвал Гудди, бросаясь в сторону лаборатории.

При входе никого не было, и они беспрепятственно проследовали через ряды медицинских кроватей, пока не оказались перед дверью операционной.

— Не нравится мне всё это, — прохрипел здоровяк, оглядываясь, — слишком тихо.

Но Гудди уже открыл настежь двери и подбежал к столу посреди комнаты, где лежало накрытое белой простынёй тело.

— Не трогай, — крикнул было Снорри, но оживлённый уже сбросил простыню, обнажив тело Знарка.

Друзья обступили его.

— Дышит, — произнёс осьминог, пролевитирав на грудь грифона.

— И что теперь? — спросил Гудди, — просто уносим...

Но он не успел договорить, потому что послышался страшный скрип и на окна операционной опустились решётки. Затем послышался ещё один разрывающий перепонки звук и решётка опустилась на месте входной двери, а за ней возникли тёмные силуэты чёрных рыцарей.

Снорри оглянулся на Гудди.

— Проклятое «око», я так и знал.

Он с размаху ударил оживлённого по лицу, помяв ему забрало, так что тот отлетел к стене и ударился о стеклянный шкаф, откуда посыпались осколки и врачебные инструменты.

— Может, это не он? — крикнул Рауд взорвавшимся пузырьём и взглянул на Лилу, удивлённо вращавшую головой, смотря поочередно на всех троих.

— Я вообще не понимаю, что здесь происходит, — искренне ответила обезьянка.

Рог на голове осьминога начал пульсировать ярким красным цветом.

Здоровяк опрокинул стол с грифоном и оттащил его подальше от двери.

— Будем выходить знакомым способом, — прохрипел он, стаскивая всех за стол и двигая его максимально далеко от двери, — сейчас будет больно.

Он запрыгнул за импровизированный щит между Знарком и остальными, он кинул в дверь несколько «светлячков», привстал, достал пистолет и прицелился.

— Бум, — прошептал он и нажал на спусковой крючок.

Маленький посыльный на одном колесе и с двумя пропеллерами сновал между рядов со специями. Он повернул к лестнице на пятый уровень, а затем нырнул ниже к подвесным ларькам с фруктами, где ругались недовольные покупатели с не менее недовольными продавцами, продававшими гнилые и червивые продукты на всех рядах, куда бы ни упал взгляд.

— Такие приходят, — разводили руками торговцы и были правы, поставки уже несколько дней как прекратились, и на складах выдавали лишь просроченный товар, залежавшийся там с прошлого месяца.

— Так недалеко до голодных бунтов, — возмущалась покупательница.

— Да, говорят, внизу уже, уже бунтуют, — вторила ей другая.

Но посыльный мало интересовался их разговорами, он искал нечто совершенно определённое.

— Каждый раз я останавливаюсь здесь, прямо здесь, на пересечении рядов зеленщиков и фруктов, и думаю, что я делаю? Зачем? — услышал оживлённый.

Он пролетел мимо очередной посетительницы базара и повернул между двух палаток на задворки, где на подвесных мостах хранились запасы торговцев и сновали совки, свистя и вереща от обилия пищи. Но сейчас там было пусто, и птицы лишь грустно бросили взгляд на появившегося между рядов оживляшку. Посыльный пролетел по рядам и спустился по винтовой лестнице вниз на нижний этаж базара, где можно было купить всяческую диковинку с нижнего яруса.

Там, внизу, в него вселилось сознание хозяина, но в действия не вмешалось, а лишь пристроилось сбоку, рядом с визором, разглядывая окружение. За поворотом толстой бетонной стены связь пропала, и оживлённый встрепенулся, словно очнулся ото сна, и завис на одном месте между столиком, где старуха торговала банками с сердечной пылью и

досками с идентификационными номерами для прислуги. Но через секунду-другую, последовала перенастройка, и хозяин снова подключился к оживляшке, дал ей команду искать палатку со скупщиком редкоземельных металлов и отключился.

Оживляшка покружила по этажу, перескакивая по хлипким металлическим пластинам. Под ним зияла тьма нижних кварталов города, окружавшая одну из двадцати грандиозных опор, на которых держался средний ярус. Вокруг этой опоры и расположился большой базар, множеством этажей обвив её, словно клубок разноцветных ниток. Торговца посыльный на обычном месте не нашёл. Вместо него там торчал какой-то вычурный тип в одежде из перьев, торговавший семенами. Он даже не обратил внимание на оживляшку, попытавшуюся привлечь его внимание, покрутив в воздухе своими пропеллерами. Но тут в её спящее сознание вновь вторгся хозяин и оживляшка провалилась в темноту.

Мита оглянулась и увидела, что посыльный за её спиной повернулся и внимательно её изучает. Она стояла рядом с палаткой перекупщика редких растений, приняв их к мешочкам с рассыпанными в них семенами, и не обратила бы внимание на оживлённого, если бы он не обратил внимание на неё.

— Ты можешь меня видеть? — удивлённо спросила девочка у посыльного.

Тот ничего не ответил и двинулся к ней, медленно вращая лопастями своих винтов. Мита сделала шаг назад и бросилась бежать между рядов. Посыльный покатился вслед за ней, закинув винты за спину и запустив их в полную мощь.

Связь дважды прерывалась и спящее сознание оживлённого дважды выныривало на свет обнаружив себя то под столом с запрещённой рыбой из подземного озера, то на складе запчастей для редких механизмов. Но хозяин вновь и вновь подключался, продолжая рыскать по рынку за чумазой девчонкой.

Он обнаружил её на небольшом пирсе повисшим над бездной, спрятавшуюся за бочками. Она сидела почти на самом краю и убежать ей было некуда. Хозяин поднял винты посыльного горизонтально и медленно покатил куклу вперёд к ребёнку. Когда стало понятно, что прятаться смысла нет, девочка встала и пнула одну из бочек в оживляшку. Хозяин ловко сманеврировал, и бочка улетела вниз, а посыльный продолжил приближаться к девочке.

Мита сглотнула и сделала шаг назад. Перспектива быть разрезанной винтами этого оживлённого ей казалась менее привлекательной, чем полёт вниз. Оглянувшись, она почувствовала дуновение ветра из бездны и схватилась за ближайшую цепь, к которой крепился пирс. Посыльный неумолимо приближался. Девочка вздохнула и занесла ногу над пустотой.

Вдалеке раздался громкий хлопок, и белый дым расплзся за одной из дальних колонн. Посыльный вновь потерял связь и опустил винты. Следующее, что он почувствовал — это полёт вниз.

Мита смотрела ему вслед своим невидящим взглядом. За её спиной припарковался скутер с Ручи.

— Ух, как я удачно, — удивился он, — пойдём скорее, а то меня ещё ждёт задание от герцога, — нахмурился стражник, — ты в порядке?

— Да... — задумчиво проговорила девочка и указала на белое облако, — где это?

— Наверное, где-то рядом с Институтом Чудес, я слабо знаю эти места, — пожал плечами Ручи.

— Нет, — покачала головой Мита, — нам нужно не туда, а туда, — указала она рукой в сторону Проспекта Согласия.

— Ладно, — кивнул Ручи, — летать не бегать.

Глава 30

Герцогиня никогда не думала, что будет скучать по временам, когда отделом особых поручений Культа управлял Альберт Сверло Септ. Но теперь, когда ей приходилось трижды зайти в гости, навестить рынок на втором ярусе, пробежаться по десятку магазинов и раз четырнадцать переодеться, чтобы снять слежку, она задумалась. Этот Париц — очередное поколение, выращенное без матерей, ещё менее человеческое, чем её.

Она на мгновение позволила себе задуматься об этом, стоя на широком подоконнике перед окном в жилом здании, поднимавшемся на одной из главных городских опор, напротив падающего вниз со второго яруса сверкающего водопада. Она оглядела свой новый кожаный костюм с развивающимися на ветру полами. Поправила очки, а маленький цилиндр приподняла жезлом, внутри которого щёлкнул механизм и стекло перед ней рассыпалось в песок.

Не то, чтобы она была против новых нарядов, но время ей было дороже. В «Свободном Городе» крот. И похоже не один. Кто-то подбросил фальшивые таблицы дежурств, а кто-то сдал время операций. Подготовкой занимались другие люди, Ки и не думала лезть, находясь под постоянно слежкой Культа, но теперь это было необходимо. Она сделала шаг внутрь, в квартиру месье Рогата. Кругом стояли бутылки забывай-воды, а на бесчисленных столах с пишущими машинками валялась исписанная бумага. В помещении никого не было, и ворвавшийся ветер поднял со столов одинокие паруса белых листов и многодневную пыль.

Ки направилась в кабинет хозяина квартиры, вскрыла жезлом замок и, отворив дверь, зажала нос. Пахло сладким вяжущим запахом гниения. Герцогиня прошла внутрь, окинула взглядом тёмное помещение и открыла шкаф, откуда выпал мёртвый пёс. Ки присела рядом с собакой, огляделась, накинула на неё зимнее пальто, вывалившееся из шкафа, встала и вышла прочь. Всё было ясно. Рогата взяли.

Навестив квартиры ещё нескольких участников сопротивления, Ки обнаружила, что все они либо скрывались, либо были взяты полицией. Только навестив ключницу на вокзале и обнаружив там засаду, Герцогиня окончательно убедилась, что дела плохи. Ключница сидела на конспиративном чердаке двумя кварталами выше вокзала и следила за башней всё то время, пока проходили обыски. Ки побывала у неё ещё вчера днём и долго слушала причитания и архаичные предзнаменования, исходящие от несчастной женщины.

От неё же она узнала и про Эла. Парня, взявшегося не за своё дело. Трокийя. Так вот что случилось. Она никак не могла переварить информацию, так долго игнорируемую. А теперь она валилась на неё, как водопад напротив дома месье Рогата. И всё на её несчастную голову. Вот для чего он просил протекции, вот почему Септ убил его. Но кто дёргал за ниточки? Она не могла поверить, что человек, бывший ей фактически приёмным отцом, просто сумасшедший, жаждавший убивать людей? А как он подставлял её? Хорошо, что удар прошёлся вскользь. Он же неустанно сновал в библиотеке и мог саботировать. О луны, так это он мог саботировать похищение руны. Это он мог усилить охрану в этот день. Нет, слишком много для одного Перлеглоза. И почему я до сих пор не в тюрьме?

Тайно вернувшись в замок, она долго смотрела на себя в зеркало в кабинете отца, загипнотизированная собственной иллюзией — маленьким пистолетом, возникавшим и исчезающим перед её взглядом, не в силах отвязаться от мыслей о Трокийе, научившем её этому трюку.

На балконе пели утренние птицы, а ночной холод остро щипал кожу.

— Вот что значит поддаться страху и бросить всё на самотёк, Лиз, — обратилась она к своему отражению. Теперь разгрести всё это придётся тебе. Надо собраться с мыслями. События уже начали свой ход, и, если ты не будешь действовать сейчас, они собьют тебя с ног и намотают на колесо истории.

Они всё равно её наматывают, как они намотали отца и мать, и братьев, и тётку, и всех тех, кого она хранила в своём сердце износившейся от времени картинкой. Раньше та сияла, словно её острой бритвой вырезали на глотке. А теперь просто болит где-то пониже груди, тяжёлой pedalью тормоза на старом прогулочном скутере.

— Но почему же меня до сих пор не арестовали?

Герцогиня посмотрела на часы и вышла в сад. Асоль следила за ней, послушно выжидая.

— Береги дом, — ласково сказал Герцогиня, погладив собаку за ухом кончиками ногтей.

Ки подошла к блестящему в свете утреннего солнца мотоциклу, из-за которого уже выкатывался младший диск. Чёрная сверкающая поверхность обтекаемого корпуса с хромированным кантом окружала специальное седло по форме тела герцогини. Она легла в него, и ремни автоматически пристегнули её талию к корпусу. Машина закрыла контур, и девушка оказалась в летающей броне. Напоминая бабочку и извергая алый выхлоп из расположенных по контуру крыльев сопел, бронемашина взлетела, легко набирая обороты. Двигатели её были изготовлены самим Альфредом Великим, любимым другом отца. Взлетев навстречу рассвету, чёрный летательный аппарат ярко засиял в лучах восходящих солнц и, незаметно для патрульных кораблей Культа, сверкнул утренней звездой в небесах. Мысли герцогини вели её в гости к мадам Лай.

— Я это делаю не потому, что хочу вернуть его, а потому что остальные варианты ещё хуже. Мне нужна сейчас лучшая протекция, что я могу получить, — прошептала она, приземляясь в море черепичных крыш района Забытый Костёл.

Выбежав из раскрывшегося в торможении костюма-мотоцикла, Герцогиня схватила подлётевший жезл, сохранивший её равновесие. Выпрямившись и откинув упавшие на лоб

волосы, она направилась по хрустящим черепицам к незаметной двери среди большого амфитеатра крыш. Вокруг стояла тишина, лишь флюгеры поскрипывали, разбросанные среди волн аккуратно выложенной глины. Герцогиня нажала на дверной звонок. За дверью послышалось движение, затем вновь наступила тишина. Ки поправила упавший на глаза непослушный белый локон.

— Моя дорогая, — воскликнула за её спиной мадам Лай.

Герцогиня вздрогнула и обернулась. Она стояла в просторном кабинете. Рядом плясали огоньки жёлтого пламени в камине, по стене ползло тиканье множества часов.

— А у вас есть в рукаве пара трюков, — покачала Ки головой, оглядываясь.

— Не зря едим свой хлеб, — поклонилась женщина, вновь улыбнувшись до ушей, и кивнула на жезл, — у вас тоже, смотрю, интересные игрушки.

Ки посмотрела на золотой набалдашник на конце жезла, сверкнувший во всполохах камина.

— Принесли? — спросила Лай.

— Да, — кивнула Ки, не удивившись тому, что женщина знала о причине её визита.

Герцогиня достала из потайного кармана маленькую колбочку и поднесла её к свету. Луч, падавший через витраж в потолке, осветил за стеклом колбы тёмный сломанный волос.

— Я не ошиблась с выбором?

— Нет-нет, — улыбнулась Лай. — Все девочки с детства знают, что нужно для подобных напитков.

Женщина приняла из рук Герцогини сосуд, вытащила длинный тёмный волос и, схватив его тонким пинцетом, опустила в огонь. Затем чёрной от копоти кочергой сняла с огня горшочек с жидкостью и через воронку, вылила её в ажурный стаканчик на маленьком столике, стоявшем поблизости. Пока от него поднималась струйка красного дыма, женщина посмотрела на Ки и глазами пригласила её.

— Вам нужно подуть на воду. Не пить, — уточнила она, — а только подуть. А то были у меня казусы, — усмехнулась женщина.

Герцогиня посмотрела на мадам Лай, нахмурилась, подошла к столику, подняла своими тонкими пальцами стакан и подула на воду. Пар закружился и парусами разлетелся вокруг чашки.

— Отлично, ставьте, — кивнула хозяйка.

Ки вернула стаканчик на место.

— Всё.

— Так просто? — удивилась герцогиня.

— А почему должно быть трудно? — вновь улыбнулась до ушей женщина. — Всё самое важное всегда очень просто.

Герцогиня заморгала и сделала шаг назад от столика.

— Я, наверное, пойду, — вздохнула она.

— Конечно, — кивнула хозяйка, продолжая улыбаться.

— Счёт.

— Вам пришлют.

— Хорошо.

Ки вытянула губы в трубочку, развернулась на каблуках и двинулась к ближайшей двери. Но стоило ей сделать шаг, как она уже стояла возле бронемотоцикла, медленно раскрывавшегося перед ней. В руке у неё была её же колбочка, только теперь вместе с волосом там плескалась голубая водица.

Оставалось только одно: навестить Верховного. Этот шаг она берегла на самый крайний случай, потому что женское чутьё подсказывало, что всё, связанное с этим человеком, губительно. Это он убил её семью руками Саммариуса. Это он вырастил поколение без родителей, теперь управлявшее городом. Секту, подчинявшуюся ему одному. И она когда-то была частью этой секты. Ей захотелось помыться. Так сильно, что она вынуждена была вернуться домой и долго сидела в ванной, откуда в пожелтевший осенний сад поднимались клубы белого, как вата, дыма.

Там её застало сообщение от Герды, принесённое почтовой совкой, но, покрытая белоснежной пеной, Ки задремала и проснулась лишь от дыхания собаки, перевалившей морду через край ванной.

— Что тебе, дорогая? — сонно проговорила Герцогиня.

Асоль повернула глаза к узкой аллее между деревьев.

— Кто-то пришёл? — удивлённо спросила Ки.

Собака кивнула.

— Кто-то неприятный? — уточнила Герцогиня, заметив дергавшийся у Асоль край рта.

Животное зарычало.

Переодевшись в халат со сложным цветным рисунком, Ки ждала в своём кресле, в кабинете отца, теребя в руках послание юной подруги. Когда лифт поднялся, по фигуре, освещённой электрической лампочкой, она поняла, кто её гость. Сейран Тайград с улыбкой, готовой поспорить с шоколадным тортом, выпорхнул в прихожую и поклонился Герцогине. Та кивнула гостю и указала своей белой кистью на неудобный низкий стул рядом с гостевым креслом. Тайград кивнул и уселся в кресло, улыбнувшись ещё шире, хотя это казалось невозможным. Ки поморщилась, вспомнив утренний визит к мадам Лай.

— Моя любезная Ки, — обратился к ней Сейран неподобающе неформально.

Но Герцогиня лишь вздохнула и поменяла позу.

— Да, Ваша Светлость, — произнесла она, подчеркнув слово «ваша».

— Я рискну кое-что сейчас предположить, — заёрзал Герцог Тайград на своём месте, — а вы не считите за дерзость, а поддержите меня, если я прав, и... не обижайтесь, умоляю, если я ошибаюсь.

Ки подняла брови и развела руками в ожидании.

— В городе много ушей и глаз, — начал герцог, пряча взгляд, — и уж за вашей красотой, поверьте, следят многие, — он украдкой взглянул на герцогиню и, поймав её ледяные глаза, тут же перевёл взгляд на рисунок на полу, — так вот. Из надёжных источников мне известно, что вы являетесь руководителем организации «Свободный город».

Он выждал, не поднимая глаз и, не получив отказа, продолжил.

— Для начала я бы хотел сообщить вам, что в вашей организации есть предатель, работающий на Культ. Но, судя по последним событиям, вы и так, думаю, в курсе. Жестом доброй воли я раскрою вам личность этого человека.

Тайград закинул ногу на ногу, вздохнул и продолжил.

— А ещё я хотел бы предложить вам вступить в союз.

На этот раз он прямо и долго посмотрел на Герцогиню, не мигая. Та же задумчиво смотрела в сад.

— Мы называем себя «Союзом Свободы», в него входят семь великих домов, — продолжил Сейран, — на нашей стороне значительная часть армии.

— Но инфраструктура в руках Культа, — возразила Ки.

— Нет, — покачал головой Тайград, — с тех пор как я — глава Магистрата, нет. Под моим контролем Институт Чудес и руна...

Ки внимательно посмотрела на него.

— Мы хотим устранить слабое звено, — сверкнул глазами Сайран.

Герцогиня молчала и продолжала смотреть на падающую с деревьев листву.

— И кем же вы собираетесь его заменить?

— За этим я и пришёл к вам, — улыбнулся Тайград.

— Скажите, Герцог, — вздохнула Ки, — если бы вы выбирали между гильотиной и виселицей, что бы вы выбрали?

— Гильотину, — вздрогнув ответил Сейран.

— Почему?

— Быстрее и, подозреваю, менее болезненно.

— Вот и я так думаю, — кивнула Ки, затем встала, подошла к столу, достала из верхнего ящика инкрустированную шкатулку и стукнула её в нескольких местах кулачком.

— Почему вы спрашиваете? — уточнил Тайград, вновь заёрзав на стуле.

Ки, ничего не отвечая, положила послание Герды на стол, достала из шкатулки письмо от Барона, которое она так и не решилась передать Верховному, повернулась, подошла и отдала его Герцогу. Он удивлённо принял его и, медленно распечатав, открыл.

Пока он читал письмо, лицо его несколько раз менялось, и он, явно шокированный, поднимал взгляд на Герцогиню, занявшую своё место в кресле, не в силах поверить в происходящее и в свою неожиданную удачу.

— Это всё меняет, — медленно произнёс он, — мне надо обсудить...

Но он не успел закончить, потому что на улице прогремел хлопок и стекла в кабинете затряслись.

Герцог и Герцогиня выбежали на балкон и сразу заметили белый дым, поднимавшийся со второго яруса.

— Это же в Институте Чудес? — подняв бровь, обернулась к Сейрану Герцогиня, но взгляд её упал на послание на столе.

Рауд, державшийся за лопнувшие крепления под потолком, первый показался из фиолетового дыма, медленно отступавшего, открывая большой зал, служивший главным холлом Института Чудес. Опоясывая его по периметру, спиралью вверх поднималась широкая лестница, переходившая в балкон каждого из этажей. Несколько из пролётов были уничтожены взрывом, и весь колодец центрального зала заполнил белый дым, постепенно он становился фиолетовым.

Осьминог с огромным трудом удерживал оторванные канаты, готовые разорвать его самого на части. Под ним в люльке болталось тело Знарка. На противоположном конце завис под оторванным балконом Снорри, хватавшийся пальцами за съезжающий вниз этаж. За ним полыхала операционная и куски патруля чёрных рыцарей. Гудди висел с Лилой под грифоном, уцепившись за его лапы и смотрел на удивлённые лица служителей, ещё не пришедших в себя от контузии. В это самое мгновение пострадавшая от взрыва часть балкона оторвалась и полетела вместе со Снорри вниз. Троссы с Раудом, Знарком и Гудди последовали за железобетонным островком. Спасаясь от него, в разные стороны разбежались успевшие прийти в себя культисты. Он пронёсся над залом и почти ударил в огромные остроконечные двери Института, но, повинувшись инерции стал падать назад и вниз, вслед за рушащимися конструкциями. Как раз в то самое время, как по золотой поверхности двери забарабанили пули из автоматического оружия.

— Живыми! Живыми! — закричал кто-то из зала.

Фиолетовый дым всё ещё накрывал добрую его половину. Здоровяк, висевший под оторванным куском пола, умудрился наконец забраться на него и стоял теперь на нём ногами, раскачивая маятник в направлении двери.

— Что же ты, зараза, делаешь! — орал Рауд, который вот-вот должен был лопнуть от натяжения.

Знарк во сне закудаhtал от того, что Гудди и Лиля крепко вцепились в его шею, переползая ближе к тросу. Пули перестали свистеть, и в здании раздался громкий щелчок. Гудди почувствовал, что его тянет вниз неведомая сила. Он отпустил руки и упал на человека, успевшего его подхватить. От удара пистолет Снорри выскочил из кобуры и полетел в сторону металлической сваи, служившей одной из опор купольного свода здания. Решётка на оторванном куске пола начала гнуться в её сторону. Но их «маятнику» из обломков было предрешено врезаться в дверь и расколоть её хрупкую левую створку. Здоровяк отсёк

крепление к куску этажа под своими ногами, и он всей своей тяжестью рухнул вниз, смяв золотую дверь и подняв только что осевшую пыль.

— Отцепляй! — крикнул Снорри, подняв голову наверх.

Растянутый, как струна, Рауд, из чьей головы, как косточка, сейчас должен был выскочить красный рог, выдавил из себя жалобный пузырь.

— Отцепляй! — вновь закричал здоровяк, раскачивая их многосложный маятник.

Осьминог отпустил один из тросов, стягивавших совсем недавно колонны между этажами, и на мгновение сжался обратно, но, поскольку Снорри каким-то чудом зацепил освободившийся конец провода за остатки дверной створки, осьминог тут же растянулся вновь, вылетев на ударивший в лицо свежий воздух, за пределы здания. Дождавшись, пока они все качнутся на улицу, здоровяк отрубил свой конец и их окончательно бросило вперёд на длинный белый пирс, повисший над пропастью. Из-под него вынырнуло два скутера. Двигаясь с необычной для своей конструкции скоростью и точностью, они на лету поймали всех героев, выброшенных из дверей Института Чудес.

Герда, со скачущими во все стороны на сильном ветру волосами, крикнула падающим на свои места беглецам:

— Я тут кое-что подправила в этих птичках.

— Вовремя, — крикнул Снорри, устраиваясь на водительском месте второго скутера.

— А говорила, что не умеешь, — с укором крикнул Гудди, на что девочка лишь улыбнулась и пожала плечами.

— Жми, — крикнул осьминог, стягивавший себя воедино на заднем сидении.

Оба скутера рванули между одетых в бетон небоскрёбов. Гудди, как мог, крепил Знарка в пассажирском кресле. Его ноги соскользнули с живота грифона, и он почувствовал, как ускорение уносит его к двигателю. Руки оживлённого попытались зацепиться за перья на груди Знарка, но одно за другим, перо выскальзывало из своего хозяина. В воздухе перед ним появилась рука. Герда схватила его деревянную руку и не дала упасть. Он подтянулся и устроился за её спиной, собираясь поблагодарить, но в тот же момент над его головой раздался шум роя. Огромного роя полицейских и военных скутеров, что появились в пролётах и улицах над ними. Множество судов закрыло почти всё небо.

— Ну вот, — крикнул Снорри Герде, — кто-то из нас стукач. Бьюсь об заклад, это твой пассажир.

Гудди, обнимавший девочку, почувствовал, как она дёрнулась и прибавила скорости. Снорри сел ей на хвост. Оглядывавшемуся оживлённому были видны его острые глаза и мелькавшие за спиной здоровяка удивлённые глаза осьминога. Лишь Лила сидела на руле перед человеком, сохраняя ледяное спокойствие.

Гудди отвернулся и почувствовал, как заболела от мыслей голова. Герда дала по газам, падая на средний ярус и двигаясь ещё ниже, к его опорам. Здоровяк подлетел так близко к телу Знарка, что обезьянка спокойно спрыгнула на него и начала отстёгивать грифона.

— Что ты делаешь, — обернулась Герда, тормозя перед коридором из опор Проспекта Согласия.

— То, что нужно, — буркнула в ответ обезьянка и передала ремни осьминогу, крепко цеплявшемуся за них щупальцами.

— Нет, — помотала головой девочка и, вжав газ до упора, рванула наверх.

Знарк болтался на одном из ремней, свисая ногами между двух сопел аэроцикла. На нём висела Ли́ла, а следом нёсся Снорри, вслед за которым веером расходился преследовавший их рой мерцающих огнями полицейских скутеров. Взлетев над поверхностью проспекта, Герда увидела движущуюся прямо на неё огромную руку. Рука была знакома Гудди. Он вспомнил побег из тюрьмы и узнал гигантского парового робота. Машина теперь смотрела на него, но не из воды, а стоя во весь рост на широком проспекте.

Девочка нажала на педаль скольжения, и они успели сместиться от руки, а огромные металлические пальцы робота сжались в метре от них. Рой полицейских защебетал пулями по её поверхности, а затем несколько скутеров врезалось в руку, замершую на их пути. Остальные волной поднялись вокруг, огигая гиганта. Герда направила скутер прочь от робота вдоль по проспекту. А тот резким движением, нехарактерным для своих размеров, развернулся и бросился за ней, вминая асфальт под своими ногами. Некоторые скутеры, зависшие перед ним, он просто снёс, а остальные бросились вслед. Гудди наклонился и увидел Снорри, поднявшего голову и посмотревшего на оживлённого снизу вверх. Герда перевернула скутер на сто восемьдесят градусов и притормозила, поворачивая, так что ноги Знарка закинулись обратно на сиденье и Гудди повернулся, чтобы зацепить его. Но Ли́ла ударила его по руке с трудом удержавшись на другом конце ремня. Снорри не отставал от Герды, повторяя все её манёвры, и продрифтовал по широким витражам дома Культа, отчего все стёкла в здании повывлетали.

Когда он рванул в переулок вслед за Гердой, по проспекту пролетел паровой робот. Машина схватилась за край дома, чтобы притормозить, но лишь вырвала его. Здание начало крениться и падать. Гигантская, дымящая всеми трубами сразу, машина справилась с падением и, пробивая рушащиеся на него куски бетона, бросилась за беглецами. Пули забарабанили по обшивке мотоциклов. Рой полицейских нагонял робота. Герда вновь ловко повернула, отчего грифон сам зацепился за ремень, и оживлённый прикрепил его на место. Обезьянку подбросило вверх, и Гудди поймал её, вытянувшись с сидения.

— Видишь, я не «око», не «око», — прокричал он взволнованно.

Обезьянка посмотрела на него, как смотрят на совсем безнадёжных учеников в классе, и ударила своей лапкой так, что голова оживлённого закружилась вокруг своей оси.

— Ли́ла, что ты делаешь, прекрати! — умоляюще прошептала Герда, разгоняя скутер и вновь бросая его из переулков на проспект.

Они вылетели за мгновение до того, как паровой робот, оттолкнувшись от лопнувшего, словно упаковка конфет, дома, прыгнул, упал на расстоянии вытянутой руки от их дышащих огнём двигателей и утонул в рушащихся на него домах с противоположной стороны проспекта. Рухнувшие конструкции глубоко погребли его под собой. Рой полицейских влетел в поднявшуюся пыль и разлетелся пикирующими стрелами под дождём обломков. Холодный ветер был на стороне беглецов и гнал их к торговым базарам среднего яруса. Но стоило Герде и Снорри нажать до упора педали газа, как с противоположной стороны проспекта засияла темнота.

Голова Гудди прекратила вращение, и он, приглядевшись, вновь увидел дракона. Тот нёсся, расправив чёрные крылья между домов, разнося взмахами последних оставшихся на нём людей и парящие экипажи. Он оставлял за собой шлейф дыма, обволакивающий дома и поднимавшийся дальше к верхнему ярусу, словно пожар.

— Я ближе, чем ты думаешь, — услышал оживлённый голос за своей спиной.

Он обернулся и снова получил лапой от обезьянки по голове. Снорри ударился своим мотоциклом о борт Герды, и их отбросило от алой струи вырвавшейся из пасти дракона, в следующую секунду же оказавшегося над ними. Он взмахнул огромными крыльями и придавил их потоком воздуха к земле.

— Жми! — заорал Здоровяк и бросил машину между металлических лап чудовища.

Герда рванула за ним. Слезы срывались с её глаз неумолимым потоком воздуха и падали в нарисованные глаза Гудди, растекаясь по ним, отчего он стал хуже видеть, но почувствовал, как тело Знарка за ним вновь ослабло. Он обернулся, чтобы увидеть, как Лиля продолжает отцеплять перворождённого, а за ней парит огромное тело дракона, открыв свой гигантский рот, где одна за другой вновь загорались трубы и поднимался из глубин чёрный дым, окрашиваясь в алый. Гудди, пошатываясь, встал на кресло.

— Что ты делаешь? — закричала Герда.

Оживлённый не ответил, он выхватил из кобуры на аэроцикле пистолет, прицелился и выстрелил два раза в пасть Бьёрнвейга. Первая пуля прошла мимо, но зато вторая подожгла пламя в чреве чудовища раньше времени, и в его шее грохнул взрыв. Дракон отпрыгнул всполох алого пламени, спикировал в соседнее здание и пропахал своим телом целый квартал, пока не рухнул в нём и не исчез в пыли и грохоте. Лила, успевшая тем временем заползти по Знарку вверх, прыгнула на Гудди и вышибла пистолет из его руки. Над ними засвистели пули мчавшихся за драконом полицейских кораблей. Оживлённый пошатнулся и упал вместе с обезьянкой с мотоцикла. По счастью, под ними оказалась машина Снорри, и Рауд, словно батут, поймал упавших оживлённых и обвил их своими щупальцами.

— Ну что, попался! — торжественно пробулькал осьминог.

— Да не я, не я, — звенел Гудди, пытаясь отцепить обезьянку от лица.

Как раз в этот момент они пролетали над тем самым балконом, где моргало бутонглазом растение, вымахавшее уже в средних размеров дерево. Бутон исхитрился и схватил Рауда за одно из щупалец, отчего тот завопил, выпустив целую струю пузырей, это ослабило хватку. Гудди и Лила выпали из него, и сам он полетел вслед за ними вниз на широкую площадь, которой оканчивался проспект. Герда спикировала за ними следом.

— Стой, глупая, — завопил ей Снорри, бросая свой мотоцикл на разворот.

Но на полпути к цели, когда девочке удалось подхватить у самой земли падающую группу, Снорри был отрезан от неё вырвавшимся на площадь драконом. Чудовище напрыгнуло на аэроцикл Герды, он ударился о трубы на груди чудовища и отскочил, потеряв управление. Площадь накрыло облаком пыли от разрушенных на проспекте домов и чёрного дыма, поднимавшегося от дракона.

Цветок, вырванный с балкона, всё ещё моргая бутонглазом, отлетел в сторону и ударился о бочку с водой на углу Площади Радости и Цветочной улицы. К нему через дорогу

уже бежали двое. Маленькая девочка и длинного роста мужчина, со страхом взиравший на встававшего на лапы посреди площади дракона. Мита присела рядом с цветком и, выхватив из сумки голубое стекло, вонзила его в бутонглаз. Ручи встал над ней, не отрывая взгляда от чудовища, полыхнувшего в клубах пыли алым огнём в сторону маленьких фигурок и горящего скутера под ногами. Стражник в страхе присел, но пламя не достигло его и даже не коснулось фигурок.

— Упустили, — стукнула кулачком девочка о каменную плитку, — он уже умер.

— Тогда уходим, — дрожащим голосом пробормотал стражник.

— Сейчас, — прошептала Мита, — мне нужно пустить по его следу червя. И она действительно извлекла из кармана своего серого платица извивающегося разноцветного червяка и погрузила в надрез, пробитый в бутоне осколком голубого стекла.

— Бежим, — воскликнул Ручи, наблюдая, как вслед за драконом на площадь вырывается рой полицейских катеров и скутеров.

— Не волнуйся, — подняла голову девочка, — они не за нами.

С этими словами она встала, взяла руку стражника, и они пошли прочь по Цветочной улице, будто бы направлялись за покупками. По крайней мере, так можно было бы подумать, если бы Ручи периодически не пытался переходить на бег.

Тем временем Гудди открыл глаза. Справа от него горел мотоцикл. Голова гудела. Оживлённый попытался подняться, но что-то мешало. Он приподнял голову и увидел, что на нём лежит Знарк. Грифон спорил с кем-то во сне, не открывая глаз. Подул ветер и аэроскутер справа от оживлённого вспыхнул алым огнём. Гудди попытался выползти из-под накрывшей его туши, но конечности отказывались повиноваться, руки были искорёжены, как и ноги, которые он мог только чувствовать, но не видел. Из огня, где полыхал скутер, поднялась фигура. Гудди никак не мог разобрать, кто это, и помотал головой, чтобы привести в порядок зрение. Но жар, исходящий из горячей сердечным огнём машины, искажал форму до неузнаваемости.

— Герда, — позвал он слабым голосом.

— Здесь только я, — раздался из пламени искажённый голос, показавшийся Гудди знакомым.

Фигура сделала шаг, и из пламени показалось обугленное тело обезьянки. Оживлённый отпрянул.

— Какое интересное недоразумение, — произнесла Ли́ла, спускаясь с остова летающего мотоцикла.

Её нога рассыпалась в прах, и обезьянка упала на каменную плитку. Подняв голову, она поползла к Гудди, оставляя за собой чёрный пепельный след.

— Отдай её мне, — продолжала говорить она, приближаясь к оживлённому.

— Отдай сейчас же, — бормотала она, подползая всё ближе, — не сопротивляйся.

Гудди, буквально выламывая остатки своей руки, дёрнулся из-под туши грифона, но сдвинулся лишь на несколько сантиметров. Лила почти приблизилась к нему, но её руки уже превратились в прах и тело истлело на глазах у оживлённого.

— Идём... — не успела договорить обезьянка и стала чёрной пылью.

Гудди тяжело вздохнул и упал головой на землю. Над ним поднималась громада дракона. Его глаза полыхнули красным, и он произнёс:

— ...со мной.

Оживлённого приковало к земле. Он почувствовал, как его правую руку что-то схватило. Гудди поднял голову и увидел, что от обезьянки к нему тянется тёмная струйка жидкости, как змея, впившаяся в его изуродованную кисть, и ползёт дальше по руке. Он закричал что было мочи. Звон в его голове заглушил пламя и дыхание дракона над ним. Чудовище замотало головой, словно пытаясь что-то с себя стряхнуть.

Гудди вопил своим звенящим язычком, пока голова дракона не окрасилась в белую вспышку и фиолетовое облако дыма не окутало её до самых крыльев. Ещё одна, и ещё, и ещё. Вспышки посыпались по площади, словно ливень. Гудди поднял голову и посмотрел на свою руку, уже всю покрывшуюся чёрным. Он вновь закричал от охватившего его отчаянья. Но не успел осознать это сколь-либо глубоко, потому что его подбросило вверх и оторвало от земли, унося в небо. Его чёрная рука, до этого совсем безжизненная, теперь подчинилась и он схватился за ремень и поднял себя над тушей грифона. Оказалось, что Знарка за ремни держит здоровяк, а осьминог крепит его к пассажирскому сидению аэроцикла, уносящегося прочь с площади, вновь потонувшей в клубах дыма.

— Герда! — закричал Гудди. — Где Герда?

Но осьминог и человек не ответили ему. Он оглянулся и с трудом разглядел тело девочки, прямо перед мотающим головой драконом. От чудовища вслед за ними поднимался шлейф полицейских скутеров.

— Мы должны вернуться за ней! — закричал оживлённый, бросаясь на здоровяка.

Снорри отпустил грифона, уже крепко пристёгнутого осьминогом ремнями безопасности. Оживлённый схватил руку человека и дёрнул на себя, рванув руль скутера. Мотоцикл бросило вниз под мост, и здоровяк с трудом успел увернуться от надвигавшейся опоры.

— Идиот! — закричал Снорри.

— Мы должны вернуться за ней! — кричал Гудди.

Человек, вращая судно спиралью, спустился между опорами и бросил мотоцикл на нижний ярус, укрываясь от дождя пуль. Оживлённый ударил здоровяка по голове своей чёрной рукой и попал прямо в глаз, отчего аэроцикл закружило, и они принялись падать в тёмную дыру коллектора. Рауд напрыгнул сзади на оживлённого и обмотал его конечности своими щупальцами, одновременно ухватив руль. В последний момент перед ударом о каменную стену, Снорри пришёл в себя и стукнул по обеим педалям тормоза.

— Выруби его! — заорал он, схватившись за распухший глаз.

— Как? — пробулькал осьминог, с трудом боровшийся со звенящим от негодования оживлённым.

— Вот так, — крикнул Снорри и треснул Гудди по голове.

Оживлённый поник. Но человек не успел и моргнуть здоровым глазом, как град пуль забарабанил по стене над ними.

— Держись! — крикнул Снорри и бросил мотоцикл в узкую трубу на среднем уровне коллектора.

— Ты что, сдурел? — закричал осьминог.

Но человек, не обращая внимания, нёсся вперёд, пуская снопы искр о края трубы.

— Она же запаянная! — прокричал Рауд, перебираясь на руль мотоцикла.

— Не мешай, а стреляй! — прокричал человек, отдирая щупальцу осьминога от лица.

Труба предательски сужалась, и оба борта мотоцикла скрежетали о стены, сверкая искрами в сгущающейся темноте. Осьминог перебрался на нос машины и принял у человека короткоствольное ружьё с большим барабаном под «светлячки».

— Стреляй! — закричал человек.

Рауд, прицелился и, закрыв глаза, выстрелил. Пространство перед ними засветилось яркой вспышкой, и шар устремился к Т-образному перекрестку. Человек зажмурился. Прогремел взрыв. Ударная волна обожгла и ударила в мотоцикл, отчего он заглох, остановился и застрял двигателями посреди трубы. Человек, чьё лицо покрылось фиолетовой копотью, потерял сознание и рухнул на руль, отчего осьминог, чудом на руле удержавшийся, весь красный от ожога, застонал и упал на сердечный бак.

Гудди, повисший вниз головой между двигателей, пришёл в себя от того, что пуля попала ему в забрало, оставив глубокую вмятину. Он открыл нарисованные глаза. Что-то мельтешило на том конце трубы, но видно этого ему не было. Краска на глазах совсем ободралась, видел он плохо. Но зато он хорошо почувствовал, как его правая рука зацепилась за спину чего-то, что было над ним и тянула тело вверх, совершенно не общая внимания на него самого. Он оглянулся на неё как раз в тот момент, как вторая пуля попала в двигатель рядом с ним. Что-то загрохотало на том конце трубы, послышались трудно различимые голоса. Рука тем временем, подняла его и схватилась в темноте за куртку Снорри. Подтянувшись ещё выше, она приподняла тело и, подтянув его самого, ухватила за плечо человека. Гудди, не зная, как ещё поступить, стукнул головой о спину здоровяка. Человек застонал, но не очнулся. Рука тем временем схватилась уже за его шею и принялась душить Снорри. Гудди ухватился за двигатель левой рукой и потянул правую руку назад, но та крепко уцепилась за край куртки человека и неумолимо поднимала оживлённого обратно, так что болты в его плече захрустели.

Очередная пуля попала в спину куклы, прижав его к телу здоровяка, вдалеке за его спиной вновь послышался скрежет. Рука вновь приподняла тело оживлённого и ухватила за шею человека. Умудрившись наконец совершить захват, она принялась вновь изо всех сил душить его. Гудди зазвенел и что было мочи ударил Снорри левой рукой по спине. Человек закашлялся и открыл глаза. Хватая ртом воздух, он не сразу сообразил, что происходит. Когда глаза его уже полезли из орбит, он схватил почерневшую руку оживлённого и оторвал от своей шеи, ударив Гудди несколько раз о трубу. Оглянувшись назад в сторону грохочущей темноты,

он запустил двигатель, разглядев движущийся по трубе в их сторону бур. Правая рука Гудди вцепилась в пальцы человека, больно сжав их. Он вскрикнул и треснул оживлённым по трубе ещё сильнее, от чего тот наконец обмяк и Снорри сунул его назад под безжизненное тело Знарка, покоившееся между двух двигателей. Человек нажал на педаль газа, труба заскрипела и застонала, а мотоцикл пополз вперёд к зиявшей в обшивке коллектора дыре, откуда уже было видно развалины Старого квартала.

Аэроцикл с беглецами вырвался на воздух и взмыл над останками домов незадолго до того, как бур продырявил трубу и вылетел из неё вслед за ними, упав вниз, посреди разрушенной часовни, где начинался лагерь оставшихся без крова жителей. Раздались крики, народ бросился в рассыпную.

— Смотри, я же говорил это всё кукожцы играют. Они убили гигантского жука, упавшего теперь нам на съедение, а сами гонятся друг за другом от бешенства, — сказал один калека другому, показывая пальцами на стаю полицейских скутеров, один за другим выплёвывавшихся из трубы.

— А как выглядят кукожцы?

— Голова утки, торс человека и от пупа, как крокодил о четырёх лапах.

— Врёшь.

— Да вот те Сердце.

—Что? — не расслышал второй калека, потому что рой преследователей загудел над их головами, поворачивая вслед за сверкающей ярким светом точкой, исчезнувшей где-то над каналом. Подоспевшая на тяжёлом фрегате к тому времени со стороны дворца гвардия, застала лишь разбегающихся в панике людей.

Снорри рвался прочь из города вдоль канала, единственной дорогой, которую знал. Но старая труба, что вела в стену, была закрыта решёткой. А перед ней дежурил военный наряд из малого танкового буксира и двух скутеров. Человек рванул руль вверх раньше, чем они успели его заметить и нёсся теперь выше, ко второму ярусу, где полосы неба уже были заполнены полицейскими кораблями. В это самое мгновение его радио, висевшее на руле, зашипело.

— Если... слышите... уходите... озеро.

Человек затормозил и пустил аэроцикл между ремонтных лесов соляного завода.

— Если вы слышите...

Снорри завис над железной дорогой, по которой доставляли соль, и попытался поймать сигнал.

— ...уходите...

Он снова поменял положение.

— ...то уходите через озеро. Повторяю. Уходите в шахту соляного озера. Все выходы из города перекрыты, уходите через шахту соляного озера. Я взорву дамбу.

Глаза человека сверкнули, он бросил мотоцикл вслед за пустыми вагонетками, промчавшимися под ним обратно в чрево тоннеля.

Фары мотоцикла, словно лезвие, разрезали сгущавшуюся в тоннеле тьму. Пути долго спускались вниз вокруг соляного завода, мерцая редким красным отсветом сердечных фонарей. Вскоре дорога вывела Снорри к широкой пещере, и вагонетки понеслись над чёрной поверхностью озера. Здоровяк держал аэроцикл в хвосте поезда, чтобы не сбиться с пути. Впереди на них надвигался чёрный массив рудника.

— Ну, и где же? — пробормотал себе под нос здоровяк, отцепляя от носа щупальцу осьминога.

В то самое мгновение, когда человек начал различать очертания приближающихся шахт, справа прогремел взрыв, осветив в одно мгновение всю гигантскую пещеру. Вода вокруг несущегося поезда взметнулась и поглотила его поднявшейся волной. Снорри успел подняться выше и образовавшийся от взрыва цунами лишь задел один из двигателей, пошатнув аэроцикл. Вода быстро начала убывать, а на месте взрыва в огромном бетонном сооружении зияла огненная дыра. В неё-то здоровяк и бросил машину. За дамбой начинались нижние этажи каменоломни, где уже виден был солнечный свет. Аэроцикл пролетел между вырубленными кусками породы, по которым стекали теперь водопады воды, и поднялся выше в огромный ров между стеной и остатками скалы с видневшейся за ней пустыней.

Аэроцикл взмыл в колючий ветер, полный песка, в самый полдень, и оба солнца мгновенно нагрели его до красна. Но Снорри, не чувствовал ожогов, и, спрятав осьминога поглубже под куртку, вжал педаль до упора. Посреди гигантского рва, окружавшего стену, скутер просел и стал крениться.

— Красная луна! — стукнул здоровяк по рулю. Он еле дотянул до края и приземлился на холодный тёмный камень скального выступа.

Человек слез с аэроцикла и пнул его в бак.

— Проклятая жестянка, шаманскарахан таскараха, — зло выругался он, перетаскивая находящегося в беспамятстве осьминога с головы на плечо.

— Не ругай небо за то, что оно не твоё, — раздался в вышине знакомый голос.

Снорри вскинул голову и увидел опускающийся к нему солнечный парусник. Сверху вниз на него смотрел тигр Акба.

— Отец все мозги проел Барону, что вас надо спасать. Так что благодари, а не ругайся на небо, что мы чудом нашли в этом доке, имени красной луны, свободный корабль и пришли за тобой.

Покои Верховного были пусты. Отлучившись от доставленного утром упитанного сержанта городской стражи, Его Преосвященство так и не вернулся. И Блоп провёл полдня, разглядывая величественные потолки, балюстраду и умопомрачительный вид из окна на верхний и средний ярус города, где творилось что-то невообразимое. Отчего, честно признавшись себе в трусости, Блоп даже не подходил к нему, пока наконец его желудок многократно не проурчал напоминание о том, что он даже не позавтракал.

Стражник выглянул в длинный коридор, и, не найдя в нём ни души, вышел из малой приёмной. Поплутав по вымершему замку, он спустился к выходу на площадь у главных ворот

и, миновав их, вышел с территории дворца, отдав честь единственному встреченному им охраннику. Перейдя мост, он двинулся в город, оставшись никем не замеченным.

Глава 31

Дневник Трокийи

5й серп 6-го цикла

Мой сын. Мой милый мальчик. Я так сильно люблю тебя. До сих пор у меня перед глазами твои маленькие ручки и нежные волосы, твой смех, твоя непосредственность и открытость. Твоё мужество. Ты схватил всё быстрее, чем я. Ты принял из моих рук и рук деда наше дело, ты покорно взвалил на себя груз, не опозорив себя, как это было со мной. И в час, когда жестокая судьба предложила мне выбор, что выбрал я? Я выбрал предать тебя. Сколько раз я объяснял себе, что всё это было ради города, ради Сердца, ради людей, груз мой не становится легче. Я, дорогой читатель этих строк, не смею оправдывать себя.

Во время восстания, последовавшего сразу за узурпацией трона Саммариусом, мой любимый сын принял сторону так называемых «заговорщиков». Хотя, на самом деле, всё было ровно наоборот. Они защищали законную власть, а Саммариус вместе с Верховным вовлекли в заговор часть великих домов. И я был его частью. Культик связался со мной за спиной моего сына и предложил придержать войска в назначенный день выступления. Мне была обещана неприкосновенность дома и неприкосновенность Сада. Ну и все эти привилегии на строительство, как ранее. И я согласился. Моего сына, вместе с герцогом Амун, Роя и остальными повесили на моих же глазах на воротах Дворца правительства, именуемого теперь Дворцом Узурпатора.

Я всю жизнь делал выбор в пользу, как мне казалось, общего блага. Но сегодня, когда я пишу эти строки, я сильно сомневаюсь, так уж ли я был прав. Но жалею ли я о том, что мои внуки и правнуки воспитаны в моём доме? Нет. То, что сделал с отпрысками великих домов его преосвященство, — бесчеловечно. Когда я вижу их, я вижу калек. Он называет их «новое общество», а я называю их дегенератами, лишёнными эмпатии. Только новоиспечённая герцогиня Амун, спасённая из его лап и воспитанная в моём доме, ещё хоть как-то оказалась способна к чему-то человеческому.

Но я не лучше, чем они. Нет, я не оправдываю себя. Я несу груз ответственности за свой выбор. Я помню. Каждый день помню, что я совершил.

Будь проклят дом Тайград. И этот безмозглый идиот Серан. С тех пор как они стали выступать с конкурентными предложениями по строительству, признаюсь, я потерял надежду. Они нашли кого-то в окружении Тэмена, кто шептал ему на ухо о том, чего мои проекты стоят на самом деле, что всё погрязло во взятках. А те, кто должны были шептать обратное, почему-то молчали. Наверное, он договорился и с ними.

Как раз в те дни я принял приглашение Верховного заняться его проектом. Ему нужно было создать прибор, притягивавший сердечную пыль. Он захотел восстановить Сердце.

Нет, подумайте, лучшей цели я и представить себе не мог. Все мои жертвы, все мои ошибки — всё было бы оправдано, стоило бы случиться обещанному. Я согласился помочь. Безусловно, не забыв попросить о протекции для моих строительных субсидий. О луны, как я радовался! Я обсуждал с ним проект, я ходил к нему счастливый, как мальчишка, видя, наконец, за его делами конечную цель. С моих глаз словно спала пелена. Если он сможет, если он только сможет восстановить Сердце. Я смогу вернуть к жизни сына. Ибо Сердцу подвластно всё.

12й серп 6-го цикла

Ползая под магнитотроном Его Высокопреосвященства, я обнаружил маркировку, показавшуюся мне до боли знакомой. Это был шильдик с выгравированной подписью великого мастера Фаэрна Фарна. Учителя моего учителя. Приятного старичка, которого я встречал, будучи совсем юношей. Помню, тогда его смерть была внезапным и страшным ударом для магистрата, потому что он не оставил преемника и не передал дел по некоторым очень трудным проектам. Это, конечно, дало шанс мне самому проявить свои способности и зарекомендовать себя перед комиссией, но всё же скоропостижная смерть Фарна была окутана неприятной тайной. Он выпал из окна университета. И это старик, боявшийся подойти к окну ближе, чем на метр! Когда я обнаружил его маркировку на магнитотроне, то удивился и ещё раз с горечью вспомнил о нём.

13й серп 6-го цикла

Быть слугой своего злейшего врага — это не просто. Не просто, потому что порою ты забываешь, что перед тобой враг, и начинаешь ему доверять. А он не забывает этого никогда.

Нос сегодня задал мне неожиданный вопрос. Что было первым — Сердце или мир?

3й серп 7-го цикла

Сегодня, работая над подключением к центральному каналу Сердца в зале храма, я обнаружил другую маркировку на вырезанном на шестерне под троном символе, принадлежавшем великому мастеру Самууно Выдре, жившему четыре поколения назад. И если работу Фарна над проектом Верховного я ещё мог как-то уместить в своей голове, то как Выдре был связан с проектом Культа, я уже понимаю плохо. В те времена Культ ещё не так сильно подмял под себя науку и магистрат был теснее связан с университетом, чем с Кукльями.

Меня не покидает идея выяснить, чего недоговаривает мне Его Высокопреосвященство. Но спрашивать его напрямую мне не хочется. Мастерство этого человека столь велико, что любой мой вопрос оборачивается вокруг пальца с лёгкостью весеннего ветра, и только добравшись до дома, я понимаю, что не получил ни одного нужного мне ответа. Поэтому я решил искать их в запретной библиотеке, куда я и так получил доступ в связи с проектом. Но и здесь всё было не так просто. Раньше наука была написана на другом языке, а точнее даже на разных. И если многое в жизни мне давалось легко, то языки,

наоборот, были камнем преткновения, поэтому я призвал в свои ряды сообщника. Мадам Снилса с факультета буквенности была только рада помочь мне и с резвостью студентки взялась за переводы любой книги, тайно выносимой мною из запретной библиотеки, с момента как я получил к ней доступ.

21й серп 7-го цикла

Я приношу книги из библиотеки и прошу мадам переводить несколько страниц, чтобы прикинуть общее содержание. Но милая женщина делает больше. Она находит в книгах нечто, что расширяет мой взгляд на этот период истории. На полях многих из них есть записи тех, кто читал эти книги ранее. И порою эти записи значительно важнее, чем сам текст первоисточника.

Мы и не ожидали, насколько быстро продвинемся в нашем вопросе. На полях крупных матеотеоретических работ нами был быстро найден и выявлен почерк и стиль самого Самууно Выдре, а затем и комментарии Фаэрна Фарна к его работе. Оба много времени проводили в библиотеке как раз за этими книгами. Именно потому, что они работали над одним проектом. Записки Фарна лишь подтверждают мои догадки. Он прямо пишет, что его работа тесно связана с его предшественником. Великий Мастер старался оставить максимально подробные выдержки о проекте, понимая, что за ним неустанно следят. На руку ему играло то, что культисты как один были необразованными чурбанами и читать могли только на имперском, что делало его записи для них лишь пометками ученого на полях. Однако для нас он приоткрыл завесу тайны, которую создавал Верховный.

То, что Его Высокопреосвященство называл Сердечным Магнитом, на самом деле являло собой гораздо более сложную машину. Это был аппарат для выкачивания и концентрирования энергии. В своём более упрощенном виде он был уже представлен в центре храма Сердца. Трон являл собой место для катализатора, а ложе на балконе над ним было аккумулятором. Человек, сидевший на троне, качал энергию напрямую из Сердца, а человек, находившийся на балконе, эту энергию получал. Соорудил это творение сам Самууно Выдре. А затем погиб, упав в чан с кипятком на соляном заводе. Какое совпадение.

Фарна нашёл знаки других великих мастеров. Они модернизировали трон и строили кожух и систему насосов, качавших чёрный дым, задолго до него. Этот проект уходил корнями в века. А мы его заканчиваем. И если Культ всё это время двигался к одной цели, что это была за цель? Восстановление Сердца?

Те мастера, которых Фаэрна смог проследить по хроникам, либо исчезли при невыясненных обстоятельствах, либо умерли не своей смертью. Ему удалось найти след всего пяти поколений, а маркировок лично мной найдено значительно больше. Если даже он не знал, кому принадлежат остальные, то откуда узнать мне? На этом его и моё расследование, похоже, зашло в тупик.

33й серп 7-го цикла

Я не хотел писать об этом, тем более думать. Но мысли терзают меня этой ночью, и я не могу не выплеснуть их, как грязную воду, на пыльную дорогу этих страниц.

В записях Фаэрна Фарна я наткнулся на размышления, или лучше сказать подозрения, Великого Мастера в том, что лично мне кажется невероятным. Он считал, что Верховный глава

Культа не сменялся уже как минимум несколько столетий. Что от Урлима Замаха, ровесника реконструкции храма Сердца, до нынешнего безымянного главы Культа мы наблюдаем одного и того же человека. Или не человека, потому что нам, смертным, жить так долго просто невозможно. Хотя что я ведаю о путях Сердца?

Фарна ссылается на разные источники, как научные работы, так и сборники газетных статей. Посмотрим, удастся ли мне отыскать их.

33й серп 7-го цикла

Интересно, откуда у них столько электроэнергии? Неужели под дворцом сохранилась старая гидроэлектростанция?

17й серп 8-го цикла

Доступ к библиотеке замка Амун есть у такого узкого круга людей, что рано или поздно ты их всех узнаешь. Но больше всех мне нравится этот бесхитростный парень, помощник Мастера зельеварений. Он, должно быть, уже вполне почтенного возраста, но для меня все они ещё дети. Мне нравится беседовать с ним, он знает языки, и я прошу его переводить мне некоторые названия, прежде чем утащу их к Снилсе, если подворачивается возможность.

Мы встречаемся с ним где-то раз в цикл и сидим, роемся в книгах, каждый в своём разделе. Но однажды меня так замучило любопытство, что я, в его отсутствие, не выдержал и пробежался глазами по корешкам с полки, которую он изучал. Все было то ли на верхнем, то ли на нижнем архиресском, и, конечно же, я ничего не понял, но отнести книги мадам Снилсе я испугался, чтобы бедолага не подумал, что я за ним слежу.

4й серп 12-го цикла

Я уже думал, что распутать этот узел мне не удастся никогда, но в один дождливый вечер Мадам Снилса любезно перевела мне первые несколько страниц книги, чей автор оказался хронистом времён обновлённого «Договора садовников». Его повествование начиналось с забавного случая, описанного мэром Нижнего сада, произошедшего на острый серп пятой луны года 7758 Бурных ветров.

В город из пустыни пришёл человек. Это не было чем-то необычным, ведь тогда ещё сохранялись корабли, способные пересекать её, как и караваны с побережья, что вели торговлю с городом. Тогда Нижние Южные ворота не закрывались ни днём ни ночью. Но необычным был сам человек. Через ров пролегал мост, и неизвестный, по его собственным словам, записанным спустя много лет, свободно пересёк его на живой лошади и попал на нижний уровень города. Там его обнаружили двое торговцев с большого рынка — он застыл посреди площади, казался потерянным и ошарашенным. Они пытались выяснить у чужака, кто он и откуда и что ему нужно в городе. Но тот, казалось, даже и не замечал их особо.

На вид ему было лет двадцать. Красивый, с длинными вьющимися волосами, одет он был в обветшалую одежду дорогого покроя. Недолго думая, торговцы отвели его в отделение полиции, где им занялся комиссар. Но и у того не получилось выдать из незнакомца ничего кроме нескольких бессвязных рычащих звуков. Неизвестным заинтересовались. К нему

приходили доктора, учёные, даже на самом верху, в университете Амун, о нём стал писать диссертацию один кандидат.

Этот кандидат и выяснил, что неизвестный, именуемый к тому моменту Малыш Каракатуа, не имел никакого привычного нам восприятия мира и не способен был выделять в нём объекты, не говоря уже о том, чтобы различать их дальность друг от друга. Весь мир для Малыша был единым цветным пятном, и звук в нём был частью этого цветного пятна, отчего незнакомец не способен был отличить красный цвет от воя сирены и очень болезненно реагировал на звук колокола.

Со временем Каракатуа научился человеческой речи и был представлен тогдашнему герцогу Ройя, охочему до всяких загадок. История Малыша увлекала и приятно забавляла его. Суждения же, что Каракатуа выдавал о мире, окружавшем его, были столь наивными, сколь и невероятно обнажающими всю скользкую природу нашей жизни. Воистину, только дети видят мир столь же незамутнённо, как видел его этот человек.

Герцог, будучи человеком легко влюблявшимся в свою доброту, оставил Малыша Каракатуа у себя и велел дать ему надлежащее образование, поселив его в замке как сына. С тех самых пор Малыша стали принимать в самых высоких кругах города. И даже избранный правитель встретился с ним как-то в дворцовом парке, перекинулся парой слов и был восхищен простодушием и учтивостью манер юноши.

Так шли годы, и счастью, обретённому Малышом, казалось, ничто не угрожает. Пока тот самый кандидат, уже ставший к тому времени профессором и успешно защитивший по Каракатуа диссертацию, не устроил скандал. Он обвинил Малыша в том, что он приставал с неприличными разговорами к его жене и воровал серебряную посуду из его дома. Обвинения были столь неожиданными и нелепыми с точки зрения общества, что Профессора засмеяли и быстро забыли об инциденте. Но затем с похожими обвинениями выступил и сам герцог Ройя, обвинив Малыша в том, что он не тот, за кого себя выдаёт и что он неоднократно ловил его на прямой лжи и воровстве.

С этого момента дела Каракатуа пошли из рук вон плохо. Герцог с позором выгнал его из дома, полиция завела на него дело, а несчастный оказался на улице в том же районе города, где и начал свой путь. Но, по необъяснимому снисхождению, его приютил тот самый кандидат-профессор, занимавшийся им все эти годы. Как он сам отвечал в одном газетном интервью, ему стало жаль юнца, пусть и сбившегося с пути. Жена его умерла от позора к тому времени, а Профессору нужна была помощь по дому. Поэтому он и вознамерился перевоспитать Малыша и сделать из него достойного гражданина.

Но кончилось всё, к сожалению, печально. Однажды днём кто-то неизвестный позвал Малыша на встречу. Каракатуа предупредил профессора, что отправляется на средний ярус в район искусственного озера, вокруг которого тогда был разбил большой сад. Он говорил что-то о том, что волнуется и чувствует дурные предзнаменования, но профессор был занят и не особенно обратил внимания на взбалмошного юношу.

Малыша Каракатуа нашли спустя несколько недель на дне озера. Его обезображенное тело, привязанное к тяжёлой металлической балке, вытащили на поверхность оживлённые водолазы. Оpoznать парня Профессор смог лишь по одежде и личным вещам, но горевать особо не стал, посетовав, что юноша сам шёл по кривой тропинке, не имевшей возможности закончиться иначе.

Но почему же эта история заинтересовала нашего хрониста? А потому что спустя несколько лет объявились люди, утверждавшие, что поднятый со дна озера человек — не Каракатуа. Не совпадала форма зубов (слепок, по случайности, сняли в полицейском участке, когда Малыш впервые попал к ним в день своего появления в городе). Затем зубы пропали, как пропали и те люди, что кричали о них. И это привлекло к вопросу только больше внимания.

Стали появляться самые невероятные теории. Но нашего хрониста интересовала лишь одна из них, им самим и выдвинутая. В тот же год, что пропал Малыш Каракатуа начал своё восхождение известнейший деятель Культа — Рамцес Великий. С него, говорят, и началось возрождение служения Сердцу, да и всего последующего исторического фона, плоды которого мы пожинаем и теперь. Наречённый Давием, он был принят в Культ молодым юношей и учился у самого Фалвина Оквидонского, наставника наставников. Фалвин приблизил к себе юного Давия и посвятил в средний круг, где того и прозвали Рамцесом, в честь древнего царя, способного говорить с Сердцем.

Хронист находит несколько доказательств связи Давия Рамцеса с Малышом Каракатуа: возраст; суждения, записи которых сохранились; внешняя красота и прочая безосновательная дребедень. Но, помимо этого, в его доказательствах присутствовали и те, что заставили меня задуматься. В первую очередь, это дела самого Давия. Получив в руки власть, он упразднил кафедру, где работал тот самый профессор, в чьём доме жил Малыш. Профессору даже не помогло то, что за него вступилась сама герцогиня Амун и её муж — они тоже поплатились за своё своеобразие. И ладно бы это. Но Рамцес был известен своим конфликтом с домом Ройя. Давий, быстро пробившись на вершину Культа, обвинил герцога Ройя в пособничестве Культы Воскрешения и всячески добивался его публичного суда. И пускай это у него не вышло, вес герцога в обществе был подорван, и дом Ройя потерял много влияния при дворе усилиями нашего новоиспечённого Высшего Клирика.

Ещё одним фактом, что кажется мне важным в этой истории, стоит считать, что Рамцес всячески способствовал тому, чтобы всякая информация о Малыше Каракатуа была уничтожена. Он публично называл увлечение общества тайнами «пугающей игрой ума», приведшей к тому, что наше Сердце в таком плачевном состоянии. «Конечно, — пишет хронист, — не стоит исключать из внимания, что история Каракатуа была не единственной, преследуемой во времена Давия Рамцеса. Любая городская легенда вымарывалась из публичного поля, стоило ей попасть на стол Высшего Клирика. Но все вместе эти факторы неоспоримо указывают на связь Давия с историей Малыша».

Остальная книга не представляла уже интереса и состояла лишь из размышлений хрониста на эту тему. Если же говорить о косвенных признаках, показавшихся интересными лично мне, то я бы отметил, что с правления Давия Рамцеса начался переход в официальной летописи с нижнего архиресского на имперский диалект. Казалось бы, фактор малозначительный, но, тем не менее важный для общей картины. Нельзя не упомянуть, что при нём был создан Бьёрнвейг, ставший одновременно страшилкой и опорой власти «садовников». Что чудовище и поспешило доказать, став переломным фактором в подавлении восстания Семимирона, сына приютившего Малыша герцога Ройя, использовавшего по некоторым данным мертвецов для оживления своих гигантских големов. Что интересно, это делает обвинения Давия в пособничестве герцога секте Воскрешения вполне оправданными и одновременно подбрасывает дров в топку теории хрониста, о том, что Давий Рамцес и Малыш Каракатуа — одно лицо.

31й серп 12-го цикла

Я решил проверить свою догадку и обнаружил в книгах, что изучает помощник Мастера зельеварений записи на полях, схожие с теми, что мы находим с мадам. Но, похоже, записи оставляет сам помощник. Так я могу судить из моих кратких наблюдений за ним.

Порой это прямой перевод, но иногда и расчёты, и формулы, которые он прикидывает, похоже, проверяя написанное. Интересно, у кого он учился? Неужели в Институте Чудес действительно могут чему-то научить?

17й серп 14-го цикла

За полгода мы построили большую часть «сердечного магнита». Строительство ведётся прямо на крыше храма. Все тесты проходят великолепно. Если вначале мы могли стягивать сердечную пыль в радиусе двух-трёх метров, то теперь уже в радиусе метров тридцати все осколки слетались к храму, отчего на время экспериментов, пришлось выдворять оживляшек с территории дворца.

Даже с этим невиданным источником нам всё равно не хватает электроэнергии, чтобы раскатать магнит по полной. Верховный обещал решить этот вопрос. Но как это сделать в городе, где нет ни одного толкового электрика?

Когда мы заняты там, на крыше храма, я забываю обо всём и мои сомнения кажутся мне лишь безумием, неизбежно настигающим всех стариков. А мне ведь и в правду немного осталось.

28й серп 14-го цикла

Вымарать нижний архиресский из общего наречия было делом непростым, вся наука была написана на нём. И если проследить историю новейшего возвеличивания Культа — это история уничтожения науки. Мешало им только то, что у них совсем ничего не выходило с их чудесами.

Умно было придумать это прозвище — драконий язык. И по сей день детей пугают драконами. «Не спи на краю, прилетит дракон и унесёт тебя в подземный мир». Все эти поговорки — плод долгой проповеди Культа. Стыдно говорить на драконьем языке, стыдно потакать тёмной силе. И символом этого страха навеки стал Бьёрнвейг. Всё это было лишь прикрытием, чтобы вымарать нашу историю, уничтожить знание и ввергнуть город в невежество, чтобы легче им управлять. А ведь когда-то наш город назывался Городом Драконов, и некоторые еретические летописи говорят о том, что он был основан ими.

Однако я не могу не заметить, что введение имперского языка было назревшей необходимостью, потому что архиресский, разделившийся к тому моменту на верхнее, среднее и нижнее наречие (по уровням города), стал совершенно разным языком на верхнем ярусе и на нижнем. Слуги не понимали господ и наоборот. Восстания уже давали о себе знать, поэтому железная рука Давия не только резала сук, на котором сидела наука, она одновременно приколачивала его к другому дереву.

Восстание Семимирона положило конец Третьему Ренессансу науки, и с тех пор мы лишь падаем в пучину предрассудков и религиозного страха. Но Культи сами наступают себе

на голову. И эта голова болит. Верховному нужна наука, чтобы закончить этот невероятный проект, который «должен восстановить Сердце».

31й серп 14-го цикла

Нет, не могут ничему научить в этом дурацком Институте Чудес. Наш парень выучился готовить зелья сам, по книгам, и химию, и математику — всё лишь потому, что в его семье дед ещё говорил на обоих архиресских наречиях.

Я узнал это сегодня в разговоре с помощником Мастера зельеварений.

1й серп 15-го цикла

Я вижу, как косо поглядывают на меня служители, дежурящие в верхней, недоступной даже мне части библиотеке. Но пока Его Высокопреосвященство так велит, я буду ходить сюда, сколько захочу, тупые выродки забывай-воды.

Будь проклят Серан Тайград. Мои сметы продолжают отклонять. Верховный сетует на какого-то дядюшку Тэмена, имеющего на Узурпатора большое влияние.

4й серп 16-го цикла

И всё же эти неучи из Института Чудес что-то могут. По крайней мере, могут создать видимость этого. Моё любопытство съедает объект, над которым они работают на южной части крыши храма. Весь закрытый тентом, он светится по ночам яркими вспышками и терзает как моё честолюбие, так и профессиональный интерес. Но на все мои попытки заговорить о том, чем они там занимаются, Культи вежливо переводят разговор на другую тему.

11й серп 17-го цикла

За окном зима, работа встала из-за непомерных даже для оживляшек холодов, а моё воровство из запрещённой библиотеки приобрело промышленные масштабы. Ещё ни разу в жизни я не пожалел, что так долго обучался иллюзиям: ни один культист не видит, как я выкатываю тележки с томами запрещённой литературы. И ни одному из них не придёт в голову не поверить своим глазам, потому что даже самый опытный иллюзионист не способен поддерживать иллюзию дольше нескольких минут, и уж тем более так долго, как это могу я. Мы решили ограничить наши встречи с мадам Снилсой в университете, чтобы не привлекать лишнее внимание Культа. Но чего-то нового разыскать пока не удаётся, и расследование моё топчется на месте.

Я бы не обратил внимания на историю Малыша Каракатуа, описанную выше хронистом, если бы за месяц до этого в обнаруженных мной записях на полях доказательства Толмундовой аксиомы не приводились размышления графини Мизейры, известного физиотейоретика, о долголетию Давия Рамцеса. По её словам, он пережил её деда, хотя и был сильно старше его. Ввиду отсутствия новой информации, я решил повторно углубиться в её заметки и был вознаграждён.

В годы, когда она писала диссертацию, будучи уже почтенной женщиной, Рамцес ещё был главой Культа. Давий стал им будучи уже зрелым мужем благодаря достаточно длительной борьбе с другими высшими клириками, поднявшись на своих популистских проектах с запретом на сплетни, охоту на секту Воскрешения и Ведьм Времени, подстегнувших паранойю в городе до таких высот, что девушки на среднем ярусе фактически перестали оставаться одни, чтобы не быть обвинёнными в колдовстве.

В этот раз я обратил внимание на то, что во время болезни Давия в Культе впервые было проведено «обновление». Тот же приём, что так знаком нам теперь. «Прилив свежей крови», как называет это Его Высокопреосвященство. Сейчас это бывает раз в 10 лет, а тогда случилось в Культе впервые. Под предлогом избавления от старых методов управления, Рамцес вывел из Культа всех старых служителей, поставив на их место студентов, которых обучали по новейшей методике, разработанной, конечно же, самим Давием Рамцесом.

В тот же год Давий скончался, а его место занял Ранарт Пятый, назначенный им в преемники. Что тоже было в новинку для Культа, избиравшего своих Верховных глав из высших клириков. Но влияние Давия было таково, что никто не смел оспорить его решение даже после смерти.

Графиня же в своих заметках описывала свою встречу с Ранартом так. Она, одна из немногих старых представителей дворянства, была приглашена на аудиенцию к новому Верховному главе. И, похоже, была единственной в зале, кто встречался и с его предшественником, потому что все остальные были намного младше её, являясь новым поколением наследников великих домов. Она же единственная была бездетной, поэтому Культ не мог пригласить кого-то помладше.

Будучи девочкой, она встречала Давия во дворце. И, будучи девочкой, влюбилась в его красоту и удивительную энергию, источаемую им в каждом движении. Она навсегда запомнила это чувство, испытанное ею при встрече с уже по годам немолодым мужчиной, меж тем, выглядящим, как юноша. Это совершенно вскружило ей голову, и много страниц на полях шло описание её безответных чувств, положенных на алтарь любви. Графиня так и не выбрала никого в спутники жизни. Оставшись в одиночестве, она описывала, как занялась наукой и приняла обет безбрачия ради испытанных ею в глубокой юности чувств к этому человеку.

Так вот, какой же шок она испытала, когда в тот день в храме она встретила Ранарта. Он был как две капли воды похож на Давия. Такого, каким она запомнила его тогда, в первый день знакомства. На лице его нарисованы были брови и усы, и глазам краской была придана немного иная форма. Но женское сердце не обманешь. Перед ней стоял тот самый Давий, в которого она влюбилась, будучи юной.

Но для меня было невероятным не только совпадение, отмеченное графиней. В описании, что приводил хронист, ссылаясь на виденные им лично фотокопии, в истории Малыша Каракатуа имелись детали, заставлявшие волосы шевелиться у меня на спине: «Был он роста среднего и тонкого телосложения. Мышцы правильные и кости пропорциональной длины, как пишут на картинах. В его глазах было сразу два оттенка: синий и зелёный, смотря под каким углом смотришь. Лицо миловидное, выражение грустное. Нос с горбинкой. Губы пухлые. Волосы вьющиеся. На лбу родинка чуть повыше левой брови». Теперь же приведу описание графини: «Хорошо сложенное тело его ещё тогда поразило меня своей пропорциональностью, достойной гармонии, что можно найти в приёмах классической

изобразительной традиции. Губы, сложенные лепестками роз, чуть загнутый с горбинкой нос и, о луны, покрашенная белилами, но всё же проступающая родинка над левой бровью».

3й серп 18-го цикла

Я знаю, как сходят сума. «Существо», как я теперь про себя называю Верховного, предложило мне «блестящий» план. Он предлагает под этап финального голосования за начало реконструкции Старого Квартала в Сенате саботировать новый проект Тайграда. К примеру, сжечь его строительные материалы, и тогда, если большинство великих домов выскажется либо нейтрально, либо против повторной субсидии, у Сената не будет выбора, кроме как автоматически одобрить финансирование следующего в очереди проекта — моего.

Я поделился этим планом с единственным человеком, к кому я испытываю доверие, с мадам Снилсой. Она, как оказалось, имела большие познания в химии и обещала помочь с необходимым веществом, которое бы было одновременно эффективным и безвредным.

12й серп 18-го цикла

Удивительно, как «Существо» опять обвело меня вокруг пальца. Он обещал помочь, но теперь я сам должен шевелиться, чтобы план с финансированием сработал. Как ему это удаётся? Ведь сейчас я сижу в трезвом уме и понимаю, что он просто не выполняет своих обязательств, заставляя меня самого делать всю грязную работу. Но когда я с ним, я словно забываю об этом. Он не говорит, не произносит этих слов, но я сам, сам ощущаю, как всё в нём говорит: «Мы делаем это ради Сердца». И я не могу отказать, я чувствую такой стыд за то, кто я есть, за мои низменные желания, за мои подозрения.

Мне, честно признаться, страшно бывать в храме, видеть эту мерцающую камеру. И только мысль, что всё, что я делаю, — ради Его спасения. Интересно, все остальные великие мастера, работавшие здесь, тоже так думали?

22й серп 18-го цикла

Сегодня мне довелось посидеть за пультом магнитотрона. Мы регулировали мощность магнита. Это была катастрофа. В храм прилетело несколько Бодавочников, а на территорию дворца забрался пустынный. Бедняга был так измотан, что умер прямо на площади. В магните я нашёл сотни мёртвых совок. Несчастных просто впечатало в него, превратив всё вокруг в братскую могилу из птиц. Я долго ругался с настройщиком Культа, по моему мнению, откровенно напортачившим.

Я так надеялся на удачу, что в чувствах треснул по какому-то рычагу, и ко мне поднялись несколько чёрных камней на небольших постаментах, а также металлические сферы с выемками для рук. Я читал описание этого прибора у Фарна. Он тоже сталкивался с ним, работая над усовершенствованием трона, но он описывал его находящимся в стене храма, а не здесь, на крышах хозяйственного блока, вместе с магнитотроном.

Я не удержался и положил руку в одну из сфер. Моё сознание будто бы перенеслось на крышу замка Узурпатора. Я смотрел на площадь, откуда мы этим утром забирали несчастного Пустынника. Но тут нечто тёмное нависло надо мной и вытеснило меня прочь с крыши, и я

очутился вновь в кресле в круглой комнате с магнитотроном. Чтобы избежать недоразумений, я тут же ретировался обратно в храм Сердца.

15й серп 19-го цикла

Очередная удача. В таблицах проводимости мы с мадам Снилсой отыскивали записи одного оживлённого, обслуживавшего храм лет сто назад. Бедняга, к своему несчастью, осознал себя и вел тайные записи между колонок статистики проводников и полупроводников. Не знаю уж, где он научился читать и писать на необычной разновидности диалекта высшего архиресского, но, боюсь, что кончил он в сердечной печи.

Тем не менее, оживляшка успел оставить достаточно подробное описание не только всего процесса самоосознания, что само по себе является научным достоянием, но и поразившего его события — первого пробного запуска трона, произведённого никем иным, как Великим Мастером Магистрата Самууно Выдре.

На троне, в качестве катализатора, находился Воин Семи Сил— известный в те времена гладиатор, способный, как говорят легенды, взглядом вынимать душу из противника. А на аккумуляторном балконе Верховный глава Культа Пармауг Йой. Самууно подключил главный сердечный канал к трону и подал полное напряжение на цепь. В начале ничего не происходило, но затем, по команде Йойа, Воин Семи Сил напрягся, что было мочи, так что глаза его полезли из орбит. В Сердце произошла вспышка, осветившая кожух, и Йой задымился и взлетел под потолок, сильно ударившись головой. Я помню, как ещё в моём детстве он был именем нарицательным. «Не бейся головой, будешь, как Йой».

Оживлённый первым подоспел на помощь к Верховному главе Культа. И в записях его присутствует замешательство. Понятное дело, что он боялся обсуждать подобное с кем-либо, и любое событие было для него чем-то необычным. Но он никогда не видел, чтобы люди так менялись на глазах. Вот какое описание приводит оживлённый: «Существо человек стонало. А лицо его, будучи ровным, начало сжиматься. С него потекла струями краска, обнажая под первым лицом второе, более молодое. Обнажённое лицо было тонким с выпуклыми губами, зелено-голубыми глазами и широким лбом, чью белизну нарушал лишь изъяз над правой бровью. Но и это лицо оказалось не последним, во владении существа человек. Оно стало сохнуть, как сохнет на солнце краска моих глаз, и трескаться. Из-под лица этого проступило новое, похожее на прежнее, но более скукоженное, испорченное лицо, рассечённое шрамом посередине, с серыми, острыми глазами, посмотревшими в меня так глубоко, что я испугался и убежал».

Также не могу не отметить, что описанное оживлённым и Выдре устройство трона отличается от того, что я наблюдал в наши дни. Видно, что была проведена большая работа над ошибками.

Примечательно, что через несколько дней после объявления смерти Йойа место верховного главы Культа занял Его нынешнее Высокопреосвященство. На сохранившихся фотокарточках он уже был стариком. С серыми острыми глазами и шрамом, пересекающим лицо пополам. Сейчас шрама нет, но я отчетливо помню его фотографию со шрамом в газете, что держал в рамке над столом мой отец. Она закрывала сейф с документами по Саду.

Мне трудно делать какие-либо выводы. Но мой мозг начинает вспоминать такие детали в общении с Верховным, что мне трудно спать по ночам. Я отчетливо помню, как он

говорит о временах Давия так, словно он вспоминает их. Не исключаю, что я сам додумываю это, но избавиться от этих «ложных» воспоминаний уже не могу.

Неужели это один и тот же человек? Но как человек может столько жить? Всё никак не могу привыкнуть к мысли, что, может быть, это вовсе не человек. Уже тысячу лет не человек, не оживлённый, не перворождённый правит нами. Тогда кто? Дракон?

21й серп 19-го цикла

Сегодня я долго гулял взглядом по корешкам книг, что читает помощник Мастера зельеварений. Последние дни он был крайне взволнован, книги валились из его рук, отвлекая меня от моих записей. Я вынул одну из тех, что он часто читал, с зелёным корешком, и раскрыл на произвольной странице. Она оказалась оборванной. Часть текста отсутствовала, но по краям виднелись не привычные пометки и расчёты, а связный текст на имперском: «Дорогой Перлеглоз, я обладаю обострённым вниманием к мелочам и знаю, что вы наблюдаете за мной и за моими книгами. Это никогда не смущало меня, потому что я верю, что ваш интерес сугубо научный. Но сейчас я пишу вам, в надежде, что вы прочтёте мой крик о помощи. Я боюсь идти в полицию, мне угрожали. За мной следят. Уже несколько серпов один и тот же человек сопровождает меня на нижний ярус. Я говорил своему начальнику, но он отмахивается, ссылаясь на то, что я всегда был параноиком, сколько он меня помнит. Надеюсь, что он прав. Но если это не так, прошу вас, любезный Великий Мастер, передайте в полицию или Культ, что ко мне несколько раз приходили люди, пытавшиеся убедить меня работать на них, а не на моего хозяина. Я навёл справки самостоятельно, но всё, что мне удалось узнать, так это то, что они из Квартала Мистиков. Все эти шарлатаны и прохиндеи, выдающие себя за ведьм и знахарей, пьющие кровь необразованных людей».

После его письма на полях книги у меня весь оставшийся день болела голова. Я не могу так больше. Работа над Сердечным магнитом встала. И это становится заметно. Я всё время думаю, что они знают, что я знаю. И это съедает меня изнутри.

Мадам Снилса, которую я посвятил в свой план по саботажу Тайградова строительства, сегодня тоже была сама не своя. Она пришла ко мне во время обеда и сообщила, что нашла необходимую формулу и положила её мне на стол. Мадам что-то волновало, но она так и не призналась, что именно. Какие-то перепалки со студентами. Конечно, что ещё делать с этими неучами, кроме как спорить.

Вещество, найденное ею в «Дополненном справочнике пиротехники», должно превратить бетон в фейерверк. Чудесное будет представление. Готовься Сейран.

28й серп 19-го цикла

Сейчас, когда я пишу эти строки, мне уже легче, если после такого вообще может быть легче. Катастрофа в Старом Квартале стала для меня откровением. Я лично прилетел как только узнал. Всю ночь разгребал завалы, пока внучка организовывала поставки еды пострадавшим. Я потерял сон.

Пишу эти строки и слезы, наполненные отчаяньем и злобой, как кислота текут, по моему телу, проедая борозды стариковского отчаянья. Перед глазами в толпе я всё время видел лицо сына. В каждом, кто смотрел на меня, я видел его глаза. О Сердце, что я испытал.

Как я до сих пор сохранил рассудок, спросите вы? А я не уверен, что сохранил.

30й серп 19-го цикла

О Сердце! Я чуть не разрыдался сегодня в Сенате. Я положительно схожу с ума. Как трудно жить несколько жизней. Однажды ты просто не поймёшь, какая из них твоя.

Я попытался навестить профессора Снилсу в университете, но не застал её ни на кафедре, ни в общежитии. Неужели и здесь я ошибся. Неужели это она предала меня?

Город из человека не вытравить. Город у него внутри?

31й серп 19-го цикла

Удивительно. Но мощь магнита выросла. Я своими глазами видел сегодняшний тест. Но как теперь думать об этом?

32й серп 19-го цикла

Уже сейчас, задним числом, я понимаю, что это всё Верховный. Он просто подставил меня. Наврал про магнит, использовал, и теперь готов выкинуть в утиль, как и всех остальных великих мастеров. Тюрьма и публичный позор. Нет. Только смерть. Это всё, что мне остаётся. Я снова проглядел что-то важное и увлёкся на старости лет идеалистическими взглядами. Честно признаться, по большей части их стоило бы называть идиотическими.

Мои подозрения оправдались. Одному Сердцу известно, зачем он или оно строит этот прибор.

Заклинаю тебя, читатель, не поддаваться под влияние Его Высокопреосвященства. Оно, это существо, умеет что-то такое, от чего даже самый острый ум превращается в послушную игрушку. Я переживал это раньше, я переживаю это сейчас. Из-за этого нечеловека я пожертвовал сыном и стал массовым убийцей. Я не жду, что когда-то будут написаны учебники, где моё имя будет, если не очищено (нет, об этом я не мечтаю), то хотя бы объективно взвешено в сравнении с тем, чего я пытался достичь, пускай и безуспешно. Как и несчастный помощник Мастера зельеварений, чью судьбу я так и не постиг, я жду, что кто-то прочтёт эти строки и сможет остановить этого человека, или не человека, «Существо», я уже не знаю».

Глава 32

Вечером того же дня дракон приземлился на балконе дворца Узурпатора. Створки на груди, закрывающие пилота, раскрылись, и Тэмен выпал на выехавшую из груди чудовища

лестницу, скатился и упал на холодный камень. Его стошнило. Он попытался приподняться, но сил хватило только для того, чтобы перевернуться на спину. Тяжело дыша, правитель лежал и смотрел на дракона, нависавшего над ним в темноте.

— Будь ты проклят, — пробормотал Йомера.

— Тэмен?

Из глубины зала раздались быстрые шаги, и на балкон выбежала Майло в домашнем платье.

— Милый, о луны, что с тобой? — пролепетала она, в ужасе смотря на Узурпатора.

— Уходи, — пробормотал тот, — не надо на меня смотреть.

— Что ты такое говоришь? — присев рядом с возлюбленным, произнесла девушка.

— Я велю выколоть глаза всем в замке, лишь бы больше на меня никто не смотрел, — покачал он головой.

— Что случилось? — спросила Майло, хватая его за руку.

— Позор, мерзость, а-а-а-р-р, — взревел Йомера, стукнув кулаком о пол, и закашлялся.

— Погоди, я принесу воды.

Девушка встала и побежала обратно в зал. Дракон опустил голову к Узурпатору и принялся.

— Убирайся! — прокричал Тэмен. — Не хочу тебя видеть!

Дракон послушно кивнул и взмыл в небо, растворившись во тьме.

Майло вернулась со стаканом в руке и дала его приподнявшемуся на локтях Йомере. Он сделал большой глоток.

— Какая крепкая, — произнёс он, поморщившись, — спасибо.

Придя в себя от забывай-воды, он поднял голову, чтобы поблагодарить девушку, но не увидел её. Поднявшись, он огляделся и услышал, как скрипнула дверь и на противоположном конце зала в дверях показалась растрёпанная голова Майло. Девушка, одетая в ночнушку, стояла в дверях и вглядывалась в темноту. Йомера помотал головой.

— Зачем ты переоделась? — спросил он с трудом.

— Любимый, это ты? — позвала она.

Йомера нахмурился.

— Ты в порядке? — спросила она, побежав в его сторону.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, поднимаясь на ноги.

— Как что? — удивилась Майло, подбегая.

— Как ты... впрочем, — он задумался.

— О чём ты, милый, ты в порядке?

Тэмен поднял мутные глаза на девушку и неуверенно спросил:

— Почему ты ещё здесь?

Майло смотрела на него непонимающим взглядом.

— Потому что я люблю тебя, — произнесла она, пытаясь ухватить его руку, которую он отдергивал.

— Любишь меня? Ты пользуешься мной! — воскликнул он.

Он оттолкнул девушку и поднялся на ноги. Его переполняла бурлящая ярость.

— Кто ты такая? Кто?

Из глаз девушки покатались слёзы.

— Что ты такое говоришь? — пробормотала она срывающимся голосом.

— Ты цветочница, торговка с нижнего яруса. Ты никто. Понимаешь? Понимаешь? Ты пиявка, — закричал на неё Тэмен и поднял руку, чтобы ударить девушку, но опустил её.

Майло закрыла лицо руками и зарыдала, сотрясаясь от каждого его слова.

— Я велю выкинуть тебя из дворца, — проревел Узурпатор и двинулся в глубь зала.

— Постой, — с трудом произнесла девушка, — что ты делаешь, что происходит?

— То, что давно должно было произойти! — рявкнул Тэмен.

Он поднял со стола колокольчик и принялся в него непрерывно звонить. Мутными от слёз глазами девушка смотрела то на колокольчик, то на лицо Йомеры, пока в дверях не появились гвардейцы с ружьями наготове.

— Выкинуть её из дворца, — крикнул Узурпатор вошедшим, машинально поправив кольцо с чёрным камнем на пальце.

Те робко переглянулись и неуверенно двинулись к ошеломлённой девушке.

— Быстрее! — закричал Тэмен, и охранники бросились со всех ног.

Подхватив несчастную Майло, от неожиданности совершенно лишившуюся сил, они поспешили прочь, мимо негодующего Узурпатора. В коридоре они несколько раз остановились и переглянулись, но, пожав плечами, спустили девушку вниз и вывели на площадь. Мост на средний ярус к печально знаменитой Красной Площади, где обычно проходили казни, был поднят, поэтому одному из сопровождавших пришлось сходить за разрешением к коменданту. Майло словно оцепенела. Второй гвардеец отпустил её и, стараясь не смотреть ей в глаза, нюхал в сторонке травяной сбор.

Мост опустили, и девушка сама, уже без помощи гвардейцев, вышла за пределы дворца и направилась в город. На полпути она остановилась и подняла глаза на стену, как раз туда, где просыпалась с Тэменом на парящей кровати. Оттуда на неё смотрел дракон. В темноте ей даже показалось, что чудовище ухмыляется.

— Пусти! — крикнула она. — Пусти меня к нему, пожалуйста!

Дракон молча, не двигаясь, смотрел на неё.

— Он что-то не так понял, это недоразумение, мне надо ему объяснить. Пожалуйста, прости меня.

Она упала на колени и вновь заплакала. Затем подняла голову и протянула к чудовищу руки. Голова Бьёрнвейга двинулась, рот раскрылся, и из глубины его чрева вылетело алое пламя, залившее ворота и мост. Алый огонь остановился в нескольких метрах от девушки, опалив её страшным жаром. Майло упала на землю, прикрывая руками лицо. Но пламя заставило её, рыдая, поползти прочь. На краю моста её подхватили чьи-то руки и подняли с земли. Утирая слёзы, она не сразу разобрала вокруг толпу людей. Испуганные женщины и рассерженные мужчины с факелами окружили Майло и направились по мосту с Красной площади ко дворцу.

— Сколько можно это терпеть! — раздалось в толпе.

— Кто заплатит за жизнь моей семьи!

— Долой беспредел!

— Долой Узурпатора!

Толпа двигалась к воротам. Дракон поднял голову и оглядел лестницу, по которой толпа поднималась ко дворцу. В его чреве вновь зародилось пламя. Первые ряды отпрянули, но кто-то, наоборот, бросился вперёд.

— Что мне теперь терять! — прокричала рыдающая женщина. — Сожги меня, порождение тьмы!

Бьёрнвейг направил морду к ней, отчего она остановилась, но затем приподнял рот и пустил пламя над головами, осветив площадь, заполненную людьми, продолжавшими прибывать из переулков.

— Долой тирана! — закричали в толпе. — С нами нельзя, как с нижними!

На Майло накинули куртку и отвели в сторону мимо юноши, разбежавшегося и кинувшего в сторону ворот зажигательную бутылку. Та разбилась о каменную кладку моста и быстро потухла. Кто-то особенно дерзкий закричал:

— Узурпатор культей машет, но он нам не страшен!

На это даже люди, идущие в толпе рядом с оратором, взглянули на него со страхом и негодованием.

Перед лицом девушки возник стакан с водой. Дрожащими руками она приняла его и машинально кивнула в знак благодарности. К ней опустилось лицо худощавого мужчины средних лет с хитрыми глазами.

— Пойдёмте, Белая дева, — улыбнулся ей Брат Ветчина, — вы нужны своему народу.

Девушка, недоумевая, посмотрела на мужчину, но приняла его руку, двинулась вниз по лестнице через площадь и исчезла в переполненных переулках, лишь раз оглянувшись на извергавшего над толпой пламя дракона.

Герцог Ройя смотрел со своего балкона на пламя над нижними воротами дворца уставшим и измученным взглядом.

— Вы запретили входить, — гнусавя дрожащим голосом оправдывался Степаш, — а там полдня грохотало, а потом чрезвычайное положение объявили. Вновь террористы.

— Что пишут? — сонным голосом спросил Альберт.

— Говорят, посыльные Вечернего Ветра разбросали на среднем ярусе газету с заявлением, что за разрушениями города стоит некомпетентность Культа и Узурпатора. Это подняло народ на стихийное шествие, и его теперь разгоняют, — кивнул привратник в сторону огненных всполохов у дворца.

Ройя, подняв брови вверх и медленно моргая, переваривал информацию.

— Вот уж не ожидал от тебя, Гас, — пробормотал он себе под нос, — неужели я ошибся в тебе, — и обратился к Степашу, — его уже вздёрнули?

— Нет, — покачал головой привратник, — он найден мёртвым на своём печатном станке. Так мне сообщил ваш толстяк, наслушавшийся сплетен по дороге из дворца.

— Его отпустили? Интересно, — покачал головой герцог, — интересно. И где он сейчас?

— Думаю, в морге, — прохрипел Степаш.

— Нет, — усмехнулся Ройя, — где наш толстяк?

— Время ужина, — прогнусавил привратник.

Альберт нашёл Блопа на кухне, располагавшейся в самом низу обжитой привратником части замка. Тот с грустным лицом поднялся из погреба с очередной порцией банок с соленьями.

— Совсем нет хлеба, — посетовал он вошедшему герцогу.

Сверло остановился и задумался о чём-то.

— Что с нами будет без хлеба, не могу себе представить, — покачал головой толстяк, — на балу был хлеб, я помню.

— Да, грядут тяжёлые времена, — нахмурился герцог, присаживаясь за большой стол посреди помещения, — была такая история, про одного еретика, связавшегося с существом из загробного мира... Впрочем, я хотел тебя спросить кое о чём.

— Да, Ваша Светлость, — услужливо поклонился толстяк, и одна из банок выскользнула из его объятий и разбилась о каменный пол.

Блоп дёрнулся, пытаясь удержать остальные, но от этого стало только хуже — и одна за другой банки выскользнули и попадали рядом. Испуганный толстяк остался стоять с одной лишь банкой с огурцами, в которую он вцепился всеми силами.

— Смотри не раздави, — скривив губы, хмыкнул Альберт.

Блоп с испугом ослабил хватку, банка стала выскальзывать из его рук, он снова схватился за неё, поскользнулся на рассоле и осколках, проехался и плюхнулся о стол, уронив

на него банку. Та прокатилась через всю столешницу прямо в руки герцога. Он неспешно поставил спасённую банку рядом с собой.

— Твоими трудами еды совсем не останется, — поморщился Ройя, — сядь уже.

Сержант стражи, покраснев, почесал голову и проследовал к табурету напротив Альберта.

Они долго молча смотрели друг на друга. Точнее Блоп просто поглядывал на герцога, а тот внимательно изучал лицо толстяка.

— Ты был во дворце? — спросил Альберт, удовлетворив своё визуальное любопытство.

— Да, Ваша Светлость, — робко ответил сержант.

— В семинарии?

Блоп кивнул.

— Меня привели в большой зал приёма и сказали ждать.

— Значит, ты встречался с Верховным? — удивился герцог.

— Нет, — отрицательно покачал головой толстяк, — никто так и не пришёл.

Герцог вскинул правую бровь.

— Я прождал половину солнечного пути и пошёл домой, — пожал плечами Блоп, — никто меня не остановил. Все заняты были теми страшными бедами, что случились на втором ярусе.

— Вы самые... — начал было Альберт, но дверь за его спиной отворилась, и в неё почти вбежал красный, как луна, Ручи, а за ним — не менее красная Мита.

— Ты обещал, — рассерженно крикнула девочка.

— Ваша Светлость, — взмолился высокий стражник, — избавьте меня от неё.

— Дитя... — обратился Сверло к Мите.

— Разве слепой герцог не прозрел? — прошипела девочка. — Почему вы не верите мне? Ты, ты же видел всё своими глазами в эхе мира! — прикрикнула она на Ручи.

— Я устал гоняться за цветками в горшках, — закрыв глаза, покачал головой высокий стражник, — мужчина должен делать мужскую работу.

Мита подошла к банке с огурцами и зло посмотрела на неё

— Вы все только и делаете, что играете в свои желания, — сказала она, оглядывая собравшихся. — Тебе бы только командовать кем-нибудь, — бросила она в сторону Ручи, — ты думаешь об этой мерзкой женщине, — повернулась она к герцогу, — а ты, — посмотрела она на Блопа, — ты вообще мечтаешь о том, как бы не думать.

Остолбневший было Альберт хихикнул.

— Откуда ты знаешь... — начал он.

— Откройте мне банку, — топнула ногой Мита.

Ручи подошёл и отвинтил крышку. Девочка пододвинула банку к себе, достала огурец и принялась с жадностью жевать его.

— Мои соленья! — раздался гнусавый возглас Степаша, вошедшего вслед за Расморе в помещение кухни.

Привратник бросился к осколкам, зло шипя на всех, кроме герцога.

— Мерзавка. Это наши последние запасы. Как ты смеешь набивать свой желудок вперёд Его Светлости, — возмущался он из-под стола, собирая осколки.

— Довольно, Степаш, — покачал головой Ройя.

— Прошу простить меня, — подал голос, оставшийся в дверях Расморе, — но я, кажется, могу помочь в вашей маленькой проблеме, — и он поднял на уровень лица связку рыбы, держа её в правой руке.

Все оглянулись и удивлённо уставились на него.

— В вашем пруду полно Прыщерыбов, — смутился Шамса. — Я с удочкой уже пятнадцать лет, а впервые поймал что-то живое, — улыбнулся он, бросая связку в раковину. — Где у вас тут нож для чистки чешуи?

Недовольная голова привратника показалась из-под стола и указала крючковатым носом на тёмный деревянный ящик под столешницей.

Отужинав вместе со всеми приготовленной Степашем рыбой, герцог Ройя собрался к себе.

— Постой, задумчивый герцог, — обратилась к нему Мита, обглаживая голову рыбины, — попроси своего слугу показать тебе то, что находится в подземелье замка.

Привратник вздрогнул и зло посмотрел на девочку. Стоявший в дверях Альберт вопросительно посмотрел сначала на неё, а потом на него.

— Пусть он покажет тебе, чем славились твои предки на протяжении веков, — медленно произнесла Мита, вытирая рот платком из своей сумки.

Степаш сидел мрачнее тучи, опустив глаза в тарелку.

— О чём она говорит? — требовательно спросил Ройя.

Привратник молча поднял взгляд на герцога и ничего не ответил.

— О секте воскрешения? — спросил Альберт.

Степаш снова вздрогнул и встал из-за стола. Он проследовал к двери в погреб и поманил за собой герцога.

— Нет, — покачала головой девочка, — мы все должны пойти. Вы все должны верить мне.

Сидевшие за столом переглянулись, а Степаш испуганно посмотрел на Альберта.

— Пусть будет так, — после короткого раздумья произнёс герцог.

Спустившись по узкой лестнице в холодный каменный коридор, Степаш дождался, пока Альберт проследует за ним, и зажёл висевший на стене сердечный фонарь.

— Эта девочка... — гнусавым голосом начал привратник, — я должен предупредить вас...

— Веди, — хмуро сказал Ройя, оборачиваясь на Блопа, пытавшегося протиснуться по узкому проходу лестницы.

Степаш покорно посмотрел на хозяина и двинулся в глубь коридора, где по стенам располагались скудные запасы еды на полках. Сверло провёл рукой по куску вяленого мяса и мысленно перенёсся к лицу Перлеглоза Трокийи, разорвавшемуся на части перед его глазами.

— Вы совсем не знали вашего отца, — произнёс Степаш с горечью, отразившейся от стен погребя печальным эхо.

— Совсем, — кивнул Альберт, потрогав пробитый пулей Блопа осколок Сердца на груди, всё так же болтавшийся на цепочке, — этот кулон — это всё, что мне осталось от него... Не считая замка.

Степаш, не оборачиваясь, кивнул и повесил фонарь на вбитый в каменную кладку крюк. Подождав, пока герцог поравняется с ним, он показал ему в стене камень в форме дерева и нажал на него. Стена задрожала и отъехала в сторону.

— Эй, подождите нас, — жалобно крикнул Блоп за их спинами, — тут очень темно.

— На стене при входе есть ещё фонари, — недовольно прогнусавил Степаш, кутаясь в свою чёрную робу от холода, которым понесло из открывшегося в стене проёма.

Внутри оказался лифт и два безжизненных голема, их руки покоились на вращающемся механизме.

— Что дальше? — вопросительно поднял бровь Альберт.

— Дальше вращать, — словно извиняясь, произнёс Степаш и схватился за длинную металлическую ручку между големами, сделав приглашающий жест остальным.

— Что, ни одного сердечного осколка для них не нашлось? — хмыкнул Ручи, оглядывая безжизненных массивных существ.

— Они устроены не так, как ты думаешь, — загадочно взглянув на герцога, произнесла Мита.

— Источник жизни механизмов этого замка утрачен, — горько пробормотал Степаш почти себе под нос.

— Точнее захвачен, — уточнила девочка.

Спустившись, как им показалось, до самого соляного озера, они покинули лифтовую кабину. Дрожащий алый сердечный свет слабо осветил широкий коридор с колоннами, поворачивавший налево от входа и уходивший куда-то вниз. От него несло могильным холодом и гулкой давящей тишиной.

— Мы точно должны туда идти? — прошептал Ручи, у которого непроизвольно затряслись колени.

Он вспомнил, как оказался один, в темноте, среди колонн, с прибывающей водой — и дыхание его перехватило. Ничего не сказав, Альберт взял у Степаша фонарь и неуверенным шагом двинулся вперёд. Пройдя несколько шагов, герцог оглянулся на оставшихся у двери спутников. Первым вслед за хозяином шагнул привратник, за ним девочка, а уже за ними неохотно поплелись стражники.

— А где Шамса? — спросил Блоп, оглядываясь назад.

— Сбежал, прохвост, — сжав зубы, чтобы те не стучали то ли от холода, то ли от страха, ответил Ручи.

— Может, и мы сбежим? — предложил толстяк. — У меня это хорошо получается.

Ручи посмотрел на товарища и кивнул.

Альберт шёл вперёд, оглядывая изобилующие мрачной лепниной чёрные своды над головой. Существа, чьих имен он не встречал ни в одной еретической книге из библиотеки Культа, терзали и разрывали тела людей и животных. Разорванные части тел сбрасывались с сводов вниз по колоннам. А камни пола были вырезаны в виде разлагающейся перемешанной плоти. В глазах герцога поплыло, и он пошатнулся. Сзади подбежал Степаш и подхватил хозяина.

— Вот так, — прогнусавил он, — осторожно, осторожно. Всё это может быть трудно, да. Простите, простите, я совсем не знал, как начать этот разговор.

— Где мы? — поймав равновесие и освобождаясь от назойливых рук привратника, спросил Роя. — Это фамильный склеп?

— Нет, Ваша Светлость, — забормотал Степаш, — видите ли, ваша семья...

— Твоя семья занималась тем, что возвращала к жизни мертвецов, — сказала девочка, проходя мимо них и двигаясь дальше по коридору, спиралью спускавшемуся всё ниже и ниже. — Но, если быть точной, они не давали им покинуть мир.

Она подошла к колонне по левой стороне коридора, где начиналась пропасть, и засунула руку в свою сумку, откуда достала щепотку пылицы, сдула ее с руки — и та сверкающим потоком понеслась вниз, освещая огромный колодец, спускавшийся, казалось, до самого дна соляного озера. Герцог встал рядом с ней, безмолвно наблюдая за грандиозным творением.

— Дорога ведёт в Зал Возвращения, — произнёс Степаш, боязливо выглянувший из-за спины Альберта.

— Всё это здание — огромный прибор, привлекающий умерших, как светлячков привлекает свет. Он построен в форме воронки, так что все те, кому не повезло попасть в неё, спускаются в то место, что твой слуга называл Залом Возвращения. Ежедневный ритуал держал их привязанными к этому пограничному времени и месту и не давал уйти дальше, как требует того жизнь, — произнесла Мита и двинулась дальше вниз.

— Я встречал записи о ведьмах времени и секте воскрешения, но чтобы это было правдой... Мне это казалось мифом, легендой, выдумкой, моей любимой коллекцией страшилок и ересей... — пробормотал Роя, следуя за девочкой. — Бонго Зоркий, Семмимирон, все эти персонажи, поднимавшие армии големов-мертвецов, всё это...

— Правда, — кивнула Мита.

Альберт взглянул на Степаша и тот грустно кивнул в ответ, пряча глаза.

— Обросшая выдумками, но правда, — уточнила девочка. — Ваша семья многие века делала это в тайне ото всех, пока её не раскрыл твой властелин и главный враг, — произнесла она, взглянув на герцога, — они бы не раскрыли себя, если бы не было слишком поздно. Восхождение твоего врага заставило их пойти на открытый конфликт и проиграть. Он оказался сильнее. Так говорит предание моей семьи. Это было очень давно, задолго до моего рождения. У нас нет имени для него, мы не знаем, кто Он или Оно. Но то, что Оно делает, повергает в ужас. В нём нет ничего человеческого. Оно как машина. Наш квартал, Квартал Туманов, был полем его эксперимента. Все, кто там умер, а умерли многие, попали в его ловушку. Он создал свой вихрь, привлекающий мертвецов, больше, страшнее, чем ваш колодец. Этот вихрь привлекает всех, кто умирает в городе и даже за его пределами. Если в городе случилась трагедия и погибли люди, это всё потому, что ему нужно ещё сил.

— Постой, — перебил её Альберт, — о ком ты говоришь?

— О твоём властелине, — повторила девочка.

— О Верховном Главе Культа? — переспросил он.

— Я не знаю, кто он в миру, — покачала головой Мита, — я лишь знаю его отражение в эхе мира. Это огромное насекомое с туловищем и головой человека, то женщины, то мужчины.

— Какие ужасы ты рассказываешь, — прогнусавил Степаш.

— Посмотрим, как выглядишь в эхе ты, — усмехнулась девочка.

Ройя молчал.

— Что это за эхо? — спросил Альберт спустя много долгих шагов по уходившему всё ниже коридору.

— Эхо мира — это коллективный шкаф со скелетами всех в нём живущих. Туда мы засовываем все наши страхи, всё, что не хотим знать и помнить. И самый главный страх, хранимый в нём, — это страх смерти. Поэтому перед переходом в иное бытие, каждый, кто был здесь, пролетает через это место. И вот в нём завелись паразиты. Сначала это была твоя семья. Теперь это Оно.

— А если такого «шкафа» у тебя нет? — спросил герцог.

— Значит, ты уходишь отсюда, — пожала плечами девочка, — и всё происходит так, как должно. Но разве в этом городе найдётся кто-то без шкафа и скелета в нём? Если человеку нужен враг, он придумает его.

— И вы занимаетесь тем, что помогаете умершим покидать эхо? — уточнил Альберт.

— Всё верно, — кивнула Мита. — Кто-то мог просто заблудиться, кто-то боялся расстаться со своей формой, а теперь просто всех забирает твой мрачный властелин. Раньше нас было много. Но теперь, благодаря его усилиям, осталась одна я. Он чувствует угрозу. Не знает, где она, но бьёт сразу по территории. Когда выпустили туман, все погибли, кроме бабушки.

Всю остальную дорогу по коридору они молчали. В самом низу, в центре колодца, располагалась площадка, выложенная крупной чёрно-белой плиткой.

— И куда дальше? — спросил Альберт, оглядываясь вокруг в поисках прохода.

Но Мита лишь многозначительно посмотрела на привратника, и Степаш, вздохнув, подошёл и повесил на крюк в стене сердечный фонарь.

— Эти двое, похоже, потерялись по дороге, — хмыкнул Ройя.

— Страх гонит слабых духом, — произнесла Мита, вздёрнув нос и вскрикнула, потому что пол под её ногами задрожал и из центра площадки поднялся шест, засветившийся зеленоватым свечением по вырезанным в нём символам.

Степаш взял девочку за плечи и отвёл от шеста на несколько шагов.

— Возьмитесь левой рукой, Ваше Сиятельство, — прогнусавил он.

Ройя посмотрел на него, потом на Миту, а затем перевёл взгляд на шест. Вздохнув, он сделал к нему шаг и поднял правую руку, затем опомнился и поднял левую.

— Всё будет хорошо, — успокаивающе произнёс привратник.

Ройя моргнул и взялся ладонью за холодную поверхность шеста. Электрический разряд ударил из него вверх, озарив колодец яркой вспышкой. Герцог смотрел, как молнии ползли по его руке и телу и поднимались вверх дугами, расходясь по краям колодца до самой его вершины. Альберт закричал и отпустил шест.

Все трое обнаружили себя в большом колонном зале, потолка не было видно, вершины колонн терялись в темноте. Под ногами был пол, выложенный той же чередующейся чёрно-белой клеткой, только мокрый, местами залитый большими лужами воды. Альберт полулежал, опершись спиной о капитель у основания колонны. Спина болела от удара. Мита с какой-то большой собакой стояла рядом с другой колонной и внимательно смотрела на герцога. Тот поднял ногу и с ужасом вскрикнул. Его тело ниже живота представляло из себя многоножку. Он тут же вспомнил ужасный случай в Саду замка Трокийя, когда их привели на экскурсию. Тогда оживляшка-садовник копнул пару раз землю и показал ему землероек, живших там во множестве. Альберт почувствовал, как теряет сознание.

— Нет-нет, — воскликнула Мита и бросилась к нему, начав бить его по щекам, — глупый герцог, не засыпай здесь, не засыпай, иначе никогда не проснёшься.

Ройя встрепенулся и, тяжело дыша, попытался вскочить и убежать от ударов девочки, но тело его не слушалось, двигалось неохотно.

— Что, что со мной?! — кричал он. — Что это? Кто я?

— Тише, тише, — громким шёпотом шипела Мита, — услышат! Молчи, нас могут услышать.

Герцог с ужасом смотрел в глаза девочке, боясь опустить свой взгляд ниже, но любопытство пересиливало, и он, поморщившись, пошевелил одной из конечностей.

В конце концов его удалось успокоить, и девочка обернулась к собаке.

— А ты, оказывается, вот какой, добрый пес Степаш, — улыбнулась она.

Лохматая собака подошла и лизнула лицо Миты.

— Придётся тебе везти нашего герцога, — усмехнулась она.

Кое-как взгромоздив Альберта-многоножку псу на спину, девочка повела их вдоль колонн.

— Куда мы идём? — тихо спросил Ройя, обвивший шею Степаша.

— Ты должен увидеть сам, как всё обстоит на самом деле, — не оборачиваясь, ответила девочка, от которой исходило сияние, расплывшееся по колоннам многогранными тенями.

Герцог только сейчас заметил, что свет, освещавший всё вокруг, исходил от неё, от пса и от него самого.

Вскоре колонны кончились, пол стал совсем сухим, а вокруг стали попадаться осколки скальной породы. Затем начался подъём, и псу стало тяжелее идти. Пол ушёл под земляную насыпь, и они приблизились к широкому проходу. За ним виднелось глухое красное свечение. Мита вошла в него и повернула направо. Собака-Степаш проследовала за ней и оказалась на небольшом возвышении при входе в огромный грот, в центре которого поднимался вихрь из красных и чёрных облаков. Под вихрем располагалось большое плоско лежащее колесо с длинными рукоятями, вытянутыми, словно лучи солнца, и расходящимися во все стороны. Множество существ вращали колесо, держась за рукояти. Герцог поднял голову, чтобы рассмотреть, куда уходит вихрь, но вершины не было видно, пока вращающуюся тьму не озарила молния, устремившаяся из колеса куда-то вверх. Если бы можно было представить, что в этом мире есть небо, то молния исчезла где-то в нём, гораздо выше, чем потолок грота, который невозможно было рассмотреть в темноте. Из вихря в стоящие по краям в виде сложенных губ трубы понеслись разноцветные нити и исчезли в больших резервуарах, где они ещё светились какое-то время, но затем погасли.

— Ещё несколько человек умерли, — констатировала Мита, — за прошедший день умерло уже очень много, вихрь становится всё больше, — покачала головой девочка, — смотри.

Она указала пальцем на освещённый тусклым красным светом пьедестал. Альберт повернул голову и увидел на нём похожее на себя существо. Человеческое тело с длинным хвостом и множеством ног, оно умело управлять собой. Быстро забравшись на пьедестал, существо поднесло трубку, поднимавшуюся из резервуаров ко рту, и всосало в себя светящиеся нити. Его живот засветился, и существо уползло с пьедестала прочь.

— Оно ест их? — с ужасом спросил Ройя.

— Нет, только пробует на вкус их жизнь, чтобы понять, кто на что годится, — пояснила девочка. — Самые примитивные идут крутить вихрь, а тех, у кого фобии поинтереснее, он относит в другие места. К сожалению, я не знаю куда. Там охрана, не пройти.

На этих словах в резервуаре открылись двери, и несколько человек, озираясь, вышли наружу. На них тут же обрушились удары плетей от двух устрашающего вида исполинов с тёмной грубой кожей и сверкающими даже во тьме глазами. Люди поспешили к колесу.

— Почему я похож на него? — дрожащим голосом спросил Альберт.

— Я не знаю, — покачала головой Мита.

— Ведь это же он, он! Верховный, — продолжил герцог, почти плача. — Он мне как отец, он воспитывал меня. Все эти годы он дарил мне гобелены с еретическими мифами, мы вместе смеялись. Он учил меня верить в Сердце, в крепкое государство. Он всё для меня.

— Наверное, поэтому ты такой же, как твой враг, — пожала плечами девочка.

— Я не могу поверить... Что всё это значит?

— Поэтому я и привела тебя сюда, — обернулась к нему Мита, — если бы ты не увидел всё это своими глазами, ты бы вряд ли смог поверить до конца. Жаль, что твои дружки-стражники не настолько же готовы к правде, как ты.

— Да что это за правда! — схватившись руками за голову, воскликнул герцог, из его глаз покатались слёзы. — Мой наставник — мерзкое уродливое существо, пожирающее мертвецов, а я такой же, как он, наследник дома, пожиравшего их до него. Что мне теперь с этим делать?

— Остановить, — твёрдо сказала девочка и поманила Степаша за собой вниз. — Пойдём.

Мита вывела их из грота другой дорогой, пройдя мимо вращающегося колеса и исполинов, к удивлению герцога, не заметивших их. Альберт пытался разглядеть знакомых среди тех, кто вращал колесо, но так и не смог никого обнаружить. Его взгляд упрямо останавливался на оживлённом с забралом вместо рта, беседовавшим с котом.

В пещере, куда свернула Мита, они встретили белого, как мел, человека с совершенно плоским лицом, стучавшего в потолок, где был нарисован белый круг.

— Эй, я знаю, ты там, спаситель мой, пожалуйста, ну пожалуйста, ответь, — хныкал белый человек, провожая путников недовольным взглядом.

— Кто это? — спросил Альберт, оглядываясь.

— Это блуждающий дух, — ответила девочка, — он убежал от твоего врага и теперь ищет способ вернуться в мир, поставил ловушку и ждёт, пока в неё кто-нибудь попадётся.

Выйдя из грота в темноту, они отошли от стены и стали удаляться от неё. Появилась вода и скоро уже стала девочке по колено. Затем вдалеке показалось свечение. Оно поднималось с небольшого возвышения посреди тьмы. Альберт не сразу разобрал, что находится наверху. Но, приблизившись, разглядел, что нечто серое двигается, поднимаясь и опускаясь над поверхностью.

— Что это?

— Это Сердце, — ответила Мита, — точнее его отражение в Эхе.

— Твой враг питается им, он хочет поглотить его целиком.

Альберт долго смотрел на серое колебание.

— Степаш, поднеси меня, — попросил он.

Лохматый пёс послушно подошёл к возвышению, и герцог схватился руками и попробовал подтянуться наверх. Тело его было тяжёлым, и ему никак не удавалось поднять

себя, пока он не схватился случайно одной из своих задних ног за уступ. Поймав устойчивое равновесие, он зацепился за выступы другими ногами и с лёгкостью пополз вверх.

На вершине он увидел разодранные останки Сердца. Трескающиеся с каждым вздохом кристаллы, переходящие в плоть, с трудом дышащие, грязного серого цвета они вот-вот готовы были испустить дух.

— Люди ни разу не вернули Сердцу осколок, — произнесла оказавшаяся рядом Мита, — мы сами подписали свой приговор. И Оно пришло довершить начатое нами.

— А если вернуть осколок? — задумчиво произнёс Альберт, потирая пару средних ног.

— Кто касается осколка, не может отказаться от власти, которую он даёт. Такова природа человека, — опустила глаза девочка, — не человеку думать об этом.

Альберт потрогал кулон с пробитым пулей осколком на шее.

— Этот слишком мал, чтобы обладать силой, — ответила Мита его мыслям, — он был нужен для другого.

— Для чего?

— Чтобы ты пришёл сюда.

Герцог вопросительно посмотрел на неё.

— Тихо, — повернула голову девочка, — слышишь? Сюда идут. Надо уходить.

Она достала из сумки золотую арфу и сыграла несколько нот, после чего пространство перед глазами Альберта закружилось, и он потерял сознание.

Глава 33

Гудди открыл глаза. Что-то было необычное в таком простом действии, но он не успел придать этому какое-либо значение, потому что слух его наполнил неприятный гул и удары барабана. В темноте ничего не было, только ощущалось достаточно сильное тепло. Он вытянул левую руку, правая не слушалась. Сделал шаг, ещё один, ещё. Рука нащупала впереди стену с неровной поверхностью.

Двигаясь по стене, он прошёл довольно далеко, пока не начал ощущать толчки, повторявшиеся с большой периодичностью. Постояв в раздумьях, оживлённый всё же продолжил путь. Из темноты на него набегали образы дракона, Лео, Лилы, Герды и Снорри. Но он старался отогнать их, потому что от воспоминаний становилось плохо, где-то под грудью появлялась боль, один раз она даже заставила его вскрикнуть, и тогда звенящий крик разнёсся эхом по невидимому помещению.

Ему казалось, что несколько раз он засыпал, но потом просыпался вновь, пока наконец вдалеке не забрезжил свет. Суставы его скрипели, таз должен был вот-вот развалиться. Но оживлённый упрямо шёл вперёд. Красный отсвет исходил из узкого прохода, что вёл в широкий грот, где спускались вниз большие пролёты, похожие на лестничные, только были

они пологие, без ступеней. Размер был такой, что туда с лёгкостью поместился бы боевой корабль или даже два. Свет исходил откуда-то снизу, и на верхних пролётах было темно. Гудди огляделся и двинулся вниз. Поверхность, по которой он шёл, была из песка и камня, и он периодически поскальзывался на скатывающихся вниз обломках.

Один из пролётов продолжался гротом ещё большего размера, с протянувшимися вдоль него длинными траншеями. За траншеями вдалеке виднелись колонны и жёлтая магма, стекавшая вниз в невидимый бассейн. В траншеях Гудди заметил рогатых существ, они что-то тащили. Большие и печальные, они не обращали внимания на происходящее, а делали свою бессмысленную работу. Оживлённый сам не заметил, как любопытство привело его в одну из этих траншей. Существа ступали своими огромными ногами сотрясая пол, и песок вперемешку с мелкими камешками подпрыгивал при каждом их шаге. Рядом, как оказалось вблизи, друг за другом шли люди, оживлённые и перворождённые; грязные, сломанные, в лохмотьях. Кто-то с непонятным грузом, а кто-то налегке. Никто никого не подгонял и не заставлял. Только изредка кто-то из цепи всматривался вперёд, чтобы разглядеть спины других бредущих в отвесах магмы существ.

Вся процессия прошла мимо пьедестала, где стояли двое людей, покрытых побелкой, с совершенно плоскими лицами, и разглядывали бредущих. Над ними висела большая человеческая голова, показавшаяся оживлённому знакомой. Вскоре он стал замечать, что у траншей появились ответвления, и в одном из них он увидел знакомого ему лысого лучника из Свободного Города.

— Привет, — радостно прозвенел Гудди, подбегая к нему из шеренги.

Лучник обернулся и качнул головой, давая понять, что узнал его.

— Я думал, ты умер, — удивился оживлённый.

— Умер, — кивнул лучник и отвернулся обратно к стене, принявшись откапывать из неё серый кристалл.

Гудди растерянно смотрел в его спину.

— Тогда... — прозвенел он тихо.

— Ты всё верно понял, парень, — кивнул он.

Только сейчас оживлённый разглядел, что вся одежда человека была обожжена, а кожа на руках и на всем теле покрыта ожогами и рубцами.

— А что это за место? — спросил Гудди.

— Не знаю, — не оборачиваясь, ответил лучник. Теперь он был совершенно иссохшим и чёрным, словно уголь.

Он обернулся на оживлённого — тот отпрянул, бросился прочь от рассыпавшегося в прах человека.

— Не хочу умирать, не хочу умирать, — звенел себе под нос Гудди, пробираясь сквозь ряды в шеренгах бредущих к магме людей.

Протолкавшись сквозь толпу, он перебрался через насыпь и увидел вход в пещеру, откуда виднелся яркий, похожий на электрический свет. Оказавшись внутри пещеры и

переведя дух, оживлённый увидел при входе несколько каменных ванн с жидкостью, в которой плавали обломки кристаллов, а внутри лежали серые существа с плоскими лицами. По телу одного из них поднимались от ноги белые прожилки. Существа спали, хотя в гроте было шумно. Дальше в глубине пещеры из стены рос кристалл побольше. Гудди подошёл и сразу же резко отпрыгнул от него. Внутри кристалла что-то открыло глаза и теперь смотрело на него двумя яркими алыми точками. Оживлённый в панике обернулся и побежал в глубь пещеры. Слева и справа по краям росло всё больше и больше кристаллов, и Гудди пришлось пригнуться, чтобы проползти под ними. Внутри каждого одна за другой зажигались точки алых глаз.

Выбежав из пещеры в другой грот, Гудди остановился и потёр хрустящее колено. За спиной что-то упало, и из одного из ближних кристаллов выпало серое существо. Оживлённый, не оборачиваясь, побежал вниз к большому механизму — то было колесо, и его вращали, как ему показалось, сотни существ. Над колесом поднимался во тьму тёмной-красный вихрь. Гудди остановился, даже сделал два шага назад, и только крик и плач, донёсшиеся из пещеры, вновь погнали его к вихрю.

— Гудди! — раздался знакомый голос.

Оживлённый завертел головой, пытаясь понять, кто его зовёт. Среди ближнего круга вращающих колесо он заметил махавшего ему рукой котёнка. Тот вместе с другими маленькими существами тащил низко закреплённую жердь и приветливо смотрел на Гудди.

— Это я, Лео! — прокричал котёнок.

Оживлённый нахмурился и перешёл на шаг.

— Лео? — переспросил он, поравнявшись с краем колеса.

Ребенок, стоявший в одной линии с котом, недовольно ткнул его в бок, и котёнок был вынужден взяться обеими лапами за жердь и продолжить работу.

— Это я, это я, — промурлыкал кот.

— Но ты... — начал было Гудди, оглядывая колесо.

— Не шатайся без дела, иначе будут бить, — раздражённо прошипел на оживлённого человек с лицом свиньи из следующего ряда и освободил для него место.

Гудди оглянулся в направлении, куда смотрел человек, и увидел двух исполинов, поворачивавших к вихрю свои головы. Оживлённый поспешил занять место в ряду.

— Лео, я... мне было так плохо, я думал, ты умер, — произнёс Гудди.

— А я умер, — кивнул котёнок.

Оживлённый замолчал, вспомнив лицо лысого лучника.

— Тогда что это за место? — спросил он чуть погодя.

— Это место, где мы ждём суда, — произнёс человек с лицом свиньи, — верховное божество выбирает, кто достоин служить, а кто нет. Те, кто не достоин, крутят вихрь и добывают останки. Те, кто достоин, в основном людские самки, служат по-другому.

— Как? — переспросил Гудди.

— Разные слухи ходят, — сказал кто-то из возвращавших за спиной оживлённого.

— Лео, я так переживал, когда тебя убили, — произнёс он, закрыв глаза, — я ощутил, что значит потерять, так глубоко. В груди до сих пор словно дыра.

— Это была ловушка, — промурлыкал Лео.

— Вот это, — кивнул человек с лицом свиньи на вихрь, — ловушка.

Гудди посмотрел вверх и жалобно звякнул внутренностями.

— Раз вы крутите, получается, что вы все уже прошли отбор, чего вы ждёте? Что должно измениться? — воскликнул оживлённый.

Все вокруг промолчали.

— Давай уйдём отсюда, — прошептал Гудди, наклонившись к котёнку.

— Куда? — грустно спросил тот, обернувшись к оживлённому.

— Все, кто бежали, вернулись, — прошептал ему на ухо свино-человек, — сами или другими способами.

— Какими?

Но его сосед не ответил и только закатил глаза.

— Лео, пойдём, нам надо выбираться отсюда, — взмолился оживлённый пушистой спине кота.

— Я здесь привык, — покачал тот головой.

Гудди почувствовал, как нарисованная слеза катится по его металлической щеке. Он выбежал из ряда и бросился через открытое пространство к широкой арке, ведущей из грота. За спиной его раздался грохот, и, обернувшись, он увидел, как один из исполинов раскрыл свой огромный рот. Из темноты показался длинный язык, и исполин замахнулся им, как хлыстом. Гудди закрыл голову единственной работающей рукой и, не глядя, побежал прочь. Удар хлыста-языка пришёлся совсем рядом с оживлённым. Земля сотряслась и подлетела гроздьями вверх. Гудди подкинуло вместе с ней, он пролетел добрых десять метров и кубарем скатился в расщелину между камнями.

Оживлённый долго лежал, смотря на черневшую над ним дыру, откуда сыпали мелкие камешки и песок, тонкой струйкой попадавший прямо ему в глаз. Грохот ног исполина удалился и песок перестал. Что-то рядом двинулось в воде, издав лёгкий всплеск. Гудди приподнялся на рабочей руке и огляделся. Невысокий потолок и ряды каменных ванн по стенам. В каждой сидели или стояли очень худые серые существа. Их плоские лица были прилеплены к стене, из которой проступал чёрный камень. Свет в помещении исходил только от оживлённого. Одно из существ уперлось руками и ногами в стену, пытаясь отдёргнуть лицо от камня. Видно было, как напряглись его мышцы. Но усилия явно не хватало. Изредка кто-то из них двигался, и из ванн выплескивалось немного воды с обломками кристаллов.

Гудди с трудом поднялся, посмотрел сначала в одну сторону, затем в другую и пошёл вдоль рядов. Тонкие серые, а иногда и белые существа попадались ему в самых разных позах. Некоторые ванны были пусты, и вода в них была особенно тёмная. «Это просто странный сон»,

— звенел про себя Гудди, хотя ему никогда до этого не снились такие длинные сны. Наконец пространство пещеры кончилось, показался проём, за ним начиналась темнота.

Оживлённый медленно вышел наружу и увидел спускающуюся к воде насыпь. Вода была гладкой, но всё же колебалась под дуновением то ли ветра, то ли чего-то иного. Гудди стал спускаться вниз. Над его головой снова раздался бой барабана и гул. Он оглянулся и увидел, что над выходом из пещеры сидит красное крылатое существо с вытянутой вперёд мордой. Перед существом стоял барабан. Оно било в него и, раскрыв рот, полный маленьких красных зубов, издавало тот самый неприятный гул.

Гудди развернулся и побежал к воде. Его металлические ноги громко шлепали по её поверхности, пока уровень не поднялся и бежать стало неудобно. Оживлённый перешёл на шаг. Стало холодно. Он обхватил себя руками и тут же ошарашенно взглянул на них. Перед его лицом было две совершенно обычные человеческие руки. Он оглядел себя. Всё его тело было человеческим. От неожиданности он присел в воду, обхватив колени руками.

Опомнился Гудди, когда услышал, как громко стучат его зубы. Он встал, огляделся, заметил недалеко от себя возвышение и побрёл к нему. Подойдя, он обошёл каменный выступ, но не нашёл, как на него подняться. Наконец он попытался залезть на него, но сил не было и конечности сводило от холодной поверхности, отчего он лишь оцарапал кисть и смотрел теперь с удивлением на текущую из неё кровь. Невдалеке раздалась всплески, Гудди обернулся. По воде к нему шла женская фигура. От неё тоже исходило свечение. Длинные вьющиеся волосы ниспадали с плеч. Женщина улыбнулась пухлыми губами и приподняла левую бровь, над ней можно было различить родинку. «Что же вы, молодой человек, дайте, дайте мне руку», — произнесла она уверенным голосом, подходя и помогая Гудди подняться на выступ.

Они оба сидели, свесив ноги с возвышения, и смотрели, как вода бьётся о камни внизу. Женщина представилась Недописанной Судьбой и дала Гудди свой камзол, а сама осталась в чёрной robe.

— Голос твой мне знаком, — произнёс всё ещё дрожащий от холода мальчик.

— Я уже говорила с тобой, — кивнула Недописанная Судьба.

— Ты дракон? — предположил Гудди.

— И да, и нет, — усмехнулась она.

Перед их глазами из темноты показалась голова Бьёрнвейга. Мальчик от неожиданности вздрогнул и отпрянул. Дракон словно бы был больше и страшнее, но не нападал, а лишь обвил своей необычно длинной шеей выступ, скрежеща вентилями и выпуская чёрный дым.

— Не бойся, он не тронет тебя, — успокаивающе положила руку на плечо мальчика Недописанная Судьба.

— Потому что ты так хочешь? — спросил Гудди, громко дыша и удивляясь пару, выходящему из его рта.

Женщина кивнула.

— Кто ты?

— Я ужас радости и мерзость восхищения, — ухмыльнулась Недописанная Судьба. — А ты способен ответить на этот вопрос?

— Нет.

— Вот и я нет. В этом мы похожи.

— Но тут столько того, что подчиняется тебе.

— Да. Но это ни на сколько не приближает меня к ответу на твой вопрос. Власть может создать иллюзию того, что ты что-то знаешь, но ненадолго. Жизнь поспешит напомнить тебе об обратном, сколько бы драконов ни было у тебя в должниках.

Гудди молча смотрел на бесконечную шею Бьёрнвейга, погружённую в воду и расходящуюся по ней, словно волны.

— Ты была и Лилой.

— Не совсем. Она была слишком далеко от меня, чтобы я могла быть ею. Просто она знала, что делать.

— Что тебе нужно от меня?

— Видишь ли, у природы вселенной есть одно свойство, которое нельзя игнорировать, но я посмела. Всё находится в балансе. Если человек пожирает мир, то где-то появится другой, из тех отходов, что человек съел. И вот мы здесь. Если ты набираешь силу, обязательно появится что-то, что уравновесит тебя. Иначе невозможно.

— Не понимаю, — покачал головой мальчик.

— Мы с тобой разные концы спектра. Противоположности в системе координат внешнего мира, — подняла она глаза вверх. — Ты уравниваешь меня. А я тебя.

— Так, значит, всё в порядке?

— Да, если исключить тот факт, что противоположности неизбежно сталкиваются. И сила этого столкновения будет разрушительна для обоих. Нам суждено уничтожить друг друга.

— Но ведь ты сама сказала, что ты Недописанная Судьба.

— Всё верно, поэтому я и хочу изменить этот курс на взаимную аннигиляцию.

Гудди услышал за спиной шорох, оглянулся и увидел развёрнутое к нему спиной большое насекомое, поедавшее останки чего-то состоящего из живой плоти и проросших сквозь него серых кристаллов. Мальчик отвернулся, обхватив себя руками, и заметил, что правая его рука вновь стала металлической. Женщина обернулась к жуку и погладила его хвост.

— Я так и не понял, чего ты хочешь, — проговорил Гудди после долгой паузы, наблюдая, как шея Бьёрнвейга исчезает в воде.

— Я хочу объединиться, — ответила Недописанная Судьба. — Мне нужно закончить то, что я делаю, и я не хочу разрушения.

— А что ты делаешь?

— Узнаешь, когда станешь частью... когда станешь мной. Ты же хочешь быть человеком?

Мальчик посмотрел на свою человеческую и железную руки.

— Хочу, — кивнул он. — Я не хочу заканчиваться, я хочу жить. И любить, и дружить.

— Тогда чего же мы ждём, — усмехнулась женщина и оглянулась.

Гудди с трудом оглянулся вслед за ней, боясь вновь увидеть насекомое. Но там никого не было, только маленький костёр горел посреди возвышения.

— Тебе надо войти в него, — спокойно сказала Недописанная Судьба.

Мальчик привстал и посмотрел на костёр.

— И всё будет в порядке? — спросил Гудди.

— Да.

— И никто не погибнет больше?

— Да.

— И ты вернёшь Лео и остальных к жизни?

— Да.

— Но мне нравится быть собой...

Женщина замолчала и подняла на мальчика свои внимательные глаза. На мгновение он заметил, как через её гладкие черты проступает лицо старика.

— Откуда ты знаешь, что всё не будет хорошо, если мы восстановим Сердце?

Недописанная Судьба не отвечала.

— Я не знаю твою цель, но моя цель ясна. Я должен вернуть руну Сердцу.

— Какой пафос! Тебе же просто внушили это, — улыбнулась женщина и поднялась на ноги, возвысившись над мальчиком. — Ты думаешь, что ты сделаешь всё правильно? Ты понимаешь, что не существует правильного и неправильного? Рано или поздно всё будет едино.

— Я, может быть, и недолго живу, и не очень умный, но понимаю, что есть любовь и есть страх, и это всё, — он обвел руками вокруг себя, — больше похоже на страх. А я не хочу бояться, — продолжил он срывающимся голосом, — и не хочу, чтобы боялись мои друзья, те, кто ещё живы. Я видел лица тех, кто вращает вихрь, они несчастны. Я не на твоём конце с.. с... этого... спектра.

— Я тоже не выбирала быть здесь, и уж тем более становиться полюсом для всего вашего бессмысленного мирка, — разозлилась женщина, — ты думаешь, мне вообще всё это нужно?

— А я выбирал? — почти прокричал и топнул ногой Гудди, и поверхность под ними задрожала.

Сначала возвышение зашаталось, и костёр провалился вниз под землю, затем тьма над ними треснула и в проём засветил яркий луч света, упавший прямо на разрушающийся выступ. Женщина, пытаясь поймать равновесие, рухнула вниз и упала под воду. Из трещины, которая всё время увеличивалась, посыпалась, словно скорлупа, поверхность тьмы, и на Гудди подул оглушительной силы ветер, разогнавший воду вокруг уходящего вниз возвышения.

Ветер света подхватил оживлённого, словно лист, и понёс с собой через пустоши к цветущим полями, лугами и реками, к высокому холму, где на вершине билось Сердце. В глазах Гудди яркими вспышками замелькали образы Герды, Снорри, Рауда, Лилы и Лео.

Гудди открыл глаза. Над ним столпилось несколько фигур. Яркий свет бил сверху, и он не мог разобрать, кто был над ним. Одна из фигур держала в щипцах что-то извивающееся. «Кидай её в чан, Галахад», — закричал знакомый голос. Фигура с щипцами исчезла, а остальные отпрянули вслед за ней. Галахад Вульфи положил извивающийся чёрных сгусток в вакуумную печь, а Альфред плотно закрыл её.

— Давай, — закричал он обезьянкам, и те набросились на вентиль.

Металл заскрипел, с трудом поддаваясь, но вот уже топливо потекло по хромированным трубам в двигатель, и печь загудела и затряслась, рискуя вот-вот разорваться. Тряслась она долго, пока в топливных баках не кончилась вся смесь земляной крови. Альфред Вульфи закашлялся и, надев огромные металлические перчатки, подошёл к печи, дал знак обезьянкам закрыть клапан и постучал по металлическому кожуху. Тот не отреагировал. Старик посмотрел на брата, пожал плечами и отпер засов. Внутри печи оказалась красная лента, такой обычно перевязывают волосы, несколько монет старой чеканки и записка. Альфред нахмурился, снял перчатки, надел со лба очки, вытащил записку щипцами на стол, развернул и прочитал вслух:

— Каждому дереву свой дом, пусть и живёт в нём.

— Забавно, — улыбнулся Галахад.

— Не вижу тут ничего забавного, — кашляя, ответил ему брат, — откуда у тебя эта тварь? — повернулся он к Гудди, приподнявшемуся на левой руке и оглядывавшему помещения с рабочего стола, казавшегося ему теперь чем-то родным и близким.

— Спасибо, — заплакал он, — спасибо, что вытащили меня.

— Прекрати рыдать, — буркнул Альфред, подходя к оживлённому, — все глаза выплакаешь. А с этой войной краска вся ушла на корабли, не достать.

Гудди честно попытался остановиться, но не смог.

— Ну-ну, — похлопал Отец оживлённого по раскуроченному плечу, — всё хорошо.

Закончив фразу, он помотал головой, схватился за Гудди, потерял равновесие и стал падать. Сзади его подхватил брат и усадил на табурет.

— Ох, что-то мне нехорошо, — пробормотал Альфред.

— Ты совсем не отдыхаешь, — покачал головой Галахад.

— Как тут отдохнуть, — прошептал он, — принеси-ка мне моё лунное зелье.

Магистр усадил брата поудобнее и направился в подсобку.

— Не надо, — прозвенел Гудди, которого укололо воспоминание.

Галахад остановился и вопросительно уставился на оживлённого, испытывая смесь удивления и какого-то благоговения от удивительного зрелища. «Его» кукла с ним разговаривает, да ещё и запрещает что-то.

— Лила, — с трудом прозвенел Гудди, — с ней что-то было не так. Это, — указал он пальцем на печь, — было в ней.

Альфред нахмурился и задумался. Затем поднял голову на брата и повторил:

— Принеси зелье.

Прокашлявшись, он встал и проследовал к соседнему рабочему столику, где тщательно рылся, пока не нашёл принадлежности для химического анализа.

Он долго расставлял склянки и грел химикаты, пока магистр Вульфи, Гудди и обезьянки следили за ним, поглядывая друг на друга. Когда Отец закончил, он принял из рук брата пузырёк с лунным зельем, вылил несколько капель в колбу, размешал в неизвестном растворе и какое-то время грел, пока колба не пошла пузырями и не окрасилась в пурпурно-розовый цвет.

— Я так и думал, — простонал он, опираясь обеими руками на стол.

Галахад подошёл сзади и положил руку ему на плечо.

— Всё в порядке? — спросил он брата.

— Она отравила меня, — расстроенно произнёс Альфред, поворачиваясь к нему, — или кто бы это ни был. Хотя, — пожал он плечами, — вариантов немного.

— Немного? — переспросил магистр.

— Она называл себя странствующей, то есть нет, Неразрешённой или... Неоконченной Судьбой, — сказал Гудди.

— Поэтично, — хмыкнул Отец.

— Что значит отравила? — настаивал Галахад.

— Ну то и значит, — Альфред стукнул кулаком о коленку, — не успею ничего. Шамаркастармаша.

— Что ты такое говоришь? — жалобно произнёс магистр Вульфи, становясь перед братом на колени, — не надо сейчас. Сейчас не время. Мы только встретились.

— Знаю, — зло ответил Отец и закашлялся. В этот раз надолго.

— Но ничего не поделать, — прокряхтел он, придя в себя, — придётся заканчивать тебе.

— Как мне? — удивился магистр.

— А вот так, — крикнул Альфред, — запчастей тут полно, — усмехнулся он.

— Что ты говоришь! — закричал Галахад.

— Не кричи на меня, сопляк, — опешил Альфред.

— Мне надоело, — не унимался магистр, — мне надоело, что у тебя всё по-твоему. Что ты делаешь всё так, как тебе хочется, ни у кого не спрашиваешь, ни с кем не советуешься. Ты хоть раз спросил меня, что я думаю о том, что ты уходишь работать в университет, о том, что выступаешь против правительства? Ты и умирать собрался, опять ничего мне не сказав!

— Да как же, вот я же говорю, — то ли недоумеваю, то ли понимающе кивая, отвечал Отец.

— У тебя всё так, как ты решишь! — надрываясь, продолжал Галахад. — Даже смерть!

— Да как же я... — рассерженно и одновременно растерянno ответил Альфред, вставая и направляя на брата палец, — ты всё путаешь. По-твоему, это я себя отравил?

— Да, ты! — проорал в ответ магистр и сам сел на табурет, закрыв лицо руками. Отец покачал головой, подошёл и обнял брата за плечи.

— Извини, — сказал он после долгой паузы, — прости меня. Ты прав. Я всё время бежал вперёд. Я забыл про всех, включая свою собственную дочь. Ты думаешь, мне не тяжело от этого? Тяжело. Но, понимаешь, я всё время чувствовал, что то, что я делаю, — правильно и нужно. Что так и только так и нужно делать. Этого вполне достаточно, чтобы охарактеризовать меня как человека одержимого, и даже, если хочешь, сумасшедшего. Но я верю... быть может, это просто старость, — он покачала головой, — но я всё равно верю, что я, да и теперь мы, делаем то, что совершенно точно нужно, как бы бредово и безумно это ни казалось. В нём, — он указал пальцем на Гудди, — одна из рун.

Галахад удивлённо поднял голову на оживлённого.

— Он — последняя надежда Сердца, — кивнул Альфред, — мы должны помочь ему доставить осколок к источнику. Ибо ни один человек не оказался способен на это. Если мы поможем ему, у нашего мира есть шанс.

Магистр во все глаза смотрел на изуродованную куклу, висевшую когда-то в его спальне на отполированном за годы использования крюке, и не мог поверить, что всё, что он сейчас услышал, было про неё.

— Откуда ты знаешь? — спросил он спустя несколько долгих минут.

— Я не знаю, — устало ответил Отец.

Кашляя, он достал из-под стола ящик и уселся на него.

— Была тут одна кукла, когда мы только прибыли сюда из города. Сид говорит, что ей было столько же лет, сколько ему, но я не верю, — усмехнулся он.

— Сид? — переспросил Галахад.

— Дерево тут растёт, — махнул рукой Альфред, протирая платком рот, — ещё увидишь. Так вот. Он мне растолковал, что все эти предсказания поэтов-песенников и иже с ними — всё это эхо простого события. Когда дева Годриция, думаю, не нуждается в представлении, — произнёс он, а на вопросительные взгляды обезьянок лишь поднял руку, — сделала то, что сделала, а люди собрались у расколотого Сердца и стали поднимать осколки, явился дракон, один из великих хранителей. Дракон сказал людям, что, стоит им вернуть хотя бы один осколок Сердцу, всё вернётся на свои места: оно заживёт и жизнь продолжится, как и ранее. И что ты думаешь, — ехидно стукнул он по плечу брата, — вернули?

Магистр покачал головой.

— Правильно, — рассмеялся Отец и тут же закашлялся, — ни один.

Он смеялся, плакал и кашлял одновременно.

— Ни один, — не унимался он, — все нашли отговорку, что им-то он обязательно нужен для всеблагой цели. И до сих пор, понимаешь... Человек не может измениться, но его творение может...

Альфред закашлялся так, что потерял равновесие и упал с ящика. Обезьянки и Галахад бросились к нему, подняли и с трудом оттащили на диван. Гудди, прилагая невероятные усилия, слез с рабочего стола и, хрустя и ковыляя, поплёлся к ним. Отец кашлял кровью и не мог уже остановиться.

— По... — хрипел он брату, — мо..г-х-х-а-а-р...ги...

Он замер, глядя в потолок, как раз в тот момент, когда оживлённый, растолкав обезьянок, пробрался к его лицу, на котором застыла маска удивления и надежды.

Похоронили его на плато. Снорри высек в камне могилу и опустил туда старика, когда второе солнце уже начало клониться к закату. Собравшихся было так много, что большинство пришлось поместить на корабли. От этого похороны напоминали скорее военный парад. Корабли проплывали над маленькой могилой, сверкая в лучах заката. Внизу же стояли все самые близкие старику люди, оживлённые и перворождённые. Только Зара чувствовала себя здесь лишней, задыхаясь в роскошном траурном платье, перешитом для неё специально по случаю. С не меньшей остротой она ощущала и ревнивый взгляд рыжеволосой девушки, сменившей белую тогу на строгий наряд воительницы. Но Барона, казалось, это не волновало. Он стоял, держа Зару под руку и всем своим видом выражал скорбь, пока здоровяк устраивал надгробный камень и выбивал на нём слова на забытом языке. Девушка чувствовала себя неудобно, пробегая взглядом по лицам скорбящих. И только поймав взгляд Гудди, зацепилась за него. Тот тоже взглянул на Зару, и они долго смотрели друг на друга, не отрываясь.

Закончив, Снорри, отряхнувшись, достал из висевшей на плече сумки деревянный горн, который он вырезал в последнее время, приложил его к губам и тихо подул. Из глубины инструмента вытек удивительно тонкий и грустный звук, разлетевшийся по плато и проникший в сердце каждого пришедшего попрощаться с Отцом. Звук подхватили музыканты, они расположились на платформе Джо, парившей недалеко от могилы, и заиграли пронизывающую до самых кончиков волос мелодию. Пара на одном из кораблей обнялась и закружилась в танце. Собравшиеся, подхваченные музыкой, обняли друг друга за плечи и стали качаться в такт. Снорри запел на языке драконов.

Слова песни разлетелись по плато вместе с ветром, и даже камни погрузнели, став как-то ниже и сжавшись от чувства невосполнимой потери.

Когда Снорри закончил петь, Барон отпустил руку Зары и взошёл на трибуну, тут же поднесённую ему откуда-то из толпы двумя оживлёнными.

— Сегодня, — начал он, — мы провожаем самого умного человека, что мне доводилось встречать.

Барон выдержал паузу, оглядывая собравшихся, чьё внимание теперь было приковано к нему одному.

— Ещё когда я был совсем юн, он уже блистал как великий, не побоюсь этого слова, учёный. Я обязан ему жизнью. Когда я бежал из города — это он спас меня. Благодаря ему наши корабли парят в небесах. Благодаря ему наши ружья готовы к бою. И благодаря ему мы можем пересечь пустыню и встретиться с нашим врагом. Мы должны закончить то, что он начал. Чтобы не посрамить его имя, чтобы его жертва, упавшая тяжким грузом на наши сердца, послужила плацдармом для спасения самого главного — Сердца.

Он торжественно замолчал, снял шляпу и опустил голову.

— Но если отодвинуть в сторону нашу великую цель, то у меня не было ближе друга и вернее наставника, чем Альфред Вульфи. Хотя, думаю, мало кто из присутствующих знает его под этим именем, — он посмотрел на стушевавшегося Галахада и улыбнулся. — Для всех он был просто Отец. Отец этого Свободного Города, отец для всех нас. Я знаю, что и многие из вас могут сказать так же, — перевёл он взгляд на Снорри. — Сегодня не стесняйтесь, скорбя о нём. А завтра не забудьте за него отомстить!

Он вскинул голову вверх, и ветер подхватил его вьющиеся волосы.

— Отомстить так же, как и за всех, кто не вернулся вчера, — почти закричал он, — отомстить за тех, кто не вернулся неделю, две, три, год назад, положив свою жизнь на алтарь спасения нашего мира от мрака, безумия и бессердечности. Да, бессердечности.

Он замолчал, переводя дух и вновь надел шляпу.

— Пусть наша рука не дрогнет, а Сердце останется в вечности. Ура!

— Ура! — воскликнула толпа, и с кораблей посыпался салют, заполнивший темнеющее небо.

Только Рауд не обращал на него внимания, пристально разглядывая Зару из-за ног собравшихся.

Пока длился салют, стемнело. Все стали расходиться.

— Пойдите, — прозвенел голос оживлённого.

Собравшиеся на плато обернулись на Гудди.

— Вы должны знать, — напряжённо оглядывая толпу, произнёс он, — там нет смерти. Там огромная воронка, куда тот, кто владеет чёрным драконом засасывает людей. И они служат ему, даже те, кто жили здесь. Лео теперь крутит колесо. Отец теперь у него.

— Что ты несёшь! — грубо рявкнул на него тигр Акба. — В такой день!

Толпа смотрела на оживлённого в недоумении.

— Почему вы мне не верите? — удивлённо прозвенел Гудди, — я же был там, я видел своими глазами.

— А говорят, на оживляшек не действует забывай-вода, — усмехнулся Джо и снисходительно посмотрел на куклу.

В толпе рассмеялись, и смех охватил все первые ряды перед оживлённым, отчего он весь затрясся от негодования.

— Вы что! Он же съест Сердце!

Но никто не послушал его и собравшиеся стали дальше расходиться по своим делам. Гудди ещё что-то слабо звенел им вслед, на что даже проплывавший мимо осьминог лишь пожал щупальцами.

Когда свет почти исчез с плато, у могилы остались сидеть только обезьянки. Обнявшись, они плакали нарисованными слезами рядом с украденной ими с верфи банки с краской, куда они макали кисточки и вновь подрисовывали себе выплаканные глаза. Зара стояла на краю каньона недалеко от могилы, а за её спиной на парящем диване сидел Барон. Над их головами светили ранние луны, одетые россыпью звёзд.

— Как удивительно, что судьба предоставила мне дар красноречия, — усмехнулся он, — а та, что волнует моё сердце, так молчалива.

Зара никак не отреагировала и продолжила смотреть туда, где, как ей казалось, был город.

— Знаешь, как одиноко на вершине? — произнёс Барон. — Как в пустыне... Мне иногда снится сон, как среди развалин там бродит трехрогий бык. Мычит, ищет кого-то, но никого нет, никто не придёт. Другим не понять, как трудно всё это нести на плечах. Мать была единственной, кто принимал меня. Я помню её добрый взгляд в любой ситуации. Когда меня ругал отец, она всегда успокаивала меня, всегда принимала. С тех пор как она умерла...

Мужчина встал, медленно подошёл к Заре и, нежно взяв за руку, повернул к себе. Девушка вздрогнула и, стараясь, не поймать его взгляд, отстранилась, пошатнулась и стала падать вниз. Барон успел схватить её за руку и поднял к себе, крепко обняв. Зара попыталась вывернуться, но он лишь крепче обнял её и приблизил свои губы к её лицу. Она почувствовала дыхание Барона на щеке и сглотнула. Зара глубоко задышала, и голова её закружилась. В груди и ниже, в животе, вспорхнула стая птиц, но тут же в сердце возникло что-то острое и ноющее. Девушка схватила запястье Барона и сжала, как научил её отец ещё в раннем возрасте. Мужчина вскрикнул и отступил, выпустив её талию. Разозлившись, он схватился за эфес шпаги, но Зара уже бежала прочь к каменной лестнице, что вела вниз, в мастерскую.

Она спустилась в ангар с летательными аппаратами, села в пассажирское кресло разобранной на запчасти гондолы и тихо заплакала, закрыв лицо руками. Перед её глазами стояло лицо Этеля, каким она видела его в последний раз. Взволнованное, испуганное и решительное, но уже не такое ясное в предательски меняющейся памяти. Рядом возникло лицо сестры, и Зара в сердцах ударила себя ладонями по лбу несколько раз. Всё внутри неё сжалось, и она вскочила и пошла к свету, падающему из каньона.

Когда она подошла к краю обрыва, откуда корабли взлетали вверх, в небо, ей навстречу вышла рыжеволосая девушка. Зара остановилась и внимательно посмотрела на неё.

— Меня зовут Вега. — произнесла та. — Я не позволю переходить мне дорогу. Я вызываю тебя в круг.

Зара сначала не поняла, о чём та говорит, но затем медленно оглянулась наверх, туда, где осталась могила и Барон, и посмотрела Веге в глаза, отчего соперница немного растеряла свой запал.

— К-к-когда? — с трудом произнесла Зара.

— Зачем откладывать, — прорычала Вега.

Через полчаса в гроте ревела толпа. Магистр Вульфи с перепуганным и заплаканным лицом сидел, причитая, в окружении обезьянок на стуле, в маленьком шатре под трибуной.

— Девочка моя, во что ты ввязываешься, такое горе, а ты драку затеяла.

Зара покачала головой.

— Не я, — ответила она, сжимая и разжимая кулаки.

Она выпроводила причитающего магистра и переоделась в лёгкую майку и свободные короткие штаны в обтяжку. Размяла шею, кисти, руки, торс, согнулась и присела несколько раз, растянула мышцы ног и спины. Закрыв глаза, она несколько раз повторила имя отца и один раз Этеля и вышла в круг.

Толпа взревела ещё громче. И только тут Зара увидела, что в толпе очень много животных. Прямоходящих животных. Её передернуло. Перворожждённые. Так их называли. Она не могла поверить, что забыла о них. На похоронах Барон всё так устроил, что Зара была закрыта от них плотной толпой людей. Но сейчас они были вокруг, ревели и источали отвратительный запах. Девушка кожей ощутила, как они чувствуют её испуг. Она вспомнила лицо отца; собрав в кулак волю, она приложила все усилия, чтобы отключиться от них и сконцентрироваться на противнике.

— Где же она? — в нетерпении подумала девушка.

И тут из толпы вышла Вега. Она была почти обнажённой. Плечи и грудь её скрывала лёгкая туника. Но ниже живота начиналось то, от чего Зара испытала настоящий ступор. Ниже живота она была тигром.

— Удивлена? — засмеялась Вега. — Я слышала, что ты наших не переносишь, — рявкнула она, и толпа перворождённых заревела вместе с ней.

Краем глаза Зара увидела юную цаплю, отказавшуюся шить ей платье. Та недовольно щёлкала клювом, глядя на девушку выпученными глазами.

Вега, недолго думая, перешла в наступление. Прыгнув на ошарашенную противницу, она сбила её с ног, ударив ногами в грудь. Быстро поднявшись, полутигрица прыгнула на грудь поверженной Зары и начала изо всех сил избивать её, не встречая никакого сопротивления. В голове девушки засверкали яркие цветные звёзды. Магистр Вульфи, стоявший в первом ряду, лишился чувств и упал в ринг, чем на мгновение отвлёк Вегу. Этого хватило, чтобы Зара рефлекторно зарядила противнице правой рукой в челюсть, и Вега, пошатнувшись, стала заваливаться назад. Почти ослеплённая, с кружащейся головой, Зара всем телом навалилась на неё и повалила полутигрицу на пол, накрыв собой, схватив левой рукой за волосы и принявшись бить её по лицу правой. Стоявший рядом с Вульфи Влат, поднял его и принялся радостно трясти, подбадривая и показывая обезображенной рукой на девушек в пыли.

Вега не думала сдаваться, она довольно быстро вывернулась и сбросила с себя Зару, оцарапав ей острыми когтями на левой ноге плечо. Откатившись, полутигрица встала, оскалив острые зубы. Противница тоже поднялась, утирая кровь с лица и держась за раненое плечо. Полутигрица сделала обманное движение ногой и бросила в лицо девушке пыль. Но Зара ловко отклонилась, пропустив пыль мимо себя и злобно улыбнувшись Веге, пытавшейся

достать её ногой. Девушка вновь уклонилась, поймав голень соперницы в захват, подсекла её опорную ногу и упала на полутигрицу телом, так что грудь соперницы захрустела, и Вега издала первый крик. Зара вновь накрыла её, уложив на живот, и принялась бить свободной рукой по голове. Вега вертелась то в одну, то в другую сторону, пока наконец не схватила девушку хвостом за шею и не отдернула от себя, выскользнув из-под соперницы. Но Зара не дала её далеко уйти, перехватив хвост и изо всех сил дернув к себе. Полутигрица уперлась, но девушка схватила её и укусила, отчего Вега потеряла упор, и Заре удалось прыгнуть на неё и совершить болевой захват ноги.

Перворождённые замолкли, а вот люди ликовали. Влату даже удалось привести в чувства Галахада Вульфи, с трудом стоявшего на ногах и озиравшегося, не понимая, где он, и что происходит. Когда же Влат от радости толкнул его в плечо, магистр снова упал в пыль. Вега наконец заколотила руками, признавая поражение, и Зара отпустила её, упав рядом. Её тут же попытались поднять на руки, но она отвесила тумачков всей ликующей компании, и те, удивлённые, расступились. Зара с трудом встала, пошатываясь подошла к поверженной Веге и подала ей руку. Полутигрица удивлённо посмотрела на неё и приняла помощь девушки.

— Хо-о-о-р-роший хук, — кивнула Зара, хлопая Вегу по плечу.

— Я бы купила твою правую руку, — улыбнулась полутигрица, неловко приближаясь и обнимая девушку.

Зару пронзило ужасом, все волосы на её теле поднялись и завибрировали, когда её колено коснулось тигриной ноги Веги. Почувствовав это, полутигрица отстранилась.

— Из-звини, — прошептала Зара, — отец однажды признался мне после литра фабывай-воды, что мою мать убили не роды, а бефавшее со с-р-еднего я-р-уса жифотное.

— И ты извини. Мы говорим — перворождённый, — кивнула Вега.

— Да, — опустила голову Зара, — перворо-ж-дённный. Я... однажды убила соседскую кофку, только потому, что хотела отомстить за мать. Вега посмотрела на неё с нескрываемым презрением.

— Надеюсь, я выбила из тебя этот бред.

— Надеюсь, — кивнула Зара, выплёвывая изо рта тигриную шерсть.

Они вновь обнялись и с остатками толпы побрели к манящим тёплым светом огням Сида.

Когда все ушли, Галахад Вульфи сел на песок и громко в голос зарыдал.

Глава 34

Господин Гох Парфарес сидел в маленьком салоне полицейской гондолы и принимал сводки по погибшим на среднем ярусе, готовясь представить официальный отчёт Узурпатору.

В гондолу, пригнувшись, вошёл молодой человек. Тот самый, кого начальник полиции последний раз близко видел в запретной библиотеке замка Амун. И тот самый, кто занял место Альберта Септа по правую руку от Его Высокопреосвященства.

— Добрый день, — формально кивнул Париц, приложив к краю капюшона два пальца.

— Добрый день, — рассеянно ответил не такой уж и начальник полиции.

— Вы обвиняетесь в государственной измене и пособничестве терроризму, — произнёс вошедший, глядя прямо в глаза уставшему и измученному толстяку.

Парфарес как-то рассеянно закивал и положил бумаги на стол.

— А кто же... — спросил было он, но в гондолу зашёл другой молодой человек в серой робе Культа и взял со стола бумаги, с которыми работал бывший начальник полиции.

— Значит, вот так, — растерянно произнёс Гох и, кряхтя, двинулся к противоположному выходу.

Опершись своей мягкой рукой на ручку двери, он неловко задёргал её, пока старый замок не щёлкнул и дверь не отъехала привычным движением. Господин не начальник полиции вышел, и его охватил шум и грохот строительной техники, крики людей и скрип оживлённых, разгребавших завалы. Целый рой суден и судёнышек поднимал и увозил мусор, освобождая из-под завалов жителей проспекта. Гох вдохнул пыльный и жаркий запах, такой необычный для этого времени года, словно оба солнца пекли, как в летние серпы.

Поправив воротник, он огляделся и увидел бриг Культа, припаркованный с противоположной стороны гондолы. Там уже появился Париц и смерил Парфареса взглядом, исполненным ожидания одного ему известных дел. Гох кивнул и двинулся в обход пассажирской каюты. Малые двигатели гондолы переходили в нештатный режим при каждом шаге уже просто господина Парфареса. Неужели больше не господина начальника?

В тюрьме Культа его встретили с печальным торжеством. Процедуры были проведены по всей строгости, словно тюремщики сдавали ему экзамен в академии. Да, и кто же теперь заменит его в академии? Неужели тот выскочка из Отдела краж и флагов? Об этом он думал на всём пути до камеры, которую ему отвели на офицерской гауптвахте, устроенной почти на самом верху, где из окна он слышал, как менялись караульные на крыше.

— Девочка моя, — как же ты теперь, пробормотал он, засыпая на жёсткой кровати с одним тонким одеялом.

Париц пришёл вновь на следующий день рано утром. Усталый и какой-то постаревший.

— Тяжёлая работёнка, да? — понимающе покачал головой Гох, жестом приглашая начальника отдела особых поручений присесть на его койку.

Но молодой человек отрицательно покачал головой. За ним вошёл другой служитель — он поставил принесённый им высокий стул и тут же удалился. Париц присел на край стула, держа спину ровно.

— Вы понимаете, почему вы здесь? — спросил он после паузы.

— Ну... — начал Парфарес, потирая свой толстый нос, — я понимаю, что несу ответственность за неподготовленность личного состава к работе... с особо опасными элементами. Не успели... вовремя перехватить. Множественные разрушения... инфраструктуры, вызванные некомпетентностью...

— Нет, — отрезал Париц.

Гох удивлённо посмотрел на молодого человека.

— Ваша дочь, — начал он медленно.

— Что с Гердой?

Гох даже привстал с койки, но начальник отдела особых поручений поднял руку, делая знак бывшему начальнику полиции оставаться на месте.

— Она жива, — успокаивающе произнёс он, — она здесь.

— Здесь?! — воскликнул Парфарес, снова поднимаясь.

В этот раз Париц не стал его останавливать, а дал заключённому самому усесться обратно на койку, успокоившись.

— Ваша дочь много лет являлась связной для террористической организации, — медленно произнёс молодой человек.

Гох, не моргая, смотрел на него.

— Она снабжала сведениями «Свободный город», — продолжил Париц, — а вы способствовали ей своим попустительством и непрофессионализмом.

Гох, всё так же, не моргая, смотрел на начальника отдела особых поручений, открывая и закрывая рот.

— Вас вместе с дочерью будет судить военный трибунал.

— Так войны вроде же нет, — удивлённо произнёс господин Парфарес, заморгал и как-то уменьшившись.

— Чрезвычайное положение было введено вчера вечером. Город переведён на осадное положение.

— Ого, — покачал головой бывший начальник полиции.

— Да, — кивнул Париц.

— Я помню ваши лекции, господин Гох, — произнёс Париц чуть смягчившись.

Парфарес взглянул на него, открыл рот, чтобы что-то сказать, но лишь вздохнул и опустил голову. Париц встал, поклонился и вышел из комнаты. Через минуту появился служитель и забрал стул.

На несколько этажей ниже Герда сидела, закрыв глаза побелевшими руками. Такие она видела только у герцогини. Слёзы всё никак не кончались, а она чувствовала такую неприязнь к себе, что не разрешала рукам их утирать. В металлической двери перед ней открылся глазок,

и на неё упал луч света сердечной лампы. Затем он окрасился электрическим светом, и чья-то голова промелькнула, перекрыв несколько раз источник. Скрипнул ключ, а за ним засов, словно закачалась деревянная люлька с плачущим младенцем, и в двери возникла фигура культиста.

— Привет, — произнёс Париц.

Девочка ничего не ответила и только опустила глаза.

— Мне приказали пытаться тебя, — сказал молодой человек.

Брови девочки вскочили вверх.

— Но я не буду этого делать, — продолжил он, — я понял, что не смогу.

Она посмотрела на него испуганным и недоверчивым взглядом.

— Скоро суд, — кивнул он, — ты можешь написать признание, можешь ответить на допросе. Будешь молчать — плаха.

Девочка закрыла руками рот. Париц вышел, и дверь снова заскрипела слезами младенца.

Ещё ниже, в зале суда, сидела в инвалидной коляске Йахомари и смотрела на целых 13 судей, что собрались за большой полукруглой кафедрой. Перед каждым стоял громкоговоритель с микрофоном, но не все работали, и некоторым судьям приходилось говорить громче. Это уже давно стало привычкой. Иногда они так возбуждались, что стремились сказать что-нибудь в микрофон соседа, и тогда такой грохот заполнял зал суда, что стёкла тряслись под куполом.

— Вы сознаётесь, что проникли в Библиотеку Великих Собраний Культа для того, чтобы похитить одну из Сердечных рун, — крикнул один из безмикрофонных судей.

Йахомари собрала над языком слюну и мастерски плюнула в него. Плевков почти долетел до носа судьи, попав в микрофон его соседа, зло посмотревшего на товарища и поправившего луну на голове.

— Именем Сердца, Культа, Его Преосвященства, Верховного служителя и Второго короля-узурпатора Тэмена Первого вы приговариваетесь к казни через лишение мыслительного органа.

Йахомари пожала плечами и подняла раскроенную бровь.

На этаже с одиночными камерами первый день как прекратил истощно кричать заключённый Аллади. На этаже с общими камерами магистра Астолока навестил доктор. Он приходил уже второй раз, и рана на ноге начала успокаиваться.

— Ещё раз спасибо, — шепнул магистр мастеру Канаану, когда врач закончил и перешёл в камеру к Этелю.

— Не стоит благодарности, — просипел из соседней двери мастер, — когда так долго сидишь, обрастаешь определёнными связями и навыками.

— Не льстите себе, я просто больше не могу находиться в переполненном госпитале Культа и зашёл к вам, чтобы сменить обстановку, — проворчал врач, — вот где пир ужаса.

— Как он, доктор? — спросил Астолок, кивнув на Этеля.

Врач поставил свой тяжёлый саквояж и повесил сердечную лампу на кольцо в стене, осветив покрытое бинтами и заботливо укрытое одеялом тело Сафрона.

— Бывает и хуже, — пробормотал доктор, извлекая на свет банки с мазями.

— Как это, наверное, нелепо. Поддерживать жизнь осуждённого на казнь, — проговорил кто-то сбоку.

— Нелепо болтать под руку, — пробормотал врач, снимая битны с Этеля и складывая их на пол.

— Парень крепкий, — сказал он чуть громче, — к казни оклемается.

— Ну у вас и шутки, — покачал головой Астолок.

— А это не шутки, — улыбнулся доктор, обрабатывая раны.

— Мне хочется верить, — устало положил голову на руки магистр.

— Мне тоже много во что хочется верить, — пожал плечами врач, накладывая новый бинт, — моей жене вот хочется верить, что наш дом от обрушения позавчера спас цветок, купленный ею на верхнем базаре. И мне нечего ей возразить.

Мастер Канаан засмеялся и зашуршал в своей камере.

Ещё ниже в казематах на дыбе верещал мистер Рогат. Щупленький старичок подкручивал рычаг и смотрел, как удлинялось тело толстяка.

— Это всё Ки! Всё она! А-а-а-а! Ки-и-и-и! И-и-и-и! — кричал Рогат, хрустя суставами, но никого не интересовали его признания.

И только старичок в старой робе улыбался своим мыслям закрепляя рычаги.

Гох оказался на скамье подсудимых уже после обеда. Его привели в пустой зал и усадили на маленькую табуретку прямо под кафедрой. Приставы не стали снимать кандалы и ушли, а он уселся, хрустнув своим обширным телом о табуретку, и долго, нахмурившись, смотрел на дребезжащие окна, за которыми бушевал ветер. Так прошло достаточно много времени, и в зал вошёл первый судья. Бывший начальник полиции не видел его, только услышал, как хлопнула дверь и застучали по деревянному полу каблуки. Судья с длинным рябым носом выглянул из-за кафедры и посмотрел на Парфареса, чуть не уронив микрофон. Справившись с недоразумением и на секунду задумавшись, он поклонился и исчез за кафедрой. За ним, гогоча и громко стуча каблуками, появились остальные судьи, не обращавшие уже внимания на подсудимого, и с шумом расселись. Лишь один из них склонился с самого центра кафедры, фыркнул на Гоха и тут же исчез.

В зал вошёл грузный прокурор в полицейской форме и два пристава. Они ввели Герду и посадили её в центре зала на высокий стул. Во взгляде прокурора мелькнуло сочувствие, когда он взглянул на Парфареса, но его тут же прервал крик судьи с рябым носом:

— Почему не по форме содержания?

Пристав опомнился и снял с пояса наручники. Спешно подбежав к девочке, он надел их на её тонкие руки, но те выскользнули и пристав смущённо пожал плечами.

— Всё ясно, — хмыкнул судья, — ну тогда хотя бы свяжите её, а то сколько же можно уже не по протоколу заседания.

Другие судьи согласно закивали, и несколько лун упало с их голов, застучав по кафедре. Одна из них скатилась вниз, прямо на голову Парфареса, больно уколов его в плечо острым концом полумесяца.

Пока порядок устанавливался, отец в первый раз взглянул на дочь. В его тяжёлом и уставшем взгляде мольба перемешалась с негодованием. Но девочка взгляд свой поднять так и не смогла, лишь покраснела, почувствовав его взор. Только когда пристав принялся привязывать её к стулу, она нечаянно подняла голову и мельком взглянула на грустного толстяка. Но тот уже опустил глаза, и сидящие брови его сошлись, поглотив складку на лбу.

— Ну что же, начнём? — спросил самый старый из судей, сидевший по центру.

Прокурор кашлянул и открыл тонкую чёрную папочку.

— Именем народа и властью Узурпатора предлагаю многоуважаемым избранным послушать историю Гоха Самуэма Парфареса и дочери его Герды Розины.

— Почему фамилии разные? — спросил судья с длинным вытянутым лицом.

— Э-м-м, — замешкался прокурор, роясь в немногих бумажках, поместившихся в папке.

— В память о матери, — ответил за него бывший начальник полиции.

— А вас не спрашивали, подсудимый, — склонился с кафедры, придерживая луну на голове, старый судья по центру и громко фыркнул, так что брызнувшие капли его слюны упали Гоху на лысину.

Прокурор с покрасневшим лицом мямлял папку и ждал, пока судья усядется обратно, чтобы продолжить. Когда же наконец большинство из них обратило к нему вопросительные взоры он заговорил вновь.

— Связанные семейными узами, — неуверенно начал он, прыгая взглядом между судьями, — они вступили в сговор с целью дискредитации и свержения власти народа и её полноправного представительства в лице уважаемых судей и Узурпатора Тэмена Первого; массовому убийству; и уничтожению нашего священного сосуда жизни, дающего и берущего, изначального Сердца.

К концу речи Гох не мигая смотрел на прокурора, а его нижняя губа тряслась от негодования.

— Да как ты смеешь, щенок... — начал Парфарес, поднимаясь.

— Молчать! — закричал судья с вытянутым лицом. — Подсудимый — место.

Бывший начальник полиции от неожиданности сел обратно, но тут же поднялся вновь. Кандалы на его ногах закрипели. Испугавшись, один из приставов достал пистолет и направил его на подсудимого. Судьи попрятались за кафедру, зазвенев падающими лунами. Но второй пристав, опомнившись, подбежал с дубинкой к Гошу и треснул его несколько раз по рукам и спине. Парфарес удивлённо обернулся и увидел наконец направленный на него пистолет в трясущихся руках другого пристава, вздохнул и сел обратно на табуретку. Пристав с дубинкой в руках ещё раз легонько, чтобы утвердиться в ему одному понятной правоте, ударил Парфареса по плечу, сунул дубинку за пояс и поспешил прочь из зала.

Вернулся он с очередной веревкой в руках аккуратно, когда судьи показали свои лица из-за кафедр. И к тому моменту, как он привязал бывшего начальника полиции к табуретке, все они вылезли и надели на головы луны. Потирая подбородок, пристав оглядел дела рук своих и неуверенно проследовал на место. Старый судья склонился и посмотрел на перемотанного Парфареса, привычно фыркнул и кивнул прокурору.

— Нанесённый городу ущерб оценивается в 75 миллионов тонн соли, — почти пропищал прокурор и прочистил горло, чуть прикусив большой палец. — Без крова осталось около девятисот жителей среднего яруса, около двух тысяч считаются пропавшими без вести.

— Я сам составлял эти списки, — прорычал бывший начальник полиции, — как...

— Молчать! — взревел длиннолицый судья.

Все замерли. Даже ветер на секунду перестал шуметь стёклами.

— Признаёте ли вы свою вину? — подал голос сонный судья справа.

— Как... — вновь начал Парфарес, но длиннолицый судья поднялся со своего места и застучал молоточком в микрофон, так что зал охватил душераздирающий грохот, отчего все, кто был способен, закрыли уши.

В наступившей тишине подал голос судья справа:

— Признаёте ли вы свою вину?

— Да подождите вы, — окончательно сморщился старик по центру, — я не понимаю, девочка взорвала дома?

— Да, — обрадовавшись, закивал прокурор, — она вместе с сообщниками организовала похищение Сердечной Руны из Библиотеки...

— Похитили руну? — удивился судья со сросшимися бровями.

— Вы что, материалов дела не читали? — возмутился судья с вытянутым лицом.

— Читал, читал... — забубнил себе по носу единобровый и принялся копать в бумажках.

— Пропали уже две руны? — спросил его сосед.

Длиннолицый повернулся к нему и постучал молоточком в его микрофон, к счастью, не работавший.

— Библиотеки Культа и Института Чудес, — закончил прокурор. — После чего устроили саботаж на Проспекте Согласия, приведший к вышеперечисленному ущербу. Доблестными действиями Узурпатора Тэмена Первого, была поймана и взята под стражу Герда Розина. Один член банды был убит. Остальным удалось сбежать.

Прокурор открыл свою папочку, перелистнул бумагу и, сверившись, продолжил:

— Отец Герды Розины, Гох Саму...

— Быстрее, — нервно проскрежетал старый судья.

— Был взят под стражу Серыми Робами во время подтасовки документов...

Гох вскочил со своего места и запрыгал к прокурору с красным от ярости лицом. Ближайший к нему пристав выхватил пистолет и выстрелил. Раздался хлопок и, окутанный облаком жёлтого дыма, бывший начальник полиции с грохотом повалился на пол. Присутствовавшие в зале закашлялись, заплакали и стали спешно покидать свои места.

Спустя около получаса, когда Гоха Парфареса привязали к чугунной свае, доставленной в зал двумя десятками полицейских, а помещение хорошенько проветрили, судьи собрались вновь. Попивая горячий отвар и кутаясь в тюремные одеяла, доставленные из суши, они хмуро смотрели на дрожащую от холода девочку, отвечавшую молчанием на все вопросы прокурора.

— Служба, говоришь, ею занималась? — задумчиво спросил старый судья, дёргая волос на подбородке.

— Да, — скривил рот прокурор и пожал плечами.

— Признаёте ли вы свою вину? — вставил сонный судья.

Старый судья по центру недовольно фыркнул.

— Всё ясно. Култ не хочет, чтобы мы лезли в его дела, он хочет, чтобы мы казнили людей. Огласите выводы следствия, — произнёс он и укутался поглубже в одеяло.

Прокурор потёр свой синий от холода нос и продолжил.

— Обвинение находит подсудимых не готовыми к сотрудничеству и требует смертной казни для обоих, — подытожил он и высморкался.

Старый судья вскинул обе руки вверх. Гох загремел под кафедрой цепями и сваями. Полусонный судья склонился с кафедры и произнёс на весь зал в микрофон, отобранный у соседа:

— Признаёте ли вы свою вину?

— Судья дома Ят, — стукнув молоточком по его голове, прошипел судья с вытянутым лицом, — придержите своё слабоумие для следующих выборов.

Сонный судья заворчал и исчез где-то в одеяле.

— Последний раз, — просипел старый судья, — слышите там, Гох Парфарес, последний раз даём вам возможность помочь следствию. Никто с вами возиться не будет. Култ ввёл чрезвычайное положение. Одно дело — один день. Поэтому давайте побыстрее. Имена, адреса, что там у вас ещё.

Все замолчали в ожидании.

— Мой отец ни в чём не виноват, — раздался в застывшем зале дрожащий голос девочки.

Гох зашевелился и поднял голову на дочь.

— Я действовала сама, втайне от него, — продолжила Герда, — собирала информацию, следила за соседями, — она посмотрела на прокурора, — в частности, использовала ваши скутеры во время операции.

Прокурор вскинул брови и удивлённо замотал головой. Его умоляющий взгляд остановился на судье с рябым носом, тщательно записывавшим слова девочки.

— Магнитную ленту сюда, — прошипел старый судья соседу, и тот полез рыться в многочисленных ящиках.

— Накануне, я выведала у ничего не подозревавшего отца детали готовящейся передачи руны, собрала на рынке оживлённых, провела доработку техники и совершила атаку на Институт Чудес.

— За одну ночь? — уточнил старый судья усмехнувшись.

— За одну ночь, — кивнула девочка, стараясь, чтобы её голос звучал уверенно, — у меня был большой опыт, и я была подготовлена.

— Скажи же нам, глупое дитя, — прошипел судья с вытянутым лицом, — что заставило тебя пойти на такие опрометчивые действия?

— Я хочу освободить Сердце.

— От кого же ты хочешь его освободить? — удивился старый судья.

— От вас всех, — твёрдо ответила Герда.

Судьи молча уставились на неё, и даже судья с рябым носом перестал писать.

— Вы живёте, совершенно не сознавая, что вы делаете. Вы застыли в граните своей же бессердечности. Вы ограниченны. Вы даже представить себе не можете мир вне этой каменной тюрьмы. Вне этого города. Вы отвратительны! — закричала она и уронила голову, горячие слезы хлынули по её побелевшим от холода щекам.

— Меня не должно здесь быть, — продолжила она, всхлипывая, — но я здесь, потому что вы прячетесь в выдуманный прибылью порядок. Вы считаете нормальным лгать, предавать, брать лишнее, проходить мимо, судить. А есть ли среди вас тот, кто задумался хоть раз, что он делает?

Она подняла заплаканные глаза и оглядела собравшихся.

— Мой отец виноват только в том, что он жил, как вы. Слепо следуя предписаниям. Соблюдая договор, что сковал наш город каменной паутиной бессердечности.

— Что ты себе позволяешь! — вскрикнул судья с вытянутым лицом.

— Я вас всех ненавижу! — закричала Герда. — В вас нет жизни! Вы уже родились мёртвыми!

— Выведите её! — закричал судья.

— Нет, — подал голос старый судья, — пусть выговорится. Мне даже интересно.

— Вы признаёте свою вину? — спросил из одеяла сонный голос.

— Да, я признаю, что я не такая, как вы, — усмехнулась девочка. — Я никогда и никуда не вписывалась. Во все компании, группы, классы, игры, ритуалы — всё это было мне чуждо. Я никогда не хотела быть частью вашей сгнившей системы. И я стала её отбросом. Тем, кого вы стремитесь уничтожить. Вашим врагом. Вы сами создали меня. Ваша алчность, подлость... — она замолчала, пытаясь найти слова, — слепота. Ваша абсолютная слепота к тому, что происходит прямо перед глазами, создала меня. Я хочу вас всех уничтожить, взорвать, испепелить. Вы загубили мой мир, моё будущее. Сердце умирает, а вы сидите здесь и судите меня за то, что я пыталась всё исправить. Я признаю свою вину, во всём, что бы вы мне ни приписали, — тяжело дыша, она опустила голову, — только отпустите папу. Он ни в чём не виноват. Ни в чём.

В зале вновь повисла тишина, прерываемая лишь ветром, стыдливо дребезжащим в разболтавшихся окнах. Старый судья придвинул к себе микрофон.

— Прекрасный монолог, дитя моё, — прохрипел он, — но ты нас за дураков не держи. Твоё эмоциональное крещендо не приблизило нас ни на йоту к ответам на вопрос, куда делась сердечная руна, кто твои сообщники, сколько их и где они прячутся.

— Я действовала одна, — ответила Герда, не поднимая головы.

— Да-а, — протянул старый судья, — и твои друзья, атаковавшие Институт Чудес — плод нашего воображения? Ну что же, мне ничего не остаётся кроме как поступить ровно так, как ты ждёшь от нас. Я распоряжусь, чтобы твоего любезного папочку казнили прямо у тебя на глазах. Или нет, лучше наоборот? Чтобы твоя голова упала к его ногам. Просвети меня, милое дитя, как мне поступить?

Под кафедрой вновь зашевелился Гох. Он встал и потащил сваю, заскрипев ей по полу. Его красные от ярости глаза смотрели на схватившегося за сердце прокурора. Парфарес вырвал одну из цепей в тот момент, как в зал вбежало несколько приставов и набросилось на него, пытаясь сбить с ног.

— Папа! — закричала Герда.

— Значит, его первого, — прохрипел судья в микрофон, — я понял. Хорошо, хорошо.

— Вы все бессердечные!

— Вот только ты пойми, девочка, — продолжил судья, — вы взрываете, портите, протестуете, а мы потом строим, латаем, чиним. Если бы не мы, то тебе негде было бы жить. Негде было бы протестовать, взрывать и портить. Птицы против неба. Жаль, что ты уже не вырастешь, чтобы это понять, — он застучал молоточком по микрофону: — Итак, голосуем.

— Папа! — кричала Герда в слезах, смотря, как на отца накидываются всё новые и новые полицейские.

— Смертная казнь обоим, — оглянулся старый судья на коллег, — единогласно, правильно?

Остальные закивали. И только сонный судья спросил:

— Они признают свою вину?

— Единогласно, — подытожил старый судья и стал подниматься со своего кресла, поправив луну на голове.

Герда спрыгнула со стула. Верёвки за её спиной упали развязанные. Но девочка сумела пробежать, наверное, только пару метров, как на неё саму напрыгнул пристав и сбил с ног. Лёжа на полу, в груди человеческих тел она увидела усы отца — мокрые от слёз и блестящие в отразившихся в окнах лучах солнца.

Чего-чего, а вот солнца Майло Сомнем не видела уже давно. Сюда оно не добиралось. Только дождь, собиравшийся в маленькие водопады, смешанные с грязью, стучал по деревянной крыше и падал дальше вниз, в свете тусклых сердечных ламп, развешанных по всей улице. Неизвестно откуда взявшийся лист пролетел совсем близко от неё и исчез в темноте. Девушка повернула голову в надежде разглядеть его дальнейший путь, но лишь наткнулась взглядом на грязную бетонную стену, где неизвестным художником был нарисован дракон, пожирающий сердце. Майло захотелось заплакать, но она сдержалась, и только её глаза наполнились слезами.

Она уже устала плакать. Лицо её уже болело от соли. В дверь постучали. Майло взволнованно оглянулась, промокнула платком слёзы и, прикрыв окно, встала, вытянувшись и сложив руки на животе.

— Войдите, — дрогнувшим с непривычки голосом произнесла девушка.

Дверь открылась, на пороге появился брат Ветчина, а вместе с ним и его запах, смесь нечистот и жареного мяса, резко ударил в нос девушке. Своим пухлым лицом и худым телом Ветчина напоминал ей какого-то недоделанного оживляшку, а не человека.

— Как вы себя чувствуете, Белая Дева? — поинтересовался мужчина, покорно кланяясь.

— Спасибо, хорошо, — коротко поклонилась в ответ Майло.

— Братья ждут, — произнёс Брат Ветчина и склонил голову вбок, подняв глаза на девушку.

Майло на мгновение смешалась, но затем кивнула и сделала шаг к двери. Остановившись, она оглянулась на столик, где стоял графин с забывай-водой, но решила не прибегать к помощи этой заимствованной храбрости и проследовала к двери. Мужчина поклонился ещё ниже, подождал, пока она выйдет, задул масляную лампу на стене и последовал за ней.

Выйдя из деревянного коридора, девушка оказалась на маленькой сцене, посреди которой стоял стул, где расположился змеиноного вида человек в затемнённых круглых очках. Он улыбнулся ей и указал на второй стул, стоявший рядом. В зале собралось по меньшей мере сто человек, а остальные толпились в проходе, выглядывая в проём из моря чужих голов и плеч. Гомон, стоявший в зале, с её появлением стих, и лишь один голос тихо прошептал прямо перед сценой:

— Спасительница!

Майло смутилась, посмотрела на стул, но не стала садиться и подошла к краю сцены. Толпа замерла, взоры всех собравшихся жадно обратились к ней.

— Нас всех обманули, — произнесла девушка тихим, незнакомым и твёрдым голосом, — бросили, оставили умирать. Кто помнит о нас? Никто.

Она обвела ледяным взглядом зал, застывший вместе с ней, не в силах противиться.

— Они там, в просторных залах, выбрасывают со столов пищу. А мы ждём, когда она упадёт сюда, к нам. Когда грязно, они зовут нас убираться, когда чисто, они гонят нас прочь. Когда надо достать соль со дна озера, когда надо построить очередной дворец, они даже не спрашивают, они берут нас за шкуру и мы идём строим ради чьей-то забавы, — она сжала кулаки. — Они гонят нас, как каких-то оживляшек, когда хотят. Мы для них не люди. Мы грязь под их ногтями. Нас надо вычистить и навсегда забыть.

Она заплакала, и слёзы полились по её прекрасному лицу.

— Но мы не забудем! — вскинула она голову и вновь оглядела зал. — Мы не простим! Мы не должны больше это терпеть! Мы должны действовать!

Зал взорвался одобрительным воем, смешанным с аплодисментами. Люди полезли друг другу на головы, и те, кто стоял в коридоре, поднажали и влились внутрь.

— Наше дело — молчать. Так было раньше. Теперь наше дело — кричать!

Майло вскинула вверх руку, и зал последовал её примеру, завопив ещё громче.

— Мы должны заявить о том, что мы больше, чем молчаливые исполнители их прихотей. Мы люди! Не оживляшки, не деграданты! Мы — человечество! Мы — существуем! — прокричала девушка.

Тяжело дыша, она оглядела восхищённую толпу. Она вскинула руку вновь и крепко сжала кулак, так что костяшки её пальцев побелели. Люди успокоились и замолчали, вновь жадно пожирая Майло глазами.

— Не дайте им вновь обмануть себя. Не верьте их лживым обещаниям. Верьте в себя, свои силы. Верьте в нас, в наше движение. В «Инициативу Б», которую мы превратим в мощный инструмент, способный снять гнёт несправедливости. Мы срежем с города их гнилое общество. И им больше не удастся нас обмануть. Никогда.

Змеиный человек поднялся со стула и зааплодировал. За спиной Майло появился брат Ветчина, давший ей стакан, к которому она жадно припала. А за ним другие братья стали раздавать людям листовки.

— Распространяйте среди своих друзей, родственников и близких, — прохрипел змееподобный. — Следующее собрание на старом заводе жёлтой краски! Запомните, не здесь. Жёлтая краска. То же время, приводите остальных.

— Белая дева! — раздавалось в толпе. — Спасительница, благослови!

Майло оторвалась от стакана с водой, вернула его брату Ветчине и сделала шаг к толпе. Она закрыла глаза и нарисовала руками в воздухе сердце, а затем дунула в него, словно

отправив в зал. В толпе заохали и зашептали слова благодарности. А сидевший на спине крепкого мужчины мальчик потерял сознание и упал назад.

— Всё, собрание окончено! — прокричал в толпу брат Ветчина. — Расходимся!

И с этими словами, взяв Майло под руку, он увлёл её за кулисы, обратно в деревянный коридор, где сновали туда-сюда братья и сёстры «Инициативы».

Девушка шла с трудом, опираясь на грубо обработанные доски на стенах, и, когда её привели к переделанному под сердечный двигатель солнечному бригу, пыхтевшему над бездной, куда лились потоки воды, она чуть не потеряла равновесие. Брат Ветчина подхватил её и помог войти в каюту, где Майло ждала грубая койка с грязной подушкой. Она уткнулась в неё зарыдала во весь голос, не обращая внимания на мужчину. Он поднял из бочки сердечную лампу, поставил на скамейку, а сам исчез в рубке, откуда послышался скрип и сердечные турбины заработали в полную мощность.

Герцогиня наблюдала за ними из темноты, стоя под козырьком обшарпанного здания, придавленного домами-соседями. Она узнала Майло, но не испытала ни малейшего сочувствия состоянию девушки. Наоборот, Ки мысленно улыбнулась своей маленькой победе в бесконечной череде поражений, посланных ей Сердцем. Однако улыбка тут же пропала с её уст. Тэмен на её официальную просьбу о встрече уже дважды ответил отказом. Всё шло не так, как обещала мадам Лай.

К маленькому причалу тем временем подходил второй пассажир. Помощник выскочил из каюты и подставил ему лестницу на капитанский мостик. Змееподобный мужчина с тростью в тёмных круглых очках взошёл по трапу, в два прыжка вскочил на мостик и, дёрнув рычаг, направил корабль между зданий вверх. Герцогиня напряглась и легла за руль своего аппарата. Включив радар и систему слежения, она закрепила цель на поднимающемся вверх бриге и медленно включила двигатель. Она не боялась, что её заметят, камуфляж работал безотказно. Ки тихо закрыла кабину и полетела вслед за судном, уходящим вверх, ко второму ярусу.

Бриг долго вилял под опорами мостов, заходя то в один район, то другой, и даже сделал круг под Площадью Согласия, но сбросить хвост ему не удалось, и к концу второго заката он вывел Герцогиню к знакомым ей черепичным крышам района Забытый Костёл в Квартале Мистиков. Однако приземлился он не во владениях мадам Лай, а ниже, на широком балконе с вычурными башенками, спускавшимися к нижнему ярусу по спирали. Змеиный человек ловко спрыгнул с брига и исчез в стеклянных дверях. Корабль постоял немного и стал плавно спускаться ниже в колодец из башен к заправочной станции. Ки выждала, пока исчезнет последняя мачта, подлетела к балкону и приземлилась.

Аккуратно ступая сапогами по мраморному полу и крепко сжимая в руке жезл, она подошла к дверям. За ними начинался длинный коридор со статуями. Фигуры змеиного человека не было видно. Сосредоточившись, она создала хорошо знакомую ей иллюзию ненавистной продавщицы цветов и пустила по коридору вперёд. Иллюзия дошла до первой статуи и послышался хлопок. Но это не дезориентировало Герцогиню, и она, подглядывая через зеркало, продолжила наблюдать за иллюзией, испуганно оглядывавшейся в поисках причины шума.

— Неплохо, неплохо, — раздался знакомый голос.

Фигура «слепого» появилась в нескольких метрах от иллюзии. Ки не хватало сил более её поддерживать, и фальшивая Майло начала растворяться в воздухе, сизым дымом разлетаясь между статуй. Герцогиня встала, поправив своё тёмное платье, и, уже не скрываясь, открыла дверь и вошла, держа в одной руке жезл, а во второй пистолет.

— Хо-хо, это вы?! Не стоит так, — дрогнувшим голосом усмехнулся змеиный человек, — зачем оружие? Мне достаточно этой штуки в вашей правой руке, чтобы испугаться.

Ки склонила голову и нахмурилась.

— Не все понимают, приходится помогать. И да, он настоящий, месье Бесглаз, если вас это интересует, — сказала она и подняла руку с пистолетом, прицелившись в голову «слепого».

— Это какое-то недоразумение, Ваша Светлость, — улыбнулся тот, делая шаг назад и опираясь на фигуру лошади, исполненную в камне.

— Недоразумение тут только одно — это вы, — грозно произнесла Герцогиня и взвела курок.

Но нажать на спусковой крючок она не успела, так как в этот самый момент прогремел выстрел, просвистевший над её головой, и из окна слева посыпались стеклянные осколки, а змеиный человек упал вбок за статую лошади. Ки бросилась вслед за ним и спряталась за колонной.

Долго стояла тишина, Герцогиня подняла жезл и просканировала пространство. Бесглаз медленно полз между статуями к выходу. За окном поднимался бриг, на его палубе виднелся мужчина с ружьём, рыскающий в поисках герцогини. Ки повернула рукоять жезла, и двигатель брига резко перешёл в режим перегрузки. Палуба над ним вспыхнула алым огнём, а стрелок отскочил, бросив ружье.

— Её, её спасай, — крикнул Бесглаз, поднявшийся на ноги и бросившийся через зал к дальнему выходу.

Бриг завалился, ударившись бортом о балкон, и начал сползать вниз. Огонь перекинулся на солнечные мачты и оттуда на здание. Тени заплясали по залу. Ки встала вышла из-за колонны. «Слепой» добежал до двери, но герцогиня щёлкнула жезлом, и замок в двери закрылся. Герцогиня прицелилась. Мужчина обернулся, и его чёрные очки упали вниз, обнажив белые зрачки.

— Уже слишком поздно для тебя, — прошипел он.

Ки нажала на спусковой крючок, и пуля с грохотом вылетела из дула, мгновенно пронзив сердце Бесглаза. Он ударился о дверь спиной и осел, раздавив очки своим весом. Из рта мужчины потекла кровь.

— И для тебя, — прошептала Ки.

Бриг съехал вниз, уперев борт в стену противоположного здания. Мачтами он ещё держался за балкон, куда вышла герцогиня, но и те грозились вот-вот сломаться. Из каюты выскочил Брат Ветчина с Майло на руках. У девушки был рассечен лоб, сочилась кровь. С трудом удерживая равновесие, он забрался выше и усадил Белую Деву на край борта.

— Какое чудесное совпадение, — покачала головой Ки, — а я думала, я не столь кровожадна. Я не хочу, чтобы ты умирала! Слышишь! Я хотела, чтобы ты мучилась, как я, одна, смотря как мы счастливы вместе!

Слёзы брызнули из глаз герцогини как раз в то мгновение, как треснула центральная мачта и бриг накренился ещё сильнее. Мужчина и сам уже забрался на правый борт, удерживая Майло.

— Я не желаю ей смерти, — пряча пистолет в кобуру и утирая рукавом слёзы, улыбнулась герцогиня, — но всё слишком красиво, чтобы не насладиться зрелищем.

Над их головами раздался вой сирены. Ки вздрогнула и подняла голову. Полицейские корабли приближались со стороны дворца. Она бросила взгляд на бриг, его мачта окончательно треснула, и он стал заваливаться вниз уже со стороны балкона, который сам пошёл трещинами и грозил обвалиться вслед за кораблем. Брат Ветчина схватил Майло под руки и прыгнул, как раз в тот момент, когда корабль, покрытый огнём, обрушился вниз. Но герцогиня не смогла рассмотреть, что стало с её соперницей, потому что подоспевший полицейский скутер дал несколько предупредительных выстрелов и в небе зазвучал голос из громкоговорителя:

— Оставайтесь на местах. Вы окружены.

Под раздирающие воздух звуки электрической речи Ки бежала по залу со статуями к тому входу, где на балконе её ждал аппарат, подаренный отцом. Но стоило ей выбежать к нему и включить машину, с которой тут же пропал комфляж, очередь из тяжёлого пулемёта разодрала летательный аппарат в клочья, подняв дыбом балконную плитку. Герцогиня упала назад в помещение, закрыв руками уши. Жезл выпал и покатился по залу обратно к статуям.

Ки не сразу пришла в себя в заполненном пылью и дымом от пороха помещении. Приподнявшись на локтях, она попыталась нащупать жезл, но его не было рядом. Только пистолет всё ещё был при ней, в кобуре. Укрывшись у двери, герцогиня выставила его перед собой и замерла, сдерживая дыхание, стремившееся разорвать её грудь. Удушающий приступ страха заставил её вскочить и поползти в сторону статуй, нащупывая на полу жезл.

У дальней двери послышались шаги. Ки привстала на четвереньки и, проклиная себя за любовь к каблукам посеменила в рассеивающемся дыму к ближайшей статуе.

— Куда же вы, герцогиня? — раздался шипящий голос, и её сердце подскочило к самому горлу. Этого просто не могло быть.

— Нас не так-то просто убить, — расхохотался месье Бесглаз.

Леденящий ужас охватил её. В рассеивающемся дыму она краем глаза увидела полицейский катер с пулемётом на борту, опускавшийся на уровень их этажа.

— Всем оставаться на своих местах, — раздался терзающий слух голос из громкоговорителя.

— Я вызвал вас! — прошипел Бесглаз, продолжая плестись через зал.

— В последний раз предупреждаю, оставайтесь на своих местах. Руки за голову, — хрипел электрический голос.

— Идиоты, — выругался «слепой», поднял руки и застыл.

Герцогиня усилием успокоила свои мечущиеся от страха мысли и увидела на полу, в нескольких метрах от себя, жезл. Собравшись с духом, она прыгнула к нему. Пулемет тут же дал очередь по дуге, разрывая статуи. Колонна рядом с месье Бесглазом треснула и съехала, погребя его под обрушившимся потолком. Вторая очередь была более точной. Полицейский прицелился как раз туда, куда прыгнула герцогиня. Но пули рикошетом отлетели во все стороны, пробив корпус катера и угодив в двигатель, отчего тот задымил, а гравитационная ловушка отказала. Он врезался в то же здание, что и бриг, проломив наконец его стену, а затем провалился вниз вслед за кораблём.

Ки сидела, сжавшись и выставив вперёд раскалённый докрасна жезл. Защитное поле исчезло, и от него повалил пар. Герцогиня выпустила жезл из руки, он упал на пол, зашипев. Ки поднесла к лицу сгоревшую перчатку и обожжённую руку. Из её груди вырвался нечеловеческий крик боли.

В проём стали опускаться полицейские спидеры и корабль Культа. После того как полиция оцепила здание и обыскала все прилегавшие к нему помещения, Серые Робы спрыгнули на остатки балкона, стали фотографировать место преступления и составлять протокол. Месье Бесглаза вытащили из-под завала с пробитой головой. И к появлению начальника отдела особых поручений так и не смогли восстановить картину происходившего.

— Сработала тревожная кнопка, — отрапортовал один из Серых Роб, — по протоколу опасность красная, свободных людей у нас не было, вынуждены были вызвать полицейский наряд. Один катер уничтожен, шестеро погибших, если не считать этого, — указал он на Бесглаза.

Париц прошёлся по остаткам коридора и поднял обведённый в белый круг пистолет.

— Из него предположительно стреляли в того же счастливчика, — снова кивнул сотрудник сил быстрого реагирования на изувеченное тело «слепого».

— На экспертизу, — задумчиво произнёс Париц, кладя пистолет на место. — Ещё что-то есть?

— Кто-то сломал дверь этажом ниже, видимо, наш клиент. По следу уже идут.

Париц кивнул, развернулся и зашагал обратно к своему кораблю.

Ки сидела на деревянной скамейке монорельсового трамвая на чёрном дыме, медленно ползшего над Кварталом Мистиков через разрушенный Проспект Согласия. Она смотрела на огни строительной техники, разгребавшей завалы, и сжимала ноющую ладонь другой. Одно из обрушившихся зданий обнажило надпись «Надежда», нарисованную крупными белыми буквами на стене дома. Её спешно заливали краской из шланга с полицейского катера.

На остановке зашла девочка лет пяти с отцом и села у выхода.

— Пап, а когда мы уже сможем домой вернуться?

— Скоро, милая, скоро, — ответил неуверенным голосом мужчина.

— А ты меня не бросишь, как мама?

— Мама нас не бросила, она... очень заболела и не может сейчас быть с нами.

— А почему мы должны теперь жить с тётёй Сэльм? Она мне не нравится. Почему мы не можем поехать к дяде Вади?

— Потому что дяде Вади тоже теперь негде жить.

Ки сжала зубы и вспомнила лицо отца. Она знала его по газетным вырезкам, картинам, что служанки спрятали в погребе. По мозаике в окнах. К сожалению, изображений матери не сохранилось совсем. Всё, что она знала о родительской любви, было в этих картинах и фотографиях. Слёзы крупными гроздьями покатались по её испачканному в белой пыли щекам, оставляя крупные борозды. Она всхлипнула и закрыла глаза, сжав зубы.

— Почему тётя плачет? — спросила, обернувшись, девочка.

— Наверное, она тоже потеряла дом и род... и у неё кто-то заболел, — поправился мужчина и грустно посмотрел на герцогиню.

Ки закивала, не открывая глаз.

— Не надо смотреть на неё, не мешай, — зашикал на девочку отец, и та отвернулась, — не надо мешать людям, когда им плохо.

— А нам плохо? — тихо спросила девочка. — Мне плохо без мамы.

— И мне, — кивнул мужчина и обнял дочку.

Трамвай остановился на Озерной площади, герцогиня вышла и огляделась. Пыхнув чёрным дымом, транспорт покатил дальше, а Ки, не обнаружив ни одного постового, двинулась к озеру, где на противоположной стороне горели окна дома Парфаресов.

Поправив растрепавшуюся причёску, она постучала в дверь бывшего начальника полиции, но ей никто не открыл. Герцогиня оглядела окна и заметила фигуру Культиста, исчезнувшую в окне второго этажа. Нахмурившись, Ки подняла жезл и сдвинула кольцо на рукояти. Дверь открылась, застав молодого Культиста на полпути к телефону на маленьком столике возле лестницы. Тот удивлённо посмотрел на герцогиню, схватившуюся за пустую кобур. Культист сел на ступени, потом пришёл в себя и бросился наверх. Ки направила в его сторону жезл, но опомнилась и бросилась вслед за ним.

Добравшись до второго этажа, молодой человек выскочил из дверей в столовую с ружьём в руках, но герцогиня подняла жезл, и, когда тот нажал на спусковой крючок, ружьё не произвело выстрела. Ки размахнулась и врезала ему жезлом по лицу, отчего культист упал и, ударившись о край стола, отключился. Из детской спустился другой служитель и бросился на герцогиню, но та успела выронить жезл и поднять ружьё, выстрелив от бедра в культиста, тут же схватившегося на живот. Он упал на колени и, истекая кровью, поднял голову на герцогиню. В его глазах читалась мольба. Её лицо передернуло от ужаса, она прицелилась ему в сердце и зажмурилась. Прогремел ещё один выстрел. Служитель упал. Герцогиня, стараясь не смотреть на труп, приставила дуло к груди первого молодого человека, зашевелившегося возле стола под её ногами, и выстрелила снова.

Сгорбленная и постаревшая сразу на добрый десяток лет, с тяжёлым хрипящим дыханием, она стояла посреди столовой. В доме напротив зажглось окно, и двое детей высунулись из него, наблюдая за герцогиней. Затем она увидела, как из-за портьеры в гостиной выглядывает фигура прокурора. Ки вскинула ружьё, и дети тут же закричали и

исчезли за стеной. Мужчина за портьерой упал на пол. Герцогиня выстрелила в окно гостиной, и осколки стекла посыпались на упавшего. Ки бросила ружьё, подняла жезл и спустилась вниз по лестнице. Выйдя через задний вход, она направилась к припаркованному на причале бригу Герды, запустила его с помощью жезла, взлетела и направилась на юг, на глазах у прокурора, тщетно пытавшегося дозвониться до отдела особых поручений.

Ки, по просьбе Герды из короткого послания, что герцогиня получила в тот трагический день, когда девочка оказалась в заключении, взорвала дамбу, давно заминированную на такой случай, и освободила путь для беглецов с руной. А теперь и сама покинула город через этот новый проход. Ветер трепал растерзанные белые волосы герцогини, пока бриг Герды нёс её над пустыней.

— Прости меня, я сделала всё, что могла, и всё неправильно, — сказала она закату.

Ки чувствовала, как ещё чуть-чуть и она потеряет сознание, поэтому включила автопилот и отправилась в каюту, где рухнула на подушку и заснула, не заметив, что до самой границы невозврата её преследовал скутер без опознавательных знаков.

Глава 35

— Вы велели мне по ночам следить за замком Амун и сообщать, если случится что-то необычное, — произнёс Ручи.

Этим ранним утром он стоял в кабинете герцога Ройя. Сам герцог сидел в кресле, теребя в руке свой кулон с сердечным осколком, пробитый пулей. Не мигая смотрел он, как ветер колышет бумаги на столе, и ничего не отвечал. Ручи наклонил голову, пытаясь привлечь внимание Альберта, но тот сидел не шелохнувшись.

— Вчера там было много Культей. Ваш заместитель тоже там был, — произнёс стражник, — я решил проследить за ним. И он привёл меня в странное место, из ориентиров я в этом районе знаю только Забытый Костёл. Короче, там был пожар и куча полиции, и даже Серые Робы. Но меня заинтересовала вспышка внизу у заправочной станции, куда я и приземлился, чтобы быстро зарядить пылью свой скутер. Я полетел посмотреть, что это было и, что бы вы думали, я обнаружил ту женщину с бала, о ком вы просили доносить.

При этих словах герцог перестал теребить кулон, вышел из анабиоза и внимательно посмотрел на сержанта.

— Она уходила по нижнему ярусу, но затем изменила маршрут, поднялась на второй и села на кольцевой однорельсовый трамвай.

— А дальше? — прохрипел Альберт.

— Дальше она вышла у искусственного озера и отправилась в какой-то дом. В доме раздались выстрелы. Я уж думал всё, но затем она вышла из него вся в крови. Села на бриг и улетела из города.

— Как улетела из города? — удивился Ройя.

— А вот так. Топливо у меня подошло к середине почти у линии терминации, у вас хорошие скутеры, с запасом идут, но этот бриг, понимаете, он ушёл в пустыню. Я приземлился и долго смотрел, пока хватало глаз. Она улетела на юг, в сторону гор.

Человек с накрытой капюшоном головой в робе Культа с особыми отметками, понятными только служителями и говорившими о том, что владелец сего одеяния находится на высшей ступени в организации, сидел в широком кресле в тюремном дворе. Рядом была припаркована прогулочная баржа, где на просторной палубе находился продолговатый предмет, накрытый грубой тканью. Мастер Канаан сразу, как только глаза привыкли к свету, обратил внимание на этот предмет. И лишь потом взглянул на незнакомца, приветливо указавшего ему на стул напротив кресла. Был полдень и солнца хорошенько припекали, отчего у мастера даже закружилась голова с непривычки. Сопровождавший его стражник услужливо раскрыл зонт и поднял его над Канааном.

— Вот это сервис, — хмыкнул мастер и присел на предложенный стул, — чем заслужил такую честь?

— Думаю, вы уже догадались, — улыбнулся незнакомец, оглядываясь через плечо на предмет на барже.

— Нужно что-то починить, — кивнул Канаан.

— В точку, — подтвердил незнакомец и встал с кресла.

Быстрым шагом он поднялся на баржу и скинул ткань с предмета. Мастер Канаан, протирая глаза, медленно встал со стула и, неуверенно ступая, последовал за человеком в робе.

— Это же... — пробормотал Канаан, — не может быть. Проклятый сын красной луны был прав... «Молния»! — воскликнул мастер и припал к фюзеляжу аэроцикла.

— Смотрю, вы действительно мастер в своём деле, — усмехнулся незнакомец, — раз так быстро узнали этот, с позволения сказать, редкий экземпляр.

— О да... — пролепетал Канаан, разглядывая машину и щёлкая тормозами на руле, — шедевр. Как не узнать. У нас такое изображение было в учебнике. На всю жизнь запомнил. Не верил, что когда-либо встречу её.

— Сможете починить? — спросил человек в капюшоне.

— Да она вроде и не сломана, — скривил губы мастер Канаан, заводя двигатель.

Машина резво заурчала и приподнялась над землей. Осколки сердца забегали в трубках и засветились алым сиянием.

— Ах да, — нахмурился мастер, — вижу. Тяга работает на четверть мощности. Да и аккумулятор почти помер.

Он сложил руки на груди и задумался.

— Хотите пересечь пустыню? — вдруг спросил он незнакомца.

Тот промолчал.

— Хотя, конечно не моё дело, простите, — поспешно улыбнулся мастер и выжидающе посмотрел на человека в капюшоне.

Тот поднял голову, и стал виден его небритый подбородок и улыбка.

— Вы ждёте, что я предложу вам взамен?

Канаан улыбнулся и развел руками.

— Последний раз, когда я просил что-то у тех, кто давал мне работу, меня посадили сюда. Я уже так долго нахожусь в заключении, — пожал плечами мастер, — пора бы уже и...

Он поднял голову в небо, где в зените на него смотрели два пышущих глаза светил.

— Я понимаю ваше желание, мастер Канаан, — кивнул незнакомец, — оно уже исполнено.

Мастер посмотрел на незнакомца. Порыв ветра сорвал капюшон с его лица, но мастер не успел внимательно разглядеть своего освободителя, потому что взгляд его приковала панорама города, показавшаяся за бортом баржи, взлетающей с крыши тюрьмы.

— О Сердце! — воскликнул мастер Канаан, хватаясь за борт «молнии».

— Не волнуйтесь, — успокоил его Альберт Ройя, а это был именно он, положив руку на плечо уже бывшему заключенному, — я герцог Ройя. В моём замке найдётся всё необходимое для ремонта. А если нет, то мои слуги доставят вам то, что вы попросите.

— Это так неожиданно, — с испугом посмотрел на него мастер.

— Понимаю, — кивнул Альберт, — но дело срочное и отлагательств не терпит.

— Понимаю, — кивнул Канаан, садясь на палубу и опираясь спиной на фюзеляж «молнии».

Баржа зашла на вираж, и сработала гравитационная стабилизация. Канаан почувствовал, как он «прилип» к палубе, а перед ним открылась удивительная панорама, не виданная им многие годы. Сверкающий средний ярус, полный беззаботной жизни, дружеских пирушек и искусства. Взгляд его упал на Проспект Согласия, где велись восстановительные работы.

— Так это правда про террористов? — с тревогой спросил он Герцога.

— Отчасти, — кивнул Альберт и изменился в лице, — как и у любой правды, у неё есть две стороны.

— Они похитили руну?

Герцог молча смотрел на разрушения, в его голове мерцали воспоминания об Эхе Мира.

— Зачем было убивать людей? — вновь подал голос Канаан.

— Людей убила некомпетентность, — не отрывая взгляд от панорамы, ответил Ройя, — применять паровых роботов такого размера в жилых кварталах — безумие. Кто-то просто хотел выслужиться. Или специально устроил так, чтобы всё это случилось.

— Ого, — поморщился Каннан.

— Да, и не думайте, что я боюсь, что вы кому-то проболтаетесь о моих словах, — поднял бровь Альберт, — вам всё равно никто не поверит.

— В этом я не сомневаюсь, — засмеялся освобождённый нервным смехом.

В замке мастер быстро принялся за дело, не раз заставив Степаша отправиться на верхний базар. Этим он быстро заслужил его проклятия и вместе с тем уважение, когда уже через несколько часов «молния» была готова к полёту. Альберт был очень доволен.

— Вы свободны, — сказал он, пожав руку Канаану и вручив ему бумаги из тюрьмы, — теперь никто не сможет вас держать взаперти.

Мастер со слезами на глазах принял их и в сердцах обнял Герцога, испытавшего лёгкое смущение.

— Однако, — улыбнулся Ройя, освободившись из объятий новоиспечённого гражданина, — вы вольны остаться здесь и работать на меня. Вам будет положено жалование и все удобства. В замке столько старых механизмов, требующих ремонта, что и не сосчитать.

Канаан поклонился:

— Благодарю вас за вашу щедрость, Герцог Ройя, но мне нужно немного подумать, всё так быстро случилось. Ещё несколько часов назад...

— Я понимаю, — перебил его Альберт, — не стоит объяснять. Думайте столько, сколько нужно. Двери моего замка всегда открыты для вас.

— Вы очень великодушны, — поклонился Мастер.

Оставив Канаана взвешивать своё будущее, Сверло поднялся к себе в кабинет, где ждали его Блоп и Ручи.

— Ну что же, — хлопнул в ладоши герцог, — вам в очередной раз предстоит показать свою невероятную удачу.

— Мы отправляемся в гвардию? — с надеждой спросил Блоп.

— Не совсем, — ухмыльнулся Ройя, садясь за стол, — вам предстоит отправиться туда, куда на моей памяти никто не добирался.

— Интригующе, — сложил руки на груди Ручи.

— Мы бывали на подземном озере во время экскурсии. Её нам подарила одна девочка на рынке. Или, подожди, Руч, она сама нам отдала или мы взяли билеты в качестве еженедельной платы?

Альберт рассмеялся.

— Вы пара самых удивительных аморальных элементов, виденных мной.

— Это комплимент? — скривил губы Ручи.

— Возможно, — успокоившись, ответил Ройя, — но после того, как вы выполните моё поручение, я исполню-таки вашу мечту и произведу вас в гвардейцы.

— Давно пора, — покачал головой Ручи, — а то уже с прошлого раза ждём.

— Но-но, — стукнул ладонью о стол Альберт, — не испытывай моего терпения.

— Простите, Ваша Светлость, — стушевался стражник.

— Вам нужно отправиться за стену, — торжественно произнёс Ройя и, насладившись произведённым эффектом, продолжил: — За пустыню.

— Э-э-э, — протянул Блоп.

— Да-да, вы не ослышались, в горы за пустыней, чтобы отыскать, куда отправилась герцогиня Ки.

— Но, — кашлянул Ручи в кулак, — это же невозможно.

— Отнюдь, — развёл руками герцог, — буквально несколько часов назад я получил со склада вещественных доказательств ту машину, на которой вы привезли мне этого бедолагу Аллади, из Квартала Туманов.

— Аллади? — переспросил Блоп. — Какое интересное имя.

— Да, но это дела не меняет, — покачал головой Альберт. — Над ней поработали. И теперь она способна не только преодолеть пустыню, но и сделать это раз шесть, так что у вас будет запас хода на то, чтобы отправиться туда, найти герцогиню, выяснить, что она там делает и вернуться назад.

— И вы произведёте нас в Гвардию? — уточнил Ручи.

— Да, — кивнул герцог, — после этого вы оба станете лейтенантами гвардейского корпуса.

— Но в гвардии могут служить лишь люди, обладающие дворянским титулом, — опустив глаза в пол, пробормотал Блоп.

— Этого, — усмехнулся Ройя, — я вам обещать не могу. А вот службу обеспечу.

Стражники переглянулись. За дверью раздалась возня, в кабинет ввалился Степаш, обхвативший Миту. Но девочка укусила старика за руку и вырвалась. Подскочив к столу, она схватилась руками за столешницу и закричала на Альберта.

— Что ты делаешь, глупый самонадеянный герцог?! — сердито обратилась она к нему. — Разве ты не знаешь, что мне нужна помощь в поимке того единственного, кто является ключом к силе твоего врага?

— Ах ты, маленькая... — прогнусавил привратник, поднимаясь.

— Не нужно, Степаш, — поднял руку Ройя, а затем обратился к Мите, — моя дорогая, очень умная, но невоспитанная девочка, помимо игр в живых и мёртвых есть кое-что ещё, что мне важно знать. И, подозреваю, это может оказаться важным в борьбе с моим, как ты выражаешься, врагом.

— Ты не понимаешь, — расстроилась девочка, и её глаза наполнились слезами, — у него есть только одна слабость. Только одна. Бабушка предупреждала.

Она зарыдала и упала на колени. Ройя встал, обошёл стол, присел рядом с Митой и обнял её.

— Ну-ну, милая, не плачь. Хочешь, Степаш откроет тебе детскую комнату, там есть много игрушек...

— Пе-ре-стань, — отстранилась от него девочка, пихаясь и стуча кулачками, — не надо ко мне относиться, как к маленькой. Я делаю самое важное дело. Я спасаю вас всех!

Она вновь закрыла лицо ладонями и заплакала пуще прежнего.

— О, женские слёзы, — покачал головой Сверло, опираясь спиной на стол.

— Я уже почти нашла его, — всхлипывая, пробормотала девочка. — Ручи, скажи им, что мы отправили червя.

Ручи пожал плечами.

— Там был здоровый дракон и куча пыли, — неуверенно произнёс он.

Девочка заплакала ещё сильнее.

— Извини, дорогая, но время для игр кончилось, — надев маску серьёзности произнёс герцог и поднялся, — настало время действовать. Отправляйтесь в мастерские, — кивнул он стражникам, — там вас ждёт мастер, он объяснит, как правильно управлять «молнией». Припасов хватит ровно на шесть дней. Ручи знает направление. Без герцогини не возвращайтесь.

Ручи и Блоп неуверенно двинулись к выходу. Мита с ненавистью смотрела то на них, то на герцога.

— Вы подписываете себе смертный приговор, — прошипела она, — особенно ты, — девочка посмотрела прямо на Ручи, — ты же говорил с бабушкой. На тебе печать. Только она удерживает тебя от того, чтобы провалиться обратно в Эхо.

Но Ручи лишь закрыл глаза, показал на плечи, нарисовав на них погоны, и удалился вслед за Блопом в прихожую, где тот уже открыл дверцу лифта.

— Верь мне, — наклонился к ней герцог, — я тоже кое-что соображаю.

— Не заметно, — нахмурилась Мита, — всё, что тебя волнует, даже после того, как ты видел всё своими глазами, — судьба этой пропащей юбки.

— Ты знаешь, я даже рад, — улыбнулся Блоп, нажимая на кнопку и наблюдая, как стена ползёт вверх, — мы снова вдвоём, снова приключения. Нам так повезло!

— Заткнись, Блоп, — пробормотал Ручи, почёсывая бородавку на шее и смотря отрешённым взглядом прямо перед собой.

«Молния» вылетела в пустыню, когда старшее солнце уже клонилось к закату. Патруль у стены было погнался за ней, но скоро отстал. Блоп сидел, обхватив спину друга и смотрел на горизонт.

— Красота, — сказал он.

— Что? — крикнул ему в ответ Ручи.

— Красота, Руч! — закричал тостяк. — Это лучшее, что со мной случилось!

Гор они достигли только глубокой ночью.

— Смотри! — шёпотом крикнул Блоп, показывая рукой на диск седьмой луны, где в контражуре показалась цепь небольших кораблей, устремившихся в сторону города.

— Тут точно что-то происходит, — кивнул Ручи.

Он бросил «молнию» ближе к земле и скрылся за осколками скалы, рваными гребнями поднимавшейся из песка. Они проводили караван кораблей, двигавшихся в направлении города и вскоре исчезнувших из вида. Там было не меньше десяти парусников и столько же катеров.

— Вот это да... — пробормотал Блоп, — отправляйтесь туда, куда никто не летал. А тут раз — и места живого нет.

— Да, — кивнул Ручи, — что же будет дальше.

— А дальше нас ждёт только победа! — провозгласил Барон собравшимся на палубе брига, когда-то принадлежавшего Герде.

Герцогиня подняла бокал забывай-воды и залпом выпила его. Остальные, перворождённые и люди, способные пить, тоже выпили до дна и разбили свои бокалы об пол. Герцогиня налила себе ещё и обернулась к Барону. Вереница кораблей двигалась в сторону города и скоро уже должна была достигнуть зоны патрулей.

— А вот и они, смотрите! Ха-ха! — Барон замахал показавшимся из-за барханов патрульным, поднявшимся на их высоту и вставшим в сопровождение. — Всё как обещал Сейран. Я уже люблю этого парня.

Ки криво улыбнулась и сжала кулаки. Зара, стоявшая на палубе рядом со Снорри, с интересом наблюдала за герцогиней, удивляясь тому, как отличалась эта потрепанная и измученная женщина от фотографий в «Вечернем Ветре».

Корабли в сопровождении патруля зашли в пробоину в стене и поднялись к соляному озеру, где в темноте гигантского грота их ждал фрегат «Союза Свободы». Освещённый множеством маленьких огней, отражённых в чёрной глади воды, он создавал иллюзию меленькой вселенной, возникшей посреди океана пустоты. Корабли Барона выстроились вокруг фрегата, словно спутники, и бриг пришвартовался к нему, легонько качнув борт большого корабля, зависшего на гравитационной подушке. Сейран Тайград в окружении других участников «Союза» встречал Барона низким поклоном. Тот взошёл на фрегат, снял свою широкополую шляпу и тоже поклонился ожидавшей его делегации, задев пером о лакированный деревянный пол.

— Мы так рады видеть вас, — расплылся в улыбке Тайград, поглядывая за спину Барона на его свиту из оживлённых, перворождённых и людей, оставшуюся на бриге. Сопровождала его только герцогиня Ки, занявшая своё место справа.

— Хочу представить вам герцогов Бомбарда, Ят, Цему и Леватургоста.

Мужчины в тёмных парадных камзолах поклонились.

— Я, — приложив руку к груди, произнёс Сейран, — преданный сын дома Тайград. А герцогиня Амун не нуждается в представлении.

— Рад видеть вас в добром здравии, дамы и господа, — улыбнулся Барон, — давно не виделись. Думаю, вы все в курсе, кто я.

Присутствующие кивнули.

— Мы рады видеть вас в добром здравии, — подскочил к нему ещё ближе Сейран Тайград, — это чудо, что вам удалось так долго и так успешно пребывать вне ока Культа и Узурпатора.

— Мне помогали, — понимающе закрыл глаза Барон, чуть обернувшись на бриг.

Собравшиеся, прищурив глаза, внимательно посмотрели на свиту Барона. Зара вместе с Вегой, наблюдавшая за их встречей с верхней палубы, сверкнула глазами на взгляд Герцога Леватургосты, так что тот даже пошатнулся.

— Что за глаза, — пробормотал он себе под нос, хватаясь на плечо соседа.

Барон прошёлся по палубе и оглядел собравшихся.

— Ну что ж, начнём?

— Безусловно, — закивал Тайград, жестом приглашая в сторону резных дверей со знаками его дома, — прошу нас всех пройти в каюту.

Герцоги заспешили за Бароном, толкаясь и стараясь опередить друг друга.

— Что за стадо потняков, — проворчал Снорри, повернувшись на каблуках и проследовав к ступенькам, ведущим вниз с рулевой палубы.

— Тебе просто завидно, что тебя не позвали, — прорычал опиравшийся на дверь каюты тигр.

— Шархамайран, как же жмут эти сапоги, — выругался здоровяк и обратился к перворождённому: — кто бы говорил!

— Я не удивлюсь, если он продаст нас там с порохами, — нахмурился его собеседник.

— Акба, трусость — это призвание, — прошипел человек, с трудом снимая левый сапог.

— Кого ты назвал трусом? — огрызнулся тигр, опускаясь на передние лапы и разевая пасть.

Сапог с ноги Снорри отскочил тигру в морду и ударил ровно промеж глаз, так что Акбу перекосило, и он отступил назад и прилёг на пузо.

— Напросился, — пожал плечами здоровяк, принимаясь за второй сапог.

Размяв пальцы на ногах, он встал и прошёлся по палубе, краем глаза заметив, как герцогиня зашла в каюту и аккуратно закрыла за собой дверь. Оглянувшись, здоровяк заметил ревнивые взгляды девушек на рулевой палубе, направленные в её сторону, и улыбнулся, проигнорировав рычание тигра, на хвост которого он чуть не наступил. Развернувшись, он вновь направился к носу корабля, забрав в этот раз левее, ближе к борту. Расставленные по

периметру фрегата стражники внимательно следили за ним, но тут Акба вновь поднялся на ноги и глаза их, словно магнитом, приковало к прямоходящему животному. Снорри требовалось только это. В мгновение ока он оказался за бортом и повис на страховочной сети. Убедившись, что никто не заметил его исчезновения он полез дальше к носу корабля, ловко перебираясь по крепким веревкам, опоясывающим всё судно.

Фрегат не был так приспособлен к акробатическим трюкам, как того хотелось бы здоровяку, и ему пришлось изрядно попотеть, пока он перебрался на его корму, рядом с которой был припаркован бушприт брига. Чуть не упав в чёрную воду уже рядом с окнами большой капитанской каюты, Снорри вытер проступивший пот и, крепко зацепившись за решётку окна, подтянулся и посмотрел внутрь. За большим круглым столом стоял Барон и герцог с герцогиней. Герцог потолще произносил то, что показалось здоровяку списком требований.

— ...парламентское большинство и ликвидация Культа с передачей всех прав магистрату...

Правая рука Снорри подустала, ему пришлось поменять её и достать с пояса карабин. Карабин он прицепил к решётке, показавшейся ему очень ненадёжной, а с пояса он вытянул металлическую леску, зацепив её на поясе и карабине. Достав второй карабин, он проделал то же самое с соседним окном и уже, только придерживая себя руками, перенёс основной вес на карабины. Решётки напряглись, но выдержали.

Барон внимательно слушал герцогов, сложив руки на груди.

— Мы не потерпим очередного Узурпатора, — уверенным тоном чеканил Тайград, — мы хотим возвращения к «Договору садовников».

— «Договору садовников» с большинством в Сенате и правом вето? — хмыкнул Барон, снимая свои белые перчатки и кидая их на стол.

Герцог зароптали.

— Это для нашей общей безопасности, вы же понимаете, другие дома будут долго восстанавливаться после, м-м-м, нашей победы, — продолжил Сейран разводя руки, — мы не знаем, насколько мирным это будет. Нам нужна хотя бы легальная возможность блокировать «неразумные» законы этих, этих... подхалимов, готовых дать простолюдинке управлять собой.

— Тогда чем это будет отличаться от Узурпатора? — усмехнулся Барон.

В это мгновение правая решётка не выдержала и лопнула, с треском сорвавшись вниз. Снорри повис на левом карабине и успел только схватиться рукой за решётку окна палубой ниже. Прильнув к нему, он замер. В окне появился подбородок одного из герцогов, огляделся и произнёс:

— Ну и строят нынче.

Когда подбородок исчез, Снорри подтянул к себе упавшую решётку, отцепил от карабина и сбросил в воду. Та с шумом плюхнулась, и здоровяк вновь замер, уставившись в темноту. Чёрная гладь воды будто бы посмотрела на него в ответ, по спине Снорри пробежали мурашки. Сверху слышались шаги, говор стражников, но скоро вновь стало тихо.

— С таким отношением к безопасности, это чудо, что нас ещё не поймал Культ, — пробормотал здоровяк себе под нос.

Он с трудом подтянулся обратно и отцепил второй карабин. Убрав его, он вновь спустился к окну на палубе ниже и после недолгих усилий открыл решётку, а за ней окно. Пробравшись внутрь, он очутился в офицерской кают-компании. Но все, похоже, были на своих постах и внутри было пусто. Снорри выглянул в коридор и тоже никого не обнаружил. Плотнo закрыв дверь каюты, он зажёл электрическую лампочку на потолке и тут же наткнулся глазами на вентиляцию. Приложив к ней ухо, он сразу же услышал разговор этажом выше. Эхо съедало некоторые слова, но смысл фраз был ему понятен. Здоровяк выключил свет и продолжил слушать.

— Нас должно остаться только пять! — кричал неизвестный голос.

— Шесть, здесь же Герцогиня, — возражал другой.

— Её дом — формальность, её армию расформировали.

— Семь, не забудьте о молодой Трокийе.

— Ах, нахлебники.

— Пять домов, пять мест в парламенте.

— Упраздняем Сенат!

— Господа, господа, не надо снова.

В коридоре слышались шаги. Снорри бросился было к окну, но не успел. Дверь открылась, и в помещение вошёл антропоморфный оживлённый с нарисованным на деревянном теле костюмом прислуги. Он поклонился человеку, взял со стола корабельный журнал и вышел, аккуратно закрыв за собой дверь. Здоровяк так и остался стоять, замерев, как статуя, потом проморгался и вздохнул, присев на скамью.

— Дуболом, — пробормотал он с облегчением, — я и забыл о них.

Вернувшись к вентиляции, Снорри прислушался, но голоса стало слышно гораздо хуже, похоже, что-то теперь закрывало трубу. Здоровяк приподнялся и посмотрел в вентиляцию. Ничего не разобрав, он достал с пояса маленький фонарик и, нажав несколько раз на механизм, разогнал электродвигатель и тот засветился слабым светом. Его, впрочем, хватило, чтобы Снорри смог рассмотреть в трубе совку, удивлённо и недоверчиво прищурившую глаза.

— Иди, иди сюда, — прошептал здоровяк, закивав птице головой.

Но та лишь отодвинулась дальше и исчезла в т-образном разветвлении.

— Шахаразарам-параш, — шёпотом выругался Снорри, слез со скамейки и огляделся. В кают-компании не наблюдалось ничего, что могло бы привлечь совку. Он аккуратно выглянул и вышел в коридор, прикрыв за собой еле скрипнувшую дверь.

В соседней каюте при свете сердечной лампы спал молодой офицер, положив руку на пачку солёного печенья. Снорри тяжело вздохнул, оглянулся в коридор, затем вошел и присел рядом с койкой. Глаза молодого человека не двигались, спал он крепко, приоткрыв рот. Подумав, Снорри достал из поясной сумки складной нож, разрезал пачку под мизинцем офицера и стал аккуратно вытаскивать печенье. Молодой человек всхрипнул, что вынудило здоровяка остановиться. Офицер перехватил во сне пачку и печенье, раскрошившись, выпало из надреза, сделанного Снорри. Поджав губы, здоровяк стал собирать своими огромными

пальцами крошки. Неуклюже сжав их в свободной руке, он вышел из каюты офицера и направился обратно в кают-компанию.

Совки на месте не было. Но звук всё так же не шёл. Снорри тихо поцокал языком и высыпал крошки на край вентиляционной трубы. Через мгновение в трубе послышались царапающие шаги и совка показала мордочку. Увидев крошки, она принялась тут же их клевать. Здоровяк же, притаившийся сбоку, ухитрился схватить её пальцами и, вытащив из трубы, выкинул в открытое окно.

— Всё, лети с миром, — пробормотал он.

Но тут же на верхней палубе раздался выстрел, а затем тихий всплеск воды. По кораблю забежали. Офицер в соседней каюте проснулся и упал с койки. Снорри запаниковал и не нашёл ничего лучше, чем вылезти обратно в окно. Забравшись выше к окнам, где шло совещание, он ногой прикрыл окно в кают-компанию и затих, молясь Сердцу, чтобы его руки и решётки выдержали.

Свет в кают-компании погас, а в комнату к совещавшимся зашёл офицер и отапортовал, что охрана периметра сбила птицу.

— Х-м-м, — не нашёлся, что сказать, герцог Тайград.

— Думаю, молодца следует наградить, — подняв правую бровь и повернувшись к офицеру, произнёс герцог Левотургоста.

— А я бы, наоборот, выпорол смельчака, не способного отличить врага от птицы, — закатил глаза Сейран.

— Посмотрите на себя. Не можете перестать спорить даже сейчас, когда решается судьба города, — покачал головой Барон, оглядев герцогов.

Офицер попятился, уловив момент, и выбежал из помещения.

— Зачем вы позвали меня? — спросил Барон и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Потому что вам нужно, чтобы вас возглавили.

Он торжественно замер, достав из кармана новую пару белых перчаток и надел их. Снорри свесил ноги вниз и вновь полез за карабином, потому что руки его начали предательски дрожать.

— Мне удалось то, что не удавалось ещё никому. Я объединил под своим флагом людей, перворождённых и оживлённых. Я знаю, что многие из вас до сих пор шарахаются при виде прямоходящего тигра или говорящего чемодана, заявляющего о своих правах. Но для нас, — он кивнул в сторону брига, — это непреложная реальность. И либо вы идёте вместе с ней, либо останетесь за бортом истории.

— Я что, должен делить место в Сенате с этим говорящим ковром? — возмутился герцог Левотургоста.

— Да, если вы не хотите сами стать ковром в его прихожей, — поднял бровь Барон.

— Это возмутительно, — прохрипел герцог.

— Возмутительно то, что мы до сих пор живём в мире, где ценность живого существа определяется его происхождением. Не забывайте, мы все созданы Сердцем.

— Я не хочу это слушать, — почти взревел герцог Левотургоста, направляясь к двери.

— Господа, господа, — пролепетал Тайград, — подождите. Не нужно ссориться. Я уверен, подобные щекотливые вопросы мы обсудим, когда решим нашу основную проблему, Липрин, — он сверкнул глазами на герцога Левотургоста и замер.

— Хорошо, — кивнул тот, — но я не потерплю деградировавших кошек и оживляшек в Сенате.

— Никто не собирается ломать иерархии, — примиряюще продолжил Барон, — но пересмотреть законы о правах и свободах, а также само понятие о живом и неживом существе — это насущная необходимость, если мы хотим выступить все вместе.

Левотургоста недовольно сложил руки на груди.

— Вы же понимаете, что именно ваша нетерпимость породила их? Гонения, пережитые ими, их неустроенность, воспитали их ненависть и их волю. В то время как ваша воля ослабла. Они — ваши дети. Ваше творение. И вам придётся посмотреть им в глаза, если вы хотите, ни много, ни мало, выжить.

Герцоги зароптали.

— Да, это пугающая перспектива, и, стоит вам сделать неверный шаг, эта сила сотрёт в порошок такой знакомый и понятный вам мир. И у вас есть единственный шанс избежать этого — возглавив их.

Барон торжественно посмотрел на Липрина.

— И лучше меня вам лидера не найти, потому что я уже совершил это. Вам даже не надо стараться, — он усмехнулся, — вам надо примкнуть. Ведь в глубине души вы понимаете, что вы все пришли сюда, потому что вам нужен лидер. Лидер, что выйдет лицом к лицу против тирана, севшего на троне. Лидер, который его победит. А победить он сможет, только использовав объединённые усилия людей, перворождённых и оживлённых. И этот человек я.

С этими словами он вынул из-под камзола кинжал и воткнул его в стол. Герцоги отпрянули и ахнули. Глаза Герцогини расширились от удивления и засветили алым сиянием. В кинжале радужным светом сияла руна.

— Это же... — пробормотал герцог Левотургоста.

— Да, — кивнул Барон, — тот самый кинжал, которым моя мать убила тирана, совершив первый шаг к освобождению. Мы должны закончить то, что она начала.

С этими словами он положил руку на руну и вынул её из крепления на кинжале. Затем снял с пояса длинный палаш и закрепил руну на эфесе. Оружие засияло, а рисунок на ножнах ожил и поплыл. Правая рука Снорри не выдержала, и он повис, откинувшись на левой и двух карабинах.

— Так это вы украли руну из Института Чудес...

— То есть у вас уже две?

— Руна из университета Амун тоже у вас?

— Весь город судачит, что Узурпатора скоро убьют, раз уже две руны похитили.

Снорри с трудом подтянулся, но затем свесился обратно, потому что почувствовал, что силы покидают его. Достав с пояса пистолет с цепляющим механизмом и верёвкой, он прицелился дрожащей рукой и выстрелил в носовое украшение брига в виде головы обезьянки, как две капли воды похожей на Лилу.

— Привет, — пробормотал здоровяк удивлённо и дёрнул за веревку.

Крюки крепко вошли в дерево. Снорри привязал себя и зарядил ещё одну веревку с зацепом и выстрелил чуть дальше по борту корабля. Эту веревку он не стал закреплять, а обмотал вокруг плеча и локтя, создав рычаг. Отцепив карабины, он упал с фрегата и пролетел под бортом брига. Покачавшись всласть на созданных им «качелях», Снорри стал поочередно наматывать веревки, поднимая себя на бриг. Добравшись до бойницы, он подтянулся, залез внутрь и упал на пол совершенно измождённый.

Герцоги высыпали на палубу, провожая Барона. Он лихо поклонился, сняв шляпу, и тем же движением, что снял её, надел обратно на голову. Развернувшись, мужчина зашагал к своему кораблю. По дороге он остановился перед герцогиней и поцеловал ей руку.

— С вами, душа моя, не прощаюсь, и верю в вас, — произнёс он, сверкнул глазами и направился к трапу.

Ки проводила его тревожным взглядом и оглянулась на герцогов. Бриг отшвартовался и двинулся прочь. Зара, поедая герцогиню глазами, проплыла мимо.

— Надеюсь, что ваше согласие не мимолётно, Сейран, — обернулась к Тайграду Ки.

— О нет, нет, — залепетал Сейран, — моё слово — бетон.

— Надеюсь, не тот бетон, что вы хранили над Старым кварталом, — саркастически заметила герцогиня и проследовала в приготовленную ей каюту.

На палубе удаляющегося брига Снорри подошёл к Барону.

— Вы обсуждали с ними условия правления.

— Всё верно, мой друг, — кивнул Барон, снимая перчатки и доставая из кармана очередную пару.

— А как же Сердце? — спросил Снорри, взглянув на эфес на поясе Барона.

— А что Сердце?

— Вы должны выполнить свой долг, исполнить пророчество.

— Я выполню его, — пожал плечами Барон, — одолею Тэмена, захвачу Культ и обязательно верну одну руну Сердцу.

— Остальные оставив себе? — нахмурился Снорри.

— А что тут такого? — удивился Барон, взяв правой рукой ус и начав часто его подкручивать. — Тем более, прости, но разве это твоё дело?

— Это было дело Отца, — тихо ответил здоровяк, — теперь его нет.

— И ты решил, что настало время учить меня, что делать?

— Но...

— Но на самом деле, настало время тебе следить за своим языком.

— Простите.

— Не подумай, я благодарен тебе, что ты достал мне руну, наконец-то, спустя столько времени, — произнёс Барон, опустив взгляд на тёмный лакированный пол, где мерцали блики лун.

Бриг вырвался из пробоины в стене и теперь летел между скал к пустыне.

— Я достал её, чтобы вы могли выполнить свой долг.

Барон с вызовом посмотрел на здоровяка.

— Ты не можешь мне указывать, как поступать.

— Я всегда верил в вас, Ваше Величество, я пожертвовал всем...

— Знаю-знаю, — ответил Барон, закатив глаза, — мы оба потеряли то, что нам было дорого в ту ночь. Мы оба многим пожертвовали, если не сказать всем, чтобы этот день настал.

— Да, — кивнул Снорри, — я лишь прошу вас идти до конца.

— Я иду до конца, — кивнул Барон, — и, ради всех лун, не надо мешать мне разыгрывать партию с этими дураками.

— Вы верите им?

— Ни капли.

— Тогда зачем?

— А разве у них есть выбор? — усмехнулся Барон. — Ты думаешь, что теперь они пойдут к Тэмену и он выслушает их? Да он их казнит, там же, на месте. Как казнили Трокийю. И они знают это. Поэтому на самом деле у них нет выбора.

Сноори задумчиво уставился на линию гор впереди.

— Самый интересный вопрос, как теперь поступит Культ, — произнёс Барон и тоже уставился на приближающиеся горы.

Его Преосвященство Верховный глава Культа Защитников Сердца стоял на мостике, положив руки в специальные выемки как раз по форме его пальцев. Но мысли его были далеко, и он стучал костяшками по металлу, вместо того, чтобы сосредоточиться на процессе. Внизу, под ним, безрезультатно тужился Узурпатор, пытаясь поднять энергию от сердца к Верховному.

— Бесполезно, — разбитым голосом произнёс Тэмен, снимая руки с подлокотников и опираясь на них головой.

Верховный посмотрел на него сверху с усталостью и презрением.

— Ничего-ничего, Ваше Величество, — произнёс он подбадривающим тоном, таким обычно разговаривают с безнадежно больными, — сегодня просто не тот день. У вас...

— С тех пор как я совершил этот позорный вылет — каждый день не тот, — прошипел в ответ Йомера.

— Все совершают ошибки, — пожал плечами Верховный, убирая руки с пульта, — бессмысленно винить себя, нужно двигаться...

— Дальше, — с сарказмом закончил за старика Узурпатор, — а что дальше? Народ желает моей смерти. Эта чертовка отравила меня, я уверен. Подсыпала что-то.

— Кто, Ваше Величество?

— Цветочница, — огрызнулся Тэмен и обхватил голову руками, — я уверен.

— Хотите, мы найдём её.

— Нет, не надо. Мне достаточно того, что я был настолько глуп, что допустил её в свою жизнь. Пусть... Пусть это сделают тихо.

— Хорошо, Ваше Величество, — кивнул старик, спускаясь вниз к трону, — вы не услышите о ней более.

— Помните, — произнёс Тэмен, откинув голову назад так, что Верховный увидел его зрачки в алом мерцании Сердца, — в гвардии был лейтенант, застреливший своего отца, а потом бежавший с моим братом. Я всегда думал, как он чувствовал себя. И теперь я знаю. Я думаю, что я даже знаю, как чувствовала себя моя мать, когда убила своего мужа. Вот так они себя чувствовали. Как я сейчас... Как же! Как же руна допустила, что она смогла убить его? Мерзость, — прохрипел Тэмен, — меня покидают силы. Вызовите врача, Верховный, слышите?

— Слышу, Ваше Величество.

Старик спустился по лестнице вниз и направился вдоль зала к дверям. Постучав в створку с изображением мужчины, он дождался, пока она откроется и произнёс что-то молодому культисту, появившемуся в проёме. Когда тот исчез, Верховный постоял возле двери и медленным шагом вернулся к Узурпатору. Сердце всё так же мерно зажигалось и гасло, качая чёрный дым.

— Ну как? — почти проскулил Тэмен.

— Сейчас-сейчас, Ваше Величество, уже послали, — кивнул старик, теребя подбородок.

— Вы не представляете, как мне плохо, — продолжил Узурпатор, трясая головой и топая ногами о ступеньки перед троном, — я не чувствую себя нормально, не чувствую. Как же это невыносимо. Так трудно, что я задыхаюсь. Он поднял красные от напряжения глаза на Верховного.

— Я понимаю-понимаю, — поспешно закивал старик, не отрывая взгляда от Сердца, — я думаю, как вам помочь. Может быть, вам стоит прилечь?

— Нет! — раздражённо хлопнул рукой о колено Йомера.

Узурпатор ещё долго мучился, взывая о помощи, пока тот стоял, нервно теребя свои морщины, уставившись на мерное дыхание Сердца. Наконец дверь скрипнула, и в ней показалась объёмная фигура, накрытая капюшоном.

— Наконец-то, — прохрипел Узурпатор, падая с трона на лестницу.

Подбежавшие служители, подхватили его и уложили на пол. Над побледневшим Йомерой появилось озабоченное лицо мадам Лай.

— Ох, Ваше Величество, — пролепетала она и поднесла к носу правителя какую-то смесь.

Тэмен чихнул, и содержимое пузырька разлетелось по всему его лицу. Женщина заохала и принялась рыться в своей сумке, тайком взглянув на Верховного, продолжавшего стоять к происходившему спиной.

— Сейчас-сейчас, Ваше Величество, мы вас вылечим, — бормотала женщина, пытаясь улыбнуться, но сегодня что-то её пластичное лицо не подчинялось ей.

Она смешала зелья из нескольких пузырьков, что произвело маленький взрыв в пробирке, после чего она приподняла голову Узурпатора и влила содержимое в его горло. Тяжело дыша, женщина отстранилась и с ожиданием уставилась на правителя. Тэмен побледнел ещё сильнее, потом тяжело задышал и его стошнило какой-то чёрной субстанцией. После чего Узурпатор застонал:

— Кровать... мне надо лечь.

— Отнесите его в мои покои, — властно приказал Верховный.

Служители подняли ослабшего Тэмена и понесли к выходу из храма.

— Всё должно быть в порядке, яд вышел, — пробормотала Лай, оборачиваясь к Его Преосвященству.

— Скажите, почему каждый раз у меня проблемы с вашими зельями? — спросил старик, повернувшись к женщине, — мои суставы не проходят. И чем, как вы думаете, закончится затея с любовным ядом?

— Простите, простите меня, этого не повторится.

— Уверен, — кивнул Верховный, — потому что следующего раза не будет.

— Умоляю, — зашептала женщина и поползла по полу к главе Культа, — вы должны простить меня, я исправлюсь. Я же всё исправила. Вы не представляете, сколько всё это для меня значит. Наконец-то служить вам. Умоляю. Он выздоровеет.

— Молитесь Сердцу, чтобы это было так, — произнёс Верховный, поморщившись и отдернув свою ногу от её руки.

Глава 36

Гудди не помнил, сколько времени он провёл здесь, в тёмной подсобке, в лазарете. Звуки почти не доносились до него, и он сидел, глядя в темноту, в надежде, что про него просто забудут. Там, где у него голова крепилась к телу, застряла боль. От неё хотелось кашлять, но из-за отсутствия рта это было проблематично.

Он засыпал и просыпался, но не проваливался обратно в кошмар и не умирал, хотя неустанно просил об этом в своих мыслях. Темнота была сухой, холодной и пустой. Только

воспоминания образами и фразами, словно волны, накатывали на берег его отчаянья. Особенно болезненным был смех толпы, от воспоминаний о котором он трясся и бил головой о каменную стену.

В один из таких моментов дверь в подсобку открылась, и на пороге появился стеклянный носорог.

— Привет, — прозвенел он.

— Привет, — прозвенел Гудди.

— Не поможешь мне?

Оживлённый немного подумал, кивнул и встал.

Они проследовали в палату, где в самом конце на койке, постанывая от боли, лежал Знарк. Они подошли к нему, и осколок в груди носорога засветился ярче, освещая перворождённого. На животе грифона были выдернуты перья и зиял аккуратно зашитый длинный разрез.

— Что с ним? — спросил Гудди.

— С ним всё в порядке, — пожал плечами носорог, — просто из него вынули тот большой осколок Сердца, что теперь носит Барон на рукояти своего оружия.

— Ему больно?

— Да.

— Мне тоже больно.

— Почему?

— Потому что мне никто не верит.

— Это нормально. Бояться, — покачал головой стеклянный носорог и принялся накладывать повязку на тело грифона, — ну-ка, помоги мне его приподнять.

Гудди подошёл к краю койки и принял из рук носорога спину Знарка, после чего носорог протянул белую ткань под перворождённым несколько раз, обмотав тело грифона.

— Вот так, — кивнул он, помогая опустить больного обратно на койку.

Знарк застонал и открыл глаза.

— А... это ты... — прохрипел грифон.

Гудди, ничего не ответив, опустил глаза, наполненные смесью из страха, злобы и сочувствия.

— Меня, кстати, зовут Тавр, — представился носорог, обходя Знарка и укладывая ему на лоб мокрый компресс.

— Я Гудди, — прозвенел оживлённый, поднимая на него печальные глаза.

Тавр улыбнулся.

— А меня... — начал грифон.

Но стеклянный носорог его перебил:

— Тебя я знаю, как зовут.

— ...меня не интересуют ваши имена, — закончил Знарк и закрыл глаза.

— Каков... — растерянно прозвенел Тавр.

Грифон снова открыл глаза и оглядел собравшихся вокруг него, словно видел их в первый раз:

— Я такое теперь понимаю...

Перья на его голове поднялись. Он ещё раз оглядел Тавра, а затем Гудди и произнёс шёпотом, оглядываясь в поисках других слушателей:

— Вы все — я. Вы все — просто моё воображение. И ничего, кроме меня, больше нет. Я есть свет и тьма, начало и конец.

Стеклянный носорог рассмеялся своим хрустальным голосом.

— Смейся, смейся, я тебя разгадал. Ты — насмешник.

Грифон вжал голову в свои могучие плечи, глаза его расширились.

— А ты хитёр, — прокаркал он, — так долго обманывать меня. Подсовывать свои сказки. Но теперь всё, — Знарк замотал головой, — теперь я всё знаю. Я устал от этого спектакля.

— С ним такое давно? — спросил Гудди у Тавра.

— Впервые вижу, — заскрипел плечами носорог.

— Не говорите обо мне в третьем лице, — настойчиво прокаркал грифон, — это вы все в третьем лице, а я в первом. Знаете, как через трубочку смотришь, а у тебя не один, а много-много взглядов. Вот это вы все.

Тавр отвернулся и достал склянку с зелёной жидкостью. Он аккуратно открыл её и поднёс к клюву Знарка.

— Отравить меня решили, — возмутился тот, — не тут-то было!

Он задёргал своими огромным крыльями и сбросил одеяло. Стеклянный носорог посторонился, и грифон почти выпал с койки, царапая пол длинными, давно не стриженными когтями. Гудди испугался, что тот убежит, но на этом силы Знарка кончились, и он, грустно запищав, повис на ручке кровати. Тавр аккуратно поднёс к носу грифона колбу с жидкостью и дал понюхать её.

— Красная луна, так клонит в сон, — прохрипел грифон и сник.

Носорог кивнул Гудди, и они вдвоём положили Знарка на место.

— Они лишили меня, — вскрикнул вновь очнувшийся грифон, — они вынули его из меня.

Тавр заботливо накрыл его одеялом и принялся менять компресс.

— Оно говорило со мной, рассказывало мне... Оно изменило мою жизнь, а они отняли его у меня, — перворождённый заплакал.

Гудди с ужасом смотрел на грифона, незаметно для себя схватившись за грудь.

— Отдай мне её! — прокричал Знарк, бросив на Гудди обезумевший взгляд, — отдай... — и наконец провалился в небытие.

— Бедолага, — покачал головой Тавр, после паузы заскрипев своими стеклянными шарнирами, — не знаю даже, что с ним теперь делать.

— А что с ним?

— Думаю, это потому, что в нём был тот радужный предмет. Наверное, он привык к нему.

— Привык... — тихо звякнул Гудди, — что же тогда будет со мной...

— Наши осколки не такие, — пожал плечами стеклянный носорог, укладывая вещи на каталку, — да и мы с тобой не живые, а оживлённые.

— Да, — кивнул Гудди, отступая в сторону, чтобы дать проход Тавру, — а что будет, если вынуть из нас осколок?

Носорог проследовал к стеклянному шкафчику, куда принялся складывать содержимое каталки.

— Тут дело такое. Смотри, кто будет вынимать. Отец мог вынуть так, чтобы ничего не изменилось. Он вообще считал, что не нужны эти осколки, и их все надо собрать и вернуть Сердцу.

— А почему он не вынул твой?

Носорог остановился. Его осколок внутри стеклянного механизма мигнул.

— Потому что я тоже... испугался, — ответил он, подумав, — испугался, что не буду светиться по ночам и меня разобьют, не заметив.

Гудди снова, на этот раз медленно, положил единственную руку себе на грудь. Его новая деревянная кисть вибрировала и немного изменялась под воздействием этой вибрации.

— Мне нравится моя деревянная рука, — неожиданно сказал он.

— Да, дерево благороднее металла, мягче, теплее, — кивнул Тавр, закрывая шкаф и оставляя каталку в углу за ним, — но ты бы всё же сходил в мастерскую за новой рукой.

— Да, я пойду, — кивнул Гудди.

— Хорошо, рад был увидеться, — улыбнулся стеклянный носорог и поклонился оживлённому.

На улице было темно, но в мастерской на другой стороне каньона горел свет. Оживлённый постоял и медленно двинулся по подвесному мосту к большой пещере, служившей ремонтным доком. Навстречу ему пробежал измазанный в масле техник и хохотнул, глядя на оживлённого. Резкая режущая боль рассекла грудь Гудди, он склонил голову, чтобы не встречаться взглядом с прохожими.

Сложно сказать, узнал бы он двух человек, встретившихся ему при входе в док, если бы всё же посмотрел в их лица? А вот один из них хорошо его помнил и даже поделился этим со своим спутником.

— Руч, смотри, это та кукла, которую мы пытались продать на базаре, только без руки, — прошептал Блоп.

— Да что ты несёшь! — закатил глаза длинный стражник.

Оба они переоделись в местную яркую одежду, добытую ими у ручья.

— Говорю тебе, это она, — потирая подбородок, пробормотал толстяк, — пойдём, проследим за ней.

— Нет, нам надо пробраться на галеон, — отрицательно замотал головой Ручи, указывая на висевший над каньоном корабль и увлекая друга за собой.

— Ребята, что стоите без дела? — раздался голос за их спинами, и оба стражника от неожиданности подпрыгнули.

Ручи обернулся и увидел платформу и человека в широкополой шляпе и длинном плаще, строго смотревшего на них сверху вниз.

— Откуда вы? Может, вас подвезти?

— Да-а-а, — протянул Ручи.

— Нам бы на галеон, — улыбнулся Блоп, — а то никак не допрыгнем.

Человек на платформе рассмеялся:

— Хорошо, так и быть, подброшу вас.

Опустив платформу на уровень земли, человек пригласил их зайти.

— Меня Джо зовут, а это моя платформа, — стукнул он каблуком по металлу. — С моря пришли?

— Да, — кивнул Блоп, не замечая тычков друга, — оттуда, — и махнул дальше на юг, за горы.

— Да, караваны сейчас редкость, — кивнул Джо, — когда последний был?

Ручи выпучил глаза на толстяка, но Блоп не унимался.

— А мы сами, короткими перебежками.

— Ух, — покачал головой человек в шляпе, — а я уж думал поймать вас на лжи. Караванов-то давно не ходит. Но вы молодцы, молодцы, рекруты сейчас нам нужны.

Они приземлились на нижней палубе галеона и Джо, отсалютовав им, исчез за бортом.

— Ты идиот, Блоп, — прошипел Ручи, — как мы отсюда теперь спустимся?

— Это вместо благодарности, что я нас вытащил из этой передраги? — обиделся толстяк.

Но они не успели более ничего сказать, потому что открылась дверь кают-компания и на палубу вышел мужчина с длинными русыми волосами, развевавшимися на ветру, в высоких ботфортах и чёрном камзоле, расшитом изумрудами. На рукояти его меча радугой светился яркий камень.

— Какое право ты имеешь вмешиваться в мои планы? — воскликнул он, оборачиваясь к здоровяку, появившемуся на палубе вслед за ним.

— Ваше Высочество... — начал здоровяк.

— Так, смотрю, ты меня уже понизил! — воскликнул мужчина с камнем. — До этого я был для тебя Величеством.

— Вы совсем не думаете о том, что мы должны сделать. Вы думаете о том, как я вас называю. Жажда власти сломала вас.

— Как ты, — покраснел мужчина в камзоле, — как ты вообще смеешь меня судить. Я тут команду! Мне не нужны твои советы.

— Я не советую вам. Я... мы... весь этот город, все мы здесь для того, чтобы спасти Сердце. А не заходить на очередной бесконечный круг смены власти. Ведь всё это было ради этого. А что я слышу теперь? Что вы не планируете атаковать дворец, а хотите занять западные и южные замки и взять его в осаду.

— Это стратегия, ты ведь, наверное, о ней даже не слышал?

— Стратегия ради чего? Ради подавления всех сил противника и возведения на трон нового Узурпатора? То есть вас? Когда мы только пришли сюда, когда Отец принял нас здесь, план был — вернуть осколок сердцу. А чем дольше я слушаю вас, тем больше это превращается в то, что вы хотите сразиться с братом и заставить его отдать вам трон.

— Да! — топнул ногой мужчина в камзоле, — да, я хочу отомстить этому ублюдку, убившему мою мать.

— Это была и его мать. Не он стрелял в неё, её убил Култ. Альфреда Вульфи тоже убил Култ. Он добрался и сюда.

— Её убил не Култ. Её убил твой отец, Март Йондербейг!

— Они знают, что мы идём... — здоровяк закрыл глаза, сжав кулаки до того, что костяшки его побелели. — На что вы рассчитываете, Ваше Высочество, на то, что Верховный поддержит вас?

— Как же хорошо я помню этот проклятый день нашего побега, как он снял свой шлем и этот крик: «Не надо, сын, не надо...» Мой Брат появился в дверях. Ты бросился к своему отцу, открыв им зону для выстрела, — прошипел Его Высочество. — Эта пуля предназначалась тебе. Ты дал своим чувствам убить мою мать и своими руками заколол своего отца. «Не надо, пожалуйста, не надо... сын». Ты убил их обоих вместо того, чтобы умереть самому. Ты просто трус. Как ты вообще смеешь мне что-то говорить!

— Здоровяк рухнул на колени и уронил лицо на грудь. Мужчина в камзоле проследовал через палубу и исчез за дверью в зале совещаний. Блоп и Ручи замерли, а потом медленно двинулись в противоположную сторону, обходя застывшего на коленях человека по

кругу. Скрипнув дверью, Ручи потащил Блопа к каютам офицеров, по его разумению, располагавшиеся в хвосте галеона.

— Зачем мы идём сюда? — лепетал толстяк, подпрыгивая от страха.

— Нам нужно снять их план атаки.

— А почему здесь?

— Потому что тут явно живёт командование, — прошептал длинный стражник.

Он остановился возле открытой двери в каюту и, заглянув, увидел на столе несколько лежащих друг на друге стеклянных карт.

— То, что нужно, — произнёс он, доставая из сумки фотокамеру.

Щёлкая вспышкой, он снимал слой за слоем прозрачные листы стекла с нарисованными краской под размер карты линиями атаки.

— Смотри-ка, всё продумали, — дивился он, пока нервничающий Блоп оглядывался и прислушивался к шагам в коридоре, — линии снабжения по часам расписали.

— Ручи, скорее! — просипел дрожащий, как лист, толстяк.

— Да, да, — отмахнулся новоиспечённый военный шпион, — нас с тобой не только в гвардию, нам графство за это дадут, — бормотал он, в спешке разворачивая на столе новую карту.

— Руч, идут, идут! — зашипел Блоп, после чего запрыгнул в дверь и закрыл её, от страха обняв друга.

За дверью прошла тяжёлая поступь, затем шаги вернулись и кто-то постучал.

— Эй, Вега, ты мне нужна, — раздался рычащий голос.

Над головами стражников кто-то пошевелился. И только сейчас они заметили подвешенную к потолку койку, откуда свисала лапа тигра.

— Вега, — вновь позвал голос.

— Па, я сплю, — ответил женский голос с койки, — шепелявая меня хорошенько отходила в кругу, до сих пор всё болит.

— Ладно, — ответил голос, и шаги удалились.

С койки свесилась перемотанная бинтом в районе кисти девичья рука. У Ручи расширились глаза, а у Блопа открылся рот. Хозяйка человеческой руки и тигриной ноги повернулась к стене и захрапела. Стражники аккуратно вышли в коридор и прикрыли за собой дверь.

— Ты видел то, что я видел?

— А что ты видел?

— Я сам не до конца понимаю, — почесал голову толстяк.

— Лучше пойдём отсюда, — дёрнул его к выходу Ручи и сам аккуратно пошёл вперёд.

— Пстой, ты разве не хочешь узнать, что это животное делает в койке с женской рукой?

Длинный стражник обернулся и постучал кулаком по голове друга.

— Ты идиот, Блоп, — произнёс он сквозь зубы, схватив его за грудки и прижав к стене, — пойдём отсюда, пока нас не вздёрнули на первой же мачте.

— Эй вы, двое!

Голос неизвестного заставил их вновь подскочить на месте.

— Сюда идите, — позвал их прямоходящий тигр.

Стражники оглянулись на него и поморщились от ужаса.

— Что вам там, плохо? — нахмурился тот, но друзья уже спешили к нему, опустив глаза в пол.

— Акба, скорее! — раздался голос с улицы, — он просыпается.

— Пошевеливайтесь, — крикнул тигр и выбежал наружу.

На палубе лежал связанный здоровяк со шприцем в шее. Вокруг были раскиданы люди и оживляшки, один был переломлен пополам и отползал теперь к борту. Но несколько из них были на ногах и пытались загрузить тело человека на платформу Джо.

— О, новички, — хмыкнул водитель платформы выбежавшим Блопу и Ручи, — хватайте его и помогите мне затащить эту тушу на мою девочку.

Толстяк и длинный в нерешительности подошли к здоровяку и стали помогать остальным запихивать его на платформу. Ручи засмотрелся на человекоподобную утку, оказавшуюся рядом с ним, та нахмурилась под его любопытным взглядом.

— Эй, чего завис, — раздался над головой стражника голос тигра, — давайте, залезайте, поедете со мной, его ещё разгружать в тюрьму.

Ручи и Блоп запрыгнули на платформу вместе с тигром и ещё несколькими существами и понеслись вниз — в каньон, где стражники этим утром воровали одежду. Толстяк посмотрел на друга и поймал полный страха и надежды взгляд. Такого Ручи он никогда не видел, и внутренне порадовался тому, что с ними происходят такие чудеса и как им всё-таки везёт.

В то же самое мгновение, как он успел мысленно произнести эти слова, рядом с платформой сверкнула молния, раздался страшный грохот, и их закружило. Блоп почувствовал, как потерял опору и ощутил свободное падение.

— Мама, я обещал тебе, что никогда не упаду с крыши, — вспомнил он свои же слова.

Рядом пролетел Ручи, а затем он увидел белую фигуру на коне, подхватившую их и каким-то чудом опустившую на открытое пространство в углубление за ремонтным доком.

— Простите, простите нас, — причитал Галахад Вульфи вместе с обезьянками, бегая с кувшином, наполненным водой, между чудом спасённых пассажиров платформы Джо, — я, мы, только хотели попробовать...

Извиняющимся кивком он показал на приземлившегося белого рыцаря на такой же белоснежной лошади с реактивными двигателями вместо ног. В руке он держал сияющее белое копьё, на кончике которого потрескивали молнии. Блоп и Ручи, не веря своим глазам, смотрели на старика, но надо было видеть их лица, стоило им увидеть Зару в рабочем комбинезоне — девушка раздавала приказы оживляшкам, резво потащившим платформу Джо в ремонтный док.

— Зарочкины машинки всё починят, — пролепетал магистр младший техник, помогая Джо подняться и провожая его в мастерскую, — какая она у меня резвая, всего-то здесь несколько дней, а уже наладила все ремонтные работы в доке, лучше некуда, у неё дар!

Джо улыбался и кивал Галахаду, пытаясь аккуратно вывернуться из его рук, но следовал за ним.

Гудди и Рауд приблизились к связанному телу Снорри.

— Так тебе и надо, мерзкий, подлый, предатель! Бросил её умирать, красная луна, гора бессмысленная, — принялся пинать здоровяка в ногу оживлённый, потирая деревянной рукой металлическую, только что приделанную ему магистром Вульфи.

— Ты что творишь? — выпустил пузырь полный обиды и злобы подплывший Рауд.

— Ты тоже хорош, — не поднимая взгляд, прозвенел Гудди, — вы оба оставили её дракону.

— Он бы сжег нас, и мы бы не были здесь с тобой сейчас.

— Вы трусы. Вы не представляете...

— Да, да, я слышал уже, — совсем разозлился осьминог, — в подземном мире он собирает армию мертвецов. Надо спасти Сердце. Все уши мне прожужжал.

— Ты не веришь мне, — закрыл глаза оживлённый.

— Есть кому Сердце спасти и без тебя, — прорычал Рауд.

Гудди схватился за голову:

— Вы все мне не верите.

— Эй, деревяшка! — схватил его за плечи осьминог, и его рог, торчавший теперь из головы на добрый локоть, стукнулся о металлический шлем на голове Гудди. — Ты сам повёл нас туда. На смерть повёл. Ты помнишь все эти красивые слова, что жертва Лео была не напрасна? — он сделал паузу, выдыхая, — неси теперь сам ответственность за свои дела. Не надо сваливать её на других.

— Что здесь происходит? — раздался голос над их головами.

На бриге, до боли знакомом Гудди, в каньон спускался Барон.

— Простите, Ваше Сиятельство, — вновь залепетал Галахад, семена из мастерской в подобострастном поклоне, — тестировали вот его и совсем не ожидали, что...

— Ого, — восхищённо посмотрел Барон, потирая руку о свой чёрный камзол, расшитый изумрудами.

— Ну-ка, дружок, покажи хозяину, — обернулся к рыцарю Вульфи, но тут же получил тычок от подошедшей сбоку Зары, и как-то выпрямился и даже кашлянул, — да, продемонстрируй, пожалуйста, нам, что ты можешь.

Рыцарь в мгновение ока поднялся над внутренним двором мастерской и сделал сначала один круг, затем другой, третий, меняя угол вращения, так что собравшиеся узрели вращающуюся сферу из реактивного следа, откуда вырвалась и улетела к звёздам очередная молния, после чего рыцарь опустился обратно во двор, гордо подняв копье.

— Похвально, похвально, — похлопал Барон, после чего снял перчатки и надел новую пару, — доставьте его завтра до восхода на мой галеон.

— Будет сделано! — отсалютовал Вульфи и охнул, получив от Зары новый тычок побольнее прежнего.

Барон посмотрел на девушку и вздохнул.

— Спасибо вам, дорогая Зара, что так оперативно наладили работу дока, мы нуждались в этом, — печально улыбнулся мужчина.

Зара легонько поклонилась и посмотрела на фигуру Снорри. Барон повернулся к нему и нахмурился.

— Он потерял моё доверие. Пусть посидит в клетке до нашего возвращения. Не хватало мне его истерик во время операции. Эй, Акба, — обратился он к тигру, которому обезьянки накладывали повязку на голову, — загружайте его, — кивнул он на бриг.

— Слушаюсь, Ваше Величество! — рыкнул тигр, направляясь к здоровяку.

— Быстро же ты готов надеть себе ярмо обратно на шею, — прошипел осьминог проходящему мимо перворождённому.

— Это же корабль Герды, — тихо прозвенел Гудди.

Но Рауд не слушал его, смотря, как оживлённые и двое неизвестных ему людей грузят его друга на бриг.

— Тут что-то не так, — булькнул осьминог, но тут же засмотрелся на Зару, и выпустил в её сторону пузырь в форме сердца, — какая красавица...

Оживлённый подбежал к Барону.

— Откуда у вас этот корабль? — спросил он с глазами полными надежды. — Герда вернулась?

— Нет, дорогой мой друг с подвижной психикой, — криво улыбнулся мужчина, положив ему руку на плечо.

Руна на эфесе его шпаги закачалась прямо перед лицом оживлённого, внимательно уставившегося на неё. Барон заметил это и положил на неё другую руку.

— На нём несколько дней назад прибыла наш друг, Герцогиня Ки. К сожалению, по последним новостям, Герду, её отца, Йахо и остальных собираются казнить послезавтра на Красной площади перед дворцом, как раз в день нашей атаки на город, — с грустью произнёс он, — словно специально, не правда ли? Совсем с ума посходили, сначала свезли всех

заключённых в тюрьму Культа, а теперь собираются всех в срочном порядке под гильотину пустить.

Зара застыла.

— Новости так себе, — кивнул Барон, — но, боюсь, мы не успеем освободить их. Будем надеяться, что сможем отвлечь культистов на себя и они забудут о своих кровожадных планах.

— Ему нужны ещё мёртвые, — прозвенел Гудди, смотря перед собой в пустоту.

— Откуда ты только нахватался этих сказок, — всплеснул руками мужчина и, отступив от оживлённого, словно боясь заразиться, снял перчатки и надел новые.

— А мы не можем атаковать раньше? — спросил Гудди, но Барон лишь рассмеялся и отошел ещё на шаг от оживлённого, отворачивая от него руну.

Ноги сами привели Гудди в ещё светящийся тёплыми огнями бар Сиды. Внутри уже никого не было, и ветви, растянувшись по всему заведению, убрали со столов и мыли пол. Когда Гудди вошёл, они замерли и стали втягиваться обратно в крону на потолке.

— Я не хотел... — извиняющимся тоном прозвенел оживлённый.

Но ветви не заметили его слов и заняли своё место в темноте кроны, освещаемой лишь сверкающими насекомыми.

— Я, наверное, пойду, — так же виновато прозвенел Гудди, отступая.

Но дверь за ним захлопнулась, и несколько ветвей спустило к его ногам сотканное из листьев кресло. Вокруг сиденья кружились светлячки, собравшиеся в приглашающий жест. Оживлённый сделал нерешительный шаг, и ветви схватили его, развернули и усадили.

Гудди едва успел ойкнуть, как понял, что со скоростью скутера поднимается среди веток многоуровневой кроны, доходившей до самой вершины плато. Где-то посередине кресло остановилось и светлячки, вновь собравшиеся в приглашающий жест, указали ему на толстую ветку, ведущую в большое тёмное дупло. Гудди посмотрел вниз, и светлячки отрицательно покачались в воздухе.

— Хорошо, — испуганно прозвенел оживлённый и ступил на ветвь.

От дерева исходило тепло и идти было нестрашно, несмотря на высоту.

— Да и отчего бы мне бояться высоты, — произнёс он вслух.

Он готов был поклясться, что светлячки кивнули. Перед дуплом оживлённый остановился и оглянулся как раз, чтобы увидеть, как тоненька веточка толкает его в спину.

Гудди падал вниз. Мимо пролетел кит. Таких он никогда не видел, но почему-то знал, что киты выглядят именно так. Затем он нагнал падающий поезд из соляных вагонеток. Они спускались, вращаясь по кругу по извивающейся, как змея, железной дороге. Следующей была целая стая птиц, громко прогалдевших что-то на своём языке. А затем он приземлился.

Когда он открыл глаза, увидел еле видневшийся выход — проём между корней. Оживлённый встал, ощупал себя — всё было цело. Помотав головой, он пригляделся и увидел одинокого светлячка, кружившего у выхода, маня его за собой. Гудди двинулся к нему. Выйдя

из-за корней, он оказался на берегу, где начиналась вода и темнота. Оживлённый вздрогнул, прошёлся налево, а затем направо. Было похоже, что берег опоясывал корни дерева. Но светлячок манил его за собой в воду. Гудди застыл, страх в груди напоминал ему, что пространство вокруг было ему знакомо по тому страшному сну, когда он был человеком.

Он долго смотрел на воду в нерешительности, но затем шагнул в неё. Светлячок оживился и поспешил вперёд. Гудди медленно ступал по зыбкому дну, быстро уходящему вниз. Светлячок исчез под поверхностью, и лишь его слабый отсвет можно было видеть над водой. Оживлённый зажмурился и шагнул глубже. Его окружила темнота. Он двигался вперёд, как тогда, под заводом, надеясь, что и сейчас наступит на какой-нибудь мусор, что выведет его из липкой и страшной воды. Но этого не произошло. Впереди замаячил блеск, будто бы это светлячок расширился и превратился в конус света, осветивший возвышение. То самое возвышение, что Гудди видел в своём страшном сне. От неожиданности оживлённый взглянул на свои руки, но они были его руками: одна — новая металлическая, другая — старая деревянная.

На возвышении сидело какое-то существо. Гудди никак не мог его разглядеть. Подойдя ближе, он увидел, что у существа было множество ног и длинное, как у змеи, тело, но только не цельное, а секционное, отлитое из металла. Существо что-то ело. Но голову он разглядеть не мог. Оживлённый вёл себя очень тихо, но существо как будто и не замечало его. По правую руку от Гудди появился светлячок. Он подлетел к возвышению и поднялся выше, к тому месту, где начинался хвост существа. Оживлённый отрицательно покачал головой. Но светлячок поднялся ещё выше и полетал рядом с существом, как бы давая понять, что это безопасно. Оживлённый весь задрожал, но проследовал вперёд и стал аккуратно забираться наверх.

Когда голова его поднялась на уровень вершины, где покоилось существо, Гудди наконец разглядел, что перед ним то самое увеличенное насекомое, только на этот раз из металла. Однако тело его заканчивалось телом и головой человека, довольно старого на вид. Он чем-то напоминал Недописанную Судьбу, но в этот раз черты больше походили на старика, которого Гудди видел в глазах своей собеседницы во время последней встречи. То ли старик, то ли женщина — оно выглядело уставшим и постоянно нуждалось в пище, чтобы поддерживать жизнь своего огромного металлического тела. Поэтому оно ело. В груди оживлённого завибрировал страх и негодование, потому что ело оно ту же серую массу из плоти и проросших кристаллов. Сейчас оживлённый понял, что это и есть Сердце. Однако видно было, что никакого удовольствия существо от этого процесса не получает, но и справиться с собой не может. Человеческая голова грустно посмотрела на оживлённого, незаметно для себя уже поднявшегося ближе. Гудди вздрогнул, но человек не отреагировал и лишь опустил, чтобы сделать новый укус.

От Сердца осталось совсем немного, лишь группа кристаллов в центре и какие-то ошмётки по краям. Вгрызаясь в его плоть, человек злился и даже рычал, но, когда откусывал, тут же грустнел и долго, тщательно жевал, погружаясь в свои мысли. Гудди вгляделся в остатки Сердца и вздрогнул. В его ткани он увидел Герду, Рауда, Снорри, Барона, магистра Вульфи и остальных. Из рта пожиравшего их человека вместе с ошмётками Сердца сыпались руки, ноги и тела тех, кого он пожирал вместе с ним. Человек очень скоро должен был добраться и до друзей оживлённого.

Из темноты раздался голос.

— Всё ещё не насытился, старый плут?

Существо повернуло тело, и человеческая голова вгляделась в темноту.

— А, это опять ты, — равнодушно чавкая, ответило оно.

Гудди посмотрел в то место, откуда доносился голос. На маленькой лодке с мерцающим фонарём к возвышению приближалась старуха.

— Думаешь, успеешь? — спросила женщина, споласкивая в тёмной воде руки.

Вынув из крепления весло, она проверила дно, было неглубоко, поэтому она предпочла остановиться на расстоянии.

— Я не думаю, — устало ответило существо и продолжило есть.

— Сочувствую тебе, правда, — сказала старуха, присаживаясь на дно лодки.

— Не нуждаюсь, — прочавкало существо.

— Ты всё такой же упрямый.

— А ты что ж это, только померла? — спросило существо, принимаясь за боковой кусочек Сердца.

— Нет, — покачала головой старуха, — но я умею прятаться от тебя.

— М-м-м, — протянуло существо, — это не твоя заслуга.

— Ты хорошо придумал, как избавиться от нас. Признаться, я и не надеялась, что когда-то встречу тебя.

— Думаю, наша встреча будет последней, — безразлично прочавкало существо и повернулось к старухе металлической спиной.

— Да, — кивнула та, печально трогая весло ногой, — ты всё хорошо придумало. Всю мою жизнь я провела, выращивая грустную картошку в подвале, в самой жуткой тюрьме, что могла себе представить. Но и ты не в лучшей форме, как я погляжу.

Существо не реагировало и продолжало есть.

— Ты же не из породы властолюбцев, — продолжила с надеждой старуха, — ты всё ещё можешь остановиться.

— Нам не о чем больше говорить, — снова прочавкало существо.

— Ты боишься не успеть, — покачала головой старуха.

— Пути назад нет, — устало произнесло существо.

— Да, — ответила старуха, — теперь я это вижу.

Она поднялась, взяла в руки весло и поплыла прочь. Светлячок, возник перед глазами Гудди и устремился вслед за ней. Оживлённый спрыгнул в воду, оказалось, что ему по щиколотку, и сначала пошёл, а затем побежал вслед за лодкой. Он лишь один раз оглянулся на существо, продолжавшее поедать Сердце. А когда повернулся, он не увидел ни лодки, ни старухи, а провалился в то, что ему опять показалось увеличившимся конусом света из светлячка.

Он был в комнате, в подвале. За столом сидела девочка лет десяти. Перед ней на столе стояла жёрдочка, где сидели две совки. В дверь вбежал перепуганный мужчина и потянул её за собой, но девочка высвободилась и вернулась за стол. Она взяла с табуретки осколок Сердца размером с горошину и расколола его молотком на два поменьше. Она вложила по кусочку в трубочки на ноге каждой совки, схватила их и выбежала на улицу. Её тут же чуть не сбил с ног человек с мешком за спиной. Вокруг в панике бегали люди и маршировали чёрные рыцари, хватая людей одного за другим. Но самым странным был поднимающийся над домами пар тревожного синеватого цвета. Девочка выпустила из рук обеих птиц и бросилась обратно в подвал, захлопнув дверь. Совки поднялись в небо как раз вовремя, потому что на улицах под ними грохнул взрыв и сизый дым заполонил всё вокруг, накрыв дома, сады и мосты.

Птицы поднимались всё выше и скоро разделились. Одна из них прилетела в замок и села на балкон к статному молодому человеку, он как раз заканчивал писать письмо, украшенное красивым гербом. Его форма представляла из себя рукоятку меча, из которогоросло дерево. Вторая совка прилетела на окно университета, в комнату, где спали два брата. Один из них проснулся, увидел птицу, улыбнулся ей и принял послание.

— Знала ли я, что так сложится? — раздался скрипучий голос старухи. — Нет. Но ведьма не должна знать, она должна уметь совершать действия из самой своей сути, из внутренней тишины, не нарушающей течения потока времени. И тогда я смогла. Наше знание передаётся от бабки к внучке. А моя бабушка всегда учила меня самому мягкому, самому естественному движению. Но глупо думать, что всё зависит только от тебя, иногда ты просто парус на ветру, или, если тебе угодно, кукла в чьих-то руках. Важно — чьи это руки.

Голос её ненадолго стих. Гудди смотрел теперь на замок, на его вершине сидел чёрный дракон.

— Ты когда-нибудь думал, что такое вечность, маленький оживлённый? Вечность — это очень долго. Она меняет даже самое доброе сердце. И самое злое тоже. То, что ты видишь сегодня, не то, что было вчера. Как и ты, малыш. Радуйся, что твой путь короток. Радуйся, как мотылёк, умирающий на рассвете. Потому что вечность безрадостна.

Оживлённый смотрел на старика в чёрном балахоне, сидевшем на высоком троне в окружении множества советников. Но старик не слушал их. Он как будто смотрел на Гудди.

— Тот, кто является твоим противником сейчас, не был таким, когда начинал этот путь. Даже сейчас он думает, что цель его иная, чем та, чьё воплощение он или оно жаждет. Такова природа времени. Любая вещь под его действием выворачивается наизнанку бессчётное множество раз. Как мысли, так и цели. Не думай, что он сильнее тебя или лучше знает, с чем имеет дело. Без любви Сердца мы все — пленники времени.

Картинка вновь поменялась, и он увидел Герду, сидящую у стены, на которой мелом был нарисован его портрет. За стенкой от неё сидела Йахомари, такая спокойная и уверенная, какой он никогда её не видел.

— Я не хочу, чтобы они умирали.

— Если ты спасёшь Сердце, никто из них не умрёт.

Гудди открыл глаза. Он сидел на том же месте в баре у Сида. Было пусто, а перед ним стоял стакан с жидкостью, похожей на забывай-воду. Вытянув перед собой руки, он увидел, что они человеческие. Проведя левой по правой, он почувствовал, как шевелятся волосы, поднимаясь после прикосновения.

— У меня есть друг, — раздался голос из ветвей.

Гудди вздрогнул и почувствовал, впервые почувствовал, как по спине бегут мурашки.

— Он смотрит в воду и не видит в ней отражения мира, — произнёс голос, а бабочки и светлячки засуетились в ветвях. — Дети не помнят родителей.

Не совсем оживлённый, но и не до конца человек посмотрел на стакан. Жидкость засветилась, переливаясь в свете мелькающих насекомых. Вновь посмотрев на руки, он встал, развернулся и вышел из бара.

В доке кипела работа над последними из готовых встать в строй кораблей, а Зара сидела за большим металлическим столом, схватившись за голову, и смотрела перед собой на электрическую лампу, рядом с которой лениво кружились насекомые. Подлетающие к ней с вопросами оживлённые-механики, улетали обратно, недоуменно пожимая плечами. Гудди подошёл к девушке, стукнул рукой по столу и, кивнув на списки техники, спросил:

— Там лишнего корабля не осталось?

Зара перевела на него усталый взгляд:

— А тебе фачем?

— Т-ты же слышала его, — попытался справиться с нахлынувшей дрожью оживлённый, — казнь послезавтра, мне друзей надо спасти.

Девушка закрыла глаза и тяжело вздохнула.

— О луны, что я делаю здесь.

Глаза Гудди смущённо забегали по доку.

— Я же долфжна была остаться там, с ним, — Зара схватила себя за волосы и начала дергать их. — А вместо этого попёфлась куда-то с этим стариком. Отца мне не хватало! — девушка зарычала. — Хорошо! — почти крикнула она, опустив руки и схватив список авиационной техники. — Так, — тяжело дыша, она принялась переворачивать страницу за страницей, водя пальцем по спискам, — приписан, приписан, приписан. Нет. Приписан, приписан. Нет. Нет, — бормотала она себе под нос, — вот! 72Б.

Девушка грохнула бумагами о стол, встала и быстро пошла в дальний конец дока. Оживлённый поспешил за ней.

— Это точно какая-то развалюха, — говорила она на ходу, однако во взгляде её сверкала искра, — но я заставлю этого подхалима привести её в порядок. Шестьдесят восемь, семьдесят... — читала она на ходу номера, висевшие над ремонтными отсеками, — вот!

Гудди ударился на ходу о её ногу и, выглянув, увидел перед собой старый буксир с проржавевшим корпусом.

— Так, — растерянно произнесла Зара, — стой тут, я схожу за Галахадом.

Оживлённый машинально кивнул и подошёл к лестнице, приставленной к борту судна.

Пока он исследовал внутренности корабля, Зара успела вернуться вместе с магистром Вульфи и осьминогом.

— Этот? — пробормотал Галахад.

— Да, — торжественно кивнула девушка.

Рогатый осьминог взлетел тем временем в рубку.

— Ну, руль на месте, — ехидно булькнул он.

— Попробуй, заведи его, — попросил магистр.

Рауд нажал на стартёр гравитационной компенсации, и баржа заскрипела по каменному полу дока и поднялась над ним.

— Ну! — воскликнула Зара, — ну!

— Гвозди гну, — буркнул в ответ Галахад и взобрался по лестнице на палубу.

— А двигатель? — крикнул он осьминогу.

Корабль дёрнулся, и засвистели, а затем и зашумели сердечные двигатели с реактивной тягой. Но тут же резко заглохли, и буксир рухнул на пол, потеряв даже гравитационную подушку.

— Ты что, в город лететь собрался? — спросил Рауд у Гудди, когда магистр исчез в машинном отделении.

— Да, — кивнул оживлённый.

— Решил вместе с ними на плаху пойти?

Гудди ничего не ответил и опустил глаза.

— Ты совсем крышей потёк, да? — разозлился осьминог.

Гудди молча смотрел в пол перед собой и только поднял деревянную руку, чтобы потереть новую металлическую.

— Да хватит уже тереть! — в раздражении крикнул Рауд. — И геройствовать хватит, нагеройствовался уже!

Осьминог, тяжело дыша, приземлился на металлический ящик на палубе и стал трогать щупальцами рог, пытаясь запихнуть его обратно.

— Я не прошу тебя идти со мной, — тихо прозвенел Гудди.

— А я пойду, — раздражённо булькнул Рауд, — специально, чтобы видеть, как твою больную голову разберут на винтики.

Оживлённый поднял удивлённые глаза на осьминога.

— Правда? — с надеждой прозвенел он и бросился обнимать его. — Спасибо, спасибо тебе! Я знал, что ты притворяешься и веришь мне!

— Нет, нет! Не верю! Не верю! — булькал осьминог, отпихиваясь щупальцами от Гудди и стыдливо поглядывая на Зару, поморщившуюся и отвернувшуюся от его взгляда.

Но Гудди был так рад, что совсем не слушал его.

— Аккумулятор мёртв, — показал голову из машинного отсека магистр, — у тебя же остались семьдесят на сто пятьдесят? — обратился он к скучающей у борта девушке.

— Сейчас посмотрю, — кивнула Зара и побежала к своему столу.

— Вы что это, воевать собрались? — спросил он у Гудди, вылезая на палубу.

— Нет, — покачал головой оживлённый, — наших друзей будут казнить.

— Да, я слышал, — погрузился Галахад, — массовая казнь. Теперь я понимаю, что она так завелась. Этель.

— Какой ещё отель? — переспросил осьминог.

— Нет, нет, мальчик молодой, умный, добрый... — бормотал магистр себе под нос, — и что она попёрлась со мной, со стариком. Защищала меня, как ребенка. Ох. Я так виноват перед ней. У неё там жизнь, а я тут брата потерял... — и он смахнул слезу.

Рауд хотел спросить что-то ещё, но вернулась Зара, тряся бумажками.

— Вот! — закричала она, — есть и на побольше, на нижнем складе.

— Как же мы его дотащим сюда? — спросил Вульфи.

— А кто нам платформу подогнал? — резонно заметила девушка.

— Так я её только под пресс положил, чтобы выгнуть.

— Фынимай, — строго сказала Зара.

— Слушаюсь, — козырнул магистр и стал слезать с буксира.

— До утра успеешь? — уточнила девушка.

— Да... ох, — спохватился он, — нам же ещё надо Барону отправить рыцаря. Дополнительные батареи и зарядное устройство к нему.

— Об этом я позабочусь, — загадочно заметил Рауд, — не переживай. Значит, летим спасать друзей? — булькнул он, повернувшись и внимательно посмотрев на Гудди.

— Значит, летим, — кивнул оживлённый и посмотрел на Зару.

Глава 37

Фигура Тэмена темнела в проёме арки. Широкий балкон Дворца Законов был оцеплен гвардейцами. На их лицах в столь ранний час не читалось сна, да и вообще мало что читалось, потому что походили они больше на истуканов, замерших навеки в навсегда наставшем пасмурном утре. Накрапывал дождь, но Узурпатор, не обращал на это внимания. Флавия Трокийя появилась в колонном зале за его спиной испуганная и нерешительная. Церемониймейстер дал ей знак, что можно приблизиться к правителю. Девушка отрывисто вздохнула и покорно двинулась по мраморному полу на балкон.

— Как приятно вновь видеть Вас, Ваше Величество, — произнесла она, ступив на принятое этикетом расстояние от Узурпатора и сделав глубокий поклон с приседанием.

— Я тоже счастлив вновь лицезреть вас, — произнёс Тэмен, не оборачиваясь, — последний раз на балу я что-то не уделил вам должного внимания, прошу простить меня.

— Что Вы, что Вы, Ваше Величество, это я должна просить прощения за весь мой дом, за преступления, которые может смыть...

— Оставьте, — остановил её Узурпатор, махнув правой кистью и повернулся к гостье. — Я давно не бывал здесь, — произнёс он дружелюбно, обводя взглядом здание, изысканное и строгое, полное молчаливой красоты.

— Я тоже, — кивнула Флавия, поднимая голову и оглядываясь.

— Во дворце везде уши, — скривил губы Йомера, — поэтому я захотел встретиться здесь.

— Понимаю, — кивнула девушка, — и оттого очень благодарна вам, потому что дело моё крайне деликатное.

Тэмен кивнул и выжидающе посмотрел на девушку.

— Понимаете... Точнее... Даже не знаю, как начать. Наш дом в последнее время, — она подняла глаза на Узурпатора и, увидев его скептический взгляд, залепетала, — да, да, пропускаю эту часть. Не далее, как пять лун назад мне пришло письмо от одного человека. В нём мне предлагалось прийти на встречу закрытого сообщества.

Девушка посмотрела на правителя и, вновь заметив его внимательный взгляд, с облегчением продолжила:

— Подписано письмо было такими именами, что я не могла не пойти. Моим искренним стремлением было восстановить добрые связи с другими великими домами после трагических... — девушка запнулась. — Я прибыла туда одна, как и было оговорено. Был ужин, где присутствовало множество высокопоставленных вельмож. Со мной беседовали так, словно ничего не случилось. Разговоры были о том, о сём, и постепенно сместились в сторону политики, проблем города, устройства денежных потоков и так далее. Все поддерживали меня и желали успехов в моих проектах по финансированию Сада. Вы же знаете, как это важно для моей семьи и для всего города. Я увлеклась, стала говорить откровенно о своих проблемах. Участие людей казалось мне столь неожиданным спасением в моём горестном положении. Не знаю, слышали ли вы, но нижний ярус почти не получает дневной нормы. И люди там волнуются. Простите, не могла не сказать, — произнесла она, закусив губу. — Перейду к сути. Спустя какое-то время круг людей ещё уменьшился и остались только главы великих домов. Герцоги Левотургоста, Тайград и Цему. Они выслушали меня ещё раз и сказали, что проявят всяческое содействие, чтобы в Сенате мои проекты были приняты. И даже Серан Тайград

смотрел на меня благосклонно, что совершенно меня удивило. Затем разговор зашёл о нашей налоговой системе и о распределении бюджета, об ошибках, что допускает Культ и... Простите меня, я лишь передаю чужие слова, но и о ваших ошибках. О том, что вы лишь бледная тень своего отца, что город при вас страдает, пока вы пытаетесь строить из себя героя. И эти страшные слухи о том, что ваш дракон разрушил дома этих несчастных на среднем ярусе. Я не верила и не верю, Ваше Величество, — произнесла она, склонив голову. — Но самое важное, что их волновало, это то, что вы выбрали простолюдинку в свои спутницы. Этого они не могли вам простить. Когда же разговоры эти кончились, они пригласили меня участвовать... как страшно это произносить... Они пригласили меня свергнуть вас, Ваше Величество. Сменить власть. Устроить республику во главе с Сенатом и магистратом, а Культ упразднить. Немыслимо, — девушка закрыла покрасневшее лицо руками и замолчала.

Тэмен прошёлся по балкону, глядя на слоёный пирог горизонта.

— Вы правильно сделали, что пришли ко мне, — произнёс он спокойно, — я ценю вашу преданность и не забуду её. Хотите воды?

— Да, не откажусь, — закивала Флавия.

Тэмен дал знак, и слуга принёс из темноты зала графин со стаканом на подносе. Налив девушке прозрачную жидкость, он опустил поднос к её рукам. Флавия, с благодарностью глядя то на слугу, то на Узурпатора, приняла напиток и сделала глоток, другой, а затем осушила стакан до дна, с трудом сдерживая нервную дрожь. В глазах у девушки помутнело.

— Вы всё правильно сделали, — повторил Тэмен и едва успел подхватить её за талию, потому что Флавия потеряла равновесие.

Опустив её на пол, выложенный крупной красно-белой клеткой, Узурпатор внимательно наблюдал, как искажается её лицо и под ним проступают похожие, но мальчишеские черты. Через минуту на полу лежал мёртвый Нос Трокийя. Лицо Тэмена тоже изменилось, под ним проступили женские черты. И вот уже над мёртвым мальчиком поднялась одетая в мужской камзол герцогиня Ки.

— А девочка умна, — произнесла она, с грустью смотря на убитого ею ребенка. — Сворачивайтесь, — громко произнесла она фальшивым гвардейцам.

В небе над Дворцом Законов пронеслась «Молния», поднимавшаяся к замку Ройя. Ручи и Блоп приземлились на стене между лунной обсерваторией и покоями герцога. Стараясь обогнать друг друга, они бросились к дверям и с разбегу застряли в проходе. Степаш, приковылявший на их крики, вынужден был привести своих болванок, чтобы совместными усилиями вытащить этих недотёп из ловушки. Стражники перекрикивали друг друга так, словно Альберт Ройя мог их услышать. Но Сверло мирно спал в своей постели, не подозревая о стремящемся к нему балагане. Проснулся он от криков в кабинете. Степаш намертво встал, закрыв своим дряхлым телом дверь и в ругани со стражниками не сразу разобрал, что герцог давно просит его открыть. Старик ввалился в спальню спиной, ослабив сопротивление, и это позволило Блопу дёрнуть ручку. За падающим на пол телом привратника тут же вбежали стражники.

— Там! Ох! — закричал раскрасневшийся Блоп, по его лицу струился пот. — Чудища! Как Гора. Вентилятор р-р-р-р! Песок лететь, — он поперхнулся и закашлялся.

— Я пытался их остановить, — прогнусавил Степаш.

— Так-так, спокойнее, — пробурчал Альберт, слезая с кровати и с усердием протирая заспанные глаза, — по порядку, сначала длинный.

Ручи, выглядевший мрачнее тучи, выпалил, как из пулемета:

— Война, Ваша Светлость. Армия до горизонта. Големы, как в сказках про Семимирона. Вентиляторы дуют, песок летит, песчаная буря закрывает их подход.

Герцог с недоверием посмотрел на стражника.

— Мда. Ясней не стало. Давайте сначала, — произнёс он, поднимаясь, — я посылаю вас найти и выследить герцогиню Ки на необычном бриге, улетевшем на юг.

— Всё верно, — не выдержал Блоп, — но там, в горах, мы обнаружили целый город. Другой город. Там живут деграданты, которые не деграданты, они умеют ходить на двух ногах и говорить. Там оживлённые живут и тоже говорят, как мы. Там этот старик с куклой. И какой-то Барон с руной на мече. И все они собираются лететь и уничтожить нас.

Ройя прищурил глаза и посмотрел на Ручи. Тот закивал, давая понять, что толстяк говорит дело.

— Да, похоже придётся братья за бумагу, — грустно пробормотал Альберт.

— Нет, не надо бумаги, — залепетал Блоп, — пожалуйста, взгляните сами.

Он подбежал окну и, отдернув штору, поманил герцога к себе. Ройя встал и, помаргивая не желающими пробуждаться глазами, подошёл к толстяку.

Блоп тыкал жирным от пота пальцем в сторону стены. Альберт пригляделся. Действительно, горизонт поднимался слоями, и был ближе, чем ему следовало. Ройя нахмурился и проследовал в кабинет, отстранив с дороги Степаша и Ручи. В кабинете герцог достал из стола подзорную трубу и надел тёплый плащ, подбитый мехом пустынной собаки. Сзади на плаще красовался фамильный герб Ройя — дерево, растущее из рукоятки меча. Укутавшись в него, Альберт вышел на стену, прихватив трубу. Ручи и Блоп следовали за ним, дрожа от утренней прохлады. Сверло уставился в трубу на южный горизонт.

— Ну, — не выдержал Ручи, — видите?

Альберт опустил прибор и посмотрел на стражников. Лицо его сделалось серьёзным и внимательным.

— Вижу, — медленно сказал он, — вижу песчаную бурю.

— Ваша Светлость, Ваша Светлость, — запричитал Блоп, — мы же не сумасшедшие.

— Только я, — буркнул Ручи, закатив глаза.

— Говорю вам, истинная правда, — не заметив ремарки друга, продолжил толстяк, — за этой бурей армия, какую видывали только в сказках, Ваше Сиятельство.

Блоп грохнулся на колени и стал целовать мохнатые тапочки герцога.

— Умоляю, поверьте нам.

Ройя опустил взгляд на обезумевшего стражника и покачал головой.

— Хорошо, — кивнул он, — а как, по-вашему, в это должен поверить кто-либо кроме меня? Без неопровержимых фактов даже мне никто не поверит.

— Я всё сфотографировал, — развёл руками Ручи, — планы атаки, всю плёнку израсходовал.

— А саму армию не снял? — хмыкнул Альберт.

— Нет, — грустно ответил длинный стражник, — я боялся плёнку перезаряжать, я не умею...

— Надо снова лететь! — воскликнул Блоп.

Степаш, внимательно наблюдавший за разговором, поймал взгляд герцога и мгновенно кивнул.

— Беда только в том, что спидер еле дотянул до замка, нужен снова этот ваш мастер Канкан, — озабоченно проговорил Блоп.

— Позови его, — кивнул Альберт Степашу.

— К сожалению, мастер Канаан покинул замок, — прогнусавил старик.

— Как покинул? — нахмурился Ройя, убирая трубу в карман плаща.

— Сегодня ночью, Ваша Светлость, — закивал Степаш, — он совершенно не мог спать без храпа соседей по тюремному блоку, как он выразился. Он сказал, что возвращается обратно в тюрьму.

— Как в тюрьму?

— Да, да, он объяснил это тем, что провёл там почти всю сознательную жизнь, привык и теперь уже поздно меняться.

— Проклятье! — прошипел Ройя сквозь зубы. — Он же работал... Но кто-то должен знать, как запустить этот чёртов аппарат.

Стражники и привратник растерянно смотрели на герцога.

— Хорошо, — нахмурился он, — возьмите другой, обычный спидер, вам же не надо пересекать пустыню.

Ручи задумался.

— Вентиляторы далеко, а песок поднимается очень высоко, — ответил он, взглянув на горизонт, — боюсь, это дальше, чем точка невозврата.

— Почему у этой дочери красной луны всё работает... — разозлился Альберт и стукнул кулаком о каменное ограждение, — а я вынужден, как... р-р-р...

Он сжал кулаки и зажмурился.

— Хорошо, — произнёс герцог после паузы, расхаживая взад и вперёд. — Я пойду с пустыми руками... постой, ты сказал... красная луна... сейчас кроме как в университете плёнку не проявить. Камеру возьми.

Он взглянул на Ручи, кивнувшего в ответ и хлопнувшего себя по сумке, давая понять, что камера у него с собой.

— Вы пойдёте со мной. И не дай бог вам, придуркам, меня подвести.

— Нет-нет, — затараторили наперебой стражники, — мы говорим чистую правду. Клянёмся Сердцем.

И они оба приложили руки к груди в знак своей неоспоримой искренности.

— Готовь мой корабль, Степаш, — кивнул привратнику Альберт, — будем прорываться во дворец без приглашения.

Он остановился и посмотрел на стражников.

— Если это правда, то вы самые везучие сукины дети, которых я знал.

В полдень корабли всей городской знати потянулись к огромным декорациям, выстроенным на широкой площади между Храмом Сердца, замком, где проживал Тэмен, и залом Сената, располагавшимся в центре архитектурного комплекса дворца Узурпатора. Усилиями тысяч рабочих был воссоздан малый квартал города времён первого ренессанса. В декорациях, не уступавших по качеству современным домам, была отражена атмосфера научных открытий, как грибы заполнявших город, двигавшийся в те далёкие времена ко всё новым и новым горизонтам науки. Посреди всего этого бездуховного «вертепа», как отзывался о нём Его Высокопреосвященство, давал о себе знать известный мистик Культа Робез Бархабар. Представление было «натуралистичной оперой», как её называли создатели, дети прокурора Культа, два милых мальчика двенадцати лет, подававшие большие надежды в искусстве.

Судьба Робеза была непростой. Он отстаивал идеи творения в самой недружелюбной атмосфере, что когда-либо переживал Культ. Тогда количество прихожан упало до своего исторического минимума и Бархабар оказался единственным, кто обладал достаточным усердием и красноречием, чтобы противостоять угрозе и в дальнейшем обрушить достижения учёных первого ренессанса на их же головы. Используя свои связи и деньги Культа, он развязал кровавую войну, показавшую весь ужас открывшихся технологий и напугавшую жителей города до такой степени, что они сами вернулись в «лоно Сердца». Однако в постановке факт финансирования войны умалчивался и Робез представал публике в каноническом образе неожиданного спасителя, укrywшего остатки человечества от кровавой руки науки.

Его роль в постановке исполнял известный тенор «молильщик» Энфелад Теон. Поскольку тот, в силу особенностей своего исполнения, находился почти всё время во сне, то его катали по декорациям команда из десяти крепких оживляшек. Правда, некоторые зрители, забавы ради ставили беднягам подножки или, того хуже, забивали по привычке палками, что создавало трудности в передвижении. К большому удивлению организаторов, тут же находились новые желающие потолкать «звезду», порою даже из самих зрителей. Для передвижений Энфелада в декорациях были проложены специальные дороги между сценами. Толкавшие его зрители, часто просто заблудившись, всё больше затягивали представление, и громогласный нерегулярный храп Теона сам стал атмосферой этого маленького города, слышимой где-то вдалеке.

Другие актёры, участвовавшие в действии, не терялись и импровизировали сцены разложения и деградации общества, поражённого наукой. Изобретатель парового котла, к примеру, с утра таскал за волосы свою жену, заливаясь забывай-водой, громко выпуская газы и гогоча, чем доставлял даже большее удовольствие, чем храп Энфелада. Каждый стремился промочить горло вместе с ним. Другие актёры тоже не отставали, создавая порой доходивший до самых острых краёв неприличия хаос. Солнца светили ярко, и даже в эти холодные дни стояла на удивление приятная, бархатная погода. Это вызывало крайнее удовлетворение у публики и радость у лицедеёв, с удовольствием отдававшихся своей профессии.

Довольные успехом, сыновья прокурора прогуливались среди зрителей и принимали поздравления, рассказывая направо и налево историю о кровавой герцогине, чуть не убившей их ночью. Когда же они в очередной раз рассказывали, как Ки гонялась за ними по дому и ранила отца, толпа расступилась и перед ними появился Верховный Глава Культа Сердца.

— Мои мальчики, — улыбнулся старик, подходя и обнимая близнецов за плечи, — сказать, что вы меня приятно удивили, это не сказать ничего. Я поздравляю вас с успехом, — он потрепал обоих за светлые волосы, — и с нетерпением жду следующих постановок.

— Благодарим вас, Ваше Высокопреосвященство, — поклонились братья. — А как Его Величество, понравилось ли ему?

— Его Величество всё ещё хворает, — расстроено ответил Верховный, поправляя позолоченный рукав своего балахона, — но он здесь и внимательно смотрит постановку, — он прижал к себе детей. — Не переживайте, мои хорошие. Уверен, такое произведение не останется без внимания Его Величества и доставит ему наивысшее удовольствие. Вывернувшись из объятий старика, братья счастливо улыбнулись и, поклонившись, зататорили слова благодарности.

Игристая забывай-вода мерцала в бокалах, и настроение у публики было отличное, чего нельзя было сказать о Тэмене Йомера. Узурпатор находился где-то далеко отсюда, хотя тело его присутствовало здесь, на прогулочном троне, медленно парившем среди толпы. За тронном следовал дракон, оглядывая расступавшихся гостей спокойным ужасающим взором. Трон двигался вдоль основного «проспекта» и объезжал декорацию по кругу, словно был неотъемлемой частью спектакля. Йомера смотрел на лица почтительно раскланивающихся и подрагивающих от страха людей и не видел их.

Корабль герцога Ройя вошёл в ворота дворца и встал на якорь в единственное свободное место на третьем по высоте парящем пирсе, откуда господ доставляли на площадь на небольших гондолах, тоже выполненных в стилистике того далекого времени.

— Ты останешься здесь, — прошипел Альберт и попытался топнуть ногой, к которой «прилипла» Мита.

— Нет-нет, глупый герцог, — кричала девочка, — ты меня обманул в прошлый раз, в этот раз ты должен взять меня с собой.

— Где логика? — вскинул руки Сверло.

— Ты обещал, что отведёшь меня к своему правителю, — топнула она ногой.

— Нет, не обещал.

— Нет, обещал.

— Нет, не обещал.

— Обещал.

Ручи и Блоп, в новой одежде, вымытые и прилизанные, лишь переглядывались, слушая их ругань, и ожидали приказаний. Степаш появился из каюты с голубым платьицем в руках.

— Вот, нашёл! — крикнул он своим гнусавым голосом. — Это вашей племянницы, ваш папа подарил ей его на день рождения, но девочка так расплакалась... В общем, осталось здесь, на корабле. Хорошо, что я вспомнил.

Радости привратника не было предела, но Мита смотрела на платье с подозрением.

— Раз ей не понравилось, почему должно понравиться мне? — спросила она, скривив губы.

— Ты, пожалуйста, не капризничай, а примерь, — не допускающим возражений тоном произнёс Альберт.

— Не буду, — отпустив ногу герцога и топнув своим деревянным башмачком, отрезала девочка.

— Ну, тогда никуда и не пойдёшь, — довольно произнёс герцог, развернулся и двинулся к трапу.

— Нет! — закричала Мита и ударила его в руку, а потом сникла и добавила: — Хорошо, я примерю. Но если мне не понравится, я пойду в своей.

— На голове у тебя беда. А ванна есть на судне? — с надеждой спросил Ройя.

— Есть, — кивнул Степаш и почесал голову, — воды мало.

— Не хочу мыться! — вновь топнула девочка.

— Что с ней будешь делать... — покачал головой Альберт, закрыв глаза рукой.

— Есть парик — розовые кудри, тоже племянницы вашей, — оживился привратник.

— Неси, — кивнул Ройя.

Мита тут же хотела что-то возразить, но поймала взгляд герцога и лишь недовольно нахмурилась, последовав в каюту за Степашем.

Через десять минут герцог, стражники и девочка в голубом платье и розовом кудрявом парике, в деревянных туфлях, выкрашенных неугомонным Степашем в красный цвет, спускались на площадь, где представление входило в свою кульминационную фазу. Энфелада выкатили на сцену, олицетворявшую собой трибуну городского собрания, и он храпел партию отречения. В ней художественными приёмами доказывалась несостоятельность научного прогресса как такового и превозносилась чистая сердечная любовь, на которой строится всякая жизнь. Его противники — изобретатель парового котла и учёное собрание — пели протест поиску юного гения и готовились его убить, используя пушку — новейшее изобретение науки. Таким образом подчеркивалась деструктивная направленность прогресса, дающего лишь новое оружие для самоуничтожения. Сердце же вставало во время арии картонной стеной за спящий Теоном силами пяти оживляшек и нескольких канатов. Всё это

комментировал в хрипящий громкоговоритель глашатай, парящий на гондоле. Толпа собралась нешуточная, и только благодаря этим объяснениям многие могли следить за действием.

Трон Тэмена парил недалеко от сцены, вокруг него свернулся дракон. Собравшимся за ним зрителям совершенно ничего не было видно, и они смотрели на парящую над ними вторую сцену, где повторялось то же действие, но в виде пантомимы.

— Как же мы проберёмся сквозь всю эту толпу, — пробормотал Блоп, с ужасом глядя на приближающуюся декорацию плавильной печи, где учёные «жарили» мирных прихожан. Гондола опустилась в самом начале вымышленного города и перед ними возник оживлённый гид, принявшийся объяснять им суть постановки. Но Ручи, не церемонясь, пнул его и тот повалился, дёргая сломанной ногой.

— Зачем ты так? — обиженно спросила Мита. — Что он тебе сделал?

— Видела бы ты, что замышляют эти дуболомы, — хмуро ответил Ручи, всматриваясь в просвет над головами зрителей.

— А он тоже замышлял? — фыркнула Мита.

— Не учи меня.

— Ты не был таким грубым с той металлической собакой, Зогом.

— А у тебя никогда не меняется отношение к вещам?

— О Луны! Зог! — вскрикнул Блоп. — Мы забыли его в доме на канале.

— Не мы, а ты, — поморщилась девочка.

— Ну-ну, прекратите, от ругани голова болит, — прервал их Ройя, — всё утро кому-то что-то не нравится. Хоть о чём-то можете договориться?

— Нет, ну вы же понимаете, что храпит он ровно то, что сейчас актуально. Типичный приспособленец. Драматургия его храпа примитивна, — ворчал возмущённый человек необыкновенной полноты, вставший на пути у Альберта.

— А вы не завидуйте, сначала добейтесь того, что сделал он, — ответил ему кто-то из зрителей.

— Да я, да я...

Но Альберт не успел дослушать, просочившись наконец вперёд.

— Мне надо на нижний ярус, — пролепетал Блоп.

— Зачем? — удивился Ручи, пробираясь за герцогом.

— Моя собака, — почти заплакал толстяк.

— Ты забыл про свою собаку, уже как неделя прошла, — пожал плечами длинный стражник.

— Это всё вы, вы отвлекли меня бесконечными спасениями человечества, — хныкал Блоп, — и уж точно не неделя, а дней пять от силы.

— У него кончился пар, — закатила глаза Мита, — он сидит на втором этаже в этом сарае.

— Конечно, теперь ты живёшь в замке, кушаешь со стола вилкой и ножом, а руки перед едой моешь, — передразнил её обиженный Блоп, и обратился к герцогу: — Можно я пойду?

— Я тебе... — обернулся к нему Ройя и смерил стражника таким испепеляющим взглядом, что напомнил ему Зару.

— Руч, — дёрнул толстяк друга за рукав, — тот дед и девица...

Но он не успел договорить, потому что в этот момент в небе раздался громогласный храп Энфелада Теона, и Блоп потерял нить своих мыслей.

На подходах к месту размещения Узурпатора в толпе стали попадаться агенты Культа и герцог, переговариваясь с ними, вскоре нашёл Парица, дежурившего возле огороженного прохода, где перемещался Его Преосвященство со свитой. Альберт заговорил со своим бывшим коллегой, пока стражники топтались за его спиной, и совершенно упустил из виду девочку. А Мита к тому времени уже сидела на коленках Узурпатора и изучала его мутные отсутствующие глаза.

— Правильно, правильно, — приговаривала она, поглядывая на руну в рукоятке его меча и растирая в руках листья из своей сумочки, — я зла не желаю.

Удовлетворившись результатом в своей ладони, она сунула Тэмену в рот получившуюся тёмного цвета жвачку.

— Жуй, — приказала она и спрыгнула с трона.

В этот же момент из шатра напротив появилась фигура Верховного, и испуганные глаза старика уставились на Миту. Девочка оглянулась, ойкнула и спряталась за трон. Его Преосвященство поспешил за ней, на ходу хватаясь за что-то в кармане своего балахона. К моменту, как он наконец оказался там, девочки и след простыл. Он с тревогой поднял глаза на Узурпатора и увидел, как тот совершенно ясно смотрит на него в ответ.

— Что происходит? — спросил Йомера.

— Ваше Величество, — опешил Верховный, — вы пришли в себя? Какое чудо! Благостный храп Энфелада вылечил вас!

Люди, выстроившиеся вдоль хвоста дракона и имевшие уши, заохали и начали аплодировать. Скоро вся площадь ревела, и дракон поднялся на ноги, хмуро оглядывая собравшихся, но это не остановило ликующую толпу. Тэмен встал на троне и как в первый раз оглядел толпу. Теона спешно увезли, а декорация с нарисованным Сердцем упала за сцену, потому что уже никто не сомневался, что истинная кульминация представления происходит прямо сейчас.

Йомера улыбнулся и поклонился людям. К нему потянулись графы и князья, чтобы выразить своё почтение и поздравить с излечением от отравы той страшной простолюдинки. Тёмным облаком на этом чистом небосклоне обожания появился Альберт Ройя. Выждав в очереди, он подошёл к Узурпатору и встал на колени.

— Мой верный Ройя, — улыбнулся Тэмен, пребывавший в этот момент в самом приятном расположении духа.

— Мой государь, — произнёс герцог, не поднимая головы.

— Как твой фео́д? Устроился? Чем будешь радовать меня и город?

Ройя поднял глаза. Верховный, стоявший неподалёку, искал глазами в толпе розовые волосы и что-то шептал на ухо Парицу.

— Ваше Величество, — произнёс он, оглядываясь на очередь за собой, — разрешите сказать вам кое-что приватно.

— Разрешаю, — кивнул Узурпатор.

Сверло встал и приблизился к Тэмену.

— Без лишних слов. На город движется многотысячная армия. Её приближение скрыто искусственно созданной песчаной бурей. Древние големы-гиганты, армада кораблей, осадные орудия в числе более сотни.

Он отодвинулся от лица Узурпатора, смотревшего теперь на него удивлённым и напуганным взглядом. Вдруг лицо Йомеры изменилось, и он рассмеялся.

— Ну-ну, не гневите судьбу герцог, не надо так шутить надо мной.

Ни один мускул не дрогнул на лице Альберта.

— Я не шучу, Ваше Величество.

— Ваше Высокопреосвященство, слышите, — позвал Узурпатор, — на нас нападают.

Верховный оглянулся на Тэмена и, нахмурившись, двинулся к ним.

— Ваше Величество, я бы пока не давал повод для паники, — тихо проговорил Альберт.

— Что происходит, друзья мои? — спросил подошедший Глава Культа.

— Наш общий друг говорит мне, что скоро город осадит многотысячная армия, — усмехнулся Узурпатор, не снижая тона.

За спиной герцога раздались смешки.

— Я не вру, Ваше Величество, — выпрямляясь и повышая голос, ответил Ройя, — они движутся под прикрытием песчаной бури, вы можете наблюдать её на юге прямо сейчас. Их армия на треть состоит из оживлённых, поэтому они могут идти и ночью, и днём, и, по моим прикидкам, через три дня они уже будут под нашими стенами. Двое моих верных агентов, — герцог оглянулся на Блопа и Ручи, вытянувшихся по струнке и стоявших в нескольких шагах от него, — видели армию своими глазами и отсняли на фотоплёнку, — он поднял фотоаппарат, что держал всё это время в руке, — план атаки.

Узурпатор, всё ещё улыбаясь, но уже не так уверенно, посмотрел на стражников.

— Вы и вправду видели эту м-м-м армию?

— Д-д-да, — кивнул Блоп.

— Так точно, Ваше Ваше..., — запнулся Ручи и кивнул.

Верховный, внимательно смотревший то на Альберта, то на стражников, повернулся к Узурпатору.

— Они говорят правду, — сказал он гробовым тоном, — информация поступила ко мне сегодня утром, но я берёг её от вас в связи с состоянием Вашего здоровья.

Узурпатор перевёл взгляд на главу Культа и побелел.

— Как? — прохрипел он. — Кто?

— Предлагаю дальнейшее обсуждение перенести в иное место, — оглядел шепчущуюся и охающую толпу Верховный.

— Да, — нервно кивнул Тэмен, но было уже поздно.

Слух распространился со скоростью молнии, и кто-то уже верещал от ужаса на дальнем конце искусственного города. Толпа загудела и бросилась в разные стороны. Лишь присутствие дракона мешало собравшимся задавить правителя и его свиту. Декорации посыпались на землю, а актёры, оказавшиеся запертыми в них, стали заложниками общей паники. Посреди царящего хаоса несколько оживлённых катили Энфелада Теона, продолжавшего свой бесполезный нерегулярный храп.

Корабль Культа быстро доставил участников разговора в зал совещаний во дворце Узурпатора. Тэмен нервно прохаживался на балконе, пока Блоп и Ручи, сбивчиво, с избыточной детализацией рассказывали про армию, что им довелось наблюдать.

— ...и у него есть руна, — закончил Толстяк.

— Так вот куда вы прохлопали руны! — злобно произнёс Темэн, с вызовом глядя на Ройю и Верховного. — Рано я дал вам герцогство. Как?! — закричал он. — Как вы смогли такое допустить? Откуда эта армия?

— Это беглецы, — подал голос Верховный, — сбежавшие оживляшки, звери, те, что умеют говорить, люди, в основном каторжники или враги Вашего Величества.

— Но как они могут пересечь пустыню? — недоумевал Узурпатор. — Откуда у них технологии? Вы говорите, — он обратился к стражникам, — что у них големы размером со стену? С нашу стену? Это что же это, сказки о Семимироне что ли?

— Да, именно они, — закивал Ручи.

— Откуда?! — завопил Тэмен, хватаясь за голову.

— Мои подозрения такие, — начал Верховный, — это результат многовекового изживания человеком осознавших себя оживлённых и осознанных перворождённых животных. Это не годы, а столетия.

— Так почему же сейчас они решили выступить? Почему не пятьдесят, сто лет назад? — ехидно спросит Йомера, присаживаясь на стул.

— Есть несколько косвенных факторов, — пожал плечами Глава Культа, — конец тринадцатого лунного цикла. Думаю, они руководствуются предсказаниями о смерти Сердца. Это древняя ересь, — старик покосился на Альберта. — Вы же слышали, Ваше Величество, они настроены вернуть руну Сердцу.

— Какая чушь, — поморщился Тэмен, — мы можем сделать это в любой момент. Зачем для этого идти на нас войной.

— Да-а-а, — кивнул Верховный, — это вы верно подметили. Но главный фактор не этот. У меня есть информация...

Он замер, в нерешительности.

— О том, — он поднял голову и тяжело вздохнул, — что их возглавляет ваш брат.

В зале повисло молчание. Даже стук настенных часов замедлился и притих.

— Так вот как всё повернулось, — тихо произнёс Йомера и как-то сразу сник.

Альберт Ройя внимательно смотрел на Верховного, чувствуя растущее в глубине понимание. Он всё ещё не мог превратить догадки в слова, но конструкция стала вставать на свои места. Его Высокопреосвященство знал о готовящейся атаке, знал сильно заранее. Поведение Главы Культа выдавало то, что Сверло почувствовал, ещё когда взялся за дело Трокийи. Большая игра, чью тень он ощущал, теперь всплывала наружу. Герцог прикусил губу, потому что поздно, очень поздно до него стало доходить, что задумал его учитель, а теперь, похоже, пытался скрыть. Он хочет предать правителя? Он хочет поддержать вторжение? Нет, это невозможно. Сверло чувствовал внимательный взгляд Парица на своей спине. Но почему Его Высокопреосвященство использовал этого юношу в своей игре, а его, Альберта Септа — грозу розыска, лучшую ищейку в городе, вывел? Да ещё так мастерски. Бросил золотую кость. На, грызи. Герцог чувствовал, что всё это написано у него на лице, но скрывать было уже нечего. На стол клали карты шулера, а он давно пролетел со своей колодой из двух идиотов и маленькой девочки. А что, если она права? Что, если всё, что она говорит, правда? И он собирает свою армию мертвецов. И предстоящая бойня... Но зачем?

— Кстати, а где Мита? — отвлёкся герцог.

— Полная мобилизация, — уставшим и спокойным голосом говорил Тэмен, разглядывая еще мокрые, только что напечатанные фотографии планов атаки, — укрепить весь южный сектор. Всех феодалов, имеющих право содержать армию, ко мне. Усилить патрули. Достаньте все технологии, что мы ещё не сожгли. Сделайте так, чтобы им пришлось заплатить за каждый метр, за каждый дом, за каждую жизнь десятком своих жизней.

— Ваше Величество, — вклинился Верховный, — в связи с участвовавшими террористическими атаками мы по моей инициативе переоборудовали старую подводную тюрьму под производство сердечного пороха, чтобы эффективнее избавляться от нежелательных элементов, проходящих по горячим статьям. Это поможет нам отправлять к праотцам оживлённых во вражеской армии раз и навсегда. Мы могли бы подвозить растопленные в основной печи чугунные котлы на стену и сжигать в них атакующих кукол. После этого они не смогут «восстать» из мёртвых. В прошлом известно много случаев, когда уже убитые твари собирали себя из частей других, побеждённых оживляшек, и продолжали схватку.

— Ты, безусловно, готовился, — пробормотал Ройя себе под нос, — переоборудовал тюрьму...

Тэмен похвалил Верховного и попросил всех покинуть зал. На совещание оборонительного штаба Альберта не пригласили. Перед тем как покинуть помещение совета, он медленно подошёл к присутствовавшему тут же командующему гвардии, похожему на кочан капусты с усами, и, кивнув в сторону стражников, припомнил ему одну историю,

которую тот давно хотел бы забыть. Командующий покраснел, кивнул и проводил герцога испуганным взглядом.

Ройя долго ждал, пока закончится совещание, прохаживаясь между колоннами. Его и стражников дважды вызывали для дачи дополнительных показаний, но затем снова выдворяли прочь, что задевало самолюбие герцога. Но сильнее всего его кольнул тот факт, что Верховный, покинувший заседание одним из последних, даже не посмотрел в его сторону, а его попытки заговорить проигнорировал, исчезнув в коридоре. Вход в него тут же перегородили двое крепких культистов из серых роб.

Кто-то постучал по плечу Альберта, и он обернулся. Париц почтено поклонился ему. Ожоги на лице молодого человека покрылись крупными рубцами, и он теперь как будто всё время ухмылялся правой половиной, пока левая оставалась холодной и недвижимой.

— Ах это вы, мой преемник, — улыбнулся герцог растерянной улыбкой, — а у меня как раз есть для вас сплетня о том самом деле помощника мастера зельеварений. Бедняга считал, что за ним следят и пытаются подкупить какие-то люди из Квартала Мистиков.

— Откуда у вас эта информация? — без особого интереса уточнил Париц.

— Перед смертью он писал нашему общему знакомому, просил предупредить Культ и полицию.

— Я бы с превеликим удовольствием почитал это письмо, — внимательно посмотрев на Альберта, произнёс юноша.

— К сожалению, оно утеряно, — развёл руками Ройя, — и вам придётся поверить мне на слово.

— Хорошо, я присовокуплю это к делу, — пожал плечами Париц. — Вы не в курсе о нынешнем местонахождении герцогини Ки? — произнёс он, постукивая ногами о каменную статую, изображавшую битву Бьёрнвейга с Големом Гигантом.

— Я же только что подробно... — начал было Альберт, но потом улыбнулся, — неужели... Нет. Мой юный друг, не надо...

— Я не друг вам, герцог Ройя, — формально произнёс Париц, сверкнув глазами на герцога, — и вы правильно поняли меня. Пока ситуация играет вам на руку, но следствие готово побеседовать с вами подробнее и в более... частных условиях.

— Я же учил тебя этому, — опустил руки Альберт.

— Если вам хватит ума, вы больше не высунете нос из вашего замка. Но если нет, мы быстро найдём время, чтобы подробнейшим образом узнать всё о вашей связи с этой женщиной.

Сверло сглотнул и медленно кивнул, глядя в глаза своего преемника.

— Вот и хорошо, — ответил отрывистым поклоном Париц, — благодарите Его Высокопреосвященство за личную благосклонность к вам.

Ройя ещё раз кивнул, оглянулся на коридор, где исчез Верховный, отсалютовал Парицу и двинулся обратно к скупавшим стражникам.

Сейран Тайград вернулся домой после заседания совета обороны глубокой ночью. Уставший и измождённый он отпустил слуг и плюхнулся в кресло на террасе зимней части замка, куда он переехал с началом холодов. Он полулежал лицом на подлокотнике, а рядом на столике дымилась кружка сладкой, креплёной забывай-воды. Руки отказывались слушаться, но он всё же подтянулся в кресле и, взяв стакан, осушил его на половину.

— У-у-у-х, — прохрипел он прихрюкнув.

С трудом расстёгивая жилетку, герцог вынул своими короткими толстыми пальчиками послание от герцогини Ки, которое не мог прочитать весь день. Хлопнув себя по нагрудному карману, где по обыкновению должны были находиться очки, он их не обнаружил, устало вздохнул и понюхал аромат письма. Ему показалось, что он уловил нотки её духов в промокшей от пота бумаге. Довольный собой, он проглотил остатки забывай-воды и заснул тут же в кресле.

Герцог проснулся под утро, перед рассветом, с чувством какой-то давящей тревоги. Но обнаружил, что заснул с рукой на груди, а каждый раз, когда так происходило, ему не хватало воздуха и во сне приходили кошмары. В этот раз ему снилось, что его раскрыли и казнят тут же, в его доме, в присутствии всех домочадцев и слуг. Сейран поохал и, с трудом встав, побрёл в спальню. За ширмой его ждали любимая ночная рубашка и колпак, где был вышит герб Тайградов — птицы, поднимающие в небо кирпич. Улегшись во множество белых подушек, он накрылся таким же белоснежным одеялом и, похлопывая губами, стал вновь засыпать. Одна лишь мысль терзала его. Совещание Союза Свободы было назначено на раннее утро, чего ему теперь крайне не хотелось. Но именно эта неприятная мысль позволила ему не провалиться в сон сразу, а услышать сзади какой-то шорох.

Сначала он отогнал нахлынувшую тревогу, но потом заметил, что шорох повторился и уже ближе. Инстинкты сыграли свою роль, он поднялся с подушки ровно в тот момент, когда на неё опустился клинок. В воздух взметнулись беспорядочные перья. Сейран хотел закричать, но от нахлынувшего страха получилось только мычание. Он полз по кровати прочь, но чья-то рука схватила его за ногу и всадила нож в икру. Тайград всё же вскрикнул, но тут же был схвачен за горло костлявой рукой — убийца поднял его подбородок. Герцог схватился за неё, но свободная рука противника тут же стала полосовать его ножом. Тайград в ужасе отпустил схватившую его руку, и тогда убийца полоснул его по горлу, откуда хлынул поток крови.

— Это тебе за меня, мою семью и тысячи невинных, что погибают теперь из-за твоей жадности, — услышал Тайград и повалился на спину, заливая тёмной липкой кровью свои белоснежные подушки.

Глава 38

Герцогиня Ки крутила свободной рукой жезл. Теперь она не расставалась с ним ни ночью, ни днём. Другая рука покоилась на голове Асоль, её она вывезла из замка двумя ночами ранее с частью гардероба. Амун уже несколько дней был оцеплен Культом, а её слуг, всех до единого, отправили в тюрьму. Похоже, что чудо, хранившее её все эти годы, перестало

действовать. Но, что хуже всего, план атаки на город, что столько лет готовил Свободный Город по ту и по эту сторону стены, был раскрыт.

— Я отправил трёх посыльных через дыру в дамбе, но не получил ни одного рапорта, ни от них, ни от моих кораблей, что дежурят там, — теребя в руках плащ, прошептал герцог Левотургоста.

— Придётся ждать, пока армия подойдёт к линии невозврата, — нахмурилась герцогиня.

Липрин нервно заколотил костяшками пальцев о лакированный стол.

— Сейрана так долго нет. Что-то не так, — повторил он уже сказанную несколько раз фразу.

— Прекратите констатировать очевидное, — рассерженно осадил его Ки.

— Летит, — указал пальцем на точку в утреннем небе герцог Цему.

И действительно к мансарде, где они собрались, приближался катер. Спустя несколько минут с него спустился бледный герцог Бомбарда и сел на свободный стул.

— Ну, — нетерпеливо спросил Левотургоста.

— Он мёртв, — тяжело дыша, словно он долго бежал, выпалил Бомбарда.

— Как мёртв? — удивилась Ки.

— Зарезан в своей постели этой ночью.

— Это Флавия, — хмуро сказал Липрин, — похоже, узнала как-то, что это мы убили её брата.

— Но как? — покачала головой Герцогиня, — если только кто-то из нас? Всех участвовавших в операции держат взаперти в вашем замке.

— Кто ещё?

— Некому, — покачал головой Цему.

— Но тогда бы мы все уже были в кандалах, — резонно заметила Ки, — потому что, если она не боится потерять жизнь брата или знает, что он не заложник, а мёртв, то она бы давно уже сообщила Тэмену.

— К нему сейчас не пробиться, — возразил герцог Ят, — те, кто не приглашены в штаб обороны, вряд ли получают аудиенцию.

— Она понимала, что её не примут, и без этого, поэтому и послала брата, — возразил Бомбарда, — знала, что её письма могут перехватить.

— Она как змея, — сжал кулаки Левотургоста, — жалит, когда загоняют в угол. А мы не оставили ей выбора.

— Тогда она не оставила выбора нам, — холодно сказала Ки.

Герцоги посмотрели на неё.

— Если мы хотим выжить, — продолжила Герцогиня, — мы должны действовать.

Липрин прищурил глаза.

— Не хотел бы я быть вашим врагом, Ки.

— А вы и не будьте, — изогнула бровь Герцогиня.

Герда всегда хотела походить на Елизавету Амун, Герцогиню Ки, на Лиз, как её звали только близкие. Та была в её глазах настоящим борцом за справедливость. Одна против всех, ведущая бой несмотря ни на что. Искусно выходившая из любой западни, приготовленной ею Культом. Пожертвовавшая собой ради того, чтобы быть рядом со своим заклятым врагом и вызнать его секреты. Из желания подражать ей Герда стала тренироваться, изучать науку и мастерство скрытности и слежки, став в итоге связным для Свободного Города. Герда, хорошо умевшая рисовать, вычертила куском камня на стене лицо Герцогини и беседовала с ней так, словно та была рядом.

— Извините меня, Ваша Светлость. Я не выдержала экзамен. У меня не получилось, как у вас, незаметно и красиво. Всё пошло вверх дном, и теперь меня казнят. Меня и моего папу, — девочка посмотрела на белый свет за решёткой, — а ведь именно он нас познакомил. Он хотел, чтобы я стремилась к красоте. К вашей красоте. Такого примера, как вы, я не могла бы и пожелать. Вы прекрасны во всём, Ваша Светлость. В том, какая одежда на вас, как свисает непослушный локон вашей причёски, где удивительно абсолютно всё, от выбора тонов до композиции. Узнав вас, я стала думать, что то, что красиво снаружи, обязательно красиво внутри. Ведь иначе и не может быть. Я этим и объясняла себе, что мой папа, только потому не может справиться с системой, что сам не следит за собой. Ест и ест, а оттого его внутренняя красота чахнет.

Девочка посмотрела на своё уже порядком испачканное платье.

— А теперь я становлюсь некрасивой, потому что не могу следить за собой. Но не беспокойтесь, я не успею стать некрасивой внутри, меня казнят раньше.

Она придвинулась к стене, к лучу света, падающего из окна, там она нарисовала лицо Гудди.

— Я хотела бы вас познакомить. Это Гудди. А это герцогиня Ки. Очень приятно. Мне тоже, — произнесла она изменёнными и неожиданно похожими голосами. — Гудди — оживлённый. Но не дуболом. Нет. Он осознанный. Я давно хотела рассказать вам о нём, но как-то не было случая. Он в обычном смысле не очень красив снаружи. Но зато он очень красив внутри. И это каким-то образом делает его невероятно красивым снаружи. Вы бы назвали это парадоксом. И я соглашусь с вами. Он такой смелый и умный. Необычный. Я таких не встречала. Вы, наверное, подумали, что я влюбилась. Но это невозможно. Ведь он оживлённый, а не человек. Что? Вы говорите, что это не имеет значения. Но как же тогда целоваться?

Девочка покраснела.

— Я ещё ни разу не целовалась. А у него даже нет рта.

Она вздохнула и посмотрела на луч света, сползавший с нарисованного лица оживлённого.

— Но так ли важно, можете ли вы поцеловаться или нет, если просто хочется быть рядом. Когда тепло в груди от того, что вы находитесь в присутствии друг друга. Я, наверное, какая-то не такая, раз думаю о нём там много.

Замок в двери пришёл в движение, и девочка с испугом замерла, глядя на неё.

— Ну вот и всё, Герцогиня, за мной пришли. Ой-ой-ой, как страшно умирать.

Девочка забилась в угол камеры, пока двое стражников входили внутрь. За ними вошёл молодой культист с обезображенным лицом, которого она уже видела раньше, и тихо произнёс:

— Идёмте. Вас ждёт ваш отец.

Герда испуганно уставилась на его грустные извиняющиеся глаза и, помедлив, поднялась на ноги. Выходя из камеры, культист бросил взгляд на изображение Герцогини и нахмурился.

Он не хотел и не мог доверять женщинам. Всё, что он о них знал, говорило в пользу того, что все они лживы, коварны и готовы в любую секунду предать. Эти мысли начальника отдела особых поручений Культа подкреплялись данными о повторном вскрытии пустынного, выловленного в трубе возле верхних врат, в чьём желудке нашли платье дворцового кроя. Его происхождение подтвердили слуги во дворце. И всё указывало на то, что жертвой пустынного стал пропавший помощник мастера зельеварений. Париц велел провести повторное вскрытие после новой информации, полученной от герцога Ройя. Более детальная проверка указывала на смерть деграданта от очень специфического яда. Грубая работа, как заметили в Институте Чудес, потому что яд не растворяется в теле жертвы, и, похоже, несчастный деградант умер, переваривая свою отравленную добычу. Запись об этом веществе попала в единственном экземпляре в деле об отравлении графом Сапоппо Бомбарда всех своих родственников по линии матери, чтобы скрыть их происхождение на нижнем ярусе. Но поскольку в суд подавать было некому, то дело закрыли. А вот запись об изготовителе яда осталась. Им была некая мадам Лай, известная теперь как нынешний мастер зельеварений Его Верховного Преосвященства.

Париц и Герда долго плутали в узких каменных коридорах и лестницах, пока не поднялись почти на самый верх. Двое охранников открыли неказистую толстую дверь, и культист вошёл внутрь, дав знак девочке следовать за собой. Внутри, на деревянной койке, Герда увидела исхудавшего отца и бросилась к нему. Мужчина обнял дочь и расплакался, с благодарностью глядя на Парица. Тот постоял несколько мгновений в нерешительности и вышел, оставив узников наедине.

— Прости меня, — рыдала Герда, — прости меня, я тебя так подвела.

— Ничего, ничего, моя хорошая, — успокаивал её отец, — рано или поздно это должно было случиться. Не ты, так я бы съехал с катушек на этой работе.

— Правда? — отстраняясь и глядя отцу в глаза, спросила девочка.

— Правда, — произнёс он, вытирая мокрые от слёз усы, — ты не представляешь, как мне всё это опостылело.

Герда внимательно и долго смотрела в блестящие глаза бывшего начальника полиции, а затем снова обняла его.

— Я так рада.

— Чему? — горько засмеялся отец.

— Что ты не сердишься на меня.

— Как я могу на тебя сердиться, — улыбнулся он, хлюпая носом, — ты же единственное, что у меня есть.

— А ты у меня.

Герда села на койку и оглядела помещение.

— А они тебя тут хорошо устроили. Видел бы ты, какая у меня каморка.

— Хорошо ещё, что тебя не держат на общем этаже, — покачал головой Парфарес, — вот там беда, заразиться можно чем угодно.

— Да? — удивилась девочка. — Так странно. Я слышала, как вчера человек просился обратно именно туда, на общий этаж. Кричал и колотил в ворота. Стража смеялась и кидалась в него объедками. А он плакал, просил пустить его.

— Ну и как, пустили?

— Не знаю. Стало тихо, и я уснула. Зато, — девочка оживилась, встала и прошлась по камере, — я нарисовала Герцогиню и беседую с ней.

— О-хо-хо, — рассмеялся Гох, — я только с собой пока разговариваю. И что она, отвечает?

— Нет, — скривила губы Герда, — только слушает. Скажи, а почему в сказках всё не так, как в жизни?

— Что ты имеешь в виду?

— В сказках есть герои, а в городе героев нет.

— Неправда. Просто в городе ты не слышишь о них. Герой не трубит на каждом углу, что он герой. И для этого и существуют сказки, чтобы слышать о героях.

— Просто в городе все преследуют какую-то свою цель, — задумчиво сказал Герда, шаркая ногой, — а не общее благо.

— Всех так воспитали, — пожал плечами Парфарес, — что надо выживать, взять, пока не взял другой. Но есть же не только это. Молодой человек, что привёл тебя сюда. Он служит Верховному, но он не мучал нас, хотя у него был такой приказ. Это тоже героизм, послушаться такого человека, как Глава Культа.

Герда внимательно посмотрела на отца и прошлась к узкому окошку, откуда было видно город.

— Там, за городом, есть настоящие герои, — кивнула она на юг.

Теперь пришла очередь отца внимательно смотреть на дочь.

— Они собираются прийти и освободить Сердце.

— Значит, это для них ты похитила руну? — с грустью спросил Гох.

Герда кивнула.

— Девочка моя. Ты многого ещё не знаешь, — печально произнёс он, хватаясь своими большими руками за края койки, — люди очень подвержены иллюзиям.

— О чём ты?

— Они живут словно бы в идее о самих себе. И эта идея мешает им увидеть свои истинные намерения.

— Не понимаю, — покачала головой дочь, — ты слишком сложно говоришь.

— Представь, — поднял глаза к потолку Гох, — что есть ты и ты, которой ты хочешь быть. Понимаешь?

Герда кивнула.

— Ну так вот та, которой ты хочешь быть, воспользовалась бы руной так, как ты только что сказала. Освободила бы Сердце, вернула бы ему руну. Но есть та ты, что есть на самом деле, со всей твоей неуверенностью, сомнениями и отсутствием материнской заботы.

— Пап, только не это.

— Хорошо-хорошо, — словно сдаваясь, поднял руки Парфарес. — В общем, та неидеальная ты. И вот эта ты, желая быть той, другой, лучшей, думает, что легко справится с таким соблазном, как власть, и не простая власть, а власть руны. И ты настолько в этом уверена, что даже не придаёшь значения возможности не справиться с собой. Понимаешь?

Герда снова кивнула.

— Так вот это не так, — усмехнулся бывший начальник полиции, — никто из людей в задокументированной истории города не справился. Все предпочли власть.

Он тяжело вздохнул.

— Это сейчас их пять. А раньше. О Луны, раньше их были сотни, и война почти не прекращалась. Это было благо, что Култ аккумулировал в руках Узурпатора все руны. Мы целых два поколения жили в мире, даже несмотря на убийство Саммариуса, хранителя, красная луна, и ревнителя, — он облизнул сухие губы. — А теперь что ты говоришь? Что там, за городом, есть герои? — он горько усмехнулся. — Бьюсь об заклад, что эти герои намереваются устроить здесь очередную резню.

— Папа! — воскликнула девочка. — Но ты же сам только что говорил, что не выдержал бы дальнейшей работы на этих бессердечных!

— Да, моя хорошая, — горько вздохнул Парфарес, — и это тоже правда. Мы зажаты с обеих сторон в тисках, придуманных не нами. И куда бы мы ни дернулись, будет только хуже.

— Но так ведь не может быть, — топнула ногой Герда, — должен же быть какой-то выход.

— Должен, — кивнул Гох, — но я, похоже, слишком стар и глуп, чтобы его увидеть.

В этот день был один человек, уж точно знавший, что делать. Стоя на капитанском мостике своего боевого галеона, совершавшего последний облёт войск, Барон не сомневался. Он шёл к этому моменту всю свою жизнь, и теперь предстояло лишь исполнить свою роль в подготовленном им же триумфе. К кораблю приблизилась платформа Джо с большим заколоченным ящиком.

— Это от Вульфи, — крикнул Джо, подлетая к корме.

— Поставь на грузовую палубу, — махнул Барон, довольно улыбнувшись, — это наше новое оружие.

Тигр недовольно фыркнул:

— Неужели нам нужно ещё оружие? У нас его уже столько, что мы можем сравнять этот город с землёй.

— Акба, дорогой, — покачал головой главнокомандующий, не оборачиваясь, — ты что-то стал слишком много думать. Голова, часом, не побаливает?

Тигр оскалил зубы.

— Я просто хочу впиться в глотки этим проклятым людишкам в городе и не хочу, чтобы какое-то новое оружие отбирало у меня эту возможность.

— Не волнуйся, — улыбнулся человек, — у тебя будет такая возможность. Только смотри, не обломай зубы.

Корабль зашёл на повторный вираж. Войска внизу ликовали. Барон снял с руля микрофон.

— Друзья, — произнёс он торжественно, подойдя к ограждению мостика и подняв вверх руку в белоснежной перчатке, — сегодня воистину великий день!

Ему ответил разнородный гул и скрежет.

— Мы ждали его целую жизнь, и вот наконец мы готовы сделать первый шаг к освобождению нашего горячо любимого Сердца!

Войска вновь взревели, на этот раз громче и стройнее.

— Но, делая этот шаг, мы должны быть готовы к жертвам. Жертвам, принесённым на алтарь свободы. А они могут быть большими, и даже очень большими.

Он замолчал, и войска ответили ему молчанием. Только ветер зашумел в микрофоне.

— Мы не должны испугаться их. Мы должны смело пройти то, что нам предстоит, чтобы, как меч, вонзиться в мёртвое тело города, разрезать его и извлечь то самое ценное, что в нём осталось. Нашу надежду. Нашу веру. Нашу любовь. Наше Сердце!

Войска вновь взревели, на этот раз так, словно долго отрабатывали этот хоровой приём.

— Славно! — почти пропел Барон. — Славно видеть вас в таком состоянии духа, братья и сёстры! Покажем этим домоседам, что такое справедливость!

Он выхватил свой палаш из ножен, отчего рёв за бортом покачнул галеон. Разгорячённый главнокомандующий повернулся к радистам.

— Отдать приказ о выступлении.

И те запищали и зашипели передатчиками, сообщая растянувшемуся на несколько километров войску о перемещении на заранее обозначенные позиции.

Барон подошёл к подзорной трубе с автоматическим стабилизатором и стал осматривать позиции ветродуев.

— Передайте инженерному полку, чтобы запускали аэростаты, — приказал он, и адъютант, чью роль исполнял питон с короной на голове, быстро пополз передавать радиошифровку.

Под ними тем временем шевелилась громада войска. Наземные орудия и осадные башни тащили големы. Кто поменьше, кто побольше — все каменные исполины были при деле. Над ними стройными рядами на малом ходу шли истребители, катеры и спидеры, оснащённые тяжёлыми пулемётами и некоторым количеством ракетных установок. И на самом верху парили цеппелины, фрегаты и командный галеон. Наземные войска располагались в осадных башнях и на парящих платформах, специально оборудованных деревянными ограждениями для перелёта через пустыню.

Войска должны были за сутки преодолеть расстояние до ветродуев и выстроиться в атакующем порядке. Поход был рассчитан и спланирован так давно и проверялся, подготавливался столько раз, что каждый уже наизусть знал своё положение и место на марше.

— На это просто приятно смотреть, — пробормотал Влат, стоя на палубе фрегата, следовавшего сразу за командным галеоном.

И действительно, армия действовала настолько слаженно, что движение её напоминало одну общую волну, поднимавшуюся своим смертоносным гребнем, чтобы обрушиться на врага. Настроение у всех было отличное. Наконец-то сбывалось то, чего все так долго ждали. Ни капли сомнения не возникало ни у кого, кто сознательно отправился в этот день в поход, что до победы рукой подать, что война уже выиграна и можно даже не волноваться.

Покрытое рваными тучами небо спасало от солнечного света, не такого жестокого в это время года, но всё ещё способного доставить неприятности неподготовленному путнику. Оживлённые и перворождённые не испытывали никаких проблем с погодой, больше других переживая приятную тревогу от предстоящего дела. Ведь это была их война. Их ответ несправедливости, подлости и унижению, что они и их предки терпели от города и его жителей. Кто-то из перворождённых вспоминал древние истории, передававшиеся из уст в уста среди его рода, о том, как на такую же битву собирался какой-нибудь его древний предок. И окружающие одобрительно кивали и охали подробностям тех великих битв, происходивших, быть может, только в воображении рассказчика. Но в этот час, когда они сами отправлялись отвоевать честь у своих угнетателей, все эти истории казались им самыми что ни на есть правдивыми, потому что подкреплялись наступающей историей их самих.

И даже маленький мешок с нарисованными глазами и ртом нашёл себе место в походе. Он напросился смотрящим на парусную лодку с ракетной установкой, шедшую во

втором высотном эшелоне, и теперь без удержу кричал «Пя!» на любое мало-мальски достойное событие, коих вокруг были сотни.

Молоток, командовавший взводом в инженерных войсках, с радостью выполнил пришедшее по радио приказание о запуске разведывательных зондов. То были песочного цвета воздушные шары с фотокамерами на радиоуправлении. Они могли вести разведку поверх «песчаной бури», создаваемой огромными вентиляторами. По команде десяток зондов взлетел на расчётную высоту, и инженерные команды принялись юстировать горизонт у фотоаппаратов. Это делалось с помощью простого гироскопа, настроенного ещё на земле, и теперь должно было выровнять фотоаппарат по вертикали и горизонтали в воздухе. Положительный сигнал о юстировке пришёл с девяти приборов, но это был результат в пределах погрешности, и Молоток отдал приказ о съёмке. Фотоаппараты были направлены на разные секции города и имели разное фокусное расстояние. Часть производила съёмку общих планов стены, а часть снимала военные объекты внутри города. И эти приёмы были много-много раз отработаны ранее, поэтому никаких неожиданностей не было. Спустив зонды вниз, Молоток отправил плёнку в проявочную бригаду и подготовил посыльного, который должен был доставить результаты прямиком в штаб. В груди его свербил осколок. Несмотря на то что он не сомневался в своей компетентности, Молоток не волновался так никогда. Он чувствовал, что по-настоящему нужен.

Вега стояла на обзорном мостике осадной башни, движимой двумя здоровенными големами. Один из них был с дурашливым улыбающимся лицом, вырезанным древними мастерами на потеху публики. Но полутигрица предпочитала смотреть на второго голема, чьё лицо было суровым, а надбровные дуги крупными и приспущенными так, что глаза его казались устрашающими. В глубине души она не могла простить себе поражение от Зары, и поэтому так хотела поскорее оказаться в настоящей драке, чтобы выплеснуть всё бурлящее в ней негодование на настоящего противника, с кем не надо будет потом позорно дружить.

На той же башне находился и деревянный кролик с двумя топорами. Он хорошо заточил свои орудия. И это, наверное, всё, что стоило бы про него сказать, потому что в его голове была одна мысль — рубить. И он просто ждал, когда это станет возможным.

В то время как башня двигалась под галеоном, Барон уже получил снимки от Молотка и довольный разглядывал картинки пустой стены города с дежурными патрулями и обычной суетой прогулочных кораблей.

— Что ж, — улыбнулся он, поворачиваясь к своим адъютантам, — всё как нельзя лучше. Всё, что им осталось, — это попасться в нашу ловушку. Дадим же им этот шанс!

Барон весело хлопнул себя по ноге, и собравшиеся на мостике дружно ему зааплодировали.

Тем временем на стене, под прикрытием бойниц шла активная работа по доставке провианта, патронов, ядер и пороха. Пушки командование запретило двигать до ночи, поэтому сейчас размещение новых орудий велось на нижнем этаже стены. Прочистка бойниц и поднятие орудий на верхний этаж должно было быть произведено в последний момент, чтобы противник не узнал, что к его прибытию готовятся. Старые механизмы на башнях обильно смазывали маслом, а на лифтовых платформах уже поднимались полки, размещавшиеся в новых казармах на стене, где места хватило бы для всего города.

Ручи и Блоп поднимались в составе гвардейского полка на предпоследний, четырнадцатый этаж стены на огромном металлическом лифте. Оба они были произведены в ранг лейтенантов и командовали теперь взводами из графов, князей и дворян поменьше. Те смотрели на них с нескрываемой ненавистью, но послушаться не решались, памятуя истории о том, что сам Верховный покровительствует этим двоим, и считали их агентами Культа, назначенными следить за ними во время боя, чтобы докладывать о дезертирстве и лишать потом титулов. Поэтому дворяне, сами того не хотя, беспрекословно повиновались этим двум мерзким безродным выскочкам.

Бывшие стражники, а теперь новоиспечённые гвардейцы, с замиранием сердца смотрели, как ползёт перед ними чёрное в подтёках полотно стены. Гигантский лифт, движущийся по проржавевшим пазам, грохотал и трясся так, словно происходило самое жуткое на свете землетрясение. Блоп периодически потряхивал головой, не очень веря в происходящее. Оглянувшись на шеренги за спиной, толстяк поправил свой новёхонький мундир и направился к Ручи, тоже в полнейшем смущении застывшего перед своим взводом.

— Почему мы здесь? — пытаюсь перекрыть скрежет, проорал он другу на ухо.

— Помнишь, мы сами попросились в гвардию, — бегая глазами по недовольным лицам своего взвода, крикнул Ручи, — ну а потом нам повезло, как ты любишь замечать.

— Но я не хотел на войну, — закрыл глаза Блоп, — я хотел почёт и уважение. Почему мы сразу отправились воевать, разве это не мог сделать кто-то другой?

— Ты хоть и лейтенант теперь, но всё равно идиот, Блоп, — поморщился Ручи, — ты же сам видел ту армию.

— Видел, — кивнул Блоп, — но при чём тут я?

— А при том, — ухмыльнулся длинный теперь уже лейтенант, — что эта армия идёт нас убивать.

— Как убивать? — удивился толстяк. — Что мы им сделали?

— Ты знаешь, я плохо понял из разговоров, но похоже, это брат Узурпатора хочет вернуть себе власть.

— Он же умер в младенчестве, — опешил Блоп, — его что, воскресили?

— Возможно, — пожал плечами Ручи, — везде одно ведьмовство.

— Да, — пробормотал себе под нос толстяк и снова крикнул другу в ухо: — Все оттого, что мы с ведьмами водимся, ведьмовство и расползается.

Ручи посмотрел на друга тем самым презрительно-сочувствующим взглядом, по которому Блоп уже соскучился. Но потом воспоминание о Мите мелькнуло в его глазах, и он снова стал серьёзен.

Лифт, поднимавшийся вдоль правой башни верхних ворот города, добрался наконец до нужного этажа и затих. Справившись с головной болью, гвардейцы вернулись на свои места и повели людей расквартировываться в новых казармах. Проходя мимо окна, Ручи заметил стражников на противоположной стороне ворот, у левой башни. Похоже, что диспозиция гвардейского полка находилась рядом с их бывшими сослуживцами. Ему даже показалось, что он видит, как капитан Щас бранится и отдаёт приказание.

— Видишь, теперь я командую, как ты, — пробормотал лейтенант, улыбаясь себе под нос.

Молодой сержант явился к нему, чтобы сообщить, что не прибыли матрасы, и Ручи послал его вместе с крепким словцом в логистический корпус, что сейчас было равносильно увольнительной, потому что чехарда с поставками стояла невообразимая. Город категорически не был готов к войне. На нижних этажах лейтенант видел телеги со старой соломой, что поднимали с нижнего яруса. Как бы от этой соломы не взбунтоваться взводу его неженек.

По плану командования, они должны были прикрывать артиллеристов, когда и если противник сможет применить осадные орудия и высадиться на стену. Артиллерийские посты уходили в глубь города и заканчивались у самого дворца, где находилась основная батарея. Незадача была только в том, что снарядов не делали уже давно и на каменоломнях в срочном порядке стали колоть валуны, складываемые, как Ручи успел заметить, у всех башен.

На верхнем этаже стены, а его ширина составляла без малого двести метров, солдаты из геодезического корпуса размечали диспозицию для их полка. Подниматься на него капитан категорически запретил. В полку ходили слухи, что у противника винтовки, бьющие на несколько километров прямо в глаз и не нуждающиеся ни в поправке на ветер, ни в учёте траектории пули. Разговоры эти Ручи были хорошо знакомы, удивляло его то, как мало отделяло в смысле интеллекта его стражников от этих высокородных господ. Когда много мужчин собирается вместе, ведут они себя как по какому-то древнему обычаю, срабатывающему безотказно, где бы ты ни родился, на верхнем ярусе или хоть в самом соляном озере.

Альберт Ройя листал историю своего дома. Официальную. Смотрел на лица предков и гравюры балов, схемы работы удивительных приборов замка. Как объяснил Степаш, после определённого давления со стороны герцога, все они работали на мертвецах, пойманных древним ритуалом, практиковавшимся в его семье. Эту историю он не мог прочитать даже в доступных ему еретических сборниках, что он прихватил с бывшего места работы. Они лежали тут же, рядом, но интерес к ним совершенно угас, на фоне того, что он пытался теперь осознать.

Герцог поднял усталый взгляд на культистов, переставлявших местами книги в библиотеке его замка. Это были те же ребята, оставленные несколько дней назад Парицем, так и забывшем про них. Рядом стоял столик с едой, заботливо приносимой им Степашем. Молодые люди трудились почти без отдыха и выглядели измождёнными.

— Надо сказать этой маленькой красной луне, чтобы она их отпустила, — произнёс он себе под нос.

— Да, — хмыкнул Расморе, — это как-то не по-людски.

— Глядишь, ещё помрут здесь, — зевнув, произнёс герцог.

— Вот, — торжественно произнёс Шамса и повернулся к Альберту с фолиантом в руках. — Это единственное, что мне удалось разобрать, — смущаясь, произнёс он, тыкая в заглавие книги, — «Полет на луну».

Ройя молча смотрел на культистов. Расморе помялся и закрыл том.

— Это всё? — спросил герцог.

— Да, — сглотнув, произнёс рыбак.

— То есть это всё, что тебе удалось перевести за это время.

— Ну да, — растерянно ответил Шамса.

— Хорошо, — кивнул Альберт.

— Хотите, чтобы я ушёл? — испуганно спросил рыбак.

— Нет-нет, — задумчиво ответил Ройя и направился к выходу.

— Скажите, Ваша Светлость, — спросил Расморе, удивившись собственной смелости, — вы когда-нибудь любили?

Альберт остановился.

— Ну, то есть, — продолжил Шамса, — так, чтобы тянуться к ней, трепетать и бояться не оправдать... надежд?

Герцог внимательно посмотрел на Расморе, застывшего с книгой в руках.

— Да, — кивнул Ройя.

Рыбак задумался и опустил взгляд.

— Значит я могу остаться? — спросил он после паузы.

— Да, — ещё раз кивнул герцог и вышел из библиотеки.

В большом холле, где стояли застывшие металлические истуканы, поднимавшие раньше танцевальный зал, как лифт, между этажами, он увидел Миту с арфой в руках посреди сложных концентрических кругов из свечей. В центре была краской нарисована сложная сеть из линий, удивительным образом соединявшихся в геометрическую фигуру, имевшую глубину на плоском рисунке. Когда Альберт приблизился, девочка бросила несколько цветных камней на фигуру и свечи вокруг вспыхнули ярче.

— Эффектно, — хмыкнул Ройя.

— Но малоэффективно, — грустно ответила девочка, кладя арфу на пол, — я кидаю эти камни всю свою жизнь и помогли они мне, быть может, один раз, и то случайно.

— Ты не так долго живёшь, — пожал плечами герцог.

— Может быть, это твой дурацкий замок фонит.

— Ты бы лучше отпустила тех ребят, замкнувшихся на двух полках в библиотеке, их уже, наверное, хватились.

— Не переживай, нервный герцог, их не хватятся, — устало произнесла девочка и метнула новую порцию камней, — но как хочешь, — пожала он плечами.

За спиной Альбера послышался скрип. Все трое культистов покинули помещение библиотеки и направились к выходу.

— Как просто, — подивился Ройя.

— Со слабым умом всё просто.

— Значит, я могу заключить, что я не такой уж и дурак? — улыбнулся герцог.

— Нет, ты вполне дурак, самодовольный герцог, — покачала головой Мита, — но я не могу влиять на тебя, ты должен действовать сам, иначе этот, — она стерла ладонью рисунок на полу, — дурацкий рисунок времени изменится совсем, и я не смогу уже никого найти.

— Кого?

— Попавшего в цикл. Не знаю, как так вышло, но твоему врагу требуется продлить жизнь своего тела здесь, в плотном мире. У него есть необычная машина для этого. Я видела однажды в видении. И был один особенно сильный человек, твой враг не смог выпить его целиком. Он заимствовал его жизненную силу, но сильному человеку удалось ускользнуть. Или ритуал был произведен не до конца. Не ясно. Но он не отправился в мир эха, где его ждал каторжный труд, что ты сам наблюдал. Он переродился. И перерождается до сих пор, его воля так сильна, что он не может умереть до конца. Но он не помнит себя. Он столько раз возвращался, что память новых рождений затмила старую. Если поймать его и дать ему окончательно умереть, твой враг потеряет силу своего тела в плотном мире. Это единственный способ убить его.

Ройя постоял над девочкой, сложив руки на груди и скептически подняв бровь, затем развернулся и пошёл к себе.

— Будь осторожен, — бросила ему вслед Мита, — тебе грозит опасность.

— Она меня не покидает всю жизнь, — хмуро ответил герцог.

— Это последний раз, когда мы видимся, так что прощай, непутёвый герцог, и делай то, что велит Сердце.

— Ты говоришь, что «моего врага», как ты изволишь называть Его Высокопреосвященство, невозможно убить, не поймав этого, попавшего в цикл, — вздохнул Альберт. — Тогда что могу сделать я?

Мита ничего не ответила, поднялась и, оставив бесполезные камни на полу, отправилась к выходу.

В замке по ночам стало очень холодно, и Степаш топил уже не только в кабинете, но и на нескольких соседних этажах, чтобы как-то прогреть башню, где жил герцог. Перед сном Альберт слушал, как привратник бежит из комнаты в комнату, рассыпая по каминам уголь, доставляемый его болванками. Вскоре шаги затихли, и на герцога начал наконец спускаться сон. Однако скрип половицы в кабинете заставил его вздрогнуть и открыть глаза. Чутье его кричало о том, что что-то не так. Скрип повторился, и Ройя медленно стал сползать с кровати, положив под одеяло подушки. Дверь скрипнула, как только герцогу удалось прокрасться за шкаф с одеждой. В лунном свете он увидел показавшееся из-за двери лицо Степаша. Альберт удивился и хотел было уже выйти из своего укрытия, но заметил блеснувший в руке привратника нож. Глаза герцога расширились, но инстинкты говорили ему не двигаться и ждать. Степаш обошёл кровать, медленно отодвинул балдахин и занёс кинжал. В это мгновение герцог схватил его руку с оружием, заломил её, отчего убийца вскрикнул и

согнулся. Альберт легко схватил вторую руку нападавшего, удивительным образом ставшего прямо на его глазах во много раз выше. Его голова стала белоснежной, а из неё, как змея, выползла длинная белая борода. Рой повалил противника на пол и прижал голову к полу, чтобы разглядеть. Хоть тот и пытался спрятать лицо, но Альберт не мог ошибиться — перед ним был Перлеглоз Трокийя. Грязный, испачканный и вонючий, но всё тот же Перлеглоз, чью голову разнесло на части на его глазах.

Герцог так удивился, что ослабил хватку, и Перлеглоз вырвался, схватил нож и ударил Альберта в грудь. Клинок стукнул о пулю Блопа, застрявшую в кулоне на груди герцога, и отскочил. Трокийя занёс его для повторного удара, но Сверло вновь перехватил руку противника и сжал её. Перлеглоз взвыл и выронил нож.

— Какого чёрта ты здесь делаешь? — прохрипел герцог.

Трокийя не ответил, а его голова вновь разлетелась, словно от выстрела, кровь и мозги, как в тот день, брызнули на лицо Альберта, но он не выпустил руку, а схватился свободной рукой за горло Великого Мастера. Трокийя хрипел и кричал. Его голова взорвалась ещё несколько раз, забрызгав всё вокруг иллюзорными ошметками, а рука без устали колотила Ройю по голове, пока наконец не ослабла, и Великий Мастер Перлеглоз не умер окончательно.

Тяжело дыша и вытирая кровь со лба, уже не понимая, настоящую или фальшивую, герцог с трудом встал, опираясь на балдахин. Труп перед ним с ужасом смотрел в потолок. Перешагнув его, Альберт почти выбежал в кабинет, а затем в коридор, где в лифте он обнаружил еле дышащего Степаша. Он подбежал к привратнику и присел рядом. Тот держал руку в районе сердца и тёмный балахон его был в том месте ещё более тёмным.

— Простите меня, — прогнусавил Степаш, — простите, что подвёл.

— О чём ты... — произнёс герцог предательски дрожащим голосом.

— Вы ранены? — испугался привратник.

— Что ты, — покачал головой Альберт, стараясь унять дрожь, — пустяк.

— Я так рад, что мне перед смертью удалось послужить вам.

Из глаз Степаша покатались слёзы.

— Ваш отец, он... он бы гордился вами.

Герцог опустился на колени перед привратником.

— Ваши отец и матушка были очень добрыми и честными людьми, совсем как вы, Ваша Милость. Даже несмотря на... их увлечения. Прошу вас, не дайте их жертве стать напрасной, — прогнусавил Степаш.

— Конечно, — кивнул Альберт, — так и будет.

— Тогда я уйду спокойно, — улыбнулся привратник, — да хранит вас Сердце.

Он закрыл глаза и испустил последний вздох. Тело Степаша ослабло, и Альберт уложил его на пол лифта.

Глава 39

Магистр Вульфи смотрел, как ползут меж катеров и скутеров топливные баржи, пополняя запасы ждущих атаки бесконечных рядов летательных аппаратов армии Барона. Под их кораблём проплыла масляная бочка с крыльями, проникнувшая своим тоненьким хоботком в каждую металлическую складку застывших в ожидании кораблей.

— Так, мои маленькие, так, мои хорошие, — приговаривала бочка.

Галахад смотрел на неё с сочувствием и пониманием, узнавая в её стремлении ухаживать за каждым движущимся существом себя. В его глазах читалась тишина. Впервые за долгие годы голоса в его голове молчали.

Зара стояла на противоположной стороне палубы и смотрела на стену песка, воздвигнутую вентиляторами.

— Долго ещё фдать? — спросила она, с нетерпением постукивая пальцами по поручню.

— Выступление назначено на завтрашнее утро, — булькнул из-под тента Рауд, — на это время предлагаю перенести и наше самоубийство.

— Почему не полететь раньше?

— Мы же это обсуждали, Зарочка, — прокряхтел магистр, — если мы просто прорвём строй и двинемся напрямик, нас атакует армия Барона за нарушение порядка. А если мы и удерём от них, нас собьют на подлётах к городу.

— Ненавижу фждать, — стукнула кулаком о поручень Зара.

— Наш единственный шанс — прорваться вместе с первой волной, — сказал осьминог, — город будет не готов, и мы сможем легко добраться до места казни.

— А если мы опоздаем?

— Ну... — протянул осьминог.

— Тебе-то, скользкий, плевать, а... — она запнулась и отвернулась.

— Что вы, прекрасная Зара, — начал было осьминог.

— Она права, — прервал его Гудди, появившийся из трюма, — мы не знаем точно время казни. А если она будет раньше, чем приказ к атаке?

— Когда этот ваш Барон встречался с герцогами, мы проникали в город через огромную дыру в стене, она вела в соляное озеро, — сказала Зара, вновь обернувшись.

— Где эта дыра, моя королева? — выпуская пузыри в виде сердец, спросил Рауд.

— Где-то в западной части стены.

— Где-то в западной части, — повторил осьминог, — я помню, как мы покидали город через этот проход. Кто-то нам помог, подорвал дамбу.

— Похоже, это наш лучший шанс, — кивнул Гудди.

— Ты думаешь, что они до сих пор не хватились? — скептически булькнул Рауд.

— Дамб в стене много, — вклинился Вульфи, — они могут не замечать потерю одной довольно долго. Одни разгильдяи же в магистрате. Сколько раз я...

— Мы поняли, — успокаивающе поднял щупальцу Рауд, — спасибо за лекцию.

— Скользкий, не хами магистру, — вступилась Зара, смерив осьминога своим фирменным взглядом.

— О Луны, моя королева, я и не смел... — поднял вторую щупальцу Рауд, сдаваясь.

— Значит — решено? — вновь прервал его оживлённый.

Все молча посмотрели на него.

— Решено, — повторил Гудди.

Он поднялся на мостик и обратился к собравшимся на палубе.

— Я хочу вас поблагодарить ещё раз, что вы все отправились со мной, — он взглянул на Зару, — я хотел сказать, с нами, в это опасное путешествие. Шансов у нас ровно столько же, сколько было в последний раз, — он мельком взглянул на осьминога, чей рог ярко сверкал на солнце. — То есть, почти нет. Но я хочу напомнить, что мы идём освободить тех, кто рискнул своей жизнью ради нас, так что с нашей стороны было бы честно долг этот вернуть, — он обвёл рукой панораму кораблей, — у нас может не получиться. Очень может. Но я рад, что вы пошли со мной. Спасибо.

Обезьянки, магистр, Зара и осьминог внимательно смотрели на оживлённого.

— Я иду с тобой, потому что там тот, кого я люблю, — сказала девушка, — меня не надо убеждать.

— Мы идём, потому что ты хороший, — сказала одна из обезьянок.

— Я иду, потому что хочу погибнуть за даму своего сердца, — булькнул осьминог и влюблёнными глазами посмотрел на Зару.

Та поморщилась и сложила руки на груди.

— А я пошёл, — тихо сказал Вульфи, — потому что мой брат сказал тебе помочь. Он верил в тебя.

Старик, прищурившись, посмотрел на оживлённого.

— Значит, — кивнул Гудди, — летим в дыру в стене.

Осьминог подплыл на мостик к рулю и стал медленно менять курс. Гудди встал от него по левую руку. Их небольшой буксир тарахтел на честном слове, но магистр Вульфи неустанно приводил его в порядок даже в полёте, и сейчас он хорошо набирал скорость и менял высоту.

— А братец у Отца ничего, смекалистый, — булькнул Рауд.

Гудди посмотрел на магистра, возившегося с батареями на носу.

— Я жил с ним всю свою несознательную жизнь, — произнёс оживлённый.

— Да? — удивился осьминог.

— На нижнем ярусе, — кивнул Гудди, — перекресток Сточного канала и Переулка Слепых.

— Точно, — булькнул Рауд, поднимая корабль в свободный коридор между рядами, — мы же с Горой Мяса выследили вас именно там во время парада.

— Не помню этого, — покачал головой оживлённый, — помню старый хлам в комнате, дверь справа, помню часы, большие, разные. Но я при этом не помню себя. Странно. Всё было, а меня при этом не было. Как я могу при этом помнить?

— Не знаю, как вы, деревяшки, вообще можете что-то помнить. У вас же нет мозгов.

Гудди посмотрел на него, вспомнил слова Снорри и рассмеялся.

— Обижаешься на него? — спросил Рауд после паузы.

— Не то слово, — прозвенел оживлённый.

— Не надо, — философски булькнул осьминог, — он поступил так, как считал нужным в тот момент. Он верил в Барона. Мы все ошибаемся.

Гудди промолчал, наблюдая, как мимо проплыла голова огромного голема, присевшего на песке.

— Иногда вещи просто происходят и ты ничего не можешь поделать. Но, когда ты можешь, ты делаешь, как сейчас, — продолжил осьминог, — ты идёшь спасать их. Это правильно. Не носи с собой обиду, это очень тяжёлый груз.

Осьминог повернул в соседний коридор из кораблей и пустил катер ниже, между сложенных на песке артиллерийских орудий.

— Я знаю, — булькнул он, наклонив голову и почёсывая свой торчащий из головы рог о рукоятку руля, — я очень долго носил. Ненавидел людей за то, что они сделали с моими родными и близкими. А потом я встретил Снорри, — усмехнулся Рауд, — и из всех людей именно он доказал мне, что человек необязательно моральный урод. Что слова «дружба», «честь», «отвага» и «самопожертвование» ему не чужды. Странно, да, слышать это о нашем общем знакомом? Но это так. Именно благодаря ему я больше не ненавижу людей. И за это я ему благодарен.

Гудди вздохнул, поглядел на осьминога и отошёл на край кормы.

Рауд вильнул, уворачиваясь от пролетающих истребителей, отчего магистр Вульфи на палубе уронил аккумулятор на ногу одной из обезьянок и принялся извиняться.

— Прости, прости, пожалуйста, маленькая. Мне так стыдно, так стыдно.

— Кажется, я знаю, в кого ты пошёл со своим стыдом, — усмехнулся осьминог.

— А? — переспросил оживлённый, он погрузился в свои мысли и прослушал слова Рауда.

— Ты, говорю, со стыдом-то завязывай, а то привыкнешь ещё.

— Ага, — рассеянно ответил Гудди, мысли его были рядом с Гердой., .

Он посмотрел на свою металлическую руку и вспомнил, как она выглядела, когда была человеческой. Он вспоминал, как шевелились на ней волосы от дуновения потустороннего ветерка. Словно вторя его мыслям, осьминог произнёс:

— Вот если бы я был человеком, то она бы точно меня полюбила.

— Да... — протянул Гудди.

— Тоже так думаешь? — обрадовался Рауд.

— А? — вновь переспросил оживлённый и, спохватившись, ответил: — Да, да, точно.

— Вот и я так думаю, — улыбнулся осьминог, — не девушка, а мечта, даже несмотря на дефект речи.

— Дефект речи? — переспросил Гудди.

— Ну, ты же заметил, как она всё время ф-пилявит?

— Нет, — пожал плечами оживлённый, — ты вот пузырями разговариваешь, что тут такого?

— Да я и говорю, что ничего, — обиженно ответил Рауд, — и чем тебя не устраивают мои пузыри? Ты же вообще не говоришь, а звенишь чем-то там под забралом. Но это ладно. Вот как эти обезьянки говорят, я вообще не понимаю, — взглянул он на возящихся на палубе вместе с магистром кукол.

— Кстати, — нахмурился он, — получается, что Лила и была «око».

— Получается, — грустно кивнул оживлённый.

Рауда передёрнуло.

— Всегда было жутковато от этих историй. И как им удаётся контролировать вас?

— От неё ко мне переползла какая-то чёрная жидкость, — прозвенел Гудди, погрузившись в пугающие воспоминания, — но Отец отсёк мою руку, и она осталась в ней, распавшись на какие-то верёвки и фантики.

— Многие объясняет, — покачал головой осьминог, — так это она отравила Отца.

— Да, — кивнул Гудди.

— И она же сдала операцию... Видимо, там, в тюрьме, с ней что-то сделали. Постой, — глаза осьминога расширились, — она и Лео сдала!

Гудди ничего не ответил, а лишь крепко закрыл глаза.

— Вот это да, — вздохнул Рауд, — под самым носом.

Их буксир беспрепятственно покинул строй и двинулся сначала в пустыню, а затем снизился и полетел по направлению к западным воротам города. Когда они приблизились к зоне городских патрулей, осьминог пустил судно совсем близко к земле, лавируя между барханами. Но, к их удивлению, этот сектор был свободен и даже ближе к стене, между скал, они не встретили ни корабль, ни траулер, ни скутер. В стене недалеко от Нижних Западных ворот действительно зияла дыра и, сбавив ход, осьминог направил буксир к ней.

— Не нравится мне всё это, — пробулькал он, оглядывая массивную стену, подпиравшую с этого ракурса небо, — слишком уж тихо.

— Чутьё у тебя работает, скользкий, — хмыкнула Зара, поднимаясь на мостик. Осьминог посмотрел на неё влюблёнными глазами, а корабль вошёл в темноту разрушенной дамбы.

Когда глаза экипажа привыкли к темноте, а магистр включил бортовые огни, они увидели перед собой фрегат, его пушки были направлены прямо в их сторону.

— Заглушить мотор, — раздалось в рупор, и с фрегата выстрелил ослепивший их луч прожектора.

Осьминог заглушил мотор, прикрыв глаза щупальцем.

— Вот так всегда, — пробулькал он, опираясь рогом о руль.

— На моей памяти такое в первый раз, — возразил Гудди, моргая от яркого света.

— У тебя очень короткая память, — проворчал Рауд.

Абордажные крюки выпрыгнули из света прожектора и зацепились за борт. Друзья переглянулись. Буксир силой пришвартовали к фрегату, и навстречу им вышел молодой лейтенант.

— Вы кто и по какому поводу нарушаете путевые предписания?

— Смотрите, у них животное! — воскликнул один из матросов. — И оно летает!

Лейтенант нахмурился. Один из солдат подбежал к нему и произнёс:

— Эту девушку я видел на встрече герцога с руководителем сопротивления, здесь, несколько дней назад.

Лейтенант внимательно его выслушал и повернулся к экипажу катера.

— Это правда? Вы из Свободного Города? — обратился он к Заре, кивнув в сторону юга.

Все на буксире кивнули. Лейтенант помедлил, но потом всё же решился и, сделав шаг вперёд, произнёс:

— Мы войска герцога Левотургоста, — указал он на герб на своей груди, змею обвивающую копьё, — около часа назад мы вступили в бой с верными Узурпатору и Культуре силами, чью численность мы не можем определить. Первую атаку отбили. Но весь наш офицерский состав угодил под пулеметный огонь. Из командования остался только я. На связь враг перестал выходить и сгруппировался в северной части озера. Похоже, ждут подкрепления.

Друзья переглянулись.

— Мы следуем в город с важной миссией по саботажу казни наших сторонников, назначенной на завтра, — неожиданно для всех заговорил магистр Вульфи, — мы очень спешим.

— Понимаю, — кивнул лейтенант, — мы дежури́м здесь уже два дня и сегодня, как на зло, нас обнаружили патрули Узурпатора.

Он замялся, покраснел, но затем на его молодом лице появилась решимость.

— Мы могли бы отвлечь их, — сказал он, оглянувшись на матросов и солдат за спиной.

Те молчали, но потом один за другим закивали под требовательным взглядом лейтенанта.

— Можем при полном освещении пойти в атаку, — произнёс он, хватаясь рукой за эфес шпаги, — и дали бы вам время прорваться к шахтам. Всё равно мы зажаты здесь. Так хотя бы у вас будет шанс.

— Это было бы прекрасно, молодой человек, — поклонился Вульфи.

Лейтенант покраснел ещё сильнее, кивнул и дал команду отцепить катер.

— Они же все умрут, — пробормотал Рауд.

— Значит, такова их судьба, — склонив голову, ответил магистр. — Сердце надо спасать. Это важнее. И будет на моей совести.

Рауд удивлённо посмотрел на старика и поплыл к рулю.

Фрегат включил бортовое освещение и, направив луч прожектора прямо по курсу, двинулся в глубь озера. Магистр выключил свет на катере, а осьминог двинул буксир вдоль стены по кругу, держа фрегат в поле зрения.

— Я встречал таких в академии, когда стажировался по сердечным двигателям, — произнёс Вульфи, поднимаясь на мостик, — готовы на всё, лишь бы доказать, что они не трусы.

Рауд ничего не ответил, вглядываясь в мерцающий прожектор фрегата. Затем он неожиданно развернул руль и направил катер за фрегатом.

— Ты что это? — удивился Гудди.

— Вы, может, таких лейтенантов и встречали, — булькнул Рауд, — а я зато часто встречался с такими матросами. Нет уже вашего лейтенанта в живых. Он прищурился, вглядываясь в мерцание.

— Морская азбука, — догадался Вульфи.

— Так точно, — булькнул Рауд себе под нос, — передают, что мы пошли вдоль стены. Передают, что присягают Узурпатору Тэмену.

Вдалеке зажглись огни на нескольких судах. Прожектора засветили в сторону фрегата и один замерцал в ответ.

— Просят встать на дрейф и всей команде собраться на палубе, — прочитал Рауд, вставая в длинную тень фрегата, образовавшуюся от вражеских прожекторов. Несколько огоньков отделилось и двинулось вдоль стены в поисках их буксира.

— Влипли, — прошептал Вульфи.

— Не дрейфь, старик, — булькнул Рауд напряжённо, — а то сила нашего общего страха переломит ситуацию не в нашу пользу. Бояться могу только я.

Фрегат замедлил ход и выключил бортовые огни, оставив лишь палубное освещение. Корабли, верные Узурпатору, медленно приближались к ним на корпус или два выше. Их было

несколько, и все они обходили фрегат по правому борту. Рауд умудрялся держать катер в тени фрегата, проходя прямо под его дном. У друзей перехватило дыхание. Все, не отрываясь, следили, как ползут, огибая корпус корабля, длинные полосы света. Обезьянки, спрятавшись за Зару, от страха закрыли друг другу глаза лапками. Время остановилось.

К счастью, корабли так и не сменили строй и обошли сдавшееся судно по кругу. Обогнув фрегат, Рауд стал удаляться к краю тени.

— Молитесь, — булькнул он, пересекая её край и попадая в меркнувший луч.

Все замерли, наблюдая, как корабли, верные Узурпатору, поворачиваются к ним тёмной стороной.

— Вроде пронесло, — прошептал Гудди.

Рауд оглянулся последний раз на фрегат и включил двигатель на полную. В этот же момент на фрегате вновь включился прожектор, и катер оказался прямо в его конусе.

— Рано обрадовались, — испуганно пролепетал магистр.

На кораблях слышались крики, и те, что были ближе, стали поворачивать носы в сторону беглецов.

— Жми, — подпрыгнул Гудди.

— Я жму, жму, — булькал Рауд, — лучше включите носовое освещение, а то мы так в стену влетим. Раздался грохот и недалеко в воде упал снаряд, обрызгав палубу катера.

— Это был пристрелочный, — пробубнил магистр.

— Учить он меня будет, — прошипел Рауд и налег на руль.

Второй снаряд упал ещё ближе, отчего хлынувшая вода раскачала судно.

— Поднимай вверх, — закричал Гудди, дёргая за рубильник.

Катер засиял бортовыми огнями.

— Не этот, дурак, им же теперь легче целиться! — закричал в ответ Рауд.

Зара включила передние огни, а Гудди погасил бортовые. Рауд тем временем поднял судно выше и направил к шахте, слабо видневшейся впереди. Следующий снаряд сбил пустой флагшток над мостиком и упал в воду перед ними.

— Ого, — удивился Вульфи.

— Ребята, похоже, знают свою работу, — весело булькнул Рауд.

И в этот момент залп дала целая батарея орудий, взорвавшихся в воздухе прямо рядом с катером. Оглушённые и потерявшие ориентацию члены команды попадали на палубу, а катер потерял управление и стал крениться к воде. Рауд пришёл в себя свисая с борта, за которым уже темнело озеро.

— Нет, — булькнул он сам себе, — они нас посадили.

Перехватив другим щупальцем перила, он попытался подтянуть своё тело, но не смог, потому что оказалось, что его рог воткнулся в борт, что уберегло его от падения, но

пришили к кораблю. Стоило ему выпустить особенно большой пузырь отчаянья и злобы, как из трюма вылетела белая молния. Взвившись над катером, она бросилась в сторону кораблей. Сверкнула яркая вспышка, осветившая всю флотилию с замершими от удивления матросами. За их силуэтами раздался грохот, после чего в воду с потолка пещеры посыпались песок и камни. Осьминог попытался повернуться по своей оси и прищурился, разглядывая происходящее. Как ему показалось, два из преследовавших их корабля накренились, а на одном начался пожар. Мачта первого рухнула и оба они стали падать в воду. Белая точка пронеслась вокруг преследователей и вновь вспыхнула и грохотнула где-то в центре флотилии. Фрегат с предателями и флагман преследователей загорелись и тоже пошли вниз, в воду, прошитые насквозь ярким светом с голубым кантом.

— Это же белый рыцарь, — удивлённо прозвенел поднявшийся рядом на ноги Гудди.

Рядом с ним на палубу поднялась из трюма Зара.

— Да. Мы отправили Барону небольшой сюрприз вместо его нового оружия.

Тем временем белый рыцарь приводил ещё несколько кораблей и направился обратно к буксиру. Приблизившись, он остановил лошадь над палубой, заметно нагревшейся и почерневшей под его двигателями.

— Забирайтесь к ней на спину, — крикнул магистр, выбираясь из трюма и показывая скрюченным пальцем на реактивную лошадь, — в борту течь.

Осьминог только сейчас, выдернутый оживлённым из борта, заметил, что катер накренился и тонет. Рыцарь опустил лошадь рядом с бортом. При этом двигатели чуть не обожгли Гудди с осьминогом на руках, отчего оба зажмурились. Появившиеся из темноты обезьянки подняли их на спину лошади. Зара села за ними, а Вульфи был усажен рыцарем перед собой и спешно стал закреплять себя пристяжными ремнями, захваченными им с тонущего буксира. Гудди уселся за девушкой и крепко схватил ремни, брошенные ему магистром. Рыцарь взмыл вверх.

— Туда, в шахты, — указал из-за его спины осьминог, а затем обернулся, выглянув из-за Зары на Гудди.

— Я только сейчас понял, — испуганно пробубльнул он, — если Лида... это же получается, они знают о нападении, об армии. Они нас ждут. Надо предупредить Ба...

Но он не успел договорить. Лошадь яркой вспышкой пролетела пещеру и исчезла в тоннеле.

Майло давно потеряла сон. Все дни казались ей одним бесконечным днём, что никогда не кончится. Заплаканное лицо её осунулось и похудело. Со щёк пропал румянец и вдобавок она здорово простыла в холодных и сырых заводских помещениях нижнего яруса, где её держали братья и сёстры «Инициативы». На часах, единственном предмете интерьера кроме кровати, был полдень, но часы эти стояли уже много лет, это можно было без сомнений сказать по покрывшей их паутине и пыли. Девушка поднялась, держась за грудь, и, дрожа всем телом, двинулась к двери. С усилием дёрнув ручку, она выглянула в коридор. Там было пусто и темно. Сердечная лампа на двери была крепко прибита, и Майло не могла снять её.

— Брат Ветчина, — тихим голосом позвала она, — Ветчина!

Она постояла немного в нерешительности.

— Ветчина-а-а! — позвала она и пробормотала себе под нос: — Как глупо.

В дальнем углу коридора слышались шаги и забрезжил свет.

— Белая Дева! — раздался в коридоре голос мужчины, и вот он сам уже приблизился к ней. — Мы вас чуть не забыли, представляете, — радостно доложил он ей и, схватив за руку, повёл за собой обратно в темноту, — пойдёмте, пойдёмте.

— Пойдите, дорогой Ветчина, мне нужно в женскую комнату, — пролепетала Майло, хотя женской комнаты она не видела уже давно и пользовалась общественной уборной.

— Потерпите, — не оборачиваясь, бросил брат Ветчина, — на корабле опорожнитесь.

Девушка покраснела, но потом опомнилась.

— А куда мы? Очередное собрание? — предчувствуя что-то плохое, спросила она. — Я... я... я не могу, у меня горло совсем плохое, — произнесла она задыхаясь и в подтверждение своих слов тяжело закашлялась.

Брат Ветчина быстро оглянулся на неё, остановился, повесил сердечную лампу на крюк в стене и снял с себя пальто.

— Вот, держите, — недовольно произнёс он.

— Спасибо, — чуть не расплакалась девушка, натягивая одежду.

Они вышли на широкий мост перед воротами опреснительной станции, над которой парило несколько барж, как две капли воды похожих не те, что Майло видела в Старом квартале. На баржах виднелось множество людей, с её появлением среди них понёсся восторженный гул.

— Белая дева! Смотрите!

Народ стал наваливаться на оградительные перила, и баржи покачнулись — так много людей захотело взглянуть на неё. Девушке стало вдруг неудобно за свою слабость перед ним.

— Да-да! — закричал Брат Ветчина. — Она с нами, братья и сёстры!

— Да здравствует революция! — раздалось на одной из барж, и другие подхватили крик, перекинувшийся на соседние корабли.

Когда на веревочной люльке их подняли на стоявшую впереди баржу, Майло наконец поняла масштаб происходящего. В глубине между домами набилось более сотни барж.

— Это ещё что, — засмеялся бородатый мужичок справа от девушки, — Вы, Ваша Светлость, ещё других заводских не видели. Нас таких с десятков предприятий по всему городу, не меньше шестидесяти тысяч собрали, — радостно доложил он.

Майло повернулась к нему и испуганно оглядела жадно смотрящие на неё глаза за его спиной.

— Совсем кормить перестали, изверги, — прохрипела распухшая женщина из-за спины мужичка.

— Заступница наша, не подведи! — взмолился голос из толпы, и остальные одобрительно зашумели.

— Не подведу, — только и смогла полупшепотом вымолвить Майло.

Тем временем баржи уже двигались между зданий, откуда стекали потоки воды, светящиеся от сердечной пыли тёмным, красноватым оттенком. За одними рядами темнеющих глыб поднимались другие, а здания никак не кончались, не подавая признаков жизни. Заводской квартал казался вымершим, если бы не баржи, что несли на себе так много людей. Майло встала на самом носу передней баржи и всматривалась в темноту. Сборку, параллельно им, она заметила другую вереницу барж и повернулась. Оттуда подавали сигнал сердечными лампами.

— Вот и с насосной станции идут, — обрадовались в толпе, — ух, опомнятся эти дети красной луны там наверху, да поздно будет.

Майло вспомнила про свою жизнь там, наверху, и в груди стало невероятно пусто. Лицо Тэмена, искажённое гримасой ненависти, предстало перед ней, и девушка присела, чтобы не упасть.

Со временем к ним присоединились ещё несколько верениц, и потребовалось несколько часов, чтобы выгрузить собравшихся, когда процессия прибыла на огромную полукруглую площадь перед воротами. За это время группы успели собрать несколько нефтяных печей для обогрева, а три полевых кухни без остановки обслуживали собравшихся. Полная женщина, улыбаясь до ушей, плюхнула в миску Майло мутной воды с парочкой гренок. Девушка выпила воду залпом, не почувствовав почти никакого вкуса, но голод неожиданно отступил и даже кашель стал мягче. Она с благодарностью оглянулась на женщину, но та уже стояла к ней спиной, обслуживая других голодающих.

— Это ворота к древнему лифту, — пояснил Брат Ветчина, допивающий свою похлёбку, — они поднимут нас прямо на Площадь Согласия, оттуда мы двинемся ко дворцу и соединимся с нашими силами со второго яруса.

Майло кивнула.

— Братья должны доставить нам оружие прямо там, — махнул он рукой в сторону ворот, — в лифтовой шахте будет всё необходимое.

— А ты разве не пойдёшь с нами? — удивилась девушка.

— Нет, — покачал головой Брат Ветчина, — мне нужно организовать другую группу.

Майло кивнула.

— Ты сможешь говорить? — кивком Ветчина показал на толпу за спиной.

Девушка прокашлялась и постучала по груди.

— Смогу.

Допив похлёбку, Брат Ветчина отвёл Майло к наскоро сооружённой трибуне. Девушка поднялась на неё и тысячи глаз бросились к ней, забыв о голоде. Она долго смотрела на застывших людей, не способная охватить их всех, испытывая огромный, непередаваемый прилив сил.

— Мы пришли, — неожиданно для себя начала она громким и ясным голосом, с лёгкостью разнёсшимся по всей площади, — чтобы раз и навсегда разрушить несправедливость. Пусть они, — Майло вскинула руку вверх, — теперь живут здесь, — сказала она, опустив руку вниз. — А мы, — она обвела руками собравшихся, — будем жить там, — сказала она, вскинув обе руки вверх.

Толпа заплодировала.

— Но, — произнесла Майло, опустив руки, — между этими событиями лежит путь, — указала она за спину на ворота, — и нам нужно его пройти. Путь этот будет сложный. Трудный. И многие из нас не дойдут.

Она замолчала и обвела взглядом жадно внемлющие ей лица.

— Там, за воротами, нас ждёт оружие. И мы должны, взяв его в руки, показать нашим врагам, на что способен человек, загнанный в угол. Мы должны отомстить за унижения, что мы терпим поколение за поколением. За ржавые халупы, где мы живём и умираем, не видя солнца, пока они катаются на своих прогулочных парусниках по небу! По небу, которое они у нас украли!

Толпа взревела. И гул многократно отразился между уходящих в тёмную бесконечность зданий.

В это самое мгновение над их головами пронеслась белая молния. Толпа охнула, а кто-то даже бросился оземь. Молния исчезла так же быстро, как появилась, но ропот в толпе лишь нарастал. Майло оглянулась на Брата Ветчину, стоявшего под трибуной. Но тот сам с удивлением смотрел вверх.

— Знамение! — раздалось в толпе. — Счастливое знамение!

Эти крики разнеслись по площади и потонули в гуле радости. Майло смотрела на людей и не могла поверить, что происходящее реально. Но тут за её спиной раздался грохот и стали открываться ворота. Девушка оглянулась и с нарастающим трепетом взглянула в темноту за ними.

Белую молнию видела и Мита над площадью перед Колизеем. Хрустя красными башмачками по осевшей сердечной пыли, придававшей красный оттенок всему нижнему ярусу, погружённому во тьму, она шла совершенно одна между пустых столов, напуганная и грустная. В груди ныло и просилось наружу неприятное чувство тревоги. Она ужасно боялась опоздать. События принимали критический оборот, а ритуал никак не выходил. Поэтому её влекло туда, где ей в последний раз повезло — на перекресток Канала и Переулка Слепых.

На пустом рынке за её спиной темнели две чёрные фигуры на лошадях, от них у Миты мурашки носились по коже. Она нутром чуяла, что они могут увидеть её, даже если она решит спрятаться между волн их внимания, как это было с тем стариком и посыльным, поэтому она поспешила к торговым рядам. Но её ногу схватила чья-то тоненькая рука. Совсем маленький ребёнок смотрел на неё из-под стола. С ног до головы чумазый, он жалобно вглядывался в глаза Миты, показывая пальцем в рот. Девочка вздохнула, присела и достала из сумки завернутую в бумагу лепёшку, разделила пополам и отдала ребёнку. Из темноты под столом появилось ещё несколько пар глаз, и они принялись жадно делить хлеб между собой.

На углу площади она заметила свет в шатре с надписью «Улов с верхов». Постучав по прилавку, торчавшему из вырезанного в ткани окошка, она жалобно попросила поесть.

— Нету еды, нет, один мусор, — раздался злой женский голос из глубины ларька, загремели какие-то склянки и послышался плач.

Мита прекрасно видела, что женщина жует что-то в темноте.

— Теперь я никогда не скажу вам, где казнят Шамса Расморе, — крикнула девочка и побежала.

Позади в шатре послышались крик, грохот падающих шкафов и посуды.

В доме, куда привели её когда-то стражники, было пусто и темно. Новый замок с ключом валялся на ступеньках перед дверью, а сама она похлопывала от сквозняка, проникавшего через заколоченные окна. Немногочисленные вещи успели покрыться паутиной, но по углам всё ещё пахло тухлой рыбой. Девочке даже пришлось закрыть нос рукавом, когда она открыла дверь и запах вырвался из помещения прямо ей в лицо.

Зог, забытый своим «хозяином», так и сидел, уставившись в стену на втором этаже рядом с матрасом. Мита долго смотрела в выбитое окно, а затем сбегала к каналу за водой и заправила металлическую собаку. Та постояла какое-то время без движения, но потом всё же завелась и обернулась на девочку.

— Теперь я твоя мама, — произнесла она, — поможешь мне найти одного несчастного? Собаки же для того и нужны.

Зог склонил голову на бок и выпустил из ушей пар.

Девочка уселась на пол и достала из сумки намотанные на палочки разноцветные нитки. Подозвав Зога, она зацепила несколько ниток за металлические клыки и сказал собаке:

— Тяни, попробуем теперь так.

Зог послушно отошёл, упираясь задними лапами, и нити, оставшиеся другими концами в руках девочки, натянулись. Мита достала из сумки колбочку с пылью и подула на нити. Те завибрировали и послышался звук. Они зазвенели под дуновением невидимого ветра, и чья-то незримая рука принялась играть на них мелодию. Девочка с надеждой уселась на пол, закрыла глаза и начала слушать. Зог последовал её примеру и тоже сел, как замороженный.

Перед глазами Миты поплыли облака, и она увидела зал с высоким тронем, где восседал старец в тёмной одежде. Это его она видела на площади во время представления. К нему через зал шла удивительной красоты женщина с ослепительно белой кожей.

— Моё почтение дому Амун, — поклонился старик.

Женщина промолчала и остановилась, не дойдя нескольких метров до трона.

— Зачем вы вызвали меня? — спросила она холодно.

— Вы сами знаете, — улыбнулся старик, поднимаясь с трона и выпрямляясь.

Он был выше, чем помнила его Мита. Женщина молчала.

— Что ж, я начну, а вы поправьте меня, если я ошибусь.

Он прокашлялся и спустился со ступенек, окружавших трон, к высоким окнам.

— Вы уже давно намереваетесь убить вашего мужа, — спокойно произнёс старик, — и единственное, что Вас останавливает, это то, что его защищает руна.

Женщина молча смотрела перед собой, ничего не отвечая.

— Так вот, смею Вам сообщить, Ваше Величество, — продолжил старик, — что есть одно условие, при котором руна допустит любое действие в отношении своего владельца. И вы, как я понимаю, этому условию удовлетворяете.

Королева Анастасия обернулась и посмотрела на Верховного.

— И каково же это условие?

Теперь уже Глава Культа обернулся на неё и улыбнулся своим морщинистым ртом.

— Видите ли, Ваше Величество, Сердце — бесконечный источник любви. И лишь любовь оно принимает за чистую монету. Так же и с руной. Она лишь поспособствует тому, кто совершает что-то из любви. Вы же, как я понимаю, любите своего мужа?

Видение стало пропадать, и Мита увидела перед глазами светящегося червяка. Его клевал маленький чёрный воронёнок. Птица сидела под куполом старого собора, чей свод венчала башня с витражом, отображавшим шесть гербов.

— Вот ты где... — прошептала девочка.

Она перехватила нити левой рукой, а правой нащупала ещё один моток. Она протянула её к видению и аккуратно обвязала червяка за хвост. Птица недовольно каркнула.

— Тише-тише, малыш, я же хочу тебе помочь, — ласково обратилась к нему девочка.

Но воронёнок вспорхнул и громко закаркал на неё. Видение исчезло, появилась склонённая на бок морда Зога. Музыка всё ещё продолжала звучать, изредка колебля нитки.

— Ну, что ты смотришь? — нахмурившись, сказала Мита. — Пойдём искать твоих глупых друзей.

Зог завилял хвостом.

— И нечего радоваться. Нечему, — сказала девочка, поднимаясь.

Герцогиня тоже видела белую молнию. Из кабинета, когда-то принадлежавшего Перлеглозу Трокийе, ей хорошо был виден «Сад» и верхушки зданий заводского квартала. Личная гвардия герцога Левотургоста двумя полками заняла замок, не встретив никакого сопротивления. Ополчение замка давно было направлено на стену, а молодая Трокийя и её братья и сёстры лежали теперь мёртвые перед ногами Ки. Так, по крайней мере, казалось на первый и даже на второй взгляд. Герцогиня ждала, проверяя каждого на предмет исполненной иллюзии. Великий мастер умел это лучше, чем кто бы то ни было, и обучил всю свою семью этой уникальной технике. Но лучшей ученицей Перлеглоза была она. А ведь даже ей не было подвластно держать фантом дольше получаса. К её удивлению, мертвецы оставались мертвецами уже много дольше, и Ки отправила пузырьёк в руках Флавии на экспертизу.

Поправив чёрную шляпку с вуалью, закрывавшую её потемневшие глаза, она обернулась к пожилому генералу личной гвардии герцога Левотургоста.

— У вас же хватает свободных рук в снабжении?

— Так точно, Ваша Светлость.

— Тогда распорядитесь отправить всё, что найдёте на складе, на нижний ярус.

— Но, Ваша Светлость, в условиях военного времени...

— Вам ясен мой приказ?

— Да, Ваша Светлость, но...

Но герцогиня так взглянула в мутные от катаракты глаза генерала, что он, не смея возразить, лишь приложил два пальца к расшитой жемчугом треуголке и исчез за дверями кабинета. Герцогиня вышла вслед за ним на широкий балкон и увидела, что тот докладывает о её приказе герцогу. Ки подозвала одного из адъютантов, приставленных к ней «союзом».

— Нам нужно собрать максимум свободных войск недалеко от дворца. У нас появились точные списки верных полков?

— Ещё нет, — сглотнул молодой адъютант, — приходят противоречивые послания. Часть войск присягнула Узурпатору и отправилась на стену. Боюсь, если мы дадим прямой приказ о передвижении ко дворцу, нас тут же раскроют и заговор...

— Уже поздно что-то скрывать, — покачала головой Ки, — соберите всех, кого можете, кроме групп саботажа. К утру они должны быть у Южных ворот дворца.

Она внимательно посмотрела в глаза молодого человека.

— Вы понимаете меня?

Губы адъютанта задрожали.

— Да, Ваше Высочество, — кивнул он, трясась от волнения.

— Бросьте эту фамильярность и называйте меня герцогиня, — мягко сказала Ки, положив руку на плечо юноши, — всё будет хорошо.

Молодой человек покраснел.

Герцогиня оглянулась и жестом подозвала герцога Левотургоста, стоявшего в окружении людей в военной форме.

— Липрин, — обратилась она к нему шёпотом, когда он, поклонившись ей, встал рядом, — мы должны атаковать Культ сейчас.

— Но ты же сама только что распорядилась... — начал было герцог.

— Мы должны знать, что он задумал. Никаких новостей, никаких арестов. Сняли осаду с моего замка. Культ словно никогда не существовал. Завтра вы соберёте силы для штурма, но мы должны попасть туда сейчас. Он что-то задумал. Надо найти его и убить, пока не поздно.

Левотургоста внимательно смотрел на герцогиню.

— Я всё думала над тем, что тебе удалось узнать, — вздохнула Ки, — о том, что он переделал тюрьму под сердечные печи. Значит, он готовился сжигать оживлённых и знал о готовящейся войне. Но я не сообщала ему. Я сообщила вам.

Брови герцога поползли вверх.

— И он затаился. Культистов нет на стене, они заперлись во дворце, — продолжила герцогиня, — это пугает меня больше всего. Он чего-то ждёт. Мы должны сыграть на опережение.

— Мои посыльные не достигли цели, — вздохнул Липрин, — а пост на дамбе был взят на абордаж.

— Поздно, — покачала головой Ки, — исход сражения решим мы, если обезглавим Культ.

Левотургоста опустил голову и шаркнул своими сияющими сапогами с золотыми шпорами.

— Смотрю, тыходишь во вкус, — тихо сказал он, — я даже не на шутку думаю предложить тебе возглавить новое правительство.

— Нет, Липрин, это не для меня, — горько улыбнулась герцогиня, — со мной всё кончено. И давно.

Герцог Левотургоста со смесью удивления, восхищения и испуга посмотрел на неё, вздохнул и кивнул.

— Так и быть, бери моих «чёрных камзолов» и отправляйся. Назначим командовать армией моего сына.

Ки присела в реверансе.

— Благодарю.

Герцог развернулся и жестом подозвал своих адъютантов.

— Я слишком долго ждала, — прошептала Ки себе под нос и выпрямилась.

Белую молнию видел и Верховный Глава Культа. Он сидел на своём высоком троне в приёмном зале и слушал инженеров, споривших друг с другом и никак не желавших договориться о каких-то наводках, что ловит приёмное устройство в Храме Сердца. В дальнюю дверь зала вошёл Париц и быстрыми шагами стал приближаться к трону. Верховный поднял руку и дал знак инженерам удалиться. Недовольные, они побрели за спину Верховного, исчезнув в маленькой двери за тронном. Париц остановился как раз там, где стояла в видении Миты королева Анастасия — в нескольких шагах от ступенек, поднимавшихся к месту, где восседал Глава Культа.

— Мы его не нашли, — тихо сказал Париц, — в замке мы обнаружили лишь какого-то дурака, рыбакащего в замёрзшем пруду. Однако в спальне мы обнаружили кровь. Неизвестно, чья она. Также присутствуют следы борьбы. Кровь была обнаружена и в лифте, ведущем в башню. В коридоре и в помойном стоке. Группа отправлена к каналу, но вряд ли...

— Хорошо-хорошо, — прервал его старик, глядя куда-то поверх фигуры молодого человека в темнеющее небо, — как подготовка к войне? — спросил он отстранённо.

— Предатели из Союза Свободы готовятся атаковать дворец на рассвете, — озабоченно сказал Париц, — наши саботажные группы заняли позиции у Нижних Южных ворот.

— Прелестно, — саркастически прокомментировал Верховный, — всё как всегда с этими людьми.

Он поднялся с трона и стал медленно, кряхтя спускаться к молодому начальнику Отдела особых поручений.

— Ну а ты-то что об этом обо всём думаешь?

— Я думаю, мы должны уничтожить мятежников, подавить готовящийся бунт и поддержать обороняющихся, — подумав, ответил Париц.

— Похвально, — кивнул старик, — но глупо.

Молодой человек с удивлением и ожиданием посмотрел на Верховного.

— В чём наша задача? — спросил тот вместо ответа.

— Служить Сердцу.

— Верно, — улыбнулся старик и проследовал к окну, в котором загорались огни вечернего города. — А что мы делаем для этого?

— Охраняем его, как делали многие поколения до нас, — повторил Париц заученную фразу.

— Верно. Так что же мы должны делать, когда над Сердцем сгущаются тучи?

— Охранять, — повторил Париц.

— Опять верно, — кивнул старик, не сводя взгляд с мерцающей дали, — мы ничего не будем делать кроме того, что уже делаем. Пусть псы дерутся за кость, мы сядем на того пса, что победит.

— Получается, мы блохи, Ваше Высокопреосвященство?

— Получается, — улыбнулся Верховный, повернувшись к молодому человеку, — но лучше быть блохой, чем мёртвым псом.

Дверь открылась, в зал вбежало несколько молодых служителей. Один из них подбежал к трону, плюхнулся на пол и забормотал что-то себе в рукава.

— Поднимись! — грубо схватив молодого культиста за шиворот, сказал Париц и поставил его на ноги.

— В-в-ваше Высокопреосвященство, — запинаясь, начал культист, — там внизу у ворот. Там... Там герцог Роя и войска Узурпатора Тэмена. Они требуют от вас сдаться.

Париц посмотрел на Верховного. Старик удивлённо глядел в пустоту перед собой. Глава отдела особых поручений бросился прочь из зала с криками:

— Закрывать проходы, объявить тревогу.

Верховный закрыл глаза и засмеялся.

Громким залиvistым смехом.

Глава 40

Рассвет был мутным от дующих на стену песков. Но звёздный купол уже розовел, и не успевшие спрятаться луны тонули в небесной синеве. Ручи в специальных очках, защищавших от песка, одним глазом смотрел в бойницу. Песчаная буря казалась ему уже не такой плотной, как раньше, словно бог ветра поперхнулся и сбавил силу своего дуновения.

— Как считаете, скоро они? — спросил его совсем ещё молодой граф в звании ефрейтора.

— Должны уже скоро, — голосом знатока ответил Ручи.

Он чувствовал себя не в своей тарелке, играя роль, на которую теперь был назначен. Сам себе он напоминал оживлённую вагонетку, вскочившую не на свои рельсы, а на те, что были чуть шире, и теперь изо всех сил пытавшуюся раздвинуть колёса, чтобы соседи её промаха не заметили.

Сбоку подполз солдат из роты Блопа.

— Господин лейтенант, — обратился он, лёжа, приставив к козырьку руку, — на нашей зоне заметили движение, но неясное. За скалами в песках... гора движется.

— Что за глупость, — нервно усмехнулся Ручи, — просто песок гуляет вокруг скалы, вот и кажется...

Но в этот момент слева от него раздался крик:

— Големы!

Лейтенант дёрнулся и привстал. Обернувшись на кричавшего и приготовившись засветить ему по лицу, он увидел, что по скале забиралась гигантская фигура, под её тяжестью скала ломалась и рушилась в пропасть перед стеной. Ударяя на спидере, бывший стражник не имел возможности хорошенько рассмотреть, как выглядят эти создания. Вытесанная древними мастерами, фигура эта была настолько нереальна, что Ручи, выпрямившись, застыл. Всё его отделение, лежавшее на полу перед бойницами на вершине стены, как по команде поднялось вслед за ним, разевая рты и тыча пальцами в гигантов — они разве что в сказках про таких читали! Благодаря своему высокому росту, Ручи заметил, что и стражники на противоположной от ворот стороне повставали, а капитан Щас даже запрыгнул на дымящую чёрным дымом механическую лошадь. Големы тем временем появлялись всё в большем и большем количестве. Скалы рушились под ними, открывая обзор на всё новых и новых гигантов. И не было им конца. Лейтенант, не зная, что ещё сделать, бросился по стене к другу.

Блоп стоял на сундуке с патронами, разинув рот и опираясь на каменный зубец.

— О луночки, ты посмотри, — кивнул он подбежавшему Ручи. — Они валят их и делают мосты.

Ручи обернулся и увидел, как големы сбрасывали в гигантский ров куски скал, застревавших в нём всё выше и выше. Одна группа умудрилась свалить настолько большой кусок, что тот упал прямо на стену. Раздался ужасный грохот и скрежет. Затем ещё и ещё, и белые облака поднялись над башнями возле ворот.

— Ура! Артиллеристы проснулись! — раздалось где-то за спиной Ручи, взглянувшего на друга и бросившегося бежать к оставленной им роте.

— Ложитесь! — кричал он, подбегая. — Ложитесь, ищите укрытие!

Чутьё его не подвело. В ответ на залпы их артиллерии слышались выстрелы врага и крупный снаряд снёс край ближайшей к ним башни, отчего на его людей посыпались осколки.

Когда лейтенант подбежал, он обнаружил нескольких убитыми, но хуже было с ранеными, кричавшими о помощи, а лазарет, что еле успели развернуть, был на несколько этажей ниже.

— За укрытия! Отходим от башни! — скомандовал он, увлекая оставшиеся отделения за собой к зубцам.

— Бери своих и уносите раненых за мешки, — крикнул он ефрейтору, но тот лишь хватался за уши и мотал головой.

Ручи ударил его по щеке, и молодой человек, как показалось лейтенанту, пришёл в себя.

— Усёк? — крикнул Ручи и удивился этой чужой фразе, выскочившей из его рта.

Ефрейтор кивнул и пополз между зубцов к своему отделению. Но он не успел проползти и нескольких метров, как пропал в дыму и грохоте. Лейтенант замахал руками, пытаясь развеять налетевшую пыль. Голова гудела, звенела, но даже сквозь этот шум и гул он слышал душераздирающие человеческие крики. Глаза его слезились, и картинка плыла, он хотел что-то сказать, но рот лишь глупо открывался и закрывался. Он с трудом встал, опираясь на осколок стены перед собой. Ветер развеял дым, и Ручи увидел корабли, выходившие из-за скал. Один из них, большой галеон, дымился от бортового залпа, только что произведённого по стене. Лейтенант повернул голову и увидел, что башни слева от него уже не было, а вместо неё зияла пустота. Над пустотой проплыл фрегат, а за ним, разворачиваясь бортами к галеону, ещё один.

— Наши! Наши идут! — услышал он крик, но не смог понять, кто кричал, потому что из дыма над ним возникла летающая платформа, откуда спрыгнул ужасающего вида деревянный кролик с двумя топорами.

Лейтенант, повинаясь инстинкту, выхватил пистолет из кобуры и выстрелил. Он попал оживлённому в лицо, но это ничуть не смутило нападавшего. Его нарисованный рот скривился в улыбке, и он бросился на Ручи, замахиваясь топором. Кролик уже должен был бы снести лейтенанту голову, но наперерез ему выскочил солдат из роты Ручи и штыком ударил нападавшего в бок, отбросив к зубцам. Лейтенант опомнился, схватил розданный им сердечный порох и бросил на кролика. Когда солдат поднялся, освободив обзор, Ручи выстрелил в порох и оживлённый, закричав, вспыхнул алым огнём.

— Так тебе, урод, — вымолвил лейтенант и еле успел пригнуться, как над его головой раздался стрёкот пулемёта.

Он оглянулся и увидел, что за его спиной зубцы ещё целы, и две трети роты прячется под их защитой, а над ними, в дыму, мелькают тени полицейских скутеров. Подбежав к бойнице, Ручи увидел, что фрегаты оттеснили галеон к скалам, а полицейская флотилия не дала мелким кораблям дальше проводить свой рейд по стене. Фигура капитана Щаса на противоположной от ворот стороне кричала что-то воодушевляющее стражникам, бесстрашно гарцуя под пулями на серой механической лошади.

— Может, у нас и есть шанс, — прошептал лейтенант себе под нос, а затем обернулся к солдатам и незнакомым себе голосом громко повторил: — У нас есть шанс, мы сомнём их ещё до полудня!

Барон стоял на мостике и смотрел в подозрную трубу с тепловидением. Снаряд со стены пролетел прямо над его головой, но мужчина даже не пошевелился.

— Артиллерия готова? — спросил он у Акбы, застывшего подле него.

— На подходе, — тихо прорычал тигр.

Барон сложил трубу, посмотрел на Акбу и произнёс:

— Тогда поднимайте из трюма ящик, привезённый из мастерской.

Акба кивнул и направился вниз на палубу, похлопав по плечу Веги, стоявшую рядом. Големы под огнём фрегатов валили скалы и скоро должны были создать достаточный плацдарм, чтобы пересечь ров, но совместный огонь с кораблей и башен уже повредил одного, и тот с грохотом свалился в пропасть сам.

— Они ждали нас, — скрежеща зубами произнесла Вега за спиной Барона.

— Спасибо, я ещё могу видеть, — процедил главнокомандующий.

— Отступаем?

— Ты что, рехнулась? — разозлился Барон. — Лети и готовься к высадке, план не меняем. Полутигрица посмотрела на мужчину, но, увидев уверенность в его спокойном взгляде, кивнула и направилась вниз к скутеру на палубе.

Акба помахал Барону с грузового лифта. Ящик, доставленный Джо, стоял рядом с ним. Мужчина сделал знак тигру открывать. Акба кивнул и двое оживлённых стали снимать деревянные стенки. Когда они упали, солнце осветило сидевшего в центре ящика Снорри. Он щурился от света и сжимал на груди горн, вырезанный им из дерева.

— Красная луна, — пробормотал Барон.

— Давно не виделись, — крикнул ему здоровяк, потирая пожелтевший синяк под глазом. — Не ожидали, ваше высочество? Или уже величество, я никак не разберу.

Барон приблизился на два шага к перилам, ограждавшим капитанский мостик.

— Тот, кто жаждет власти, получит лишь смерть, — вымолвил Снорри, — ты ничему не научился, ваше высочество.

— В трюм его! — громко сказал Барон. — В клетку!

Снорри начал было подниматься, но несколько перворождённых птиц пушкарей и оживлённый паровой кот схватили его и потащили к дверям на нижние палубы.

— Ты глупец, ты всех нас погубишь! — прокричал, упираясь, здоровяк.

Он хотел крикнуть что-то ещё, но его заглушил залп, с правого борта, отчего галеон заметно накренился.

— Заткните его, — крикнул Барон, когда стих грохот, и паровой кот треснул своей металлической лапой Снорри по затылку, отчего тот замолчал и сник.

Барон молча проводил удаляющиеся фигуры, потонувшие в белом дыме от пушек, а потом обратился к Акбе:

— Действуем по плану, ждём артиллерию и начинаем высадку.

За его спиной упал в пропасть ещё один голем.

Мита, не оглядываясь, бежала по среднему ярусу стены между носилок с ранеными и телег с убитыми. Она добралась до лифта как раз в тот момент, когда тот начал грохотать и подниматься, нагруженный снарядами для артиллерии.

— Дяденька-дяденька, мне с вами! — закричала она усатому старику в военной форме за решёткой лифта.

— Никак нельзя, юная леди...

Он развёл руками, но тут же отпрянул, потому что Зог, нагнавший девочку, вцепился в решётку и выдрал её. Мита запрыгнула внутрь, а собака следом за ней.

— Ну, знаете ли, — покачал головой старик и удалился за ящики.

— Спасибо, — присела девочка к собаке, у которой дымились уши, — знаю-знаю, скоро найдём тебе воды.

Зог наклонил голову и щёлкнул зубами. Девочка взглянула вверх, на потонувшую в дыму вершину стены.

— Как долго, — пробормотала она.

Лифт полз со скоростью черепахи, а впереди было ещё великое множество этажей.

Девочка обогнула ящики с боеприпасами, где исчез старик, и увидела, как он старым ржавым стаканом черпает из бочки воду. Мита подошла к нему сзади, и он потеснился, пуская её. Девочка нагнулась и отвинтила крышку на спине у подбежавшего Зога. Руками она стала черпать воду и заливать её в механического пса. Старик скривил губы, стаканом зачерпнул воду и налил в собаку.

— Спасибо, — кивнула девочка, заворачивая крышку на собаке, — а вы случайно не знаете, как бы нам поскорее на стену добраться?

Старик снова смерил её недовольным взглядом, а затем поднял палец и показал на красную линию на стене, нарисованную свежей краской. Мита тоже взглянула на неё, а когда обернулась, то старик стоял уже возле рычага.

— Хватайся за что-нибудь, — прокряхтел он.

Девочка только сейчас заметила, что все ящики на лифте были пристёгнуты растяжными жгутами к толстым металлическим кольцам, выступавшим из пола. Лифт подобрался к красной линии, старик выглянул за борт и, убедившись, что внизу никого нет, дёрнул за рычаг. Под лифтом заурчало, и он качнулся. Девочка схватилась за ящик с патронами и почувствовала, как их начало поднимать вверх быстрее и быстрее. Внизу заработало два сердечных двигателя.

Не доезжая до верхней галереи стены, двигатели затормозили, и рычаг автоматически вернулся в исходное положение. Сверху засвистели пули, и повалил такой густой дым, что невозможно было разобрать, что происходит. Перед глазами Миты замелькали чьи-то ноги и несколько солдат схватили ящик, за который она до сих пор крепко держалась. Мужчины, не замечая её, понесли патроны к пулемётному дзоту. Вокруг грохотало, и девочка никак не могла сориентироваться, чтобы разглядеть происходящее. Солдаты поставили ящик рядом со стрекочущим пулемётом и исчезли.

— Зог! — позвала Мита. — Ты где?

Но в таком шуме механический пес вряд ли мог услышать её.

Девочка поднялась и постаралась сконцентрироваться. Рядом что-то хрустнуло и пулемётный огонь прекратился. Мите удалось оглядеть внутренним взором пространство метров на десять вокруг себя. Пулемётчик лежал за её спиной с простреленным через стеклянные очки глазом. На широкой открытой галерее было разбросано ещё несколько человек, и двое оттащивали раненого, на чьей голове догорал сердечным огнём мешок с глазами, пытавшийся его удушить. Девочка, преодолевая страх, сделала шаг на открытое пространство и, пригнувшись, побежала вдоль зубцов. Кто-то закричал и кинул ей в спину проклятие. Похоже она наступила на ещё живого человека. Но девочка не оглядывалась, её видение было нечётким, и она лишь мысленно просила прощения у всех, кого задела. Впереди замаячила фигура толстяка. Раненый в ногу, он сидел и стрелял в воздух. Солдат подносил ему патроны, а лейтенант Блоп палил без разбора над собой. Мита, побежала к нему и закричала прямо в ухо:

— Где он?

Толстяк не сразу понял, кто с ним разговаривает, а затем, узнав девочку, бросил ружьё и принялся обнимать её. Мита вывернулась и закричала ещё раз.

— Где он?!

Блоп махнул рукой куда-то дальше вдоль стены. Мита помедлила лишь мгновение и побежала дальше.

— Постой, — прокричал толстяк, — подожди!

Он, опершись на ружьё, с трудом поднялся, но девочка не слышала его, а спешила дальше, где возле разрушенной башни окопалась рота лейтенанта Ручи. Его самого девочка увидела не сразу, на стену высадился очередной десант из оживлённых, и люди в рукопашную рубили деревянных чудовищ и один платяной шкаф. Шкаф закрывал лейтенанта собой, пытаясь схватить его створками. Ему удалось повалить его, но тут из дыма возникли несколько солдат и оттащили оживлённого от командира. Они бросили на шкаф сердечный порох и подожгли его. Тот закричал.

— Не вижу, я ничего не вижу! — звучал душераздирающий, скрипучий, как несмазанные петли, голос.

Сверху послышался свист, и над головой солдат проплыла гигантская громада дирижабля, закрывшая небо. С неё полетели вниз веревки, откуда посыпался новый десант. Мимо пролетела металлическая платформа. Ручи поднял пистолет и выстрелил. Платформа покосилась, и с неё упал человек в широкой шляпе. Она врезалась в остатки башни, откуда из дыма и пыли появилась Мита. Лейтенант протянул к ней руку и хотел уже сделать шаг. Но страшный грохот и скрежет поглотили его фигуру, окутав всё пространство пылью и дымом. Девочка отвернулась от полетевших в неё осколков стены и присела. Казалось, это землетрясение. Блоп приковывал к Мите как раз вовремя, чтобы в рассеивающейся пыли увидеть огромный кулак голема, на том месте, где стоял его друг. Толстяк припал на одно колено, и слёзы сами покатались из его глаз. Мита подняла голову и с ужасом увидела приближающееся лицо гиганта, залезавшего на стену. Она не сразу поняла, что Ручи больше нет и искала его взглядом. Девочка и не заметила, что кто-то тянет её прочь из опасного места. Зог схватил Миту за край платья и изо всех сил, упираясь лапами, тянул за собой. Его тело было прожжено в нескольких местах сердечным порохом, а он изо всех сил пытался вырваться из ушей паром, пытаясь увести девочку. Блоп оглянулся и увидел собаку.

— Зог, ты вернулся, — проглатывая слёзы, с трудом произнёс лейтенант.

Но собака лишь громко зарычала, и толстяк пришёл в себя. Он поднялся и, схватив Миту в охапку, побежал по стене прочь от гиганта, не обращая внимания на боль в ноге.

Добежав до лестницы на нижнюю галерею, он опустил девочку, схватил попавшуюся под руку палку и обвязал куском содранной с груди рубашки вокруг ноги. Мита, словно во сне, смотрела на место, где заползал на стену голем. Зог, защищая её, вертел мордой и злобно рычал на мелькающие в дыму тени.

— Вот ведь беда, — пробормотал себе под нос Блоп, — как же нам так не повезло, как же так...

Он поднялся, попробовал свой протез и, схватив девочку, побежал вниз.

На башне Святого Бомбарды, на крыше его более современной пристройки Гудди смотрел на поднимающийся с юга дым.

— Ты ведь понимаешь, что всё это из-за тебя? — нервно перебирая щупальцами, спросил парящий рядом Рауд.

Оживлённый вернулся из дальнего полёта мысли и удивлённо посмотрел на осьминога.

— Почему? — покачал он головой.

— Потому что если бы ты сказал про Лилу, то наши друзья сейчас не гибли бы напрасно, — пытаясь выдернуть из головы рог, злился Рауд.

— Я пытался сказать, — нахмурился оживлённый, чувствуя, что раздражение заполняет его, как сосуд, — но вы не слушали, а смеялись надо мной.

— Ты... мы... ты нёс какую-то чушь про нижний мир, как это связано с тем, что Ли́ла была шпионом Культа?

Гудди махнул рукой и направился к Заре.

— Не смей вот так уходить от ответа! — закричал Рауд.

Оживлённый подошёл и посмотрел на ворота дворца Узурпатора.

— Может, не будем ждать? — кивнула девушка на Красную площадь перед воротами, где собирался испуганный народ со второго яруса.

— Мы можем спровоцировать их на что угодно, — покачал головой Вульфи, — надо ждать.

Перед толпой, на мосту, оживлённые дуболомы возводили на плахе гильотину, а палач в чёрном колпаке точил на всякий случай топор.

Рауд подплыл к оживлённому, собираясь продолжить изливать своё возмущение, но внизу, слева, в Рабочем квартале прогремел взрыв и чёрный дым повалил вверх, как из трубы.

— Наш заряд, — пробулькал удивлённый осьминог.

— Завод дыма? — спросил Гудди, оглядываясь в сторону чёрного облака.

— Да, — булькнул Рауд.

— Смотрите! — крикнула одна из обезьянок.

Внизу слышались возгласы, а на мосту забегали посыльные.

— Поднимают, — сказала Зара, указывая на лифт, медленно ползущий с крыши тюрьмы на мост.

На лифте стояло на коленях несколько человек. Гудди присел и сложил руки в бинокль. Он увидел Герду рядом с полным мужчиной средних лет, за его спиной Йахомари и ещё несколько неизвестных. Зара бегала взглядом, пытаясь найти знакомую макушку Этеля, но не видела её.

— Где же он? — воскликнула девушка.

— Там, — отозвался Гудди, — ждите, когда подведут к эшафоту, начнём.

— Нет, его нет, — прошептала девушка.

Осуждённых вывели из лифта и выстроили перед лестницей, поднимающейся к гильотине.

— Я всего лишь хотел обратно в тюрьму, — бормотал стражнику мастер Канаан, стоявший первым в очереди, — зачем же казнить?

— Да-да, — подхватил выглянувший из-за его спины Расморе, — я настоящую рыбу, можно сказать, в первые в жизни ловил, герцог Роя мне разрешил.

— Идти, не молотить языком, — рявкнул стражник.

Он грубо толкнул обоих в спину, и те со скованными за спиной руками упали на деревянную лестницу и ударились лицами. Стражник, ругаясь, поднял обоих и потащил за

собой наверх. Стоявший третьим магистр Астолок был так же спокоен, как в тот день, когда его отвезли к Начальнику Отдела особых поручений. Он наблюдал за происходящим совершенно безучастно, вылавливая такие детали, которые другой бы в этот день совершенно не заметил. Маленькая голубая совка на эшафоте, блестящий белый рыцарь на такой же белоснежной лошади, поднимающийся с крыши. Всё это было для магистра настолько удивительно после многих дней в тюрьме, что он просто наслаждался этими последними минутами своей странной и немного забавной жизни.

Герда стояла за ним, зажмурив глаза, и молилась неизвестно кому — то ли лунам, то ли Сердцу, то ли тому, кто готов услышать. Гох Парфарес за её спиной тяжело дышал от переполнявшего его безымянного чувства. Он смотрел на головы людей за эшафотом, людей, чьи жизни он защищал всю свою карьеру. И это зрелище сформировалось в его голове в неожиданную мысль, что смерть есть доказательство глупости всех убеждений человека, всего, чем он жил. Бренные, как и тело, они покинут этот мир вместе с ним. А ежели что и останется, то будет извращено потомками до полной своей неузнаваемости.

Палач усадил бормочущего что-то нечленораздельное Мастера Канаана на стул и положил голову в ложе гильотины, закрепив сверху. Лезвие сверкнуло на солнце, чьи последние лучи пробивались сквозь затягивающие небо чёрные тучи, пришедшие с завода. Раздался хлопок, и верхняя часть гильотины, пронзённая яркой вспышкой, отлетела. По эшафоту разбежались электрические разряды, и толпа ахнула, увидев, как белый рыцарь на реактивной лошади приземляется на него с неба. Он прыгнул на деревянный пол и, вынув из ножен безупречной формы меч и положив его на плечо, двинулся на двух чёрных рыцарей, стоявших на мосту. Испуская чёрный дым, рыцари тронули лошадей в его сторону, опустив тяжёлые пики. Место рыцаря на коне заняла русоволосая девушка и, развернув пику в сторону приближающихся из толпы стражников, дала залп. Вспышка, хлопок — и на месте несчастных осталась лишь горстка пепла.

Гудди, осьминог и обезьянки, прыгнули на охранявших осуждённых стражников. Рауд своим излюбленным приёмом обхватил лицо одного из них и принялся душить его, стуча попутно рогом по голове, пока тот пытался вытащить из кобуры пистолет. Гудди же сбил своего противника с ног, просто упав на него. Он поднял голову, чтобы поймать взгляд Герды, полный удивления и восторга, но тут же получил от другого стражника прикладом по голове. Повалив оживлённого, тот снял с пояса выданный ему сердечный порох, высыпал на Гудди весь мешок и выстрелил. Пуля подожгла порох и отрекошетила стражнику по шлему, отчего он упал на землю совершенно оглушённый. Гудди поднялся, отряхивая с себя шипящий сердечный огонь.

— Не берёт, — прохрипел другой стражник, прыгнул на лифт и пустил его вниз.

Зара тем временем развернула лошадь и метила в чёрных рыцарей, но ей мешала фигура противостоявшего им белого успевшего отрубить одной из лошадей голову, а второго наездника лишить пики. Выругавшись, девушка развернула лошадь и увидела над площадью приближающиеся к ней полицейские скутеры. Резинка слетела с волос девушки, и разлетевшиеся на ветру локоны помешали ей целиться. Обезьянки и магистр Вульфи в страхе прижались к её спине. Вновь вспыхнуло и послышался жуткий треск. Зара чудом попала в один из аэроциклов, и тот стал падать прямо на эшафот. Люди в толпе наконец опомнились, закричали и бросились в рассыпную. Летящий мотоцикл врезался в эшафот, где дёргался зажатый в гильотине мастер Канаан. Остальные скутеры пошли на второй заход над площадью.

— Нам нужно торопиться! — закричала девушка.

Гудди снял с пояса электрический резак, выданный ему магистром Вульфи, и принялся снимать кандалы заключённых.

— Я верила, я знала, что ты придёшь, — прошептала ему Герда, когда он освободил её руки.

За их спинами белый рыцарь уложил обоих чёрных и победно засунул меч обратно в ножны. В правом плече его зияла крупная дыра со следами чёрной краски.

— На площади! — раздался сверху крик Зары.

Гудди передал осьминогу резак и взбежал на горящий эшафот. В мешавшем обзору пламени он увидел, что среди толпы к ним едет около сотни чёрных рыцарей.

— Я не могу по ним стрелять, там люди! — крикнула девушка.

Сместив лошадь вбок, Зара уклонилась от очереди двух скутеров, сверкнувших между шпилей, а затем бросила лошадь за ними и исчезла из поля зрения оживлённого. Гудди подбежал к застрявшему в гильотине мужчине, но тот сидел уже без движения, на теле его виднелось множество пулевых отверстий. Ещё один человек, его молодое лицо было почему-то знакомо оживлённому, лежал перед лестницей, держась за грудь, на его губах была кровь. Оживлённый обернулся на осуждённых, которых белый рыцарь и осьминог отводили к воротам, к началу моста, где за высокими зубцами можно было спрятаться от пуль.

— Идём! — крикнул ему осьминог.

Гудди последний раз взглянул на площадь и побежал вниз на мост. По спине его забарабанили пули.

Возле ворот он остановился и бросился к спрятавшимся за каменным укрытием беглецам. Рядом приземлилась Зара, нацелив копье на противоположную сторону моста.

— А где магистр? — крикнул Гудди.

Но тут же рядом приземлился скутер, за рулём его сидели обезьянки, а Вульфи, схватившись за пулемёт, занимал пассажирское кресло.

— Полицейские были так любезны, что предоставили нам свой транспорт, — усмехнулся старик, подмигнув оживлённому.

Эшафот заволокло чёрным дымом, и на нём показались рыцари с не менее чёрными псами, которые, клая зубами, бросились через мост. Зара выстрелила, и первую порцию врагов сожгло на месте. Рыцари остановились. Но, как набегающая волна, под ними появились новые псы и бросились вперёд.

— Зараза, давай, — прошептала девушка, нажимая и нажимая на гашетку, но копье ещё не перезарядилось.

Вспышка грохнула, когда псы добрались до середины моста, их раскидало и отбросило назад, забарабанив по броне рыцарей, отчего некоторые попадали со своих коней.

Герда бросилась к Гудди, обняла и поцеловала его в забрало.

— Смотри, папа, это он, — обернулась девочка к бывшему начальнику полиции.

Мужчина улынулся и подвинулся ближе.

— Так это ты выкрал у меня грифона? — покачал он головой из стороны в сторону.

Гудди неуклюже поклонился, горевший изнутри от окрыляющего чувства и одновременно стыдящийся его до степени крайней и не менее обжигающей. Борьба эта достигла невообразимого пика, и мучению его в следующую же секунду пришёл конец. Он поднял взгляд на отца девочки.

— Как мне добраться до храма Сердца? — спросил он спокойным и уверенным голосом.

За спиной оживлённого раздался новых хлопок. Парфарес нахмурился.

— Тебе туда зачем?

— Мне нужно вернуть кое-что Сердцу, — произнёс Гудди, пытаясь снять крепления у грудной брони и показать содержимое грудной клетки.

— Верь ему, — кивнула, поднимаясь, Йахомари, — у него в груди одна из рун, я видела своими глазами.

Оживлённому наконец удалось открыть свою грудную клетку, и все собравшиеся уставились на сияющий осколок в его груди. Руна пульсировала и переливалась всеми цветами радуги.

Не обращая никакого внимания на радужный свет, Зара спрыгнула с лошади, уступив место белому рыцарю, и бросилась к осуждённым, прятавшимся за зубцами. Её глаз бегали по лицам, не узнавая их, и тут её взор упал на калек с изуродованной рукой и исковерканным лицом, совсем без зубов, прятавшимся от её взгляда и забившимся в самый дальний угол.

— Этель, — дрожащим голосом произнесла девушка.

Калека застыл и поднял на неё печальные исстрадавшиеся глаза. Девушка подбежала, упала перед ним на колени, обняла и зарыдала.

— Что они с тобой сделали? — причитала она, глядя его обожжённую голову.

— Ты фофсем не фыпиляфиф, — прошамкал Этель, — фато я фепефь фепефяфлю фа тефя.

Зара горько рассмеялась, глотая слёзы.

— Я здесь, здесь, я не брошу тебя больше. Прости меня, прости, пожалуйста.

— Фсё хофофо, — похлопал он её по плечу, — не пепефыфай.

Снова вспыхнуло и раздался хлопок.

— У нас мало времени, — произнёс магистр Вульфи, — они задавят нас числом.

Гох оглянулся на мост, откуда наступали новые шеренги чёрных коней.

— Что ж, если ты действительно собираешься сделать то, что говоришь, — посмотрел он на оживлённого, — я проведу тебя к Сердцу.

Он обнял дочку.

— Но её я туда не пущу. Это дорога в один конец.

Гудди посмотрел на Герду, и его нарисованные глаза заблестели. Она вновь бросилась к нему и обняла. Отпустив оживлённого, девочка оглянулась на летающую лошадь.

— Я прикрою вас, — кивнула она на рыцаря, — вам понадобятся все силы, что у вас есть.

Парфарес хотел что-то возразить, но передумал и кивнул дочери. Гудди посмотрел на Йахомари, она тут же кивнула в ответ. Затем он взглянул на осьминога.

— Я не собирался умирать именно сегодня, — задумчиво пробулькал он, почесывая рог, — но деваться некуда.

Рауд обернулся на Зару, не отпуская Этеля.

— Моя королева, вы с нами?

Зара отрицательно замотала головой.

— С меня хватит чужих историй, скользкий, — произнесла она, сглотнув слёзы, — мне надо разобраться со своей. Вы знаете, где моя сестра? — спросила она у бывших узников и тут же уточнила: — Белая дева, невеста Узурпатора Тэмена.

— Вот это у тебя родственники, — хмыкнул невзрачный заключённый, чей голос показался Этелю очень знакомым, он много раз слышал его в тюрьме.

— Она, говорят, на нижнем ярусе, революцией командует, — хмыкнул он, и Этель уже безошибочно узнал в нём «осведомлённого из соседней камеры». — Но говорят, что всё это обман и проделки Культа, и никакой революции не будет, а их просто всех как пушечное мясо пустят на корм неприятелю за стеной.

— Где её найти? — вспыхнула Зара.

— Говорят, у нижних ворот, на юге, — пожал плечами невзрачный заключённый.

Майло бродила в темноте среди коробок со старыми винтовками, пытаясь найти Брата Ветчину, но тщетно. Она переживала, что так и не поблагодарила его за спасённую жизнь. Он пропал ещё перед тем, как она легла спать. Девушка помнила, как он что-то говорил про дела, но после тревожного и непродолжительного сна, никак не могла вспомнить, какие. Где-то вдалеке грохотало, словно стрелял салют, и люди тревожно поднимали головы кверху, не в силах понять, что грохочет и где. Их армия бедняков покинула площадь и переместилась в буферную зону внутри стены, за воротами, перенесла свой лагерь туда. Помещение действительно напоминало лифтовую шахту, но механизмы были незнакомыми и даже рабочие не могли толком объяснить, что это за место. Гигантские ворота, куда они вошли, стояли распахнутые и оттуда шёл какой-никакой, но свет, и дул противный холодный ветер, пронизывающий хрупкие кости Майло даже через много слоёв одежды, выпрошенную у людей в лагере. Они охотно жертвовали ей свои обноски, даже если сами оставались почти нагишом. Майло же выглядела настолько измождённой и чувствовала себя так плохо, что отказать ей не могли.

— Белая дева, — обратился к ней сгорбленный человек с единственным глазом, чей белый зрачок светился из кучи лохмотьев, — я ненавижу стражу.

Майло остановилась и с сочувствием посмотрела на несчастного.

— Они спускаются в «топь», чтобы поохотиться на нас. Сволочи. Они убили мою сестру. Недели не прошло...

Монолог сгорбленного прервали ворота, заскрипевшие и загрохотавшие, начав закрываться. Все вокруг схватились за уши. Звук был ужасающим. Часть толпы бросилась к ним, но добежала, падая от усталости, когда те почти закрылись. Полная женщина, раздававшая похлёбку, кричала и стучалась в ползущую гигантскую створку.

— Пустите, я не с ними, — верещала она, — нет, нет, нельзя, мне нельзя умирать.

— О чём вы? — спросила её подбежавшая Майло, тронув руку, молотившую о холодный металл.

Женщина обернулась к ней и широко улыбнулась, затем спохватилась и вновь стала колотить в уже остановившуюся створку.

— Это недоразумение, — лепетала она, — я не должна здесь быть, я мадам Лай. Разве вы не знаете? Они позвали меня напоить вас моей микстурой. Меня должны были забрать. Забрать отсюда.

Женщина опустилась на пол и заплакала.

— Всё кончено, — схватилась она за голову, затем вскочила и побежала через погружённый в почти полную темноту лагерь. — Всё кончено!

Майло обернулась как раз в тот момент, как ужасный скрежет и грохот раздались с другой стороны зала. Девушка застыла совершенно ошарашенная, потому что из открывавшихся с другой стороны таких же гигантских ворот хлынул свет. Люди повскакивали со своих мест.

— Ура! — закричал кто-то вдалеке.

Майло бросилась бежать вслед за мадам Лай.

Пока она добралась до противоположного конца, ворота уже полностью открылись и возле них собралась толпа, поэтому она ещё долго пробиралась между плотно вставших друг к другу людей.

— Пустите, я Белая Дева, — шептала она севшим голосом, — я Белая Дева, пустите.

Кто-то из толпы оглянулся на неё и грубо ответил:

— Да врешь ты, дура, та красивая и говорит хорошо. А ты себя видела? Какая ты дева, тьфу.

Но Майло не видела себя, она не смотрелась в зеркало очень давно и не знала, что былая красота её исчезла, оставив лишь мимолётный след на исхудавшем и потемневшем лице. Выбравшись наконец из-за спин людей, она упала на колени, успев выставить вперёд руки, будто толпа выплюнула её на свободное пространство. Мадам Лай с трясущейся губой стояла перед открывшимися воротами, за которыми была большая площадка,

заканчивавшаяся обрывом. За обрывом начинались скалы, а по ним поднимались огромные каменные существа, рушившие эти скалы вниз с невероятным грохотом, отчего тряслась под ногами земля. Когда девушка поднялась на ноги, в ворота влетела туча пыли, закрыв ужасающую картину. Но стоило пыли немного рассеяться, как Майло увидела, что камни, рухнувшие в пропасть, образовали мост, ведущий на их площадку. Девушка, не веря своим глазам, вышла вперёд, оглядывая мир за воротами. Наверху, в небе шло настоящее сражение. Корабли и аэроциклы двигались по нему, поражая друг друга и падая в пропасть. Ворота, как оказалось, вели на стену, на её внешнюю сторону. Площадка, по которой шла Майло, находилась в самом низу, под ней зияла лишь тёмная пропасть, а через неё лежал теперь мост к скалам.

— Это конец, это конец, — бормотала выпрыгнувшая за её спиной мадам Лай.

За ними потянулись остальные, без слов разглядывая картину исполинской битвы. Люди, годами не видевшие света, инстинктивно тянулись к нему. Их не пугала битва, они готовы были всё сейчас были отдать, чтобы увидеть солнце. Но оно было скрыто от них облаками белого дыма, смешавшегося с чёрным, ползущим из города.

— Первый раз за всю жизнь на воздухе, — пробормотал щурясь белокожий мужичок, — а тут ещё и зрелище такое.

Вскоре рабочие заняли всю площадку перед воротами. Кто-то улыбался и радовался, кто-то плакал, а кто-то просто стоял, разинув рот и наблюдая невиданную по силе картину бурлящей битвы.

Пыль от упавшей перед ними скалы наконец осела, и Майло увидела, что перед ней, на выступе стоит неизвестное ей орудие. Люди вокруг неё загудели, потому что на орудие это вышла женщина совершенно необычного вида. До талии она была одета в лёгкую кожаную броню с металлическими вставками, в руках она держала пистолет и саблю. На голове её был сверкающий с перьями шлем, а ниже талии начиналось тело тигрицы. Забрало шлема было поднято и лицо открыто. Полутигрица взревела, издав громкий боевой клич, и вскинула вверх саблю. За её спиной появились существа, о которых Майло слышала, может быть, лишь в страшных сказках. На площадку выпрыгнули оживлённые и звери на задних лапах. Кого там только не было! Но девушка не успела толком их рассмотреть, потому что деревянное существо с мордой птицы и ногами со стопами в виде рычащих волчьих голов, раскинув широкие цветные крылья, бросилось на толпу. Люди отпрянули. Передние ряды, кто не забыл своего оружия, найденного в зале, инстинктивно бросились вперёд. Остальные же отступили назад и обратились в бегство, создав давку и панику. Майло закрыла глаза.

Герцогиня тяжело вздохнула, открыла глаза и выглянула в коридор. Впереди было пусто. Полы её чёрного платья прижались к стене и мягко захрустели, напомнив ей время, когда они подглядывали отсюда за мальчиками в фехтовальном зале. Ки сделала знак рукой, и две тени бросились в коридор, проделав половину пути до выхода на внутренний балкон, под которым располагался зал собраний Культа. Она снова выглянула и увидела, что «чёрный камзол» по правую руку от неё, знаком приказывает ей оставаться на месте. Она повторила жест для оставшихся за её спиной членов отряда. В коридоре слышались шаги, затем возня и сигнал, лёгкое постукивание о пол. Ки выглянула и увидела, как выделенные ей герцогом Левотургоста участники специального отряда «Чёрные Камзолы», наводившие ужас на город и являвшиеся часто персонажами сказок, прячут тело культиста в ближайший кабинет.

Черноволосый с завитыми кверху усами «камзол» кивнул ей, и герцогиня вышла из своего укрытия, сделав знак остальным. На балконе было пусто, какое-то движение было только на противоположном конце в галерее, где располагалась столовая. Трое «камзолов», пригнувшись, поспешили туда, а Ки аккуратно выглянула вниз, чтобы посмотреть, что происходит в зале собраний. Асоль показавшаяся из-за её спины, тоже посмотрела вниз. Несколько молодых культистов стояли у молчаливых орудий, направленных во внутренний двор, — судя по звуку, кто-то тараном ломал внутренние ворота. Но были ли это войска Союза Свободы или нет, герцогиня не могла сказать наверняка, но отправлять посыльного ей не хотелось. Они и так потеряли уже достаточно людей, высадившись прямо в казармы Культа, где поднятые по тревоге «Серые роботы» дали им серьёзный отпор. Теперь нужно было добраться до покоев Верховного во что бы то ни стало. Мягко, по-кошачьи, ступая в своей скользкой по полу обуви, Ки двинулась вдоль балкона. Собака и остатки отряда последовали за ней.

В столовой усатый «камзол» доложил ей, что в грузовом лифте для подъёма еды с кухни есть выход в лекционные залы, а оттуда уже можно свободно попасть во внутренние покои храма.

— Но лифт маленький, придётся это делать по очереди, — закончил он.

— Что же, давайте, — кивнула герцогиня.

Сначала на лифте подняли двух «камзолов», затем собаку. Когда в него залезла Ки, в конце зала столовой появилось две фигуры в робах. Оставшиеся камзолы бросились к ним, но брошенные ножи и иглы застучали по закрытой двери, не найдя цели.

— Скорее! — крикнул усатый «камзол» своему напарнику, поднимавшему лифт. — Тяни!

Тот налёг на канат, и Ки поехала вверх, где руку ей подавал уже другой «камзол». Внизу слышались крики и выстрелы.

— Красная луна! — прошипела Ки, вылезая из лифта в холл перед большим лекционным залом.

Асоль рычала на коридор справа. Внизу продолжалась перестрелка, лифт замер.

— Надо уходить, — только и успел произнести один из «камзолов», как в холл ворвались одетые в броню культисты с автоматическим оружием. Ки выхватила жезл и магнитной волной отбросила нападавших к стене. Они загремели, как упавшая посуда, и герцогиня бросилась в лекционный зал, увлекая за собой остатки своей команды.

Внутри они завалили вход двумя шкафами, забитыми книгами, стоявшими вдоль поднимавшейся к партам лестнице, и бросились было за кафедру, но тут же повернули обратно, потому что за стеной раздались выстрелы и крики культистов. Им удалось заблокировать двери за кафедрой столами, и они вернулись в лекционный зал, в панике оглядывая пространство в поисках выхода. Внизу, во дворе что-то грохнуло. Ки подбежала к окнам и увидела, что упали ворота и во внутренний двор хлынули войска. Только это были войска Узурпатора. Её сердце опустилось в груди. Из зала собраний раздался залп орудий, и бегущие люди попадали, сбитые картечью, но их сменили другие, и, пока пушки перезаряжались, они успели заполнить весь двор.

Под главным входом в лекционный зал раздалась пулемётная очередь, отчего щепки от шкафов и страницы книг полетели в помещение, как перья ошипанной курицы. Ки трясущейся рукой удерживала жезл перед собой, готовясь дать последний отпор. Асоль закрыла её ноги, но тут герцогиню дёрнул один из «камзолов» — тот, что был пониже и покрепче. Он показал ей почти под потолок, где уже стоял другой «камзол». Там был маленький балкончик, когда-то использовавшийся для оркестра. «Камзол» обнял Ки за талию и выстрелил автоматическим крюком с верёвкой в потолок над балконом. Крюк крепко застрял, «камзол» прицепил веревку к поясу и включил механизм наматывания. Ки схватила Асоль за ошейник и лишь успела вымолвить «потерпи», как их подбросило, и они воспарили к потолку.

Второй «камзол», что был более щуплым, по сравнению со своим напарником, принял их и поставил на балкон как раз в то мгновение, когда культисты ворвались в зал с обеих сторон. Беглецы бросились в тёмный коридор за балконом, где была лестница, ведущая на промежуточный этаж для прислуги, оттуда они нырнули в отопительную секцию, там было жарко и пахло сухими тряпками. Первая же дверь вывела их в помещение, где на веревках сушилось бельё. За ним начинался склад, столовая для прислуги и выход в коридор внутренних лекционных залов для старших курсов культа. Ки помнила его. Где-то здесь был выход в большой зал приёма, где стоял так запомнившийся ей высокий трон, на котором восседал Верховный, когда принимал их и беседовал об успеваемости. Память об этом месте у неё была обрывочной, Ки не жила в храме Культа, на время обучения её содержал Великий Мастер Перлеглоз как одну из своих внучек, потому что для девочек её происхождения покои Культа не были подготовлены в достаточной степени.

Герцогиня поманила «камзолов» за собой.

— Сюда, — кивнула она на закрытые двери.

Коренастый дёрнул за ручку, но дверь была заперта. Он полез за отмычкой, но Ки остановила его, дотронувшись до замка жезлом. Тот мгновенно отворился. Мужчина удивлённо поднял брови, открывая герцогине дверь. Ки вошла в галерею между двумя зданиями храмового комплекса. На улице было темно, темнее, чем ночью. Она выглянула между колоннами галереи на небо и удивилась затянувшим его чёрным тучам.

— Похоже на конец света, — покачала она головой и пошла дальше в сторону внутренних покоев. «Камзолы» и Асоль последовали за ней.

Войдя в большой зал приёма, герцогиня сразу заметила так ненавистный ей трон. Все четверо, медленно двинулись через помещение, скользя по сумраку чёрными тенями. Слабый свет сердечных ламп мерцал под потолком алыми всполохами. Когда они дошли до середины зала, свет стал заметно ярче, а дверь за их спинами вновь открылась. Герцогиня обернулась. В проходе стояли культисты, направив на них ружья, а между ними, сложив руки на животе, стоял молодой русоволосый Глава Отдела особых поручений с обезображенным лицом.

— Какой приятный визит, Ваша Светлость, — промолвил Париц, — а я вас так искал.

Ки вскинула руку с жезлом, но один из культистов выстрелил, и герцогиня схватилась за плечо, выронив жезл.

— Не думайте, что вы сможете уйти, — произнёс молодой человек, спокойно шагая к ней.

Асоль зарычала на начальника секретной службы и встала между ним и герцогиней. Париц остановился достал из рукава пистолет и выстрелил. Собака взвыла и упала на пол. Ки упала на колени перед животным.

— Как сентиментально, — пожал плечами молодой человек, убирая оружие.

— А вы ещё хуже вашего предшественника, — прошипела Ки, держа в руках голову собаки, — тот просто никчёмный мерзавец, а вы ещё и моральный урод.

— Каждое новое поколение неизбежно опережает предыдущее, — пожал плечами Париц.

Культисты тем временем обходили зал с обеих сторон. Герцогиня мельком взглянула на жезл на полу.

— Даже не думайте, — посоветовал Париц, подходя ближе и откидывая жезл подальше к стене.

— Предлагаю сдаться, господа, — обратился он к двум застывшим «камзолам».

Те переглянулись и подняли руки. К ним подбежали культисты и связали.

— Зачем эти тонкости, — покачал головой Париц, — время военное.

Он вновь достал пистолет и выстрелил в каждого из «камзолов». Оба с незначительной разницей во времени упали на пол. В это мгновение в зал вбежали солдаты. Направив оружие на всех сразу, они заняли оставленную культистами позицию у входа. На кирасах, защищавших грудь вошедших, виднелась эмблема изогнутого чёрного дракона, знака Узурпатора.

В дверях появился герцог Ройя.

— Вот это сюрприз, — громко и радостно произнёс он, двигаясь к центру зала, не останавливаясь, и, кажется, совсем не обращая внимания на направленные на него ружья.

— Как я рад вас видеть, — широко улыбнулся он и раскинул руки, чтобы обнять Парица, но тот отступил на шаг и направил на него пистолет.

— Похоже, вы не так рады, как я, — нарочито расстроено удивился Альберт, поймав испуганный и злой взгляд герцогини, потом оглядел зал. — У нас тут с вами патовая ситуация.

Париц молча смотрел на него, отгородившись дулом оружия.

— Предлагаю поединок за честь дамы, — постучал Альберт по эфесу шпаги на своём поясе, — зачем погибать всем, не правда ли?

Он развёл руками, ища поддержки у собравшихся. Один из культистов со стороны окна согласно закивал, но сосед тут же ткнул его локтем в бок.

— Хорошо, — неожиданно согласился Париц и проследовал к стене, где висели скрещенные шпаги.

Он выхватил одну и попробовал острие о палец. Даже от маленького надреза кровь мгновенно побежала по коже вниз.

— Классика, — кивнул Ройя, расстегивая камзол и снимая с себя кобуру и пояс.

— Да, — кивнул Париц, — рассекая воздух своим клинком. Я помню, вы были вторым в классе. Мастер Парфарес высоко отзывался о вас.

Альберт поклонился и развёл руки.

— Вот только я был первым и попал на доску почёта фехтовальной секции, когда вас там и в помине не было, — усмехнулся молодой человек, снимая звенящую скрытыми пластинами брони робу, под которой была белая рубаша и простые свободные штаны.

Альберт пожал плечами и встал в стойку.

Глава 41

Тэмен стоял, сложив руки на гарде своего меча и оперев на них голову. Чёрные металлические перчатки закрывали сияющую на эфесе руну. Его ставка располагалась посреди кабинета торгового совета, где находился временный штаб. Оттуда открывался наиболее полный вид на южную часть стены, где разворачивалась самая драматическая часть военных действий. Плащ с вышитым на нём чёрным драконом закрывал всё его тело. На голове Узурпатора была надета чёрная корона с крупным аметистом. Он молча наблюдал, как отступают его войска, поддаваясь натиску неприятеля.

— Если бы не предательство у нижних ворот, мы бы сдержали натиск, — оправдывался за его спиной генерал в форме дома Йомера, — восточная стена пала, но западная ещё держится. Однако они уже проникли на первую линию артиллерии, и мы не можем эффективно оборонять стену. Нам нужно закрепиться на второй линии обороны.

Но Узурпатор не слушал его. Один из гигантских дирижаблей, закрывавших небо, загорелся и стал крениться прямо в сторону их здания. Тэмен наблюдал, как тот падает всё ближе и ближе, разрушаясь в воздухе и капая огненными осколками на крыши домов, глубже — туда, где подвозили боеприпасы. Прогремел страшный взрыв — если бы в окнах ещё оставались стёкла, они бы вылетели.

Огонь от упавшего цеппелина осел, и весь город перед глазами Узурпатора был охвачен огнём — и вдруг через пролом в стене показалась фигура Голема. Ступая между домов, по улицам, не выдерживающим его вес, он проваливался всё ниже, но затем вылезал и, опираясь на рушащиеся здания, шёл вперёд.

— Ваше величество, нам нужно ваше решение... — повторил генерал, теребя руками перья на шлеме.

— Сильный пожирает слабого. Мы так и не придумали ничего лучше. Неужели, где бы ни появился человек, он обречён на пожирание всего вокруг? — тихо произнёс Тэмен. — Сегодня они поддерживают меня, завтра предадут. Куда делась верность? Честь? То, на что можно опереться, что можно уважать. Моя мать убила моего отца, потому что хотела сама

занять его трон или посадить на него своего брата. Сейчас мой брат разрушает город, чтобы убить меня. Почему мы вообще играем в эту бессмысленную игру? Почему просто нельзя быть честными друг перед другом, исполнять то, что ты говоришь? О, если бы только мы делали то, что говорим...

Он прошёл к трясущемуся от ветра окну и оторвал его от стены. В кабинет постучали, и в него вбежал капитан в форме дома Меду.

— Ваше величество, — отсалютовал и одновременно поклонился он, забыв про этикет, — войска домов Клош и Меду разбиты, восточная стена пала под натиском предателей, на востоке сдана вторая линия обороны. С верфей неутешительные новости, корабли, находившиеся в ремонте, не могут взлететь.

— Значит, новости о том, что террористам не удалось повредить верфи, были сильно преувеличены, да ваше высокопреосвященство? — обратился правитель к небу. — За всю жизнь, я узнал лишь одного человека, оставшегося верным мне даже после унижения, которому я его подверг, — продолжил Узурпатор, вглядываясь в ревущий металл за окном, — только Альберт Ройя не подвёл меня. Он дважды спас мне жизнь. Предупредил о готовящейся войне и раскрыл предательство Культа, вступившего в тайные переговоры с моим братом. Но даже он не знал, что половина великих домов сделает то же самое: предаст меня и выберет сторону моего противника. И вы знаете из-за чего? — спросил он у переглядывающихся генерала и капитана. — Из-за девушки, что я полюбил. Простолюдинки, что была прекраснее и добрее всех напыщенных дам, встреченных мной. И что я сделал с ней? Я сам предал её.

Он подошёл к креслу и сел спиной к пылающему городу. В кабинет постучал и с опаской заглянул адъютант — крепкий мужчина в гвардейской форме.

— Ваше величество, вернулся дракон, — сбивчиво произнёс он, — заправить смогли ровно наполовину, вам надо уходить.

Йомера посмотрел на заволокший небо чёрный дым и опустил голову.

— Одного я никак не могу понять, — нахмурился Узурпатор, теребя пальцами по эфесу своего меча, — как моя мать умудрилась заколоть отца? Ведь руна должна была защитить его.

Генерал и капитан удивлённо переглянулись, но не посмели перебить правителя.

— Неужели и Сердце способно предать? — произнёс он, подняв на них полные негодования глаза.

Резко встав, он с трудом засунул меч в ножны и, гремя закованными в броню ногами, двинулся прочь из кабинета. Во внутреннем дворе здания спешно эвакуировали штаб. Его перевозили в замок Хлош, к одному из немногих домов, кто ещё оставался верен Узурпатору.

— Дворец осаждён предателями, ваше величество, — тихо вещал ему на ухо адъютант, — вестей от герцога Ройя не поступало. Ах да, завод чёрного дыма не удаётся привести в действие, скоро рыцари встанут.

Тэмен молча, не обращая на него внимания, спустился по лестнице в главный холл. Подняв голову, он увидел спускавшегося во двор дракона.

— Западные ворота держатся, но восточные были сданы в результате нового саботажа, я бы рекомендовал... — но он не успел договорить и отпрянул, потому что рядом с ним

опустилась морда Бьёрнвейга, утробно зарывавшего своими гигантскими механизмами. Грудь дракона раскрылась, Узурпатор сел в кресло и исчез с глаз адъютанта.

Йомера дёрнул рычаги, и дракон взлетел, сбив с ног потоком ветра находившихся внизу людей. Тэмен не знал, куда летит, но чувствовал, как его жизнь неизбежно приближается к развязке. Кольцо с чёрным камнем болталось на цепочке справа от его лица, но он не стал его надевать, как советовал герцог Ройя, и доверился механике. Дракон поднялся над третьим ярусом, и Узурпатор сразу увидел галеон, шедший от южных ворот ко дворцу. Артиллерийские батареи первого круга дымились или были разрушены. Второй круг эшелонированной обороны, пролежавший недалеко от замка Амун, бил по пробиравшимся через город големам, а дальняя батарея сосредоточилась на оставшемся дирижабле. Вокруг галеона, словно мухи, роились аэроциклы, пытаясь помешать его движению, но корабль не замечал их, раскидывая атакующих залпами своих бортовых орудий. Тэмен знал этот галеон. Он помнил его с той самой ночи так хорошо, как помнил лицо умирающей матери на своих руках. В груди его что-то дёрнулось и позвало повернуть, улететь, броситься на поиски Майло, но стыд и страх заставили его сжать зубы и пойти на снижение.

Он приземлил дракона на широком длинном мосту, рядом с замком Амун, недалеко от старой университетской обсерватории. Выйдя из чудовища, он медленно пошёл посередине моста, наблюдая, как галеон медленно причаливает на противоположной стороне. Ветер, полный сладкого запаха смерти, трепал плащ Узурпатора. Одинокая фигура спрыгнула с борта галеона на мост и, поправив широкую шляпу, направилась к нему. Узурпатор взглянул на свои руки в перчатках чёрной стали и оглянулся на Бьёрнвейга. Дракон выжидающе смотрел на приближавшегося человека. Тэмен опустил голову и пошёл ему навстречу.

Барон шагал спокойно и размеренно, пробуя каждый свой шаг на вкус. В чёрном небе, прорезанном редкими лучами света, мелькали катеры-истребители и корабли, ведущие воздушный бой, но он не обращал на них внимания. Взгляд его был прикован к чёрной фигуре, приближавшейся к нему с другой стороны моста. Подойдя так, чтобы между ними оставалось шагов двадцать, он остановился.

— Ну, здравствуй, брат.

— Здравствуй, Дарис, — ответил Тэмен, тоже останавливаясь — давно не виделись.

— Да, давно, — кивнул молодой Йомера, — а ты изменился, — произнёс он, склонив голову на бок, — стал похож на отца.

Тэмен пожал плечами.

— Это всё эти старые латы.

— Да, он в них всегда выглядел немного нелепо, — усмехнулся Дарис, — гремел, как куча кастрюль.

Узурпатор улыбнулся.

— Ты пришёл убить меня?

Младший кивнул.

— Она умерла на моих руках, умоляя простить её и тебя. Я не убивал её.

— Её убило твоё бездействие.

— Её убил Верховный.

— Давай, скидывай вину на других. Но знай, со мной это не пройдёт.

— Ты совершаешь ошибку.

— Ты всегда был его любимчиком, — зашипел Дарис, обнажая свой палаш с руной на эфесе.

— А ты её, — ответил Тэмен, закрывая забрало и откидывая вбок ножны.

На рукояти его тяжёлого двуручного меча сияла такая же руна.

— Он ненавидел меня, — крикнул младший брат, бросаясь на старшего и метя в его грудь.

— Она игнорировала меня всю жизнь, — парировал Тэмен, отклоняя удар брата и меняясь с ним местами.

— Наш отец — предатель и убийца, и ты продолжил его дело, — наотмашь с разворота ударил Дарис, задев плечо Тэмена.

— А ты, я смотрю, желаешь занять его место? — размахнулся Тэмен, и его тяжёлый меч просвистел над головой Барона.

— Ты его слишком перегрел, — прошипел младший брат, поразив Узурпатора в узкое место между пластинами на ноге.

Тэмен пошатнулся и отступил, схватившись за раненую икру. Дарис выпрямился и надменно посмотрел на брата.

— Ты так же неповоротлив, как раньше, — усмехнулся он, поправляя шляпу, — давай, покажи мне что-нибудь новенькое. Я не хочу разделаться с тобой слишком быстро.

Опираясь на здоровую ногу, Тэмен поднялся и, вложив всю свою силу в удар, сделал выпад. Дарис отклонился, дав брату пробежать несколько шагов и упасть возле статуи пустынного цветка на краю моста.

— Ты совсем размяк в своей неуязвимости, — покачал он головой, медленно приближаясь.

Тэмен лежа развернулся и махнул клинком перед лицом брата. Дарис выставил вперёд палаш и одним ловким движением отразил удар.

— Ты совершаешь ошибку, — прохрипел Узурпатор, поднимаясь и делая крутой разворот, рассекая мечом воздух прямо перед горлом Барона.

Дарис отскочил, увернувшись от тяжёлого удара. Воздух наполнился пылью и осколками моста.

— Мы все пешки в его игре. Он манипулирует нами, — шёл вперёд старший брат, резкими рубящими ударами вынуждая младшего отступать. — Заставляя сражаться за призрачную власть. Он знал, что ты нападёшь. Он собирался предать меня.

— Да, — кивнул Дарис и усмехнулся, — но предали другие.

Тэмен сглотнул.

— Нет счастья ни на троне, ни возле него, — проговорил он, закрутив тяжёлый меч вокруг себя, словно он был пушинка.

— Признаться, я ожидал от тебя большего, — хмыкнул Дарис и сделал выпад, от которого тяжёлый меч брата отскочил и заставил хозяина пошатнуться.

Младший Йомера прыгнул вбок, наклонился и сделал выпад снизу. Клинок вошёл между пластин под рукой так же легко, как если бы он проткнул обычный камзол.

Узурпатор осел и рухнул на землю. Шлем упал с его головы, обнажив похудевшее лицо и спутанные чёрные волосы.

— Я так долго ждал этого дня, и такое разочарование, — покачал головой Дарис, поднимаясь, — ты мог бы подготовиться к нашей встрече получше, а не таскаться за юбками всё это время.

— Я, кажется, понял, — прошептал Тэмен, — она любила его, — губы Узурпатора замерли, и между ними полилась тонкая красная струйка.

Младший Йомера вытер перчатками кровь с клинка и бросил их на грудь брата, тут же надев новые. Оглянувшись, он двинулся к мечу Тэмена, лежавшему в нескольких метрах от его тела. Нагнувшись, он подобрал его. За спиной младшего брата заскрежетал дракон. Дарис оглянулся на него и улыбнулся.

— Иди ко мне, птичка, — произнёс он ласково, — время служить новому хозяину.

Йомера медленно, а потом всё быстрее и быстрее шёл к дракону, вертевшему головой и скрёбшему мраморную поверхность моста.

— Ну-ну, неужто ты привязался к этому недотёпе? — засмеялся Дарис. — Не верю. Ты любишь сильных хозяев, тех, что могут постоять за себя.

Дракон выпятил грудь и раскрыл грудную клетку, выплюнув из себя лестницу, по которой младший Йомера быстро взбежал и уселся в кресло пилота, по бокам воткнул два клинка — брата и свой. Дарис закрыл глаза и сладко улыбнулся. Грудь дракона со скрипом закрылась, поглотив его.

Альберт устало взглянул на Парица. Оба они уже крепко вымотались, выпады их стали редкими и не находили продолжения. Солдаты и культисты сидели на полу и болтали, и только герцогиня не отходила от своей погибшей собаки.

— Всё, что он говорит, ложь. Что он такого тебе сказал? Что-то про вселенский закон? Развлекал древними ересями, как меня? Он подставил Трокийю, сообщив ему неверную формулу, — продолжил герцог, тяжело дыша, — когда тот стал ему не нужен. Я даю голову на отсечение, что он вёл тайные переговоры с младшим Йомерой. Ведь так? — обратился он к Ки, — но та сидела неподвижно. — Он травил Тэмена ядом. Меня отстранил от дел, как только почувствовал, что я что-то подозреваю. Я, как дурак, доверял ему всю мою жизнь...

Роя не закончил, потому что молодой человек наконец собрался с силами и сделал к нему два шага, атакуя слева и справа. Герцог парировал оба выпада, закрутил шпагу противника, и они приблизились и сцепились, схватив друг друга за грудки и прижав лезвия к лицам. По щеке Альберта потекла струйка крови.

— Он же вам мозги промыл похлеще, чем нам, — прокричал он от напряжения, — малыш, очнись.

Но Париц лишь оттолкнул его и собрался уже нанести удар, как герцог снизу проткнул его прямо в сердце.

— Прости, — прошептал он схватившемуся за грудь молодому человеку.

Бывший начальник Отдела особых поручений Культа присел рядом с нынешним.

— Ты хорошо сражался, — произнёс он, беря его за руку, — только не за тех.

Париц закричал, сжал зубы, сделал сквозь них последний вздох и застыл. Альберт опустил его голову на пол, закрыл ему глаза и поднялся. Культисты и солдаты вставали со своих мест, неуверенно оглядываясь.

— Сложите оружие и уходите, — обратился герцог к служителям Культа.

Культисты переглянулись.

— Быстро, пока я не передумал! — гаркнул Сверло, и молодые люди побросали ружья и побежали прочь из зала.

Роя подошёл к герцогине и подал ей руку. Ки подняла на него взгляд и, смочив языком губы, подала руку герцогу.

— Похоже, у нас один противник, — мягко сказал Альберт, — предлагаю на этот раз объединить усилия, хоть мы всё ещё в разных лагерях.

Герцогиня молча кивнула и бросила взгляд на жезл.

— Я не смею удерживать вас, — пожал плечами Роя, принимая из рук солдата камзол, пояс и кобуру.

Ки подошла к окну, под которым лежало её оружие, и подняла его. Несколько секунд она что-то решала внутри себя, но потом повернулась, подошла к герцогу и протянула ему руку.

— По рукам, — произнесла Ки очень чопорно и официально.

— По рукам, — произнёс Альберт, с улыбкой принимая тонкие пальцы герцогини.

— Что я вижу, — раздался голос из невидимых глаз колонок, — старые друзья мирятся.

Герцог и герцогиня, солдаты стали оглядываться по сторонам.

— О, не утруждайте себя, это мой старый трюк, кхм, кхм, — прокашлялся Верховный, — колонки под троном. Я так понимаю, что вы пришли убить меня или в крайнем случае посадить в тюрьму. Прошу, не надо тюрьму, в моём возрасте это невыносимый опыт.

Он засмеялся, и колонки загудели и зашипели.

— Знаете, ради этого дня стоило жить. И да, я не могу слышать вас, но видеть могу, так что не утруждайте себя диалогом.

Альберт посмотрел на Ки и быстрыми шагами пошёл к трону. Солдаты последовали за ним.

— Э э э-э, — раздался голос Верховного, — не так быстро. Вы пропустите шоу. Взгляните, взгляните в окна.

На этих словах в колонках послышались какие-то скрипы и щелчки переключателей. Все находившиеся в зале люди взглянули в высокие окна.

Чёрные небеса всё так же разрезали редкие лучи света, трассеры от пулеметных очередей и серые вспышки артиллерии. Двое големов приближались по проспекту Согласия с юга. Но тут во дворце что-то загудело. Затряслись над их головами сердечные лампы, посыпались на пол осколки сердца из древних мозаик на стене. С груди герцога поднялась цепочка с осколком, в которой торчала пуля, и потянулась к окну. Ройя отцепил её и проводил взглядом.

— Он включил машину, — пробормотал Альберт.

— Что? — удивилась Ки.

— Нет времени объяснять, бежим, — он схватил её за руку и потянул за собой в маленькую дверь за троном.

На то место, где стояла герцогиня, упала разбитая люстра. Сердечная пыль, только что горевшая в ней, теперь облепила окно. Остальные люстры тоже падали на пол, разбивая головы солдатам. Осколки Сердца поползли через зал к окну и стали подниматься по стеклу, потрескавшемуся под их напором. Наконец стекла полопались в нескольких местах, и сердечная пыль вместе с осколками устремилась в сторону храма Сердца.

Блоп в расстёгнутом кителе с ружьём за спиной сидел на лестнице, поднимавшейся куда-то под мосты второго яруса. Зог и Мита расположились на ступеньках ниже.

— Ты во всём виноват, — шёпотом проговорила девочка, — если бы не ты, он был бы жив.

— Ты не устала это повторять? — захлёбываясь слезами, проговорил лейтенант.

— Если бы не ты, мы бы поймали этого блуждающего мертвеца, и у нас был бы шанс закончить весь этот ужас, — повторила девочка.

— Да что ты зарядила одно и то же, — закричал толстяк, вскакивая со своего места, — придумала какую-то идиотскую подковыру, что я хаос, друга своего погубил. А я его любил! Любил! Единственного!

И он опустился обратно на ступеньку и закрыл лицо руками.

— Бабушка всегда повторяла, что чувства не подводят, я чувствовала, что он должен помочь мне.

— О луны, как же ты мне надоела! — прошипел Блоп.

За его спиной что-то зашуршало, и он обернулся.

— Ты всё разрушил, всё, — повторяла Мита, не замечая его. — Что мне теперь делать? Как мне найти попавшего в цикл без его помощи? Я же даже города не знаю. Зачем, зачем он пошёл воевать. Что он хотел доказать? А ты, ты его даже не остановил. Друг называется. Как вы вообще подружились? — обернулась девочка, но не увидела толстяка своим внутренним взором.

— Эй, — позвала она и встала.

Округлая фигура лейтенанта виднелась в центре улицы. Он смотрел на что-то перед собой. Мита поднялась по ступенькам и вышла на свет. На улице каким-то чудом работали газовые фонари.

— Смотри, — показал Блоп на мерцающие сердечные пылинки, медленно летевшие в воздухе.

Девочка проводила взглядом их путь и увидела, что они движутся к застывшему возле заправочной станции чёрного дыма рыцарю на лошади. Он весь, с ног до головы, покрывался сетью прожилок из сердечной пыли.

— О Сердце, что же это... — она замотала она головой и обратилась к Блопу, — ты знаешь, где находится такое место, где на вершине высокой башни стоят витражи с картинками?

Блоп глупо хихикнул.

— Ты бы ещё спросила, знаю ли я, где в этом городе башни, — зло ответил он.

— Не смешно, — разозлилась Мита, — отвечай, идиот. Там змея, которая обвивает копьё, дующий в трубу олень, дерево из рукоятки меча, как у нашего герцога. Там, наверное, раньше была колокольня, потому что есть крепление для колокола, но колокола нет.

— О, — ответил Блоп, вскинув брови, — моя матушка убиралась в таком месте. Собор святого Бомбарды, там на вершине новой пристройки бывшая колокольня с витражами, изображающими гербы великих домов основателей.

Мита удивлённо посмотрела на толстяка. Справа раздался скрежет. Чёрный рыцарь зашевелился и тронул лошадь, скрипя выехавшую на середину площади. Мита бросилась в переулок.

— Ну что, пригодился я? — крича ей вслед, побежал Блоп.

Они успели скрыться за поворотом лестничного пролёта, когда чёрный рыцарь, покрытый сияющими красными трещинами, ворвался в него и, занеся меч, прыгнул вслед за ними.

Блоп кубарем скатился за поворот, сломав примотанную к ноге деревяшку. Рыцарь не мог протиснуться в проём, куда они свернули, и бил кулаком о край стены, пытаясь разрушить её.

— Вставай, идём, — подхватила Блопа под руку Мита.

— То ты всё разрушил, — проворчал он, вставая, — а теперь — вставай, идём.

— Идём! — крикнула девочка и стукнула его по больной ноге.

Зог стоял на ступеньках и рычал на рыцаря.

— И ты тоже! — крикнула Мита, и пес, заскрипев, побежал вслед за ними.

— Нам нужно найти транспорт.

Мите сложно было дышать под тяжестью навалившегося на неё Блопа. Они шли между домов в сторону видневшейся вдалеке водонапорной станции. Но стоило ей про это подумать, как в очередном пролёте между домами они увидели полицейский скутер, ещё заведённый, стоявший возле окна. Лейтенант и девочка переглянулись. Из окна вылез полицейский с сыром и буханкой хлеба в руках и застыл, тоже уставившись на беглецов.

— Вы-ы-ы, почему покинули зону боевых действий? — выпалил полицейский, пряча добычу за спиной.

— Не видишь, он ранен! — зло ответила девочка.

Рядом с водонапорной станцией что-то грохнуло и загорелось. Полицейский оглянулся — и этого хватило Зогу, чтобы броситься и сбить его с ног. Пока механический пес, пытаясь паром из ушей, дёргал бедолагу за китель, Блоп обезоружил его и вытащил ключи от скутера.

— Конфискация старшим по званию, — пробормотал он, с трудом усаживаясь на аэроцикл.

Девочка уселась за ним, прихватив с собой сыр и хлеб. Зог запрыгнул последним. Они взмыли в воздух и понеслись выше, мимо второго яруса, где ещё шёл бой, и вынырнули на свободное пространство рядом с артиллерийской батареей — она ещё держалась против превосходящих сил противника. Блоп облетел её как раз в тот момент, когда она дала залп по приближающемуся голему, отбросив его на здание стоявшей за ним водонапорной станции. Вода хлынула во все стороны и залила рушащиеся под тяжестью гиганта улицы.

— Ну что, я не бесполезный идиот, а? А? — лихо крикнул лейтенант, чей китель гордо развевался на ветру.

— Ты хочешь, чтобы я извинилась? — крикнула в ответ Мита.

— Вообще-то да!

— Извини. Я ошиблась, — крикнула девочка и стукнула его головой в спину.

Зог радостно выпустил пар из ушей.

— Ты знаешь, куда лететь?

— Знаю, — крикнул в ответ Блоп, — вот только...

Но он не договорил и бросил скутер в бок, чтобы увернуться от пулеметного огня. Два вражеских аэроцикла сели им на хвост.

Парфарес парировал выпад чёрного рыцаря и с размаху сбил его шлем с головы. Но тело словно не заметило потери и развернулось, чтобы нанести новый удар. Йахомари обрушилась на рыцаря сзади и проломила броню булавой. Он рухнул на пол, выплюнув из себя остатки чёрного дыма, но красные прожилки на броне стали поднимать его обратно.

— Бесплезно, — крикнул им Гудди из соседней галереи, — сюда, скорее.

Переглянувшись, они опустили взгляд на вновь поднимающуюся броню и бросились к оживлённому. В окне, за рыцарем, виднелась площадь между замком Узурпатора и храмами Культа и Сердца, где схватили друг друга огромный голем и сотканное из вихря сердечных осколков существо. Сердечный гигант отбросил голема обратно к сломанным им воротам и солдаты, проникавшие во дворец, бросились в рассыпную.

Гудди дождался Йахомари и Гоха и побежал вслед за ними в круглое помещение с расставленными в нём древними артефактами. Обезьянки закрыли за ними дверь, а белый рыцарь опустил тяжёлый засов.

— Куда дальше? — спросил оживлённый, в его груди неприятно вибрировало сильнейшее волнение, отчего он отступил назад и присел.

— Как ты? — спросила Йахомари, опускаясь на колено рядом с ним.

По полу перед глазами Гудди ползла сердечная пыль, подбираясь к его ногам.

— Йахо... — прозвенел он тихо.

Девушка поняла направление его взгляда и откинула ногой сгустки пыли. Заключение, вызвавшийся пойти с ними, вернулся вместе с осьминогом из коридора с противоположной стороны.

— Там чисто, можем идти, — кивнул Рауд.

Парфарес и Йахомари подняли Гудди и повели к выходу. Белый рыцарь шёл впереди с мечом наголо.

Из коридора они вышли на открытое пространство между секциями дворца. Тёмное небо почти совсем закрыло свет, лишь редкие лучи пробивались сквозь его тёмное покрывало.

— Нам туда, — указал Гох на дверь в противоположном от них здании, — бежим.

Они бросились вперёд. Когда они пересекли пролёт наполовину, стало видно, что к ним со стороны площади приближается огромная тень Сердечного Гиганта. Они не успели ещё добежать до двери, как существо резко подпрыгнуло и приземлилось перед входом в здание, куда они стремились. Каменный пол сотрясся и пошёл волнами от его приземления. Беглецы попадали, только осьминог остался парить над землёй, схватившись щупальцами за рог на своей макушке. Существо развернулось к ним и нагнулось. Опустив свои скрюченные пальцы, оно, казалось, смотрело через них, выискивая что-то. Потом, обнаружив Гудди, накрытого Йахомари, оно занесло руку для удара. И всё бы на этом кончилось, если бы яркая вспышка не пронзила воздух, поразив гиганта в грудь. Он заскрежетал, словно качающийся мостик, и рассыпался на множество сердечных осколков, перемешанных с кусками камня и металла.

Герда, закрыв глаза и рот, зависла над площадкой на летающей лошади. За её спиной показался магистр Вульфи с обезьянками на плечах, держа руку на гашетке копы.

— Путь свободен, — гордо крикнула девочка, открывая лицо и размахивая руками.

— Спасибо, дочка! — крикнул в ответ Парфарес.

— Скорее! — крикнул магистр, — их там много!

И он указал рукой куда-то на юг, где за зданием сверкали алые сполхи.

— Мы вас прикроем, — крикнула Герда, взлетая выше и делая залп.

Вспышка, хлопок — и Гудди, даже не успев ничего ей крикнуть, уже бежал с остальными по очередному коридору между стеклянных дверей.

Герцог Ройя проводил оживляшку растерянным взглядом, он вспомнил, что видел его среди вращавших вихрь мертвецов в эхе мира. Он стоял, застыв возле лестницы этажом выше, в коридоре среди склада бронзовых статуй. Герцогиня появилась за его спиной, и Альберт очнулся от её мягкого прикосновения.

— Да, сюда. У него была лаборатория, куда никого не пускали, — увлекая её дальше по коридору, объяснял Сверло, — он никому не говорил, даже мне, но я знал, потому что назначал охрану в этот сектор. По расстановке постов вычислил. Думал, никогда не понадобится.

Перед ними из-за поворота возник чёрный рыцарь и, размахнувшись, всадил меч в угол стены, прямо над их головами. От испуга оба упали, но герцогиня выставила вперёд здоровую руку с жезлом, и рыцарь разлетелся на куски, а Альберт быстро поднялся и помог Ки встать.

— Смотри, — с ужасом произнесла она.

Красные нити сердечной пыли стягивали рыцаря обратно.

— Бежим, — бросил Ройя, схватив её за руку, — сюда.

Они поднялись по маленькой винтовой лестнице во флигель и вышли на крышу. На улице было на удивление тепло, но свет совсем пропал, чёрный дым затянул всё небо. Видно было очень плохо, герцогиня нажала на что-то в жезле, и он засветился ярким тёплым светом.

— Полезная вещица, — хмыкнул Альберт, аккуратно двигаясь по центральной части покаты с обеих сторон крыши.

Впереди перед ними было просторное круглое помещение с большими окнами, от него к храму Сердца шёл мост. Ройя добрался до ближайшего окна и обернул камзол о локоть, чтобы разбить стекло, но герцогиня остановила его жестом и прикоснулась к стеклу жезлом. Оно тут же разлетелось в пыль. Впечатлённый герцог покачал головой и зашёл внутрь.

— Не пропускаю даму вперёд исключительно из соображений безопасности, — сказал он, подавая ей руку, и чувствуя, как вздрагивает от её прикосновения.

Помещение было освещено холодным электрическим светом, Ки погасила жезл. Центр его закрывали магнитные катушки, каждая размером с приличный шкаф, над ними висели гигантские клеммы, соединённые цветными проводами, между ними проскакивали небольшие молнии. Ровный низкий гул заполнял всё пространство, и только ветер теперь мешал ему, посвистывая через выбитое окно. Альберт обошёл шкафы с катушками и увидел в центре что-то похожее на орган. На маленьких постаментах располагались чёрные камни, а перед ними металлические шары с выемками для рук. Они были совершенно разных размеров, но расположены были подобно клавишам органа. Подойдя ближе, он заметил, что некоторые из выемок обгорели, а камни были твёрдыми и безжизненными. Из некоторых торчало небольшое кольцо из такого же тёмного камня. Однако другие будто бы текли сами в себе, а выемки для рук сияли отполированные от частого использования. Между «клавишами»

был проход к необычному механизму. Он представлял из себя сферу с вращающимися кольцами и маленькими антеннами, как поначалу показалось герцогу, приделанными к поверхности колец. Но потом он заметил, что они плывут отдельно и изменяются, словно иероглифы того самого языка, что он видел в запрещённых книгах. На передней панели устройства что-то отсутствовало. Большая выемка под сферой была пуста.

— Альберт, — тихо позвала Ки.

Ройя обернулся и увидел за стеклянной дверью на широком балконе, занимавшем всю западную часть крыши, фигуру Верховного. На его голове была странного вида металлическая шляпа, напоминавшая устройство со сферой. Она закрывала глаза старика золотой пластиной, поэтому он не видел вошедших. В руках его было два скипетра, похожих на жезл, что держала в здоровой руке герцогиня, но их наконечники имели форму золотых черепов, неизвестных герцогу существ. Вокруг Верховного вращался вихрь сердечных осколков. Старик закручивал и направлял их вверх над собой, в сторону храма Сердца. Освободившееся место тут же занимали новые осколки. Ки и Альберт подошли к окну и увидели, что над храмом вращается настоящий смерч из осколков, а в центре его сверкают сполохи молний.

Верховный обернулся и поднял золотую пластинку, закрывавшую ему глаза. Ки отпрянула от стекла, попятилась и упала, герцог повернулся, чтобы помочь ей встать, но стекло за ним разбилось вдребезги и что-то больно схватило его за руки, потянув на балкон.

— Мой мальчик, — раздался голос старика, — я так ждал тебя.

Герцогиня поползла спиной вдоль шкафов. Сердечная пыль потянулась к ней, хватая её за ноги, но Ки выставила вперёд жезл, и пыль остановилась, облепив сферической формы поле, образованное им. Герцогиня с трудом поднялась, опираясь на стену и побежала прочь.

— Извини, мне надо кое-что закончить, и я смогу с тобой нормально потолковать, — извиняющимся тоном произнёс Верховный.

Схватившая Альберта рука из сердечных осколков подняла и пригвоздила его к стене повыше окон над балконом. Старик опустил на глаза пластину и продолжил свои манипуляции. Ройя смотрел, как вихрь над храмом Сердца становится всё больше и интенсивнее.

— Ты сошёл с ума, — крикнул герцог, но Верховный не отреагировал.

Его руки методично продолжали поднимать в вихрь новые осколки. Мимо Альберта пролетел оживлённый в виде потешного солдатики, из его груди вырвали осколок, который направился вверх, к остальным, тело же солдатики безжизненно упало вниз. Верховный остановился и повесил жезлы на кожаный пояс, висевший на его талии.

— Отнюдь, я не сошёл с ума. Чувствую себя нормально, если не считать болей в спине и коленях, — произнёс старик, ощупывая себя и снимая с головы шлем.

Водрузив его на стоявший рядом стул, он подошёл к висевшему на стене герцогу.

— Да, тут такое дело, я, конечно, рад, что ты пришёл, но одновременно мне жаль. Жаль, что мне приходится... А, может, и не придётся. Не знаю. В общем, я не хочу тебя убивать. И если ты думаешь, что то, что я отстранил тебя от дела, это мой хитрый ход, часть глобального плана, то нет. Я просто хотел спасти тебя от всего этого. Отвести, так сказать, удар. Но раз ты здесь, смотри.

— На что? — крикнул Альберт. — На то, как ты собираешься разрушить мир?

— Может, и так, — кивнул старик, — но разве в этом мире есть какая-то ценность? Не уверен.

Ройя с негодованием смотрел на Верховного, чьё лицо оставалось мягким и спокойным.

— Понимаешь, — продолжил он, входя через разбитое окно в помещение, а затем возвращаясь, — представляешь, забыл поздравить с днём рождения нашего заведующего складом, помнишь, такой полный, вороватый малый? А он погиб. Обидно.

У Альберта ныла спина, похоже, что стекло застряло где-то под лопаткой. Герцог попытался оторвать руку, но осколки крепко держали её.

— Понимаешь, с самого начала человек боролся с природой, — продолжил старик, вернувшись, — вся эта легенда о деве Годриции, по-твоему, о чём?

Ройя молча смотрел на Верховного.

— Она не о том, был ли обвал камней спровоцирован её криком или крик спровоцирован обвалом камней. Это всё шушера, отвлекающая от главной мысли. А мысль эта в том, что человек ничего не мог поделать с камнями. Они разбили Сердце. И это факт. И с этим фактом человечество борется всю известную нам историю.

Старик вновь надел шлем и принялся подтягивать новые потоки осколков в вихрь.

— Человек пытается возвыситься над природой, чтобы перестать зависеть от неё. Он хочет освободиться, выбраться из пут, в которые закован с рождения. И в этом весь ваш город. В этом все ваши стремления.

— Сколько тебе лет? — спросил герцог.

— Много, — не отвлекаясь ответил старик, — столько не живут.

— Кто ты?

— Хороший вопрос, — ухмыльнулся Верховный, — но даже у меня нет на него ответа. Я могу лишь сказать, что я, наверное, нахожусь на острие этой борьбы с природой. Сейчас я полное олицетворение человечества. Хоть я и не человек.

— Почему ты просто не убил меня?

— Я же сказал, даже я не чужд сантиментов. Вы все были как дети для меня. Он лишил вас родителей, а я стал вам отцом.

— Ты отравил Тэмена?

— Это был Его сын, а не мой. Ну и, честно признаться, я не хотел, это был недочёт.

— Для тебя не существует никаких принципов. Всё, чему ты учил меня, оказалось ложью. Верить в Култ, в защиту Сердца. Во что бы то ни стало. Все эти ереси.

— Ты был любознательный мальчик, любил мифологию, я ждал, что ты догадаешься, но, похоже, рано, — пожал плечами Верховный.

— Догадаюсь о чём? — почти крикнул Герцог.

— Что всё это лишь механизмы контроля, возникающие самостоятельно из характера природы мира. Самоограничивающая функция.

Герцог замолчал.

— Сердце даёт нам руны, и стоит взять одну в руки, всё, что ты хочешь, — это ещё, и ещё, и ещё. Посмотри, что стало с каждым, кто владел ею, — горько покачал головой Верховный, вновь снимая шлем и направляясь в разбитое окно.

Краем глаза Альберт увидел чёрное платье герцогини, показавшееся на крыше этажом ниже, под балконом.

— И что хочешь сделать ты? — крикнул герцог.

Но Верховный долго не появлялся.

— Вот смотри, приятель нашей подруги, Дарис, — неожиданно заговорил старик в громкоговоритель на вершине круглого здания, отчего Ройя поначалу испугался и зажмурился, — он уже убил своего брата, и что? Ты думаешь, он отдаст лишнюю руну Сердцу? Нет, он даже не подумает об этом. Он прямо сейчас выдирает руну из скипетра в библиотеке Культа, а дальше он пойдёт за деревянным недотёпой, как оказалось, спрятавшим в себе последний осколок.

Старик вновь вышел на балкон и направился к шлему.

— Его отец был достаточно умен, чтобы оставить себе только одну. Что нельзя было сказать о многих других правителях.

Верховный вновь надел шлем и послал к вихрю большие волны пыли и осколков.

— И ты думаешь, он может что-то поделаться с собой? — усмехнулся старик. — Нет. Но я бы не возлагал на него такой уж вины. Он просто человек, ему суждено совершить эту ошибку.

— Тогда кто же виноват? — спросил герцог, внимательно следя, как герцогиня аккуратно парит на своём необычном платье вдоль балкона.

— А вот это твой лучший вопрос, мой мальчик, — улыбнулся Верховный, — жаль, что тебя пришлось за ручку...

Но он не успел договорить, потому что герцогиня ударной волной отбросила старика и шлем его разбился и покатился по полу. Осколки отпустили Герцога, и он упал вниз, повредив ногу. Больно вскрикнув и с трудом поднявшись, Альберт поспешил к телу Верховного. Старик, кряхтя, поднял голову.

— Идиоты, — прошипел он, поднимая один из жезлов с черепом, упавший рядом с ним.

Ки пролевитировала на балкон и ударила новой волной в Верховного, уже вставшего на ноги. Старик успел заблокировать ударную волну своим скипетром, и пол в точке соприкосновения ударных полей поднялся и начал взлетать в воздух. Он двинулся вправо, чтобы приблизиться ко второму жезлу, лежащему на краю балкона. Герцог попытался подойти к точке соприкосновения ударных волн, но получил крепкий удар взлетающим куском мрамора по плечу и упал на спину.

— Дети мои, — хрипя, проговорил Верховный, — я так рад, что вы наконец вместе.

В трюме, где сидел Снорри, было темно. Он привык к темноте. Она заставляла подумать. Он пропустил через себя, кажется, всю свою жизнь, с рождения. И хоть ему до сих пор было стыдно за смерть отца, но что-то внутри отпустило его. Он перестал надеяться на Барона, он вообще перестал надеяться. В этот самый момент на лестнице слышались мягкие шаги. Затем кто-то зашарил ключом по замку, наконец попал в скважину и отпер его.

— Выходи, — слышался голос Акбы, — налево и вверх.

Когда они поднялись на палубу галеона, стало немногим светлее. По краям горели масляные лампы.

— Неужели уже ночь, — подумал Снорри, но тут же застыл, когда увидел, что на полу везде, где хватало глаз, лежали разорванные оживлённые, из их груди словно выкорчевали сердечные осколки.

— Что случилось? — спросил здоровяк тигра.

— Спроси кого получше, — испуганно прорычал Акба.

Он подошёл к палубе и указал на мост ко дворцу. Снорри подошёл и увидел над дворцом гигантский вихрь красного цвета, единственный источник света в городе.

— Туда летит вся сердечная пыль, — сказал Акба.

Тигр указал на чёрное тело на мосту.

— Узурпатор. Барон забрал его дракона и улетел на нём во Дворец.

Снорри посмотрел на тело Тэмена, а затем на Акбу. В глазах тигра читалась растерянность.

— Где мой горн? — спросил здоровяк.

— Что? — переспросил Акба.

— При мне был... — начал здоровяк, но не договорил, заметив болтающийся край белого дерева в бочке.

Подбежав нему, он вынул горн из воды.

— Да, я видел у парней новый черпак и удивился, — сказал подошедший к нему тигр.

Здоровяк взглянул на него исподлобья и направился на мостик. Поднявшись к рулю, Снорри приложил горн к губам и протрубил.

Глава 42

Гудди не очень хорошо понимал, где он. Рядом гремело и ухало, и если и было что-то видно, то вспышками и вдалеке.

— Сюда, скорее, — слышался голос сбоку.

Оживлённый обернулся, но никого не увидел.

— Кто это? — слабо прозвенел он.

— Это я, Эл, — сказал голос, — парень с казни.

Гудди кивнул, с трудом вспоминая лицо незнакомца, увязавшегося за ними с моста.

— Твоё лицо, — расстроено произнёс Эл, — тебе бы глаза нарисовать.

Гудди наконец понял, почему не видит.

— Сейчас, погоди, что-нибудь найду.

Оживлённый услышал удаляющиеся шаги. Он чувствовал, как что-то ползёт по его рукам и ногам, приближаясь к груди. Он сделал глубокий вздох, как будто у него были лёгкие, и наконец ощутил, что это дышал осколок внутри него. Ползущие по рукам нити ненадолго отступили. Но стоило ему расслабиться, как они вновь начинали ползти к его «сердцу».

— Вот, — слышался голос Эла, и Гудди почувствовал, как тот выводит на его лице круги и рисует зрачки.

Оживлённый увидел большое помещение с колоннами, поддерживающими идущие друг за другом крестовые своды и человека с изуродованным лицом перед собой.

— Тебя как зовут? — спросил тот.

— Гудди, — прозвенел оживлённый, с трудом поднимаясь.

— А я Аллади, но лучше Эл, — кивнул Аллади, подавая Гудди руку.

— Где все?

Эл кивнул в другой конец зала.

— Рыцарь обрушил на себя свод и похоронил под ним десятка два этих чёрный тварей.

— А остальные?

— Девчонка убежала с толстяком вперёд, а осьминог...

Эл взглядом указал под соседнюю колонну. Рауд висел с пробитым насквозь копьём телом, пригвождённый к колонне.

— Парень — герой, спас мне жизнь, — кивнул Эл, — когда копьё пробило его, из его головы вылез большой светящийся жук и улетел в небо.

В горле что-то вновь защемило, но оживлённый не дал себе права расплакаться. Глаза были ему нужны. Перед собой Гудди увидел разрушенного чёрного рыцаря, части его были прибиты лезвиями нескольких мечей к полу. Красные нити тянули их вместе, чтобы соединить, но металл был крепко вколочен в пол и не поддавался.

— Это тоже он. Ты бы видел, как он его пришил, — улыбнулся Эл, — это талант.

Гудди посмотрел вперёд, за колоннами начиналось открытое пространство и виднелись ворота с лицом мужчины и женщины на них. Он узнал лицо мужчины. Он видел его

в подземном мире, когда шёл в траншеях, вращающимся образом над двумя белыми существами с плоскими лицами.

Аллади пошёл вперёд, жестом показав, чтобы Гудди не спешил. Из дверей показалась фигура Парфареса. Гох вышел и поманил их за собой.

— Пойдём, — сказал Эл, — похоже, чисто.

Но стоило им сделать несколько шагов, как вихрь из сердечных осколков налетел на бывшего начальника полиции и сбил его с ног. Осколки сформировались в красное, напоминающее человека существо и двинулись на оживлённого. Аллади бросился на красную фигуру и прыгнул, чтобы сбить его с ног, но осколки рассредоточились, пропустив человека сквозь себя и продолжили быстрыми шагами приближаться к Гудди. Оживлённый бросился было бежать, но вокруг его ног обернулась нитями сердечная пыль, он упал на колени. Красный человек подошёл к нему и схватил за подбородок. Его рука дёрнула за грудь куклы, но та не поддавалась. Тогда осколки начали облеплять оживлённого, с хрустом проникая в его механизмы. Но нагнувшись ближе, красная фигура дёрнулась и вспыхнула. Её спина вся покрылась белым огнём, и красный человек вынужден был отпрянуть. Осколки собирались и разбирались чтобы погасить огонь, но пламя не унималось и охватило их все. Не прошло и минуты, как они превратились в пыль и рассыпались лужей на полу. Перед Гудди стоял Эл.

— Кремниевая искра поджигает сердечные осколки, — пожал плечами Аллади.

Гудди поднялся.

— Стой, — сказал Эл, вынимая уголёк и подрисовывая ему левый глаз, — вот так лучше.

К ним приковылял Парфарес.

— В храме пусто, я открыл клапан, тебе нужно только положить его туда, — кивнул он на дверь, — твоя Йахо ждёт тебя там, а я полежу.

Только сейчас Гудди заметил, что лицо и тело Гоха было в кровавых порезах. Оживлённый хотел сказать ему слова благодарности, но Парфарес лишь замахал рукой.

— Иди скорее, не время для любезностей, — с трудом проговорил он, прислоняясь и сползая по колонне.

Эл быстро пошёл к двери и поманил оживлённого. Гудди поспешил за ним. Справа от них, в саду, вокруг храма сформировалось из осколков ещё несколько красных фигур. Аллади подкинул в руке кремень и положив другую руку на плечо оживлённому, произнёс:

— Иди, я их отвлеку.

Гудди вновь не нашёл, что сказать, и дёрнул за тяжёлую ручку двери. Та на удивление легко поддалась.

И он вошёл сразу в два мира. Один Гудди видел перед собой водную гладь, освещаемую алым сиянием из его груди, а другой... Другой он не сразу разобрал, внутри было темно. Но помещение осветилось алым светом из самого центра, там глаза оживлённого заметили саркофаг и странного вида трон справа от него. Свечение поднималось от саркофага, всё нарастая, но потом надолго почти что полностью исчезло, погрузив зал во тьму. Гудди медленно пошёл вперед. Зал был широким, округлой формы, но каковы были его настоящие границы, оживлённый не мог увидеть, потому что света от саркофага не хватало, чтобы

осветить его целиком. Справа над тронном высилась ещё какая-то конструкция, уходившая далеко вверх, под потолок.

Гудди вспомнил, что видел водную гладь — теперь она была ему по пояс — в эхе мира, он разглядел вдалеке лёгкое мерцание и двинулся к нему. Чем ближе он подходил, тем яснее он видел то самое возвышение, где он был в прошлый раз, но теперь над ним поднимался невероятных размеров вихрь, увлекавший за собой вверх воду, осколки и даже белёсых существ с плоскими лицами, вращавшихся в нём. Всё это становилось очевиднее с каждым шагом, который оживлённый делал к возвышению. Метрах в двадцати от него появилась Йахомари с булавой и щитом в руках.

— Сюда, скорее, — произнесла она почти шёпотом.

Гудди очнулся от видения другого мира и ускорил шаг, но перед его глазами засияло алое пламя, и его отбросило ударной волной. Он сильно ударился о входную дверь, а вонзившийся в неё щит из рук девушки отсёк своим острым краем его деревянную кисть. Превозмогая страх, Гудди открыл глаза и увидел, что на том месте, где стояла Йахомари, остался лишь пепел, а дорогу к саркофагу ему теперь преграждал чёрный дракон Бьёрнвейг.

— Теперь я чувствую, — прохрипел в динамиках знакомый голос, — она у тебя. Отдай её мне.

— Отдай её, — произнёс другой голос другому Гудди, пришедшему в себя под возвышением из камня.

Он обернулся и увидел, как нескольких существ из темноты тянет к вихрю. Их несло по водной глади, рассекая её тёмными бороздами, а за ними поднимается нечто темнее, чем темнота.

— Это тебе за моего друга, — крикнул Блоп, эффектно выходя из виража.

Его соперник без трёх пальцев на одной руке падал на горящем аэроцикле в пропасть между зданий.

— Ух я какой, а?! — переполненный приливом волнения от победы закричал лейтенант.

— Такой, такой, — закатила глаза Мита, — долго ещё лететь?

— Да вот и она, — произнёс Блоп, поднимая аэроцикл по фасаду собора Святого Бомбарды к пристройке.

Приземлив машину на открытой площадке на крыше, откуда открывался отличный вид на западные ворота дворца, где недавно проходила казнь, лейтенант разинул рот. Впервые он увидел вихрь из сердечных осколков над храмом Сердца.

— Вот это я понимаю, размах, — с трудом вымолвил он.

— Он, похоже, готовится поглотить всю энергию Сердца, — произнесла Мита, слезая с аэроцикла, — надо спешить.

— Кто готовится? — переспросил Блоп.

Мита посмотрела на него прищурившись, как это делал Ручи, и глаза лейтенанта наполнились слезами. Девочка ничего не сказала и лишь покачала головой.

— Кто бы он ни был, он не лопнет? — спросил Блоп, слезая вслед за ней.

Но Мита не ответила, она открыла окно в бывшей колокольни и взглянула наверх. На вершине под куполом располагались шесть гербовых витражей.

— Это оно, — произнесла Мита, отталкивая морду Зога, тоже попытавшегося пролезть и посмотреть внутрь.

— Ну, — ухмыльнулся Блоп, слезая с аэроцикла и снимая со спины ружье, чтобы опереться, — я же говорил. Нам сказочно везёт, — и тут же погрузился в сон.

Но девочка не отреагировала.

— Как же мы теперь заберёмся туда? — пробормотала она, выбираясь из окна и оглядывая пространство крыши.

— Смотри, — указала она пальцем на груды ремней с карабинами, — это что такое?

Блоп оглянулся туда, куда показывала Мита, и пожал плечами. Девочка побежала по покато́й крыше, поскользнулась и чуть не покати́лась вниз. Бросившийся к ней Зог, схватил её за край платья, и та застыла лицом и руками упершись в карниз. Блоп проковылял к ней и подал ей приклад, за который она взялась, и толстяк подтянул её к себе, развернув на скользких черепицах. Девочка встала и, отряхнувшись, тихо поблагодарила.

— Сегодня просто удивительный день, — улыбнулся лейтенант, — сначала ты извинилась, а теперь благодаришь.

Мита ничего не ответила и проследовала к ремням.

— Придумай, как нам... — но она не закончила, потому что Блоп уже опоясал себя, закрепив карабин на поясе, и надел ей ремни на грудь и талию.

— Моя мама мыла эти витражи всю свою жизнь и меня научила, — кивнул он ей, — идём, там есть хорошие крепления.

Проявляя чудеса ловкости, толстяк с ружьём за спиной влез в окно и, зацепив ремни карабинами за металлические крюки, встал, упираясь ногами в стену под углом, внутри купола. Закрепив ещё один ремень, он помог войти Мите, следовавшей его примеру, повиснув, упираясь ногами, спиной к пустоте.

— Не смотри вниз, в этом главный трюк, — улыбнулся лейтенант, спокойно перебирая в руках ремни и развешивая их на поясе.

— Я уже не тот, но тебя я подниму, — сказал он ей, указывая на следующий крюк выше на пролёт, — видишь, тебе надо зацепиться за него, и ты будешь почти у витражей.

Девочка кивнула. Блоп дал ей ремень с карабином и поднял её на руках. Мита размахнулась и подкинула ремень выше, но не попала.

— Ничего страшного, — сглотнув, сказал ей лейтенант и почувствовал, как дрожат мышцы его рук, — давай ещё раз.

Мита вздохнула и бросила ещё раз. На этот раз ей повезло. Карабин зацепился и упал на крюк.

— Умница, давай, крепи теперь его на себе.

Мита закрепила второй конец на себе.

— Другого крюка там нет, поэтому придётся с одним, но ты не бойся, твои страховочные ремни я закреплю сюда, — и он показал кольцо за маленькой колонной, — не упадёшь.

Отпустив Миту, повисшую на одном ремне, он отцепил нижние и закрепил их, как и обещал, на кольце.

— А теперь что? — спросила девочка.

— Теперь тебе надо подтянуться, — ответил лейтенант.

— Я не умею, — дрожащим голосом ответила она.

— А ты попробуй.

Мита положила тонкие ручки на уступ, над которым начинались витражи, и попробовала подтянуться. Но она не смогла поднять своё маленькое тело. За уступом послышалось какое-то копошение.

— Он там, — произнесла Мита.

Герцогиня и Верховный стояли друг напротив друга, упёршись силовыми полями. Герцог поднялся на ноги держась за вывихнутую ногу.

— Знаете, я всегда хотел, чтобы ты полюбила его, — прокричал старик, — но ты влюбилась в этого дурака Тэмена.

Герцогиня смотрела на Верховного, не моргая.

— А я всегда хотела, чтобы вы умерли самой страшной смертью, и я в ней участвовала.

— Я уважаю твоё стремление к реализации своих желаний, — кивнул старик, наступив ногой на упавший шлем, — но не сейчас.

В спину Ки влетел поток сердечных осколков. Они не пробили силового поля, однако бросили герцогиню вперёд, отчего она потеряла равновесие и её откинуло за Альберта. Верховный повернулся к ним обоим лицом, нагнулся и надел шлем на голову, затем отступил на несколько шагов, нащупал пяткой второй скипетр с черепом и с гримасой острой боли, исказившей его лицо, наклонился за ним. Он хотел опустить золотую пластинку, но та была сломана.

— Красная луна, — пробормотал старик.

Ки поднялась на одно колено и ударила по нему своим силовым полем. Старик скрестил скипетры и блокировал её удар. От вихря сердечных осколков к герцогине потянулись нити, начавшие сжимать её поле, словно гигантская рука, обхватившая его сверху.

Альберт достал из кобуры пистолет и направил на старика. Прогремел выстрел, и пуля застряла между магнитных полей вибрируя, как струна.

— Смешно, — улыбнулся Верховный, — всё же развитие интеллекта требует много времени, много больше, чем жив человек.

— Я видел, кто ты на самом деле! Я был в эхе мира, — крикнул Альберт.

— Тогда, наверное, ты видел и себя, — усмехнулся старик. — А ещё ты понял, кто была вся твоя семья? Отличные ребята, не правда ли? Ведь я всего лишь пользуюсь их наработками, а придумали эту мерзость они. Да, и ты же, наверное, не сам всё это понял. Куда уж. Тебе кто-то объяснил. Милая девочка, никак не могу поймать её, — покачал головой Верховный.

Ройя замолчал, но заговорила Ки.

— Мой отец был во сто крат умнее и лучше тебя! — прокричала Герцогиня. — А ты убил его, убил их всех из зависти!

— Не я убил его, — сжав зубы ответил старик, надавив на силовое поле так, что оно придавило Альберта и Ки друг к другу.

— Нет ты! — крикнула герцогиня, из её глаз от напряжения покатались слёзы.

— Его убило его бессмысленное чувство справедливости, — прошипел Верховный, — он просто не поддался изменениям, продиктованным временем. Всякий, кто понимает время, меняется вместе с ним. А твой отец был просто... человеком.

И Верховный сжал силовое поле до того, что герцог и герцогиня вжались друг в друга, а сердечные осколки принялись душить их, сжимаясь вокруг их шей.

Он медленно подошёл к ним, кряхтя, присел и провёл скрюченным пальцем по шее герцогини. Её передёрнуло, даже несмотря на всю боль, что она испытывала.

— Вы все хватаетесь за то, что способны понять: за эту человеческую мораль, любовь, справедливость. Поймите же, мир настолько другой, что все эти вещи не стоят и одного единственного мгновения вашего внимания.

Гудди посмотрел в глаза дракону и одним движением вытащил металлической рукой щит из двери. Поднявшись, он надел его на остатки своего деревянного локтя и выставил щит перед собой. Голос внутри дракона рассмеялся.

— Ты хочешь драться со мной, мой подражатель?

— Барон? — удивился оживлённый, опуская щит.

— Барона больше нет, есть Дарис Йомера, император Сердца, — рассмеялся голос, — властелин над всеми живыми и оживлёнными!

Гудди опустил щит и подошёл ближе.

— Зачем она тебе? — спросил он, — дай мне вернуть её Сердцу.

Темнота сгущалась вокруг возвышения, а вода бурлила всё сильнее, поднимаясь струями в мерцающий ураган, поглощающий останки Сердца, людей, оживляшек и

перворождённых, точнее их тени, во множестве теперь поднимавшиеся из воды и улетающие вверх. Одна из них зацепилась за край возвышения и оживлённый узнал её, точнее его. Того молодого человека, погибшего на казни от очереди полицейского скутера. Гудди вспомнил, где он видел его.

— «Вечерний ветер», — произнёс он далёким и незнакомым себе голосом.

— Что? — закричал в ответ трепещущий на ветру магистр Астолок.

— Ты хотел принести нам «Вечерний ветер», — произнёс оживлённый, привыкая говорить языком.

— Мальчик, я представлял себе смерть по-другому! — в ужасе закричал Астолок и отцепился от края уступа.

Вихрь подхватил его и унёс вверх, облепляя сверкающими осколками, разрезавшими саму его суть.

— О нет, — рассмеялся дракон, — разве я могу отказать себе в третьем драгоценном камне в моей короне? Правильный ответ — нет.

И голова его наклонилась к Гудди, преграждая путь.

— Но мир погибнет, если не восстановить Сердце, — вновь чувствуя дребезжание металлического язычка, ответил оживлённый.

— Малыш, не верь древним легендам, они полощут твои мозги, чтобы тобой было легче управлять.

— Взгляни сам, — показал Гудди, поворачиваясь к Сердцу одновременно в двух мирах и указывая свободной рукой на еле теплящийся свет саркофага, — оно еле дышит.

— Чушь, — рассерженно ответил Дарис, — не зли меня. Хотя что я с тобой церемонюсь.

Дракон открыл пасть, и оживлённый вновь увидел, как поднимается из чрева чудовища чёрный дым и зажигаются алые свечи.

В мире подземном Гудди разглядывал свои руки и тело, они снова были человеческими. Он поднял глаза на центр урагана, исходившего из самих останков сердца, разрывая их и поднимая вверх вместе с тенями существ.

— Не мешай мне, — раздался за его спиной другой голос.

Он обернулся и увидел огибающее его по кругу насекомое с человеческим торсом, головой и руками старухи. Оно не смотрело на Гудди, а вело себя так, словно всё время витало в далёких-далёких мыслях.

— Уйди отсюда, — прошептало оно в голове у мальчика, — если умру я, умрёшь и ты. А ты ведь не хочешь умереть. Иди наверх и стань человеком, как ты и хотел. Я знаю, — но оно снова отвлеклось и пробормотало: — Ничего не могут, всё надо делать самому.

Дыма из пасти дракона вырвалась лишь маленькая струйка, он кашлянул сполохом огня в спрятавшегося за щитом Гудди.

— Красные луны, — раздался обиженный голос императора.

Дракон помотал головой.

— Всё приходится делать самому, — раздражённо крикнул Дарис, вылезая из раскрывшейся груди дракона.

Он бросился к оживлённому, побежавшему прочь от человека к дверям. Замахнувшись, Йомера запустил в него валявшуюся на полу булаву и сбил куклу с ног, но не успел его схватить, потому что двери открылись и в зал влетели потоки сердечных осколков. Они забарабанили по лицу оживлённого и подхватили новоиспечённого императора.

— Красные луны! — закричал он, бросившись обратно к дракону. — Мои руны!

Но осколки и не думали забирать его руны, наоборот, они подняли Дариса и усадили его обратно в кресло, облепив со всех сторон, проникая прямо под кожу. Император истошно закричал, наблюдая, как поток частиц, раздирая его покрытую пятнами крови перчатку, надевает висевшее на рукояти кольцо с чёрным камнем ему на руку. Грудь дракона начала закрываться. Частицы к тому моменту покрыли почти всё тело Дариса.

В потолке образовалась дыра, часть свода упала рядом с саркофагом, и оттуда хлынула заполнившая помещение алым светом ещё большая волна сердечных осколков, вихрем влетевшая в пасть дракона. Бьёрнвейг аж подпрыгнул и подлетел, наполняясь изнутри красным свечением. Грудь его закрылась, заглушая душераздирающий крик императора, схватившегося за оба клинка с сердечными рунами.

Вихрь заполнил весь зал. Гудди с трудом поднялся с пола и мог теперь видеть всю конструкцию над тронном, поднимавшуюся к куполу. На самой её вершине висела зеркальная клетка. Дракон повернул к нему свою морду и ярко-алый огонь с осколками вырвался из его пасти.

— Я предлагала по-хорошему, — произнёс он голосом насекомого из эха мира.

Теперь ураган возник в обоих мирах. Бурлящая вода мира эха поднялась на уровень возвышения, и Дракон словно шёл по ней, приглядываясь к Гудди, чьё сознание металось между деревянной рукой со щитом и человеческой без щита. Из груди дракона раздался истошный крик Дариса. Чудовище выгнуло шею, а затем нагнулось к оживлённому, выпустил яркий поток огня, раскалившего всё пространство вокруг куклы добела. Гудди усилием воли сосредоточился на своей деревянной руке и выставил перед собой щит.

— Что же делать? — расстроился Блоп.

— Зог, — шёпотом воскликнула девочка, — подними сюда Зога.

Блоп оглянулся на открытое возле себя окно, откуда выглядывала удивлённая морда механического пса. Взяв Зога за пузо, Блоп, кряхтя, поднял его над собой. Мита упёрлась ногами в колонну, на которой покоился свод и приняла оживлённого на свою хрупкую грудь.

— Ну ты и тяжёлый, — прокряхтела девочка, зажмурившись, — прыгай давай.

Зог потоптался на ней, принял удобную позицию и запрыгнул на бортик.

— Фух, — выдохнула Мита, — я думала, ты сломаешь мне рёбра. Ты видишь его?

Зог наклонился к ней и кивнул.

— А кого он видит? — спросил Блоп.

— Маленькая птица, — ответила девочка, — чёрная такая.

— Х-м-м, шепастик?

— Нет, другая, не помню, как называется.

— Тютель? — задумчиво спросил толстяк.

— Нет, отстань, — разозлилась девочка.

Зог аккуратно двинулся по бортику, медленно раскрывая рот. Из его ушей вылетели облачка пара, и он застыл.

— Ну, — шёпотом крикнула Мита, — давай.

Но собака не двигалась.

— Вода кончилась, — подсказал Блоп.

Девочка выдохнула и зажмурилась от обиды.

— Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Будто услышав её мольбы, воронёнок показал свой клюв из-за бортика.

— Чик-чик-чик, — позвала его Мита, — иди к мамочке.

— Сейчас, я подстрахую, — произнёс Блоп.

Он схватился за ремень на плече, отстегнув его, чтобы переместиться правее, но ничего не произошло, он лишь почувствовал, что спине стало легче. Лейтенант взглянул вниз и увидел, как его ружьё, вращаясь, падает на пол собора под ними.

— Ой, — произнёс толстяк.

Мита вытащила из своей сумочки металлическую лилию с острыми, как у бритвы, краями. Стоило раскрыть её лёгким движением пальцев, как над ней взвились разноцветные камушки.

— Ну, — произнесла девочка, — прыгай сюда.

Воронёнок, вылез на край бортика, схватившись за него лапками и повернул к девочке глаз. Мита засмотрелась и провалилась в него внутренним взором, увидев в отражении себя, лейтенанта Блопа, колодец колокольни и пол собора, о который стукнулось прикладом ружье и выстрелило. Мита сначала почувствовала, как ей стало больно, а металлическая лилия подпрыгнула в её руке. Пуля вошла прямо в глаз птицы и пробила его насквозь. Рот воронёнка раскрылся и из него выпал радужный червяк. Тело птицы пошатнулось и упало вниз. Пока оно летело, червяка потянуло к камушкам, вращающимся над лилией, и он, опоясав воронёнка, полетел к ней. Птица упала ровно в центр лилии, камни сомкнулись над ней и затянули края, захлопнув ловушку, упавшую в пробитую насквозь руку девочки. Но Мита не удержала её, и лилия выпала из раненой ладони. Девочка в страхе обернулась и увидела под собой улыбающееся лицо толстяка, державшего лилию в руке.

— О луночки, поймал, — обливаясь потом, произнёс Блоп, — поймал!

Герцог Ройя, уже видевший чёрные пятна перед глазами, почувствовал, что хватка ослабла и его лёгкие снова могут дышать. Он машинально отдёргнул свободной рукой воротник, другой всё ещё сжимая пистолет. Сверло посмотрел на герцогиню, та тоже приходила в себя, с трудом моргая. Альберт приподнялся, пытаясь найти глазами Верховного, но того перед ними не было.

— Там, — показала Ки жезлом в сторону храма Сердца, — на мосту.

Герцог прищурился и увидел нелепую фигуру старика в тяжёлом шлеме, хромая, убежавшего в сторону урагана над храмом. Альберт помог Ки подняться.

— За ним? — спросил он, неуверенно глядя на измученное лицо герцогини.

— За ним, — кивнула та, трогая раненую руку и морщась.

— Мне понадобится твоя помощь, — смущённо опуская взгляд на вывихнутую ногу, произнёс Ройя.

— Конечно, — кивнула Ки, подставляя ему здоровое плечо.

Держась друг за друга, они двинулись по мосту.

Купол Храма Сердца опоясывал металлический бортик. По нему ковылял, задыхаясь, Верховный. Силы оставляли его, и он спешил, скорее спешил на противоположную сторону, где уже показались из-за поворота две большие, как хоботы огромных слонов, трубы, протянувшиеся к куполу храма, куда влетали осколки из урагана.

— Скорее, — бормотал он под нос теряющему силы телу, — беги скорее.

Но ноги не слушались и отказывались бежать. Он перешёл на шаг.

— Умри, коротышка, — крикнул он истошно, и его крик отразился от стен храма и завибрировал в нём.

Его сознание, разделённое на множество осколков, путалось в происходящем. Он встал на четвереньки и с криком дыхнул перед собой. Затем замотал головой и, опираясь на жезлы, с трудом поднялся.

— Ох, успеть бы, успеть, — запричитал он, огибая один из хоботов, тянувшихся к кораблю необычного вида с единственным креслом, закрытым полусферой, острым носом и двумя крыльями, подобно птичьим, за которыми торчали два больших сопла.

Тяжело дыша, он забрался по приставной лестнице и свесился в кабину. На приборной панели мигал индикатор заряда топливных ёмкостей, заполнившихся на шестьдесят процентов.

— Нет, — тяжело выдохнул старик и упал с лестницы вниз.

Повернув голову, он увидел, как, огибая купол, со стороны моста показались герцог и герцогиня. Верховный злобно сощурился, приподнялся и направил в них скипетры. Волновой удар был слабый, но Ки не успела выставить вперёд руку, поддерживавшую Альберта, и упала. Её жезл выпал и укатился вниз, застучав по куполу храма. Ройя припал на одно колено, но удержался. Он поднял руку и выстрелил. Старик закрылся посохами, но пуля остановилась

рядом с его лицом, вибрируя очень быстро и продолжая двигаться к нему. Верховному пришлось уклониться и, когда он опустил скипетры, пуля звякнула об обшивку корабля и отскочила. Пока старик, болезненно скривившись, поднимался на ноги, герцог дважды неудачно выстрелил. Верховный, с трудом выпрямившись, дёрнул к себе один из скипетров и пистолет выскочил из руки Альберта, приземлился рядом с главой Культа. Старик бросил скипетры и схватился за него.

— Нет! — крикнула поднявшаяся на ноги герцогиня, в её руке блеснуло дуло однозарядного пистолета.

Верховный замер, тяжело дыша и глядя то на пистолет перед собой, то в пустоту.

В пустоте Гудди полз к центру урагана. Он чувствовал, что нужно закрыть Сердце от него, хотя бы собой. Кожа с его рук отлетала, обнажая хрупкую человеческую природу. Мышцы и кости рвались и трескались под напором вихря. Он чувствовал страх, ненависть, обиду, и стыд, от того, что он делает всё как-то неуклюже, глупо, совсем не так, как ожидал, как сделал бы Рауд, Лео или Снорри.

— Я ненавижу тебя, — прошептал он где-то внутри себя, вспомнив лицо человека, — за то, что ты умнее меня, за то, что сильнее, за то, что лучше во всём, что ты делаешь. Я ненавижу себя за это. Я не хочу тебя знать, не хочу.

От воспоминаний грудь его сдавило, он застыл. Его ногу тут же схватило насекомое и вцепилось в неё зубами. Гудди закричал.

— Подними руки, — произнесла Ки, медленно приближаясь к Верховному.

Альберт, хромая, последовал за ней. Но старик не реагировал, он словно не видел её, а размышлял о чём-то своём. Когда между ними оставалось метра три, Ки остановилась.

— Убери руку от оружия, — повторила она.

Старик улыбнулся, взял пистолет, поднял и выстрелил герцогине в грудь. Однозарядный пистолет растаял в её руке, она пошатнулась и стала падать назад. Верховный прицелился в герцога за её спиной, но в то же мгновение в урагане над ними возникло возмущение и что-то огромное рухнуло в центр купольного свода, пробив в нём большую дыру, он промахнулся. Пуля прошла рядом с головой Альберта, не задев её.

Гудди с трудом поднял взгляд из-за щита. Части его тела приварились друг к другу и двигаться было почти невозможно. Но осколок в его груди придавал его движениям невероятное усилие и, несмотря ни на что, оживлённый опустил щит и увидел, как на сияющего красным металлического дракона упал дракон настоящий. Тот самый дракон, которого он видел на плато. И у него был наездник. На спине чудовища сидел Снорри.

Живой монстр свалил монстра механического на пол и принялся раздирать ему грудь, дыша на него огнём.

— Чего ты ждёшь?! Иди! — крикнул здоровяк, с трудом удерживающийся на шее ящера.

Гудди опомнился и, преодолевая свои неработающие конечности, двинулся к саркофагу. Его зрение вновь подводило его, становясь всё хуже, а затем и вовсе пропало. Его деревянная голова осыпалась мелким пеплом, оставив пустоту внутри шлема, но оживлённый

продолжал идти. Рука со щитом упала, тоже рассыпавшись в прах, однако от этого идти стало даже чуть легче.

Красный от сердечных осколков Бьёрнвейг вырвался из объятий живого дракона и, отбросив его крыльями, полыхнул в него своим алым огнём. Ящер принял удар на грудь и закричал от боли.

Гудди полз наугад. Совершая каждое усилие, он ощущал настоящую физическую боль, отрывая свои искорёженные ноги от поверхности. Ту же боль он чувствовал и в мире эха, с ободраным телом он приближался к центру вихря, срывавшего с него всю оболочку. И только ускользающее чувство солнечного света позволяло преодолевать эту боль. Ощувив под ногами ступеньки, оживлённый пополз по ним, нащупывая оставшейся рукой пространство впереди.

Живой дракон вновь бросился на Бьёрнвейга, но железный монстр перехватил его и, отбросив вбок, вновь полыхнул огнём. Снорри скатился на пол, уворачиваясь от струи алого пламени. Бьёрнвейг развернулся к Гудди, и струя огня с осколками Сердца ударила в него. Оживлённый чувствовал, как тает его тело, но продолжал ползти. Живой дракон набросился на механического сзади и повалил, надломив механическую шею о колонну храма. Насекомое обвило ноги Гудди и вцепилось зубами в его спину, но мальчик схватился руками о каменную поверхность и закрыл собой Сердце. Бьёрнвейг пополз к оживлённому по полу, пытаясь поднять шею, откуда из разлома вырывалось алое пламя. Гудди поднялся над открытым клапаном саркофага, и осколок сердца выпал из него в алое свечение вниз.

Верховный закричал, открыв глаза. Он всё ещё держал пистолет в руке, нажимая и нажимая на спусковой крючок, но патронов в оружии не было. Герцог стоял на одном колене перед ним, опираясь на пол и тяжело дышал.

— Всё кончено, — произнёс старик, опуская руку.

Ройя смотрел на него не мигая.

— Я не успел, — горько произнёс Верховный, отбрасывая от себя оружие.

Он лёг на металлический пол, устремив глаза к небу с ползущими по нему чёрными тучами.

— Я просто хотел домой, — прошептал он.

Но герцог не слышал его, он обернулся к герцогине, с трудом передвигаясь, подполз к ней и поднял её голову, подставив под неё колено. Веки Ки дрожали.

— Я всегда тебя любил, — произнёс Альберт, — только не мог правильно это сказать.

Она посмотрела на него и улыбнулась.

— Я... — произнёс он, поправляя непослушный локон на её лице, — я...

Герцогиня открыла рот, судорожно пытаясь поймать воздух, но затем выдохнула, закрыла глаза и замерла. Из глаз герцога покатались слёзы. Он опустил голову и поцеловал ещё тёплые губы Ки Амун.

Заключение

Зара приземлила любезно одолженный магистром Вульфи полицейский скутер на площадку у нижних ворот. Они были открыты, а вход завален мёртвыми. Люди и звери лежали вперемешку, возвышаясь над каменной поверхностью. Чёрный дым в небе стал понемногу рассеиваться, и стало видно, что скал вокруг города почти не осталось. За ними открылась бескрайняя пустыня. Этель слез со скутера и, прихрамывая, подошёл к краю площадки. Его глаза смотрели в горизонт. Он видел его в первый раз в жизни. Изуродованное лицо Сафрона смягчилось и разгладилось, вновь приобретя свои старые черты.

Зара же брела среди тел, ища знакомое лицо сестры. Тревога не покидала её. И вот она увидела, но нет, не может быть, но да, да, это она. Девушка наклонилась и оттащила тело мужчины, под которым лежала Майло. Она ещё дышала, держась за живот, потемневший от крови. Зара заплакала и склонилась над сестрой.

— Этот запах, — прошептала Майло на ухо рыдающей сестре, — я знала, что ты придёшь.

— Не трать силы, — дрожащим голосом сказала Зара, поправляя волосы на лбу сестры.

— Подними меня.

— Нет.

— Подними, такой запах, я должна увидеть.

Зара вопросительно посмотрела на сестру, но потом опустила плечи, заползла ей за спину и приподняла.

— Ого, — морщась от боли, произнесла Майло, устроявая голову на животе сестры, — смотри, — с трудом подняла она руку, указывая на пустыню, — я так и знала. Цветы. Там распустились цветы.

Зара недоверчиво прищурилась.

— Где? Ты с ума сошла?

— Нет-нет. Вон там.

Зара пригляделась и действительно, по кромке камней поднимались тонкие стебельки с белыми бутонами.

— Чудеса, — прошептала Зара.

— Да, — улыбнулась Майло, — чудеса.

К ним приближался Этель.

— Вы видите? — произнёс он ровным и чётким голосом. — Там растут цветы!

— Да-да, видим, — рассмеялась Майло.

Зара же несколько раз моргнула и протёрла глаза. Шрамы на лице Сафрона пропали и вместо обожженной лысины развивалась знакомая ей шевелюра. Вокруг них зашевелились и стали подниматься люди и перворождённые, удивлённо оглядывая себя и друг друга.

— Смотрите, — воскликнул кто-то, и небо сотряслось гулким звоном, словно позвонил самый большой из самых больших колоколов.

В Эхе мира наступила тишина. Вихря, а тем более урагана, больше не было, и лодка с сидевшим в ней трёхрогим быком медленно направилась между колонн по ровной глади воды. В темноте было не разобрать, кто едет в лодке, бык, летчик, мышь или Первый Узурпатор Саммариус, хранитель города и ревнитель Сердца. Его лодка присоединилась к другой. На ней виднелась фигура девочки и толстяка. За их спинами бесшумно падали в воду колонны.

Снорри отворил двери храма Сердца. Щурясь от дневного света, он вышел и, хромая, двинулся к колоннам, неся на руках останки Гудди. У колонны подал признаки жизни Парфарес. Снорри остановился, опустил свою ношу на землю и подал ему руку. Гох принял её, отряхнулся и встал. Здоровяк поднял останки оживлённого и пошёл в сад перед Храмом. Бывший начальник полиции последовал за ним.

На мосту перед дворцом, прямо перед проломленными западными воротами приземлилась Герда, и магистр Вульфи слез с лошади, разминая старые ноги. Обезьянки попрыгали вслед за ним. Они оглянулись на храм Сердца. Вихря над ним больше не было, а из крыши поднималось сияние, дышавшее всеми цветами радуги. На площади перед разрушенным эшафотом, где начинался мост, стали собираться люди, показывая на Храм.

На развалинах гильотины полная женщина, владевшая лавкой «Улов с верхов», откопала из обломков своего мужа рыбака Шамса Расморе и гладила его грязное от пыли лицо.

— А я искала тебя везде, — приговаривала она, утирая слёзы. — Я так по тебе скучала.

— Правда? — удивился рыбак, открывая глаза. — Я думал, ты меня убьёшь.

— Да куда же я без тебя! — улыбнулась она.

Между зданий дворца появились фигуры Снорри и Парфареса, Герда бросилась к ним. Из Храма Культа и Зала собраний Парламента стали появляться ещё люди. Кто-то удивлённо наблюдал за процессией, а кто-то присоединился к ней. Подбежав, Герда с испугом взглянула на искорёженный металл. Но её немой вопрос остался без ответа, потому что Снорри не остановился, а продолжил шагать вперёд.

Он дошёл до самого эшафота на Красной площади перед западными воротами, поднялся на него и положил останки Гудди на обгоревшие доски, рядом с которыми сидел держащийся за голову мастер Канаан, глупо оглядывавшийся вокруг. Снорри молча смотрел на собиравшихся на площади людей. Следовавшие за ним остановились позади, поглядывая то на останки, то на радужное свечение за спиной, где на вершину храма выбирался дракон, ломая тяжестью своего тела остатки здания. Вновь раздался звук громче всякого колокола, сотрясший небо. Но никто не испытал дискомфорт и не захотел закрыть уши и спрятаться от него. От этого звука дома вокруг стали разлетаться, как пепел из костра.

Герда бросилась было к эшафоту, но рука Снорри остановила её. «Колокол» прозвучал в третий раз. Гудди зажмурился, чихнул и открыл глаза.

